NON-FICTION

Василий Гроссман

«ОБО МНЕ НЕ БЕСПОКОЙСЯ...»

Из переписки

«Обо мне не беспокойся…». Из переписки

Василий Семёнович Гроссман, Анна Красникова, Юлия Волохова

Аннотация
Василий Гроссман. «Обо мне не беспокойся…».
Из переписки
От Составителей
  Содержание писем
  Письма к отцу
  Переписка с Ольгой Губер
  Письма Екатерине Заболоцкой
  Разное, фотографии
  Принципы публикации писем
  Научно-вспомогательный аппарат
  Будущее
  Благодарности
Из переписки Василия Гроссмана
  Письма к отцу
    Преамбула Екатерины Заболоцкой
    Университетский период, 1925–1929
    Июль – сентябрь 1931

Из поездки в Сухумский санаторий, январь – февраль 1932
Из Сталина, 1932
Письма 1932–1941 годов
Военные годы, 1941–1943
После войны, 1945–1950
Письма 1951–1955 годов
Недатированные записки
Письмо отца
Переписка с Ольгой Губер
Довоенные письма Гроссмана, 1937–1941
Переписка военных лет, 1941–1945
Письма Гроссмана, 1946–1948
Переписка во время поездки Гроссмана в Дубулты, февраль 1955
Письма Гроссмана, 1955–1956
Письма Гроссмана, 1957–1958
Переписка во время поездки Ольги Губер в Крым, апрель – июнь 1958
Переписка в марте – июне 1959 года
Письма Гроссмана в Крым, 1960 – 1961
Письма Гроссмана ИЗ ПОЕЗДКИ В АРМЕНИЮ, ноябрь 1961 – январь 196 2
Письма Гроссмана в Крым, 1962
Письма Гроссмана, сентябрь – октябрь 1963
Письма к Екатерине Заболоцкой

Телеграммы 1955–1957 годов
Из поездки в Ялту, март – апрель 1959
Июнь – ноябрь 1959
из санатория в Гаграх, ноябрь 1960
ИЗ ПОЕЗДКИ В АРМЕНИЮ, ноябрь – декабрь 1961
в Гурзуф, октябрь – ноябрь 1962
Записки
Разное
Архивы и издания, в которых находятся публикуемые письма
Список литературы
Реестр писем
Аннотированный именной указатель

Аннотация

Вниманию читателей предлагается первая значительная публикация эпистолярного наследия крупнейшего писателя XX века Василия Семеновича Гроссмана. Абсолютное большинство писем, вошедших в это издание, печатается впервые. Книга, составленная Юлией Волоховой и Анной Красниковой, специалистами по биографии и творчеству Гроссмана, включает три основных раздела: письма Василия Семеновича к отцу; переписку между Гроссманом и его женой Ольгой Михайловной Губер; письма Гроссмана к Екатерине Васильевне Заболоцкой. Эти три корреспондента входили в число самых близких людей Василия Гроссмана, и переписка с ними, охватывающая почти сорок лет его жизни, открывает нам многое о его личности, отношениях с родными, друзьями и коллегами. Мы видим, как происходит становление Гроссмана-писателя, как меняет его война, как он сражается за издание романа «Сталинград» («За правое дело»), пишет «Жизнь и судьбу», свою главную книгу, как

тяжело проживает последние годы… Издание снабжено научно-справочным аппаратом: вступительной статьей, постраничными комментариями и примечаниями, аннотированным именным указателем, реестром источников и пр. Книга также содержит фотографии, многие из которых неизвестны широкой публике.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Василий Гроссман
«Обо мне не беспокойся…»
Из переписки

© Оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

От Составителей

Эта книга, объединившая под одной обложкой письма Василия Гроссмана к отцу, его переписку с женой Ольгой Губер и письма к Екатерине Заболоцкой, — первая крупная публикация эпистолярного наследия писателя[1].

Гроссман переписывался со многими людьми — с некоторыми на протяжении десятилетий, — но до сих пор не установлено, что именно из его корреспонденции сохранилось. До недавнего времени было известно о собрании писем в РГАЛИ, нескольких письмах в Литературном музее, коллекции Семена Липкина в университете Нотр-Дам в Индиане, семейных архивах наследников Гроссмана, архиве в библиотеке Гарвардского университета, в котором хранятся копии писем к отцу и некоторых других писем. К этому списку теперь можно добавить и частный

[1] Примечания: 1

Юлия Волохова и Анна Красникова работали сообща на всех этапах над составом, подготовкой текстов и научно-вспомогательным аппаратом этой книги. В тех же случаях, когда это необходимо для соблюдения академических формальностей, Юлия Волохова несет ответственность за с. 17–28, 406–779, 788–805, 815–822, 857–890, Анна Красникова — за с. 5–16, 31–405, 780–787, 806–814, 823–856.

архив Ильдара Галеева: в нем находится собрание писем к Екатерине Заболоцкой — собрание, о существовании которого ранее практически никто не знал.

Предыдущие публикации писем Гроссмана немногочисленны. Первая из них — письма к Ольге Губер из его поездки в Армению в 1961 году, подготовленные к печати самой Ольгой Михайловной и вышедшие в ереванском сборнике «Глазами друзей» в 1967-м (Гроссман 1967b). Пять писем военного времени были напечатаны в 2015 году в книге «„Мы предчувствовали полыханье…“. Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны» (Горяева 2015a: 51, 132, 181, 333; Горяева 2015b: 196). В 2016 году в журнале «Знамя» Елена Макарова опубликовала письма Гроссмана к его ближайшему другу Семену Липкину (Гроссман 2016) — некоторые из них были уже опубликованы, полностью или частично, в книгах Липкина «Сталинград Василия Гроссмана» (Липкин 1986) и «Жизнь и судьба Василия Гроссмана» (Липкин 1990).

Отдельно следует остановиться на подборках корреспонденции, которые пасынок Гроссмана Федор Губер публиковал с конца 1980-х годов (Губер 1988; Губер 1989; Губер 1990; Губер 1996;

Гроссман 1997; Губер 1998; Губер 2005). Конечным результатом этой работы стала книга «Память и письма. Книга о Василии Гроссмане», вышедшая в 2007 году (Губер 2007). В этих публикациях, несомненно, было использовано множество ценнейших и недоступных для исследователей материалов из семейного архива, однако они имеют скорее мемуарный, чем научный характер.

Между тем корреспонденция всегда служит важнейшим материалом для реконструкции биографии, глубокого понимания личности писателя, его идей. В случае же Гроссмана это еще более справедливо: число архивных документов, доступных исследователям в настоящее время, невелико, и в работах, посвященных писателю, неизбежно возникают пробелы или гипотезы, не подтвержденные фактами. Мы надеемся, что наша книга поможет заполнить некоторые из этих лакун и подтвердить или опровергнуть некоторые гипотезы.

Абсолютное большинство писем, вошедших в этот сборник, публикуется впервые. Книга состоит из трех основных собраний, и у каждого — своя удивительная судьба. Первый корпус — письма Василия Гроссмана к отцу Семену Осиповичу (Соломону Иосифовичу, 1870–1956) и

одно письмо отца сыну: с частью этого корпуса выборочно работают ученые, но широкой публике он неизвестен. Второй корпус — переписка между Гроссманом и его второй женой Ольгой Михайловной Губер (1906–1988): о его существовании знали многие, прежде всего из публикаций пасынка Гроссмана, упомянутых выше, но до недавнего времени никто, кроме семьи Губер, его не видел. Третий корпус, вошедший в книгу, — письма Гроссмана к его последней любви, Екатерине Васильевне Заболоцкой (1906–1997): эта коллекция хранилась в семье Заболоцких, а затем в частном архиве, мало кто о ней знал и почти никто не упоминал.

Три этих корреспондента были в числе самых близких людей Василия Гроссмана, переписка с ними охватывает без малого 38 лет его жизни, и нам представляется важным включить в первое книжное издание эпистолярного наследия Гроссмана именно эти собрания писем[2].

[2] Примечания: 2

Когда эта книга уже готовилась к печати, в семейном архиве мы обнаружили несколько писем матери к Гроссману. Они станут предметом отдельной публикации.

Содержание писем

Все три корпуса, публикуемые в этой книге, дополняют друг друга. Читая их, мы наблюдаем за Гроссманом, без каких-либо дополнительных фильтров, с декабря 1925 года до октября 1963-го. Безусловно, в этом отрезке есть и периоды, от которых ничего не сохранилось или сохранилось очень мало. Например, мы немногое знаем о московской жизни Гроссмана до 1927 года; почти не дошло до нас писем 1936–1939 годов.

Мы видим, как Гроссману живется студентом: он загуливает с друзьями, скитается по съемным квартирам, с переменным успехом учится и постепенно понимает, что химия никогда не станет центром его жизни. Мы видим, как он мучается одиночеством, заводит роман со своей киевской знакомой и очень быстро женится, а через два года семейной жизни на два города рождается дочь Катя, которая вскоре окажется в Бердичеве, у бабушки Екатерины Савельевны. Гроссман пытается работать инженером-химиком в Донбассе, снова страдает одиночеством и в конце концов возвращается в Москву. Разводится с женой и начинает новую жизнь.

Корреспонденция показывает и становление Гроссмана как писателя. Он пробует силы в публицистике в конце 1920-х годов, при поддержке своей двоюродной сестры Надежды Алмаз, работавшей секретарем у Соломона Лозовского. В начале 1930-х пишет повесть «Глюкауф» и рассказы, в конце 1933-го — начале 1934 года сближается с перевальцами, и первое время его писательская карьера идет неизменно в гору: печатаются рассказы, он пишет и публикует роман «Степан Кольчугин» в нескольких книгах. Однако 1930-е приносят Гроссману не только литературный триумф, но и становятся временем первых утрат: в 1933-м арестована и отправлена в ссылку Надежда Алмаз, и вот уже не она помогает своему брату, а он отправляет ей деньги; подвергнуты репрессиям многие его друзья.

Письма показывают, как меняет Гроссмана война, как он работает над осмыслением этого опыта, как тяжело проживает вторую половину 1950-х и последние годы жизни. Сражается за издание романа «Сталинград» («За правое дело»), пытается печатать рассказы и раз за разом получает отказ, пишет «Жизнь и судьбу» — с ощущением надвигающейся трагедии и невозможности ее избежать. Отправляется в Армению, где занимается

переводческой работой, а затем создает путевые заметки «Добро вам!». Характерно, что о работе над повестью «Все течет» (1955–1963), которую Гроссман и не думал публиковать, в корреспонденции нет ни слова.

Письма открывают нам многое о личности Гроссмана, о его отношениях с родителями, дочерью и пасынками, с тремя женщинами, которых он любил, с друзьями; мы узнаём о тех, кто ему был симпатичен и кто вызывал антипатию. Важная черта эпистолярных текстов Гроссмана заключается в том, что он никогда не ставит себя в центр вселенной, не сосредотачивается на самом себе, а уделяет основное внимание своему корреспонденту или же другим людям, о которых рассказывает.

Мы узнаём также и о круге его повседневных интересов, о привычках и хронических болезнях: какие он читал книги, какие стихи знал наизусть, какие фильмы смотрел в кино, какие карточные игры предпочитал; как болел астмой, как бросал курить и как следил за своим весом — словом, обо всех тех чертах, без которых не может сложиться объемный портрет живого человека (подробнее об этом см.: Krasnikova, Volokhova 2023; Volokhova, Krasnikova 2025).

Письма к отцу

Родители Василия Гроссмана разошлись вскоре после рождения сына, но остались друзьями. Гроссман вырос с матерью, однако с отцом Семеном Осиповичем его связывали тесные отношения на протяжении всей жизни. Как рассказывала дочь писателя Екатерина Короткова-Гроссман, Василий Семенович «родителей очень уважал, обожал, и это было широко известно всему Союзу писателей, потому что он всюду со своим папашей ходил» (Волохова 2020b).

Первое письмо к отцу, известное нам, датируется 1925 годом: двадцатилетний Гроссман учится в Московском университете, а отец, недавно поступивший на службу в Донецкий областной институт патологии и гигиены труда, содержит сына-студента. Последнее письмо, дошедшее до нас, написано в октябре 1955 года, когда оба уже живут в Москве: сын стал знаменитым писателем, его пока еще публикуют, и теперь уже он заботится об отце и его материальном благополучии.

В нашей книге опубликованы все найденные на сегодня письма Гроссмана к отцу и одно со-

хранившееся письмо отца к сыну. Этот корпус состоит из трех частей: первая хранится в РГАЛИ и была передана туда Екатериной Заболоцкой. Именно с этими письмами до настоящего времени работали биографы Гроссмана. Вторая часть — письма, найденные нами в 2024 году в семейном архиве Василия Семеновича. О них не знали исследователи, Федор Губер не цитировал их в своих подборках, и, следовательно, нынешняя публикация не только впервые делает эти документы доступными широкому кругу читателей, но и одновременно впервые вводит их в научный оборот. И наконец, третья часть — две записки Гроссмана к отцу, которые находятся в архиве Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля.

Фонды РГАЛИ

История обретения писем к отцу, хранящихся сейчас в РГАЛИ, настолько примечательна, что обойти ее вниманием невозможно. Весной 1963 года перед операцией по удалению почки Василий Гроссман передал Екатерине Заболоцкой пачку писем, завернутых в бумагу, сказал, что это письма от его матери к его отцу, и попросил уничтожить их после его смерти. Екатерина

Васильевна хранила долгие годы этот пакет, не открывая, а когда в 1990 году решилась наконец выполнить обещание, то, по совету Семена Липкина, посмотрела, что в нем находится, и оказалось, что это действительно письма к Семену Осиповичу, но их автор не мать, а сам Василий Гроссман. Заболоцкая не смогла их сжечь и передала в ЦГАЛИ (теперь РГАЛИ: Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 62–75), сопроводив краткой преамбулой, описывающей историю этих писем и состав коллекции и объясняющей ее решение: «Оправдываюсь перед Василием Семеновичем Гроссманом тем, что обещала я сжечь письма Екатерины Савельевны, а оказались в пачке письма его» (наст. изд.: 32). В архиве сделали четыре копии этого собрания: для Екатерины Коротковой-Гроссман, Федора Губера, Семена Липкина и для самой Заболоцкой.

С момента передачи писем в ЦГАЛИ в декабре 1990 года доступ к ним был закрыт по воле Федора Губера. Ограничения на их использование были сняты только в 2002 году, и с тех пор с подлинниками могут работать все желающие. При этом Екатерина Заболоцкая в начале 1990-х годов передала копию всего корпуса американским ученым Джону и Кэрол Гаррард, которые использовали эти материалы в своей книге «The Bones

of Berdichev. The life and fate of Vasily Grossman» («Кости Бердичева: Жизнь и судьба Василия Гроссмана»; Garrard, Garrard 1996; новое издание — Garrard, Garrard 2012). Благодаря Гаррардам копии писем Гроссмана к отцу в конце концов попали — как и многие другие документы, имеющие отношение к Гроссману, — в Хоутонскую библиотеку Гарвардского университета и стали доступны исследователям.

Таким образом, с письмами к отцу не был знаком, например, Анатолий Бочаров, автор биографического очерка о Гроссмане, вышедшего в 1970 году (Бочаров 1970), и монографии, опубликованной в 1990-м (Бочаров 1990). С середины же 1990-х годов, и особенно после снятия ограничений в РГАЛИ в 2002 году, этот материал использовался всеми биографами писателя (Garrard, Garrard 1996; Anissimov 2012; Бит-Юнан, Фельдман 2016; Popoff 2019). Более того, иногда он оказывался единственным источником информации, позволявшим с той или иной степенью точности реконструировать некоторые события жизни Гроссмана в определенные периоды: например, в студенческие годы, во время работы в Донбассе или же в самом начале его писательской карьеры, — а также определить круг его

общения — от друзей и родственников до коллег и знакомых.

Екатерина Заболоцкая сообщает в преамбуле, сопровождающей корпус писем к отцу, что в пачке находилось 200 писем без конвертов, 180 датированных и 20 недатированных, написанных с 1925 по 1956 год, и к тому же одно письмо Семена Липкина и одно — Екатерины Коротковой-Гроссман. Екатерина Васильевна немного ошиблась в подсчетах, атрибуции и датировке писем. В корпусе содержится 206 документов: 196 посланий Гроссмана отцу (в основном это письма, но есть также одна телеграмма и несколько записок), письма Липкина и Коротковой-Гроссман, о которых писала Заболоцкая, — и, кроме того, два письма Гроссмана к матери, от 9 мая 1928 года и 20 февраля 1929 года, два его письма к жене отца Ольге Семеновне Роданевич, от 12 февраля 1927 года и 11 июня 1933 года, два письма к Женни Генриховне Генрихсон (Гендриксон), от 1941 года и 5 октября 1942 года, доверенность на имя отца от 1943 года и краткая недатированная и неатрибутированная записка, написанная женщиной (записка найдена нами лишь в архиве Хоутонской библиотеки, а в РГАЛИ не обнаружена). Последнее письмо Гроссмана отцу из этого

корпуса датируется 15 августа 1950 года.

Письма, открытки, телеграммы и записки Василия Гроссмана к отцу мы публикуем в первом разделе нашей книги, а остальные документы из этого пакета, переданного когда-то Екатерине Заболоцкой, — в четвертом разделе «Разное».

Не все письма к отцу сохранились хорошо: в некоторых чернила поблекли настолько, что расшифровать их было непросто — отдельные строки, например на сгибах, стерлись практически полностью. Ксерокопии писем, изготовленные в начале 1990-х, из архива Хоутонской библиотеки низкого качества, что делает прочтение ряда писем, особенно написанных карандашом, затруднительным. К тому же некоторые письма при ксерокопировании лежали неровно, и отдельные строки и слова по краям листов не отпечатались.

Екатерина Заболоцкая, очевидно, пыталась расположить письма в хронологическом порядке, причем последовательность подлинников, находящихся в РГАЛИ, и копий из Хоутонской библиотеки иногда не совпадает, и реальная хронология в обоих архивах нарушается. В первую очередь это касается недатированных документов и документов, в которых проставлена лишь

дата и месяц, но не год. Так, например, в РГАЛИ в папку за 1931–1932 годы попали два письма, написанные 21–22 августа и 13 сентября 1928 года, а также одно от 10 июля 1929 года. В той же папке разрозненно хранятся два фрагмента одного письма, написанного в мае 1932 года.

Еще один пример: начало письма от 16 мая 1934 года находится в папке с письмами за 1933 год, а его окончание — в папке с документами за 1934-й, из-за этого некоторые исследователи прежде воспринимали события мая 1934 года как произошедшие годом ранее, причем в июне (Бит-Юнан, Фельдман 2016: 134; Popoff 2019: 70).

Изучив содержание всего корпуса, мы соотнесли его с установленными фактами из жизни Василия Гроссмана и упоминаемыми внешними событиями и постарались датировать письма и восстановить их хронологический порядок. Некоторые сложные случаи, касающиеся датировки, описаны ниже в этом предисловии, в разделе, посвященном принципам публикации писем.

Избавление от хронологической путаницы, частично присутствующей в архивах, и чтение всего эпистолярного корпуса подряд позволили нам установить некоторые факты, остававшиеся в тени при выборочном чтении. Вот один из

примеров: прежде было известно, что в письмах к отцу два раза упоминается некий Штрум, и выдвигалась гипотеза, что это — киевский физик Лев Штрум (Dettmer, Popoff 2019). Между тем одно из упоминаний встречается в письме от 27 июня 1933 года, в котором Гроссман спрашивает отца: «Почему вдруг Ленинск? Ей-богу, „Штрумск“ мне кажется более подходящим» (наст. изд.: 123). Значение этой фразы становится яснее в контексте писем, написанных в июне 1933 года Гроссманом отцу и жене отца Ольге Семеновне Роданевич. Осип Семенович работал шахтным инженером-химиком в разных центрах добычи угля Украины и России, в 1933 году он оказался в Новосибирске, явно не был доволен своим местом службы и подумывал о том, чтобы сменить его. 11 июня Василий Гроссман пишет Ольге Семеновне: «Вы пишете о Днепропетровске. По-моему, за эту возможность следует ухватиться. Это большой, хороший город — Киев, Харьков, Москва, Криница, черт возьми, не так далеко от него. Работа интереснее, вероятно, чем в Сталино и тем более чем в Новосибирске. Мой вам совет, дорогие мои, держите курс на юг» (наст. изд.: 775). 16 июня он пишет отцу: «Ты решил ехать в Прокопьевск? Во всяком случае, не связывай себя никакими

обязательствами на долгие сроки, чтобы можно было уйти оттуда» (наст. изд.: 152). В этой ситуации очень вероятно, что «Штрумск» отсылает не к киевскому физику, а к другому Штруму: Илье Яковлевичу (1880–1946), служившему директором Института гигиены и патологии труда в Сталине (Донецке), в котором работали в свое время и отец, и сын Гроссманы. К тому же с 1932 года Илья Яковлевич Штрум возглавлял еще и кафедру гигиены труда в медицинском институте, где преподавал Василий Гроссман. Иными словами, Сталино представлялся Василию Гроссману более подходящим местом работы для отца, чем Ленинск-Кузнецкий в Кемеровской области (подробно об этом и других аналогичных случаях см.: Krasnikova, Volokhova 2023).

Семейный архив Гроссмана – Губер

Долгое время считалось, что в фондах РГАЛИ содержатся все сохранившиеся послания Гроссмана к отцу. Однако в 2024 году в семейном архиве писателя мы обнаружили два с лишним десятка писем, о существовании которых ранее не было известно: 25 писем периода 1951–1955 годов и фрагмент письма от 21 декабря 1933 года — все они хранились в разных местах семейного

архива и не были никак систематизированы (об этом корпусе см.: Volokhova, Krasnikova 2025). Все письма хорошо сохранились — их расшифровка была проведена без особых затруднений.

Возможно, в 1950-м или начале 1951 года отец упаковал письма, полученные от сына в 1925–1950 годах, — и именно эту пачку Василий Гроссман затем передал Заболоцкой, — а те, что получал позже, Семен Осипович в пакет не добавлял. Фрагмент письма 1933 года — исключение; предположительно, он мог затеряться и поэтому не был присоединен к остальным, когда Гроссман-старший упорядочивал свою корреспонденцию.

Этот фрагмент — последняя страница письма, хранящегося в РГАЛИ, в котором Гроссман рассказывает о своем дебюте на собрании перевальцев (наст. изд.: 134–135). Первые две страницы письма не датированы, и ранее высказывались гипотезы о том, когда именно оно было написано и когда состоялась читка рассказов Гроссмана: в начале декабря 1933 года (Бит-Юнан, Фельдман 2016: 180), в конце 1933 года (Popoff 2019: 72), в 1934 году (Губер 2007: 23). Теперь же, благодаря работе в семейном архиве, мы смогли установить точную дату письма: 21 декабря 1933 года, — и собрания:

20 декабря.

Важнейшей находкой нам представляется единственное обнаруженное на сегодня — и, возможно, сохранившееся — письмо отца к Василию Гроссману (наст. изд.: 269–271). Написанное в сентябре 1945 года, оно проливает свет на отношения Семена Осиповича с матерью Гроссмана Екатериной Савельевной. До настоящего времени было известно лишь, что после расставания они поддерживали дружескую переписку. В своем же откровенном письме Семен Осипович пишет сыну, что продолжал любить Екатерину Савельевну, глубоко раскаивается в том, что не провел последние годы с ней; пишет, что хотел бы быть рядом в ее последние дни и погибнуть вместе в Бердичеве.

Записки из Литературного музея

Как было указано выше, к корпусу писем отцу мы добавили еще две непубликовавшиеся записки от 1935 года из архива Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля (ГЛМ ОР. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 1–2). Они были переданы в коллекцию музея в 2001 году Дмитрием Юрьевичем Кукоевым и представляют ценность, поскольку позволяют более точно датировать

перемещения Гроссмана между Москвой и Донбассом в 1935 году и свидетельствуют об общении с Борисом Губером в этот период.

Переписка с Ольгой Губер

С Ольгой Губер, женой писателя Бориса Губера, Гроссман познакомился, когда завел дружбу с перевальцами в первой половине 1930-х. 12 октября 1935 года Ольга Михайловна ушла к Гроссману, оставив мужу двух сыновей, Мишу и Федю, официально же новые отношения были оформлены 28 мая 1936 года. За почти тридцать лет брака пара прошла через многое. В 1937 году арестовали и расстреляли Бориса Губера, вслед за ним в феврале 1938-го арестовали и Ольгу; Гроссман забрал к себе Мишу и Федю и сумел добиться освобождения жены. В 1942 году в эвакуации в Чистополе погиб шестнадцатилетний Миша. Серьезным испытанием для обоих стал роман Василия Гроссмана с Екатериной Заболоцкой, начавшийся в 1956 году. И наконец, болезнь Гроссмана, которая дала о себе знать в 1962-м. Все эти годы, когда один из супругов находился в отъезде, между ними велась переписка — привычка, не нарушавшаяся, даже когда Гроссман жил с Заболоцкой.

Самое раннее письмо Гроссмана к Ольге Губер, публикуемое в книге, было написано Гроссманом

в марте 1937 года, самое позднее — в октябре 1963-го; таким образом, переписка охватывает более 26 лет.

О том, что эта корреспонденция существует, было известно в первую очередь из публикаций Федора Губера. При этом, как упоминалось выше, в них письма использовались, скорее, в качестве документальной канвы воспоминаний. Эдиционные принципы здесь не всегда ясны, архивные источники не описаны и в основном цитируются выборочно, а не целиком; тексты не установлены критически, некоторые датированы неверно, регулярно нарушается их хронологический порядок. В силу этого некоторые биографы Гроссмана осознанно отказались от использования в своей работе материалов книги «Память и письма» и предшествовавших этой книге журнальных изданий (см., напр.: Garrard, Garrard 2012; Бит-Юнан, Фельдман 2016).

Переписка Гроссмана с женой хранится в семейном архиве и до недавнего времени была недоступна исследователям. Мы обнаружили эти письма в два этапа. На первом, описанном в нашей статье «Letters to father, wife and last love: Vasilii Grossman's epistolary legacy» (Krasnikova, Volokhova 2023), в мае 2023-го Елена Кожичкина,

дочь Федора Губера, передала нам для ознакомления три папки, в которых находились письма, конверты, открытки и телеграммы Василия Гроссмана и Ольги Губер, собранные и систематизированные Федором Борисовичем. Документы в папках были рассортированы по конвертам формата C5, на которых стояли чернильные или карандашные пометки, сделанные Федором Губером. Эти пометки отражают его работу по установлению датировок и упорядочиванию корпуса по хронологии — работу, которая не была доведена до конца. Хотя большинство датировок соответствуют действительности, одни материалы остались недатированными, другие были датированы неверно. В некоторых конвертах письма лежали в хронологическом порядке, в некоторых — нет. В папках было найдено около двухсот писем и открыток от Гроссмана к жене и более пятидесяти писем и открыток от Ольги Михайловны к мужу.

На следующем этапе при разборе семейного архива были обнаружены новые письма. Они хранились разрозненно и не были систематизированы. В некоторых случаях фрагменты писем были обнаружены в разных местах и затем соединены. Один из примеров — письмо Ольги Губер

мужу, написанное между 5 и 9 августа 1942 года (наст. изд.: 375–377): первый его отрывок хранился в папках, переданных нам для работы Еленой Фёдоровной Кожичкиной, два других, найденных позже, — в разных частях семейного архива.

На втором этапе было обнаружено еще 74 письма и открытки Василия Гроссмана к жене, все они включены в книгу. Писем и почтовых карточек Ольги Михайловны к мужу несколько сотен, и так как все они не могли попасть в настоящее издание, мы отобрали из них часть, руководствуясь следующими принципами: публикуются все письма военного времени (это самые ранние из сохранившихся писем Ольги Губер к Гроссману), а в более поздней переписке — те, что Ольга Михайловна отправляла из Москвы, когда ее муж был в отъезде, так как в них содержатся важные факты о семейном быте, круге общения, редакционных делах, публикациях Гроссмана.

Исключениями из этого правила стали письма, которые Ольга Губер отправляла Гроссману в ноябре 1960 года, когда он был в Гаграх, и в ноябре — декабре 1961-го в Армению — по той причине, что письма самого Гроссмана к жене из Абхазии если и сохранились, то пока не обнаружены, его письма из Армении мы печатаем по публикации,

подготовленной женой, с купюрами, а послания Ольги Михайловны в этих двух случаях содержательно и тематически перекликаются с другими ее письмами, не добавляя нового. Остальные письма Ольги Михайловны, не вошедшие в нашу книгу, написаны из ее поездок в Крым — с середины 1950-х по начало 1960-х годов она ездила туда два раза в год. Она подробно описывает свою южную жизнь, отношения с хозяевами комнаты, которую снимала, или соседями по дому отдыха, походы в коктебельские бухты в поисках полудрагоценных камней, приводит много бытовых подробностей. Все эти письма мы надеемся опубликовать в будущем, в полном издании корреспонденции Василия Гроссмана и Ольги Губер.

Большинство писем хорошо сохранились, за исключением писем Ольги Михайловны из эвакуации в Чистополе, многие из которых написаны карандашом, поблекшим от времени и стершимся на сгибах. На письмах также есть и карандашные пометы, по-видимому Федора Губера: подчеркнуты некоторые предложения или же — на полях — более крупные фрагменты текста.

Это собрание — единственное в нашей книге с существенной долей писем, написанных корреспондентом Гроссмана. Знакомясь с ним, нужно

учитывать одну особенность: по этой переписке отчетливо видно, что она велась не по принципу «письмо — ответ», не по принципу диалога, в котором каждая из реплик является реакцией на предыдущую. В условиях, когда не всегда было понятно, дойдет ли письмо, а если дойдет, то через сколько дней или недель (и это касается не только военного периода), переписка походила, скорее, на два потока писем, которые время от времени «пересекались». Этим и обусловлен принцип расположения писем в нашей книге. Поскольку не всегда возможно найти письмо, на которое отвечает корреспондент, или же в силу того, что это письмо написано давно и уже после были отправлены другие письма с обеих сторон, мы решили следовать строгому хронологическому принципу. Так, например, во время своей поездки в Ялту в 1959 году Гроссман отвечает 17 марта на письмо Губер, написанное 10 марта, однако между этими двумя письмами стоят письма супругов от 12 и 14 марта. В тех случаях, когда письма Гроссмана и Губер датированы одним и тем же числом, сначала публикуется письмо Гроссмана, а уже за ним — письмо Губер.

Почти все письма, вошедшие в нашу книгу, публикуются впервые и по архивным источникам.

Но для переписки Василия Гроссмана и Ольги Губер мы сделали исключение. К корпусу архивных материалов из семейной коллекции мы добавили письма из поездки Гроссмана в Армению в 1961 году, изданные в 1967 году в сборнике «Глазами друзей». Как следует из пояснения редактора-составителя книги, тексты были напечатаны с сокращениями и подготовила их сама Ольга Михайловна (Авакян 1967: 427). В настоящий момент подлинники не обнаружены — ни в семейном архиве, ни в издательстве, — однако по ряду причин нам представляется важным дать читателям возможность познакомиться с этими письмами: из-за того, что они вышли единственный раз несколько десятилетий назад в малодоступном издании, из-за того, что в них запечатлено последнее путешествие Гроссмана, вдохновившее его на создание путевых заметок «Добро вам!», а также потому, что в следующем разделе нашей книги, собрании Екатерины Заболоцкой, мы публикуем большой блок писем к ней из этой же поездки. Письма жене мы снабдили примечаниями, а в одном случае внесли существенное исправление: хотя в ереванском сборнике корреспонденция была оформлена как 12 писем, на самом деле их 13 — в издании два письма, от конца декабря

1961 года и от 3 января 1962 года, были напечатаны как одно, датированное 3 января. Мы же их разделили.

Всего из корпуса корреспонденции Василия Гроссмана и Ольги Губер мы публикуем 373 документа: 275 посланий Гроссмана (из них 13 печатаются не по архивным источникам) и 98 посланий Губер.

Письма Екатерине Заболоцкой

Гроссманы и Заболоцкие с конца 1940-х годов были соседями: обе семьи получили квартиры в писательских домах на Беговой улице в Москве и подружились. С дружбы семьями и начался роман Василия Гроссмана и Екатерины Заболоцкой; осенью 1956 года они начали жить вместе. Каждый из них не прерывал общения с супругом, от которого ушел, для каждого ситуация была очень тяжела. В результате Екатерина Васильевна решила вернуться к Заболоцкому, и с сентября 1958 года снова жила на Беговой, проведя с мужем последние полтора месяца его жизни. Гроссман тоже вернулся в свою семью, хотя, как показывают письма, публикуемые в нашей книге, его отношения с Екатериной Васильевной продолжались.

Екатерине Заболоцкой Гроссман оставил часть своего архива: письма отцу, черновую машинопись «Все течет» и другие документы. Долгое время было известно лишь о тех бумагах, которые Заболоцкая передала в 1990-е годы Джону и Кэрол Гаррард, а они, в свою очередь, — Хоутонской библиотеке Гарвардского университета.

Однако недавно выяснилось, что существует и вторая часть архива Екатерины Васильевны, имеющая отношение к Гроссману, которая хранилась в семье Заболоцких. Сейчас она находится в архиве Галеев-Галереи, и мы очень благодарны Ильдару Галееву за возможность работать с этими документами и разрешение издать корреспонденцию.

По нашей просьбе Ильдар описал в июле 2023 года, как именно архив Заболоцкой был обнаружен и попал к нему. Мы публикуем здесь его свидетельство:

Мое знакомство с материалами архива Василия Семеновича Гроссмана произошло для меня неожиданно и во многом благодаря моей галерейной и публикаторской, на ниве изобразительного искусства, деятельности.

В 2012 году, занимаясь подготовкой художественной выставки учеников так называемой школы Мастеров Аналитического Искусства, возглавляемой Павлом Николаевичем Филоновым в середине 1920-х гг. в Ленинграде, мне посчастливилось узнать об интересной подробности. Как оказалось, эту школу несколько раз посещал Николай Алексеевич Заболоцкий.

В одной из публикаций мне попался на глаза

автопортрет, исполненный Заболоцким под непосредственным наблюдением Павла Филонова. Благодаря помощи и поддержке специалиста по творчеству Заболоцкого — Игоря Лощилова — я был приглашен в гости к Никите Николаевичу Заболоцкому, автору замечательных исследований, посвященных жизни и творчеству поэта, и его жене Наталье Андреевне. Автопортрет, интересовавший меня, вскоре участвовал в одной из выставок, которую я курировал у себя в галерее.

В 2014 году Никиты Николаевича не стало, а с Натальей Андреевной мы продолжали видеться, подружились, и в какой-то момент она решила поделиться со мной семейной тайной. Помню волнующий момент, когда она извлекла из комода пачку рукописных материалов. Это были письма Василия Гроссмана, адресованные Екатерине Васильевне Заболоцкой — жене поэта, чьей невесткой была Наталья Андреевна. Кроме писем Гроссмана, в этом архиве находились и другие материалы Василия Семеновича, Ольги Губер и Екатерины Васильевны.

Наталья Андреевна Заболоцкая сообщила мне, что она хотела бы передать архив в мои руки, так как не может доверить его государственным архивам и сделать открытым для публикаций

и обсуждений. История взаимоотношений двух людей воспринималась ею как нечто личное, не подлежащее огласке. К тому же была жива дочь Гроссмана — Екатерина Короткова, которая, как полагала Наталья Андреевна, могла бы реагировать строго на публикацию писем.

Было еще одно обстоятельство, которое повлияло на решение передать эти материалы мне на хранение: Наталья Андреевна была неизлечимо больна, боролась с недугом и опасалась за сохранность эпистолярного наследия. На мою просьбу определить срок запрета обнародования этих писем и возможность их публикации в обозримом будущем Наталья Андреевна ответила предельно просто: когда сочтете нужным.

Наталья Андреевна Заболоцкая хранила письма Гроссмана, публикующиеся в настоящем сборнике, долгие годы. Многие события тех лет сегодня воспринимаешь с поправкой на обстоятельства жизни людей той эпохи, доминирующего идеологического фона, сложившейся системы ценностей поколения. Но рано или поздно судьбы людей этого поколения должны быть оценены нашими современниками объективно. В изменчивости исторических и социально-культурных декораций одно остается неизменным — человек

и все то, что его волнует и делает счастливым. В текстах Василия Семеновича эти чувства проявляются с наибольшей убедительностью. Именно поэтому я решил, что для публикации этих материалов час пробил.

Собрание включает в себя фотографии из поездки Гроссмана в Армению, письма Гроссмана к Екатерине Васильевне, краткие воспоминания Заболоцкой о Гроссмане, одно письмо Заболоцкой Гроссману, одна записка, адресованная Екатерине Васильевне ее дочерью Натальей, несколько писем Заболоцкой мужу и одно письмо Николая Алексеевича жене, несколько неидентифицированных фотографий и машинописи некоторых произведений Гроссмана, с его правкой и с правкой, сделанной рукой Заболоцкой. Кроме того, сохранились и сухие ветки с комментарием Екатерины Васильевны: «Это остаток букета осенних веток, которые В. С. Гроссман сорвал в сквере, где сидел после того, как отнес свой роман в редакцию. Ему хотелось, чтобы я сохранила этот букет. Остались две веточки…»

В нашей книге мы публикуем все письма, телеграммы и записки из архива Галеев-Галереи, отправленные Василием Гроссманом Екатерине Заболоцкой: это 45 писем, 4 телеграммы и 4 запис-

ки. Следуя желанию семьи Заболоцких, письмо Екатерины Васильевны и записку Натальи Николаевны мы в этом сборнике не печатаем.

Самое раннее письмо Гроссмана Заболоцкой датируется мартом 1959 года, самое позднее послание — записка от 31 декабря 1962 года. Кроме того, в этом архиве обнаружилось и письмо Ольги Михайловны Губер к Екатерине Васильевне, написанное в 1957 году, его мы публикуем в четвертом разделе «Разное». Все письма и записки из этой коллекции написаны чернилами и сохранились хорошо.

Письма Екатерине Заболоцкой ценны еще и тем, что отличаются по тону и стилю от всех других известных нам писем Гроссмана. Обычно Гроссман в переписке избегает говорить о своих чувствах — основное внимание он уделяет своему корреспонденту и рассказу о других людях; описания своей жизни он часто ограничивает фактами, а если и говорит о своих переживаниях, то довольно скупо. В письмах же к Заболоцкой, напротив, он стремится выразить себя как можно глубже, описать свои эмоции и мысли. Так, например, в нескольких письмах 1959 и 1960 годов отражается его ощущение надвигающейся трагедии, связанной с романом «Жизнь и судь-

ба». 7 сентября 1959 года он пишет: «Работать продолжаю, но видит ли бог мою работу. Хоть бы он глянул на нее, не надеюсь я на людские глаза» (наст. изд.: 718). 3 октября того же года: «Нет в моей душе покоя, издергался, а впереди, совсем уж рядом, большие и жестокие испытания, которые связаны с главной моей работой в жизни. Кто поможет, на кого опереться, как писал Гоголь: „…все чужие, враждебные лица“. К ним и пойду» (наст. изд.: 719). Тревога за будущее «Жизни и судьбы», чувство, что он должен был, не мог не написать эту книгу, ощущение необходимости поделиться ею с людьми — все это звучит и в других письмах Гроссмана Заболоцкой.

Разное, фотографии

К трем основным разделам книги мы добавили четвертый, «Разное», поместив в нем те документы из пакета, переданного Екатериной Заболоцкой в ЦГАЛИ, что не являются частью переписки между Гроссманом и его основными корреспондентами, а также одно письмо из архива Галеев-Галереи. Одиннадцать документов расположены в хронологическом порядке.

Корреспонденцию Гроссмана в книге дополняют фотографии из частных архивов. Многие из этих фотографий публикуются впервые.

Принципы публикации писем

Во всех собраниях письма изначально были расположены с нарушением хронологического порядка, некоторые документы были датированы неверно или не датированы вовсе, некоторые письма были разделены и хранились в разных местах. При подготовке этой книги мы стремились восстановить хронологию внутри каждого корпуса на основе документально подтвержденных фактов биографии писателя, данных архивных источников, сведений, полученных при сопоставительном анализе писем и оценке упоминаемых событий. Если дата не была проставлена в письме самим адресантом, а установлена нами, то она заключена в квадратные скобки. Если датировка письма была установлена по штемпелю на конверте, мы оговариваем это в сноске, также заключая дату в квадратные скобки.

В процессе работы мы сталкивались с рядом сложностей. Например, в корпусе писем к отцу были обнаружены два недатированных письма без конвертов, написанных Гроссманом на железнодорожном вокзале Ростова по пути из

Криницы. На одном из писем не указан год, а только дата и месяц — 21 августа, второе не датировано вовсе. При этом из содержания писем ясно, что Гроссман отдыхал в Кринице в компании своего отца и жены Анны Мацук (Гали). Достоверно установлено только одно подобное путешествие — в августе 1928 года. Не обладая иными документально подтвержденными сведениями о поездках Гроссмана в Криницу в конце 1920-х годов, мы датируем оба этих письма августом 1928 года.

Работа над датировкой и упорядочиванием писем по хронологии позволила нам установить и объяснить ряд фактов. Так, например, мы обнаружили, что в разных источниках указывается разная дата рождения дочери Гроссмана Екатерины Коротковой: 23 (а иногда 26) июня и 23 января. Поговорив с родственниками, мы выяснили, что Екатерина Васильевна родилась 23 января 1930 года, но ее зарегистрировали только 23 июня, поэтому официальная дата ее рождения, указанная в паспорте, — 23 июня 1930 года. Сама же Екатерина Васильевна отмечала день рождения только 23 января.

Для каждого письма мы устанавливали и место, в котором оно было написано. В том случае,

если место не проставлено самим автором в начале или конце письма, мы указывали его в квадратных скобках. Для его установления мы использовали как сведения из самого письма и информацию на конверте или почтовой карточке, так и другие источники: например, военные записные книжки и архивные документы.

Письма внутри каждого корпуса мы делили на подразделы, соответствующие определенному периоду переписки или той или иной поездке.

Орфография и пунктуация были приведены к норме, за редкими исключениями. Эти исключения сделаны в том случае, когда речь идет о намеренном искажении, имитирующем, например, определенное произношение: «Бефдичев» вместо «Бердичев», «доктура» вместо «доктора» и так далее. При этом необходимо отметить, что в текстах Гроссмана существуют регулярные нарушения орфографической нормы, и хотя нам было жаль нормализовывать в нашей публикации написание этих слов, их мы тоже решили исправлять, поскольку провести границу между «постоянными и заслуживающими внимания» и «случайными и незначимыми» ошибками не представляется возможным. Вот некоторые из подобных случаев: Гроссман редко использует

дефис, практически никогда не ставит его перед постфиксами «-то», «-либо» и проч. («кто то», «где либо»); всегда или почти всегда пишет «мущина», а не «мужчина», «объязательно» через «ъ», «черезвычайно», «вообщем».

Особняком стоит написание его фамилии: в 1920-х годах Гроссман пишет свою фамилию — например, в своих или отцовских адресах или же цитируя университетские документы, — неизменно с одной «с»: «Гросман». Более того, с одной «с» пишется эта фамилия и в двух его первых статьях, вышедших в 1928 году: «Ислахат» (Гросман 1928a) и «Узбечка на кооперативной работе» (Гросман 1928b). Очевидно, что это не описки и не ошибки, и, возможно, причина в том, что фамилия отца Гроссмана при рождении — Гройсман (его братья Владимир Иосифович и Арнольд Иосифович, эмигрировавшие в Америку, сохранили именно ее). Написание, привычное нам, закрепляется уже в 1930-х годах: и в письмах Гроссмана, и в печати. Однако во многих официальных документах, сохранившихся в семейном архиве, фамилия Гросман пишется с одной «с» вплоть до первой половины 1940-х годов: в паспорте, в расчетной книжке практиканта, справке из Донецкого областного института патологии

и гигиены труда от 22 марта 1933 года, справке с Государственной фабрики им. Сакко и Ванцетти от 31 января 1934 года, в справке из редакции газеты «Красная звезда» от 22 сентября 1943 года. В ответе Центрального справочного бюро Гроссману на его запрос о судьбе матери, полученном в апреле 1942 года, фамилии обоих также написаны с одной «с».

Следует учитывать, что иногда написание слов и знаки пунктуации в корреспонденции не читаются однозначно. Например, при расшифровке писем не всегда было возможно различить некоторые буквы: например, «и» и «а» или «о» и «а», особенно на конце слов. Что же касается пунктуации, то наиболее ярким примером, пожалуй, может послужить использование тире. Тире — излюбленный знак препинания Гроссмана, и в то же время он часто ставит штрих, напоминающий тире, перед началом слова. В каждом неочевидном случае, опираясь на синтаксическую и логическую структуру фразы, мы старались выбрать наиболее вероятный вариант.

Деление эпистолярных текстов на абзацы также не всегда было простой задачей, учитывая, что корреспонденты часто экономили бумагу, а начиная абзац, не делали отступа или делали его

минимальным. В тех случаях, когда у нас возникали сомнения, мы прибегали к тематическому принципу: если был переход темы, то абзац ставили; если не было, то набирали текст в подбор к предыдущему.

Мы использовали два типа служебных скобок. Разворачивая сокращения, мы использовали угловые скобки (например: «М⟨ария⟩ М⟨ихайловна⟩»), если же восстанавливали часть текста или информацию о письме, то ставили ее в квадратные скобки («…потому что [в] Берсуте у них летнее помещение»).

Научно-вспомогательный аппарат

Научно-вспомогательный аппарат издания, помимо этой статьи, состоит из примечаний и комментариев, расположенных в постраничных сносках, аннотированного именного указателя, списка архивов и изданий, в которых находятся публикуемые письма, списка использованной литературы и реестра всех писем. В реестре для писем из государственных архивов мы указывали ссылки на конкретные документы.

Комментарий и аннотированный указатель задумывались как инструменты, взаимодополняющие друг друга: комментарии, касающиеся отдельных людей, в основном помещались в сноске при первом упоминании человека, указатель же построен так, чтобы помогать читателям ориентироваться в книге. Если нам не удалось идентифицировать человека и мы знаем о нем только то, что содержится в тексте писем, мы не ставили сноску, но, разумеется, помещали его имя в указатель. Указатель содержит имена людей, присутствующие в текстах корреспонденции. Имена людей, упоминаемых только нами в предисловии или сносках, туда не вносились.

Кроме того, мы добавляли в указатель и клички домашних питомцев Гроссмана и Губер.

Рассматривая комментарий не как справочный аппарат, но и как научно-исследовательскую работу, при его составлении мы обнаружили некоторые новые факты, а также новые лакуны, касающиеся биографии Гроссмана. Так, например, повсеместно указывается, что первое издание повести «Глюкауф» состоялось в первом и втором номерах журнала «Литературный Донбасс» за 1934 год. При этом ни в одной работе не указываются страницы, на которых напечатана повесть. В письмах, публикуемых в нашей книге, Гроссман сообщает отцу, что повесть должна печататься то с первого номера, то — со второго, а также что он прочитал в газете о выходе журнала с повестью, но достать его не смог. Во всех библиотеках России и Украины, в которые мы обращались с запросами, первый и второй номера «Литературного Донбасса» отсутствуют, и подшивка журнала начинается с третьего номера 1934 года — и в нем опубликовано, без указания страниц, содержание предыдущих двух номеров и, в частности, повесть «Глюкауф», разбитая на два выпуска. Уже отчаявшись найти эти выпуски в библиотеках, мы внезапно обнаружили их в се-

мейном архиве Гроссмана — Губер и установили точные страницы публикации (Гроссман 1934е). Надеемся, в будущем удастся установить, что именно произошло с январским и февральским номерами «Литературного Донбасса» за 1934 год, и если их изъяли из всех библиотек, то по какой именно причине и в какой момент.

Другой пример подобного рода: когда речь идет о начале 1930-х годов и истории взаимоотношений Гроссмана с Максимом Горьким, часто указывается, что Гроссман отправил тому на суд рассказ «Три смерти» и повесть «Глюкауф» (Бочаров 1990: 10; Popoff 2019: 64). В этом утверждении исследователи опираются на опубликованный критический отзыв Горького (Горький 2019: 218), где он действительно называет «Три смерти» рассказом. Однако, если попытаться установить, что это за текст, выясняется, что рассказ с подобным заглавием никогда не публиковался, не сохранилось его и в архивах. При этом сам Гроссман в письме к отцу от 6 июля 1932 года сообщает о нескольких рассказах под этим заглавием: «Рассказы „Три смерти“ через пару дней будут отпечатаны на машинке и начнут путешествовать по редакциям» (наст. изд.: 113). Гипотеза, которую мы выдвигаем, чтобы объяснить все эти несоот-

ветствия, заключается в том, что Гроссман мог тематически объединить под одним заголовком три своих ранних рассказа. На наш взгляд, это могут быть: «Главный инженер», «Запальщик», «Товарищ Федор» (или, возможно, «Жизнь Ильи Степановича»).

Работа над составлением комментария помогла установить и некоторые факты из истории гроссмановских публикаций. Например, становится ясно, как именно и почему Гроссман решил публиковать роман «Сталинград» («За правое дело») не в журнале «Знамя», с которым был уже заключен договор, а в «Новом мире». Контракт со «Знаменем» Гроссман расторгает 24 ноября 1948 года в результате того, что главным редактором журнала был назначен Вадим Кожевников (наст. изд.: 440). 26 ноября Василий Семенович сообщает жене, что попросил перевести деньги, которые ему «должны за книгу, в погашение долга журналу» (442) — и уже 28 ноября пишет о том, что аванс был возвращен (там же), а также что договор с «Новым миром» еще не заключен. На настоящий момент достоверно неизвестно, какое именно издательство перевело деньги «Знамени», чтобы погасить долг Гроссмана, но, возможно, это Воениздат, выпустивший в 1949

году книгу «На Волге (главы из романа „Сталинград“)».

Для комментирования корреспонденции мы пользовались не только печатными и архивными источниками, но и задавали вопросы родственникам Гроссмана, его друзьям и знакомым. На наши вопросы в переписке и личных беседах любезно отвечали внуки Гроссмана Елена Кожичкина, Алексей Коротков и его жена Светлана Крайнова, Мария Карлова — дочь близкого друга Гроссмана Вячеслава Лободы, Татьяна Менакер — внучка Розалии Менакер, родственницы Екатерины Савельевны, Татьяна Левченко — родственница Федора Левина, хранительница и исследовательница его архива, сын Корнелия Зелинского Владимир Зелинский. Благодаря их содействию нам удалось получить новые сведения об окружении Гроссмана: о родных, друзьях, знакомых и даже о дворниках, служивших в домах, где он жил, о его домашних питомцах. Мы также обращались за консультациями к раввину Раву Цви Патласу, историкам Алексею Гусеву и Олегу Будницкому, литературоведу и специалисту по Николаю Заболоцкому Игорю Лощилову.

Будущее

В семейном архиве мы обнаружили ряд писем, которые, хотя и представляют большую ценность, не вошли в данный том: прежде всего это письма матери Гроссмана Екатерины Савельевны к его отцу Семену Осиповичу и самому Гроссману; письма Гроссмана к матери, написанные им после ее смерти; некоторые письма Ольги Губер, о которых мы упоминали выше; письма Гроссмана пасынкам Михаилу и Федору Губерам и письма пасынков к нему; отдельные письма Михаила Зощенко, Бориса Пастернака, Рувима Фраермана, Виктора Некрасова, Бориса Ямпольского и других писателей; корреспонденция друзей и родственников (Николая Сочевца, Семена Тумаркина и др.), письма читателей, официальные письма из организаций. Мы продолжаем работу в архивах и надеемся, что эта книга — только первый шаг в публикации эпистолярного наследия Василия Гроссмана.

При этом многое из корреспонденции Гроссмана еще не найдено. Известно, что Василий Семенович состоял в переписке с дочерью, Екатериной Коротковой, и со своей первой женой

Анной Мацук. В публикуемых письмах есть упоминания о продолжающейся переписке с друзьями и родственниками: с двоюродной сестрой Надеждой Алмаз, с Кларой Шеренцис (женой его двоюродного брата Виктора), с Ефимом Кугелем, Семеном Гехтом, Фаиной Школьниковой, Мариам Черневич и другими. Мы просим всех читателей, у которых хранятся письма Гроссмана или письма к нему, всех, кто обладает информацией о местонахождении корреспонденции Гроссмана, писать нам на адрес: *grossmansletters@gmail.com*.

Благодарности

Мы благодарны хранителям частных архивов Гроссмана за доверие и всем, к кому мы обращались за консультациями, за щедрость и содействие: Елене Кожичкиной, Алексею Короткову и Светлане Крайновой, Ильдару Галееву, Олегу Будницкому, Алексею Гусеву, Владимиру Зелинскому, Марии Карловой, Татьяне Левченко, Игорю Лощилову, Татьяне Менакер, раввину Раву Цви Патласу. Мы очень признательны Наталье Заболоцкой за разрешение опубликовать текст Екатерины Заболоцкой и Елене Макаровой за разрешение опубликовать письмо Семена Липкина.

Отдельно мы хотим поблагодарить и первого редактора этой книги Александру Карпову.

На разных этапах работы нам помогали друзья, коллеги и знакомые. Евгения Бельская, Анна Бонола, Мария Ботева, Елена Вигдорова, Кузьма Волохов, Маурициа Калузио, Марина Козлова, Елена Костюкович, Наталия Крупенина, Надежда Крученицкая, Илья Кукулин, Наталия Лесскис, Катарина Леттау, Илья Овчинников, Анна Разувалова, Серджио Резегетти, Анастасия Токмашева,

Роберт Чандлер, Анна Шмаина-Великанова, Софья Ярошевич — большое вам спасибо!

Из переписки Василия Гроссмана

Письма к отцу
Преамбула Екатерины Заболоцкой[3]

200 писем + 2 = 202 Василия Семеновича Гроссмана.

В 1963 году, подготавливаясь в Боткинскую больницу на операцию удаления почки[4], Василий Семенович принес мне пакет писем, завернутых в серую оберточную бумагу, перетянутую белым шнуром. Объяснил, что этот пакет хранил его отец Семен Осипович. В нем собраны письма его мамы Екатерины Савельевны к Семену Осиповичу. Просил хранить, а после его смерти уничтожить.

Прошли годы, не стало Василия Семеновича, мои годы достаточно преклонны[5] — пришло

---

[3] Примечания: 3

В архиве Гарвардского университета, где хранятся копии писем к отцу, эту коллекцию также предваряет записка Екатерины Васильевны Заболоцкой — оригинал, во многом похожий на записку, находящуюся в РГАЛИ. В нашей публикации мы не отмечаем незначительные расхождения этих текстов (разный порядок слов, замена слова синонимом и т. п.), указывая в сносках лишь существенные различия.

[4] Примечания: 4

Гроссмана прооперировали в мае 1963 года.

[5] Примечания: 5

Когда Екатерина Васильевна писала эту преамбулу, ей было 84 года.

время выполнить обещание. Но нелегко поднять руку со спичкой, чтобы пламя уничтожило рукописи. Я обратилась за советом к Семену Израилевичу Липкину — другу Василия Семеновича. Он посоветовал — прежде чем жечь, прочитать письма и выписать из них строки, касающиеся литературной работы Василия Семеновича.

И вот я раскрыла пакет. Увидя знакомый почерк, была потрясена: это письма Василия Семеновича к Семену Осиповичу!

Любовно собраны и сохранены все письма, незначительные записки, даже обрывок страницы с непонятными записями рукой Василия Семеновича. Конечно, я не могла их сжечь.

Оправдываюсь перед Василием Семеновичем Гроссманом тем, что обещала я сжечь письма Екатерины Савельевны, а оказались в пачке письма его.

Право издать книгу писем остается за наследниками В. С. Гроссмана[6].

---

[6] Примечания: 6

В записке из архива Гарвардского университета вместо этого предложения стоит следующее: «Уверена, что Василий Семенович не знал, кто писал эти письма».

29. XII.90[7]

Е. Заболоцкая.

Всего 200 писем за годы 1925-й по 1956-й. Письма по месяцам мною разложены в обложки.

За этот период по месяцам распределяется не одинаково[8]:

1925 — 1
1927 — 8
1928 — 16
1929 — 23 (год окончания университета)
1931 — 4
1932 — 14
1933 — 14
1934 — 23
1935 — 8
1936 — 7
1939 — 2
1940 — 7
1941 — 16

---

[7] Примечания: 7

Преамбула из архива Гарварда датирована рукой Заболоцкой февралем 1991 года. После даты и подписи стоит дополнение: «Подлинники писем мною отданы на хранение в ЦГАЛИ, там с них сняли четыре ксерокопии для Е. В. Гроссман, Ф. Б. Губера, С. И. Липкина и Е. В. Заболоцкой.

Письма, с которых ксерокопии снять не смогли, в перечисленных обозначены. В ЦГАЛИ их можно прочесть в оригинале».

[8] Примечания: 8

Подсчеты Заболоцкой не всегда верны (см. «От составителей», с. 10–11).

1942 — 22
1943 — 5
1945 — 3
1946 — 2
1947 — 1
1948 — 2
1950 — 2
1956 — 1

180 писем [плюс] 20 писем с необозначенными датами.

Всего 200 писем.

Самыми нижними в пачке хранились одно письмо С. И. Липкина и одно Кати Гроссман. Они вложены в обложку с записками. Все письма были без конвертов.

Университетский период, 1925–1929

В 1925 году Василий Гроссман учится на химическом отделении физико-математического факультета 1-го Московского государственного университета. Его отец Семен Осипович — инженер-химик, специализирующийся на газоанализе, — в это время живет в Сталине (Донецке).

1

2 декабря 1925[9]*, [Москва]*

Дорогой папа, получил сегодня твое второе письмо. Извини меня, действительно напрасно обвинял тебя в молчании. Сам свинья. Меня очень огорчило твое здоровье. Береги себя, дорогой мой. Не переутомляйся. Ты знаешь, теперь я доволен собой, много работаю[10], устаю (счастливая усталость после долгого безделья), и единственная тяжесть — это мамино здоровье[11] и ты. Я себя чувствую как бы виноватым перед вами. Не знаю почему, но, когда думаю о том, что ты так одинок, мне кажется, что я не делаю для тебя того, что могу сделать.

Папка, почему ты думаешь, что я бы смеялся

---

[9] Примечания: 9

Дата читается неоднозначно, — возможно, письмо написано 3 декабря 1925 года.

[10] Примечания: 10

Вероятно, тут, как и в некоторых других письмах к отцу студенческого периода, где Гроссман пишет о работе, речь идет об учебе. В автобиографиях Гроссман указывал, что студентом давал уроки, «работал воспитателем в трудовой коммуне для беспризорных детей». (Автобиография от 17 ноября 1947; ЦАМО. Личное дело № 0676962. Л. 10–11.) Однако, помимо автобиографий, других источников, в которых говорилось бы о подработках Гроссмана во время учебы, пока не обнаружено; не упоминается о них и в его корреспонденции. Исключение из правила — «литературные халтуры», по выражению самого Гроссмана; о них будет речь в письмах отцу конца 1920-х годов.

[11] Примечания: 11

Хотя родители Гроссмана — Екатерина Савельевна (*урожд.* Витис; 1872–1941) и Семен Осипович (Соломон Иосифович; 1870–1956) — с первых лет после рождения сына не жили вместе, они всю жизнь поддерживали дружеские отношения и состояли в переписке. Екатерина Савельевна была слаба здоровьем и часто ездила лечиться на воды.

над твоей работой? Ей-богу, ничуть не смешно, наоборот, я очень рад за тебя. Смешно только, что ваш Институт[12] до сих пор не работает. «Спеши медленно».

Какие вам нужны реактивы и неужели их негде купить?

Напиши, какую работу вы начнете? Мне жаль старого Семена Максимовича[13]; вдруг вспомнил все, что ты о нем рассказывал: «Осип Семенович», «Радоневич, когда я к тебе приду на пирижки?»[14]. Думаю, что ты, папок, со всеми своими болезнями проживешь не меньше его. А что с Ольгой Семеновной, чем она больна, работает ли еще в Каменке?[15] Будешь писать, кланяйся ей от меня. Папа, какова судьба нашей киевской квартиры, поселился ли там кто-нибудь? Имел

---

[12] Примечания: 12

Семен Осипович Гроссман в 1925 году начал работать в Украинском институте рабочей медицины, открытом в ноябре того же года. Первым директором института стал Илья Яковлевич Штрум (Валуцина 2015: 86).

[13] Примечания: 13

В тех случаях, когда установить личность человека, о котором идет речь в письме, не удалось и мы обладаем только теми сведениями, что содержатся в самой переписке, — как, например, в случае Семена Максимовича — мы не снабжаем упоминание этого человека примечанием, но помещаем его имя в аннотированном указателе. Если же личность человека установлена, мы, за редкими исключениями, помещаем примечание лишь при его первом упоминании.

[14] Примечания: 14

Ср. с фрагментом из первой книги романа «Степан Кольчугин»: «Время от времени к деду заходил стволовой с Чайкинской шахты, сухой, узкоглазый, морщинистый старичок, всегда усмехающийся и очень ехидный. Обычно, входя в комнату, он с недовольным видом спрашивал:

— Что, Романенко, живешь еще? Когда же я тебе приду на пирожки?

— Постой, постой, — отвечал не очень уверенно дед Платон, — кто к кому раньше придет на пирожки…

Случилось, что старичок стволовой умер летом десятого года в холерном бараке.

— И что ж ты думаешь? — рассказывал в сотый раз дед Платон. — Я говорю: кто еще к кому придет на пирожки. Как я сказал, так и вышло, в холеру помер!» (Гроссман 1955. Т. 1: 256).

[15] Примечания: 15

Ольга Семеновна Роданевич — вторая жена Семена Осиповича, врач по профессии. Каменка — город в Черкасской области Украины.

письмо от мамы, экзема продолжает ее мучить. По-моему, ей следовало бы съездить в Киев, она посоветуется с врачами и немного развлечется от ужасной бердичевской обстановки.

Когда я приезжаю на пару недель, то чувствую, как давит этот паршивый город[16]. А ей там жить годы, да еще прикованной к кровати. Тяжело.

Я работаю усиленно в лаборатории, делаю четвертую задачу на кислоты[17]. Что сказать? Интересно, очень интересно. Но «ничего иль очень мало, но чего-то не хватало»[18]. Полного, стопроцентного удовлетворения я не чувствую. Во всяком случае, мне теперь несравненно лучше, чем когда ты меня видел в свой приезд. Вообще, мне кажется, быть вполне удовлетворенным и счастливым может только дурак. Следовательно,

---

[16] Примечания: 16

Личное отношение Гроссмана к Бердичеву отличается от того образа, который он пытался создать в очерке 1929 года «Бердичев не в шутку, а всерьез»: «„Просто гражданам“ надо рассказать о Бердичеве. Пусть знают, что город этот — вполне хороший честный советский город, ничуть не хуже Уфы или Волоколамска» (Гроссман 1929: 12).

[17] Примечания: 17

Гроссман учился на химическом отделении физико-математического факультета 1-го Московского государственного университета с 1923 года.

[18] Примечания: 18

Неточная цитата из шуточной сказки в стихах «Царь Никита и его сорок дочерей» (1822) Александра Пушкина: «Ничего иль очень мало, / Все равно — недоставало».

я не дурак. У нас на Рождественские каникулы едет экскурсия старших курсов химического отделения в Германию. Посетят Берлин, Гёттинген, Баден, Рейнский водопад. Все удовольствие стоит 70 р. Предприятие заманчивое, но Бог с ним, я не поехал бы, если даже были б деньги (два «бы»). На Рождество, видно послушавшись твоего совета, поеду в Бердичев дней на 10–14.

Папа, ты летом получишь отпуск, и мы поедем на море, как в этом году. Ладно? Обязательно так сделаем, конечно, при условии, что старуха-земля не рассыпется за это время, шутка сказать: 6 месяцев.

Ну, хватит болтать.

Крепко тебя целую, береги себя,

Вася.

2.12.25 г.

2

15 февраля 1927, [Москва]

Дорогой батько[19], только сел писать тебе письмо и посвятил первую страницу его сплошной

[19] Примечания: 19

В письмах к отцу Гроссман чаще всего использует украинское обращение «батько» или «батькос». Способ обращения изменится в 1941 году, когда Гроссман начнет называть отца «папа» и «дорогой».

ругани по поводу твоего долгого молчания, как получил твое письмо. Посему снова начинаю сначала. Во-первых, я очень рад, что ты избавился от ушной боли. Будь теперь осторожен, не простуживайся.

Описал бы ты подробней свое путешествие. Каких это старых знакомых ты видал, которых не видел по 20 лет? Как здоровье Стаха?[20] Как долго ты думаешь еще сидеть в Сталине, может быть, за время своей поездки наметил себе что-нибудь? Ты спрашиваешь, почему я кончу к Рождеству? Во-первых, зачеты, их у меня 4 крупных и 3 мелких, а еще, вероятно, добавят один предмет — термодинамику.

Во-вторых, практические по физич⟨еской⟩ химии, если не удастся попасть в Менделеевском институте[21], то в университете попаду не раньше октября месяца. А в Менделеевском на физ⟨ическую⟩ химию тоже создалась очередь

---

[20] Примечания: 20

Гроссман регулярно заимствовал имена и черты друзей и знакомых для своих книг. Так, например, Стах — второстепенный персонаж романа «Степан Кольчугин»: «В маленькой комнате рядом с Софьей Андреевной жил статистик, поляк Стах. В него было влюблено множество киевских девиц, но равнодушный и ленивый Стах относился к своим почитательницам холодно» (Гроссман 1947b: 302).

[21] Примечания: 21

Московский химико-технологический институт (МХТИ) им. Д. И. Менделеева.

— 140 чел⟨овек⟩, и это чрезвычайно печальное обстоятельство. Но работы моей это пока не тормозит, ее хоть отбавляй. Мне кажется, что часть будущего года придется посидеть в Москве, но в этом нет ничего страшного. Батько, я не льщу себя надеждами, что после окончания попаду в царство божие. Отнюдь, и даже наоборот. Но это будет жизнь, какая бы она ни была, а жизнь лучше, чем не жизнь.

Ты спрашиваешь, приеду ли на лето поработать к тебе. Ей-богу, не знаю, как еще сложатся дела, может быть, у меня останется от занятий только месяца полтора и мы вместе махнем куда-нибудь просто отдохнуть. Как твой съезд в Москве: приедешь ли сюда в марте? Это было бы чудесно. Занимаюсь я теперь много, готовлю зачет по органической химии, это один из самых крупных экзаменов, займет по крайне⟨й⟩ мере месяца полтора. Развлекаюсь умеренно, был сегодня в Большом театре на «Сказании о граде Китеже»[22] и чуть не погиб от тоски. Не понимаю оперы совершенно.

Да, папа, у меня к тебе просьба: сын Кати, Вась-

[22] Примечания: 22

Премьера оперы «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии» Николая Римского-Корсакова в постановке Виктора Раппопорта состоялась 25 мая 1926 года (Римский-Корсаков 2024).

ка, уже 2–3 месяца без работы. Если б ты мог найти ему какую-нибудь работу у вас в Ин(ституту)те или где-нибудь на заводе, то буквально бы спас парня. Ему 20 лет, он член союза, работал на заводе года 2. Если найдешь что-нибудь, напиши мне. Ну, пока всего хорошего.

Крепко тебя целую,

Вася.

Книгу Ольге Семен(овне) я выслал в воскресенье.

Батько, пиши мне почаще.

15 февр. 27 г.

3

9 июля [1927, на пароходе между Нижним Новгородом и Казанью]

Дорогой батько, отъехали 100 верст от Нижнего Новгорода[23]. До Казани осталось 380. Дует сильный противный ветер. Езды еще 6–7 дней. Волга прекрасна, широка дьявольски. Закат и восход солнца на ней замечателен.

Целую, Вася.

---

[23] Примечания: 23

Джон и Кэрол Гаррард полагают, что Гроссман поехал в круиз по Волге в компании молодых людей, с которыми его познакомила двоюродная сестра Надежда Алмаз (Garrard, Garrard 2012: 78).

9. VII

4

16 [июля 1927, Казань]

Дорогой батько, приехали в Казань. Здесь конец нашему путешествию. Завтра или в крайнем случае послезавтра поедем поездом в Москву. Теперь уж могу наверное сказать, что не утону. Дней через 6 увидимся.

Сейчас займемся ликвидацией имущества на толкучем рынке. Крепко тебя целую, Вася. 16.

5

19 июля 1927, [Москва]

Дорогой батько, приехал вчера вечером в Москву. Здесь вонища, духотища, в общем, гадость. Думаю через 2 дня выехать к тебе. Чувствую себя великолепно, ударом кулака убиваю большого быка[24]. Сегодня проявил верх эксцентричности — пошел… кататься на лодке. Пока всего хорошего. Крепко тебя целую, Вася.

---

[24] Примечания: 24

Возможно, здесь Гроссман цитирует текст с лубочной картинки «Замечательнейший персицкий скороход и силач Ганао-Сали. 30-ти лет» (1894): «Силу имеет неимоверную (…) одним ударом своего кулака убивает самого свирепого быка».

19. VII.27 г.

6

4 августа 1927, [Бердичев]

Дорогой батько, сижу в Бердичеве на теткиных хлебах[25]. Поправляться уже некуда.

Дня через 3–4 думаю поехать в Москву. Получил от товарища письмо — занятья уже начались, но никто почти не приехал, думаю, что никуда не опоздаю. Как-то ты, бедняга, проводишь свои одинокие дни, очень ли скучаешь[26]. Напиши мне обязательно в Москву.

Пока крепко тебя целую, Вася.

4. VIII.27

7

8 октября 1927, [Москва]

8. X.27

---

[25] Примечания: 25

Мать Гроссмана Екатерина Савельевна жила в семье сестры Анны (ум. 1935) и ее мужа Давида Михайловича Шеренциса (1862–1938), известного в Бердичеве врача и филантропа. У них и сам Гроссман жил в детстве и, частично, в юности, а затем останавливался там, приезжая навестить мать.

[26] Примечания: 26

В это время Семен Осипович отдыхал один на море. Письмо было отправлено в Пшаду-Криницу на имя С. О. Гросмана [sic!].

Дорогой батько, был очень рад наконец получить твое письмо — первое из Сталина. Завидую тебе, что ты завален работой, что начинаешь работать в шахтах (ты себе, вероятно, не завидуешь). Если мне удастся к Рождеству выкроить 2–3 недели, обязательно приеду в Донбасс. У меня хороших новостей нет — продолжаю искать комнату, с лабораторией физич(еской) химии вышла заминка — в этом месяце не попаду в нее, вероятно, только в середине ноября или даже в декабре, меня это не очень беспокоит, работы хватит — буду прорабатывать пока технический анализ. Особенно неприятно, конечно, это отсутствие комнаты, не говоря уже о материальной тяжести такого положения[27]. Это скверно, особенно тем, что дезорганизует жизнь. Не дает возможности дома читать и работать. Надеюсь, что в течение ближайших двух недель мне удастся найти комнату. Надя мне упорно предлагала

[27] Примечания: 27

Во время студенчества Гроссман скитался по друзьям и родственникам, снимал комнату с Леонидом Таратутой в Москве на Садовой-Триумфальной, комнату в Козицком переулке с Вячеславом Лободой и самостоятельно — в Подмосковье: Вешняках и Покровском-Глебове. Его незавидное положение для российских студентов того времени было скорее правилом, чем исключением: в 1920-е годы многие из них испытывали большие трудности с жильем (Рожков 2016: 334–336).

переехать к ней[28], но я отказался, хочется с ней сохранить хорошие, дружеские отношения, а при совместной жизни это, конечно, невозможно. Батько, я подумал о том, как незаметно во мне произошла большая ломка — ведь почти с 14 лет до 20 я был страстным поклонником точных наук и ничем решительно, кроме этих наук, не интересовался и свою дальнейшую жизнь мыслил только как научную работу. Теперь ведь у меня совершенно не то. Если быть откровенным, то на месте старых разрушенных «идеалов» я не воздвиг ничего определенного; во всяком случае, мои интересы перенеслись на вопросы социальные, и мне кажется, что именно в этой области я буду строить свою жизнь, работать на этом «под прище». Химик из меня, безусловно, выйдет не блестящий: конечно, я свободно справлюсь с текущей работой на производстве, хватит и уменья и знанья, но химик — двигатель науки, исследователь — это, кажись, не по мне.

Ну ладно, пока всего хорошего.

Крепко тебя целую, напиши мне, как только

---

[28] Примечания: 28

Надежда Моисеевна Алмаз (1897 — не позже 1961) — двоюродная сестра Гроссмана, дочь Елизаветы Савельевны, сестры его матери. Оказала большое влияние на Гроссмана и помогла ему в начале его журналистской и литературной карьеры. С середины 1920-х годов Надежда с мужем и матерью жила в трехкомнатной квартире.

будет время,

Вася.

Привет Ольге Семеновне.

P. S. Если ты вышлешь Кларе 40 рублей по адресу: Москва, Чистопрудный бульвар, 11, кв. 7, К. Г. Шеренцис[29], она тебе немедленно вышлет куртку; на предложение выслать в кредит я получил отказ — они люди трезвого ума.

Деньги я получил[30].

8

10 октября 1927, [Москва]

Дорогой батько, пишу пару слов, так сказать, по делу. А дело вот в чем. Я нашел комнату за городом за 25 р. (с отоплением и всякой штукой)[31], комната не ахти какая, но есть 4 стены, пол и потолок, семья тихая, так что можно будет заниматься без помехи, а это самое важное для меня.

Теперь так: необходимы некоторые расходы

---

[29] Примечания: 29

Клара Григорьевна Шеренцис — невестка Давида Михайловича Шеренциса, жена его сына Виктора.

[30] Примечания: 30

Во время учебы в университете Гроссман в основном жил на деньги, присылаемые отцом.

[31] Примечания: 31

Комната находилась в Вешняках, этот поселок стал территорией Москвы с 1960 года.

для организации постели и прочих элементов семейного уюта, посему слезно прошу Вас, папаша, не откажите мне в моей покорной просьбе и вышлите 20 р. ассигнациями, как положение мое есть бедственное и я безработный до мозга костей.

Кроме этой новости, особенных новостей у меня нет. Рад очень, что нашел комнату, и даже заниматься перестал, думаю туда переехать через 3–4 дня.

Пока всего хорошего.

Целую тебя, Вася.

10. X.27 г.

9

22 января 1928, [Вешняки]

Дорогой батько, получил твое письмо.

В первых строках сообщаю, что я жив и здоров. Батько, дорогой, меня очень огорчило то, что у тебя сто и одно несчастье. Правда, ты мне рассказал о двух только, но и этого достаточно; что может быть хуже грязных неурядиц по службе? Скажи Косолапову, что я ему побью морду, если он «не оставит этих глупостей». По какой, собственно, линии он на тебя нападает — служебной или просто личных сплетен? Батько, а касательно

того, что доктора тебе категорически запретили работать в шахтах, то, ей-богу, нельзя к этому подходить с наплевательской точки зрения. Нельзя значит нельзя. Либо передай эту работу помощнику, либо, если это никак не возможно, то вообще оставь эту работу. Ты пишешь, что у тебя «другого выхода нет», но ведь спускаться в шахты, когда это смерти подобно, меньше всего похоже на выход. Тогда, по моему мнению, не надо откладывать на осень решение покинуть Сталин, а осуществить его сейчас. И еще, дорогой мой, я хочу сказать тебе, что если в твоем желании остаться в Сталине до осени хоть какую-либо роль играет мысль о том, что ты не сможешь, уехав, помогать мне, то я категорически протестую против этого. Этого ни в коем случае не должно быть. Плавать я немного умею и, безусловно, не утону, а если малость хлебну соленой водички, то ничего, кроме большой пользы, из этого не извлеку. Чуешь, батько? Что касается насчет твоего жительства в Москве, то что ж, скрепя сердце, пару деньков сможешь у меня прожить. Я, между прочим, решил переехать в город и предпринял поиски комнаты; хочу поселиться вместе с товарищем: он служит; вместе мы сможем платить рублей 50–60 в месяц, а за такие

деньги комнату можно найти. Радушно приглашаю тебя в эту комнату, к сожалению, только не могу еще указать адреса; разве — Москва, Васе Гросману[32]. А в Вешняках моих — снег, сосны и тишина, — в этом тоже большая прелесть, очень большая, но все ж таки очень уж утомительна эта езда взад и вперед. Ну ладно, посмотрим.

Теперь перехожу к описанию себя. Ты спрашиваешь, как я мыслю себе общественную работу. Господи Иисусе, всякая работа есть общественная, если объектом работы являются не только колбы и бюретки.

Ты говоришь о хлебе насущном: ведь я учусь «на химика» и буду работать как химик (вероятней всего). Я только хочу сказать, что химия для меня не является целью главной и единственной. Мне особенно привлекательны и кажутся для меня интересными и способными дать мне настоящее удовлетворение, наполнить меня всего два вида

---

[32] Примечания: 32

В 1920-х Гроссман обычно пишет свою фамилию с одной «с»; две «с» закрепляются в 30-х годах. Мы намеренно оставляем в этом и последующих случаях авторскую орфографию.

Судя по документам, хранящимся в семейном архиве, его официальная фамилия была именно «Гросман». Как, например, гласит справка Группового комитета писателей при издательстве «Советский писатель» от 14 апреля 1936 года: «Грушком „Советский писатель“ удостоверяет, что писатель Гросман Иосиф Соломонович (пасп. № 535116) и Гроссман Василий Семенович одно и то же лицо. Псевдоним тов. Гросмана — „Гроссман Василий Семенович“».

деятельности: политическая и литературная (их можно совместить). Я прекрасно знаю, что явись я сейчас в ЦК ВКП или в редакцию толстого журнала и предложи свои услуги, то мне предложат закрыть дверь за собой с наружной стороны.

Но я не собираюсь этого делать. Это перспектива, так сказать, цель, и думаю, что в своей повседневной работе мне постепенно удастся приблизиться и приобщиться и к этой работе. Ведь всё впереди, ты это сам говоришь. Из этого не следует, что надо сидеть сложа руки потому, что не успею оглянуться, как все будет позади. Время — это самый коварный зверь; с ним шутить опасно. Рассуждаю я, как змий, мудро и рассудительно, но, откровенно говоря, в моем нынешнем «бедственном» положении на меня иногда нападает такая тоска и черное безразличие ко всему, что вешаться впору.

Но ничего, надеюсь увидеть более светлые, осмысленные дни. Ну вот, батько, ты меня просил написать тебе по этому поводу, я и написал.

Ну, о моих «киевских похождениях», как ты выражаешься, могу сообщить: если будет на то воля Аллаха, то, по-видимому, я женюсь, если не сейчас, то через год; нравится мне мой предмет очень («влюблен» я стесняюсь писать), скучаю по

нем смертельно, взаимностью полной я пользуюсь, кажется, эти условия, на языке математиков, «необходимы и достаточны» для женитьбы[33]. Ну вот, пожалуй, и всё об этом. Как-нибудь напишу подробней (если интересуешься), а теперь чего-то не хочется.

Ты спрашиваешь о маме. Мама физически чувствует себя хорошо (сравнительно, конечно), нога почти не бунтует, почки не дюже важно; душевное состоянье у нее скверное — очень уж одиноко и тоскливо жить в Бердичеве; я тайком удивлялся ее мужеству — в такой неприглядной обстановке сохранить бодрость, живую душу, регулярно заниматься с учениками, массу читать, не опускаться и крепко держать себя в руках — это очень и очень много. И так жить могут люди с большой внутренней жизнью и большой силой души. Вот. Буду кончать. Папа, дорогой мой, пиши мне почаще, пиши о своих сто и одном

---

[33] Примечания: 33

Зимой 1927/28 года Гроссман стал встречаться со своей будущей женой, Анной Петровной Мацук, которую звал Галя (от украинского *Ганна*). Их дочь Екатерина Короткова-Гроссман рассказывала: «Он и моя мама, Анна Петровна Мацук, вместе учились в киевской профшколе — был такой вариант учебного заведения. Там и познакомились. ⟨…⟩ после отъезда отца в Москву завязалась переписка. В одном из писем он заявил, что их отношения должны быть забыты. Но потом, в конце 20-х, он, студент МГУ, приехал в Киев навестить родных, друзей, увидел маму уже взрослой девушкой, и их роман вспыхнул с новой силой» (Рапопорт 2008).

несчастье, вместе будем плакать. Будь здоров, крепко тебя целую,

Вася.

22 января 28 г.

Привет Ольге Семеновне.

10

30 марта 1928, [Вешняки]

Дорогой батько, как-то ты доехал со своим аппаратом? Молчишь, не пишешь. Что с шахтами, начали работать уже? Смотри же, не лезь в них без крайней нужды. Пускай молодые «лазають». Напиши мне обязательно поскорей.

Что у меня новенького? Кое-что есть. Во-первых, работа, которую мы начали при тебе. Она разрослась до больших размеров — Надина комната превратилась в настоящее советское учрежденье[34]. Две машинистки трещали с утра до вечера, и я как управдел важно диктовал им. Вчера, слава богу, закончили.

Вышло почти 70 страниц. Надя отнесла сей труд в Комакадемию, и начальство одобрило.

---

[34] Примечания: 34

Надежда Алмаз работала в те годы личной помощницей Соломона Лозовского, генерального секретаря Профинтерна; благодаря ей Гроссман получил работу по составлению отчета для Коммунистической академии, о которой пишет в этом письме.

Будем денежки скоро считать. Возможно, что на днях будет еще одна работа. Был я на конгрессе Профинтерна — над столом президиума красные транспаранты с лозунгами — есть и твоя работа. Интересное впечатленье производит вид стольких иностранцев. Кого там только нет — немцы, американцы, негры, японцы, индусы, турки. И все это галдит на своих языках.

Вчера пошел (по собственной инициативе) в театр ⟨на⟩ «Горе уму»[35]. Скажу — как отец-эконом говорил: «не ндравится мне это, не ндравится»[36]. К чему этот фокстрот? К чему Лиза стреляет из монтекриста? К чему дурацкая символика и искусственные конструкции? «Не ндравится». Хочу посмотреть «Блоху», «На дне» и «Гамлета»[37]. Ведь я решил стать театралом.

---

[35] Примечания: 35

Премьера спектакля, поставленного по разным редакциям и вариантам пьесы Александра Грибоедова, состоялась в марте 1928 года в Государственном театре им. Всеволода Мейерхольда (ГосТиМ). Александр Гладков вспоминал о спектакле так: «Спектакль вызвал обычный шум и столкновение мнений в печати, на диспутах, в коридорах и курилках театра и антрактах. Отзывы отрицательные на этот раз преобладали ⟨…⟩ Дружное неприятие премьеры 1928 года критикой помимо прочего объяснялось также простым, но роковым для успеха спектакля фактом — он был выпущен сырым и недоработанным» (Гладков 1974: 182–184).

[36] Примечания: 36

Отсылка к рассказу Чехова «Архиерей» (1902), см. также письмо отцу от 3 февраля 1934 года (с. 138) и письмо Ольге Роданевич от 12 февраля 1927 года (с. 774).

[37] Примечания: 37

«Гамлет» и «Блоха» — спектакли из репертуара Второго МХАТа. Премьера «Гамлета» в постановке В. Смышляева, В. Татаринова, А. Чебана состоялась в 1924 году; премьера «Блохи» (по рассказу «Левша» Николая Лескова, инсценировка Евгения Замятина) в постановке А. Дикого — в 1925 году. Под «На дне» Гроссман, скорее всего, имеет в виду знаменитую постановку Станиславского и Немировича-Данченко, премьера которой состоялась еще в 1902 году (см. также письмо к отцу от 12 февраля (1929 года), с. 76).

Сегодня уже начал заниматься. Эти дни я совершенно не занимался, был занят с утра до позднего вечера. Да, батько, мне предложили замечательнейшую вещь — на два месяца поехать в самые заброшенные углы Туркестана[38] — почти на отрогах Памирского плоскогорья. Ехать с экспедицией на 2 месяца, отъезд в начале мая. Если дело выгорит, я поеду, чего там, ведь такой случай может наклюнуться раз в 100 лет. Такого там навидаю и насмотрюсь, что почище тысячи и одной ночи. Ей-богу.

Ну, будь здоров, пиши мне обязательно, береги себя. Крепко целую,

Вася.

Привет Ольге Семеновне.

30. III.28 г.

11

12 апреля 1928, [Вешняки]

Дорогой батько, получил твое письмо. Прежде всего, большое тебе спасибо за те строки любви, что ты написал мне. Дорогой мой, я не умею выразить своих чувств, но когда я прочел твое письмо,

[38] Примечания: 38

Предположительно, возможность отправиться в поездку у Гроссмана появилась благодаря Надежде Алмаз (Garrard, Garrard 2012: 81).

сидя у себя в Вешняках, то вдруг заплакал как дурак. Почему? Я не знаю, может быть, как битая собака скулит, когда ее кто-нибудь погладит. Это преувеличенье — я не битая собака, конечно, — но ты прав, мне порядком холодно жить на этом свете. Не знаю отчего, но во мне нет ощущенья радости жизни. Пожалуй, единственное, что я воспринимаю остро и полно, — это природу и тяжелый человеческий труд. Ей-богу, люди очень несчастны.

Я ехал сегодня поездом домой — вагон набит рабочими, все кошмарно пьяны (скоро Пасха); поглядел я на старика одного — он пел что-то высоким тонким голосом, «веселился», лицо изъедено заводской пылью, глаза мутные, неподвижные, как у мертвеца (пьян), и стало мне чертовски тяжело — жизнь течет в тяжелых буднях изнурительного труда, а приходит праздник, которого ждут целый год, — Пасха, — и люди веселятся в истерическом пьяном чаду; от «веселья» ходят неделю хмурыми, больными, а потом опять ждут праздника[39]. Горький часто говорит:

---

[39] Примечания: 39

Эти впечатления позже легли в основу эпизода празднования Пасхи в первой книге романа «Степан Кольчугин» (Гроссман 1955. Т. 1: 15–23).

«людей жалко»[40]. Действительно, жалко людей.

Ну ладно, перейду, так сказать, к повестке дня. Вопрос о моей поездке в Фергану решен в положительном смысле.

Утвердили меня. Отъезд назначен на 2 мая. Срок поездки — 2 месяца. Жалованье, собаки, мне дали совсем малюсенькое — 60 р. в месяц, проезд, конечно, на казенный счет. Работа будет очень интересная — обследование экономических, культурных, бытовых условий местного населенья. Кроме того, будем знакомиться с тамошней нефтяной, шелковой, хлопковой промышленностью, вероятно, посетим знаменитые радиевые прииски[41]. Это, так сказать, сторона поездки «серьезная». А «несерьезная» меня тоже очень интересует, говорят, что в мае месяце степь цветет — вся покрыта красными тюльпанами, в июне она уже превращается в пустыню — солнце выжигает. Наверное, чудесное зрелище — цвету-

---

[40] Примечания: 40

Ср.: «Жалко людей; люди живут плохо; надо, чтобы они жили лучше, — таков единственный незамысловатый мотив всех рассказов, романов, стихотворений и пьес Горького, повторяющийся чем дальше, тем чаще» (Чуковский 2012: 192).

[41] Примечания: 41

Радиевый рудник Тюя-Муюн был единственным в Российской империи и первым в СССР рудником, в котором добывали уран. Открыт в начале XX века; экспедицией, направленной туда в 1916 году, руководил академик Вернадский.

щая пустыня. И звезды там, наверное, не такие, как у нас. В общем, я очень доволен, что еду. Боюсь только, а вдруг в последнюю минуту выйдет заминка и дело расстроится.

Теперь относительно лаборатории — я место за собой зафиксирую, так что задержек у меня не будет осенью, потеряю только эти 2 месяца. Но, ей-богу, мне кажется, что я, наоборот, выиграю, а не потеряю.

Батько, дорогой мой, напиши мне, если будет свободное время.

Береги себя, если почувствуешь себя скверно — объявляй забастовку.

Крепко целую тебя,

твой Вася.

12 апреля 28.

12

25 апреля 1928, [Вешняки]

Дорогой батько, все время хотел написать тебе и был так собачьи занят, что никак не мог урвать ни минуты. Да и теперь тоже занят. Навалились на меня все дела сразу — подготовка к туркестанской поездке, надо читать, входить в курс будущей работы; хочу перед отъездом сдать зачет — усиленно готовлю его; дорабатываю задачу

в лаборатории; улаживаю всякие административно-хозяйственные истории; в общем, хлопот полон рот.

Батько, и ты молчишь, я беспокоюсь, не заболел ли ты? Если ты очень занят и не можешь написать письма, то черкнул бы открытку в пару слов. А то, ей-богу, нехорошо получается, месяц от тебя никаких известий. Что я могу сказать о себе? Очень доволен, что еду в далекие страны, ведь это почти что Владивосток. А так у меня ничего нового нет, даже настроенья нет, когда человек много занят, то он ни о чем не думает, живет, и больше никаких. Получил сегодня письмо от Лёвы[42], ему там весьма скверно — жалуется, что начал кашлять, температурить. Наши хлопоты о нем кончились неудачно — никто ничего не хотел сделать. Бедняга.

Получил, батько, костюм, мне он очень понравился, отдал его перешить за 15 руб. Спасибо

---

[42] Примечания: 42

Предположительно, речь идет о школьном друге Гроссмана Льве Левине. Во время обыска в квартире Надежды Алмаз в ночь с 28 на 29 марта 1933 года среди прочего были изъяты две фотокарточки, при этом Гроссман «заявил, что фотографии получил от своего товарища Левина Льва — троцкиста, бывшего в ссылке» (ЦА ФСБ. Р-35567. Т. 1. Л. 7). В базе репрессированных «Открытый список» есть сведения о Льве Ильиче Левине, родившемся в 1903 году и отправленном в 1928 году в ссылку в Ачинск (Открытый 2024b). После ссылки он вернулся в Киев вместе с семьей, жил на ул. Саксаганского, 12/7, в июне 1941-го мобилизован, пропал без вести в сентябре 1941-го (ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977520. Д. 169).

тебе, когда одену его, сразу приобрету вид посланника.

Теперь, батько, я хочу с тобой поговорить о делах. Денег ты мне не присылай ни в мае, ни в июне. Мне хватит жалованья, кот⟨о⟩ро⟨е⟩ буду получать. Потом, батько, вот что. Я бы очень хотел по возвращении поехать в Криницу[43], поехать с женой (жуткое слово)[44]; вернусь я, самое позднее, числа 5-го июля. Если б ты списался с Хариными[45] заранее, чтобы они оставили комнаты нам, было б очень хорошо.

Между прочим, Надя очень хочет после своих грязей тоже поехать в Криницу, ты поедешь тоже; ей-богу, не стоит ни в какие другие места ехать — все равно ничего лучше в СССР нет.

Вот мы и составим колонию. Так вот, ежели ты спишешься — я бы по возвращении из Туркестана сразу бы махнул в сей рай земной. Теперь

---

[43] Примечания: 43

Криница — приморский поселок недалеко от Геленджика, в который Гроссман регулярно ездил отдыхать с отцом и в котором с 1880-х до конца 1920-х годов существовала колония интеллигентов-народников (Панаэтов 2011).

[44] Примечания: 44

Предположительно, Гроссман и Анна Мацук поженились весной 1928 года.

[45] Примечания: 45

Харины — семья, у которой Гроссманы обычно снимали комнаты в Кринице.

относительно денег — вернусь я, вероятно, с весьма небольшим капиталом. Так ты мне вышли в конце июня в Москву.

Ну вот. Теперь вот что и совершенно серьезно: если у тебя какие-либо другие планы или ты хочешь летом «подкопить» денег, то, ради бога, ни в коем случае не реализуй моих планов. Слышишь, папа? Ведь это, в конце концов, баловство, и если для тебя это стеснительно, то ни в коем случае не делай этого. Слышишь?

В Москву мне не пиши, я, вероятно, еду 2 мая, так что письмо твое меня не застанет. Напишу тебе по прибытии на место. Пока всего хорошего, крепко целую тебя, будь здоров. Вася.

Привет Ольге Семеновне.

25. IV.28 г.

13

9 мая 1928, [Ташкент]

Дорогой батько, сижу в Ташкенте. Завтра еду на место работы — городок Каунчи[46] Ташкентского округа — 30 минут езды от Ташкента. Пока все очень интересно, масса новых впечатлений.

---

[46] Примечания: 46

С 1934 года Каунчи был переименован в Янгиюль; находится примерно в 30 км от Ташкента.

Жара здесь меньше, чем в мартеновском цеху; хотя говорят, что в июле здесь бывает около 70°, но в июле меня здесь уж не будет — пробуду здесь 6 недель. Очень хотелось бы по окончании работы на день съездить в Самарканд — если останутся деньги, обязательно это проделаю. В материальном отношении я вполне обеспечен; стол у нас будет коммунный — ведь нас приехало 30 человек студентов-обследователей. В общем, все хорошо. Через несколько дней напишу подробней.

Пока всего хорошего.

Крепко целую, Вася.

Привет Ольге Семеновне.

9 мая 1928

14

18 мая [1928, Каунчи]

Дорогой батько, окончательно обосновался. Доволен. Работа интересная; благодаря ей знакомлюсь не только с внешностью Востока, но и с интереснейшими процессами экономики, культурной жизни и пр. Езжу по кишлакам, наблюдаю быт; сведений, впечатлений, интересных фактов, встреч, разговоров много. Очень интересен здесь базар — прямо-таки слепит глаза

яркость и пестрота красок, никак не могу привыкнуть к виду упряженного верблюда. Вчера был в очень интересном кишлаке, переходящем на новые рельсы, — строится большая школа, радио, мечети пустуют, есть большой колхоз, трактор, женщины снимают паранджу. Ей-богу, здорово! Председатель тамошнего сельсовета, инициатор и вдохновитель всех этих новшеств, — высоченный узбек, не умеющий говорить по-русски, безграмотный, но, как говорится, «министерская голова». Все дела он вершит, сидя в чайхане, скрестив ноги и попивая бесконечное количество чая. Разговор мой с ним был несколько скучен, т. к. общих слов у нас оказалось не больше 10.

Ты меня извини за коротенькое письмо, надо бежать. Обязательно и всенепременно напиши мне возможно скорей. Крепко целую, Вася.

Привет Ольге Семеновне.

Мой адрес:

Ст⟨анция⟩ Кауфманская (Ср⟨едне⟩-Аз⟨иатской⟩ ж⟨елезной⟩ д⟨ороги⟩),

Каунчи, Районный комитет партии, В. С. Гросману.

18 мая

15

1 июня 1928, [Каунчи]

Дорогой батько, сижу в Каунчи уже 3 недели. Чего я делал это время? Работал — обследовал, подбирал статистические данные о социальной дифференциации кишлака и аула, считал ишаков, лошадей и верблюдов и всякая такая штука. Ты знаешь, у меня создается впечатленье, что здешние дехкане гораздо революционнее наших российских крестьян — агрономы, землемеры, сов- и партработники рассказывают, с какой охотой идут здесь к новым методам обработки земли, как требуют трактора, удобрения; агроном прочел за 5 месяцев 135 лекций крестьянам «о правильной» обработке земли; говорит, что агропункт не в состоянии удовлетворить всех требований дехкан об устройстве на их земле показательных участков. Чувствуется большая тяга к знанью, по району имеется несколько школ ликбеза для взрослых, организуются с осени еще новые. Безграмотность здесь тем не менее потрясающая, — как правило, председатели кишлачных советов и секретари ячеек безграмотны. Но это не так страшно, народ хочет учиться, учится и, конечно, выучится.

Особенно бурно и с болезненными эксцессами здесь идет кампания за раскрепощение женщины, снятие паранджи. Часты убийства мужьями жён, снявших паранджу. Позавчера здесь вышел трагический случай — жена-узбечка желала учиться, муж не давал, она решила с ним развестись; пришли в каунчийский совет, когда церемония развода кончилась, муж выхватил нож и воткнул ей в сердце. Она через пару часов умерла; совсем еще девочка — 17 лет. Бедняга, ей в женотделе уже обещали послать ее в Ташкент учиться, и вдруг…

Ну-с, расскажу о себе — устроился я неплохо, комната хорошая, на пять человек, правда; студенты, с которыми я приехал на работу, народ очень славный, некоторые из них говорят хорошо по-узбекски, что очень помогает не знающим языка; одна беда здесь — собачья дороговизна, гораздо дороже, чем в Москве, мне моих 60 рублей хватает, но, что называется — как раз; ни копеечки не остается на «высшие потребности». Стол, папиросы, прачка, квас — этим я обеспечен.

Чувствую себя хорошо, даже поправился. Жары настоящей еще нет, она начнется только в июле месяце; пока термометр показывает 40° с хвостиком, местные жители говорят «тепло».

Работа наша кончится 20 июня. Числа 27–28-го я буду уже в Москве. Батько, я послал тебе из Ташкента 2 письма и отсюда письмо, пару открыток с дороги, от тебя пока ни слова не имею. Неужели письмо еще не дошло? Или ты его не написал? Очень прошу тебя, ответь на мое это письмо немедленно, не то, если отложишь на несколько дней, я не получу его — оно меня не застанет. Напиши обязательно, как твое здоровье, лазишь ли в шахту, какие у тебя планы насчет будущего.

Крепко тебя целую, будь здоров, Вася.

Теплый привет Ольге Семеновне. (При переводе понятия «теплый» со среднеазиатского на российские градусы получается «горячий».)

1 июня 1928 г.

На всякий случай сообщаю еще раз свой адрес: ст⟨анция⟩ Кауфманская (Ср⟨едне⟩-Аз⟨иатской⟩ ж⟨елезной⟩ д⟨ороги⟩), Янги-Юльский райком КП(б), Уз⟨бекистан⟩. В. С. Гросману.

16

[Июнь 1928, Каунчи]

Дорогой батько, я тебе катаю письма и открытки, а ты молчишь, так упорно, будто со злым умыслом. Не знаю, что и думать. Не заболел ли ты, аль рассерчал на меня? Как будто не на что

— работаю здесь в поте тела и лица на благо социалистического отечества, насчет выпивки принял решение (новое) в Москве еще — постановил поставить точку, постановленья этого держусь строго, не нарушал и не нарушу.

Нет, серьезно, я очень беспокоюсь тем, что ты не пишешь. Мне все кажется, что с тобой что-то случилось, когда ты в шахту лазил, — камень на тебя свалился или с сердцем неладно. Сюда уже поздно писать, письмо меня не застанет — пиши в Москву на адрес Клары, Чистые Пруды, 11, кв. 7, а то Надя и тетя Лиза тоже уедут к началу июля и на квартире у них никого не будет.

Да, батько, как будет с Криницей. Ты писал туда? В каком месяце ты берешь отпуск?

Что у меня слышно? Работу кончаю 20-го, значит к 25-му буду в Москве. Впечатлений набрал такой ворох, что всего не опишешь; увидимся — расскажу много интересного. Чувствую себя, в общем, хорошо, настроенье хорошее. Беда только, что очень жарко становится — в тени 45–50°, пот катит, как водопад, да и москиты проклятые появились — кусают зверски. Ну ладно, очень прошу тебя, напиши мне в Москву.

Крепко целую тебя, будь здоров, Ва.

Привет Ольге Семен(овне).

17

22 июня [1928, Каунчи]

Дорогой батько, получил твое письмо наконец-то. Ей-богу, это свинство. Мама написала, что ты ей давно не пишешь, и я на мои письма получал в ответ упорное молчанье — решал, что с тобой бог весть что случилось, хотел телеграфировать, ехать в Сталин. Последние дни совсем укрепился в мысли, что ты в лучшем случае болен, и думал об этом все время с утра до вечера. Наконец получил твое письмо, оказывается, их Величество не могло собраться написать; ну ей-богу же, это свинство. Ладно, пущай так, абы ты был здоров. Все ж таки очень прошу, напиши мне в Москву поскорей и не «задерживайся» опять на два месяца. Я выеду в Москву, вероятно, через 2 дня — почему ты удивляешься, что так скоро? 2 мая выехал из Москвы, 28 июня вернусь — 2 месяца без четырех дней, это не так мало. Подводя итоги, остаюсь очень доволен: во-первых, практически поработал, получил целый ряд навыков, сведений и т. д. Во-вторых, имел возможность своими глазами увидеть целый ряд интереснейших явлений нового строительства в Узбекистане. Ты чего-нибудь знаешь о земельно-водной реформе

в Средней Азии в 1925 г.?[47] Собственно, с этой реформы и ожил весь Средний Восток. У баев была отобрана вода и земля (несколько сот тысяч десятин), и все извечные батраки, рабочие, издольщики — чайрикёры, были наделены землей, инвентарем, водой, скотом. Но отобранной земли не хватило, чтобы наделить всех безземельных, и было приступлено к орошению, «обарычиванию» степи. В 10 верстах от Кауфманской находится как раз кишлак Ислахат (по-русски «Реформа»), до 1925 г. на этом месте была голая степь, которая летом выгорала совершенно, теперь там 492 хозяйства, 2000 десятин засеяны хлопком, есть 3 школы, радио, красная чайхана. Этот Ислахат населен дехканами, которые сплошь до 1925 года либо батрачили у баев, либо работали рабочими по прорытию арыков. Весной у них работало 26 тракторов, почти вся запашка была обществен-

[47] Примечания: 47

В 1925–1929 годах, после расформирования в 1924 году Туркестанской республики, советское правительство провело так называемую земельно-водную реформу, которая, по сути, сводилась к национализации земли и водных ресурсов и последующей коллективизации сел (Аскаров 2016).

ной, создано 11 колхозов. В общем, здорово[48]. Ну да ладно, увидимся летом, обо всём потолкуем, а то я начну писать целый реферат, и будет скучно. Ты спрашиваешь относительно лета? Что ж, батько, я всячески хочу поехать в Криницу, больше того, я уже почему-то считал это дело решенным и написал Гале, чтобы она взяла себе льготный проезд до Новороссийска[49]. В университете лекции кончились 1 мая, а практические занятия — 15 июня, так что к моему приезду все будет давно закончено. Сидеть мне в Москве нечего, и я хотя бы на второй день могу выехать в Новороссийск. В Сталино мне заехать будет неудобно, мне кажется. Ты мне напиши, можно ли туда, в Криницу, сразу поехать, может, Харины сдали комнаты? Вообще, так сказать, конкретно.

---

[48] Примечания: 48

После поездки в Узбекистан Гроссман опубликовал две статьи. Первая называлась «Узбечка на кооперативной работе» и была напечатана 7 июля 1928 года в «Нашей газете», выпускаемой Центральным комитетом и Московским губернским отделом профсоюза советских и торговых служащих СССР (Гросман 1928b). Вторая — о земельно-водной реформе и кишлаке Ислахат — вышла 13 июля в «Правде» (Гросман 1928a). Как и в письмах 1920-х годов, в обоих случаях фамилия автора написана с одной «с» (см. примеч. на с. 41–42 к письму Гроссмана отцу от 22 января 1928 года).

[49] Примечания: 49

Гроссман и его первая жена Анна Мацук продолжали жить в разных городах и после женитьбы. Он, пока учился в университете, в Москве, а она — в Киеве. Галя училась в Киевском институте народного хозяйства (сейчас Киевский национальный экономический университет им.

Вадима Гетьмана) на юридическом факультете (Anissimov 2012: 89).

Насчет денег я с собой ничего не привезу — тут такая собачья дороговизна, вдвое дороже, чем в Москве. Ну да ладно, как-нибудь.

Батько, дорогой мой, езжай в Криницу и Ольгу Семеновну убеди, ей-богу, на Волге в 100 раз хуже, а тебе тем более надо хорошо отдохнуть. Ей-же-ей, лучшего места нет — обязательно приезжай, чуешь, батько? С какого месяца ты берешь отпуск?

Ну-с, что рассказать о себе — чувствую я себя хорошо, только похудел малость, от жары, вероятно, да москиты безбожно покусали. Тут удивительно однообразный стол — плов и шашлык, шашлык и плов, хучь плачь[50]. Что касается здешней жары, я ее переношу очень свободно, да и жара-то настоящая начнется в середине июля, а теперь, как говорят местные жители, «тепло» — градусов 40–45. Между прочим, интересно, как человек ко всему привыкает — в первые дни я разиня рот глядел на верблюжьи караваны, узбеков в чалмах и халатах и всякую восточную штуку, а теперь привык — идет верблюд или живописнейшая группа восточных людей сидит в чайхане, а я хоть бы что, никакого вниманья,

---

[50] Примечания: 50

Отсылка к рассказу Михаила Зощенко «Честный гражданин» (1923), в котором автор письма в милицию повторяет в своем тексте фразу «Хушь плачь».

как будто в Бердичеве по Белопольской улице[51] хожу, это немного обидно, что острота новизны так быстро притупляется; самая приятная штука — новизна-то эта. Тут у меня еще одно несчастье — это путешественный зуд. Ведь отсюда очень близко во всякие замечательные места — 2 дня до Китая, 2 дня до Памира, 2 дня до Индии, Персии, Афганистана, — лежишь ночью, глядишь вверх, и такая охота попереть во все эти страны, что вспоминаю твою детскую надпись на карте: «Эх, если б мне крылья».

Ну ладно, пока всего хорошего, целую тебя крепко, Вася. Привет Ольге Семеновне.

P. S. Батько, так ты мне отвечай немедленно в Москву, ведь если такой переписки ты не ведешь, то отвечайте, сударь, на «деловые» письма.

22 июня.

18

3 июля 1928, [Москва]

Дорогой батько, приехал в Москву. По дороге чуть не сдох от собачьей жары. Никого и ничего не застал — всё и вся закрыто и уехало. Думаю

[51] Примечания: 51

Белопольская улица — улица, ведущая от бердичевского железнодорожного вокзала в сторону города Белополье.

посидеть здесь дня 3–4 и поехать в Киев. Из Киева тотчас же на Криницу. Получил вчера твое письмо на Кларин адрес; ты насчет Криницы ничего определенного не пишешь, но я думаю, что комнату можно будет найти; хорошо, если свободны харинские комнаты; ну да ладно, увидим на месте. Ты пишешь, что с 1 августа идешь в отпуск — обязательно и всенепременно ты приезжай в Криницу, ей-богу, лучшего места не найти, да и проживем вместе, наговоримся о всякой всячине, я уж соскучился по тебе, очень хочется с тобой увидеться. Насчет поехать сейчас в Сталино, по-моему, будет очень неудобно в смысле «транспорта». Лучше уж давай увидимся сразу в Кринице, ведь немного осталось — недели три. Я думаю взять билет, льготный, Москва — Новороссийск через Киев; если дадут, то этот крюк обойдется всего в пару рублей. Ну-с, значит, решено (когда?), что ты всенепременно прямо из Сталина прикатишь в Криницу. А как Ольга Семеновна, все еще хочет по Волге? Ей-богу, не стоит, отсоветуй ей. Деньги — 50 р. у Клары я получил, да и у тети Лизы есть еще 40 р. моих; с этой монетой можно будет добраться до места и на первое время хватит. Ты уж мне сюда не пиши, очевидно, письмо не застанет, но вот еже-

ли напишешь «Геленджик до востребования И. С. Гросману», то письмо твое меня как раз поймает. Я тебя очень прошу, так и сделай, по пути в Криницу я в Геленджике заполучу твое письмо, может быть, ты узнаешь чего-нибудь насчет комнаты, и я буду знать, куда сразу заехать. Так ты уж нарушь свой обычай, напиши, непременно.

Пока всего хорошего, до скорого свиданья, крепко целую тебя, Вася.

Передай мой среднеазиатский привет Ольге Семеновне.

Ольга Семеновна, чего Вам на Волгу ездить?

Ну, Волга,

ну, пароход,

чтоб я так жил, ничего интересного.

Нет ничего лучше, чем «морэ».

3. VII.28

19

18 июля [1928, Криница]

Дорогой мой, пришел почтальон и сейчас уходит; пишу пару слов, больше не успею. Остановился(ись) у Наталии Григорьевны в комнате б⟨ывшей⟩ Ольги Семеновны, через три дня освободится вторая комната, условился с Нат⟨алией⟩ Григорьевной оставить ее для тебя. Здесь чудес-

но, обязательно приезжай тотчас, после сможешь поехать по Волге, а то не застанешь нас — я думаю числа 15–20 августа уехать. Так что обязательно приезжай сейчас. Убеди и Ольгу Семеновну, пущай едет. Здесь чудесно хорошо.

Обязательно напиши мне сейчас же, что думаешь делать; через пару дней напишу подробней.

Целую,

Вася.

Адрес, надеюсь, ты не забыл.

P. S. В Геленджике получил письмо и деньги.

18 июля.

20

21 июля [1928, Криница]

Дорогой батько, пишу подробней об криничанских делах. Поселились в той комнате, в которой жила Ольга Семеновна. Завтра освобождается вторая комната — Наталья Григорьевна ее оставляет свободной для тебя (ведь к 1 августа ты приедешь?). Плата 20 р. в месяц. Со столом хуже. Кормить нас Наталья Гр⟨игорьевна⟩ отказалась — нет лошади возить воду. Столуемся у ее дочери — это неудобно довольно — бегать четыре раза в день, да и народу там много, 20 человек, весьма противная публика, дамы весом от шести пудов и

выше, и за столом тошнотные разговоры. Кормят хорошо. Берут 60 р. в месяц с души. Может быть, когда ты приедешь, то найдешь ход к сердцу Натальи Гр(игорьевны) и убедишь ее столовать нас дома. С хлебом здесь не благополучно[52], но, в общем, ничего страшного, фатает. В смысле красот природы все по-прежнему великолепно. Море тихое-тихое эти дни. Ну ладно. Батько, я по тебе очень соскучился, приезжай обязательно, потолкуем о всяких всячинах.

Наблюдаю себя в положении женатого человека — очень занятно, хотя без привычки неловко немного. Крепко целую тебя, Вася.

21 июля.

Думаю, что вместо ответа на это письмо ты приедешь сам. Привет Ольге Семеновне.

21

[20–21 августа 1928, Ростов]

---

[52] Примечания: 52

Лето 1928 года на Кубани — время перехода к коллективизации сельского хозяйства и преддверие массового голода. В сводке № 27 Информотдела ОГПУ о ходе хлебозаготовок по материалам на 3 июня 1928 года о положении в Геленджикском районе сообщается следующее: «В Геленджикском районе вопрос с хлебоснабжением продолжает по-прежнему стоять остро. Так, в селах Фальшивый Геленджик, Прасковеевка, Михайловский Перевал, Лысые Горы, Марьина Роща и Солнцедар не имеется запасов муки вовсе» (Трагедия советской деревни 1999: 284).

Дорогой батько, приехали в Геленджик как раз в тот момент, когда отходил автобус, пришлось поехать катером, сильно качало. Людмила и Галя по дороге несколько раз заезжали в Ригу[53], почти всех укачало, только я и капитан чувствовали себя прекрасно. На вокзал приехали за 20 м. до отхода поезда, но успели взять билеты (3 р. носильщику). Из Новороссийска поезда отходят в 5 и 6 ч. 10 м. вечера. Не езди с Колей, лучше вызови извозчика из Геленджика, укачает на подводе смертельно. Пишу тебе в Ростове на вокзале за тем самым столом, у которого мы ждали поезда с тобой. Немного грустно. После дорожной пыли, шума, гвалта Криница представляется как страна обетованная, рай на земле. Сиди здесь до последней возможности, купайся осторожно, гуляй побольше и не скучай. Крепко тебя целую, Вася.

22

21 августа [1928, Ростов]

Дорогой батько, [*нрзб.*] Теперь сидим в Ростове. Пока путешествие шло блестяще. Густав нас привез в 3 часа так, что мы едва успели скакнуть на катер, а затем с той же стремительностью

---

[53] Примечания: 53
Поехать в Ригу — извергнуть рвоту.

на поезд (скорый). Посадка была легкая, вагоны полупустые. Кстати, к твоему сведенью — есть 2 поезда, один поезд в 7 ч. 25 м., другой в 9. В Ростове сидеть целый день — поезд на Екатеринослав (через Ясиноватую) в половине восьмого[54]. Купил кучу газет и журналов, бандеролей здесь в продаже нет, кое-как обклею, не знаю, дойдет ли[55]. На всякий случай сообщаю «последнюю информацию» по всему земному шару: ничего особенного, все продолжается по-прежнему, войн и революций нет[56].

Как-то ты, батько, живешь в Кринице, очень ли было коломытно первое время? Скучаешь ли сейчас, как устроился с едой — все эти вопросы меня весьма интересуют. Я себе так живо представляю, как ты пьешь чай на веранде — полстакана

---

[54] Примечания: 54

До 1926 года город Днепр назывался Екатеринославом. Ясиноватая — станция Донецкой железной дороги.

[55] Примечания: 55

Судя по всему, в Кринице газеты и журналы приобрести было сложно или невозможно, поэтому Гроссман, уехав из приморского поселка, покупает их в больших городах и отправляет отцу почтой.

[56] Примечания: 56

Существует предположение, что Гроссман таким образом намекает, что в газетах нет ничего о новой волне арестов после «Шахтинского дела»: громкого судебно-политического процесса, проходившего весной и летом 1928 года, в рамках которого 53 руководителя и специалиста угольной промышленности Донбасса были обвинены в экономической контрреволюции. Приговоры, по большей части обвинительные,

были вынесены 6 июля 1928 года. Подробнее об этой версии: Бит-Юнан, Фельдман 2016: 61–63.

настоя, полстакана молока; а вокруг сидят практиканты: лицемерный Норд-Ост, лукавый серый кот, черный кот, меланхоличный и равнодушный, как Печорин, лицо твое вдруг приняло хищное выражение, блеснул нож и легкомысленная оса, рассеченная ножом, упала в тарелку с налистниками; а вот ты сидишь на площадке и глядишь на море, такой же меланхоличный и грустный, как хромой черный кот. Батько, ей-богу, плюнь на все и береги свое здоровье. В это наше свиданье мы с тобой по душам не говорили, может быть, я ошибаюсь, но у меня создалось впечатленье, что у тебя какие-то неприятности, о которых ты мне не хотел сказать. Так ли это?

Ей-богу, мне так было тяжело глядеть на тебя последние дни — чувствовалось, что есть какой-то червячок. Батько, дорогой мой, я тебя очень люблю, не чуди, пожалуйста.

Интересно, что мы объясняемся по большей части в письменной форме. Вот до чего дошел бюрократизм, проник и в отношенья отца с сыном.

Ну ладно, будь здоров, не грусти, поправляйся.

Целую тебя крепко, Вася.

Кланяется тебе Галя.

21. VIII

23

26 августа 1928, [Одесса]

Дорогой батько, после долгих странствий и мытарств прибыл в Одессу. Погода здесь великолепна, купаюсь в том же море, что и ты, и вместе смотрим на одни и те же горизонты. Мама чувствует себя хорошо — ничего не болит, поправилась, продолжает лечиться в городе[57]. Я ее убеждаю остаться возможно поздней — числа до 10–15-го, деньги у нее есть (прислали из Аргентины)[58]. Я думаю ехать отсюда числа 31-го и в Киеве посидеть дня 3. Как-то ты живешь теперь, очень ли скучаешь, как сердце?

Не знаю, получу ли от тебя письмо в Одессу, если нет, то очень жаль — не буду знать, когда ты уезжаешь: 1-го или 13-го. Получил ли ты газеты и журналы — я послал из Ростова и Екатериносла-

---

[57] Примечания: 57

Екатерина Савельевна была родом из Одессы и регулярно приезжала туда на лечение.

[58] Примечания: 58

В Аргентине жили две сестры Екатерины Савельевны. В анкете личной карточки члена Союза писателей СССР, заполненной в 1952 году, Гроссман пишет: «Две сестры моей матери эмигрировали в Южную Америку за много лет до революции» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 39. Ед. хр. 1658. Л. 8 об). В семейном архиве Гроссмана — Губер хранится письмо Гроссману от одной из сестер Екатерины Савельевны, Гисты, написанное 12 декабря 1956 года.

ва? Сегодня пошлю еще пачку. Вообще сообщаю последние новости: Ланцуцкий был выпущен из тюрьмы, через 4 дня снова арестован и после массовых протестов выпущен опять[59]. Сегодня подписывают пакт Келлога[60], Венизелос будет президентом Греции[61]. Остальные новости не дюже важные. Ну ладно, иду на почту, не скучай, дорогой мой батько, поправляйся и пиши мне в Москву. Крепко тебя целую, Вася.

26 августа 1928 г.

24

13 сентября [1928, Москва]

Дорогой батько, вот уже два дня, как я в Москве. Занятья ввиду ремонта у нас начнутся только 24 сентября. Ужасно досадно, что я порол такую

---

[59] Примечания: 59

Станислав Ланцуцкий (1882–1937) — польский коммунист, с 1924 года находился в заключении, вышел на свободу в августе 1928-го. В 1929 году бежал из Польши в СССР, где в 1937-м был арестован и расстрелян за «участие в польской националистической террористической организации» (Ланцуцкий 2024).

[60] Примечания: 60

Пакт Бриана — Келлога — договор об отказе использовать военные действия в качестве инструмента внешней политики, инициированный Францией и США, — был подписан 27 августа 1928 года 15 государствами, позже к ним присоединились почти все существовавшие в то время страны. СССР подписал Декларацию о присоединении к пакту 6 сентября 1928 года.

[61] Примечания: 61

Элефтериос Венизелос (1864–1936), в 1920-е годы лидер Либеральной партии, стал не президентом, а премьер-министром Греции 4 июля 1928 года.

горячку, уехал из Криницы, сидел в Одессе как на иголках и все такое.

Здесь положенье у меня скверное. Комната, о которой Шура [62]говорил как уже о моей, оказалась мифом: товарищ этот ищет себе работу в Москве и, возможно, найдет ее, а мамаша, которая должна была греться у печки, пока меня не пускает «до выяснения». В общем, очевидно, это дело прогорело. Я опять пробавляюсь шатаньем по чужим хатам: «нынче здесь, завтра там»[63]. Это очень тяжело и неприятно. С работой пока ничего не выяснил еще. И здесь придется немало помучиться, пока что-нибудь выйдет. Пока же я «беспритульный». Относительно Галиного перевода в Москву трудно что-нибудь сказать, ведь это зависит от многих причин, но бумаги ее я подал вчера. Авось как-нибудь образуется. Мне бы очень хотелось жить с ней вместе, и я не знаю, какой логике подчиниться, «старой» или «молодой».

---

[62] Примечания: 62

Близкий друг Гроссмана Александр Ефимович Ниточкин (1905–1980), которого друзья звали Шурой. Семьи Гроссмана и Ниточкина, родившегося в Бердичеве, были связаны на протяжении нескольких поколений.

[63] Примечания: 63

Строки из песни «Ты, моряк, красив собою» (1839) Василия Межевича, ставшей популярной в конце 1910-х — начале 1920-х годов.

Видел Шуру — он в восторге от Криницы и тебя. Здесь уже совсем погано — дожди, холода.

Батько, родной мой, напиши мне поскорей, как ты себя чувствуешь, как твое настроение, что предпринимаешь в смысле перемены работы.

Будь здоров и в хорошем настроении, крепко тебя целую, твой Вася.

Привет Ольге Семеновне.

13 сентября

25

21 сентября 1928, [Москва]

Дорогой батько, получил сегодня деньги с припиской насчет того, что ты не получаешь от меня писем. Я тотчас по приезде в Москву писал тебе, не знаю, получил ли ты его. Ну ладно, так или иначе, излагаю мои новости. Занятья еще не начались, начнутся лишь 25-го. Ищу комнату, ищу работы, но как того, так и другого не нахожу. Пока занимаюсь литературным трудом; сегодня сдал в «Правду» рассказ[64], ему пророчат успех.

[64] Примечания: 64

Вероятно, речь идет о рассказе «о наводнении», упомянутом в письме от 6 октября 1928 года (с. 64), — в нем Гроссман пишет отцу, что рассказ приняли в «Прожектор», литературное приложение к «Правде». При этом в 1928 и 1929 годах рассказы и очерки Гроссмана в «Прожекторе» не выходили, и на настоящий момент установить, сохранился ли где-нибудь текст рассказа, не удалось.

Затем у меня как будто выйдет одно хорошее дело — подпишу с издательством договор на писание брошюры «Кооперация и раскрепощение женщины Узбекистана». Если выйдет, то положу в карман сотню-другую, но беда в том, что это «как будто». Настроенье у меня хорошее, угнетают только «материальные невзгоды». Нет, серьезно, не говоря уже о том, что из-за отсутствия комнаты Галя не может приехать в Москву, меня чертовски упекло отсутствие своего угла. Эта необходимость шляться от знакомых к знакомым очень треплет нервы, а иногда и самолюбие. Знаешь, когда начинает темнеть, я испытываю то, что испытывал наш предок-дикарь каменного века в лесу, какое-то смутное, тяжелое беспокойство, необходимость выбрать ночлег. Предку было лучше, он лез на дерево или забирался в пещеру, трещину в скале, мне же в девственном лесу большого города хуже: все трещины и пещеры заняты, и мне приходится вести с их обитателями переговоры. «А чи не пустите переночевать?» Пускают-то меня всегда, но все же веселого в этом мало. Кое-что в области комнаты мне обещают, но ничего осязаемого пока нет. На худой конец, придется опять двинуть в глушь, в деревню, т. е. поселиться, как и в прошлом году,

за городом. С Галиным переводом пока дело обстоит неважно, но я не очень нажимаю, т. к. куда ей теперь приезжать, не мотаться же так, как и мне? Если выйдет комната, то можно будет и перевод устроить. Не помню, писал ли я тебе, что комната, которую мне обещал товарищ, ухнула, т. к. он остается в Москве. Ты, батько, извини, что я столько пишу об этом вопросе, но для меня это «промблема», в которую упираются все прочие.

Жду с нетерпеньем твоего письма, предпринял ли ты уже какие-нибудь меры, чтобы уйти с работы в шахтах, повторяю, чтобы в своих планах ты ни в коем случае не принимал меня во внимание: ведь человек научается плавать, когда начинает тонуть. Чуешь, батько, дорогой мой? Шура мне передал твое письмо лишь несколько дней назад, забыл. У стеклодува я был 2 раза, он болен, вчера его еще на работе не было. Зайду завтра еще раз.

Ну, будь здоров. Крепко тебя целую, мой родной, твой Вася.

Привет Ольге Семеновне, так она никуда и не поехала отдыхать?

21 сентября 28 г.

26

24 сентября [1928, Москва]

Дорогой батько, пишу тебе пару слов по поводу стеклодува. Наконец застал его. Два аппарата готовы: из тех изменений, которые вы (институт) хотите получить, он сделал все, кроме 2, а именно: 1) у него нет железного штатива, 2) ящики уже заказаны и сделаны прежних (меньших, чем вам нужно) размеров; он говорит, что если взяться делать эти штуки, то пройдет очень много времени, т. к. все мастера завалены работой и теперь за это дело не возьмутся. Мне кажется, что лучше взять аппараты в таком виде, ибо иначе он будет их мариновать не одну неделю. Напиши ему, он ждет твоего решенья. У меня ничего нового и ничего хорошего; разве то, что зашел в «Правду» отнести статью[65] и был встречен «очень любезно», хвалили всячески и просили писать еще. Комнаты нет, и ей даже не пахнет.

Пишу тебе третье письмо, а ты ни гугу.

Будь здоров, крепко тебя целую, твой

---

[65] Примечания: 65

Кроме статьи «Ислахат», опубликованной в газете 13 июля (Гросман 1928а), никаких публикаций Гроссмана в «Правде» в 1928 году не выходило.

Вася.
24 сентября

27

6 октября [1928, Покровское-Глебово]

Дорогой батько, письмо твое получил примерно неделю тому назад, но написать тебе собрался лишь сегодня. Какие измененья в моей жизни? Нанял комнату — комната неважная, маленькая, за городом, 30 р. в месяц; лучше прошлогодней в том отношении, что не нужно ездить поездом (только трамваем) и что она теплая[66]. В общем, я чрезвычайно рад — плохая ли, хорошая ли комната, но она знаменует конец моим мотаньям по чужим хатам — пристал к пристани. Занятья в университете уже начались — в лаборатории я зарегистрировался, потихоньку приступаю к работе, записался слушать специальные курсы «Катализ» и «Микроанализ» — зарегистрировал свою специальность — аналитик. В университете еще погано — пусто, неуютно, ничто не налажено.

---

[66] Примечания: 66

Комната в Покровском-Глебове — поселке, возникшем на месте бывших дач рядом с усадьбой Покровское-Стрешнево и в конце 1920-х — 1930-е годы находившемся за пределами Москвы. Адрес этой комнаты, как указывал сам Гроссман: Покровско[е]-Глебово № 53, П. А. Мазо для В. С. Гросмана (см. письма от [ноября 1928] и 12 февраля [1929] года).

Сегодня в университетском коридоре встретил Лёлю (Доминикину)[67], она держала в университет, выдержала экзамены и не была принята за недостачей мест. Мы с ней погуляли немного, на какую-то мою реплику она этак косо поглядела на меня и как бы про себя, в раздумье произнесла: «Не пойму! Умен он или нет?» Интересная очень девочка и хорошенькая — страсть. Приехала Надя, поправимшись, в хорошем настроении — я очень рад за нее, а то она, бедняга, весь год мучилась душой[68], теперь же очевидно полегшало.

У меня, батько дорогой, успехи на литературном фронте, условился с издательством Центросоюза написать брошюру «Кооперация и женщина Узбекистана». Даст эта штука 300 р. — 70 % при сдаче рукописи, 30 % при выходе книжки в свет.

---

[67] Примечания: 67

Лёля Клестова — дочь Доминики, подруги Семена Осиповича Гроссмана. По воспоминаниям Екатерины Коротковой-Гроссман, она присутствовала на похоронах Семена Осиповича в 1956 году и именно у нее «спрятали не найденный при обыске черновик романа, впоследствии переданный В. Лободе» (Короткова-Гроссман 1993b: 50).

Екатерина Васильевна Заболоцкая в своих записях 1988–1989 годов об истории рукописей «Жизни и судьбы», сохранившихся в семейном архиве Гроссмана, также упоминает, что писатель отдал черновик романа «приятельнице молодых лет, не имевшей отношения к литературным кругам» для дальнейшей передачи Вячеславу Лободе. Ее звали Ольгой Васильевной, она навещала Гроссмана в 1964 году в больнице, сам Гроссман называл ее Лёля.

Некоторые исследователи полагают, что Лёля Клестова и Лёля, дочь Доминики, — два разных человека (Chandler, Bit-Yunan 2010: 372–373),

но, на наш взгляд, письма Гроссмана свидетельствуют об обратном.

[68] Примечания: 68

Возможно, речь о разводе Надежды Алмаз с первым мужем.

Рукопись я обязался сдать к 1 ноября, значит, если ее примут, «разбогатею». Интересно, что договор со мной подписал Зиновьев[69] — он теперь заведует издательством Центросоюза. Теперь второй успех — если помнишь, я тебе читал в Кринице рассказик о наводнении — его приняли в «Прожектор», но напечатают не скоро[70]. В общем, через месяц я получу «богатство и славу». Пока же ни того ни другого нет. Что сказать тебе, батько, о себе — чувствую я себя довольно хорошо, настроение неплохое, сильно скучаю по Гале, вот, пожалуй, и всё. Думаю через пару дней вызвать Галю в Москву, если не удастся перевод, то пусть хоть поживет пару недель здесь. Ну-с, буду кончать. Извини за скучное письмо, но, ей-богу, пишу тебе, что есть в мыслях и на душе — как видишь, ничего особенного нет ни в мыслях, ни на душе. Пиши мне, батько дорогой, пиши, как здоровье, что с шахтами. Пока всего лучшего,

---

[69] Примечания: 69

В результате внутрипартийной борьбы и оппозиции Сталину Григорий Евсеевич Зиновьев (1883–1936), после смерти Ленина претендовавший на роль лидера ВКП(б), к 1927 году был не только отстранен от всех высоких должностей, но и исключен из партии. После «покаяния» в июне 1928 года был восстановлен в партии, а в июле назначен членом правления и заведующим культурно-издательским отделом Центрального союза потребительских обществ СССР.

[70] Примечания: 70

О рассказе см. примеч. к письму отцу от 21 сентября 1928 года, с. 61.

крепко тебя целую,

твой Вася.

6 октября.

Привет Ольге Семеновне.

P. S. Имеешь ли ты известья от мамы? Она после возвращения заболела — ангина и нога, теперь ей лучше уже.

28

3 ноября [1928, Покровское-Глебово]

Дорогой батько, я тебе долго не писал, послал дурацкую телеграмму и умолк. Твое последнее письмо я получил недели две тому назад. Все время собирался тебе написать, но, поверишь ли, не было времени; маленького письмишка писать не хотелось, а на большое не хватало времени. Что ж, батько мой дорогой, опишу тебе свою жизнь — приехала в Москву Галя, живет здесь уже около двух недель. Она хлопочет о своем переводе в Москву, но не так просто добиться чего-нибудь, вопрос все затягивается; хотя похоже на то, что он вырешится окончательно на будущей неделе. Мама пишет, что она очень не советует Гале переводиться в Москву, что это будет тяжело в материальном отношении, задержит окончание мной университета и пр.

Мне кажется, что это не так, — в материальном отношении будет так же тяжело, если Галя будет жить в Киеве, родственники ей помогать больше не хотят, следовательно, не все ли равно, где ей жить, здесь или в Киеве, а пребывание ее здесь не только не отвлекает меня от занятий, а, наоборот, «привлекет» к ним. Ну, пока все равно ничего не известно, удастся ли ей перевестись или нет. Дорогой батько, ты писал, что тебя очень огорчает то, что у меня занятия стоят на втором плане, а «литература» на первом. Это не совсем так. Я, действительно, последние две недели полностью посвятил писанию брошюры «О раскрепощении женщин Узбекистана», теперь я эту работу уже закончил и отдал сей труд печатать на машинке, через пару дней понесу на суд в издательство. Поверь мне, что этим делом я занимался не из любви к святому искусству, а исключительно из материальных соображений. Мне пришлось прочесть целую [гору] литературы — скучнейших 20 книг, отчетов, докладов, циркуляров, и писал я с чувством величайшей тошноты. Брошюру эту могут не принять, тогда это будет более чем печально, но если примут, то окажет мне (нам) материальное подспорье месяца на полтора-два, а там дальше видно будет. Пока же я приступаю

к занятиям и буду стараться наверстать потерянные две недели (это нетрудно сделать). Что ж я делал все это время — писал до тошноты, и больше ничего. Материальные дела наши, откровенно говоря, обстоят неважно. Я одолжил несколько червонцев на длительный срок у Вити[71], когда разбогатею, отдам ему. В отношении приискания постоянной работы ничего определенного нет, всё в области неоформленных обещаний. Комната наша лучше, чем прошлогодняя (в Вешняках), удобней в смысле сообщения, но все же хорошей ее никак назвать нельзя, особенно неприятно то, что от трамвая нужно ходить 15 мин. пешком, ну да это пустяки. Так что, батько, ты не думай чего — занятия свои я вовсе не думаю отодвигать на задний план, а если теперь две недели не занимался, то это, как теперь выражаются, «экстраординарные меры», я приложу все усилия, чтобы в этом году закончить курс. Ну вот это часть, так сказать, официальная, перехожу к части второй. Батькося, хоть я тебе и не писал, но не думай, что оттого, что забыл тебя — по несколько раз в день я думаю о том, что у тебя слышно, как твое здоровье, настроение и все такое, а в послед-

[71] Примечания: 71
Двоюродный брат Гроссмана Виктор Давидович Шеренцис.

нее время я как-то здорово по тебе соскучился, очень хочется тебя видеть, и при этом почему-то, когда я думаю, что ты приедешь, то представляю, что я, как в детстве, сяду к тебе на колени и буду трогать твои колючие усы, ну да ладно, чего там. Батько, что у тебя слышно, как с уходом из института? Не вздумай вдруг оставаться в нем и продолжать спускаться в шахту. Теперь химики в таком фаворе, что ты без труда найдешь себе работу в другом месте, ей-богу, не бойся. Да, относительно института — стеклодув все время болел, лишь пару дней назад пришел на работу, заказ взял, обещал исполнить в ближайшие дни, жаловался, что денег от вас еще не получил, аппараты, говорит, выслал в самом начале октября. Батько, так ты мне напиши письмо и подробно расскажи о себе и своих планах. Слышишь? Были мы с Галей в театре, смотрели «Дни Турбиных»[72], игра хорошая, но пьеса мне очень не понравилась, уж больно тенденциозно выведены белые офицеры — все сплошь благородные, добрые, честные, смелые, а если и выведен один жулик (адъютант Шервинский), то он такой добряк, что

[72] Примечания: 72

Спектакль «Дни Турбиных» в постановке Ильи Судакова под художественным руководством Константина Станиславского шел во МХАТе с 1926 года и был снят с репертуара в апреле 1929 года.

на него невозможно сердиться, и если есть один полностью отрицательный тип Тальберг, то он немец, а русские все ангелы; очень глупо. Ну-с, что сказать еще про себя? Настроение у меня хорошее, семейная жизнь протекает хорошо. Я доволен ею, немного страшновато, когда начинаешь задумываться о «больших мелочах жизни», о вопросах материальных, но ничего, думаю, что не пропадем, как-нибудь да будет. Читать я ничего не читал в это время из-за отсутствия времени — если не считать чтением отчет Всесоюзного совещания по улучшению труда и быта женщины Востока[73] и пр⟨очие⟩ прелести. Получил от мамы на днях письмо и посылку. Здоровье и настроение у ней неважные, плохо ей, бедной, в Бердичеве. Относительно постоянной работы для меня, Надя хочет убедить Лозовского взять меня в качестве второго помощника для одной очень интересной штуки — он пишет теперь капитальный труд

[73] Примечания: 73
См.: Труд 1928.

«о стачечной стратегии»[74]. Нужно прочесть громадную литературу, классиков марксизма, историю всего рабочего движенья; в этом деле ему помогает Надя, а так [как] работы много, то она хочет и меня присоседить; вряд ли это выйдет, а жаль, и интересно очень, и денежно. Ну ладно, батько родной мой, буду кончать, уже 2 часа ночи. Пиши же мне поскорей. Будь здоров. Крепко тебя целую, твой Вася.

Привет Ольге Семеновне.

3 ноября

29

[Ноябрь 1928, Покровское-Глебово]

Дорогой батько, мы скверно переписываемся. На мое большое письмо ты даже не ответил. Ты

---

[74] Примечания: 74

Соломон Лозовский (Соломон Абрамович Дридзо; 1878–1952) — один из основателей Профинтерна, в 1921–1938 годах его генеральный секретарь. Первое издание книги Лозовского «Стачка как бой. Лекции, читанные в Международной ленинской школе в январе — марте 1930 г.» вышло в 1930 году (Лозовский 1930). На данный момент нет никаких сведений, подтверждающих участие Гроссмана в подготовке этой публикации.

В годы войны Лозовский стал одним из основателей Еврейского антифашистского комитета и принимал участие в подготовке «Черной книги», над которой работал Гроссман. Кроме того, Лозовский пытался помочь репрессированной Надежде Алмаз: 11 февраля 1948 года он направил генеральному прокурору СССР Г. Н. Сафонову письмо Надежды Алмаз с просьбой о пересмотре ее дела, сопроводив его своей характеристикой (ЦА ФСБ. Р-35567. Т. 2. Л. 39б).

написал мне, но это нельзя считать письмом, т. к. ты ни словом не обмолвился о себе, о своем здоровье, настроении, планах. Неужели, батько, дорогой мой, ты не знаешь, как меня все это интересует? Или, может быть, ты не получил моего письма? Дорогой мой, напиши мне поскорей, прошу тебя. Поручение твое я выполнил — мне выдали недосланные книжки Горького и одну книжку «Красной нови», второй «Красной нови» в конторе не было, и ее вышлют вам почтой со склада. Книги я вам пошлю в понедельник.

Ну, теперь расскажу о себе. Я занимаюсь — в лаборатории, посещаю лекции, в общем, вошел в занятия. С литературой пока покончил — сдал все рукописи в редакции и жду решения своей судьбы. Галя в понедельник уезжает в Киев, так и не дождавшись решения своей судьбы в Моск⟨овском⟩ университете. Если все ж таки в конце концов из университета получится положительный ответ, она приедет в Москву после Рождества. Батько, так ты напиши, чуешь? У меня здесь произошла неприятная история, мне хотелось бы узнать твое мнение по этому поводу. Дело вот в чем: я сохраняю хорошие отношения с Сережей, я знаю все его пороки и недостатки, но знал их я еще, когда он был мужем Нади, и

если считал возможным быть с ним знакомым тогда, то могу это делать и сейчас. Познакомил я с ним и Саррой Абрамовной[75] Галю и несколько раз был у них с ней. Это стало известно «родственникам» — мама (это меня особенно огорчило) написала Наде — «выгони их». Вчера Надя предъявила мне и Гале (в весьма грубой форме) ультиматум: или она, или Сережа. Я ей ответил, что свои дружеские отношения с ней ценю больше, чем отношения с Сережей, но что предложение, сделанное в такой форме, я не приемлю и обещать поссориться с Сережей не могу. После этого мы, мягко выражаясь, расстались. Вся эта история мне очень неприятна и тяжела; мне бы очень хотелось узнать твое мнение о ней. Да, из семейных событий могу тебе еще сообщить, если интересуешься: у тети Малины[76]

---

[75] Примечания: 75

Сарра Абрамовна — вероятно, мать Сергея, бывшего мужа Надежды Алмаз.

[76] Примечания: 76

Мария Савельевна Беньяш, сестра Екатерины Савельевны, жившая в Киеве. Екатерина Васильевна Короткова-Гроссман пишет о ней: «Малина — домашнее прозвище, прилипшее к ней еще в детстве, как говорили мне, за ослепительный цвет лица» (Короткова-Гроссман 2014: 24).

нашли рак груди, Быховский[77] ее оперировал, отрезал одну грудь, теперь она чувствует себя хорошо (сравнительно). Теперь, батько, пиши мне письма по такому адресу: Москва 57, Покровско-Глебово, дом № 52, П. А. Мазо для Гросмана, и ежели будешь отправлять деньги, то шли их Главный почтамт до востребования И. С. Гросману. Батько, так повторяю, с нетерпеньем жду твоего подробного письма. Будь здоров. Крепко целую тебя, твой Вася.

30

[Ноябрь — начало декабря 1928, Покровское-Глебово]

Мой дорогой батько. Наконец-то получил твое письмо, я уже серьезно начал беспокоиться, не случилось ли чего. Что рассказать тебе о себе. Ты совершенно прав, и я это испытал на опыте и претворяю теперь в жизнь — работа лучший лекарь. Я занимаюсь в университете — работаю в лаборатории, слушаю лекции, загружен несколько часов в сутки этим делом (шесть примерно).

---

[77] Примечания: 77

Григорий Борисович Быховский (1861–1936) — хирург-онколог, в 1922–1931 годах возглавлял хирургическую клинику Киевского института усовершенствования врачей.

Между прочим, я теперь занимаюсь химией отравляющих веществ, и это дело меня весьма заинтересовало. Хорошее занятие для злых, обиженных жизнью людей — ты бы послушал, с каким сладострастьем наш профессор смакует подробности о токсичности того или иного газа, жуть берет. Кроме того, я теперь много читаю по вечерам, занялся мировым империализмом, прочел уже несколько книжек, думаю еще подзаняться этими темами, уж больно интересно, и, главное, в процессе чтения выяснил, что я не знал тысячи самых простых вещей. Читаю я и для души (то для «ума») сочинения Генриха Гейне — тоже замечательная вещь. В общем, могу сказать, что я работаю, время свое провожу разумно и с этой стороны собой вполне доволен. Сорвал я первый плод с дерева литературного гонорара, но сей плод буквально тает в кармане — расплатился с частью долгов — они у меня долезли до 100 р., уплатил за квартиру, и еще осталось 60 рублей, теперь получил твоих 80 — значит, смогу поехать в Бердичев, повезти туда Галю и еще обратно с ней вернуться. В общем, числа до 25 января я обеспечен, а там еще чего-нибудь подвернется. Я тебе хочу еще раз сказать, батько мой дорогой, чтобы в своих расчетах относительно того, бросать или

не бросать институт, ты меня не принимал во внимание. Как-нибудь просуществую. Что тебе сказать о себе еще — хотя и работаю и в этом отношении чувствую себя хорошо, но отъезд Гали меня здорово допекает — я скучаю по ней очень здорово; не знаю, чем это кончится, университетские бюрократы до сих пор умудряются не дать ответа относительно ее перевода. Если ее в конце концов переведут, то я ее обязательно перевезу в Москву. Будет что будет, как-нибудь промучаемся вместе, но, выражаясь высоким стилем, «без нее я не могу жить». А ежели не переведут, то не представляю себе, как мы устроимся; во всяком случае, будет весьма и весьма скверно. Это, пожалуй, единственная моя «болезнь», в остальном всё как будто благополучно.

Батько, мой родной, я прекрасно понимаю твое положение в институте, но, по моему мнению, ты делаешь все, что можно делать и что сделал бы всякий другой в твоем положении. Не можешь же ты создать новую методику; я уверен, что любой профессор московского университета на твоем месте не сделал бы больше. Напрасно ты себя так строго судишь и так скептически относишься к своей работе. Ей-богу, родной мой, ты не прав. Представь себе, что ты уйдешь. Кто же заменит те-

бя? Вильгельм Оствальд? Фишер? Вант-Гофф?[78] Отнюдь. Косолапов, который знает предмет в 100 раз хуже тебя, а, в самом лучшем случае, химик такой квалификации, как ты. Напрасно, батько, ты это так говоришь о проделанной работе. (Кстати, не можешь ли ты выслать один экземпляр своих работ, ведь они напечатаны[79], очень прошу тебя, если можешь, сделай это.) Но вот в другом отношении ты не прав — в смысле здоровья тебе необходимо оставить эту работу. Ведь ты много раз говорил, что для тебя это смерть, и рассказывал, как трудно тебе спускаться в шахту, а теперь вдруг такое наплевательское отношение к такому серьезному делу. Это не годится, я категорически возражаю против этого; верно, батько, подумай об этом серьезно. Ты пишешь — «мне 56 лет», и именно поэтому, мой родной, и не нужно так бросаться этими вопросами. Слава богу, все наши родичи доживали до 75 лет. У тебя нет ни малейшего основания ставить себе более

[78] Примечания: 78

Вильгельм Оствальд (1853–1932) получил Нобелевскую премии по химии в 1909 году; Эмиль Фишер (1852–1919) — в 1902-м; Якоб Хендрик Вант-Гофф (1852–1911) — в 1901-м.

[79] Примечания: 79

В настоящий момент неизвестно, о каких именно публикациях идет речь.

«низкие пределы»[80]. Зачем же тебе буквально самоубийством заниматься. Жизнь хорошая штука, не нужно с ней так обращаться легкомысленно. Дорогой мой, прошу тебя как сын твой и друг, подумай об этом по-настоящему и решенья менять работу не откладывай в долгий ящик.

31

[Ноябрь — начало декабря 1928, Покровское-Глебово]

Мой дорогой, хороший батько. Получил твое письмо сегодня утром. Сегодня воскресенье, я весь день сижу в своей деревне, вот я и пишу тебе тотчас ответ. Ты жалуешься, что я тебе не пишу, я тоже жаловался, что ты мне не пишешь. (Кстати, получил ли ты это мое письмо — я его отправил тебе дней 5 тому назад.) Батько, я мало пишу о своих занятиях, потому что они мне порядком осточертели, а не потому, что дела мои обстоят плохо. Впрочем, в последнем письме я, кажется, писал об этом предмете, и мне не хочется снова повторять. Из университета меня не вышибут, конечно, кончу я его благополучно, только вот когда кончу? Может быть, к весне, а может быть,

---

[80] Примечания: 80

Семен Осипович дожил даже до более преклонного возраста — 86 лет.

позже на 2–3 месяца: но, так или иначе, дело близится к «роковой развязке». Дорогой мой, поездка в Германию — это великолепное дело. Конечно, самым серьезным возражением может служить, что тебе придется 3 года после этого работать в Донбассе. Это единственное возражение, единственное, но настолько серьезное, что, пожалуй… Я теперь читаю много по вопросам мирового империализма, в частности, прочел книгу о горной и металлургической промышленности Рейнско-Вестфальской области. Бог ты мой, какие гиганты: «Гельзенкирховское горнопромышленное общество», Стиинесовский «Германо-Люксембургский союз», Дортмунд, Бохум, Эссен, Мюльгейм, Брюль, Дюссельдорф и т. д. Вероятно, наш Донбасс как карлик по сравненью с этими титанами, выбрасывающими горы угля и выливающими реку стали шириной в старый Рейн. Немецкие рабочие углекопы и металлисты; своими глазами посмотреть на них, поговорить с ними, пощупать их руками. Ей-богу, отдал 5 пальцев левой руки, чтобы посмотреть на это своими глазами. Я, батько, понимаю, что главная цель твоей поездки — это ознакомление с методами специальных работ, но ведь поглядеть на промышленное сердце мира, так сказать, фило-

софски-поэтическим оком — это что-нибудь да значит и многое даст уму и сердцу.

Батько, ты мельком упомянул, что, может быть, поедешь на Рождество к маме, если у тебя есть хоть маленькая возможность осуществить это, обязательно сделай это, я выезжаю из Москвы 23-го, 24-го буду в Киеве, а 25-го в Бердичеве; вот мы бы встретились и прожили вместе пару дней. Дорогой мой, ей-богу, осуществи это, будет очень хорошо. Чуешь, обязательно устрой эту поездку. Тогда дней через восемь увидимся с тобой. Что рассказать о себе? У меня есть «грандиозный» литературный план, я работаю понемногу над ним, это дело не на месяц и не на два, а по меньшей мере на год. Я с ним не спешу, писать не пишу, а только читаю всякую всячину и думаю по этому поводу — разрабатываю план кампании и подготовляю войско. Не знаю, выйдет ли что-нибудь из этого; иногда мне кажется, что да, иногда же мне кажется, что кишка тонка. Но это не важно. Когда я анализирую себя, то с большим удовлетворением констатирую, что эта вещь меня интересует не с житейской «суетной» стороны, а исключительно как «вещь в себе», для себя. Мне хочется ее написать для себя, и это самое главное — это […]

32

26 января [1929, Покровское-Глебово]

26 января

Дорогой батько, вернулся на «родное пепелище». Начал заниматься, занятия в университете до сих пор слабо налажены, лаборатории работают, а лекции и семинарии начнутся по-настоящему с 1 февраля. Думаю к 1 мая освободиться от последней лаборатории, тогда буду себя чувствовать не связанным с университетом «территориально». Из литературных подработков тоже кое-что предвидится — подрядился написать для «Огонька» очерк о Бердичеве[81]. Это, так сказать, внешняя сторона жизни, а что сказать о нутре? Как-то меня отпуск выбил из колеи. Чувствую себя очень одиноко, как говорит Есенин, «я один у

[81] Примечания: 81

Очерк «Бердичев не в шутку, а всерьез» вышел 29 декабря 1929 года (Гроссман 1929).

окошка, ни гостя, ни друга не жду»[82]. Ты знаешь, дорогой мой, я гляжу на себя и думаю: «Господи, до чего тяжело быть одиноким в 23 года, каково же чувство одиночества на старости?»

Прочел я на днях (вернее, перечел) «Смерть Ивана Ильича». До чего жуткая, страшная книга. Как странно — все страшные писания Эдгара По кажутся безвредными и ничуть не страшными по сравнению с этой такой простой и обыденной историей — жил Иван Ильич и помер. Весь ужас надвигающейся и неизбежной смерти, весь трагизм человеческого одиночества кажутся особенно страшными именно потому, что они так обыденны; кругом люди вполне равнодушные, заняты самыми простыми вещами — развешивают гардины, ходят в театр, а Иван Ильич умирает, умирает мучительно, ужасно, и ничто не содрогается, не кричит, не воет от страха — это в порядке вещей, каждый так должен умереть. И вот особенный ужас: что каждого это ждет.

---

[82] Примечания: 82

Цитата из поэмы Сергея Есенина «Черный человек» (1923–1925). См. воспоминания Федора Борисовича Губера, пасынка Гроссмана, о конце 1930-х годов: «Читал мне Гроссман и стихи нетрадиционных в те годы поэтов — Есенина („Черный человек“, „Пускай ты выпита другим“, „Все мы, все уходим понемногу…“), Бунина („Легкой жизни я просил у Бога…“, „У птицы есть гнездо…“), Мандельштама („Жил Александр Герцевич…“, „Век-Волкодав“), Ходасевича („Странник идет, опираясь на посох…“), Анненского („Среди миров…“)» (Губер 2007: 36).

Толстой и особенно подчеркивает «самая обыкновенная история, умер Иван Ильич»[83]. Меня эта книга очень поразила, и я теперь все время думаю об этом.

Ты не смейся надо мной, ведь, в конце концов, вопрос жизни и смерти — самый главный вопрос. Ну ладно, Бог с ним. Этими мыслями все ж таки не следует очень заниматься.

Был я на днях у Доминики, ее не застал, а с Лёлькой просидел 3 часа. Она уже совсем взрослая девица, выдержала экзамен в университет, но принята не была из-за отсутствия мест.

Очень интересуется тобой — говорит, что из всех, кого она знает, ты ей больше всего нравишься. Видишь, батько, ты пользуешься успехом у столь молодых девиц. Мне даже завидно. Что еще? Знаешь, в моей жизни большая перемена — та, что я совершенно разошелся с товарищами[84]. Еще в прошлом году товарищи занимали

[83] Примечания: 83

Вероятно, Гроссман имеет в виду фразу, с которой начинается вторая глава повести: «Прошедшая история жизни Ивана Ильича была самая простая и обыкновенная и самая ужасная».

[84] Примечания: 84

Федор Губер упоминает следующих «московских друзей юности» Гроссмана: «Семена Абрамовича Тумаркина (Сему, с ним он сидел на одной парте в училище), Александра Абрамовича Ниточкина (Шуру), Ефима Абрамовича Кугеля, Вячеслава Ивановича Лободу (Веню)» (Губер 2007: 13).

большое место в моей жизни — теперь же почти что чужие люди — ни дружбы, ни откровенности, ни общих интересов. Вероятно, в этом виновата отчасти моя женитьба, а может быть, просто пришло время стать друг другу чужими. Но жены со мной нет, и я «как голый пень среди долин»[85]. Это чувство одиночества меня очень допекает, нехорошо жить, не имея близких людей. Ты не собираешься в Москву на время? Вот было б хорошо.

Пиши мне, батько, письма тоже могут поддерживать живую связь между людьми. Ладно? Так ты пиши, не задерживайся долго. Будь здоров.

Целую крепко, Вася.

33

30 января 1929, [Покровское-Глебово]

Дорогой батько, получил сегодня от мамы письмо. Она получила твое письмо, «полное негодования», ее письмо тоже полно огорчения и негодования. Батько, я не помню точно, что именно писал тебе в том письме, но ты меня, очевидно, превратно понял. Я совершенно не намерен бросать занятий, наоборот, я сделаю все

---

[85] Примечания: 85
Цитата из поэмы Михаила Лермонтова «Хаджи Абрек» (1833–1834).

возможное, чтобы закончить их в минимальный срок (очевидно, к сентябрю). Думаю, что со всем багажом я развяжусь к весне, а на осень оставлю один зачет. Занимаюсь я теперь по 10 ч. в день, и мне было странно получить мамино письмо, в данное время оно пришлось не по адресу. Что касается того, что занятия мне «осточертели», а увлекает меня некий литературный план, то по этому поводу ничего не могу сказать — именно так обстоит дело; меня это ничуть не огорчает, наоборот, радует, но это мне не мешает сознавать, что университет я кончу, и не только кончу вообще, а в минимальный возможный срок сделаю все для этого. Меня очень огорчает, что ты так воспринял то мое письмо. Жду твоего письма. Целую, Вася.

30 января 1929 г.

34

12 февраля [1929, Покровское-Глебово]

12 февраля

Дорогой батько, получил твое письмо. Ты в конце пишешь: «Прости, пишу резко». Прощать, по существу, нечего, ибо все, что ты пишешь, верно. Верно, и поэтому-то особенно неприятно (вернее, тяжело) было читать мне твое письмо.

Я мог бы кончить университет в прошлом году, но запустил свои дела и начал по-настоящему заниматься лишь теперь. Отчего я это сделал? (Запустил.) Были тут разные причины, но, в общем, основная — халатность и расхлябанность. Что говорить, порядочное свинство. Как обстоят мои дела теперь? Мне осталось доработать лабораторию физ⟨ической⟩ химии (делаю последнюю задачу), зачеты — 1) физическая химия, 2) техническая, 3) коллоидная — и мелочь: 1) военное дело, 2) кристаллография, 3) философия естествознания. Кроме того, я хочу отработать практику термохимии, микроанализ и закончить начатый в прошлом году технич⟨еский⟩ анализ. Со всем этим багажом (тебе не нравится это выражение) я смогу развязаться к лету, если буду энергично работать. Возможно, что в случае какой-нибудь заминки (отъезд преподавателя весной или еще чего-нибудь) останется на осень зачет. Мой план работы таков: февраль — я заканчиваю практикум по физич⟨еской⟩ химии (последняя задача очень каверзная, и ее приходится работать не меньше 2 недель) и сдаю зачет по технич⟨еской⟩ химии (это крупный зачет — хим⟨ическая⟩ технология, 500 с лишним страниц); март — сдаю коллоидную химию, работаю термохимию и,

если успею, сдам что-нибудь из мелочи; апрель — делаю микроанализ, дорабатываю технический анализ и начинаю параллельно готовить физическую химию, которую и сдам в июне. Летом я возьму практику в Москве, и если паче чаяния останется какой-нибудь захудалый зачет, сдам его сразу к началу занятий. Таким образом, если проработаю энергично 4–5 месяцев, университет я закончу. А работать энергично я буду, так же как и работаю в настоящее время. Теперь относительно дипломной работы и стажа. Дипломная работа мне не обязательна, так как я кончаю по старым учебным планам, стаж с нынешнего года отменен. Следовательно, сдав последний зачет, я тем самым и заканчиваю университет. Возможно, что, поступив на работу, я возьму у профессора тему, но это, так сказать, моя воля. Так обстоят мои учебные дела, я их запустил, но выправлю.

Теперь о литературе — батько, ты совершенно прав, и я абсолютно с тобой согласен, что нет литературы вне жизни. Я пошлялся по издательствам теперь и убедился, что пишущая братия самая нехорошая разновидность человечества — жалкие, пустые люди, мыльные пузыри. Я иначе не мыслю себе дальнейшей жизни своей,

как совмещения работы в производстве с «вечерними литератур(ными) занятиями». Теперь вот о чем — я всегда чувствовал, что жить на твои средства свинство; это тяжело для тебя и нехорошо и для меня, — может быть, развращает меня это незнание забот о куске хлеба. Я всегда хотел (ох, это «хотел») зарабатывать, но все мои попытки срывались. Сейчас я мог бы броситься энергично искать работу, заняться литературной халтурой (она мне дала ведь пару сот рублей) и пр. Но скажу тебе откровенно — теперь мне этого не хочется делать. Нет смысла. Если я теперь возьму работу, то оттяну свое окончание еще на несколько месяцев вглубь будущего учебного года. Что я этим докажу — что 7 лет я квасился в университете, а к концу покажу свою самостоятельность. «Ты похож на ту гетеру, что на склоне грешных дней горько плачет о потере добродетели своей»[86]. Конечно, батько, и мне кажется это настолько ясно, что и писать об этом не стоит: если ты хо-

[86] Примечания: 86

Неточная цитата из поэмы Николая Некрасова «Современники» (1875): «Ты подобен той гетере, / Что на склоне блудных дней / Горько плачет о потере / Добродетели своей!» Гроссман цитирует стихи Некрасова и в других письмах (см., напр., письма отцу от 14 марта 1929 года на с. 79 и от 10 апреля 1929 года на с. 85). О том, что Некрасов был в числе любимых поэтов Гроссмана, упоминает его дочь: «Из поэтов он называет „четыре вершины“: Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Некрасов» (Короткова 2009: 141).

чешь уйти с работы или по какой другой причине тебе теперь это было б тяжело, то, конечно, мои «вышеизложенные» соображения отпадают. Но если этого нет, то мне кажется резонным, чтобы ты мне помог эти несколько месяцев. Ну вот. Напиши мне, пожалуйста, откровенно, что ты думаешь по этому поводу. Может быть, ты считаешь, что я свинья?

Как я живу теперь — занимаюсь — днем в лаборатории, вечерами и ночами занимаюсь, готовлюсь к зачету по технич⟨еской⟩ химии; в промежутках между занятиями да и во время их скучаю по Гале. Ужасно глупо и тяжело это — влюбился по-настоящему на склоне лет наконец, женился, и неделю-две поживем вместе, а потом длиннейшие месяцы разлуки. Вот и вся моя жизнь. Да, в трамвае еще (слава богу, едет он 30 минут — времени хватает) философствую «про жизнь и про всё». Иду в воскресенье в театр художественный [на] «На дне»[87]. Ну ладно. Целую тебя, Ва.

Был у Штрума и взял у него деньги, ибо сидел

[87] Примечания: 87

О спектакле см. примеч. 4 к письму Гроссмана отцу от 30 марта 1928 года, с. 44.

уже несколько дней на пище святого угодника[88]. Батько, ты мне напиши поскорей, буду ждать твои письма с нетерпеньем. Так как ты теряешь мой адрес, то на случай: Москва 57, Покровско[е]-Глебово № 52. Г⟨раждан⟩ке Мазо, В. С. Гросм⟨ану⟩.

35

27 февраля [1929, Покровское-Глебово]

Дорогой батько, получил твое письмо. Планы, действительно, существуют для того, чтобы эффектно разрушаться, но я надеюсь, что мой план будет исключением. Сейчас закончил подготовку зачета по технической химии, думаю послезавтра сдавать его, беда с ним — материалу так много, что, когда кончаешь книгу, забываешь начало, начинаешь — ускользает из памяти конец. Ты спрашиваешь — почему аналитик? Аналитик (назыв⟨ается⟩ специальность технической химии) как раз ближе всего к производству, он — химик на производстве. Остальные циклы более теоретические, связаны с работой в больших лабораториях центра — неорган⟨ическая⟩ химия,

[88] Примечания: 88

В настоящий момент неизвестно, о каком именно Штруме здесь идет речь: начальнике Семена Осиповича Гроссмана Илье Яковлевиче, физике Льве Яковлевиче или каком-то другом их однофамильце (Krasnikova, Volokhova 2023: 8–11).

органическая химия, физич⟨еская⟩ химия и пр. Но вообще говоря, выбор специальности мало к чему обязывает: в дальнейшем органик работает не по краскам, а таки куда попадет. Новостей у меня никаких нет, целые дни занимаюсь, никого не вижу. Между прочим, ты пишешь, что Косолапов соберется ко мне зайти, когда будет в Москве. Это совершенно безнадежное предприятие, т. к. я дома бываю не раньше 10–11 часов, и найти мою обитель вечером новому человеку невозможно. Ты знаешь, если я закончу занятия свои к сентябрю месяцу, то, ввиду того что дипломной работы я делать не буду и стаж отменен, передо мной тотчас же встанет перспектива пойти служить в армию. Служба в армии год, служить я буду, вероятно, в какой-нибудь химической части, мой «военный профессор» говорит, что служба эта будет заключаться в том, что три месяца пробуду в строю, а затем буду привлечен к работе в лаборатории. Против этого я, конечно, ничего не имею, наоборот, с удовольствием пойду, как щедриновский губернатор говорил: «что ж, я послужить готов»[89]. Но есть «но» — моя «семейная жизнь». Ты пишешь — почему это житье врозь меня так

[89] Примечания: 89

Цитата из рассказа Михаила Салтыкова-Щедрина «Старый кот на покое» (1867).

расстраивает? Это очень понятно: эти беспрестанные разлуки на месяцы после свиданий на несколько дней — чертовски тяжелая штука. Ужасно одиноко, и эта всегдашняя тоска и счет дней до свиданья действуют как хорошая зубная боль. Вот и теперь Галя приедет числа 15–20 апреля, на недели две, и опять уедет, а там год службы. Убей меня гром, в жизни бывают вещи похуже, я это прекрасно знаю, но уверяю тебя, мне от этого не легче. Однако ничего не попишешь. Знаешь, дорогой мой, окончить вуз для меня сделалось какой-то навязчивой идеей, я теперь только об этом и думаю. (Ты, вероятно, улыбнулся, прочтя эту фразу, не совсем добродушной улыбкой.) Я мечтаю: вот кончу, выйду в жизнь, на широкую дорогу, работа, новые люди, новые места, литература. Дай вам бог, молодой человек, удачи.

Батько, дорогой мой, напиши мне, пожалуйста, о себе, что думаешь делать, когда уйдешь из института, почему уходишь, как твоя работа, что слышно у Ольги Семеновны.

Только, ей-же-ей, не пиши ответа через три недели, а то я беспокоюсь каждый раз, не случилось ли с тобой чего, и не ссылайся на то, что занят. Брехня. Ведь всегда можно найти минут 30–40, чтоб написать. Ладно, так напиши о себе,

а то мы всё переписываемся исключительно о моей драгоценной персоне. Теперь насчет денег, как говорил покойный кучер Петр. Можно их послать просто — «Гл. почтамт до востребования И. С. Гросману» (но не забудь об этом упомянуть в письме). Ну, будь здоров. Крепко тебя целую,

Вася. 27 февраля

У нас все время собачий мороз, отморозил я себе ухо; до того надоела зима, что смерть прямо.

36

14 марта 1929, [Покровское-Глебово]

Дорогой батько, получил твое письмо и очень огорчился им. Дорогой мой, я вовсе не взял установку на то, чтобы кончить обязательно осенью, наоборот, я делаю все возможное, чтобы на осень ничего не оставить. Но думаю, что к лету я кончить не успею и оставлю кристаллографию на осень — ведь мне осталось 7 зачетов, и думаю я еще отработать 3 лаборатории. Теперь по-«семейному» поводу. Ей-богу, батько, я не привязан к женской юбке. Если хочешь, то скажу тебе откровенно, как я объясняю себе себя в этом вопросе. Я не удовлетворен во многих отношениях — общественном, личном и прочая, я очень одинок. До женитьбы я так и констатировал — тут плохо,

там плохо. Теперь же все свои «горести» я склонен объяснять одной причиной: тем, что не живу вместе с Галей. Знаешь, как в том некрасовском стихотворении: «вот приедет барин, барин нас рассудит»[90]. Конечно, я люблю Галю, но, трезво рассуждая, тяжелое настроение у меня не только потому, что ее здесь нет. Когда она приедет, будет очень хорошо, но не будет совсем хорошо. Так что ты напрасно думаешь, что я строю жизненные планы «на базисе» женской юбки. А когда я себе говорю, что с Галиным приездом сразу все станет хорошо, то я говорю неправду. Это между нами, батько. Как говорят англичане, «говоря откровенно, как мужчина с мужчиной». Что слышно у меня — сдал техническую химию, готовлюсь к докладу «Учение о диалектике и диалектика природы»[91] — это основной доклад нашего семинара[92], надо прочесть массу литературы. После него возьмусь за коллоидную химию и

[90] Примечания: 90

Имеется в виду стихотворение Николая Некрасова «Забытая деревня» (1856).

[91] Примечания: 91

«Диалектика природы» (1873–1882, 1886) — неоконченный философский труд Фридриха Энгельса, издан в 1925 году (Энгельс 1925).

[92] Примечания: 92

Философский семинар в университете, см. о нем также следующее письмо (от 26 марта 1929 года).

лабораторию термохимии. А затем приступлю к киту, после которого можно будет вздохнуть (если не свободно, то с облегчением), — физической химии.

Батько, меня огорчило твое письмо и в той части, где ты пишешь о себе. Ты, вероятно, плохо себя чувствуешь в связи с затруднениями в работе. Почему бы тебе не поставить вопрос открыто: без поездки за границу ты не можешь продолжать этой работы. Ведь нельзя же от тебя требовать, чтоб ты самостоятельно разработал методику целой новой сложной области. Батько, а что ты думаешь делать, когда уйдешь из института? Оставаться в Донбассе или махнуть в какое-нибудь другое место? Как здоровье Ольги Семеновны, кланяйся ей и передай мои искренние пожелания поскорей поправиться. Неужели целых полтора месяца ей нужно пролежать? (Или это «Владивосток».)

Пиши мне, батько, очень прошу тебя, и не такие строгие письма. Целую тебя крепко, твой Вася.

P. S. Деньги получил.

Вчера здесь произошел случай: утром недалеко от моей избы, на опушке леса, застрелилась девушка: специально приехала из города и застрелилась. Так это страшно было — раннее

весеннее утро, яркое солнце, звенят падающие с сосен капли и на белом снегу лежит молодое мертвое существо с развороченным черепом и черными волосами, забрызганными кровью.

Батько, так ты, ей-богу, пиши мне.

14 марта 1929 г.

37

26 марта 1929, [Покровское-Глебово]

Дорогой батько, хочется тебе написать. Мне кажется все, что ты на меня сердишься за что-то. Не знаю только за что. Что нового у меня? Абсолютно ничего. Разве то, что сдал два зачета, закончил лабораторию физической химии, приступаю со вторника к термохимии и прочел вчера доклад на философском семинаре, прочел удачно — слушатели одобрили, а преподаватель дал отзыв «прекрасно». В общем, учеба идет. В остальных смыслах я «не живу», человеческое сознание ограниченно и не может вместить сразу несколько вещей — ничего не читаю, нигде не бываю, никого не видаю. Ох, зато как хорошо будет сдать последний зачет и покончить с учением. У нас уже три дня весна, смешное время, люди в эти дни балдеют, и те, которым абсолютно не на что надеяться, о чем-то мечтают, а те, которым следу-

ет плакать, почему-то улыбаются. Хорошее время, я больше всего люблю первые дни ранней весны, когда солнце греет едва-едва и воздух какой-то надломленный — хотя и холодный, но пахнущий теплом. Ну а мне не нужно плакать и печалиться, и поэтому в эти дни мне очень хорошо. Я очень люблю природу, ей-богу.

Мой товарищ Кугель[93] говорил мне, что ему звонила по телефону Липецкая, спрашивала мой адрес, но, очевидно, раздумала приехать, так как ее в моей берлоге не было.

Ты, часом, не собираешься в Москву теперь? Было бы очень хорошо, если б ты приехал.

Не знаю, правильно ли я поступил, на этих днях мне предложили работу, но из соображений учебных я отказался, дело в том, что работа ответственная, требующая большого напряжения, и если б я ее взял, то все мои занятия полетели бы к черту. Я как раз взялся за самый большой зачет на

---

[93] Примечания: 93

Ефим Абрамович Кугель (1903–1966) — один из ближайших друзей Гроссмана со студенческих времен до конца жизни. Учился вместе с Гроссманом на химическом отделении 1-го МГУ, затем работал на карандашной фабрике им. Сакко и Ванцетти; стал прообразом Кругляка в рассказах «Цейлонский графит» (1935) и «Фосфор» (1958–1962). После окончания Великой отечественной войны Кугель был арестован и приговорен, по свидетельству Федора Губера, к 25 годам заключения (Губер 2007: 145), но благодаря, в частности, усилиям Гроссмана вышел на свободу досрочно в 1959 году.

всем факультете — физическую химию. Думаю, что к концу апреля осилю его. После этого фактически университет в основном будет закончен — останутся только «хвосты». Ты знаешь, батько, мне бы очень улыбалось взять практику летнюю в Донбассе, уж больно мне надоела Москва. Но, с другой стороны, я теперь пытаюсь устроить Гале практику в Москве; если это удастся, то мне придется тоже остаться здесь. Если же нет, то не будет смысла сидеть в Москве. Как ты думаешь, у вас там нельзя было б в этом случае устроиться — хотя бы в вашем институте? Я бы лазил каждый день в шахту вместо всех вас?

Ну ладно. Буду кончать. Кланяйся Ольге Семеновне, как ее здоровье?

Пиши мне чаще чем раз в месяц, дорогой мой, ей-богу, это нехорошо.

Крепко тебя целую, твой Вася.

26 марта 1929 г.

38

6 апреля 1929, [Покровское-Глебово]

Дорогой батько, получил сегодня твое письмо и, в отличие от некоторых, тотчас же отвечаю. Бедная Ольга Семеновна, как же это ее угораздило так неловко упасть — шутка сказать, 10 недель

пролежать в гипсе, да еще, вероятно, с сильными болями. Передай ей мое всяческое сочувствие. А ты, батько, на все фронты, и по службе, и в качестве «сидельца». Что у меня хорошего и нового? Пожалуй, ничего нового. По-прежнему занимаюсь. Готовлю теперь «кита» — физическую химию и работаю в термической лаборатории. «Кит» очень большой, чтобы сдать его, надо прочесть 3 тома Каблукова, книгу Ле Блана и зверскую «Теоретическую химию» Нернста[94]. Единственное спасение — то, что предмет чрезвычайно интересный, и я читаю и плаваю в формулах с большим удовольствием. Это не техническая химия, где все приходилось брать зубрежкой. Любопытно, что за этим чтением и разбором формул не замечаешь, как бежит время. Сел утром, кажется, что прошло два часа, глядишь, уже пять часов вечера. Термическая лаборатория мне тоже нравится — очень занят-

---

[94] Примечания: 94

Иван Алексеевич Каблуков (1857–1942) — профессор химии, автор трехтомного труда «Основные начала физической химии»: «Основные начала физической химии» (Каблуков 1900); «Электрохимия» (Каблуков 1902); «Термохимия. Учение о химическом сродстве» (Каблуков 1910). В 1915–1933 годах заведовал термохимической лабораторией кафедры химии физико-математического факультета МГУ.

Макс Ле Блан (1865–1943) — автор «Учебника электрохимии» (Ле-Блан 1909). Вальтер Нернст (1864–1941) — автор монографии «Теоретическая химия с точки зрения Закона Avogadro и термодинамики» (Нернст 1904).

но измерять t° с точностью до тысячных долей градуса (мы определяем скрытые теплоты испарения, теплоемкости, теплоты реакций); чтобы не влиять на показания термометра теплотой своего тела, мы наблюдаем температуру через зрительную трубу, и очень смешно глядеть на градусник на расстоянии трех аршин.

В общем, этот период учебы интересный и нравится мне. Зато после него пойдет опять зубрежка, будь она проклята, но опять-таки «зато» после зубрежки я буду *fertig*[95]. Заниматься я буду, вероятно, до первого июня, а затем возьму практику. Дело как будто клонит к тому, что Галина практика будет в Москве, следовательно, и я останусь здесь. Я думаю, что не стоит тебе заране говорить с кем-нибудь по этому поводу, поскольку вопрос о моей поездке совсем еще не решен.

От мамы получил сегодня письмо, она пишет, что не имеет от тебя писем, и, так же как ты о ней, справляется у меня о тебе. Ох и писатель же ты, батько, скупой. Весна, которая меня радовала, «тюкнула», опять холодно, такое зло берет на этот северный климат; у вас, наверное, тепло уже? Ну-с, вот, поговорили. Могу сказать, что психически

---

[95] Примечания: 95
Готов *(нем.)*.

последнее время я себя чувствую хорошо и что мое всегдашнее скверное настроение из всегдашнего сделалось довольно редким. Батько, дорогой мой, если ты не так уж экстра занят, то пиши мне почаще, чем раз в месяц. Очень прошу тебя об этом. Будь здоров. Крепко тебя целую, Вася.

Пламенный, пролетарский привет Ольге Семеновне.

6 апреля 1929 г.

39

10 апреля [1929, Покровское-Глебово]

Дорогой папа, получил твоих два письма. Я не знаю, что говорил Лобода[96] Наде, что говорила Надя тете, тетя Ольге Семеновне и что писала Ольга Семеновна тебе. Это раз. Два — это то, что пишу я тебе об этом всем не для того, чтобы оправдаться, держать ответ перед грозным отцом или даже исповедоваться перед тобой (кстати, исповедоваться я не мог бы ни перед кем, так как

---

[96] Примечания: 96

Вячеслав Иванович Лобода (Веня) (1903–1980) — близкий друг Гроссмана. Дочь Вячеслава Лободы Мария Карлова сообщила в личной беседе с нами, что Гроссман и Вячеслав Лобода переехали в 1924 году из Киева в Москву по рекомендации и при содействии старшего брата Лободы, Николая, который в 1921–1924 годах был ректором Киевского высшего института народного образования, а в 1924 году переведен на работу в Москву.

у меня нет ни высоких заслуг, ни преступлений), а пишу, во-первых, потому, что, зная, как тебя все это огорчает, хочу тебе рассказать «всю правду», а во-вторых, потому, что смешно было бы обойти молчанием такую штуку, когда она возникает между мной и самым близким мне человеком. Начну с занятий. Ты чего-то не понимаешь? Я тоже не понимаю, чего ты не понимаешь. Поэтому начну с начала. Сентябрь месяц у меня ушел на гонку за лабораторией. Затем до половины октября я готовился к предварительному зачету по органич⟨еской⟩ химии. Затем до Рождества работал в лаборатории. Приехал в Москву из Бердичева 11 января и до февраля бил баклуши, так как в лаборатории был ремонт. Затем продолжал работать в лаборатории орган⟨ической⟩ химии и закончил ее в середине марта. Работа затянулась, т. к. то не было реактивов, то сама работа не клеилась: на последних два синтеза я потратил около трех недель, роясь в немецкой литературе и переделывая их в лаборатории: не выходили. Теперь я готовлюсь к зачетам и работаю весьма много. Мое мнение о истекшем годе: работая в лаборатории до 7 ч. вечера, т. е. 7–9 часов в день, я мог бы с часов 9 до 12 ночи заниматься теорией. Этого я не делал, читая беллетристику или пре-

провождая время с товарищами. Время свое я мог бы уплотнить, но не сделал этого и, откровенно говоря, жалею об этом теперь. С другой стороны, это был, пожалуй, самый мой продуктивный год в Москве. Резюме: сделано за год много, но сделать можно было еще больше.

Я пишу, что год прошел. Это не так. Осталось еще добрых два месяца с хвостиком работы. За это время мне нужно сдать зачеты: «Методы количественного анализа» (это весовой, объемный, газовый и электроанализ — курс, не имеющий отношения к лаборатории, которую я работал летом), органическую химию — теоретический курс — здесь работы месяца на полтора, т. к. материал чертовски велик, и, наконец, пару пигмеев — геологию и кристаллографию, недели две работы. Кроме того, я посещаю практич⟨еские⟩ занятия по геологии и кристал⟨лографии⟩, это раз в неделю по 2 часа, но эти-то последние меня и привязываю⟨т⟩ к Москве. Надеюсь, эту программу к 15 июня выполнить, и тогда на будущий год мне останется только лаборатория физической химии и один зачет — технич⟨еская⟩ химия. Уф! Вот тебе подробная сводка моих учебных дел.

Теперь относительно пивных. Я действительно довольно часто посещаю их. Но между посеще-

ньем пивной и пьянством нет сходства. Зайти в пивную и выпить бутылку пива — в этом нет ничего ужасного. Конечно, бывали случаи, когда я, действительно, солидно выпивал — не только пиво, но и водку и был пьян как «сапожник», однажды даже поехал в Ригу, в той самой комнате, где когда-то жил вместе с Лободой.

Но и в такой выпивке, устраиваемой раз в месяц или полтора, я не вижу ничего ужасного. В самом деле, такие выпивки не вредны для здоровья потому, что они редки. Такие выпивки не мешают работе опять-таки потому, что они редки. Ты скажешь: можно втянуться. Совершенно верно. Но втянуться может или очень убогий, или очень и очень несчастный человек. Я же не умственно убогий, а когда я чувствую себя несчастным или одиноким, у меня нет ни малейшего желанья пить, наоборот, выпиваем мы, когда хочется повеселиться, попеть, «побаловаться». Я знаю, что ты держишься другой точки зрения и считаешь, что все это даже в самых малых дозах — свинство. А мне кажется, что это не плохо; конечно, хорошего в этом тоже ничего нет. Вероятно, тебе писали про этот мой «грех». Относительно того, как я себя вел по отношению к Лободе, что ты пишешь, что и ты бы меня назвал хамом — я ума

не приложу, чего я такого сделал.

К Вене я питал самые дружеские чувства до самого последнего времени; во время его болезни эти чувства, смею думать, показал лучше, чем его братья, которые для него пальцем о палец не ударили. К брату его относился самым корректным образом до тех пор, пока он не начал меня выживать самым очевидным образом[97]. Да о чем говорить. В этом деле я чист. Ну вот, кажется, все, что я хотел тебе написать. Буду очень рад, если твое представление обо мне после «того» письма станет лучше. В двух словах я тебе скажу то, что думаю о самом себе: я не падший, я и не подвижник, я самый средний честный человек; но есть одно обстоятельство, которое, как мне кажется, не дает мне ни упасть на самое дно, «ни погрузиться в тину нечистую мелких помыслов, мелких страстей»[98].

---

[97] Примечания: 97

У Вячеслава Лободы было четверо старших братьев. По словам его дочери Марии Карловой, Гроссман некоторое время жил в комнате с Вячеславом и одним из его братьев, Владимиром.

[98] Примечания: 98

«Погрузился я в тину нечистую / мелких помыслов, мелких страстей» — цитата из стихотворения «Рыцарь на час» Николая Некрасова (1862). См. воспоминания Федора Губера: «Больше всего он читал мне Некрасова, своего любимого поэта: „Рыцарь на час“, „Железная дорога“, от Гроссмана я впервые услышал маленький шедевр Некрасова „Внимая ужасам войны“» (Губер 2007: 36).

Это глубокое внутреннее сознанье, что жить можно, только служа какому-нибудь высокому делу и любя это дело. Жить не для себя и не собой и узким кругом двух-трех людей. К большому своему горю, я не нашел такого дела, но верю, что найду. У Рабиндранат⟨а⟩ Тагора есть фраза: «О великая даль, о пронзительный зов твоей флейты»[99]. Ну вот, я думаю, что этот зов выведет меня на настоящую дорогу, по которой ходят настоящие люди. Ты меня прости за высокий стиль, ведь он искренен.

Целую тебя, батько. Вася.

Надеюсь, что ты мне скоро ответишь, буду ждать твоего письма с нетерпением.

10 апреля.

40

8 мая [1929, Покровское-Глебово]

Дорогой батько, получил твое письмо. Ты меня ругаешь, почему я сразу не пошел к врачу, а «страдал» два дня. Это действительно глупо; в следующий раз я обязательно пойду в тот же день. Галя уехала вчера в Киев, пробыла здесь 12

---

[99] Примечания: 99

Цитата из книги Рабиндраната Тагора «Садовник» (1913) (Тагор 1917: 9).

дней. С занятиями моими в связи с ее приездом у меня произошла заминка, но я себя в этом не виню, как-никак, а причина уважительная. Я все ж таки успел за это время закончить термохимическую лабораторию и сдать зачет по военной химии. Физическую химию пойду, вероятно, сдавать в понедельник. Уф, уф, сдать бы ее, тогда все горизонты очищаются. Завтра начинаю лаборатории микроанализа и технического анализа (того самого, что не доделал в прошлом году). Теперь, батько, относительно летних перспектив. Гале удалось устроить практику в Москве, в Украинском Постпредставительстве при Совнаркоме, это окончательно оформлено, и ей уже выдали бумажку, что с июня месяца она может приступить к работе. Приедет она, вероятно, в первых числах июня. Я уже подал заявление в комиссию по летней практике о том, что прошу дать мне практику в Москве, результат будет известен только в конце мая, наверное не могу сказать, но вероятней всего, что практику в Москве я получу, и тоже к числу 15–20-му приступлю к работе. Так обстоит с летними делами. Теперь относительно твоего предложенья работать в Сталине (Макеевке). Мне это улыбается. Даже не улыбается, а больше, это то, чего я очень хочу, что мне

нужно. Из всех мест СССР Сталино (округ) меня наибольше привлекает. Поэтому, если возможно договориться теперь о работе, обязательно сделай это. Летняя практика кончается к 1 октября, следовательно, если нужно обусловить срок, то говори о начале октября. К этому времени и университетские мои дела будут ликвидированы полностью. Батько, а как твои планы, где ты будешь в это время? Насчет химика, нужного вам, я толковал с нашими оканчивающими — не выражают желанья ехать, повешу объявление в Хим⟨ическом⟩ институте и укажу ваш адрес. Деньги получил, спасибо большое за «надбавку», она пришлась более чем кстати. Батько, родной мой, напиши мне не в конце мая, а раньше, если занят очень, то напиши коротенькое письмо. Не забудь написать, как здоровье Ольги Семеновны, и не забудь передать ей привет. И как твои планы, будешь ли в Сталине осенью? Пока всего хорошего. Крепко тебя целую, твой Вася.

Значит, я всячески готов ехать в Сталино с октября месяца.

8 мая

41

19 мая [1929, Покровское-Глебово]

Дорогой батько, получил ли книжки уже? Ты в своей открытке грозился написать мне письмо, но угрозы своей не исполнил. Что у меня нового? Сдал в пятницу экзамен по физической химии. Теперь принялся за хвосты — их у меня 5. Если экзаменационную сессию продлят до 20 июня, то я успею закончить университет сейчас, если же профессор коллоидной химии уедет раньше, то придется оставить один зачет на осень. Мне это не хочется, и я постараюсь всяко успеть сдать все перед летним перерывом. Сейчас готовлю полезные ископаемые и кристаллографию, эта проклятая кристаллография мне внушает ужас, предмет ерундовый, но смертельно скучный — сплошная зубрежка.

Ты знаешь, я так привык быть студентом, что теперь, после того как сдал физич⟨ескую⟩ химию и фактически кончил университетскую программу, мне как-то странно. Как это я вдруг, через некоторое время перестану ходить в университет, сдавать зачеты, приезжать к 1 сентября, ездить на рождественские каникулы, что я войду в совершенно другую систему человеческих ин-

тересов, «новая система обращения». Ну ладно. Чтобы войти, нужно пока возможно энергичней «обращаться» в старой системе. С практикой моей еще не выяснилось, узнаю во вторник. Вероятно, практику я получу — имею все основания на это: 1) ни разу еще не был; 2) кончаю университет. Но я думаю брать ее не с 1 июня, а с числа 15–20-го, чтобы успеть «дозаниматься».

В материальном отношении моя и Галина работа дадут нам прожиточный минимум, я еще надеюсь летом устроить себе какой-нибудь литературный приработок. В общем, образуется. Если сможешь, то вышли мне еще одну «июньскую получку», т. к. пока заработки только в перспективе. Заходил я в профком справиться насчет вашего химика. Говорят — на такие условия никто не хочет ехать, мало жалованья. Вообще же у нашей публики тенденция оставаться в Москве во что бы то ни стало. Батько, дорогой, как там у тебя, не предвидится командировки в Москву? Очень хочется тебя видеть, поселился бы на моей даче — здесь теперь очень хорошо. А как у тебя насчет дальнейших планов, идешь ли в отпуск, куда, когда? Как насчет того, чтобы уехать из Сталина? Напиши, пожалуйста, обо всем этом. Потом, почему ты не пишешь, как здоровье Ольги

Семеновны, ходит ли она уже? Кланяйся ей.

Пока всего хорошего. Крепко тебя целую, твой Вася.

19 мая.

Пиши!

42

26 мая [1929, Покровское-Глебово]

Дорогой мой, получил твое письмо. Батько мой, мне бы очень хотелось повидаться с тобой, если б была хоть маленькая возможность, я бы приехал в Сталино. Мы бы с тобой посидели вечером в саду и хорошо поговорили, может быть, как еще ни разу не говорили. Может быть, через пару месяцев увидимся, а раньше, должно быть, не выйдет — это очень печально. Дорогой мой, ты просишь, чтобы я тебя не «утешал». Хорошо, не буду. Скажу только, что большая часть причин твоего нехорошего состояния лежит не в объективных, уже не поддающихся исправлению обстоятельствах, а в чисто временных, преходящих моментах: в том, что ты переутомился, неудовлетворен работой проделанной, попал в пренеприятные отношения с сотрудниками. Так мне кажется. Я уверен, что когда эти временные обстоятельства пройдут, то и настроение у тебя станет лучше, и

ты не будешь так мрачно смотреть на жизнь. Ей-богу, дорогой мой, увидишь, так будет. От этого, конечно, сейчас не легче. Мне бы очень хотелось с тобой увидеться. Сейчас я эти несколько дней хожу и все время думаю о тебе, и мне представляется, что ты так одинок, как старый волк, который забился в темный угол; вот молодой волк пришел бы, и мы вместе б поскулили на луну. Как-то я не умею выразить, что хочу сказать, а хочу сказать, что мне бы хотелось тебя крепко поцеловать и обнять, и наверное стало лучше.

Батько мой дорогой, ты беспокоишься о моей практике, откровенно говоря, и я о ней беспокоюсь — все пока очень неопределенно, и никак не выяснится, дадут ее мне или нет. Завтра нажму и думаю, что в ближайшие пару дней узнаю окончательно. Хочу тебя просить — ни в коем случае не ставь в связь свои намеренья с моими делами. Я не пропаду уже. Человек научается быстрее всего плавать, когда его не держат на веревке. Чуешь, батько? Серьезно прошу тебя. С учебой дело благополучно: сдал в среду полезные ископаемые, завтра думаю сдать стереохимию, в пятницу отравляющие вещества, а в будущий понедельник кристаллографию. Тогда останется коллоидная химия, с которой можно «распра-

виться» за две недели. Значит, мне занятий осталось три-четыре недели, и если коллоидный профессор не уедет, то кончу теперь. Вот только практику себе устроить. Не знаю, как будет осенью, вероятней всего, что пойду в армию. Лучше ее отбыть теперь, чем брать (устраивать) отсрочки, а потом весь год чувствовать себя связанным. Галя приедет, должно быть, в конце будущей недели, а может, позже немного. Дорогой мой, ты не писал мне совсем о том, думаешь ли оставаться в Донбассе или уезжать? Может, в Москву собираешься? Приезжай сюда, батько, отсюда легче устраиваться, и мы б повидались: это было б очень хорошо — ведь скоро год, как мы не виделись. Я вдруг вспомнил, как ты приехал в Криницу запыленный, больной и как я ужасно смутился, когда знакомил тебя с Галей, — ведь жениться стыдно, а я взял да и женился.

Целую тебя крепко, мой дорогой.

В⟨о⟩скр⟨есенье,⟩ 26 мая, твой Вася.

Привет Ольге Семеновне.

43

[Июнь 1929, Покровское-Глебово]

Дорогой батько, отвечаю на твое письмо спустя пару дней. Что у меня слышно? И плохое и

хорошее. Плохое то, что с практикой моей дело как будто не выгорело. Мне дали место на текстильной ф(абри)ке, но я отказался от него, — во-первых, потому, что это на выезд, во-вторых, потому, что на текстиле для химика нет работы, тоска да и только; и ко всему плата 50 р. в месяц.

В пятницу выяснится, может, дадут мне место в Москве. Хотя надежды мало. В смысле учебном это меня не смущает — в конце-то концов вся практика сводится к анализам (текущим), а титровать и взвешивать я умею, слава богу. Для окончания она мне тоже не составит препятствия — я был сегодня у декана, и он мне сказал, что выдаст диплом без практики. Но вот в материальном отношении это плохо, очень плохо; буду искать всеми силами работу, но вот найду ли ее — вопрос.

Теперь второе плохое — это то, что я провалился вчера по кристаллографии. Второй провал за всю мою учебу. Предмет жуткий, и меня физически тошнит, когда я сегодня снова открыл книжку и начал зубрить тетраэдрические трапецоэдры. Брр. Пойду в следующий понедельник опять. Зачетов после физической химии я сдал 2 и закончил лабораторию микроанализа. Осталось мне кристаллография и коллоидная химия, да

еще специальный курс отравляющих веществ (но это не зачет — надо просто за 2 часа просмотреть записки и сдать). Значит, если в понедельник сдам кристаллографию, то тотчас засяду за коллоидную и сдам ее к 26-му (профессор принимает 26-го). И конец. Пойду в канцелярию получить диплом. Ты, батько, извини, что я с такими подробностями пишу о зачетах, но меня это теперь очень занимает. Шутка сказать, столько лет учился, а теперь кончаю, неожиданно.

Получил только что телеграмму от Гали — завтра приезжает в Москву. Это то, что у меня хорошего. Да, вот что: зимой мне предстоит стать папашей, а тебе дедушкой[100]. Не знаю, считать ли это хорошим или плохим. Во всяком случае, докторица смотрела Галю и нашла, что «выхода из интересного положения» ей нельзя делать. Да и Галя сама не хочет. Чудно́. У меня будет сын (а вдруг дочь?). Как ты смотришь на такую новость? Ну вот, батько, мой дорогой. Настроение у меня, в общем, хорошее. Только неприятно с практикой, да заниматься надоело отчаянно, а как назло,

[100] Примечания: 100

По свидетельствам семьи, дочь Гроссмана Екатерина Короткова родилась 23 января 1930 года, но ее рождение зарегистрировали только 23 июня, поэтому в паспорте официальной датой ее рождения указано 23 июня 1930 года. Сама она всегда праздновала день рождения только в январе.

два последних зачета — сплошная зубрежка, но это пустяки, три недели посижу основательно, и точка. А настроение у меня хорошее оттого, что чувствую себя «у врат царства». Знаю, что «царство» тяжелая штука и что шипов в жизни куда больше, чем роз, но тем не менее хорошо. Хочется мне много читать по хозяйственным вопросам — разобраться самому, что и как у нас делается, но главное, хочется в жизнь войти, перестать быть зрителем, самому принять в ней участие. Не знаю почему, но от мысли остаться в Москве меня воротит; мне кажется, что все здесь «дутое», а что «настоящее» там, «на периферии» и, конечно, прежде всего в Донбассе. Ведь нехорошо я здесь жил, малосодержательно, пусто. И над этим периодом своей жизни надо поставить точку. Все изменить — обстановку, знакомых, интересы и, конечно, прежде всего себя самого. Так или иначе, осенью отсюда уеду. Вероятней всего, пойду в армию. Меня убеждают попытаться устроиться на военный завод, «зачем терять год жизни?». Но мне кажется, что в армии я не потеряю года, а, наоборот, кое-что приобрету. Беда только, что красноармейцам платят 3 р. в месяц, а я, можно сказать, обременен женой и детьми (в проекции). Ну, к тому времени, может, чего выгорит, не про-

падет же младенец.

Да, дорогой мой, ты пишешь насчет того, чтобы стать мне Василием Семеновичем. Я бы сам рад, но, во-первых, это стоит 25 р., а во-вторых, как-то неловко превращаться из Иосифа в Василия[101]. Интересно, что мама мне в открытке написала сегодня точно твоими словами об этом самом: «сделай это перед получением диплома». Ну ладно. Буду кончать. Целую крепко тебя, твой Вася.

Привет Ольге Семеновне.

Батько, давай писать друг другу почаще, ей-богу, можно выкроить час в неделю для этого дела.

44

[22 июня 1929, Покровское-Глебово]

Дорогой батько, получил твое письмо. Мне приходится извиняться, как и тебе, отвечаю через неделю. Дорогой мой, ты так неопределенно пишешь о своих дальнейших перспективах. Я прекрасно понимаю тебя, что тебе все осточертело и что самое лучшее тебе было до весны не брать работы, закатиться в какую-нибудь глушь — Криницу или хороший сосновый бор. Батько,

---

[101] Примечания: 101

Гроссман так никогда официально и не поменял имя и отчество и в документах оставался Иосифом Соломоновичем.

дорогой мой, но, может быть, прежде чем «закатываться», ты приедешь в Москву? Если у тебя будет к тому возможность, пожалуйста, сделай это. Вот увидишь, все будет хорошо — отдохнешь, успокоятся нервы. Только вот беда с материальной стороной. Как устроишься? Меня все это очень интересует, но если тебе почему-либо неприятно, то не пиши.

Теперь насчет твоих соображений на мой счет. По поводу ребенка — видит бог, что я не горю желанием стать молодым счастливым отцом. Проще — я прекрасно понимаю, что это не легкая вещь, что это накладывает серьезнейшие обязательства и прочая, и прочая. Но вот какая штука — Галя уже делала аборт, и с весьма тяжелыми последствиями, теперь же врач ее предупреждает, что второй эксперимент такого рода совсем для нее скверен. Что же делать?

Галя мне говорит: «Как ты хочешь, я согласна делать эту штуку». Но мне кажется, что нехорошо калечить человека. И поэтому, а не по легкомыслию я собираюсь тоже стать батькой. Не знаю, может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что это наиболее приемлемый выход. Да, батько, я обиделся за Галю; ты пишешь: «Если Галя тебя любит, она должна подумать, какой хомут она те-

бе одевает на шею». Во-первых, я его сам одеваю, если б я сказал слово, то Галя завтра же пошла в больницу на предмет снимания хомута; а во-вторых, откровенно говоря, ведь если я одену один хомут, то Галя их оденет десять, по существу-то ведь вся тяжесть этого «несвоевременного ребенка» ляжет на нее, а не на меня. Учиться, кормить, жить в крайне стесненных обстоятельствах, не спать ночей — это предстоит ей, а не мне. Скажу, как чеховская Варенька: «Сознайтесь, что вы не правы»[102].

Насчет того, что мне грозит «погрузиться в тину нечистую мелких помыслов»[103], я уже думал. Нет. Если человек погружается, то ему ничего не поможет, будь он трижды свободен от всяких материальных тягот. А если в нем есть подлинное, глубокое желание жить настоящей жизнью, то он ей и будет жить, вопреки и несмотря на тормозы. Таково мое мнение — мнение человека, знающего «тяготы жизни» только по книгам. Может быть, через год я изменю свое мнение. Поживем — увидим. Теперь о прочих делах. Я кончил университет. А может быть, вернее ска-

---

[102] Примечания: 102

Цитата из рассказа Антона Чехова «Учитель словесности» (1889–1894).

[103] Примечания: 103

См. примеч. 2 к письму Гроссмана к отцу от 10 апреля [1929 года], с. 85.

зать, «ты кончил университет». В таком случае поздравляю тебя.

Нет, не стоит писать мысли мои по поводу этого треугольника: «я, ты, университет». Они настолько обидны и тяжелы для меня. Лучше, когда ты приедешь в Москву, мы поговорим обо всем, поговорим и об этом. Был в предметной комиссии, и мне там написали «ст⟨удент⟩ Гросман выполнил учебный план химич⟨еского⟩ отд⟨еления⟩ 1-го МГУ». Теперь надо пойти в деканат выправлять себе свидетельство. Насчет практики. Практику я получил в Москве на большом мыловаренном заводе[104]: работа аналитическая — определение жирных кислот, свободной щелочи, анализы соды, стирального порошка, глицерина и т. д. Вчера работал первый день. Скучновато. Плата 65 р. Работы 9 часов (1 ч. перерыва) — с непривычки я устал смертельно, приехал домой полумертвым. Правда, у меня легкий грипп, повышена температура, может быть, поэтому так устал. И еще неприятно, что это чертовски далеко — 2 часа езды, и приходится стоять в битком набитом

[104] Примечания: 104

Гроссман проходил практику с 21 июня по 20 октября 1929 года на Государственном заводе № 2 «Красный мыловар», который находился по адресу: Почтовая ул., 30. Об этом свидетельствует его расчетная книжка, хранящаяся в семейном архиве Гроссмана — Губер.

трамвае. Думаю, что, когда простуда пройдет, будет легче. С первого же дня я убедился, что практика мне необходима. Учеба — это одно, а работа в производстве — совсем другое. У меня такое чувство, что я ничего не знаю; утешаю себя тем, что все оканчивающие рассказывают о себе то же самое, потом быстро входят в курс дел и видят, что кое-что они знают. Надеюсь, что и со мной будет так же. Теперь о дальнейших перспективах. В связи с Галиным «грядущим молодым человеком» я решил (в противоположность всем прочим, ранее состоявшимся решеньям) в этому году не пойти в армию, а работать по военной промышленности. Флаксерман[105] мне устроила свидание с Постниковым — это человек, возглавляющий Глав(ное) упр(авление) военной промышленности[106]. Между прочим, я не видел в жизни такого гиганта, не человек, а Эйфелева

---

[105] Примечания: 105

Галина Константиновна Флаксерман (1888–1958) — участница революционного движения (в 1917 году именно в ее квартире в Санкт-Петербурге было принято решение о вооруженном восстании, а затем определена его дата); в 1928–1930 годах состояла в дирекции Института марксизма-ленинизма. Вероятно, старая знакомая Семена Осиповича Гроссмана.

[106] Примечания: 106

Александр Михайлович Постников (1886–1937) в 1927–1930 годах служил начальником Мобилизационно-планового управления (отвечавшего за всю оборонную промышленность) Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ).

башня. Мы с ним поговорили (я окончил по специальности «органич(еская) химия» с уклоном по отравляющим веществам), и он обещал меня «использовать» по специальности: через дней десять выяснится, куда меня направят. Я бы грешным делом хотел работать в центральном управлении: шесть часов работы, больше свободного времени, а на меня теперь напал писательский зуд.

В общем, не знаю, может, все кончится ерундой, но пока перспективы благоприятные; посмотрим, как они осуществятся. Ну, кончаю. Всего хорошего. Крепко тебя целую, Вася.

45

10 июля [1929, Покровское-Глебово]

Дорогой батько, извини, что не ответил сразу на твое письмо. Я так был занят эти дни, что никак не мог собраться. Дорогой мой, не беспокойся о моем здоровье — я уже чувствую себя совсем хорошо, устаю гораздо меньше, и, в общем, все в порядке. Был у врача, и он нашел, что легкие и сердце у меня в порядке. Что касается трамваев и автомобилей, то чего вдруг мне попадать под них; 6 лет не попадал, а теперь попаду. Ты спрашиваешь, где я обедаю? В всевозможных столовках — иногда в хороших, иногда в плохих, но, откро-

венно говоря, по большей части в плохих. Работа на заводе скучновата — однообразные, немногочисленные анализы, техникой которых я овладел за несколько дней. Если в дальнейшем мне будет предстоять такая же работа, то я себе не завидую. С военной химией дело не решено окончательно, но вероятней всего, что работу я получу: вчера уже заполнял анкеты; дело задерживается из-за того, что мне нужно представить рекомендации членов партии, а все знакомые «партейные» уехали в отпуск, и мне придется писать им; пока получится ответ, пройдет дней десять. Где буду работать, не знаю — очень возможно, что меня оставят при центральном управлении; это мне улыбается, во-первых, потому, что нужно будет работать шесть часов, а во-вторых, не так далеко ездить, как на завод.

Ну, вот тебе «деловая» часть моего письма. Дорогой мой, твое письмо так неопределенно в той части, где ты пишешь о себе, что я так ничего и не узнал, что и как. Напиши мне, пожалуйста, ведь через несколько дней ты уходишь со службы, неужели же ты до сих пор не знаешь, где ты будешь жить — останешься ли в Сталине или уедешь? «И если да, то куда?» Батько, во всяком случае, тебе надо отдохнуть несколько месяцев

— это обязательно. Ты пишешь о Кринице. Да, Криница, как помощник прокурора в «Сирене» скажу: «М-да, в Криницы я бы, пожалуй, поехал»[107].

Настроение у меня неважное — скучновато жить, завод, обед, три часа на книжку, прогулку, затем сон и на другой день опять завод и это всё. Мне бы очень хотелось теперь писать, есть о чем, и кажется мне, что выйдет хорошо, но нет времени. И бог весть, когда оно будет. Любопытно, что люди, не сидящие в тюрьме, полагают себя свободными. В действительности же они тоже кандальники и находятся под гласным надзором всяческих обязательств и норм. Человек ходит и действует как будто самостоятельно, а в действительности делает то, что ему нужно (?) и что ему вовсе не хочется делать. Я уверен, что среди сорока или пятидесяти тысяч рабочих, едущих в 6 ч. утра на работу, не наберется и десяти, которые делают это по желанию и с удовольствием. Нужно — вот и все. Можно даже высказать такую парадоксальную мысль, что сидящий в тюрьме гораздо свободнее живущих на свободе. Он располагает своим временем: хочет — 12 часов

[107] Примечания: 107

Гроссман имеет в виду товарища прокурора из рассказа Антона Чехова «Сирена» (1887).

ковыряет в носу; хочет — думает трое суток подряд о планете Нептун; хочет — спит. А я вот не могу и часа ковырять в носу, т. к. через десять минут надо ехать на завод. Ну да ладно.

Целую тебя крепко, твой Вася.

Привет Ольге Семеновне.

Дорогой батько, пиши мне, не забывай меня: твои письма мне доставляют большую радость (если они без головомоек), а если б увидеться, то было [б] еще лучше.

10 июля.

Кланяется тебе Галя.

46

30 [июля 1929, Покровское-Глебово]

Дорогой батько, послал тебе вчера открытку, а сегодня ходил в свою университетскую комиссию. Дело представляется в весьма печальном свете. Места у них для химиков есть, но из рук вон плохие: курский сах⟨арный⟩ завод, винокуренный завод и т. д. Это не годится во всех отношениях, — во-первых, отвратительная работа, во-вторых, уездная провинциальная глушь.

Может быть, им представится что-нибудь лучшее, но это вопрос будущего. Я полагаю поступить следующим образом: числа 3-го я уеду

в Бердич⟨ев⟩, а Галя в Киев, поживу там дней 10–12, если у тебя с подысканием для меня сходной работы на Донбассе (Сталин, Макеевка) ничего не выйдет, то я возьму любое место, которое мне предложит комиссия. Дело ко всему осложняется денежным вопросом, так что особенно долго я не смогу ждать. Поэтому я в основном надеюсь на тебя. Пиши мне по адр⟨есу⟩: Бердичев, Училищ⟨ная улица), 6[108]. Я тебе уже писал, что призыв будет только 25 октября. Сейчас я уже ничего не делаю, сижу, так сказать, на походном положении.

Я не раскаиваюсь, что отказался от работы в ВСНХ[109], бог с ней: это чиновничье дело мне совсем не по душе.

Положенье, правда, несколько скользкое. Я прошу тебя устроить мне работу, в то время как ты сам ее не имеешь. Пиши поскорей на бердич⟨евский⟩ адрес и сообщи, по какому адресу писать тебе. Крепко целую, Вася.

30.

---

[108] Примечания: 108

С 1908 года Шеренцисы в Бердичеве жили в трехэтажном особняке (ул. Шевченко, 12), в котором также располагалась частная клиника Давида Михайловича. В конце 1920-х годов это здание передали горисполкому, и Шеренцисы были вынуждены переехать в одноэтажный дом по Училищной улице, 6.

[109] Примечания: 109

ВСНХ — Высший совет народного хозяйства. См. также примеч. 2 к письму Гроссмана отцу от [22 июня 1929 года], с. 94.

47

[1 августа 1929[110], Покровское-Глебово]

Дорогой батько, я отправил тебе сегодня письмо и сегодня же получил письмо от тебя. Напиши, куда едешь в отпуск. Я рад, что ты мне сообщаешь о своем положении, хотя бы в общих чертах. Дорогой мой, почему бы тебе не согласиться насчет Москвы, ведь это очень неплохо, будем вместе путешествовать в худож(ественный) театр и пр. Ты спрашиваешь о наших доходах: 105 р., увы, но, вероятно, с августа я пойду на денеж(ную) службу. Ну да ладно. Дорогой мой, зачем же ехать в Криницу, если она приелась. Мир велик. Черноморское побережье тоже. Целую крепко, Вася.

Июль – сентябрь 1931

Окончив университет, Гроссман отправляется работать в Донбасс.

В одной из своих автобиографий, написанной в 1952 году, он сообщает: «В 1929 году по окончании университета я поехал в Донбасс и поступил

---

[110] Примечания: 110
Дата на штемпеле отправления почтовой карточки.

на работу в Макеевский научно-исследовательский институт по безопасности горных работ, заведовал газово-аналитической лабораторией на шахте „Смолянка-11“. В Донбассе я работал, помимо Макеевского института, в Донецком областном институте патологии и гигиены труда — химиком, научным сотрудником, а затем ассистентом кафедры химии в Сталинском медицинском институте (гор. Сталино)»[111].

48

8 июля 1931, [Москва]

Дорогой батько, приехал вчера в Москву. Остановился у Нади. У нее прекрасных три комнаты, в саду, в полутора минутах ходьбы от трамвая[112]. Благодушествую.

Перспектив работы в Москве сколько хочешь. Но сразу же во весь рост встает вопрос — отпустят ли с Донбасса? Москва мне очень нравится — москвичи нет. Смотрю на них суровыми глазами Донбасса. Посижу здесь еще недельку и катану на

---

[111] Примечания: 111

РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 39. Ед. хр. 1658. Л. 9 об.

[112] Примечания: 112

Эта квартира находилась в поселке «Свет и воздух» (сейчас — часть Северного округа Москвы) по адресу: Беговая ул, д. 4, кв. 50.

Киев — Бефдичев [sic! — *Ю. В., А. К.*], Псыщи.

Как-то ты там, работаешь? Что с окислами азота?

Между прочим, можно мне здесь устроиться ассистентом в Горном институте[113].

Эх!

Все ребята мои здесь, за исключением Лободы — этот сукин сын уехал на 20 месяцев в экспедицию Сахалин — Камчатка — Чукотский полуостров[114].

Между прочим, людей туда прямо рвут. Не катнуть ли нам. А?

Ну ладно, посмотрим.

Настроенье у меня хорошее.

Целую тебя крепко, Вася.

Привет Ольге Семеновне.

Что с выигрышем твоим? Неплохо было б тысяч

---

[113] Примечания: 113

Речь о Московском горном институте им. Сталина, созданном в 1930 году на базе Московской горной академии.

[114] Примечания: 114

Вячеслав Лобода, выпускник историко-этнографического факультета МГУ, после сдачи госэкзаменов взял направление на Чукотку, где инспектировал школы в Чукотском, Иультинском и Чаунском районах, изучал быт и языки северных народностей. После ареста в 1936 году его старшего брата Николая, обвиненного в контрреволюционной троцкистской деятельности, Вячеслав Лобода уехал на Чукотку уже на постоянной основе, где в течение последующих двадцати с лишним лет работал школьным учителем, директором интерната, инспектором и заведующим районным отделом народного образования.

пять взять[115].

Береги себя, не переутомляйся.

Не откладывай ни в коем случае отпуск.

Взял для тебя ботинки.

8. VII.31

49

[Между 9 и 20 июля 1931, Москва]

Дорогой батько, получил твое письмо. Я очень рад, что наша работа немного пошумела[116]; так и нужно.

О тебе. Батькос, куда же ты едешь отдыхать? Езжай на Кавказ. Оставь свой адрес. Ведь ты вернешься к 20-м сентября, через месяц после меня, а за это время, вероятно, нужно будет не раз с тобой посоветоваться.

---

[115] Примечания: 115

Вероятно, речь идет о выигрыше по облигациям. См. также примеч. 1 в письме Гроссмана отцу от 18 июня 1932 года, с. 112.

[116] Примечания: 116

О научных работах Гроссмана, написанных самостоятельно или в соавторстве с отцом, пока известно немного. В автобиографии 1952 года он пишет: «За время пребывания в Донбассе мной были выполнены несколько научных работ о взрывчатых и ядовитых газах, выделяющихся в каменноугольную выработку, в частности работа „К вопросу о наличии и происхождении окиси углерода в каменноугольных пластах Донбасса“» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 39. Ед. хр. 1658. Л. 9 об. — 10). В справке Института патологии и гигиены труда от 22 марта 1933 года, сохранившейся в семейном архиве Гроссмана — Губер, указано, что за время работы в качестве старшего ассистента химической лабора-

тории с 15 июля 1931 года по 23 июля 1932-го Гроссман выполнил две научные работы: «Наличие и происхождение окиси углерода в шахте» и «Окись углерода в механизированной лаве».

Что ж, быковская перспектива[117] мне не кажется скверной. Нужно только оговорить срок (год или два); и, кроме того, по дороге завернуть в Свердловск[118] — этот город мне больше улыбается. Но прежде всего нужно хорошо отдохнуть. Не меняй срока отпуска. Не задерживайся зря в Сталино. Езжай на Кавказ!

Обо мне. В Москве кое о чем договорился. Сарра Абр(амовна) говорит, что можно меня вытащить на военный завод, и если захочу, то уйти оттуда тоже не так трудно. Но есть много «но». Первое «но» — это квартира; второе «но» — отсутствие пламенного желанья ехать в Москву; третье «но»... Одним словом, «но» порядочно.

Твое предложение относительно Сибири, очевидно, вопрос нескольких месяцев, так что мы его сумеем обсудить по твоему возвращению. Если «но» пересилят и мне придется остаться на зиму в Сталино, то я хочу во что бы то ни стало оставить одну службу. Но здесь опять масса «но»:

---

[117] Примечания: 117

Леонид Николаевич Быков (1895–1979) — горный инженер, в 1925–1937 годах работал в Макеевском научно-исследовательском институте старшим научным сотрудником, заведующим станцией и, наконец, заместителем директора института.

[118] Примечания: 118

Свердловск (с 2016 года — Должанск) — город в Луганской области, один из центров угледобывающей промышленности.

в Медине неинтересно, но есть комната; в Патологии лучше, но нет комнаты и плохо с деньгами. Одним словом, не знаю, как и что будет: останусь ли, если поеду, то куда; если не поеду, то где оставаться.

Если у тебя есть по этому поводу соображения, то напиши их мне.

Целую тебя крепко, твой Вася.

50

1 августа 1931, [Бердичев]

Пару слов «беллетристики»: я в Бердичеве с 20 июля. Отдыхал все время с тетей на даче, в деревне. Ел как бык. Пил по 20 стаканов молока в день. Поправился на 2 кило. Завтра поеду в Кичеево (под Киев), где посижу с Сашей и тоже подправлюсь. Побуду там числа до 12–15-го. Затем на пять дней поеду «доправляться» в Берд⟨ичев⟩. Все это не очень весело, но зато дает килограммы.

В Москве провел время очень интересно (т. е. много пьянствовал) и очень весело (т. к. пьянствовал на чужой счет).

Маму позавчера проводил в Одессу.

Катюша разговаривает, ходит, кланяется тебе. Мне сдается, папаша, что она будет зимовать

в Бердичеве[119].

Видел в Москве Гришку Левина. Розалию Григорьевну арестовали, очевидно в связи с меньш(евистским) процессом, недавно выпустили (7 месяцев сидела)[120]. Ну ладно… поговорим.

Пиши мне на адрес бердичевский. И не забудь свой оставить. Целую! Отдыхай хорошо!

Привет О(льге) С(еменовне). Ва.

1. VIII.31 г.

51

27 августа 1931, [Сталино]

Дорогой батько, получил сегодня твое письмо и был ему очень рад. Очень рад тому, что ты устроился, что ты в Кисловодске, что ты будешь лечиться и что ты доволен. Сиди там подольше, наслаждайся воздухом и звездами, в общем, поправляйся, пей и закусывай, и пусть тебя не

---

[119] Примечания: 119

Дочь Гроссмана Катя первые годы своей жизни провела в Бердичеве, где ее растила Екатерина Савельевна.

[120] Примечания: 120

Григорий Левин, вероятно, друг или знакомый Гроссмана. Розалия Григорьевна Левина (род. в 1874-м в Польше, жила в Ленинграде) была арестована 6 января 1931 года и освобождена 23 июля 1931 года. См. архивную справку УФСБ РФ по СПб.: Фонд Иоффе. Ф. 016. Оп. 1. Д. 17. Ед. хр. 19.6. О меньшевистском процессе см., напр.: Литвин 1999.

волнует никаких глупостей[121].

Приехал я, как ты понимаешь, не 20-го, а вчера, 26-го.

В лаборатории все тихо и мирно. Экспедиция в экспедиции. Мордкин вернулся 20-го. Работает много. Был два раза в шахте уже. Работу ведет не в камере[122], а по определению H_2S[123] в шахте. Если не ошибаюсь, он уже таскал с собой в шахту хлорную известь даже[124].

Я вернулся лишь вчера и думаю действовать по твоей инструкции, т. е. составить план работ, накручивать H_2S для Раввина[125] и обмозговывать камеру. Вот и все по лаборатории. В институте тихо и спокойно. По мединституту занятия еще не начались — нас прикрепили к общей химии, а аналитика нас касаться не будет.

---

[121] Примечания: 121

Ср. с цитатой из рассказа Исаака Бабеля «Король» (1921): «пусть вас не волнует этих глупостей».

[122] Примечания: 122

Камера — искусственная полость в шахте, в которой размещают оборудование, материалы и проч.

[123] Примечания: 123

H_2S — сероводород.

[124] Примечания: 124

Хлорную известь используют как противоядие от сероводорода.

[125] Примечания: 125

Вульф Абрамович Раввин (1888–1976) — биолог, с 1930 года работал на кафедре гистологии Медицинского института в Сталине, исследовал

заболевания легких, вызванных вдыханием производственной пыли (Верховский 2012).

Начнем, вероятно, числа 5–10 сентября. Батько, что же получается? Я начну такой же год, как и прошлый, — с той разницей, что начну его не с 1 января, а с 1 сентября.

Сегодня спрашивал Шульмана: дадут ли мне квартиру, если я откажусь от Мед⟨ицинского⟩ И⟨нституту⟩та. Он сказал, что нет. Следовательно, от Мед⟨ицинского⟩ И⟨нституту⟩та отказаться я не могу. А раз я сейчас не откажусь, то позже нельзя будет — в середине занятий ведь этого нельзя делать.

Остается либо уйти из Патологии, либо взять в ней «полставки», с тем чтобы бывать через день. До твоего приезда я, конечно, никаких шагов предпринимать не буду. Во всяком случае, твердо знаю, что сделаю все возможное, чтобы этот год не был похож на прошлый. Ибо сие для меня не физической, а моральной смерти подобно, что гораздо хуже[126]. Настроение у меня, против ожиданья, хорошее. Очевидно, хорошо отдохнул (успокоил нервы + 5 кило живого веса). Очень одинок без тебя, не с кем слова сказать по душам, очень хочу тебя видеть.

Действительно, страшно. Нет ни одного чело-

[126] Примечания: 126

Тяготы первого времени, проведенного в Донбассе, Гроссман описывает в автобиографическом рассказе «Фосфор» 1958–1962 годов (Гроссман 1989b: 374–390).

века, который был бы человеком и с которым можно было б по-хорошему поговорить. А для нашего брата-интеллигента это много значит: «поговорить по душам». А кругом исключительно адиты и ничтожества. Ну и черт с ними.

С деньгами плохо, но послезавтра уже будут платить. Получу за эти 6 дней рублей 30–40, на несколько дней хватит, а там будет видно. Пиши мне, дорогой мой. Ешь, поправляйся, дыши, любуйся небом и горами и не думай ни о чем прочем. Целую тебя крепко, твой Вася.

27. VIII.31.

52

[Конец августа — первые числа сентября 1931, Сталино]

Дорогой батько, ты «пискнул» письмо и умолк. Почему бы тебе не продолжать в том же духе. Ведь свободного времени у тебя много. Что рассказать тебе о своем житье-бытье? Живу я пока у Добы Мееровны. Моя квартира внушает мне такой ужас, что я ни разу на ней еще не был. Проходя через двор, знаю только, что зловоние

стоит не меньшее. О квартире с Олимпиевым[127] я не говорил. Батько! Ведь я хочу уехать не шутя. Зачем же мне ссориться из-за квартиры, быть ему обязанным и прочее, а затем тотчас же начать требовать расчета. Я сперва сделаю все возможное, чтобы уйти из Мединститута, и если это не удастся, то подыму этот вопрос. А иначе получится бессмыслица. Занятия на первом курсе еще не начались и начнутся не раньше 10-го. Мне это приятно, и даже очень. Вечерами я пишу и читаю: роскошь, которую в Сталине я не имел всю зиму. В Патологии все настолько тихо и мирно, что прямо страшно. Люди ходят и болтают.

Я написал план по СО[128] в механизированной шахте. Он вышел настолько обширным, что его хватит на год работы для 3-х институтов.

Вожусь с Раввиным. Серьезной работы у меня нет, как понимаешь.

Что делает Мордкин, для меня загадка. Он почти каждый день ездит в шахту, нейтрализует H_2S там хлорной известью, камера пустует и

---

[127] Примечания: 127

Иван Яковлевич Олимпиев (1895–1960) — первый директор Медицинского института в Сталине, занявший эту должность в 1930 году (Донецкий 2024b).

[128] Примечания: 128

CO — оксид углерода, или угарный газ.

мрачно бездействует. Каков смысл этих поездок, я не знаю. Возможно, что он, как Александр Македонский, решил рубить гордиев узел, вместо того чтобы развязывать его. Для того чтобы испортить тебе настроение, напомню тебе его фигуру в белом халате, когда […]

53

4 сентября 1931, [Сталино]

Дорогой батько, когда написал тебе, то получил твое письмо. Припишу пару слов: материально я устроен. Столуюсь у Добы Мееровны. Деньги есть: получил 41 р. от Абдуллы, 39 р. в нашем И(нституту)те, а через пару дней получу рублей 30 в Мединe. А там и 15-е недалеко. А 15-го я уже получу нормальную получку. Ну вот.

Уголь мной получен в Мединe — 3 тонны.

Насчет квартиры, повторяю, сейчас не поднимаю разговора, чтобы не связывать себе рук. Хочу уйти.

Ну, вот и вся «деловая» часть. Папа, почему ты ни слова не пишешь о себе? О том, как живешь, лечишься? Где гуляешь? Как здоровье? В общем, о всех элементах, из которых складывается человек и его существование. Пиши же о себе.

Целую тебя крепко, твой Вася.

4. IX.31 г.
Просрочь недельку!

Из поездки в Сухумский санаторий, январь – февраль 1932

В начале 1932 года Гроссману диагностируют туберкулез легких[129], и в скором времени он отправляется на лечение в санаторий для легочных больных «Агудзеры» под Сухумом.

54

[31 января 1932[130], Ростов]

Дорогой батько, пишу из Ростова. Сижу здесь уже 6 часов. Если поезд не опоздает, через час поеду. До Ростова ехал хорошо, трамваем прекрасно и в поезде спал всю ночь. Чувствую себя неважно. Погода жуткая — метель. Напишу из Сухума (или сам приеду). Береги себя, не переутомляйся на работе, не ходи пешком. Вас⟨илия⟩ Сем⟨еновича⟩ не

---

[129] Примечания: 129

Об этом см., напр., автобиографию 1947 года: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 39. Ед. хр. 1658. Л. 64.

[130] Примечания: 130

Дата восстановлена по штемпелю отправления на почтовой карточке.

видно, — очевидно, он не приехал этим поездом, иначе бы мы встретились. Что в Бердичеве?

Целую тебя крепко, Вася.

Привет Ольге Семен(овне) и Смоткиным.

55

[2 февраля 1932, Сухум]

Дорогой батько, вот я и прибыл в Сухум. Поездом ехал прекрасно, но автомобилем дорога была собачья: по пути мы въехали в канаву и простояли целую ночь при собачьем ветре и морозе, в лесу между Гаграми и Новым Афоном.

Спасли меня мои теплые пальто и прочие принадлежности. Отделался вполне благополучно, а то у некоторых моих попутчиков туберкулезных эта поездка, вероятно, сократит дни наполовину — они, бедняги, по приезде в Сухум пришли в такое состояние, что их пришлось вытаскивать из автомобиля.

Сухум как две капли воды похож на Бердичев. Ей-богу!

Посади на Белопольской улице штук 5 пальм, одень на наших евреев папахи и бурки — и получишь типичный абхазский город Сухумэс.

Ну ладно. В Сухуме я пробыл часа четыре и на частном извозчике (бердичевлянин в папахе)

отправился в Агудзеры. Агудзеры в верстах 10–12 от Сухума (на юг).

Санатория эта исключительно для рабочих[131]. Русских здесь не больше 10 человек — остальные тюрки, грузины, абхазцы и пр. Ах, батько, дорогой мой! Никто не умеет умирать так просто и весело (честное слово, весело), как простые люди, рабочие[132].

Здесь больше половины — кандидаты на тот свет в течение ближайшего года-двух. И при этом все хохочут, смеются, говорят о чем угодно, но только не о своих болезнях. Понимаешь, они больны, тяжело больны, но они не больные, дрожащие над собой и рассматривающие весь мир в призму своей болезни.

Но, боже мой, только здесь я понял, что это за страшная болезнь — туберкулез. Что она делает с людьми! Во что она превращает молодого цветущего юношу! И здесь-то мне стало по-настоящему страшно. Действительно, лучше застрелиться из

---

[131] Примечания: 131

В начале XX века князь Николай Николаевич Смецкой построил под Сухуми два санатория для легочных больных: «Гульрипш» (1902 и 1913) и, более простой и дешевый, «Агудзеры» (1905).

[132] Примечания: 132

Похожую мысль Гроссман затем выскажет в повести «Народ бессмертен»: «Этот народ, как ни один в мире, умеет сурово и просто умирать» (РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 73). Эта фраза есть в оригинальной версии текста, но будет опущена во всех публикациях.

ружья, чем болеть этой ужасной чахоткой.

Теперь так.

Был на рентгене. Рентгенолог (о нем говорят, что он пропустил через свои руки около 150 000 больных) сказал мне после довольно внимательного осмотра, что у меня здоровые легкие, а те очажки, которые есть, — такие же, какие имеются у всех людей. Не уехать ли мне домой?

Погода жуткая — снег валит так густо, что в 4 часа дня уже темно. Снег лежит слоем в пол-аршина.

В санатории почти не топят. Температура в комнате 7–8°.

Кормят хорошо, но по сравнению с моим сталинским рационом маловато, правда, тут есть базар, и можно кое-что прикупать на базаре.

Настроение у меня хорошее, только боюсь заразиться. Здесь, видно, кишит этими палочками. Ты подумай. Парнишка, с которым я мирно беседовал и который мне казался вполне здоровым, входит вместе со мной в кабинет на осмотр, и врач ему говорит: «Видите, как хорошо: в предыдущем анализе у вас было 150 палочек, а в этом только 70–80».

Хваленые мандарины здесь стоят 40 коп. штука и притом отвратительные, полугнилые, малень-

кие. Говорят, что в Батуме оне по пятаку.

А в общем, температура у меня нормальна, аппетит зверский, и все пойдет хорошо.

Батько родной мой, не переутомляйся, не волнуйся, все образуется — увидишь. Пиши мне обо всем подробно.

Привет низкий Ольге Семеновне.

Целую тебя крепко,

твой Вася.

Адрес: Сухум, санатория «Агудзеры», палата № 82, В. С. Гросману.

P. S.: В следующем письме опишу подробно свое бытие.

Утром мы собрали в парке штук 20 замерзших дроздов. Море бушует. Идет снег.

56

[11 или 12 февраля 1932, Сухум]

Дорогой батько, вот уже 10 дней, как я в Сухуме, и в течение этих 10 дней беспрерывно шел снег. Я не видел в Москве, чтобы было столько снегу. Сорок лет, говорят местные жители, не было такой зимы. Сегодня первый день не идет снег, но зато моросит мелкий дождик. В общем, погода отвратительная.

Чувствую я себя хорошо — t° нормальная, сон,

аппетит и все прочее в полном порядке.

В отношении врачебного осмотра рисуется следующее: рентген показал, вернее говоря, ничего не показал. Только «Hilus-» железу[133], а в остальном норма; клинически тоже; анализы — норма. Врач говорит, что мне, очевидно, поставили неверный диагноз в Сталино и что, по его мнению, у меня легкие здоровые. Зачислили меня в категорию «отдыхающих», а не «больных».

Ты об этом в Сталино не говори, это может пригодиться при уходе моем из Института[134].

Что мне портит настроение, это мысль о том, что я здесь наглотаю больше коховских палочек, чем чистого воздуха. Здесь, кажется, нет человека, у которого не было б меньше 100 палочек в поле зрения. Ну вот, хватит о себе.

Что-то слышно у тебя, ушел ли ты из Института или задерживаешься? Как Макеевка? Новоси-

---

[133] Примечания: 133

Вероятно, Гроссману диагностировали скопление хилуса (плевральной жидкости) в плевральной полости.

[134] Примечания: 134

Туберкулезным больным нельзя работать с едкими химикатами и в помещениях с грязным воздухом.

бирск?[135] И главное, как твое здоровье? Не переутомляйся! Не волнуйся! Помни, что все образуется. Не грызись с этой мелкой сволочью, которая хватает тебя за икры!

Как здоровье Ольги Семеновны?

Где Василий Семенович? Он в Сухуме?

Жду с нетерпеньем письма от тебя, но проклятые письма приходят сюда на 9–10-й день.

Целую тебя крепко, Вася.

Привет Ольге Семеновне.

На случай пропажи первого письма сообщаю вторично адрес: Сухум, санатория «Агудзеры», палата 82, мне.

57

20 февраля [1932, Сухум]

Дорогой батько, вот уж 19 дней, как я в Сухуме: в течение 14 валил снег, а последние 5 идет 24 часа в сутки холодный мелкий осенний дождь. Снег тает понемногу. Все течет. В общем — «кругом вода, а посередине беда», так каторжники

[135] Примечания: 135

В 1932 году Семен Осипович переехал в Новосибирск. Некоторые письма Гроссмана 1932–1933 годов отправлены по адресу: Новосибирский научно-исследовательский институт безопасности горных работ, Обский проспект, 27.

определяли Сахалин[136], так можно определить и санаторий, в котором я нахожусь. Ты себе не можешь представить, какая здесь собачья тоска. Ни один человек не высиживает полного срока здесь — все удирают на 5–10 дней раньше. Уезжающим завидуют, как выходящим из тюрьмы.

Чувствую я себя прилично, к врачу не обращаюсь и избегаю его, т. к. узнал от директора, что еще 3 месяца назад этот маститый фтизиатр был самым популярным гинекологом в Сухуме. Новостей, как понимаешь, у меня нет. Разве что в соседней палате минут 10 тому назад умер 18-летний парень-рабочий.

Последние 2 дня у нас тут тихо. Одна партия уехала, а вторая еще не успела прибыть. Не слышно кашля, харканья и пр. Но, увы, завтра здесь уже будет 100 человек, а через пару дней снова полный комплект.

Сражался в шахматы. Читаю. Дни проходят.

Между прочим, здесь очень дешево свиное сало — 4 р. фунт. Если можете, пришлите мне рублей 40, а то боюсь, что не хватит на дорогу, и я бы прикупил сальца этого самого.

Батько, ты не уезжай без меня никуда, ведь я

---

[136] Примечания: 136

См. «Остров Сахалин» (1891–1893) Чехова: «кругом вода, а в середке беда».

скоро буду в Сталино.

Как ты и что?

Ужасно тяжелое состояние — не знать, что со всеми моими родными и близкими. Сегодня уже 19-е, а от вас, чертей, никаких вестей. Пишу, пишу, как на луну. Когда-то улита будет.

Смоткины интересовались, возможно ли купить путевку? Нет. Я заходил в Курупр[137]. Все продано до конца сезона. А сезон кончается 1 июня. Передай Ольге Семен⟨овне⟩, что ее совет кушать побольше мандарин я выполнил — съел уже 2 штуки и заплатил за них р. 20 к.

Как здоровье Ольги Семен⟨овны⟩? Лежит ли она?

Что касается тебя, то у меня столько вопросов, что лучше их не задавать — буду ждать письма.

Сделал перерыв (на обед) и в это время получил телеграмму. Сразу стало легче — почувствовал, что не один на свете, [*нрзб.*][138] ниточку, связывающую меня с вами. А то уж мне казалось, что, кроме харкающих и кашляющих, никого нет на белом свете.

---

[137] Примечания: 137

Курортное управление.

[138] Примечания: 138

На сгибе листа стерлась строка, восстановить которую не представляется возможным.

Целую тебя крепко, твой Вася.

20. II

Деньги шлите телеграфом, иначе не дойдут до моего отъезда.

Из Сталина, 1932

58

[Май 1932, Сталино]

Дорогой мой, получил твою открытку. Заказного письма, о котором ты пишешь, еще не получил.

Рецепт замазки узнаю завтра утром и, прежде чем отправить письмо, «припишу»[139].

Из твоей открытки не знаю, как ты доехал, как чувствуешь себя, какие впечатления первые, как устроился, как настроение. Ничего не знаю.

А письма нет. Видно, пропало. Или задержалось в дороге? Завтра пойду к Ольге Семеновне, узнаю, не получила ли она чего-нибудь поподробней. Ну, раз пока от тебя ничего не известно, буду писать о себе.

Я сижу теперь один. Ты одинок в одном уголь-

---

[139] Примечания: 139

Возможное чтение — «пропишу».

ном бассейне, а я в другом[140]. Чувствую себя средне. Работа по СО подвигается. Пишу «Шахтные газы». Это оказалось не так просто. Не хочется халтурить, и приходится рыться в массе книг. Губит меня немецкая литература.

В лаборатории развал — все уходят и собираются уходить.

То же в институте. Ушла целая партия — Габинский[141], Лифшиц, Кудрявцев, Харченко, кажется, Штейнбух. Шлиомович начал тоже требовать от Литвака «свободы». Ходит и вздыхает — «ох, почему в Новосибирске так холодно».

Литвак, по обыкновению, в Москве, Харькове, Артемовске[142]. Даже Лида Можаева ушла из и⟨нституту⟩та.

На днях был поражен. Беликов получил от Андреева письмо. Он, оказывается, в деревне вместе с женой (№ 1).

Его тут заочно присудили к 6 месяцам принуд⟨ительных⟩ работ по месту службы (25 % зарплаты). Подумай, какой стервец! Дать телеграмму

---

[140] Примечания: 140
Вероятно, Гроссман имеет в виду Кузбасс и Донбасс.

[141] Примечания: 141
Возможное чтение фамилии — Табинский.

[142] Примечания: 142
Город Бахмут назывался Артемовском в 1924–2016 годах.

«еду в Новосибирск» и оказаться в Рязанской губернии. Как-то ты уладил этот конфликт? Как там твои товарищи по работе — неужели такое дерьмо, как и в нашем институте?

Как налаживаешь работу? Ну да что задавать вопросы, их целый грузовик.

Не забудь, что меня интересуют все мелочи твоего быта. Пиши обо всем.

Здесь тебя громят библиотекарши, говорят, что ты награбил кучу книг; какую-то Essener Heft?[143] Верно ли?

Выбрали у нас новый м⟨естный⟩ к⟨омитет⟩, Любарский — пред⟨седатель⟩.

Асрамов — производствен⟨ный⟩ сектор. В общем, все ерундово, скучно и потрясающе глупо.

Прекрасен по-прежнему сад. Поют соловьи. Шлак по вечерам освещает свежую зелень деревьев, и в этом багровом свете все кажется чудесным и сказочным. Все, кроме гуляющих по саду сотрудников института.

---

[143] Примечания: 143
Возможно, речь о следующем издании: Das Essener Heft 1927.

Дорогой мой, получил твое письмо[144]. Из него понимаю, что первое впечатление не блестяще. Думаю, что постепенно присмотрелся. Помнишь, как «семикаторжный» чеховский перевозчик говорил: «При-и-выкнешь, и в Сибири живут люди»[145]. Да, живут люди и в Сибири. Во всяком случае, нужно смотреть вперед и только вперед. На Сталино с сожалением оборачиваться не следует — здесь клоака. Да я думаю, что ты и не оборачиваешься.

Скверно то, что лаборатория совершенно не оборудована и что очевидно предстоит очень тяжелый, малоплодотворный и мучительный период — организация. Ты, конечно, уже объяснил Бабенко, что ты не маг и чародей и что, пока нет лаборатории, не может и быть работы.

Вероятно, все-таки очень интересные данные по газовой загрязненности, по CO, окислам азота

---

[144] Примечания: 144

С этой фразы начинается фрагмент письма на отдельном листе. В РГАЛИ этот и предыдущий отрывки хранятся в одной папке, но как разные письма: Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 66, первый — л. 8–9 об., второй — л. 29–29 об. При этом они графически похожи, написаны на одинаковой бумаге и одними чернилами. Судя по содержанию, вторую часть Гроссман добавил позднее. Но нельзя исключить, что это — начало другого письма, которое было отправлено после 27 мая и окончание которого не сохранилось.

[145] Примечания: 145

Тут Гроссман объединил две неточных цитаты из рассказа Чехова «В ссылке» (1892): «Привы-ыкнешь!» и «И в Сибири люди живут».

и пр. вам и при имеющейся аппаратуре получить удастся.

Опиши мне подробно, какая аппаратура имеется у вас, каковы перспективы.

Узнай для меня в Угольном и⟨нституте⟩те[146], может быть, Москва меня встретит в штыки и придется удирать оттуда. Главное — это не переутомляйся и не волнуйся на работе. Устрой себе хорошие матер⟨иальные⟩ условия. […]

59

27 мая 1932, [Сталино]

[…] Я, кажется, написал это так путано, что ты не разберешься. Если не разберешь, напиши, тогда я сочиню это дело подробней. Ну а пока буду кончать. Пиши чаще. Береги себя. Не переутомляйся. Не волнуйся. Целую тебя, Вася.

27. V.32 г.

Ох

---

[146] Примечания: 146

Возможно, Гроссман имеет в виду Угольный институт Донбасса, основанный в 1927 году в Харькове; уже в 1929 году он был переименован во Всесоюзный научно-исследовательский угольный институт, а в основных угольных бассейнах страны организовывались его филиалы.

и одиноко тебе, верно, в Н⟨ово⟩С⟨и⟩б⟨и⟩рске[147]. Аж нехорошо, до того это далеко. Утешься тем, что мне в Сталино тоже одиноко, пусто, холодно, нехорошо.

Состав менделеевской замазки[148] написал тебе в предыдущем письме.

60

18 июня 1932, [Сталино]

Дорогой мой, пишу тебе пару слов. Информацию.

1) Ольга Семеновна уехала сегодня утром в Железноводск с Ларкой[149] и Верой Степан⟨овной⟩.

2) Абрамов узнавал в Центр⟨альном⟩ и⟨нсти-ту⟩те относительно заказов на поглотители — они не принимают от РСФСР, т. к. не могут удовлетворить Украину. «Может быть, потом».

---

[147] Примечания: 147

Жена отца Ольга Семеновна не поехала в Новосибирск сразу. Сперва она отправилась из Сталина в Железноводск, видимо на лечение, а затем уже воссоединилась с мужем в Новосибирске. См. письма отцу от 18 июня и 6 июля 1932 года (с. 114).

[148] Примечания: 148

Менделеевская замазка широко применялась для скрепления предметов из разных материалов: стекла, металла, пластмассы.

[149] Примечания: 149

Лариса — родственница Ольги Семеновны, с 1930-х годов жившая, судя по корреспонденции Гроссмана, с ней и Семеном Осиповичем.

3) Получил твои облигации «3-го решающего года»[150]. Отдам их тебе при встрече либо перешлю ценным пакетом, как хочешь.

4) Адрес Андреева тебе сообщал 3 раза; его в деревне уже нет.

5) Сегодня приехал новый директор нашего И⟨нституту⟩та Каплан. Мне, очевидно, либо придется сдать работу и уехать, либо зимовать здесь, т. к. новая метла, пораженная убылью кадров, никого не отпустит из И⟨нституту⟩та.

6) Позавчера проф⟨ессор⟩ Кудрявцев[151] в припадке белой горячки принял 1,5 гр. морфия, перерезал вены на руках и выбросился из окна… и остался жив, т. е., вернее, пока между жизнью и смертью.

7) Я беру отпуск 5 июля. Пиши мне с таким расчетом, чтобы письмо застало меня еще здесь.

8) Будь здоров. Целую тебя, Вася.

Когда будешь в Москве?

Собрался на Менделеевский съезд, а он отло-

---

[150] Примечания: 150

Облигации «Выпуска третьего решающего года пятилетки» (Исторические 2024).

[151] Примечания: 151

Вероятно, имеется в виду профессор Н. Н. Кудрявцев, преподававший в Сталинском медицинском институте (Донецкий 2024а).

жен на 25.XI[152]; ужасно досадно; я уже и билет себе заказал.

18. VI.32 г.

61

6 июля [1932, Сталино]

Дорогой мой, сегодня (6.VII) вернулся из Москвы, куда ездил в командировку по вопросам издания книги «Шахтные газы» и по вопросу финансирования нашего Института в Наркомтяжпром.

Должен тебе сказать, что договора на издание книги я не заключил; точно такая же книга должна выйти из печати через месяц-два, кто-то нас опередил.

Наркомтяжпром отказал в финансировании нашему Институту. Несмотря на эти две неудачи, я не считаю своей поездки неудачной. Кое-что я успел. Самое главное, что я увидел, что совместная жизнь с Надей и тетей Лизой возможна, что я немного переоценил трудности.

Кое-что прощупывается и относительно работы. Книга моя в июле месяце будет сдана в

---

[152] Примечания: 152

VI Менделеевский съезд, приуроченный к пятнадцатилетию советской власти, состоялся 25 октября — 1 ноября 1932 года в Харькове; на нем обсуждались вопросы теоретической и практической химии.

типографию[153].

Рассказы «Три смерти»[154] через пару дней будут отпечатаны на машинке и начнут путешествовать по редакциям.

Я решил (совместно с Надей), что, для того чтобы сделать литературу своей профессией, нужно иметь еще одну профессию и что, сделай я ее единственным источником своего существования, я безусловно покачусь по линии халтуры, такова логика «социального заказа».

Получив твое письмо, я совсем укрепился в своей мысли, что живу в Сталино последнее лето. Ты себе представить не можешь, как мне радостно от мысли, что возьму через 10 дней отпуск и уже не вернусь в этот «гадкий» Институт. Точка. Рубикон будет перейден 15 июля. Завтра подам

---

[153] Примечания: 153

Речь о ранней редакции повести «Глюкауф»; летом и осенью 1932 года Гроссман пытался опубликовать ее в Донбассе и, с помощью Надежды Алмаз, в Москве. В письме Горькому от 27 сентября 1932 года Гроссман так объяснил, почему повесть не была опубликована: «Издательство, в которое я ее отнес, вернуло ее мне, причем редактор старался меня убедить в том, что книга написана контрреволюционно» (ИМЛИ КГ-П 22-5-1). Насколько ранняя редакция повести отличалась от опубликованной в 1934 году, неизвестно. рукописи до сих пор не обнаружены, некоторые из них были изъяты при аресте Алмаз в 1933 году, в ЦА ФСБ не сохранились.

[154] Примечания: 154

Большинство исследователей полагают, что «Три смерти» — одно произведение, опираясь в этом суждении на письмо Максима Горького от 7 октября 1932 года, в котором тот дает «рассказу» отрицательную

оценку (Бочаров 1990: 10; Popoff 2019: 64). При этом иногда утверждается, что Гроссман отказался от идеи опубликовать его (Бочаров 1990: 10; Anissimov 2012: 109). По версии Джона и Кэролл Гаррард, речь идет о рассказе, в котором петлюровцы убивают трех большевиков (Garrard, Garrard 2012: 105–106), — однако и эта гипотеза представляется нам неубедительной, поскольку авторское название этого рассказа — «Весна» и написан он позднее, в 1935 году.

Текст рассказа «Три смерти» неизвестен, а единственные упоминания об этом заглавии содержатся в письме Горького и настоящем письме Гроссмана отцу, причем Гроссман пишет о «рассказах» во множественном числе. В силу этого мы предполагаем, что Гроссман под заголовком «Три смерти» тематически объединяет три своих ранних рассказа: «Главный инженер», «Запальщик», «Товарищ Федор» (или, возможно, «Жизнь Ильи Степановича»).

рапорт со справкой из диспансера и попрощаюсь со всей компанией вне зависимости от того, как решит наша мудрая дирекция: пущать чи не пущать[155].

Работа моя закончена уже, за ближайшие несколько дней напишу ее.

Пиши мне на московский адрес, т. к., пока обернутся письма, я уже, вероятно, буду в Москве (если не схвачу какой-нибудь хворобы, которых здесь, как полагается, хоть отбавляй).

Думаю, что в Москве в течение ближайших двух-трех недель все мои проблемы выяснятся и будет ясно, останусь ли я там либо поеду в Новосибирск.

Дорогой мой, я много и долго говорил с Ольгой Семеновной, и, по-моему, для нее вопрос решен совершенно определенно — по возвращении из Железноводска она ликвидирует свои дела и едет в Новосибирск. Напрасно ты так беспокоишься.

Я тебе очень сочувствую в твоем одиночестве. Это нелегко и тяжело во всех отношениях.

---

[155] Примечания: 155

Справка из туберкулезного диспансера служила доказательством того, что Гроссман не мог оставаться в Сталине по состоянию здоровья. В автобиографии 1947 года он пишет: «В 1932 г. я заболел туберкулезом легких и, так как климат Донбасса и работа на шахтах и заводах были для меня вредны, вернулся в Москву» (РГАЛИ. Ф. 63. Оп. 39. Ед. хр. 1658. Л. 64).

Кстати. В Москве мне сказали, что Гриша Левин в Новосибирске, с ним несчастье, ему чем-то отрезало ногу. Постарайся разыскать его. Он экономист, так что его следует искать по плановым организациям, кроме того, через партком — он не то член, не то кандидат партии.

У меня от Москвы хорошее впечатление — особенно хороши и ценны для меня отношения с Надей.

Теперь о делах кое-что. P_2O_5[156] обязательно захвачу. Приехал ли Андреев — сестра Беликова (говорил мне Яша) на днях приехала из деревни и сказала, что он на днях (получив твои письма) выехал в Новосибирск. Типчик! Но работник ценный.

О поглотителях писал тебе. И тут Харьковский не берется их делать. Работы по NO_2и H_2S[157] Мордкин заканчивает к 15 августа.

Ну, вот и все дела. Итак, пиши мне на Москву. А я тебе отсюда напишу через несколько дней, как и что.

Да, эти сволочи дали нам (хим(ической) лабор(атории)) месячный отпуск, а профгигиене

---

[156] Примечания: 156

P_2O_5— оксид фосфора, его используют как осушитель газов.

[157] Примечания: 157

NO_2— оксид азота (1), H_2S — сероводород.

— полтора. Ну-ну. Единственное, что им можно сказать: цыплят по осени считают. На меня, как цыпленка, они могут не рассчитывать. Ах, как я доволен, что уезжаю из этой клоаки. Новый директор (Каплан) такой же остолоп, как и прежние. Но остолоп ученый. Ты знаком с этой категорией?

Ну, буду кончать.

Целую тебя, Вася.

Будешь ли ты, как писал, в Москве?

Получил ли ты мое письмо, где я писал, что проф⟨ессор⟩ Кудрявцев покончил с собой? Мне его жаль.

Письма 1932–1941 годов

С 1932 года Гроссман переезжает в Москву: сначала работает на Государственной карандашной фабрике им. Сакко и Ванцетти, а спустя полтора года увольняется и полностью сосредотачивается на писательской работе.

62

13 августа 1932, [Москва]

Дорогой мой, я давно не писал тебе, и не писал

сознательно. Дело в том, что я решил разойтись с Галей. Я хотел написать тебе тогда, когда все это будет закончено, т. к. знаю твой скептицизм и «правый оппортунизм» — недооценку моих внутренних ресурсов в этом отношении. Но так как дело затягивается, то я пишу тебе сейчас. История, являющаяся поводом моего решенья, тебе известна. Это Алма-Ата, киевский возлюбленный и пр.[158] Решенье мое очень твердо, спокойно и непоколебимо. Затягивается его осуществление вот почему — Галя сейчас находится в Сталино, она меня бомбардирует письмами, полными всего, что хочешь, а самое главное — угроз самоубийства, если я не брошу Москвы и не вернусь обратно. Говорю тебе вполне откровенно — этого я очень боюсь, и, если она это сделает, для меня это будет страшно. Но разойтись с ней я должен, и весь вопрос сводится к тому, в каких наиболее удобных формах провести это. Я ее убедил переехать в Киев, где она, будучи среди родных, подруг и пр., «переживет» это, вероятно, менее остро и более безболезненно, чем в Сталино. Она

[158] Примечания: 158

Из статьи Татьяны Менакер: «Шеренцисы до войны, получив из рук домработницы (говорю со слов бабушки) письмо первой жены Гроссмана любовнику, открыли ему измену и привели брак к разводу» (Менакер 2024).

мне ответила, что согласна переехать в Киев при условии, если я приеду туда для «последнего свидания» и для устройства ее дел — комнаты и пр. Очевидно, она рассчитывает, что, свидевшись со мной, сможет меня удержать, убедить и пр.

Слушай, старик, я вижу твой зелено-голубой глаз[159], полный скепсиса, мудрости, беспокойства и грустного мужского сомнения, — тебе ли не знать силы женщины и слабости мужчины. Так знай — вопрос в существе своем для меня решен. Галя мне не жена. Я ее не люблю, все сгорело, не может быть положения, при котором мы будем жить, как раньше. Это решенье мне стоило многого — и бессонных ночей, и крови, и нервов, и боюсь, что легких. Верней, не решенье, а переоценка ее, дача ей настоящего имени. Но после этого все стало очень просто и ясно. Я спокоен, доволен и уверен. И я боюсь только одного — ее самоубийства. Вот это-то и осложняет дело — не по существу, а по форме его доведения до конца.

Но так или иначе до конца я его доведу.

Надя мне читала кое-какие выдержки из твоих писем. Я бы хотел, чтобы ты мне написал подробно и правдиво то, что знаешь о Гале, ее

[159] Примечания: 159

Один глаз Семена Осиповича был поврежден и заменен искусственным (см.: Губер 2007: 16).

поведении, твоем мнении о ней. Мне это нужно для последних решительных боев.

Настроение у меня хорошее — я работаю над киносценарием[160], правлю вместе с очаровательным двадцатичетырехлетним редактором-женщиной свою книгу «Глюкауф», пишу рассказики, заручился работой на «безвредной» фабрике карандашей[161], веду мне чрезвычайно приятные, дружеские беседы с Надей, занявшей большое место в моей жизни, встречаюсь с интересными людьми — Надиными друзьями, вижусь часто с Лёлей — Доминикиной дочкой и не соглашаюсь с твоим мнением, что она подурнела, беседую с Катюшкой — о козлах, котах, скверных мальчиках и примерных девочках и, в общем, удивляюсь тому, что участь холостого отца не только не тяжела, но, наоборот, приятна.

Конечно, история эта то и дело выводит меня

---

[160] Примечания: 160

Вероятно, речь о киносценарии по повести «Глюкауф».

[161] Примечания: 161

В автобиографии 1952 года Гроссман пишет следующее: «В 1933 г. я переехал в Москву и стал работать старшим химиком, а затем заведующим лабораторией и помощником главного инженера на карандашной фабрике им. Сакко и Ванцетти. На фабрике я проработал до 1934 г.» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 39. Ед. хр. 1658. Л. 10). Однако согласно официальной справке от 31 января 1934 года, сохранившейся в семейном архиве Гроссмана — Губер, Гроссман работал заведующим лабораторией на карандашной фабрике с 3 сентября 1932 по 27 января 1934 года.

из равновесия, но я отдаю себе прекрасно отчет в том, что все это будет доведено до благополучного конца и что выиграет тот, у кого самые крепкие нервы. А я неожиданно обнаружил, что они у меня очень крепки.

Пиши мне о чудесах Алтая[162], своей жизни, пановских переживаниях, лесных и горных девушках, за которыми ты гоняешься, как леший, о здоровье своем, перспективах земного свойства, возможности приехать в Москву и опять о здоровье.

Целую тебя, Вася.

13. VIII.32 г.

63

23 августа 1932, [Москва]

Не отправил тебе письма, т. к. на Алтай оно не дойдет, а в Новосибирск придет раньше, чем ты. За эти дни были тут всякие события — приехала Галя из Сталина, я ей написал туда, что расхожусь с ней. Я провел весьма тяжелые сутки — она меня «убедила», что все, что про нее рассказывают, — наглая ложь, но тем не менее я настоял на своем и препроводил ее в Киев. Вопрос закончен. Дол-

---

[162] Примечания: 162

В августе 1932 года Семен Осипович проводил отпуск на Алтае.

жен тебе сознаться, что эта передряга мне стоила большого напряжения и что я едва жив сейчас, но выдержал все до конца. Она хочет забрать Катю, как только устроится в Киеве. Что ж, пускай. Если я узнаю, что Кате будет в Киеве плохо, то я приложу все силы и средства, чтобы забрать ее. Жду твоего подробного письма.

Целую, Вася.

23. VIII.32 г.

64

26 августа 1932, [Москва]

Дорогой мой, делаю третью приписку к своему письму. Передо мной стал сейчас во всем объеме вопрос о моих дальнейших делах. Я думаю вот о чем. Мне после всех передряг сейчас не хочется сразу поступать на работу в Москве. Я бы хотел месяца на 3 поехать к тебе. Но так как материальные дела мои очень плохи, то я могу это сделать только при условии, если на эти 3 месяца возьму у вас в И⟨нституту⟩те работу. Не думаю, чтобы я не оправдал своей зарплаты. Речь может идти, конечно, главным образом об организационной работе. Поговори с директором. Если такая возможность есть — напиши мне спешно. И более чем вероятно, что я ее осуществлю. Ну,

буду ждать.

Целую, Вася.

26. VIII.32 г.

65

9 февраля 1933, [Москва]

Дорогой мой, давно собираюсь писать тебе и никак не соберусь. Беспокоит меня мысль о том, как ты переносишь сибирские морозы. Недавно приезжал человек из ваших краев и говорил, что холода жуткие — птицы на лету замерзают и падают на землю. Не знаю, может быть, он и преувеличивает, но если у нас мороз был выше 30° градусов, то почему бы ему не быть в Сибири выше 50°? Напиши мне об этом — не отморозил ли ты чего, как твое сердце переносит этот климат, как Ольга Семеновна, Лариса?

Да, и тебе еще приходится ездить по рудникам.

У меня тут все по-прежнему. Работаю на карандашной ф⟨абри⟩ке, работа отнимает почти все время и почти всю энергию, так что для занятий своих — чтения, писания — почти ничего не остается. Я все-таки читаю немного из интересующих меня областей, и это приносит некоторое удовлетворение. Писать не могу — это требует внутренней собранности, тишины, сосредото-

чия, а я до 7 ч. вечера себя теряю окончательно. Настроение у меня ровное — думаю, что удастся изменить это в лучшую сторону, а не удастся, то тоже не беда — проживем.

Тут проходит паспортизация, и у меня есть шансы не получить паспорта, т. к. я недавно (5 месяцев), как живу в Москве. Это будет неприятно, но тоже не так уж страшно. Катну куда-нибудь к черту в зубы — посмотрю много всякой всячины. Между прочим, мне предложили поехать на 4 месяца в экспедицию, на Игарку, за полярный круг — не знаю почему, но я отказался. Хотя видит Бог, что лекарством от карандашных будней должна служить именно такая не совсем разумная поездка.

В общем, живу. Думаю, что живу лучше, чем жил на Донбассе, более серьезно, более крепко, более чисто. Но, конечно, и эта жизнь совсем не то, о чем думалось, да и сейчас подчас думается.

Из знакомых у нас абсолютно никто не бывает[163]. Только когда приезжает Виктор из

[163] Примечания: 163
Приехав в Москву, Гроссман жил у Надежды Алмаз.

Ленинграда[164] — он посещает нас усердно.

Я со своими товарищами встречаюсь изредка, но уже на иной основе — не дружбы, как раньше, а добрыми знакомыми.

И, несмотря на монашество, я вижу здесь людей больше, чем видел их в Донбассе, нет ощущения необитаемого острова. Трамвай, телефонная трубка дают возможность в течение 30 мин. «наладить связь» с себе подобными — услышать звук человеческой речи и самому быть услышанным человеком. А там брр — Вишневецкий, Батшева, Литвак, Мордкин, Шлиомович — ведь это звери из зоопарка. Ну, да храни их Господь.

Жду твоего письма. Напиши мне тоже по существу своей жизни и работы.

Целую тебя, Вася.

Мой самый сердечный привет Ольге Семе-

---

[164] Примечания: 164

Предположительно, речь о писателе и журналисте Викторе Серже (Викторе Львовиче Кибальчиче; 1890–1947), который жил в это время в Ленинграде. Он примыкал к антисталинской левой оппозиции, в марте 1933 года был арестован, затем отправлен в ссылку в Оренбург, а в 1936 году, благодаря заступничеству иностранных социалистов и интеллектуалов, выслан из Советского союза. На допросах Серж упоминал, что, посещая Москву, встречался с Надеждой Алмаз (ЦА ФСБ. Р-35567. Т. 1. Л. 35). Об этом же сообщала и сама Алмаз: «Из троцкистов я была знакома с Андре Нином, работавшим в то время в Профинтерне, с М. Полевым (ныне находящимся в ссылке), с Виктором Кибальчичем, с которым поддерживаю отношения до настоящего времени» (Там же: л. 40).

новне.

9. II.33 г.

Привет Ларисе и Андрееву.

66

21 апреля 1933, [Москва]

Дорогой мой, не писал тебе целый век, да и ты мне не писал столько же. Каждый день собирался и каждый день ждал — вот урегулируются дела, тогда напишу. Но дела безнадежно отказываются приходить в порядок, и я пишу о них и о себе, какими они есть сегодня. Было много всяких малых и крупных неприятностей — сняли со снабжения, не хотели дать паспорта, сократили на работе. Но теперь все это в прошлом — восстановили в снабжении, дали паспорт, на работе не только не сократили, но дали повышение (я теперь помощник технорука)[165].

А теперь произошло событие, которое нельзя назвать неприятностью, а просто бедой — аре-

[165] Примечания: 165

Иными словами, помощник главного инженера (см. примеч. 3 в письме к отцу от 13 августа 1932 года, с. 116).

стовали Надю[166]. Что? Почему? За что? Этого никто из нас понять не может, но вот уже скоро 3 недели, как она находится во внутренней тюрьме ОГПУ, мы надеемся, что это какое-то нелепое недоразумение и что оно со дня на день должно разрешиться.

Не пиши об этом маме, она ничего не знает. Больше всего меня беспокоит Надино здоровье — она ведь так слаба, что стоит произойти малейшему волнению либо нарушенью ее обычного жизненного режима, как она получает самые тяжелые сердечные припадки.

Между прочим, производившие обыск заинтересовались почему-то и мной, записали подробно мою родословную и пр. Забрали и кусочек моей повести, не думаю, чтобы они сделали это для

[166] Примечания: 166

Надежда Алмаз была арестована в ночь с 28 на 29 марта 1933 года вскоре после Виктора Сержа (Кибальчича). Обвинялась вместе с другими фигурантами дела по ст. 58–10 УК РСФСР. Была осуждена на три года и выслана в Астрахань (ЦА ФСБ. Р-35567. Т. 1. Л. 74).

того, чтобы ее печатать[167]. Но такое внимание после невнимания редакторов мне очень лестно. (Не помню, писал ли я тебе, что теперь перерабатываю ее по предложению одного издательства.)

Ты совершенно не пишешь ни мне, ни маме. Она в каждом письме спрашивает о тебе. Почему это? Давай будем переписываться регулярней. Пока буду с нетерпением ждать твоего письма. Прежде всего, как здоровье, а потом остальное — работа, настроенье, перспективы. Как Ольга Семеновна? Передай ей мой самый искренний, самый сердечный привет.

Итак, жду. Целую тебя крепко.

Вася.

21. IV.33 г.

67

16 мая 1933, [Москва]

Дорогой мой, получил твое письмо.

---

[167] Примечания: 167

Сотрудник оперативного отдела ОГПУ записал следующее (пунктуация и орфография сохранены): «В ночь с 28 на 29/III мной произведен обыск и арест у гр. Алмаз Н. М. При обыске обнаружены и забраны 2-е фотокарточки троцкистской ссылки и 2-е выдержки из повести (рукописи) принадлежащие Гроссману И. С. — брату Алмаз, химику ф-ки „Сакко и Ванцети“, который заявил, что фотографии получил от своего товарища Левина Льва — троцкиста, бывшего в ссылке» (ЦА ФСБ. Р-35567. Т. 1. Л. 7). Записка не датирована; повесть, о которой идет речь, — «Глюкауф».

Получается довольно смешно. Ты считаешь, что я не писал тебе, но ведь я могу утверждать, что и ты не писал мне. И если ты предполагаешь, что мама не писала тебе в едином фронте со мной (какая дикая мысль), то я могу тебе послать мамины письма, где она каждый раз спрашивает, получил ли я от тебя письмо, что у тебя слышно, почему ты не пишешь и т. д. Короче говоря, ты не писал, и я не писал, и почему я виновен больше тебя?

Ну ладно, давай не будем дискутировать на эту тему, поскольку у нас обоих рыльце одинаково в пушку.

Меня очень огорчило твое письмо — из него я понял, что ничего хорошего в Новосибирске у тебя нет, я уж не говорю о невеселом антураже, это я всегда знал, но я думал, что, по крайней мере, работа тебе приносит удовлетворение. А теперь мне ясно, что и здесь у тебя неблагополучно и дело, вероятно, смахивает на работу в Институте патологии и гигиены труда.

Кстати, почему такая сильная урезка в жалованье?

Ты постоянно ездишь, как там у вас насчет

тифа?[168] Старайся избегать этих частых разъездов.

Какая адская досада, что ты не выбрал в прошлом году Тулу, а забрался в эту страшенную даль.

По-моему, не нужно кидаться еще дальше на рудник или на Алтай — это еще хуже. Лучше взять установку твердую — центр и юг, и только в этом направлении и действовать.

У нас тут новостей нет. С Надей все по-прежнему, дело все тянется, но я надеюсь все-таки, что решенье его — это вопрос ближайших 8–10 дней.

Тетя сильно подалась — вся эта история ее точит прямо, как червь.

Катюша живет в Бердичеве — у мамы. Она здорова, весела, шалит, озорничает, болтает и сплетничает.

Недавно, мама писала мне, Катя с ней повздорила и обозвала «чертовой куклой».

Я сильно устал, но отпуск, вероятно, возьму не скоро. Много работаю — днем фабрика, вечером до поздней ночи книга моя многострадальная.

---

[168] Примечания: 168

В начале 1930-х годов в Западной Сибири была вспышка эпидемии сыпного тифа. Высокий уровень заболеваемости и смертности был вызван масштабным перемещением заключенных и спецпереселенцев, массовым голодом, низким уровнем жизни и ростом антисанитарии (Исупов 2014).

В выходные дни делаю вылазки в свет — зоосад и товарищи.

Относительно «На гора»[169] — эту книгу мне показал мой рецензент из Москов(ского) товарищества писателей и сказал: «Вот автор мне прислал. Это величайшая ерунда». Это немного порадовало мое бедное сердце.

Если дотяну темпы, то недели через 3–4 закончу «ее» переработку и тогда снова пущусь в многострадальное плавание. Ох, ох…

На днях была у меня Лёля Клестова. Оне очень интересуются, что ты и как, спрашивала, почему ты им не пишешь. Я мудро ответил: «Не знаю».

Но давай хоть мне пиши. Как здоровье твое, сердце?

Целую тебя, Вася.

Поцелуй «от моего имени» Ольгу Семеновну. Привет Ларисе.

16. V.33 г.

Тетя просит кланяться тебе и Ольге Семеновне.

---

[169] Примечания: 169

Роман «На гора» Георгия Куклина (1903–1939), рассказывающий о строительстве Урало-Кузнецкого комбината, вышел в 1932 году (Куклин 1932).

68

27 июня 1933, [Москва]

Дорогой мой, получил твое письмо. Вернулся из командировки. Сейчас еду снова дней на 5 в Ленинград налаживать производство для п⟨ластмассовой⟩ фабрики ацетилцеллюлозного этрола. Устал. Возьму отпуск. Планов реальных пока нет. Не то подмосковные, не то сестрорецкие[170], не то, боюсь, просто «московные». Мама едет в начале июля, ждала белую муку, что ты обещал.

Книгу сдал — через пару дней напишу тебе о результатах. Пан или пропал. Почему вдруг Ленинск?[171] Ей-богу, «Штрумск» мне кажется более подходящим[172].

---

[170] Примечания: 170

Об отдыхе под Сестрорецком см. письма от 17 (с. 124) и 19 июля 1933 года (с. 126).

[171] Примечания: 171

Вероятно, речь о Ленинске-Кузнецком (изначально — деревня Кольчугино) — городе в Кемеровской области, одном из центров угледобычи на Алтае. См. также письмо от 23 октября 1933 года (с. 130–131).

[172] Примечания: 172

Предположительно, «Штрумском» Гроссман называет Сталино: директором Института гигиены и патологии труда был Илья Яковлевич Штрум, он же с 1932 года возглавлял кафедру гигиены труда в Медицинском институте — в обоих институтах работал и Гроссман (о Штруме см., напр.: Быстряков 2015; Дзяк 2011).

Дорогой мой, мне хочется тебя видеть. Неужели в отпуск не поедете, а будете в городе? Нужно придумать чего-нибудь. Пиши мне чаще. Пишу открытку, т. к. не знаю наверно, где ты сейчас и застанет ли тебя.

Целую тебя и Ольгу Сем⟨еновну⟩.

Привет Ларе,

Вася.

27. VI.33 г.

69

17 июля 1933, [Москва]

Дорогой мой, беспокоюсь отсутствием писем от тебя. Ты не ответил на 2 моих письма. Вернее, на 1 письмо и 1 открытку. Не случилось ли у вас там чего-нибудь? Я уже дней 6 как вернулся из Ленинграда. Какой исключительно красивый город. Ходил прямо как пьяный. Москва после него кажется толстой, крикливой и неопрятной бабой. С отпуском мои дела затягиваются, да и боюсь, что по материальным причинам отдыхать в этом году не придется, т. е. отпуск-то я возьму, но ехать некуда будет.

Есть у меня возможность поехать под Ленин-

град — в Тарховку[173], к Розе Менакер[174]. Там хорошо — лес, Финский залив. Возможно, что удастся это осуществить. Пока же сижу в Москве. Пиши мне, пожалуйста, поскорей, подай голос, а то я беспокоюсь.

Через пару дней напишу подробней.

Целую тебя, Вася.

Поцелуй Ольгу Семен⟨овну⟩.

Привет Ларке.

17. VII.33 г.

Представь себе, кого я встретил в Ленинграде при входе в Эрмитаж — Гомонова! Красоты Эрмитажа поблекли, когда я посмотрел на его симпатичное лицо[175].

---

[173] Примечания: 173

Тарховка — дачный поселок под Сестрорецком, присоединен к этому городу в 1925 году.

[174] Примечания: 174

Розалия Самойловна Менакер (1877–1965) — акушерка, родственница и подруга Екатерины Савельевны, принимавшая у нее роды (Менакер 2007). По утверждению внучки Розалии Самойловны Татьяны Менакер, она «стала прообразом акушерки, принимавшей роды у комиссара Вавиловой в рассказе „В городе Бердичеве“» (Менакер 2024).

[175] Примечания: 175

Фамилию Гомонов носит один из персонажей «Степана Кольчугина»: «очень хороший человек», физически сильный, но при этом «всех робеет» (Гроссман 1947b: 91).

70

19 июля 1933, [Москва]

Дорогой батькос, получил вчера твое письмо, а позавчера послал тебе беспокойную цидулку по поводу того, что от тебя нет писем. Но должен сказать, что письмо твое, когда я прочел его, меня не обрадовало. Видно, тебя здорово допекло. Очень прошу тебя написать мне подробней, что же, собственно, портит и мешает плодотворно работать, каковы отношения и действительные перспективы. Очень прошу тебя сделать это, а то из твоего письма я, грешным делом, не понял «фактической» стороны. Понял только, что тебя основательно заели все эти неполадки, и это меня очень огорчило. Чеховский чиновник говорит приятелю, которого уволили со службы: «Отнеситесь к этому как к атмосферному явлению»[176]. В конце концов, это уж не такой глупый совет. И я тоже советую тебе — не переживай всего нервами, сердцем, его клапанами, аортой и пр⟨очим⟩. Отнесись в значительной части к неприятностям

[176] Примечания: 176

Неточная цитата из записных книжек Чехова: «Отнеситесь ко всему этому (к прогону со службы) как к атмосферическому явлению» (Чехов 1980: 78).

как к «метеорологическому фактору».

По поводу твоего алтайского предложения. Оно весьма заманчиво, но мне непонятно, почему речь идет о двух путевках — для Ольги Семеновны и для меня. Очевидно, ты собираешься свою путевку отдать мне — эта комбинация меня, конечно, не устраивает хотя бы потому, что она полностью не устраивает тебя.

Второй вопрос, меня смущающий, — это продолжительность дороги. В оба конца, вероятно, не меньше 15 дней, а отпуск у меня месячный. Если б не эти два момента, меня бы очень устроила такого рода поездка. Шутка ли сказать — Алтай! Пока же я сижу и обливаюсь десятым потом — последние дни стоит прямо-таки невиданная жара. В тени 36–40°. На фабрике прямо-таки мучительно.

Ты спрашиваешь о моей книге. Не помню, писал ли тебе уже. Положение следующее. Я ее закончил и сдал в издательство. Редактор, к которому она поступила, дал о ней положительный отзыв. Однако издательство по непонятной мне причине передало ее второму редактору для второго отзыва. Специалисты мне объяснили, что это практикуется (двойной отзыв) по отношению к книгам, имеющим «острый» характер, т. е. затрагивающим важные темы — в частности, моя

— уголь и пр. Во всяком случае, второй редактор уехал на дачу и, судя по кошмарным показаниям термометра, еще не скоро возьмется за работу над рукописью. Так как в связи с этим мне остались две возможности — это ждать и надеяться, то я так и делаю — жду и надеюсь.

Тетя Лиза в Москве, живем пока вместе, она, должно быть, скоро поедет к Наде. Поехала бы сейчас, но начались квартирные неприятности, хотят отнять у нас одну или две комнаты. Шансы наши, в смысле защиты, не блестящи, но пока вопрос окончательно не решится в ту или другую сторону, тетя, очевидно, в Астрахань не поедет.

Получил письмо от мамы — она, вероятно, через день-два поедет в Ленинград, т. е. в Сестрорецк к Розе Менакер. Место там очень хорошее, и если не испортится погода, то мне кажется, будет там не только не хуже, но даже лучше, чем в Одессе. Природа там, во всяком случае, богаче.

Что сказать о себе «по существу». Настроение у меня поганое последние дни — одиноко очень, хочется видеть кого-нибудь по-настоящему близкого, и никого ближе, чем за тысячу верст нет, а ты забрался за целых четыре тысячи! Когда и как мы с тобой увидимся, а, батько?

Целую тебя и Ольгу Семеновну,

Вася.

Где сейчас Ольга Семеновна, в Новосибирске, мобилизована?[177]

19. VII.33 г.

71

3 августа 1933, [Москва]

Дорогой батько, получил твое письмо и вдруг загорелся страстным желанием ехать на Алтай — нагонять килограммы впечатлений и живого веса.

Есть несколько «но». Изложу их.

1) Мама числа 20-го будет в Москве. Я хочу с ней пожить вместе хотя бы две недели. Это первое и основное «но».

2) С книгой моей дела идут к решенью: второй редактор (не помню, писал ли я тебе об этом) дал также положительный отзыв. Думаю, что волокита прохождения через редсовет займет весь август месяц.

3) Отпуск на фабрике мне дадут, т. к. я имею теперь «зама». Но чтобы ввести его в курс дел, понадобится месяц.

---

[177] Примечания: 177

Речь идет о мобилизации врачей в Сибири для работы в поселках спецпереселенцев.

Все это приводит к тому, что, очевидно, при благоприятном решении сих вопросов я смогу выехать из Москвы числа 5 сентября или, вернее, между 5-м и 10-м. Если не поздно будет, если можно на эти числа достать путевки, если к этому времени на Алтае уже не идет снег, короче говоря — напиши мне спешно, возможно ли это. А я дня через 3–4, когда у меня утрясутся всякие вопросы, добавочно напишу тебе. Итак, если мы едем, то едем вместе. За мою поездку следующие соображения.

1) Хочу видеть новый чудесный край.

2) Хочу видеть тебя.

3) Хочу отдохнуть, т. к. под шумок я потерял за этот год 8 кил. веса и смертельно устал и измотался.

Денег рублей 300 смогу с собой захватить. Относительно пальто ты совершенно неправильно понял мое молчание. Я молчал меньше всего по принципиальным соображениям, а просто из дурости: «Есть пальто — хорошо, а нет пальта — тоже не беда».

Да, забыл еще одно, четвертое «но», это относительно дополнительного отпуска. Думаю, что удастся его вырвать.

Итак, жду твоего письма, о возможности полу-

чить место примерно с 10–15 сентября.

Я бы очень хотел, чтобы это дело выгорело и чтобы мы поехали вдвоем, а еще лучше втроем с Ольгой Семеновной.

Об ехать одному у меня пропадает 80 % энтузиазма.

Итак, жду. Целую тебя и Ольгу Семен⟨овну⟩,

Вася.

3. VIII.33

P. S. Если не выходит к 10–15-му, то напиши, какой максимальный срок.

72

10 августа 1933, [Москва]

Дорогой мой, получил твое маленькое письмо. Несколько дней тому назад послал тебе спешное письмо, где пишу, что главная задержка может выйти из-за того, что я смогу выехать не 25-го, а на несколько дней позже, скажем, 1–5-го. В принципе, вопрос решен, я очень согласен поехать. Думаю, что удастся это осуществить. У меня никаких особенных новостей нет. Неособенных тоже нет. Устал смертельно. Занудился работой на фабрике; чертовски хочется отдохнуть, всяко и умственно и физически. Вероятно, придется взять с собой в дом отдыха работу, но она будет

не трудной и ничего, кроме удовольствия, мне не доставит.

Жду, как говорится, дальнейших сообщений и известий. Да, и ответа на вопрос, не сможет ли послужить препятствием мой более поздний выезд.

Засим целую тебя,

Вася.

Привет Ольге Сем(еновне).

10. VIII.33 г.

P. S. Только что договорился об отпуске с 1 сентября.

73

17 августа 1933, [Москва]

Дорогой батькос, выезжаю, вопрос решен окончательно. 19-го иду за билетом, заказать. Заказываю билет на 1 сентября. Узнал, что без пересадки нельзя ехать. Поеду скорым до Новосиб(ирска), а оттуда до Бийска. Билет, конечно, беру до Бийска. Пожалуйста, спешно напиши мне все подробности маршрута, куда, к кому мне обратиться в Бийске. Очень хотелось бы встретиться в Новосибирске, а затем вместе мчаться на Бийск,

Чемал[178]. Но сие мечты. Итак, жду письма или чего-нибудь такого. Как только закажу билет (19-го), телеграфирую день своего отъезда и день прибытия в Новосиб(ирск). 20-го встречаю маму.

На остальных фронтах без перемен. Если будут ливни, то тебя ждет такое, что от тебя [sic! — *Ю. В., А. К.*] будет говорить вся Сибирь.

Целую тебя крепко, до скорого свидания,

твой Вася.

Пламенный привет Ольге Семеновне. Неужели нельзя устроить, чтобы и она поехала с нами.

17. VIII.33 г.

74

31 августа [1933], Москва[179]

1051 МОСКВЫ 59/9 8 31 12 = НОВОСИБИРСК ОБСКИЙ 27 ГРОССМАНУ

ВЫЕЗЖАЮ ТРИДЦАТЬ ПЕРВОГО ОДИН 27+

---

[178] Примечания: 178

Чемал — поселок на Алтае, в 1930-е годы в нем был организован курорт для высших партийных чинов и их семей, создан туберкулезный санаторий.

[179] Примечания: 179

В архиве телеграмма ошибочно помещена в папку с корреспонденцией за 1934 год (РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 21).

75

11 октября 1933, Москва

Дорогой батькос,

приехал 10-го в Москву. Ехал отлично, попал на курьерский и за двое с половиной суток докатил до Москвы. Зубы не болели. Зато жуткой была дорога от Бийска до Новосибирска. Холод в вагоне был такой, что я чуть не пропал. Как-то ты доехал этот путь — тоже, верно, мерз отчаянно?

Москва встретила меня в лице семейства Беньяшей и Мани[180] очень приветливо — кормила, поила, мыла. Но я почувствовал себя так смертельно одиноко сейчас.

Кончилась алтайская чудесная сказка. Началась московская совсем не чудесная быль.

Дорогой мой, напиши мне немедленно, что ты застал в Новосибирске. Каковы твои ближайшие перспективы и пр.

Ну а пока всего хорошего. Целую тебя крепко,

Вася.

Привет Ольге Семен(овне) и Ларе.

Ох, с каким бы удовольствием я бы сейчас мах-

---

[180] Примечания: 180

Речь о двоюродном брате Гроссмана Владимире Моисеевиче Беньяше (Ваде), его жене Тамаре, а также, возможно, их домработнице Мане.

нул опять на Алтай.

Пиши!

11 октября 33 г. Москва

76

23 октября 1933, [Москва]

Дорогой мой, получил твое письмо, полное беспокойства по поводу того, как я доехал. Ты уже, вероятно, давно получил мое письмо, где я «подробно» пишу тебе об этом. Во всяком случае, повторяю — доехал я как нельзя лучше — курьерским, с постелью, рестораном, отоплением и пр. Между прочим, со мной ехал инженер из Москвы — помнишь, седенький такой, с козлиной бородкой, который меня в Чемале безжалостно громил в шахматы. Мы с ним сражались, и одну партию я у него выиграл (не знаю, стоит ли добавлять, что 3 я проиграл). Но хватит о дороге.

В Москве пока ничего хорошего для меня нет. «Письменное настроение» не приходит, в связи с этим ощущение пустоты и неудовлетворенности. Работа на фабрике этой пустоты, конечно, заполнить не может. Ни с кем почти не встречаюсь, а случайные встречи ничего не дают ни уму, ни сердцу. Редактор мой уехал на 10 дней, денег мне еще не заплатили. (Должны заплатить первую

1000 через 3 дня.)

В материальном отношении пока все обстоит благополучно и вполне хорошо. Кормят меня отлично, не многим хуже, чем в санатории. Жду «попутных ветров», чтобы начать писать и работать по-настоящему.

Часто, по несколько раз в день, то в трамвае, то на мокром сером асфальте, то в полутемном фабричном помещении вспоминаю вдруг Катунь: горы, прогулки, камни, скалы, эдельвейсы. Чудеса! Становится грустно и весело одновременно.

Но довольно обо мне. Ты знаешь, Москва кажется мне такой кислой и серой сейчас (Москва и москвичи), что я более спокойно, «без сжатия сердца» думаю о твоем путешествии в Ленинск. Только ни в коем случае не спускайся в шахту. Слышишь ты? Оговори это предварительно. Вспомни и помни, что говорил тебе проф⟨ессор⟩ Кавалеров[181] по поводу твоего сердца. Напиши мне подробней, как выясняется положение, где, как, на каких условиях будешь работать. Как Ольга Семеновна, как добралась она, как начала работать?

---

[181] Примечания: 181

Иван Николаевич Кавалеров (1871–1946) — профессор медицины, в 1920 — начале 1930-х годов работал на кафедре гигиены труда Донецкого горного института и в Институте гигиены и патологии труда.

Пиши! Целую тебя, Вася.
23. X.33 г.
Привет Ольге Семеновне.
Катюша уже [в] Бердичеве, пишет мама.

77

17 ноября 1933, [Москва]

Дорогой батькос, меня очень беспокоит твое «упорное» молчание. Где ты? Что с тобой? За все время имел от тебя только одно письмо. Оно было послано через день после твоего приезда в Новосибирск из Бийска. И с тех пор ни гугу.

Я написал тебе два письма и открытку. Получил ли ты их?

Меня очень интересует, где ты сейчас работаешь, как идет работа, а главное, здоров ли ты и все ли благополучно у тебя в отношении сердца и пр.

О себе сообщить могу следующие факты: работаю на карандашной фабрике, охая и вздыхая, каждый день встаю в 7 ч. утра, когда еще темно и когда особенно хочется спать.

Работаю до 4-х. Прямо с работы еду домой и предаюсь полезным занятиям: еде, чтению, письму.

Последних два компенсируют мое одиночество, ибо хотя Тамара и Вадя очень милы, а Тамара по

заботливости стоит в первой шеренге лучших родственников, но мне с ними нечего делать и общих «высших» интересов у нас нет.

Издательство начало понемногу выплачивать мне деньги.

Купил себе ботинки и стою накануне покупки пальто (завтра пойду). Послал денег Наде и маме.

Дорогой мой, мне очень хочется тебя видеть, и если б я был свободен в отношении работы и денег, то сел бы на поезд и покатил посмотреть, как и что?

Снова и снова вспоминаются мне чудеса Алтая. Неужто было? Ох, ох. Пиши же мне, дорогой мой.

Твой Вася.

Привет Ольге Семеновне и Ларе.

17. XI.33 г.

78

[Вторая половина ноября 1933, Москва]

Мой дорогой, получил наконец-то письмо от тебя, а то я уже собрался телеграфировать. Безотносительно от дальнейшего я очень рад, что ты сейчас в Новосибирске, а не в Ленинске. Не знаю почему, но мне очень не нравится твоя «самостоятельная» «взрослая» жизнь на руднике.

Относительно ваших дальнейших перспектив,

надо думать, дело выяснится в положительном смысле. Я тут случайно разговорился с одним из руководителей Ленинградского и⟨нститу⟩та охраны труда, и он очень хорошо отзывался о руководстве со стороны ВЦСПС[182]: внимательно, тактично, разумно. Куда лучше, чем Наркомтруд.

Как полагается, ты ничего не пишешь о своем здоровье. Каковы дела у Ольги Семеновны? В чем ее неудачи, о которых ты пишешь? Встречаешь ли ты кого-нибудь из «ойротов», бывших с нами в Чемале?

О своем бытьи я уже писал тебе в прошлом письме, ничто не изменилось. Работаю, пишу. Пишу новую книгу, маленькую[183]. «Глюкауф» должен выйти в свет в первом квартале 34 г. Мой редактор убеждает меня уйти с фабрики. Деньги мне выплачивают. Купил потрясающие ботинки за 50 р., а пальто не могу достать. Есть на рынке только дерюга или тысячные. Настроение хорошее, рабочее, прохладное. Получаю много писем

---

[182] Примечания: 182

Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов.

[183] Примечания: 183

Не совсем понятно, о какой именно книге идет речь. Возможно, о «Степане Кольчугине», который задумывался как «маленькая книга», а перерос в большой роман в нескольких частях.

от Нади. Она жалуется, что ты ей не пишешь, и очень ждет твоего письма. Дорогой мой, неужели ты так занят, что не можешь раз в месяц написать ей? Ты спрашиваешь, как я воспринял Надино замужество[184]. Мне оно принесло только радость, как будто я, а не они пережили «сладость» медового месяца. Почему ты думаешь, что это могло быть для меня неприятно? Я так хорошо понимал глубину ее одиночества и так желал, чтобы она его нарушила. По ее письмам чувствуется, что ей хорошо и «гармонично».

Батько, ты не собираешься в Москву? Я бы очень хотел повидать тебя. Поговорить с тобой, почитать тебе, что пишу, поругаться сварливым еврейским голосом. У тебя нет таких перспектив?

Целую тебя, мой дорогой.

Пиши почаще. Ибо если разобраться по существу,

---

[184] Примечания: 184

Второй муж Надежды Алмаз, с которым она познакомилась в 1933 году в ссылке, — Терентий Дорофеевич Ардашелия (1902–1937). Троцкист, он примыкал к антисталинской оппозиции, до знакомства с Алмаз несколько лет находился в ссылке, был заключенным Верхнеуральского политического изолятора, откуда писал Льву Троцкому (Ardachelia, Iakovine 1981). Терентий Ардашелия был повторно осужден в 1937 году и расстрелян 16 сентября. О его смерти и посмертной реабилитации Гроссман упоминает в позднем рассказе «Жилица» (Гроссман 1989b: 392).

ты с Ольгой,
мама с Катей,
Надя с т⟨етей⟩ Лизой и Терентием,
а я один. А в городе с $3^1/_2$-миллионным населением одиночество чувствуется сильней, чем в других местах. Не думай только, что я мучусь этим очень сильно. Мучусь, но не сильно.
Привет Ольге Семеновне, Ларе.

79

21 декабря 1933, [Москва]
Дорогой батькос, чего это ты мне не пишешь? Не знаю, как окончательно вырешился вопрос с твоей дальнейшей работой — где ты, в Новосибирске или в Кузбассе? Что выясняется у Ольги Семеновны, едет ли она в «Европу» или остается в Сибири. У вас, наверное, собачьи морозы, т. к. у нас даже очень холодно.
У меня пока все благополучно. Купил себе хорошее зимнее пальто, новый костюм (валенки у меня были), так что я хожу и поплевываю, «невзирая» на градусник.
С литературными делами как будто неплохо.

«Перелом»[185]. Возможно, что 6 моих рассказов будут печататься. Этот вопрос вырешится в ближайшие дни. Пять из них пойдут в сборник, а один в «Красную новь»[186]. Первая редакция дала о них очень хороший отзыв. Теперь вопрос за редколлегией.

Книга («Глюкауф») в начале января будет сдана в типографию, и если поможет Бог, то в начале апреля выйдет в свет[187]. Словом, по Чехову: «„Поздравляю вас. Вы начинаете завоевывать известность“, должно быть, какой-нибудь микроскопический газетчик?»[188]

Во всяком случае, эта работа мне дает много. Я в общем доволен своим существованием — не скучаю, не томлюсь полным одиночеством, в котором пребываю, а, наоборот, очень доволен

---

[185] Примечания: 185

Языковая игра с названием литературной группы «Перевал», с некоторыми из ее участников Гроссман сдружился, приехав в Москву.

[186] Примечания: 186

Именно при журнале «Красная новь», основанном Александром Воронским в 1921 году, была организована литературная группа «Перевал».

[187] Примечания: 187

Книга действительно вышла в 1934 году (Гроссман 1934f).

[188] Примечания: 188

Неточная цитата из рассказа Чехова «Пассажир первого класса» (1886): «…сейчас мы с вами видели около буфета двух молодых людей, и вы слышали, как один из них поздравлял другого с известностью. „Поздравляю, вы, говорит, уже известность и начинаете завоевывать славу“. Очевидно, актеры или микроскопические газетчики».

тишиной, окружающей меня.

Сделал перерыв в письме.

Я только что получил твое письмо. Мой дорогой, с паспортом это, конечно, пустяки, образуется. Что касается неладов с работой, то это хуже. Да, спасательная станция, пожалуй, лучше, чем ваш институт. Но должен сказать, что меня больше всего обрадовало, что твое сердце ведет себя хорошо. Не спускайся в шахту! Слышишь?! А то ты нарушишь его равновесие. Напиши непременно и подробно, что с Ольгой Семеновной? Почему она сейчас не у дел? Поцелуй ее от меня и скажи ей, что огорчаться она не должна. Такие люди, как она, люди самого настоящего дела, не могут быть не у дел. Это временное что-нибудь.

Вчера я читал на собрании 10 писателей 3 своих новеллы. Вернее, читал не я, а за меня Катаев[189].

[189] Примечания: 189

Иван Иванович Катаев (1902–1937) — писатель, один из лидеров литературной группы «Перевал».

Это мой первый выход в свет[190]. Он был удачен. Вещи произвели большое впечатление. Их ругали за нечеткость идеологии (некоторые) и все хвалили за манеру письма. В общем, дискуссия была длинная. Ну вот. Я доволен в некотором роде.

Мне очень хочется повидаться с тобой, мой дорогой[191]. Я часто вспоминаю нашу алтайскую комнату, разговоры, особенно день, когда ты мне рассказывал о маме и себе. А помнишь, как мы жили в гостинице, в Бийске?

Целую тебя крепко.

Твой Вася.

Поцелуй Ольгу Семеновну.

Между прочим, братья писатели убеждали меня вчера переходить на литературу и бросать

---

[190] Примечания: 190

Первый «выход в свет» Гроссмана состоялся на собрании перевальцев. В протоколах допросов перевальцев и по донесениям сотрудников ГУГБ, с конца 1933 года Гроссман примыкал к так называемому кружку новеллистов. В донесении сотрудника Секретно-политического отдела ГУГБ Генриху Ягоде от 25 декабря 1935 года говорится (орфография и пунктуация оригинала сохранены): «Группа эта была сколочена И. И. Катаевым на базе литературно-политических установок основателя „Перевала“ троцкиста Воронского, и первое сборище группы 27 ноября 1933 г. состоялось на квартире Катаева под руководством Воронского. В дальнейшем сборища группы происходили регулярно, один или два раза в месяц, на квартирах Катаева и др. участников группы. ⟨…⟩ На собраниях „Кружка новеллистов“ читались произведения членов кружка неопубликованные и не предназначенные к опубликованию в силу их антисоветских установок; читались также и антисоветские произведения поэтов Клюева и М. Волошина. Одновременно проис-

ходило обсуждение в антисоветском духе текущих политических и общественно-литературных вопросов». Согласно этому донесению, основными членами кружка помимо Гроссмана и Катаева были А. Лежнев, Н. Зарудин, Б. Губер, В. Лебедев. В качестве примера антисоветских взглядов приводятся следующие слова Гроссмана, произнесенные во время одной из встреч кружка: «…я только сейчас понял, почему так борются с теорией Воронского. Ведь она требует писать непосредственно, а непосредственные писания — это бомба. Мы защищаем примат сознания, потому что сознание можно навязать извне. Сознание — это программа, чужие мысли, которые люди думали до нас, а Воронский говорит о жизни. Надо, чтобы художники творили, а критики потом рассуждали. У нас не творят, а пишут. А это не одно и то же. Причем пишут всё хуже и хуже. Мы скоро будем все частными ремесленниками и по плану начнем поставлять товар для журналов, кино, театров» (Спецсообщение Ягоде 1997: 458–465).

[191] Примечания: 191

Начало этого письма находится в РГАЛИ, а окончание, со слов «Мне очень хочется повидаться с тобой…», сохранилось в семейном архиве Гроссмана — Губер.

химию.

21. XII.33 г.

80

8 января 1934, [Москва][192]

Дорогой батькос, получил твое письмо.

Я просил тебя написать об Ольге Семеновне, и ты ни словом об этом не обмолвился. Что за таинственность. Не понимаю. Что-нибудь в связи с чисткой?[193]

Почему ни слова о своих делах не пишешь? Как работаешь? Наладились ли дела немного? Обязательно напиши об этом подробно в следующем письме. Ты уже обосновался в Новосибирске? Как дела с квартирой в новом доме? Или живете все еще на Мостовой?[194] Если у вас морозы 33–34°, то это немногим холодней, чем у нас, особенно если учесть, что разница 4–5° компенсируется собачьим ветром.

Относительно моего ухода с работы должен

---

[192] Примечания: 192

Дата указана нечетко, другое прочтение — «6 января».

[193] Примечания: 193

Возможно, речь идет о генеральной «чистке партийных рядов», которая проходила в 1933 году.

[194] Примечания: 194

Мостовая — улица в центре Новосибирска.

сказать, что сие дело не столь просто. Прежде всего, я хочу уйти с карандашной фабрики. Это вовсе не значит, что я хочу уйти с работы вовсе. Но если средства позволяют пару месяцев передохнуть, то почему это не сделать. Особенно если учесть, что передышка эта будет в большой настоящей работе.

Что касается карандашных дел, то уйти мне оттуда прямо-таки необходимо. Если заниматься химией, то почему уж самой мизерной — карандашной, да еще по десять часов в день, да еще в самой неприятной обстановке противных, склочных людей?[195]

Но пока что я с карандашной фабрики еще не ушел. Не пущают, пока не найдется заместитель, а заместитель, как назло, не находится. В остальном без перемен. Вечерами пишу. Хочу серьезно заняться своим образованием — философским, историческим, но время не позволяет этого делать.

Передай привет Кайдалиной. Я помню хорошо ее малыша — очень хороший мальчик.

Написал «мальчик» и вдруг вспомнил, как мы с тобой, в лицах, рассказывали: «Может, тебе

---

[195] Примечания: 195

Далее фраза, зачеркнутая рукой Гроссмана: «Меня понемногу начинает заедать одиночество. Моментами нехорошо».

мальчука надо?» — «Ой, нэ надо…»

Ну ладно. Дорогой мой, напиши же мне подробно о себе и Ольге Семеновне.

Целую тебя крепко, Вася.

Поцелуй Ольгу Семеновну.

8. I.34 г.

81

24 января 1934, [Москва]

Дорогой батькос, ты так редко мне пишешь, это совсем не хорошо. Ей-богу, мог бы хоть открыточку черкнуть в пару слов.

Напиши мне — ты ведь знаешь, что меня интересует твое здоровье, настроение, работа, перспективы, что и как Ольга Семеновна. Так ведь ты мне толком не написал о ней ничего.

У меня есть маленькие новости — через несколько дней я ухожу с фабрики, эта канитель тянулась очень долго и порядком истрепала мне нервы и здоровье. Никак не могли найти мне заместителя. Отношения у меня там испортились, мы ругались, публика на редкость противная, еще хуже, чем в Институте патологии и гигиены труда в Сталино. Но, в общем, теперь все уладилось, заместитель нашелся, и через 5 дней я буду свободен.

Получил сегодня извещение от редакции журнала, что роман мой начнет печататься со второго номера[196]. Одновременно он передан уже издательством в типографию для набора. Эта комбинация с журналом очень приятна — она даст мне несколько тысяч читателей и позволит материально существовать и помогать маме и Наде в течение нескольких месяцев. Кроме того, возможно, что еще один журнал будет печатать «его», но уже не полностью, а отрывки.

В ближайшие дни сдам несколько новелл для сборника[197] — я получил извещение, что мне отвели там площадь в один печатный лист — посмотрим, что из этого выйдет. Написал я рассказ об Алтае[198] — мне бы хотелось, чтобы ты его прочел. В общем, шевелюсь и действую.

Кстати, об Алтае — ты не встречал Евгении

---

[196] Примечания: 196

Повесть «Глюкауф» (названная в этой публикации романом) вышла в «Литературном Донбассе» в первом и втором номерах за 1934 год (Гроссман 1934е; подробнее об этой публикации см.: «От составителей», с. 25–26).

[197] Примечания: 197

По всей видимости, этот сборник, планировавшийся к публикации в Московском товариществе писателей, так и не вышел из печати.

[198] Примечания: 198

Вероятно, речь идет о рассказе «Большевик. Третий рассказ о счастьи», действие которого разворачивается на Алтае. В дальнейшем публиковался под заглавиями «Отдых», «Счастье».

Николаевны, с которой мы возвращались из Чемала? Я написал ей лирическое письмо, но эта сибирская язва мне не ответила. Тешусь мыслью, что письмо пропало.

Живу монашески. Похудел. Кашляю изрядно. Очень много работаю. Сплю по 5–6 часов. Особенно в последние дни была горячка с передачей рукописи после редактирования. Между прочим, редактор вырезал и вычеркнул из нее 70 страниц.

Когда уйду с фабрики, сяду серьезно за книги. Ведь я невежда, в общем. Не знаю ни истории, ни философии, ни литературы.

Крепко целую тебя, поцелуй Ольгу Семеновну, твой Вася.

Привет Ларе.

Пиши чаще!!!!!

24. I.34 г.

82

3 февраля 1934, [Москва]

Дорогой батькос, наконец-то получил твое письмо. Прежде всего, по поводу предложения ехать на золотой прииск. Мне думается, что с инженерно-технической стороны это больших трудностей для тебя не представит. Но нужно ли

и целесообразно ли забираться в такую глушь, главное, без перспектив и видов на дальнейшее. Я сторонник «европейской» ориентации. В чем дело с вашим Институтом? Почему до сих пор тянется решение вопроса о нем? Ты сам пишешь, что есть перспективы и по Спас⟨ательной⟩ станции, и по Углехим⟨ическому⟩ и⟨нституту⟩ту[199], и по Гигиене и патологии труда. А золотой прииск — это линия наименьшего сопротивления. И зачем Ольге Семеновне забираться туда? Ох, «не ндравится мне это…»[200].

Переехали ли вы куда-нибудь в новое место или продолжаете жить все на той же квартире?

Пиши мне чаще, почему ты пишешь раз в месяц? Я тут, как пес, один, в антураже прелестного Вади и его супруги. Ей-богу, не хорошо. Я ушел с фабрики. Думаю дней 10 отдохнуть, а там погляжу, что делать. Пойду ли работать куда-нибудь или дома буду сидеть — писать и заниматься.

Настроение у меня паршивое. А отчего и сам не знаю. Как будто все идет хорошо.

Хотелось бы очень съездить в Бердичев пови-

---

[199] Примечания: 199

Вероятно, Донецкий углехимический институт, основанный в 1930 году.

[200] Примечания: 200

См. примеч. 3 к письму Гроссмана отцу от 30 марта 1928 года (с. 44).

даться с мамой и Катюшей (я ведь не видел ее полтора года почти), но пока мешают всякие дела — не оформлен я в литературе, тянется вопрос с договором, и всякая такая штука. Имеешь ли ты иногда письма от Нади? Я последний месяц от нее ничего не имею. Отчего она замолчала — не пойму. Так пиши мне почаще, дорогой мой.

Целую тебя, Вася.

Привет теплый Ольге Семеновне.

Может, тебе доктура нада?

3. II.34 г.

83

19 февраля 1934, [Москва]

Дорогой батькос, получил твое кузбасское письмо. Я знаю, что маме тяжело с Катюшей. Но я знаю также, что она очень заполняет маме жизнь. Сейчас брать ее в Москву на холостяцкую квартиру, мне кажется, рискованно, да и не так уж остро стоит вопрос. Что касается переезда Катюши в Новосибирск, то теперь, пока ты сам не знаешь, где будешь через месяц — в Новосибирске, Ленинске либо на золотом прииске, об этом говорить еще нельзя. В общем — идеалом, к которому нужно стремиться, это, мне кажется, концентрация всех в Москве, а не разъезды в

глубокую периферию. Вот только квартирный вопрос мучит сильно. Как его решить?

Вообще мои материальные дела теперь складываются довольно благополучно, но, конечно, о покупке квартиры говорить не приходится. Ты спрашиваешь о моей «литературно-бытовой» ситуации. Я на фабрике не работаю уже недели 3. Много читаю по философии и истории. Пишу. Положение с «Глюкауфом» таково: в Москве он прошел уже литерат(урное) и техническое редактирование и через несколько дней будет передан в типографию. Кроме того, он принят к печати в журнале «Литературный Донбасс» (в Сталино) и будет там напечатан в первом и втором номерах. Первая часть уже печатается и, вероятно, через недели 2 уже выйдет в свет. Эта штука, помимо нескольких тысяч (или десятков тысяч) новых читателей, меня очень выручает материально — даст мне 3 т. рублей. Я очень рад, что роман будет печататься в Донбассе. Мне очень хочется, чтобы он имел именно шахтерского читателя.

Рассказы мои сданы в сборник, но выпуск его задерживается отсутствием обещанных тремя участниками новелл. Во всяком случае, издательство рассчитывает его выпустить к съезду

писателей[201].

В общем, на этом фронте как будто хорошо.

Батькос, дорогой мой, пиши мне почаще, очень прошу тебя. Помимо того, что я очень рад твоим письмам, но долгое молчание твое меня беспокоит — все думаю, не заболел ли ты сыпным тифом во время своих разъездов. У нас вдруг стало очень тепло. Следишь ли ты по газетам за прекрасной борьбой австрийских рабочих? Целую тебя. Мой самый теплый привет Ольге Семеновне,

Вася.

Пиши!

19. II.34 г.

84

[Март 1934, Москва]

Дорогой батькос, твои частые письма мне доставляют много радости. Боюсь, что одумаешься и перестанешь писать. Что это за клятый институт у вас, что никак он «не выяснится». Рад очень, что у Ольги Семеновны дела пошли в гору. Такой человек, как она (с ее прекрасной рабочей энергией), не может быть без работы (несмотря

[201] Примечания: 201

О сборнике см. примеч. 2 к письму Гроссмана отцу от 24 января 1934 года (с. 137).

даже на ее железобетонный характер). Передай ей мой сердечный привет.

У меня к тебе несколько вопросов в связи с новой книгой, которую я начал писать[202].

1) Какие книжки «революционно-агитационно-политического» характера были в ходу в период 1905–1910 гг. при работе с⟨оциал-⟩д⟨емократов⟩ среди заводских рабочих (на Украине, скажем)[203].

2) Какова была продолжительность рабочего дня на заводах в этот период.

3) Какие художественные произведения (писатели) были тогда популярны[204].

4) Укажи мне книжку, которая бы давала характеристику положения рабочего класса примерно с 1900 г., и, если она есть у тебя, пришли

---

[202] Примечания: 202

Речь о романе «Степан Кольчугин».

[203] Примечания: 203

Ср. воспоминания Федора Губера: «В период работы над „Степаном Кольчугиным“ у Василия Гроссмана под рукой были годовые комплекты газет того времени, журналы „Нива“, которые можно было купить у букинистов. Потом комплекты газет долго хранились в большой плетеной корзине. Из книг по указанной в письме тематике помню том в черном переплете „Старая Юзовка“. Также помню комплекты журнала освободительного движения в России „Былое“, который начал выходить в 1906 году. У нас стояло собрание сочинений В. И. Ленина издания 20-х годов, под редакцией Н. Бухарина. Гроссман пользовался работами Ленина, в частности работой „Развитие капитализма в России“» (Губер 2007: 23).

[204] Примечания: 204

В первой книге романа семнадцатилетний Кольчугин перечисляет прочитанные книги: «Про Бову, про Тараса Бульбу, песенник читал — „Пятьсот песен“. Еще писатель, перевод с немецкого, забыл фамилию» (Гроссман 1955. Т. 1: 218).

ее мне (экономически, зарплата, условия труда, соц(иальное) страхование и пр.).

Ну вот — пожалуй, пока все.

Мои дела идут прилично. Алтайский рассказ встретил хороший прием и высокую оценку строгих критиков («прекрасный», «замечательный», «очень хороший»). Денег у меня пока ни копья, но я жду со дня на день крупных переводов из Сталина. Относительно неприятностей и портретных сходств я говорил с литературными зубрами, они считают, что все в рамках дозволенного[205]. Номер первый журнала уже вышел, было в газете (и упоминалось, что в нем печатается «Глюкауф»), но достать его, увы, не мог. Так и не смог сам себя почитать. Написал им вчера матерное письмо, чтобы слали денег и журнал. Здоровье мое прилично теперь, я хорошо выгляжу и хорошо питаюсь. От Вади и его половинки я отделился, т. к. боюсь их и хочу держаться подальше и не одалживаться у чужих мне людей. Это поганые, мелкие и нечистоплотные люди. А глупы они и пусты! Торричеллиева пустота — это густота, а

[205] Примечания: 205

Рассказ «Счастье» начинается описанием заседания обкома, на котором рассматривается «сугубо кляузный» вопрос о нехватке металла на одном из металлургических заводов. Возможно, отец Гроссмана опасался, что читатели могут связать описанные события с действительностью.

не пустота по сравнению с ними. Имею от Нади письма. Им плохо живется. Надя себя неважно чувствует. Я им помогаю, но не регулярно. Я очень жалею и люблю Надю.

Меня обрадовало твое алтайское приглашение, но я боюсь, что, может быть, не смогу поехать. Во-первых, деньги, затем время. Ну да посмотрим. Пока ведь на полях еще лежит снег. Что касается квартиры, то, дорогой мой, эта штучка стоит 15–20 т. рублей минимум (в 2 комнаты), и об этом мечтать пока нельзя, а относительно того, чтобы приехать на 2–3 недели, то для этого не нужно быть пайщиком, милостивый государь, папаша. Ты можешь завтра приехать и не на 3, а на 33 недели, и я буду чертовски рад тебе.

Целую тебя крепко, Вася.

Читай Дос Пассоса, «41-я параллель»[206] и «19-й год»!!!

85

22 марта 1934, [Москва]

[…] ней и поездкой на прииск. Очень тебя прошу семь раз отмерить, прежде чем ты выберешь

---

[206] Примечания: 206

В действительности роман Джона Дос Пассоса называется «42-я параллель».

«что и куда».

Я очень рад, что Ольга Семеновна снова вошла в полный оборот своей работы. Ты мне так и не написал, в связи с чем она очутилась не у дел.

Ну, дорогой мой, буду кончать.

Крепко целую тебя,

Вася.

Поцелуй Ольгу Семеновну. Отчего ты не пишешь ни слова о Ларисе? Как она и что?

22. III.34 г.

86

26 марта 1934, [Москва]

26. III.34 г.

Дорогой мой батькос, ты, вероятно, получил мое письмо уже, а я получил твое маленькое письмецо, где ты пишешь, что беспокоишься отсутствием писем от меня.

Прости, родной мой, но я здоров как бык, толст, никакими «грибами» не болел[207]. Гости мои уехали уже. Хочется поделиться с тобой радостью своей. Мои рассказы (еще никем не читанные)

[207] Примечания: 207
Видимо, имеется в виду «гриппом».

[208]поступили на отзыв к двум свирепым писателям Зарудину и И. Катаеву, живущим сейчас в доме отдыха. Они состоят редакторами Альманаха[209]. У меня все время ныла печень, ждал их разноса (меня предупредили). Вчера узнал, что в Москов⟨ское⟩ т⟨оварищест⟩во писателей получена телеграмма: «Приветствуем превосходного писателя Гроссмана автора города Бердичева». Сознаюсь, меня это ошпарило крутым кипятком радости. К сожалению, ожог уже проходит, однако ночью он меня мучил изрядно. Со мной все вдруг стали очень любезны и даже обещали прикрепить к гортовскому распределителю «особо ответственных» писателей[210]. Ну вот. Это то, что называют признанием.

«В городе Бердичеве» — это рассказ о женщине комиссаре полка, которая забеременела и осталась рожать в Бердичеве, когда его должны были

---

[208] Примечания: 208

Ранние рассказы Гроссмана будут потом опубликованы в сборнике «Счастье» (Гроссман 1935c).

[209] Примечания: 209

Николай Николаевич Зарудин (1899–1937) и Иван Иванович Катаев (1902–1937), одни из лидеров литературной группы «Перевал», были и редакторами альманаха «Год шестнадцатый», основанного Максимом Горьким. Первый выпуск альманаха «Год шестнадцатый» вышел в 1933 году.

[210] Примечания: 210

О писательских распределителях см., напр.: Антипина 2005: 130–131.

занять поляки. Пишу это тебе, как понимаешь, не из хвастовства, которое мне почти не свойственно, а зная, что тебе это будет так же радостно, как и мне. Батькос, мой дорогой, я очень хочу тебя видеть, и если б ты, прежде чем выбрать какую-нибудь службу (только не в тайге, на золотых приисках!!), приехал в командировку в Москву от Института, это было б больше, чем хорошо. Целую тебя крепко,

Вася.

Поцелуй Ольгу Семен⟨овну⟩.

Пиши мне!

87

3 апреля 1934, [Москва]

Дорогой батькос, послал тебе сегодня газету, в которой напечатан мой рассказ[211]. Вокруг него подняли очень большой шум. Самое напечатание рассказа в двух подвалах, объяснили мне в редакции, является как бы декларацией, т. к. впервые за существование «Литературной газеты» в ней

[211] Примечания: 211

Рассказ «В городе Бердичеве» был напечатан в «Литературной газете» 2 апреля 1934 года; эта публикация считается литатурным дебютом Гроссмана (Гроссман 1934b).

печатается такой большой рассказ[212]. Вчера газета мне устроила вечер встречи с критиками, я читал там две главы из «Глюкауфа». Меня там так жестоко ругали и так горячо хвалили, что я малость обалдел. Одни говорили: рассказ перекрыл всего Бабеля, другие обвиняли в семи смертных грехах, третьи говорили: он начинает, как Толстой. В общем, я вынес очень неприятное впечатление от всего этого — болтовня, склока, крикуны, неумные люди. Серьезной любви и понимания литературы не чувствуется.

«Не встречайтесь с таким-то, он Вас погубит».

«Не слушайте никого, вся истина у меня».

В общем, трепотня, весьма нездорового свойства. В общем, эта «слава» мне очень неприятна. Единственное, что доставило радость, — это то, что мне сказали в газете, что тотчас после поступления ее в продажу начали поступать от писателей и читателей отзывы на рассказ, самого превосходного свойства.

Хочу поскорее поехать в Бердичев, но из-за

---

[212] Примечания: 212

Рассказ расположен в нижней части (подвале) двух газетных страниц, каждый подвал занимает больше трети и меньше половины страницы.

отсутствия пенендз[213] не могу этого сделать. «Литературный Донбасс» упорно молчит, молча печатает роман и не платит ни копейки. Мне уже обещали нажать на них по линии Оргкомитета[214]. Пока меня вывезло напечатание рассказа, заплатили за него 500 руб.

Батькос, ты в каждом письме спрашиваешь, где будет печататься «Глюкауф», а я, кажется, в каждом письме отвечаю: в издательстве Москов⟨ского⟩ тов⟨арищества⟩ писателей. Через несколько дней будут уже получены гранки. Большое спасибо за сведения, которые ты мне сообщил. Это мне интересно. Батькос, ориентируйся на Институт прикладной минералогии![215] Почему ты решил, что это минералогическая работа? Уверяю тебя, что нет. Химия, самой чистой воды, и притом почище, чем в институте по безопасности.

Пиши. Целую тебя, Вася.

Привет Ольге Семеновне.

3. IV.34 г.

---

[213] Примечания: 213

От *польск.* pieniądze — деньги.

[214] Примечания: 214

Имеется в виду оргкомитет Союза писателей.

[215] Примечания: 215

Московский институт прикладной минералогии был основан в 1904 году, в 1935-м переименован во Всесоюзный институт минерального сырья.

88

17 апреля 1934, [Москва]

Дорогой батькос, получил твоих два письма. Одно относительно рассказа. Рад, что он тебе понравился. Твою критику отвергаю: 1) «не одно не сдохнет» сказано матерью в шутку, ведь в это же время она целовала своего ребенка[216]; 2) Магазаник вовсе не такой уж набожный человек. Он даже в Бунде был когда-то[217]; 3) насчет молитвы ты, очевидно, прав, но это могла быть не молитва, а духовная песня[218]. Я в рассказе считаю слабым конец. Сказать о Ленине «лысый человек» — это значит ничего не сказать[219]. Теперь начну радовать твое отцовское сердце: Воронский[220] сказал, что это лучший рассказ в

---

[216] Примечания: 216

Имеется в виду следующая цитата из рассказа «В городе Бердичеве»: «Она [мать. — *Ю. В., А. К.*] гладила голову маленькой Сони.
— И все они живут у меня, ни один не сдохнет» (Гроссман 1989b: 52).

[217] Примечания: 217

[5]О том, что один из главных героев рассказа еврей Магазаник состоял в Бунде (Всеобщем еврейском рабочем союзе в Литве, Польше и России), в рассказе свидетельствует его последняя реплика: «Вот такие люди были когда-то в Бунде. Это настоящие люди, Бэйла. А мы разве люди? Мы навоз» (Гроссман 1989b: 62).

[218] Примечания: 218

Речь идет о следующем отрывке из рассказа: «Тот ощупал луковку и, перестав молиться, сердито сказал: „Щоб тоби диты так на старость

давалы“, — и снова протяжно запел древнюю, как еврейский народ, молитву» (Гроссман 1989b: 51). Мы благодарны Раву Цви Патласу за комментарий к этому эпизоду, данный в апреле 2023 года: «Молитва Шмона-эсре — это то, что человек говорит Творцу наедине с Ним, и это называется молитвой. В отличие от „алеля“, который поет вся община вместе с кантором. Молитву обычно читают, а алель поют».

[219] Примечания: 219

См.: «Вавилова смотрела на них. И вдруг ей вспомнилось: громадная московская площадь, несколько тысяч рабочих-добровольцев, идущих на фронт, сгрудились вокруг наскоро сколоченного деревянного помоста. Лысый человек, размахивая кепкой, говорил им речь» (Гроссман 1989b: 61).

[220] Примечания: 220

Александр Константинович Воронский (1884–1937) — писатель, литературный критик, теоретик искусства; лидер литературной группы «Перевал».

сов⟨етской⟩ литературе за последние годы.

Пильняк передал через двух писателей свои поздравления и очень хочет со мной познакомиться. И наконец, Алексей Максимович передал в «Литгазету», что рассказ ему «чрезвычайно понравился», и хочет меня видеть. В ближайшие дни буду у него. Уже договаривался с Крючковым об этом[221]. Сейчас Горький читает «Глюкауф» (в рукописи)[222] и еще несколько рассказов[223]. Сегодня получил из Донбасса второй номер журнала, «Глюкауф» «прошел весь». Ну и наконец мне сообщили, что Ермилов, редактор «Красной нови», и Павленко, редактор «Тридцати дней» ищут меня и жаждут печатать[224]. Ну вот. Деньги мне перевели — пока 1100 р. И наконец, какие-то добрые люди в Оргкомитете выдали мне книжки

---

[221] Примечания: 221

Петр Петрович Крючков (1889–1938) — личный секретарь и поверенный Максима Горького. Гроссман ездил в Горки на встречу с Горьким 5 мая 1934 года.

[222] Примечания: 222

Гроссман уже показывал Горькому «Глюкауф», но с меньшим успехом. 27 сентября 1932 года он отправил ему повесть, просив высказать свое мнение: «Я знаю, что не только первый блин бывает комом, но и второй и третий… Но Вас я хочу спросить о качестве муки. Ведь если мука тухлая, то лучше вовсе не печь блинов» (ИМЛИ. АГ. КГ-П 25-5-1). Горький в ответ написал, что «Глюкауф» — «очень хороший материал для повести, но он плохо „смонтирован“, густо засеян лишними словами, испорчен дидактикой автора» (Горький 2019: 219).

Следующее письмо Гроссмана Горькому датируется 11 апреля 1934 года. Он пишет: «Многоуважаемый Алексей Максимович. В сентябре

1932 г. Вы прочли рукопись „Глюкауф“ и написали мне, что основным недостатком ее считаете натурализм ⟨…⟩ Далее, Вы отметили ряд недостатков языка, засоренность лишними словами, а также то, что материал плохо смонтирован. Наряду с этим Вы написали мне много ободряющих слов и советовали переработать рукопись. Редакция альманаха „Год семнадцатый“ посылает Вам эту вновь написанную мною рукопись о Донбассе, результат работы не только над материалом, но прежде всего над своим отношением к нему, работы над собой» (ИМЛИ. АГ. КГ-П 25-5-2).

[223] Примечания: 223

В ИМЛИ (Институте мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук) в архиве Горького (РАв-пГ 14-1-1) содержатся следующие рассказы Гроссмана: «На рассвете» с печатью альманаха «Год семнадцатый» 16.VII.1934 (л. 1–13), «Пурпур» (л. 14–28), «Николай Беляев» (л. 29–42), «Москва» (л. 43–46), «Сын» (в архиве рассказ без названия; л. 47–58).

[224] Примечания: 224

Владимир Владимирович Ермилов (1904–1965) был главным редактором «Красной нови» с 1932 по 1938 год. В 1932 году вошел в правление Союза писателей СССР.

Петр Андреевич Павленко (1899–1951) был редактором журнала «Тридцать дней» с 1932 по 1938 год; редактировал он и горьковский альманах «Год семнадцатый».

в спецраспределитель ГОРТ, вещи, которой добиваются многие «маститые» люди.

Действительно, остается только жениться. Не думай только, что я праздную и почиваю на лаврах. Работаю очень много, пишу новый роман, читаю и пребываю (честное слово, не вру) в отменно скверном настроении. Оказывается, что синяя птица, о которой я так мечтал, пойманная сейчас, не доставляет тех радостей. Птица как птица. Перья, правда, синие, но все-таки перья.

В Бердичев я сейчас ехать не могу. Во-первых, свидание с Горьким, во-вторых, я веду переговоры с несколькими издательствами. Они мне обещают златые горы, но все это пока на словах. Пока же не заключу договора, могу оказаться на бобах. Но так или иначе, в течение ближайшего месяца выберусь к маме и Катюше.

Очень хотел бы видеть тебя. Почему только в августе ты сможешь поехать в Москву? Ты ничего не пишешь о своих делах, здоровье. Почему? Обязательно напиши в следующем письме.

Целую тебя, мой дорогой, крепко,

Вася.

Привет Ольге Семеновне и Ларисе.

17. IV.34 г.

Мои «женитьбенные» планы пока носят тео-

ретический характер. Должен сказать тебе, что холостое звание меня не тяготит. «И так легко, легко…»[225] Пусть пока гуляет парень.

Эти донбассовские литераторы изрядно исковеркали «Глюкауф». У меня от их болваньей правки в глазах темнеет. Единственно приятное, что в остальном СССР этого журнала не читают. А в ближайшем будущем «Глюкауф» выйдет в московском «естественном» издании.

89

26 апреля 1934, [Москва]

Дорогой батькос, чевой-то ты мне не пишешь? Надеюсь, что ты здоров и все благополучно. Непременно напиши.

Должен тебя порадовать, родной мой, списком успехов:

1) «Глюкауф» настолько понравился Горькому, что он его выпускает в альманахе «Год семнадцатый» со своим предисловием.

2) Рассказы ему тоже понравились, и он их передал в «Литерат⟨урную⟩ газету» для напечатания.

---

[225] Примечания: 225

Последняя строка стихотворения Михаила Лермонтова «Молитва» (1839).

3) Посылаю тебе номер газеты, в котором напечатан уже алтайский рассказ[226]. (По жирности заголовка можно судить о том, что сказал Алексей Максимович редактору «Литгазеты», Болотникову[227].)

4) «В городе Бердичеве» уже переведен на немецкий язык[228].

И наконец, меня включили соавтором книги «Человек второй пятилетки», выходящей под редакцией Горького и Бухарина[229].

Дела мои сейчас заканчиваются, и я, вероятно, числа 10-го смогу поехать в Бердичев. Вчера послал деньги маме и Наде. В общем, цвету, сознаюсь тебе. Единственная беда, и очень большая, серьезная беда, что я здесь совершенно одинок. Близкие мне люди: мама, ты, Надя — на тысяче-

---

[226] Примечания: 226

Рассказ «Большевик» был опубликован в «Литературной газете» 24 апреля 1934 года (Гроссман 1934а). Под таким названием этот рассказ больше не печатался. О нем же см. примеч. 1 к письму отцу от 24 января 1934 года (с. 138).

[227] Примечания: 227

Алексей Александрович Болотников (1894–1937) — партийный и литературный функционер, ответственный редактор «Литературной газеты» в 1933–1935 годах.

[228] Примечания: 228

Самая ранняя из известных публикаций рассказа «В городе Бердичеве» на немецком языке датируется 1939 годом: она вышла в московском издательстве «Международная книга» под одной обложкой с «Инспектором безопасности». Оба рассказа перевела Эллен Вальден

(Grossman 1939).

[229] Примечания: 229

[4]Речь о неосуществленном проекте, одно из первоначальных названий которого — «Люди второй пятилетки». 31 мая 1934 года политбюро ЦК ВКП(б) одобрило издание книги «Люди пятилетки, в 2-х тт.», утвердило главную редакцию (Н. Бухарин, Л. Мехлис, А. Стецкий) (Горький 2022: 641). Причины, по которым проект так и не был осуществлен, подробно описал в письме Горькому от 2 февраля 1935 года Григорий Корабельников. Он среди прочего сообщал: «Коллектив имеет авторитетное Бюро (кроме членов главной редакции: Радек, Вс. Иванов, Гладков, Ставский, Киршон, Шолохов, Бр. Ясенский, Агапов и Корабельников). Но, кроме Агапова и меня, как работника редакции, — остальные не работают. Иные равнодушны. А некоторые враждебно настроены к коллективной работе. Какое же может быть настроение у рядовых членов коллектива, если они видят такое отношение к делу со стороны товарищей, призванных возглавлять коллектив. Тем не менее если что в коллективе и делается, то его рядовыми членами (Ив. Катаев, В. Шкловский, Я. Рыкачев, Зарудин, Гроссман, Стонов и др.) (ИМЛИ. АГ. КГ-изд. 36-12-8. Л. 4).

верстных расстояниях от меня. А в радости, как и в горе, а то, пожалуй, и больше, нужны близкие, родные люди. Но ничего не попишешь. Во всяком случае, это нехорошо очень — приходишь домой, хоть шаром покати, кроме бородатого Вади, никого нет, а его лучше и вовсе не было бы. Пиши мне, дорогой мой, обо всем, что у тебя есть нового, как «вырешиваются» твои дела, а главное, как здоровье твое, сердце.

У нас тут совсем тепло: весна, почки, прет трава, а я хожу как моралист Браншю из франсовского «Тощего кота»[230]. Помнишь его?

Целую тебя крепко, твой Вася.

Поцелуй Ольгу Семеновну.

Привет Ларисе.

26. IV.34 г.

90

8 мая 1934, [Москва]

Дорогой батькос, получил твое маленькое письмо.

Я 10-го еду в Бердичев. Пробуду там очень

---

[230] Примечания: 230

Браншю, персонаж «Тощего кота» (1879) Анатоля Франса, с одной стороны, страдает от одиночества и ищет женской любви, с другой стороны, все время предается философствованиям, находясь в своем вымышленном мире, далеком от реальности.

недолго — дней 5 или 10 (максимум). Дело в том, что издание «Глюкауфа» в Москве требует моего присутствия (гранки, корректуры и пр.).

Был 5-го у Максима Горького. Просидел у него с 6 вечера до 12 ночи.

Беседа эта была для меня исключительно интересна. Говорили на вечные темы — человек, любовь, прогресс, религия, счастье, наука.

Его некоторые высказывания поразили меня своей новизной и оригинальностью. Он одобрил мой переход в литературу, очень заинтересовался новой книгой, которую я сейчас начал писать, по поводу уже прочитанного им («Глюкауф» и рассказы) сказал: «„Глюкауф» должен был быть компактней, рассказы показывают ваш большой рост». Потом улыбнулся и сказал: «А в общем, я думаю, что Вы не нуждаетесь в том, чтобы говорить Вам комплименты».

За ужином он рассказывал всякие волжские истории — про капитанов, матросов, рыбаков.

Что тебе сказать? Такие встречи не забываются,

остаются на всю жизнь[231].

Получил вчера первый читательский отзыв из Донбасса, с шахты «Холодная балка»[232]. «Глюкауф» им понравился.

Рабочая группа эсперантистов предлагает перевести его на язык эсперанто[233]. Представляю, какой у него получится вид после этого.

Последние пару дней я не пишу, забили дела с литературной правкой рукописи и пр.

Пиши мне, дорогой мой.

8. V.34 г. Целую тебя, Вася.

Привет Ольге Семеновне и Ларисе.

Твое письмо относительно решения перейти в Институт прикладной минералогии я получил. Почему ты опять заколебался? По-моему, это нужно сделать. Летние планы пока очень

---

[231] Примечания: 231

В автобиографии 1952 года Гроссман пишет: «В мае 1934 г. меня вызвал к себе А. М. Горький. Встреча с Горьким определила мое решение стать писателем» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 39. Ед. хр. 1658. Л. 10). Подробнее об обстоятельствах встречи Гроссмана с Горьким можно прочитать в воспоминаниях Федора Левина (Левин 2015).

При этом в неопубликованных «Немногих записях» Гроссман пишет о Горьком с меньшим пиететом: «Горький так серьезно относится к литературе и предъявляет к ней столько солидных и чопорных требований, что он подобен больной ревматизмом старушке, которая забыла, что водкой можно натирать не только поясницу, но и пить ее стопочками» (недатированная запись середины 1930-х годов; Коллекция Гроссмана в Гарвардском университете: HCL. GC. B. 1. G.1).

[232] Примечания: 232

Угольная шахта рядом с Макеевкой.

[233] Примечания: 233

Движение эсперантистов активно развивалось в СССР в 1920-е — первой половине 1930-х годов. Во второй половине 1930-х годов Союз эсперантистов советских республик (до 1927 года — Союз эсперантистов советских стран), хотя и не был официально распущен, фактически прекратил существование, поскольку руководители союза и многие его члены были репрессированы (см.: Lins 2016).

неопределенны. Улыбается Алтай, да уж больно далеко ехать.

91

16 мая 1934, [Бердичев][234]

Дорогой батькос, пишу тебе, сидя в Бердичеве. Приехал я 13-го числа утром, а завтра (17-го) уезжаю. Обстоятельства сложились таким образом, что не смогу пробыть дольше, хотя мне этого очень хочется.

Катюша вытянулась, стала длинной, «взрослой», говорит обо всем, шалит, меня признала, виснет на мне, «это мой папа», объясняет она всем. Мама выглядит неплохо, в общем, но очень устала и изнервничалась. Устроилось дело с ее курортом — 1 июля она поедет в Одессу месяца на полтора на Лермонтовский курорт.

Мои летние планы пока что очень неопределенные. Пока что мне нужно быть в Москве,

---

[234] Примечания: 234

Две части этого письма хранятся в РГАЛИ разрозненно, первая ошибочно помещена в папку с письмами за 1933 год (РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 67. Л. 5), а окончание письма, начиная со слов «приятные алтайские воспоминания», содержащее датировку, хранится в папке с письмами за 1934 год (РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 12). У нас нет сомнений в том, что это письмо относится к 1934 году, в частности, потому, что отец Гроссмана начал работать в Прокопьевске именно в это время, а кроме того, в следующем письме от 26 мая 1934 года Гроссман повторяет, что его мать купила путевку в Одессу с первого июля.

делов там всяких много. Однако думаю, что в середине лета я освобожусь.

За эти несколько дней, что сижу в Бердичеве, я порядочно отдохнул, главным образом нервами, однако чувствую, что не мешало бы отдохнуть подольше и посерьезней.

Батькос, что это ты полон беспокойст⟨в⟩ всевозможного свойства по моему поводу? Ей-богу, странно.

Ты решил ехать в Прокопьевск?[235] Во всяком случае, не связывай себя никакими обязательствами на долгие сроки, чтобы можно было уйти оттуда. У меня, как полагается, разболелись зубы неожиданно. Это меня навело на приятные алтайские воспоминания. Получилась ли газета с рассказом моим? Он, между прочим, уже напечатан в журнале[236].

Пиши мне, конечно, на московский адрес.

Целую тебя,

Вася.

Привет Ольге Семеновне и Ларисе.

---

[235] Примечания: 235

Прокопьевск (Кемеровская область) — один из крупнейших угледобывающих городов России.

[236] Примечания: 236

Вероятно, речь идет о рассказе, ранее выходившем под заглавием «Большевик» и опубликованном в третьем номере журнала «Литературный Донбасс» под заглавием «Отдых» (Гроссман 1934m).

16. V.34 г.

92

26 мая 1934, [Бердичев]

Дорогой батькос, получил твое письмо, где наводишь на меня критику. Ладно, критикуй. В ближайший месяц вышлю тебе еще материал.

Прежде всего, вот о чем.

Предложение ехать в Тулу, по моему мнению, превосходно во всех отношениях. Ведь Тула, черт возьми, в четырех часах езды от Москвы, и я знаю, что все служащие в Туле ездят в выходные дни в Москву, как из Святошина ездят в Киев. Затем, работа там, вероятно, налажена и представляет большой интерес. Ответил ли ты им? Что ответил? Как и когда возможно оформить все это дело? Напиши мне об этом обязательно.

Относительно моего летнего отдыха дело складывается так, что он будет, вероятно, перенесен на осень, так как сейчас я занялся работой. Вероятно, в ближайшие 20 дней поеду в Сталино собирать нужный мне материал. Пробуду там дней 10 либо недели 2.

Вообще же живу я здесь прямо в санаторных условиях, ем, пью (молоко) и вешу на 2 кг больше, чем при отъезде из Чемала. Так что спешки

большой с отдыхом нет.

Что это ты так охаял мою углехимическую знакомую? По-моему, зря. Она очень милая женщина.

Мама купила путевку в Одессу, поедет туда с 1 июля, я очень рад этому. Ей непременно нужно хорошенько подлечить ногу, отдохнуть, успокоить нервы. После Одессы, вероятно, приедет в Москву.

Пиши мне. Целую тебя,

Вася.

Привет Ольге Семеновне и Ларисе.

26. V.34 г.

93

11 июня 1934, [Москва]

Дорогой мой блудный батько, получил сегодня твое письмо из Прокопьевска и очень ясно представил себе твою жизнь в этом далеком и одиноком поселке. Степь… Китайцы… Пустые комнаты института… И меня потянуло к тебе приехать, сесть с тобой и отговорить про всю жизнь. Почему ты все-таки решил ехать в Прокопьевск? Ведь были у тебя хорошие новосибирские предложения, а в одном из последних писем ты писал о том, что тебе предлагают работу в Туле

по бурым углям? Мне думается, что этот свой переезд ты должен рассматривать как сугубо временный и что примиряться на этом прокопьевском бытии ты никак не должен. Может быть, для перемены места тебе нужен некоторый «материальный плацдарм». Имей в виду, что мои дела теперь таковы, что создать его не представит затруднения. Очень прошу тебя отнестись к этим моим словам с полной серьезностью и иметь меня в виду «как фактор». Напиши мне по этому поводу, прошу тебя: неужели ты рассчитываешь длительное время пробыть в сих прокопьевских дебрях. Затем ты писал о том, что у тебя будет возможность приехать в Москву, в довольно длительную командировку. Каковы перспективы в этом отношении, не нарушены? Когда примерно возможен твой приезд? Напиши также, каковы перспективы твоей работы в самом Прокопьевске, что собираетесь делать, какие вести исследования, какие человеческие и материальные возможности открываются перед вами, по-прежнему ли вы будете так стеснены, урезаны и сжаты.

Ты спрашиваешь о моих делах. Я работаю, пишу свой новый роман, он получается какой-то необычный, иногда меня это даже пугает. Как

раз сегодня дописал последнюю страницу первой части его[237], очевидно, сделаю довольно длительный перерыв, нужно как-то внутренне организоваться для писания второго этапа, а я совсем не готов для этого. Очень неясно видно через «магический кристалл», сей оптический инструмент менее удобен, чем цейсовский микроскоп или простая лупа. Думаю пока писать рассказы и там снова возьмусь за своего кита.

Это, так сказать, дела внутренние, следовательно, наиболее важные. Внешне дела примерно таковы. «Глюкауф» уже набран в альманахе «Год семнадцатый», к съезду писателей (25 июня) появится в свет. Отдельной книжкой он выйдет в августе месяце. В журнале «30 дней» сейчас печатаются 3 моих рассказа и, вероятно, к тому же времени, как альманах, будут «обнародованы» (в № 6)[238]. Кроме того — сборник новелл Моск⟨овского⟩ тов⟨арищества⟩ писателей тоже печатается,

[237] Примечания: 237

Речь о ранней неоконченной редакции будущего романа «Степан Кольчугин», которая изначально имела название «Степан Павлов».

[238] Примечания: 238

В шестом номере 1934 года журнала «30 дней» вышли рассказы «Горе» (Гроссман 1934h), «Молебен» (Гроссман 1934k) и «Счастье» (Гроссман 1934n).

в нем имеются также три моих рассказа[239].

Горький предисловия к «Глюкауфу» не написал, т. к. в связи со смертью сына довольно продолжительное время не работал[240]. Ну, вот информация по моим литер(атурным) делам. Конечно, как только что-нибудь будет напечатано, пришлю тебе.

О личных моих делах писать нечего — пусто. Весьма грязные неприятности были у меня с Витей и тетей Лизой, которые решили, что я заработал 15 тыс. рублей, и обвинили меня в «сокрытии своих доходов», скупости и пр. Витя даже поспешил написать дяде Давиду, с тем чтобы тот наконец открыл глаза на гроссмановское засилие и начал компенсировать долги. Меня это все приводит к глубокому убеждению о необходимости перевезти маму и Катюшу к себе, но это упирается в квартиру, а издательства, к сожалению, мне должны не 15 т., как представил себе Витя, а только 5, а на эти деньги квартиры не купишь. Очень бы мне хотелось с тобой подробно огово-

---

[239] Примечания: 239

О сборнике см. письма отцу от 24 января (с. 137–138) и 19 февраля 1934 года (с. 140).

[240] Примечания: 240

Сын Горького Максим Пешков умер 11 мая 1934 года в возрасте тридцати шести лет.

рить все эти дела, посоветоваться. Пиши мне, мой дорогой, чаще, пиши подробно, ответь на все мои вопросы. Пиши также о перспективах отпуска, о здоровье своем.

Целую тебя крепко, твой Вася.

Мой теплый привет Петру Михайловичу, каково ему живется?

11. VI.34 г.

94

30 июня 1934, Москва

Дорогой батькос, не писал тебе, так как только вчера приехал и нашел твое письмо.

Я ездил на 10 дней на озеро Селигер отдыхать. Поездкой этой остался доволен. Вдоволь нагулялся по сосновому лесу, покатался на лодке, повидал всяких интересных вещей.

В Москве предпринял некое решенье: вчера дал согласие участвовать в авторском коллективе по истории Магнитостроя[241]. Вероятно, 15-го выеду в Магнитогорск, пробуду там дней 10–15. Работа эта представляет очень большой интерес.

---

[241] Примечания: 241

Часть проекта Горького по изданию книг, посвященных истории фабрик и заводов, начатого в 1931 году. Группа авторов работала над подготовкой «Истории Магнитостроя» до 1936 года, но книга так и не была завершена и издана.

Изучить самое гигантское строительство первой пятилетки — значит глубоко проникнуть в «корень», понять ведущую ось эпохи. Однако я оговорил, что работа эта будет не моей основной работой и что параллельно я буду продолжать работу над своей книгой.

Вероятно, дней через 10 выйдет уже в свет альманах с «Глюкауфом». О конфликтах семейного порядка писать больше не стоит, думается мне, что прав я, а не тетя с Витей. То, что ты пишешь по этому поводу, совершенно верно. Тетенька думает, что Надя центр мироздания, а мама и Катя существуют между прочим, «им можно изредка послать посылочку». Вопрос этот решился иначе.

Меня ужасно поразило, удивило и почему-то насмешило, что Мордкин и Батшева окажутся у тебя под боком. Вот так номер! Дорогой мой, будь тверд в намерении уйти из этого института. Ничего хорошего и интересного ждать от него нельзя. Еще раз напоминаю тебе о «плацдарме», ну да это настолько очевидно, что говорить об этом даже не стоит.

Почему ты ничего не пишешь о том, что делаешь сейчас? Развернули ли понемногу работу?

Мама, должно быть, уже в Одессе. Мне очень хочется взять Катюшу в Москву. Думаю, что по

возвращении с Магнитки можно будет это сделать.

Представляю себе (в мечтах), как мы с ней ходим в зоологический сад и ведем философский разговор, кто толще — бегемот или слон?

Пиши мне, дорогой мой, надеюсь, что ничто не помешает нам увидеться осенью. Целую тебя, Вася.

Привет Андрееву.

Будешь писать Ольге Семеновне, кланяйся ей от меня.

30. VI.34 г.

Москва

95

22 июля 1934, [Москва]

Дорогой батькос, меня очень беспокоит отсутствие писем от тебя. Почему ты вдруг умолк? Очень прошу тебя нарушить молчание.

Я сегодня получил билет, завтра еду в Магнитогорск. Еду ненадолго, вероятно, числа 15-го буду уже обратно в Москве. Новостей особенных у меня нет, вышел в свет альманах, напечатаны в журнале «30 дней» мои рассказы. Я не в особенном восторге от перспективы писать историю Магнитогорска, и возможно, что по возвращении

в Москву откажусь от этого. Очень прошу тебя, напиши подробно о себе, что с здоровьем твоим, как работа, когда сможешь уехать.

Крепко тебя целую,

твой Вася.

22. VII.34 г.

96

30 июля 1934, [Магнитогорск]

Дорогой батькос, сижу уже 4 дня в Магнитогорске. Заводище громадный. Сталинский завод[242] по сравнению с ним кажется карликом. Осмотрели уже доменный, коксовый, мартеновский цеха. Впечатление очень большое, но о чем и как писать, совершенно не ясно. Смущает меня бригада, с которой я приехал, уж больно неподходящие мне люди[243]. Я все время беспокоюсь тем, что у тебя слышно, ведь я уехал из Москвы, так и не получив от тебя письма. Пиши мне на Москву. Может быть, если на вагоне угля, приходящем

[242] Примечания: 242

Донецкий металлургический завод с 1924 по 1967 год назывался Сталинским.

[243] Примечания: 243

В редколлегию «Истории Магнитогорска» летом 1934 года входили, кроме Гроссмана: А. Толстой, А. Малышкин, В. Шкловский, В. Вернер, В. Агапов, В. Перцов, В. Кушнер, А. Виноградов, С. Виноградская, М. Рахтанов, В. Виткович, Т. Тэсс, Г. Бутковский, А. Авдеенко (Баканов 1996).

сюда из Кузбасса, написать тебе мелом привет, ты его прочтешь через несколько дней. Однако предпочитаю более верный способ общения.

Вероятно, числа 12-го выеду в Москву.

Устроен я здесь «по-царски» — квартира, питание и пр.

Целую тебя,

Вася.

Пиши!

30. VII.34 г.

97

[Август 1934, Москва]

Дорогой батькос, вернулся вчера из Магнитогорска. Нашел твое письмо и, поругавшись, успокоился. Очень хорошо, что все благополучно.

Я никого еще не видел в Москве, ничего не знаю и не берусь сегодня решить свои дальнейшие планы — буду ли я возвращаться на Магнитку и сидеть там 3–4 месяца, т. е. начну по-настоящему работать по истории Магнитогорска, либо откажусь от этого дела. За и против есть много соображений. Но, помимо соображений, есть и такой момент — «душевно» мне не хочется лезть в эту работу. В общем, будет видно в дальнейшем,

пока же до выяснения московских дел решать нельзя. Самый завод производит большое впечатление — таких чудовищных доменных печей я не представлял себе — печь выпускает в сутки 1500 тонн чугуна! Нечто вроде Везувия. Видел много всяких людей интересных и даже замечательных — героев строительства. Впечатление же в общем сложное, не целостное, т. к. много там всякихчпротиворечий, подчас вопиющих. Очень тяжелы жилищные условия[244].

Дорогой мой, конечно, если Ольга Семен⟨овна⟩ будет в Москве, я сделаю все, что нужно будет, и «пожертвую» (так ты пишешь) несколькими днями времени.

Здесь я застал невеселые новости — на прошлой неделе умерла тетя Берта, мать Клары. Нашел открытку от Добы Мееровны из Сталина, в июле умер от воспаления легких Наум Наумович. Получил письмо от мамы — у нее очень нехорошее настроение — болезнь и смерть тети Берты ее сильно угнетают, письмо полно мрачных, тяжелых мыслей. Сильно повлияли на нее грязные выходки Вити и нехорошее отношение к ней

[244] Примечания: 244

Первыми жилищами рабочих в Магнитогорске были палатки, и даже в конце 1930-х годов землянки и бараки составляли большую часть городского жилья (см.: Федосихин и др. 2019).

т⟨ети⟩ Лизы. Меня это очень огорчает. Мама живет в Одессе сейчас, кончила лечение — теперь проводит «Nachkur»[245] у своих одесских друзей.

Катюша здорова и благополучна, пишут, что драчлива чрезвычайно.

От Нади писем не имею, ей там, конечно, очень одиноко, но материальных бед она не терпит.

Почему ты ни единым словом не обмолвился о своей работе, как и что? Я, между прочим, осматривал магнитогорскую лабораторию центральную — зрелище довольно-таки убогое, она никак не подходит к этому гиганту, весьма захудалая, а заведующий в ней — пренеприятный зубр, помесь Ратнера с Мордкиным.

Тянет меня на Алтай, вспоминается наша чудесная поездка. Ох, ох.

Пиши мне, дорогой мой, пиши побольше о себе. Целую тебя крепко. Твой Вася.

Когда получу свои книги, вышлю тебе, пока же у меня только один номер альманаха.

98

8 сентября 1934, [Москва]

Дорогой мой, получил твое письмо и был очень

---

[245] Примечания: 245
Постлечение, реабилитация *(нем.)*.

рад ему. Мне было очень приятно читать, что работа в Институте сошла с мертвой точки. Независимо от того, будешь ли ты там работать или нет, несравнимо приятней уйти с работы с сознаньем и чувством оставленного живого дела. Одновременно меня обеспокоило то, что ты пишешь о своем здоровье. Почему ты плохо питаешься? Возьми работницу, пусть тебе готовит. Чуешь, батько?

Хочется видеть тебя. С моими планами вопрос еще не решен, но я склоняюсь к тому, чтобы не ехать в Магнитогорск. Видишь ли, те доводы, которые ты приводишь «за», не совсем действительны. Завод-то я, конечно, посмотрю, но за это «посмотреть» нужно будет год работать, и работать не то, что хочется. Кроме того, повторяю, бригада, с которой бы мне пришлось работать, мне в общем несимпатична, несимпатична и в частности. Ведь люди эти должны стать не просто моими сослуживцами, а «собратьями» по коллективному труду, людьми, которые станут направлять мою работу, короче, людьми, с которыми я пишу одну книгу. Вот эти доводы меня

сильно удерживают[246].

В Москве мои дела идут таким образом: я читаю много по вопросам философии, истории рабочего движения (для книжки), пишу мало. На литературном моем пути начали появляться камешки, а не только цветы. Главный вырезал из идеологических соображений 3 моих рассказа из уже сверстанного журнала, покритиковал меня какой-то чудак в газете[247], и еще кое-какие радости такого же сорта. Сие меня не огорчает, ибо дорога вообще не легкая, и будут на ней и не такие еще камешки, а побольше.

Огорчает меня другое, это полное мое одиночество. Здесь есть у меня новые друзья — настоящие люди, умные и благородные, писатели Губер[248], Зарудин, Катаев. Но, кроме них, нужно мне еще

---

[246] Примечания: 246

См. о коллективе «Истории Магнитостроя»: «…в сентябре 1934 года авторский коллектив вновь обновился, были окончательно утверждены авторы глав и частей „Истории…“. Это — Кушнер, Шкловский, Малышкин, Гроссман, Виноградская, Чаган, Перцов, Тэсс, Бондарин и Рахтанов… Шкловскому и Кушнеру поручено провести переговоры и привлечь к авторству Тынянова, Паустовского и других — по своему усмотрению. ⟨…⟩ С Кушнером и Шкловским заключены трудовые соглашения, устанавливающие срок окончательной „разработки“ книги к 15 февраля 1935 года» (Баканов 1996).

[247] Примечания: 247

О какой именно публикации идет речь, пока не установлено.

[248] Примечания: 248

Борис Андреевич Губер (1903–1937) — поэт и прозаик, участник лите-

ратурной группы «Перевал», друг Александра Воронского; редактор повести «Глюкауф» в Московском товариществе писателей в 1932–1933 годах (Левин 2014). Арестован в 1937 году по обвинению в подготовке вместе с другими перевальцами убийства Ежова, приговорен к расстрелу; реабилитирован в 1956 году. Был женат на Ольге Михайловне Губер (Сочевец), которая в 1935 году ушла от него к Гроссману. Отец Михаила и Федора Губеров.

кое-что, как ты понимаешь, ибо человек устроен не просто, к сожалению, и двухчасовая беседа с товарищем раз в 3–4 дня еще не все, что нужно человеку. Не знаю, хорошо ли это или плохо, но это так. И тут ничего не попишешь. Дома же у меня, как на грех, скверная обстановка — Вадя, его супруга, тетя Лиза, дай ей бог здоровья, люди, которые меня не только не удовлетворяют, но, наоборот, раздражают, всем своим видом, словами и действиями подчеркивая мое одиночество среди них. Нет того, что называется, семейной среды! Ну да не стоит тебе об этом писать, так как я из твоего письма увидел, что ты, сидя в Прокопьевске, это прекрасно понимаешь и выражаешь мне «соболезнование» по этому поводу.

Получил сегодня письмо от мамы, она уже в Бердичеве, пишет, что Катюша ее встретила очень бурно и радостно, вопила не своим голосом: «Бабушка приехала, бабушка приехала!», но что выглядит Катенька скверно — худа и бледна, должно быть глисты.

Книжка моя выйдет в самые ближайшие дни[249], конечно, пошлю ее тебе, если достану

[249] Примечания: 249

Речь по-прежнему о повести «Глюкауф», вышедшей в 1934 году и в журнале «Литературный Донбасс» (Гроссман 1934e), и в альманахе «Год семнадцатый» (Гроссман 1934g), и отдельной книгой (Гроссман 1934f).

альманах, то и его вышлю.

Пиши мне, дорогой мой, пиши побольше о себе. Целую тебя крепко.

Твой Вася.

8 сент. 34 г.

99

23 сентября 1934, [Москва]

Дорогой батькос, получил сегодня твое письмо. Да, не весело устроилась твоя жизнь. Надо с этим делом кончать, ставить сразу точку. Не тяни ни в коем случае позже намеченного тобой срока — января[250].

Ты спрашиваешь о моих обстоятельствах? От Магнитки я отказался и в тот же день получил телеграфное предложение участвовать в новой коллективной книге «Человек первой и второй пятилетки»[251]. Вчера я уже подписал договор — книга эта во много раз симпатичней. Во-первых, писать я буду не историю, а просто повесть, художественную, о новом человеке — пролетарии Московского завода им. Сталина

---

[250] Примечания: 250

Возможное прочтение — «1 января».

[251] Примечания: 251

[3]См. примеч. 4 к письму Гроссмана отцу от 26 апреля 1934 (с. 148).

(автомобильный, бывш⟨ий⟩ «Амо»)[252]. Во-вторых, на заводе этом я буду работать в коллективе с двумя милыми моему сердцу людьми — Катаевым и Зарудиным. Эта работа будет интересна и приятна. На заводе нам дадут комнату, и некоторое время мы будем жить там[253]. Наконец, материально это меня тоже устраивает: договор я подписал на 4 печат⟨ных⟩ листа, по 1000 р. за лист, и, кроме того, в то время, что буду изучать завод и людей, будут платить жалованье — 600 р. в месяц.

Ну вот. Вчера послал тебе номер альманаха и отдельную книжку «Глюкауфа» — надеюсь, получишь их. Сейчас пишу рассказы. Четыре рассказа приняты уже в журналы и будут напечатаны в ноябрьской и декабрьской книжках[254].

---

[252] Примечания: 252

[4]С 1956 года — Завод имени Лихачева, ЗИЛ.

[253] Примечания: 253

Эти надежды Гроссмана не оправдались. Условия, в которых приходилось работать авторам, описаны Григорием Корабельниковым в письме Горькому от 2 февраля 1935 года: «И наконец последнее: Коллектив работает в условиях невозможных. Мы ютимся по доброте редакции альманаха в небольшой комнате. Когда мы начали составлять хроники двух пятилеток, то обнаружилось, что газетами завалили комнату до потолка, пришлось, как отходникам, „растащить“ работу по квартирам» (ИМЛИ. АГ. КГ-изд. 36-12-8. Л. 4–5).

[254] Примечания: 254

В одиннадцатом номере журнала «Знамя» за 1934 год были напечатаны рассказы «Женщина» (Гроссман 1934i) и «Жизнь Ильи Степановича»

(Гроссман 1934j); в одиннадцатом номере журнала «30 дней» — рассказы «Главный инженер» (Гроссман 1934d), «Москва» (Гроссман 1934l).

Подумываю уже об издании отдельной книжки рассказов. В общем, дела идут хорошо — чувствую, что, куда ни прихожу, ко мне относятся с интересом, уважением. Что касается временных заминок, о которых я писал тебе, то они прошли уже, скоро, верно, будут новые. Но, батькос, жизнь — это заминка, которая проявляется то так, то эдтак. Преодолеешь ее в «личном», она пролезет в «общественном», а потом обратно, а то сразу вылезет и в личном, и в общественном.

Насчет «личного», ты, как полагается умудренному опытом отцу, предостерегаешь меня от необдуманного устройства своей личной жизни. Все это верно, видит Бог, я это знаю. Ты упоминаешь в своем письме о Лёве Левине, и по странному совпадению почтальон вместе с твоим письмом принес мне письмо от него. Он хочет поделиться со мной своим отчаянием, излить душу — он без работы, у него трое детей, они голодают, и он пишет: «Вот уже очень долго, как я перестал жить сознательной, осмысленной жизнью и все свое время посвящаю унизительной погоне за хлебом и деньгами»[255]. Но вот, как тяжело и несправедливо сложилась жизнь прекрасного

[255] Примечания: 255

Далее фраза, вычеркнутая рукой Гроссмана: «Я, конечно, помогу ему материально».

человека, настоящего революционера, человека чистого сердца и детской честности. На очень тяжелые мысли навело меня его письмо. Почему, какой внутренний смысл в такой несправедливой судьбе? Из всех моих товарищей, имевших «мечту для себя», я, кажется, единственный, осуществляющий жизнь так, как хотелось. И из всех моих товарищей один, имевший жизненную дорогу «не для себя», — Лёва Левин, почему-то так жестоко бит жизнью.

Пиши мне, дорогой мой, не женись на немецкой племяннице! Пиши подробно обо всем.

Крепко тебя целую.

Твой Вася.

23 сентября 34 г.

Помни о курсе на юго-запад!

100

26 сентября 1934, [Москва]

Дорогой мой, писал тебе недавно довольно подробно о своих делах. Теперь в связи с тем, что предстоит год тяжелой работы, вдруг решил устроить себе «променад», пошел на городскую станцию и купил билет — завтра еду в Нижний и оттуда пароходом в Астрахань. Поживу у Нади дня 3–4 и обратно — буду в Москве к 10 октяб-

ря и сразу же приступлю к работе. За эти дни произошли приятные новости. Первая часть моего нового романа получила полное одобрение Всев⟨олода⟩ Иванова, замест⟨ителя⟩ Алексея Максимовича по альманаху[256]. И если Горький по возвращении это также подтвердит, то он будет печататься в шестой книге (пятая уже в наборе). Приятно и то, что Иванову было послано на отзыв 50 печатных листов и он отверг их все, кроме моей вещи. Есть новости и менее приятные, почему-то задерживается статья обо мне в «Красной нови»[257], но это длинная история, и я ее расскажу тебе, когда приедешь.

Дорогой мой, считаю нужным тебе еще раз напомнить, что если в твоих планах играет роль материальный риск и это задерживает тебя, то я берусь это ликвидировать — очень прошу тебя помнить это и момент «материальной заинтересованности» в сибирском бытии своем решительно отбросить. Пиши мне, как будто я

---

[256] Примечания: 256

Писатель Всеволод Вячеславович Иванов (1895–1963) состоял в редколлегии альманаха «Год...» с самого первого выпуска. С 1934 года он занимал и ряд высоких должностей в Союзе писателей: был одним из секретарей его правления и председателем Литфонда.

[257] Примечания: 257

Статья А. Лежнева «Чувство товарищества (О Василии Гроссмане)» вышла в «Красной нови» в 1935 году (Лежнев 1935).

в Москве, так как, пока обернутся письма, я уже вернусь.

Целую тебя, Вася. 26.IX.34 г.

101

2 ноября 1934, [Москва]

Дорогой батькос, вот уже 12 дней, как ты уехал, и письмишки мне не собрался написать. Вчера приехала Ольга Семеновна — я был ей очень рад. Ее встречала племянница Галя. Выглядит Ольга Семеновна хорошо, настроена тоже хорошо, но я понимаю, что «внутри» она волнуется, удастся ли ей устроить все свои дела. Я думаю, что ей все удастся — человек она напористый и вообще, мне думается, достойный удачи. Сегодня она после своих дел поедет к Гале в Воскресенск, а вообще я ее пригласил жить здесь, благо тетушки почти все время живут у Вити. Рассказывает Ольга Сем(еновна), что в Сибири холодно, идет снег. И меня взяла грусть за тебя, надо скорей тебе выбираться оттуда, хорошего понемножку. Не затягивай, пожалуйста, своих дел, помни о том, что в декабре условились с тобой свидеться снова и уже на более продолжительное время.

Пока что пиши о том, какие у тебя новости, как с работой, новыми работниками, устроился ли

ты в бытовом отношении, или по-прежнему нет у тебя ни завтраков, ни ужинов. Напиши, может быть, нужно тебе что-нибудь из вещей теплых достать здесь — достану, мне дали распределитель гортовский.

От мамы имел две открытки, Катюша все болеет, сейчас у нее грипп. Маму это очень волнует и огорчает, а меня тоже, и за Катюшу, и за маму вместе.

Что писать о себе? Ездили на Автозавод, договаривались с тамошним начальством, приняли нас хорошо, обещали в ближайшие дни дать комнату в заводском доме. Осматривали завод — очень культурно, чисто, хорошо. Плюют в плевательницы, полы моют, двор асфальтирован и подметен, нет шума и суеты, и не верится, что на этом тихом заводе работает 30 000 человек. Вероятно, к 10–15-му начнем туда перебираться основательно. Я все же не в восторге от всего этого, так как снова взялся за свою книгу и охотней всего сидел бы дома и писал. Надеюсь, правда, что и там это мне удастся делать.

Вот, пожалуй, и все мои новости — если не считать того, что раза два «крупно» погулял. Настроение ровное, хочется работать очень много, и думаю, это мне удастся.

Пиши мне поскорей обо всех своих подробностях.

Целую тебя крепко, Вася.

2. XI.34 г.

Мама пишет, что часто писала тебе и, между прочим, послала заказным письмом фотографию (ту, что тетя показывала) и что это было порядочно времени тому назад — получил ли ты их?

102

23 ноября 1934, [Москва]

Дорогой батькос, не писал тебе, никак не мог собраться. Как всегда бывает, когда растеряешь свое время и дезорганизуешься, то не можешь собраться. А я теперь все начинаю и никак не могу начать работать на заводе, и вот это состояние начинающейся завтра работы меня выводит из колеи. То задержка с комнатой, то у моих собригадников срочная работа, и мы всё откладываем, и мне, грешным делом, уже хочется совсем отложить это дело — надоело. Ольга Семеновна исчезла на 5 дней — жила у Вити Ведражко, сегодня появилась на несколько минут и убежала в Боткинскую больницу — так спешила, что не успела рассказать своих новостей и перспектив. Она уже работает не то в больнице, не то в инсти-

туте и собирается переходить на другую, лучшую работу. В общем, у нее дело, очевидно, идет на лад. Она обещала сегодня зайти и рассказать подробно о своих делах. Тетя 25-го уезжает в Астрахань, уже купила билет и уложила вещи. Вадя месяц пролежал в постели — заболел подагрой. Это в порядке информации о семейных делах.

О литературных делах — 16 ноября был напечатан в «Литературной газете» подвал о «Глюкауф»[258]. Его расценивают как весьма хвалебный, хотя меня там довольно основательно кроют. Вероятно, ваша библиотека выписывает газету и ты сможешь достать этот номер. У меня же, к сожалению, есть только один, и мне хочется его сохранить.

Журналы, в которых печатаются мои рассказы, еще не вышли, вероятно, выйдут на этих днях. Пошлю их тебе (хотя ты, кажется, рассказы эти читал).

Горький прислал отзыв по поводу моего нового романа — более чем кислый[259]. Я его еще

---

[258] Примечания: 258

Речь о статье Георгия Мунблита «Мера и грация» (Мунблит 1934).

[259] Примечания: 259

Отзыв Максима Горького на первую часть неоконченной ранней редакции романа «Степан Кольчугин» (изначальное название — «Павел Степанов») сохранился в его личном архиве (ИМЛИ. АГ. ПГ-рл. 11–28–1).

не читал, но мне передали «предварительно». Это известие меня не привело в восторг, должен тебе сознаться. Но… всем понравиться нельзя, это преимущество умеренно-полных блондинок с ярко-голубыми глазами и с жизнерадостным характером. Я не блондинка. И я лишен этого преимущества.

В ближайшие дни, вероятно, заключу договор на книжку рассказов — куда войдут все написанные мною рассказы, около 7 печатных листов[260]. Эта книжка будет для меня приятнее, чем «Глюкауф», так как рассказы свои люблю больше, они, кажется, лучше написаны.

Напиши мне подробней о своих делах, как и что? Вернулся ли директор из Москвы, что привез? У вас, вероятно, уже зима, снег? А здесь зимой еще не пахнет, но погода прямо-таки отвратительная — дожди, туманы, сырость. Пиши мне, пожалуйста. Крепко целую тебя, твой Вася.

23. XI.34 г.

---

[260] Примечания: 260

Речь о сборнике рассказов «Счастье», вышедшем в 1935 году в издательстве «Советский писатель» (Гроссман 1935с). В него, однако, вошли не все написанные к тому времени рассказы. Например, в книгу не был включен рассказ «Молебен» (1930) и короткие рассказы (РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 70).

103

16 декабря 1934, [Москва]

Дорогой батькос, пишу тебе коротко, так как спешу ехать на завод. Меня очень огорчило твое письмо. Неужели дело обстоит таким образом, что нужно сложить оружие и остаться на неопределенное время в Прокопьевске? Мне кажется, что нужно воевать дальше и что ты добьешься того, что тебя отпустят. Может быть, следует ходатайствовать через голову директора, непосредственно в ВЦСПС? Мне думается, что так и следует сделать. Во всяком случае, примиряться на таком положении — ни в коем случае нельзя.

Ольга Семеновна исчезла, не появляется на Беговой. Написал ей сегодня открытку на адрес Вити Ведражко. Получил только что большое письмо от мамы и Катины рисунки — папа (я) в громадных очках и второй — зеленый огурец в натуральную величину.

Я работаю на заводе — стою у малого конвейера, на сборке автомобильного мотора. Много интересного — люди и работа.

Напиши мне поскорей, как разворачиваются дела, есть ли новости? Может быть, ты просто приедешь хотя бы в отпуск и тут начнешь хло-

потать в ВЦСПС о том, чтобы тебя отпустили или перевели. Ну, должен бежать.

Целую тебя крепко,

твой Вася.

16. XII.34 г.

104

5 февраля 1935, [Москва]

Дорогой батькос, наконец-то получилось от тебя письмо, разрешившее беспокойства и недоумения. Почему ты не написал сразу о том, что задерживаешься? Ну ладно. Будем ждать тебя к 20 февраля, надеюсь, что на сей раз ты не задержишься.

Не будем загадывать о московских перспективах, надеюсь, что дела сложатся благополучно и тебе удастся бросить здесь якорь. Думается мне, что в самом ВЦСПС было бы лучше всего тебе устроиться.

Приедешь сюда, все будет видней.

Ты спрашиваешь о моих делах. Я по-прежнему работаю на заводе. Эта работа имеет в себе много положительного и в то же время и не меньше отрицательного. В смысле непосредственного литературного материала она дает немного, отнимает много сил и еще больше времени. По-

ложительными сторонами ее является то, что она связывает с жизнью, производством, живыми людьми, основными отношениями между людьми.

Думаю, что месяца полтора она еще отнимет у меня.

Живу я не на заводе, а дома, т. к. жизнь в поселке совсем выбивала меня из колеи.

В настоящее время, помимо работы на заводе, я занят писанием сценария по сюжету «Глюкауф»[261]. Работа эта отнимет еще недели три, она весьма интересна и еще более сложна, но все же особенного удовлетворения мне не приносит, носит как бы прикладной характер. Подписал договор с издательством об издании книжки рассказов. Книжка получится небольшая, немногим больше 6 листов. Ее на днях сдают в производство, и нужно думать, что месяцев через 5–6 она выйдет в свет.

Ну вот. Кроме того, в № 11 журналов «Знамя» и «Тридцать дней» напечатаны 4 моих расска-

---

[261] Примечания: 261

Позже, в 1935 году, этот сценарий, заказанный кинофабрикой «Рот-Фронт» «Межрабпомфильма», будет перерабатывать Андрей Платонов. «По договору с кинофабрикой… Платонов должен был выполнить до 15 декабря 1935 г. работу по „написанию заново“ диалогов, переработку сцен и разработку ролей сценария „Глюкауф“… Съемки начались, но до конца не были доведены: летом 1936 г. „Межрабпомфильм“ ликвидируют и фильм снимают с производства» (Роженцева 2013).

за[262]. Вот, пожалуй, и все о моих лит⟨ературных⟩ делах.

Полагаю, что их нужно поднимать на высшую ступень, ибо настоящим делом я не занимаюсь, все это дела прикладные.

В личной жизни у меня по-прежнему пустота. Да, по правде говоря, я сейчас так занят, что и некогда думать об этом — возвращаюсь с завода к 2 часам ночи, но ощущение пустоты есть. Иногда даже весьма и весьма сильное.

Дорогой мой, я очень хочу тебя видеть и очень жду тебя. Приезжай, как только будет к тому первая возможность, а пока пиши, ставь в известность о своих делах, не создавай переляку[263].

Целую тебя крепко. Твой Вася.

Привет Андрееву.

5. II.35 г.

105

4 апреля 1935, [Москва]

Дорогой батькос, я договорился с Губером встретиться у него. Вероятно, там и буду обедать.

---

[262] Примечания: 262
См. примеч. 1 в письме отцу от 23 сентября 1934 года (с. 162).

[263] Примечания: 263
Переляк *(укр.)* — страх.

Вася.
4. IV.35 г.

106

15 апреля 1935, [Кадиевка]

Дорогой батькос, совершенно не знаю, где ты сейчас, но рассчитываю, что ты должен к этому времени вернуться в Москву. Был ли в Бердичеве, Киеве? Как твоя рука? Все сие не известно. Я сейчас нахожусь в Кадиевке, послезавтра выезжаю в Горловку[264], оттуда в Сталино и Москву. Предполагаю быть в Москве 22-го либо 23-го. Не вздумай, пожалуйста, уезжать куда-нибудь без меня. Слышишь? Поездкой своей очень доволен. Кадиевка — настоящий социалистический город, сердце радуется, когда смотришь на новую жизнь. Принимают нас тут хорошо, здесь весна, тепло. Видел институтский народ, был на Смолянке, спускался в шахту. Итак, до скорого свидания. Целую тебя, Вася.

15. IV.35 г.

---

[264] Примечания: 264
Кадиевка — город в Луганской области; Горловка — в Донецкой.

107

25 апреля 1935, [Москва]

Дорогой батькос, вызвали меня в театр по срочному делу.

Буду дома, вероятно, в 9–10 ч.

Обедай!

Ва.

25. IV.35 г.

108

12 мая 1935, [Бердичев]

Дорогой батькос, прибыл в Бердичев благополучно — приехал около 3-х часов ночи.

Катюшу нашел замечательно выросшей и похорошевшей. Она меня встретила очень милостиво и весьма ко мне расположена.

Здесь установилась отличная погода — сад цветет, белый и розовый.

Начал работать над трижды надоевшим мне сценарием. Очень хочется знать, каковы результаты твоих переговоров с Блинковым Сережей, был ли на оловянном заводе. Я думаю 17-го или 18-го выехать отсюда. В Киеве пробуду 2 или 3 дня. Мама выглядит неважно, очень устала. Це-

лую тебя, Вася.

12. V.35 г.

Привет всем.

109

27 июля 1935, [Москва]

Дорогой батькос, получил твое письмо и был очень рад ему. Начал уже беспокоиться по поводу продолжительного молчания. Однако ты ничего не пишешь о своем здоровье. Как сердце, глаз? Надеюсь, что следующее твое письмо будет подробнее.

Я сижу в Москве. В Донбасс, вероятно, не поеду. Экспедиция, режиссеры и актеры выезжают сегодня[265]. Закончил рассказ, который писал при тебе[266]. Читал его Мунблиту[267]. Он пришел в ажиотаж, хочет сделать попытку напечатать его в «Правде». Однако это, вероятно, не удастся, т. к.

---

[265] Примечания: 265

На съемки кинокартины «Глюкауф».

[266] Примечания: 266

Речь о рассказе «Четыре дня», опубликованном в 1936 году в журнале «Знамя» (Гроссман 1936a) и в одноименном сборнике рассказов (Гроссман 1936b: 27–92).

[267] Примечания: 267

Георгий Николаевич Мунблит (1904–1994) — литературный критик. В 1940-х годах вместе с Гроссманом участвовал в работе над «Черной книгой».

рассказ большой, раза в три превышает размеры печатаемых в газете вещей.

Рассказ «Цейлонский графит» принят в «Знамя», будет печататься в девятой книжке[268].

Вот и все мои новости литературного порядка.

Мама в Одессе устроилась не в санатории, а на квартире у Клавушки[269], была у врачей, сделала рентгеновский снимок, начала лечиться. В Москве каждый день хлещет дождь, сильные грозы, вчера был настоящий потоп. Говорил относительно твоей прописки с комендантом, он говорит, что, как только ты приедешь, — пропишет тебя, нужно будет только представить бумажку, что ты был в командировке. Паспорта сейчас не высылай, когда приедешь, все сделается. Мамин адрес: Одесса, улица Мастера, № 34, кв. 9, А. С. Шеренцис[270] для Екатерины Савельевны.

Купили уже материю на костюм, темно-синий английский бостон, платили по 9 р. 50 к. метр, в общем, это удовольствие влетит с пошивкой

---

[268] Примечания: 268

См.: Гроссман 1935d.

[269] Примечания: 269

Родственница Екатерины Савельевны.

[270] Примечания: 270

Вероятно, эта квартира каким-то образом связана с семьей Давида Михайловича Шеренциса и его жены Анны Савельевны, тети Гроссмана.

тысячи в полторы рублей.

Пиши подробно, как устроился, как работа, главное, как здоровье.

Целую тебя, желаю успеха и здоровья, с нетерпеньем жду письма,

Вася.

27. VII.35 г.

110

4 августа 1935, [Москва]

4 августа 35 г.

Дорогой батькос, получил твое письмо, написанное уже по прибытии на место. Ясно представляю себе обстановку, в которой живешь. Берегись — скорпионов и солнца. Как переносит твое сердце эту чертову жару? Возможно ли принять какие-либо антикомариные меры? В общем, береги себя, не делай никаких бравад.

Ты спрашиваешь о моих делах. Киноэкспедиция уже выехала в Донбасс, я с ними не поехал. Причина не только в моем нежелании, но и в том, что дирекция отсоветовала сейчас ехать, а предложили мне поехать в конце съемок, это будет месяца через полтора-два.

Работал над рассказами, закончил рассказ

«Муж и жена»[271], теперь, по предложению «Колхозника», пишу военный рассказ, мне не нравится, как он выходит[272].

Относительно поездки еще ничего не предпринял, думаю на днях сходить в Литфонд, взять путевку. У нас льют проливные дожди, день и ночь, холод октябрьский, так что особенно летних отпускных настроений не ощущаю.

Ты спрашиваешь о рассказе «Цейлонский графит». Он будет печататься в девятой книге журнала «Знамя». Сообщили мне, что мою книжку «Счастье»[273] собираются ругать в «Литературной газете» (кажется, за «древние» рассказы). Ну вот — настроение по-прежнему рабочее, дела в общем идут хорошо.

Мама лечится в Одессе, принимает морские и углекислые ванны, облучается кварцем. В прошлом письме сообщил ее адрес, получил ли ты это письмо? (Ул. Мастера, 34, кв. 9. А. С. Шеренцис для Кат⟨ерины⟩ Савел⟨ьевны⟩.)

Приехала Лариса держать экзамен, остано-

---

[271] Примечания: 271
Первая публикация рассказа: Гроссман 1935b.

[272] Примечания: 272
Речь о рассказе «Весна»: Гроссман 1935a.

[273] Примечания: 273
Гроссман 1935c.

вилась у Виктории. Ольга Семеновна пишет, что очень довольна работой, бумаги ее все в порядке, имеет их на руках и 15 августа выезжает в Москву.

Пиши подробно, с большим нетерпеньем жду твоих писем, как здоровье, успешна ли работа. Целую крепко, Вася.

111

15 августа 1935, [Москва]

15. VIII.35

Дорогой батькос, получил твое письмо, где подробно описываешь свое житье. Прочел его с большой жадностью. Пекло! Представляю себе, как ты там паришься. Жара, комары, пыль, тарантулы — это нешуточная компания.

Не надрывайся в своей работе в шахте, ведь это зарез для тебя. Когда предполагаешь возвращаться? Если трест не выполняет своих условий, то ничего страшного не будет, если и ты сократишь программу своих работ и не будешь высиживать до последнего пункта намеченного в Москве плана.

О себе сообщаю: купил путевку на сентябрь месяц, поеду в Крым, Коктебель. Выеду из Москвы 29 августа, билет уже заказал.

Написал еще один рассказ, порядком устал от этого дела, но летом своим доволен, поработал успешно. Появилась рецензия на книжку моих рассказов, в общем хвалебная[274]. Ну вот и все мои новости. Да, съемки в Донбассе идут успешно.

Приезжала Лара, сказала, что через 2–3 дня зайдет, но исчезла по сей день. Я долго гадал — чего это? Вадя высказал предположения, что она провалилась на экзамене и что ей неловко было после этого заходить.

Мама в Одессе, лечится, довольна.

Галя не пишет ни слова, ни мне, ни маме. Очевидно, задумала какие-то новые методы воздействия. Меня это злит и раздражает, кроме того, беспокоюсь о Катюше. Ну вот.

Пиши мне на московский адрес; если меня не будет в Москве, письмо мне перешлют. Пиши чаще, молчание беспокоит. Целую, Вася.

112

[Сентябрь 1935, Коктебель]

Дорогой батькос, надеюсь, что ты благополучно

---

[274] Примечания: 274

Речь о рецензии, опубликованной в «Литературной газете» 9 августа 1935 года: Дмитриев 1935.

добрался до Москвы, не заболев малярией. Письма твои мне Ольга Семеновна переслала, так что я в курсе всех твоих путешествий. Рад, что работа пошла хорошо и что не зря были произведены тобой эти большие затраты сил и здоровья.

О себе мне писать совершенно нечего. Сижу в Коктебеле — здесь прекрасная жаркая погода, небо безоблачно, морская вода теплая, совершенно летняя, фруктов много. Я абсолютно ничего не делаю, не работаю, не читаю даже, до того разленился. Валяюсь на пляже, купаюсь, хожу на прогулки в горы. Физически чувствую себя очень хорошо. Нужно сознаться, начало надоедать безделие, собираюсь в Москву. Думаю, что 2-го числа выеду отсюда. Целую тебя, Вася.

Привет тете, Ольге Семеновне.

113

27 ноября 1935, [Москва]

Дорогой батькос, получил сегодня твое письмо. Должен сознаться, что первое письмо твое тоже получил, но не ответил на него, как и на мамино письмо, потому что был чрезвычайно занят. Дело в том, что рассказ, который я обещал для первого,

юбилейного номера «Знамени»[275] у меня неожиданно распух до размеров 3-х печатных листов, и я пропустил все сроки его сдачи.

Последние дни я сидел над его правкой, доделкой, переделкой, сокращением, выправлением и пр. и пр. буквально с утра до поздней ночи, оброс бородой, не выходил пять дней на улицу, вообще обрел образ великомученика и сумасшедшего. Только позавчера отдал его в редакцию, а сегодня получил ответ — рассказ всем очень понравился, меня поздравляли, благодарили и, как полагается, говорили много лишнего в смысле перехваливания — в этом отношении писатели похожи на девиц, которые нравятся кавалерам. Кавалеры хвалят их глаза, ручки, вообще всю их красоту, у девиц начинает кружиться голова, они делают всякие ужасные глупости и безумства, в которых потом каются всю жизнь, а коварные кавалеры уж кружат голову новой, очередной жертве.

Теперь относительно твоего приглашения приехать. Не знаю, прав ли я, но я сейчас колеблюсь, стоит ли это делать.

Началась зима, нужно трудиться, и я боюсь,

---

[275] Примечания: 275
Рассказ «Четыре дня» (Гроссман 1936а).

что такая поездка меня выбьет из колеи не на месяц, а на три. У меня в этом отношении есть печальный опыт прошлой зимы, когда я начал работать на заводе и за всю зиму не наработал ни одной строчки, а результаты моего пребывания на заводе были пшиковыми.

А мне еще хочется писать теперь.

Не думай, что это из-за семейных дел, наоборот. Ольга Михайловна[276] меня уговаривает ехать, да и ты сам знаешь, что я предполагал поехать — в основном, чтобы дать всем вопросам устояться и выясниться, а самому себе дать отдохнуть от них.

Теперь о семейных делах. Стало как будто легче немного. Борис Андреевич остался на арбатской квартире, вошел в норму (относительно, конечно), работает много, я с ним виделся два раза, много по-дружески мы говорили обо всем[277]. Живем мы с Ольгой Михайловной очень хорошо, дружно, и, не знаю, может быть, это к худшему,

---

[276] Примечания: 276

Ольга Михайловна Губер ушла от мужа Бориса Губера к Гроссману 12 октября 1935 года.

[277] Примечания: 277

Сыновья Ольги и Бориса Губер — Миша и Федя — остались с отцом. Федор напишет позже в своих воспоминаниях: «Уходя к Василию Гроссману, мама оставила на Арбате, в Спасо-Песковском переулке, двух детей — меня и моего старшего брата Мишу» (Губер 2007: 28).

но я все больше рад нашей совместной жизни.

Приезжала Ольга Семеновна — она тебе, вероятно, писала, что тебя прописали у Щеглова[278] на постоянное жительство и что этим самым вопрос о твоем московском паспорте решен в положительном смысле.

Получил вчера открытку от Доминики — пишет, что есть комната для тебя, просит передать об этом Ольге Семен⟨овне⟩. Я сегодня эту открытку передал Ольге Михайловне, и она повезла ее на Солянку.

В общем, жизнь идет неплохо — чем больше я работаю, тем лучше для меня. Очень прошу написать мне подробно о себе и работе — простить мою подлую измену и не ругать меня.

Дорогой мой, не затягивай своего пребывания на Волге, возвращайся скорей.

Крепко целую и желаю успеха, твой Вася.

Привет Гале.

Кланяется тебе Ольга Мих⟨айловна⟩.

27. XI.35 г.

---

[278] Примечания: 278

Щеглов — друг Семена Осиповича. Федор Губер пишет о нем: «Семен Осипович сохранил на долгие десятилетия дружбу с членом РСДРП большевиком Щегловым. Щеглов, как старый большевик, получил билет на рейс теплохода по каналу Москва — Волга и погиб во время пожара на теплоходе» (Губер 2007: 7).

114

14 апреля 1936, [Москва]

Дорогой батькос, ждали тебя вчера до 10 часов, где ты? Что ты? Как ты? Позвони по телефону Г (Арбат) 1-03-27 завтра часов до 12 дня.

Целую, Вася.

Я устроился вроде ничего, но неприятно одолжаться.

Письмо адресовано тебе — я его вскрыл по ошибке, прости меня, грешного.

14. IV.36 г.

115

[Июль 1936, Москва]

Дорогой батькос, получил твое письмо. Рад, что устроился хорошо и что доволен своим «жмеринским житьем». Спешу тебе сообщить следующее: по твоему объявлению приезжал комиссионер и предлагал, во-первых, 2 комнаты (одну на Таганке — 150 р., вторую на Сретенке — 200). Во-вторых, он предложил следующую комбинацию — в центре города (Лучников переулок) есть нежилая каменная пристройка, ее можно превратить в квартирку из 2-х маленьких комнат, что, по его

словам, обойдется в 3000 рублей. За устройство всех этих дел — заявления и пр. — он для себя просит 500 р. Таким образом, примерно за 4000 можно иметь собственную квартиру (около 25 метров полезной площади).

Как ты относишься к такому предложению? Я, конечно, без тебя решать не мог, но он говорит, что дело терпит. Можно подождать до твоего приезда. 1 августа он будет мне звонить — ты мне к этому сроку ответь обязательно, как относишься к такому предложению и когда (точно) предполагаешь приехать в Москву. Думаю, что особенно торопиться не следует, но поторапливаться не мешает.

У меня пока ничего хорошего нет — сценарии, сценарии, сценарии...[279] Смертельно хочется с ними развязаться и приняться за настоящее дело.

Итак, жду письма твоего.

Целую тебя, Вася.

Привет Ольге Семеновне и всем родичам.

Ольга кланяется тебе.

---

[279] Примечания: 279

Известно, что Гроссман, кроме сценария по «Глюкауфу», писал сценарий по рассказу «В городе Бердичеве» (РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 95) и составил заявку на сценарий по рассказу «Кухарка» (РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 96).

116

8 сентября 1936, [Москва]

Батькос, где тебя найти? Позвони мне Г1-03-27. Днем я дома — работаю. Живем пока у сестры Ольги — разрешил всемилостивый управдом[280].

Позвони!

Вася.

8 сент. 36 г.

117

12 ноября 1936, [Москва]

Дорогой батькос, как доехал, благополучен ли, здоров ли?

Как идут дела, какой погодой встретила тебя Средняя Азия?

У меня как будто все по-старому — продолжаю работать, дело движется к концу, дописываю предпоследнюю главу первой части романа, но будет ли конец венцом делу, не знаю.

---

[280] Примечания: 280

Некоторое время Гроссман и Ольга Губер жили у ее сестры Евгении Михайловны Йост (Сочевец). Из воспоминаний Федора Губера: «Василий Гроссман и мама жили у маминой сестры Евгении Михайловны (тети Жени) в Серебряном переулке, совсем рядом с нашим Спасо-Песковским» (Губер 2007: 28). Адрес этой квартиры: Серебряный пер., д. 5, кв. 15.

На квартирном фронте без перемен — переезд в новый дом снова откладывается из-за того, что строительство не получило денег из банка. Состоится этот самый переезд в декабре, а вероятней всего, в январе. Ну ясно, в связи с этим откладываются и все прочие переезды (в освобождающиеся квартиры). Все это стоит больших нервов[281].

Сегодня в «Правде» напечатана статья о моей книжке[282]. Нельзя сказать, чтобы ругательная, но и не очень похвальная. Конечно, важен самый факт напечатания в «Правде», это случается не со многими писателями. Лично я этой статьей вполне удовлетворен.

Мама писала, что Витя настрочил письмо дяде Давиду по поводу моего рассказа «Четыре дня», дядя очень огорчился[283]. Меня это все расстро-

---

[281] Примечания: 281

Из воспоминаний Федора Губера: «В 1937 году Василий Гроссман наконец получил квартиру. Квартирный вопрос так измучил его, что он, будучи уже известным писателем, согласился на две комнаты в большой коммунальной квартире с дровяным отоплением» (Губер 2007: 29).

[282] Примечания: 282

Рецензия Арона Гурштейна «В поисках простоты» на сборник рассказов «Четыре дня» (Гурштейн 1936).

[283] Примечания: 283

Очевидно, близкие Гроссмана заметили, что доктор из рассказа «Четыре дня» похож на Давида Шеренциса. Джон и Кэрол Гаррард высказывают мнение, что публикацией этого рассказа Гроссман невольно способствовал аресту Шеренциса (Garrard, Garrard 2012:

127–128). Однако материалы следственного дела не подтверждают эту гипотезу: Шеренцис был арестован 4 мая 1938 года и обвинялся в шпионской деятельности в пользу Германии, переписке с белоэмигрантами за границей в 1922–1924 годах, формальным доказательством вины послужили его происхождение, выезд в научную командировку в Германию в 1925–1927 годах и ложный донос. Давид Шеренцис был расстрелян 5 октября 1938 года (ГАЖО. Ф. Р-5013. Оп. 2. Спр. 2241).

ило — послал ему письмо и книжку. Пусть судит сам. Но Витька-то каков — верен себе, выродок.

Ну, дорогой мой, до свиданья, пиши подробно о себе.

12 ноября 36 г. Целую, Вася.

Привет Гале.

Ольга тебе кланяется.

118

27 ноября 1936, [Москва]

Дорогой батькос, получил твое письмо, где пишешь о жилищном кризисе у вашей экспедиции. Видишь, этот жилищный вопрос тебя не оставляет ни в Москве, ни в Ср⟨едней⟩ Азии. Просто трогательная привязанность. Мои жил⟨ищные⟩ дела без перемен, т. е. нет ничего нового и хорошего, все тянется по-прежнему без никаких конкретных выводов.

Вчера кончил свою работу, т. е. осталась еще правка, дописки, сокращения и пр., но основную работу «по написанию» закончил. Весьма рад этому обстоятельству, но не знаю еще, какова судьба будет у сего новорожденного[284].

Приехал с Чукотки мой товарищ Веня Лобо-

---

[284] Примечания: 284

Вероятно, речь о первой части романа «Степан Кольчугин».

да — рассказывает много замечательного про этот край. Он провел там в общей сложности два года.

Ты спрашиваешь об отзывах про «Четыре дня». Я уже писал тебе в первом письме про статью в «Правде», скоро будет напечатана большая статья в «Знамени»[285], говорят редакционные люди, что статья интересная.

Батькос, напиши мне подробно, как идет работа, доволен ли ты, как устроились, как здоровье твое. Береги себя, не лазай в шахту, помни о сердце своем. Как малярия, не беспокоит?

Будь здоров. Целую тебя крепко, твой Вася.

Ольга кланяется.

Привет Лёле и Гале.

27 нояб. 36 г.

Как работает Лёля? Справляется?

119

13 декабря 1936, [Москва]

Дорогой батькос, получил твое второе письмо. У меня за это время особенных новостей нет. С квартирой без перемен, очевидно, все это протянется до весны.

---

[285] Примечания: 285
Статья Льва Левина «Уважение к жизни» (Левин 1936).

Позавчера сдал рукопись первой части романа в альманах[286], ответ редакции буду иметь в ближайшие 5–6 дней. Как говорится, ожидаю «не без некоторого волнения». Как ни говори, труда и башки положил на эту работу немало.

Вчера «отпраздновал» 31-ю годовщину своего земного существования. Немалое количество времени, а сколько из него истрачено зря!

Сейчас, вероятно, предстоит скучная и не всегда полезная работа по всяким доделкам и переделкам, почти неизбежная в процессе прохождения рукописи через редакцию. Три дня хорошо отдыхал — гулял за городом, был в театре и на концерте, ну и, конечно, выпил малость.

Думаю между делом писать рассказ. Вообще замечаю, что длительно отдыхать не могу — портится настроение, и отдых превращается в сплошную печаль и неврастению.

Пиши мне, дорогой, о себе — как здоровье твое, как работа, когда думаете двинуться дальше и куда писать тебе. Береги себя, не простуживайся, не перегружай сердце тяжелыми нагрузками.

Целую тебя, Вася.

Кланяется тебе Ольга Михайловна.

---

[286] Примечания: 286

Первая часть «Степана Кольчугина» вышла в альманахе «Год двадцатый» в 1937 году (Гроссман 1937а).

Привет Лёле и Гале.
13. XII.36 г.

120

21 декабря 1936, [Москва]

Дорогой батькос, получил твое письмо и снова пожалел и погоревал, что не смог с тобой поехать. Очень уж привлекательно ты описываешь азиатские звезды и небеса. Напиши мне о сроках твоего пребывания в Чангыр-Таше[287] и о том, куда поедешь дальше и насколько. Я уж боюсь, как бы письмо тебя не застало. Какие новости у меня на 32-м году жизни? С квартирами дела затягиваются совсем уж безбожно, очевидно, что раньше весны ничего из этого дела не получится.

О том, что сдал уже в редакцию рукопись, писал тебе[288]. Ответа до сих пор не имею. Это меня нервирует, да не только меня, но и мой совсем уж пустой карман. Надеюсь, однако, что вопросы эти решатся в ближайшие дни. Сейчас занялся рассказом, который начал писать еще

---

[287] Примечания: 287
Чангыр-Таш — поселок в Киргизии, место нефтедобычи.

[288] Примечания: 288
См. письмо Гроссмана отцу от 13 декабря 1936 года (с. 179).

прошлой зимой, а затем этим летом[289]. Работаю не торопясь и совершенно не знаю, что из него получится.

Усиленно читаю Жюль Верна — «Дети капитана Гранта». Хорошая книга. Какие благородные люди в ней описаны, как объективно и свободолюбиво описывает Жюль Верн и англичан, и французов, и дикарей, вплоть до самых черных людоедов.

Был за это время несколько раз в театре и на концертах. Очень мне понравилась у Вахтангова шекспировская комедия «Много шума из-за ничего»[290]. Смешно, умно, весело! И чего это Толстой на него взъелся, на беднягу[291]. Это примерно то же, если б люди вдруг вздумали ругать солнце. Светит ведь! И греет! Чего же к нему придираться.

Пиши мне, дорогой, обо всех своих новостях — как работа, планы, здоровье.

Целую тебя, Вася.

---

[289] Примечания: 289

Возможно, имеется в виду «Повесть о любви» (1937).

[290] Примечания: 290

Премьера спектакля «Много шума из ничего» в постановке Иосифа Раппопорта состоялась в Театре имени Вахтангова 7 октября 1936 года (Шекспир 2024).

[291] Примечания: 291

Имеется в виду известная нелюбовь Льва Толстого к Шекспиру.

Ольга кланяется тебе.
21. XII.36 г.
Привет Лёле и Гале.

121

30 декабря [1936, Москва]

Дорогой батько, получил твое письмо. Ах ты, бедняга мой, мерзнешь в своей кибитке. Как у тебя обстоят дела с теплой одеждой, прислали ли тебе из Москвы меховую куртку? Может быть, переберешься куда-нибудь в более теплое место, чем эта кибитка без дна и без покрышки. Хотя зачем я даю советы — сам хорошо знаю цену таким советам на расстоянии. И с «харчем» тоже плохо, верно? Ольга завтра соберет посылочку для тебя съедобную, застанет еще, верно, тебя в Джелал-Абаде[292]. Пиши почаще. Наметились ли твердые сроки окончания работы и возвращения?

Что нового у меня? Сдал рукопись в альманах, она уже там прочитана, отзыв положительный, идет в набор, очевидно, в марте или апреле выйдет в свет. Это событие меня оживило, надо сознаться, с материальной стороны также, а то я было совсем уж захирел — шутка сказать, в те-

---

[292] Примечания: 292
Джелал-Абад — крупный город в Киргизии.

чение 5 месяцев не получать денег. Сейчас сижу над правкой окончательной. Устал изрядно, т. к. фактически 5 месяцев проработал залпом, а это немалая нагрузка. Настроение хорошее, квартирные дела неважные, они теперь не только затягиваются, но и осложняются. Ну да мне, в общем, плевать на них, не плакать же. Презирая квартирный кризис, купил белку. Сидит она в клетке и грызет орехи. Мои дамы ее ласково называют крошкой и деточкой, но я подозреваю, что это беличий старик, хрипун и хам. Очень уж она любит спать и нелюдима, не белка, а сова какая-то угрюмая. Купили кресло, вот приезжай скорей, посидишь в нем — хорошо! И все же жалею, что не поехал с тобой, бог с ним, с креслом.

30. XII.

Целую тебя, твой Вася.

Привет тебе от Ольги.

Кланяйся стахановкам Лёле и Гале.

122

[Не ранее конца февраля — начала марта 1938,

Москва][293]

Дорогой батькос, ждал тебя, не дождался и пошел в гости.

Вася.

123

2 декабря 1939, [Москва]

Дорогой папа,

очень хочу видеть тебя.

Позвони мне, пожалуйста, в ближайшие дни или напиши несколько слов, когда позвонишь, чтобы нам не разминуться, — я теперь часто езжу работать за город.

Приехала Надя[294], я видел ее, выглядит неплохо, хочет с тобой повидаться. Может быть, вместе к ней зайдем.

В общем, жду от тебя звонка. Целую тебя,

---

[293] Примечания: 293

Записка на обороте письма инициативной группы писателей к Гроссману с приглашением стать членом-учредителем «Московского клуба писателей» и принять участие в собрании клуба 2 марта [1938] года.

[294] Примечания: 294

В 1936 году Надежда Алмаз была повторно арестована и осуждена на три года заключения в исправительно-трудовых лагерях. В 1939 году после окончания срока ее снова арестовали и этапировали в Москву, она находилась в Бутырской тюрьме под следствием около восьми месяцев и была освобождена за отбытием срока наказания в ноябре (см.: ЦА ФСБ. Р-35567; ЦА ФСБ. Р-4474). После освобождения Надежда Алмаз была поражена в правах и долгие годы могла жить только за 101-м км.

Вася.
2 дек. 39 г.

124

9 декабря 1939, [Москва]

Дорогой папа, условились с тобой встретиться давно уже, а ты не позвонил. Писал тебе «до востребования», потом на ст⟨анцию⟩ Отдых[295], да спутал адрес — сегодня нашел правильно записанный и снова пишу. Очень прошу тебя, тотчас дай мне знать о себе — позвони по телефону, а если нездоров, попроси соседей позвонить или открытку напиши. Во-первых, беспокоюсь о тебе — здоров ли, во-вторых, хочу тебя видеть, в-третьих, есть срочное дело. В общем, в ближайший день жду от тебя весточки.

Целую тебя, твой Вася.
9 дек. 39 г.

125

[20 марта 1940[296], Москва]

---

[295] Примечания: 295

Железнодорожная станция Отдых находится в Московской области, на границе поселка Кратово и города Жуковского.

[296] Примечания: 296

Дата на штемпеле отправления почтовой карточки.

Дорогой Семен Осипович, почему не написал, как обещал? Не захворал ли? Как работается, как живется? Куда поедешь из Мичуринска?[297] У меня все по-прежнему, работаю, получаю часто письма от мамы. Пенсию твою получил, — может быть, переслать ее тебе? Жду все время весточки от тебя.

Целую, Вася.

126

26 марта 1940, [Москва]

26 марта 40 г.

Дорогой папа, получилось так, что ты беспокоился обо мне, а я был полон всяческого беспокойства о тебе, т. к. никаких писем от тебя не получал, а лишь вчера вечером получил твою открытку. Правда, несколько дней тому назад позвонил в Перово, и мне сотрудница сказала, что, если б ты заболел, они бы знали. А сегодня мне позвонил сын твоего директора, передал, что и ты беспокоишься. В общем, очевидно, письма пропали.

---

[297] Примечания: 297

В 1940 году Семен Осипович работал в Центральной России, Тамбовской и Рязанской областях: Мичуринске, Моршанске, Сасове и других городах.

Очень интересуюсь, как ты там живешь, работаешь, как продуктовые твои дела, как здоровье, к сожалению, ни о чем этом ты в своей открытке не пишешь. Очень прошу тебя: 1) не переутомляться, 2) не лазить в опасные места во время работы, 3) беречься от простуды и 4) заботиться о пище телесной. Напиши мне, пожалуйста, подробно о себе, ведь я ровно ничего не знаю.

Что рассказать о своих делах? До сих пор план издательств не утвержден в ЦК. И поэтому, естественно, договора не заключаются, и все мои пышные перспективы висят в воздухе и могут обратиться в миф, мираж.

Сегодня видел сигнальный экземпляр альманаха, где напечатана третья часть «Степана Кольчугина»[298]. К сожалению, мне его еще не дали, и получу лишь дней через 10. Просил лишних 2 экземпляра — для тебя и для мамы. Пошлю тебе, как только получу. Все это время работал довольно успешно, хотя, как всегда, в середине работы не знаешь, где будет конец, и кажется, что никогда к этому концу не доползешь.

---

[298] Примечания: 298

Вторая часть романа вышла в 1939 году (Гроссман 1939а). Третья часть так и не была опубликована в альманахе, так как на шестнадцатой книге издание альманаха прервалось и возобновилось только в 1948 году (Муравьев 1964).

От мамы письма получаю довольно часто, она пишет, что от тебя еще ни слова не имела, — видно, мичуринский почтамт не на высоте. О своей жизни она пишет мало, но я и без подробностей понимаю, что жизнь не сладкая у нее.

По поводу жилищного кооператива новостей пока нет — дело находится все еще в стадии самой предварительной организации, хотя там уж поговаривают о выборе места для строительства. По поводу комнаты, о которой говорила Ольга Як(овлевна), кое-какие новости узнал — но хозяева так медленно раскачиваются, что, видно, не раньше мая скажут нечто более членораздельное, нежели говорят сейчас.

У меня возникло желание поехать в Ялту, там пожить месяц и поработать. (Что может быть естественнее такого желания?) Поехать, вероятно, смогу с 15 апреля по 15 мая. Мне это очень улыбается. Работается мне там превосходно, а весна в Крыму прямо великолепна.

Настроение у меня неплохое, рабочее. Очень радуюсь тому, что мир мы заключили[299].

Пиши мне, дорогой батько, подробно. Каков будет твой новый адрес, напиши обязательно. И

---

[299] Примечания: 299

Речь о мирном договоре, заключенном 12 марта 1940 года и положившем конец советско-финляндской войне.

на сколько будет он. Да, между прочим, Щегловы 2 раза звонили, спрашивали о тебе.

Целую тебя крепко,

твой Вася.

P. S. Марья Михайловна поправляется[300].

127

30 марта 1940, [Москва]

Дорогой папа, получил ли ты мою открытку и письмо (довольно большое), адресованные — Мичуринск до востребования? Пишу тебе в Моршанск, хотя и не уверен, застанет ли тебя это письмо.

Звонил мне сынок твоего начальника — передал со слов отца, что ты не получал от меня писем. Звонила Лёля, спрашивал[а], где ты и что. Звонила снова Валя Щеглова. Я ей сегодня звонил, но она не смогла подойти к телефону. Больна, лежит с температурой 39°. А ейного папаши не было дома.

Новостей у меня на книжно-издательском фронте пока нет. Все издания набраны в типографиях и лежат в ожидании бумаги (за исключени-

---

[300] Примечания: 300

Марья Михайловна Вавриссевич (*урожд.* Сочевец) — сестра Ольги Губер.

ем альманаха, который уже печатается).

У меня приятная новость — с середины апреля поеду в Крым, в Ялту на месяц. Там прекрасные условия для работы и в то же время прекрасная весенняя природа юга. Цветут магнолии, глицинии, фруктовые деревья. Мысль об этой поездке мне доставляет много удовольствия. Боюсь, как бы не сорвалась только, очень уж сложно все — и материальные и всякие дела. Я, конечно, успею получить ответ в Москву от тебя на это письмо и из Москвы снова написать тебе, но на всякий случай сообщаю тебе крымский адрес — Ялта, ул. Кирова, № 9, Дом Литфонда, мне. Если будешь писать после 15-го, то по этому адресу. Конечно, если поездка расстроится, я тебе напишу.

О тебе, кроме отрывочных сведений, что ты здоров, ничего не имею. Очевидно, письмо, где ты писал о своих делах и жизни, — потерялось. Поэтому очень прошу, пиши мне возможно подробней о себе, как работаешь, как здоровье, как питаешься, очень ли устаешь. Прошу тебя, не переутомляйся, берегись простуды, март и апрель очень уж коварны в отношении простудных заболеваний.

Я уж соскучился по тебе, хочу тебя видеть. С удовольствием вспоминаю наши короткие

встречи то в керосиновой лавке, то в очереди за картошкой. Теперь, когда встретимся в мае, будет лафа, можно и на бульваре посидеть, и прогулку не торопясь совместно совершить.

Пиши мне, дорогой мой.

Целую тебя крепко,

твой Вася.

30 марта 40 г.

128

3 апреля 1940, [Москва]

Дорогой батько, ума не приложу, что же за чудеса происходят. Пишу тебе четвертое письмо, от тебя же недели две тому назад имел одну лишь открыточку. Получил ли 2 письма, адресованных тебе в Мичуринск, получил ли письмо большое, адресованное тебе в Моршанск? Писал ли ты мне еще, кроме этой пресловутой открытки? В общем, все с большим нетерпением жду от тебя весточки хоть какой-нибудь более вразумительной и подробной.

У меня новостей особенных нет. Поездка в Ялту моя, возможно, расстроится: вышло затруднение с путевками. Между прочим, неэтично Литфонд проявил себя в отношении меня. Путевка мне была выделена уже в марте, но я не взял сразу ее

из-за отсутствия денег. Когда же вчера пришел за ней, мне заявили, что «большие люди» выразили желание ехать в Крым и что поэтому все придется наново пересматривать. Теперь сижу и жду, кому же дадут возможность поехать — «малым» или «большим». Ну уж ладно, такие беды я еще могу пережить легко.

Работаю. Работа подвигается. Я ею, как полагается, недоволен, хотелось бы чтобы лучше, ярче, сильнее все получалось.

Здесь последние дни совершается весна — тепло совсем. В тени днем 10–11° градусов. Небо синее, светит солнце.

Имел письмо от мамы позавчера. Озабочена Катюшей. Да и я немало ей озабочен. Возможно, что удастся ее летом устроить в дом отдыха для писательских детей — на берегу Черного моря.

Дорогой мой, когда же наконец порвется этот круг молчания, напиши наконец!!!

Целую тебя крепко,

твой Вася.

3 апр. 40 г.

129

12 апреля 1940, [Москва]

12 апр. 40 г.

Дорогой папа, наконец-то получил твое письмо, написанное из Мичуринска. Был очень и очень рад ему. Думаю, что ты уже в Моршанске. Писал уже дважды тебе в Моршанск — не знаю, дождались ли тебя эти письма.

У меня жизнь таким образом пошла: с поездкой на юг все уладилось, еду 13-го. Пробуду там месяц — следовательно, вернусь числа 16–17 мая. Напиши мне, пожалуйста, в Ялту по адресу: ул. Кирова, № 9, Дом Литфонда. Сознаюсь, поездка эта меня очень радует. Очень уж там хорошо в весенние месяцы.

Все эти дни работал, но под конец, как полагается, предотъездные настроения работу сбили. Да и как всегда бывает — много всяких дел мелких, которые вдруг возникают перед отъездом.

Книги я еще не получил, очевидно, выйдет через день-два после отъезда, т. к. совсем уж готова — отпечатана и переплетена[301]. Планы, представь себе, до сих пор не утверждены, так и лежат без движения. И даже никто уж не знает, когда будут они утверждены.

---

[301] Примечания: 301

В 1940 году вышло два издания третьей книги о Степане Кольчугине: в Детиздате (сдана в производство 10 апреля 1940 года, подписана к печати 6 июня 1940-го; Гроссман 1940а) и в Гослитиздате (сдана в производство 3 ноября 1939 года, подписана к печати 23 октября 1940-го; Гроссман 1940с).

Квартирные дела как будто не заглохли, но все же многое еще совершенно неясно. Во всяком случае, известно уже, что стройка эта будет «коммерческой», т. е. без субсидий, целиком за счет пайщиков кооператива. Председатель правления (есть уже и правление) говорил мне, что в отношении нескольких человек он возбудит перед Фадеевым вопрос о предоставлении долгосрочной ссуды[302]. Вот если ссуду эту дадут, то тогда дело станет на реальное основание. Иначе мне совместно с тобой этой «коммерческой» стройки не преодолеть, очень уж солидна сумма — тысяч 30–35. Если же дадут тысяч 15–20 ссуду, то тогда дело иное — сможем, очевидно, недостающие деньги довнести. В общем, если говорить объективно, у меня почти никаких надежд нет — очень уж много «но» и «если». Да и само строительство нелегкая штука теперь. Ближайшее будущее покажет, словом.

Сейчас звонили мне из Культуправления московского — сказали, что вечером будет общемосковская читательская конференция и что по предварительной записи почти все, пожелавшие говорить в прениях, пожелали высказаться о

---

[302] Примечания: 302

Александр Фадеев в 1939–1944 годах был секретарем Союза писателей.

моем сочинении. В связи с этим меня просили приехать на конференцию эту. Сие известие мне было приятно, но туда я, конечно, не пойду из-за старинной своей робости перед многолюдными собраниями.

От мамы письма получаю довольно часто. У них до последнего времени холода стояли. Просто удивительно, как это Украина подкачала. В Москве уж тепло и тает полным ходом. А мама писала, что у них еще 3 апреля мороз был и снег.

Последние дни все события международные приняли напряжен⟨ную⟩ форму. Шутка ли сказать, Норвегия и Дания, два больших государства, были заняты немцами буквально в течение одного дня. Видимо, война вступила в новую, более активную фазу. С жадностью читаю газеты, жду сообщений по радио. У тебя, верно, не так-то легко получить газету?

Так напиши мне обязательно в Крым — когда думаешь вернуться в Москву, как дела твои, работа, здоровье. Я тебе тоже оттуда напишу. Моршанск — это последний пункт твоей командировки или еще придется ехать?

Желаю тебе успеха в работе и здоровья. Крепко тебя целую,

твой Вася.

P. S. Сегодня получил твою открытку из Ряжска. Вчера звонила Валя Щеглова — спрашивала, где ты сейчас.

Ну, еще раз — всего хорошего.

130

29 апреля 1940, [Ялта]

Дорогой батькос, пишу тебе несколько слов, — может быть, уж в Москве ты. Твое большое письмо заказное мне сюда переслали — был ему очень обрадован, мне доставило радость читать его. 14-го либо 15-го отсюда уеду, буду, следовательно, в Москве 16-го или 17-го. Естественно, тотчас же позвоню тебе.

Здесь прекрасно — все цветет и благоухает. Работаю регулярно, делаю большие пешеходные прогулки. Сегодня же погода не крымская — холодно и хлещет дождь, надеюсь, ненадолго.

Целую тебя крепко,

твой Вася.

29 апр. 40 г.

131

[Ноябрь 1940, Москва]

Дорогой батько, получил твою открытку, где

пишешь, что переезжаешь из Сасова в Моршанск. Я хотел тебе в Сасово писать, но ведь ты мне адреса сасовского не сообщил. Как же мне было писать — на деревню дедушке? Звонила доктор Стукова, но меня не было в Москве в это время, сидел на даче.

Семен, дорогой мой, почему не пишешь, как идет работа, в каких условиях, как живешь ты, как здоровье, как питаешься, настроение? Все ведь меня очень интересует. Теперь морозы, ветер, тебе, верно, холодно в пальтишке осеннем. Пиши мне, пожалуйста, подробно о своем бытье и работе. Когда думаешь «закруглять» и двигаться на Москву. Или еще не видно?

Имел от мамы письмо, пишет, что от тебя получила письмо. Что рассказать тебе о своей жизни? Дела как будто идут хорошо, но есть все же немало препятствий и неприятностей. Да без этого не бывает жизни и работы. Вчера позвонили мне, что вышла третья часть книжки в переплете, — помнишь, в таком же, как первая и вторая вышли, в голубеньком[303]. Но вчера же узнал, что однотомник детиздатовский, который обещали

---

[303] Примечания: 303
Гроссман 1940с.

выпустить в 40-м году, перенесен на 41-й[304]. Для меня это главным образом неприятно из материальных соображений, т. к. по существующим правилам Детиздат платит лишь по выходе книги в свет (по школьной серии).

В «Знамени» новая книга печатается, и ее обещают выпустить к концу декабря[305], а в Гослитиздате, где все шло гладко, вдруг ее снова начали редактировать, читать и пр. и пр. Представь, читали ее уже 7 редакторов. Теперь, кажется, восьмой начинает. Все это, в общем, меня мало волнует — книга написана, печатается в журнале, это для меня главное.

Сейчас работаю над маленькой повестью о наших временах, дело происходит в Москве и в провинции — примерно в нашу зиму или прошлую[306]. Работа затянулась несколько, но надеюсь, что в декабре закончу.

Ко мне обратились из «Мосфильма» с предложением экранизировать «Кольчугина»; я не

---

[304] Примечания: 304
Гроссман 1941e.

[305] Примечания: 305
Гроссман 1940b.

[306] Примечания: 306
Судя по всему, речь о повести «Несколько печальных дней» (Гроссман 1989b: 231–253).

возражал. Но у них никак не кончится волокита с прохождением этого предложения через вышестоящие инстанции.

А несколько дней тому назад позвонили из театра Вахтангова с предложением писать для них пьесу. Очень уж оно заманчиво. Хочется мне давно пьесу написать, и я решил устроить более длительный антракт между книгами «Кольчугина» и попробовать в течение 2 месяцев написать пьесу[307].

Ну вот видишь, вот так идет жизнь. Главное, что хорошо в ней — идет она вперед, ну и мы с ней идем.

Следишь ли за газетами? Вот тебе и греки — «капитани», а как сражаются с итальянцами!

Батько, родной мой, пиши мне почаще и подробней.

Крепко тебя целую,

твой Вася.

Не забудь указывать адрес точный, когда переезжать будешь на новое место.

---

[307] Примечания: 307

Название будущей пьесы — «Если верить пифагорейцам». Пьеса была написана для Театра им. Вахтангова и завершена к маю 1941 года. В связи с началом войны так и не была поставлена на сцене. После окончания войны Гроссман отредактировал пьесу и впервые опубликовал ее в 1946 году в журнале «Знамя» (Гроссман 1946а). Пьеса была подвергнута резкой критике в печати. См., напр.: Альтман 1946; Ермилов 1946.

132

[Декабрь 1940, Москва]

Дорогой батько, получил твое письмо. Спасибо тебе за пожелания. Но ты, по-моему, загнул, интерес к моей грешной особе существует лишь в кругу семьи, а за этим кругом вряд ли кому я интересен.

В свою очередь хочу тебе пожелать к новому, 41-му году: прожить его здоровым, без войны, а летом нам вместе с тобой махнуть гостить в Бессарабию или еще куда-нибудь.

Книжку, как только выйдет, вышлю тебе, обещаю, в тот же день или на второй день. Да боюсь, что затянется ее выход до середины января. Типография очень загружена, вряд ли сумеет раньше отпечатать.

Получил ли письмо мое, адресованное на Моршанск? Послал его дней 5–6 тому назад. Сегодня получил от мамы открыточку — пишет, что наконец получилась посылка. Сахар, чай, мыло. Счастлива! Я очень сожалею, что мало мы с тобой запасли для нее, надо было еще на посылочку либо две даже. Я бы помог тебе это доставить. Знаешь пословицу: «Еврейский человек задним умом крепок».

У меня дела сейчас довольно сложны. Представь, всё продолжаются трудности в редактировании книги. Журнал уже печатает, а Гослитиздат снова затеял волынку, возникли у них новые сомнения, дали рукопись на новое редакторское чтение. В общем, литературные удовольствия. Так как мне исполнилось 35 лет и я уже «не дитя», все это меня не огорчает, таковы атрибуты взрослой жизни, взрослого человека. Повесть маленькую, о которой писал тебе, закончу, вероятно, завтра или послезавтра.

Пиши мне, дорогой мой, почаще. Я очень рад твоим письмам. Береги себя, не простуживайся, теперь собачьи холода, ветры. Опиши мне свою жизнь, как работаешь, обедаешь, что вечерами делаешь. Тепло ли у тебя? Как долго рассчитываешь еще путешествовать?

Крепко тебя целую,

твой Вася.

Я взялся за общественную работу. В Главном Управлении трудовых резервов — организую литераторов на писание книг, брошюр для учащихся ремесленных училищ. Ввели меня в редакционный совет. Видишь как — с одной стороны, меня редактируют до колик, а с другой — я сам редактор.

Пиши, дорогой мой. Еще раз крепко целую тебя,

Ва.

133

2 января 1941, [Москва]

2 января 1941 г.

Дорогой мой, думаю, что ты уже в Мичуринске. Получил ли мои письма, адресованные в Моршанск? Сегодня собачий холод, и я все думаю, как-то ты там в своем осеннем пальтеце. Будь осторожен — не выходи сразу из жаркого цеха на мороз. Надеюсь, что морозы эти будут недолговременны, ох, не люблю я их. Получил ли мамины письма? Она получила обе посылки. Напиши мне, пожалуйста, как идет твоя работа — скоро ли собираешься в Москву.

Чего пожелать тебе в новом году? Многое можно: здоровья, интересной работы, комнату в Москве, хорошего летнего отдыха. Реален ли тот проект, о котором ты мне писал в последнем своем письме, постройка дома в Кратове?[308] И как долго может длиться такая постройка?

Что у меня нового. «Знамя» должно выйти в

---

[308] Примечания: 308

Кратово — подмосковный дачный поселок.

ближайшие 8–10 дней. Сигнальный экземпляр уже получен из типографии, но мне его только показали, в руки не дали. Как только получу, пошлю тебе, если только к этому времени ты уж не соберешься обратно в Москву. Издание «Кольчугина» в Детиздате откладывается с месяца на месяц, и это теперь главный предмет моего беспокойства, ибо этот гонорар (который тоже откладывается с месяца на месяц) должен явиться основой для моего существования и работы. А основа эта весьма и весьма зыбкая. В общем, посмотрим — в течение января могу еще ждать. А если в январе не издадут, то придется придумывать какие-нибудь способы. Начал работать. Решил, что откладывать работу над «Кольчугиным» не следует надолго, и поэтому переменил свой план на 1941 год. Сперва думал раньше писать пьесу[309], а потом браться за «Кольчугина», сейчас перерешил все и сегодня уже второй день работал над книгой. В связи с работой много приходится читать, материалы огромные. Ведь мне предстоит в этой книге описать Февральскую и Октябрьскую революцию, а это ведь целое море событий, а герои в это вре-

[309] Примечания: 309

О пьесе для Театра им. Вахтангова см. письмо отцу от [ноября 1940 года] (с. 190).

мя женятся, разводятся, в общем, хлопот много. Словом, из этих соображений да, кроме того, из тех, что просто уж соскучился по «Кольчугину», я ведь больше 5 месяцев как кончил четвертую книгу, решил продолжать без антрактов. Ничего, кроме удовольствия, пока от этого решения не испытываю. Как пойдет работа, видно будет.

Дорогой мой, напиши мне. Пиши, пожалуйста, подробно, куда и когда писать тебе, так как из-за неуверенности и незнания «где ты и куда ты» в нашей переписке происходят паузы. Впрочем, может быть, тебе трудно точно предвидеть, сколько продлится твоя работа. Получил письмо от Нади, тетя переехала к ней, Надя получила работу в библиотеке, счастлива, это то, о чем мечтала. Счастье ей не помешало, однако, запустить мне в бок с полдесятка шпилек.

Целую тебя крепко, твой Вася.

Звонила 2 раза Ольга Семеновна, спрашивала, получаю ли письма от тебя, и предлагала Мишу устроить в хороший санаторий для астматиков. Да ему сейчас лучше, решили его не трогать посередине учебного года.

Я, кажется, тебе писал о заминке в Гослитизда-

те с изданием книги (той, что в «Знамени»)[310], сейчас дело пошло, кажется, на лад. Как только решится, напишу тебе подробней.

134

7 января 1941, [Москва]

Дорогой мой, получил твое письмо из Ряжска. Ты уж, наверное, в Мичуринске. Я писал тебе 2 письма, не знаю, получишь ли их, они пришли, верно, до твоего приезда.

Дорогой мой, с большим, очень большим интересом прочел, что пишешь о своей работе. Я вот сейчас вспомнил твои письма из Донбасса, которые ты писал в 1927–28 годах, и подумал, что ведь они большую роль сыграли в моей жизни, в моем интересе к труду, к рабочим, собственно. Ведь они меня побудили в Донбасс поехать. Ну что ж, только спасибо тебе за это, ведь стали эти донбассовские годы основными в моей жизни и надолго определили и интересы мои, и литературную работу. Теперь напиши мне в следующем письме о своем быте — как обедаешь, где, чем, как спишь, что делаешь в свободные часы. Обязательно напиши.

---

[310] Примечания: 310
См. там же (с. 189).

Вышел журнал «Знамя» с новой частью «Кольчугина». Твой номер уж лежит — можно ли его тебе в Мичуринск выслать? И по какому адресу, по тому, что письма шлю? Напиши.

Работаю понемногу, вхожу в колею, сейчас предстоит написать мне самую трудную и в то же время самую интересную часть книги — революцию 1917 года.

Пиши, дорогой мой.

Целую тебя крепко,

твой Вася.

7 января 1941 г.

Не забывай указывать заблаговременно о перемене адреса.

135

12 января 1941, [Москва]

Дорогой батько, послал тебе 3 письма в Мичуринск и вдруг получил твое, где пишешь, что едешь в Тамбов. Переслали ли тебе мои письма, или пропали они в Мичуринске?

Я уж писал тебе, что вышел журнал «Знамя». Твой номер лежит, отложен, только не знаю, куда посылать, — напиши точный адрес.

Мои дела в Гослитиздате упорядочены вполне. Там произошла следующая штука — один из чи-

новников вдруг усумнился в книге, перепугался и чуть ли не предложил начать все редактирование сначала (помнишь, как приятно мне было это редактирование). Создали комиссию, и она решительнейшим образом стала на мою сторону, и книга пошла в набор. Ну а журнал, как видишь, вышел тоже на свет божий. Нервы я себе истрепал сильно всеми этими историями. Лечу их работой и действительно замечаю, что самое лучшее — работать каждый день, систематически, без пропусков. На днях читал товарищам свою новую повесть. Понравилась им весьма, оценили ее высоко, вероятно, переоценили.

Пишу тебе на даче. Собачий мороз, но ночь красива, снег, полная луна и полная тишина.

Батько, дорогой мой, пишу о себе не из эгоизма, а зная, что тебя интересуют мои новости.

После долгих колебаний (писал о них тебе в Мичуринск) договорился с театром Вахтангова писать пьесу, а одно время решил не браться за нее. Посмотрю, что выйдет.

Пиши мне. Береги себя.

Крепко целую. Твой Вася.

12 января 1941 г.

136

[Конец января 1941, Москва]

Дорогой батько, послал тебе в Мичуринск «Знамя» заказной бандеролью. Получил ли?

К посрамлению редакторов-трусов и перестраховщиков книга встречена прессой очень хорошо. 20 янв. в «Правде» помещена статья, 25-го статья в «Вечер(ней) Москве». Была одобрительная статейка в «Литер(атурной) газете»[311]. Говорили мне, что отзывы устные тоже в редакцию поступают хорошие и что даже Щербаков, секретарь МК ВКП[312], на каком-то собрании хвалил весьма «Солдат революции». Ну вот. А помнишь, сколько пришлось мне воевать с редакторами, сколько нервов, усилий я положил, чтобы не кромсали и не резали книги. Ох, беда с чиновниками литературными.

---

[311] Примечания: 311

Речь о статье Марка Серебрянского «Солдаты революции» в «Правде» (Серебрянский 1941), статье В. Викторова «Степан Кольчугин» в «Вечерней Москве» (Викторов 1941) и статье Якова Рыкачева «„Знамя“, № 11–12. 1940» в «Литературной газете» (Рыкачев 1941).

[312] Примечания: 312

Александр Сергеевич Щербаков (1901–1945) был первым секретарем Московского горкома и обкома с 1938 года. С июня 1941 года — начальник Совинформбюро, а с 1942-го — еще и Главного политуправления Красной армии. Пользовался большим доверием Сталина.

Сейчас работаю над пьесой. Трудная работа, и не знаю, что получится из нее. Во всяком случае, интересует она меня очень. Думаю, что в феврале доведу ее до конца — победного или не победного, но до конца.

А впереди «новый богатый старик», не знаю, соблазнит он меня или нет, но пока соблазняет.

Получил ли мое письмо в Тамбов?

Пиши мне, дорогой мой. Скоро ли кончаешь свою работу? Когда вернешься в Москву. Как тут у тебя будет с дровами, пишет ли Ольга Семеновна тебе? Ох, почему теплое пальто твое висит на вешалке, а ты в такие морозы ходишь в осеннем.

Думаю, что материальные дела пойдут на поправку, ты не огорчайся — есть к тому веские признаки. Пиши, дорогой мой.

Крепко тебя целую,

твой Вася.

Звонила Лёля — спрашивала твой адрес. Писала тебе?

137

3 февраля 1941, [Москва]

Дорогой папа, получил твое письмо из Мичуринска. Получил ли ты книжку журнала и письмо? Рад, что кончается твоя командировка,

но беспокоит меня, найдешь ли дома у себя дрова, или придется тебе с места в карьер решать эту подлую проблему. Обязательно нужно будет тебе отдохнуть хотя бы недельку после возвращения.

У меня теперь дела идут нормально. Книгу сдал окончательно, готовлюсь к новой работе, самой, пожалуй, ответственной, — 1917 год. Потребует она у меня немалого напряжения, но я не боюсь его, очень уж интересует работа меня.

Сегодня был в театре — смотрел новую пьесу Гауптмана «Перед закатом солнца»[313]. Он написал ее несколько лет тому назад, она запрещена в Германии, кажется, хотя Гауптман в почете у немцев. Действительно, хотя на сцене разыгрывается личная драма старика-промышленника, влюбившегося в девушку — племянницу садовника, но за личной трагедией все время чувствуется трагедия Германии. Пьеса производит большое впечатление, кончается она мрачно — дети старика восстают против его любви к молодой простой девушке, и старик кончает самоубийством.

Вообще я теперь хожу в театры — смотрю вся-

---

[313] Примечания: 313

Пьеса Герхарда Гауптмана «Перед заходом солнца» (Гроссман в своем письме неверно передает ее название), написанная в 1932 году и критиковавшая немецкое общество того времени, шла в постановке Александры Ремизовой в Театре им. Вахтангова. Премьера состоялась 3 февраля 1941 года (Гауптман 2024).

кие пьесы: старые, новые, совсем старые. Очень невысок уровень актерской игры. Больше всех понравилась мне Яблочкина в Малом театре[314]. А вот в прекрасном Художественном не все благополучно, кажется мне — какая-то струя театральщины, условности, и, если исключить несколько стариков, не блестящий там бы получился актерский состав.

Моя пьеса получается довольно-таки криво, не нравится она мне. Но посмотрю, как допишется.

Пиши.

Целую тебя крепко, твой Вася.

1941. 3 февр.

138

24 апреля [1941, Ялта]

Дорогой папа, третий день сегодня, как приехали в Ялту. Представь, здесь холодно, туманы, пар изо рта идет, по ночам все мерзнут, требуют, чтобы комнаты отапливались. Но в то же время прекрасная природа — сады в роскошном цвету, трава выше колен, множество горных и полевых

[314] Примечания: 314

Александра Александровна Яблочкина (1866–1964) — актриса, с 1888 года и до конца жизни служила в Малом театре, сыграла свою последнюю роль в 1961 году.

цветов. Здесь сейчас приятная обстановка, живут милые люди, большинство из них хорошо мне знакомо по Москве: Гехт, Роскин[315], Твардовский. Отношения хорошие, не натянутые.

Сегодня уже начал работать.

Первые две недели посвящу «Кольчугину». Очень приятно мне было снова сесть за стол и встретиться с ним. Ведь уже больше полугода, как оставил работу над книгой. Приятно было, но в то же время и странно. Знаешь, бывает так: давно не виделся с человеком каким-нибудь и разговор налаживается с трудом, отвыкли друг от друга.

Вчера вечером сделали прекрасную прогулку в Ливадию. Сидели над морем, на обрыве. Среди высоких деревьев царского сада.

Работать буду до обеда, а после обеда гулять. В

---

[315] Примечания: 315

Семен Григорьевич Гехт (1900–1963) — друг Гроссмана; поэт, писатель, журналист; в годы Великой Отечественной войны был военным корреспондентом газеты «Гудок». В 1944 году арестован по обвинению в «антисоветской агитации» и осужден на 8 лет лагерей; реабилитирован в 1955 году (Шульман 2006). После ареста Семена Гехта Гроссман не прерывал с ним общения, см. об этом: Шершевский 2004.

Александр Иосифович Роскин (1898–1941) — друг Гроссмана; детский писатель, литературовед, литературный критик. Погиб в первые месяцы Великой Отечественной войны (см. об этом примеч. 5 к письму Ольге Губер от 17 августа 1942 года, с. 383).

Виньетка об общении в Ялте Гехта, Роскина, Гайдара и Паустовского начинает эссе Бенедикта Сарнова о Василии Гроссмане «Жестоковыйный» (Сарнов 2006).

общем жизнь неплохая, что и говорить.

Напиши мне, дорогой мой.

Крепко тебя целую,

твой Вася.

Привет Ольге Семеновне и Ларе.

Адрес мой: Ялта, ул. Кирова, № 9, Дом Литфонда.

24 апреля.

139

4 мая 1941, [Ялта]

Дорогой папа, послал письмо тебе. Получил ли его? Все жду от тебя ответа.

Здесь очень хорошо — тепло, все цветет и «сладостно благоухает». Я много гуляю, хожу на экскурсии. Работаю почти каждый день. Пишу книгу, пьесу отложил пока. Настроение хорошее, тут в этом году, не в пример прошлым, подобралась очень приятная компания — люди милые, мне симпатичные. Вот только читать не успеваю. Думаю пробыть здесь до 20–25 мая.

Пиши о себе. Как здоровье, работа. Жду твоего письма. Целую крепко. Твой Вася.

4 мая 41 г.

140

12 мая 1941, Ялта

Дорогой папа, очень обрадовался, получив твое письмо. Я беспокоился сильно, что ты не пишешь мне. А тут еще мама написала, что ты и ей не пишешь. Хотел уж телеграмму слать. Как себя чувствуешь? Поправился ли окончательно? Береги себя. Приезжающие из Москвы рассказывают, что у вас совершенно собачья погода — дожди, снег, холода.

Представь, что и здесь последние 8–9 дней погода весьма и весьма неважная — холодно, туманы, ветры, дожди. Но мне, грешному, такая погода по душе, я не люблю ясных жарких дней. Они пустые какие-то.

А здесь и при пасмурной погоде чудесно. Перед окном моей комнаты стоит огромный дуб, весь в молодых листьях, внизу шумит море, и его видно из окна. А в кустарнике по вечерам и ночью поют соловьи. Тут уж множество цветов — распустились и отцветают каштаны, глицинии, распустились розы, цветет красно-фиолетовыми цветами иудейское дерево. Люблю очень гулять по набережной, ходить на здешний базарчик — несут огромных камбал с белым пузом и с

шипами на спине, торгуют зеленью — редиской, луком зеленым, чесноком, продают красный стручковый перец — знаешь, тот, что на миг опустишь в борщ, и борщ становится огненным, продают гранаты, орехи, овечий сыр. Кричат продавцы чебуреков и караимских пирожков. Очень уж хороши южные города.

Я работаю до обеда, главным образом. Пишу «Кольчугина». Работа едет туговато, медленно, но ничего. Я ей в общем доволен. Правда, главные трудности у меня еще впереди. Прочел внимательно твои замечания по поводу пьесы. Я с ними согласен, они справедливы. Между прочим, в театре Горюнов[316] тоже критиковал эту картину. Думаю ее заменить вообще новой. Но пока не спешу. Возможно, что здесь не буду этим заниматься, отложу до Москвы.

Дорогой мой, если есть охота, напиши мне еще сюда письмо. Останемся здесь до 30 мая.

Имел письмо от мамы, Катюши. Катюша подробно описывает, как была в цирке. Должно быть, потом приедет в Москву.

Целую тебя крепко.

---

[316] Примечания: 316

Анатолий Иосифович Горюнов (1902–1951) — актер; в 1927–1944 годах заведующий постановочной и литературной частью Театра им. Вахтангова.

Твой Вася.

Привет Ольге Семеновне.

12 мая 1941 г.

Ялта.

Статейка моя напечатана в «Известиях» от 30 апр.[317]

Военные годы, 1941–1943

Василия Гроссмана призывают в армию 28 июля 1941 года, он служит военным корреспондентом в газете «Красная звезда»[318].

141

8 августа 1941, [Гомель][319]

8 августа 41 г.

Дорогой мой, приехал 7-го на место. Чувствую

---

[317] Примечания: 317

Статья «Самая широкая тема жизни» (Гроссман 1941d).

[318] Примечания: 318

См.: ЦАМО. Шк. 50. Ящ. 31. Б-420197; РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 39. Ед. хр. 1658.

[319] Примечания: 319

Здесь и далее в письмах фронтового периода местонахождение Гроссмана, если он сам его не указывал, устанавливалось по штемпелю отправления письма, по фронтовым записным книжкам Гроссмана и по его учетно-послужной карточке из Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО. Учетно-послужная картотека офицерского состава. Шк. 50. Ящ. 31. Б-420197).

себя хорошо. Кормят меня превосходно. Понемногу вхожу в курс своей работы. Настроение хорошее — вокруг много хороших, крепких людей с несгибаемой волей, спокойных.

Жалею, что не захватил одеяло, укрываться плащом скверно, да им не столько укрываешься, сколько спишь на нем. Волнует меня все время мысль о судьбе мамы[320] — где она, что? Если узнаешь, напиши мне немедленно, пробовал ли ты наводить о ней справки через переселенческое управление?

Как-то ты живешь? Отсыпаешься ли после ночных тревог? Я здесь сплю хорошо, спокойно. Со мной здесь в бригаде славные ребята. Писателей, кроме Гольцева[321], — нет, да и тот не писатель и работает не вместе со мной. Но сие обстоятельство лишь приятно — не хочется тут московской обстановки.

Будь здоров. Целую тебя,

---

[320] Примечания: 320

Бердичев был оккупирован немецкими войсками 8 июля 1941 года. В течение августа евреи были перемещены в гетто, созданное в одном из районов города, 15 сентября все население гетто было уничтожено. В числе убитых была и Екатерина Савельевна. Гроссман узнал о гибели матери и обстоятельствах ее смерти лишь в 1944 году.

[321] Примечания: 321

Виктор Викторович Гольцев (1901–1955) — писатель, журналист; в годы войны специальный корреспондент газеты «Красный сокол», с 1949 года — главный редактор журнала «Дружба народов».

твой Вася.

Позвони по телефону Николаю Вениаминовичу Г6-4705[322] и Гехту 1-55-55, скажи, что от меня письмецо, — им интересно весточку получить.

Адрес мой: 865-я полевая почта, п/я № 3.

142

9 сентября 1941, [Брянский фронт]

9 сент. 41 г.

Дорогой батько, очень жалею, что не было тебя дома, когда звонил в Москву по телефону. Как-то ты живешь, здоров ли, как себя чувствуешь.

Я здоров, чувствую себя хорошо, настроен тоже хорошо, только вот беспокоюсь дни и ночи о маме и Катюше[323], да хочется близких своих повидать.

---

[322] Примечания: 322

Телефон с этим номером был установлен по адресу: переулок Фурманова, 3/5, и зарегистрирован на имя друга Гроссмана, литературоведа Николая Вениаминовича Богословского (1904–1961) (см.: Список 1939: 25). Во время Великой Отечественной войны Богословский вступил в народное ополчение, затем служил в армейской газете «Боевые темпы», с марта 1942 года работал в Москве.

Семен Липкин пишет о том, что Богословский не оставил Гроссмана и в 1950-х годах, когда на его роман «Сталинград» («За правое дело») обрушилась критика и многие от него отвернулись: «Не надо, однако, думать, что все это время Гроссман находился в непрестанном унынии. Были друзья, которые оставались друзьями. Гроссман выделял и любил Бориса Ямпольского, Виктора Некрасова, литературоведа Николая Богословского, человека чистого, по-детски верующего» (Липкин 1990: 30).

[323] Примечания: 323

Катя в 1941 году жила в семье матери в Киеве. В июне 1941 года ее отправили в пионерский лагерь под Киевом, где она находилась вплоть до начала войны (Короткова 2009: 136–137). В первые месяцы войны Анна Мацук с дочерью уехала в Днепропетровск, затем в поселок Джусалы (сейчас Жосалы) и, наконец, в Ташкент (Короткова-Гроссман 2014: 24–63).

Возможно, что недельки через 3 смогу на несколько дней приехать в Москву. Тогда помоюсь хорошо и высплюсь без сапог — мечта о высшем комфорте. Видаешь ли моих московских друзей, привет им сердечный от меня. А тебя целую крепко, твой сын Вася.

Привет Жен⟨ни⟩ Генрих⟨овне⟩[324]. Пусть напишет Люсе[325], что письмецо от меня было.

143

14 сентября [1941, Брянский фронт]

14 сентября

Дорогой папа, пользуюсь случаем написать тебе несколько слов. Изменений в моей жизни не произошло, здоров. Настроение хорошее. Тянет на денек в Москву. Очень хочется знать, есть ли сведения о маме и Катюше. Напиши мне, пожалуйста, по адресу: Дейст⟨ительная⟩ Красная

---

[324] Примечания: 324

Женни Генриховна Генрихсон — гувернантка Михаила и Федора Губеров, после ареста Бориса Губера жившая в семье Гроссмана. В 1941 и 1942 годах не уезжала в эвакуацию, а оставалась в Москве, умерла во время войны.

На двух почтовых открытках Женни Генриховне от Гроссмана стоит фамилия Генрихсон, при этом Федор Губер в своих воспоминаниях утверждает, что на самом деле ее фамилия была Гендриксон (Губер 2007: 142).

[325] Примечания: 325

Ольге Михайловне Губер.

армия. Полевая почтовая станция 127, почт⟨овый⟩ ящик № 12. Хочу тебя видеть очень.

Крепко тебя целую, твой Вася.

Привет Жен⟨ни⟩ Генриховне.

Так как нет конвертов, посылаю письма в одном конверте — пусть Жен⟨ни⟩ Генриховна отошлет его Люсе, а записочку Гехту либо Богословскому.

Ну, будь здоров, дорогой мой.

Целую тебя, Вася.

144

1 октября 1941, [Брянский фронт]

1 октября 41 г.

Дорогой мой, получил сразу несколько открыток — твоих две, от Ковалевского[326] и Гехта. Очень и очень был рад получить их. Ведь это первая весточка за 2 месяца. Очень рад, что Катюша нашлась, но вдвойне стало мне печально за маму — пусть Жен⟨ни⟩ Генр⟨иховна⟩ перешлет мне письма Люси — каждое в отдельном конверте. Непременно пусть сделает это.

Катюше надо посылку послать.

---

[326] Примечания: 326

Вячеслав Александрович Ковалевский (1897–1977) — писатель, друг Гроссмана; в годы войны — военный корреспондент газеты «На разгром врага»; ответственный секретарь секции прозы Союза писателей, член правления Литфонда.

Очень хочу тебя видеть, но пока начальство не отзовет, и думать об этом нечего. Береги себя, дорогой мой, не переутомляйся.

Крепко тебя целую, твой Вася.

145

17 ноября [1941, Куйбышев]

17 ноября

Дорогой мой и хороший, смертно был огорчен, что не видел тебя. Приехал на второй день после твоего приезда в Куйбышев[327]. Дорогой мой, мы с тобой еще увидимся — помни это. Я надеюсь и верю в это. Я очень сожалею, что ты не поехал в Чистополь[328] — там тихо, мирно, дешево. Люся там много работает в колхозе, стала худой как щепка. Она очень просила, чтобы я помирил вас, и хочет, чтобы ты был в Чистополе.

Я, вероятно, уеду на фронт — возможно, что на южный. Пиши мне: Куйбышев обл., ул. Фрунзе,

---

[327] Примечания: 327

Семен Осипович ехал в эвакуацию в Узбекистан.

[328] Примечания: 328

Ольга Губер уехала с детьми в эвакуацию в Чистополь в середине июля 1941 года и пробыла там до апреля 1943 года.

№ 146, кв. 32, Ирине Ильиничне Эренбург[329], для передачи мне. Адрес Гали в Ташкенте: Коммунальный сквер, № 13, кв. Асеева. Возможно, что Катюша у нее.

Как только получу деньги, переведу тебе в Ташкент, до востребования.

Передай Гале, что писал ей, — получила ли она. Пусть через тебя или сама по этому адресу напишет мне. Как, куда перевести ей деньги?

Дорогой мой, хороший батько, не падай духом — не чувствуй себя одиноким, я люблю тебя и постоянно думаю о тебе. Мы еще встретимся и заживем вместе.

Пиши мне, береги себя.

Крепко целую тебя, твой Вася.

Спешу передать письмо, едут в Ташкент. Еще раз целую тебя, крепко целую.

146

21 ноября 1941, [Куйбышев]

21 ноября 41 г.

Дорогой мой и хороший, пришел на вокзал, ты уже уехал. Грустно стало мне. Я, вероятно,

---

[329] Примечания: 329

Ирина Ильинична Эренбург (1911–1997) — дочь Ильи Эренбурга, писательница, переводчица.

скоро уеду в Москву. Посылаю тебе 300 руб. пока. Затем еще вышлю. Береги себя. Помни, что если плохо тебе очень, то перебирайся в Чистополь. Настроение здесь хорошее. Крепко тебя целую и люблю, твой Вася.

Справляйся обо мне через жену Габриловича[330]. Я тут живу в комнате ее мужа. Очень волнуюсь о тебе — как доехал, как с кормежкой, где устроился.

147

2 декабря [1941, Куйбышев][331]

2 декабря

Дорогой мой, узнал из телефонного разговора Габриловича с женой о том, что у вас затруднения с пропиской. Полон беспокойства о том, как устроятся ваши дела там. Получил ли мое письмо, открытку? Послал тебе дней шесть тому назад 300 руб. до востребования. Когда-то они дойдут до тебя. Через 6–7 дней сумею послать тебе снова

---

[330] Примечания: 330

Нина Яковлевна Габрилович (1903–1973) — жена писателя и сценариста Евгения Иосифовича Габриловича (1899–1993), в годы войны служившего, как и Гроссман, специальным корреспондентом в «Красной звезде».

[331] Примечания: 331

В архиве это письмо ошибочно помещено в папку с письмами за 1942–1943 годы (РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 29).

денег, надеюсь, что большую, чем в первый раз, сумму. Да беда в том, что уж очень медленно они ходят.

Мои обстоятельства изменились — я на довольно продолжительное время остаюсь в Куйбышеве. Дело в том, что редактор наш предложил Габриловичу и мне написать для газеты повесть на фронтовом материале, этим делом займемся теперь[332]. Займет оно, вероятно, месяца полтора-два. Надо будет мне здесь устроиться с жильем, а то ведь я все ждал, что улечу со дня на день. Видел ли Галю, где Катюша? Куда писать Гале? Куда переводить ей деньги? А может быть, посылать их на твое имя? Но останешься ли ты в Ташкенте? Ведь ничего мне не известно. Если можешь, вызови меня по телефону по адресу, который я тебе передал. Если б знал твой адрес, то смог бы вызвать тебя. Попробуй вызвать ты. С огромным нетерпеньем жду известий от тебя. Жалеть об отъезде ты не должен, это была необходимость. Целую тебя крепко, твой Вася.

Сегодня получил открытку, которую ты послал 27 октября, с дороги. Целую тебя еще раз, мой дорогой. В.

---

[332] Примечания: 332
Речь о повести «Народ бессмертен».

На худой конец, помни разговор о Чистополе. Да, страшна дорога!

148

4 декабря 1941, [Куйбышев]

Дорогой мой, вероятно, завтра уеду из Куйбышева месяца на полтора-два. Сегодня послали молнию председателю ташкентского горсовета и редактору газеты «Фрунзевец», подписанную нашим редактором, о твоей и Габриловичей прописке в Ташкенте. Послал тебе почтой до востребования 300 р. и сегодня телеграфом 500 р. — думаю, что телеграфный перевод придет раньше почтового. Я очень беспокоюсь о твоей судьбе, здоровье — где ночуешь, есть ли у тебя средства, пока подоспеют деньги. При первой возможности снова вышлю тебе — все буду посылать по адресу «до востребования».

Пиши мне, пожалуйста, по адресу, который я оставил тебе, либо Самарская, 49, редакция «Красной звезды»[333].

Кстати, в случае необходимости какой-либо напиши зам. редактора Шифрину по этому же

---

[333] Примечания: 333
Адрес в Куйбышеве (сейчас Самара).

адресу (редактор в Москве)[334].

Одно время я предполагал, что останусь в Куйбышеве, но сейчас положение изменилось.

Пиши, дорогой мой. Крепко тебя целую,

твой Вася.

Очень скучаю по тебе, волнуюсь и думаю — о твоих делах.

Ну, еще раз целую тебя и жму крепко твою руку.

Дорогой мой, если найдешь Катюшу, то из этих 800 р. передай Гале, сколько найдешь нужным.

4. XII.41

149

1 февраля [1942, Юго-Западный фронт]

1 февр.

Дорогой мой, писал тебе все время на Ташкент. Сегодня вернулся из длительной поездки и узнал, что ты в Самарканде. Как устроился, как живешь, как здоровье твое? Дошло ли до тебя хоть одно мое письмо либо открытка, дошли ли деньги (Ташкент — до востреб(ования))? Сейчас пошлю тебе

---

[334] Примечания: 334

Ответственным редактором «Красной звезды» в 1941–1943 годах был Давид Иосифович Ортенберг (1904–1998), а его заместителем — Григорий Ильич Шифрин (1904–1995).

деньги — Самарканд, до востребования, справляйся на почтамте. У вас там, наверное, первые признаки весны, здесь жгучие морозы пока. Попал на днях в буран в степи, выехал на танке в деревню, а то бы пришлось померзнуть крепко. Работы много, и работа интересная. Настроение хорошее. Вот только беспокоюсь о всех близких моему сердцу, рассеялись вы по свету. Снится мне часто мама, что с ней, жива ли? Мой адрес на обороте. С нетерпением жду хоть какой-нибудь весточки от тебя. Целую тебя крепко, твой Вася. Видел ли Катюшу? Она в Ташкенте.

150

25 февраля 1942, [Юго-Западный фронт]

Дорогой мой, хороший, — получил твоих два письма из Самарканда. Рад им был несказанно. Я все эти месяцы на фронте, жив, здоров, бодр. Твердо верю, что мы с тобой увидимся и вместе заживем. Где сейчас Галя и Катюша? Послал ей в Ташкент (до востребования) 350 руб., а тебе в Самарканд (до востр(ебования)) тоже 350 рубл. Получили ли? В ближайшие дни снова вышлю. Кроме того, посылал тебе в Ташкент (до востреб(ования)) 300 и 500 руб. Получил ли ты их? Пишу об этом, чтобы ты мог справку навести,

если денег не получил. Просьбу твою обязательно выполню (повидать директора), как только попаду в Москву, а возможность эта не исключена.

Живу я хорошо — работы много. Всю зиму проколесил по фронту. Помнишь, ты меня когда-то укорял (и вполне основательно), что я мало езжу, все сижу на месте. Теперь я компенсирован — моих поездок и впечатлений хватило бы на весь Союз писателей. Дни и ночи я в движении, езжу в бураны и морозы, на машинах, летаю на самолетах, езжу санями, а однажды даже на танке ехал, когда наш автомобиль застрял в буран посреди степи.

Сколько здесь чудесных людей, какая скромность, простота и какая доброта, удивительно сочетающаяся с воинской суровостью. Да, пусть твое родительское сердце радуется — хорошо меня в армии знают, куда ни приедешь, всюду встречают, часто вижу свою книгу в блиндажах и землянках. А недавно ездил я в шахтерские полки[335], там меня просто в лицо некоторые узнавали — по портрету на книжке. Так и кри-

[335] Примечания: 335

После поездки Гроссман написал очерк «Слово о шахтерских полках» для «Красной звезды», который так и не был опубликован в газете (ЦАМО. Ф. 179. Оп. 351175. Д. 22. К. 01552. Л. 26–31), но вышел вместе с некоторыми другими ранними очерками Гроссмана в сдвоенном номере журнала «Знамя» за май — июнь 1942 года (Гроссман 1942g).

чали: «Эй, как там сани запрягли для Степана Кольчугина?» Ну вот, меня это радует. Хорошо, когда тебя знают в такой чудесной армии, как наша Красная армия.

Дорогой мой, мучит меня твое неустройство, мучит, что ты один и так далеко от меня. Вдруг заболеешь? Мучит, что не могу широко помочь тебе. Но верю, будем мы снова вместе. Крепко тебя целую, мой дорогой.

Твой Вася.

Пиши!! Адрес на конверте.

25 февр. 42 г.

151

6 марта 1942, [Юго-Западный фронт]

Дорогой мой, получил вчера твое первое письмо, адресованное на 28-ю полевую почту. Шло оно хорошо сравнительно. Очень меня волнует твое житие-бытие. Страшно хотелось бы, чтобы тебе удалось вернуться в Москву. Надеюсь, начальство пришлет тебе бумажку нужную. Вчера же вернулась ко мне пачечка писем и открыток, которые я посылал тебе по адресу: Ташкент, до востребования. Разве ты не сообщил ташкентскому почтамту, что переменил адрес на самаркандский? От Гали ни слова не имел за

все это время. Ты ей напиши, что посылаю ей деньги по адресу: Ташкент, до востребования. Тебе выслал уже по адресу Заводская, 20. А 350 р. до востреб(ования) на Самарканд дошли до тебя? Поездка моя в Москву все время оттягивается, а это единственный способ сколотить денег, чтобы послать побольше тебе и Катюше. Надеюсь, однако, что удастся это сделать в конце марта. Ты мне пиши на полевую почту, т. к. поездка в Москву будет, вероятно, непродолжительной. Получаю регулярно письма от Жен(ни) Генр(иховны), это мой самый корреспондент верный. Объясняется это тем, что письма из Москвы ходят очень аккуратно и быстро. Из Чистополя вестей почти не имею. Правда, на днях приехал оттуда Твардовский и привез мне письмо, носки шерстяные и носовые платки. Люся храбрится, но Твардовский говорит, что стала она совсем восковая. Там теперь холода 55–60°.

Я работаю много, езжу, езжу. У нас здесь еще холода, но бывают дни, когда солнце светит совсем по-весеннему. Иногда мне кажется, что я всю свою жизнь ездил на грузовиках, спал в сараях и в полусожженных хатах и что никакой у меня другой жизни не было. Снилась она мне, что ли?

Прожил я всю зиму в движении, насмотрелся

дай бог всякому. Стал воякой, ругаюсь — голос сделался сиплым от махорки и простуды, и почему-то правый висок поседел. Дорогой мой, хороший, целую тебя крепко. Твой сын Вася.

Я верю — увидимся.

6 марта 42 г.

152

7 марта 1942, [Юго-Западный фронт]

7. III.42

Дорогой папа, послал тебе вчера письмо. Сегодня так хочется поговорить с тобой. У нас снова зима, холодище лютый. У вас, средних азиатов, уж верно, цветет все? Десять дней просидел на месте, писал — отдохнул хорошо. Вероятно, дня через 2–3 снова выеду на фронт. Поездка займет недели две. Батько, родной мой, если не выйдет у тебя с Москвой, то, может быть, в Чистополь переберешься — там лучше будет. Теперь ведь ездить легче, чем в ноябре. Ох, помню я наше расставание на вокзале, когда пошел ты в вагон. Нелегко было на душе. Теперь совсем иное. Есть вера, радость, свет. Увидимся мы с тобой, родной мой. Будем вместе цветники разводить и поливать их, греться на солнце. А мне очень хочется погреться на солнце, надоело хвататься то за нос,

то за уши — не отвалились ли. Да, кстати, полегчал я на 16 килогр. — это очень хорошо. Помнишь мое толстое пузо? Приехал Гехт в Москву — получил письмишко от него. Так и нет вестей от дорогого друга моего Бобрышева[336]. Видно, нет его в живых. Пиши мне, дорогой.

Целую тебя крепко, твой Вася.

153

9 марта [1942, Юго-Западный фронт]

Дорогой мой, получаешь ли от меня теперь письма? Я одно твое, посланное на полевую почту, получил. Пиши мне, пожалуйста, чаще.

Завтра я выезжаю в командировку, пробуду в ней недели 2. Теперь ездить лучше — потеплело, а дороги еще не распустило. Надеюсь по возвращении найти письмо твое.

Что у тебя слышно — как с возвращением в Москву? Имеешь ли связь с Галей? Как живет Катюша? Я очень соскучился по тебе, очень хочется повидаться. Когда-то мы снова заживем вместе. Будем жить под одной крышей. Беспоко-

---

[336] Примечания: 336

Журналист и литературный критик Василий Тихонович Бобрышев погиб в октябре 1941 года в вяземском котле. Гроссман написал о нем очерк «Вы отличный редактор и организатор…» (Гроссман 1964).

юсь, беспокоюсь о тебе бесконечно.

Целую тебя крепко,

твой Вася.

9. III.

Нашелся Кугель и Фраерман[337] — написали мне.

154

11 марта 1942, [Юго-Западный фронт]

11 марта 42 г.

Дорогой мой, послал тебе маленький перевод 200 р. Одновременно выслал Гале по адресу Ташкент, до востребования — тоже 200 р. Напиши ей, пусть зайдет на почту получить их. Вероятно, завтра уеду в командировку недели на две. Очень хочу видеть тебя, очень тоскую и беспокоюсь по тебе. Как живешь, здоров ли? Я здоров, крепок, подвижен, молод, словом, болячки мне не грозят. Пиши мне чаще. Очень хочется знать о тебе. Как там у вас — весна? Как только будет малейшая

[337] Примечания: 337

Рувим Исаевич Фраерман (1891–1972) — писатель и журналист, друг Гроссмана. В 1941 году вступил в ряды народного ополчения, был тяжело ранен в январе 1942 года, в мае демобилизован. Состоял в Еврейском антифашистском комитете и вместе с Гроссманом принимал участие в подготовке к печати «Черной книги». Гроссман гостил в доме Фраерманов в рязанской деревне Солотче (см. письма к отцу и Ольге Губер от июня — июля 1946 года, с. 233–235, 432–437).

возможность, вышлю деньги снова. Получаешь ли мои письма, открытки? Пишу тебе часто. Целую тебя крепко, твой Вася.

155

20 марта [1942, Юго-Западный фронт]

20 марта

Дорогой мой, приехал вчера, верней, прилетел и нашел письмо твое от 22 февраля. Это уже второе твое письмо. Не буду говорить тебе, как обрадовался ему. Отвечу на твои вопросы. Когда поеду в Москву — не знаю. Возможно, что в ближайшие 2–3 дня, возможно, снова отложится. Ведь я от себя в этом вопросе не завишу. Отпуск на писание повести все время мне обещают, но пока это разговоры, которые длятся уже 3 месяца. Здоровье мое хорошее. Действительно, одно время было плохо с сердцем, но теперь снова все в порядке. Деньги я посылал, кроме тех 800, еще по 550 тебе и Гале одновременно (200 и 350), писал уже тебе об этом. Пишу тебе часто, ты, вероятно, теперь получаешь мои письма. Все, что писал тебе в Ташкент, вернулось пачкой на мою полевую почту.

Куда писать мне? Затрудняюсь тебе сказать, т. к. если я уеду, то письма здесь застрянут. По-

жалуй, лучше всего пиши по адресу московской квартиры — Жен(ни) Генр(иховна) мне перешлет. Она уже однажды переслала твое письмо мне. От нее письмо ко мне идет не больше 6–8 дней. Если буду в Москве, то, конечно, зайду на арбатскую квартиру и, конечно, свяжусь с доктором Стуковой.

Ну вот. Самое печальное в моей жизни вот что: вчера получил открытку от Миши, он пишет: «Мама скрывает от вас, что тяжело больна. Если можете, приезжайте». Оказывается, он ходил с ней к врачу, у нее что-то с печенью и сердце совсем плохо, худеет она, пишет Миша, так, что страшно на нее смотреть. Боюсь, что мои опасения о характере ее болезни верны. Словом, понимаешь, как мне стало на душе, когда прочел Мишино письмо.

Если буду в Москве, надеюсь, что буду, тотчас поправлю материальные дела, т. к. у меня собралась книжка статей — смогу ее издать. Тогда, конечно, сразу же вышлю тебе побольше денег. Получил письмецо от Гали, очень хорошее, без претензий и брани, жалуется лишь на дурной характер Катюши. Дорогой мой, будь крепок, увидимся с тобой. Маму вижу по ночам, во время этой поездки всю ночь видел ее как живую.

После этого весь день был в каком-то странном состоянии. Нет, не верю я, что она жива. Я все время езжу по освобожденным от немцев районам и вижу, что делали эти проклятые звери со стариками и детьми. А мама ведь еврейка. Во мне все крепнет желание сменить перо на винтовку. Целую тебя крепко, Ва.

156

8 апреля 1942, [Москва]

8 апр. 42 г.

Дорогой мой и хороший, пишу тебе из Москвы. Здесь нахожусь уже несколько дней. Завтра уезжаю в Чистополь. Получил творческий отпуск на 2 месяца — с 10 апреля по 10 июня. Правда, был предупрежден, что в случае необходимости вызовут меня телеграммой. Настроен, как понимаешь, хорошо, очень доволен, прямо как мальчишка. Приезд в Москву произвел на меня огромное впечатление — город, улицы, бульвары, все словно родные близкие лица. Ходил и радовался. Из друзей своих застал здесь Богословского и Фраермана. Удалось кое-что сделать «в рассуждении» поправки материальных дел — заключил договор на издание маленькой книжечки фрон-

товых очерков и рассказов[338]. Высылаю тебе сегодня деньги. Одновременно посылаю деньги Гале. Получил от нее письмо. Она, между прочим, пишет, что нашелся Виктор[339]. Он был ранен, лежал в госпитале, теперь снова на фронте. Рад за нее, это ей, между прочим, и матер⟨иальные⟩ дела поправит — вышлет ей копию аттестата.

Как ты живешь, мой дорогой? Жен⟨ни⟩ Генрих⟨овна⟩ ходила к Суховой, та обещала сделать все возможное для вызова твоего.

Арбатская квартира в порядке[340]. Должен, однако, сказать тебе, что, по моему мнению, тебе не нужно спешить с возвращением в Москву. Лучше бы пожить в Самарканде еще несколько месяцев. Очень уж тебе здесь нелегко будет. Наиболее целесообразно начать все переезды летом, вот когда вернусь из отпуска в Москву. Ты мне пиши на адрес улицы Герцена, а Жен⟨ни⟩ Генр⟨иховна⟩

---

[338] Примечания: 338

В 1942 году, насколько нам известно, не было издано ни одного сборника очерков Гроссмана.

[339] Примечания: 339

После развода с Гроссманом Анна Мацук вышла замуж за Виктора Георгиевича Баранова.

[340] Примечания: 340

Речь о квартире Евгении Михайловны Йост (Сочевец) в Серебряном переулке.

перешлет мне[341]. Впрочем, думаю, что одно или два письма можешь написать непосредственно на Чистополь — ул. Бебеля, 73[342]. Они ведь ходят теперь не так уж долго и сумеют обернуться по этому маршруту. В квартире у нас очень холодно, Жен⟨ни⟩ Генр⟨иховна⟩ сильно ослабела. Я за дни пребывания здесь почти нигде не был, только к Фраерману заскочил — редактор на меня навалил большую работу, сидел и корпел над ней дни и ночи. Впрочем, это не плохо, так как в редакции сравнительно тепло, да и кормили меня здесь кашкой. Я-то ведь избаловался на фронтовых харчах. В Чистополе буду работать над повестью, хочется написать что-нибудь хорошее, настоящее. Надеюсь, что удастся кое-что сделать. Чувствую я себя физически довольно посредственно, утомлен, кашляю сильно, застудил

---

[341] Примечания: 341

Из воспоминаний Федора Губера: «До 1947 года [с 1937-го. — *Ю. В., А. К.*] мы жили на углу улицы Герцена и Брюсовского переулка в окруженном восьмиэтажками двухэтажном доме, по преданию построенном еще при Екатерине II. Жили в квартире вместе еще с тремя семьями. Отопление было дровяное, в левом углу проходной комнаты и в правом углу одновременно кабинета-столовой-гостиной-спальни красовалась белоснежная печь-голландка с маленькой чугунной дверцей» (Губер 2007: 35). Сейчас Брюсовский переулок называется Брюсовым.

[342] Примечания: 342

Еще в начале марта Гроссман отправлял почтовые карточки жене по прежнему адресу: Октябрьская ул., 16. Судя по имеющимся сведениям, в комнату на улице Бебеля Ольга Губер переехала в середине марта.

себе нутро при полетах по фронту на открытых самолетах. С сердцем как будто не плохо, помогает мне, что сильно похудел (потерял 17 кило), теперь легко вхожу на четвертый и пятый этаж. Курю много. На ул. Герцена часто заходит Щеглов, спрашивает о тебе. Зашел бы к нему, да времени нет, сидел и писал все время. Положение мое в редакции хорошее — начал я, как помнишь, плохо, но теперь мою работу ценят и меня уважают[343]. Между прочим, отпуск этот получил я единственный из всех военных журналистов. Причем не просил его, а дан он мне по инициативе редакции[344]. Дорогой мой, пиши мне! Как бы мне хотелось видеть тебя, как беспокоюсь о тебе, но верю, увидимся и будем жить под одной крышей в мирное время, сажать цветы и гулять

---

[343] Примечания: 343

Главный редактор «Красной звезды» Давид Ортенберг считал, что ранние военные очерки Гроссмана были слабее последующих. Например, в своих воспоминаниях о 1941 годе он пишет: «20 декабря. ⟨…⟩ Для сегодняшнего номера Василий Семенович принес очерк „Гвардия наступает“. Конечно, это еще не было тем широким художественным полотном, которым писатель одарил нас на втором году войны» (Ортенберг 1984: 327).

Однако и в 1942 году, несмотря на упрочившееся положение Гроссмана в газете, его тексты становились предметом резкой редакторской критики. Так, 18 марта 1942 года Ортенберг отправил Гроссману следующую телеграмму: «Ваши очерки „Дружба“ и „Артиллеристы“ получили. Оба написаны слабо. Много в них надуманного, не жизненного. Плохо показаны люди. Особенно в очерке „Дружба“ много серых и совершенно неинтересных фактов. Настоящая, действительно

боевая дружба фронтовиков совершенно не показана. Постарайтесь эту тему все-таки сделать, учтите замечания» (ЦАМО. Ф. 179. Оп. 351175. Д. 22. К. 01552. Л. 16).

[344] Примечания: 344

20 марта 1942 года Давид Ортенберг отправил Гроссману телеграмму: «Редакция решила предоставить вам творческий отпуск. По обстановке целесообразно этот отпуск перенести на май. Сообщите свое мнение о сроках» (ЦАМО. Ф. 179. Оп. 351175. Д. 22. К. 01552. Л. 5). Гроссман попросил об отпуске с 1 апреля, и его просьба была одобрена (Там же: л. 4).

по лесу. Целую тебя крепко, крепко, твой Вася.

Спрашивал, могу ли выхлопотать тебе вызов от своего имени, — говорят, что невозможно.

157

10 апреля 1942, [Москва]

Дорогой мой, послал тебе вчера большое письмо и 500 р. Сегодня уезжаю в Чистополь. Пиши мне на Москву, а первое письмо можешь на Чистополь, т. к. пробуду там около 2 месяцев. Получил от Гали письмо злое, с претензиями. Бог с ней, она ведь измотана здорово. Я тебе не советую теперь рваться в Москву, жизнь будет очень нелегкой. Вот вернусь из Чистополя, спишемся окончательно. Пиши мне чаще, дорогой мой.

Крепко целую тебя, люблю,

твой сын Вася.

10 апр. 42 г.

158

[Конец апреля 1942, Чистополь]

Дорогой мой, добрался я до Чистополя. Добирался с великими трудами и приключеньями. Когда приехал в Казань, было самое критическое время — распутица, самолеты не летели, сани не ехали,

подводы тоже. Кама еще стояла во льду. Решился я идти пешком, иначе хоть обратно в Москву. Дорога была нелегкой, 140 километров по размытой, грязной дороге. Дошел на четвертый день. Устал, конечно, крепко, ноги себе основательно сбил. Теперь эту дорогу вспоминаю с удовольствием — шел полями, тепло, а кругом еще снег, и очень ярко светит апрельское солнце, и жаворонки поют. Шел в компании камских матросов, спешивших в затоны к началу навигации. В общем, путешествие запоминающееся. Приключенья у меня были печальные — в Казани у меня вытащили все деньги, было их 2500 р., так что в Чистополь я явился с 2 рублями. Кроме того, из мешка моего крысы вытащили все съедобное, включая кило ванильных сухарей, которые я вез в качестве гостинца. В общем, пришел дурак дураком. Но ты, конечно, понимаешь, все это, в общем, пустяки. Написал я в Москву с просьбой прислать мне денег, вероятно, в середине мая чего-нибудь получу. Пробуду здесь весь май, если, конечно, редактору не вздумается вызвать меня раньше срока.

Дорогой мой, Люсю застал здесь в печальном состоянии, она из самой толстой сейчас превратилась в самую худую — совершенный скелет,

можешь себе представить, если она в шубе и галошах, словом, во всей зимней амуниции весит 46 кило. Пойду с ней к врачу, трудно представить, чтобы такого истощения можно было достичь без какой-то серьезной болезни. Но ободряет меня несколько, что при всем этом самочувствие у нее неплохое. Правда, это у нее связано с подъемом нервным после моего приезда. Комиссия медицинская дала ей инвалидность второй группы. Это, конечно, освобождает ее от работ в колхозе.

Жизнь здесь дорогая, но базары богатые — есть молоко, масло, яйца. Словом, пока жить можно. Дети здоровы. Миша доучился до восьмого класса, оставил школу и поступил шофером в автоколонну, возит зерно из колхозов. Работает он по 14–16 часов, приходит домой весь в масле и грязи, я не верю — неужели этот спокойный, плечистый рабочий парень еще год назад капризничал, когда вокруг него приплясывала Женя Генриховна. Стал он молодцом, в общем.

Я здесь сразу же приступил к работе, работа подвигается довольно быстро, но не удовлетворяет меня, не могу я, мне кажется, передать весь богатый и страшный мир войны, все на бумаге бледнеет. Ну, в общем, посмотрим. Впереди еще большой месяц работы.

Дорогой мой, ты мне пиши по московскому адресу. Очень меня волнует твое житие. Перед отъездом из Москвы послал тебе 500 р. Получил ли ты их? Одновременно выслал и Гале 500 р. — получила ли она, переписываешься ли ты с ней? Боюсь, что до возвращения в Москву, т. е. до первых чисел июня, денег послать не смогу, эта дурацкая кража меня совершенно выбила из бюджета. Главное, первый раз в жизни меня обокрали, и как раз в тот момент, когда этого мне меньше всего «хотелось».

Здесь все только и говорят о возвращении в Москву, сплошное какое-то поветрие. Действительно, живется тут скучно, но в Москве тоже сейчас не так уж приятно. Я, во всяком случае, категорически против этих поездок раньше второй половины лета. Люся почему-то равнодушна к возвращению в Москву, собирается получать дрова, готовится ко второй чистопольской зиме. Я надеюсь, что к осени наши дела будут таковы, что не нужно будет думать о чистопольской и самаркандской зиме.

Ну, пора кончать письмо, целую тебя крепко много раз. Пиши на Москву.

Твой Вася.

Десять дней не писал тебе — из-за разлива Ка-

мы почта не ходила.

159

15 мая 1942, [Чистополь]

15 мая 42 г.

Дорогой мой, получил твое письмо, пришедшее в Чистополь необычайно быстро, на восемнадцатый день. Дорогой мой, мне думается, что, в случае невозможности для тебя перебраться в Москву, нужно тебе пока что переехать в Чистополь. Здесь хотя бы климатические условия более подходящие для твоего сердца. Действительно, необычайно тяжело для тебя переносить среднеазиатскую жару, ведь это удушающий тропический зной. Есть такой закон, что эвакуированным разрешается переезжать в те места, где находится семья их, чтобы вместе быть. Наконец, и в отношении питания тут не так уж скверно. Когда буду в Москве, узнаю о всех возможностях для твоего переезда в Москву, а если не выйдет, нужно будет брать курс на Чистополь. Тут есть и кое-какие перспективы для работы твоей по специальности — крупная лаборатория. Я уеду отсюда 5 либо 6 июня, с тем чтобы быть в Москве к 10-му. Пиши мне, конечно, уже на Москву.

Работаю я много, регулярно, ежедневно, пишу

гораздо больше, чем писал, работая над «Кольчугиным», но все же закончить работу не сумею — останется, вероятно, еще на месяц работы.

Жизнь тут течет мирно и тихо. Федя учится, Миша работает. Люся так же худа, как и в день моего приезда. Были с ней у врача, он не находит у нее никаких болезней, говорит — нервы и истощение. Очень меня беспокоит, что не могу послать тебе денег сейчас, но сижу без копейки, а из Москвы ничего не прислали. Очевидно, сумею наладить это дело лишь по приезде в Москву. Пиши мне обязательно, крепко тебя целую, твой Вася.

Что знаешь о Катюше — пиши!!

Люся просит передать тебе привет и говорит, что в Чистополе лучше будет, чем в Самарканде, тебе. Началась активность на фронте — слушаю жадно радио. Тут решение всех вопросов и судеб.

160

31 мая 1942, [Чистополь]

Дорогой мой, пишу тебе из Чистополя четвертое письмо, но, получив сегодня твою телеграмму, понял, что одно либо два из них пропали. От тебя сюда получил 2 письма. Работаю я здесь очень много и, кажется, никогда в жизни так много

не работал, как сейчас. Написал за эти полтора (неполных) месяца около 5 печатных листов. Вначале работа меня очень не удовлетворяла, новый материал не лез на страницу, сопротивлялся, и я явно делал не то, что нужно. Но в последнее время дело пошло лучше, сейчас работой увлекся. Читал позавчера Асееву[345], ему очень понравилось, расточал мне необычайные похвалы. К сожалению, срок мой подходит к концу, и устал я очень, «переписался». Правда, получил совершенно неожиданно архилиберальную телеграмму от своего свирепого редактора — пишет, что не возражает против продления моего отпуска, с тем чтобы я смог закончить работу в Чистополе. Само собой разумеется, что я не заикался даже об этом продлении. Это его личная инициатива. Возможно, что в связи с этим разрешением пробуду здесь лишних 7 либо 10 дней. Надеюсь, что смогу работу вчерне закончить целиком. Пишу о войне, о лете и осени 1941 года.

Последние дни допекает меня жара, и я все думаю о том, как тяжело тебе с твоим сердцем под тропическим солнцем, если даже здесь, на холодной Каме, дышать нечем. Полон я беспокой-

[345] Примечания: 345

Николай Асеев с семьей жил в Чистополе с августа 1941-го до июня 1943 года.

ства о твоем здоровье. Береги себя, бойся этого страшного азиатского солнца, оно не шутит.

Допекает здесь меня еще полное безденежье. После того как меня обокрали, я написал письма в Москву во все издательства, но ни один сукин сын не выслал мне ни копейки. Приходится тут одалживать, удовольствие, как ты понимаешь, это ниже среднего.

Люся так же худа, как и в день приезда моего, поправить ее не удалось, весит она 44 кило. Работает много, в артели инвалидов вяжет, сегодня с 5 утра ушла сажать картофель, ей дали участок земли на огороде, который устроен Военкоматом для жен командиров. Гляжу на нее, и страшно делается, в чем душа держится. Миша работает по 12–14 часов в день, он, бедняга, уже втайне жалеет, что пошел на эту работу, но теперь поздно, контракт есть контракт. А ему, видно, не совсем по силам работа, от которой кряхтят большие верзилы-шоферы. Федя вытянулся, меня смешит, что двухлетние дети соседей называют его «дядей». Кто же я, если Федя уже дядя?

Часто думаю о Катюше, хочется ее повидать, ей бы лучше в Чистополе было бы, чем в Ташкенте. Она, верно, совсем большая, получил от нее 2 письма — мне Жен⟨ни⟩ Генрих⟨овна⟩ переслала, и

чувствую по этим письмам, что отвыкла от меня, холодные записочки. Видно, Галя ругает меня без устали, и это на Катюшином отношении ко мне не может не отразиться.

По вечерам сижу иногда под цветущей яблоней, слушаю соловьев, гляжу на освещенные окна домика — мир, тишина, покой. Удивительно мне это. Есть такой генерал Игнатьев[346], он как-то сказал, что самые смелые люди на войне — это корреспонденты — им приходится каждый раз из тыла ехать на фронт, а это самое неприятное мгновенье, этот самый переход от соловьев к самолетам.

Получил письмецо от Фраермана, Ковалевского и товарища моего по работе Буковского[347]. Газеты сюда приходят не регулярно, с опозданием, но радио слушаю каждый день. Тут базары большие, цены божеские, есть масло, молоко, яйца. Были бы деньги, я бы Люсю тут подкормил бы за эти 2

---

[346] Примечания: 346

Алексей Алексеевич Игнатьев (1877–1954) — в 1942 году генерал-майор РККА; с 1940 года — член Союза писателей, с октября 1942-го — старший редактор военно-исторической литературы Воениздата.

[347] Примечания: 347

Писатель и журналист Константин Иванович Буковский (1908–1976) в годы войны служил специальным корреспондентом «Красной звезды». В «Записных книжках» Гроссман пишет о нескольких совместных поездках с Буковским на Юго-Западный фронт осенью и зимой 1941–1942 годов (Гроссман 1989а: 311, 335).

месяца. Очевидно, поеду в Москву к 20 июня, а не к 10-му, как предполагал.

Получил тут открытку из переселенч⟨еского⟩ управ⟨ления⟩, что мама в списках эвакуированных не числится[348]. Я и сам знал, что не удалось ей выехать, но сердце сжалось, когда прочел эти строки печатные.

Дорогой мой, хороший, целую тебя крепко, люблю и думаю о тебе постоянно.

Твой Вася.

31 мая 42 г.

161

17 июня [1942, Чистополь]

17 июня

Дорогой папа, получил ли мои письма? Получил ли телеграмму? Прости, что доставил тебе беспокойство, но, ей-богу, почта виновата, а не я. Пишу тебе пятое письмо из Чистополя.

Работу свою заканчиваю, осталось дописать 2 главы, к 20-му числу закончу и, очевидно, уеду

---

[348] Примечания: 348

Ответ на запрос Гроссмана, сохранившийся в семейном архиве Гроссмана — Губер, был подготовлен 2 апреля и пришел в Москву 20 апреля 1942 года. В нем сообщалось следующее: «На Ваш запрос Центральное справочное бюро сообщает, что сведения о местонахождении гр. Гросман Е. С. еще не получены».

числа 21–22-го. Работу свою читал здесь, похвалы непомерно горячие. Весьма и весьма народ одобряет. Но, конечно, это не оттого, что так уж хороша моя повесть, а оттого, что слишком плохо то, что пишут теперь мои бедные собратья по перу. Читал ли ты в «Правде» повесть Панферова?[349] Естественно, что после такого сочинения всякое мало-мальски приличное слово кажется уж совсем хорошим.

Как ты живешь, дорогой мой? Очень, наверное, туго тебе приходится. Ох, болит сердце у меня, когда думаю о тебе. Хватит ли у тебя силы перенести все тяжести жизни, жару эту страшную, одиночество? Как только приеду в Москву, буду хлопотать и узнавать о возможностях твоего переезда.

Здесь в жизни особенно отрадного нет ничего — Люся ухитрилась еще дальше похудеть. Скелет совершенно. На днях нас тут отчаянно обокрали ночью, когда спали — унесли все белье Люсино, все пальто, шубу Люсину беличью. Теперь к зиме шьет она себе ватные штаны и куртку, и Мише

[349] Примечания: 349

Речь о повести Федора Панферова «Своими глазами», которая впервые была напечатана в нескольких выпусках газеты «Правда» (10–16 мая 1942; Панферов 1942a), а затем уже была выпущена отдельной книгой (Панферов 1942b).

также. Здесь ведь морозы были этой зимой до 60°. Милиция искала, но ничего не нашла[350].

Отнеслись мы к этому событию с высоким философским спокойствием. Всё пустяки, кроме победоносного окончания войны. Кончим войну с победой, тогда все вернется.

Слушал по радио договор с Англией. Документ большой важности.

Пиши мне в Москву, дорогой мой. Крепко тебя целую,

твой Вася.

Люся просит передать тебе сердечный привет.

162

[2 июля 1942, Москва]

2 июня[351]

Дорогой папа, получил ли письмо, телеграмму и деньги, посланные мной из Москвы?

Пишу тебе по интересующему тебя вопросу. Я

---

[350] Примечания: 350

Об этом ограблении см.: Губер 2007: 53. Шубу найдут в середине июля: см. письмо отцу от 19 июля 1942 года (с. 223), письмо Ольги Губер от 14 июля [1942 года] (с. 359).

[351] Примечания: 351

Письмо датировано рукой Гроссмана 2 июня, но, судя по всем изложенным в нем фактам, оно было написано 2 июля. В архиве письмо ошибочно помещено в папку с письмами за 1934 год (РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 14–15).

выяснил, что вызов родственников — жен, отцов, детей — сейчас приостановлен. После этого я обратился к Иде Григорьевне (жене Тихоныча)[352]. Она сказала мне, что в их наркомате и по заводам очень большая потребность в квалифицирован⟨ных⟩ инженерах-химиках, и дала мне торжественное обещание сделать все для твоего вызова. К сожалению, вопрос осложняется следующим обстоятельством. Она уезжает 7 июля в месячную командировку, а заместитель наркома, санкционирующий вызовы, находится сейчас тоже в командировке. Она, вероятно, не успеет оформить все до своего отъезда, и поэтому окончательное решение вопроса перенесется на начало августа. Я ей оставил в трех экземплярах подробные данные о твоей работе, стаже, специальности. У них потребность в химиках-аналитиках, органиках, т. е. в тех областях, в которых ты работал.

Надеюсь, что это увенчается успехом. Одновременно в ближайшие дни отправлюсь к Суховой и поговорю подробно с ней.

Я задержусь в Москве, вероятно, еще на неделю либо дней на 10. Сейчас моя работа перепечаты-

---

[352] Примечания: 352

Ида Григорьевна Бобрышева (Ципкина; 1900–1981) — жена Василия Бобрышева.

вается. Это продлится около 4–5 дней. Лишь после этого с ней ознакомится редактор. Москва сейчас прекрасна — вся в зелени, чистая, нарядная, оживленная. Погода прохладная, с дождями и ветерками — и это очень приятно. Живу я дома. Настроение у меня хорошее. Грустно только. Пиши мне, дорогой мой. Крепко тебя целую,

твой Вася.

В ближайшие дни получу снова деньги и вышлю тебе. Одновременно с посылкой денег тебе, послал Гале 500 руб.

Избегай солнца, оно в июле в Ср⟨едней⟩ Азии ужасно.

Бытовые условия здесь хорошие.

163

12 июля 1942, [Москва]

Дорогой мой, хороший батькос!

Получил сегодня твою телеграмму и очень ей обрадовался — не шутя беспокоился о твоем здоровье. Ида уехала на месяц, торжественно мне поклялась по возвращении тотчас поднять вопрос о твоем вызове. Сердись на меня как хочешь, но сейчас я не огорчаюсь особенно по поводу того, что с вызовом у тебя не ладилось, а особенно, что не поехал ты по месту выезда

твоей службы. Хлебнул бы там настоящего лиха, и крепко хлебнул бы.

Дела мои с повестью как будто хороши. Редактор прочел ее вчера и горячо одобрил, вызвал меня ночью и облобызал, сказал тучу лестных вещей и обещал ее печатать всю без сокращений в «Красной звезде». А она ведь весьма и весьма большая, в ней 9 авторских листов. Если не произойдет изменений, печатать начнут ее в ближайшее воскресенье, печатанье займет около месяца, если будут печатать ежедневно. Я очень рад этому успеху, газета — огромная трибуна — ведь ее читают все фронты. Правда, успех пока только у редактора. Как-то встретят ее читатели, вопрос сей меня волнует. Одновременно с газетой хотят ее печатать в журнале и книжкой, возможно, что и в «Роман-газете» пойдет[353]. Это, между прочим, сильно выправит материальные дела мои. Надеюсь, ты в этом убедишься на практике в ближайшее время. Это меня очень радует. Ты ведь, наверное, бедный мой, совсем отощал. Естественно, и Катюше подвалю денег. Переписываешься ли ты с Галей? Знаешь ли что-нибудь

[353] Примечания: 353

С сентября 1942 года издание «Роман-газеты» было приостановлено и возобновилось только после окончания войны, в связи с этим повесть «Народ бессмертен» так и не была опубликована в журнале.

о Катюше? Пиши мне чаще, дорогой мой. В связи с печатанием повести в газете я, возможно, задержусь в Москве.

Крепко целую тебя,

твой Вася.

12. VII.42 г.

Подробно пиши, как живешь?

164

19 июля 1942, [Москва]

19. VII.42

Дорогой мой, хороший батько, как ты живешь? Получил от тебя телеграмму, жду с нетерпением письма и телеграммы. Очень прошу тебя, телеграфируй мне почаще, т. к. волнуюсь все время за тебя — как переносишь зверскую эту жару. Сегодня начала «Кр(асная) звезда» печатать мою повесть[354]. Получаешь ли мои письма и телеграммы? Позавчера перевел тебе телеграфом 400 руб. Получил ли их? Я пробуду в Москве еще недели три — месяц, все время печатания моей повести в газете. Вскоре снова пошлю тебе денег,

---

[354] Примечания: 354

Повесть «Народ бессмертен» вышла в «Красной звезде» в следующих выпусках: 19, 21, 22, 24–26, 28–31 июля; 4–9, 11–12 августа 1942 года (Гроссман 1942d).

материальные дела в связи с печатанием повести будут, очевидно, неплохи. Дорогой мой, береги себя, бойся солнца. Помни, что крепко люблю тебя и постоянно думаю о тебе. Переписываешься ли ты с Галей? Я от нее в последнее время ничего не имею. Получил письмо от Люси. Нашлась ее шуба, значит зимой будет ей тепло.

Крепко тебя целую, твой Вася.

165

24 июля 1942 [Москва]

24. VII.42

Дорогой мой, хороший, беспокоит меня очень отсутствие писем от тебя. Здоров ли ты, как переносишь жару? На днях выслал тебе 400 р. телеграфом, получил ли их? Вскоре снова сумею послать. Телеграфируй мне, очень прошу тебя.

Ида Бобрышева еще в Москву не вернулась, приедет недели через 2. Я пробуду здесь еще недели 3.

Литературный успех у повести — печатает ее «Красная звезда», начала печатать 19 июля. Есть

много хороших отзывов с фронта[355]. Как только выйдет книжка, вышлю ее тебе бандеролью. Денег, очевидно, за печатание получу много. Это меня радует — смогу поддержать всех дорогих моему сердцу, тебя, мой хороший и дорогой. Пиши мне, очень прошу тебя. Получаю часто письма от Люси, у нее без изменения, писал тебе, нашлась ее шуба.

Крепко целую тебя, твой Вася.

В Москве дожди, прохладно, а у вас там ад, верно. Ох, беда, ей-богу.

166

19 августа [1942, Москва]

Дорогой мой, хороший!

Уезжаю через несколько дней на фронт с необычайно тяжелым чувством — очень и очень мучит меня беспокойство о твоей судьбе. Семен, дорогой мой, что же это ты расхворался? Если б я только был свободен сейчас, с какой бы радостью поехал бы к тебе, сделал бы все, что в моих силах, для

[355] Примечания: 355

После публикации повести в редакцию «Красной звезды» стали приходить многочисленные письма от читателей-фронтовиков с восторженными отзывами, просьбами выслать отдельные выпуски газеты, а также с выражением надежды на выход повести в книжном издании. Некоторые из них сохранились в архиве: ГЛМ. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 6; ГЛМ. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 7.

тебя.

Я уже послал 2 телеграммы, где пишу тебе о поездке в Ряжск. Если так плохо тебе и в таком состоянии твое здоровье, то надо ехать не задумываясь. Очевидно, одной из главных причин твоих болезней и тяжелого состояния является этот страшный знойный климат Средней Азии.

Приехал Александров[356], он с большой нежностью говорил о тебе и тоже считает, что не колеблясь надо ехать. Но не думай, что первая моя телеграмма была продиктована легкомыслием. Были основания послать ее. Ида Бобрышева уехала на месяц, прошло уже полтора, а ее еще нет в Москве. Не знаю прямо, когда вернется. Очень и очень меня беспокоит неустройство твое. Да не беспокоит, а мучит до самой глубины души. Уезжаю я месяца на полтора-два. Ты пиши мне на домашний адрес — Женни Генриховна перешлет.

Твое бы отцовское сердце порадовалось, если б узнал и поглядел, как встречали меня в армии после напечатания повести. Ей-богу, загордился я и растрогался. И все хорошо встретили — от

---

[356] Примечания: 356

Возможно, речь о литературном критике Владимире Борисовиче Александрове (Келлере; 1898–1954), который среди прочего работал внутренним рецензентом в журнале «Новый мир».

самого верха до самого низа.

Дорогой мой, личные дела мои как нельзя хороши — успех, признание, а на душе тяжело, тяжело. Страстно хочется помочь всем близким, собрать всех вместе. Мучит меня мысль о маминой судьбе.

Тетя Лиза живет сейчас у нас. Жалко мне ее очень, хоть и нудная она старушка.

Получил письмо от Вадиного сына Юры — он на войне, лейтенант, много раз участвовал в боях, ранен[357].

Саша в Ленинграде — болен тяжело[358].

Дорогой мой, целую тебя крепко. Дай тебе бог силы перенести наши тяжелые испытания.

Твой Вася.

19 авг.

Говорил с Суховой. Надо ехать в Ряжск, она

---

[357] Примечания: 357

Георгий (Юра) Беньяш (1922–1942) — двоюродный племянник Гроссмана, сын Владимира Беньяша — был другом Виктора Некрасова. Некрасов написал о нем в рассказе «Случай на Мамаевом кургане»: «…батальоном командовал отчаянно смелый, лихой капитан Беньяш. Это был удивительно красивый, кудрявый, веселый парень, гроза немцев и окрестных санинструкторш» (Некрасов 1965: 39).

О Георгии Беньяше также пишет в своих воспоминаниях «Мои далекие молодые годы» Илья Марьясин (Марьясин 2007).

[358] Примечания: 358

Александр Беньяш, сын Моисея Григорьевича и Марии Савельевны, родной брат Владимира и двоюродный брат Гроссмана, жил в Ленинграде.

говорит, что вызов твой в Москву из Ряжска не представляет малейшего затруднения и что в Ряжске условия будут хороши. Перевел тебе вчера телеграфом 600 руб.

Целую тебя крепко, мой дорогой и любимый батько.

Твой Вася.

167

10 ноября 1942, [Сталинград]

Дорогой мой, получил сегодня твое письмо из Москвы и Ряжска.

Очень рад, что ты выехал наконец из жарких стран. Если буду ехать обратно в Москву, заеду обязательно к тебе. Писал тебе 2 открытки в Самарканд.

Я жив, здоров, работаю много. Если следишь за моими корреспонденциями, то поймешь, что работа и жизнь у меня горячие. Прости, что много не пишу о себе, но порядочно утомлен, в постоянном движении. Будь здоров, мой дорогой, крепко тебя целую, твой Вася.

10 ноября 42 г.

Пиши мне, с нетерпением жду твоих писем. Целый век не знал о тебе ничего.

168

13 ноября 1942, [Сталинград]

Дорогой мой, пишу тебе теперь на Ряжск[359]. Как живется тебе, как устроился? Каковы перспективы? Я работаю много — работа напряженная, устал порядком. Мне еще не приходилось бывать в таких горячих местах, как сейчас. Писем сюда не получаю, лишь однажды привезли сразу пачку, среди них от тебя письмо и открытку. Пишу тебе регулярно, но вряд ли ты получаешь мои письма, писал их на разные адреса.

Здесь сейчас порядочный морозец и ветер. Будь здоров, дорогой мой, береги себя, мы обязательно увидимся.

Крепко тебя целую, Вася.

13 ноября 42 г.

169

22 ноября 1942, [Сталинград]

Дорогой мой, только что передали мне телеграмму зам. редактора, где пишется, что ты

---

[359] Примечания: 359

Эта почтовая карточка пришла в Ряжск в начале декабря, не застала Семена Осиповича и была переслана в Москву, куда дошла только к 15 декабря.

прописан временно в Москве до 1 декабря. Меня это и порадовало, и огорчило. А как же после 1 декабря — удастся ли продлить прописку? Чем я могу быть тебе полезен в этом? Если нужна помощь редакции, обратись либо к редактору, либо к заместителю его, попроси от моего имени помочь — полагаю, они кое-что могут сделать. Обратись также в Союз писателей — в военную комиссию Союза, к Лебединскому[360] и также передай от моего имени просьбу помочь тебе. Можешь также обратиться к Бахметьеву — у меня с ним хорошие отношения, а он член Президиума Союза и может многому содействовать в таком деле[361]. Он, пожалуй, охотней других согласится похлопотать.

Ты на меня не сердись, но я, сидя здесь, так оторван от Москвы и нахожусь в такой горячке, что как-то потерял ориентировку во всех «мир-

---

[360] Примечания: 360

Писатель Юрий Николаевич Либединский (Лебединский; 1898–1959) был в то время ответственным секретарем военной комиссии Союза писателей. Известно, что Семен Осипович обращался за помощью в Союз писателей. В стенограмме заседания президиума ССП от 17 февраля 1943 года есть следующее упоминание: «Гроссман пишет прекрасные очерки из Сталинграда. А в эти дни отец его приходил сюда и мы все думали — как нарушить закон и дать ему возможность пообедать» (Антипина 2005: 266).

[361] Примечания: 361

Владимир Матвеевич Бахметьев (1885–1963) в те годы был заместителем секретаря президиума Союза писателей.

ных» делах.

Думаю, что, если дела пойдут нормально, я к концу декабря приеду в Москву на некоторое время. Меня очень дергает, что не имею связи с тобой и Люсей. За все время я получил лишь однажды пакет с одним ее и двумя твоими письмами. Не знаю, как она переносит горе и одиночество в этом распроклятом Чистополе[362].

Я жив, здоров, обут, одет и физически чувствую себя хорошо. Работы много, впечатлений еще больше. Вообще убежден, что зима эта принесет нам много хорошего.

Напиши Люсе, что получил от меня письмо, а то еще лучше телеграфируй ей. Надеюсь, что скоро увидимся с тобой. В последнее время посылал тебе письма на Ряжск — получил ли ты, переслали ли тебе их. Пиши мне почаще.

Крепко целую тебя,

твой Вася.

22 ноября 42 г.

170

11 декабря 1942, [Сталинград]

---

[362] Примечания: 362

13 сентября 1942 года в результате несчастного случая в Чистополе погиб старший сын Ольги Губер Михаил.

Дорогой мой, я получил 2 телеграммы из редакции по поводу тебя — в последней говорится, что ты прописан и что все дела устроились. Я от души порадовался этому! Значит, ты снова москвич. Сегодня послал на адрес редакции телеграмму с просьбой передать в Союз писателей, чтобы питание и продукты из магазина передали тебе. Как ты себя чувствуешь, как живешь? Работаешь ли? Холодно ли очень в нашей квартире тебе? Напиши, пожалуйста, поподробней, я очень интересуюсь всеми этими делами.

Дорогой мой, у меня к тебе большая просьба — прими шефство над Люсей. Я с ней не имею никакой связи. Если ей очень тяжело в Чистополе и если, на твой взгляд, она может прожить в Москве, то напиши ей, пусть приезжает. Ей Союз может дать командировку, а приехав в Москву, она сможет с помощью товарищей прописаться. Но, повторяю, я совершенно не знаю условий вашей жизни — тебе видней. Во всяком случае, очень прошу, сделай это, так как Люсю я оставил совсем растерянной, подавленной и не знающей, что ей делать. А в этом Чистополе и без большой беды и горя пропасть можно, а в ее положении вдвойне. Я предполагаю в январе быть в Москве, чувствую себя хорошо, но нервы, конечно, по-

трепал изрядно. Стал злым и раздражительным, кидаюсь на своих коллег, они меня уже бояться стали.

Сейчас уехать отсюда не могу и не хочу, ты понимаешь, что, когда и нам улыбнулось счастье, не хочется покидать места, которые видел в самые тяжелые времена.

С кем видишься в Москве, кого видел из моих товарищей? А главное, как себя чувствуешь?

Пиши, дорогой мой, крепко тебя целую. Твой Вася.

Если находишь разумным Люсе перебираться в Москву, дай ей телеграмму.

Страшно хочется видеть вас, моих дорогих.

11 декабря 42 г.

Мой новый адрес:

Полевая почта № 2193, часть 24.

171

31 декабря [1942, Сталинград][363]

Дорогой папа, посылаю тебе письмо с оказией — надеюсь, дойдет быстрее обычного. Позавчера случайно натолкнулся на могилу Юры Бенья-

[363] Примечания: 363

Это письмо в архиве ошибочно помещено в папку с письмами за 1941 год (РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 70. Л. 18).

ша[364], он похоронен над Волгой. Нашел его командира полка и товарищей, все отзываются о нем с печалью сердечной, говорят, был он храбр изумительно, награжден орденом Красного Знамени, в последнее время командовал батальоном. Погиб он от прямого попадания мины около месяца тому назад. И некому поплакать над ним — ни матери, ни бабушки, да и Тина Вл⟨адимировна⟩ затерялась[365]. Я подробно отметил, где его могила, и командир дивизии мне торжественно обещал поставить ему памятник, с металлической дощечкой, чтобы сохранилась.

Бродил я в последние дни много, много видел интересного — теперь сажусь писать. Хочу чего-нибудь посолидней накарябать. Чувствую себя хорошо, бытовые условия хорошие. Дорогой мой,

---

[364] Примечания: 364

Георгий Беньяш погиб в конце 1942 года. Виктор Некрасов писал о смерти своего друга так: «В конце октября или начале ноября Беньяш погиб. Погиб по-глупому, от случайной мины, во дворе мясокомбината, где он назначил свидание одной из своих поклонниц. Мы долго оплакивали его. Похоронили на высоком волжском берегу, а когда в Сталинграде кончилась война, на могиле поставили памятник. Сделали его наши полковые саперы по моему эскизу. Это был первый памятник в Сталинграде. Он хорошо был виден с Волги. Сейчас его нет: он был деревянный» (Некрасов 1965: 39). При строительстве историко-мемориального комплекса «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане прах Георгия Беньяша был перезахоронен в Большой братской могиле, а его имя было занесено на одно из знамен в Зале Воинской Славы (Имена 2024). О том, как Гроссман нашел его могилу, см. также письмо Ольге Губер от 25–27 декабря 1942 года (с. 411).

[365] Примечания: 365
Тина Владимировна — немка, гувернантка Георгия Беньяша.

ты теперь москвич, думаю, надеюсь, в январе (в середине или конце) увидимся с тобой, хороший мой. Получил ли ты мое письмо с просьбой «проконсультировать» Люсино возвращение в Москву, и чем можно помочь ей в этом. Хороший мой, очень хочу видеть тебя, хочу знать, как живешь ты, как устроился, как питаешься, как здоровье твое.

О себе писать нечего — так много мыслей, впечатлений, что все равно всего не упишешь. Вот увидимся с тобой, посидим вместе. Сяду я в красное кресло, ну и пустимся в разговор.

Целую тебя крепко,

твой Вася.

Мой адрес теперь:

Полевая почта 2193, часть 24.

Письмо надеюсь послать с оказией; если будет возможность, то всучу и посылочку.

Привет Жен⟨ни⟩ Генр⟨иховне⟩.

31 декабря

Дорогой мой, лежало письмо в ожидании оказии и так и не дождалось ее. Посылаю почтой.

172

2 января [1943, Сталинград]

Дорогой мой, несколько дней тому назад от-

правил тебе письмо, которое собирался послать с оказией. А сегодня снова подвернулась оказия. Хочу написать несколько слов. Получил на днях письмо твое, где пишешь о беспокойстве своем после прочтения «Сталинградской битвы»[366]. Ну вот, родной мой, завтра расстаюсь со Сталинградом, еду в направлении Котельниково-Элисты. Уезжаю с таким чувством грусти, словно расстаюсь с близким человеком, так много связано тяжелых и значительных, вовек не забудущихся переживаний, мыслей, чувств с этим городом. Город стал для меня человеком. Писал тебе в последнем письме, что нашел могилу Юры Беньяша, он похоронен над Волгой, убит в октябре — командовал батальоном. Был очень храбр.

Дорогой мой, как ты живешь, как чувствуешь себя, как твои материальные дела, должно быть, совсем плохи! Я надеюсь в конце января приехать в Москву и тогда устрою все дела в меру сил и возможностей. А отсюда нет возможности сделать что-либо — оторван, далеко все.

Дорогой мой, писал уж тебе в нескольких пись-

---

[366] Примечания: 366

Один из первых сталинградских очерков Гроссмана, в нем описывается переправа через Волгу дивизии генерала Родимцева, тяжелые оборонительные бои за Сталинград и разговор Гроссмана с Родимцевым, который состоялся в штабе дивизии «в двухстах пятидесяти метрах от противника» (Гроссман 1942i).

мах по поводу Люсиного переезда в Москву. Чем можно ей помочь в этом деле? Может быть, зайти к редактору тебе — попросить его о содействии? Может быть, от меня ходатайство нужно с фронта, пусть пришлют телеграмму мне по военному телеграфу. А может быть, положение таково, что вообще лучше подождать до весны с ее переездом. Я ведь не знаю ничего. Хотя, думаю, ей в Чистополе слишком тяжело. Прости, что пишу тебе об этом всём, может быть, тебе не до этих забот.

Батькос, дела на фронте идут хорошо, и настроение от этого поднимается.

Вот встретимся с тобой, расскажу тебе много всяких вещей, что пережил и видел.

Мой адрес теперь — Полевая почта 2193, часть — 24.

Целую тебя крепко,

твой Вася.

Чувствую я себя хорошо, одет очень тепло, питаюсь хорошо. Если туго тебе — загоняй вещи, валенки носи либо продай, у меня есть.

2 января 42 г.[367]

---

[367] Примечания: 367

Гроссман датирует письмо 1942 годом, но по всем признакам в действительности это 1943 год.

173

4 апреля 1943, [Юго-Западный фронт]

4 апреля 43 г.

Дорогой мой, пишу тебе с оказией несколько слов. Живу я тихо и скучно. Поездка моя, как я и предполагал, никакого смысла не имела — полная тишина, грязь, распутица, реки выступили из берегов, ездить из-за этого почти невозможно, да и ездить, собственно, некуда. Писать для газеты еще не брался, трудно мне сейчас после Сталинграда заниматься буднями.

Здесь снега нет уже, только в оврагах и на склонах холмов, но весна еще малоприятная — холодная, с дождями и ветрами, больше осень напоминает. Недели через 2, вероятно, солнце пригреет по-настоящему.

Пиши мне, пожалуйста, очень хочется от тебя иметь письмо. Письмо отнеси капитану Тихомирову в «Кр⟨асную⟩ звезду»[368] и попроси, чтобы отправил с оказией, а еще лучше секретной почтой. (Если будет письмо от Люси, тоже переправь его таким образом.)

---

[368] Примечания: 368

Михаил Иванович Тихомиров (1902–1952) — специальный корреспондент «Красной звезды». См. о нем: Ортенберг 1991: 81, 86–89.

Ну вот, родной мой, береги себя, отдыхай обязательно днем, т. к. ночью ты мало спишь.

Думаю, что с новой квартирой ничего не выйдет — вошел в полосу «упадка». Если не трудно, то немножко похлопочи, чтобы квартиру прибрала женщина какая-нибудь. Обо мне не беспокойся — в мае, июне увидимся.

Целую тебя крепко, Вася.

С удовольствием вспоминаю наши тихие вечера в Москве, в твоей комнате.

Будь здоров!

174

28 июля 1943, [Центральный фронт]

Дорогой папа, вот уж 3 недели, как езжу, подобно цыгану, по множеству дорог. Ездить летом куда приятней, чем зимой, — нет заботы о ночлеге, солнце светит, идут теплые дожди, огромные луга цветут так ярко, как, кажется, никогда не цвели. Только часто вместо запаха цветов стоит над ними другой, страшный запах. Настроение, в связи с добрыми вестями и с наших фронтов, и из Сицилии, хорошее. Правда, хочется скорей в Москву повидать вас всех моих родных и хочется поработать за своим столом, но пока я особенно не тягощусь пребыванием здесь. И люди здесь

собрались приятные мне.

Надеюсь все же вернуться в Москву к середине августа, если, конечно, ничего особого не произойдет.

Береги себя, дорогой мой.

Целую тебя, Вася.

Привет Кугелю.

28 июля 43 г.

175

[Январь 1944, не ранее 9-го; 1-й Украинский фронт][369]

Дорогой мой, пишу несколько слов, товарищ сейчас едет в Москву — торопит.

Был на квартире у Василия Семеновича. Квартира разрушена. От соседки по дому узнал, что Василий Семенович умер прошлой зимой от туберкулеза. Его жена и сын выехали к Матильде Ивановне в Жмеринку. Сын приезжал в Киев в этом году и говорил, что живется им в Жмеринке сравнительно неплохо. Сегодня еду в Бердичев. Говорят, что все еврейское население города убито, город почти весь разрушен и пуст. Целую тебя

---

[369] Примечания: 369

Это письмо в архиве ошибочно помещено в папку с письмами за 1945–[1950-е] годы (РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 72. Л. 3–4).

крепко, мой дорогой. Береги себя, твой Вася.

На душе у меня очень тяжело.

После войны, 1945–1950

После войны Семен Осипович живет в Москве, работает на Карандашной фабрике им. Сакко и Ванцетти, а затем уходит на пенсию. Корреспонденция отца и сына ведется, когда один из них находится в отъезде: в командировке или на отдыхе, или живет на даче в Подмосковье.

176

25 сентября 1945, [Москва]

Дорогой папа, очень рад был получить весточку от тебя. Рад, что отдыхаешь, хорошо настроен и хорошо себя чувствуешь. Видишь, не так уж я был не прав, когда уговаривал тебя поехать отдохнуть[370].

У меня новостей нет, кроме одной: была здесь проездом Катюша, ехала с матерью и отчимом

---

[370] Примечания: 370

Сохранилось одно письмо Семена Осиповича из этой поездки, от 20 сентября 1945 года. Так как оно — единственное письмо отца Гроссману, обнаруженное на настоящий момент, мы поместили его в конце раздела с их корреспонденцией (с. 269–271).

во Львов[371]. Прожила у нас 3 дня. Чудесная, замечательная девочка — умница, чистая, добрая. От души жалею, что им так быстро удалось достать билеты, жалею, что тебе не пришлось ее поглядеть. Ну ничего, Львов все же ближе в 3 раза, чем Ташкент.

Работаю много, погода здесь прескверная, холодно, дожди.

Пиши мне, пожалуйста, отдыхай хорошенько, не простуживайся, не думай о московских заботах, все это придет, когда вернешься в Москву.

Целую тебя,

Вася.

25. IX.45 г.

177

9 июня [1946, Солотча]

Дорогой папа, вот уже 2 дня я живу здесь, в Со-

[371] Примечания: 371

Дочь Гроссмана после войны жила во Львове, затем в Харькове, откуда в 1955 году переехала в Москву. Об этом см.: Рапопорт 2008.

лотче[372].

Тут поистине чудесно, вся прелесть русской природы — сосновый лес, монастырь, обрывистые берега реки, душистый заливной луг, множество озер, прудов, а возле дома заброшенный тенистый сад с огромными липами и кленами. Только здесь понял, насколько я устал во время войны, насколько измотался. Лишь сегодня к концу дня вошел в норму несколько, а вчера был оглушен, не мог спать и словно заболел, настолько отвык от самого ощущения отдыха. Дважды ходил с Фраерманом ловить рыбу, вчера на вечерней заре, сегодня на утренней. Развели костер и пекли пойманную рыбу на палочках, оказалась она очень вкусной. Сегодня купался. В общем, сельские радости. Фраерманы необычайно милы, заботливы, гостеприимны.

Печально мне думать, что ты в эти блаженные дни продолжаешь нести непосильный груз труда и бытовых забот. Мечтаю я снять с твоих плеч этот груз.

---

[372] Примечания: 372

В июне и июле 1946 года Гроссман провел несколько недель в рязанской деревне Солотче у Рувима Фраермана (см. также письма этого периода к Ольге Губер, с. 432–437). С 1932 года Фраерманы подолгу жили там, в доме, когда-то принадлежавшем граверу и художнику Ивану Петровичу Пожалостину. О гостеприимстве Фраерманов пишет, например, Паустовский, первооткрыватель Солотчи среди писателей (Паустовский 1982: 494).

Пиши мне, дорогой.
Целую тебя крепко.
Твой Вася.
Привет Марье Мих(айловне), Верони(ке)[373].
9. VI

178

[18 июня 1946[374]*, Солотча]*

Здравствуй, дорогой мой, получил ли ты мое письмецо?

Беспокоюсь все время о тебе, как переносишь эту адову жару, верно, очень тяжело? Пойди к врачу, возьми бюллетень, по сердцу даст, хоть несколько дней передохни. Ведь не жара, а какая-то свинцовая масса навалилась. Даже здесь дышать нечем. Чувствую я себя средне, и печаль на сердце. Не работаю, читаю много. Ходить никуда днем нельзя — жара не дает. Ох, как-то ты, да еще в жарком фабричном цехе. Думаю пробыть здесь до 1-го, если приедет Люся, то до 10-го. Истрепала мне война нервы. Эта сельская идилия меня

---

[373] Примечания: 373

Вероника Петровна Губенкова (1932–?) — дочь Марии Михайловны Вавриевич (Сочевец) и племянница Ольги Михайловны Губер.

[374] Примечания: 374

Дата на штемпеле отправления почтовой карточки.

не очень тешит — газет со дня отъезда не читал.

Целую тебя крепко, Вася.

179

19 июня 1946, [Солотча]

Здравствуй, дорогой мой, получил твое второе письмо. Послал тебе грустную открытку, сейчас веселей себя чувствую. Жар спал. Веду примерный образ жизни: хожу, мало курю, не пью, ловлю рыбу — успешно.

Дорогой мой, береги себя, не переутомляйся.

Думаю, что приеду в Москву, если не будет неожиданностей, к 10 июля. Последние дни чувствую себя лучше, легче дышится, тяжело переносил жару.

Пиши мне. Целую тебя, Вася.

19. VI.47 г.

180

[Июль 1946, Солотча]

Здравствуй, дорогой мой,

получил твое письмецо. Я очень порадовался, что демобилизовали Ольгу Семеновну — приедет в Москву, хоть немного, да наладится что-то в твоей жизни.

Я собираюсь пожить здесь до 15–16 июля — в эти числа должна пойти в Москву машина, и удобно будет вернуться.

Чувствую себя хорошо — похудел, одышка прошла, хожу легко, быстро и много. Не помню, когда чувствовал себя так бодро. По-видимому, в первые недели организм перестраивался, и потому так скверно чувствовал себя.

Много читаю, а писать не пишу. Решил — в Москве возьмусь, а пока отдохну основательно.

Рыбу ловим каждодневно и, в общем, удачно.

Будь здоров, целую тебя,

Вася.

181

[Июль-август 1946, Загорянка][375]

Дорогой папа,

снова вступаю с тобой в переписку. Сегодня начал работать, разложил все свое хозяйство и приступил к делу.

Привез также верстку 2 книжек-брошюрок,

---

[375] Примечания: 375

Загорянка — подмосковный дачный поселок Ярославского направления, в котором находилась дача Виктора и Клары Шеренцис.

которые выходят у меня в Воениздате[376].

Вчера был в гостях у Клары с Витей, застал там Густу Абрамовну — провел несколько приятных и грустных часов. Правда, Витя раза 3 за это время ухитрился поссориться с Кларой.

Тебя интересовал звонок в этот отдел кадров, — оказалось, что один товарищ, о котором я пишу в сталинградском очерке, не получил ни одной награды за все время войны — вот отдел кадров и просил меня дать сведения о его подвиге, чтобы можно было его представить к ордену.

Женя еще не была на даче, вероятно, приедет сегодня либо завтра — тогда расспрошу ее о квартирных планах ее.

Собираюсь быть в Москве к концу недели, тотчас позвоню тебе.

Целую тебя,

Вася.

182

[Июль-август 1946, Загорянка]

Дорогой папа, узнал, что приехала Ольга Се-

---

[376] Примечания: 376

Вероятно, речь идет об очерке «Советский офицер: А. Х. Бабаджаньян — Герой Советского Союза» (Гроссман 1946c) и сборнике «Сталинградская битва», подписанном к печати 2 августа 1946 года (Гроссман 1946d).

мен⟨овна⟩, и искренне порадовался, что она наконец добралась в «свободном демобилизованном» виде до Москвы. И тут же узнал, что ты заболел, и встревожился. Очень прошу, сообщи, как чувствуешь себя, не нужно ли мое присутствие, помощь, — только, пожалуйста, «не бреши». Что это? Грипп или малярия? Во всяком случае, надо воспользоваться этим и получше, подольше отдохнуть. Напиши мне пару слов, если не трудно. Целую тебя крепко,

Вася.

Сердечный привет Ольге Семен⟨овне⟩. Я собираюсь в Москву в четверг.

183

[Июль-август 1946, Загорянка]

Дорогой папа, я засел в Загорянке как старый гриб. Но, сознаюсь, доволен — работаю много, как в Москве мне никогда не удается[377]. Папа, в четверг я буду в Москве. Если у тебя есть возможность, приезжай ко мне прямо после работы, в

[377] Примечания: 377

Ср.: «В 1946 году Литфонд проводил обследование жилищных условий писателей Москвы, которое показало, что… подавляющее большинство жило с семьями в одной комнате и не имело отдельного помещения для работы (например, П. Арский, А. Арбузов, В. Гроссман, Е. Долматовский, С. Марков). В. Гроссман жил с семьей в полуразрушенной комнате, лишенной всяких удобств» (Антипина 2005: 303).

четверг — я приеду с утра и буду вечером дома. Если не сможешь, то созвонимся вечером по телефону. Новостей у меня никаких нет, никого почти не вижу.

Целую тебя,

Вася.

184

[Июль-август 1946, Загорянка]

Дорогой папа, рад, что ты лучше себя чувствуешь. Очень прошу тебя — не форсируй свою выписку на работу, отдохни несколько дней, продли свой бюллетень.

С Женей я говорил — она, в принципе, согласна, но с Зорькой она еще не говорила, и думаю, что при ее нерешительности и медлительности дело это будет «раскачиваться» очень и очень долго.

Напиши мне пару слов — как дела Ольги Семеновны, где, в какой больнице собирается она работать?

Я тут увлекся работой, работаю много и, кажется, успешно, решил на этой неделе не приезжать, чтобы не «расшибить» времени.

Целую тебя крепко.

Твой Вася.

Отдохни возможно дольше!!!

185

14 августа 1946, [Загорянка]

Дорогой папа, пересылаю тебе письмо Катюши. Представляю, как жарко и душно по вечерам, если даже и здесь в эти дни жара и духота. Ой, Семен, болит у меня сердце за тебя, за тяжести твоей жизни!

Была здесь вчера Женя. Это совершенно безнадежное существо. Она еще ничего не только не спросила, но и не решила; и, судя по всему, долго еще будет решать.

Видели ли Елену Львовну, как ее комната, возможно ли с ней о чем-нибудь договориться?

На следующий день после того, как виделись с тобой, видел Надю. Она хорошо выглядит, пожалуй, никогда так хорошо не выглядела. Просила передать тебе привет и приглашала тебя провести отпуск у нее. Тетя Лиза больна, но ей лучше, чем было.

Я по-прежнему много работаю, сейчас присоединилась к моей основной работе[378] работа

---

[378] Примечания: 378

Речь о романе «Сталинград» («За правое дело»). В мае 1946 года в анкете Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) Гроссман написал: «Весь этот год прошел в работе над книгой. Работал я много, и работа моя, хотя не закончена, значительно продвинулась» (Волохова 2020а: 23).

по чтению корректуры «Черной книги». Дело с «Черной книгой» идет довольно успешно теперь — директор издательства думает, что к зиме она будет напечатана.

По вечерам читаю «Илиаду», получаю большое удовольствие. Вот видишь, как жизнь идет: я читаю «Илиаду», а тебя жалят клопы, нет в мире справедливого равновесия, и это очень грустно.

Дорогой мой, приехал бы хоть в субботу вечером, переночевал бы, провели бы день вместе, отдышался бы. А?

Вероятно, скоро буду в городе (на той неделе), но, если б действительно ты бы приехал отдохнуть здесь денек, было бы чудесно.

В денежных моих делах появилась кое-какая перспектива, правда, хотя и реальная, но, как бы сказать, отдаленная. Во всяком случае, август проработаю спокойно.

Целую тебя, Вася.

14 авг. 46 г.

186

[Август 1946, Загорянка]

Дорогой папа, ждали тебя в воскресенье, но погода была плохая. Завтра снова едем на дачу — Катюша осталась там.

Приезжай в воскресенье на дачу, это будет наше последнее дачное воскресенье.

Целую, Вася.

187

11 сентября 1947, [Фрунзе][379]

11 сент. 47 г.

Дорогой папа, вот уж пятый день живу во Фрунзе[380] — милый зеленый город. Живем на даче, в чудесном саду, где много цветов и много огромных, величиной с детскую голову, яблок. Погода теплая, мягкая, небо безоблачно. Из окон видны снежные вершины Тянь-Шаня.

Дней через пять-шесть поедем автомобилем по Киргизии на озеро Иссык-Куль, пробудем в поездке дней 8. Физически чувствую себя значительно бодрей, чем в Москве. Много хожу и дышу свежим воздухом. Как-то ты себя чувствуешь? Пришей пуговицы к плащу! Целую тебя, Вася.

Привет Ольге Сем(еновне).

---

[379] Примечания: 379

Письмо отправлено по адресу: Москва, Ульяновская улица, Пестовский пер., № 6, кв. 1; М. М. Ваврисевич для Семена Осиповича Гроссмана.

[380] Примечания: 380

Осенью 1947 года Гроссман ездил в Киргизию вместе со своим другом Семеном Липкиным (Липкин 1990: 82). По итогам этой поездки Гроссман опубликовал большой очерк «Поездка в Киргизию» (Гроссман 1948b).

188

[Июнь 1948, Дубулты]

Здравствуй, дорогой папа, живу в Дубултах[381], за окном шумит море и дождь, причем и дождь, и море шумят день и ночь. Но тем не менее мне здесь очень нравится — места хорошие, парк густой, заросший, воздух чистый, и то, что море под рукой, совсем приятно. К сожалению, купаться не могу, приехал с тяжелым бронхитом, доктор меня даже из комнаты не выпускает, но сегодня чувствую себя лучше и, вероятно, дня через два начну выходить.

Настроение, должен сознаться тебе, скверное и притом беспричинно, это, пожалуй, один из самых скверных видов дурного настроения. Собираюсь через день-два начать работать. Из знакомых здесь встретил Мунблита и Асеевых.

Дорогой батько, доходят слухи, что в Москве опять адская жара и духота. Бери отпуск, поезжай отдохни, ей-богу, не изнуряй себя через край. С нетерпеньем жду твоего письма.

Крепко тебя целую,

---

[381] Примечания: 381

Дом творчества писателей в Дубултах (Юрмала), куда Гроссман ездил два раза, был открыт в 1946 году.

Вася.
Привет Ольге Семеновне.

189

1 июля [1948, Дубулты]
1 июля

Здравствуй, дорогой папа, получил твое письмо и очень ему обрадовался. Получил ли ты мое первое письмо? Писал его в дурном настроении при плохой погоде и при плохом здоровье. Сейчас погода хорошая, чувствую себя хорошо, много гуляю по берегу моря и по городку. Ну и настроение стало лучше. Начал работать понемногу.

Поместили нас в хорошем домике на берегу моря, ты его не знаешь, так как он только с прошлого года принадлежит Литфонду. Местоположение очень хорошее, вокруг дома огромные сосны, а из окон видно море и слышно, как оно шумит. У нас в комнате тоже хорошо, просторно и уютно. Представляешь, какая разница климата, хотя езды лишь сутки — в те дни, когда вы погибали от жары, мы топили по-зимнему печь.

Насчет публики хуже — народ весьма и весьма мне неинтересный, а частью и вовсе неприятный. Можешь представить — через несколько

дней приезжает мой друг Ермилов[382]. Ну да черт с ним — это необходимый накладной расход для живущих в доме отдыха — не они выбирают себе соседей и компанию.

Думаю сделать несколько экскурсий подальше по побережью, побывать в Риге.

Федя здесь преобразился. Помнишь, как в Москве льнул к обществу взрослых, а тут уходит утром и возвращается поздно вечером: море, пляж, играет в мяч.

Жду с нетерпеньем письма от Катюши, как окончила школу и где будет отдыхать.

Пиши, дорогой мой, добейся отпуска. Целую тебя крепко, Вася.

Кланяйся Ольге Семен⟨овне⟩.

Ольга Мих⟨айловна⟩ просит тебе кланяться.

190

14 июля 1948, [Дубулты]

Дорогой папа, получил твое письмо третье — посылаю свое третье.

Удалось ли тебе пойти в отпуск? Сознаюсь, не

---

[382] Примечания: 382

Владимир Ермилов в 1946–1950 годах был редактором «Литературной газеты», а в 1946 году опубликовал в «Правде» разгромную статью о пьесе Гроссмана «Если верить пифагорейцам» (Ермилов 1946).

очень мне нравится твоя перспектива отдыхать в колхозе и ходить за 7 километров за хлебом. Неужели ничего более удобного нельзя придумать, ведь такие прогулки очень утомительны и совершенно тебе не нужны! Это нужно толстякам вроде меня, а не кащеям вроде тебя.

Моя жизнь вошла в норму — работаю, купаюсь в море, гуляю — чувствую себя хорошо.

Климат здешний мне не нравится — слишком много дождей и холодного ветра, слишком мало тепла. Ездили вчера в далекую экскурсию и чуть было не раскисли — дождь хлестал с утра до вечера.

Папа, очень меня огорчило сообщение твое о Наде, несчастные они и совершенно беспомощные женщины — одна глухая, вторая слепая[383]. По возвращении в Москву постараюсь их хоть материально поддержать немного.

Пиши мне, дорогой мой. Твой Вася.

Передай привет Ольге Семен⟨овне.⟩

14 июля 48 г.

---

[383] Примечания: 383

Надежда Алмаз второй срок (1936–1939) отбывала в Ухтпечлаге и закончила его в инвалидном лагпункте Адак Воркутпечлага, так как у нее было «органическое заболевание центральной нервной системы с прогрессирующим атрофическим процессом слуховых и зрительных нервов» (Акт врачебной комиссии от 3 декабря 1938 года // ЦА ФСБ. Р-4474. Л. 18). Она потеряла слух на 85 % и крайне плохо видела левым глазом.

Катюша 7 июля уехала в дом отдыха.

191

23 июля 1948, [Дубулты]

Здравствуй, дорогой папа,

пишет тебе твой сын, прибалтийский житель.

Жизнь идет по заведенной колее — утром до завтрака твой прибалтийский сын идет к морю — гуляет, делает гимнастику и купается. После завтрака он садится работать и работает до обеда. Перед самым обедом он снова купается, а после обеда гуляет, читает, разговаривает с другими прибалтийскими жителями. Затем приходит пора ужина, заката солнца и сна.

Я уже вошел во вкус этой жизни, как сам понимаешь, жизнь эта приятна и нетяжела. Осталось нам тут прожить еще недели три «с гаком». Работа моя подвигается, но не шибко.

Папа, дорогой мой, напиши о своих делах, как с отпуском, я ведь не знаю, получил ли ты его, как собирался провести, а может быть, и проводишь? Напиши о своем здоровье. Как Ольга Семеновна, ты писал о ее болезни?

Звонил ли тебе Кугель, он почему-то мне не ответил на письмо — здоров ли? Есть ли вести от Нади — как ее дела?

Жду твоего письма.
Целую тебя крепко.
Твой Вася.
23 июля 48 г.

192

12 августа 1948, [Дубулты]

Здравствуй, дорогой папа, получил вчера твое письмо и очень порадовался, что ты отдыхаешь в деревне и доволен отдыхом.

Мы скоро увидимся — числа 18-го или 19-го выезжаем в Москву и будем дома, вероятно, 21-го либо 22-го.

Я, в общем, доволен своим отдыхом — чувствую себя хорошо, купаюсь два раза в день, гуляю и работаю. Погода хорошая — не жарко, но и не дождливая.

Соскучился по тебе, хочу тебя видеть.

Крепко целую,

Вася.

12 авг. 48 г.

193

20 июля 1950, [Москва][384]

Здравствуй, дорогой папа, получил твое письмо и очень обрадовался, что ты наконец отдыхаешь и живешь в хороших условиях, в тишине и в покое.

Прежде всего, о предмете, интересующем тебя, видимо, в той же степени, как и меня.

Рукопись уже сверстана и послана на чтение около двух недель тому назад. Пока ответа еще нет, и возможно, что получение ответа задержится на довольно длительный срок. А возможно, что ответ не задержится и придет в ближайшее время. Через несколько дней Твардовский попробует выяснить этот вопрос — позвонит туда. Журнал наметил печатание романа с девятого номера, и теперь уже подходят сроки сдачи его в производство[385].

Словом, как только будут хоть какие-нибудь новости — сообщу тебе.

С 15 июля мы перебрались на дачу — чувствую

---

[384] Примечания: 384

Семен Осипович в это время находится в поездке в Молдове, см. также письмо Семена Липкина к Лие Ерусалимчик от 24 июля 1950 года (с. 778).

[385] Примечания: 385

Речь о романе «Сталинград» («За правое дело»), отправленном для публикации в «Новый мир», главным редактором которого в начале 1950 года был назначен Александр Твардовский.

себя там лучше, дышится легче на свежем воздухе, да и на душе как-то спокойней. К сожалению, уж очень дождливое лето, бывают дни, когда дождь хлещет с утра до вечера и добежать до уборной (понеже есть к тому желание) дело совсем не легкое. Я много читаю. В Москву, по-видимому, буду ездить раз в неделю, вот и сейчас пишу тебе, сидя в Москве.

Папа, дорогой мой, не нужно тащить тебе грандиозный бочонок вина, очень прошу тебя об этом, совершенно для тебя непосильное занятие. Привези литра 2–3, вполне достаточно. Напиши, пожалуйста, насколько ты планируешь свое пребывание кишиневско-молдавское? Я очень радуюсь, что ты физически чувствуешь себя хорошо и отдыхаешь душой в тишине и покое.

Катюша, по-видимому, уже в Ялте. Она пока еще не написала мне. Надеюсь, что и у нее лето будет удачным — отдохнет и побывает (впервые в жизни!) на берегу моря. До Ялты она 10 дней провела у своей бабушки в Житомире. Мне бы хотелось, чтобы на несколько дней она и в Москву приехала после Крыма — не знаю, получится ли это.

Феде купили велосипед, и он наслаждается им, научился ездить, катает по дачным дорожкам.

Конечно, когда не хлещет дождь.

Дорогой мой, буду ждать с нетерпением твоего письма. Мне очень хочется знать все подробности твоей жизни — как проводишь время, где гуляешь, какие молдаванские блюда кушаешь? Как переносишь жару?

Целую тебя крепко,

Вася.

Ольга Мих⟨айловна⟩ и Федя шлют тебе привет.

20 июля 1950 г.

194

1 августа [1950, Москва][386]

1 августа

Дорогой папа, приехал с дачи в Москву, решил начать беспокоиться, что нет от тебя писем, а почтальон принес одновременно письмо твое и открытку. Я очень, очень рад, что устроился ты хорошо, что живешь спокойно и чувствуешь себя лучше, чем в Москве. Береги себя — не простуживайся и не ешь немытых фруктов.

Груш прошу тебя посылкой не отправлять —

---

[386] Примечания: 386

Адрес на конверте: Молдавская ССР, Корнештский район, село Пояны, дом гр⟨аждани⟩на Владимира Кукоары для Семена Осиповича Гроссмана.

есть печальный опыт, что в посылках фрукты портятся. Но если надумаешь послать, то лучше на имя Ольги Михайловны Губер. Право, не стоит, лучше привези с собой каких-нибудь гостинцев. Когда будешь собираться, то «ехай», мне кажется, прямо в Москву, а то растрясешь всю свою поправку. Билет (если ехать будешь из Кишинева) попроси устроить Ушакова.

Мы живем на даче, и я себя чувствую и физически, и душевно лучше. Много читаю, сижу в садике под елками, дышу загородным воздухом, он получше московского. В Москве бываю приблизительно раз в неделю. Роман мой еще читается, ответа пока нет, но говорят, что все идет пока нормально, и редактора мои настроены весьма оптимистично.

На даче ждать спокойней, и я не волнуюсь, набрался терпения, — возможно, что еще месяц ждать. Естественно, если будут новости, то в тот же миг напишу тебе.

От Катюши имел 2 письма из Ялты — она очень довольна, ей все вокруг нравится, — купается в меру. Досаждают москиты — они в эту пору буйствуют в Крыму.

На даче живет малыш Вероникин[387] — очень милое, спокойное и всегда улыбающееся существо. Но жизнь Вероники безумно тяжела — мотается с завода на дачу, а с дачи на завод.

Вчера я был на заседании президиума Союза писателей, меня включили в комиссию по приему в Союз. Как раз вчера принимали двух моих подопечных — Писаржевского и Новикова[388].

Помнишь, как-то ходила ко мне молодая писательница Капусто?[389] Месяца полтора назад она пришла посоветоваться со мной — ехать ли ей в творческую командировку на Север или в Курскую область. Я ей посоветовал поехать в Курскую область. Два дня назад получил письмо — она поехала в Курскую область, попала в автомобильную катастрофу, ранена, получила сотрясение мозга, едва не ослепла. Пишет из больницы, вернее, не она пишет, а под ее диктовку сиделка. Вот видишь, какие советы дает твой сын

---

[387] Примечания: 387

Речь о сыне Вероники Губенковой Александре.

[388] Примечания: 388

Олег Николаевич Писаржевский (1908–1964) был соседом Гроссмана по Беговой улице (Ваншенкин 2000). Николай Васильевич Новиков (1903–1989) — дипломат, чрезвычайный и полномочный посол СССР в США (1946–1947), писатель и переводчик.

[389] Примечания: 389

Юдифь Борисовна Капусто (1919–1998) — писательница, в годы войны служила в действующей армии, начала публиковаться в 1948 году.

молодым писателям!

Пиши мне, дорогой, подробно обо всех обстоятельствах твоей жизни. Письма твои очень интересны.

Целую тебя, Вася.

Привет от Ольги Мих⟨айловны⟩, Феди и от Наташи[390].

Кланяйся от меня своим хозяевам. Нужны ли тебе деньги? Правду пиши!!

Завтра исполнится год, как я сдал свой роман — ну и срок!

195

15 августа 1950, [Загорянка]

Здравствуй, дорогой папа, получил твое письмо. Рад, что ты по-прежнему благополучен и здоров. У меня получены первые, предварительные новости, по-видимому, в ближайшие 7–10 дней можно ожидать окончательного ответа. Предварительные сведения очень ободряющие, вчера я видел Твардовского, он сказал мне, что

[390] Примечания: 390

Наталья Ивановна Даренская, домработница Гроссмана и Ольги Губер, в 1930-е годы в доме Бориса Губера была няней Миши и Феди. Федор Губер пишет: «Наталья Ивановна Даренская. После ареста моего отца она уехала в свою деревню, в Курскую область, а после войны приехала в Москву и жила с нами. Наталья Ивановна умерла в один год с Василием Гроссманом — в 1964 году» (Губер 2007: 198).

разговаривал кое с кем из ответственных товарищей, познакомившихся с моей работой, и они говорили ему о ней в самых благоприятных тонах, для меня весьма лестных и приятных.

Если окончательный отзыв будет получен в ближайшие дни, то печатать начнут с десятой октябрьской книжки, т. к. сентябрьская уже готова к печати.

В общем, как будто на горизонте появился просвет, и просвет основательный. Хотя, как говорится, не кажи «гоп», покы не перекочишь [sic! — *Ю. В., А. К.*].

Мы перебираемся завтра или послезавтра в Москву — погода невиданной гнусности: дожди льют день и ночь, холод, ветер.

Напиши, пожалуйста, о своих планах, хочешь ли ехать в Рени или прямо в Москву поедешь?

Пишу несколько слов, т. к. спешу.

Целую, Вася.

15 авг. 50 г.

Письма 1951–1955 годов

Московский адрес отца в эти годы, указанный на сохранившихся конвертах: Брюсовский пер., № 1а, кв. 10.

196

29 июля 1951, [Малеевка]

Дорогой папа,

я всегда ругаю при тебе детей за то, что они не пишут мне письма либо пишут редко. Но едва я попал сам на «детское положение», как перестал тебе писать. Таково устройство человека. Очень интересуюсь, как решил ты — едешь или не едешь? Когда, с кем? Один? Как чувствуешь себя?

В Малеевке[391] мне нравится. Здесь удивительно хороша природа — две реки — Руза и Москва-река, прекрасный лес, поля, березовые рощи, холмы…

Много гуляю, лечусь, пью всякие лекарства, принимаю ванны. Чувствую себя значительно лучше. Похудеть тут трудно, т. к. кормят очень уж хорошо.

По вечерам играю в шахматы и читаю Диккенса.

В общем, полная идиллия.

К сожалению, есть в этой идиллии пруруха — и ничего нового на фронте этой моей про-

---

[391] Примечания: 391

Гроссман пишет из Дома творчества писателей, находившегося в усадьбе «Малеевка» (Старая Руза, деревня Глухово).

рухи нет[392]. Ждать, правда, здесь легче, чем в Москве, — по крайне(й) мере, нет телефона.

Публика здесь малоинтересная, но я не враг людям и потому нахожу и спутников для прогулок, и партнеров для игры в шахматы.

А много ли человеку нужно, с меня хватает.

Пиши на московский адрес. Целую тебя.

Вася.

29 июля 51 г.

197

12 августа 1951, [Москва]

Здравствуй, дорогой папа, получил твое письмо накануне отъезда из Малеевки, удачно пришло. Отвечаю тебе из Москвы — приехали вчера.

Рад был очень, что ты добрался благополучно до родного колхоза[393], и что встретили тебя хорошо, и что чувствуешь себя лучше, чем в Москве.

---

[392] Примечания: 392

Гроссман ждал ответа от редакции «Нового мира», которая должна была вынести свой вердикт по поводу романа «Сталинград» («За правое дело»). Все три года, что шли обсуждение и правка романа в редакции «Нового мира», Гроссман вел «Дневник прохождения рукописи». Оригинал этого документа хранится в РГАЛИ: Ф. 1710. Оп. 2. Ед. хр. 1.

[393] Примечания: 393

Семен Осипович в 1951 году ездил в село Пояна (Пояны), которое находится в Единецком районе Молдовы, недалеко от границы с Украиной.

Я также изрядно отдохнул в Малеевке и чувствую себя значительно бодрее. Много гулял, окрестности там оказались исключительно живописные — две реки — Москва-река и Руза, холмистая местность, поля, лес. Я впервые в жизни лечился — принимал ванны, курс инъекций алоэ, гальванические процедуры. Однако пользы от этих лечебных операций я не почувствовал, главным было спокойное состояние и свежий воздух, от которого я давно уж отвык в Москве.

Ольга Михайловна также чувствует себя лучше, — отеки на ногах почти прошли.

Москва встретила нас духотой и жарой, а также полным отсутствием новостей. Правда, сегодня воскресенье, так что в редакцию я позвоню лишь завтра, но уж, конечно, были бы новости, я бы их и в Малеевке узнал. Ну ладно, ждали много, подождем еще — мы привычные.

Получил от Кати письмо. Ей продлили путевку еще на месяц, так что она останется в Коктебеле до конца августа, почти до самого дня начала занятий.

Письмо прислала веселое, радостное — очень довольна, нравится природа, люди, хорошо проводит время в прогулках, подружилась с Чу-

ковскими[394] и с дочкой Усиевич[395] — очень милой девушкой.

Я подумываю о том, не съездить ли мне на недельку в Солотчу, — очень пристрастился к свежему воздуху, вошел во вкус.

Дорогой мой, отдыхай, будь спокоен, налегай по фруктовой части.

Очень прошу — пиши почаще.

Целую тебя крепко.

Вася.

Привет тебе от Ольги Мих⟨айловны⟩. Кланяйся от меня своим хозяевам.

12 авг. 51 г.

Да, вот еще приятное сообщение — в заключение — только что проверил облигации и одна пятисотрублевая выиграла 2500 руб. — деньги к деньгам!

198

17 августа 1951, [Москва]

---

[394] Примечания: 394

Николай Корнеевич Чуковский (1904–1965) и его жена Марина Николаевна (1905–1993) и, возможно, их дети: Наталья (р. 1925), Николай (1933–2022), Дмитрий (р. 1943).

[395] Примечания: 395

Дочь литературного критика Елены Феликсовны Усиевич (1893–1968) — Искра-Марина (1926–2004).

Здравствуй дорогой папа,

получил твою открыточку. Получил ли ты моих два письма? У меня жизнь идет уж по-московскому: работаю, гуляю, жду решения. Это мои главные занятия. Последние несколько дней стоит удушающая жара, такая, как была в июле[396]. К счастью, «Вечерняя Москва» обещает в ближайшие дни похолодание.

Поездку на рыбную ловлю я отменил, возможно, что поеду на несколько дней в начале сентября, но вероятней, что уж не соберусь. Ведь с 22 сентября у нас путевки в Ялту.

Федя еще не вернулся из лагеря, как он там, не знаю, — не пишет. От Кати имел вчера письмо. Она осталась в Коктебеле на второй срок, а после истечения второго срока проживет еще в деревне (под Коктебелем) шесть-семь дней. Вернется в Харьков к самому началу занятий. Письмо ее меня порадовало своей теплотой, а главное, тем, что пишет о прекрасном самочувствии, о том, что отлично поправилась, довольна, счастлива, весела. Я от души всему этому рад — такие счастливые летние дни, знаю это по себе, запоминаются на

[396] Примечания: 396

14 июля 1951 года в Москве был установлен температурный рекорд — 34,1°, который затем был повторен лишь через 70 лет (Гидрометцентр России 2021).

всю жизнь и согревают человека в тяжелую зимнюю пору. Хорошо, что у Кати будут такие дни.

Вчера звонила мне Клара по телефону, материальные их дела пошли в гору, но она, бедняга, в плохом, тяжелом настроении — не говорила мне, в чем причина этого тяжелого настроения, но я понимаю, что причина в Вите.

Гриша[397] вернулся из поездки Одесса — Сочи — Батум, но об обстоятельствах этой поездки ничего не известно, т. к. он, по обычаю своему, не проронил ни слова.

Пиши мне, дорогой мой.

Целую тебя крепко.

Твой Вася.

Привет от Ольги Михайловны.

Кланяйся своим хозяевам.

17 авг. 51 г.

199

1 сентября 1951, [Москва]

Здравствуй дорогой папа,

я уж было начал волноваться, что от тебя нет писем, и хотел тебе телеграфировать, как полу-

[397] Примечания: 397

Гриша, по свидетельству Татьяны Менакер, приемный сын Клары и Виктора Шеренцис.

чил письмо твое и очень обрадовался ему.

У меня жизнь идет по-старому, новостей у меня по-прежнему нет, но это уж стало привычно, и я более или менее спокойно их ожидаю. Работаю ежедневно над второй частью книги[398], дело понемногу движется, и это меня тешит.

Рыбу я ловить не поехал, изменил мне мой спутник Липкин[399] — затеял ремонт квартиры и поэтому не смог поехать. А одному мне не захотелось, я ведь в этом отношении на тебя не похож, не приспособлен для одиноких путешествий, люблю «за компанию» ездить и ходить.

Собираемся поехать на юг — если планы этой поездки не будут нарушены, то поедем мы числа 10–12-го, поедем не в Ялту, а в Коктебель. Выяснится этот вопрос через 2–3 дня. Я напишу тебе тотчас, как все уточнится. Мы решили переменить Ялту на Коктебель потому, что ялтинский дом стоит далеко от моря, а коктебельский на самом берегу. А в такой поездке ведь самое главное — море.

---

[398] Примечания: 398

Над второй частью дилогии о Сталинграде, то есть над романом «Жизнь и судьба».

[399] Примечания: 399

Семен Израилевич Липкин (1911–2003) — поэт, переводчик, один из ближайших друзей Гроссмана; познакомились они незадолго до войны (Липкин 1990: 6).

На днях говорил по телефону с Ольгой Семеновной, она говорила мне о своем намерении в первых числах сентября поехать в отпуск и перед концом отпуска заехать к тебе. Меня очень порадовала эта перспектива.

На днях приехал в Москву Саша, вчера ночевал у меня. Он сейчас без работы, ищет место, — по-видимому, ему придется с научной работы перейти на практическую. Он сильно похудел, волнуется.

У Вити, наоборот, дела пошли как будто бы в гору, материально стало им значительно легче, но, к сожалению, счастья Кларе это не принесло. Она как-то, недели полторы назад, была у меня и жаловалась на то, что жизнь ее с Витей разладилась. Ей кажется, что он увлекся какой-то дамой на работе. Вот тебе — седина в бороду, а бес в ребро!

Молодое поколение наше сегодня идет на занятия — кончился веселый летний отдых, который всегда кажется таким коротким и недостаточным.

Дорогой мой, я очень рад был, читая, что ты чувствуешь себя неплохо и доволен тем, что поехал в Молдавию. Как долго собираешься прожить там? Как материальные дела, напиши, очень

прошу тебя об этом.

Мы купили телевизор, будем зимними вечерами по воскресеньям нашим традиционным смотреть с тобой кино.

Будь здоров, целую тебя крепко.

Твой Вася.

1 сентября 51 г.

200

[Сентябрь 1951, Коктебель]

Дорогой папа, вот уже восьмой день, как приехали мы в Коктебель. Здесь очень хорошо. Дом стоит на самом берегу моря, шумит волна день и ночь. Погода стоит прохладная, ветреная, и это очень хорошо, так как я жару переношу с трудом. Купаюсь ежедневно, а иногда и по 2–3 раза в день. Чувствую себя хорошо, но для астмы моей это, видимо, не идеальное место — бывает, что беспокоит меня. Но в общем чувствую себя несравнимо лучше, чем в Москве.

Работаю тут ежедневно. Знакомых не оказалось, и поэтому развлечений «светских», которые обычно бывают в домах отдыха, нет.

Природа здесь исключительно хороша, своеобразна. Мне здесь нравится больше, чем в Ялте. Если будем в будущем году живы и здоровы, то,

вероятно, опять сюда приедем.

По пути в Коктебель видел Катюшу в Харькове на вокзале. Встреча была очень сердечная, но, к сожалению, короткая — 20 мин. Выглядит Катюша превосходно, пополнела, загоревшая, чувствует себя хорошо. Она, вероятно, сумеет в начале ноября приехать в Москву на недельку.

Очень хочется знать, как ты живешь, как чувствуешь себя, скоро ли в Москву.

Наши путевки истекают 7 октября, если не задержимся на пару дней здесь после истечения их срока, то 10-го будем в Москве.

Целую тебя крепко,

Вася.

Ольга Мих⟨айловна⟩ шлет тебе привет.

201

27 сентября [1951, Коктебель]

Здравствуй, дорогой папа, получил твоих три письма — два, пересланные из Москвы, и третье, непосредственно адресованное в Коктебель. По-видимому, мое письмо в Поянах тебя уж не застало, т. к. ты пишешь, что вот-вот собираешься в путь.

Здесь чудесно хорошо — море в нескольких шагах от дома, замечательные, очень своеобраз-

ные окрестности. Справа от дома отдыха высится потухший вулкан Карадаг. Слева необычайно красивая линия холмов, мягкая, волнистая. На закате холмы эти становятся фиолетовыми. В самом доме отдыха живет тоже несколько потухших вулканов, в большинстве же возвышенности не вулканического, а наносного происхождения, много жен с малыми детьми, что свидетельствует о том, что вулканы все еще дымятся.

Мы тут увлекаемся сбором камней на побережье, приедем — продемонстрирую тебе результаты нашей деятельности.

Каждый день работаю по 3–4 часа. Это придает жизни привычный ритм, без которого уже трудно существовать.

Чувствую себя неплохо, хотя, видимо, морской воздух для моей астмы не совсем хорош, дает о себе знать особенно по ночам.

Здесь жили двое твоих знакомых, тепло вспоминали о тебе — Кашкин[400] и Александров.

Погода прохладная, это хорошо. По вечерам к нам приходят 4 собаки, просят есть. В предчувствии того, что дом отдыха скоро закроется, они еду зарывают в землю; однако потом они ее не

[400] Примечания: 400

Речь о литературоведе, критике и переводчике Иване Александровиче Кашкине (1899–1963).

находят.

Я купался до позавчерашнего дня. Теперь похолодало, и пришлось прекратить это дело. Выезжать собираемся, видимо, 8 октября, следовательно, 10-го будем в Москве.

Надеюсь, что ты добрался до Москвы благополучно.

27 сентября.

Целую тебя крепко.

Вася.

Привет Ольге Семеновне и Ларе.

Привет тебе от Ольги Михайл⟨овны⟩.

202

20 июля 1952, [?]

Дорогой папа,

получил твое письмо.

От души рад, что чувствуешь себя хорошо на даче. Никуда тебе не надо уезжать, а сиди до сентября. А лучше и в сентябре пожить, если будет хорошая погода! Ведь если Ольга Семен⟨овна⟩ и Лара уедут в отпуск, — человечество придумало замки, запрешь комнату на замок и продолжай жить на даче.

Какая это прелесть чистый, свежий воздух!

Мы тут буквально ожили. Я очень много гу-

ляю, делаю прогулки в лес и на реку. Собираем землянику и грибы. И того и другого много. Я работаю ежедневно, но немного, по 2–3 часа. Стал худеть, потерял за неделю $2^1/_2$ кило. Но есть еще что терять, — оказалось, что за год я прибавил 7 kg. А ведь, если помнишь, в прошлом году тоже худым не был.

Вернемся в Москву 7 августа. Очевидно, поедем в Загорянку повидаться.

В редакции все идет благополучно пока. Очень много отзывов[401].

Привет Ольге Семеновне и Ларе.

Целую тебя,

Вася.

20 июля 1952 г.

203

[Начало сентября 1952, Коктебель]

Здравствуй, дорогой папа,

вот уже 4 дня, как мы живем в Коктебеле. Выехали из Москвы в холод, в проливной дождь; в Харькове уже чуть-чуть улыбнулось солнце;

[401] Примечания: 401

Отзывов на первую часть романа «За правое дело». «Новый мир» печатал роман с июля по октябрь 1952 года, в номерах 7–10 (Гроссман 1952).

в Лозовой пахнуло степным теплом и пылью, потянулись поля подсолнуха и кукурузы, в Джанкое было совсем тепло — на базаре при станции накупил дынек, арбузиков, кукурузы вареной…

А здесь, в Коктебеле, совершенное лето, вода в море теплая, солнце жарит, безоблачное небо. Я много бываю на море, купаюсь, занимаюсь сбором камней и уничтожением слив, дынь и арбузов.

Уезжая из Москвы, я успел прочесть верстку десятого номера[402] и все согласовал, так что на душе спокойно. Но, видимо, нервы свои так издергал, что даже и здесь нахожу почву для неврастении и раздражительности, — уж очень много здесь людей, а люди бывают разные. Но это так, минутные пустяки. В общем, я очень доволен. Как ты? Здоровье? Где ты — на даче или в городе? Если погода установилась, поживи еще на даче!

Пиши мне. Целую тебя, Вася.

Привет Ольге Сем(еновне) и Ларе.

Мой адрес: Крым, Планерское, Коктебель — дом отдыха Союза писателей, — мне.

Ольга Михайловна просит кланяться.

---

[402] Примечания: 402

Десятый номер журнала «Новый мир» за 1952 год, в котором вышла последняя часть романа «За правое дело».

204

12 сентября [1952, Коктебель]

Дорогой папа,

получил ли мое письмо, которое послал по приезде в Коктебель?

Я от тебя еще ничего не имею. Где ты — в городе, на даче ли? Как здоровье?

Приезжающие рассказывают, что в Москве адская жара установилась в последние дни[403]. Но, должно быть, по сравнению с той жарой, что установилась здесь, ваш московский климат — это Арктика.

Говорят, что только в июле бывают такие знойные дни. Спасает то, что ветерок у моря и ночи прохладны.

Чувствую себя здесь хорошо тем не менее. Купаюсь, собираю камни, поглощаю множество дынь, слив и груш.

По-видимому, продлим здесь свое пребывание до 1 октября.

Пиши мне, целую тебя крепко.

Твой Вася.

---

[403] Примечания: 403

7–9 сентября 1952 года температура в Москве достигала 27–28° (Метеоизмерения онлайн 2024).

Привет Ольге Сем(еновне) и Ларе.

Ольга Мих(айловна) просит тебе кланяться.

Я от жары и морского блаженства так разленился, что не работаю и даже не читаю. Но оказалось, что и так (не работая и не читая) живется нехудо.

12. IX

Получил сегодня твое письмо — рад был ему. Я и сам подумываю, что неплохо бы завести такую маленькую загородную обитель — приедем, поговорим об этом не торопясь. Сегодня денек полегче — не так жарко. Нервы стали лучше, спокойней. Пиши. Целую, Вася.

205

18 сентября [1952, Коктебель]

18 сент.

Дорогой папа, по-прежнему пребываю в блаженстве. Погода стоит замечательная, прелестная крымская осень. Вода теплая, купаюсь, много гуляю. Восхожу даже на горы. Компания здесь подобралась сейчас хорошая, и с этой стороны все обстоит благополучно.

Откладываем свой отъезд на 5 дней и поэтому приедем в Москву не 27-го, а 2 октября.

Поглощаю в большом количестве дыни и ар-

бузы.

Получил милое письмо от Катюши, описывает в подробностях, какая строгая она учительница. Бытовые условия у нее не очень хороши — плохая комната[404].

Как ты живешь, как здоровье?

Сюда уж, пожалуй, писать не стоит, боюсь, что разминусь с твоим письмом. Не переутомляйся!

Целую тебя крепко.

Вася.

Ольга Мих⟨айловна⟩ шлет тебе привет.

Кланяйся Ольге Сем⟨еновне⟩ и Ларе.

206

[Март 1953, Ильинское]

Дорогой папа, пишу несколько слов, — живу на

[404] Примечания: 404

После окончания института Екатерина некоторое время работала учительницей английского языка в шахтерском поселке в Донбассе (см. об этом, напр.: Рапопорт 2008).

даче[405], чувствую себя хорошо — много гуляю, читаю. Тут очень пустынно, тихо, спокойно. Воздух свежий, чистый. Ночью среди высоких сосен видны звезды. Дом здесь теплый, сам топлю печь углем и дровами. Живет тут и мой любезный дачевладелец Семен Из⟨раилевич⟩ — мы с ним отлично хозяйничаем. Скажу откровенно, что супы у нас получаются получше того, которым ты меня угощал, зато такого жаркого, какое ты зажарил, мне пока еще не создать. Однако я не теряю надежды поднять свою кулинарную квалификацию.

Прошла уж неделя, как я живу на даче. Думаю побыть здесь еще, — так как мне спокойней и приятней жить здесь, да и для здоровья хорошо подышать воздухом. В дневные часы солнышко

---

[405] Примечания: 405

Гроссман уехал на дачу к Семену Липкину в марте 1953 года, во время травли писателя после публикации романа «За правое дело». Липкин так пишет об этом времени: «…мучительный, страшный, долгий путь романа „За правое дело“, когда мы с Василием Семеновичем затаились у меня на даче в Ильинском и каждый ночной порыв ветра, стук ставен, шаги в безлюдной улице пугали: „Они пришли“» (Липкин 1990: 19). В другом отрывке из книги «Жизнь и судьба Василия Гроссмана» Семен Израилевич добавляет бытовых деталей: «Мы с Гроссманом решили это смутное время пережить, вернее, укрыться на моей даче в Ильинском по Казанской железной дороге. Жили мы так. Я закупал в закрытом городке Жуковском провизию (тогда это было просто), мыл посуду, а Гроссман готовил обед, каждый день один и тот же наваристый суп» (Там же: 32).

Из свидетельств самого Гроссмана до сих пор были известны лишь

строки из его письма к Липкину от 22 июля 1954 года:
«Вспомнилось мне Ильинское, дачная идиллия — печь, игра в дурака, суп из макарон, прогулки на станцию, оттепель, гремящая ведрами Маня» (Гроссман 2016).

светит и греет чуток по-весеннему.

Надеюсь, что ты здоров, береги свое здоровье, не простуживайся, нервы береги!

Крепко тебя целую.

Вася.

Передай привет своим дамам.

207

18 марта 1953, [Ильинское]

Здравствуй, дорогой папа, получил ли мое первое письмецо?

Продолжаю свое дачное житье, оно мне так нравится, что жалко с ним расставаться. Думаю, что пробуду здесь до 25–26-го. Как только переберусь в город, позвоню тебе.

Пришла весна. Дни чудесные, солнце светит и греет, небо легкое, весеннее, в дневные часы с крыш со звоном и сверканием падают капли. Я давно уж мечтал встретить весну за городом, да из года в год мешали обстоятельства. Вот наконец в этом году удалось, правда при не самых благоприятных обстоятельствах. Но вот так случилось, что именно эти неблагоприятные обстоятельства помогли мне увидеть всю прелесть ранней весны, первых весенних дней.

Здоровье мое и хозяйство домашнее в порядке.

Как ты, дорогой мой?
Целую тебя крепко, Вася.
В конце месяца увидимся.
18 марта 53 г.

208

29 сентября [1953? Коктебель]
29. IX

Дорогой папа, вот уж 8 дней, как живем в Коктебеле. Погода установилась замечательная — мягкая, не жаркая. Я работаю понемногу, гуляю, купаюсь. В этом году фрукты запоздали, и поэтому мы застали персики и дыни — обычно их в это время уже не бывает.

Беда только, что дом не пустеет, набит до отказа, а я, как ты знаешь, не большой любитель грандиозного общества.

Здесь Габриловичи и Эйдлины[406], с которыми я встречаюсь. Твой рассказ «муцыку, хиба ж ты мене не узнав» пользуется большим успехом.

Ольга Михайловна чувствует себя здесь значительно лучше, сердце не болит. У меня тоже хорошее самочувствие, сплю хорошо.

---

[406] Примечания: 406

Вероятно, речь о китаисте и переводчике Льве Залмановиче Эйдлине (1909–1985) и его жене Вере Ивановне.

Напиши о себе, как чувствуешь себя, как нога твоя, как устраиваются твои хозяйственные дела?

Странно подумать, что в Москве холодно, сыро, а я в это время купаюсь в теплом море.

Пиши! Береги себя!

Целую тебя крепко.

Вася.

Привет Ларисе.

Ольга Мих(айловна) просит тебе кланяться.

209

22 октября [1953, Коктебель]

22. X

Дорогой папа, получил твое письмо — третье. Рад, что у вас все благополучно и что ты чувствуешь себя неплохо.

Ваша погода наконец докатилась и сюда, — последние 2 дня дожди, туманы. Но воздух по-прежнему теплый, а вода как парное молоко.

Ты пишешь, что Надя переселилась этажом выше. Я этому очень порадовался — ведь будет удобней и душевно легче и ей, и Кларе с семейством. А в смысле комфорта, мне кажется, разницы почти никакой, поскольку она весь день будет проводить у Клары. Однако я почти

одновременно получил от Нади письмо, и чувствуется, что она этим переселением недовольна, тон письма нервный. Все ее надежды на то, что Моссовет предоставит ей комнату.

Дай бог, конечно, чтобы так, но я не очень в это верю.

Мы заказали билеты на 30 октября, значит, 1 ноября будем в Москве.

Последние дни, хотя погода и не так хороша, здесь особенно чудесно: тихо, спокойно, безлюдно. Я теперь особенно хорошо себя чувствую. От удовольствия даже похудел немного.

Найден (мною) замечательный камень — сердолик.

Надеюсь, скоро увидимся, больше писать не буду, сам приеду.

Будь здоров, целую тебя.

Вася.

Привет Ольге Сем(еновне) и Ларисе.

О(льга) М(ихайловна) просит тебе кланяться. От Кати последнее время писем нет — она завтра должна выехать в Сочи.

210

20 сентября [1954? Коктебель]

20 сентября

Здравствуй, дорогой папа. В Коктебеле необычайно хорошая погода, — солнечно, тепло, море теплое, купаюсь 2 раза в день. Много гуляю.

В Харькове видел Катю и Галю. Галя необычайно располнела, я ее не сразу узнал, можешь представить себе, — весит она 92 кило. У Кати до сих пор нет хороших новостей, все ищет работу, обещают, а потом не берут. У нее есть план поступления в заочную аспирантуру, но и для его осуществления необходимо быть на работе.

Галю очень беспокоит пустота в ее личной жизни, — нет знакомых, нет увлечений.

Пиши мне о себе, как здоровье твое, боль в ноге? Как погода в Москве?

Целую тебя, Вася.

Привет тебе от Ольги Мих⟨айловны⟩.

Кланяйся Ольге Семеновне и Ларисе — здоров[ы] ли они?

211

26 сентября [1954, Коктебель]

26 сент.

Здравствуй, дорогой папа!

Получил твое письмо. Наверное, и ты мое уже получил. Странно читать, что у вас в Москве хмурая осенняя погода и идут дожди. Здесь, в Кок-

тебеле, до сегодняшнего дня жарко, над головой безоблачное небо. Я купаюсь по 2 раза на день.

Веду самый разумный образ жизни, — мало ем, много хожу, делаю большие пешие прогулки.

Живется мне здесь спокойно, хорошо, и я доволен, что приехал сюда.

Понемногу работаю, читаю. Публика тихая, да и дом к осени опустел, многие комнаты стоят пустыми, в столовой пустые столы, — это тоже способствует покою и отдыху.

Газеты приходят сюда на третий день, так что я в курсе всех событий, но с некоторым опозданием.

Огорчает меня, что нога у тебя по-прежнему болит, — напиши обязательно, как сейчас себя чувствуешь.

Целую тебя,

Вася.

Привет от Ольги Мих⟨айловны⟩.

Кланяйся от меня своим дамам.

212

7 октября 1954, [Коктебель]

7 октября 54 г.

Здравствуй, дорогой папа!

Получил твое письмо, рад, что ты здоров. Пора-

довало меня то, что ты пишешь о Вите, — думаю, мало кто, как он, выстрадал свой заслуженный успех. Сколько лет волнений, мучений, сколько бессонных трудовых ночей!

Надины новости меня тоже очень порадовали, о них я узнал из ее письма; она пишет, что и со здоровьем у нее как будто пошло на лад, температура уже не так скачет и сердце врачи находят в значительно лучшем состоянии.

Получил сегодня письмо от Кати, у нее появилась новая перспектива устроиться на работу, в харьковском пригороде, в институте ветеринарном при кафедре английского языка. Вопрос этот, к сожалению, решится не сейчас, а в первых числах ноября.

Здесь сильно похолодало, ночью 6–8°, а днем 14–16°. Вода холодная, и я перестал купаться. Чувствую я себя здесь хорошо — много хожу, тут очень хорошие дороги в горы и вдоль моря — живописные, пустынные, — скалы, поросшие мхом, кусты шиповника, красные от ягод, а внизу шумит осеннее море. Продлили наши путевки до 25 октября. Здесь жизнь внутри дома день ото дня спокойней и тише, — люди уезжают, а новые уже не едут. Главный враг здесь ветер — холодный, злой, ночью воет, как волк. От купаний, прогулок

я стал худеть и теперь из очень толстого человека превратился в «просто толстого»; хочется до отъезда еще одну ступень пройти — стать просто «полным».

Очень огорчило меня известие о смерти Владимира Борисовича Александрова[407] (в «Лит⟨ературной⟩ газете») — умница, талант и несчастливой жизни.

Пиши. Целую тебя, Вася.

Привет тебе от Ольги Михайловны.

Кланяйся Ольге Семеновне и Ларисе.

213

9 октября [1954, Коктебель]

9 окт.

Здравствуй, дорогой папа, пишу тебе в чудесный летний день. Солнце жарит вовсю. Небо безоблачно. Вода в этом году необычайно теплая. Я купаюсь ежедневно. Чувствую себя хорошо. К сожалению, в весе не сбавляю, хотя хожу много. Публика начала понемногу разъезжаться, от этого в доме стало лучше.

Как себя чувствуешь? Как сердце, нога?

---

[407] Примечания: 407

Владимир Борисович Александров умер 21 сентября 1954 года в Москве.

Не переутомляйся, пожалуйста.

Мы решили продлить путевки до конца месяца.

Целую тебя, Вася.

Пиши! Привет от О⟨льги⟩ М⟨ихайловны⟩.

Передай привет О⟨льге⟩ С⟨еменовне⟩ и Ларисе.

214

22 октября [1954, Коктебель]

22 окт.

Здравствуй, дорогой папа,

получил твое письмо, рад, что чувствуешь себя несколько лучше, нога болит меньше. Меня удивило, что ты пишешь о московской погоде, — я представлял, что в Москве снег с дождем, а ты пишешь — хорошая, сухая погода.

Здесь настал сущий рай, — тепло, в безоблачном небе солнце, снова начал я купаться. Окрестности осенние поразительно красивы — горы в золоте и в ярко-красных листьях, — есть такой кустарник — матрач, — его листья осенью становятся кроваво-красными, и каменные склоны точно в потоках красных. А на холмах идет сбор винограда, лозы тяжелые, янтарные, — и все это на побережье моря, под синим небом. Мы продолжаем совершать прогулки, ходим еже-

дневно, устраиваем часто экспедиции в дальние бухты, где собираем редкие камни — сердолики и агаты. Чувствую я себя хорошо, но вот сплю совсем плохо, мало очень, просыпаюсь задолго до рассвета, да вот еще беда — не вернулось ко мне обоняние, полное отсутствие! Идут рядом со мной люди и восхищаются, — «ах, как пахнет море, какой запах водорослей, как пахнет степь, полынь…». А я как пень — ничего не чувствую, не то что запах моря, но и запах чеснока. А ты как — вернулось к тебе обоняние?

Билеты мы заказали на 26-е и, следовательно, в Москве будем 28-го. Надя по-прежнему в больнице, пишет, что чувствует себя лучше несколько, но все время продолжает терять в весе, — что уж ей терять.

Будь здоров, целую тебя.

Вася.

Привет тебе от Ольги Михайловны.

Кланяйся от меня Ольге Семеновне и Ларисе.

215

[Февраль 1955, Дубулты]

Здравствуй, дорогой папа!

Получил твое письмо. По-моему, ты хорошо сделал, что не пришел в тот день, раз плохо се-

бя чувствовал. Очень прошу тебя беречься во всех обстоятельствах жизни, — не подымайся по несколько раз на день без лифта, не стой в этих молочных очередях, право же, пора сговориться с молочницей, пусть молоко ходит к тебе, а не ты ходишь к молоку. Очень тебя прошу об этом.

Я не ошибся, когда выбрал для поездки Дубулты, место оказалось чудесное зимой[408].

Я никогда не видел зимнего моря и теперь любуюсь им, — темное, железное, молчаливое. Но, помимо прогулок у моря, тут много хороших и приятных мест. Нравится мне этот тихий, чистенький приморский городок, очень приятно гулять по пустым улочкам, теперь ведь зима, — нет курортников, и городок живет своей собственной тихой жизнью. Хорошо в парке, хорош здесь сосновый лес.

Работаю много, значительно больше, чем в Москве, и в отличие от Москвы — и после обеда, до ужина работаю.

В доме тепло, уютно, персонал заботлив, писательская публика тихая, скромная, большей частью местные латышские писатели. Да и всего тут человек 15. Все сидят по комнатам своим —

---

[408] Примечания: 408

См. также переписку с Ольгой Губер во время этой поездки (с. 452–465).

стучат на машинках, а мой сосед поэт Шехтер[409] спит целые дни — доносится его храп, а потом он жалуется на ночную бессонницу.

Из знакомых, помимо Липкина, здесь Паустовский — человек в обращении приятный, воспитанный, набитый всякими рассказами-фантазиями — которые он передает как случаи из своей собственной жизни.

В общем, решил пробыть здесь нормальный срок путевки, т. е. до начала марта.

Самочувствие физическое хорошее, много гуляю — не меньше 2–3 часов в день.

Правда, дышится несколько тяжелей, чем в Москве, — какое-то чуть-чуть астматическое дыхание. Но это проходит, с каждым днем незаметней.

Будь здоров, береги себя, крепко тебя целую.

Вася.

Сердечный привет Ольге Семеновне и Ларисе.

216

21 февраля [1955, Дубулты]

Дорогой папа, отправил тебе утром открыточ-

---

[409] Примечания: 409

Марк Ананьевич Шехтер (1911–1963) — поэт, переводчик с польского и украинского; в годы войны служил в действующей армии.

ку, а днем пришло твое письмо. Был очень рад получить его, рад, что ты здоров и чувствуешь себя хорошо.

Ты поступаешь совершенно разумно, что в морозы не выходишь, — ни в коем случае не следует гулять, а особенно «гулять» в очередях при морозной погоде.

Со мной за столом сидит приехавший несколько дней назад из Ленинграда старик, друг Горького[410], сопутствовавший ему во всех путешествиях, в Италии и пр.

Старику 80 лет, приемному сыну его 62 год⟨а⟩. Приехал он довольно бойкий, на вид ему не больше 60–65. Но сегодня ночью уборщица, желая потрафить деду, натопила печь так, что температура поднялась до 30°, и у бедного деда сделался сердечный припадок. Он расстроился и собрался ехать в Ленинград, но его перевели в другую комнату, успокоили, и все вошло в норму. Он очень интересно рассказывает о всяких знаменитых людях, которых ему пришлось повидать, даже о Марк⟨е⟩ Твене.

Я действительно правильно сделал, что поехал,

---

[410] Примечания: 410

Николай Евгеньевич Буренин (1874–1962) — революционер, музыкант, сопровождал Горького в его поездке в США и в качестве связного РСДРП(б); некоторое время жил у Горького и в Италии.

как-то внутренне встряхнулся. Надо будет почаще практиковать поездки всякие — ты прав, конечно, не только в дома отдыха.

Купил здесь «Кольчугина», вышедшего на латышском языке[411], — стоит 16 р. 25 коп. Судя по тому, как удивилась продавщица, я был первым покупателем.

Ты на письмо не отвечай, я не успею получить ответ.

Крепко целую, Вася.

Привет Ольге Семеновне и Ларисе.

21 февраля.

217

25 августа 1955, [Москва]

Дорогой папа, как-то ты живешь в одиночестве? Завтра в дневные часы приедем на дачу, не беспокойся поэтому, если не с утра.

Ольга Семеновна и Лариса шлют тебе всяческие приветы и даже поцелуи. Ремонт у них начался только позавчера, так как до этого мастера были заняты. Сегодня вечером позвоню еще, узнаю, кончился ли ремонт.

До завтра.

---

[411] Примечания: 411
Grosmans 1954.

Целую, Вася.
25. VIII.55

218

23 сентября 1955, [Коктебель]
23. IX.55 г.

Здравствуй, дорогой папа, добрались до Коктебеля прекрасно, по холодку, в пустом вагоне.

Здесь очень хорошо, тепло, но не жарко. Вода в море теплая, стал купаться с первого же дня.

Хочу побольше ходить и поменьше есть, — оказалось, сильно прибавил в весе, надо обязательно сбросить.

В день нашего отъезда в Москве началась холодная погода, дождило, а сейчас мы вновь въехали в лето, с безоблачным небом и теплом.

Папа, помни мои заветы, береги себя, ходи поменьше, лежи побольше.

Напиши, как жив-здоров.

Целую тебя, Вася.

Ольга Мих(айловна) шлет тебе привет.

Кланяйся Ларисе.

219

3 октября 1955, [Коктебель]

3 окт. 55

Здравствуй, дорогой папа, получил твое письмо. Очень рад, что чувствуешь себя хорошо. Однако твои скромные расстояния достаточно велики, — шутка ли, 4 квартала!

Здесь по-прежнему хорошая погода и теплые морские купания. Море прекрасно. Купаюсь немного, но ежедневно. Работаю маловато, обстановка не располагает, довольно шумно. Больших прогулок еще не делал. Будь здоров, ходи все же поменьше. Целую тебя, Ва.

Привет от О⟨льги⟩ М⟨ихайловны⟩.

Кланяйся Ларисе.

220

17 октября [1955, Коктебель]

Здравствуй, дорогой папа!

Мы продлили свое пребывание здесь до конца месяца и заказали билеты на 30-е, значит, 1 ноября приедем в Москву.

Погода по-прежнему хорошая, вода теплая. Гуляем много по берегу моря. Найдены кое-какие каменные красавцы.

Меня уж тянет в Москву, надоело жить в доме отдыха, быть все время на чужих людях. Правда, людей здесь сейчас немного, но все же больше,

чем в моей московской квартире.

Работаю мало. Уж очень много красот вокруг — чудесное море, небо, горы.

Вероятно, Ольга Семеновна уже давно в Москве и у вас жизнь идет в обычной норме. Мы слышим от приезжих, что в Москве хорошая погода — тепло и солнечно. Это обидно — хотелось бы, чтобы тепло было на берегу моря, где за это деньги платят. А вы, можно сказать, на дурныцю пользуетесь всеми южными благами.

Береги себя, не ходи много!

Целую тебя, Вася.

Привет тебе от О⟨льги⟩ М⟨ихайловны⟩.

Кланяйся, пожалуйста, Ольге Семеновне и Ларисе.

17. X

Недатированные записки

221

Дорогой батькос, успел сделать все дела.

Уладил с рассказом.

Целую, Вася.

222

Дорогой батько.

Я сегодня не смогу прийти на работу. Дело в том, что Маруся наша заболела, ее нужно вести к врачу и вообще принимать всякие срочные меры.

Мне очень хочется с тобой посоветоваться. Передай через Яшу записку.

Вася.

223

Папа, ушел по делам, затем в редакцию. Дома буду часов в девять вечера. Позвоню.

В.

Письмо отца[412]

224

20 сентября [1945, морской курорт]

20. IX

Дорогой мой, думаю, что первое письмо ты

---

[412] Примечания: 412

Это единственное письмо отца Василию Гроссману, обнаруженное нами на настоящий момент, — и, вероятно, единственное сохранившееся.

получил. «Оказия» обещала опустить его в п⟨очтовый⟩ я⟨щик⟩ в Москве — так оно вернее и быстрее, конечно, если *т-те* «оказия» не носит его д⟨о⟩ с⟨их⟩ п⟨ор⟩ в сумочке.

Писал тебе под впечатлением ярких и солнечных дней, но затем небо заволокло по-московски, стало холодно и шли дожди; впрочем, вчера был снова солнечный день, сегодня, возможно, будет ясный день. На шестой день почувствовал, что отдохнул настолько, что могу быстро стать в $5\ ^1/_2$ утра в очередь за хлебом, а затем пойти на «Сакко и Ванцетти», прошло еще два дня, я почувствовал монотонность повторяющихся однообразных дней. Не подумай, что собираюсь раньше времени бежать в Москву. Но у меня другое: очевидно, людям, прожившим долгую жизнь, не следует пользоваться продолжительным отдыхом. Я имею в виду себя, на совести к⟨ото⟩рого в прошлом имеются поступки, граничившие с проступками. Когда-то мама мне сказала, что иной раз воспоминания — это не корректурный лист, а нож гильотины. Вот сейчас я особенно сильно чувствую правдивость этого выражения.

Кроме тебя, у меня, ты знаешь, никого нет, с кем бы я мог говорить, что называется, «на духу», и вот скажу тебе, что если можно говорить о

греховности, то у меня в отношении мамы великий грех. Это я осознал еще до войны, и она постаралась ответить мне шуточным письмом, когда я писал ей, простит ли она мне все зло, что я учинил против нее, и согласится ли она жить со мной вместе, к(а)к со своим старым другом, если я добьюсь этой возможности. Теперь, сейчас я понял, что не т(а)к мне надо было поступить — я должен был поехать к ней и вымолить у нее для себя прощение за все содеянное. Мне нужно было при приближении того страшного времени, когда она осталась совершенно одна, сделать все, чтобы быть с ней вместе и погибнуть вместе с ней. Дорогой мой, к(а)к мне тяжко и горько сейчас — просыпаюсь ли ночью, стою ли я на берегу и гляжу на взбудораженное море — меня мысль о маме не оставляет ни на одну минуту. Порой мне хочется плакать обильными слезами, и никогда я не чувствовал т(а)к сильно ее утрату, к(а)к сейчас.

За всю жизнь я раза 2 собирался рассказать тебе все, чтобы ты знал, к(а)к все произошло, но мой рассказ всегда прерывался, и я не доходил до момента, когда вопрос касался моего к ней отношения и произошел разрыв между нами. Сейчас ты, если прочтешь мое письмо, быть может,

спросишь — если у меня появилось «раскаяние», то к⟨а⟩к я предполагал поступить в отношении Ольги Семеновны?

Знаешь, у меня такое чувство, что я для нее не очень много значу. Возьми хотя бы последние 4 года, годы войны.

За все это время я в общем получил от нее около 10–15 коротеньких писем и открыток, и каждое из них начинается излияниями, что она тоскует, что у нее потребность говорить со мной, она обеспокоена о моей жизни, судьбе, а затем, в дальнейшем воспоминания о каких-то мелочах, попреки, что я не ценю ее родных и пр. Ольга очень правдивый человек, но первую часть всех своих писем она пишет по трафарету, словно это списано с какого-то письмовника, напечатанного для общего употребления. Знаю, что она всегда помешана на заботах о своих близких и ради них она ни перед чем не остановится. Моя судьба или жизнь ее тревожит, но это звучит, к⟨а⟩к колокольчик однозвучный, и если нужно будет для устройства жизни Фомы и Саши переехать в Жм⟨еринку⟩, то она это сделает легко, приурочив мою жизнь и интересы тому, главному. Вот почему, проживши много лет вместе, я за все последние 4 года не испытываю (да и она, очевидно,

также) тоски по ней, желания быть вместе, и все сводится к одному — к⟨а⟩к сложится, т⟨а⟩к и будет. А последнее время я все больше укрепляюсь в том, что основным у нее будет та же Лариса, девочка Гали, сын покойного брата ее и пр⟨очие⟩, и это меня пугает в том смысле, что моя жизнь будет сведена к жизни на краю чужого гнезда…

Ты меня прости за то, что, отдыхая в прекрасном месте, я навожу на тебя тоску своими письмами, да и время я, вероятно, отнимаю ими у тебя.

Решил я, если моя сослуживица уедет, оставив мне свою комнату, обязательно занять ее — мне невмоготу будет в дальнейшем жить у М⟨арии⟩ Мих⟨айловны⟩.

Больше я писать тебе не буду, т. к. съезжаю все на минорные темы.

Будь здоров, очень по тебе соскучился и бесконечно рад буду, когда двинусь обратно, т. к. это значит, что скоро увижу тебя. Целую крепко, твой.

Переписка с Ольгой Губер
Довоенные письма Гроссмана, 1937–1941

Василий Гроссман и Ольга Губер начинают жить вместе в октябре 1935 года, а в мае 1936 года женятся официально. Летом 1937 года расстреливают Бориса Губера, первого мужа Ольги Михайловны, а вскоре арестовывают и ее — как жену «врага народа», несмотря на второе замужество. Гроссман берет опеку над Мишей и Федей — детьми Бориса и Ольги Губер и делает все, чтобы освободить жену, в том числе пишет письмо Ежову. Ольга Михайловна выходит из тюрьмы менее чем через два месяца после ареста.

1

18 марта [1937, Киев]

Люся, милая, пишу тебе на Киевском вокзале. Отвратительным пером и в отвратительном настроении. Поезд опаздывает на много часов — три часа уже отдежурил. Заносы. В Киеве вдруг сделалась гнусная погода — глубокий снег, ветер.

Ездил вчера с Катюшей к Беньяшам[413], ужасное впечатление — застал там Вадю и тетю Лизу. Зачем меня дернуло поехать к ним, не знаю. Теперь каюсь.

Пиши мне обязательно в Бердичев. Получили ли фототелеграмму?

Целую тебя,

Вася.

18. III

2

26 марта 1937, Бердичев

Милая Люсенька, очень меня огорчают твои печальные письма. Чего это вдруг малярия за тебя взялась? Ходи, пожалуйста, к врачу и не предоставляй все своему естественному ходу (что ты всегда любишь делать).

Я собираюсь через 2 дня в дорогу, очевидно, 31-го либо 1-го буду в Москве. Это будет зависеть и из-за билета, который придется брать в Киеве. В общем, телеграфирую тебе из Киева точно о дне приезда.

В Бердичеве жизнь моя протекает мирно и

---

[413] Примечания: 413

В Киеве жили тетя Гроссмана Мария Савельевна и ее муж Моисей Григорьевич Беньяш (ум. 1941), профессор бактериологии.

тихо, достал много хороших книг, читаю дни и ночи, разговариваем с мамой, работа не клеится.

Погода здесь замечательная, очень тепло. Ночи хороши («тиха украинская ночь… и даже луна спокойно с высоты над Бердичевом сияет»)[414].

Получил от Вени открыточку, он уже в Киеве. Возможно, вместе с ним поедем — nach Moskau[415].

Прочел тут между прочим эту книгу: «Борьба со смертью», хороша, но первая «Охотники за микробами»[416] мне нравится больше. Во второй книге слишком однообразен и обнажен прием, местами она наивна, а местами, мне кажется, неверна. Но хороша она смелостью, любовью к науке и людям, подлинно глубоким знанием.

С моей работой худо — не идет, ужасно разленился. Первые дни кое-что делал, а сейчас забросил, да и не стоит на два дня затевать труды; уж в Москве поработаю.

Ты мне, конечно, не пиши больше сюда, однако

---

[414] Примечания: 414

Отсылка к поэме Александра Пушкина «Полтава» (1829).

[415] Примечания: 415

В Москву *(нем.)*.

[416] Примечания: 416

Научно-художественные книги американского микробиолога Поля де Крюи (Крайфа). Их первые издания на русском: Де Крюи 1928; Де Крюи 1936.

я надеюсь, что до отъезда, сегодня или завтра, получу от тебя весточку.

Скучаю по тебе Люсёня, скоро увидимся, целую тебя,

Вася.

26. III.37 г.

Бердичев.

3

5 сентября [1937[417]*, Днепропетровск]*

Люсенька, еду на пароходе, подъезжаю к Днепропетровску. Погода была очень хороша, природа тоже хороша — эта уже при любой погоде.

На песке стоят серые цапли. Днепр спокойный, без морщинки.

Сейчас будем пересаживаться, проедем 5 часов, и снова пересадка. Но это все не беда, конечно.

Целую, Вася.

Привет С⟨емену⟩ О⟨сиповичу⟩, ребятам.

5. IX

4

---

[417] Примечания: 417

Год установлен по штемпелю на почтовой карточке.

[8 сентября 1937[418], Одесса]

Люсенька, провел вчера довольно тяжелый день в Херсоне — пыль, жара, духота. Ездил в колхоз — видел там много интересного, одного совершенно замечательного деда из хаты-лаборатории, умницу, мудреца прямо. Херсонское начальство приняло меня без всякого почета, грубо, подозрительно.

Ну ладно — все проходит.

Пишу тебе из Одессы, приехал сюда утром. Погода хороша, город замечательный — улицы, дома — всё напоминает Италию, Испанию, хотя, как тебе известно, ни в Италии, ни в Испании я не был.

Целую тебя, родная, крепко.

Твой Вася.

Привет Семену Осип⟨овичу⟩ и ребятам.

5

14 сентября 1937, [Одесса]

Люсенька, пишу несколько слов.

Взял только что билет — выезжаю из Одессы 17-го — буду в Москве 19-го. Еду почтовым поездом (72) — он прибывает в Москву в 4 ч. дня.

---

[418] Примечания: 418

Дата на штемпеле почтовой карточки.

Сегодня был сильный прибой; купаясь, разрезал себе руку о камень. А погода очень хороша — жарища, на небе ни облачка, вода теплая. Скоро увидимся, дорогая.

Привет Семену Осиповичу, ребятам.

Письмо твое получил, спасибо за вырезку.

Правда, статья эта меня больше огорчила, чем обрадовала[419].

Целую тебя крепко.

Вася.

14. IX.37 г.

6

10 июля 1940, [на пароходе между Москвой и Коломной]

10 июля 40

Дорогая Люсенька, едем по Москве-реке. Погода жаркая. Покусывают клопики, но очень все же

[419] Примечания: 419

Вероятно, речь о рецензии Федора Левина на «Степана Кольчугина», вышедшей 5 сентября 1937 года в «Литературной газете». Автор положительно отзывается о романе, но и отмечает, что он вторичен и Гроссман еще не проявил себя как зрелый писатель: «Дело в том, что при всех достоинствах „Степана Кольчугина“ его автор показал себя в нем пока еще только способным и даже талантливым, но все же не самостоятельным мастером. В. Гроссман не обнаружил ни своего особого мировосприятия, ни своего особого круга идей, ни своего самостоятельного стиля. Его повесть целиком лежит в пределах уже сложившихся литературных явлений, не выходит из орбиты их влияния» (Левин 1937).

хорошо. Цветущие луга, деревни очень живописны по берегам, стада. Сегодня уже начал работать, оказывается, на пароходе это приятно, тихо, лишь монотонно стучат колеса, не мешает вовсе. В каюте жарко, а на палубе хорошо — ветерок.

Обеды скверные, но недорогие. На пристанях пока ничего нет, но мы еще и до Коломны не доехали. Береги себя, Люсенька. Побольше сиди на даче, не таскай тяжелых сумок, а на даче ведер. Целую тебя, твой Вася.

Привет ребятам.

Кланяются Колдуновы и Вася тебе[420].

7

14 июля 1940, [на пароходе недалеко от Горького]

14 июля 40 г.

Дорогая моя, вот уже 4 суток в дороге. Подъезжаем к Горькому. Поездка приятна очень. Ока — красавица. Пахнет травой и сеном. Грозы и теплые ливни. Я работаю понемногу. Трудно, т. к. в каюте днем исключительно душно и жарко.

---

[420] Примечания: 420

В круиз на пароходе по Волге Гроссман ездил с отцом и друзьями: журналистом Василием Тихоновичем Бобрышевым, писателем Сергеем Александровичем Колдуновым (1901–1995) и его женой Марианной (см. об этом: Губер 2007: 43).

Папа, конечно, забыл чайник, но нужды не терпим. Буфет, против ожидания, недорогой, и прилично кормят: начали для кухни покупать свежие продукты на пристанях. Опаздываем на 20 часов, сидели на мели. Купался два раза, чуть не отстал, вскочил в трусах после третьего гудка. Пока пишу, снова сели на мель. Целую тебя, Вася.

Привет ребятам и Ж⟨енни⟩ Ген⟨риховне⟩.

8

17 июля [1940, Уфа]

Люсенька, моя родная,

заканчиваем лишь первую половину путешествия, а соскучился по тебе, словно целую вечность уж не видел. Как ты там, моя родная, живешь? Как здоровье, лечишься ли, Люситна. Побольше сиди на даче, полегче таскай сумки из города. Очень хочется тебя увидеть, ясная моя, хорошая.

Путешествие наше идет приятно. Мы обязательно повторим его с тобой в будущем году. Прекрасна Кама, куда лучше Волги. Волга как старуха толстая в корсетах: строят на ней плотины, обмелела, а Кама могучая, полноводная, мрачная, среди гористых красных берегов, поросших сос-

ной и елью. Сейчас едем по Белой, тоже прелестна по-своему, пустынна, мягкая, зеленовато-белая вода, извивается, петлит, по песчаным отмелям много птицы, видели уже диких гусей, утячьи выводки, цапель каких-то красноносых, которых никто не знает.

Спутники наши очень хороши — особенно Вася, вообще после ялтинской мелкотравчатой купецкой шпаны не нарадуюсь, что и среди нашего брата есть умные, скромные и по-настоящему хорошие люди. Только очень уж строг Сер⟨гей⟩ Алекс⟨андрович⟩ с женой, даже неловко несколько. Вот приеду, заведу по его рецепту порядки, будешь у меня тихая.

С едой благополучно, покупать можно мало, т. к. все адски дорого — огурец малосольный 2 р., молоко 4 р., а бывает и дороже, яйца 10–13 р., кое-где и хлеб на пристанях продают. Хорошо кормят в кают-компании, дешево, вкусно. Я [не] похудел, т. к. много ем, мало двигаюсь и не подвергаю себя волнениям.

Родная моя, целую тебя, лапы твои и глаза и губы. Ты обязательно в Москве будь в день моего приезда. Поцелуй ребят. Привет Жен⟨ни⟩ Генр⟨иховне⟩ и Субоцким, ежели Софья Льв⟨ов-

на)[421] собрала сахар и живет на даче.

Еще раз крепко целую.

Вася.

17 июля

Работаю много, больше, чем в Москве.

9

22 июля 1940, [Казань]

Родная моя Люсенька, осталось еще путешествовать нам 6 суток. 28-го должны быть в Москве. Сейчас подъезжаем к Казани. Письмо твое получил. Спасибо, рад ему был очень. Поездка очень приятна, но соскучился по Люситне смертно и поэтому с нетерпением жду окончания пути. Правда, родная моя, очень хочу видеть тебя. 28-го должен приехать в начале дня, так что, если не будет аварий, к часам 12 — часу буду дома, а может быть, опоздаем (здесь это часто бывает). Встречать ты не езди, не стоит тебе таскаться на этот вокзал. Хочется, чтобы дома меня встретила.

---

[421] Примечания: 421

Лев Матвеевич Субоцкий (1900–1959) — литературный критик, секретарь Оргкомитета Союза советских писателей; в 1930-х годах — заведующий отделом литературы и искусства газеты «Правда», ответственный редактор «Литературной газеты». На заседании секции прозы Союза писателей 13 октября 1952 года, посвященном обсуждению «За правое дело», хвалил роман (Берзер 1990: 149). Его жена — Софья Львовна Уманская (1900–1975).

Иногда охватывает меня беспокойство — как здоровье твое, сердечко? Береги себя, роднень-кая. Если будешь здорова и нетрудно тебе будет, устрой «ледяную еду и ледяное питье», помнишь, как тогда с Кугелем. Я с нетерпеньем жду этого дня нашего свидания. Влюбился в тебя, моя доро-гая. Я тебя люблю всегда, но стоит расстаться нам на несколько дней, как я влюбляюсь, словно все с начала начинается. И счастливая, и несчастная черта, потому что очень видеть тебя хочу и очень скучаю по тебе. Получила ли 2 открыточки моих и письмо из Уфы?

У нас тут жизнь идет мерно и приятно. Живем своей замкнутой компанией, и пассажиры сер-дятся на нас — считают, что мы гордые. Гордый Вася Бобр⟨ышев⟩ расстроил желудок, голодает те-перь. И он, и Колдуновы очень приятны. С папой у нас идиллические отношения. По сторонам не смотрю, все о тебе думаю.

Целую крепко родную Люсеньку.

Привет ребятам.

Вася.

22 июля 40

Поздравляю тебя с рождением[422], интересно, какой пирог ты испекла и кто его ел.

10

23 июля [1940, на пароходе недалеко от Горького]

Люсенька, родная моя, получила ли письмо — посланное вчера из Казани? Сейчас подъезжаем к Горькому. Отсюда до Москвы — 4 суток. Если пойдем без аварий, то 28-го днем уже будем в Москве.

День сегодня — очень хороший, прохладный. Странно подумать, всего лишь ночь езды поездом до Москвы, а пароходом — больше 1000 верст и 4 суток. Но поездом не поедешь при всем желании — почти невозможно билет достать. Ну, до скорого свидания, родная моя.

Целую тебя, Вася.

Уже второй час ночи, жду Горького, чтобы опустить открытку тебе и маме.

23. VII

---

[422] Примечания: 422

День рождения Ольги Губер — 18 октября. По словам ее внучки Елены Фёдоровны Кожичкиной, Ольга Михайловна считала более важным праздником именины, которые отмечала 24 июля.

11

[21 февраля 1941[423], Рига]

Дорогая Люсенька, приехал вчера в Ригу[424], здесь совсем тепло, тает. Сегодня гуляли полдня, завтра буду в Таллине, оттуда дальше поеду. Рассчитываю вернуться в Ригу числа 7 марта. Здесь издали мою книгу[425], купил ее в киоске.

Целую тебя крепко, ребят. Привет Жен⟨ни⟩ Генр⟨иховне⟩. Вася.

12

26 февраля 1941, [Вильянди]

Дорогая моя Люсенька, вот уж скоро 10 дней, как уехал.

---

[423] Примечания: 423

Дата на штемпеле почтовой карточки.

[424] Примечания: 424

19 февраля 1941 года Гроссман и Твардовский выехали в страны Балтии для написания очерка «История девяностой Краснознаменной стрелковой дивизии» по заданию Политического управления РККА. Начали с Риги, затем приехали в Таллин, откуда на следующий день отправились в Вильянди. Поездка завершилась 11 марта 1941 года (Романова 2006: 176). В связи с началом Великой Отечественной войны очерк опубликован не был, его текст хранится в РГАЛИ (Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 99). Федор Губер ошибочно датирует эту поездку 1940 годом (Губер 2007: 42).

[425] Примечания: 425

Первое издание на латышском «Степана Кольчугина»: Grosmans 1941.

Поездка интересная. Работа тоже интересная. Вернуться рассчитываю между 11 и 14 марта.

Живу сейчас в тихом-претихом городке Вильянди, в тихой-претихой гостинице. Адреса не давал, так как все время кочую, хотя очень хотелось бы от тебя иметь весточку. Береги себя, не утомляйся, не простуживайся. В случае какой-нибудь экстерности телеграфируй: Вильянди Эстонской ССР, гостиница «Метрополь».

Пробуду здесь до 3–4 марта. Отсюда уеду либо в Тарту, либо в Таллин. Очень по тебе соскучился, моя родная.

Целую тебя крепко,

Вася.

Передай привет ребятам, Василю Тих⟨оновичу⟩, Богословским[426].

Гехту написал открыточку.

26 февр. 41 г.

13

2 марта 1941, [Вильянди]

Милая, хорошая, дорогая моя Люсенька, все

---

[426] Примечания: 426

Гроссман передает приветы Мише и Феде Губерам, Василию Бобрышеву и другу Гроссмана литературоведу Николаю Богословскому и его семье.

сижу в Вильянди. Вероятно, пробуду здесь еще дня 4, а может быть, и 5. Работаю очень много, работа оказалась не шуточная. Сижу с утра до ночи, в соседней комнате Твардовский — мы с ним объединились. Выходим ненадолго погулять, тут очень красивые окрестности — остатки замков ливонских рыцарей времен XI–XII века. Живописнейшие развалины. А городок прелестный — тихий, чистый, уютный. Живем в деревянной гостинице, кормят нас здесь на убой, так что я, несмотря на труды, начал толстеть. Условия для работы товарищи нам создали превосходные, полны внимания и интереса к нашей работе. Меня эта работа тоже заинтересовала, делаю ее с удовольствием.

Хочется уже в Москву, соскучился по тебе, по друзьям, по дому.

Целую тебя крепко.

Твой Вася.

2 марта 41

Поцелуй ребят, привет передай Гехту, Тихонычу, Вене, Сёме[427], Ник⟨олаю⟩ Вен⟨иаминовичу⟩. Видишь, сколько приветов, как в деревенском письме.

---

[427] Примечания: 427

Семен Абрамович Тумаркин (1904–1974) — друг юности Гроссмана, с которым они остались дружны до конца жизни.

Переписка военных лет, 1941–1945

В середине июля 1941 года Ольга Губер с сыновьями уезжает в эвакуацию в Чистополь. Гроссман остается в Москве: в конце июля его призывают на службу военным корреспондентом в газете «Красная звезда», и в начале августа он отправляется на фронт.

14

Губер — Гроссману [12/13 июля 1941, поезд Москва — Казань]

Милый Васенька!

Едем долго, сейчас уже 5 часов вечера, а мы в 55 верстах от тебя. Очень жарко. Я, по своей милой привычке, конечно, сижу в вагоне на остановке, когда все гуляют. Очень тоскую и жалею, что уехала от тебя. Все замирает сердце от мысли, что ты так близко, что можно по телефону услышать твой голос, можно вернуться к тебе. Я вчера долго смотрела тебе вслед, но ты не оглянулся. Очень жалею, что не осталась с тобой. Все мысли мои все время возле тебя. Пиши, мой родной, почаще. Хотя ты все равно ленив писать мне и вряд ли

пожалеешь меня и будешь писать через день. Как Джин?[428] Часто ли ты бываешь на даче?

Пиши,

Люся.

15

Гроссман — Губер

15 июля 1941, [Москва]

Дорогая Люсенька,

вот уже 3 дня, как ты уехала. Скучаю по тебе. Много работаю. Дома все благополучно. Жен⟨ни⟩ Ген⟨риховна⟩ чисто прибрала комнаты, кормила меня традиционным обедом — капуста с маслом и котлеты.

Как-то ты едешь, доехала? Очень беспокоюсь о тебе. Все товарищи здоровы.

С нетерпеньем жду твоего письма. Крепко тебя целую.

Твой Вася.

15 июля 41 г.

---

[428] Примечания: 428

Пудель, который, по воспоминаниям Федора Губера, жил в семье с зимы 1940 года (Губер 2007: 47). В своей книге Федор Борисович называет собаку Джимом, однако во всех письмах Василия Гроссмана и Ольги Губер четко читается *Джин*.

16

Гроссман — Губер

17 июля [1941, Москва]

Дорогая моя Люсенька, получил телеграмму твою. Счастлив, что доехала до Казани. Крепко целую.

Я много работаю, здоров.

У нас в квартире несчастье — скоропостижно умерла вчера вечером Прасковья Васильевна. В течение минуты — кровоизлияние в мозг.

На днях вышлю тебе телеграфом деньги. Все друзья здоровы, бодры, работают.

Много раз целую тебя, моя дорогая и родная.

Береги себя.

Твой Вася.

Поцелуй ребят.

17 июля

17

Губер — Гроссману [Июль 1941, Чистополь]

Милый мой! Очень рада случаю послать тебе весточку, которая, надеюсь, скоро доберется до тебя. Как ехали, надеюсь, расскажет тебе Бере-

стинский[429]. В дороге сестры Синяковы[430] оказались такими ужасными существами, что я не могу вспоминать о них и видеть, не чувствуя гадливости к ним. Ужасно также вела себя дама с собачкой — Паустовская с ребенком 17 лет[431]. Сейчас у нас очень хороший коллектив. Живем мы в большой комнате 12 человек. Есть ворчливые старушки, но мы не обращаем на них внимания. Сегодня ходили на рынок, готовили обед. Устраиваться на работу я, помня твой совет, не тороплюсь. Будет что-нибудь хорошее — поступлю. Денег мне достать здесь не удалось, потому, если ты пришлешь, буду тебе очень благодарна. Очень прошу тебя писать чаще, да не грех и телеграмму посылать, хотя раз в неделю. У детей еще не была. Поедем их повидать

---

[429] Примечания: 429

Вероятно, драматург и сценарист Михаил Исаакович Берестинский (1905–1968).

[430] Примечания: 430

Из пяти сестер Синяковых, знаменитых «муз футуризма», в эвакуации в Чистополе жили четыре: Ксения Михайловна (1892–1985; жена Николая Асеева), Вера Михайловна (1899–1973; жена Семена Гехта), Мария Михайловна (1890–1984) и Надежда Михайловна (1889–1975).

[431] Примечания: 431

Вторая жена Паустовского Валерия Владимировна Валишевская (1896–1975) и ее сын Сергей Навашин (1924–1997).

на днях[432]. Говорят, что на зиму они переедут в Чистополь, потому что [в] Берсуте у них летнее помещение, протекает во время дождей крыша. Как живешь ты? В Москве или на даче? Что делаешь — так хочется все знать.

Пиши чаще.

Целую.

Люся.

Привет всем.

18

Гроссман — Губер 21 июля 1941, Москва

Дорогая моя, любимая!

Пользуюсь случаем передать тебе письмо.

Уже десять дней, как ты уехала. Пустой дом без тебя. Пустое сердце. Но, Люсенька, тысячу раз было правильно решение о твоем отъезде — вызвали меня сегодня, поеду в ближайшие дни корреспондентом «Красной звезды»[433]. Что бы ты делала здесь одна, без меня, как бы выехала?

Материально дела устроятся твои, я буду

---

[432] Примечания: 432

Первые месяцы чистопольской эвакуации дети писателей жили в интернате в селе Берсуте, на противоположном берегу Камы.

[433] Примечания: 433

О призыве Гроссмана в армию и начале его службы в редакции «Красной звезды» см. с. 200.

получать 1200 руб. в месяц и смогу сделать распоряжение, чтобы чистопольский военкомат выплачивал тебе ежемесячно деньги. Так что не беспокойся об этом.

Береги свое здоровье, не берись за тяжелую работу, помни о своем сердце.

Я рад, что еду, — очень тяжело сидеть одному, без определенного дела, мучительно тяжело. Теперь буду «при деле», на интересной корреспондентской работе. Словно тяжесть сняло, гораздо веселей стало на душе.

Буду писать тебе, но так как письма идут из рук вон плохо, то не беспокойся, если не получишь в срок письма.

Ну вот, родная, расскажу тебе свои новости за эти 10 дней. От мамы ничего не имею, но то, что слышал, совсем невесело — очень, очень у них там плохо.

Приезжал сегодня Петр Иванович[434] советоваться. Вероничку эвакуируют, она поедет с Марусей, он не поедет, т. к. совсем плох. Страш-

---

[434] Примечания: 434

Петр Иванович Ваврисевич, муж Марии Михайловны (Маруси), сестры Ольги Губер. По словам Федора Губера, был главным инженером одного из крупных московских заводов (Губер 2007: 141). До Великой Отечественной войны заболел менингитом, повлекшим за собой серьезные последствия: «в последние годы жизни был почти недвижимым» (Там же: 142).

но жаждут они весточки от тебя — мечтают к тебе поехать. Напиши им непременно, телеграфируй. Семен Григорьевич вернулся из ополчения, сейчас в Москве живет. Ида сегодня уехала пароходом в Уфу, проедет мимо тебя, может быть, случайно увидишь ее — ох, баба она, но, конечно, нелегко ей на душе.

Умерла Прасковья Васильевна скоропостижно, комната ее опечатана, а часы до сих пор бьют, слышно за стеной.

Женни Генриховна все время жила на даче, сегодня переехала в город. Джина отдали Марье Михайловне, молочнице нашей. Она обещала отдать его, как только вернутся ребята с тобой в Москву.

Моя любимая, крепко целую тебя, обнимаю еще и еще целую. Будь спокойна, бодра, помни, что мы должны еще жить вместе в свободной и счастливой России.

Твой Вася.

Поцелуй ребят. Привет Письменному[435] и

[435] Примечания: 435

Александр Григорьевич Письменный (1909–1971) — писатель, состоял в литературной группе «Перевал»; военный корреспондент; друг Гроссмана.

четырем Михайловнам[436].

Пиши мне на московский адрес пока. Твои 2 телеграммы получил, порадовался им. Получила ли моих 2 письма?

21 июля 1941 г.

Москва.

Люсенька, в случае если в московской квартире никого не будет, можешь написать на редакцию «Известий» Войтинской[437] для передачи мне либо на редакцию «Красной звезды».

19

Гроссман — Губер 30 июля [1941, Москва]

30 июля

Дорогая Люсенька, шлю тебе письма и телеграммы — получаешь ли? Передал тебе письмо с Марьей Михайловной Ковалевской[438] и 800 р. денег — доехала ли она уже до вас? Я работаю в газете «Красная звезда», пока в Москве, но,

---

[436] Примечания: 436

Сестрам Синяковым (см. примеч. 2 к письму Ольги Губер Гроссману от [июля 1941 года], с. 282).

[437] Примечания: 437

Ольга Сергеевна Войтинская (1905–1968) — литературный критик, с 1940 года редактор в газете «Известия»; автор положительной рецензии на вторую часть «Степана Кольчугина» (Войтинская 1939).

[438] Примечания: 438

Вероятно, жена Вячеслава Александровича Ковалевского.

вероятно, скоро поеду собирать материал. Стал худым — серые брюки, которые по пути в Ялту не сходились на мне, сейчас просторны необычайно. Дома все благополучно. Женя и Вероничка собираются в Свердловск, к твоей маме[439]. Сегодня Веня и Вера уехали[440]. Семен Григорьевич здоров. Твои телеграммы получаю, открытку, два письма — очень рад им. Работаю довольно много, иногда папа ночует у меня. Пиши мне, дорогая. Береги себя. Был у Клары в Загорянке — съел пуд клубники.

Целую тебя крепко, твой Вася.

20

Гроссман — Губер 4 августа 1941, [Москва]

Люсенька, сегодня уезжаю в командировку. Еду, очевидно, на продолжительный срок. Отъезд внезапно происходит утром, а не вечером, как я ожидал, и потому несколько лишь минут имею, чтобы написать тебе. Пиши мне либо на старый

[439] Примечания: 439

В 1930 году родителей Ольги Губер, Александру Стефановну (1889–1943) и Михаила Николаевича Сочевец (1864–1936), живших в Сочи, а также их детей Александру (1891–1944), Нину (1904–1944) и Николая (р. 1907–?) раскулачили и отправили в ссылку в Свердловскую область. Из ссылки, уже после войны, вернулся только Николай.

[440] Примечания: 440

Вячеслав Лобода и его жена Вера Ивановна.

наш домашний адрес, там живет Жен(ни) Генриховна, либо, если захочешь узнать что-нибудь обо мне, — по адресу редакции «Красная звезда». Я перевел тебе на чистопольский райвоенкомат аттестат, по которому тебе будут выплачивать ежемесячно 700 руб. Аттестат выслан по адресу чистопольского пединститута, поэтому, если ты переменила адрес, обязательно зайди туда и договорись, чтобы он попал к тебе, — иначе его отошлют обратно в Москву.

Береги себя, моя родная.

Крепко тебя целую и крепко люблю.

Твой Вася.

4 августа 41 г.

Оказалась оказия в Союзе писателей — пользуюсь случаем послать тебе еще 400 руб.

Ну вот, будь умной и хорошей, целую тебя.

Пиши пока домой, адрес свой пришлю тебе. Писать буду — Чистополь, до востребования.

Мама отрезана, а верней, нет ее в живых. От Кати тоже ничего[441].

---

[441] Примечания: 441

О судьбе Екатерины Савельевны и Кати в первые месяцы войны см. примеч. 4 к письму отцу от 8 августа 1941 года (с. 200) и примеч. 3 к письму от 9 сентября 1941 года (с. 201).

21

Гроссман — Губер 8 августа 1941, [Центральный фронт]

Дорогая моя Люсенька,

приехал 7 августа на место. Чувствую себя хорошо. Бытовых невзгод нету, кормят превосходно, сплю спокойно, лучше, чем в Москве. Все меня тревожит мысль о маминой судьбе и желание тебя видеть. Но тосковать по тебе «бесцельно» — большое расстояние нас отделяет, и, видимо, не скоро можно будет нам увидеться. Поэтому прошу тебя, настройся «серьезно»: береги свое здоровье, не трепи нервов, будь спокойна и выдержана. Не всю же жизнь людям жить в Крыму и купаться в море. Приходят и суровые времена, надо их встречать с достоинством и суметь быть сильней обстоятельств.

Я послал тебе 400 руб. через Литфонд и, кроме того, перевел тебе аттестат на чистопольский пединститут, начиная с 1 сентября. В общем, доволен, что эта часть у тебя будет устроена. У меня настроение ровное, крепкое, я собой доволен пока, неврастении мирных времен и в помине нет. Люди здесь хорошие — крепкие, спокойные. Ну вот, родная моя.

Крепко тебя целую.

Твой Вася.

Привет Письменным и Вере Михайловне[442].

Адрес мой таков:

865-я полевая почта, п/я № 3. (Указывай обратный свой адрес.)

22

Губер — Гроссману 9 августа 1941, [Чистополь]

9. VIII.41 г.

Милый Васенька! Наконец получила от тебя сегодня первую открыточку и четвертого — телеграмму о твоем выезде. Знаю теперь, что третьего ты был здоров. Очень грустно жить одной — без близких мне людей, ничего не зная о них. Мария Михайловна приехала и привезла письмо и деньги. Сегодня она с Юриком едет работать и жить в Казань. Ждала весточки с Магдалиной от тебя, но она, уезжая, не позвонила тебе[443].

Боюсь, что аттестат затеряется, т. к. ты его по-

---

[442] Примечания: 442

Речь о семье писателя и военного корреспондента Александра Григорьевича Письменного, а также Вере Михайловне Гехт, жене Семена Гехта.

[443] Примечания: 443

Вероятно, речь о Магдалине Зиновьевне Дальцевой, писательнице и жене писателя и фронтового корреспондента Николая Сергеевича Атарова.

слал на пединститут. Нужна мне для учета в военкомате справка, что я твоя жена и что ты в армии. Живу я на улице им. Галактионова, 6, не забывай писать, какой Чистополь, а то есть еще один[444]. Комнатка у меня три с половиной метра, но хорошие хозяева и нет клопов. С ужасом думаю об осени, когда будет дождь и грязь по колено, и особенно о зиме, которая здесь очень сердита. Если ты вернешься скоро в Москву, то достань мне бумажку, чтобы я могла приехать к тебе. Я до сих пор не могу простить себе, что уехала из Москвы. Что слышно у твоей мамы? Она, наверно, уехала куда-нибудь. Знаешь ли где Катюша? Детей видела один раз — теперь, вероятно, до их переезда в Чистополь не увижу их[445]. Косачевская[446] очень строго их охраняет — не пуская к ним матерей. Глупо, тоскливо идет жизнь моя без тебя, детей, работы. Как писала тебе, устроилось

---

[444] Примечания: 444

Села, называвшиеся Чистополь, существовали в России, Украине и Казахстане.

[445] Примечания: 445

Писательских детей перевезли из Берсута в Чистополь в сентябре 1941 года (Громова 2019: 10).

[446] Примечания: 446

Евгения Давыдовна Косачевская — сотрудница Литфонда, в 1941 году отвечавшая за организацию интерната для писательских детей в эвакуации в Берсуте и Чистополе. Лидия Чуковская называла ее «особой фантастически грубой» (Чуковский, Чуковская 2003: 295).

на работу у нас около 30 человек. Хочу в Москву. Встречаюсь с Письменным, Шкапским, женой Ф(едора) Левина, Сельвинской[447], народу нашего здесь много, но мало приятных людей. Сестры до сих пор вызывают во мне чувство гадливости. Они ожили после приезда Николая Николаевича к ним. Пользуются курортом вовсю — загорают на солнышке, ходят в луга за цветами. Я же не могу видеть цветов — когда вижу, реву. Где Женни Генриховна? Оставил ли ты ей денег? Где все товарищи? Я ведь ничего не знаю. Где Кугель? Сёма? Богословские? Буду посылать тебе сразу два письма — какое-нибудь дойдет до тебя. Не знаю твоего адреса — пишу домой и Войтинской.

Целую,
Люся.

23

Губер — Гроссману 10–12 августа 1941

10. VIII

Милый Васенька!

---

[447] Примечания: 447

Речь о Глебе Орестовиче Шкапском (1891–1962), муже поэтессы и журналистки Марии Михайловны Шкапской (1891–1952); Валентине Ианувариевне Журавлевой (1909–1975), жене литературного критика и редактора Федора Марковича Левина; Берте Яковлевне Сельвинской (1898–1980), жене поэта Ильи Львовича Сельвинского.

Пользуюсь случаем послать тебе весточку — едет Обрадович[448] в Москву. Вот счастливый, хоть без тебя Москва и пуста, но хочется домой. Тоска смертная без тебя, детей. Хочется работать — целые дни вяжу из шерсти — чулки, носки. Шерсти здесь много. Когда вернешься в Москву, вытребуй меня к себе. За все время имела от тебя открытку от 30 июля и телеграмму от 3 августа. Когда станут реки — сообщение самолетом. Боюсь зимы — холод здесь лютый. Здесь — где я живу, нет форточек и окно не открывается — представляешь, как летом душно, да и зимой будет душно, а сердце у меня что-то пошаливает.

Послала открытку Марусе, чтобы если ехать, то к маме, а сюда не стоит. Ждала весточки от тебя с Магдалиной — была с десяти утра до семи вечера в общежитии, не пила, не ела, а она ничего мне толком о тебе не смогла рассказать. Очень обидно было.

12. VIII.41 г.

Получила вчера, Васенька, денежный аттестат — отнесла его в военкомат — теперь 20 сентября получу 700 р., а на эти 40 дней денег у меня,

---

[448] Примечания: 448

Сергей Александрович Обрадович (1892–1956) — поэт, переводчик и редактор. С лета 1941 года находился в эвакуации в Чистополе.

надеюсь, хватит, да, может быть, и Ковалевская вернет занятые у меня деньги. Словом, я буду богатая. Спасибо. Сейчас у меня живет Миша — его прислали из Берсута лечить зубы. Вообще Литфонду очень хочется, чтобы матери взяли детей или же хотя бы брали на ночь, когда будут они в Чистополе, но первого я не хочу делать, да и не могу, второе же будет возможно, если будет больше комната, — сейчас же одной негде повернуться. Васенька, родной, посылай почаще телеграммы, хотя бы несколько слов получать от тебя так радостно. За все это время получила 2 телеграммы и 1 открытку. Очень хочется в Москву.

Ничего не знаю, что дома.

Что слышно с твоей мамой, было ли что от нее? В Чистополе много сейчас писательского народу. Идешь по улице, все знакомые, а друзей никого нет. Где Кугель?

Послала тебе позавчера письмо с товарищем, поехавшим в Москву. Обрадович едет сегодня или завтра. Не знаю, куда писать тебе — писала на «Известия», пишу на «Красную звезду». Пиши больше и чаще. Так хочется знать все о тебе, а я ничего не знаю.

Целую, Люся.

24

Губер — Гроссману 16 августа 1941, [Чистополь]

16. VIII.41

Милый Васенька!

Давно от тебя ничего нет. Беспокоит меня это очень. Вчера был у меня Шкапский, который получил письмо от М⟨арии⟩ М⟨ихайловны⟩, в письме М⟨ария⟩ М⟨ихайловна⟩ пишет, чтобы я писала тебе на ее адрес. Почему? Разве дома у нас никого нет. Я здорова. Неделю у меня жил Миша — лечил зубы. Сегодня едет в Берсут. Здесь Паустовская со дня на день ждет своего мужа. Вот счастливая. Целую, Люся.

25

Губер — Гроссману 17 августа 1941, [Чистополь]

17. VIII.41 г.

Милый Васенька!

Сегодня я счастлива — получила письмо от тебя. Провожала Мишу в Берсут и встретила

знакомых: Эмму с Радиком[449], Берту[450]. Берта осталась здесь, Эмма поехала дальше. Очень благодарна тебе за деньги, хотя еще их не получила и не знаю, кто мне их передаст. Надеюсь, что твоя мама жива.

Очень тоскую по тебе. Хочу в Москву. Мне кажется, что я была бы там полезна. Дети здоровы, хоть многие там болеют. Скоро они переедут сюда. Целую крепко. Люся.

26

Губер — Гроссману 17 августа 1941, [Чистополь]

17. VIII.41 г.

Васенька, солнышко мое светлое! Я не могу жить без тебя, очень жалею, что уехала. Когда вернешься в Москву, постарайся меня вызвать обратно. Я надеюсь, что буду полезна в Москве. Детей мне жалко, а без тебя я не могу. Такая пустая жизнь.

---

[449] Примечания: 449

Речь об Эмме Михайловне Цильдерман (1900–1976), первой жене писателя Геннадия Семеновича Фиша, и их сыне Радии (1924–2000).

[450] Примечания: 450

Берта Михайловна Горелик (1915–2011) — жена сценариста и режиссера Иосифа Григорьевича Горелика (1907–1961). Приехала в Чистополь за сыном, которого увезли с детским садом в Берсут, плыла на одном пароходе с Мариной Цветаевой (см., напр.: Громова 2023: 25–26).

В свое время я бросила ребят — ушла к тебе, но с тех пор ты стал мне роднее и дороже. Проклинаю себя, что уехала из Москвы. Ведь до твоего отъезда были бы с тобой еще почти целый месяц. Очень мало знаю о твоей жизни за это время. Слыхала, что тебя видели каждый день в клубе с Ковалевским, что ты похудел, — все, что о тебе знаю.

Это мне рассказывал Ефетов[451] и Магдалина. Рассказывала Эмма о ночи, проведенной вместе. Сегодня, провожая Мишу в Берсут, — здесь пристань в трех километрах от нас — случайно встретила Эмму, Берту. Очень жаль, что с ними не прислал некоторых необходимых здесь вещей на случай, если здесь придется зимовать. Нужны твои вещи, подушки, кастрюли, одеяла, хотя летние, скатерти. Теплые одеяла я сделаю здесь. У Миши нет шубы. Если Мише подшить под драповое пальто вату, то нужно подкладку — у меня здесь ее нет.

Очень много сейчас грибов здесь, грустно их есть одной. Поехать же собирать их нужно несколько дней — отрываться же от почты не хочу даже на день, — может быть, будет что-ни-

[451] Примечания: 451

Марк Симович Ефетов (1907–1996) — писатель и журналист. В годы войны работал корреспондентом газеты «Литература и искусство» и спецвоенкором Совинформбюро.

будь от тебя. Почему ты пишешь, что мамы твоей нет в живых, — я не верю этому. Пусть прогоним фашистов и тогда найдем ее. Скоро ли им конец? Как я их ненавижу. Васенька, дорогой, пиши чаще, так страшно жить без тебя.

Целую крепко, мой любимый.

Люся.

27

Гроссман — Губер 29 августа [1941, Брянский фронт]

Моя дорогая и любимая, жив, здоров, чувствую себя хорошо. Постоянно думаю о тебе и хочу тебя видеть.

Не волнуйся, если от меня нет писем, я в постоянных разъездах, и писать почти невозможно. Пиши мне на наш московский адрес, возможно, будет оказия и передадут. Береги себя. Не задаю тебе бесчисленных вопросов о тебе, так как переписка пока не налажена и вопросы повиснут в воздухе.

Береги себя, моя любимая.

Может быть, через месяц-два удастся нам повидаться. Будь умницей.

Крепко целую тебя,

твой Вася.

Федор Левин и Гольцев здоровы и чувствуют себя хорошо, передай их женам, что вижу их.

Привет Письменным и Вере Михайловне.

Поцелуй Мишу и Федю.

Еще раз целую тебя,

твой Вася.

29 августа

28

Губер — Гроссману [Сентябрь 1941, Чистополь]

Родной Васенька,

давно нет ничего от тебя. Волнует меня это очень. Последнее письмо было от 7 августа. Но, вероятно, это неизбежно, пока не прогоним фашистов. Неделю жили у меня дети. Их просили взять на время, хотя у меня комната $3^1/_2$ метра, я их взяла, чтобы подкормить. Сегодня они уже в общежитии. Паустовские [452]сегодня едут в Алма-Ату. От Женни Генриховны приходят письма и открытки. Я ей очень благодарна за это. От нее узнала, что Джина взял Петр Иванович, очень было мне грустно, что он у молочницы, она очень скупая. Петя же любит животных. Джину у него

[452] Примечания: 452

Константин Паустовский с женой Валерией Валишевской и ее сыном Сергеем Навашиным.

будет хорошо.

Дети просили тебя целовать. Сегодня Федя пошел в школу. Старшие же ребята будут работать в колхозе до 1 октября. Миша пока, наверно, не поедет, он болел (грипп и ангина).

Целую.

Пиши, Люся.

29

Гроссман — Губер 9 сентября 1941, [Брянский фронт]

Дорогая моя Люсенька, я жив, здоров, а ты, верно, беспокоишься оттого, что редко пишу. Я много езжу, и писать тебе почти нет возможности. Но думаю о тебе и хочу тебя видеть постоянно; очень даже хочу. Чувствую я себя хорошо, настроен тоже хорошо. Возможно, что через недельки 3 сумею поехать на несколько дней в Москву. Пиши мне на старый наш адрес.

Береги себя, не беспокойся обо мне. Послал тебе с женой Ковалевского 800 р., затем через Литфонд еще 400 и по телеграфу недели полторы тому назад послал 300 р. Получила ли их? Одновременно с деньгами послал тебе телеграмму-молнию и письмо. Получила ли?

Жалею, что нет у меня с собой твоей фотогра-

фии, глядел бы на твой портретик.

Как там у вас — уж началась осень, верно? Здесь дожди и по утрам холодно.

Все думаю о маминой судьбе, где-то она, жива ли. Беспокоит меня и судьба Катюши, увезли ли ее, куда, ничего не знаю.

Ну, будь здорова, мое солнышко.

Целую тебя крепко,

твой Вася.

9 сент. 41 г.

30

Губер — Гроссману 9 сентября 1941, [Чистополь]

9. IX.41

Милый Васенька!

Вернулась на день из колхоза и нашла от тебя телеграмму. Была счастлива узнать, что ты здоров. Сегодня не работаю — идет дождь. Завтра будет хорошая погода — пойду работать. Очень рада, что оказалась хорошей работницей и перерабатываю норму. Детей вижу раз в неделю. Волновалась очень, не получая весточки от тебя. Надеюсь, что при первой возможности повидаемся. Очень соскучилась.

Целую, Люся.

31

Гроссман — Губер 14 сентября [1941, Брянский фронт]

14 сентября

Дорогая Люсенька, пользуюсь оказией, пишу несколько слов. Жив, здоров. Хожу по лесу, где огромное количество белых грибов, и с грустью вспоминаю, сколько было бы радости, если б это в прошлом году ходили мы с тобой по нашему лесу и нашли такое богатство. Сильно по тебе соскучился, но ничего не попишешь, время военное. Получаешь ли уже деньги? Пиши на старый московский наш адрес, я буду по мере возможности справляться. Мне как-то Жен⟨ни⟩ Генрих⟨овна⟩ прочла по телефону твоих несколько писем сразу, и я был сыт ими минут 15–20.

Крепко тебя целую,

твой Вася.

Поцелуй ребят. Кланяйся Письменному и прочим.

32

Гроссман — Губер 16 сентября 1941, [Брянский фронт]

16 сент. 41 г.

Дорогая Люсенька, пользуюсь новой оказией, чтобы написать тебе несколько слов. Вчера послал тебе письмо, четыре дня назад, всё с оказией снова, послал письмо, — получила ли их уже?

Я здоров, чувствую себя хорошо. Вижу много интересного, езжу много, постоянно меняю свое жительство — такова наша фронтовая жизнь.

Пишешь ли мне? Пока писал тебе, с балки нашей землянки капнула на открытку смола. Хожу по лесу, смотрю на грибы, скучаю по тебе. Получаешь ли деньги уже через райвоенкомат? Ты поглядывай в «Красную звезду». Раза 2–3 в месяц появляются там мои заметки — вот тебе будет добавочный привет от меня. Письма пиши на домашний адрес, а если понадобятся какие-нибудь справки, пиши в «Красную звезду». Целую тебя и очень люблю, твой Вася.

33

Губер — Гроссману [16 сентября 1941 [453]*, Чистополь]*

Милый Васенька!

Второй день в Чистополе. Что-то малярия меня

---

[453] Примечания: 453

Дата на штемпеле почтовой карточки.

помучивает. Будет легче — поеду в колхоз. Работаю я с удовольствием, и работаю хорошо. Очень хочется найти комнату побольше и брать на ночь детей. Очень тяжело им. Так Федя плачет, когда нужно идти туда. Мечтаю увидеть тебя. Очень соскучилась. Будь здоров. Береги себя, крепко целую. Люся.

34

Губер — Гроссману [Сентябрь 1941, Чистополь]

Родной мой Васенька!

Получила твое письмо от 9.IX — была счастлива. Очень грустно, что не могу быть в Москве, когда будешь ты там, а хочется. Так стосковалась я по тебе. Теперь моя толщина не будет раздражать тебя — я стройная. Идет дождь, холодно, нужно работать в колхозе, да дождь не дает. Деньги все от тебя получила — спасибо, но не скажу, что их мне хватает. Сейчас нужно покупать дрова, и вообще масса трат к зиме. Если ты пришлешь немного, буду тебе очень благодарна. Прости, но я живу очень, очень экономно. Васенька, неужели у тебя не будет возможности приехать сюда, хотя на несколько дней? Ведь я в Москву приехать не могу, нужно разрешение Москвы. Женни Генриховна пишет, что не имеет денег, тогда

я ей пришлю, если у тебя нет, хотя денег здесь надо много, чтобы не мерзнуть зимой. Приезжай, мой родной, хороший, хотя на один день. Так хочется повидать тебя, да и ты посмотришь на меня и как мы живем. Очень жаль, что не взяла с собой черного пальто, сейчас холодно в летнем пальто, меховое же надевать рано, да и дождь постоянно.

Вяжу тебе варежки и носки.

Дети здоровы.

Узнал ли что о маме своей?

Целую крепко.

Будь здоров, мой любимый,

Люся.

Родной мой.

35

Губер — Гроссману [Осень 1941, Чистополь]

Васенька, родной мой!

Завтра в семь утра должна быть на сборном пункте, чтобы ехать в колхоз. Времени у меня немного, но хочу зайти к Горелику передать ему это письмо. Нашла больш⟨ую⟩ комнату — перееду по возвращении из колхоза, — значит, квартирные мои дела почти устроились. Федя ночевать будет у меня тогда. В комнате станут 2 кровати

Вчера получила от тебя открыточку. Очень рада была — письма же не получала вовсе. Было письмо от 9 сентября. Прошу Горелика помочь мне получить из Москвы вещи, необходимые мне здесь. Надеюсь, что и ты сможешь приехать сюда. Очень тоскую без тебя.

Целую,

Люся.

36

Губер — Гроссману 24, 25 сентября 1941, [Чистополь]

24/IX

Васенька, солнышко мое светлое! Вчера писала тебе, сегодня едет Циля Сельвинская[454] — пишу опять. Вчера была у Письменных, Александр Григорьевич хочет ехать в Москву, может быть, увидитесь скоро. Позавидовала им. Живут они по-человечески — семьей, в одном доме с ними живет очень милый человек — Шкапский. Каждый день они обедают — будут и у меня дрова — будет жить легче. Очень прошу тебя, если есть, то пришли денег на дрова.

---

[454] Примечания: 454

Цецилия Александровна Воскресенская (1923–2006), падчерица Ильи Сельвинского.

Сегодня собиралась с Мишей пойти на мельницу за хлебом, заработанным мной, да опять дождь, грязь, а надо брать лошадь — заработано больше четырех пудов муки. Дождь больше работать не дает. Все время здесь дует ледяной ветер с Камы, я живу почти на берегу. Может быть, удастся найти комнату ближе к центру. Хотимский[455] всех подвел — не позволил искать самим квартиры. Все, кто приехали позднее, лучше устроились. Живу надеждой, что ты приедешь, хотя на несколько дней.

25/IX. Вчера целый день бегала искала побольше комнату. Найти можно, да привыкла к хозяевам, не хочется уходить, но с детьми они не хотят, а я хочу хотя Федю брать домой, больно жалко его. Чтобы жить здесь втроем, нужно денег рублей на 300 больше. Жаль, что я не взяла одной сберкнижки — было бы еще 200 руб. — если будешь присылать деньги — лучше передай, очень трудно получать на почте.

Будь здоров. Целую, Люся.

---

[455] Примечания: 455

Хотимский был одним из руководителей эвакуации в Чистополь. См., напр., недовольное упоминание о нем в переписке Кирпотиных (Кирпотин 2006: 441).

37

Губер — Гроссману [Осень 1941, Чистополь]

Васенька, родной мой!

Вот уже третий день не в колхозе. Прихворнула немного. Так хочется приехать в Москву. Приедешь в Москву ты и меня вызовешь. Очень плохо, что не взяла много необходимых вещей, и теперь без них очень трудно. Столько было оказий, все получали по нескольку раз посылки. Нашла комнату побольше, смогу брать детей на ночь — буду их подкармливать, да и сейчас обстирываю их и, когда не в колхозе, кормлю их и помогаю Феде учить уроки. Так мечтаю увидеть тебя через месяц-два, как писал ты. Так стосковалась по тебе. Привет тебе от Письменного, он сейчас заходил ко мне. Хочет ехать в Москву. Ему лучше. Только плохо еще видит.

С Верой Михайловной я не встречаюсь, потому привета еще не передала.

Живут сестры хорошо — Асеев с ними. У них чудная для Чистополя квартира.

Целую крепко,

Люся.

38

Гроссман — Губер 10 октября 1941, [Москва]

Дорогая моя и хорошая, не можешь представить моего горя, приехал на считаные часы в Москву, и главную радость, которую ждал, — твои письма, а оказалось, что их все до одного отослали по адресу, откуда выехал. Подумай, родная, тринадцать твоих писем, и ничего, ни одного слова не прочел. Полон беспокойства за тебя, за твое сердечко — береги себя, очень прошу тебя, ведь ты у меня одна. Слышишь, солнышко мое ясное?

Постараюсь завтра устроить твои денежные дела, не знаю, успею ли, так как к 12 дня должен снова уезжать. Весной, наверное, будет нам снова хорошо, верю в это. Хочу, чтобы ты прожила зиму получше.

В Москве у меня все огорчения — папы не застал, он уехал на дачу, обзвонил всех знакомых, и ни один не откликнулся — все в гости ушли, должно быть. Ну и о главном моем огорчении писал тебе в первых строках моего письма. Теперь уж пиши только на домашний наш адрес. Крепко тебя целую,

твой Вася.

Поцелуй ребят, с тобой ли они? Получила ли

мои последние открытки, телеграмму?

10 октября 41 г.

Разыскался Гехт и Ковалевский — пришли ко мне, посидели с ними. Гехт остался ночевать. Ночует здесь тетя Лиза — ох, ничего с ней не поделаешь, но она за один вечер мне надоела…

Ну да бог с ней. Если б ты только знала, как я хочу тебя видеть, соскучился смертно. В московской квартире все по-прежнему. Звонил Марусе, но она, оказывается, живет на даче. Может быть, зимой удастся с тобой повидаться. Живи в Чистополе, будь умницей, не забывай меня и моей любви к тебе, мое солнышко. И береги, береги себя, не простуживайся, не работай через силу.

Сейчас побегу по твоим делам — деньги добывать. Если удастся устроить это до отъезда, уеду с легким сердцем.

Ну, еще раз целую тебя, моя родная и милая моя.

Милый мой кошек — услужила мне Жен⟨ни⟩ Генр⟨иховна⟩ — отослала пару теплого белья моего, и оно-то мне пригодилось, ох!

Люсенька, посылаю тебе деньги. Экономь их, моя родная, — боюсь, что скоро не смогу их организовать. Посылаю 1900 р. Деньги перевожу через Управление авторских прав.

39

Гроссман — Губер 10 октября [1941, Москва]

10 октября

Дорогая моя, писал тебе дней 10 тому назад — не знаю, получила ли мое письмо. Послал также телеграмму. Просил тебя прислать фотографии, очень соскучился по тебе, очень повидать тебя хочется.

Я здоров, чувствую себя хорошо, но, в общем, устал несколько — нахожусь в постоянных разъездах. Пиши мне на Москву, хотя, к сожалению, твоих писем последних не получал, мне их не переслали. Очень беспокоюсь о тебе, очень хочу знать, как живешь.

Целую тебя много раз, моя родная, и надеюсь увидеть тебя. Твой Вася.

Привет Мише и Феде — поцелуй их.

40

Гроссман — Губер 14 октября 1941, [Москва]

14 октября 1941 г.

Дорогая, любимая, хорошая, приехал на несколько дней в Москву. Послал тебе 1900 р. через Управление авторских прав. Послал пись-

мо. Тоскую по тебе бесконечно. Будь энергична, дерись за жизнь, помни о своем сердце. Помни, что я тебя люблю больше жизни. Держи всегда связь с Литфондом, Союзом.

Меня, в случае чего, ищи через редакцию «Красной звезды», пока же пиши по старому адресу.

Сейчас у меня Маруся, здорова, выглядит хорошо.

Дорогая моя, я верю, что мы с тобой встретимся и будем вместе идти по дороге — легкая или тяжелая она будет, и не разлучимся никогда.

Целую тебя много раз, твой Вася.

Повторяю, родная: будь энергична в жизни, береги себя, будь спокойна и надейся на лучшее.

14 октября 1941 г.

41

Гроссман — Губер 14 октября 1941, [Москва]

14 октября 1941 г.

Дорогая моя, хорошая, послал тебе два письма, уезжают писатели. И хочется еще поболтать с тобой, рассказать тебе, как люблю тебя, но так как рассказать такую вещь нельзя, то и не знаю, как это сделать. Я в Москве уже 3 дня, вероятно, дня через 2 поеду снова на фронт. Там все проще, суровей, легче дышать. И люди там простые,

скромные, не знающие цену своей простой душе. Это один повар, когда я его спросил, как он пошел на верную смерть, сказал мне: «У меня душа простая, как балалайка, ей пять копеек цена, не страшно с ней расстаться, вот людям ученым дело другое». Он и не знал, как дорого стоит его душа. Что сказать тебе? Видел я во время войны столько, сколько за всю свою жизнь, конечно, не насмотрел и не пережил. Стал словно другим человеком. И в этой войне я понял, как люблю тебя. Помнишь, ты мне иногда говорила: «Вася, ты не любишь меня». Ну вот, здесь-то я понял, проверяя себя там, где не живут иллюзии и ложные чувства, что моя любовь к тебе самое большое в жизни, да, что — самое большое в жизни — понял, что ты для меня дороже самой жизни. Вот ты это запомни, любовь моя, и знай эту мою любовь, не забывай ее никогда. Видел я много людских страданий, эта война безмерно жестока, фашисты воюют не только против мужчин, но и женщины, дети, старики — все выносят страшные, безжалостные удары. Видел я сожженные города, села, видел столько, что порой удивляюсь, куда это все входит, как вместилось в меня. Я верю, что мы с тобой увидимся, тогда все расскажу тебе, что видел и что пережил.

Ну вот, моя родная, помни, что всегда и всюду, в поле, в лесу, в дороге, в самые жаркие минуты и в тихие дни я думаю неустанно о тебе и твердо верю, что мы с тобой будем вместе до конца нашей жизни, легкой ли, тяжелой ли будет она.

Целую тебя крепко, моя дорогая и любимая, твой Вася.

Поцелуй ребят.

Пиши мне в Москву, а если будет трудно, пиши в редакцию «Красной звезды».

42

Губер — Гроссману 30 октября [1941, Чистополь]

30. X

Васенька! Солнышко мое! Получила письма от тебя через Гехта, Анисимову[456], но на душе не стало светлее. Очень хочется видеть тебя, хотя один день. Очень беспокоюсь о тебе. Вчера узнала, что приехал Мугуев[457]. Ловила целый

---

[456] Примечания: 456

Ревекка Моисеевна Анисимова — жена литературоведа Ивана Ивановича Анисимова, служившего сначала на Южном фронте, затем на Закавказском.

[457] Примечания: 457

Хаджи-Мурат Магометович Мугуев (1893–1968) с августа 1941 года служил корреспондентом «Красной звезды» на Западном фронте.

день. Вечером увидела. Рассказывал он о тебе, сказал, что ты с «Красной звездой» в Куйбышеве. Как завидую я Мугуевой — муж ее уже второй раз здесь. Обещает Мугуев передать тебе письмо. Так много хочется тебе сказать, а начинаешь писать, и на бумаге ничего не выходит.

Здесь сейчас много писательского народу. Много отсюда едет в другие места. Из твоих товарищей здесь Гехт и Мунблит. Денег, конечно, я через Управление авторских прав не получила. Почему, не знаю. Были у них списки от 11 октября, меня там не было. А сейчас Хесин[458] уехал в Ташкент. Я же гибну без денег. Отказываю себе в самом необходимом, и ничего не выходит. Комната, дрова, столовая съедают все. Должна жене Мунблита 60 руб. и 50 р. Письменной[459] и не могу отдать. Федя живет со мной — ходит только обедать в Литфонд. Миша все живет в общежитии. Миша сейчас болен, лежит в изоляторе — вчера была очень высокая температура — сегодня нормальная. Он очень тяжело работал — три

---

[458] Примечания: 458

Григорий Борисович Хесин (1899–1983) — начальник Всесоюзного управления по охране авторских прав, с 1943 года — директор Литфонда.

[459] Примечания: 459

Елена Алексеевна Письменная (1907–1944) — первая жена писателя Александра Письменного.

дня таскал с пристани в холод, дождь посылки, хотел заработать и, как видно, простудился. Вообще он стал совсем большим, хорошим мальчиком. Слышу о нем отовсюду только хорошее. Много он помогает мне. Например, я работала в колхозе за 30 килом. 18 дней, он за это время получил ордер мне на комнату, перенес все вещи, расставил, привел комнату в порядок. Носит муку с мельницы. Взять не могу ее — мала комната, хотя стоит 70 руб. в месяц.

43

Губер — Гроссману 31 октября [1941, Чистополь]

31. X

Васенька, родной мой! Если бы ты знал, как хотела я прочесть хотя один номер «Красной звезды» с твоими корреспонденциями, но здесь найти не могла. Может быть, ты сможешь как-нибудь из редакции прислать мне. Сегодня рано утром приходил Ковалевский, он приехал за посылками и сегодня уезжает в Казань. Его я попросила узнать там у Хесина, что с деньгами, и дала ему доверенность получить деньги. Между прочим, денег, что заняла еще летом его жена, не отдал мне. Федя болен, лежит у меня — сегодня у него

38°. Миша болен — лежит в интернате. У Феди, наверное, грипп. Здесь очень плохая местность — малярия, и постоянно болеют воспалением легких. Что-то и я сдала после последней работы в колхозе. Очень тяжело там было — приходилось таскать тяжести не под силу.

Худею так, что самой стает страшно. Может быть, это и не от внутреннего недуга, а погано на душе. Васенька, любимый мой, неужели ничего нельзя сделать, чтобы повидаться до конца навигации. Мне хочется верить, что скоро увижу тебя. 12 октября было шестилетие наше (я в этот день была в колхозе, писала тебе большое письмо — хотела его послать сегодня, да не нашла, куда засунула). 18-го было мое рождение. Выпила с хозяином квартиры пол-литра — видеть никого не хотела, было тяжело на душе. Новой квартирой своей я недовольна — трое маленьких детей 9 мес., 3 года и 4 г., которые все время голосят.

Ты пишешь держать связь с Литфондом, а это такие сволочи. Жены, у которых здесь мужья, а теперь таких много, пользуются здешними благами, — например, керосин они получают по списку для творческой работы мужей; например, Асеев, у которого есть электричество, чего нет у остальных, получает керосин для творчества, а

жена Твардовского[460] просила хотя пол-литра ночью подогревать ребенку молоко — ей отказали, т. к. нет у нее здесь мужа, и все так. Противно — просто нет сил.

Васенька, хороший мой! Приезжай!

Целую крепко,

Люся.

Федя просит целовать тебя.

Новый мой адрес: Октябрьская, д. 16.

44

Губер — Гроссману [Октябрь — ноябрь 1941, Чистополь]

Дорогой Васенька!

Едет Тамара Владимировна[461] в Москву, и я хочу передать с ней несколько слов тебе. Может быть, ты ее увидишь, и она расскажет, как живем мы здесь. Сейчас я не приложу ума, как достать дров, керосину. Холодно, дождь, хозяева расчитывают на жильцов в отношении дров, а где их достать? Вероятно, придется ехать заготавливать.

---

[460] Примечания: 460

Мария Илларионовна Твардовская (*урожд.* Горелова; 1908–1991).

[461] Примечания: 461

Вероятно, Тамара Владимировна Иванова (1900–1995), переводчица и актриса, жена Всеволода Иванова.

Нужно платить за ребят в Литфонд, а денег, дай бог, хватило бы на жизнь мне. Словом, невесело. А идет холод, зима. Миша в драповом пальто, хорошо, что хоть ноги его обуты — я ему купила на толкучке сапоги, да, когда приехали, купила я шерсти — вяжу носки, варежки. Беспокоит Женни Генриховна, что сидит она без денег. Мне не хотелось писать тебе всего этого, да тяжело очень. Пугает зима, оторванность от Москвы с окончанием навигации. Дует такой ледяной ветер все время, пальто драповое я не взяла, меховое одеть — идет дождь, а в летнем продувает насквозь.

Будь, Васенька, здоров, прости.

Я что-то распустилась сегодня, походила с 5 утра по берегу в поисках дров, замерзла — вот и холодно — даже воды согреть нечем. Но все это ерунда, распускаться не надо. Все будет хорошо, только бы прожить.

45

Гроссман — Губер 17 ноября 1941, [Куйбышев]

17 ноября 1941 г.

Моя дорогая, моя любимая, мое счастье, вот я и приехал в Куйбышев, полный любви к тебе, с единственной мыслью о тебе и только о тебе. Кляну всех гостей, которые не дали мне возмож-

ности быть с тобой все время вместе, смотреть на тебя, любоваться тобой[462]. Счастье мое, любовь моя, помни — случится с тобой что-нибудь, и я не жилец на этом свете. Умоляю тебя, моя родная, ради меня:

1) Все усилия приложи, чтобы пройти комиссию, которая не может не признать тебя больной.

2) Ешь хорошо, не жалей масла для себя, ешь мед, обедай каждый день, слышишь, родная, сделай это для меня.

3) Пусть хороший врач осмотрит тебя; если нужно, съезди к профессору в Казань, остановишься у Ковалевского — храни самую большую драгоценность мою — свое здоровье. Без тебя жить не могу и не буду. Поклянись мне, что выполнишь это все. Слышишь? Храни, храни себя. Ты мое счастье и смысл моей жизни.

Я очень тоскую по тебе, я бесконечно тоскую по тебе. Меня страшно мучит, что ты стала такой худенькой, и если хочешь доставить мне величайшую радость, то напиши мне, что хоть немного поправилась. Сделай это, слышишь, поправься, сделай, и я буду счастлив. Обязательно

---

[462] Примечания: 462

В начале — середине ноября Гроссман приезжал в Чистополь, откуда уехал, вероятно, 16 или 17 ноября.

помни, что пишу тебе не слова, а единственное, что составляет содержание и смысл моей жизни. Без этого жить мне нет смысла. Жду от тебя известий, добрых известий — о твоем спокойствии, мужестве, твердой вере в то, что мы будем вместе. Я верю в это и сделаю все, чтобы это осуществилось. Люсенька, умоляю тебя — хранить себя. Теперь расскажу тебе о новостях своих.

Уйти из «Красной звезды» сейчас нельзя, никого не отпустили. Вероятно, через несколько дней поеду по своим корреспондентским делам, возможно, что поеду на Юг. Но куда бы я ни поехал, буду сдерживать слово, данное тебе. Люсенька, сдержи и ты слово, которое я брал с тебя и снова беру с тебя сейчас. Надеюсь, что через месяц или полтора сумею снова к тебе приехать.

Положение теперь на фронте лучше, и настроение у товарищей гораздо лучше и бодрей. Не знаю — удастся ли и есть ли смысл переехать в Куйбышев тебе, если уеду в командировку. Пока отложим это, а затем решим окончательно, как быть. Я глубоко уверен, что снова постучу по Октябрьской, 16, и ты выйдешь открыть мне дверь, и мы снова будем вместе.

Представь, вчера проехал с писательским эшелоном папа в Ташкент. Ехал из Москвы 22 дня.

Настроен, бедный, очень плохо. Если хочешь, напиши ему в Ташкент — до востребования, пригласи его в Чистополь.

Передай женам: Твардовский в Москве, Долматовский нашелся, есть о нем известия, Тарсис в Куйбышеве[463].

Солнышко мое, целую твои губы, глаза, храни себя для меня и ребят. Живу только для тебя.

Твой Вася.

Трать деньги на еду! Не жалей! Не худей!

Пиши мне, пожалуйста, так: Куйбышев областной, главный почтамт, до востребования, Иосифу Соломон⟨овичу⟩ Гроссману.

Только что договорился с Ириной Эренбург — она обещает получать твои письма и пересылать мне, если не буду в Куйбышеве. Ее адрес: Куйбышев областной, ул. Фрунзе, 146, кв. 32, Ирине Ильиничне Эренбург для передачи Вас⟨илию⟩ Сем⟨еновичу⟩ Гроссману.

Целую тебя, радость моя, тысячу раз. Будь здо-

---

[463] Примечания: 463

Евгений Аронович Долматовский (1915–1994) — поэт, в 1939–1945 годах военный корреспондент; в августе — ноябре 1941 года попал в окружение, был ранен, оказался в плену, из которого бежал, скрывался на оккупированных территориях и в начале ноября сумел выйти к Красной армии.

Валерий Яковлевич Тарсис (1906–1983) — писатель и переводчик, в годы Великой Отечественной войны служил военным корреспондентом.

рова!

Пиши! Передавай также через Шкапского новости свои.

46

Гроссман — Губер 21 ноября [1941, Куйбышев]

21 ноября

Моя дорогая[464], получила ли мое письмо, посланное с Поповским?[465] Я все еще в Куйбышеве. Скоро, вероятно, поеду в Воронеж, побываю и в Москве. Здесь мой милый Петлюра — купил мне сыра и свиной грудинки[466]. Когда приеду снова в Куйбышев, договорюсь о поездке на машине к тебе.

Не оставляет меня мысль о том, чтобы тебя привезти и быть нам вместе. Будет, будет так.

---

[464] Примечания: 464

Это письмо отправлено уже по новому чистопольскому адресу: Октябрьская ул., № 16.

[465] Примечания: 465

Возможно, речь о писателе и популяризаторе науки Александре Даниловиче Поповском (1897–1983).

[466] Примечания: 466

Петлюра — шофер, возивший корреспондентов «Красной звезды» во время Великой Отечественной войны. Гроссман упоминает его в «Записных книжках», не называя имени: «На кладбище спокойно, в сгоревшей деревне квохчут куры, „несутся“. И наш Петлюра, хитро улыбаясь, говорит: „Я вам сейчас яичек принесу“. В это время со свистом налетел „Мессершмитт“, Петлюра, забыв о яичках, рухнул в

яму меж могил» (Гроссман 1989а: 262).

Будь бодра и сильна. Представь, видел папу — он стоял с вагоном на запасных путях. Тепло говорил о тебе — помирился. Очень хочет в Чистополь, обещает за тобой смотреть. Его адрес — Ташкент, до востребования. Напиши ему. Если он устроится в Ташкенте, он всегда поможет тебе, чем сможет. Пиши мне, мое ясное солнышко. Ешь, спи, толстей!!! Целую много раз, твой Вася.

47

Гроссман — Губер 22 ноября 1941, [Куйбышев]

22 ноября 41 г.

Дорогая моя, хорошая, любимая Люсенька. Послал тебе письмо и 2 открытки. Получила ли ты их? Письмо послал с Поповским — надеюсь, он передал тебе его. Там подробно описываю тебе свое беспокойство о тебе, мое ясное солнышко. С огромным нетерпением жду от тебя писем, жду не дождусь. Я все собираюсь уехать по своим корреспондентским делам, но отъезд мой откладывается со дня на день. Вот, возможно, завтра состоится отъезд, вернее, отлет. Одет я тепло очень — валенки, ватник, ватные штаны, вот только не хватает варежек, которые ты мне, наверное, связала уже. Все время мечтаю о том, чтобы жить нам вместе, тебе приехать ко мне, но

пока нельзя это сделать, уезжаю в командировку. Когда вернусь — это, верно, будет через полтора-два месяца, добьюсь снова поездки к тебе, и тогда уж окончательно договоримся. Единственная мечта моей жизни, чтобы ты была вместе со мной.

Солнышко мое, бережешь ли себя, выполняешь ли заповеди, которые я тебе оставил? Помни, помни, что твое здоровье и твоя жизнь — это мое здоровье и моя жизнь.

Удалось мне повидать папу на вокзале, оказывается, эшелон двое суток простоял. Папа подряхлел, похудел, но держится крепко. Меня очень порадовало, что он тепло говорил о тебе и мечтал о том, чтобы переехать в Чистополь. Обещал смотреть за тобой. Напиши ему — Ташкент, до востребования. Имей, между прочим, в виду, что, если ему удастся устроиться в Ташкенте, он в случае нужды примет тебя там как родную.

В Куйбышеве наши автомашины, приехал и мой милый Петлюра. Сразу же проявил обо мне заботу — купил мне сыру и свиной грудинки. Милый он парень. Люсенечка, мое милое и родное солнышко, люблю тебя бесконечно. Храни свое драгоценное здоровье, сиди пока спокойно в Чистополе, не волнуйся обо мне. Помни, что ты

одна смысл и цель моей жизни. Все мне кажется, что не выразил я тебе того, что нужно, что не добыл тебе дров, керосина, не добытчик я у тебя.

Буду писать тебе все время и думать о тебе все время, дни и ночи. Целую тебя, мое ясное солнышко, крепко, твои губы, глаза, пальцы. Твой Вася. Поцелуй Мишу и Федю.

48

Гроссман — Губер 22 [ноября 1941, Куйбышев]

22-го

Милая Люсенька, пишу тебе третье письмо. Получила ли предыдущие. Я все еще в Куйбышеве. Все прошу тебя об одном — живи спокойно, береги себя.

Как там Хесин — переводит тебе деньги? Поцелуй Мишу и Федю. У вас, верно, такой же сильный мороз, как и здесь.

Настроение у меня ровное, лишь одно — тоскую по тебе дни и ночи.

Береги себя, мое солнышко ясное. Целую тебя крепко много раз. Твой Вася.

49

Гроссман — Губер 23 ноября [1941, Куйбышев]

23 ноября

Милая Люсенька, написал тебе письмо большое, а сейчас хочется написать тебе еще несколько слов. Снова отложился мой отъезд — позвонил по телефону начальству, говорят, что можно не ехать пока. Мы здесь с Женей Габриловичем задумали написать совместно повесть, роман на современном военном материале[467]. Составили подробный план, послали его в Москву — если редактор утвердит, приступим к работе. Может получиться очень интересная вещь. И работа эта увлекательна и содержательна и материально может дать порядочно — ведь потом книжку можно будет издать. Ну, в общем, мечты пока.

Да, Люсенька, между прочим, Мугуева[468] за отъезд самовольный с фронта предали суду. Очевидно, жену его лишат аттестата, надо ей заранее на работу устроиться. Жалко мне очень ее ребеночка, останется в такой трудный момент

---

[467] Примечания: 467

О замысле повести «Народ бессмертен», появившемся, как следует из писем, в соавторстве с Евгением Габриловичем, см. также письмо к отцу от 2 декабря [1941 года], с. 204–205.

[468] Примечания: 468

Хаджи-Мурат Мугуев 23 ноября был арестован и 19 декабря осужден за дезертирство на десять лет лагерей. Но уже через восемь дней после суда он воевал под Москвой, а 16 апреля Военный трибунал его дивизии освободил его от наказания как воина, проявившего мужество в бою (см.: Горяева 2015b: 609–610).

без отцовской поддержки. И Мугуев-то не предполагал даже, вечером написал жене письмо, а ночью узнал.

Ну вот, солнышко мое, надеюсь, получишь это письмецо, привет от любящего тебя больше жизни Васи.

Целую тебя крепко и много раз,

В.

Поцелуй Мишу и Федю.

50

Гроссман — Губер 29 ноября 1941, [Куйбышев]

29 ноябр. 41 г.

Милая Люсенька, пишу тебе все еще из Куйбышева. И на этот раз даже не накануне отъезда, как делал в предыдущих письмах (отъезда, откладывавшегося со дня на день из-за отсутствия самолета).

Позвонил вчера из Москвы наш редактор и отменил свое предыдущее распоряжение в отношении моей поездки. Мне теперь поручена новая работа — очень интересная, будем совместно с Габриловичем писать по фронтовым материалам большую вещь для нашей газеты: «с продолжением» будет печататься. Поездки мне будут предстоять небольшие, и все в районе Куйбыше-

ва. Работа эта займет месяца полтора. Поэтому, родненькая моя, не мучься беспокойствами о моей судьбе, буду здесь недалеко от тебя.

Все время думаю и мечтаю о том, чтобы видеть Люсеньку свою, беспокоюсь о твоем здоровье. Только о тебе, мое ясное солнышко, и думаю.

Начинаю хлопотать о комнате, поскольку отъезд откладывается на довольно далекий срок. Если б не ужасные трудности дороги, могла бы ты приехать ко мне, как только найду угол, да страх меня охватывает, когда вспоминаю наш путь на Нурлат[469] — ведь длился он почти 8 дней, отморозил я себе пальцы на ногах, а в поезде такая давка и так трудно влезть в вагон, взять билет — что ехать тебе одной абсолютно невозможно. А особенно страшно, что, когда доберешься ты со страшными тяжестями сюда, поживем мы вместе, и меня отправят в далекую поездку, и тебе снова придется проделать весь этот ужасный путь лошадьми и кружной железной дорогой с пересадками. Думаю, что разумней подождать нам, возможно, что мне удастся через полтора

[469] Примечания: 469

Нурлат — город, расположенный между Самарой (Куйбышевом) и Чистополем.

месяца[470] выбраться к тебе на несколько дней.

Ох, Люсенька, трудно нам жить врозь, ведь мы с тобой не разлучались все время. Но ничего, родная моя, будем мы еще вместе, только береги свое драгоценное здоровье и не волнуйся без нужды.

Еще утяжеляет нашу разлуку отсутствие переписки. Ведь за все это время ни одной весточки от тебя не получил! И представь, Габрилович, жена которого в Ташкенте, каждые два дня разговаривает с ней по телефону, их разделяют тысячи километров, а нас сотни, но отрезаны мы друг от друга, а не они. Чудно!

Люсенька, если есть возможность — понемногу продавай лишние вещи, легче будет двигаться, да и деньги пригодятся.

Моя родненькая и хорошая, как же ты живешь. По многу раз в день я представляю себе во всех подробностях улицу, дом, комнату, столик, все мелочи твоей чистопольской жизни, думаю о тебе все время и днем и ночью.

Целую тебя крепко много раз, твой Вася.

Поцелуй ребят. Привет товарищам. Имеешь ли вести от Жен⟨ни⟩ Генриховны.

Папа доехал до Ташкента, но как там устраи-

---

[470] Примечания: 470

Изначально написано «месяц», затем другими чернилами приписано «полтора» и окончание «-а».

вается, неизвестно. Пиши, пиши мне возможно чаще, иначе совсем не будет вестей от тебя.

51

Гроссман — Губер 1 декабря 1941, [Куйбышев]

Люсенька, только что прилетел один знакомый летчик и просил передать женам, что видел несколько дней тому назад веселыми, хорошо выглядевшими наших писателей — Соловьева, Лагина, Ряховского, Бондарина, Ивича, Улина, Поневежского[471]. Все они прислали груду писем, и этот товарищ опустил их в Куйбышеве в почтовый ящик.

Он через несколько дней полетит обратно, я велел ему передать мужьям, что жены здоровы, сыты, работают. Передай это дамам, они будут,

---

[471] Примечания: 471

Леонид Васильевич Соловьев (1906–1962) — писатель; в годы Великой Отечественной войны служил военным корреспондентом газеты «Красный флот»; в 1946-м арестован по обвинению в подготовке «террористического акта»; осужден в 1947 году на десять лет лагерей, вышел досрочно в 1954 году.

Лазарь Иосифович Лагин (1903–1979) — писатель, в годы Великой Отечественной войны работал в газете «Красный черноморец» политуправления Черноморского флота.

Василий Дмитриевич Ряховский (1897–1951) — писатель, в годы войны корреспондент газеты Черноморского флота.

Сергей Александрович Бондарин (1903–1978) — поэт и прозаик, в Великую Отечественную войну служил при политуправлении Черноморского флота; в 1944-м арестован по обвинению в «антисоветской

агитации», а в 1945-м осужден на восемь лет лагерей.

Александр Ивич (Игнатий Игнатьевич Бернштейн; 1900–1978) — писатель, литературовед и издатель; в годы войны корреспондент в действующих частях авиации Черноморского флота; в 1949 году объявлен «космополитом». Хранил произведения русской литературы, которым грозило уничтожение: архив Ходасевича, Мандельштама и др.

Леонид Николаевич Улин (1906–1983) — писатель; в 1944 году был арестован и осужден в 1945 году по обвинению в «антисоветской агитации»; после отбытия срока в лагерях и реабилитации вернулся в Москву.

Бондарин, Улин были арестованы вместе с Семеном Гехтом в 1944 году как группа писателей, «занимавшаяся антисоветской агитацией в военное время». Соловьева арестовали вследствие показаний из их дела (Бернштейн 2015).

Аркадий Сергеевич (Абрам Самуилович) Поневежский (1906–1963) — писатель; в годы войны служил военным корреспондентом газеты Черноморского флота «Красный флот».

верно, рады добрым вестям.

Илья Львович[472] был там и уехал здоровым в другом направлении — в общем, тоже благополучен.

Целую тебя, Вася.

1 декабря 41 г.

52

Губер — Гроссману 1 декабря [1941, Чистополь]

1. XII

Васенька, родной мой! Вчера наконец получила от тебя письмо. Читала его много раз — но так мало ты пишешь о себе. Оно полно забот обо мне, а о тебе ничего нет. Я буду теперь жить надеждой, что через месяц увижу тебя — ведь две недели уже прошло после отсылки тобой письма. У доктора по внутренним я уже была, на этой неделе пойду к гинекологу и глазнику. Доктор, у которого была, сказал, что сердце у меня уже не так плохо. Что худею я, Васенька, не волнуйся — я не могу жить без тебя, я тоскую — будем вместе, буду я весела и поправлюсь. Сейчас стоят мягкие зимние дни.

---

[472] Примечания: 472

Вероятнее всего, литературовед Илья Львович Фейнберг (1905–1979). Так же как и писатели, упоминавшиеся выше, он служил в Черноморском флоте.

Я перевезла дрова с берега. Словом, я достала на всю зиму. Хотя дорого, но я обеспечена. Стоили дрова 500 р. Мука тоже у меня есть. Вчера Миша привез с мельницы. Я тепло одета, есть у меня продукты. Только нет тебя, и мысли о страданиях на войне не дают мне жить спокойно. Сегодня сказала жене Твардовского о муже, она бросилась мне на шею от радости.

53

Гроссман — Губер 2 декабря 1941, [Куйбышев]

Хорошая, любимая моя, послал тебе письмо большое сегодня с оказией — человек едет в Казань, обещал там бросить в ящик. Надеюсь, дойдет до тебя. В письме этом подробно описывал тебе изменения, произошедшие в моей судьбе: отъезд мой из Куйбышева откладывается месяца на 2 в связи с поручением редактора писать повесть для нашей газеты. Работать буду совместно с Габриловичем. Начинаю искать комнату. День и ночь ношусь с мечтой вызвать тебя сюда. Знаю, что это неразумно, но, ей-богу, до того стосковался по тебе, что не до разума. Но для твоей поездки нужно 2 вещи — получить комнату и добиться вызова для тебя. Второе сделать не так сложно, а вот комнату получить — это проблема нелегкая.

Мое ясное солнышко, пишу тебе письмо за письмом — получаешь ли хоть что-нибудь? От тебя ни слова за все время. Как ты? Что ты? Здоровье твое, настроение, что делаешь? Ужасно это, быть так недалеко и ничего не знать о тебе. Ох, неужели ни один чистополец не соберется в Куйбышев и не привезет мне хоть самую малую весточку о тебе, моя милая и хорошая. Здорова ли ты? С кем встречаешься? Не тоскуй, моя родная, поддерживай в себе бодрость духовную, это очень важно. Слышишь, Люсек?

Что рассказать тебе. Я работаю, материальные дела мои к концу месяца выправятся — смогу послать тебе денег тогда, чтобы поддержать твой тощий бюджет, моя бедненькая. Получил ли для тебя что-нибудь Хесин?

Мне тут выдали роскошный белый полушубок, вернее, шубу — теплую, как 2 печки, и пару хороших валенок. Теперь все наше семейство в валенках. Одет я так тепло, что в любой мороз к тебе дойду пешком. Ох, если б только позволили мне, я бы сию минуту вышел бы и пешком пошел бы к тебе, моя радость. И кажется бы, не присел ни разу, лишь бы дойти скорей. Но, увы, никто мне не позволит это сделать.

О Мугуеве писал тебе, пока ничего нового о нем

нет. Как только что-нибудь узнаю, напишу.

Солнышко мое, как же ты живешь там? Здорова ли ты? Как сердечко твое?

Помни, что люблю тебя больше жизни, и пусть эта любовь поддерживает твою бодрость.

Вчера был радостный день — узнали о победе под Ростовом. Это известие придало всем бодрость и уверенность.

Что поделывает Семен Григорьевич, Письменный, Мунблит — собираются ли на заработки сюда? Привет им от меня.

Как живут, учатся Миша и Федя? Здоровы ли? Поступил ли Миша на шоферские курсы? Имеешь ли письма от кого-нибудь из сестер, от мамы своей, Ж⟨енни⟩ Ген⟨риховны⟩? Тысячу вопросов хочется задать тебе, да что толку, когда письма не доходят. Вот уж заехали в Чистополь этот, выбрал для вас Союз место. Хоть и спокойное и богатое, да трудно добраться.

Вчера был у Марьи Михайловны, она очень мила и гостеприимна. Мне приятно с ней разговаривать, она тоже все время вздыхает о Чистополе.

Ночую я пока в комнате у Жени Габриловича, а он, в свою очередь, получил комнату у Эренбургов. Они очень милые люди, относятся ко мне хорошо. Кровати у меня нет, сплю на полу, укры-

ваюсь своим роскошным полушубком. Все время отрываются у меня пуговицы, петли, пришиваю их с грехом пополам. Терплю бедствие из-за отсутствия носовых платков. Ну вот, поболтал с тобой, моя радость. Через денек снова напишу тебе.

Повторяю, одна у меня в жизни мечта — видеть тебя, радоваться на тебя, чувствовать тебя возле себя.

Целую твои руки, глаза, пальцы, солнышко мое родное.

Твой Вася.

2 декабря 41 г.

54

Губер — Гроссману 2 декабря 1941, [Чистополь]

2. XII.41 г.

Сейчас, Васенька, пришла от Федина[473]. Он был два раза у меня, но не застал. «Несколько печальных дней» ему очень понравились, но говорит, что ему эта [вещь] очень острая и печатать в журнале ее не советует, если же будет у них сборник, то можно будет напечатать. Сейчас

[473] Примечания: 473

Константин Федин был председателем отделения Союза писателей, созданного в эвакуации в Чистополе.

отнесу пьесу[474] Леонову, он прочтет и, если найдут ее подходящей к времени, — направят в несколько городов для постановки. Видишь, я занялась твоими делами. Была у Хесина, у него еще нет ответа от вахтанговцев и Гослита. Я тебе уже писала, что Литфонд требует с меня 1440 р. за детей. Я внесла 200. Что делать дальше? Уплатить им, когда Гослит переведет деньги?

Видела Шкапского, он говорит, что Мария Михайловна ему пишет, что поморозили вы ноги. Почему, Васюня, ты ничего об этом не написал? И опять уезжаешь ты, неизвестно, когда я получу от тебя весточку. У меня лежат для тебя варежки и носки, а ты, бедный, мерзнешь. Такая дура была я, что не заставила тебя взять валенки. Васенька, солнышко мое, берегись. Одевайся потеплей.

Почему ты не направил Семена Осиповича из Куйбышева в Чистополь? Здесь ему было бы лучше. Мне так хочется знать все о тебе, а ты ничего не пишешь. Я тебе уже писала, что доктор ничего серьезного у меня с сердцем не нашел, говорит, что задыхаюсь я от нервов. Что все у меня нервное. Правда, не очень я ей верю, но все

[474] Примечания: 474

«Если верить пифагорейцам». Об этой пьесе см. также письма к отцу: от [ноября 1940] (с. 190), 2 января (с. 192), 12 января (с. 194), [конца января] (с. 195), 3 февраля (с. 197), 4 мая (с. 198), 12 мая 1941 года (с. 199).

же, если так уж плохо было с сердцем, она что-нибудь да услышала. Вот схожу еще к глазнику и гинекологу и еще к другому по внутренним и напишу тебе. Дети тебе кланяются. Миша учится на шоферских курсах и горюет, что нет ему 16 лет и пока не дадут ему прав. Сейчас пойду к Письменным, узнаю адрес Половского[475] и передам с ним тебе письмо. Кланяется тебе Мунблит.

Жить буду, Васенька, надеждой, что скоро приедешь ты. Если бы ее не было, я совсем бы захирела. Васенька, счастье мое, сделай все, чтобы приехать поскорей. Так тоскливо без тебя.

Целую,

Люся.

Родной мой, была у глазника и гинеколога. Глазник сказал, что все у меня нервное. Гинеколог — что я здоровая женщина. Словом, комиссия сорвалась. Твоя жена оказалась здоровой женщиной.

55

Гроссман — Губер 3 декабря [1941, Куйбышев]

---

[475] Примечания: 475

Вероятно, Лазарь Яковлевич Анци-Половский (1896–1968) — сценарист и кинорежиссер: в частности, режиссер советского пропагандистского фильма «Если завтра война…» (1938).

3 дек.

Милая моя, написал тебе, что остаюсь в Куйбышеве, и в тот же день все изменилось — пришло мне новое распоряжение — выехать в командировку на полтора месяца. Должен был сегодня полететь, да не пошел самолет, вероятно, улечу завтра. Очень возможно, что мои письма не будут доходить к тебе, т. к. почта плохо работает. Ты, ради бога, не волнуйся, все будет в порядке.

Идея написания повести редактором не оставлена, он обещал после командировки вызвать меня и Габриловича и засадить за эту работу в Куйбышеве. Тогда, надеюсь, мы с тобой увидимся, мое ясное и дорогое солнышко.

Береги свое сердечко, любимая моя!

Поцелуй ребят.

На днях тебе Радиокомитет переведет рублей 500–600, только идти они будут безумно долго.

Целую тебя крепко со всей любовью моей к тебе, мое счастье,

твой Вася.

Пиши на Куйбышев.

56

Гроссман — Губер 4 декабря 1941, [Куйбышев]

Родная моя, успел до отъезда получить деньги.

Очень рад этому. Письмо у Щипачева[476]. Вероятно, увижу Твардовского — еду в Воронеж. Пиши мне на Куйбышев. Целую твои руки,

Вася.

4 дек. 41 г.

Будь крепкой! Увидимся! Моя любимая доченька, настроение у тебя всегда должно быть хорошим, крепким, мужественным.

Пиши либо на Эренбургов, либо Самарская, 49. Редакция «Красной звезды» (часть писем, т. е. 1–2).

У Мугуева по-прежнему, суда еще не было, он в Куйбышеве.

57

Гроссман — Губер [5 декабря 1941 [477]*, Куйбышев]*

Люсенька, пишу с аэродрома, улетаю в командировку на полтора месяца — внезапно вызвали. Если писем не будет, не беспокойся, плохо ходят.

---

[476] Примечания: 476

Поэт Степан Петрович Щипачев (1898–1980), жена и сын которого находились в то время в эвакуации в Чистополе.

[477] Примечания: 477

На штемпеле получения открытки в Чистополе стоит дата 1 января 1942 года. Предположительно, открытка была написана 5 декабря, поскольку 4 декабря 1941 года Гроссман сообщил отцу: «вероятно, завтра уеду из Куйбышева месяца на полтора-два» (с. 205).

Целую тебя крепко, твой Ва.

58

Губер — Гроссману 10 декабря [1941, Чистополь]

10. XII

Васенька! Счастье мое! Сейчас получила от тебя письмо. Как счастлива была я, знаешь сам. Хотела сейчас же бежать обрадовать жен, да сегодня такой буран, что совсем сносит с ног. Я только что вернулась из горсовета, меня прикрепили там к собесу, и я должна обследовать жен красноармейцев. Это работа по договоренности Союза писателей с Горсоветом вместо поездок на земляные работы. Но сегодня не пойду, больше нет сил бороться с ветром. Очень бы хотелось мне получать «Красную звезду» — может быть, тебе удастся мне ее выписать. Газеты хожу читать к Твардовской, она своевременно перевела их из Москвы. Я нашла твою карточку, снятую в 34 году в Магнитогорске, поставила ее перед собой и все время смотрю — на ней ты больше похож на Васю, которого я видела в Чистополе. Васенька, постарайся приехать скорей. Очень тоскливо без тебя. Как я тебе уже писала, я обеспечила себя дровами на зиму, правда, что стоило 500 р.,

но в морозы я могу сидеть дома и не думать о дровах. Дядька, продавший мне дрова, обманул меня на 90 рублей, надо будет, когда потеплеет, найти его. Не забудь, Васенька, перевести деньги с сберкнижки из Москвы. Что-то здесь с Гослитом и Вахтанговым ничего пока не выходит. Гослит оставил документы в Москве.

Васюня, может быть, тебе как-нибудь удастся подписать мне «Известия». Напиши, что делать с Литфондом. В предыдущих письмах я тебе писала, что требуют с меня деньги за 4 месяца за детей. Пиши, родной, и приезжай поскорей. Я уже высчитала, когда ты приедешь, от 17-го числа, а ты пишешь 29-го опять полтора месяца.

Целую тебя, мой хороший, крепко.

Люся.

59

Губер — Гроссману [13 декабря 1941, Чистополь]

Васенька, родной мой! Вчера было твое рождение. Хотела послать телеграмму, но невозможно подогнать ее к этому дню — решила искать оказии и передать письмо. Поздравляю тебя и желаю тебе счастья. Как хочется быть с тобой!

Вчера передали мне твое письмо от 22-го и 23-го.

Читала и буду читать их без конца. Так радостно получить весточку от тебя. На днях, завтра-послезавтра, едет в Куйбышев Вадецкий[478], буду его просить взять тебе варежки. Письмо он обещал передать, а вот варежки, может быть, я уломаю его взять. Дети тебя целуют. Миша уже неделю лежит болен — приступ астмы, хожу каждый день его навещать, Федя пока здоров — но страшно — началась зима — начались скарлатина, дифтерит. Порадовала жен сведениями о мужьях. Где ты узнал, что Твардовский в Москве? Она получила недавно открытку из Воронежа. Анисимова очень просит ей помочь в получении аттестата денежного от мужа.

Почему ты не уговорил Семена Осиповича приехать в Чистополь? Из Ташкента это сделать труднее. Я ему напишу. Как я уже писала тебе, получила письмо от Женни Генриховны от 21 ноября. Пишет, что дома все благополучно. Писала тебе, что и доктора ничего серьезного не нашли у меня.

Пойду еще к другим. Словом, Васенок, хочу

---

[478] Примечания: 478

Писатель Борис Александрович Вадецкий (1906–1962) в годы войны служил в политуправлении Балтийского флота, затем — в политуправлении и газете Черноморского флота. В Чистополь была эвакуирована его семья, в сентябре 1941 года там родилась его младшая дочь.

поскорей видеть тебя. Не умею без тебя жить.

Целую крепко.

Твоя Люся.

60

Губер — Гроссману 14 декабря [1941, Чистополь]

14. XII.

Хороший мой Васенька! Целый день пробродила в поисках Вадецкого и не нашла его. Сейчас шесть часов, темно, а в темноте я спотыкаюсь, как слепая курица. Завтра с утра отправлюсь искать его. Зашла к Гехту, передала ему, что писал ты. Он просит передать тебе привет, хочет недели через две ехать в Куйбышев или Москву. Спрашивает, переслал ли Мугуев его письмо. Васюня, ты выступал по радио числа 21–22-го? Значит, я ошиблась? Неужели с Мугуевым серьезно?

Васенька, пришли мне, пожалуйста, справку о твоем заработке в «Красной звезде», я получу в военкомате подъемные рублей 350 (я получила летом подъемные из расчета 700 р.). Новый год зовут встречать, но я буду сидеть одна дома, без тебя не хочу. Мечталось, что под Новый год приедешь ты. Но видно, что тебе не удастся.

Васенька, хочется много пожелать тебе в твоем

36 году[479], и, знаешь, как-то странно, кажется, желая тебе, желаешь себе — как-то срослась я с тобой. Сегодня воскресенье, Миша пришел, Федю не пустили, т. к. там кто-то заболел дифтеритом.

Знаешь, что спросил сейчас у меня Миша: «Ты когда-нибудь плакала от радости? Я раньше не знал, как это, — а увидел Василия Семеновича и заплакал — так обрадовался». Ему очень тяжело, что комиссия врачебная его не пропустила на шоферские курсы. Сегодня Миша говорит: «Все время Тимур Гайдар[480] твердит: „Какая, Миша, у тебя чудная мама“», — видишь, я чудная.

Целую, Люся.

61

Губер — Гроссману [Середина декабря 1941, до 17-го, Чистополь]

Васенька, солнышко мое! Скоро месяц, как ты уехал. Кажется, что был сон, а не был ты здесь. Живу надеждой, что сон этот скоро опять при-

---

[479] Примечания: 479

Ольга Михайловна здесь ошибается: в 1941 году Гроссману исполнилось тридцать шесть лет, следовательно, его ожидал тридцать седьмой год жизни.

[480] Примечания: 480

Тимур Гайдар (1926–1999) — сын писателя Аркадия Петровича Гайдара; в 1941–1942 годах жил в чистопольском интернате.

снится и ты будешь со мной. Думаю о тебе день и ночь. Не думать не могу. Много предлагали мне хороших комнат, но я не хочу уходить отсюда. Здесь все полно тобой.

Сейчас очень холодно, и я мало выхожу на улицу. Дети по выходным приходят ко мне. У Миши большое горе: он учится на шоферских курсах, и нужно было ему пройти комиссию, и его не пропустили, т. к. оказалось, что левый глаз у него плохо видит. Учитель у них очень хороший, жалеет Мишу и учит его шоферскому делу, но прав, вероятно, получить ему не удастся. Федя все поплакивает, просится ко мне, но я беру его только в субботу и отправляю в понедельник. От Женни Генриховны от 21 ноября было письмо, пишет, что на даче были у нас воры, и вообще соседи советуют убрать лишние вещи, т. к. там могут поселиться трудармейцы. Все остальное в порядке.

Как я тебе уже писала, терапевт и гинеколог не нашли у меня ничего, с чем бы послать на комиссию. Терапевт дал мне камфору и сказал прийти через неделю. Словом, Васюнька, я оказалась здоровой. Хоть здесь ты можешь немного успокоиться, ведь, если бы было что-нибудь угрожающее, я думаю, они нашли бы. Очень тоскую

без тебя. Жду. Крепко целую.

Твоя Люся.

62

Губер — Гроссману [Декабрь 1941, Чистополь]

Васенька, солнышко мое! Давно нет от тебя писем. Я пишу на всякий случай на Москву. Может, ты уже там. Последнее письмо и варежки послала тебе в Куйбышев с Вадецким.

Получил ли? Живу я, тоскуя бесконечно по тебе. Кажется, я немного поправилась, т. е. потолстела.

Целую крепко.

Твоя Люся.

63

Гроссман — Губер 16 декабря [1941, Воронежская область]

16 декаб.

Родная моя, любимая, это письмо дойдет к тебе, вероятно, к Новому году. Любовь моя, желаю тебе того, чего и себе: чтобы мы соединились и были вместе и никогда уже не разлучались, ни на день, ни на час.

Целую тебя много раз, сердце мое. Я верю, что

новый год будет годом нашей встречи, годом победы над фашизмом.

Целую тебя, радость моя. Будь же крепка и мужественна.

64

Гроссман — Губер 20 декабря 1941, [Воронежская область]

Родная моя, пишу тебе через тройную оказию и не очень надеюсь, что письмо попадет к тебе. Ну а вдруг попадет, да еще к Новому году! Живу я здесь хорошо. Бытовые условия превосходные — кормят отлично, вкусно, украинской едой, курева горы, есть и выпивка в нормах, установленных командованием. Настроение хорошее — ведь дела наши на фронте теперь хороши, и сердце радуется от этого. Народ меня окружает милый, здесь, кстати, Твардовский, я у него ночевал 2 ночи, мне с ним было очень приятно встретиться. Хороший он парень. Передай его жене, что глядит он превосходно и, в общем, в полном порядке. Здесь же Долматовский — такой же, как был, — «утроба крокодила ему не повредила», и Мих⟨аил⟩

Розенфельд[481].

Вернулся я 3 дня назад с фронта, теперь пишу. Насмотрелся много. Теперь все иначе, чем летом. Дороги, степь в разбитых немецких машинах, брошенных пушках, валяются сотни немецких трупов, каски, оружие. Мы наступаем!

Моя радость, все хорошо, плохо лишь, что тоскую по тебе и беспокоюсь о твоем здоровье. Ведь ничего не знаю, что ты, как? А, солнышко мое, как же мне узнать о тебе?

Ты, ради бога, не беспокойся, если писем долго нет от меня, — почта ведь ужасно скверно работает.

Мечтаю о встрече нашей, мечтаю о нашей жизни в нашей Москве. Будет все это, будет. Пиши мне, родная, на Куйбышев. По адресу Эренбургов либо Шкапской. А кроме того, попробуй написать и по этому адресу, вдруг дойдет: Дейст⟨вующая⟩ армия, полевая почтовая станция 28, политуправление, спецкору «Красной звезды» Гроссману.

Хочется мне ребят видеть. Как Мишины дела? Имеешь ли вести из Москвы? Как живут друзья мои? Привет сердечный Гехту, Письменному,

---

[481] Примечания: 481

Михаил Константинович Розенфельд (1906–1942) — писатель, драматург, журналист; военный корреспондент «Красной звезды», погиб в мае 1942 года в боях за Харьков.

Мунблиту.

Родная моя, целую тебя, люблю тебя, думаю о тебе.

Твой Вася.

20 декабря 41 г.

Ребят поцелуй.

Одет я очень тепло, как в печке сижу, — теплое белье, ватник, ватные брюки, валенки, тулуп. Вот только беда — варежек нет. Потерял и те, что Маруся подарила, и те, что ты мне дала. Попробуй пошли мне по этому адресу те, что связала. А тебе что послать?

Возит меня новый шофер — Гриша Галигузов. Тоже хороший, заботливый парень.

Ну вот, радость моя, будь спокойна, спи хорошо, ешь хорошо, береги себя.

Целую тебя, глаза твои милые. Твой Вася.

65

Гроссман — Губер 25 декабря [1941, Воронежская область]

25 декабря

Милая Люсенька, жив, здоров, одет тепло. Радуюсь нашим фронтовым успехам. Беспокоюсь о тебе, моя родная. Вероятно, наши сотрудники переедут в Москву. Пиши мне либо по московскому

адресу, либо: полевая станция 28, Политуправление, корреспонденту «Красной звезды».

Терпение, терпение, моя родная, будем мы с тобой вместе жить в нашей Москве.

Целую тебя, твой Вася.

Поцелуй ребят, привет товарищам.

66

Гроссман — Губер 26 декабря 1941, [Воронежская область]

Милая Люсенька,

с Новым годом тебя и ребят поздравляю. Я жив, здоров, одет тепло. Очень хочу тебя видеть. Уверен, что новый год будет для нас хорошим годом. Береги себя, не простуживайся. Помни, будем мы жить в нашей славной Москве. Пиши мне по адресу: Полевая почтовая станция № 28, Политуправление. Спец⟨иальному⟩ корреспонд⟨енту⟩ «Красн⟨ой⟩ звезды».

Целую тебя и ребят крепко. Твой Вася.

26 дек. 41 г.

67

Гроссман — Губер 1 января 1942, [Воронежская область]

1 января 1942

Милая Люсенька, вот и встретили мы с тобой Новый год — ты в Чистополе, а я на фронте. Родная моя, думаю о тебе все время, а в этот новогодний вечер особенно остро чувствовал нашу разлуку. Желаю тебе, мое счастье, здоровья, здоровья и еще раз здоровья. Будь спокойна за меня, не волнуйся, если будет перерыв в письмах — бывает, пропадают они. Пиши мне по адресу — на обороте открытки[482], либо в Москву на редакцию «Красной звезды» (ул. Правды). Горизонт перед нами проясняется — чувство уверенности, силы владеет армией и каждый день близит победу. Пусть у вас в тылу будет такое же твердое и бодрое настроение. Мы будем с тобой вместе жить в Москве и не разлучимся уж, как не разлучались до войны. Целую тебя много раз. Твой Вася. Поцелуй детей. Новогодний привет Гехту, Письменному, Мунблиту.

68

Губер — Гроссману 1 января 1942, [Чистополь]

---

[482] Примечания: 482

На обороте открытки указан следующий адрес: Спец(иальный) кор(респондент) «Красной звезды» Гроссман. Полевая почтовая станция № 28. Политуправление.

1 января 1942 г.

Васенька, родной мой, хороший! Поздравляю тебя с Новым годом и желаю счастья, желаю, чтобы скорее мы смогли жить вместе. Сейчас около половины первого ночи. Сижу и думаю о тебе. Сижу одна, дети в интернате. У них сегодня елка. Никуда я не пошла — не хочу без тебя встречать Новый год. Что-то сейчас делаешь ты? Как тяжело месяцами ничего не знать о тебе. Надеюсь, что скоро «Красная звезда» переедет в Москву и ты вызовешь меня к себе. На днях получила в один день 3 письма от тебя — от 3 и 4 декабря. Было тепло и радостно, пока читала, — потом опять тоска. Читаю я только тебя. Женни Генриховна прислала мне все твои книги, и я, читая их, слышу твой голос. Я думала, что ты в Куйбышеве, а ты на фронте. Васенька, счастье мое, береги себя. Помни обо мне. Я целые дни занята хождением по квартирам красноармейских жен, а противный Союз писателей направляет меня на курсы сельскохозяйственные, чтобы весной ехать в колхоз, — не пойду. Здесь столько писательских жен, а работают несколько человек, и везде их пихают: и колхоз, и общественная нагрузка, и теперь эти курсы. Сегодня встретила Липкина, он хочет завтра ехать в Москву — отнесу ему это

письмо — может быть, оно тебя найдет в Москве. Получила я от тебя деньги — большое спасибо, а то я уже продала свое осеннее пальто за 350 р. Хесин еще денег не достал, а за детей требуют, внесла пока 380 р. Со дня твоего отъезда здесь вдвое стало все дороже. Послала тебе с Вадецким письмо и перчатки, не знаю, получишь ли ты. Послала их на Эренбургов, но Вадецкий проехал в Москву. Большинство писателей, бывших здесь, уже уехали в Москву, остальные собираются. Беспокоит меня, что нет у тебя платков и варежек. Рада, что есть шуба и валенки. От Женни Генриховны получаю регулярно письма. Написала записочку в «Красную звезду» с просьбой прислать мне справку о твоем заработке для получения разницы подъемных. Я получала из расчета 700 р., а могу получить из расчета 1200 р., т. е. руб. 300; если они не пришлют, то сделай, пожалуйста, это ты.

Я, когда ты раньше писал, что приедешь через месяц-полтора, подсчитала, что Новый год ты будешь со мной, и купила все, что нужно тебе, а ты не приехал.

Ну, будь здоров, мой родной, любимый. Целую тебя крепко.

Твоя Люся.

69

Гроссман — Губер [6 января 1942 [483], Воронежская область]

Милая Люсенька, все жду от тебя весточки, пишу тебе очень часто, получаешь ли мои писания? Я твоих не имею ни одного, утешаюсь единственным письмом твоим, помнишь, тем, что ты хотела отправить, да не отправила, т. к. я приехал. Вот его-то и перечитываю каждый день.

Как-то ты живешь, моя дорогая и любимая? Вопросов у меня к тебе множество, да что толку задавать их, когда писем от тебя не получаю, плюс тут, как назло, все товарищи начали аккуратно получать письма, да по несколько каждый день. Наверное, и я когда-нибудь дождусь весточки от тебя. Работаю, бытовые условия хорошие, есть, между прочим, баня.

Видаюсь с Твардовским, он вполне благополучен. Терплю недостаток в носовых платках, остальное в порядке.

Очень хочу видеть тебя, это моя главная болезнь. Целую много раз, твой Вася.

Поцелуй ребят. Привет товарищам. Пиши мне

---

[483] Примечания: 483
Дата на штемпеле отправления почтовой карточки.

по адресу — полевая почтовая станция № 28. Политуправление, спецкору «Красной звезды».

70

Гроссман — Губер 7 января 1942 [484]*, Воронежская область*

7 янв. 41 г.

Милая Люсенька, сегодня веселый день — получил письмо от Жен(ни) Генр(иховны), и она ссылается на твою открытку — косвенный привет от тебя, значит. Вчера Твардовский получил письмо от жены из Чистополя, был счастлив. И я за него порадовался. Кошек, мой милый, очень видеть тебя хочу. Через два дня машина наша выйдет из ремонта — поеду в довольно длительную поездку. Берем с собой Твардовского. По возвращении тотчас же напишу тебе. Возможно, тогда станет вопрос о коротеньком отпуске. Но пока рано говорить об этом. Ковалевский, оказывается, в Москве, вызвали его телеграммой — едет на фронт. Милая моя, получаешь ли ты мои бесчисленные открытки и письма? Скучаешь ли ты по мне так, как я скучаю по тебе? Я здоров

[484] Примечания: 484

Гроссман ошибочно датирует письмо предыдущим, 1941 годом, как это иногда случается в начале января.

в общем, работаю много. Будь же здорова, моя радость, береги себя ради нашей доброй жизни после победы. Целую тебя много раз, твой Вася. Поцелуй детей.

Адрес мой на обороте.

71

Губер — Гроссману [Начало января 1942, Чистополь]

Милый мой Васенька! Получила от тебя письмо новогоднее и открытку. Я тоже жива и здорова, вот только писать трудно — сожгла руку, и она стала нарывать. Товарищи твои почти все уехали в Москву. Я тебе тоже написала несколько писем в Москву. Новый год встречала, читая и писавши письмо тебе. Боюсь, ничего ты не сможешь прочесть в моей открыточке. Очень тоскую без тебя. Жду, что скоро ты сможешь приехать. Радуюсь лишь, что гонят фашистов и близится час возврата в Москву.

Целую,
твоя Люся.

72

Губер — Гроссману [Начало января 1942, Чи-

стополь]

Василию Семеновичу Гроссман⟨у⟩.

Васенька, солнышко мое! Пишу тебе с Письменным, который завтра хочет уезжать в Казань, а там в Москву. Хочу с ним передать тебе варежки и носки. Одни варежки, вязанные мною из лучшей шерсти, поехали с Вадецким. Не знаю, доберутся ли они до тебя. Пишу я так коряво, т. к. очень сильно обожгла руку, больно писать. Вчера видела Ильенкова[485], он мне сказал, что «Красная звезда» будет в Москве, и чтобы я писала тебе туда, что ты тоже скоро будешь в Москве. Тоскую без тебя. Думаю о тебе день и ночь. Беспокоюсь бесконечно.

Будь здоров. Целую крепко.

Твоя Люся.

73

Губер — Гроссману [Начало января 1942 [486]*, Чистополь]*

---

[485] Примечания: 485

Василий Павлович Ильенков (1897–1967) — писатель, военкор «Красной звезды»; участвовал в подготовке «Черной книги»; лауреат Сталинской премии (1950) за роман «Большая дорога» (1949).

[486] Примечания: 486

На штемпеле читается лишь дата получения открытки полевой почтовой станцией № 28 — 8 февраля 1942 года.

Милый, мой хороший! Писала тебе много в Москву. Вторую открыточку посылаю сюда. Взяла из интерната Федю — нет сил и платить за него, и кормить, да и тоскливо мне совсем одной. Сама все время прихварываю, сейчас сожгла сильно руку, и она нарывает — сейчас иду к хирургу. Товарищи почти все уехали в Москву.

Получаю от Ж⟨енни⟩ Г⟨енриховны⟩ письма.

Целую крепко. Люся.

74

Губер — Гроссману 8 января 1942, [Чистополь]

8. I.42

Васенька, хороший мой!

Едет Санников[487], пишу тебе с ним. Письменному передать варежек и носков не смогла, уехал он неожиданно. Я же прихворнула немного, наверно, грипп. Хотя температура еще повышена, но выйти сегодня мне нужно. Надеюсь, пока письмо это доберется до тебя, ты будешь уже в Москве. Пишу в редакцию, прося прислать мне справку

[487] Примечания: 487

Григорий Александрович Санников (1899–1969) — поэт, фронтовой корреспондент; редактор журналов «Октябрь» (1925–1926, 1946–1954), «Красная новь» (1927–1931), «Новый мир» (1935–1937).

о твоем заработке (1200 р.)[488], т. к. я получила подъемные из расчета 700 р., а деньги нужны мне очень. Нужно платить за детей 360 р. в месяц, да 200 р. лотерея[489]. Очень бы хотелось получать «Красную звезду» — так трудно без газет. Послала письма тебе с Липкиным, Ярцевым[490], Ярцев обещал в Казани передать письмо Письменному. Жду твоего приезда. Дни и ночи мысли о тебе. Целую крепко.

Твоя Люся.

Долматовская получила от мужа письмо, сказала мне, что в конце месяца был ты в Куйбышеве.

75

Гроссман — Губер 11 января [1942, Юго-Западный фронт]

---

[488] Примечания: 488

Эта справка из редакции «Красной звезды» сохранилась в семейном архиве Гроссмана — Губер. Она была выдана 4 апреля 1942 года.

[489] Примечания: 489

Речь о первой военной денежно-вещевой лотерее, постановление о которой было принято Советом народных комиссаров 27 ноября 1941 года. Она фактически носила принудительный характер: за билеты приходилось отдавать от 15 до 30 % месячного заработка. Лотерейные билеты первого тиража распространялись с начала декабря 1941 года (Ковтун 2012: 161–169).

[490] Примечания: 490

Георгий Алексеевич Ярцев (1904–1955) — в 1938–1949 годах директор издательства «Советский писатель».

11 января 41 г.[491]

Милая моя и хорошая, писал тебе в последней открытке, что собираемся в поездку и берем Твардовского. Но случилось так, что Твардовского вызвали в Москву на пленум Союза писателей[492]. Из Москвы он, очевидно, поедет в Чистополь, в связи с этим пишу тебе письмо, надеюсь, что дойдет до тебя. Еду я завтра, буду писать тебе. Все время пишу тебе, написал множество открыток и писем. А от тебя ни слова. Неужели не пишешь мне? Тут уж получают все чистопольские письма. Один я не получаю. Пиши, родная, я знаю, что пишешь, но пиши чаще. Авось пробьется письмо или открыточка. Я очень страдаю от того, что нет от тебя вестей. И с каждым днем тревога моя растет — как живешь ты, моя радость. Теперь ты не моя радость, мое горе — все тревоги мои и все бессонные часы из-за тебя. Здорова ли ты? Тепло ли в комнате?

Приходится ли тебе работать в колхозе? Выполнила ли ты мою просьбу, помнишь перед отъездом, о медицинской комиссии? Питаешь-

---

[491] Примечания: 491

«1941» исправлено карандашом на «1942». Вероятно, описка Гроссмана, исправленная Федором Губером.

[492] Примечания: 492

Пленум правления Союза писателей состоялся 26–27 января 1942 года.

ся ли регулярно? Что ребята поделывают, как учатся, где живут, как здоровье их? Получила ли ты деньги через Хесина? Вопросов много, да что толку, когда ни одного слова не получил от тебя за все время.

Что рассказать о себе? Здесь бытовые условия превосходные, спим на кроватях, тепло, кормят отлично. Но представь — чувствую себя хуже, чем летом, когда спал на болоте и в лесу. Чего-то сердце стало пошаливать, ничего такого, конечно, но дает себя чувствовать. Работа моя идет лучше, чем раньше. Довольно часто печатают меня, и редактор ко мне подобрел. На днях звонил по телефону и сказал, что собирается мне в феврале или в начале марта дать творческий отпуск. Далеко еще до этого времени, и может он перерешить много раз, но, во всяком случае, такое обещание им дадено. Вчера узнали подробности о смерти Гайдара. Он погиб в бою, сражался с необычайным мужеством — старые фронтовики прямо с благоговением и восторгом рассказывали об его удивительных подвигах[493]. Они говорят, что он проявлял какую-то сверхчеловеческую доблесть. Помнишь, Люсенька, Гайдара? Нашу прогулку с

[493] Примечания: 493

Писатель Аркадий Петрович Гайдар погиб 26 октября 1941 года на Юго-Западном фронте.

ним в Учкошское ущелье[494], переправу через ручей? Милый и трудный Гайдар. Где друзья наши? Не могу поверить, что нет Васи Бобрышева — перечел его письмо последнее на днях, и сердце сжалось — неужели нет его, хорошего друга, самого чистого и прямого человека на земле.

Часто вспоминаю о Роскине, с болью душевной большой. Думаю о маме — еще не верю в ее гибель и не могу ее еще обнять душой. Эта боль по-настоящему придет после. Ну вот, моя родная. Не нужно больше о печальном.

Желаний много у меня, теперь плохо сплю и много думаю по ночам. Ах, дорогая моя, как хочется дожить до дня мести, когда мы придем в Германию. Ты не представляешь себе ужасов, которые творят фашисты, нет страшной казни, которая могла бы искупить их преступления. А для себя лично я мечтаю лишь об одном — снова увидеть тебя, мою единственную радость и единственный смысл моей жизни. Будь же здорова. Целую твои милые глаза и губы.

Твой Вася.

Пиши по адресу, который Твардовский скажет, либо в Москву Жен⟨ни⟩ Ген⟨риховне⟩ — она со

---

[494] Примечания: 494
Ущелье Уч-Кош в Крыму, недалеко от Ялты.

мной переписывается. А что от папы — имела письмо?

Послал бы денег, да сейчас сижу без копейки — Москва задержала. Прости, пожалуйста.

76

Губер — Гроссману [Январь 1942, Чистополь]

Милый Васенька! Пишу тебе много, не знаю, доходят ли все письма до тебя. Я здорова — дети тоже. Надеюсь, что скоро ты будешь в Москве. С Письменным послала тебе варежки и носки. Рвусь в Москву. Давно нет от тебя писем. Твардовский писал жене, что видал тебя. Рада, что Хаджи-Мурат в Москве. Увидишь его, передай привет. Целую,

Люся.

77

Губер — Гроссману [28 января 1942, Чистополь]

Васенька, родной мой! Жизнь моя! Приехал Твардовский, привез письмо, которое огорчило, даже не огрочило, а ушибло меня. Васенька, неужели опять плохо с сердцем у тебя? Солнышко мое — брось курить и пить. Береги себя. Может быть, нужно тебе бросить твою работу и отдох-

нуть? Может быть, это возможно? Бесит меня полная моя беспомощность помочь тебе. Положила бы я тебя в кровать и ухаживала за тобой — чтобы сердце перестало дурить. Васенька, береги себя! И так у меня нет ни ночью, ни днем покоя. Все думаю о тебе, мой любимый.

Посылаю тебе 5 платков. Васенька, не бросай их. Их можно стирать. Сделала их я из нового очень хорошего матерьяла.

Сегодня получила письмо от Женни Генриховны, она пишет, что С⟨емен⟩ О⟨сипович⟩ в Самарканде. Адрес его: Самарканд, Узбек⟨ская⟩ ССР, до востребования.

Сейчас заходила к Твардовским. Сегодня рождение жены и дочери[495], вечером пойду к ним в гости. Купила маленькой Олечке деревянного журавля.

Васенька, радость моя! Не пей — вот я сегодня днем выпила немного, и уже дурит сердце. Решила долго больше не пить. Я во многих письмах писала тебе и просила справку в «Красной звезде» о твоем заработке, но до сих пор ее мне не прислали. Если будет справка, что ты получаешь 1200 р., — мне заплатят еще рублей 300 подъем-

[495] Примечания: 495

28 января 1942 года младшей дочери Твардовских Ольге исполнился один год, а Марии Илларионовне — 33 года.

ных. Хочется написать много — начнешь писать, все улетят. Будь здоров. Береги себя. Целую. Твоя Люся.

78

Гроссман — Губер 1 февраля [1942, Юго-Западный фронт]

1 февраля

Милая Люсенька, сегодня ночью вернулся и с великой радостью застал от тебя открыточку. Как же это ты себе обожгла руку? Первая весточка от тебя за 3 месяца. Перечитываю ее без числа — но двух фраз не могу разобрать. Как же это ты так написала, моя радость. Поездка была очень интересной, но довольно тяжелой. Застал нас буран в степи, ну и много всяких иных было происшествий. Однако сейчас пишу тебе во всем натуральном виде, при руках и ногах и попарившись крепко в бане. Очень тоскую по тебе. Не знаю точно, когда можно будет нам повидаться, редактор, возможно, даст отпуск мне — может быть, в феврале, может быть, в марте. Пиши мне на полевую почту, остальные письма не дошли. Получил 2 открытки от Маруси и от Жен⟨ни⟩ Ген⟨риховны⟩. Джин наш существует. Женя где-то работает машинисткой, Вероника учится. Будь

здорова, моя единственная любимая. Целую тебя много раз, твой Вася. Поцелуй детей. Пиши мне, одна открытка в 3 месяца — как капля воды для жаждущего.

79

Губер — Гроссману 4 февраля 1942, [Чистополь]
4. II.42

Васенька, родной мой. Опять две недели бессонных ночей и страха. Скоро ли ты приедешь? Видел ли ты Твардовского? Кажется, у него украли сумку, где я послала тебе одеколон. Вчера получила из Москвы 460 р., посланные газ⟨етой⟩ «Красная звезда». Очень пришли вовремя, т. к. у меня 1500 р. долгу, и занять было не у кого, т. к. 1000 р. заняла у своей хозяйки, 500 р. у Твардовской. Сейчас переезжаю в комнату, где жили Гехты, перекладываю там печь, достаю дрова. Завтра, кажется, получу их. Сегодня ходила за ними на тот берег Камы.

Здесь еще холодно. Дуют холодные ветры. Получила от Ж⟨енни⟩ Г⟨енриховны⟩ грустное письмо, в котором она пишет, что не имеет денег на хлеб. Все деньги, что ты ей оставил, уплатила она за квартиру, ты не оставил справку, что в Дейст⟨вующей⟩ армии, и у нее взяли за тебя, как

за работника свободной профессии, больше, чем мы платили раньше.

Заработанные в дальнем колхозе четыре пуда пшеницы, кажется, там и останутся, а я очень рассчитывала на них.

Я рада, что буду жить в комнате, без хозяев, это большое счастье.

Адрес мой: ул. Бебеля, № 73. Только не знаю, когда переберусь, замерзла вода, а без воды печку не переложат. Ну, написала тебе много всяких забот моих.

Скорей бы приезжал ты. Гольцев вчера уехал. На сколько дадут тебе отпуск? Ведь здесь ты можешь писать.

Целую крепко.

Твоя Люся.

80

Гроссман — Губер 5 февраля 1942, [Юго-Западный фронт]

Моя любимая, снова и снова перечитываю твою открыточку, единственную весточку, полученную за эти месяцы. Начинаю собирать тебе посылку, вышлю ее в ближайшем будущем.

Отпуск мой откладывается — вероятно, на март-апрель. Ох, Люсенька, ждешь ли ты меня

так, как хочется мне свидеться с тобой. Все мое сердце полно одной любовью к тебе. А открытка твоя такая сдержанная, почему, моя радость, неужели нет у тебя для меня горячего слова, которое могло бы меня тут согреть, осчастливить.

Письма, которые ты мне писала, переправлены в Москву, а из Москвы позавчера — высланы сюда. Жду их, считая часы. Из них узнаю все о тебе, Люсенька, ведь ты и жена мне, и возлюбленная, и дочь. Кажется, все собрано в тебе, все, что могу и должен я любить. Пиши мне, радость моя, каждый день по открыточке. Теперь письма ходят хорошо. Здесь уже почти все получают регулярно письма. Где сейчас Гехт, Мунблит? Об отъезде Письменного мне написала Шкапская. У нас здесь все время морозы большие. На днях я попал в буран степной, выехал на танке, т. к. машина застряла в глубоком снегу. Родная моя, сколько чудесных людей на фронте — сколько здесь простоты, мужества, скромности, сколько чудесного гостеприимства, заботы друг о друге. Я даже не знал, что так много хороших людей на свете. А как воюют наши красноармейцы! Радостно мне было в шахтерской части, я гордился, пожалуй, первый раз в жизни — знают меня шахтеры, даже в лицо многие узнавали по портрету на книжке.

Если б ты видела, как меня там кормили, поили, спать укладывали, сколько добрых слов сказали, ты бы тоже радовалась от души.

Получил здесь 2 открытки от Маруси, 2 от Жен⟨ни⟩ Ген⟨риховны⟩ и сегодня большое письмо от Клары. Сколько они, бедные, пережили в дни гитлеровского наступления на Москву, прощались уже с жизнью, плакали целые дни. Люсенька, моя родная, помни, что люблю тебя больше жизни, целую твои милые глаза, руки, губы. Твой до конца Вася.

Поцелуй детей.

5 февраля 42.

Люсенька, в чем главная нужда твоя — нужны ли деньги, продукты какие.

Пиши об этом подробно.

81

Гроссман — Губер 9 февраля [1942, Юго-Западный фронт]

9 февр.

Моя дорогая, любимая, пишу тебе несколько слов, сейчас уезжаю. Пробуду в поездке недели 2. Как живешь, мое счастье, — не очень тебе трудно? Мыслями я все время с тобой. Как только вернусь — пошлю тебе денег и посылку. Будь

крепкой, моя ясная, хорошая.

Я рад, что эту грозную и славную зиму я провожу с войсками и хоть в малой степени участвую в их тяжелых, снежных походах. Увидимся с тобой, мое солнышко, увидимся. Пожелай мне счастливого пути.

Твой до скончания дней.

Целую тебя много раз, Вася.

Пиши, пиши, пиши мне!!! Детей целуй.

82

Губер — Гроссману [Середина февраля 1942, Чистополь]

Васенька, любимый мой. Сейчас вечер, горит лампа — света электрического нет — чинится машина. Обещают через 2 недели дать свет. Вторую неделю я занята приведением в порядок комнаты Гехта, которая превращена была в сарай для дров Верой Михайловной. Она после отъезда Гехта в Москву ушла к сестрам, а в комнате сложила дрова. В комнате совсем не годилась печь. Переложить через ремонтную контору не удалось — очередь моя дошла бы к лету. Пришлось частным порядком. Искать печников, возчиков глины — песку, кирпич, дрова и т. д. Все это я достала. Сегодня печь готова. Теперь нужно достать

мебель и переезжать. Я очень рада, что наконец буду жить в человеческих условиях и, главное, без хозяев.

Приехал опять Липкин, и Лифшиц[496] здесь. Жалко, что в пропавшей сумке Твардовского было второе мое письмо, письма Феди и Миши и одеколон.

Миша сдал теорию шофера на хорошо. Весной будет работать стажером. Я была у Перекрестовой[497], она направила меня на комиссию. Нужно будет пойти, а то что-то неважно чувствую себя. Маруся писала, что Джин голодает и она боится, подохнет. Жаль его очень — здесь бы он был сыт — у меня всегда нашелся бы ему кусок хлеба. Васенька, пошли денег Женни Генриховне. Я надеялась получить посылку от тебя — жаль, что не вышло. Да ладно — приедешь и привезешь чего-нибудь вкусного. Я очень рада, что буду жить в одном доме с Твардовской. Семену Осиповичу я писала несколько месяцев назад, но ничего от

---

[496] Примечания: 496

Михаил Александрович Лифшиц (1905–1983) — философ, теоретик и историк культуры; в начале Великой Отечественной войны служил в действующей армии, но после ранения и выхода из окружения осенью 1941 года был переведен на должность литработника.

[497] Примечания: 497

Наталия Петровна Перекрестова — врач чистопольской колонии писателей.

него не получила. Получаешь ли ты от него письма? Неужели ты еще не скоро приедешь? Хорошо бы, если бы ты написал Галину[498]. Некоторым он заплатил — а мне нет. Сделай все, чтобы скорей приехать.

Целую крепко.

Твоя Люся.

Васенька, неужели невозможно выписать мне «Красную звезду»?

Ж⟨енни⟩ Г⟨енриховна⟩ написала, что переслала тебе 13 летних моих писем.

83

Гроссман — Губер 19 февраля 1942, [Юго-Западный фронт]

Милая моя Люсенька, как ты живешь? Недели две уже, как путешествую и льщу себя надеждой по возвращении получить от тебя письмо, думаю, ждет оно меня. Здорова ли ты, я слышал, что в ваших местах были очень сильные морозы. Так я и не знаю, проходила ли ты медицинскую комиссию. Как с твоим сердцем дела.

---

[498] Примечания: 498

Возможно, речь о писателе Борисе Абрамовиче Галине (Рогалин; 1904–1983). В годы войны он служил спецкором «Красной звезды», Гроссман упоминает его в письмах жене от 28 июня (с. 427) и 18 июля 1943 года (с. 428).

Что поделывают дети — здоровы ли, учится ли Миша на шоферских курсах, помогает ли тебе. Был ли у тебя Твардовский, передал ли тебе письмо и 100 руб. Я просил редакцию перевести тебе рублей 500–600, не знаю, сделали ли они это. По возвращении на место выясню. Очень хочется видеть тебя, соскучился сильно. Соскучился — даже это не то слово. Стосковался — тоже не то слово. Не знаю, как будет дело с отпуском. Возможно, что получу его в марте. Все это выяснится по возвращении из поездки.

Последние дни здесь приятная теплая погода. Солнце светит по-весеннему — днем тает. А в январе было очень холодно — морозы по 35–40°. Но я настолько хорошо одет, что, проводя дни и ночи в степи, не очень мерз и не простуживался.

Ну вот, моя милая и любимая, пиши мне почаще.

Целую тебя крепко,

твой Вася.

Поцелуй детей.

Сейчас устал сильно, ложусь спать. Ночую в хате, под пальбу пушек. Привезу тебе железный крест, снятый с убитого фашиста.

19 февраля 42 г.

84

Губер — Гроссману 19 февраля 1942, [Чистополь]

19 февраля 1942

Васенька, солнышко мое светлое! Как я была счастлива получить от тебя открыточку от 2 февраля. Я так мучилась, не зная ничего о тебе. Последнее письмо привез Твардовский. Думаю, что вы встретились и он передал тебе мою посылочку. Живу я последнее время надеждой на скорую встречу с тобой — но время тянется бесконечно. Сейчас здесь Гольцев. Очень рада, что Юля (жена его) наконец его дождалась — она, бедняжка, болела крупозным воспалением легких.

Федя живет со мной. Миша в интернате. Миша получил уже паспорт на 5 лет и скоро кончает курсы шоферов. Всех едущих в Москву прошу переслать мне из «Красной звезды» справку о твоем заработке (1200 р.), но до сих пор ее не имею — это нужно для получения подъемных. Я получила из расчета 700 р. Хесин многим перевел деньги от Гослита — мне же нет. Пока должаю, продаю вещи. У нас еще холодно, но пахнет весной, и легче делается на сердце. Будешь ехать сюда, захвати с собой: галоши Феде, стрептоциту (лекарство),

ниток, расческу и гребень, конвертов, открыток, бумаги и мои платья (суровое полотнян⟨ое⟩, белое полотняное, что были на даче). Жду тебя, Васенька, думаю о тебе и о встрече нашей день и ночь. Ведь уже четвертый месяц не вижу тебя — это колоссальный срок. Как бы хотелось в Москву. Согласна на все лишения, только быть в Москве, если не возможно быть с тобой всегда. Такой неприятный город и люди Чистополя, что долго жить здесь тяжело. Больше писать тебе не буду, а буду ждать тебя. Передай привет товарищам, которых найдешь в Москве. Скучаю я за Кугелем и Васей Бобр⟨ышевым⟩. Где Сусанна Суббоцкая?

Целую крепко, крепко.

Твоя Люся.

Привет Ж⟨енни⟩ Г⟨енриховне⟩, О. П. и Л. О.

85

Губер — Гроссману [20 февраля 1942 [499], Чистополь]

Родной Васенька! Давно нет от тебя ничего. Беспокоюсь очень. Дети здоровы — только почти не учатся — холодно. Денег у меня нет — занимаю. До сих пор справку о твоем заработке мне не при-

[499] Примечания: 499

Дата на штемпеле отправления открытки.

слали, несмотря на многочисленные просьбы. Жду тебя сюда. Будешь ехать, привези ниток и расческу. Хесин перевел некоторым деньги от Чагина[500], а мне нет. Видел ли Твардовского? Привет Ж⟨енни⟩ Г⟨енриховне⟩. Крепко целую, Люся.

86

Губер — Гроссману 22 февраля 1942, Чистополь

22. II. 42 г.

Васенька, солнышко мое светлое, радость моя! Получила сегодня твое письмо. Прошлое воскресенье — открыточку, сегодня тоже воскресенье. Сегодня я счастлива, только огорчило меня, что отъезд твой откладывается. Ведь я ждала тебя со дня на день. Очень рада твоей карточке. Вчера я снялась, через неделю пошлю тебе свою рожу.

Живу я неважно — главное, очень тоскую по тебе, потом дурит здоровье (была у врача, нашел вялость клапанов сердца и опущенную и повернутую печень, вероятно, подымая в колхозе тяжести, и свернула себе печень), но все это ерунда, главное — скорее видеть тебя. Плохо у меня

[500] Примечания: 500

Петр Иванович Чагин (1898–1967) в 1939–1946 годах был исполняющим обязанности директора Гослитиздата.

с деньгами — Хесин не перевел денег, просила справку о твоем заработке — не прислали мне. Сейчас все здесь очень дорого, раз в 5–6 дороже, чем когда был ты. Мартынова (жена редактора из Главлита) часто получает посылки с фронта от мужа. Ей он присылает мыло и съестное. Мне нужно мыло, открытки, конверты и тоже съестное. Если пришлешь что-нибудь, буду тебе очень благодарна. Гехт в Москве, там же Мунблит. Я собираюсь перебраться в комнату Гехтов, если мне ее даст Союз. На днях выяснится, получу или нет. Здесь жить (на этой квартире) дорого и очень тяжело зависеть от настроения хозяев. Особенно когда хозяин выпьет или же когда дети шумят и плачут, а потом ведь зимние месяцы этот угол обходится мне 225 руб. в мес. Комната же Гехта в доме Литфонда, и придется платить за нее руб. 10 и дрова. Васеночек, тебя огорчила моя открытка, мне больно это. Васенька, сколько писем писала я тебе за это время, полных любви, тоски, но иногда уже начинаешь и сдерживать свои излияния, не зная, дойдет ли до тебя письмо. Приехал ли Твардовский? Он бы рассказал обо мне. Завтра 23 февраля, жду радио с нетерпением, чтобы узнать о наших победах. Очень мне плохо без газеты. Если бы ты смог выписать мне «Красную звезду».

Может быть, можно перевести деньги из Москвы с сберкнижки? Я здесь позадолжала деньги кругом, хотя очень экономлю. Гольцев здесь будет недели 2. Васенька, приезжай скорей. Скажи, что жена у тебя нездорова. Возьми побольше отпуск. А когда ты будешь писать роман для «Красной звезды»?

Целую крепко,

твоя Люся.

87

Губер — Гроссману 22 февраля 1942, [Чистополь]

22. II.42 г.

Васенька, родной мой!

Сейчас $10^1/_2$ ч., время мое спать уже давно вышло, но хочется написать тебе еще несколько строк. Во-первых, к моему огорчению, с комнатой Гехта у меня ничего не вышло — ее взял Гордон[501] для творческой работы. Во-вторых, Миша говорил с врачом, который слушал меня, — это

[501] Примечания: 501

Илья Зиновьевич Гордон (1907–1989) — писатель на языке идиш и русском языке, с осени 1941 года до лета 1942-го находился в эвакуации в Чистополе, затем ушел добровольцем на фронт, в 1942–1946 годах писал для газет «За победу» и «Советский артиллерист» Третьего Белорусского фронта.

врач Литфонда, она сказала, что опасного со мной ничего пока нет, только нельзя работать. Огорчаюсь очень, что приезд твой опять далеко. Постарайся его ускорить. Целую своего хорошего мужа крепко. Твоя Люся.

Спасибо за фотографию, она доставляет мне много радости.

88

Гроссман — Губер 25 февраля 1942, [Юго-Западный фронт]

25 февр. 42

Мое ясное солнышко, сегодня приехал, и сегодня счастливейший мой день. Письмо и милая посылочка твоя, подробный доклад Твардовского, которого я замучил расспросами о тебе — «а как она выглядит, а что делает, улыбается ли». Ну, словом, тысяча вопросов. Но мало того, Эренбург прислал твои письма, адресованные в Куйбышев. Пять писем! Мало того — открытка, посланная тобой на 28-ю почту. Можешь, Люся, гордиться — столько счастья человек доставил человеку, словно ты и не человек, а божество. Спасибо тебе, моя ненаглядная, за эту великую радость. Получил милые открыточки от Миши и Феди. Я к ним привязываюсь все больше и люблю их.

Моя хорошая жена — будь крепкой душевно, береги себя и ребят, я ведь должен снова вернуться к тебе и продолжать нашу неразлучную жизнь. Будет у нас чудесная, дружная жизнь, будет наша большая любовь. Не будет разлук. О себе расскажу — я последние 2 месяца почти в постоянных разъездах. Иногда за день — видишь столько, сколько не увидишь в другое время и за 10 лет. Стал я теперь худым: взвешивался в бане, оказывается, вешу 74 кило, а помнишь мой жутки[й] вес год тому назад — 91. Сердцу теперь лучше совсем стало — после этой поездки чувствую себя совсем хорошо. Летел сюда на открытом самолете и видел двух лисиц и много зайцев. Самолет шел бреющим полетом, и это зверье в ужасе от него удирало — очень было занятно. Вообще часто думаю — ах, почему Люси тут нет, вот бы она поглядела. Но иногда не думаю этого — много здесь картин не для твоих милых глаз и не для твоего сердечка. Стал я теперь опытным фронтовиком — мгновенно по звуку различаю, где что происходит — огневой ли налет, рвутся ли мины или снаряды, чьи пулеметы стреляют, отчего дым да почему пламя и пр. и пр. Должен похвастать перед тобой — вчера состязался в стрельбе с знаменитым командиром

мотострелкового батальона, и попаданий у меня было больше, чем у него, — удостоился высокой похвалы. Праздник Красной армии провел у танкистов — какие гостеприимные, заботливые люди. Чудесные люди.

Знаешь, моя любимая, я часто думаю — ох, должно быть, крепко люблю я тебя, если вся эта огромная масса событий, все эти сотни ярких людей, сотни удивительных происшествий ни на миг, ни на секунду не ослабляют моей тоски по тебе — она словно огненная игла прошила меня всего. К сожалению, не могу порадовать тебя назначением точного срока нашего свидания — редактор мой ничего определенного сейчас мне не обещает. Поэтому, родная, не считай дней, помни, ведь миллионы людей теперь живут в разлуке с близкими. Помни, что люблю тебя больше жизни и что любовь наша не погаснет никогда. Повторяю, возможно, увидимся скоро, возможно, что отложится на месяц-полтора. Я и сам стараюсь себя взять в руки, чтобы меня не лихорадило. Теперь о делах.

Справку вышлю в ближайший день-два. Телеграмма о переводе тебе денег из издательства «Красная звезда» послана, — следовательно, получишь их на днях, если перевод не задержится.

С посылкой, увы, дело не вышло, перестали их принимать. Теперь о Сберкассе — я имел глупость перевести деньги в Куйбышев, попытаюсь переправить сберкнижку на твое имя, завтра буду хлопотать об этом.

Люсенька, ты не думай, что мой отпуск откладывается вовсе. Наоборот, приехавший из Москвы товарищ подтвердил желание редактора дать мне отпуск для написания повести. Вопрос лишь когда — запасись же терпеньем, хотя я ведь знаю, что нелегко это.

Радость моя и счастье мое, целую твои глаза, руки, губы, твой Вася.

Пиши! Пиши!

Пусть дети пишут мне, мне их письма доставили много радости. Поцелуй их. Привет Твардовской, Саша ее жив, здоров.

Получила ли фото мое?

89

Губер — Гроссману [28 февраля 1942 [502]*, Чистополь]*

Васенька, родной мой! Все не могу смириться с мыслью, что ты приедешь так не скоро. Ведь

---

[502] Примечания: 502
Дата на штемпеле отправления.

я ждала тебя в феврале — начале марта. Все готовила вещи, которые любишь ты, чтобы угостить тебя. Стосковалась очень по тебе. Живу в постоянной заботе о ребятах, может быть, это и хорошо — меньше думаешь. Хесин денег не шлет, Хохлов[503] требует задолженность за ребят. Федя у меня совсем. Миша тоже целый день здесь. Он получил уже паспорт на 5 лет.

90

Гроссман — Губер 1 марта [1942, Юго-Западный фронт]

Милая моя Люсенька, перевел тебе сберкнижку, послал ее в Куйбышев. Надеюсь, недели через 3 она будет у тебя. На книжке 2415 руб. Послал ее по куйбышевскому адресу: Куйбышев, ул. Куйбышева, № 93, Сберкасса № 28. Оттуда они перешлют вклад в Чистополь — Сберкасса № 2555. Сможешь сразу получить 1000 руб., т. к. я 5 месяцев не брал денег. Получила ли перевод из «Кр⟨асной⟩ звезды»? Скучаю по тебе, хочу видеть. Думаю о тебе и день и ночь. Целую тебя много раз, Вася.

Поцелуй ребят.

---

[503] Примечания: 503

Яков Федорович Хохлов — представитель Литфонда в Чистополе, директор интерната для писательских детей.

1 марта.

91

Гроссман — Губер 2 марта 1942, [Юго-Западный фронт]

2 марта 42

Моя милая и хорошая Люсенька, отправил тебе через Куйбышев сберегательную книжку и перевел деньги из издательства. Получила ли перевод? А книжка сберегательная будет, вероятно, долго путешествовать — месяц, не меньше. Перечитываю твои письма каждый день — радостно и горько от этого. Все оттягивает мой редактор отпуск — ничего определенного не говорит по поводу отпуска. Обе открытки, которые ты послала по полевой почте, я получил. Жаль, что ты мало пишешь по этому адресу. Он верный. Получил письмо от Кугеля, нашелся он — в горьковском крае.

Родная моя, крепко целую тебя и скучаю по тебе день и ночь. Твой Вася.

Поцелуй ребят.

Твардовского последние дни не вижу — он уехал в командировку.

Кошенька, на письмах ставь число!

92

Гроссман — Губер 4 марта 1942, [Юго-Западный фронт]

Милая моя и хорошая, я уже заметил, что в жизни ни одна радость не приходит даром, надо за нее платить, и платить дорогой ценой. Вот так и сейчас — за большую радость, полученную в день твоих писем и милых подарков, я сейчас плачу ужасным беспокойством по тебе. Пишет Ж⟨енни⟩ Генр⟨иховна⟩, что уже около месяца писем от тебя нет, что Миша написал ей, что ты больна, худеешь, не ешь. Счастье мое, что с тобой? Родная моя, хорошая, любимая моя, не нужно болеть, не нужно худеть. Слышишь, единственная моя? Ты себе не представляешь, как тяжело мне от этих тревожных вестей. Кажется, взял бы тебя на руки и нянчил бы, грел, сердце, кровь бы всю тебе отдал, а ты там одна лежишь больная. Люсенька, радость моя и горе мое, прошу тебя, если это у тебя от тоски по мне, то сделай все, чтобы оказаться сильней этого болезненного чувства. Введи себя в норму, ешь, спи, старайся развлекаться, побольше видайся с людьми, ходи в гости по вечерам, ходи в кино, словом, оживи себя, заставь есть. Чуешь, сердце мое? Ну а если это не от души бо-

лезнь, родная моя, что мне с тобой делать тогда? Пойди к врачу, самому лучшему, если нужно будет лечение любое, я тебе здесь отхлопочу нужные бумаги. Не теряйся, мое счастье. Помни, что я день и ночь с тобой, что я день и ночь думаю о тебе. Снова мне подтвердил редактор, что отпуск мой будет. Но ты ведь понимаешь, что не в моей силе и власти назначить его на сегодня или на завтра. Уверен, что это вопрос месяца, не больше. Ну очень прошу тебя, родная моя, больше жизненной силы, больше энергии. Помни, что` ты мне писала в одном из своих писем — мы с тобой как одно целое, твоя жизнь — это моя жизнь, твое здоровье — это мое здоровье, твое счастье — это мое счастье.

Пиши мне, моя родная, всю правду о себе, не скрывай ничего.

Я уже писал тебе, что перевел на твое имя в Чистополь, на Сберкассу № 2555 сберкнижку. Ты сможешь сразу получить 1000 руб., и, кроме того, останется там еще 1400, которые будут выплачиваться по 200 р. в месяц. Думаю, что в течение марта эта книжка дойдет до тебя, сказали мне, что примерно месяц займет ее путешествие. Кроме того, просил издательство перевести тебе денег, получила ли их уже? Люсенька, очень прошу те-

бя, продай часть моих вещей (либо все), купи себе масла, молока. Кончится война, мы все это вновь приобретем, а теперь ведь все это абсолютно не нужно. Также скатерти и всякое другое барахло — чуешь, хорошая моя, обязательно сделай это. И ребят подкормишь. Не нужно, моя родная, худеть дальше, слышишь? Не нужно. Нельзя. Ни в коем случае нельзя.

Может быть, ты читала, как М. И. Калинин хвалил один из моих рассказов, напечатанных в «Красной звезде». Мне было это очень приятно и очень приятно было, что ты, верно, тоже прочла статью эту Калинина[504].

На днях должен быть напечатан мой очерк о красноармейце[505]. Писал я его с любовью к этому прекрасному человеку; когда получу газету, пришлю ее тебе. Это, пожалуй, лучшее, что я

---

[504] Примечания: 504

Михаил Калинин упоминает рассказ Гроссмана «Старик» в своей статье «Всё для войны, всё для победы», впервые напечатанной 23 февраля 1942 года в газете «Социалистическое земледелие»: «Великолепная иллюстрация проявления народного героизма и мщения приведена в рассказе Вас. Гроссмана „Старик“, напечатанном в газете „Красная звезда“ от 8 февраля этого года» (Калинин 1942: 86).

[505] Примечания: 505

Очерк «Бывалый боец», опубликованный в «Красной звезде» 7 марта 1942 года (Гроссман 1942a); позднее публиковался под заглавием «Красноармеец» (Гроссман 1942g: 111–117). Главный герой очерка — красноармеец Иван Семенович Канаев. Гроссман подробно описал разговор с ним в «Записных книжках» (Гроссман 1989a: 336–339).

писал для газеты, хочу, чтобы ты прочла.

Родная моя, ясная моя.

Целую тебя, будь здорова. Молю тебя — будь здорова!

Твой Вася.

4 марта 42 г.

93

Гроссман — Губер [5 марта 194 2[506], Юго-Западный фронт]

Милая Люсенька, послал тебе вчера большое письмо, полное беспокойства о твое⟨м⟩ здоровье. Сегодня это беспокойство еще больше, не знаю прямо, как там с тобой, моя родная. Жду с огромным нетерпением вестей от тебя, мое ясное солнышко.

Как живешь ты, что там с тобой? Я на днях снова поеду в командировку, а после этого вернусь, и начнется у меня разговор с редактором об отпуске. Надеюсь, что будет он благоприятен. Солнышко мое, целую тебя тысячу раз. Тоскую по тебе бесконечно. Будь здорова.

Твой Вася.

Поцелуй ребят, пусть пишут мне.

---

[506] Примечания: 506

Дата отправления письма полевой почтой.

94

Гроссман — Губер 6 марта 1942, [Юго-Западный фронт]

6 марта 42

Милая моя Люсенька, послал тебе вчера открытку, а позавчера письмо. Ничего нового за эти 2 дня не произошло — все по-старому. Люблю тебя, тоскую по тебе и бесконечно волнуюсь мыслями о твоем здоровье. Неужели до сих пор стоят у вас такие морозы злые?

Получил вчера письмо от папы из Самарканда (Заводская ул., № 20). Живется ему скверно, он один, а в Москву его пока не пускают. Солнышко мое ясное, целую твои глаза, руки. Будь здорова, будь умницей. Будь терпелива. Ведь великие испытания для тысяч тысяч. Видел я на фронте одного полковника, который на фотографии в газете узнал свою жену и двух детей, замученных немцами. И этот держался крепко, сурово. Что же нам говорить, надо зубы стиснуть и воевать до конца. Целую тебя, мое счастье, Вася.

95

Гроссман — Губер 7 марта 1942, [Юго-Западный

фронт]

7 марта 42 г.

Милая Люсенька, пользуясь тем, что сижу сейчас на месте, пишу тебе ежедневно. Перечел сегодня все твои письма и открытки, начиная с того, что написала из поезда, помнишь, когда в июле уезжала? Милое мое солнышко, я отдохнул за эти 10 дней — чувствую себя хорошо, написал за это время 3 очерка[507]. Думаю все о тебе, думаю, думаю. Вероятно, дня через 2 снова поеду дней на 10–12. В поездке мне лучше, спокойней на душе, но ни усталость, ни сильные всякие переживания не мешают мне тосковать по тебе, родная. Писал тебе, что перевел сберкнижку. Надеюсь, дойдет до тебя. Как твоя рука, как сердце? У нас тут снова морозы, весны как не бывало. Родная моя, если можешь, развлекайся побольше, видайся с людьми, ходи в гости. А то ты мучишь себя, а я мучусь от беспокойства, что ты болеешь. Увидимся мы с тобой, радость моя,

---

[507] Примечания: 507

Помимо очерка «Бывалый боец» (Гроссман 1942a), речь, вероятно, также об очерке «Слово о шахтерских полках», который был завершен в конце февраля или начале марта 1942-го (Гроссман 1942g: 108–111). О поездке в шахтерские полки см. письмо Гроссмана к отцу от 25 февраля 1942 года (с. 207). Предположительно, в первой половине марта также были написаны очерки «Дружба» (Гроссман 1942g: 104–108) и «Артиллеристы» (ЦАМО. Ф. 179. Оп. 351175. Д. 22. К. 01552. Л. 16–24), не принятые к публикации в «Красной звезде».

будь мужественна и терпелива. Все будет хорошо. Целую тебя крепко, твой Вася.

Поцелуй ребят.

96

Гроссман — Губер 9 марта [1942, Юго-Западный фронт]

9 марта

Милая Люсенька, пишу, пишу тебе беспрерывно. А от тебя ни слова. Последнее письмо твое послано с Твардовским почти полтора месяца тому назад. Что с тобой, радость моя? Здорова ли ты? Получаешь ли хотя бы письма мои? Не знаю, что и думать. В голову лезут самые черные мысли. Ведь не забыла ты меня?

Завтра, вероятно, поеду в командировку. Пробуду в ней около двух недель. У нас тут потеплело, солнце пригревает, и поездка будет в этом отношении легче зимних. Намерзся я за эту зиму крепко. Получаю тут письма — от Гехта, Атарова[508], Кугеля, Фраермана, даже от папы из Самарканда пришло письмо, а от самого любимо-

[508] Примечания: 508

Николай Сергеевич Атаров (1907–1978) — писатель, фронтовой корреспондент. В 1948–1956 годах состоял в редколлегии «Литературной газеты», в 1955–1956-м был главным редактором журнала «Москва». Об отношениях Атарова и Гроссмана см.: Липкин 1990: 99.

го, самого близкого, самого дорогого и нужного мне человека, от Люсеньки моей, писем все нет и нет. Родная моя, будь здорова, очень тебя прошу об этом. Береги себя, моя драгоценная. Я всегда думаю о тебе. Ночью проснешься, знай, что я думаю и ночью о тебе. Целую тебя, моя радость, твой Вася.

Поцелуй ребят.

97

Гроссман — Губер 10 марта 1942, [Юго-Западный фронт]

Милое мое солнышко, завтра уезжаю в командировку. Был черен от мысли, что уеду, так и не получив весточки и 2 недели не буду знать ничего о твоем здоровье.

И вдруг сегодня письмо. Спасибо, радость моя. Не представляешь себе, как я счастлив, точно камень с сердца сняло. Спасибо, мое счастье.

Пишу тебе много и часто. Получаешь ли мои писания?

Получила ли перевод денежный? Перевел тебе сберкнижку, должна прийти к концу марта в Чистополь.

Посылаю тебе очерк — его очень сильно сократили в редакции и, конечно, то, что особенно мне

нравилось[509]. Очень жалко. И конец отрезан, видно, не влез. Ну да бог с ним — привезу тебе, когда приеду, полный.

Люсенька, родненькая, может быть, тебе надоели мои излияния, но, ей-богу, мог бы писать тебе целые книги нежных, любовных слов. Любовь ты моя, счастье мое. Береги себя, моя ясная.

Целую твои глаза, руки, губы.

Твой Вася.

Передай Твардовской, что Саша ее еще в командировке, звонил вчера по телефону. Ее письмо пришло, ждет его. Он, вероятно, вернется через неделю.

10 марта 42 г.

Поцелуй ребят. Так береги же себя, Люсенька. Послал бы тебе еще одну фотографию, но я на

---

[509] Примечания: 509

Очерк «Бывалый боец» (Гроссман 1942a). См. о нем письмо Гроссмана к Губер от 4 марта 1942 года (с. 344). Позднее был опубликован в журнале «Знамя» под заглавием «Красноармеец» (Гроссман 1942g: 111–117). В газетной публикации был существенно сокращен разговор главного героя Ивана Канаева с молодыми красноармейцами, опущены фрагменты, рассказывающие о страхах, которые испытывают новобранцы в бою, сокращены некоторые диалоги и снят финал очерка. В журнальной публикации, в отличие от «Красной звезды», также есть описание пути Канаева на фронт: «Ехать на фронт было страшно. Много болтали разные люди о немецкой авиации, о немецких танках. И в воображении Канаева рисовались картины, пожалуй еще более грозные, чем грозная действительность тех тяжелых дней. Особенно жутко бывало ночью, когда эшелон стоял на станциях, в темноте. Словно тени проплывали вагоны, лучи прожектора быстро и бесшумно ощупывали темное летнее небо, люди говорили вполголоса. И вдруг вой сирен и

паровозные гудки взрывали тишину» (Гроссман 1942*g*: 113).

ней такой носатый, что боюсь посылать, — еще разлюбишь. Я тебя тут даже ревновать начал.

98

Гроссман — Губер 11 марта 1942, [Юго-Западный фронт]

11 марта 42 г.

Милая Люсенька, рад и счастлив твоему письму, второй день спокойно на душе. Очень бы хотелось, чтобы удался переезд в большую комнату. Спокойней и удобней тебе будет. С нетерпеньем жду письма с твоей фотографией[510]. Дошла ли до тебя сберкнижка? Все же маленькое подспорье. Сегодня пишу Чагину грозное письмо, чтобы перевел тебе деньги — остаток. Береги себя, моя родная, помни о своем больном сердечке. Я, вероятно, уеду сегодня вечером либо завтра утром — писал тебе уж об этом, пробуду в командировке недели 2. Постараюсь и оттуда писать тебе. Все

[510] Примечания: 510

Федор Губер цитирует в своей книге письмо Ольги Михайловны от 16 марта 1942 года, отсутствующее в нашем корпусе: «…Наконец я перебралась в комнату, где отдыхаю от хозяев… Федя и Миша со мной. Сегодня я взяла свои фото и посылаю тебе. Снималась я у фотографа на рынке, но вышло сносно… Если б ты знал, сколько радости приносят твои письма… Уже пятый месяц, как не вижу тебя. Все мысли мои с тобой, а живу я как-то, сама не знаю как, как автомат… Целую тебя крепко, крепко. Твоя Люся» (Губер 2007: 50).

мои мысли с тобой. Надеюсь, у вас уж не так холодно, как было в феврале. Остался ли кто-нибудь из писателей, или одни лишь семьи в Чистополе? Полон надежд на наше свидание. Целую тебя, моя радость, много раз,

твой Вася.

Поцелуй ребят. Вчера послал Феде открытку. И Мише писал.

99

Гроссман — Губер 25 марта 1942, [Юго-Западный фронт]

25 марта 42 г.

Моя милая и хорошая, прилетел из довольно далекой поездки. Стал я теперь настоящим летчиком, единственный вид транспорта, который я признаю и люблю.

Получил телеграмму от редактора следующего содержания: «Редакция решила предоставить вам творческий отпуск на май месяц». Я написал редактору о твоей болезни и просил ускорить, если возможно (это вряд ли будет). Меня смущает, как добираться к вам, моя любовь, единственная, ведь скоро Кама тронется — тогда ни проехать, ни пройти. И я буду терять драгоценные дни, сидя где-нибудь на берегу и ожидая, пока лед пройдет.

В общем, радость моя, будь терпелива и спокойна — иначе трудно жить. А нам с тобой еще долгая жизнь впереди. Отпуск этот будет, но не нужно себя нервировать, как ты это делаешь, ведь время военное, и поэтому люди прежде всего подчиняются делу и необходимости.

Прости, родненькая, за эту проповедь, но Миша мне написал, как ты теперь больна и слаба, и я думаю, многое тут от душевных волнений и нервов. Поэтому, радость моя, давай условимся так — на считай часов и минут, а помни твердо, как помню это я, — едва получу разрешение — не потеряв ни минуты приеду к тебе. Целую твои милые руки, мое ясное солнышко.

Получила ли ты сберкнижку, перевел ее в самом начале марта? Телеграфирую в редакцию, чтобы тебе снова выслали гонорар за очерки мои. Выслал в редакцию заявку на новый твой аттестат. Вчера приехал Саша Твардовский — выглядит хорошо, здоров, стал от ветра бронзовым. Получаю письма от папы, ему очень неважно. Он много о тебе спрашивает, помирился с тобой. Как бы мне хотелось перетащить его к тебе, там он совсем худо живет. Твою открытку, письмо, еще открытку получил. Переслала мне Жен⟨ни⟩ Ген⟨риховна⟩ твои письма из Москвы, насла-

ждался, читая их. Спасибо тебе, радость моя, что пишешь часто. Это самые светлые минуты моей жизни — чтение твоих открыточек и писем. Рад, что ты на новой квартире.

Целую тебя много раз. Твой Вася.

Поцелуй ребят, получил их письма.

Ну вот, солнышко мое, отпуск мне уже официально обещан, ведь до этого были лишь разговоры: будем же ждать терпеливо, и не мучь себя, моя голубоглазая.

Да, приехал главлит, говорит, Гехт сюда собирается, недельки на 3.

Люсенька, только что получил извещение, что сберкнижка переведена тебе 14 марта по старому твоему адресу (Октябрьск⟨ая⟩, 16).

100

Гроссман — Губер 29 июня 1942, [Москва]

29. VI.42

Милая Люсенька, вот я уже третий день в Москве. Приехал я в субботу вечером, в редакцию не пошел, а заехал домой, помылся, почистился. В этот же вечер пришла Маруся, а вскоре за ней Гехт, Богословский, Кугель. Расскажу по порядку. Маруся выглядит плохо, у нее опухли ноги, как и у Жен⟨ни⟩ Генр⟨иховны⟩. Петр

Иванович чувствует себя значительно лучше, он живет на даче, возится все время с огородом. С Джином беда — он поймал ворону и проглотил ее вместе с перьями, когтями и клювом — заболел и издох.

Кугель выглядит чудно — весел, оживлен, много работает. Гехт и Богословский тоже глядят молодцами. (Они не глотали ворон.) Москва очень приятна, нарядна, бульвары и скверы в цветах и красивых газонах.

Я еще у начальства не был, пойду после двух часов, а вчера было воскресенье, и я провел день с друзьями. Ночевал у Гехта, вместе с Кугелем. От него и пишу тебе письмо. Вчера узнал приятную новость об Андроникове — он в полном порядке[511]. Сегодня передам письма в Клубе. Посылки Литфонда до сих пор лежат в Москве. Жен⟨ни⟩ Генр⟨иховна⟩ уже две отнесла и сегодня отнесет третью, уже составленную по твоему списку, который я привез.

От папы много писем, он в очень тяжелом поло-

---

[511] Примечания: 511

Ираклий Луарсабович Андроников (1908–1990) — писатель, литературовед, телеведущий. С января 1942 года вступил в ряды Красной армии, служил военным корреспондентом; «в период боев за Ржевск находился на передовой в войсках генералов Лелюшенко и Поленова» (наградной лист ордена «Красная Звезда»: ЦАМО. Картотека награждений. Шк. 4. Ящ. 2).

жении, болеет, было у него что-то вроде гангрены, он долго лежал один без всякого ухода. Не знаю, удастся ли получить для него визу на возвращение в Москву. Попробую, во всяком случае.

Появились маленькие (совсем маленькие) надежды на то, что Вася Бобрышев цел. Кто-то где-то видел его. Катю Строгову[512], кажется, видели в Куйбышеве.

Моя любимая, я ужасно сожалею, что уехал в четверг, — ведь попал все равно в воскресенье в Москву, мог уехать на день позже. Как-то ты живешь, моя любая, выполняешь ли мои заветы? Как шуба? Напиши мне о себе и всех делах подробно. Крепко целую тебя.

Твой Вася.

Поцелуй ребят. Пиши!

Получила ли две моих срочных телеграммы — одну из Москвы, вторую еще с Казанского вокзала?

101

Гроссман — Губер 2 июля [1942, Москва]

---

[512] Примечания: 512

Писательница и участница группы «Перевал» Екатерина Григорьевна Строгова (Органова; 1903–1984). Первым браком была замужем за Иваном Ивановичем Катаевым, вторым — за Иваном Тихоновичем Бобрышевым (1903–1938), братом Василия Бобрышева.

Моя милая и любимая Люсенька, вот уж 5 дней, как я в Москве. Работа моя будет перепечатываться еще дней 5, лишь после этого начнут читать ее. Читал я ее товарищам — встретили ее значительно холодней, чем в Чистополе. Это меня огорчило. Посмотрим, как отнесется к ней редакция. Я полон мыслей о тебе, твоих делах. Разговаривал с Хмарой[513]. Он послал телеграмму Хохлову о помощи тебе. Перевел позавчера 1000 руб. через Хесина, надеюсь, ты их уже получила. На днях снова получу деньги и таким же образом переведу их. Посылки ушли позавчера. Новую посылку по твоему заказу отправить с этой партией не удалось. Она уже упакована и, вероятно, пойдет в августе.

Узнал новости о многих друзьях и знакомых. Передай Вале, что расспрашивал многих о Федоре Марковиче[514], но получил лишь подтверждение того, что она уже знала в Чистополе. Правда, мне

---

[513] Примечания: 513

Василий Васильевич Хмара (1895–1948) — в 1941 и 1942 годах директор Литфонда.

[514] Примечания: 514

Федор Левин, работая в редакции фронтовой газеты Карельского фронта, в апреле 1942 года был арестован по доносу четырех писателей (А. Коваленкова, Ф. Ваграмова, В. Гольцева, В. Курочкина), осужден и отправлен в Беломорский лагерь. Приговор был пересмотрен в Москве, и Левин вышел на свободу 29 октября 1942 года (Левченко 2015: 115).

не удалось повидать Гольцева и Лифшица[515]. Как только увижу их, напишу ей. Остальные лишь подтверждают то, что рассказывал Ильенков.

Гринберг и Лариська[516] живут в Пятигорске, живется им очень хорошо. Они прислали веселое письмо. Саша Беньяш болен, лежит в санатории в Ленинграде. Ему в свое время предлагали уехать, но он отказался, не пожелал оставить работу. Представь, нашелся Вадя. Он уже у Тамары, они вместе живут в Пятигорске. Выяснил подробней о Кате Строговой. От нее давно уже нет писем, около 4 месяцев. Девочка ее живет вместе с сестрами Бобрышевыми[517]. Фраерман тяжело болен, у него обмороки постоянные, он разбил себе лицо, упав без сознания на улице. Его вчистую освободили от службы, зачислили в инвалиды Отечественной войны, дали пенсию. Сейчас он

---

[515] Примечания: 515

После ранения и выхода из окружения осенью 1941 года Михаил Александрович Лифшиц был переведен с действующей службы во флоте на должность литработника.

[516] Примечания: 516

Литературный критик Иосиф Львович Гринберг (1906–1980) и его жена Лариса Владимировна Левинская.

[517] Примечания: 517

У Василия Тихоновича Бобрышева было две сестры: Екатерина (1907–1970), работавшая редактором в издательстве «Детская литература», и Ольга (1910–1999).

с Валентиной Сергеев(ной)[518] уехал в Солотчу. Нужно надеяться, поправится там хорошо.

О Жене и Вероничке противоречивые сведения. По одним — они едут в Москву, Женя будто бы завербовалась работать на одном из московских заводов, по другим, они остались на месте, где были. Ида обещала помочь вызвать папу на работу. Вызов семей, говорят, последним постановлением прекращен и делается лишь с личного разрешения наркома внутр(енних) дел. Дела Соловьевой и Нины Мунблит в порядке. Жди, родненькая, жди, все будет хорошо. Мы вместе будем в Москве.

Живу дома — ночую то у Богосл(овского), то у Гехта. Мы с ними не расстаемся целые дни, а каждый вечер после работы приходит Кугель. Бытовые условия хорошие.

Крепко тебя целую, моя любимая, скучаю по тебе, твой Вася.

Пиши, пиши мне! Поцелуй ребят. Привет Асе-

[518] Примечания: 518

Валентина Сергеевна Фраерман (*урожд.* Скрыльникова) — жена Рувима Фраермана.

еву, Пастернаку, Дерману[519] и дамам — Вере, Генриетте, Зине[520].

Что с шубой?

Ешь побольше масла, яиц!!!

Твардовский на фронте, скоро должен приехать.

2 июля.

102

Губер — Гроссману 2–4 июля, 7 июля [1942, Чистополь]

2/VII — 3/VII — 4/VII

Грустно что-то мне, родной мой! Радио не радует меня. Так хочется быть с тобой, поговорить. Такая тоска. Жду с нетерпением письма от тебя. Васенька, хороший мой, пиши чаще. Получила от тебя деньги вчера — большое спасибо. Я успевала уже задолжать — отдам долги. Вот только

---

[519] Примечания: 519

Абрам Борисович Дерман (1880–1952) — писатель, литературовед; в 1941–1943 годах жил в Чистополе. В 1946 году написал статью о сборнике «Годы войны» Гроссмана с положительной оценкой книги (Дерман 1946), за что затем подвергся резкой критике (см. об этом: Бочаров 1990: 159–160). Подготовил три текста для «Черной книги».

[520] Примечания: 520

Речь о Вере Михайловне Гехт, Генриетте Савельевне Адлер (1903–1997; художнице, жене Сергея Бондарина) и Зинаиде Николаевне Пастернак.

не знаю, отдавать ли сейчас долг наш Шкапскому, долго слишком держим деньги его. Очень хочется знать мне, как обстоят дела с повестью. Как назвал ты ее? Скоро ли пришлешь мне экземпляр повести?[521] Наверное, сейчас она уже перепечатана. Сегодня Хохлов вызвал меня к себе и показал телеграмму от Хмары, в которой Хмара просит сделать все, что возможно, для меня. Хохлов просил меня составить список необходимых мне вещей и принести ему. Все время льет у нас дождь — грязь, невозможно пойти в поле полоть. Послала тебе письмо с Таней Лагиной. Она, кажется, сегодня уехала пароходом. Жив ли Джин?

Между прочим, в военкомате так и случилось, как говорили, — работали около 80–100 человек — получат карточку 300. Участки еще не делили, все льет дождь. На днях Миша принес свой заработок за 4 дня июня — 54 рубля. В банке ему стало легче работать.

7/VII. Пишу тебе, родной, письмо уже 5 дней, чтобы передать его с Павленко, а он, кажется, сегодня уехал. Все спрашивала, говорит, не скоро. Пошлю, если уехал, почтой. Сегодня получила твое письмо, спасибо. Очень обрадовалась ему.

---

[521] Примечания: 521

Здесь и далее в письмах июля — августа 1942 года речь о повести «Народ бессмертен», которую Гроссман закончил 22 июня 1942 года.

Рада, что Кугель бодр и весел. Думаю, что последние дни и у него сшибли веселие. Сегодня что-то у меня очень болит спина и голова — были прохладные ветреные дни, а я ходила в жакете. Завтра хочу пойти в мастерскую отдать сшить подаренное пальто. Хохлов обещал помочь в приобретении кое-чего, а пока очень мне холодно без пальто. Как в Москве? Хорошо бы С⟨емена⟩ О⟨сиповича⟩ перетащить в Чистополь. В милицию меня больше не вызывали. Подала прокурору заявление с просьбой наложить арест на имущество воров. Хорошо бы, если будет возможно вернуть деньги Твардовской, а то она прошлый месяц забыла получить в военкомате деньги, а теперь дадут только 23-го. До сих пор с ней я не говорю, да и не хочется. Очень раздражает она меня своей самоуверенностью. Злит меня бесконечно Гордон, который хочет в армию «только писателем».

Привет тебе от Генриетты. Опять она стонет — нет 10 дней от мужа писем.

Передай всем привет. Особенно Кугелю.

Целую тебя крепко. Очень бы хотелось быть сейчас с тобой, особенно сейчас.

Твоя Люся.

103

Гроссман — Губер 5 июля 1942, [Москва]

5. VII.42 г.

Милая Люсенька, вот уже неделя, как я сижу в Москве. От тебя весточки нет. Жду с нетерпением, хожу к ящику смотреть, но сам знаю, что рано еще ждать письма. Повесть моя все еще перепечатывается, не спешат машинистки. Пробуду здесь еще изрядно времени.

Знаю, насколько невесело тебе в Чистополе, но рад, что ты с детьми там — спокойно и тихо. Раньше осени думать о поездке нельзя. Солнышко мое ясное и родное, береги себя, не переутомляйся, не работай через силу. Ешь, ешь побольше. На днях снова переведу тебе денег. Люблю тебя, моя ясненькая, и тоскую по тебе. Обо мне не волнуйся — все будет хорошо, лишь бы ты здорова была. Целую тебя крепко, твой Вася. Поцелуй детей. Привет всем знакомым.

104

Гроссман — Губер [6 июля 1942, Москва]

Милое мое солнышко, как будто есть оказия

послать письмо — едет Нусинов[522]. Спешу написать тебе несколько слов. Вчера, в воскресенье, устроили «семейный» обед — пришел Кугель, Гехт. Жен⟨ни⟩ Генрих⟨овна⟩ нам сварила зеленые щи и нажарила котлет. Пир был великолепен. Получил я карточки рабочие, рад, что Жен⟨ни⟩ Генр⟨иховна⟩ подкормится немного. Рукопись моя все еще перепечатывается на машинке, должно быть, послезавтра будет готова. После этого еще буду ее править, а после этого будут ее читать. Москва мне очень приятна сейчас — зеленая, нарядная, не шумная. В квартире нашей очень хорошо — чисто, деревья еще больше разрослись, и в комнате зеленая прохлада, неяркий свет. Ждет она тебя, моя родная хозяйка, приедешь и ты в нее. Только терпение и силу душевную нужно, чтобы подождать. Все будет хорошо, моя ясная.

Все время думаю о твоих делах и жизни. Нашлись ли зимние вещи? Как чувствуешь себя? Ешь ли достаточно? Помни, солнышко, что обещала мне. Питайся хорошо. Не скармливай все детям. Не переутомляйся, спи побольше. Старай-

---

[522] Примечания: 522

Литературовед и литературный критик Исаак Маркович Нусинов (1889–1950) жил в Чистополе в 1941–1942 годах. Активный участник Еврейского антифашистского комитета, с 1947 года подвергался гонениям, в 1949 году был арестован и умер во время следствия.

ся и днем часок поспать.

Ведь ты теперь тоненькая, хрупкая, нужно беречься, все время помнить о своем здоровье. Обещай мне это!

Беспокоит меня папино здоровье. Я тебе уже писал, что он тяжело заболел. А тут, как назло, писем нет от него — я уже послал ему телеграмму.

Сегодня ночевала у нас тетя Лиза. Ее везет Жен⟨ни⟩ Генр⟨иховна⟩ на операцию, должно быть, ляжет сегодня в больницу, все с глазами связано. Она стала совсем древней, но достаточно энергична и бодра.

Есть известия косвенные от Вени — он с Верой в Якутске. Должно быть, живется ему там неплохо, т. к. прислал весьма солидную посылку. В предыдущих письмах я писал тебе о всех наших друзьях. Надеюсь, ты письма эти получила, и поэтому не повторяю.

Родненькая моя, как сейчас ни приятно в Москве, но я все же радуюсь, что ты живешь на ул. Бебеля. О приезде сейчас с ребятами нельзя и думать. Надеюсь и верю, что осенью ситуация станет для вас всех московской, пока же сиди в Чистополе, будь благоразумна и береги свое драгоценное здоровье. Помни о нем! Не шутка это, Люсенька!

Я заключил договор со «Знаменем» на повесть. Аванс получу на этой неделе и тотчас вышлю тебе деньги через Хесина. Получила ли 1000 руб. — перевел через Хесина?

Сильно беспокоит меня, как будет встречена моя повесть. Ее ведь никто еще не читал. Редактор уезжает на неделю на фронт, приедет лишь в будущий понедельник. Словом, видно будет, как дело пойдет.

Из друзей встречаюсь с Гехтом, Кугелем, Богословским, часто вижусь с Габриловичем. Он очень мил.

Ты уже знаешь о гибели Петрова — он погиб при авиакатастрофе, вдали от фронта, уже по дороге в Москву[523].

Родненькая, пишешь ли ты мне, идут ли уже твои письма?

Тоскую по тебе, целую тебя крепко.

Твой Вася.

Поцелуй ребят.

Привет знакомым чистопольцам.

На днях получу плащ новый и сапоги, старые «отойдут» Мише.

---

[523] Примечания: 523
Писатель Евгений Петрович Петров (1902–1942) погиб 2 июля.

105

Гроссман — Губер 12 июля 1942, [Москва]
12 июля 42 г.

Милая моя Люсенька, вчера послал тебе телеграмму срочную о том, что повесть моя принята к печати в «Красной звезде». Ортенберг прочел ее, вызвал меня ночью и, представь себе, даже обнял меня и расцеловал, наговорил кучу самых лестных слов и сказал, что будет печатать повесть без сокращений всю, от первой до последней страницы. Можешь представить себе, что я был чрезвычайно обрадован. В связи с печатанием повести я задержусь еще в Москве, очевидно, на довольно длительный срок. Теперь посмотрим, как примет ее читатель. Вопрос это тоже немаловажный. Одновременно начал переговоры об издании книжки и, возможно, роман-газеты.

В общем, дело с повестью пока идет удачно, даже очень удачно — посмотрим, как дальше будет. Ну вот, это о повести. Родненькая, я очень чувствую твое отсутствие и в тяжелые, и в хорошие минуты жизни. Теперь так хотелось, чтобы ты была вместе со мной и вместе со мной порадовалась бы моему успеху, да, собственно, не моему, а нашему с тобой. Ведь у нас все общее, Люсенька,

в жизни — и успех, и неуспех.

Я все еще не привык к Москве, она в этом году как-то особенно очаровательна — зеленая, чистая, просторная, грустная немного.

Получил письмо от Гринберга. Расспрашивает много о тебе, Лариська с ним, живут они в Пятигорске, пишет, что похудел, а теперь снова стал поправляться. Получил письмо от Ковалевского. Он жив, здоров, письмо очень интересное — собирается он по поручению редакции своей газеты пойти к партизанам, описывать их жизнь. Получил телеграмму от папы — он здоров. И это хорошо — ведь болел он. Я не очень огорчен, что он сидит в Самарканде, тем более что приезжающие из тех мест говорят, жизнь там дешева, огромное обилие фруктов и овощей.

Представь, какой странный случай — у меня ведь в Казани украли 2700 рублей, вчера пришел в Гослитиздат, и бухгалтер откопал какой-то старый счет, по которому мне причитается точно эта сумма — 2700 руб.

Вообще, если повесть будет печататься нормально, там, где я предполагаю, дела наши материальные выправятся весьма и весьма. Я хочу лишь одного, чтобы ты поправилась, начала хоть немного толстеть. Слышишь, родненькая

моя?

Завтра переведу тебе через Упр(авление) авторских прав 1 тысячу. Получила ли ты ту тысячу, что выслал тебе неделю назад тоже через Хесина? Люсенька, родная моя, поправься обязательно и не пихай, ради бога, всю еду в детей — это меня приводит одновременно и в отчаяние, и в ярость.

Хорошо было бы также запасти тебе жиров на зиму. Деньги буду высылать тебе по мере получения. Помни, радость моя, что ты моя единственная — не суши себя. Спи побольше, не переутомляйся. Пусть душевное твое состояние будет спокойно. Не волнуйся, все будет хорошо, в войне мы победим немцев, и мы с тобой снова будем вместе жить в Москве.

Родная моя, почему не прислала мне ни одной телеграммы, ни одного письма? Завтра уже 2 недели, как я в Москве, а от тебя еще ни звука. А тут еще сегодня Чичеров[524] приехал, привез кучу писем, а от тебя нет. Я очень взволновался от этого. Пиши мне часто — и с оказиями и почтой, телеграфируй время от времени. Ведь теперь связь прилично работает. Гехт завтра уезжает на

---

[524] Примечания: 524

Вероятно, литературовед Иван Иванович Чичеров (1902–1971).

Юго-Западный фронт, а затем заедет в Чистополь. Приехал Твардовский, ему дали месячный отпуск. Он пишет поэму[525]. Я у него вчера ночевал, ну и выпили мы, естественно, «в плепорцию».

Мне очень жалко, что Гехт сейчас уезжает — мы с ним в этот мой приезд были особенно дружны.

Живет сейчас у нас тетя Лиза, с Витей она поссорилась, собирается к Наде, а пока поселилась у нас. Приятного в ней нет ничего, но уж очень жалка она, слепая совершенно. Ты уж не серчай, котинька, пусть пока поживет. Жен⟨ни⟩ Генр⟨иховна⟩ немного отъелась за время моего пребывания, стала почти такой, как в мирное время. Марусю последние дни не вижу, она, видимо, после работы ездит на дачу.

Родная моя, хорошая, береги себя, ешь побольше, следи за своим здоровьем. Помни, что это самое драгоценное, что есть у нас в Чистополе. Пиши мне часто, я беспокоюсь очень, когда долго нет от тебя вестей. Крепко целую тебя много раз, твой Вася.

Поцелуй ребят.

Привет Асееву, Дерману, Пастернаку и всем дамам. Сражайся в маджонг! Надо тебе развлекаться

---

[525] Примечания: 525

Речь о поэме «Василий Теркин». О ней же см. письмо Гроссмана Ольге Губер от 28 июля 1942 года (с. 370).

немного, а не только смотреть, как ссорятся Миша с Федей, и с утра до ночи быть их прислугой. Слышишь, Мурчиса?!

Люсенька, меду покупай! И ешь!

106

Губер — Гроссману 14 июля [1942, Чистополь]

14. VII

Васенька, солнышко мое светлое! Сейчас узнала, что Павленко еще здесь, и пишу с ним еще одно письмо. Первое лежит у него дней десять. Была я очень рада твоей телеграмме, где ты говоришь о рукописи. У меня как раз был Асеев, и он обещал послать телеграмму тебе от меня. В воскресенье была у Тренёвых[526] — играла в маджонг. Получила письмо от Семена Осиповича — он рвет в Москву. Привез Нусинов мне письмо — спасибо, родной, что пишешь мне часто. Нашлась моя шуба — была она у девицы Марченко. Хохлов выделил: 3 простыни, по 2 рубашки детям и 24 метра ситцу. Все это очень пригодится. Пришли посылки — сегодня их возят с пристани,

---

[526] Примечания: 526

Константин Андреевич Тренёв (1876–1945) — драматург и прозаик, лауреат Сталинской премии (1941) за пьесу «Любовь Яровая» (1937). Один из активных деятелей чистопольского «совета по делам эвакуированных» Литфонда, жил в Чистополе в 1941–1943 годах.

сегодня или завтра получу. Пока в Москве ты, я сплю ночью, но тоска по тебе ни днем ни ночью не отпускает меня. Трудно жить мне без тебя, как без воздуха. Скорей бы конец фашистам. Я верю, что все будет хорошо на фронте. Гордона взяли в школу переквалификации старшего начсостава. Уехал он в Горький. Жалко Бети — муж уехал, а отца в тот же день арестовали за какие-то кожи, он работал сапожником, и в артели, где он работал, пропали кожи. Мать ее выводит из себя — Бети все плачет. Читала сегодня рассказ Гордона — Бети дала читать — плохой на редкость. Миша работает. Доволен отношением к нему начальства. Привет всем.

Целую тебя крепко, крепко.

Твоя Люся.

107

Губер — Гроссману [14 июля 1942, Чистополь]

Василию Семеновичу.

Написала тебе, родной, сегодня письмо, но хочется вложить также записочку в письмо Ж⟨енни⟩ Г⟨енриховне⟩. Сейчас я чувствую себя очень хорошо. Погода хорошая. Радио тоже немного лучше. Получил ли мою телеграмму? Дети здоровы. Миша работает. Работой доволен. Принес за 2 недели

170 р. Если бы хотя день побыть можно с тобой. Так тоскливо без тебя. Как твоя спина? Васенька, солнышко, сходи к врачу и зубы полечи, пока в Москве. Слышишь, Васенька, сходи к врачу.

Целую тебя крепко.

Твоя Люся.

108

Гроссман — Губер 15 июля 1942, [Москва]

Милая Люсенька, пишу тебе множество писем и открыток, получаешь ли что-нибудь? Послал 4 телеграммы. От тебя имел письмо, привезенное Таней Лагиной. Рад, что выполняешь мои заветы, пишу тебе об этом в каждом письме. Ешь, родненькая, поправляйся.

Послал тебе через Хесина 2 денежных перевода — по тысяче каждый, получила ли ты их? Через несколько дней вышлю еще денег. Сделай себе маленький запасец масла и меда, когда пошлю деньги.

Повесть мою еще не начали печатать, начнут со дня на день, если внезапно не перерешат (что

тоже может случиться)[527].

Получил письма от Ковалевского и Гринберга, телеграмму от папы, он здоров. Гехт вчера уехал, вероятно, заедет в Чистополь на обратном пути. Приехал вчера Фраерман, он ужасно выглядит — древний, тяжелобольной старик. Через несколько дней он уезжает в Алма-Ату. Ходит он с палкой, еле передвигает ноги.

Получилось извещение, что убит Ивантер, помнишь, товарищ Васи Бобрышева, работал в журнале «Пионер»[528].

Я живу тихо, мирно, дома почти не ночую, то у Богокока[529], то у Габриловича, то у Гехта. К Габриловичу приехала Нина, он ее ждал очень, а она с вокзала уехала к Дзигану[530], оказывается, вышла за него замуж в Ташкенте и сообщила

---

[527] Примечания: 527

Повесть «Народ бессмертен» начали печатать в «Красной звезде» именно 19 июля, она была опубликована в 18 выпусках: от 19, 21, 22, 24–26, 28–31 июля; 4–9, 11–12 августа 1942 года (Гроссман 1942d).

[528] Примечания: 528

Беньямин Абрамович Ивантер (1904–1942) — писатель, журналист; с 1925 года работал в журнале «Пионер», в 1933–1938 годах — главным редактором. В годы Великой Отечественной войны служил фронтовым корреспондентом, погиб в бою на Калининском фронте.

[529] Примечания: 529

Вероятно, Богокок — прозвище Николая Богословского.

[530] Примечания: 530

Ефим Львович Дзиган (1898–1981) — кинорежиссер, сценарист. Лауреат Сталинской премии (1941) за фильмы «Мы из Кронштадта» (1936)

и «Если завтра война…» (1938).

на вокзале эту новость Жене. Мальчика[531] она тоже привезла — отдала Жене. Мне его жалко — он милый, хороший и несчастный.

Возможно, что мое пребывание в Москве продлится еще на месяц — мне предложили написать брошюру о Гастелло[532] и дадут на месяц освобождение от корреспондентской работы.

Получил новое обмундирование, прекрасные сапоги. Старые пойдут Мише, они вполне хорошие, только латочку положить.

Родненькая, любимая моя, тоскую по тебе, люблю тебя, бесконечно волнуюсь о твоем здоровье.

Сегодня восстановили телефон у нас в квартире, все по-прежнему, только тебя нет со мной, мое счастье.

Ходи играть в маджонг, развлекайся, солнышко, не закисай. Будет, будет все хорошо!

Был в гостях у Эренбургов, они очень милы. Фраерманы шлют тебе привет. Надеюсь, что материальные дела твои поправлю основательно,

---

[531] Примечания: 531

Речь о сыне Евгения и Нины Габрилович Алексее (1936–1995).

[532] Примечания: 532

Военному летчику Николаю Францевичу Гастелло (1907–1941), погибшему со своим экипажем 26 июня 1941 года, Гроссман посвятил очерк, опубликованный в журнале «Красноармеец» в 1941 году (Гроссман 1941с). О каком именно проекте брошюры идет речь в письме, пока неизвестно.

сможешь кормиться хорошо.

Много раз целую тебя,

мое солнышко.

Твой Вася.

Поцелуй ребят.

15 июля 42 г.

Видел вчера Гольцева, он говорит, что у Левина дела в порядке — партийные и прочие. Сам Гольцев пренеприятный субъект.

109

Губер — Гроссману 18 июля 1942, [Чистополь]

18. VII.42

Васенька, родной мой!

Получила от тебя вчера 1000 р., спасибо. Из них рассчитаюсь с Шкапским, Верой Мих⟨айловной⟩. Из следующих начну отдавать деньги Твардовской. Вот жуткая женщина, чем больше ее видишь, тем убеждаешься, что это такой кулак. Например, все ягоды почти в саду она считает своими, потому что окна ее выходят в сад. На днях Федя сорвал две малинки, М⟨ария⟩ И⟨лларионовна⟩ его отругала, т. к. она хочет варить варенье. Генриетта, Миндлина[533] смотрят на

[533] Примечания: 533

Жена писателя Эмилия Львовича Миндлина.

ягоды, а сорвать боятся, боясь площадной ругани Твардовской. Вчера в 12 часов дня слушала радио, и веселей стало на душе. Получили посылки. В воскресенье постараюсь барахло превратить в масло. Сегодня купила кило меду, попью чай с сладким. Получил ли ты мои письма, посланные с Таней Лагиной, Павленко и по почте?

Чувствую себя я сейчас хорошо. Сейчас у нас очень жарко. Едим уже молодую картошку. Масса зелени — жаль нет тебя — ты любишь овощи. Жду с нетерпением рукопись. В начале августа Гехт писал, что приедет.

Может быть, и ты будешь писать вторую часть книги? Какое бы это было счастье. Последнее письмо было от тебя от 5 июля. Жду писем каждый день, и нет. Солнышко мое ясное, пиши почаще.

Привет Кугелю и товарищам.

Целую тебя крепко.

Твоя Люся.

110

Гроссман — Губер 19 июля 1942, [Москва]

19. VII.42

Моя маленькая Люсенька, родная моя, получил твое второе письмо — обрадовался ему очень,

обрадовался очень тому, что нашлась шуба. Вот и будет тепло тебе зимой. Доченька, ведь я на второй день после приезда перевел тебе 1000 р., а затем 10-го еще тысячу. Неужели не получила ты их — пишешь, что сидишь без денег? Они ведь через Хесина переведены, думал, что на второй день получишь их. Через 2–3 дня снова переведу тебе денег. Питайся, питайся получше, единственная и главная моя просьба к тебе. Я остаюсь в Москве на время печатания повести, кажется, сегодня начнут. Надеюсь полностью устроить твои материальные дела. Пиши мне много и подробно о себе, своих делах. Как огород, мне очень интересно — картошка, огурцы, помидоры? Не переутомляйся, прошу тебя. Получила ли мое письмо с Верой Инбер?[534] Пишу тебе часто почтой, послал 5 телеграмм. Целую тебя много раз крепко,

твой Вася.

Привет детям.

Передай Мише, что я недоволен его шоферством — ведь велел ему помогать тебе.

---

[534] Примечания: 534

Поэтесса Вера Инбер (1890–1972) приехала из Ленинграда (через Москву) в Чистополь 22 июля, чтобы навестить дочь Жанну Гаузнер, сын которой умер в эвакуации в декабре 1941 года в возрасте 11 месяцев.

111

Гроссман — Губер 20 июля 1942, [Москва]
20.7.42

Моя любимая, вчера Павленко привез твоих два письма. Перечитывал их множество раз, хорошая моя. Пиши мне не только с оказиями, но и почтой — письма доходят. Получила ли ты мои многочисленные письма и телеграммы и 2000 руб.? Сегодня переведу тебе еще денег через Хесина. Очень порадовался, что выдали тебе ситцу, это ведь большая драгоценность. Я теперь в редакции самый нужный человек, редактор вызывает меня по 10 раз на день. Ночую там, так как корректура правится до 2–3 часов утра. Печатают божески, куда либеральней Ковнатор[535], без сокращений. Ковнатор здесь — худая, растерянная. Печатать повесть начали в воскресенье — 19-го[536]. Сегод-

[535] Примечания: 535

Рахиль Аароновна Ковнатор (1899–1977) — журналистка, редактор издательства «Художественная литература», в котором до Великой Отечественной войны выходили произведения Гроссмана. Выступала в качестве ответственного редактора трехтомного издания «Степана Кольчугина» (Гроссман 1937b; Гроссман 1939b; Гроссман 1940c). Была членом Еврейского антифашистского комитета и ответственным секретарем литературной комиссии, которая под руководством Гроссмана с весны 1945 года работала над подготовкой к печати «Черной книги».

[536] Примечания: 536

См. примеч. 1 к письму Гроссмана жене от 15 июля 1942 года (с. 360).

ня опубликована вторая глава. Порадовался, что маджонг играла. Доставь мне эту радость — почаще, почаще развлекайся, мое ясное солнышко. Пишу за столом у нас, у открытого окна. Лезут в окна разросшиеся зеленые ветви, слышен голос Антона[537]. И толстый армянин-чистильщик дремлет на своем месте, и ночью, когда окно открыто, слышен звон кремлевских часов. Сегодня вечером придет Маруся и Кугель. Маруся часто звонит по телефону, она очень слаба, бедняжка. Получил открытку от Берендгофа[538] из Ташкента, расспрашивает о тебе, он болел сильно, жена с ним там. Вот и Гордон пошел служить. Получила ли письмо с Верой Инбер? Пиши!!! Целую тебя крепко много раз, твой Вася.

112

Губер — Гроссману 21–23 июля 1942, [Чистополь]

21. VII.42

Васенька, милый мой, любимый!

---

[537] Примечания: 537

Антон — дворник в Брюсовом переулке (Губер 2007: 61).

[538] Примечания: 538

Николай Сергеевич Берендгоф (1900–1990) — поэт, автор многих известных песен («Эх, хорошо в стране Советской жить…» и других); участник Великой Отечественной войны.

Сегодня Инбер привезла от тебя письмо — последнее письмо было с Нусиновым, и с тех пор до сегодня — ничего. Писала тебе с Таней, Павленко и 2 письма по почте. «Красная звезда» последняя была от 11-го. Может быть, ты сумеешь, если не трудно, выписать мне «Правду» или «Известия»? Эти газеты ходят лучше, а доставать их очень трудно. Васеночек, может быть, ты сможешь приехать на месяц сюда работать? Какое бы было счастье. Получила от тебя 1000 руб. 1 июля и 17 июля 1000 р. Очень бы хотела я, чтобы деньги Твардовской ты отправил непосредственно ей — не хочу я с ней ничего иметь общего — больно сволочная уж она баба — фамилия ее Горелова. Сто рублей я ей уже отдала — нужно 1400 р.

22. VII

Сегодня получила твое письмо от 12-го. Теперь знаю, как принята была твоя рукопись редактором, — очень рада. Телеграмму послал от меня и от себя Асеев — кажется, 10–11-го числа. Асеев очень волнуется и бегает ко мне узнавать, что пишешь ты, а об его повести ты ничего не пишешь. Очень огорчил ты меня, что позволил жить у нас тете Лизе. Пусть не ссорится с Витей и ведет себя прилично, а у нас делать ей нечего. Васенька, приезжай хотя на две недельки — поработаешь

здесь. Пусть здесь тебе плохо — в Москве лучше, но, Васенька, так тоскливо без тебя, а ведь у тебя отпуск для работы на месяц. Приезжай! Если есть к этому хоть маленькая возможность — приезжай!

Скажи Ж⟨енни⟩ Г⟨енриховне⟩, чтобы она ходила в Литфонд. И обязательно прислала старые детские вещи и обувь и большую алюминиевую кастрюлю. Вчера отдала шить пальто Пастернака — не знаю, как сошьют в мастерской. Маджонг играю очень редко — нужно вязать. Напиши подробней, что сказал тебе Гольцев и можно ли ему верить, а то в приписке твоей ничего не понятно. Жаль Габриловича — передай ему привет.

23. VII.42 г.

Васенька, солнышко мое ясное! Сейчас Генриетта идет на доклад В⟨еры⟩ Инбер и передаст ей письмо.

Передай привет Ж⟨енни⟩ Г⟨енриховне⟩. Крепко поцелуй Марусю. Не вздумай Е⟨лизавету⟩ С⟨авельевну⟩ прописать у нас в квартире.

Целую,

Люся.

Дети целуют тебя.

113

Гроссман — Губер 22 июля [1942, Москва]

Милая Люсенька, только что узнал, что Зингер[539] едет сегодня. Наскоро пишу тебе — может быть, застану его в Союзе. Хочу с ним послать денег тебе — надеюсь, он возьмет. За это время напечатаны 3 главы моей повести в «Красной звезде». Завтра идет четвертая. Есть много предложений от издательств, все выяснится на этой неделе. Посылаю тебе почти ежедневно то открытку, то письмо. Солнышко мое любое, береги себя, не переутомляйся работой, питайся получше, развлекайся маджонгом! Слышишь, радость моя?

Сегодня неожиданно приехала Маня из Невинномысской[540], она завербовалась там работать, на московский завод. Очень жалеет, что приехала. Раскормленная, толстая. Привезла Марусе от Жени «огромную» посылку — масла, сала, пшена

---

[539] Примечания: 539

Макс Эммануилович Зингер (1899–1960) — писатель и журналист, писавший о Крайнем Севере; во время Великой Отечественной войны был призван на флот и участвовал в боевых операциях кораблей Северного и Черноморского флотов. Семья Зингера уехала в эвакуацию в Чистополь, а его сын Евгений был приятелем Михаила Губера.

[540] Примечания: 540

Возможно, домработница Владимира Беньяша и его жены Тамары.

и проч. Это очень хорошо, т. к. Маруся совсем отощала. Говорит, что Женя хорошо выглядит, прекрасно живет, запасает продукты на зиму. Вероника с ней ссорится, т. к. обе упрямы.

Родненькая, еще не перепечатали рукопись, а все экземпляры забрала редакция, так что послать сейчас не могу.

Сидит у меня сейчас Письменный, он тоже собирается в Чистополь. Сейчас пойдем с ним искать Зингера.

Вчера был в гостях у Кугеля, он меня по-царски принимал — жарил яичницу, творог, салат. Уже хозяйство совершенно налаженное — даже терка и утюг есть.

Твои письма, посланные с Павленко, получил с великой радостью. Послал тебе подробный ответ — получила ли? Хотя вряд ли — ведь послал почтой. Получила ли вторую тысячу рублей, которую перевел тебе через Управ⟨ление⟩ автор⟨ских⟩ прав? Перевод этот сделан (т. е. послана телеграмма Хесиной[541]) 11 июля.

Если Зингер согласится, пошлю с ним 1900 р., если не возьмет, завтра пошлю их телеграфом

---

[541] Примечания: 541

Ася Савельевна Хесина, жена Григория Хесина, по свидетельству ее сына, «в Чистополе работала кассиром, отвечала за все деньги, присылаемые эвакуированным писателям» (Громова 2012: 204).

через Управление авторских прав. Солнышко мое, кончаю писать, боюсь пропустить оказию, поэтому бегу.

Помни, что люблю тебя больше жизни, береги себя. Будет все у нас хорошо.

Крепко тебя целую,

твой Вася.

Привет ребятам, почему они не пишут мне?

22 июля.

Уже скоро месяц, как мы расстались.

114

Гроссман — Губер 23 июля [1942, Москва]

Милая моя и любимая Люсенька, вчера послал тебе с Зингером письмо и 1900 руб. А сегодня узнал, что едет Френкель, и решил и с ним написать тебе, мое солнышко.

Печатание повести идет хорошо. Удивительно, что теперь, во время войны, в военной газете, с редактором дивизионным комиссаром, мне оказалось гораздо легче с редактированием, чем со всеми Ковнаторами и пр. Редактор исключительно широко и смело подходит к печатанию повести — он уже получил несколько хороших отзывов с фронта и очень доволен — говорили ему, что сразу повесть вызвала интерес. Получил

и я несколько комплиментов, между прочим от Эренбурга. Но самое удивительное, что от редактирования работа делается лучше, а не хуже. Помнишь, что в Гослитиздате было наоборот.

В течение ближайших 2–3 дней решится вопрос о печатании повести в издательствах, тотчас же по оформлении договоров перешлю тебе новые порции денег. «Красная звезда» тоже перешлет тебе после напечатания весь гонорар — очевидно, тысяч 6 либо 7. Печатание протянется, очевидно, еще недели 3. Должен сказать тебе, что меня уже тянет в поездку, мечтаю поехать с Коломейцевым[542]. Он чудный человек, между прочим, он военный консультант по моей рукописи — умный, с большим вкусом, тонкий. Прекрасный, ей-богу, человек. Отношения с редактором у меня теперь очень хорошие — торчу у него в кабинете, он, прежде чем исправить слово, вызывает меня для согласования. В общем, пока все идет очень

[542] Примечания: 542

С военным корреспондентом Петром Илларионовичем Коломейцевым (1903–?) Гроссман часто вместе выезжал на редакционные задания. Давид Ортенберг так писал об их дружбе: «Это была действительно неразлучная пара, и какие-то черты характера у них были схожими. Коломейцев был так же неразговорчив, как и Гроссман и как другой близкий друг его, Андрей Платонов. Не раз я заставал их втроем в какой-либо обезлюдевшей редакционной комнатке. Сидят либо рядышком на диване, либо поодаль один от другого и молчат, словно ведут между собой беседу на одном лишь им известном языке» (Ортенберг 1991: 405–406).

хорошо. Лишь бы мое ясное солнышко было здорово и начало поправляться.

Люсенька, пиши мне о всех новостях своих, обо всех событиях маленьких и больших — помни, что мне интересно все решительно, до самых маленьких новостей в твоей жизни. Пиши, как твой огород. Не вздумай на себе носить картошку. Береги, береги себя, родненькая моя.

В бытовом отношении я устроен — обед в Союзе очень хороший, а так как теперь вечером и ночью я бываю в редакции, то там меня зачислили на так называемые гвардейские ужины — сыр, колбаса и белый хлеб. Ем все это, и совестно, что не могу все отдать тебе, моя радость. Через пару дней поедет в Чистополь Письменный — пошлю с ним 2 плитки шоколаду.

Ну, будь здорова. Развлекайся. Пиши мне часто. Береги себя. Ешь побольше масла и яиц. Помни, все мои мысли о тебе.

Целую тебя крепко,

твой Вася.

Привет Надежде Мих(айловне)[543] и Рите Сен-

[543] Примечания: 543

Возможно, имеется в виду Надежда Михайловна Синякова-Пичета (1889–1975).

галевич[544].

23. VII

Коша, когда пишешь письма, ставь на них число!

115

Губер — Гроссману [26 июля 1942]

Васенька, родной! Сейчас уезжает Нусинов — тороплюсь писать. Вчера вечером Зингер привез письмо и деньги. Сегодня уж деньги обращены в масло. Твардовской 1400 р. пришли непосредственно ей, сто ей возвращено, очень не хочется с ней сталкиваться — это похуже Злобиной[545]. Отхватил же Саша жену себе. Торопят. Здорова.

Целую,

Люся.

116

Губер — Гроссману 26, 27, 29 июля 1942, [Чистополь]

---

[544] Примечания: 544

Маргарита Яковлевна Сенгалевич (1901–1975) — писательница и журналистка, до войны жила в Киеве.

[545] Примечания: 545

Вероятно, имеется в виду первая жена Степана Злобина — Хана (Галина) Самойловна Спевак.

26. VII

Васенька, хороший мой! Сегодня послала несколько слов тебе с Нусиновым — я только начала писать, вошел Гордон и сказал, что уходит на пристань уже. Я тебе и не писала еще, что Гордон явился обратно, т. к. по специальности его не могли использовать — теперь собирается ехать в Москву, но, вероятно, хочет дождаться начала месяца — чтобы получить паек. Между прочим, как обстоит дело с пайками для жен фронтовиков? Сделал ли что Твардовский в этом направлении? Собираюсь я сегодня пойти к Тренёвым поиграть в маджонг. Вчера пришла газета от 21 июля с продолжением твоей повести, газеты же за 19-е и 20-е, как видно, пропали. Обидно, если это так, — хочется собрать всю повесть, если рукопись переправить трудно. Я еще надеюсь, что ты приедешь работать сюда. Миша работает, но жаль на него смотреть: у машины старые камеры и покрышки и все время лопаются, ходит грязный, да зубы мучают его очень, по ночам плачет, а к врачу пойти нет времени. За все это время получила от тебя по почте только 2 письма и открыточку, ты же пишешь, что пишешь часто.

27. VII

Сейчас вернулась с пристани. Нужно было

разгружать дрова, но баржа не пришла. Миша хочет помочь мне таскать дрова и поможет, если баржа придет в нерабочее время. Возможно, что придется поехать работать в колхоз. Пока едут, у кого нет бумажек об освобождении. Я сама бы с удовольствием пошла помогать убирать урожай, да последнее время очень болит у меня печень, бывает несколько приступов [в] день, а то несколько дней ничего.

29. VII

Сейчас пришла от Сенгалевич — она делает мой портрет[546]. Рита тебе кланяется. Она лежит еще в больнице.

Сегодня отнесу письма Зингеру, — кажется, завтра он едет. Уехал сегодня Вадецкий, да не хотелось с ним писать, т. к. зимой пропали и письмо, и варежки, посланные с ним.

У нас сейчас стоят очень жаркие дни. Солнце печет безжалостно. Мы съели уже всю свою картошку из огорода. Едим горох, огурцы. Табак уже сушу.

---

[546] Примечания: 546

Здесь речь идет о матери Маргариты Сенгалевич — художнице Надежде Михайловне Гавсевич. В других письмах Ольги Губер Надежда Михайловна фигурирует как Сенгалевич Н. М.

117

Гроссман — Губер 28 июля 1942, [Москва]

Моя милая Люсенька, родная моя, получил только что телеграмму твою. Спасибо за поздравление, родная. Радуюсь, что здорова. Получила ли письмо и 1900 руб. с Зингером и письмо с Лойтер?[547] Пиши, родная, не только с оказиями — пиши почтой. Вчера прилетел из Сталинграда Костя Буковский — у меня был «прием», т. е. выпили, пели песни. Буковский, Коломейцев, Твардовский, Кугель. Твардовский прочел прекрасную главу из новой поэмы своей, тронул всех до слез. Печатание повести идет нормально. В первых числах августа смогу выслать деньги — по новому договору с Гослитиздатом. Старайся запасти на зиму жиров и меду, это необходимо тебе. Вчера заходила Ольга Яковлевна, она сильно подалась, но в общем глядит неплохо. Беспокоюсь, что от папы нет долго известий. Телеграфировал ему, но ответа нет. Целую тебя много раз крепко, твой Вася. Пиши! Родная, хорошая моя, береги

---

[547] Примечания: 547

Елизавета Эммануиловна Лойтер (1908–1973) — пианистка, жена Ильи Львовича Френкеля; в 1941–1942 годах работала воспитательницей в чистопольском интернате.

себя. Тоскую по тебе.
28. VII.42.

118

Гроссман — Губер 30 июля 1942, [Москва]
30 июля 42 г.

Моя милая и хорошая Люсенька, пишу тебе ужасно огорченный. Только что узнал, что уехал Письменный, а у меня на столе лежит посылочка, которую собирался с ним послать — 2 плитки шоколада и несколько коробочек спичек. Я ему, скотине, звонил по 2 раза в день в течение недели, а он собрался сообщить о своем отъезде лишь в 10 ч. вечера, когда я сидел в редакции на выпуске очередной главы. Естественно, что не успел передать с ним посылки. А дура Жен⟨ни⟩ Генр⟨иховна⟩ не сообразила отнести ему эту посылку. Передай ему, что я на него обижен, т. к. понимаю, что он не случайно позвонил так поздно. Ты бы видела его лицо, когда я просил его взять эти несчастных 2 плитки шоколада, словно я просил его буфет или рояль взять. Как он мямлил и торговался, убожество. Также не успел передать письма Мунблит, которому он сказал о своем отъезде за 2 часа до ухода поезда. Все это мелкая хитрость мелкого эгоиста, бояще-

гося утруждать себя такой мелочью, как десяток писем от своих товарищей к женам. Похоже на меня, тащившего пешком кучу чужих посылок. Можешь ему вслух прочесть это место моего письма. Ну, черт с ним, с Письменным!

Я последние дни совсем замучился, изнервничался — в связи с печатанием повести сижу целые ночи в редакции, т. к. правка и согласования длятся до 4–5 часов утра. Сплю всего несколько часов. Приезжаю домой в 10–11 утра, снова сажусь за правку, а затем иду обедать и снова уезжаю в редакцию. Единственно, конечно, утешительное, что вся эта трепня сопровождается выходом ежедневно новой главы. Дошла ли до тебя уже газета — печатание началось 19 июля? Из армии приходят хорошие отзывы, читают с интересом, ждут очередного номера, хвалят.

В начале августа Литфонд отправляет новую партию посылок, пошлю и эту маленькую, не пошедшую с Письменным.

Я тебе писал в одном из предыдущих писем, что Нина Яковл(евна) бросила Габриловича и ушла к Дзигану. Вчера встретил счастливого Габриловича, он сообщил, что Нина снова вернулась на лоно семьи. Вот уж нравы, доложу я тебе.

Мое родное солнышко, береги себя, пиши мне

часто. Люблю тебя больше жизни, хочу видеть, тоскую по тебе. Вчера Ортенберг уже говорил со мной о поездке, но, думаю, состоится она еще не скоро, вероятно, туда, где я был зимой, вернее, к тем же товарищам моим — Буковскому и Олендеру[548]. Целую твои ясные глазки, милые руки, губы.

Твой по гроб жизни, Вася.

Пиши мне, деточка, не только с оказиями, но и почтой. Получил твое заказное письмо — оно шло лишь 10 дней.

Ставь число на письмах!

119

Гроссман — Губер 3 августа 1942, [Москва]

3. VIII.42 г.

Мое милое родненькое солнышко, получил письмо твое. Родная моя, как же ты просишь, чтобы я приехал, ведь это совершенно невозможно,

---

[548] Примечания: 548

Петр Моисеевич Олендер (1906–1944) — журналист, военный корреспондент «Красной звезды», много работавший с Гроссманом. В своей речи на траурном митинге, посвященном памяти Олендера, Гроссман, в частности, говорил: «…и Коломейцев, вероятно, помнит, как мы лежали в темноте на соломе под Сталинградом, в скверной деревушке М. Ивановке и как под гул ночных самолетов Олендер читал нам почти всю ночь напролет десятки и сотни строк своих любимых поэтов Блока и Багрицкого» (Гроссман 2024).

как только закончу печатание повести, уеду на фронт — это будет недели через 2, вероятно, между 15–20 августа! Поэтому сейчас поездка к тебе исключена, не нужно писать этого даже, поверь, что я всеми мыслями моими и всеми помыслами с тобой, и была бы возможность сегодня к тебе поехать или пешком пойти, я бы немедля дня сегодня же и пошел бы. Я очень тоскую по тебе, мое солнышко.

Деньги, как только получу, вышлю Твардовской телеграфом, поэтому ты не беспокойся. Очень прошу тебя, не ссорься с ней — мы с Сашей дружны крепко, и мне, и ему тяжело знать, что вы там на ножах. Чуешь, донечка, прошу тебя, не нужно ссориться. Бог с ней!

Родная моя, хорошая, люблю тебя, целую тебя, пиши мне, береги себя, сражайся в маджонг. Крепко целую тебя. Твой Вася.

Поцелуй ребят.

Где Гехт? Привет Сенгалевичам и Асееву.

120

Губер — Гроссману 3 августа [1942, Чистополь]

3. VIII

Васенька, родной мой!

Нет от тебя уже скоро 2 недели ничего. Волну-

юсь очень. Приехал Письменный и тоже ничего не привез. В чем дело? Ведь если все благополучно — то писал бы ты. Письменный говорит, что звонил тебе три дня и говорил, что уезжает, и ты не звонил ему и не принес письма. Тяжело мне очень от твоего молчания. Так тяжело, что не могу ничего писать больше.

Всего доброго.

Люся.

Сейчас пришла от Письменного, ходила узнать, каким видел он тебя в последний раз — говорит, видел неделю назад — пьяным в обществе друзей. Здоров, весел. Немножко успокоилась. Обидно только, что забываешь обо мне.

Всего хорошего.

Люся.

121

Губер — Гроссману 4 августа 1942, [Чистополь]

4. VIII.42

Вчера, Васенька, послала тебе письмо с братом жены брата Фадеева — видишь, как сложно. Он сегодня летел в Москву и через несколько часов обещал письмо доставить в Союз писателей. Письмо-то было злое. Во-первых, я так ждала Письменного, так волновалась, что нет от тебя

писем, что` только не шло в голову. Это письмо посылаю с Корабельниковым[549]. Напишу о себе. Сначала: здорова, если не считать приступы печени — диагноз мой, к врачу идти не хочется. Теперь, когда с деньгами стало легче, пью чай с медом. В маджонг не играю — нет партнеров. Пастернак уехала к сыну[550], Вера Михайловна в колхозе. Меня пока как инвалида не трогают. Хозяйничаю, вяжу. Ем свою картошку, огурцы — краснеют уже помидоры. Хочется очень, чтобы ты выписал мне «Правду» или «Известия», т. к. «Красная звезда» ходит очень плохо. Сегодня четвертое, а последняя «Красная звезда» от 25-го, а «Правда» вчера была от 1 августа. Конечно, если это возможно. Миша сегодня уехал в Казань в командировку. Послали его за резиной для машины. Волнует меня эта поездка. Боюсь, потеряет деньги, не сядет на пароход, обкрадут его и т. д.

Федя что-то похудел и покашливает. Между

---

[549] Примечания: 549

Григорий Маркович Корабельников (1904–1996) — литературный критик, литературовед; в первые месяцы Великой Отечественной войны служил в народном ополчении, а с сентября 1941 года — военным корреспондентом ряда газет.

[550] Примечания: 550

Адриан Нейгауз (1925–1945), старший сын Зинаиды Николаевны Пастернак, болел костным туберкулезом и с сентября 1941 года находился в санатории в Нижнем Уфалее на Урале.

прочим, ты зря надеялся на Ростова[551]: вчера я узнала, что есть в магазинах шерсть и дают ее писателям, пошла к Брайниной[552], которая ведает сейчас делами Союза, она сказала, что, если бы я пришла двумя днями ранее, она дала бы мне шерсть на пальто. Когда она составляла списки, ей Лазарь со слов Ростова сказал, что мне ничего не нужно — все нашлось. Очень волнуется Асеев — отчего нет ответа на письмо, посланное с тобой, и почему ты ему не ответил. Думает он, что ты потерял письмо. Напиши ему. Привет тебе и поздравления от Вали, Ани и Генриетты. Что слышно с пайками для жен фронтовиков? Ополченки получают. Очень хочется быть с тобой в Москве, но знаю, что это невозможно. Гордон, как я тебе писала, все еще здесь. Собирается в Москву. На деньги, присланные тобой, купила масла. Живу на посылку, только жаль, что кончились все вещи, что можно было продать. Жаль, что не успели с третьей посылкой. Разговариваю

---

[551] Примечания: 551

Наум Моисеевич Ростов (1866–1956) — журналист, партийный деятель; сотрудник издательства «Советская энциклопедия». В 1941–1943 годах жил в эвакуации в Чистополе.

[552] Примечания: 552

Берта Яковлевна Брайнина (1902–1984) — критик, литературовед; лауреат Сталинской премии (1952) за книгу «Константин Федин». Жила в Чистополе в 1941–1943 годах.

с Валей и пишу письмо, потому не удивляйся, если оно бессвязно.

Письменный сказал, что ты хотел послать с ним шоколад, — жаль, что не удалось, — пришли с кем-нибудь еще, кто едет сюда. Передай от меня привет Кугелю. Васенька, солнышко, не пей слишком много — это тебе вредно. Как твоя спина? Где Семен Осипович? Где теперь Женя? Неужели ты до сих пор не выпроводил к Кларе Елизавету Савельевну? Зачем, Васенька, ты ее пустил в наш дом? Пусть не ссорится с Кларой.

Пиши, Васенька, почаще.

Очень редко пишешь ты, или почта плохо работает. Все-таки что с Федором Марковичем? Как думаешь ты?

Пиши чаще.

Очень тяжело мне без тебя, а когда нет писем, совсем, совсем плохо.

Целую тебя.

Крепко, крепко.

Твоя Люся.

122

Губер — Гроссману [Между 5 и 9 августа 1942, Чистополь]

Васюня, родной мой, хороший! Получила вчера

от тебя открыточку, посланную 28.VII. Легче стало жить. Телеграмма, которую ты получил только 28-го, должна быть послана числа 10–12-го. Послать ее я просила Асеева, который зашел ко мне, срочной телеграммой, денег ему не дала, так так в тот день не было, — значит, он послал простую телеграмму. Через несколько дней Асеев подошел ко мне на рынке и просил 20 р. взаймы — у меня было 30, я ему их отдала, думая, что они пойдут за телеграмму.

С Лойтер письма я не получила, она еще не приехала.

Твардовская не позволяла рвать никому малину — сейчас собрала весь урожай сама, насыпала в бутылки. Хороша кулачка. Как она противна мне.

В одну из своих поездок в район Миша взял маленького котеночка — значит у нас есть сейчас кошка — которая знаменита тем, что ест только картошку, — когда ее нет, орет как резаная. Вчера кончила окучивать второй раз картошку свою. Все благополучно у меня. Миша в Казани. На деньги, присланные с Зингером, целиком купила масла. Сейчас денег нет, будут, куплю меда.

Привет всем. Тороплюсь идти дежурить в интернат. Целую крепко.

Люся.

Вернулась из интерната, видела Корабельникова, он сказал, что едет завтра-послезавтра — смогу написать еще немного.

На днях послала тебе письмо с братом Долматовского[553]. Очень прошу тебя прислать номер «Красной звезды» от 28 июля — он пропал. Письменный говорит, что редактор заказал тебе генеральский костюм. Вообще он, Письменный, мне в этот приезд понравился еще меньше, чем раньше. Как видно, он тебе очень завидует. Пришли с кем-нибудь шоколад. Пришли денег на мед. Сейчас как раз время покупать его. Васюня, был ли ты у зубного врача? Пойди обязательно.

Между прочим, если будет возможно, то хорошо бы прислать самовар — зимой всегда есть горячие угли. Пили бы чай из самовара. После вызова меня за шубой милиция больше не вызывала меня — пальто, наверно, пропало. Пришла газета с началом повести. Есть у меня уже три газеты с ней. Пастернак просил дать ему почитать. Привет тебе от него.

Когда наберется номеров десять газеты, дам

---

[553] Примечания: 553

Юрий Аронович Долматовский (1913–1999) — конструктор автомобилей и историк автомобилестроения, родной брат поэта Евгения Долматовского.

читать. Очень много народу просят дать прочесть — да боюсь, зачитают. Очень мне хочется знать, как приняла читающая публика твою повесть в Москве? Как вообще твои дела. Так хочется, чтобы ты писал почаще. За месяц 5 писем и 2 открытки — мало.

Будь здоров. Приезжай — если можешь.

Целую крепко, крепко.

Твоя Люся.

Привет Ж(енни) Г(енриховне), Марусе. Живет ли еще Е(лизавета) С(авельевна)?

Ой, не нравится мне это.

123

Гроссман — Губер 5 августа 1942, [Москва]

Милая Люсенька, получил твое письмо с Зингером. Обрадовался и огорчился ему — счастье мое, что это ты опять болеть начала. Пойди к доктору Васильеву. Ни о какой тяжелой работе для тебя не может быть и речи — ни в коем случае, даже не думай о работе в колхозе. Слышишь? Я уже писал и снова подтверждаю, что очень недоволен тем, что Миша предоставил тебе таскать с баржи дрова и носить картошку, а сам против моего желания поступил шофером.

Передай ему, что я не прощаю, когда плюют на

то, что я говорю. А я ему 100 раз сказал, чтобы он помогал тебе, а не развлекался машиной. На днях должен ехать Зенкевич[554] — пошлю с ним письмо и посылочку. Целую тебя крепко, твой Вася.

5. VIII.42 г.

124

Гроссман — Губер 7 августа 1942, [Москва]

7 авг.

Мое милое и любимое солнышко, пишу тебе письмо без оказии, наверное, долго будет путешествовать.

Меня бесконечно огорчило и взволновало, что ты пишешь о своей печени, что это за приступы такие? Если любишь меня, солнышко мое, обязательно сходи к врачу, лучше к Васильеву. Ни о какой работе не может и речи быть, тяжелая физическая работа тебя ведь совсем иссушит. Да ведь ты и инвалид второй группы, разве можно при этом работать. И зачем ты ходишь на Каму дрова сгружать — это, ей-богу, самоубийство. Ведь можно договориться с хозяином, и он бы

[554] Примечания: 554

Михаил Александрович Зенкевич (1886–1973) — поэт, переводчик, во время Великой Отечественной войны не был призван в армию по состоянию здоровья, в 1941 году уехал в эвакуацию в Чистополь; ездил на фронт с литературными чтениями.

сходил, либо Миша в выходной день. Ох уж этот Миша — эгоист губеровской породы. Тошно мне, ей-богу, что он такой деревянный. Люсенька, береги себя!!

Дела мои обстоят таким образом: через 6 дней кончается печатание моей повести в «Красной звезде». Говорил с редактором. Очевидно, поеду в те места, где Гехт был, т. е. даже не очевидно, а наверное. Поеду, надо думать, между 15–20 августа. Редактор ко мне очень благоволит теперь — сказал, что поработаю на корреспондентской работе несколько месяцев, а затем снова пустит меня писать книгу. Значит, снова приеду к тебе, мое дорогое и любимое дитятко. Кроме того, он сказал, что не будет меня в эти «корреспондентские» месяцы держать безвыездно на месте, а каждый месяц примерно будет вызывать в Москву на отдых, эдак на неделю.

Повесть пользуется в армии большим успехом — читают ее и младшие командиры, и комиссары, и генералы. Много отзывов хороших. Рассказывают мне, что собираются, обсуждают главы, спорят, что приходят специально на полевую почту почитать, что собирают комплекты газет. А главное, что сладко мне, говорят: «Это первое слово о нас — серьезное и правдивое».

Родненькая, пишу это, как понимаешь, не для бахвальства, а зная, насколько тебе важно и дорого слышать это. Правда ведь так? Ну вот, моя ясная, не зря я, значит, поработал — большое и хорошее чувство удовлетворения есть. Люсенечка, издавать ее будет Гослитиздат, Воениздат и «Знамя»[555]. Денег причитается получить много, но сейчас заминка с выплатой, так что, возможно, перевести удастся лишь к 15 августа. Одалживай совершенно свободно, т. к. у тебя, верно, сейчас денег нет, а к концу августа сможешь легко погасить долги, и малые, и большие. Я уже писал тебе, что деньги Твардовской вышлю сам. И писал также, чтобы не ссорилась с ней, ей-богу, мне это тяжело — мы с Сашей дружны очень. Право же, худой мир лучше доброй ссоры.

Ну вот, из московских новостей могу тебе сообщить — появился Шура Ниточкин, жив, здоров. Я его не видел, но он звонил по телефону, вспоминал о 500 р., которые должен. Была сегодня у меня Маруся, очень беспокоится о Жене и Нике, и естественно. Представь, получила она письмо от

---

[555] Примечания: 555

Повесть «Народ бессмертен» была опубликована в 1942 году в августовском выпуске журнала «Знамя» (Гроссман 1942f) и в Государственном издательстве художественной литературы — в 1943 году (Гроссман 1943c). В Военном издательстве повесть не была опубликована, но вышла в 1945 году в серии «Из фронтовой жизни» (Гроссман 1945b).

Виктора[556] — он жив, здоров, чувствует себя отлично, состоит главврачом в большой больнице где-то в Томске или Омске, словом, он в полном порядке. Все его невзгоды кончились и остались в прошлом. Петр Иванович поправился несколько, чувствует себя значительно лучше. Кугеля вижу довольно часто, он чудный человек и добрый друг. Встретил на улице Катю Бобрышеву, она приехала сюда в командировку недели на 2 — все семейство и Оля с ней[557]. Оля почему-то не хочет работать.

В квартире все по-старому. Под окном кричит Антон, словно в мирные времена. Между 15-м и 20-м Литфонд будет принимать посылки. Люсенька, несколько слов о тете Лизе. Поверь, что я разделяю твои чувства к ней, но пойми, что ей 74 года, она слепая, и я не могу ее гнать. Поверь также, что лишь только будет возможно тебе вернуться домой, она тебя стеснять не будет. Пока же квартира пустует, бог с ней, не трогай ее. А я грех на душу не возьму, ведь она сестра моей ма-

[556] Примечания: 556

Возможно, Гроссман пишет о первом муже Евгении Михайловны — Викторе Ивановиче Йосте, акушере-гинекологе. При этом Федор Губер в своих воспоминаниях сообщает: «В 1937 году Йоста посадили, и он исчез навсегда» (Губер 2007: 141).

[557] Примечания: 557

Вероятно, речь о сестрах Бобрышевых: Екатерине и Ольге.

мы, единственная живая из всех сестер. А зануда она и неискренняя — все это я знаю отлично. И надоедлива смертно, но ничего, родная, — время такое, что слабым надо помогать.

Имел письмо от папы, он очень плох, болел дезинтерией, превратился, пишет, в скелет. Ему служба прислала вызов в Ряжск — я ему телеграфировал, чтобы ехал туда, — боюсь, что в Самарканде погибнет. Пиши мне, пиши!! Береги себя!! Целую тебя много раз крепко. Привет детям.

Твой Вася.

125

Губер — Гроссману 9, 10 августа [1942]

9. VIII

Васенька, солнышко мое! Завтра едут в Москву Гупперт, Гордон и Парнах[558]. Хочу послать с Гуппертом письмо. Сегодня получила от тебя письмо с Лойтер — вчера по почте от 30-го. Легче стало немного. Получила вчера телеграмму, Васенька, родной, не волнуйся, как только будут у меня

[558] Примечания: 558

Австрийский поэт и переводчик Гуго Гупперт (1902–1982), в 1927 году эмигрировавший в СССР, и поэт и музыкант Валентин Яковлевич Парнах (1891–1951) жили в эвакуации в Чистополе с 1941 года.

деньги, я позову Васильева, и он меня основательно послушает — это стоит 50 руб., а у меня нет сейчас денег — все деньги вбила в масло и сижу на мели. Заняла у Миндлиной 200 р., 100 — у хозяйки. Нужно занимать еще, и на доктора пока не хватит. Ты не волнуйся, Васенька, уже несколько дней приступов не было. Вчера были у меня Гехт, Письменный и Гупперт. Гехт смешной какой-то в военной форме. Между прочим, на колене у него большая заплата, я спросила отчего — он говорит, от ползанья по канавам при налетах немцев. Как хочется, мой любимый, видеть тебя. Неужели нельзя вырваться сюда?

После напечатания повести пусть редактор даст тебе несколько дней. Ходят разговоры, что Литфонд хочет переезжать куда-то. Что делать мне? Дорога меня пугает очень — другое дело, если бы в Москву, а куда-нибудь в Среднюю Азию не хочется. Все ближе к Москве и к тебе. Живу надеждой встретиться с тобой скорей. Скорей бы начали бить и гнать как следует фашистов. Как я ненавижу их, как искалечили они всем жизнь. Письмен⟨ный⟩ говорит, что он не виноват, что ты не смог с ним послать посылочки, он только вечером узнал, что едет. Самой Минд⟨линой⟩ он привез очень большую посылку. Вообще Миндли-

на почти со всеми получает маленькие сладкие посылочки, да и спички необходимы. Пошли с кем-нибудь. Сейчас много народу приезжает сюда. Гехт хочет здесь пробыть недели две. Ем я свои уж помидоры, и грустно, что не ешь ты их со мной. Что с Женей и Вероникой?

10. VIII

Вчера вечером у меня сидели Гехт с Верой Мих⟨айловной⟩, часов в 9 пришел Миша с пристани весь мокрый, т. к. шел сильный ливень, усталый, похудевший. Кажется, сделал он все как следует, только устал очень — спал в Казани на лестнице в учреждении, ел хлеб с водой. Словом, я успокоилась — т. к. съездил он благополучно. Только бы не заболел, все почесывается.

Васенька, родной мой!

Береги себя.

Целую тебя крепко.

Твоя Люся.

126

Гроссман — Губер 10 августа 1942, [Москва]

10 авг. 42 г.

Милая моя Люсенька, на днях отправил тебе большое письмо, перед этим еще 2 написал. Получила ли их — все заказными?

Печатание моей повести подходит к концу, осталось еще 2 главы. Скоро буду играть походный марш. В письме подробно писал тебе о перспективах своих. Родное мое солнышко, береги себя, не переутомляйся, категорически откажись от тяжелой работы, не будь прислугой при детях — это и тяжело, и оскорбительно для моей любви. Они в том возрасте, когда могут тебе ноги мыть, а не ждать, пока ты их обслужишь, как прислуга. Право, не пропускай моих слов мимо ушей — мне невыносимо было видеть твою рабскую службу здоровенным парням. Пиши мне. Целую тебя крепко.

Твой Вася.

Привет знакомым.

127

Гроссман — Губер 17 августа 1942, [Москва]

Мое милое и дорогое солнышко, родная моя Люсенька!

Пишу тебе с Зенкевичем. Он же передаст тебе посылочку — 600 гр. шоколада и 100 гр. конфет. Если он согласится, то передам с ним деньги, если же нет, отошлю их завтра утром через Упр⟨авление⟩ авт⟨орских⟩ прав. Завтра же отошлю 1400 руб. Твардовской, они уже приготовлены, пусть тебя

не смущает теперь этот долг.

Доченька моя, посылаю деньги, которые ты растяни месяца на полтора-два. Теперь несколько слов о наших материальных делах. Получены деньги (полностью) с «Красной звезды», а также 60 % со «Знамени» и с Гослитиздата за книжку.

40 % «Знамя» тебе отошлет в течение месяца (у них верстка скоро), 40 % от Гослита будут причитаться месяца через полтора-два. Я сегодня зайду туда и оставлю соответствующую бумажку, чтобы перевели тебе их. Кроме того, Гослит должен мне около 2000 за довоенное издание «Кольчугина». Эти деньги также следует получить, и на них я оставлю бумажку. В том случае, если они будут задерживать перевод, обращайся в Гослит письмом — можешь писать Михаилу Яковлевичу Сазонову, он теперь главбух, ну и конечно, Чагину. Хотя, конечно, Сазонов более реально поможет, он тебя ведь знает хорошо и часто расспрашивает о тебе. Предвидятся деньги также в Воениздате — они хотят издать повесть и заключили договор. Но платят они лишь по сдаче в производство, а им еще не утвердили плана, да и издавать они хотят к Октябрьской годовщине, так что это вопрос 2–3 мес., возможно. Я им тоже оставлю бумажку, чтобы перевели деньги тебе. В

общем, материально будет не так уж плохо.

Ну вот, моя ясная, изложил тебе деловую часть письма, перехожу к самому письму.

Уезжаю я в четверг либо пятницу, в зависимости от самолета, еду в Сталинград — там сейчас Буковский и Олендер. Пиши мне на Москву и на Сталинград (до востр⟨ебования⟩ Иос⟨иф⟩ Сол⟨омонович⟩ Гроссман). Это на всякий случай — точный адрес мне неизвестен, да и не знаю, буду ли в самом Сталинграде.

Родненькая и любимая моя, если будет заминка с письмами, умоляю тебя не беспокоиться, я еще не знаю, как там налажена полевая почта, хорошо ли и регулярно работает. Ладно, деточка? Вот увидишь, все будет хорошо, приеду к тебе, ясное мое солнышко, зимой, будь только здоровенькой. Поправляйся. Пойди обязательно к врачу. Чуешь, Люсек, меня очень мучают и беспокоят твои «печеночные» дела.

Солнышко, меня огорчило твое сердитое письмо и напрасные обвинения. Ведь живу только тобой, мыслями о тебе, а ты вдруг решила, что я от невнимательности и лени не написал тебе. Пишу тебе почти через день, открытки, письма, послал, верно, 6 или 8 телеграмм. Это Письменный, желчный молодой человек, позвонил в последнюю

минуту, вечером накануне отъезда, а я в это время был в редакции на выпуске очередной главы.

Еду я месяца на полтора-два, после чего редактор снова меня вызовет в Москву. Еще раз прошу тебя, моя радость, не волноваться и не сушить себя ненужными беспокойствами. Все хорошо будет. И еще раз прошу тебя беречь свое здоровье, стать под наблюдение врача. И еще прошу тебя есть получше!

Люсенька, была здесь Сарра[559] — точно такая же, как раньше. Лиля Дмитриева здесь. Тома на фронте. Иван Федорович[560] тоже. От Фени[561] есть письма, бодрые и веселые, ей живется лучше, в октябре предполагает уехать оттуда, где была, деньги собирает на дорогу, мечтает о Москве. В последнем письме писал тебе о возвращении

---

[559] Примечания: 559

Предположительно, Сарра Абрамовна Школьникова, знакомая Гроссмана и Ольги Губер, сестра Фаины Школьниковой, первая жена Ивана Федоровича Бельчикова.

[560] Примечания: 560

Иван Федорович Бельчиков (1893–1976) — редакторский работник, сотрудник Московского полиграфического института, муж Сарры Абрамовны Школьниковой.

[561] Примечания: 561

Фаина Абрамовна Школьникова (1905–1980) — подруга Гроссмана и Ольги Губер, арестованная, вместе с друзьями-перевальцами, в 1937 году по делу о покушении на Ежова и осужденная в 1938 году на восемь лет лагерей. После освобождения часто виделась с Гроссманом и Губер (о ней и о ее дружбе с Гроссманом см., напр.: Короткова-Гроссман

1997/1998).

Жаткина[562] и что рассказывает он о Роскине, был с ним в плену вместе[563]. Получил письмо от папы очень тяжелое — ему плохо сердцем, после дизентерии совсем ослабел, пишет, что боится не выжить. Душа болит у меня за него. Служба предлагает ему выехать в Ряжск, я ему дал телеграмму, чтобы поехал, так как боюсь, что в Самарканде он не вынесет условий климата.

Получил письмо от Сёмы, много спрашивает о тебе.

Детонька, любимая моя, тяжело мне на душе от того, что немцы так быстро продвигаются на юге. Сегодня сообщили по радио, что Майкоп занят ими. А ведь Майкоп — это богатый нефтеносный район. Ох, проклятые немцы. Ох, союзнички наши английские… Женя и Вероничка попали там в самую кашу.

Имел телеграмму от Гали. Катюша в пионер-

---

[562] Примечания: 562

Драматург Петр Лазаревич Жаткин (1894–1968) в 1941 году попал в окружение, в феврале 1942 года освободился из него и примкнул к партизанским отрядам Смоленской области; в начале августа его эвакуировали в советский тыл. 7 августа на собрании Союза писателей рассматривалось его сообщение о выходе из окружения, написанное 18 февраля 1942 года (см.: Горяева 2015а: 327–328).

[563] Примечания: 563

Александр Роскин погиб в окружении под Вязьмой осенью 1941 года. В 1946 году Гроссман написал очерк «Памяти Александра Иосифовича Роскина», впервые опубликованный в 1993 году (Гроссман 1993).

ском детском лагере, писал тебе, кажется, уже об этом. Тетя Лиза живет у нас, но не прописана, прописка у нее на Клариной квартире. Очевидно, через недельку она вообще уедет к Наде. В общем, все сие тебя не должно волновать.

Люсенька, солнышко мое хорошее, посылаю тебе несколько фотографий, сделанных во время поездки на Калининский фронт. Мне кажется очень удачной та, где снят рядом с Кривицким на диване[564]. Кривицкий этот очень умный малый, мы с ним съездили хорошо, он передовик, т. е. пишет передовые.

Родная моя, ты спрашиваешь о Федоре Марковиче. Я уже писал тебе, что расспрашивал всех, кто только знал о нем, но ничего определенного узнать не смог. Лифшиц говорил, что он осужден, а Гольцев, наоборот, сказал, что его восстановили в партии и послали на низовую работу, но толком не мог сказать, где, когда, куда и как. В общем, мне кажется, ясно одно, что неприятности у него были и есть, но, очевидно, не серьезные и не боль-

---

[564] Примечания: 564

Александр Юрьевич Кривицкий (1910–1986) — писатель, журналист; в военные годы спецкор и ответственный секретарь редакции «Красной звезды»; создатель мифа о подвиге 28 героев-панфиловцев; с 1947 года — заместитель главного редактора журнала «Новый мир»; в 1960 году в качестве члена редколлегии «Знамени» высказывался против публикации романа «Жизнь и судьба», утверждая, что тот произведет «вредоносное действие» (Бочаров 1990: 244).

шие, во всяком случае, не такие большие, как я предполагал, сидя в Чистополе. Между прочим, Гольцев его страшно ругал. Но я ведь знаю, что весь Гольцев не стоит мизинца Левинского. Да, забываю — передай от меня привет Вале.

Детонька, Люсек, напоминаю тебе — если нужно будет тебе что-нибудь в «Красной звезде», пиши Соловейчику[565], он милый очень человек. Если понадобится что-нибудь в Союзе писателей — пиши Бахметьеву, он очень хорошо к тебе и ко мне относится. Да и вообще помни, что в Москве теперь я «популярная» личность, поэтому в случае каких-нибудь срочных надобностей, скажем, вдруг приехать тебе нужно будет срочно, можешь обращаться письмом в Моссовет, авось не откажут: Майорову или Пронину. Впрочем, тут и Союз может многим помочь. А если в «Кр⟨асной⟩ звезде» что-нибудь серьезное нужно будет, пиши Ортенбергу. Он человек отменно сухой и черствый, но, думаю, поможет, если нужно. Все это пишу на тот случай, если за время моего пребывания на фронте произойдет что-нибудь экстерное — с квартирой ли, либо со здоровьем

[565] Примечания: 565

Лев Исомерович Соловейчик (1905–1989) — писатель, журналист; литработник отдела культуры и быта «Красной звезды» (1937–1946); в 1943–1946 годах — редактор в Воениздате.

чего случится. А лучше всего, конечно, ничего бы не приключалось неприятного. О пайках для жен фронтовиков сегодня поговорю в Союзе. Посылку сегодня Жен⟨ни⟩ Генр⟨иховна⟩ отнесет, а через пару дней и вторую.

Ну, моя любимая, родная девонька, крепко тебя целую, твои глаза милые, губы, руки.

Твой Вася.

17 августа 42 г.

Поцелуй Мишу и Федю. Привет всем знакомым.

Письмище вышло огромное, ты его читай по частям, и будет словно несколько писем сразу. Еще раз целую тебя, моя радость. Выполни все, что прошу тебя, — заботься о себе и сохраняй душевный покой.

128

Гроссман — Губер 19 августа 1942, [Москва]

19 августа

Люсенька, посылаю тебе с Зенкевичем 1000 руб. — остальные он побоялся взять, чтобы не украли. Сегодня переведу их телеграфом через Упр⟨авление⟩ авт⟨орских⟩ прав — получишь их, очевидно, через 6–7 дней.

За эти два дня еще 2 договора заключил, вернее,

со мной заключили — киевская киностудия в Ашхабаде[566] на право экранизации и «Огонек» — на книжку в 3 печ(атных) листа, сокращенное издание[567]. И там, и там даю твой адрес для перевода денег.

Солнышко мое, ты меня смертно огорчила: получил твое письмо, ты пишешь, что не могла пойти к врачу из-за отсутствия 50 р. Ну что ж это такое?! Ей-богу, как можно так! Ты в каждом письме пишешь, что мальчики плохо выглядят, а Федя даже кашлянул раз.

Помни, Люсенька, что ты выглядишь хуже мальчиков в тысячу пятьсот раз и что нужно поправлять прежде всего тебя. Люсенька, прошу тебя перед отъездом своим со всей серьезностью — заботься о своем здоровье, оно для меня важнее всего. Уезжаю с тяжелым сердцем, полный опасений, что ты по-прежнему сохнешь, а все силы кладешь на мальчиков.

Если хоть немножко любишь меня и если

---

[566] Примечания: 566

Экранизация повести «Народ бессмертен» Киевской киностудией, эвакуированной в Ашхабад в начале войны, так и не состоялась.

[567] Примечания: 567

После выхода повести «Народ бессмертен» в «Красной звезде» Гроссман подготовил для публикации в издательстве «Правда» новую версию, опустив и сократив некоторые главы. Повесть вышла в серии «Библиотека „Огонек“» (Гроссман 1942e).

можешь задуматься над тем, до чего довела себя, — исполни мою просьбу и не пиши мне больше, что из-за отсутствия 50 р. ты не пошла к врачу.

Ах, Люся, как можно так.

Вчера вечером были у меня Жаткин, Твардовский, Кугель. Жаткин рассказывал страшные и горькие вещи.

Целую тебя, моя родная, крепко. Твой Вася.

Кугель просил тебе передать самый сердечный привет.

Передай мой теплый привет Гехту и Вере Мих(айловне).

19 авг. 42 г.

129

Гроссман — Губер 20 августа [1942, Москва]

20 авг.

Милая моя Люсенька,

получила ли письмо, посланное с Санниковым? Вчера послал тебе с Зенкевичем большое письмо, вложил в него 2 фотографии (остальные,

к сожалению, Шайхет не успел напечатать)[568], вложил в письмо также 1000 руб. Везет Зенкевич тебе посылочку — 600 гр. шоколаду и 100 гр. конфет. 200 гр. из этого шоколада посылает Женни Генриховна. Надеюсь, все дойдет благополучно.

Вчера перевел тебе через Упр⟨авление⟩ по охране авторских прав 6600 руб. Посланы они на фамилию Губер — Хесина знает, верно, но ты зайди к ней, скажи, если деньги еще не получила.

Я оставил распоряжение о переводе тебе денег следующим организациям:

1. Журналу «Знамя» (Гослит) — деньги должны быть скоро (40 % в расчет).

2. Гослитиздату — за «Кольчугина» (там тысяча с лишним) и 40 % за книжку «Народ бессмертен» — эти деньги «созреют» месяца через полтора.

3. Воениздату — должны выплатить 100 % за «Народ бессмертен», договор заключен, но план не утвержден. Это в течение месяца-двух.

4. Киевской киностудии в Ашхабаде. Деньги должны скоро перевести.

---

[568] Примечания: 568

Аркадий Самойлович Шайхет (1898–1959) — фотограф-документалист, фоторепортер. Во время Великой Отечественной войны снимал на фронте, на передовой; его фотографии публиковались среди прочего в «Красной звезде».

5. Сегодня дам «распоряж(ение)» в бухгалт(ерию) «Огонька», чтобы перевели по договору, который подпишу.

Люсенька, надеюсь, что все это реально и таким образом, моя родная, легче будет жить на свете с маслом, медом, молоком. Яиц, донька, ешь побольше.

Люсенька, я послал Гале деньги за август — сентябрь, если я задержусь позже сентября на фронте, перешли телеграфом Катюше деньги за октябрь. Адрес: Ташкент, до востребования Анне Петровне Барановой.

Еду я завтра на рассвете. Как уж писал тебе, в тот город, откуда Гехт приехал. Еду легковой машиной, со мной едет К(онстантин) Симонов, он на некоторое время, я же на длительный срок. Костю Буковского, к сожалению, переводят в Москву, буду я там с капитаном Олендером.

Моя хорошая, моя любимая, целую тебя много раз, крепко, крепко, твой Вася.

130

Гроссман — Губер 23 августа [1942, Москва]

Мое милое, любимое солнышко, мое счастье и радость!

Отъезд мой отложился на пару дней — еду

сегодня. Еду машиной. Состав едущих тоже изменился — Симонов не едет, вместо него Коломейцев, я этому обстоятельству просто счастлив. Моя радость, получил вчера твое заказное письмо. Счастинько мое, не суши себя тоской. Мы увидимся, и все будет хорошо, заживем вместе, долго и счастливо, никогда уж не разлучаясь, ни на час, ни на полчаса. А теперь будь мужественна, спокойна, не нервничай, старайся заполнять свои дни, встречайся с людьми, ходи в гости, развлекайся. Помни, что для меня в этом, пока мы в разлуке, самое большое счастье — знать, что ты живешь в норме. Слышишь, моя ясненькая?

Вчера отнесли в Литфонд 2 больших посылки — по твоему заказу, скоро их отправят.

Ходил вчера в Зоологический сад — хищников нет, а жирафы, слоны, птицы, бегемоты все на месте. А вечером пришел Кугель и Бек[569], мы сразились в покер, и я выиграл кучу денег — 600 р. И весь этот день был для меня полон тобой — и когда ходил один по дорожкам сада, и когда смотрел на четвертый пустой стул за столом, где

[569] Примечания: 569

Александр Альфредович Бек (1903–1972) — писатель, журналист. Участник народного ополчения Москвы, затем — военкор «Красной звезды» и журнала «Знамя». Автор повести «Волоколамское шоссе» о сражениях панфиловцев под Москвой осенью и зимой 1941 года.

всегда сидели с тобой во время игры. И товарищи все время тебя вспоминали, вспоминали, как ссорились с тобой, и, хотя я их погромил, говорили: «А все ж таки Ольга Михайловна куда лучше играет, чем Вас⟨илий⟩ Семенович». Радость моя, ты мое любое счастье, будь здорова, будь бодра, будь умницей.

Литфонд остается в Чистополе. Три дня назад перевел тебе 6600 руб. через Хесина. Зенкевич (он, собака, до сих пор не уехал) везет тебе большое письмо, шоколад и 1000 руб. На днях тебе переведут деньги из «Огонька», а недели через 2 из «Знамени», об остальных переводах уже писал тебе.

Солнышко мое ясное, будь здорова, ходи к врачу! Если понадобится приехать, пиши Бахметьеву — он обещал все сделать для тебя. Он напишет тебе. Трогательно хорошо относится он к тебе и ко мне.

Продолжаю получать много писем из армии — прекрасные, трогательные письма. Редактор обещал их пересылать мне, так что смогу отвечать. Люсеня моя родная, целую тебя крепко, крепко, моя единственная и вечная любовь, целую твои руки и глаза, целую милые губы. Береги себя, моя драгоценная, мы заживем вместе счаст-

ливо и неразлучно. Твой Вася.

Поцелуй Мишу и Федю.

Привет всем знакомым.

23 августа.

Писать буду часто, как и писал, но, бога ради, не беспокойся, письма с дороги идут ведь плохо. Еще раз целую тебя, мое солнышко. Выполняй, что прошу тебя.

131

Гроссман — Губер 27 августа [1942, Сталинградский фронт]

27 августа

Милая Люсенька, вот уж я в дороге четвертый день. Едем машиной, чувствую себя превосходно. Настроение превосходное также. Едет со мной Коломейцев и Коротеев[570]. Коротеев очень славный парень. А о Коломейцеве ты знаешь. Адреса еще не даю, т. к. каждый день меняется место мое — я ведь все еще в дороге. Ехать буду дня 4 еще, очевидно, не туда, куда предполагал, в общем, можешь совершенно не беспокоиться, все будет

[570] Примечания: 570

Василий Игнатьевич Коротеев (1911–1964) — писатель и журналист, в годы войны корреспондент «Красной звезды». В соавторстве с ним Гроссман написал очерк «В городе Сталина», опубликованный в «Красной звезде» 10 ноября 1942 года (Гроссман, Коротеев 1942).

благополучно и хорошо. Питаюсь медом, молоком, помидорами, — в общем, пища приятная.

Родненькая моя, буду писать тебе из всех пунктов, где только есть почта.

Целую тебя крепко, твой Вася.

27 авг. 42 г.

Поцелуй Мишу и Федю.

132

Гроссман — Губер 28 августа [1942, Сталинградский фронт]

28 авг.

Дорогая моя, любимая Люсенька, вчера послал тебе открыточку. Сегодня пишу снова, уже из другого места. Путешествие на машине продолжается, такое же идиллическое, как и в первые дни. Погода прекрасная, спутники милые. Катим, катим по степи. Отдыхаем в деревнях, в лесных рощах. Продуктов много с собой взяли, да и в деревнях покупаем — молоко, мед, овощи. На днях ночевали в чудесном яблоневом саду — скоро — завтра, послезавтра — подберемся к арбузному царству. Все вспоминаю о тебе, моя радость, ох как мне хочется видеть тебя. Буду смотреть на реку и думать, что эта вода пробегала мимо тебя, — и ты на нее, может быть, смотрела своими

милыми голубыми глазами. Целую тебя крепко, моя радость. Твой Вася.

133

Гроссман — Губер 30 августа [1942, Сталинградский фронт]

30 августа

Милая Люсенька, приехал на место. Чувствую себя отлично, длинное путешествие прошло хорошо, здесь тоже чувствую себя неплохо. Очень прошу тебя не беспокоиться обо мне, все будет хорошо, моя милая. Если будет некоторый перерыв в письмах, не вини меня, а почту — буду в разъездах, и письма во время командировок идут плохо. Телеграмм же, как ты знаешь, из армии не принимают. В общем, родная моя, будь совершенно спокойна. Получила ли деньги через управление и с Зенкевичем? Как шоколад? Скоро должна будешь получить деньги от «Огонька» и от «Знамени». Береги себя, мое солнышко. Целую тебя крепко, Вася.

Рядом сидит Коломейцев, шлет тебе привет и желает здоровья.

Вот смотрю на ту же воду, что течет мимо тебя.

134

Гроссман — Губер 31 августа 1942, [Сталинградский фронт]

31 августа 42 г.

Милая Люсенька, пишу тебе пару слов. Вчера послал тебе открыточку. Жив, здоров, благополучен. Осуществил свою «арбузную» мечту — наелся ими до отвала.

Очень прошу, родненькая, не волноваться, если будет перерыв в переписке, в дороге всегда это бывает. Получила ли моих 3 открытки и телеграмму? Живи спокойно, родная моя, Литфонд никуда переезжать не будет, нет в этом нужды никакой.

Целую тебя крепко. Твой Вася.

135

Гроссман — Губер 3 сентября [1942, Сталинградский фронт]

Милая Люсенька, к сожалению, до сих пор не могу сообщить тебе своего адреса — передвигаюсь. Я жив, здоров — чувствую себя отлично. Со мной все время отличные люди, хорошие товарищи. До востребования, как раньше просил

тебя, не пиши мне. Ездит со мной, между прочим, фотокорреспонд⟨ент⟩ Капустянский[571], жена которого сейчас в Чистополе. Получила ли ты деньги?

Крепко целую тебя, твой Вася.

3 сентября

Поцелуй ребят, привет всем знакомым.

Люсенька, узнал адрес: 28-я пол⟨евая⟩ почта, политуправление, спецкор⟨у⟩ «Красной звезды».

136

Гроссман — Губер 6 сентября [1942, Сталинградский фронт]

Милая Люсенька, сейчас приехал на место. Застал здесь старого своего товарища по зиме Олендера. Буковский переведен в Москву.

Мой адрес: 28-я полевая почта, политуправление, спецкору «Красной звезды» В. С. Гроссману.

Чувствую я себя хорошо, настроение хорошее.

Родная моя, пиши мне немедленно, пиши часто и много — бесконечно соскучился по тебе, без твоих писем. Крепко тебя целую, моя родная, твой Вася.

---

[571] Примечания: 571

Фотокорреспондент «Красной звезды» Александр (Исаак) Борисович Капустянский (1905–1984).

Поцелуй Мишу и Федю. Береги свое здоровье, моя родная.

137

Гроссман — Губер 10 сентября 1942, [Сталинградский фронт]

Милая Люсенька, получила ли ты мои многочисленные открытки и две телеграммы, посланные за последние дни?

Я уже начал работать — сегодня отсылаю свой первый очерк[572]. Работы здесь будет много. Живу в тех условиях, к которым уже привык за время войны. Ночую в степи и в избах, ем много арбузов, очень сожалею, что ты не можешь со мной их есть, а в остальном, моя родная, рад, что тебя здесь нет: очень уж жарко, пыльно, утомительные разъезды, да и вообще все тяжести военной жизни, которые не для тебя, моя хорошая.

Все время думаю о тебе, тоскую по тебе, моя радость, полон беспокойства о твоем здоровье. Повторяются ли у тебя припадки? Была ли у врача? Обязательно нужно находиться под постоянным

---

[572] Примечания: 572

Речь об очерке «Волга — Сталинград», который Гроссман завершил 5 сентября 1942 года. Он не был опубликован в «Красной звезде», но именно им открывается сталинградский цикл очерков в книжных изданиях (например: Гроссман 1943d: 5–13; Гроссман 1946d: 5–11).

наблюдением врача, слышишь и слушаешься ли меня? Получила ли деньги от Упр⟨авления⟩ авт⟨орских⟩ прав и через Зенкевича? Должно быть, «Огонек» и «Знамя» тоже сделали тебе переводы. Я просил их, чтобы по телеграфу. Ешь побольше масла, яиц, да и на зиму запасай. Но, кроме того, обязательно нужно тебе иметь кое-какой денежный резерв — «неприкосновенный запас», как говорят у нас. Будь, в общем, рассудительна, чуешь? Со мной тут Коломейцев, Олендер и фотограф Капустянский. Получил телеграмму, что на несколько дней к нам приезжают Ортенберг и Симонов. Ждали их еще позавчера, но их до сих пор нет, задержались, очевидно. Жарища у нас тут ужасная и пылища тоже чертова. Но дело, в общем, к осени — пойдут дожди, прибьют пыль и похолодает, верно, тоже скоро — я жару с трудом переношу. Я уже загорел тут изрядно. Питаюсь вполне удовлетворительно.

Родная моя, несколько раз уже сообщал тебе свой адрес: он тот же, что и раньше был. 28-я полевая почта, политуправление, спецкору «Красной звезды». С огромным нетерпеньем жду твоих писем.

Целую тебя крепко, моя радость.

Твой Вася.

Поцелуй детей.

Привет друзьям. Напиши мне о знакомых — где кто.

Пиши!!! Чуешь, солнышко мое, пиши и будь молодцом.

10 сентября 42 г.

138

Гроссман — Губер 14 сентября 1942, [Сталинградский фронт]

Милая Люсенька, получаешь ли ты мои письма? Пишу тебе часто и много. Родненькая моя, со дня отъезда из Москвы не получаю от тебя никаких известий, не знаю, как живешь, как работаешь, как здоровье твое. Беспокоюсь о тебе очень. Адрес свой сообщаю тебе в каждом письме: 28-я полевая почта, политуправление, спецкору «Кр(асной) звезды».

Живу я хорошо — вижу снова много интересного, вижу много замечательных людей, прекрасную природу, солнце, звезды, степь огромную. Правда, устаю я сильно — большую часть времени провожу в разъездах. Последние дни видел Долматовского, бывали с ним вместе в одних местах. Вчера он поехал в редакцию.

Езжу все время вместе с Коломейцевым. Дру-

жим с ним. Олендер, вероятно, через несколько дней поедет в отпуск.

Пишу пока мало, но уже послал в редакцию большую статью — очерк.

Питаюсь хорошо. С сердцем в порядке. Пиши мне о себе подробно, родная моя. Есть ли известия от папы, Жени, как ребята? Что пишут из Москвы тебе? Как живет чистопольская колония?

Крепко тебя целую.

Твой Вася.

14 сентября 42 г.

139

Гроссман — Губер [3 октября 1942 [573], Казань]

Милая моя Люсенька, только что прилетел в Казань, еще час назад был в Чистополе[574]. Улетел на случайной машине. Завтра утром выясню дальнейшие перспективы, полон мыслями о тебе, на сердце нелегко, моя дорогая. Мужайся, мы должны с тобой увидеться вновь, и на сердце

---

[573] Примечания: 573

Дата на штемпеле получения почтовой карточки.

[574] Примечания: 574

13 сентября 1942 года в результате несчастного случая — взрыва снаряда, лежавшего на территории чистопольского военкомата, погиб Михаил Губер. Гроссман прилетал из Сталинграда на похороны (см. воспоминания об этом: Громова 2019: 182–185; Воскресенская 2003: 191–192).

тогда не будет так тяжело. Целую тебя много раз. Твой Вася.

Поцелуй Федю, сердечный привет Дерману. Пиши. Работай. Береги себя.

140

Гроссман — Губер 3 октября [1942, Куйбышев]

3 октября

Дорогая моя, милая, пишу тебе в Куйбышеве, минут через 20 лечу дальше. Пока поездка очень удачно и быстро идет, надеюсь, и дальше так. Ночевал я с удобствами, дали мне койку, чистое белье, одеяло. В дороге качало немного, но на меня качка не действует. Все время думаю о тебе и о нашем Мише. Тяжело очень на сердце. Мужайся, моя единственная, крепко возьми себя в руки, работай побольше, но все же помни о здоровье. Питайся хорошо, нужно тебе обязательно поправиться. Целую тебя крепко,

твой Вася.

141

Гроссман — Губер 4 октября [1942, Сталинградский фронт]

4 октября

Милая Люсенька, сегодня уже доехал до места, т. е. почти до места. По дороге, представь себе, встретил Костю Буковского, вместе с ним и едем. Коломейцев уже уехал. Погода здесь хорошая, золотая теплая осень. Снова все знакомые картины, которые так примелькались за год войны. Все время думаю о тебе, пусть это тебя поддерживает, моя хорошая. Пиши мне почаще, я жду с нетерпеньем вестей от тебя. Целую тебя крепко,

твой Вася.

Поцелуй Федю, привет знакомым.

142

Гроссман — Губер 5 октября 1942, [Сталинградский фронт]

Милая моя Люсенька, сегодня приехал на место. Доехал благополучно и быстро, всю дорогу проделал на самолетах. Здесь застал все по-старому, только вместо Коломейцева будет тут Буковский. Олендер завтра уезжает в долгожданный им двадцатидневный отпуск. С дороги послал тебе 3 открытки — получила ли ты их? Теперь у меня новый адрес: 28-я полевая почта, 1-я часть, В. С. Гроссману. (Должность мою, как раньше, указывать не нужно.) Сообщи этот адрес Женни Генриховне, чтобы она пересылала мне письма,

иначе не будут доходить. Получил здесь письма от тебя и папы (очень старые), а также от Кати Строговой и от Ковалевского. Катя снова уезжает на фронт, Ковалевский много пишет о моей повести, пишет, что до него дошел слух о том, что я погиб, и когда он вдруг получил мое письмо из Чистополя, он расплакался. Меня очень тронуло такое чувство. Спрашивает о тебе. Получил 2 открытки от Гали, ее муж сейчас в Ташкенте — получил инвалидность на 3 месяца. Катюша вернулась из детского лагеря поправившейся, но по приезде заболела тропической малярией и, конечно, сразу все спустила. Еще получил я письмо от Сёмы Тумаркина, он спрашивает, как ты живешь, пишет, что собирается в Москву, его служба вызывает. Ну вот, видишь, сколько писем меня ждало. Здесь на время приехавший наш работник Дейген[575], который хорошо знает всю историю Ф(едора) Левина. Из его рассказа явствует, что произошло полное и совершенное недоразумение, что братья писатели написали,

[575] Примечания: 575

Исаак Михайлович Дейген (1911–?) — корреспондент «Красной звезды» на Северном фронте, начальник отдела пропаганды редакции газеты «Вперед за Родину». Печатался под псевдонимом Исаков Д. По свидетельству Татьяны Левченко, в неопубликованных мемуарах Федора Левина «История моего космополитизма» указано, что Исаак Дейген присутствовал при аресте Федора Левина.

а он попал, как кур во щи, и что и тени на нем нет вины. Я собираюсь написать по этому поводу в Москву.

Моя родная и хорошая, все мои мысли и все мое сердце с тобой, пусть тебя поддерживает чувство нашей связанности. Работай, моя родная, но не переутомляйся, не выбивайся из сил. Питайся хорошо. Помни о том, как ты нужна для счастья и жизни. Пиши мне подробно о себе. Пиши о Феде. Готова ли уже ограда на Мишиной могиле? Получила ли письмо от Маруси — как ей живется, имеет ли она известия от Жени и Вероники?

Целую тебя крепко.

Твой Вася.

Поцелуй Федю, привет Дерману.

5 октября 42 г.

143

Гроссман — Губер 8 октября [1942, Сталинград]

Милая Люсенька, пишу тебе четвертое письмо и посылал телеграмму о том, что адрес мой пишется по-новому: 28-я полевая почта, часть № 1, В. С. Гроссману (не указывая моей должности). Понемногу приступил к работе, уже побывал у славных людей, принявших нас очень гостепри-

имно. Отдохнул у них и хорошо выспался. Ездит теперь со мной Костя Буковский. Все время думаю о тебе, моя родная. Как ты живешь, как работаешь, как твое бедное сердце, как здоровье твое?

Сегодня поехали чинить машину, и это письмо пишу тебе на той улице, возле красного домика, где ты когда-то жила. И от этого мне и приятно, и грустно.

На днях (26-го), оказывается, был напечатан малый кусок моего второго очерка в совершенно неузнаваемом виде, я его не узнал[576].

Люсенька, родная моя, пиши мне, береги себя, получше питайся и не переутомляй себя работой.

Целую тебя крепко,

твой Вася.

Поцелуй Федьку, привет передай Дерману.

8 октября

Тут по ночам уже совсем прохладно, сильные

---

[576] Примечания: 576

Речь об очерке «Рота молодых автоматчиков», написанном 17 сентября и вышедшем в «Красной звезде» 26 сентября 1942 года под заглавием «В степном овраге» (Гроссман 1942b). В более полной редакции очерк был впервые опубликован в сборнике «Сталинград» под авторским названием (Гроссман 1943d: 14–22), затем включен в сборник «Годы войны» (Гроссман 1947: 177–183). Редакторы «Красной звезды» устранили из очерка все упоминания о критике рядовыми командного состава, эпизод о дезертире и его расстреле, провели существенную стилистическую правку, добавив в текст множество газетных клише; финал также был изменен.

очень ветры. Напиши, как живет ваша колония — кто уехал, кто приехал?

144

Губер — Гроссману 8 октября [1942, Чистополь]

8. X

Васенька, родной мой! Получила сейчас письмо от Женни Генриховны. Она прислала письмо С⟨емена⟩ О⟨сиповича⟩ — он пишет, что сейчас в Ряжске, письмо его от 20 сентября. Пишет, что видел в Ташкенте Катю. Говорил много с ней — она очень хорошая девочка. Хочет, чтобы ты попросил Иду вызвать его в Москву. Адрес его: Ряжск, 7-й санитарный участок Ленинской дороги. Очень рада, что с С⟨еменом⟩ О⟨сиповичем⟩ все благополучно. Писать о себе нечего — ничего нет хорошего. С твоим отъездом как-то жизнь стала ужаснее для меня, больше, чем до приезда. Миша днем и ночью со мной. В интернате до сих пор не была. Тяжело мне сейчас окунуться во все интриги интерната. Читала сегодня в «Красной звезде» от 26 сентября твой очерк.

Будь здоров.

Целую крепко.

Твоя Люся.

145

Губер — Гроссману 9 октября 1942, [Чистополь]

9. X

Васенька, родной мой!

Сестра Твардовского[577] едет в твою сторону и обещает бросить письмо поближе к тебе. Приехал из Москвы Арон[578] — шлет привет тебе. Приехал и пришел тут же высказать свое сочувствие. Приехал и Бондарин — не зашел, только тещу свою направил ко мне, чтобы не мешала. Она теперь ночует у меня. Был сегодня у меня Васильев. Нашел сильно увеличенной печень. Дал бумажку на комиссию. Дал сердечное лекарство. Да зачем лекарство мне? Лекарство мне сейчас одно — быть возле тебя, а это невозможно. На кладбище до сих пор не поставили старички ограды. Горе мое не легчает, а как-то растет — ведь я не могла поверить в смерть Миши, а теперь

---

[577] Примечания: 577

У Александра Твардовского было две младшие сестры: Анна (1912–2000) и Мария (1922–1984).

[578] Примечания: 578

Арон Исаевич Эрлих (1896–1963) — писатель и журналист, публиковался в «Правде», «Огоньке» и других изданиях; с начала 1930-х годов был заведующим отдела литературы и искусства в «Правде».

начинаю как-то чувствовать, что это конец, я его никогда не увижу. Говорит Твардовская с слов Исаковской[579], что Миша очень страдал от боли, знал, что будет калека, просил ничего не говорить мне, но в смерть не верил. Говорит, что сердце не выдержало его. И крови много очень потерял. Ой, как страшно жить мне. Так темно. Васильев сегодня сказал, «разве был хоть один человек в Чистополе, который бы не оплакивал Мишу, его все любили».

А Игорь, он часто заходит ко мне, говорит, что погибли все лучшие мальчики, и оба отличника класса — Миша и Михайлов. Взял Мишину карточку увеличить. Я тебе уже писала, что есть письмо от С⟨емена⟩ О⟨сиповича⟩. Он в Ряжске. Хочет, чтобы ему Ида устроила вызов в Москву. В газете от 26 сентября есть твой очерк «В степном овраге». 12 октября кончится седьмой, страшный год нашей с тобой жизни. Может быть, восьмой будет легче, да может ли быть мне когда-нибудь легче? Ведь Миши нет.

Васенька, будь здоров, береги себя, мое солнышко, целую крепко. Твоя Люся.

---

[579] Примечания: 579

Лидия Ивановна Исаковская (1902–1955) — хирург, жена поэта Михаила Васильевича Исаковского; оперировала в Чистополе Михаила Губера после взрыва снаряда.

146

Гроссман — Губер 12 октября 1942, [Сталинград]

12 октября 42 г.

Милая моя и любимая Люсенька! Пишу тебе часто — доходят ли до тебя мои письма? Сейчас работаю много, работа интересная и напряженная. Вижу много интересного и хорошего, прекрасно воюют сейчас наши красноармейцы — мужественно и стойко.

Я писал тебе и телеграфировал, что мой адрес пишется теперь по-новому — 28-я полевая почта, 1-я часть. Сейчас я недели на 2 выехал от Буковского, выполню поручение редакции, напишу 3–4 очерка и, очевидно, вернусь туда. Очень меня все время волнуют мысли о тебе, как живешь ты, как себя чувствуешь, как твое здоровье. Родненькая моя, целую тебя крепко и люблю, помни об этом всегда, мое солнышко милое.

Пиши мне, но беда, что письма сюда плохо ходят. Сейчас сижу и пишу большой очерк, зай-

мет это у меня дня 3[580]. Имеешь ли письма из Москвы?

Целую тебя крепко,

твой Вася.

Поцелуй Федю.

Получила ли деньги из Москвы?

147

Гроссман — Губер 14 октября 1942, [Сталинград]

Милая Люсенька, пишу тебе часто, но не знаю, доходят ли до тебя мои письма. Твоих я еще не получил ни одного. Надеюсь, что мои идут быстрей и аккуратней. Как ты живешь, моя родная, я весь полон беспокойства за тебя — как твое здоровье, много ли времени отнимает у тебя работа? Кто там у вас остался из москвичей и кто приехал вновь.

По-прежнему ли такое настроение отъезжательное у вас там? Нет к этому оснований. Я много работаю, сейчас пишу большой очерк, закончу

[580] Примечания: 580

Очерк «Сталинградская битва», впервые опубликованный в «Красной звезде» 27 октября 1942 года (Гроссман 1942i). В послевоенных изданиях этот очерк ложно датирован 20 сентября 1942 года (Гроссман 1946d: 27; Гроссман 1947a: 204; Гроссман 1989a: 30). При этом в сборниках, выходивших в военное время, он датирован верно (см., напр.: Гроссман 1943d: 50).

его, вероятно, завтра к вечеру. Здесь сейчас очень интересно работать, масса впечатлений. Езжу с места на место. Адрес свой я уже сообщил тебе. Бытовые условия хорошие, питаюсь регулярно и сытно, сплю, представь себе, на пружином матраце, но, конечно, без простынь и подушки. Корреспондентского народа здесь много, все время шум, споры, разговоры.

Родная моя, крепко тебя целую, твой Вася.

Поцелуй Федю.

14 октября 42 г.

Береги себя, моя любимая.

148

Губер — Гроссману 14 октября 1942, [Чистополь]

Васенька, родной мой!

Вчера получила телеграмму с твоим адресом и спешу написать. Живу по-старому. Дождь идет все время, и я плачу. Федя ходит в школу. Я сижу все дома. Хочется на кладбище, а пойти — нужно нести деньги за ограду, а льет дождь и Е. Г.[581]

[581] Примечания: 581

Возможно, Елизавета Георгиевна, чистопольская знакомая Ольги Михайловны Губер и Гроссмана, которая затем помогала им ухаживать за могилой Михаила Губера (см. письмо Ольги Губер от 30 мая 1959 года, с. 608).

на рынок не ходит, а из Москвы денег не шлют. Еще повторяю тебе, что получено письмо от Семена Осиповича, он в Ряжске. Видел в Ташкенте Катюшу — хвалит ее очень. Пишет, что муж Гали живет с ними, получает пенсию 400 р. Вчера уехал Бондарин и Миндлин.

Пиши чаще. Очень тоскливо не знать, что с тобой. Скоро ли поедешь в Москву? Если б только знал, как темно и тяжко без тебя. Сейчас особенно, чем когда-либо, нужен ты мне.

Целую тебя крепко.

Твоя Люся.

14/X-42

149

Гроссман — Губер 16 октября 1942, [Сталинград]

Милая Люсенька, пишу тебе очень часто, получаешь ли мои письма? У меня изменений за последние дни нет. Кончил писать один очерк, начал сегодня второй[582]. Получил телеграмму от Ортенберга — тот очерк, который читал тебе

[582] Примечания: 582

Речь об очерках «Сталинградская битва» (Гроссман 1942i) и «Власов» (вышел под названием «Сталинградская переправа»: Гроссман 1942j), опубликованных в «Красной звезде» 27 октября и 4 ноября соответственно.

и Феде (помнишь?)[583], очень понравился в редакции и будет напечатан 15-го либо 16-го[584].

Бытовые условия у меня хорошие, как я писал тебе уже, живу в приличной комнате, сплю на кровати и пишу чернилом, сидя за столом, роскошь, которую не всегда себе можно доставить. Главная моя тревога о тебе, моя родная, о твоем душевном состоянии, здоровье.

Бесконечно хочется тебя видеть, моя радость, быть вместе с тобой.

Крепко тебя целую.

Твой Вася.

Поцелуй Федю.

16 октября 42 г.

У нас тут по-прежнему ясная, солнечная погода, а у вас уж, верно, холода, дожди, может быть, даже снег?

Береги себя, моя хорошая и единственная.

---

[583] Примечания: 583

В семейном архиве Гроссмана — Губер сохранилась недатированная запись, сделанная Ольгой Михайловной: «После смерти Мишеньки — не могла слушать, когда Вася читал написанное за последние дни и там были натуралистические подробности убийств, смерти. Я начинала плакать — Вася сердился, что я не хочу его слушать, и перестал мне [читать]».

[584] Примечания: 584

Этот очерк — «Первая встреча» (в дальнейшем публиковался под заглавием «Душа красноармейца») — действительно вышел в «Красной звезде» 15 октября (Гроссман 1942h).

150

Гроссман — Губер 22 октября 1942, [Сталинград]

Милая Люсенька, пишу тебе несколько слов, сейчас уезжают товарищи в Москву — я их попросил оттуда послать письмо, может быть, дойдет быстрей, чем по полевой почте. Пишу тебе очень часто — не знаю, доходят ли до тебя письма эти.

Моя фронтовая жизнь идет так же, как шла раньше, бытовые условия хорошие, пока жив и здоров, верю, что встретимся с тобой в добрые времена мира, когда уж не будем разлучаться. Не знаю, как теперь ходит к вам почта, есть ли по Каме судоходство. Думаю постоянно о тебе, беспокоюсь, хочу тебя видеть.

Написал ругательное письмо редактору, не без интереса жду его ответа — написал ему о казенном отношении и чиновных нравах редакции.

Здесь интересно сейчас, народ хороший, крепкий, воюют хорошо.

Целую тебя крепко,

твой Вася.

Получил подарок, который дается всем участ-

никам сталинградской обороны[585], он доставил бы много удовольствия Феде, да не знаю, как переправить его.

22 октября 42 г.

151

Губер — Гроссману 25 октября 1942, [Чистополь]

25. X.42

Васенька, родной мой, хороший. Получила вчера от тебя открытку из Куйбышева. Очень беспокоюсь за тебя. Пошла неделю назад работать в интернат, но если б ты только знал, каким мучением оказалось мне мое пребывание в интернате, так тяжело видеть мальчиков в возрасте Миши, которые едят, пьют, ходят, смеются, а Миши нет, что я взяла работу и убежала домой. Дома я сшила платья для девочки Климковича[586], помнишь, с ним мы отдыхали в Ялте. Девочка лет 14–15, очень милая. Решила вязать и больше

---

[585] Примечания: 585

Установить, о каком именно подарке идет речь, пока не удалось. Медаль за оборону Сталинграда была учреждена лишь 22 декабря 1942 года (Указ 1942).

[586] Примечания: 586

Вероятно, речь о дочери поэта Михася Николаевича Климковича (1899–1954) Майе (1927–2014).

вести общественную работу. Если бы я могла быть с тобой на фронте! Все время думаю о Мише, очень много плачу, трудно сдерживаться. По утрам просыпаюсь и смотрю на его кровать, может быть, это страшный сон, может быть, он жив, но кровать пуста, а жизнь моя страшна. На кладбище поставили ограду, прибили дощечку с надписью, но поверить трудно, что нет у меня больше старшего сына. Скоро, наверно, ты поедешь в Москву за теплыми вещами, может быть, можно будет заехать сюда? Так хочется быть с тобой. У нас уже подмерзает по утрам.

Денег издательства еще не прислали. Книжки тоже. Очень хочется прочесть всю повесть. Может быть, ты как-нибудь напишешь, чтобы выслали мне «Знамя».

Будь здоров. Береги себя.

Целую крепко.

Федя целует.

Твоя Люся.

152

Гроссман — Губер 26 октября 1942, [Сталинград]

Милая Люсенька, пока от тебя не получил еще ни одного письма. Очень беспокоюсь, как здоро-

вье твое, как себя чувствуешь? Все время думаю о тебе.

Я много работаю, много езжу, вижу много интересного. Волнует меня только, что здесь оторван как-то — писем не получаю. Вышел у меня конфликт с редактором, я ему написал ругательное письмо, в котором писал, что заслужил более внимательного отношения к себе. Ну да это, в общем, пустяки. Написал сейчас большущий очерк, хотелось, чтобы он был напечатан. Пишется мне теперь трудновато, нервишки мешают. Родная моя, береги себя. Целую тебя крепко, твой Вася.

Поцелуй Федю.

26 октября 42 г.

153

Гроссман — Губер 10 ноября 1942, [Сталинград]

10. XI.42 г.

Милая Люсенька, наконец-то получил от тебя первое письмо, посланное в день моего отъезда от тебя. Одновременно получил письма от папы и Женни Генрих⟨овны⟩. Женни Генрих⟨овна⟩ жалуется, что у нее нет денег, — если можешь, пошли ей немного. Я здесь без копейки сижу (тут мне деньги не нужны — не беспокойся).

Я здоров, работаю и понемногу порчу себе отно-

шения с редактором, написал ему резкое письмо. Шоколад, который хранил для тебя, у меня украли — ужасно огорчен этому. У нас уже солидные морозцы. Я порядком устал, все время в большом напряжении. Думаю о тебе, мое солнышко. Пиши мне. Крепко тебя целую, твой Вася.

Поцелуй Федьку. Дерману привет.

154

Гроссман — Губер 13 ноября 1942, [Сталинград]

Милая Люсенька, получаешь ли ты мои письма, ходит ли сейчас почта? Читаешь ли в газете мои корреспонденции, они появляются теперь регулярно, примерно каждые 10 дней. Пишу тебе в день, когда прошло 2 месяца со смерти Миши. Тебе, наверное, особенно тяжело сегодня на сердце. Бедная моя, очень тоскую по тебе и очень хочу тебя видеть, волнуюсь о твоем здоровье. За все время имел от тебя всего лишь одно письмо. Я здоров, бытовые условия неплохие, но напряжение работы последних полутора месяцев дает себя, конечно, чувствовать.

Не знаю, когда попаду в Москву, с редакцией отношения себе испортил. Надоел мне мой шеф, с его вечной любовью администрировать. Имел письмо от папы — переслала мне Жен⟨ни⟩ Ге-

нр⟨иховна⟩. Береги себя, моя родная. Крепко тебя целую, твой Вася.

13 ноября 42 г.

155

Гроссман — Губер 15 ноября 1942, [Сталинград]

Милая моя Люсенька, сейчас ночь, народ наш спит вповалку на полу, а мне как-то необычайно тоскливо по тебе, радость моя, не спится. Люсенька, солнышко, береги свое здоровье — питайся регулярно и ешь побольше, чтобы к приезду моему ты была снова поправившейся, здоровенькой, а то сердце болит, когда вспоминаю твое худенькое личико и печальные глаза. То, что я вижу здесь, — действительно способно вызвать восхищение всего мира, такого мужества, такой стойкости мир не знал. В ноги кланяться людям, которые с такой простотой отдают свою жизнь в боях, жестоких и не знающих передышки ни днем ни ночью. Это суровые и величественные дни, не забуду их, сколько буду жить. Мне кажется, что никогда не были так сильны мои переживания, как сейчас.

Целую тебя, твой Вася.

15 ноября 42 г.

156

Гроссман — Губер 22 ноября 1942, [Сталинград]

22 ноября

Милая моя Люсенька, пишу тебе, пишу и не знаю, доходят ли до тебя мои письма. А вот твои до меня не доходят, и я полон беспокойства о тебе, моя родная. Здорова ли ты, как чувствуешь себя? Люсенька, надеюсь, что скоро горизонты наши просветлеют, что мы увидимся, встретимся и уж разлучаться не будем. Будь крепка, мне кажется, что самое трудное время уже позади.

Крепко тебя целую, моя радость, твой Вася.

Поцелуй Федю, привет передай Дерману. Получил сегодня сообщение, что папа в Москве, прописан там до 1 декабря.

157

Гроссман — Губер 5 декабря 1942, [Сталинград]

Милая моя Люсенька, пишу тебе 5 декабря, но пишу уже новогоднее письмо, так как при темпах нашей почты оно, вероятно, доберется к тебе уже к Новому году. Что же пожелать тебе, а тем самым и себе — ведь так, дорогая моя? Того, чтобы 43-й год стал годом нашей послевоенной встре-

чи, годом встречи тех, кого разлучила война. Я надеюсь, что пожелание это исполнится, сердцем чую, что 1943 год будет годом нашей победы, годом гибели фашизма. Родная моя, самое тяжелое, мне кажется, уже позади. Будь же мужественна, спокойна и терпелива.

Что рассказать тебе о себе? Я работаю много, ты, вероятно, видишь по газете. Должен тебе сказать, что если б ты видела, как корежат и не только корежат, но и дописывают в редакции целые фразы к моим бедным сочинениям, то тебе бы их появление на свет доставляло бы, как и мне, больше огорчений, чем удовольствий. Редакция взяла себе буквально за правило отрезать у очерка конец, вместо точек ставить запятые, вычеркивать те описания, которые мне особенно интересны, менять заглавия[587] и вписывать фразы вроде: «Эта вера, любовь творили буквально чудеса». Правка вся эта делается в спешке ремесленными правщиками — иногда я по несколько раз перечитываю фразы, чтобы понять их смысл.

[587] Примечания: 587

Многие военные очерки Гроссмана действительно были опубликованы в «Красной звезде» не под авторским заглавием. Например, очерк «Власов» вышел под заглавием «Сталинградская переправа» (Гроссман 1942j), к тому же структура очерка была изменена, многие фрагменты опущены, изменен финал. А очерк «Глазами Чехова» вышел под заголовком «Сталинградская быль» (Гроссман 1942k).

Все это меня очень огорчает, так как работаю я в условиях весьма и весьма тяжелых и хотел бы, чтобы к моему труду относились побережливей и повнимательней. Ну ладно, хватит об этом.

Родная моя, теперь, мне кажется, можно было бы тебе перебираться в Москву, там хоть в бытовом отношении не так уж тебе было б легко, но хотя бы возможность была нам видаться. Я думаю, что в начале января попаду в Москву дней на 10. К сожалению, теперь не могу содействовать тебе отсюда — оторван. Думаю, что Союз пис(ателей) мог бы помочь тебе и поможет в этом. С точки зрения «холодного рассудка» лучше, конечно, ждать весны, когда дорога будет легче, когда отпадет топливная проблема. Словом, когда буду в Москве, взвесим все за и против и решим.

Чувствую я себя хорошо, в бытовом отношении устроен, одет тепло.

Очень беспокоюсь о тебе, писем не получаю совсем.

Целую тебя крепко,

твой Вася.

5 декабря 42 г.

158

Гроссман — Губер 11 декабря [1942, Сталинград]

Моя милая и родная Люсенька,

с тех пор как получил твое единственное письмо, посланное в день моего отъезда, не имею ни единой весточки от тебя. Полон тоски и беспокойства по тебе, моя радость. Родная моя, получил от редакции телеграмму, что папа прописан в Москве. Я ему сегодня написал, чтобы связался с тобой, — если условия жизни в Москве сносные, а тебе, мое солнышко, очень тяжело жить в Чистополе, то, может быть, не стоит тебе дожидаться весны, а ехать в Москву сейчас. Подумай, взвесь, решай. Мне отсюда, будучи совершенно оторванным от московской жизни, трудно давать решительные советы. Посоветуйся с Семеном Осиповичем и друзьями — и действуй, принимай решенье. Мне все время страшно, что ты живешь совсем оторванной от близких, с такой тяжестью на сердце, в этом мрачном городишке. Я думаю, что в январе буду в Москве. Тоскую по тебе, думаю день и ночь о тебе, моя радость. Все время гадаю, хочу знать, как ты и что, — и ни одного письма. А последние дни все больше думаю о твоем путе-

шествии в Москву. Останавливают меня мысли о трудностях дороги зимней, о дровах, которые у тебя есть в Чистополе, о маленьких запасах. Вот и не знаю. А главное, не знаю, что ты сама чувствуешь, как живешь, как переносишь эту долгую чистопольскую зиму.

Ну вот, моя ясная. Целую тебя много раз крепко, крепко,

твой Вася.

Поцелуй Федю.

11 декабря.

Завтра мой день рождения, как бы хотелось провести его вместе с тобой, мое ясное солнышко.

Мой новый адрес: Полевая почта № 2193, часть 24.

159

Губер — Гроссману [Декабрь 1942, Чистополь]

Васенька, родной мой! Нет очень давно писем от тебя. Очень беспокоюсь. Я очень жалею, что не уехала в Москву, — тяжело мне очень здесь. Все напоминает Мишу, а сильной быть я не могу. У нас зима, но в комнате тепло очень. Приезжай работать. Выпиши на 1943 год газеты. Целую,

Люся.

160

Гроссман — Губер [Декабрь 1942, после 4-го; Сталинград]

Моя милая и хорошая Люсенька, пользуюсь оказией, товарищ едет в Казань, и пишу тебе письмо.

Родная и хорошая моя, сегодня мне переслали с оказией твое письмо из Москвы. Оно мне принесло много горя — не нужно, Люсенька, падать духом и предаваться отчаянию. Кругом полно горя, сколько я его вижу. Вижу я матерей, у которых убиты на войне три сына и муж погиб, вижу жен, потерявших мужей и детей, вижу женщин, у которых во время бомбежки убивает малых детей, — и все эти люди крепятся, живут, работают, ждут победы, не теряют присутствия духа. А в каких тяжелых, суровых условиях живут они! Будь и ты крепка, моя радость, держись. Я уже в нескольких письмах писал тебе о том, что склоняюсь к мысли о твоем переезде в Москву. Если так тяжело в Чистополе душевно, то что толку в некоторых материальных удобствах? Все же в Москве живет сестра твоя, больше знакомых людей, да и шансов нам с тобой видеться куда больше. Я, возможно, в январе буду в Москве, про-

буду дней 10–12. Спишись с Семеном Осиповичем, посоветуйся с товарищами — если решишь ехать, тебе смогут помочь в отношении командировки Дерман, Бахметьевы. А в Москве ведь живут писательские жены, проживешь и ты. В общем, серьезно подумай, взвесь, реши. Мне трудно, сидя тут, давать тебе решающие советы, боюсь, что не все знаю о трудностях дороги и жизни, во всяком случае, повторяю, я в последнее время все больше и больше думаю о твоем переезде в Москву. Что касается моего приезда в Чистополь, то боюсь обещать тебе что-либо определенное. Помнишь, как в прошлом году ты ждала меня три месяца, и из месяца в месяц откладывался мой приезд. Когда буду в Москве, поговорю на эту тему с редактором, и тогда больше ясности будет в этом вопросе. В общем, обдумай все хорошенько — все за и против московские и чистопольские.

Люсенька, родная моя, ты не беспокойся, письма плохо ходят, и поэтому бывает долгий перерыв. Я ведь с начала октября не там, где Долматовский, а в районе города и в самом городе — ну и естественно, что связь не очень хорошая.

Родная моя, твое письмо меня немножко огорчило и потому, что ты совсем ушла в свое горе и все твое сердечко полно им. Если б ты знала, как

тяжело мне иногда бывает, то нашла бы и для меня теплое слово, в котором я иногда нуждаюсь и которого так жадно жду. Здесь люди привыкли к смерти, она никогда так близко не стояла за их спинами вчера, сегодня, днем, ночью. Знаешь, как поется в песне, которую так любят здесь петь:

До тебя далеко, далеко,
А до смерти четыре шага[588].

Ты, моя радость, не беспокойся обо мне, мы увидимся с тобой, обязательно увидимся, но хочется слова любви, ох как хочется, сидя здесь. Прости, что пишу тебе это, но я ведь пишу, что чувствую. И вот, моя родная, моя любимая, моя хорошая, стало мне немного больно. Ну да это все пустое, Люсенька, радость моя, прошу тебя, не предавайся отчаянию, ведь есть у тебя и я, и Федя, есть у тебя и любовь, и смысл жизни.

Люсенька, ты пишешь, что издательства не высылают денег тебе, — возможно, это связано с тем, что книжку мою решили не издавать, ну и естественно (т. к. аванс уже был получен), высылать нечего. Переводит ли тебе деньги редакция «Кр[асной] звезды»? Я в последнее время

---

[588] Примечания: 588

Неточная цитата из песни «В землянке» (1942) Константина Листова на стихи Алексея Суркова.

печатаюсь много, и там полагается тебе изрядная сумма денег — тысячи три с лишним (с октября по декабрь). Люсенька, одевайся теплей, питайся регулярно, побольше ешь масла, старайся бывать на людях. Слышишь, моя родная? Помни, что я день и ночь думаю о тебе, что я полон тревоги о тебе, что каждая дурная весть о твоем житие для меня как нож. Напишу сегодня либо завтра в редакцию, чтобы тебе выписали газету. Подумай о Москве, как и что.

В бытовом отношении я живу хорошо — питаюсь сытно, снова получил кожух, валенки, ватный костюм, меховой жилет.

У меня теперь новый адрес:

Полевая почтовая станция 2193, часть 24.

Представили меня второй раз к ордену Красного Знамени, но эффекта пока нет, как и в первом случае.

Хорошая моя, напиши мне какие-нибудь нежные слова, в них потребность, как в черном хлебе. Береги себя ради меня, родная моя, хорошая, любимая.

Целую тебя крепко.

Твой Вася.

P. S. Утром отправил тебе письмо через полевую станцию, меня очень порадовало известие, что

Ф⟨едор⟩ Левин жив, здоров. Передай Вале мое сердечное поздравление и скажи ей, пусть обязательно, когда будет писать ему, передает мой горячий привет.

Взял я у убитого бойца письмо, написанное детскими каракулями. Там такие слова в конце:

«Я без вас шипко скучаю. Приезжайте хоть один час на вас посмотреть. Пишу, а слезы градом льются, приезжайте, тятя». И меня до слез тронуло это письмецо, и так больно было глядеть на этого убитого тятю. Много, много горя на свете, моя родная, пусть и у тебя будет чувство, какое есть у меня, что легче переносить горе, деля со всем нашим народом.

161

Гроссман — Губер 25–27 декабря 1942, [Сталинград]

Моя милая Люсенька, только что вернулся из города, чтобы отписаться. Шел уже по льду. Много больших впечатлений мне принесла эта очередная прогулка. Представь себе, милая моя, над Волгой, на обрыве могила Юры Беньяша, Вадиного сына. Я отыскал его командира полка, и он подробно рассказал о Юре. Говорил со слезами в голосе. Юра командовал батальоном, воевал, как

герой, — подбил со своей противотанковой ротой 16 немецких танков, ходил в сумасшедшие атаки, все о нем говорят с восхищением. Он знал, что я здесь, и все пытался меня разыскать через людей из фронтовой редакции, писал мне письма, но ни одно так ко мне и не попало. Ну вот, я его разыскал. И некому даже написать о нем — нет у него ни отца, ни матери, ни дедушки, ни бабушки.

Люсенька, много, много прошло сейчас перед моими глазами, так много, что удивляешься, как это входит еще в душу, в сердце, в мысль, в память. Кажется, что уж полон весь. Сидел позавчера в глубоком подвале разрушенного завода, шел бой за знаменитый здесь курган, и слушал, красноармейцы заводили патефон, сквозь треск и гул сражения печальную, величавую песню, которую люблю очень:

Что ж потемнели свечи вдруг?
Зажгите пунш скорей.
И девушек теснее круг,
И песни веселей.

Помнишь, «Ирландская застольная»?[589]

---

[589] Примечания: 589

«Ирландская застольная» (1810–1813) — песня Людвига ван Бетховена на стихи Джоанны Бейли.

И меня это взволновало и тронуло, вот где пришлось послушать бетховенскую песню. И тронуло меня, что красноармейцам она очень нравится. Раз десять они повторяли ее.

Тут много музыки — почти в каждом подвале, блиндаже патефон. Но ты, наверное, понимаешь, что тут не одна лишь музыка.

Родненькая моя, получила ли мое письмо, которое послал тебе с оказией, где пишу о том, чтобы подумала о переезде в Москву. Солнышко мое ясное, я полон тревоги за тебя и полон тоски по тебе. И я все время думаю о том, чтобы нам видеться хотя бы почаще, хотя бы столько, сколько можно во время войны. Может быть, радость моя, в этом и есть главное в твоем жизненном устройстве, а может быть, это чистейшей воды эгоизм с моей стороны. И лучше и разумней тебе подождать весны. Вот поставил задачу и тебе, и себе.

Милая моя, хорошая, завтра сажусь писать длиннейший очерк[590], и будь спокойна — сижу в тишине за столом, совсем как в мирное время. Люсенька, ты знаешь, меня радует, что в жизни у

[590] Примечания: 590

Вероятно, речь об очерке «Сталинградская армия», который Гроссман окончил 1 января 1943 года. Он был опубликован в «Красной звезде» 13 января (Гроссман 1943e), а в дальнейшем выходил под заглавием «Сталинградское войско» (Гроссман 1943d: 127–136).

меня складывается так: когда работал в Донбассе, то уж работал на самой глубокой, на самой жаркой и самой газовой шахте — «Смолянка-11», а когда пришло время пойти на войну, то оказался я в Сталинграде — и я благодарю судьбу за это. Только здесь можно понять, ощутить, увидеть войну во всем ее величественном, трагическом размахе.

Милая моя и любимая, думаю, что ты получаешь теперь мои письма, постепенно налаживается это дело. Адрес мой не прежний, а новый, сообщал его тебе в предыдущем письме: Полевая почта 2193, часть 24.

Пиши мне, моя радость, береги себя.

Целую тебя крепко,

твой Вася.

Поцелуй Федю.

Это письмо посылаю с оказией, его бросят в Москве.

25 декабря 42 г.

26 дек. — 27 дек.

Люсенька, ударили злые морозы, и мне сразу стало страшно при мысли о твоем путешествии из Чистополя. Ведь тащиться до Казани на грузовике. Ей-богу, страшно, а до весны осталось $3^1/_2$ месяца. Не лучше ли потерпеть нам, родная моя.

Ты ведь совсем слабенькая теперь. Нельзя твоим здоровьем рисковать драгоценным. В общем, посоветуйся и не спеши.

162

Гроссман — Губер 31 декабря 1942, [Сталинград]

31 декабря 42 г.

Милая моя Люсенька, пролежало это письмо несколько дней в ожидании оказии и так и не дождалось. Пишу тебе в канун Нового года. Родная моя, хорошая, желаю тебе здоровья, душевного успокоения и того, чтобы были мы вместе. Я надеюсь и верю, что 1943 год будет годом разгрома фашизма. Хорошая моя, сегодня получил пакет, в нем были 4 твоих письма. И сладко, и больно было их получить. Бедная моя, нелегко тебе.

Люсенок, все думаю о твоем переезде в Москву, в мечтах представляю себе, как приезжаю и ты мне открываешь дверь.

Если поездка не выйдет твоя, то буду в Москве просить отпуск, чтобы съездить к тебе. Надеюсь, что дадут. Заслужил. Полагаю быть в Москве в середине или в конце января (это верней).

163

Гроссман — Губер 29 января 1943, [Москва]

Моя милая и любимая, вот уж девять дней, как я в Москве. Живу с папой в Серебряном, сравнительно тепло. У нас собачий холод. Женни Ген⟨риховна⟩ спит у соседей. С Марусей не виделся, но часто говорю с ней по телефону. Послал тебе телеграфом 1500 р. Получила ли их?

Теперь о самом главном — о приезде в Чистополь. Ортенберга нет в Москве, он должен приехать завтра или послезавтра. Я говорил с Карповым[591], и он высказал такой взгляд, что мне нужно еще на месяц съездить на фронт, после чего они мне дадут длительный отпуск. Говорит, что таково мнение и Ортенберга. Считают, что во время наступления нужно поехать на фронт и дать несколько очерков. Я с ним поспорил, и мы, естественно, отложили решение до приезда редактора.

Боюсь предугадывать, каковы будут результаты переговоров с редактором, но надеюсь на положительные. Во всяком случае, нужно твердо

---

[591] Примечания: 591

Александр Яковлевич Карпов (1903–1945) — заместитель ответственного редактора газеты «Красная звезда», полковник.

нам помнить, тебе и мне, что самое страшное и тяжелое время уже пережито. В апреле-мае (начале) тебе предстоит переехать в Москву. Это мое решение. Устроится ли этот переезд через Союз писателей либо через редакцию, но, словом, так будет. Готовься понемногу к предстоящему переезду. Все лишнее барахло нужно ликвидировать.

Я не отдохнул здесь, потому что безумно совершенно по тебе скучаю и рвусь всеми силами видеть тебя.

Чувствую себя довольно скверно — нервы расшатались от сталинградских месяцев, и починка их — вопрос не недели и не двух.

Здесь Гехт, Фраерман, Твардовский, Кугель, приехал Сёма Тумаркин. Видел их всех. Папа поступил на работу к Кугелю на фабрику. Денежные дела неважны, вот разве дадут премию. Все мне ее обещают. Да, ты ведь помнишь, как я однажды

ее получал. Как бы не повторилось[592]. То же и с орденами моими — представлен и на фронтах, и в Москве, но орденов нет[593].

Люсек, мой любимый, люблю тебя бесконечно и хочу страстно видеть тебя.

Был вчера у Андрея Платонова[594] — у него недавно умер сын, сгорел за несколько недель от туберкулеза[595]. Больно мне было на нее смотреть — вернулась она с кладбища — смотрел на нее и думал о тебе.

Солнышко мое ясное, хорошее, теплое, — весна уж недалеко. Будем вместе с тобой, родная моя, как я хочу, чтобы ты скорей уехала из Чистополя. Ну вот, радость моя, значит, дела таковы, целую твои глаза, руки, пальцы, губы. Собери свои последние силеночки и жди. Помни, теперь-то

---

[592] Примечания: 592

Речь о Сталинской премии: в 1941 году Гроссман не получил ее за роман «Степан Кольчугин», вопреки ожиданиям многих. Семен Липкин пишет, что «в ночь накануне опубликования списка лауреатов Гроссману звонили из главных газет страны, поздравляли» (Липкин 1990: 10). Гроссман не получил этой награды и в 1943 году: Комитет по Сталинским премиям принял решение присудить Гроссману Сталинскую премию второй степени за повесть «Народ бессмертен» (Горяева 2015а: 675–678), отправив проект постановления Совета народных комиссаров на утверждение Сталину и Молотову, но в окончательном варианте постановления, опубликованном 20 марта 1943 года, имени Гроссмана не было.

[593] Примечания: 593

4 декабря 1942 года Гроссман был представлен к ордену Красного Знамени, которым его наградили только 28 августа 1945 года. 8 февраля

1943 года Гроссман был награжден орденом Красной Звезды (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 12; ЦАМО. Картотека награждений. Шк. 24. Ящ. 2).

В Центральном архиве Министерства обороны РФ сохранились сведения и о других наградах, полученных Гроссманом в 1940-х годах: в 1942-м — медаль «За оборону Сталинграда», в 1945-м — медали «За победу над Германией», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За доблестный труд», в 1947-м — медаль «В память 800-летия Москвы» (ЦАМО. Учетно-послужная картотека офицерского состава. Шк. 50. Ящ. 31. Б-420197).

[594] Примечания: 594

Гроссман познакомился с Андреем Платоновым в 1930-х годах после переезда в Москву; об их дружбе см.: Малыгина 2018.

[595] Примечания: 595

Платон Платонов (1922–1943) в 1938–1940 годах был в заключении, в том числе в Норильлаге; туберкулез ему диагностировали в 1942 году (Малыгина 2018: 494–495).

могу сказать тебе это, что у меня совсем немного шансов было вернуться из Сталинграда. Теперь это позади, вышел цел, радуйся этому, отдай себе полный отчет в том, где я был и откуда вернулся живым. Итак, родная, впереди у нас встреча, пусть же хватит у тебя мужества отсрочить ее на месяц-полтора, если мне откажут сейчас в отпуске. Но все решится через день-два.

Целую тебя много раз,
твой Вася.
29 января 43 г.

164

Гроссман — Губер 2 февраля 1943, [Москва]

2 февраля 43 г.

Моя любимая, единственная Люсенька, получила ли мои 3 телеграммы и письма, посланные из Москвы? Получила ли деньги, переведенные телеграфом? (Я в одном из писем написал тебе, что перевожу 2000 р., а действительно послал 1500.) Получила ли 2000 р., которые перевел тебе Гослитиздат? Посылаю и с Сашей Марьямовым[596]

[596] Примечания: 596

Александр Моисеевич Марьямов (1909–1972) — писатель, кинодраматург. В годы войны работал среди прочего корреспондентом газеты «Краснофлотец» Северного флота.

деньги — не знаю, когда он только поедет, теперь трудно очень выбираться поездом. Вчера говорил с Ортенбергом. Он сказал, что отпустить сегодня меня в Чистополь не может, т. к. идет большое наступление и мое присутствие на фронте совершенно необходимо. Он сказал, что вскоре (очевидно, через месяца полтора) предоставит мне такой большой творческий отпуск, о котором ни я, ни кто другой не мечтал даже. Кроме того, обещал за время моего отсутствия выхлопотать вызов для тебя (и Феди, конечно), сказал, что: «поедете в отпуск и в конце апреля, начале мая привезете жену в Москву, а отпуск будет в Москве продолжаться».

Моя радость, мое счастье, моя жизнь и моя тревога, Люсенька, будь это короткое время сильной, храни свое здоровье, помни, самое тяжелое время позади, помни, что до нашей встречи осталось совсем немного, помни, что я вернулся живым из Сталинграда, что идет весна, и в природе, и для нас с тобой, помни, что я тебя люблю и буду всегда любить больше жизни и солнца, помни, что самая суровая и жестокая зима в нашей жизни уже позади.

Любимая моя, готовься к отъезду, понемногу ликвидируй самые тяжелые, не дюже нужные

вещи, запасай самое необходимое, чтобы быть готовой к переезду в Москву. Я приеду, моя радость. Питайся получше. Деньги тебе вышлю еще, так что до моего приезда будешь обеспечена. Я хочу встретить тебя здоровой, поправившейся, такой красивой, о какой мечтаю днем и ночью, все эти месяцы нашей разлуки. Чуешь, донечка?

Родная моя, еду я на фронт недалекий от Москвы — на Воронежский.

Пиши мне теперь на Москву — редакция «Красной звезды» — и делай вот как: письмо вкладывай во второй конверт и пиши «т. Соловейчику» и вкладывай записочку, что просишь его срочно переслать письмо на фронт.

Люситонька моя родная, если б ты знала, как я стосковался по тебе и как я буду считать дни до нашей встречи! Ты моя родненькая, наверное, до сих пор и не знаешь, как люблю я тебя.

Люсенька, помни же, что уж скоро, совсем скоро весна, и мы увидимся с тобой. Сколько я тебе расскажу всяких замечательных интересных историй, буду тебе рассказывать долгие, долгие часы. И как хочется мне увидеть тебя, обнять крепко, крепко и целовать так, чтобы в глазах темно стало. Радость моя, вот ради этого часа встречи береги себя, будет он самым счастливым

во всей нашей жизни. Кажется, никогда я не тосковал по тебе так, как сейчас.

Люсенька, хотелось бы мне, чтобы ты видела, как почетно меня встретили сейчас в Москве, наверное, сердце моей женушки совсем бы загордилось от этого. Любушка моя, крепко, крепко целую тебя, твои милые пальчики, глаза, губы,

твой Вася.

Пиши мне чаще, солнышко мое.

Поцелуй Федю, он совсем не пишет мне.

Радость моя, так помни же, скоро уже увидимся, весной поедешь в Москву, собирайся понемногу, будь разумной, крепкой, помни, самая тяжелая зима в нашей жизни — чистопольская и сталинградская — уже позади. Бог нам судил встретиться и жить нашу жизнь вместе, как одну жизнь. Так оно должно быть, так оно и будет, жена моя единственная.

165

Гроссман — Губер 14 февраля 1943, [Москва]

Милая моя Люсенька, пишу тебе все еще из Москвы, мой отъезд задержался на неделю, сперр-

ва из-за работы над фильмом «Сталинград»[597], а теперь из-за отсутствия летной погоды. Вероятно, улечу завтра или послезавтра. Над фильмом работал как бешеный, день и ночь — это хроникальный фильм, получился интересно, обязательно посмотри, если будут его показывать в Чистополе.

Вернусь в Москву я, вероятно, в конце марта. Редактор обещал мне после возвращения отпуск. Следовательно, смогу поехать в Чистополь и привезти тебя, мое серденько, и Федю в Москву.

Вызов для тебя обещали обеспечить. (Союз писат⟨елей⟩ и «Кр⟨асная⟩ звезда».)

Родная моя, ты готовься потихоньку к отъезду. Ликвидируй тяжелые вещи, ненужное барахло — его ведь собралось очень много. Ликвидируй все это возможно радикальней и запасай продукты, которые нам пригодятся весьма и весьма в Москве — масло, мед, — ну да сама знаешь.

Родненькая, береги свое здоровье, питайся получше, слышишь, доченька?

Я перевел тебе телеграфом 1500 р., а затем еще 4000 р. Получила ли ты их уже?

---

[597] Примечания: 597

Гроссман написал дикторский текст к документальной кинокартине Леонида Варламова «Сталинград» (1943), этот текст в фильме читал Юрий Левитан.

Заболела Жен⟨ни⟩ Генрих⟨овна⟩ — упала, повредила ногу, лежит дома. Папа понес ей хлеба, картошки и сахара. Я буду хлопотать сегодня об ее устройстве в больницу.

Вчера приехал Габрилович, он снова разводится с женой. Комедия просто.

Дорогая моя, любимая, ты себе даже не представляешь, как я стосковался по тебе. Считаю дни до прихода весны, когда увидимся с тобой.

Пиши, родная, на адрес редакции. Целую тебя много раз крепко,

твой Вася.

14 февр. 43

Да, можешь меня поздравить, наградили меня орденом Красной Звезды. Говорят, что представлен еще к ордену[598]. Мне очень приятно и радостно, что награжден я в одном списке с героями дивизии, описанной в очерке «Направление главного удара»[599].

---

[598] Примечания: 598

См. примеч. 3 к письму Ольге Губер от 29 января 1943 года (с. 414–415).

[599] Примечания: 599

Речь о 308-й стрелковой дивизии под командованием полковника Л. Н. Гуртьева.

166

Гроссман — Губер 17 февраля 1943, [Москва]

Моя милая и родная Люсенька,

вот уж четыре дня, как я сижу на аэродроме и не могу улететь из-за отсутствия летной погоды. Просиживаю там полдня, а затем уезжаю в город обедать. Встретил на улице Нусинова, он сказал, что едет в Чистополь, и я спешу написать письмо, чтобы оно дошло до тебя быстрей и верней тех многочисленных писем, что послал тебе почтой. Я сильно изнервничался в ожидании самолета, хочется скорей доехать — во-первых, чем позже вылечу, тем позже вернусь, во-вторых — события грандиозные, и я уже прозевал Харьков, при взятии которого должен был быть. А здесь, как назло, оттепель, туманы и самолеты не летят из-за обледенения.

Люсеныш мой родной, заходил сегодня в Союз писателей, справлялся относительно твоей реэвакуации в Москву. Комиссия будет заседать завтра-послезавтра, обещали все сделать — Ско-

сырев и Резник[600]. Если паче чаяния пропуск тебе вышлют до моего возвращения и будет ехать «партия», ты не жди меня, а присоединяйся. Я страшно беспокоюсь твоим чистопольским житьем, и чем раньше ты приедешь в Москву, тем радостней и спокойней мне будет. Если же я поспею вернуться, то, конечно, поеду за тобой и помогу переезду. Пусть «большое барахло» не пугает тебя, самое главное, нам поскорей быть вместе, и если нужно, то оставь лишнее и приезжай с необходимым. Главное — налегать на продукты. Мне командировка выписана на фронт до 1 апреля. В общем, детонька, готовься к возвращению, и если пропуск придет раньше и будет возможность ехать, то езжай. В случае если в квартире нашей будет еще холодно, всегда можно будет пожить у Маруси либо у Иды Бобрышевой или у Фраерманов, которые очень искренно предлагают свое гостеприимство тебе и просили об этом написать.

Я встретил сегодня возле клуба Гурштейн (хлебную даму), и она мне рассказала, что ты плохо

---

[600] Примечания: 600

Петр Георгиевич Скосырев (1900–1960) — писатель, литературовед; в начале 1940-х годов секретарь президиума Союза писателей по организационным вопросам и руководитель Бюро национальных комиссий.

Осип Сергеевич Резник (1904–1986) — литературный критик.

глядишь, температуришь и что нервы твои совсем плохие. И меня это привело в страшное расстройство, если б мог, то сегодня бы вырвал тебя из Чистополя, не хочу, чтобы ты там сидела хоть один лишний день. Надо этот тяжкий этап жизни заканчивать возможно скорей. Вот так, деточка, давай и условимся — будет пропуск, будет возможность ехать, то езжай, не теряя дней. Весна в этом году ожидается очень ранняя, и лед по Каме пойдет в начале апреля.

С фильмом моим уже всю работу кончил, писал уже тебе об этом. Фильм уже озвучен и «ошумлен» страшной пальбой. Это «не Рембрант», но интересно смотрится. Ты обязательно его посмотри.

Денег мне еще не заплатили, переведут недели через 2 на сберкнижку (10 000 р.). Это нам пойдет на молодоженное устройство наше в Москве, когда приедешь.

Очерки мои о Сталинграде пользуются большим успехом. Их издает Политиздат и «Совет⟨ский⟩ писатель», отдельными брошюрками

издал Воениздат миллионным тиражом[601]. Кроме того, их перепечатывали в Англии и в Америке многие газеты, а сейчас там же они выходят отдельными книгами[602]. Будет для тебя работа в Москве, назначу тебя своим помощником по редакционно-издательской части.

Из друзей видел за дни пребывания в Москве — Кугеля, Сёму, Гехта, Фраерманов, заходили Ида, Катя Строгова, Сарра. Виделся с Андреем Платоновым, писал тебе уже, что у них умер сын от туберкулеза, сгорел за 2 недели. Платонов сейчас от «Кр⟨асной⟩ звезды» поехал на фронт.

Детонька моя, я полон тоски по тебе, полон беспокойства о твоем здоровье, живу мыслью одной — скорей видеть тебя и вывезти тебя в Москву.

Целую тебя много раз, моя любовь единствен-

---

[601] Примечания: 601

В Госполитиздате в 1943 году вышел сборник «Сталинградская битва», объединивший под одной обложкой пять сталинградских очерков Гроссмана (Гроссман 1943f). Тринадцать очерков, написанных с сентября 1942 по январь 1943 года, были опубликованы в издательстве «Советский писатель» в 1943 году (Гроссман 1943d). В годы войны очерки Гроссмана многократно выходили в серии «Библиотека красноармейца. Из фронтовой жизни», выпускаемой Военным издательством Наркомата обороны СССР (например: Гроссман 1942c; Гроссман 1942l).

[602] Примечания: 602

Насколько нам известно, в годы войны сталинградские очерки Гроссмана не публиковались отдельными книгами в издательствах Великобритании и США. В 1943 году они вышли в английском переводе в московском «Издательстве литературы на иностранных языках» (Grossman 1943e). В Лондоне и Нью-Йорке выходили другие очерки

Гроссмана (Grossman 1945; Beck et al. 1945).

ная.

Твой Вася.

17 февраля 43 г.

167

Гроссман — Губер 20 марта 1943, [Москва]

20 марта 43 г.

Моя милая, любимая и родная. Послал тебе телеграмму — нашлась Женя и Вероника, получила Маруся письмо. Радуюсь этому вместе с ней и тобой. Родная, ехать, вероятно, будет удобно с Литфондом. Поедет Хаджи-Мурат вывозить, он обещает торжественно помочь тебе, сам мне звонил по этому поводу. Литфондовские пропуска до июня, кажется. Люсенька, ты не огорчайся, что премии не дали[603], ты, вероятно, родненькая, огорчаешься, и мне это больно, хотелось бы тебя утешить, быть сегодня в Чистополе вместе с тобой.

Обязательно пройди медицинскую комиссию,

---

[603] Примечания: 603

20 марта 1943 года в газете «Известия» были опубликованы лауреаты Сталинской премии в области литературы и искусства за 1942 год. В номинации «Художественная проза» премию получили Алексей Толстой за трилогию «Хождение по мукам», Ванда Василевская за повесть «Радуга», Павел Бажов за книгу «Малахитовая шкатулка», Леонид Соболев за сборник рассказов «Морская душа». (См. также примеч. 2 к письму Ольге Губер от 29 января 1943 года, с. 414.)

это необходимо. Бедняга Гехт еще путешествует. Люблю тебя, тоскую по тебе, с радостью жду твоего переезда в Москву, целую крепко, твой Вася.

168

Гроссман — Губер 22 марта 1943, [Москва]

22 марта 43 г.

Милая моя Люсенька, отправил тебе 3 телеграммы, письмо и открытку, перевел телеграфом 4000 р. Получила ли все это? Родная моя, любая, уезжаю с единственной радостью — это мыслью, что по возвращении приеду к тебе, в Москву, что ты будешь меня встречать на пороге нашей комнаты. Люсенька, я возбудил ходатайство о квартире, но при нынешней обстановке рассчитывать на успех не следует. Обязательно пройди медкомиссию. Ида — директор трикотажной фабрики теперь, она обещала дать тебе работу (на дом) — это даст рабочее снабжение. Сегодня пойду получать остальные деньги — переведу их телеграфом, как только получу. Папа вчера был у Женн⟨и⟩ Генрих⟨овны⟩ в больнице — ей лучше, но достаточно плохо. Маруся мне подарила зажигалку, и я теперь зажигаю, не нуждаясь в спичках.

Целую тебя, радость моя,

твой Вася.

Появилась надежда на двухмесячный отпуск по кино (слабая пока).

169

Губер — Гроссману [Конец марта 1943, Чистополь]

Васенька, солнышко мое! Родной мой, хороший! Пользуюсь оказией и пишу тебе. Если бы ты знал, как хотелось мне быть 20 марта с тобой, как меня огорчило объявленное лауреатство. В чем дело? Сейчас живу мыслью, что приеду в Москву и застану тебя еще там. Сегодня получила деньги. Отдам долги (2500), на все остальное куплю масла. Очень обрадовалась сообщению о письме от Жени. Слава богу, хотя бы Маруся немножко вздохнет — а то была так страшна неизвестность. Как Женни Генриховна? Была я на комиссии, но о результате узнаю сегодня — очень неприятные были доктора на комиссии. Очень много мяли меня и слушали. Наверно, сейчас очень строго.

С продуктами стало хуже — дорогие, да наши набросились, готовясь к отъезду. Вчера слышала по радио, что вышла в Политиздате книжка твоих очерков о Сталинграде — ее советовали

как пособие агитаторам[604]. Получила от тебя две телеграммы от 20-го и 21-го — и из Казани — начала уже волноваться, не зная, как доехал ты до Москвы. Телеграфируй чаще, т. к. письма идут очень долго.

Целую крепко.

Твоя Люся.

170

Гроссман — Губер 25 марта 1943, [Москва]

Милая моя Люсенька, вчера вечером узнал, что Твардовский едет в Чистополь, спешу написать тебе письмо.

По поводу твоего переезда: пропуск «Кр⟨асной⟩ зв⟨езды⟩» послан уже, пропуск Литфонда привезут в ближайшие дни. Говорил с Хесиным — 25 апреля должен пойти из Чистополя прямой теплоход на Москву («Иосиф Сталин», кажется). Хесин ведет переговоры, чтобы вас забрали на этом пароходе, обещают, что в дороге он будет 5–7 дней, не больше.

Заявление о квартире Пронину я подал, Ортен-

---

[604] Примечания: 604

Речь о сборнике «Сталинградская битва», в который были включены пять очерков Гроссмана: «Царицын-Сталинград», «Сталинградская битва», «Сталинградская переправа», «Направление главного удара» и «Сталинградское наступление» (Гроссман 1943с).

берг от себя тоже обещал написать и поговорить. Надежды, однако, мало, по моему мнению.

Люсенька, родная моя, я уже так соскучился по тебе, точно век не видел тебя. Единственная моя радость — это мысль, что ты переедешь в Москву, будешь ближе ко мне, будем легче и чаще видеться. Солнышко мое, обязательно и непременно пройди перед отъездом инвалидную комиссию, это тебя избавит от неминуемых в Москве неприятных «происшествий». В Москве же проходить эту комиссию еще трудней и муторней, чем в Чистополе. Поэтому обязательно сделай это. Теперь, родненькая, слушай мои практически-прозаические советы:

1) Кроме масла и крупы, обязательно привези немного меду, со сладким здесь неважно.

2) Главное — масло, мне кажется.

3) В Москве продуктов особенно не раздаривай — разойдутся в 2 недели.

4) Маруся страшно настаивает на том, чтобы ты жила в Загорянке. Я считаю, что это необходимо будет сделать в случае, если будут возд⟨ушные⟩ тревоги, а вообще-то, на все лето туда выбираться — особенного резона нет. Маруся так настаивает на этом и из сердечных побуждений, и из соображений тех, что Петру Ивановичу нужен

уход на даче. Поэтому ты соображайся со своими удобствами.

5) Ида, которая теперь директорствует на трикотажной фабрике, обещает тебя взять в «надомницы» — это дает рабочее снабжение и другие блага. Поговоришь с ней.

6) Когда будешь писать мне, учти, что в редакции Соловейчик больше не работает. Вместо него — Тихомиров, с ним у меня тоже договоренность о письмах и телеграммах.

7) В Москве деньги причитается получить — от Гослитиздата (за печатающ⟨иеся⟩ в «Знамя» очерки)[605], от английск⟨ой⟩ газеты (московской), от «Комс⟨омольской⟩ правды». Кроме того, в журналах «Интер⟨национальная⟩ лит⟨ература⟩» — переводился «Народ бессмертен» на англ⟨ийский⟩, франц⟨узский⟩ и еще, кажется, на какой-то[606]. Доверенности оставлю здесь.

---

[605] Примечания: 605

В феврале — марте 1943 года в журнале «Знамя» были опубликованы сталинградские очерки Гроссмана: «Волга-Сталинград», «Душа красноармейца», «Сталинградская битва», «Власов», «Царицын-Сталинград», «Глазами Чехова», «Направление главного удара», «Новый день», «Сталинградское войско» (Гроссман 1943g).

[606] Примечания: 606

В 1942–1943 годах Гроссмана публиковали во всех четырех иностранных версиях журнала «Интернациональная литература»: на английском, французском, испанском и немецком языках (см.: Grossman 1942a-b; Grossman 1943a-d; Grossman 1943f-h).

8) Сообщаю тебе телефоны:

Наш — К 4-49-52.

Папин (в Серебрян(ном переулке)) — Г 6-69-93.

Кугель — К 5-67-12 (фабрика).

Ида Бобр(ышева) — К 4-27-38 (домаш(ний)).

Бахметьев — К 3-88-07.

Колдунов — И 1-14-94.

Фраерман — К 4-13-76.

Марусин телефон забыл — его знает Семен Осипович.

Гехт — К 3-75-66.

Твардовский — К 1-26-37.

Все эти телефоны могут пригодиться тебе[607].

Люсенька, выслал тебе 20 марта через Хесина телеграфом — 4000 р., сегодня также через Хесина высылаю 4500 р.

Теперь еще один совет — в дорогу можно меньше брать денег, а больше хлеба, пару бутылок водки (одну из них прибереги для меня). Пишу, прямо как Миндлин пишет.

Родная моя, хорошая, — теперь о себе расскажу. Очень меня огорчила и обидела история с премией. Но ничего, родненькая, уважением литературных кругов и читательских я пользуюсь

---

[607] Примечания: 607

Позже вписано карандашом рукой Ольги Губер: «Маруся — К-7-25-50. доб. 82».

от этого не меньше. И тебя прошу не огорчаться. Все это уже позади, а впереди настоящая работа, большая. Вчера вызывал меня Большаков[608]. Я согласился писать сценарий «Сталинград»[609]. Они будут хлопотать мне трехмесячный творческий отпуск. Сейчас поеду на фронт, а по возвращении возьмусь за фильм. Правда, в душе мне больше хочется роман и пьесу писать, но уж дал согласие на сценарий. В общем, родная, будем вместе в Москве. Единственное мое желание в жизни, чтобы ты была рядом со мной, здоровой и с поправившимся сердечком.

Крепко тебя целую, моя любимая.

Твой Вася.

25 марта 43 г.

Сталинградские очерки выходят в Лондоне, также в Америке. Маруся мне подарила чудную зажигалку, делают у них на заводе.

Родненькая, я уж писал тебе и телеграфировал, что нашлась Женя и Вероника — обе живы, здоровы, живут по-прежнему в Невинномысской. На всякий случай повторяю сию весть.

---

[608] Примечания: 608

Иван Григорьевич Большаков (1902–1980) — в 1939–1953 годах министр кинематографии СССР.

[609] Примечания: 609

Фильм о Сталинграде по сценарию Гроссмана так и не вышел.

Люсенька, ох, если б ты знала, как тоскую я по тебе, как хочу видеть!

Почему не телеграфировала ни разу мне?

P. S. Люсенька, только что отослал через Хесина деньги (4500 р.) телеграфом. Хесин сказал, что 27-го выезжает человек с вашими пропусками, сказал, что твердо договорился о пароходе в конце апреля.

Когда будешь в Москве, спросишь у Чагина об издании «Нар⟨од⟩ бессмер⟨тен⟩» в северном издательстве[610] — полагаются деньги за него.

Только что видел Геннадия Фиша с женой[611] — он толстый-претолстый.

Ну, родная моя, любимая, еще раз целую тебя крепко и обнимаю.

Твой Вася.

171

Губер — Гроссману [Апрель 1943, Чистополь]

Васенька, родной мой! Опять ничего о тебе не знаю и не знаю, где ты, т. к. Твардовский не

---

[610] Примечания: 610

Вероятно, Гроссман имеет в виду издание повести в Магадане, в издательстве «Северная Колыма» (Гроссман 1943b).

[611] Примечания: 611

Писатель и переводчик Геннадий Семенович Фиш (1903–1971) и, вероятно, его первая жена Эмма Михайловна Цильдерман.

мог толком сказать, куда поехал ты. Деньги я получила, отдала все долги и купила немного масла, на мед их не хватило. Жаль, что мало их, да как-нибудь проживем. Вернешься ли ты к моему приезду в Москву? Боюсь, что в Москве мы будем в конце апреля, т. к. снег уже растаял, и ждут со дня на день, что тронется река. Сегодня писала Тихомирову письмо с просьбой прислать телеграмму здешнему пароходству с просьбой предоставить мне с Федей место на пароходе. На душе у меня очень тяжело. Мы уезжаем, а Миша, который так рвался в Москву, так ненавидел Чистополь, — остается здесь навсегда. Игорь обещал мне, пока будет в Чистополе, следить за могилкой. Сенгалевич Н. М. тоже. Они хотят переехать в мою комнату. Очень я уже стосковалась по тебе. Одно в Москве радует меня, что там, может быть, буду видеть тебя чаще. Очень рада, что живы Женя и Вероника. Комиссию я прошла, получила вторую группу на помощь.

Целую крепко.

Твоя Люся.

172

Гроссман — Губер 28 июня 1943, [Центральный фронт]

Милая Люсенька,

пишу тебе часто, оказий много, все время народ летит в Москву. Получаешь ли ты мои письма? Завтра улетает Галин. Он тебе расскажет о нашей последней поездке — ездили мы с ним вместе и вернулись сегодня. Поездка была очень приятной.

Я, вернувшись сегодня, застал телеграмму от редактора — он мне прислал два длиннейших задания на большой очерк и рассказ. Очевидно, решил подержать меня здесь солидный срок. Вот так и получилось, ехал сюда, как знатный иностранец, рассчитывал пробыть несколько дней, а сейчас мое пребывание здесь выглядит весьма солидно, черт его знает, когда оно закончится.

Должен сказать тебе, что здесь мне довольно приятно, люди собрались хорошие, с ними легко. Погода приятная, не жаркая, частые дожди, воздух свежий.

Плохо то, что скучаю по тебе, моя хорошая и родная, и что очень беспокоюсь, как ты здорова, как устраиваются твои дела с дровами, едой, печкой и пр. Думаю, что, если особых событий не будет, — смогу приехать в первой половине августа. Крепко целую тебя, твой Вася.

Поцелуй папу и Федю.

28 июня 43 г.

173

Гроссман — Губер 11 июля 1943, [Центральный фронт]

Милая Люсенька,

вчера приехал к Олендеру. Ехали превосходно, без приключений, цветов огромное количество на лугах. Пробуду здесь дня 2 и поеду к Буковскому. Погода здесь чудесная, тепло.

Семен Григор⟨ьевич⟩ здоров, доволен поездкой. Просит тебя позвонить Вере Мих⟨айловне⟩. Целую тебя, Вася.

Привет папе и Феде.

11. VII.43 г.

С удовольствием вчера узнал о Сицилии.

174

Гроссман — Губер 18 июля 1943, [Центральный фронт]

Милая Люсенька, сегодня уезжает Высокоостровский[612], и я пользуюсь случаем написать тебе несколько слов.

---

[612] Примечания: 612

Леонид Анатольевич Высокоостровский (1911–1967(?)) — корреспондент газеты «Красная звезда».

Чувствую я себя хорошо, погода не жаркая, и вообще в последнее время не жарко здесь.

Сейчас вернулся после поездок и сел писать большущий очерк[613], займет это у меня дня 4, не меньше.

Думаю, что до конца июля — начала августа пробуду здесь, много интересного, да и окружение у меня на редкость приятное — Галин, Костя Бук(овский), Гехт, Полторацкий, Первомайский[614] — интеллигентные, хорошие люди.

Гехт сегодня-завтра уедет, но не прямо домой, а по дороге будет заезжать по разным своим делам. Он очень доволен поездкой.

Получила ли ты мою открыточку? Я соскучился по тебе, моя родная, избаловался тем, что 2 месяца жили вместе, и сразу же ощутил разлуку.

Выполняй мои заветы — питайся хорошо. Очень хочется, чтобы ты к моему возвращению хоть чуточку пополнела, поправилась.

У меня тут случилось два «несчастья» — украли

---

[613] Примечания: 613

Речь об очерке «Июль 1943 года» (Гроссман 1943а).

[614] Примечания: 614

Виктор Васильевич Полторацкий (Погостин; 1907–1982) — писатель и журналист, в годы войны специальный корреспондент газеты «Известия». Леонид Первомайский (Илья Шлемович Гуревич; 1908–1973) — прозаик и поэт; в годы войны работал корреспондентом радиовещания Юго-Западного и Донского фронтов и военным корреспондентом газеты «Правда».

мою круглую табачницу, но к этому я отнесся спокойно. Второе «несчастье» меня ужасно огорчило — я потерял вчера свою круглую, замечательную зажигалку, просто утешиться не могу.

Родненькая моя, береги себя, будь умницей. Крепко целую тебя.

Твой Вася.

Поцелуй папу и Федю.

18 июля 43 г.

175

Гроссман — Губер 24 июля 1943, [Центральный фронт]

Милая Люсенька, пишу с оказией. Здоров, чувствую себя хорошо. Много езжу, много вижу. Смертно скучаю, хотя здесь интересно. Очень хочу тебя видеть. Очень уж мне приелось это вечное разнообразие, которое так однообразно.

Послал в редакцию огромнейший очерк, да он опоздал по теме, не знаю, напечатают ли его.

Ты понимаешь, родная моя, что в связи с начавшимися событиями мое возвращение в Москву откладывается на некоторое время. Ничего не поделаешь — война. Береги себя, мое солнышко. Тоскую по тебе и люблю тебя,

твой Вася.

Поцелуй папу и Федю.

Привет Марусе и Пет⟨ру⟩ Ив⟨ановичу⟩.

Гехт уже дня четыре как уехал, собирается 29-го быть в Москве.

24. VII.43

176

Гроссман — Губер [Январь 1944, не ранее 9-го, 1-й Украинский фронт]

Милая Люсенька, сегодня приехал на место. Вчера был в Киеве. Трудно передать, что чувствовал и пережил за несколько часов, когда ездил по адресам родных и знакомых.

Могилы и смерть.

Сегодня еду в Бердичев[615].

Товарищи уже побывали там — говорят, что город совершенно разорен, пуст и что из многих тысяч — десятков тысяч живших там евреев уцелели лишь отдельные люди, может быть десяток людей.

Я не надеюсь застать маму живой, единственное, на что я надеюсь, — это на то, что хотя бы

---

[615] Примечания: 615

Бердичев был освобожден советскими войсками 5 января 1944 года. Гроссман приехал туда не ранее 9 января, так как находился на 1-м Украинском фронте в качестве корреспондента с 9 января по 10 февраля 1944 года.

узнаю о последних днях ее жизни и о смерти ее.

В Киеве узнал в Мединституте о том, как погибли Моисей Григорьевич, Софья Григорьевна и Зоя Соломоновна (племянница Моисея Григорьевича)[616]. Мать Вени жива, отец его умер зимой 1941 года[617].

Родная моя, понял здесь, как дороги должны быть друг другу близкие люди, горсточка оставшихся в живых.

Береги себя, моя родная, целую тебя крепко,

Вася.

Дорога была длинной, но не утомительной. По поводу секретарства тебе нужно обратиться к Млечину[618].

Поцелуй Федю.

---

[616] Примечания: 616

Моисей Григорьевич Беньяш, его сестра Софья Григорьевна и ее дочь Зоя Соломоновна были убиты в Бабьем Яре. Они упоминаются в очерке «Киев, Бабий Яр», подготовленном Львом Озеровым для «Черной книги»: «В эти же дни погиб, вместе со своей сестрой и племянницей, пользовавшийся европейской известностью профессор бактериологии Моисей Григорьевич Беньяш» (Гроссман, Эренбург 2015: 34).

[617] Примечания: 617

Со слов Марии Вячеславовны Карловой, Гроссман в отдельном письме сообщил Вячеславу Лободе на Чукотку о смерти его отца Ивана Осиповича, который умер от воспаления легких, и о том, что мать его, Мария Васильевна, жива. Это письмо хранится в семейном архиве Лободы.

[618] Примечания: 618

Владимир Михайлович Млечин (1901–1970) — театральный критик, журналист; в 1943–1944 годах заместитель ответственного секретаря Союза писателей; директор Театра Революции (1940–1943) и Централь-

ного дома литераторов (1944–1945).

Что касается «секретарства», речь об устройстве Ольги Губер литературным секретарем в Союз писателей. Об этом в марте 1944 года ходатайствовал и заместитель ответственного редактора «Красной звезды» Александр Карпов. В своей записке к ответственному секретарю президиума Союза писателей Поликарпову он писал: «Необходимость этого [внесения Ольги Губер в списки литературных секретарей. — *Ю. В., А. К.*] вызывается тем обстоятельством, что в настоящее время Гослитиздат принял к печати сборник произведений тов. Гроссмана, печатавшихся в „Красной звезде“ за годы Отечественной войны (28 п. л.). Подготовка сборника требует большой работы, которую тов. Гроссман, ввиду отъезда в длительную командировку на фронт, возложил на свою жену — Ольгу Михайловну Гроссман» (Горяева 2015b: 114). Ольгу Михайловну в списки секретарей зачислили (Там же: 196).

177

Гроссман — Губер 20 февраля 1945, [Германия]

Милая Люсенька,

пишу с оказией несколько слов.

Поездка эта очень и очень интересна, но тяжеловаты впечатления. Путешествую уже больше месяца. Бытовые условия хорошие, спим в отличных квартирах, на хороших кроватях, под перинами, но большей частью хозяева квартир, немцы, поудирали.

Уже сильно соскучился, даже стосковался по тебе. Подумываю о возвращении. В первых числах марта решу — ехать ли в Москву, после чего телеграфирую в Москву. Надеюсь, и ты по мне соскучилась?

Физически чувствую себя довольно скверно — болел гриппом, пошаливает сердце, а главное, начались эти проклятые боли головные, каждый день по несколько часов. По-видимому, грипп снова обострил воспаление тройничного нерва. Но, в общем, все это пустое, забывается и не замечается в грандиозности событий, свидетелем которых я был.

Погода здесь чудесная — уже 2 недели весна, греет солнце, большей частью ясное небо.

Люсенька, если книга в Гослитиздате еще не набрана, то, может быть, есть смысл включить в нее в новый раздел «1945 год» очерки «Москва — Варшава», «Между Вислой и Одером», «Германия» (я его послал три дня назад)[619]. Поговори с Петровым, товарищ личный секретарь. Кроме того, если журналы выражают желание печатать их (сама не предлагай) — следует отдать в «Знамя».

Очень интересуюсь, вышла ли Треблинка в «Знамени»[620]. Попроси Кривицкого либо Черных, чтобы мне сообщили об этом телеграфом.

В общем же, думается, надо и мне собираться домой, кстати, и срок мой истекает. Рассказывать есть столько, что в письме я и не пробую заикнуться, а то начну и не остановлюсь, получится не письмо, а «брушура».

Целую тебя крепко, родная моя.

Твой Вася.

20 февраля 1945 г.

---

[619] Примечания: 619

Речь о сборнике «Годы войны», впервые вышедшем в 1945 году (Гроссман 1945а), а затем переизданном в 1946 и 1947 годах. Перечисленные очерки вместе с очерком «Сила наступления», написанном в марте 1945 года, были объединены Гроссманом в цикл «Дорога на Берлин». Впервые опубликованы в «Красной звезде», а затем включены в книгу «Годы войны».

[620] Примечания: 620

Речь об очерке «Треблинский ад», впервые опубликованном в 1944 году в ноябрьском номере журнала «Знамя» (Гроссман 1944).

Передай мой поцелуй и привет папе, Феде, Марусе. Кланяйся знакомым.

Письма Гроссмана, 1946–1948

178

9 июня [1946, Солотча]

Здравствуй, Люсенька,

вот я уже два дня в Солотче[621].

Вся фраермановская брехня оказалась правдой — здесь чудесно. Старуха-хозяйка действительно не помирает, а подметает двор, и в этом Рувим оказался прав.

Живу в большой светлой комнате, сад запущен, в лопухах, в крапиве, но липы, дуб, березы, клены в нем хороши, огромны, богаты листвой.

Ходил вчера на первую свою рыбную ловлю, получил высочайшее одобрение.

Пойманы лично мною:

плотиц — 2,

окунь — 1,

ерш — 1,

---

[621] Примечания: 621

О Солотче см. примеч. 3 к письму Гроссмана отцу от 9 июня [1946 года] на с. 233.

общий вес их 150 грамм.

Из этого можешь понять, насколько высоко мое умение — изловил столь мелкую, верткую рыбу.

Сегодня ходили на рассвете рыбу ловить, шли лугом, очень душистым и росистым. Пойманную рыбу спекли на палочке, над костром. Затем я купался.

Словом, дачная идиллия.

Люсенька, моя родная, очень и очень прошу тебя сходить к врачу, сделай это обязательно и не откладывая! Пиши мне, родная, обо всех своих делах, здоровье, Фединых экзаменах. Подбери компанию, приезжай, тут чудесно.

Если поедешь до пристани Новоселки, то не следует брать с собой вещи — идти изрядно далеко, версты тут русские, «с гаком».

Фраерманы милы и гостеприимны.

Целую тебя крепко,

Вася.

Поцелуй Федю.

9. VI.

А к врачу сходи обязательно!!! Беспокоит меня очень твое здоровье, родная.

179

17 июня 1946, [Солотча]

Здравствуй, милая Люсенька, получил твое письмо, которое меня обрадовало и огорчило. Огорчило тем, что ты без денег. Почему ты ограничилась разговором с женщиной, замещающей Любовь Иосифовну. Обязательно поговори с Тарасенковым[622], он это устроит в два счета. Если же по непонятным причинам это не получится у Тарасенкова, то позвони Хесину. Если же у Хесина произойдет задержка, то тотчас телеграфируй мне, я вышлю денег, они у меня лежат, и 1000 рублей я смогу тебе перевести телеграфом без всякого труда, все равно привезу их в Москву неистраченными.

Кстати, позвони и в этот «Пропагандист»[623], пусть выпишут гонорар. Во всяком случае, очень

---

[622] Примечания: 622

Анатолий Кузьмич Тарасенков (1909–1956) — литературный критик, в 1931–1941 годах заведующий отделом критики, затем ответственный секретарь журнала «Знамя» (1931–1941); в годы войны работал военным корреспондентом; с сентября 1944 года — ответственный секретарь журнала «Знамя».

[623] Примечания: 623

В журнале «Московский пропагандист» № 4–5 за апрель — май 1946 года был опубликован очерк «Первая послевоенная годовщина» (Гроссман 1946b).

прошу тебя, телеграфируй тотчас же по получении этого письма, как у тебя с деньгами: устроилось или не устроилось, я в тот же день переведу тебе 1000 р. Но если устроилось, тоже телеграфируй обязательно.

Второе огорчение из твоего письма, что ушла наша работница. Надо обязательно взять человека, как говорится, любой ценой.

Ну и самое главное — почему не пишешь подробно о своем визите [к] врачу, что сказал он, какие анализы велел сделать? Сделай все это, не откладывая ни на день, слышишь, Люсенька? И срочно сообщи!

Теперь вот о чем. Очень соскучился по тебе. Если найдешь компанию — обязательно приезжай, но приезжай не позже 25–28-го. Ехать можно не только пароходом, но поездом до Рязани, а затем узкоколейкой до Солотчи (правда, от вокзала в Рязани до узкоколейки, она у пристани, нужно пройти около 5 км).

По правде говоря, я здесь уже изрядно соскучился за эти 10 дней — природа чудесная, спору нет, правда, угнетает чудовищная жара, но ведь это всюду сейчас. Но вот хоть природа прекрасна, а скучно мне. Рувим трудится с режиссером, бегает по хозяйским делам, Вал⟨ентина⟩ Серг⟨ер-

геевна⟩ целуется с Пчелкой. Рувим чувствует, что я околачиваюсь один, вбегает ко мне с бегающими глазами, произносит торопливую фразу о будущем человечества или литературы и вновь исчезает, влекомый своей великой суетой. Режиссер — славный малый, но из беседы с ним не извлечешь меда — простак. Он привез жену и сына. Жена его в столь юном возрасте, что моя Катюша выглядит по сравнению с ней пожилой дамой, а судя по фразам, которые она произносит, количество мыслей в ее голове не превышает цифры 10.

Единственным моим собеседником оказалась работница Настя, подозреваю, что она умней режиссера — она мне рассказывает про свои деревенские дела, про соседей, соседок, про жизнь во время оккупации, она смоленская. Но, сознаюсь, мне тоскливо, я злюсь на себя, что поехал один, без тебя, но тебя ведь держал Федя. Но не думай, что Фраерманы ко мне невнимательны, они необычайно заботливы и милы — и Вал⟨ентина⟩ Серг⟨еевна⟩, и Рувим. Словом, Люсенька, если удастся, приезжай, о чем телеграфируй, а не соберешься, я доживу здесь до 1-го и начну собираться в Москву. Если же приедешь — поживем тут числа до 10-го.

Кстати, Ковнатор не звонила, как там с версткой?

За предложение Фишу[624] спасибо, но езда настолько сложна, что вряд ли мы с тобой соберемся — там ведь, кажется, 2 пересадки, а в Ленинград билет не достать, трудно очень, а потом из Ленинграда тоже целая эпопея, а ведь все же заманчиво.

Кормлюсь я здесь молочными продуктами, водки не пью, курю мало, но, представь, чувствую себя плохо — одышка очень сильная, сам не знаю отчего бы, казалось бы, должно наоборот.

Словом, Люсенька, телеграфируй и пиши мне, как все дела и как решишь с поездкой.

Целую тебя крепко,

твой Вася.

Поцелуй Федю, как с его экзаменами? Пусть мне напишет. Где ты сейчас, на даче?

17. VI.46

180

26 июня 1946, [Солотча]

Здравствуй, родная моя,

---

[624] Примечания: 624

Предположительно, речь о Геннадии Семеновиче Фише (1903–1971), писателе, переводчике, сценаристе.

получил твою открыточку, где пишешь о получении денег, — рад, что устроились денежные дела.

После оглушительной жары здесь наступила чудесная погода. Представь, лишь в самые последние дни меня оставила одышка, вздохнул, свободно хожу, много хожу, точно помолодел. От ходьбы и нежирной пищи сбросил с себя жир, давно не помню себя таким легким.

Ходили с ночевкой на рыбную ловлю — поймали большую щуку и множество окуней.

Много читаю.

Люсенька, как же ты решаешь — сможешь приехать? Появилось одно заманчивое предложение. Еремин[625], знакомый Рувима, приедет сюда на легковой машине гостить и обещает, что эта машина отвезет обратно в Москву. Приехать этот Еремин собирается между 12 и 16 июля, таким образом, если б ты приехала в начале месяца, то пожили бы с тобой здесь и 15-го числа машиной поехали бы обратно. А Федя смог бы пожить дней десять на даче у Маруси. Я соблазняюсь ждать эту

---

[625] Примечания: 625

Вероятно, Дмитрий Иванович Еремин (1904–1993) — писатель, сценарист, кинокритик, в 1949–1951 годах главный редактор журнала «Искусство кино»; в 1966 году станет автором первой статьи, «Перевертыши», опубликованной против Синявского и Даниеля (Еремин 1966).

машину, дело в том, что из Москвы сюда ехать значительно легче, чем отсюда в Москву. Ехать лучше всего поездом до Рязани, а из Рязани перейти на узкоколейку (она у пристани) и доехать до Солотчи, от Рязани всего 18 км узкоколейкой.

Очень по тебе соскучился, хочется тебя видеть, мой родненький, и если б ты приехала, то было бы чудесно, просто замечательно. И ты бы здесь подышала чудесным воздухом, полной грудью. А, донечка, как ты смотришь на это дело?

Фраерманы все время твердят, чтобы ты приехала. Решай, Люсек, мой хороший?!

Я надеюсь тут понабраться сил для той большущей работы, которую вижу впереди, в течение долгой зимы.

Люсенька, как дела с переходом Феди в восьмой класс, меня это очень занимает. Состоялся ли переезд на дачу?

Какие новости у тебя, у общих знакомых?

Прочел вчера в «Правде» статью о Панферове[626]. Напечатана ли моя статейка в годовщину

---

[626] Примечания: 626

См.: Курганов, Колосков 1946. Редактора «Октября» Федора Панферова громили за его статью «О черепках и черепушках», вышедшую в № 5 журнала «Октябрь» за 1946 год и критиковавшую окостенение писателей, отдаление их от народа, отсутствие живой среды (Панферов 1946).

войны в «Лит⟨ературной⟩ газ⟨ете⟩»?[627]

Целую тебя крепко много раз,
твой Вася.
26. VI.46 г.

181

[Начало июля 1946, Солотча]

Милая Люсенька, что же это ты замолчала? Все ли благополучно дома, как здоровье твое и Феди?

Так ты и не собралась в Солотчу! Я решил ждать машину, она будет здесь 15 либо 16 июля. Очень уж соблазнительно избавиться от тяжестей железных дорог. Хотя так соскучился по тебе, что иногда хочется помчать на своих на двоих, помнишь, как в Чистополь к тебе шел?[628]

Чувствую себя хорошо — сильно похудел, дышится легко, одышки почти нет, хожу быстро, много, а ведь первые 10 дней совсем ходить не мог, задыхался на ровном месте. Теперь же Рувим за мной не поспевает, бежит сзади.

---

[627] Примечания: 627

В июне 1946 года в «Литературной газете» статей Гроссмана не публиковалось.

[628] Примечания: 628

Гроссман описывает это путешествие в письме отцу от [конца апреля 1942 года] (с. 214–215).

Лов рыбы удачный — часто обед состоит из рыбы, которую ловим. Главным образом жарим ее, это снисходя к моей нелюбви к ухе.

Думаю, что это время, проведенное здесь, позволит мне сильно двинуть вперед мою работу[629], ведь для нее нужно много силы и упорства, как для колки сучковатых дров.

Вот только скучаю по тебе, родненькая, точно мы с тобой месяц назад поженились.

Люсенька, черкни мне несколько слов или телеграмму пришли, а то тревожусь, когда нет писем. Скоро приеду.

Целую тебя крепко,

твой Вася.

Поцелуй Федю.

Как там Любка[630], обрастает?

---

[629] Примечания: 629

Речь о романе «Сталинград» («За правое дело»).

[630] Примечания: 630

Любка — собака Гроссмана и Ольги Губер. Федор Губер пишет о ней: «Особенно Гроссман любил белую пуделиху Любку, которая прожила у нас около 12 лет» (Губер 2007: 105). О пуделихе Любе и о том, как Гроссман и Губер продавали ее щенков, рассказывала также дочь писателя: «Я как-то приезжаю на каникулы, а в комнате как будто снегом все забросано. Это собачка Люба родила шесть или восемь щенков. А Люба породистая, с родословной, и щенки тоже. И приходят разные люди и покупают этих маленьких пудельков. И вот пришел человек, аккуратно и вполне прилично одетый, но видно по одежде, что бедный. И я гляжу, что папа уволакивает Ольгу Михайловну в сторонку, потом возвращается и называет цену вдвое меньшую, чем всем остальным. Это он упросил ее: „Давай ему уступим, ему будет трудно

столько заплатить, а он, видно, очень любит собак“» (Волохова 2020b).

Люсенька, распечатал письмо, чтобы дописать, — решил не ждать машину, а ехать 9-го утром. Если изменится что-либо, телеграфирую.

182

11 сентября 1947, [Фрунзе]

11. IX.47 г.

Милая Люся[631]. Вот уже пятый день, как я приехал во Фрунзе[632].

Поездкой очень доволен — вижу много интересного, живу в чудесном месте, на берегу горной реки и любуюсь снежными вершинами Тянь-Шаня. Дней через 5–6 поедем машиной вглубь Киргизии — решили объехать Иссык-Куль.

Чувствую себя хорошо, хотя дорога была утомительна, и я дня два чувствовал себя совершенно разбитым.

Погода чудесная, соответствует теплому и ясному московскому лету.

Из здешних фруктов хороши только яблоки, сочные, сладкие и большие. Целую тебя, Вася.

---

[631] Примечания: 631

Это письмо Гроссман пишет на адрес новой квартиры: Беговая ул., 1а, корп. 31, кв. 1.

[632] Примечания: 632

О поездке в Киргизию см. примеч. 2 к письму Гроссмана отцу от 11 сентября 1947 года (с. 239).

Привет Феде, Наташе[633], а также хвостатым и бесхвостым зверям[634].

183

[Ноябрь 1948, не позже 19-го, Москва]

Люсенька, очень пусто без тебя дома[635]. Все двуногие и четвероногие скучают по тебе.

Сообщи, пожалуйста, в чем ты нуждаешься. Ты впопыхах написала такую лаконичную записку, что никак мы не поняли, какая бумажка из Литфонда нужна. Женя сегодня уточнит, и я сделаю, что нужно.

Сообщаю тебе домашние события — Федя учится, встает рано, живем мы с ним дружно. Менял рыбкам воду, цветы поливаются (и азалия, стоящая в прохладе, тоже).

Прислали из «Огонька» верстку отрывка моего с очень понравившимся мне рисунком Верей-

---

[633] Примечания: 633

Наташа — домработница Наталья Ивановна Даренская.

[634] Примечания: 634

В этот период, помимо пуделихи Любки, в семье жила кошка Ташка бесхвостой мэнской породы и, возможно, еще один кот.

[635] Примечания: 635

В ноябре 1948 года Ольга Губер легла в больницу на операцию по удалению матки.

ского[636].

Заходила Катя Зелинская, вернула долг. Заходил сам Зелинский — очень расстроенный, жена разведенная подала на него в суд — он уж получил повестку[637]. Оказывается, он ей платит ежемесячно 1000 рублей и устроил мальчика[638] в литфондовский детский сад, но она сими благами не удовлетворилась.

Из четвероногих больше всего скучает по тебе Люба, ходит с опущенным хвостом, прислушивается, нюхает все время твое кресло и вещи.

А из двуногих больше всех скучаю по тебе я.

Целую тебя крепко, Вася.

---

[636] Примечания: 636

Орест Георгиевич Верейский (1915–1993) — художник, график, широко известный как иллюстратор. Отрывок из романа «Сталинград» («За правое дело») был опубликован в «Огоньке» 28 ноября (Гроссман 1948а); см. также письмо Ольге Губер от 30 ноября 1948 года (с. 445).

[637] Примечания: 637

Речь о литературоведе и литературном критике Корнелии Люциановиче Зелинском (1896–1970), его второй жене Елене Моисеевне Вольфельд (1903–1983) и третьей — Екатерине Владимировне Беляевой (1920–2021).

[638] Примечания: 638

Сын Корнелия Зелинского и Елены Вольфельд — Владимир Зелинский (р. 1942).

184

19 ноября [1948, Москва]

19. XI

Люсек, созвонился с Женей.

Узнал, что направления не нужно из Литфонда. Поехали с Федей и купили тебе яблок, печенья, конфет, икру я купил пастеризованную, в баночках, но т. к. тебе неудобно ее открывать, мы ее переложили дома в пластмассовую коробочку. Яблоки мыты. Женя не расслышала, какую книгу тебе нужно, и поэтому посылаю Станиславского. Люсек, увидишь, все обойдется хорошо, и уверен, что ты операцию перенесешь молодцом.

Крепко целую,

Вася.

185

21 ноября 1948, [Москва]

Милая Люсенька,

вот и позади день страданий и волнений.

Теперь нужно запастись терпением, и все пойдет хорошо — впереди возвращение домой. Передай, пожалуйста, как себя чувствуешь, в чем испытываешь нужду.

Крепко целую тебя,

Вася.

21 ноября 48 г.

Все родные и друзья передают тебе сердечные приветы.

Дома все благополучно.

Люсенька, делаю приписку после беседы с Захаром Яковлевичем — он доволен операцией и считает, что дела твои хороши.

Крепко целую, Вася.

186

24 ноября 1948, [Москва]

Милая Люсенька, ты не представляешь себе, с каким нетерпением жду каждый день известий о твоем состоянии, да это чувство нельзя назвать нетерпеньем, оно куда сильней и значительней.

Надеюсь, все пойдет хорошо и мы снова будем вместе. Очень скучаю, ты ведь и не представляешь, какой без тебя дом пустой.

Напиши, пожалуйста, несколько слов — как чувствуешь себя, что нужно прислать тебе.

Дома все благополучно, все здоровы. С Федей живем дружно, он много учится, ведет себя хорошо.

Я решил заключить договор с «Новым миром»

и расстаться с «Знаменем»[639].

В субботу, как обычно, приходил Кугель, в воскресенье папа. Они шлют тебе приветы и пожелание скорого выздоровления.

Приезжали Чуковские[640] специально узнавать о тебе, проявили много внимания и теплоты. Каждый день заходит Ревекка Моисеевна (Раиса Михайловна) и спрашивает «бюллетень» твоего здоровья, говорит, что, если нужно, будет ездить к тебе и сидеть возле тебя, — очень мила. Просят тебе кланяться Фаня Борисовна, она тоже каждый день расспрашивает о тебе; Заболоцкие[641], Зелинские, Ковалевский.

Очень меня тронула Женя — я и не думал, что столько глубокой и горячей любви она чувствует к тебе.

Люсенька, крепко тебя целую, будь молодцом

---

[639] Примечания: 639

Речь о публикации романа «За правое дело» («Сталинград»). В РГАЛИ сохранилось письмо Гроссмана в редакцию «Знамени» о расторжении контракта, датированное 24 ноября 1948 года (Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 115).

[640] Примечания: 640

Об отношениях Гроссмана и Николая Чуковского см.: Липкин 1990: 30, 58–59.

[641] Примечания: 641

Николай Алексеевич и Екатерина Васильевна Заболоцкие с детьми с 1948 года жили в тех же писательских домах, что и Гроссманы: ул. Беговая, 1а, Гроссманы — в корпусе 31, Заболоцкие — в корпусе 29.

и умницей.

Твой Вася.

24 ноября 48.

187

26 ноября [1948, Москва]

26 нояб.

Милая Люсенька, посылаю тебе флакончики, которые ты просила. Как назло, нигде не мог купить хорошего винограда, взял у Елисеева, но, мне кажется, неважный.

Люсек, может быть, можно тебе вина — напиши, пожалуйста, если разрешит доктор, то какого.

Как медленно и в то же время как быстро идут дни — вот завтра уже неделя, как тебя оперировали.

У меня тут произошли важные события — за это время состоялось назначение Кожевникова редактором журнала «Знамя»[642]. Я совершил следующее — пошел в издательство и подал

---

[642] Примечания: 642

Вадим Михайлович Кожевников (1909–1984) пробудет главным редактором «Знамени» более 35 лет, до самой смерти. По одной из версий, документально не подтвержденной (Липкин 1990: 60), именно Кожевников в 1960 году передал рукопись «Жизни и судьбы» в КГБ, что затем привело к аресту романа.

заявление о том, что прошу перечислить деньги, которые мне должны за книгу, в погашение долга журналу[643]. Вчера это оформили, и ты даже не представляешь себе, как легко я себя почувствовал — это висело на мне, как камень на шее. Освободившись, я почувствовал истинное облегчение, правда, облегчение и в кармане, но пока мне радостно облегчение на душе.

В связи со всеми этими делами я переволновался и особенно чувствовал твое отсутствие — привык, что ты рядом со мной для совета («выслушай совет жены и поступай наоборот»).

Дома у нас все по-старому, все благополучно. Федя занимается буквально день и ночь — учится успешно. Живем с ним дружно.

Здесь сейчас проездом Надя, была у меня позавчера, через день-два она едет в Караганду.

Все родные и друзья шлют тебе самые сердеч-

---

[643] Примечания: 643

Существует предположение, что Гроссман вернул задаток, выплаченный «Знаменем», из аванса, полученного от «Нового мира» (Бит-Юнан 2020: 263–264). Однако корреспонденция Гроссмана опровергает эту версию: в письме жене от 28 ноября 1948 года (с. 444) он пишет, что договор с «Новым миром» еще не заключил и не спешит этого делать. При этом известно, что договор все же был заключен до конца 1948 года, а редакция «выдала ему авансом в разные сроки 40 000 руб.» (Бианки 1999: 132).

Что касается издательства, которое перевело деньги «Знамени», возможно, речь о Воениздате, выпустившем в 1949 году книгу «На Волге» (главы из романа «Сталинград») (Гроссман 1949).

ные приветы и пожелания поскорей выздороветь и вернуться домой.

Животный мир наш жив и здоров — Любу купали, кошки по утрам, как жеребцы, стучат копытами. Полным ходом идет работа по телефонизации, по-прежнему обещают к Новому году поставить телефоны.

Крепко тебя целую,

твой Вася.

Пиши, родная, как чувствуешь себя и что тебе можно и нужно.

188

28 ноября 1948, [Москва]

Милая Люсенька, что ж это ты, родная моя, температуришь? Ты только не волнуйся — все это обычно после операции. Нужно только запастись терпением, но, правда, где эти запасы терпения? Я тоже очень скучаю по тебе. За все десять дней твоего отсутствия лишь один раз уходил вечером из дому — ездил к Платонову. (Там, кстати, был Фраерман Рувимчик.)

А так все сижу дома за письменным столом — утром работаю над новыми главами, вечером над уже написанными. Федя, и Наташа, и Люба ложатся спать рано, а я сижу обычно до часу,

до двух ночи, работаю. В доме тихо и грустно. В среду ночевал у меня папа, а в субботу Кугель — в карты мы не играли, а сидели и разговаривали. К Феде приходил в гости Исаак — он мало бывает в Москве, работает и все в разъездах.

Регулярно заходит справляться о твоем здоровьи Ревекка Моисеевна, просила передать тебе самые сердечные приветы. Сельвинская тебе кланяется, Циля приезжала узнавать о твоем здоровье — очень мило такое внимание. Странно, что Валя Левина так и не появилась, — не больна ли она?

Из новостей, которые могут тебя развлечь, могу сообщить, что вторая жена подала на Зелинского в суд. Он ей давал 1000 рублей в месяц да, кроме того, содержал младенца в детском саду Литфонда. Дня два назад был суд, и ему, как говорится, «припаяли» платить четвертую часть всех жалований и гонораров. Сумма выйдет солидная, и горе молодого счастливого отца не поддается описанию.

Заходил Заболоцкий, заходит, как обычно, по вторникам Ковалевский, и мы с ним играем в шахматы.

Люсек, родная моя, дома у нас все благополучно, Наташа очень внимательна ко мне и к Феде.

Сегодня Федя был в кино — их водили всем классом. Он по-прежнему очень много учится.

Во дворе полным ходом идут работы по телефонизации, масса рабочих, опять вскопали землю — я только теперь увидел, какая это сложная штука.

Я очень стосковался по тебе, но не нужно, родная моя, торопить события, лучше лишние день-два пробыть в больнице, чем потом дома недомогать.

Цветы поливаются, они потихонечку растут, древовидный кактус пустил новые листочки, а вот азалия на своем неэстетическом месте чувствует себя плохо, начали вянуть листочки некоторые, и я подумываю перенести ее снова в комнату.

Я уже писал тебе, что погасил свой долг «Знамени» и что это мне очень приятно. Но надо подумать, как добыть деньги — сознаюсь, что заключать тотчас договор с Кривицким мне смертно не хочется, уж очень он противный, ох, пошлый, самоуверенный, бог с ним. Но есть, пить ведь тоже надо. Надеюсь, все это утрясется, а до января денег у нас хватит.

Последние дни приморозило сильно, и я лучше чувствую себя, дышать стало легче.

Хорошая моя, Люсенька, пиши мне, как себя чувствуешь, о чем думаешь, что вокруг тебя происходит и что нужно и можно тебе передавать.

Крепко, крепко тебя целую,

твой Вася.

28 ноября 48 г.

189

30 ноября [1948, Москва]

Милая Люсенька, узнал, что сегодня тебе сняли швы и что Захар Яковл⟨евич⟩ находит, что прошло это очень хорошо. Вот еще один большой шаг к возвращению домой. Очень по тебе соскучился, родная моя. Воскресный день прошел не совсем по-обычному, днем были папа и Кугель, а вечером приехал Рома и позвал меня на поминки по Сарре — сороковой день. Иван Федорович справляет все это по православным обычаям. Поминки прошли грустно. Феня страшенно изменилась — похудела, почернела, вся покрылась морщинами. В понедельник поехал в «Знамя» и оформил

свой «уход», видел Берёзко[644] — беседовали с ним, сидя в «Арагви» (почти без выпивки — 100 гр.!). Он мне под секретом рассказал светскую новость — Вирта разводится или разошелся уже с Ириной[645] и женится на… Тане Лагиной. Меня эта история поразила.

Навестил Платонова — ему немного лучше[646].

Дома у нас все благополучно. Федя продолжает учиться так же прилежно, отметки хорошие.

В воскресенье он нам читал после обеда стихи свои — прочел 5 или 6 стихотворений. Слушатели — папа и Кугель — очень горячо одобрили его чтение. И снова они мне понравились, — бесспорно, он поэтически одаренный. Но, видимо, нелегкий путь предстоит ему в поэзии — очень уж грустны его стихи.

Люсенька, какие книги тебе прислать, можешь

---

[644] Примечания: 644

Георгий Сергеевич Берёзко (1905–1982) — писатель, сценарист и режиссер (снял, в частности, пропагандистский фильм «Если завтра война…», 1938). Во время Великой Отечественной войны вступил в народное ополчение, затем служил в дивизионной газете, в центральном ансамбле ВМФ и военном театре.

[645] Примечания: 645

Первая жена писателя и сценариста Николая Евгеньевича Вирты (1906–1976) — Ирина Ивановна Вирта.

[646] Примечания: 646

С середины 1940-х годов Андрей Платонов болел туберкулезом и умер от него в 1951 году.

ли ты теперь читать, не утомляясь? Что можно прислать из съестного, кроме того, что посылается? Ведь теперь твое меню можно немного расширить. Женя повезет тебе вина — но я думал, что лучше сладкое, а ты просила кислого.

Утихают ли боли, лучше ли тебе спится теперь?

Да, вот еще смешная новость, которая тебя может развлечь. Берёзко рассказывал, что встретил на площади Ногина Асеева — тот стоял смертельно бледный, прислонившись к стене и раскинув руки. Берёзко подбежал к нему: «Вам плохо, припадок, отвезти вас домой??» Асеев ответил ему весело: «Нет, нет, мне хорошо, я мертвецки пьян» — и начал его целовать. Видишь, какой старик неугомонный — бросил карты, взялся за вино.

Пишу тебе нарочно обо всем, чтобы как-нибудь разнообразить твое больничное одиночество.

Да, вот еще новость — осчастливил меня своим визитом Барсуков, он переехал в Москву и поступил здесь на службу. Разговор у нас был короткий — я сказал, что мне нужно уходить.

Я регулярно работаю, «пишу дальше» по утрам и во второй половине дня сижу над уже написанным.

В воскресном номере «Огонька» напечатан мой отрывок[647]. Подумываю о том, чтобы подобрать им еще отрывок или два.

Пиши мне, родная. Тоскую по тебе и надеюсь на скорую встречу.

Крепко, крепко тебя целую, твой Вася.

Все друзья и знакомые кланяются тебе — вчера вечером заходила Заболоцкая — просила передать тебе привет.

30 ноября

Люсенька, хозяйствен⟨ный⟩ вопрос к тебе — приходил Мякиш, просил последнюю квитанцию за электричество, мы не нашли ее — не помнишь ли, где она.

190

1 декабря 1948, [Москва]

Здравствуй, милая Люсенька,

получил твою очередную записочку. До каких пор ты собираешься температурить, Люсек? Надо и честь знать. Но, конечно, самое главное, что рана срастается хорошо, что самочувствие у тебя хорошее и что уж недалеко время, когда

[647] Примечания: 647

Об отрывке см. примеч. 1 к письму Ольге Губер от [ноября 1948 года, не позже 19-го] (с. 439).

можно будет тебе не только сидеть, но и ходить. Приходится запастись терпением, ничего, скоро будешь дома.

У нас все идет по-прежнему — т. е. благополучно. Федя учится, я работаю. Вчера заходил Ковалевский — обыграл меня в шахматы, рассказал, что Рувим болен сердцем, лежит в постели. Я ему позвонил сегодня — он серьезно болен, врачи уложили его, но, видимо, острый период пройдет и все наладится, снова будет гулять и полегонечку пить водочку. Он и Валя (сидевшая, как обычно, у телефона и подсказывавшая) просили тебе кланяться.

Получил вчера письмо от Липкина, описывает красоты Сталинабада и горных его окрестностей, пишет, что при нем было маленькое землетрясение в четыре балла, обошедшееся без всяких происшествий.

Летал он через горный перевал к Памиру, проживет там до конца месяца.

Ты спрашиваешь, почему я не заключил нового договора. Дело в том, что могут быть неприятности, из-за этого и Кривицкий просит подождать месяц-полтора, пока улягутся бури и штормы. Пока что на весь декабрь денег хватит, а там, надеюсь, как всегда, и дальше устроится.

Работа моя потихоньку двигается вперед, и мне сейчас интересней работать, чем в ту долгую пору, когда сидел над уже написанным.

Погода вот скверная, и дышится мне тяжело, но, в общем, не так уж — я хожу по делам, гуляю по утрам и вечерам.

Азалию все еще держу в прохладе, думаю дня через два-три перенести ее в комнату, я ее снимал, опрыскивал, оборвал увядшие листья. Бутонов на ней много, но не знаю, что из них выйдет. Остальные цветы хорошо себя чувствуют, а древовидный кактус пустил еще новые листочки. Рыбы в порядке, два раза менял им воду, собачье-кошачье хозяйство процветает.

Наташа очень внимательна и мила, кормит нас хорошо — покупает и фрукты, мандарины, яблоки.

Сегодня Федя отвез Жене вино, она завтра повезет тебе — оказалось, что купить «напареули» не так просто — на всем Арбате его не было. Посылаю тебе две книжки — Шерлок Холмса и Купера. Очередная посылка, которую получил Федя, неинтересна, и поэтому из нее только одна книжка подходит тебе — Купер.

Люсенька, пиши подробней о своем состоянии и о том, что тебе нужно привезти.

Крепко, крепко целую,
твой Вася.
1 дек. 48 г.

191

4 декабря 1948, [Москва]

Милая Люсенька, вот уж и был денек у тебя без повышенной температуры. Вот и идет дело на лад. Скоро уж мы будем обсуждать твое обратное путешествие домой.

Я хочу подарить Захару Яков⟨левичу⟩ «Кольчугина». Как сделать? Переслать тебе? Напиши, пожалуйста.

Дома все благополучно. Федя учится, и по-прежнему живем с ним очень дружно. Вчера подписался на газеты и журналы. «Вечерку» подписали условно, но Арий обещал ее добыть[648]. Были вчера Чуковские — они славные, душевные люди.

Позавчера наконец твоя подружка Валя раскачалась и через три недели после того, как ты легла в больницу, через Федину учительницу просила привет передать тебе. Скажем прямо, не

[648] Примечания: 648

Арий Давидович Ротницкий (1885–1982) — заведующий отделом социально-бытового обслуживания Литфонда.

очень она внимательна.

Приехали Каверины[649] — он очень поправился в Карлсбаде, язва его зарубцевалась — они в восторге от своей поездки. Просили передать тебе привет.

Мои работы понемногу двигаются вперед — закончил новую главу, вчера начал вторую. Посмотрим, посморим, что дальше будет, пока обстановка уж очень суровая. Дочитал я книгу Ажаева[650] — она мне весьма и весьма не понравилась. При встрече поговорим подробней.

Отрывочек мой вызвал благоприятные отзывы, вчера получил по поводу него милое письмецо от Москвина[651]. Авдеенко наговорил мне при встрече во дворе много «высоких» и льстящих авторскому самолюбию слов[652].

---

[649] Примечания: 649

Вениамин Александрович Каверин (Зильбер; 1902–1989) и его жена Лидия Николаевна Тынянова (1902–1984) были соседями Гроссмана по Беговой.

[650] Примечания: 650

Речь о романе «Далеко от Москвы» (1948) Василия Ажаева (1915–1968). В 1949 году автор был награжден за него Сталинской премией первой степени.

[651] Примечания: 651

Николай Яковлевич Москвин (1900–1968) — писатель, редактор; в 1944–1946 годах литературный консультант в Союзе писателей.

[652] Примечания: 652

Александр Остапович Авдеенко (1908–1996) — писатель и военкор (в частности, «Красной звезды»); один из тех, кто на заседании секции

прозы Союза писателей в октябре 1952 года выражал свое восхищение романом «За правое дело» (Липкин 1990: 147–150).

Азалия уже стоит на моем столе, не знаю еще, как поведет себя, — бутонов на ней много. В животном царстве происшествий нет.

Целую тебя крепко, крепко,

твой Вася.

Ради бога, не форсируй событий, лучше лишний день или два полежать, чем вызвать какую-нибудь неприятность. Будь умницей.

4 декабря 1948 г.

192

6 декабря 1948, [Москва]

Милая Люсенька, получил сегодня твое очередное письмецо, где пишешь, что, может быть, завтра тебе разрешат встать.

Ну вот — еще одна ступень по дороге к дому. Только, Люсенька, не надо торопить события — лучше выждать день-два, чем повредить здоровью излишней спешкой. Словом, как скажет Захар Яковлевич.

Дома все благополучно, все здоровы, и мир царит по-прежнему. Газеты я уже подписал — не бойся. Деньги Жене я даю, пусть это тебя не беспокоит. Она бесконечно внимательна к тебе и приняла на себя все заботы по твоей «кормежке». Посылаю тебе мелкие деньги — я велел Наташе

прогладить их горячим утюгом, чтобы инфекция не попала. Пишу тебе в воскресенье ночью. Как обычно, были папа и Кугель. Папа ушел часов в 8 — он каждый раз просит передать тебе сердечный привет, а Кугель ушел минут 20 тому назад — мы с ним сражались в «тысячу», причем счастье было на моей стороне. Он переменил работу и уже ходит на новую службу — она солидней и интересней предыдущей.

Вчера была Надя — 8-го уезжает в Караганду, не удалось ей здесь устроиться. Мне ее очень жаль.

Заходила вновь Ревеккка (Раиса), справлялась о тебе — она проявила много сердечности. А бедная Фаня Борисовна упала и повредила себе позвонок — лежит и уж лежа просила кого-то позвонить Жене и узнать о твоем здоровье.

Люсенька, представляю себе, как тоскливо тебе лежать под стоны и скрежет рожениц, но пусть тебя утешает, что скоро уж будешь дома — только бы все было благополучно. Я по тебе очень стосковался — так одиноко по вечерам, когда все спят, сидеть одному в тишине, только счетчик поскрипывает — даже жалко, что живем не в коммунальной квартире (но только в такие минуты).

Очень хочется на тебя посмотреть — какая ты

стала. Похудела, побледнела, верно?

Днем разговаривал по телефону с Рувимом — он лежит, чувствую, что скоро превозмогу свое «сержение» и навещу его — жалко мне его.

У нас во дворе было происшествие — налетел грузовик на вороты (те, что возле каверинского дома), и рухнул столб каменный, и свалились и решетки, и ворота — в общем, похоже на то, что бомба взорвалась. Никто, к счастью, не пострадал. Работы по телефонизации идут полным ходом, но, судя по объему работ — снова копают землю, укладываютя кабель и пр., все это еще на долгий срок. А тех ящиков, что при тебе еще увозили, — до сих пор не привезли. Словом, улита едет, когда-то будет.

Начал читать новый роман Панферова — нечто невообразимое[653]. Кажусь себе после чтения его и Ажаева чем-то вроде белой вороны среди черных либо черной среди белых.

Просто в тоску меня вгоняет это чтение — халтура.

Люсенька, пиши мне о всех твоих делах и обо всем, что нужно тебе. Крепко, крепко тебя целую,

---

[653] Примечания: 653

Речь о романе «Борьба за мир» Федора Ивановича Панферова (1896–1960), вторая часть которого вышла в 1948 году, и в этом же году автор получил за него Сталинскую премию второй степени (Панферов 1948).

твой Вася.

6 дек. 48 г.

193

8 декабря 1948, [Москва]

Люсенька, родная моя, получил твое письмецо. Не нужно, хорошая моя, нервничать — если на чуток поднялась температура, то, значит, надо выждать еще день, два, три. Нервы нужно крепко держать — иначе это и на здоровье скажется. Ведь речь идет о нескольких лишних днях. Поэтому призываю тебя к спокойствию и терпению. Передачу сегодня тебе повезет Наташа, так как Женя немного загрипповала и ей следует несколько дней посидеть дома.

Поздравляю тебя — ты стала двоюродной бабушкой: Вероника родила сына[654], роды прошли довольно тяжело и были длительными, но все кончилось благополучно, и на свет появился молодой человек весом в $8^1/_2$ фунтов — здоровячок, большой любитель молока. Вот видишь, чем кончается пребывание в родильном доме у некоторых молодых особ.

Дома событий нет — все благополучно. Федя

---

[654] Примечания: 654

Сын Вероники Ваврисевич — Александр Губенков.

потряс меня потоком пятерок, которые свалились в его балльник, вернее, пятерок, не свалившихся к нему, а завоеванных им.

Сегодня простился с Надей — она уехала в Караганду. Трагическая это поездка, грустно мне было с ней прощаться. Сегодня получил письмо от Катюши — у нее тоже успехи в учебе — сдала все коллоквиумы на пятерки. Прислали верстку книги рассказов[655] — книга солидная, больше четырехсот страниц, — придется отложить все дела и сесть за чтение верстки, а мне не хочется — очень уж вошел во вкус работы над романом. Заходил Ковалевский — у него беда, задержали книгу его рассказов, вот-вот уж должна была выйти. Мне его жалко — ведь это вторая книга, вернее, первая, так как «Трехгорка» — книга, в общем, служебная[656]: а эта, рассказы, ему дорога. Он совсем растерялся.

Люсенька, родная моя, как бы нам повидаться с тобой, шутка сказать, уж больше трех недель, как

---

[655] Примечания: 655

Вероятно, речь о сборнике «Повести и рассказы», напечатанном в 1950 году (Гроссман 1950).

[656] Примечания: 656

Первое издание книги, которую Гроссман называет «Трехгоркой», в действительности вышло под заглавием «Хозяин трех гор» (Ковалевский 1939). Это повесть о возникновении московской Трехгорной мануфактуры. Первый сборник рассказов Ковалевского «Глубокий снег» вышел в 1956 году (Ковалевский 1956).

мы не видимся, — разве нельзя тебе перевестись в другое отделение, не родильное, где возможно было бы повидаться? С большим нетерпением жду известий с твоего фронта. Объясняла ли ты Захару Яковлевичу, что температура у тебя почти всегда повышена, может быть, эти полградуса не связаны вовсе с послеоперационным периодом, а просто продолжение твоей обычной температуры? А почему у тебя нет аппетита? Наверное, ты нервничаешь. Не нужно, родная моя, ей-богу, не нужно. День моего рождения мы перенесем и отпразднуем, когда ты вернешься домой. Задумайся на минутку, какие долгие, какие мучительные разлуки бывают между людьми, и что значат по сравнению с такими разлуками 3–4 дня. А подумав, успокойся, все, все будет хорошо, моя Люсенька.

Получил письмо от Коли — он описывает свою сталинградскую жизнь[657], много спрашивает о тебе, о твоем здоровье, очень милое письмо.

Выпила ли ты вино, можно ли прислать тебе еще и какого? Какие фрукты ты хочешь? Что прислать из более солидной, «прозаической» еды?

---

[657] Примечания: 657

Речь о Николае Михайловиче Сочевце, брате Ольги Губер: в 1930 году он был раскулачен и выслан вместе с родителями из Сочи в Свердловскую область; освобожден 10 апреля 1947 года (Сочевец 2024).

Пиши, пожалуйста, поподробней о себе, каждое твое слово мне очень интересно, и важно, и дорого.

Целую тебя, родная, крепко,

твой Вася.

8 декабря 48 г.

194

10 декабря [1948, Москва]

Милая Люсенька, счастлив был узнать, что тебе разрешили ходить и что, видимо, со здоровьем твоим налаживается. Жду с нетерпением высочайшего решения Захара Яковлевича! За мной дело не станет — приеду за тобой в любое время дня и ночи. Лишь бы твои «первые шаги» не вызвали скачочка этой зловредной температуры.

Дома все благополучно. Вчера приезжал «нарочный» от Любовь Мих⟨айловны⟩ Эренбург[658] с письмом, пишет, что только вчера она узнала о твоей операции, и просит передать тебе привет сердечный.

Вчера навестил Рувима. Дело его плохо по-настоящему — был инфаркт, кровоизлияние,

---

[658] Примечания: 658

Любовь Михайловна Эренбург (Козинцова; 1899–1970) — художница, вторая жена Ильи Эренбурга.

приписано лежать пластом.

А Платонов, представь, вдруг встал и начал ходить. Люсенька, пиши, как решается с твоей выпиской.

Целую тебя, родная, крепко, Вася.

10. XII

Переписка во время поездки Гроссмана в Дубулты, февраль 1955

195

Гроссман — Губер 7 февраля [1955, Дубулты]

7 февраля

Милая Люсенька, пишу тебе в день приезда в Дубулты — первые впечатления.

Ехать в поезде было очень тяжело, — топили чудовищно, почти всю ночь не спал, обливался потом.

Приехали в Ригу в 12 ч. дня, погода чудесная, солнце, почти безветренно. Уже гулял по пляжу — на берегу снега нет, только у самой воды высокий снеговой барьер.

Море спокойно, очень мелкие, но частые волны — цвет у моря такой, какой и полагается Балтийскому морю зимой: серый, железный, холодный.

В доме отдыха людей очень мало, — из знакомых Паустовский, который приехал сюда на полтора месяца, и Беки, — они уже уезжают через несколько дней.

Меня поселили в белом доме, где столовая, Липкина в деревянном, обещают переселить поближе, когда освободится комната. Кормят неважно, гораздо больше похоже на кормежку в Гаграх, чем на кормежку в Коктебеле.

С утра начну работать.

Милая Люсенька, пиши о себе, о здоровье, что сказала тебе Берта Абрамовна[659]. Что Федя, — как у нас дома, все ли благополучно?

Крепко тебя целую,

Вася.

Поцелуй Федю, привет всем родным, Наташе.

Как наши звери?

Получила ли телеграмму, не поздно ли ночью она пришла?

196

Губер — Гроссману 10 февраля 1955, [Москва]

10. II.55 г.

Васюня, родной мой! Решила написать тебе

---

[659] Примечания: 659

Берта Абрамовна — врач поликлиники Литфонда.

после врача и вот пишу. Телеграмму получила — рада, что у вас хорошая погода. Сегодня и у нас немного приморозило, деревья стоят красивые, в инее. Вчера же было очень мокро.

Без тебя я время зря не теряю — 7-го и 8-го была у Берты[660] — играли, вчера и сегодня ездила по магазинам в поисках шкафа. Навещала сегодня Марусю и была в поликлинике. Берта Абрамовна не нашла у меня ничего ужасающего, сердце как всегда, давление 160 и 90, прописала лекарства и 10 дней без соли. Для санаторной карты дала массу направлений к врачам и на исследования. Буду ходить по докторам.

Звонила Екатерина Васильевна вчера, рассказывала, что сердце у Николая Алексеевича[661] продолжает болеть, но завтра они будут уже в Москве, продлевать путевки не будут.

Вчера утром был Витя, взял книги, очень извинялся, что не мог раньше — т. к. не мог достать Конан Дойля. Вчера должен был идти с Надей, надеюсь, о результатах этого похода Надя тебе

---

[660] Примечания: 660

Вероятнее всего, речь о Берте Яковлевне Сельвинской. Известно, что они с Ольгой Михайловной вместе играли в маджонг (см., напр.: Липкин 1990: 59).

[661] Примечания: 661

Речь о Екатерине Васильевне и Николае Алексеевиче Заболоцких.

уже написала.

Очень мне было неприятно, что я забыла положить тебе нитки, иголку и пуговицы, но, думаю, Нина Сергеевна[662] не забыла положить это Липкину, и он тебя выручит в случае нужды.

Я успела уже заскучать по тебе — некуда убить время, когда тебя нет дома, так у меня его много.

Федя работает и дежурил в институте. Маруся на днях собирается приехать на день ко мне.

Целую! Привет Липкину,

Люся.

197

Гроссман — Губер [12 февраля 1955 [663], Дубулты]

Милая Люсенька, получила ли мое письмо и телеграмму? От тебя пока еще писем не имею, — жду сегодня или завтра.

Жизнь моя уже вошла в колею, — утром, до завтрака, выхожу к морю и смотрю на него минут 15, гулять по берегу нельзя, выпал снег довольно

---

[662] Примечания: 662

Нина Сергеевна Куликова (1905–1998) — первая жена Семена Липкина.

[663] Примечания: 663

Дата на штемпеле отправления письма.

глубокий. Потом, после завтрака, делаю прогулку и работаю до обеда, после обеда снова гуляю и затем работаю до ужина. Работа идет хорошо, успеваю больше, чем дома, — меньше отвлекаюсь, тишина.

Липкин уже перебрался в тот же корпус, где живу я, поселился по соседству.

Мне тут нравится, погода мягкая, прогулки по улочкам тихого и чистого городка приятны. Решили с Семеном Израилевичем продлить срок до нормального срока путевки, т. е. до 4 марта. Дышится все же мне здесь тяжелей, чем в Москве, какие-то, видимо, неясные астматические явления — одышка довольно сильная, поэтому по лестнице не взбегаю, а «плавно» подымаюсь, по-павлиньи.

Сосны украшены снегом, красиво. В Ригу еще не ездил, собираюсь в воскресенье. Узнавал про уродан[664] — достать невозможно. Тут один лихой писатель достал его через министра здравоохранения и с помощью начальника аптекоуправления, в аптеках же абсолютно нет. Зато сумок хозяйственных и прочих огромное множество, куплю в Риге, хотя и в Дубултах кра-

[664] Примечания: 664

Уродан — лекарство, которое применяется при подагре, почечно-каменной болезни, полиартрите.

сивые есть.

Вышел здесь «Кольчугин» на латышском языке, отлично издан, в одном томе[665], я купил в магазинчике за 16 р. 25 коп., видимо, был первым покупателем, так как продавщица очень удивилась, когда я попросил дать мне эту книгу.

По соседству с домом у колоссально толстого доктора (помнишь его? он, оказывается, жив и процветает) живут две рыжие собаки — типа «такси». Толстый доктор в Риге, а собаки в будке здесь, голодные — я хожу их кормлю через забор, они выскакивают из будки и мчатся на кривых ногах, задрав свои хвосты-бублики, к забору. Белок я еще не видел, но говорят, что их тут много. Вообще же тут нет бродячих кошек и собак, все при деле.

Хотел тебе рассказать о любопытном совпадении. Ехал с нами в поезде в Ригу из Москвы прокурор-военный. Мы разговорились — он рассказал мне, что сын у него женился и ему удалось обменять свою большую комнату на 2 маленькие, так что сын теперь имеет комнатушку. Менялся этот прокурор с двумя молодоженами — жившими порознь, а после свадьбы воссо-

---

[665] Примечания: 665

См. примеч. 1 к письму Гроссмана отцу от 21 февраля [1955 года] (с. 266).

единившимися — молодому 73 года, а молодой 54. Стал он мне рассказывать о них, — молодожен-пенсионер, парикмахер, стрижет и бреет писателей и генералов. И вдруг оказалось, что это наш старичок-парикмахер. Жена о нем сказала прокурору: «Он оказался еще очень крепкий мужчина». Вот видишь, какой старичок оказался.

Публика здесь тихая, встречаются в столовой и расходятся скрипеть перьями и трещать на машинках. Правда, некоторые рыщут по рынкам и магазинам в Риге. Паустовский крайне мил, манерен тоже крайне.

Директор внимателен, услужлив, однако уродан достать не берется.

Пиши мне, Люсенька, о себе, о своем здоровьи, кого видела, с кем говорила, кто у нас был за это время?

Целую тебя крепко, Вася.

Поцелуй Федю, сердечный привет родным и знакомым, кланяйся Наташе. Вернулась ли Екатерина Васильевна, привет ей передай.

Липкин просит кланяться.

Взвешивались — я 92 кило, Сема — 90 ровно! (Оба веса в одежде и после обеда.)

Пиши, Люсенька!

198

Губер — Гроссману 14, 16 февраля 1955, [Москва]

14. II.55 г.

Васенька, родной, получила сегодня твое письмо и уже отвечаю. Вчера заходила к нам Екатерина Васильевна. Она поздоровела и посвежела, говорит, что Н⟨иколай⟩ А⟨лексеевич⟩ чувствует себя лучше, но спазмы по ночам продолжаются. Каждый день они ходят гулять — вижу их в окно.

Звонил приехавший в Москву на несколько дней Некрасов[666]. Просил передать тебе привет, жалел, что не застал тебя в Москве.

Звонил Ковалевский — тоже передавал тебе привет.

Звонила сегодня Клара — рассказывала, что Наде пенсию не дали — не хватает двадцати дней. Все они здоровы.

Вчера с Федей были у Шуры[667] — было скуч-

[666] Примечания: 666

О том, как завязалась дружба Гроссмана и Виктора Некрасова летом на отдыхе в Коктебеле, см.: Некрасов 1969.

[667] Примечания: 667

Речь о старшем брате Бориса Губера, академике-востоковеде Александре Андреевиче Губере (1902–1971).

новато, т. к. было много довольно народу, чужого мне.

Завтра иду два раза в поликлинику: к 10 часам — невропатолог, к 5:30 — кардиограмма. Послезавтра опять к 10 ч. гинеколог и анализы, в субботу просвечивание. Словом, дела много.

Линолеум решила пока не покупать, т. к. истратила 3000 на шкафы и зеркало. В комнате у нас стало лучше, т. к. все тряпки и барахло вошло в шкаф.

Маруся собирается приехать ко мне на денек послезавтра. Коля был вчера, шлют тебе привет.

Была я у Маруси — навещала ее. Наташа просит тебя купить ей шерстяной платочек на голову — видала где-то у дворников, привезли из Риги. Купи парочку. Беспокоит меня твоя одышка — спроси врача почему.

Федя купил себе фотоаппарат и мне и себе кроликовые шапки, как у Семена Осиповича (по 206 р.).

Васенька, купи себе в Риге хорошую шапку. Поищи.

Жаль, что достать уродана нельзя, — попробую в Москве сделать это. Знаешь, Васенька, я не видела себя в зеркале во весь рост — и только теперь, когда вижу, я поняла, как я полна. Просто

ужасно, — кажется, я толстая. Буду худеть.

Передай привет Семену Израилевичу.

Федя вчера послал тебе письмо.

Он, видно, скучает без тебя.

Я же тоскую.

Сейчас у нас немного морозит — легче дышать — нет тумана и сырости.

Животные здоровы — кланяются тебе (я так думаю).

Позвонил из Литфонда Арий — потребовал твою карточку — отвезла.

16/II 55. Васенька, хороший мой! Вчера письмо отправить не удалось. У меня был «безумный день»: в 9 часов уехала в поликлинику к невропатологу, шла домой по Пятницкой, увидела — в кино «Заря» идет фильм «Мост Ватерлоо»[668], зашла, через 50 минут начали сеанс — осталась посмотрела — очень понравилось, поехала домой, пообедала и к 5 ч. опять была в поликлинике — кардиограмма. Вечером была опять с Федей в кино — смотрела «Кто виноват?»[669].

---

[668] Примечания: 668

«Мост Ватерлоо», реж. Мервин Лерой, 1940, США. В СССР вышел в прокат в 1955 году.

[669] Примечания: 669

«Кто виноват?» (Damals), реж. Рольф Ханзен, 1943, Германия. В СССР вышел в прокат в 1955 году.

Сегодня уже была в поликлинике у гинеколога.

Видишь, как я живу «весело».

Целую крепко. Люся.

199

Гроссман — Губер 15 февраля 1955, [Дубулты]

Здравствуй, милая Люсенька, получил наконец твое письмецо сегодня, а сам пишу тебе уж третье. Надеюсь, ты их получила?

Рад, что поход твой к врачу был в общем благоприятный и что давление у тебя божеское, а то я все тревожился, что же скажет тебе Берта Абрамовна.

Жизнь здесь идет у меня хорошо, очень много работаю, гуляю, чувствую себя физически хорошо. Одышка прошла, хожу теперь много и свободно.

Зимнее море красиво, сурово, величественно. Им можно любоваться без устали.

Публика в доме, как я уже писал, хорошая, тихая, скромная, все трудятся. По вечерам иногда играем в подкидного.

Ездили с Сёмой в Ригу в воскресенье, много ходили, осматривали Старый город, затем обедали в ужасно скверном ресторане и, естественно, вы-

пили водки, но в весьма скромных количествах.

Погода стоит морозная, деревья поразительно красивы, совершенно белые, пляж покрыт белоснежным покровом, а море черное, и небо над морем темное, низкое. Удивительное это сочетание — яркой белизны с темными, почти черными тонами моря и неба.

Продолжаю кормить собак, они очень милы, завидя меня издали, одна из них становится на задние лапы и умильно смотрит, стоит как рыжий суслик. Они воспитанные таксы и, хотя голодны, никогда не отнимают друг у друга кусочка.

Нас тут тоже стали гораздо лучше кормить, оказывается, повариха была больна, а теперь уж приступила к кормежке. Вес мой теперь вроде коктебельского, в общем, ничего.

Напиши, Люсенька, мне о своей жизни, как живешь без соли и без мужа. Напиши про Федю, почто не пишет мне? Кто заходил, звонил, как твои маджонги? Купила ли шкаф? В общем, масса вопросов.

Получил письмо от папы и от Кати. Папа здоров, слава богу. У Катюши ничего хорошего, все попытки устроиться пока безрезультатны. Она передает (на этот раз письменный) привет тебе

и Феде.

От Нади ничего не имел, не знаю, как там с ее пенсией закончилось.

Люсенька, пробудем здесь до 1-го, значит 2-го либо 3-го будем в Москве, это уточнится, когда возьмут нам билеты. Дам тогда тебе телеграмму, чем я хуже Липкина, которого всегда встречают.

О нитках не беспокойся, у Сёмы есть, я уж пришивал себе вешалку на пальто.

В Риге чудные цветы — цикламены и чудная копченая салака.

Пиши мне, Люсенька, учти, что письма идут сюда почти 4 дня.

Крепко целую, твой Вася

Поцелуй Федю, привет всем родным и знакомым.

15 февраля 55 г.

200

Губер — Гроссману 19 февраля [1955, Москва]

Васенька, родной мой! Пишу тебе последнее письмо. Сегодня была у рентгенолога. С легкими все в порядке, а сердце — спрошу у Берты Абрамовны в понедельник, что значит: «*Cor* — аортальной формы, левый желудочек увеличен, пульсация ослаблена. Аорта склеротически из-

менена». Такого диагноза еще у меня не было — потому не знаю, хорошо это или плохо. Два дня была у меня Маруся. Перетерли с ней твои книги. На стол твой я натянула новый материал. За это время пришло только одно письмо — от Саши Б.[670] да приглашение из клуба. Несколько раз звонили из Союза — приглашали на заседания. Звонили Марианна и Гехтман[671] — шлют тебе приветы.

Вероника пишет, что приедет к 1 мая, купила тебе 7 красивых ракушек, будет искать еще.

Завтра хотела прийти Феня. Звонила она в прошлое воскресенье, да я шла к Шуре Губер⟨у⟩.

Справку для бухгалтерии Воениздата отвезла, напечатав новую и заверив в домоуправлении, — женщина, звонившая мне, сказала, что сумма большая, потому они будут переводить в два приема и без справки переводить не могут.

Сейчас я голодаю, т. к. ем все без соли, и это очень невкусно.

Была у Заболоцких. Оба выглядят неплохо.

---

[670] Примечания: 670

Вероятно, от Александра Моисеевича Беньяша.

[671] Примечания: 671

Ефим Семенович Гех(т)ман (1913–1978) — журналист, в годы войны корреспондент «Красной звезды», участвовал в подготовке «Черной книги».

Напиши точно, когда ты приедешь: мы с Федей встретим тебя, Федя возьмет выходной.

Между прочим, Ника пишет, что твои ракушки, что она достала, небольшие, причудливые, немного перламутровые, красивые, будет искать еще. Колины фигурки смотрели скульптора, приезжали к нему домой, восторгались, говорили, что они лучше ватагинских[672], потому что они живут.

Уговаривали бросить бухгалтерию. На днях были у меня Берта и Ксения — играли в маджонг.

Животные здоровы.

Кажется, все написала тебе. От себя могу прибавить, что скучаю очень без тебя.

Привет от Наташи, Феди, Е⟨катерины⟩ В⟨асильевны⟩. Привет Липкину.

Целую. Люся.

19. II

201

Гроссман — Губер 20 февраля 1955, [Дубулты]

Милая Люсенька, получил твое письмо-ответ.

---

[672] Примечания: 672

Василий Алексеевич Ватагин (1883–1969) — график, скульптор-анималист; лауреат Сталинской премии (1952) за скульптуры на анималистические темы.

Наконец мои письма стали до тебя доходить, — пишу тебе сегодня четвертое.

Ты всерьез собралась в дорогу, все ходишь по врачам, рад, что у тебя ничего серьезного не находят. А насчет толщины, действительно, есть грех и у тебя, и у меня. Здесь у меня в комнате тоже есть зеркало, и я себя вижу во весь рост — надо худеть!! Вот ходит здесь Паустовский, сухарь сухарем. Рад, что ты купила шкафы, интересно поглядеть на них и узнать, как ты их расставила. При всей моей нелюбви к покупкам, должен сказать, что эти я одобряю. Действительно, шкафы нам нужны.

Я по-прежнему много работаю и много гуляю. Погода стала хуже, ветреней, и частые снегопады. Вдоль моря гулять трудно, все засыпано снегом.

Ездили второй раз в Ригу. Еще до того, как ты написала, купил Наташе подарок — платочек. Купил еще пару, они приятно выглядят. Программа в Риге, как в первый раз, — сперва ходили по магазинам, потом зашли в ресторанчик. Кормят в ресторанах скверно, но посидеть в них приятно, особенно после тишины в Дубултах.

Только сегодня прислали мне верстку «Кольчу-

гина»[673] — я ее буду читать потихоньку, но вряд ли в Дубултах дочитаю.

Уже хочется домой, «соскучил». Очевидно, выедем 1-го или 2-го, это выяснится, когда возьмут билеты. Сообщу тогда телеграммой.

Продолжаю кормить собак, к двум таксам присоединилась овчарка, говорят, что она волчья дочь. Завтра, возможно, пойдем смотреть «Мост Ватерлоо» — директор обещал организовать поход в кино.

Огорчило меня, что у Нади ничего не получилось с пенсией из-за 20 дней. Ведь пустяк пустяковый — 20 дней!

Сегодня получил шуточное письмо от Берёзко и Мунблита, адресованное Липкину и мне. Смеются во всю над нами и описывают потрясающие красоты и прелести своей жизни на Истре[674]. Буду сочинять ответ.

Вчера писал Феде, он, наверное, получил мой ответ.

Публика здесь по-прежнему тихая, скромная.

---

[673] Примечания: 673

Вероятно, речь идет о втором томе романа «Степан Кольчугин», выпущенном издательством «Гослитиздат» в 1955 году (Гроссман 1955).

[674] Примечания: 674

На Истре находился дачный поселок НИЛ («Наука, искусство, литература»), где, в частности, была дача Ильи Эренбурга. Рядом располагался дом отдыха «Истра».

Много латышей, литовцев, есть татарин, есть якут, есть один коми, или, как их называют, «комик». Кормят прилично, но так как я продолжаю дурить по мясной части, то иногда у меня обед не очень богатый. Но, к сожалению, несмотря на это и несмотря на трехчасовые прогулки, не похудел.

Жалею, что не видел Некрасова. Мы с ним еще в Коктебеле встретимся осенью, наверное[675].

С удовольствием думаю об этом времени.

По-прежнему любуюсь зимним морем, стоя на пригорке. Удивительно оно хорошо.

Целую тебя крепко, моя хорошая,

твой Вася.

Поцелуй родных, привет знакомым. Люсенька, на это письмо либо отвечай сразу в тот же день, либо уж не пиши, так как боюсь, что разминусь, — письма сюда идут долго, некоторые из Москвы приходят на пятый день.

20. II.55 г.

202

Губер — Гроссману 21 февраля 1955, [Москва]

---

[675] Примечания: 675

После первой встречи в Коктебеле писатели виделись нечасто и в Крым вместе так больше и не приехали.

21. II.55 г.

Милый мой, Васенька! Сегодня я получила твое письмо и уже спешу ответить. Во-первых, я сейчас была у Берты Абрамовны и получила санаторную карту. Берта Абрамовна не нашла ухудшения в моем организме. Но вообще в нем мало хорошего. Дала новое сердечное лекарство, которым поят Н⟨иколая⟩ А⟨лексеевича⟩. В поликлинике встретила Катю Строгову — которая бросилась ко мне, говорила, что рада очень меня видеть, рассказывала о своей жизни и между прочим рассказала, почему не хочет видеть Феню. Говорят обыкновенно: «ищи женщину», здесь же, наоборот, «ищи мужчину». Оказывается, Феня в молодости любила жить с мужьями своих подруг (например, с Ваней Кат⟨аевым⟩ и Ваней Бобр⟨ышевым⟩[676]), Катя знала это, — например, она уезжала куда-то в командировку, и ее на вокзале провожали Феня и муж Кати (в то время Ваня Б⟨обрышев⟩), когда отошел поезд, она выглянула в окно и увидела, как прижались Феня и Ваня, все поняла. Но старалась об этом не думать. И теперь,

---

[676] Примечания: 676

Иван Тихонович Бобрышев (1903–1938) — брат Василия Бобрышева, первый муж Екатерины Строговой; работал начальником политотдела Бакинского отделения Закавказской железной дороги, затем замначальника Трансторгпита железной дороги Москва — Киев. Арестован в 1937 году, расстрелян в 1938-м.

когда Феня, думая, что годы прошли и Кате больно не будет, — она стала рассказывать Кате, как, когда к ней (Фене) приходил Ваня, скрипели доски кровати и еще какие-то подробности, — Феня стала Кате противна. Некоторое время она еще встречалась с ней, а потом перестала. Неожиданно — правда?

Сегодня была у меня Екатерина Васильевна, рассказывала, что умер в Ленинграде переводчик Лозинский, а его старушка-жена, увидев, что он мертв, отравилась, выпив все снотворные порошки, которые были у нее в доме. Хоронили их вместе[677].

Были у Заболоцких. Чуковские их вызвали, так как умирает Мария Борисовна[678], а Ко⟨рней⟩ Ив⟨анович⟩ в очень тяжелом душевном состоянии, считает, что мало вызывал к ней в свое время врачей, может быть, можно было еще спасти ее.

Я звонила Кларе. Спрашивала, не нужно ли ей денег для Нади, — сказала, если будет нужно, при-

---

[677] Примечания: 677

Михаил Леонидович Лозинский (1886–1955) — поэт, переводчик, лауреат Сталинской премии (1946) за перевод «Божественной комедии» Данте Алигьери (1936–1942). Его жена — Татьяна Борисовна Шапирова (1885–1955).

[678] Примечания: 678

Мария Борисовна Чуковская (*урожд.* Гольдфельд; 1880–1955) — жена Корнея Ивановича Чуковского.

едет. У них все здоровы, все в порядке. Обещала написать тебе письмо.

Думаю, я тебе угодила покупками: недорого, и стало лучше в квартире, чище.

Кажется, я похудела немного, приедешь — посмотришь.

Вчера была у меня Феня — ничего интересного не рассказывала. Катя Строгова получила отдельную хорошую трехкомнатную квартиру 56 метров в районе Арбата, но пятый этаж без лифта — хотят менять. Привет Липкину, хотя мне он не посылает.

Целую, Люся.

Привет тебе от Фени, Феди, Наташи.

203

Гроссман — Губер 22 февраля 1955, [Дубулты]

Милая Люсенька, получил твое третье письмо.

Встревожил меня твой рентген, надо беречь сердце, нужен строгий режим, шутить не следует с этим делом, и легкомысленно нельзя к нему относиться. Приеду в Москву, поговорим обо всем всерьез.

Рад, что Вероника привезет ракушки. Вдруг заметил, что известие о ракушках меня обрадовало больше, чем сообщение о переводе денег за книгу.

У меня новостей нет, по-прежнему много работаю, теперь еще верстку читаю «Кольчугина». Гуляю меньше, испортилась погода, все время метет. Тут живет Дар, муж Пановой[679], наговорил мне массу приятных вещей, от нее и от себя.

Завтра буду заказывать билет, как только получу, сообщу телеграммой номер вагона и на какое число.

Ты же, конечно, уж не пиши ответ на это письмецо.

Я последние дни очень по тебе скучаю, моя хорошая.

Крепко тебя целую,

твой Вася.

Поцелуй Федю, привет всем родным, друзьям.

Рад Колиному успеху.

22 февр. 55 г.

Липкин просит передать тебе привет.

---

[679] Примечания: 679

Давид Яковлевич Дар (1910–1980) — писатель-фантаст и журналист, муж Веры Пановой. В 1948 году организовал литературное объединение «Голос юности» при ДК Профтехобразования, которое посещали В. Соснора, А. Кушнер, В. Марамзин, И. Ефимов, Б. Вахтин, Д. Бобышев, О. Охапкин, К. Кузьминский, Г. Горбовский, С. Довлатов, Ю. Мамлеев и другие.

204

Губер — Гроссману 22 февраля 1955, [Москва]

22. II.55

Васенька, хороший мой!

Пишу тебе последнее, пятое письмо. Сегодня получила твое письмо от 20.II — вчера я и Федя получили одной почтой 2 твои письма. Сегодня звонила в Литфонд — на днях отнесла курортную карту и деньги. Звонила сегодня Зина, звала играть — не поехала и даже не позвала к себе — что-то очень болело сердце.

Сейчас звонил Григорий Абрамович Меерсон[680] — звал в субботу к себе на встречу старых друзей. Жалел, что тебя нет в Москве. Думаю, что у Нади дело не в 20 днях, а еще в чем-нибудь другом. Клара говорит, что Мура хлопочет.

Сегодня никуда не выходила, нездоровится что-то.

Маруся купила тебе две рубашки, такие, как ты хотел.

Хочу к твоему приезду купить пылесос и все

---

[680] Примечания: 680

Григорий Абрамович Меерсон (1901–1975) — ученый, специалист в области металлургии; лауреат двух Сталинских (1946, 1948) и одной Ленинской премий (1961).

почистить. Очень жду тебя.

Привет от Ек(атерины) Вас(ильевны).

Целую тебя крепко.

Люся.

Сейчас вернулась из Литфонда, путевки только с 10 мая, в апреле там ремонт. Не взяли — не знаю, что делать.

Письма Гроссмана, 1955–1956

205

9–10 мая 1955, [Москва]

9 мая 55 г.

Здравствуй, милая Люсенька, ты еще едешь в поезде, вероятно, еще не добралась до Джанкоя, а я уж принялся сочинять тебе письмо.

У нас тут сразу резко похолодало, утром было 3°, холодный ветер. Догнал ли тебя этот холодище, или ты от него укрылась в крымское тепло?

Вечер я провел у папы, очень приятный, хороший. Никого, кроме меня, не было. Ремонт они отменили, оказывается, сама Ольга Семеновна его не очень хотела.

Сегодня я весь день один, Федя ушел в театр

с Наташей Заболоцкой[681], еще не вернулся. Очень мне без тебя грустно и пусто, слоняюсь по комнатам, места не нахожу. Работалось плохо. Коварный Липкин занят весь день, обещал вечером зайти и не зашел. Утром Наташа принесла весть, что умер Гольцев — в 5 ч. утра, не приходя в сознание. Жалко бедную Юлию, хорошая она женщина, осталась на свете одна, и не ей судить о том, что покойный муж ее сделал в жизни больше зла, чем добра. Холод такой, что хоть шубу доставай, хорошо, что домоуправление догадалось затопить.

Как-то ты едешь, Люсенька? Надеюсь, что этот холод минует тебя. О московской даче сегодня даже думать страшно.

10 мая 55 г.

Сегодня, Люсенька, погода вновь поправилась, небо синее, светит солнце, потеплело, и от вчерашней непогоды остался только резкий, сильный ветер, но и он не такой холодный, потеплел.

Федя ходил с Наташей Заб⟨олоцкой⟩ в театр, пришел веселый, довольный. Сегодня у него философский кружок. Сегодня в «Лит⟨ератур-

---

[681] Примечания: 681

Наталья Заболоцкая (р. 1937) — дочь Николая и Екатерины Заболоцких.

ной⟩ газ⟨ете⟩» большая статья Тарасенкова, там изрядно обо мне говорится, с почтением, но и с иезуитскими ударами, да и в компанию попал с таким мастером, в какой еще не бывал — ниже кур![682] Но я предсказывал тебе это. Погляди эту статью (номер от 10 мая), если она окажется у вас там в библиотеке, и напиши, как она тебе кажется.

Я сегодня все гляжу по часам — где ты едешь, сейчас, по моему расчету, ты уже находишься на месте. Как-то себя чувствуешь? Как доехала? Какая погода? Пожалуйста, Люсенька, не делай прогулок больших, прежде чем не отдохнешь по-настоящему. Удобно ли устроили тебя, сколько людей в палате, хорошие ли люди?

Вообще вопросов такое количество, что всех не перечислишь, ты, верно, сама понимаешь, что особенно интересно, и напишешь.

Вечером пришел Липкин, он, оказывается,

---

[682] Примечания: 682

Статья Анатолия Тарасенкова «С оружием в руках: О военно-патриотических традициях советской литературы» была опубликована в «Литературной газете» 10 мая 1955 года (Тарасенков 1955). Значительная часть статьи посвящена роману «За правое дело». Говоря же о «мастере», с которым «попал в компанию», и используя отсылку к басне Ивана Крылова «Орел и куры» (1808) («Орлам случается и ниже кур спускаться; / Но курам никогда до облак не подняться!»), Гроссман имеет в виду Константина Симонова, о его романе «Товарищи по оружию» также идет речь в статье.

вчера не зашел, потому что был в Дрезденской галерее, товарищ, приехавший на конференцию мира[683], дал ему билет. Видишь, как людям везет. Звонил Эйдлин, снова спрашивал, мягким ли вагоном ты поехала. Вера Ив⟨ановна⟩ дома, и, видимо, операция ее откладывается[684]. Болтал он долго, как всегда, и, как всегда, пусто. Ждал к вечеру от тебя телеграммы, но не пришла.

Не забудь в письме указать точный адрес, я пишу по интуиции, может быть, и правильно получится.

Дома все здоровы, — и люди, и звери. Нюра-Жучка[685] утром пересаживала цветы.

Жду с нетерпением письма.

Крепко целую тебя,

твой Вася.

---

[683] Примечания: 683

Пятая Всесоюзная конференция сторонников мира прошла в Москве 10–12 мая 1955 года. Знаменитая выставка картин Дрезденской галереи, вывезенных после Второй мировой войны из Германии советскими войсками, состоялась в мае — августе 1955 года в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, после чего коллекцию вернули в Дрезден.

[684] Примечания: 684

Речь о китаисте и переводчике Льве Залмановиче Эйдлине (1909–1985) и его жене Вере Ивановне.

[685] Примечания: 685

По воспоминаниям Елены Фёдоровны Кожичкиной, Нюра — дворничиха на Беговой, которую из-за ее хитрости многие во дворе называли Жучкой. Упоминание о Жучке есть и в мемуарах Екатерины Васи-

льевны Коротковой-Гроссман: «Не раз, подходя к нашему коттеджу, я видела, как мой папа беседует с дворниками, внимательно слушает маленькую женщину, известную под прозвищем Жучка» (Короткова 2009: 144).

206

13 мая 1955, [Харьков]

13 мая 55 г.

Милая Люсенька, пишу тебе, сидя в номере гостиницы «Харьков», из окна которой виден расположенный на противоположной стороне площади хирургический корпус Клинического института, где лежит Катюша.

Сегодня в 3 часа буду у нее в палате.

Вчера вечером был у Барановых и узнал следующее, — позавчера утром Катюшу сшиб легковой автомобиль, шедший на большой скорости. К счастью, он отбросил ее, а не проехал по ней, она при ударе получила перелом ноги в области голени, осколочный перелом левой ключицы и ранение головы. Внутренние органы не повреждены.

На ногу наложен гипс, рентген показал, что очень удачно.

С ключицей дело сложней, т. к. Катя лежит на спине, и это мешает произвести нужные манипуляции. Однако, хотя перелом осколочный, врачи говорят, что срастается она, вообще, быстро и легко. Вопрос об этой ключице врачи еще не смогли решить — нужно или нет хирургическое вмешательство. Ранение в голову не серьезное,

но оно вызвало легкое сотрясение мозга.

Я говорил с заведующим отделением, — он сказал мне, что вопрос о жизни не стоит, опасности для жизни, если не будет каких-либо внезапных и непредвиденных осложнений, нет. Но положение тяжелое — речь идет о длительном (не меньше двухмесячного) пребывании в качестве лежачего больничного больного.

Душевное состояние у Кати хорошее, бодрое — вчера она даже написала записочку.

Завтра ее будет смотреть профессор, до сих пор он не видел ее, — в Харькове сейчас справляется 150-летие Медицинского института, и они больше заняты торжествами, чем больными.

Я пробуду здесь еще несколько дней, хочу, чтобы при мне решился вопрос о ключице и о течении сотрясения мозга.

Милая Люсенька, как это все печально, и накануне Катиного приезда в Москву. И так печально, что здесь чудная весна, все в цвету, а Катя лежит покалечена.

Родная моя, мне больно, что пишу тебе, когда ты поехала на отдых, о таких печальных вещах и что ты, вместо того чтобы быть в душевном покое, волнуешься вместе со мной. Но очень прошу тебя, помни, что все будет хорошо, не отравляй

себе отдых — береги свое здоровье, ходи, если позволяет сердце, врач и погода, в Лисью бухту[686], собирай, чтобы порадовать меня, сердолики, если они хотят быть собранными тобой.

Очень хочу знать, как ты живешь, как чувствуешь себя, какие люди вокруг тебя, какие у тебя каменные успехи.

Писать мне сюда, пожалуй, не надо, так как письма оборачиваются долго и пока дойдет к тебе мое, а ко мне твое, я, если дело пойдет без осложнений, уеду. Телеграмму, если не сложно тебе, можно послать по адресу — Харьков, гостиница «Харьков», номер 39.

Я выясню, можно ли позвонить мне сюда утром по телефону, если можно и если тебе это не сложно, буду счастлив слышать твой голос, — сообщу телеграммой.

Будь здорова, не волнуйся, поправляйся, гуляй, ищи камешки.

Крепко тебя целую,

твой Вася.

На Москву пиши, мне будет дорого получить письмо твое, когда приеду домой.

---

[686] Примечания: 686

Бухта недалеко от Коктебеля. Благодаря расположению рядом с горой Карадаг в ее гальке часто находятся полудрагоценные камни. Ольга Губер была страстной собирательницей камней.

207

15 мая [1955, Харьков]

Милая Люсенька, пишу тебе из той же гостиницы «Харьков». Только что вызывали меня по телефону, трубку взял сосед, и ему сказали «разговор не состоится». Но я понял, что это звонила ты и, видимо, по техническим причинам прервалась телефоная связь.

Но даже в этом несостоявшемся разговоре я ощутил твой голос, и как-то стало легче на душе.

Вчера видел Катю, состояние ее пока без изменений. Она спокойна, улыбается, в общем, держится молодцом. Предстоит длительное пребывание в больнице, но уж теперь надо радоваться, что жива и что, как сказал мне вчера профессор, вышла из полосы опасности. Я пробуду здесь еще несколько дней, хочу, чтобы стал яснее вопрос с ключицей, — профессор сказал, что дня через 3–4 это будет ясно.

Родная моя, я полон беспокойства о тебе, ничего о тебе не знаю.

Так как, видимо, по телефону говорить сложно, то лучше всего пришли телеграмму.

Очень прошу тебя не волноваться, беречь себя, не переутомляться длительным пребыванием

на солнце.

Крепко тебя целую, моя родная,

твой Вася.

15 мая

208

Гроссман — Губер 18 [мая 1955, Харьков]

18

Милая Люсенька, получил твою телеграмму, страшно обрадовался ей. А то из-за разгулявшихся нервов вообразил, что ты заболела.

У Кати несколько осложнилось дело с ключицей, осколок стал вертикально и угрожал пучку артерий. Врачи поконсультировались с профессором и приняли решение удалить этот осколок. Оперировал ее вчера профессор Цейтлин, считается одним из лучших харьковских хирургов[687]. Операция прошла легко, быстро, под местной анестезией.

Операцией врачи довольны, но несколько неприятно, что сделана она, пока еще не прошли явления сотрясения мозга, — профессор считал,

---

[687] Примечания: 687

Профессор Александр Захарович Цейтлин (1894–1985) в 1941–1970 годах заведовал кафедрой факультетской хирургии Харьковского медицинского института.

что лучше поспешить удалить этот осколок из опасного места. Поэтому несколько хуже стало с головой, но сегодня к утру и голова пошла на улучшение. Температура после операции была 37,8°, а к утру стала снижаться.

Врачи советуют побыть мне денька два, пока не войдет ее температура в норму. После этого они считают, что все будет от времени зависеть и дело пойдет на прочное выздоровление.

В гостинице я живу в хорошем номере, но с соседом — старым евреем, моим земляком, бердичевлянином, — правда, он с 1922 года живет в Киеве и в Бердичеве не бывал.

Заходит ко мне вечерком Кац — помнишь, приходил ко мне в Коктебеле, мой знакомый по Сталинграду[688].

Барановы очень переживают Катину беду, плачут. Виктор Георгиевич даже не ходит к Кате в больницу, потому что 2 раза расплакался у нее в палате, и врач не советует ходить ему — она расстраивается, а это ей очень вредно из-за мозговых явлений.

Смотреть на нее очень тяжело, действительно, — вся в повязках, в гипсе, с пухлой от бинтов и

---

[688] Примечания: 688

Зельман Менделевич Кац (1911–2008) — поэт, журналист, фронтовой корреспондент.

ваты головой. Но глаза веселые, и ей не изменяет юмор — шепотом говорит о всем смешном, что слышала в палате.

Позавчера звонил мне Федул из Москвы, слышно было хорошо, и мне как-то стало легче после разговора с ним, — много в нем теплоты и доброты. Рассказал мне содержание твоих писем, рад, очень рад, что ты хорошо чувствуешь себя. Сказал, что ты находишь камни, и, сознаюсь, несмотря на все волнения, я думаю, что ж это там моя Люся нашла? И этот вопрос очень занимает меня. С волнением думаю о дне, когда ты вернешься, не из-за сердоликов, хотя весьма к ним не равнодушен, а из-за тебя, — бесконечно соскучился по тебе. Кажется, что не 10 дней прошло с твоего отъезда, а 10 месяцев — так стосковался по тебе, словно век прошел!

Кормлюсь я в гостинице — тут буфет, где есть творог, сметана, яйца, — и ресторан, где можно пообедать, затратив на это полтора-два часа. Обеды приличные. В Харькове жара и духота.

Следующее письмо напишу уж из Москвы, надеюсь, что у Кати все пойдет на лад после операции, и я через два дня уеду. Понемногу работаю здесь, — этот друг меня утешает. Получил телеграммы от Шеренцисов, письмо от Липкина,

Нади. Трогает меня своей сердечностью Федя.

Будь здорова, моя любимая.

Крепко, крепко целую тебя, твой Вася.

209

23 мая [1955, Москва]

Милая Люсенька, приехал в Москву. Дома все благополучно. Прочел первым делом твои письма. Родная моя, огорчился, узнав, что ноги у тебя сильно опухают. Это, наверное, оттого, что ты ежедневно ходишь большие расстояния и много часов проводишь на ногах. Очень прошу тебя, хоть последние дни не ходить на экскурсии — это вредит здоровью. Берегись простуд! Беспокоюсь о тебе и скучаю по тебе! Так непривычно было, впервые в жизни, вернувшись домой, не встретить тебя, а в эти тяжелые дни как-то особенно хотелось этого. Береги себя!

Катю я оставил при лучшем положении и самочувствии, но ей предстоит долгое и трудное больничное лечение. Еще 2 недели надо лежать, не подымая головы (из-за сотрясения мозга), кормят ее с ложки. Она, бедняжка, считает дни не до того времени, когда выздоровеет, а до того, когда можно будет голову поднять от подушки. Меня порадовало, что при ее слабодушии и склонности

теряться перед трудностями она проявляет в этом исключительно тяжелом положении много душевной силы, юмора. Боюсь только, как бы этот душевный подъем не оказался кратковременным и не кончился бы до того, как она станет на ноги.

Приехал домой, увидел Федю, Наташу, а из близких друзей Липкина. Федя молодцом, очень хорошие у нас с ним отношения, дружеские, крепкие, как и нужно у отца с сыном. Он очень много работает[689]. Ходил с Ниной в «Эрмитаж»[690]. Сегодня он идет после работы на футбол. Я пойду вечером к Семену Осиповичу, он нездоров, боюсь я за папу — стар, и нет за ним никакого ухода.

Люсенька, родная, несколько раз перечел твои письма, смеялся твоим описаниям нравов и лексикона вокруг. Хорошо, что вас двое в комнате. Жаль, что каменный сезон оказался неудачен, это как охота, — тем она и сладка, что неудача переплетается с удачей. Вот мы, бог даст, приедем осенью и наверстаем то, чего недодало тебе весеннее море. Любуюсь сухими цветочками,

---

[689] Примечания: 689

После окончания Московского института химического машиностроения (МИХМ) Федор Губер начал работать в Научно-исследовательском институте шинной промышленности (НИИШП).

[690] Примечания: 690

Имеется в виду московский сад «Эрмитаж» или же одноименный кинотеатр в этом саду.

которые ты вложила в письмо, они как красные звездочки.

Маруся с семейством вчера ездила на дачу, я еще ни с кем из них не говорил. Звонила Екатерина Васильевна, они перебрались уже на дачу, говорит, очень холодно. Получил 2 читательских письма, очень хорошие, теплые.

Заходил в мое отсутствие Борис Абрамович[691], нарушив нашу ссору, — сделал он это, узнав о Катином несчастье, — меня это тронуло, завтра зайду к ним. Позвонил Сёма Тумаркин и снова поразил меня каким-то равнодушием своим, безразличием, поглощенностью собой. Дома хорошо, но с какой-то особой силой чувствуется твое отсутствие. Как хорошо, что уж скоро ты приедешь, и как все же бесконечно долгим будет это совсем не скорое «скоро», — еще 11 дней тебе от сегодняшнего дня жить в Крымском Примо-

[691] Примечания: 691

Борис Абрамович Галин (Рогалин; 1904–1983) — писатель, в годы войны спецкор «Красной звезды», лауреат Сталинской премии (1948) за книги очерков «В Донбассе» и «В одном населенном пункте». В 1949 году на обсуждении редколлегии «Нового мира» резко критиковал роман Гроссмана «За правое дело» (см.: Бочаров 1990: 164–165).

рье[692]. Только бы ты хорошо себя чувствовала, не болела, набиралась сил. Федя был в Дрезденской галерее. А я уж подожду тебя, пойдем вместе, теперь очереди, говорят, не так уж велики.

Крепко, крепко целую тебя, моя родная, твой Вася.

23 мая.

Пишу тебе рано утром и все поглядываю на телефон, вчера послал тебе телеграмму и, если ты успела заказать разговор, услышу твой голос.

Целую тебя много раз, моя милая, сейчас опущу письмо, чтобы дошло быстрей.

210

24–25 мая 1955, [Москва]

Милая Люсенька, вчера отправил тебе письмо. Вскоре после того как опустил письмо, ты позвонила по телефону, и я слышал твой голос из страшного далека, но было бесконечно приятно говорить с тобой. Жаль, что разговор так быстро прервался. Хочется продолжить разговор. Рад, что выезжаешь второго, хоть на денек раньше

---

[692] Примечания: 692

«Крымское Приморье» — пансионат, расположенный под Коктебелем рядом с Лисьей бухтой. Долгое время и весь курортный поселок назывался Крымское Приморье, и только в 1978 году он получил статус поселка городского типа и стал называться Курортное.

приедешь. Я ужасно стосковался по тебе, просто сам не знаю как, места себе не нахожу. А ты-то, наверное, в прогулках да в волнениях сердоликовых поисков не так уж соскучилась по мне.

Федя хороший очень, все его хвалят. Уговаривал его сегодня утром написать тебе письмо, он обещал сделать это. Вчера он ходил на футбол, я велел Наташе купить для него сладкого, ей посчастливилось купить арахисовый торт, и он им наслаждается вовсю!

А в Москве стоит сегодня совершенно ноябрьская погода, 5° тепла, серые тучи нависли, льет холодный дождь, ветер.

Вчера заходила Екатерина Васильевна и, видимо, оттого, что впечатлений у нее мало, страшно длинно рассказывала, с каким почетом хоронили Гольцева, мне даже как-то неприятно стало от этого. Просила кланяться тебе.

Вчера поехал к папе, он лежит в постели, сильно разболелась нога. Ольга Семеновна внимательна к нему, но, конечно, это еще не то, что хотелось бы. Спрашивал меня о тебе, как твое здоровье, как отдыхаешь.

Неужели ты ходишь по берегу в трусах и в лифчике, господи, не верится, тут такой холодище, что впору шубы из нафталина вынимать.

Меня очень занимает мысль о твоих сердоликовых успехах. Но я в недумении, — по письмам получается, что успехов почти никаких, а по телефону ты сказала, что все хорошо и ты довольна результатами. Чему же верить? Но бог с ними! Ох, до чего же я соскучился по тебе! Больше тебя одну не пущу, можешь быть спокойна. Так тоскливо без тебя. Ходит себе по берегу в трусиках, а тут сидишь один, тоскуешь по ней и стучишь от холода зубами.

Звонила сегодня Гедда[693] по телефону, спрашивала о Кате. Вчера звонил Марусе, никто не подошел, они уже перебрались на дачу.

Сегодня вечером, вероятно, Коля позвонит, попрошу его прийти.

Не забудь, Люсенька, сообщить телеграммой либо по телефону номер поезда, номер вагона.

Получил твое письмо, где пишешь о встрече с Кокорекиными[694], — одновременно пишешь, что очень огорчаешься отсутствием камней. Люся, милая, ходи поменьше, не перегружай себя,

---

[693] Примечания: 693

Гедда Яковлевна Суриц (1909–1984) — геофизик, жена Александра Ниточкина, друга Гроссмана.

[694] Примечания: 694

Речь о муже и жене художниках Алексее Алексеевиче (1906–1959) и Ольге Дмитриевне Кокорекиных.

береги свое сердце, право же, это важней всего.

Крепко, крепко тебя целую, твой Вася.

24 мая 55 г.

P. S. Вечером заходил Коля. Дамы его на даче. К числу невест прибавилась еще уральская Тося — здесь проездом на курорт. Люсенька, категорически, ни в коем случае дважды в день не ходи в Лисью бухту — это совершенно не по силам тебе! 25.V.55 г.

211

[2 апреля 1956[695]*, Нальчик]*

Здравствуй дорогая Люся!

Вот я и прибыл в город Нальчик[696]. Дорога была очень легкой, в четырехместном купе мы от Москвы до Пятигорска ехали вдвоем, — вагон был полупустой. Продуктов хватило. В Пятигорске нас ждала машина, присланная могущественно-

---

[695] Примечания: 695

Дата на штемпеле отправления письма.

[696] Примечания: 696

Семен Липкин пишет об этой поездке: «В 1956 году мы с Гроссманом совершили поездку по маршруту Москва — Нальчик — Махачкала — Баку — Тбилиси — Сухуми. Всюду нас хорошо встречали благодаря моим крепким связям, за исключением Баку, там связей не было, устроиться в гостинице мы не могли, поехали в Тбилиси, Гроссман был огорчен, и в поезде я сочинил и играл сцену его предполагаемой торжественной встречи в Тбилиси» (Липкин 1990: 82).

му Семену Израилевичу Кабардинским Союзом писателей. Накануне нашего приезда бушевала метель и намело массу снега. А в день приезда установилась прекрасная погода — ясное небо, снег сверкает на солнце, слепит глаза. Машиной мы проехали 80 км от Пятигорска до Нальчика. Нам забронировали 2 комнаты — я поселился на третьем этаже, а Сёма на втором. Комната удобная, солнечная. При гостинице хороший ресторан. Рядом с гостиницей огромный парк, он тянется на 7 км. Но, к сожалению, из-за снега ходить туда не могу — тает, вода стоит, а у меня нет галош. Думаю купить, тут есть. Чувствую себя средне, еще не приспособился к климату. Начинаю работать, планы на дальнейшее путешествие еще не составили.

Очень хочу знать, как твое здоровье. Прошу тебя, будь осторжна, не вставай раньше срока, ты ведь очень легко простуживаешься.

О дальнейших событиях буду писать тебе.

Целую тебя, Вася.

Поцелуй Федю. Как его сверхурочные труды? Сёма просит передать привет.

Привет всем родным, друзьям. Кланяйся Наташе, пусть не обижает Любу.

212

9 апреля 1956, [Нальчик]

9 апреля 1956 г.

Здравствуй, дорогая Люся, получил твое письмо, спасибо! Огорчило меня твое письмо тем, что Берта Абрамовна все еще продолжает мучить тебя банками и горчичниками, что температура еще держится у тебя. Прошу тебя, будь осмотрительна, очень легко получить осложнения, вновь простудившись.

Мы дня через 2 уезжаем из Нальчика. Проехать в Тбилиси по Военно-Грузинской дороге не удается, так как перевал засыпан снегом и дорогу откроют только в начале мая. Будем добираться до Тбилиси кружным путем, через Баку. Кстати, мне хочется посмотреть Баку, и поэтому задержимся там дня на 2. А от Баку поедем поездом до Тбилиси, где тоже, по-видимому, поживем дня 2 или 3.

Из Тбилиси планируем спуститься поездом же в Сухуми и пожить там несколько дней. Напиши мне в Сухуми — до востребования, городская почта — о всех делах домашних, прежде всего о здоровье своем. Я буду там числа 19–23-го.

Здесь мы сделали чудную экскурсию к подно-

жию Эльбруса, длилась 2 дня. Виды весеннего Кавказа, ущелье, горы в снегу, сосны, солнце и снег, все это произвело замечательное впечатление на меня. Ехали все вверх, пока не застряли в снегу, и пришлось тащить машину, поворачивать обратно. В чудной харчевне пили вино и ели пирожки с картошкой, те, которые Наташа не хочет у нас делать, — вроде вареников. А воздух какой замечательный! Но у меня все время побаливало сердце, должно быть от высоты, потому что, когда вернулись в Нальчик, боль сразу прошла.

Сегодня, минут через 30, поедем машиной в Кисловодск. Это большое и, надеюсь, приятное путешествие — километров 150 нужно проехать по шоссе. В общем, пока что поездка идет интересно и приятно. Правда, я пробовал болеть, то астматической одышкой, то желудком, но теперь все более или менее в норме, хотя дышится мне здесь все же труднее, чем в Москве. Но это все пустое. Побывал я по дороге в горы в местах, имеющих отношение к тому делу, где ты работала,

будучи «Кенькой веселенькой»[697]. Необычайно интересно, величественно, сурово. Расскажу подробней о впечатлениях, когда приеду.

С Семеном Изр(аилевичем) живем мирно, однако вчера весь день ругались, спорили, ссорились. Сёма считает, что у меня невыносимый характер, но это, конечно, ошибка.

Поцелуй Федю, как его дела, девушки, работа, как здоровье, ндрав? Привет всем родным, знакомым. Привет четвероногим и рыбам тож.

Береги себя, целую тебя,

Вася.

Напишу еще. Понадобилось ли письмо, которое писал по поводу Бориса?[698]

213

[15 апреля 1956[699], Тбилиси]

---

[697] Примечания: 697

«Кенька» — копейка на тюремном арго (см., напр.: Городин 2021: 104). Вероятно, Гроссман намекает на время, которое Ольга Губер провела в тюрьме, и говорит о том, что побывал в городе Тырныаузе (находящемся в 90 километрах от Нальчика и в 40 — от Эльбруса), где в 1940-х годах функционировал один из лагерей ГУЛАГа: Тырныаузстрой (Смирнов 1998: 427).

[698] Примечания: 698

Речь идет о реабилитации Бориса Губера: он был реабилитирован 11 августа 1956 года (Открытый 2024а).

[699] Примечания: 699

Дата на штемпеле отправления на конверте.

Дорогая Люся, пишу тебе из Тбилиси, где живем уже третий день. Погода чудесная, все в цвету, — персики, вишни. Начали распускаться листья на платанах. Город мне очень нравится, изумительно красивый. Бродим целыми днями по улицам.

Перед тем как приехать в Тбилиси, были в Баку. Провели там всего лишь день, так как совершенно невозможно было устроиться в гостинице. Однако и этот день запомнится мне — грандиозное впечатление от соединения большого города, нефтяных вышек, моря, промышленного дыма, висящего в небе.

В Тбилиси пришлось обратиться в Союз писателей, чтобы устроиться в гостиницу. Без этого было невозможно. Это, конечно, было не так уж приятно.

Купили уже билеты, завтра ночью выезжаем в Сухуми. Думаю, что в Сухуми задержимся несколько дольше. Чувствую себя не совсем хорошо — все время простужен.

Надеюсь получить в Сухуми твое письмо и узнать, что ты лучше себя чувствуешь.

В Москву, по-видимому, приедем в конце апреля. Из Сухуми напишу. Как Федюша? Почему не написал мне ни слова?

Отвечать мне на это письмо не надо — ответ уж

не застанет, видимо, в Сухуми.

Целую тебя, Вася.

Поцелуй Федю, привет родным и друзьям.

Привет от Семена Израилевича.

214

19 апреля 1956, [Сухуми]

Дорогая Люся, приехали в Сухуми и получили твое письмо. Рад, что ты поправилась и уже ходишь, но, может быть, не следует тебе при такой ужасной погоде выходить на улицу, особенно если t° еще по вечерам не совсем нормальна. Лучше поберечься!

В Сухуми настоящая весна, тепло, солнце светит вовсю, уже кое-кто загорает на пляже. Все деревья в цвету — и мимозы, и фиолетовые персики, и вишни, и абрикосы, и весенняя (это особый сорт) магнолия, цветущая огромными фиолетовыми цветами. Есть еще поразительно красивые ярко-красные и пронзительно-желтые кусты, но не смог узнать их названия — местные писатели, с которыми я гуляю, не сильны в ботанике.

Вчера катались по теплому морю на глиссере, солнце так пекло, что, несмотря на большую скорость, было даже жарко. Встретили нас тут необычайно помпезно, — руководство Союза на

двух машинах выехало на станцию перед Сухумом, и мы на машинах под эскортом 5 писателей доехали до города (это Сёме почести).

Зато на предыдущем этапе поездки были всякие приключения, и, в общем, беспокойства, которые высказывались по поводу избранного нами маршрута, оказались довольно-таки основательны. Мы попали в довольно острый камуфлет, когда проезжали машиной (нас катали по стране) в тех местах, где производят известные и любимые тобой вина[700]. А так как я по упрямству (известному тебе) не пожелал кое-чего делать (нацеплять на машину портретик), то на нас очень рассердились ребята, живущие в этих винных местах, и у нас чуть не вылетели в машине стекла[701]. Но теперь все это позади и осталось лишь приятное воспоминание о чудесных, изумительно красивых местах.

Кроме того, во время этой поездки мы два раза застряли в горной реке, и нас заливало водой, а Сёму, которого хотели вытащить из машины,

---

[700] Примечания: 700

Вероятно, Гроссман имеет в виду Кахетию.

[701] Примечания: 701

После доклада Хрущева «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС многие в Грузии не принимали критики Сталина: весной 1956 года были сильны протестные настроения, прошли стихийные манифестации.

выкупали в желтой, гремящей по камням воде в его самом парадном, лучшем костюме. Но и это теперь прошлое — костюм отутюжили, а я в этой воде избавился от гриппа.

Мы думаем пожить в Сухуми до 24-го, отдохнуть, поработать, а затем пароходом до Одессы, а из Одессы полететь самолетом — очевидно, к празднику будем, если не задержимся из-за заминки с билетом на день-два. Писать уж не буду, а дам телеграмму, но, конечно, если полетим, то встречать не надо — ведь это очень далеко — Внуково. От тебя получил в Нальчик письмо и открытку, значит третье письмо пришло уж после моего отъезда.

Рад, что Федя не скучает, только бы не болел, поцелуй его от меня. Передай привет всем родным и знакомым. Береги себя.

Целую тебя, Вася.

19 апр. 56 г.

Очень жаль Колиного костюма — в кои веки собрался шить.

215

21 апреля [1956, Сухуми]

21 апреля

Дорогая Люся, получил твое второе письмо,

посланное в Сухуми. О первом ты напрасно тревожилась, оно пришло, не пропало, ответ на него ты, верно, уже получила. Видимо, пропало твое третье письмо в Нальчик — пришло туда уже после моего отъезда. Последние 2 дня тут пасмурно, чуть-чуть накрапывает дождь. Уедем мы отсюда дня через два-три. В день отъезда зайду на почту, может быть, будет письмо.

Вчера мы провели замечательный день, нас повезли на машине в Новый Афон и Гудауты, а затем вглубь Абхазии, в горы. Там в селении, красоту которого невозможно описать, крестьяне устроили пир, в нем участвовало человек 40.

Пир этот шел по очень сложному ритуалу, говорят, что абхазский ритуал сложне[е] грузинского. Тосты сопровождаются хоровым пением, пляской, и когда ты пьешь в чью-либо честь, хор тянет стройную и протяжную мелодию до тех пор, пока не отнимешь пустой стакан от губ. Вино было изумительно хорошо, я такого в жизни не пил — мягкое, нежное и такое душистое, что даже мой жалкий нос различал его запах. Но количество вина было так огромно, а законы пира так суровы — старики оскорбляются, когда пропускаешь или не допиваешь до дна, что мы едва живы сегодня. Липкин лежит, хотя уже 2

часа дня, совсем раскис. Вообще принимают нас тут очень сердечно и гостеприимно — вот и в эту поездку с нами поехал секретарь обкома, секретарь райкома, председатель Союза писателей[702], ехали на трех машинах, подымая пыль тучами. Все они очень внимательны и любезны. Это все величие Липкина.

Раза два был в Ботаническом, он очень красив сейчас, все в цвету. Особенно красиво дерево багрянник — оно буквально охвачено красным пламенем.

Я рад, что мой (вернее, твой) сердолик произвел сильнейшее впечатление на Турьян. Что говорить, камушек не шуточный. Может быть, этот год, тьфу-тьфу, тоже принесет какие-нибудь приятные новости в коллекцию.

Мы, по всей видимости, поедем пароходом до Одессы, а затем на Москву самолетом. Но окончательно еще не решили, очевидно, решим завтра. Я, конечно, сообщу тебе телеграммой о дне приезда в Москву. Письмо это придет к тебе, когда мы уже двинемся в путь.

---

[702] Примечания: 702

Председатель Союза писателей Абхазии в 1956 году — Баграт Васильевич Шинкуба (1917–2004), поэт, фольклорист, общественный деятель; некоторые его стихотворения перевел на русский язык Семен Липкин.

Передай, пожалуйста, привет родным, знакомым. Неужели альманах будут разносить?[703] Меня это огорчает.

Береги, пожалуйста, себя, избегай выходить в плохую погоду.

Целую тебя, Вася.

Кланяйся Наташе, она любит, когда ей передают приветы.

Да, между прочим, ты пишешь об этом авторе романа о Ганнибале[704], мне почему-то подумалось, не связан ли он все с той же роковой Люкой?[705]

Семен Изр⟨аилевич⟩ просит передать тебе привет.

---

[703] Примечания: 703

Речь об альманахе «Литературная Москва», вышедшем двумя выпусками в 1956 году и публиковавшем среди прочих авторов, которым было сложно печататься из-за цензурных ограничений. В первом выпуске альманаха был опубликован рассказ Гроссмана «Шестое августа» (Гроссман 1956b).

[704] Примечания: 704

Имя автора еще предстоит установить.

[705] Примечания: 705

Возможно, речь о Людмиле Сергеевне Занковской (1917–1977) — актрисе, жене актера и режиссера Андрея Тутышкина; ее сестра Зинаида Занковская была замужем за Семеном Тумаркиным. В 1939–1950 годах Людмила служила в Театре им. Вахтангова, в середине 1950-х — в театре Кизела.

216

5 мая 1956, [Москва]

Дорогая Люся, пишу тебе несколько слов.

Телеграмму твою получил, Федя рассказал, вернее, дословно передал разговор с тобой по телефону. Очень рад, что погода хорошая, что устроилась хорошо, что встретили тебя на вокзале[706]. Напрасно ты только сразу побежала к морю. Вспомни, как в санаториях врачи рекомендуют хотя бы день-два акклиматизироваться, побыть в покое, а затем уж начать путешествовать. Боюсь также, что твоим недругом окажется жара, а не холод, которого мы опасались перед твоим отъездом. Во всяком случае, в Москве погода резко улучшилась — стоят ясные, теплые дни. Прикрывайся обязательно от солнца и старайся в дневные часы не ходить по солнцепеку.

Жду твоего письма с первыми трудовыми новостями и жизненными впечатлениями.

Федя здоров и благополучен, сегодня вечером идет на футбол.

Я начал понемногу работать, но еще окончательно не стряхнул с себя путешественного

---

[706] Примечания: 706

В мае 1956 года Ольга Михайловна ездила отдыхать в Коктебель.

состояния. Собираюсь в гости к Рувиму.

Домашний мир людей и животных кланяется тебе.

Будь здорова, не простуживайся и не переутомляйся хождением.

Целую тебя, Вася.

5 мая 56 г.

Передай привет Лиде с чады и домочадцы[707].

217

10 мая 1956, [Москва]

Дорогая Люся, получил твое письмо. Меня не на шутку беспокоит то, что пишешь о своем недомогании. Немедленно обратись к врачу! Как же ты, чувствуя боли, не побывала у врача до отъезда. Ругаю тебя за легкомыслие и ругаю себя, что отпустил тебя, не настояв на том, чтобы ты побывала у доктора перед отъездом. Дай бог, чтобы эти боли прошли и ты смогла хорошо отдохнуть и потрудиться на сердоликовой ниве. Но если боли будут продолжаться, то, мне кажется, надо будет свернуть твою программу коктебельскую и поехать в Москву. Пиши мне, пожалуйста,

---

[707] Примечания: 707

Лида — коктебельская крестьянка, с которой общалась Ольга Губер во время своих поездок на отдых в Крым.

подробней о том, как себя чувствуешь.

Опишу сейчас тебе московскую жизнь. Погода стоит гнусная, опять холода, беспрерывные дожди. Дома все идет нормально, все здоровы, отношения хорошие. Катю, как я говорил, пока взял к себе, можешь, конечно, не беспокоиться — когда приедешь, ее тут не будет.

Позавчера был у папы, он очень плох — задыхается, начались явления водянки, прибегает к кислородной подушке, но кислород ему мало помогает, дышит с большим трудом.

Федя сегодня пошел узнавать об отце, а потом уж на работу, так что о результате его хождения узнаю только вечером.

В воскресенье был Коля, менял рыбкам воду. Приезжали Маша с Феней по поводу подготовки Ваниного однотомника, сегодня мне привезут книги Артема Весёлого, — очень много материала[708].

---

[708] Примечания: 708

Василий Гроссман был председателем комиссий по литературному наследству Ивана Катаева и Артема Весёлого, реабилитированных в 1956 году. Сборник Катаева «Избранное» вышел в 1957 году (Катаев 1957), сборник Артема Весёлого «Избранные произведения» — в 1958-м (Весёлый 1958).

Маша — Мария Кузьминична Терентьева-Катаева (1906–1996) — писательница, вдова Ивана Катаева; была арестована в 1937 году, отправлена в мордовские лагеря, затем жила в Магнитогорске, вернулась в Москву в 1953 году.

Вчера начала поступать верстка «За правое дело» — я очень ей рад, словно окропленная живой водой, со всеми вставками[709].

Позвонили мне из Ленинграда — сценарий уже написан, как будто бы одобрен на кинофабрике, мне его выслали — ждут моего отзыва[710].

Вот вторжение новых событий! Только что позвонила Маруся — Вероника родила дочь, вес очень большой — 4 килограмма![711]

Самочувствие удовлетворительное. Родила легко. Виктор[712] отвел ее в 1 час ночи в родильный дом, и днем уже родила. Я их поздравил всех. Ну вот видишь, какая хорошая новость пришла, пока я тебе писал письмо.

Будь здорова, береги себя, побывай у врача, не простуживайся и не переутомляйся. Пиши

---

[709] Примечания: 709

В 1956 году роман вышел в издательстве «Советский писатель» (Гроссман 1956а). Семен Липкин пишет об этой книге и роли редактора Клавдии Ивановой: «Роман „За правое дело“ вышел в „Советском писателе“… Не в 1953, а в 1956 году. Редактором его была Клавдия Сергеевна Иванова. Василий Семенович рассказывал мне, что с ее помощью появился самый полный и важный для него вариант романа. Туда вошли и те страницы, которые были исключены из журнального варианта» (Липкин 1990: 164).

[710] Примечания: 710

Сценарий кинофильма «Степан Кольчугин», вышедшего на студии «Ленфильм» в 1957 году; сценарист Сократ Кара-Демур, режиссер Тамара Родионова.

[711] Примечания: 711
Дочь Вероники Губенковой — Екатерина.

[712] Примечания: 712
Виктор Губенков — муж Вероники.

подробней и прежде всего о здоровье.

Целую тебя, Вася.

Привет всем твоим коктебельцам.

10 мая 1956 г.

Какой твой точный адрес, а то опасность, что пишу на деревню дедушке.

218

15 мая 1956, [Москва]

Дорогая Люся, очень меня обрадовало известие, что тебе лучше, волновался все эти дни за тебя и огорчался очень. Приедешь в Москву, надо будет не откладывая показаться хорошим врачам и всерьез начать лечиться.

Твое решение о переходе в Литфонд[713] совершенно правильное, будет гораздо удобнее — и медиц⟨инский⟩ уход, и к морю ближе.

О моей жизни уже сообщил тебе. Читаю верстку, радуюсь, что усилия многих моих редакторов пропали даром, в книге вновь появились дорогие для меня страницы и строки.

О Фадееве ты уж знаешь — застрелился он на

[713] Примечания: 713

Дом отдыха Литфонда в Коктебеле (в 1944–1990 годах — поселок Планерское).

даче, в 3 ч. дня, стрелял в сердце[714]. Тут еще одна внезапная смерть — сын Игоря Саца[715] — Женя внезапно умер в течение 15 мин. от кровоизлияния в мозг, подумай, ему всего 28 лет.

Погода все эти дни стояла в Москве жуткая — холод, дожди, осенняя мгла. Лишь вчера начало намного проясняться.

Был у меня в гостях Коля Богословский, как полагается — выпили.

В пятницу пойду в гости к Сергею Алекс⟨андровичу⟩ и Марианне.

Много очень читаю по литературному наследству Катаева и Артема Весёлого.

С Артемом Весёлым очень много дела, обширная библиография, да и вопрос о печатании его сложен, куда сложнее, чем вопрос о Ване. Прочел только что «Сердце» — хорошая вещь[716]. Как рано, как рано ушли из жизни, бессмысленно и жестоко погибли чистые, талантливые люди.

О ходе дела по реабилитации Бориса пишет

---

[714] Примечания: 714

Александр Фадеев покончил с собой 13 мая 1956 года.

[715] Примечания: 715

Игорь Александрович Сац (1903–1980) — литератор, критик, литературный секретарь Луначарского; в годы войны служил в разведке; в 1953–1964 годах заведующий отделом критики «Нового мира».

[716] Примечания: 716

«Сердце» — повесть Ивана Катаева, написанная в 1927 году.

тебе Федя. Видимо, в мае все будет решено. Была у меня Маша — она жалуется, что портятся ее отношения с Феней — они все чаще ссорятся.

Вероника чувствует себя хорошо, вероятно, 19-го уже ее выпишут домой. Маруся хочет до этого выехать на дачу с Сашей, да уж очень плоха погода.

Пиши мне, пожалуйста, о всех своих новостях, очень прошу, не простуживайся, береги здоровье.

Целую тебя,

Вася.

15 мая 1956 г.

219

18 мая 1956, [Москва]

Здравствуй, дорогая Люся!

Уже прошло 3 дня, как ты звонила по телефону, а я все думаю, как ты там? Устроилась ли на новом месте? Лучше ли стала себя чувствовать? Надеюсь, что в литфондовском доме будет тебе удобней и, главное, по медицинской линии лучше. А как погода? А как каменные дела? Они меня очень занимают.

Вчера приезжал грузовик, забрал вещи, приготовленные Наташей для дачи. Привезли кадку

с «пальмой» — очень красивая. С грузовиком ехали Маруся, Женя, Коля и маленький Саша. Я передал Марусе еще 600 руб. — думаю, теперь, когда Ника родила и они пока будут жить на 2 дома, деньги им будут особо нужны.

У меня голова пухнет от работы — завален версткой, а тут читаю книги Ивана Ивановича и книги Артема Весёлого.

Писать не могу — читаю, читаю до обалдения с утра до глубокой ночи. Еще дней пять.

Прочел сценарий по «Степану Кольчугину» — знаешь, в общем, довольно прилично, но мне кажется, что картину смотреть будет скучно[717].

Читаю верстку — писал тебе, что очень мне это приятно, но, знаешь, теперь мне кажется, что мог еще больше сделать вставок, еще ближе приблизиться к рукописи. Аппетит приходит во время еды!

Дома все благополучно. Федя сегодня в театре, я пойду к Колдуновым — будут пельмени. Ищу для Кати комнату, но пока ничего хорошего нет — она будет у Густы Абрамовны — та в июне переедет к Таре на дачу.

Наде сегодня вручили партийный билет.

---

[717] Примечания: 717

О фильме см. примеч. 3 к письму Ольге Губер от 10 мая 1956 года (с. 483).

Вероника чувствует себя удовлетворительно, кажется, завтра или послезавтра переберется домой — перед ее переездом будет сделана дезинфекция.

Звонили мне Ковалевский, Эрлих, бедняга Сац, Черневич[718]. Были с Сёмой у Рувима — как всегда, очень мило и грустно.

Наташа кормит хорошо.

Федя имеет утомленный вид, но настроен неплохо, много знакомых девиц — вечерами кино, театр, футбол.

Жду письма, — как здоровье, настроение, общество, прогулки, каменные дела.

Звони по телефону, почти всегда хорошо слышно.

Целую тебя, Вася.

18 мая 56 г.

Получила ли письмо — Федино и мое — в одном конверте?

---

[718] Примечания: 718

Арон Исаевич Эрлих (1896–1963) — писатель и журналист, публиковался в «Правде», «Огоньке» и других изданиях, одно время был заведующим отделом литературы и искусства в «Правде».

Мариам Наумовна Черневич — переводчица с французского, подруга Гроссмана и Ольги Губер.

220

21 мая 1956, [Москва]

Дорогая Люся, получил твое письмо, написанное уже из Литфонда. Очень рад, что тебе удобно. Говорил с Ковалевским насчет разрешения для тебя — он сказал, что Литфонду Михайловского надо поблагодарить за внимание к тебе во время болезни, а специального разрешения, по его мнению, не нужно, т. к. во всех домах недобор и об этом известно правлению Литфонда.

Твое поручение насчет керосина и керосинки уже нельзя выполнить — письмо пришло после отъезда Маруси.

Погода в Москве ужасная — холод, осенние ливни день и ночь.

Я все читаю свою верстку, ей конца краю нет. Но, видимо, через 2 дня закончу все же. Сегодня в клубе обсуждают альманах. Читала ли ты в «Лит⟨ературной⟩ газете» статейку, где между прочим хаяли мой рассказ?[719]

Вчера был Коля — совершил традиционную

---

[719] Примечания: 719

Речь о статье В. Лукашевич «„Малая проза“ большого сборника» (Лукашевич 1956). В статье негативно оценивается рассказ Гроссмана «Шестое августа», опубликованный в «Литературной Москве».

операцию с аквариумом.

У Заболоцких неприятности с Костылевой[720] из-за садика и забора — был грандиозный скандал, после которого Ник⟨олай⟩ Ал⟨ексеевич⟩ чуть не помер, но воевал геройски.

Сегодня говорил с Валей Левиной по телефону — у матери подтвердился окончательно тяжелый диагноз. Сама же Валя чувствует себя гораздо лучше. Звала в гости.

Сегодня позвонил счастливый Горчаков — его роман принят в новый журнал «Молодая гвардия»[721]. Я очень рад этому. Хорошая книга, правдивая.

Читаю сейчас Артема Весёлого «Россия, кровью умытая». Талантливо, своеобразно, но мне далекое. Однако я целиком и без колебания убежден, что нужно печатать его, это яркая и особая страница в истории нашей литературы.

---

[720] Примечания: 720

Семья писателя Валентина Ивановича Костылева (1884–1950) тоже жила на Беговой, 1а. Жена Костылева — Евдокия Александровна (1895–1963).

[721] Примечания: 721

Овидий Александрович Горчаков (1924–2000) — разведчик и писатель, муж дочери Василия Бобрышева Аллы (Алеси). Вероятно, речь идет об автобиографическом романе Горчакова «Вне закона», написанном в конце 1940-х годов и посвященном жизни партизанского отряда. В «Молодой гвардии» роман так и не напечатали, он был впервые опубликован лишь в 1990 году (Горчаков 1990).

Вечером сидел у меня Ковалевский и навел, как всегда, на меня тоску.

Федя писал тебе, ты, вероятно, уж получила письмецо.

Что ж это Козы[722], такие щедрые прошлой осенью, не захотели тебя ничем порадовать в этом году. Получается, что самые лучшие — осенние уловы, а весенние тощие.

Очень прошу тебя беречься, поменьше трудиться по каменной части и побольше отдыхать, лежать.

Знакомых, видимо, в Литфонде нет, так как ты не упоминаешь ни о ком.

Говорил по телефону с Вероникой, она уже дома, чувствует себя хорошо, девочка здорова. Веронику тревожит, что она будет некрасива — есть признаки сходства с папашей.

Имен придумали множество, но ни одно им не нравится. Через несколько дней Вероника собирается перебраться на дачу.

Пиши, береги себя, не шути со здоровьем, т. к. при повышенной температуре нельзя в холодную, ветреную погоду ходить у моря.

Целую тебя,

---

[722] Примечания: 722

Коз (Козы) — село недалеко от Лисьей бухты, с 1945 года официально называется Солнечная Долина.

Вася.
21 мая 56 г.

221

24 мая [1956, Москва]

Дорогая Люся, сегодня пришло твое письмо, а утром говорили по телефону с тобой. Сперва ничего не было слышно, а когда стало хорошо слышно, связь прервалась. Однако главное я услышал — ты себя стала лучше чувствовать. Очень этому рад! Жаль, что Осеевы[723] уехали и ты потеряла общество приятных людей и спутников для поездок в Козы.

О дне выезда, номере поезда, вагона ты, конечно, сообщи заранее телеграммой.

Федя здоров, много бывает на футболе и в кино.

Вероника послезавтра с дочерью уезжает на дачу.

Наташа простужена, кашляет своим знаменитым, лающим кашлем.

Екатерина Васильевна здорова, звонит по телефону, когда супруг отсутствует; забегает кон-

---

[723] Примечания: 723

Муж и жена писатели Валентина Александровна Осеева (1902–1969) и Вадим Дмитриевич Охотников (1905–1964).

трабандой по дороге в магазин либо в аптеку. У них идет нешуточная война с Костылихой — Николай Алексеевич отгородился забором, колючей проволокой — срыл скамейку! В общем, масса волнений.

Было обсуждение альманаха, прошло в благоприятных тонах. Мой рассказ хвалили, но без энтузиазма[724]. О Липкине не вспомнили. Сейчас идет сбор материала для второго номера. Я обещал им рассказы.

Закончил наконец чтение верстки. Завтра еду к редакторше и сдам ей всю книгу.

Получил ответ от Кара[725] из Ленинграда по поводу моего письма о сценарии — он большинство моих замечаний принял, но, кажется, немного обиделся. Но в общем дело идет на лад.

---

[724] Примечания: 724

См. примеч. 2 к письму Ольге Губер от 21 апреля 1956 года (с. 481).

[725] Примечания: 725

Сократ Сетович Кара-Демур (1911–1977) — сценарист «Степана Кольчугина».

Не помню, писал ли тебе, что пьеса Малеева[726] оказалась превосходным произведением, правдивым, сильным, произвела на меня большое впечатление. Я ему написал теплое письмо, чтобы поддержать его.

Вчера были у меня счастливые Горчаков и Алеся: приятно было смотреть на них, сколько в них радости, надежд. Он привез договор — показывал мне, возможно, начнут печатать в этом еще году.

Липкин заходит почти каждый день, мы с ним гуляем, да в последнее время не очень погуляешь — дожди лили круглосуточно, да притом еще холод собачий. Сегодня впервые выглянуло солнце, но все же ветрено и холодно.

Пиши, пожалуйста, когда встречать тебя. Почему ты решила, что не подходит никто к телефону, — просто не соединяют, поэтому и нет звонка.

Старайся не простуживаться, не залезай в холодную воду. Ни пуха, ни пера, ни сердолика, ни агата тебе в последние дни.

---

[726] Примечания: 726

Речь о бывшем перевальце писателе Игоре Александровиче Малееве и его пьесе, посвященной памяти Ивана Катаева, «Запас прочности» (1956). Пьеса не была принята к публикации в журнале «Новый мир» и к постановке в Московском драматическом театре им. К. С. Станиславского. Ее текст можно найти в фондах журнала и театра, находящихся в РГАЛИ (Ф. 1702. Оп. 6. Ед. хр. 417 и Ф. 2905. Оп. 1. Ед. хр. 626 соответственно).

Целую тебя, Вася.

24 мая

Родные и знакомые спрашивают о тебе, шлют приветы.

222

27 мая 1956, [Москва]

Дорогая Люся, получил твое письмо от 23 мая. Думаю, что и в Крыму погода наладилась, у нас резко потеплело. Дожди прекратились. Очень хочется, чтобы последние дни пребывания в Коктебеле были хороши во всех отношениях — здоровья, хорошей погоды и каменных удач.

Дома все благополучно, Федя здоров, работает, развлекается по вечерам, встречается с Маринкой. С Наташей Заболоцкой, видимо, отношения совсем прервались. Я уже сдал верстку, прошло пока совершенно гладко. Через месяц — пять недель можно ждать сверку. Посмотрим, как пойдет дальше.

Вероника вчера перебралась на дачу.

Читала ли ты в газете объявление о смерти сына Ревекки Анисимовой — Бориса?[727] Есть еще

---

[727] Примечания: 727

Ревекка Моисеевна Анисимова — жена литературоведа Ивана Ивановича Анисимова, Борис — их сын.

одна тревожная новость — Феня пошла к врачу с жалобой на боль в горле, и ее срочно положили в клинику, завтра будут оперировать. Говорят — полип, но меня встревожила экстерность, с которой все это делается.

Не забудь сообщить телеграммой свой выезд, номер поезда и вагона.

Любу уже вымыли, но в связи с тем, что стало жарко и пыльно, — она за неделю, вероятно, опять запачкается. Я совсем обалдел от чтения книг, связанных с комиссиями по литературному наследству. Маша оказалась дамой энергичной, но, вообще говоря, именно такой и следует быть в подобном деле.

Липкин переезжает на дачу 1 июня. У них в семье начинаются большие волнения в связи с поступлением Зои в университет. Заходил ко мне Сёма Тумаркин — семья уже на Рижском взморье. Бедный молодожен Лёва[728] долго лежал в клинике, лечил язву, а едва вышел — внезапно свалился на улице от диких болей, — оказалось, камень в почке. Сейчас лежит в Боткинской.

Из хороших новостей — вернулся из долгого

---

[728] Примечания: 728

Лев Абрамович Тумаркин (1904–1974) — старший брат Семена Тумаркина, математик, преподавал в Московском университете.

путешествия Саша Гуревич[729].

Будь здорова, жду телеграммы, целую тебя,

Вася.

27 мая 56 г.

Письма Гроссмана, 1957–1958

Осенью 1956 года Гроссман ушел от жены к Екатерине Заболоцкой, первое время пара снимала комнату в Марьиной Роще. При этом Гроссман регулярно приходил навещать семью в квартиру на Беговой улице и переписывался с Ольгой Михайловной, когда уезжал из Москвы или когда та отдыхала в Крыму.

223

13 мая [1957, Москва]

Понед., 13 мая

Дорогая Люся, пишу тебе после совещания[730], которое закончилось лишь к 7 часам вечера.

---

[729] Примечания: 729

Друг юности Гроссмана (см. письмо Ольге Губер от 8 октября 1960, с. 632).

[730] Примечания: 730

Совещание писателей в ЦК КПСС. Именно на этом совещании Хрущев предложил создать Союз писателей РСФСР.

Поэтому оба мои визитера пришли в мое отсутствие, — и муж Гали Воронской[731], и молдавский писатель. Молдаванин принес бутылку вина и оставил ее на столе. Я ему позвонил, — пригласил его вновь.

Совещание было интересное, выступали многие писатели: Федин, Бажан[732], Панферов, Михалков, Эренбург, Сурков и др. Много говорили о Дудинцеве, Яшине[733]. Имя Дудинцева все время склонялось, ругали его крепко.

В заключение с большой речью выступил Хрущев. Он критиковал московскую писательскую организацию за настроения, бывшие на собраниях, хвалил Грибачева как человека, до конца преданного делу партии[734], говорил о задачах, которые стоят перед писателями в настоящее

---

[731] Примечания: 731

Галина Александровна Воронская (1914–1991) — писательница, дочь Александра Воронского; арестована в 1937 году вскоре после ареста отца, окончательно вышла на свободу в 1954 году, в 1957 году реабилитирована, в 1959 году вместе с семьей вернулась с Колымы жить в Москву. Ее муж Иван Степанович Исаев (1907–1990) был осужден в 1937 году на пять лет лагерей, реабилитирован в 1955 году; дружил с Варламом Шаламовым.

[732] Примечания: 732

Николай (Микола) Петрович Бажан (1904–1983) — украинский поэт, переводчик, публицист.

[733] Примечания: 733

Обсуждался роман Владимира Дудинцева «Не хлебом единым», впервые опубликованный в «Новом мире» в 1956 году (Дудинцев 1956), и

рассказ Александра Яшина «Рычаги» (Яшин 1956).

[734] Примечания: 734

Писатель Николай Матвеевич Грибачев (1910–1992) был известен как «автоматчик партии» (Евтушенко 1998: 293): активно участвовал в антисемитской кампании, требовал лишить Пастернака гражданства и выслать из страны и т. д.

время, говорил о перспективах — в деревне и в промышленности.

Ребята были на просмотре «Кольчугина»[735]. Народу, говорят, было много. Картина ребятам понравилась, Фене тоже. Но говорят, что публика не проявляла восторга, и даже кое-кто уходил во время демонстрации.

Как ты добралась до Коктебеля? Встретили ли тебя? Какая погода в Крыму? Как устроилась в доме отдыха, какие люди отдыхают вместе с тобой? Начала ли каменные экскурсии?

В Москве необычайно жарко, душно. По вечерам грозы с ливнями, как в вечер твоего отъезда.

Федя с Ирой[736] в воскресенье ездили с компанией своих друзей на дачу, провели там день и очень довольны. Собираются перетащить в следующее воскресенье кое-какие вещи. Липкина я не видел уже несколько дней, наслаждается своей новой квартирой, а телефона у него пока нет. К автомату же, видимо, ходить ему лень.

---

[735] Примечания: 735

О фильме см. примеч. 3 к письму Ольге Губер от 10 мая 1956 года (с. 483).

[736] Примечания: 736

Ирина Станиславовна Новикова (1933–2021) — жена Федора Губера. Они познакомились в Научно-исследовательском институте шинной промышленности (НИИШП), где оба работали, и поженились 26 ноября 1956 года.

Наташа меня принимает очень радушно. Обещала к следующему моему приходу сделать вареники с кашей.

Эту неделю я буду посещать пленум[737], он открывается завтра в 6 ч. вечера. Сегодня на совещании видел Суркова, он подтвердил мне, что принял все меры к урегулированию вопроса, о котором я ему писал.

Между прочим, говорил с Атаровым о рассказе Зинченко[738]. Атаров сказал, что рассказ понравился Берёзко, который заведует прозой в журнале «Москва», и что они рассказ возьмут, но напечатают нескоро, т. к. материала много.

Пиши мне, остерегайся жары и холодной воды, ведь море, вероятно, еще холодное.

Целую тебя, Вася.

---

[737] Примечания: 737

Речь о Третьем пленуме правления Союза писателей, проходившем в мае 1957 года.

[738] Примечания: 738

Галина Ильинична Зинченко — корреспондентка Маршака, работавшая закройщицей в Киеве и регулярно печатавшая статьи и заметки в различных газетах и журналах (см. о ней: Григорьев 1979). Гроссман пишет Липкину в письме от 3 сентября 1956 года: «Дважды была у меня Зинченко. Все бы хорошо, но уж очень много она пишет, разговор сводится наш теперь к тому, что я даю ей литконсультации. Об этом ли я мечтал?» (Гроссман 2016: 136).

224

18 мая 1957, [Москва]

18 мая 1957

Дорогая Люся, получил твоих два письма и цветочек из Лисьей бухты — спасибо большое.

Мое первое письмо ты уже, вероятно, получила. Телеграмму послал тебе вчера.

Мой взгляд, что хибарочка эта тебе не нужна; кроме хлопот и обузы, она тебе не принесет ничего особенно удобного, необходимого. Но если ты придерживаешься другого взгляда, если это тебе кажется нужным, то, конечно, действуй соответственно своему желанию. А я лишь представил себе, что сопряжено это с хлопотами, дрязгами по добыванию всяких материалов, да еще на пыльной дороге, а жить лишь пару месяцев в году. Словом, решай, советуйся, подумай, семь раз отмерь, прежде чем отрезать. Напиши, словом, как решаешь. Вчера видел Бокова[739] на пленуме. Он говорит, что погода в Коктебеле была неважная, что камней мало, так как не было зимних штормов. Жду твоих впечатлений.

---

[739] Примечания: 739

Виктор Федорович Боков (1914–2009) — писатель, собиратель фольклора.

Рад сообщить тебе, что мое письмо к Суркову[740] оказалось полезным, — Атаров мне вчера сообщил, что рассказы Бориса, Ник⟨олая⟩ Ник⟨олаевича⟩ и Арт⟨ема⟩ Весёлого вновь приняты в трехтомник. Возможно, что у Бориса дадут «Жену».

Вчера просидел с Твардовским и Казакевичем[741] в ресторане долгое время и много пили коньяку.

Настроение неважное у меня, да ты, вероятно, по газетам видишь, как крепко достается всем деятелям альманаха «Лит⟨ературная⟩ Москва», а они ведь ничего такого плохого не делали.

Вчера Грибачева избрали в президиум Союза писателей. Я единственный голосовал против, но это ему, естественно, ничем не помешало. Вероятно, мне это помешает значительно больше, чем ему.

Смотрел новую квартиру Сёмы. Великолепно, светло, просторно, паркет, огромные окна. Заме-

---

[740] Примечания: 740

Поэт Алексей Александрович Сурков (1899–1983) в 1953–1959 годах был первым секретарем Союза писателей.

[741] Примечания: 741

Эммануил Генрихович Казакевич (1913–1962) — прозаик и поэт, писавший на русском языке и на идише; в годы войны служил в действующей армии; редактор альманахов «Литературная Москва» (1956). Об отношениях Гроссмана и Казакевича см., напр.: Липкин 1990: 54–55.

чательная ванная, кухня. Должен сказать, что с марьино-рощинской точки зрения[742] это прямо Версаль, зимний дворец! Сёма доволен своими мебельными достижениями, но мне они показались верхом безвкусия. Нина живет еще на Беговой, в новой квартире еще газа не включили (в Аэропортовском доме[743]).

За дни пленума видел больше знакомых, чем за два прошедших года. Твардовский, между прочим, собирается с семьей в Коктебель. У меня сегодня неприятное чувство от того, что сидел с ним и разговаривал за коньяком, — вспомнил его гнусную речь о моей книге, произнесенную в марте 1953 г.[744]

Все эти дни я не работал, ходил на пленум. По вечерам показывались заграничные картины.

---

[742] Примечания: 742

Первые месяцы совместной жизни Гроссман и Заболоцкая снимали комнату в Марьиной Роще.

[743] Примечания: 743

Первый «писательский» дом, построенный у метро «Аэропорт» в Москве, по адресу улица Черняховского, 4.

[744] Примечания: 744

24 марта 1953 года состоялось заседание президиума правления Союза советских писателей, на котором резкой критике была подвергнута публикация романа «За правое дело» в журнале «Новый мир». В «Дневнике прохождения рукописи романа „За правое дело“ в издательствах» 24 марта 1953 года Гроссман сделал следующую запись: «Обсуждение романа на президиуме Союза. Отречение от романа Фадеева, Г. Николаевой, Катаева, Твардовского и яростные нападки Первенцева, Ермилова

и десятков других писателей» (Бочаров 1990: 173). В августе-сентябре 1956 года Гроссман впервые прочел стенограмму заседания с речью Твардовского и сообщил об этом Липкину в письме от 3 сентября 1956 года: «Взял в архиве стенограмму президиума, где Фадеев делал доклад обо мне. Прочел все выступления, самое тяжелое чувство вызвала у меня речь Твардовского. Ты знаешь, хотя прошло три года, я растерялся, читая его речь, — не думал, что он мог так выступить. Он умнее других, и ум позволил ему быть хуже, подлее остальных. Ничтожный он, хоть и с умом и с талантом» (Гроссман 2016: 136).

Стенограмма заседания с речью Твардовского была опубликована Анной Берзер в ее воспоминаниях «Прощание» (Берзер 1990: 210–216). С похожей речью Твардовский выступал 25 февраля 1953 года на заседании редколлегии журнала «Новый мир» (Бианки 1999: 97–119).

Вчера, под занавес, показали цветной итальянский фильм «Пляж»[745], фильм глупый, однако с огромным количеством красивых полуголых женщин. Так что я не терял времени — просвещался.

Люся, опять повторяю, насчет домика, — решай, как приятней тебе и удобней, а решив, напиши.

Жду писем. Очень хочу, чтобы море и небо, берег и особенно «кромка» были к тебе хороши.

Очень прошу, не переутомляйся, не пережаривайся на солнце, не ходи по холодной воде. Федя и Ира здоровы, сегодня собираются на дачу. Ну, еще раз желаю всего самого хорошего. Удобно ли тебя устроили? Целую тебя, Вася.

Дорогая Люся, делаю приписку к письму в связи с тем, что получил твое третье письмо, только что. Не то ты затеваешь — пишешь: хозяин пьяница, хулиган, скандалист. Будешь от него отделяться высоким забором — высосет это из тебя и последние нервы, и последние силы, и кучу средств. Я советую: подожди до осени — не кидайся на этот домик. Так мне кажется. Вот такое у меня мнение — раз ты его спрашивала. А уж дальше решай сама.

---

[745] Примечания: 745

«Пляж», 1954 год, реж. Альберто Латтуада, Италия, Франция.

Целую, Вася.
18 мая
(вечер)
P. S. Зашел вечером — ребята собираются на дачу, застал Колю — менял рыбкам воду.

225

23 мая 1957, [Москва]

Дорогая Люся, пришел на Беговую и получил твое письмо. Спасибо тебе, дорогая, за твою тревогу обо мне, за все доброе и сердечные чувства твои. Не стою я их. Но в Москве действительно сейчас душно и пыльно, а у меня еще от зуба что-то вроде флюса, совсем противное ощущение. Вчера знобило и стреляло в череп, но сегодня уже легче.

Люсенька, ты еще на предыдущее письмо мое не ответила, где пишу соображения о даче. Прошу тебя, отложи это дело! Хотя бы до осени. Добро такое найдется. С кем ни говоришь — все против! Федя, Ира, Семен Израилевич. Я не могу тебе подробно писать, но ситуация сейчас не для покупки коктебельских домиков. Если б ты была дома, сразу бы все поняла, не до жиру, быть бы живу. В общем, жду твоего ответа на мои соображения. Мне кажется, что самое разумное

— отложить решение до твоего возвращения в Москву, ты здесь услышишь серьезные доводы, если твои будут серьезней, всегда можно съездить на несколько дней. А упустишь хибарку, тоже не беда, — найдется другая. Вот это общее мнение всех — и родных и друзей, с которыми я советовался.

Федя и Ира сегодня, нагрузившись барахлом — две кроватки, огромный портплед, поехали на дачу с ночевкой.

Был в 6 ч. вечера на Беговой Федор Левин в связи со статьей и с работой над книжкой[746]. Просидел 2 часа. Потом пришел Коля, который помог ребятам донести вещи до электрички. Потом пришла Катя и Липкин. Катя рассказывала, что накануне был юбилей библиотеки[747], ее текст в капустнике пользовался успехом. Липкин ссорится с Ниной, ставит ей ультиматум — либо она берет домработницу, либо он покидает Нину. Естественно, Нина сдалась. Липкин на вершине житейского и материального успеха, он отдал

[746] Примечания: 746

Федор Левин написал большую вступительную статью к книге Гроссмана «Повести, рассказы, очерки» (Гроссман 1958: 3–14).

[747] Примечания: 747

Дочь Гроссмана работала в то время в московской Библиотеке иностранной литературы.

гонорар за новое издание «Джангра»[748] в пользу калмыков. Там вновь открылась школа его имени.

На пленуме я виделся с Сурковым, говорил с ним о своих литературных делах. Он предложил мне встретиться недели через две для более подробного разговора. Это уже, вероятно, состоится в начале июня. Но вообще ли состоится? Он замотан, задерган, собирается уйти в длительный отпуск. Видел на встрече в ЦК Эренбурга, выглядит ужасно, постарел, похудел, нос прозрачный, восковой, как у покойника.

Каждый раз, когда бываю на Беговой, мне звонит Вера Петровна[749]. Она необычайно настырна, я даже начал злиться на нее.

Не помню, писал ли тебе, что Вера Лобода была здесь проездом в Кисловодск. У нее сильный ревматизм. Девочки здоровы. Веня хандрит, тоскует. Но они решили еще на год остаться на Чукотке.

Кинофабрика прислала новый вариант сцена-

---

[748] Примечания: 748

«Джангар» — калмыцкий эпос, переведенный Семеном Липкиным. Вероятно, речь идет об издании, вышедшем в 1958 году (Джангар 1958).

[749] Примечания: 749

Вера Петровна Зарудина (1900–1983) — вдова Николая Зарудина.

рия, написанного Назаровым[750]. Я еще не читал его, но мне кажется, что подозрительно быстро внес он поправки, предложенные мною, и все переделал.

Наташа затеяла из-за жары стричь собаку и осилила пока половину. Собака выглядит очень комично, но самочувствие у нее отличное, скачет до потолка. Наташа все спрашивает, когда ты приедешь, — ей кажется, что срок твоей путевки уже истек.

Ты спрашиваешь, когда я буду на Беговой, — постараюсь в понедельник, 27-го, и в пятницу, 31-го, надеюсь, что флюс мой к этому времени исчезнет. (Бываю с 3 дня до вечера.)

Люсенька, еще раз спасибо тебе за все то хорошее и доброе, что написала мне.

Всей душой желаю тебе, чтобы эти оставшиеся коктебельские дни прошли у тебя хорошо. Береги себя, пожалуйста, от солнца, оно ведь на юге

---

[750] Примечания: 750

Речь о драматурге Игнате Ивановиче Назарове (1904–1982), создавшем драму «Народ бессмертен» в четырех действиях по одноименной повести Гроссмана в 1945 году, радиоинсценировку повести — в 1946 году (Старое 2024а). В 1956 году он подал заявку на литературный сценарий по повести на киностудию «Мосфильм» и, после ее одобрения, в 1957 году написал два варианта сценария, ни один из которых не был пущен в производство. Один вариант сценария сохранился в личном фонде Гроссмана в РГАЛИ (Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 97) и два — в фонде «Мосфильма» (РГАЛИ. Ф. 2453. Оп. 3. Ед. хр. 2158–2159).

коварное, не замечаешь его силы.

Жду «каменных» известий. Подумай всерьез о том, что пишу о «хибаре», и напиши.

Целую тебя, Вася.

23 мая 1957 г.

226

27 мая 1957, [Москва]

Дорогая Люся, получил твое письмо от 20.V — получила ли ты мои письма?

О домике поговорим с тобой подробно, когда приедешь в Москву, — уверен, что согласишься с моими доводами, писать об этих делах так подробно, как скажешь словами, нельзя.

Огорчила меня катастрофа с осеевской машиной. А уж твои безрассудные путешествия прямо-таки никуда не годятся. Очень прошу тебя, хотя бы обеспечь себе обратное возвращение от Крымского Приморья до Верхнего шоссе, — я помню, насколько утомительно подыматься вверх от Приморья после целого дня каменных поисков. А разве директор не может дать автобус экскурсионный — ведь любителей собирать камни много. А разве Ваня еще не имеет права водить свою машину? Право же, прошу тебя, не делай этих путешествий в оба конца пешком. Нашел ли

кто-нибудь выдающийся камень? С интересом жду демонстрации твоих успехов.

В Москве внезапно и резко изменилась погода — настоящие холода, по утрам 5–6°, да и днем холод, ледяной ветер, тучи.

Я что-то раскис малость, писал тебе, что флюс у меня, прошел флюс, прихватила меня астма, и довольно-таки противная, сегодня уж лучше — приехал на Беговую, пишу тебе письмо.

Бедная Пумка[751] острижена, по этим холодам ей зябко. Но постригла Наташа ее хорошо, по правилам — шапочку оставила и ушки длинные. Она носится по комнате совершенно как безумная. Жду сейчас Федора Левина, он должен прийти на Беговую, принесет читательские письма, которые брал о «Правом деле», — будем с ним беседовать о его статье, предисловии к сборнику моему воениздатовскому[752].

Федя и Ира благополучны, на дачу из-за этих холодов не ездят. Катя тоже собиралась поехать к Кларе на субботу в Загорянку и отменила.

Люсенька, очень прошу тебя, не переутомляйся

---

[751] Примечания: 751

Пума — пуделиха дымчатого окраса, которая жила в семье Гроссмана во второй половине 1950-х годов.

[752] Примечания: 752

См. об этом также в письме Ольге Губер от 23 мая 1957 года (с. 496).

и не пережаривайся на солнце. Хочется тебя видеть, и, конечно, поправившейся и здоровой. А ты описываешь свои такие путешествия, которые по плечу Феде, а не тебе или мне. Я ведь думаю о тебе, тревожусь о тебе.

Здесь к Кате снова приехала мать, Галя, — на этот раз на несколько дней, я ее не видел. Надеюсь, что на этот раз дело обойдется без опоздания на поезд. Повесть, которую ты мне дала читать, «Несчастный случай», я прочел сразу же, — она мне показалась очень интересной, жду продолжения[753]. Получил румынскую газету с большой статьей о книге «За правое дело», она, оказывается, переведена на румынский[754]. Выходит она также и на венгерском языке[755].

Будь здорова, не ходи десятки километров пешком!

Целую тебя, Вася.

27 мая 1957.

---

[753] Примечания: 753

Речь о романе Декстера Мастерса, который выходил в апреле — июне 1957 года в журнале «Иностранная литература» (Мастерс 1957).

[754] Примечания: 754

Grossman 1957.

[755] Примечания: 755

В 1958 году фрагменты романа в переводе на венгерский Ласло Немета вышли в журнале Nagyvilág (Groszman 1958).

227

30 сентября 1957, [Москва]

Здравствуй, дорогая Люся, получил твое письмецо, написанное в поезде. Одновременно пришло письмо от Фени, которая описывает, как неласково встретил тебя Коктебель в первый день. Жду твоего подробного письма о том, как ты устроилась, как чувствуешь себя, в общем, все человеческие и сердолико-агатовые события твоей жизни.

Боюсь, что погода у вас испортилась, в Москве сейчас ужасно — холод, дождь день и ночь.

У меня хороших новостей нет, к сожалению. Боль в руке все продолжается, хотя я принимаю всякие лекарства и греюсь синим светом, который оказался у хозяйки.

На квартирном фронте изменений нет. Когда был на заседании оргкомитета, видел В⟨асилия⟩ Смирнова[756]. Ничего утешительного он мне не сообщил, но говорит, что надежды еще не теряет.

---

[756] Примечания: 756

Василий Александрович Смирнов — писатель, 1954–1959 годах секретарь правления Союза писателей.

Привезли с выставки книги[757] — они действительно добавили несколько новых, у нас не имевшихся книг, — японское, 2 бразильских, китайское (в переводе Мао-Дуня) издания «Народ бессмертен». Но доставили ли они все взятые книги, я не уверен, — пытался проверить и запутался. Пусть уж до твоего приезда полежат.

Воениздат пока молчит[758]. Не знаю, надо ли мне волноваться по этому поводу.

Сижу за столом, тепло, тихо. Наташа сообщила, что вчера купила очень хорошую картошку, звенигородскую.

От Феди писем нет, но и Мира, поехавшая вместе с ним, тоже не пишет. Очевидно, приедут, «не писамши».

Ира поправилась, выглядит значительно лучше. Леночка мила, плачет много[759]. Не поправляется совершенно. Сегодня в консультации

---

[757] Примечания: 757

Предположительно, речь о выставке книг в Центральном доме литераторов, организованной в августе в рамках VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов (28 июля — 11 августа 1957 года).

[758] Примечания: 758

Вероятно, речь о выпуске сборника, вышедшего в 1958 году в Воениздате. См. также письма Ольге Губер от 23 (с. 496) и 27 мая 1957 года (с. 499).

[759] Примечания: 759

Дочь Ирины Новиковой и Федора Губера Елена родилась 29 августа 1957 года.

ей решено давать молоко на подкормку.

Вижу Сёму часто, его поездка в Среднюю Азию откладывается. Вчера видел Мунблита, поругались, без этого с ним нельзя, но, видимо, на этот раз на срок меньший, чем предыдущий, — вероятно, завтра позвонит.

Сильно меня беспокоит боль в руки и плече, — это что-то вроде радикулита, вероятно из-за плохой погоды. Плохо сплю из-за этого. Правда, стало немного лучше вчера и сегодня.

Очень хочется, чтобы твой отдых прошел хорошо, — главное, чтобы была здорова. Пожалуйста, не делай слишком частых и слишком длинных экспедиций. Кто-то там конкурирует с тобой на «каменной арене»?

Пиши мне, пожалуйста, поподробней о своей жизни и делах каменных.

Целую тебя, будь здорова, пиши!

Вася.

30 сентября 57 г.

Был позавчера в гостях у Марианны и Сергея Александровича, — они очень хорошие люди. Сердечно меня принимали. С любовью и теплотой говорят о тебе — настоящие друзья.

Наташа шлет тебе привет, уже высчитывает, когда ты приедешь. Пума тоже кланяется.

228

3 октября 1957, [Москва]

3 октября 57 г.

Дорогая Люся, получил твое письмо и отвечаю на него, сидя на Беговой. О твоих злоключениях мне писала Феня, но я надеюсь, что теперь у тебя уже приличная комната и ты не терпишь всяких неудобств.

Вчера вечером Феня позвонила по телефону, сразу же по приезде в Москву. Мы с ней условились встретиться — она передаст мне твое и Катино письмо — встретимся с ней на Беговой. По телефону рассказала она мне свои коктебельские впечатления. Меня огорчает Катино настроение и времяпрепровождение, да и то, что ты пишешь, не так уж приятно, — зачем эта дружба с Б. М.

Внучка беспокойная, много плачет. Ира говорит, что сегодня всю ночь не давала спать ни ей, ни Фире Ароновне[760]. В весе она не прибавляет. Ее подкармливают.

От Феди письмо к тебе, очень милое, видимо,

---

[760] Примечания: 760

Эсфирь (Фира) Ароновна Новикова (*урожд.* Гурвич; 1913–2003) — мать Ирины Новиковой.

поездка интересная, масса впечатлений. У меня новостей нет, с комнатой пока ничего не слышно[761].

Только что проверил облигации. Увы, даже 100 рублей не выиграла ни одна. Но, кажется, должен быть дополнительный тираж — вдруг повезет!

Я очень рад, что в Коктебеле хорошая погода, Феня говорит, что перед отъездом купалась. А здесь холодище. Хорошо хоть, что в последние дни нет дождей, а то совсем скверно. Интересуюсь твоей коктебельской жизнью, каменными успехами.

Очень прошу тебя, не переутомляйся, не части в своих лисьебухтинских поездках. Напиши, почему Лида не ответила на твои письма.

Я работаю, вижусь с Липкиным. Вернулся из поездки в Болгарию Письменный, говорит, что не очень доволен и что в Коктебеле лучше. У меня все побаливает рука. На Беговой я бываю примерно 2 раза в неделю. Поскрипываю перышком. Мне звонит все Гордон, помнишь, чистопольский, отец царского дитяти, — хочет со мной встре-

[761] Примечания: 761

Гроссман запросил в Литфонде новое жилье, аргументировав это тем, что в квартире на Беговой, где жили Ольга Губер и Федор со своей семьей, у него больше не было условий для работы. См.: Короткова-Гроссман 2014: 230.

титься. Я не в восторге от этой перспективы.

Только что пришла Феня, — принесла твое письмо, Катино и 2 дыни.

Бедная Лида! Передай ей мой привет.

Ты спрашиваешь о Воениздате. Там дело затянулось, но решения менять содержание книги нет — генерал еще не читал. Затянулось по типографским причинам, сейчас срочно идет — литература к Октябрю, оттеснила мою книгу.

На оргкомитете ничего не было выдающегося — все шло по линии деловых разговоров организационных.

Посылаю тебе Федино письмо.

Целую тебя, пиши!

Вася.

Феня шлет тебе привет, она напишет тебе.

Федино письмо вложил в другой конверт, а то очень толстое письмо получалось.

229

9 октября 1957, [Москва]

Дорогая Люся, пришел сегодня на Беговую, встретился с Федей. Он хорошо выглядит, очень доволен своей поездкой, рассказывает много интересного. Он написал тебе письмо. Вообще, производит впечатление повзрослевшего, споко-

ен, рассудителен — взрослый человек.

Думал, что, придя на Беговую, получу от тебя письмо, но письма не оказалось. Надеюсь, что ты здорова и что не написала не оттого, что болеешь, а по занятости сердоликово-агатовыми делами. Каковы твои успехи, что у тебя хорошего в каменном мешочке?

В Москве холодище, вот-вот пойдет снег. Я сегодня надену осеннее пальто. Неужели в Коктебеле тепло?

Когда пришел на Беговую, у подъезда стояли грузовики с вещами — это Нилины[762] выезжали на новую квартиру, а вместо них въезжали новые жильцы. Наташа забыла фамилию их — Матильда ей сказала, что тебе они знакомы. Приедешь — разберешься.

Маша Катаева уже переехала на новую квартиру.

Вообще переезд идет полным ходом. У меня, к сожалению, ничего нового нет, видимо, это дело затягивается.

В Воениздате обещают верстку через недельку, но генерал все еще не читал, его чтение предстоит.

---

[762] Примечания: 762

Семья писателей Матильды Иосифовны Юфит (1909–1993) и Павла Филипповича Нилина (1908–1981).

Продолжаю работать над новой книгой.

Уехала ли Катя, куда, на сколько? Она обещала написать мне с нового места отдыха.

Сейчас сидели с Федей, рассматривали подарки, которые он привез, — тебе чудные парижские духи, я по отсутствию обоняния могу о них судить только по внешнему виду бутылочки. Привез он много всяких милых безделушек. Тронул меня своим вниманием, — привез мне красивую синюю папку для бумаг.

Если отдыхается тебе хорошо, то советую — не спеши в Москву, очень уж гнусно здесь в смысле климата — темные тучи, холод, ветер… а дома со здоровьем Иры и Леночки все как-будто наладилось. Федю застал с дочкой на руках, очень бережно ее укачивал.

Пиши мне, пожалуйста, Люся, о себе, о своем здоровье, путешествиях в Лисью, сражаешься ли в кинг с Благининой и Живовой[763].

От души желаю тебе хорошо отдохнуть, быть здоровой, иметь успехи на сердоликовом фронте.

---

[763] Примечания: 763

Поэтесса и переводчица Елена Александровна Благинина (1903–1989) и Евгения Семеновна Живова (Эся) — литературный редактор Детгиза, близкая подруга Благининой. Гроссман и Губер не раз оказывались с Благининой и Живовой в одно и то же время в домах отдыха.

Целую тебя,
Вася.
9 окт. 1957.
Виден ли у вас бывает новый спутник Земли?
Когда закончил письмо, Федя достал из почтового ящика твои письма — мне и ему. Очень, очень огорчаюсь, что так негостеприимно тебя устроили и что тебе было нехорошо с сердцем, — прошу тебя, ходи поменьше, не переутомляйся! Это вредно для сердца, не только третий этаж. Бог с ними, с камнями. Здоровье дороже! Пиши!

230

14 октября 1957, [Москва]
Здравствуй, дорогая Люся!
В первых строках моего письма поздравляю тебя с днем рождения и желаю тебе отметить его находкой хорошего, большого и красивого камня — сердолика!
Я знаю, что, читая мое поздравление, ты думаешь о том, что не мне поздравлять тебя, но я всей душой хочу, чтоб ты была здорова и чтобы жизнь твоя знала и покой, и хорошее.
У меня новостей по-прежнему нет. С квартирой ничего нового не сообщают. Все уже въехали и живут на новых фатерах. Вчера смотрел меня

Райский, боли в руке и плече продолжаются. Он велел, как полагается, сделать кучу анализов, электрокардиограмму. Но все же он считает, что боли эти не сердечного, а обменного происхождения. Это, конечно, хорошо, но плохо, что боли от этого не меньше. Вчера видел Федю, Иру. Маленькая начала поправляться наконец. Набрала 500 грамм. При мне ее купали, она очень мила. Накануне у них были дядя Губер с женой, привезли дары. Наташа говорила мне, что Лидия Сергеевна, глядя на маленькую, плакала, — видимо, вспомнила Андрюшу[764].

Погода у вас, вероятно, стала хорошей, потому что и у нас теперь ясное небо и солнце светит, хотя уже все дышит зимней прохладой.

В Москве новостей особых нет, вот только писательские умы взволнованы тем, что Серафима из Литфонда, та, что выдавала путевки, неожиданно исчезла, как сквозь землю провалилась, и по странному совпадению вместе с ней исчезли из литфондовской кассы 100 тысяч рублей, которые писатели сдали на путевки. В общем, не совсем

[764] Примечания: 764

Старший брат Бориса Губера академик-востоковед Александр Андреевич и его жена Лидия Сергеевна. Их единственный сын Андрей утонул в 1946 году (см.: Новакова 2022: 150).

ясно, что там случилось[765].

Вижусь главным образом с Липкиным, теперь, когда я прихварываю, он навещает меня довольно часто. Но, на мою беду, сегодня позвонил по телефону и сообщил, что сам заболел гриппом и решил несколько дней не выходить из дому. Ты знаешь ведь знаменитые липкинские гриппы — температура 36,8°, вот уж он считает себя в жару.

От Кати ничего нет пока, но я и не жду, имея некоторый опыт переписки с ней.

Я тебя не спрашиваю о твоей жизни и новостях, т. к. на это письмо ты уж, вероятно, отвечать не будешь, а сама расскажешь обо всем по приезде.

Прошу тебя в последние дни не делать больших экскурсий, поберечь себя, ведь в душном вагоне ты всегда себя скверно чувствуешь, и не надо перед дорогой перенапрягать сердце.

Целую тебя, Вася.

14 октября 1957 г.

231

21 января 1958, [Нальчик]

Дорогая Люся, получил твою телеграмму, — спа-

[765] Примечания: 765

В 1958 году в письме к Липкину Гроссман напишет о том, что «Серафиме дали 15 лет» (Гроссман 2016: 138).

сибо. Сегодня закончилась конференция[766], был занят с утра до ночи. С завтрашнего дня поедем на машине по Кабарде, проведем в этой поездке дня 3 и, по-видимому, двадцать пятого выедем в Махачкалу.

Погода здесь исключительно хорошая, — лежит снег, светит солнце, голубое небо.

Чувствую я себя в общем хорошо, — астма не мучила, хотя одышка из-за горного воздуха довольно сильная.

Но это было у меня и полтора года назад, когда приезжал сюда, не балуясь табачком.

С нами здесь все время Яша — Сёмин сын, — он очень выправился — серьезный, умный паренек.

Устроились мы в гостинице хорошо — в удобном, просторном номере с ванной и пр.

Как себя чувствуешь ты, как здоровье твое?

Поцелуй Федю с семейством, Катю.

Целую тебя, Вася.

21. I.58 г.

232

[Конец января — начало февраля 1958, Махач-

[766] Примечания: 766

Предположительно, XXIV Кабардино-Балкарская областная конференция, проходившая 19–21 января 1958 года.

кала; отправлено Семеном Липкиным в Москве 3 февраля]

Дорогая Люся, ты сказала мне перед моим отъездом в Нальчик и Махачкалу, чтобы я не писал тебе, если буду получать письма от Е⟨катерины⟩ В⟨асильевны⟩ и писать ей.

Но я все же пишу тебе — потому что не могу не написать, да и должен сказать тебе о всяких событиях в моей жизни.

Мы условились с Е⟨катериной⟩ В⟨асильевной⟩ встретиться и поговорить.

Отказаться от этой встречи я не могу. Поэтому я поеду в Ленинград, остановлюсь в гостинице (Е⟨катерина⟩ В⟨асильевна⟩ в Комарове[767]).

Совершенно правдиво говорю тебе — я ничего не могу сказать о дальнейшем. Знаю только, что на сердце у меня тоска, тяжесть, туман.

Письмо твое я получил, много раз перечел его. Я всей душой, всем сердцем благодарен тебе за письмо твое.

Это письмо полно правды, письмо о жизни и судьбе, о наших с тобой отношениях. И горько и радостно мне было читать его.

---

[767] Примечания: 767

Екатерина Заболоцкая ездила навещать свою подругу Екатерину Ивановну Шварц (1904–1963), вдову Евгения Шварца, которого не стало 15 января 1958 года. В Комарове у Шварцев была дача.

Я не знаю, как в дальнейшем пойдет жизнь, но как бы ни пошла она, все, что ты сказала в этом письме, остается для меня не просто хорошими словами, а будет неотъемлемой частью моей души, моей жизни.

Люся, я один знаю все, чем обязан тебе в этот тяжелый, забравший столько душевных сил моих период жизни.

Мне кажется, что лучше мне сейчас в Москву не заезжать. Я напишу тебе.

Целую тебя, Вася.

Я попросил Липкина бросить это письмо в Москве.

233

12 февраля 1958, [Ленинград]

Дорогая Люся, я получил твои письма. Читал их и перечитывал с чувством боли и тревоги, — в них много боли, много правды.

Все суровые слова, которые ты мне пишешь, справедливы, я не хочу и не могу возражать тебе.

Не знаю, как сложится жизнь в дальнейшем, — возможно, что и здесь ты права в своих предвидениях.

Если оглядываться на то, что было, то есть у

тебя все основания думать о дальнейшем именно так, как ты пишешь в письмах.

Но мне кажется, что все же в ту прежнюю зыбкость вошло и что-то новое и что отношения сложатся разумней, спокойней, — так мне кажется.

Лишь в одном, мне кажется, ты не права, — насчет страстей и Валета — право же, на сто верст далеко это.

Я бесконечно благодарен тебе за то, что ты желаешь мне хорошего, тревожишься и болеешь обо мне. По правде говоря, мне легче, когда ты ругаешь меня, не стою я, причинивший тебе столько горя, такого твоего отношения.

Но, Люсенька, поверь мне, и я, причинивший тебе столько горя, все время думаю и тревожусь о тебе, может быть, это кажется странным, нелепым, ненужным, — но так оно есть и иначе быть не может.

Радуют меня очень Федины успехи с переводами, — С⟨емен⟩ Из⟨раилеви⟩ч, который всегда очень сдержан, на этот раз говорил в самых повышенных тонах о той оценке, которую получила работа Феди у редактора. Он предложит Феде, видимо, и дагестанских поэтов переводить, — он говорил тебе об этом.

Я работаю, видел Сашу Беньяша, был у Розы Менакер, — она похожа на старуху из сказки Гримма — согнулась, с бородой, лежит, укрытая рваным одеялом, грязная, как сто чертей.

Люся, ты не веришь в то, что я написал тебе о серьезности чувств, вызвавших все эти события. Спорить тут нельзя. Возможно, что ты права и видишь правильней, чем я. Возможно, что прав я, — и то, что я чувствую, не есть выдумка и блажь, а соответствует какой-то серьезной и глубокой реальности.

Видимо, дальнейшее, жизнь сама скажет, что это.

Но я опять и опять хочу сказать тебе, что как бы ни сложилась жизнь в дальнейшем, то глубокое, серьезное, важное, что сложилось в наших долгих, честных с тобой отношениях, никогда не уйдет из моей души, не может из нее уйти.

Молю бога о твоем покое и здоровье, о том, чтобы все было хорошо в жизни Феди.

Целую тебя, Вася.

12. II.58

234

16 февраля 1958, [Ленинград]

Дорогая Люся, получил твое письмо. Люсенька,

ты права, — мне бесконечно больно и бесконечно тяжело знать о том, что я причиняю тебе боль, и ты ведь знаешь это. Мысль эта не дает мне покоя, и незачем ее скрывать ни от тебя, ни от себя. Но я снова говорю тебе, что не легкомыслие и не блажь заставили меня пойти той дорогой, какой я пошел.

Что будет дальше — покажет будущее. Ты знаешь, и поэтому незачем говорить тебе об этом, насколько для меня дороги и важны отношения с тобой, насколько мне важно сознание, что я могу приносить тебе не только горе, но и нечто хорошее, быть хоть в чем-нибудь поддержкой тебе. Но прошедший год показал, что часто получалось, что наши отношения были поддержкой больше для меня, чем для тебя, и что ты от встреч со мной получала больше волнений, страдания, чем покоя и утешения. И мысль об этом мучит меня. Поэтому я прошу тебя, чтобы ты сама решила, нужны ли тебе, принесут ли тебе хоть немного покоя мои письма, встречи со мной, когда я приеду в Москву. Я хочу, чтобы только твои, а не мои душевные интересы решили этот вопрос. Может быть, тебе тяжело сейчас получать письма от меня либо видеть меня, когда я буду в Москве. Может быть, твои доброжелатели и советчики

правы, когда советуют тебе то, о чем ты написала мне в последнем письме. Повторяю, Люсенька, — я хочу, чтобы только твой душевный покой определял это.

Я работаю здесь. Познакомился с медицинским профессором, который взялся меня обследовать и осмотреть. Позвонил я Зощенко и был у него дома, он произвел на меня очень хорошее впечатление, — удивительно милый, особенный какой-то человек.

Был у меня Ларионов[768] в гостинице, рассказывал, как слушатели принимают его чтение «За правое дело», говорит, что все плачут и что сам он при первых чтениях плакал, долго тренировался, чтобы не реветь. Я ему напомнил слова Гейне, что писатель, вызывающий слезы у читателя, делит свою славу с луковицей[769].

Люся, прошу бога, чтобы тебе было легче и спокойней. Бесконечно благодарен тебе за все хорошее, что ты написала мне в своем последнем письме.

---

[768] Примечания: 768

Актер Владимир Андреевич Ларионов (1913–1987).

[769] Примечания: 769

«Принято прославлять драматурга, умеющего извлекать слезы. Этим талантом обладает и самая жалкая луковица. С нею он делит свою славу» (Гейне 1959: 158).

Целую тебя,
Вася.
16 февраля 1958 г.

235

[25 февраля 1958, Ленинград]

Дорогая Люся, получил твоих два письма, — оба написаны на имя И⟨осифа⟩ С⟨оломоновича⟩ — поэтому ты напрасно тревожишься, что одного я не получил.

Меня очень обеспокоило то, что пишешь о своем здоровье. Сегодня утром говорил по телефону с Сёмой, он мне сказал, что ты себя чувствуешь лучше немного, и это меня обрадовало.

Меня тут смотрел профессор, делали кардиограмму, в общем сравнительно благополучно, — коронарных изменений и «событий» в сердечных артериях нет, есть сердечная недостаточность. Несколько хуже с давлением, этот профессор все явления одышки и пр. связывает с давлением, но и оно, в общем, не угрожающее совершенно, — 160–100.

Я работаю регулярно, но перспективы моей работы, как ты знаешь, более чем туманны. Но, конечно, работу надо во что бы то ни стало довести до конца. Получил письмецо от Кати,

настроение у нее среднее, пожалуй, даже ниже среднего.

Люсенька, меня очень тревожит твое здоровье, но мне неловко и стыдно говорить тебе об этом, так как знаю, что для здоровья нужен покой, а я причина твоих волнений и душевной боли. Боже, как бы я хотел, чтобы тебе хоть немного стало спокойней и лучше на душе.

Был я в гостях у Веры Пановой, не помню, писал ли тебе об этом, умная, живая, с очень острой мыслью. Огромная квартира, огромная семья, — у нее трое детей и у мужа двое, все переженились, повыходили замуж и у всех дети — пановские внуки. Муж ее — Дар — очень милый человек.

Вчера у меня был Саша, его жена тяжело болеет, лежит почти все время.

Был я в Петропавловской крепости, заходил в камеру, в которой сидел перед казнью Андрей Желябов: хочется мне о нем написать.

Люсенька, позвоню тебе по телефону.

Целую тебя,

Вася.

Люсенька, пишу эту приписку после того, как поговорили с тобой по телефону, рад очень, что тебе все же лучше и что ты вчера уж выходила, правда к врачу.

Относительно Фединого рождения[770], я помню, конечно, о нем, но мне кажется, лучше нам с тобой встретиться в обычный, будний день, посидеть, поговорить, а на празднике, где будет много людей и где все по-праздничному, — только будет хуже, внесет мой приезд нервность и напряженность, а меньше всего хотелось бы этого в день Фединого рождения.

Лучше, уверяю тебя, спокойней, если я приду к тебе увидеться в обычный день. И Федя будет нервничать, а он заслужил, чтобы этот день прошел без такого рода нагрузок. Думаю, он это поймет, мне кажется, и ты согласишься со мной.

Если б мы до этого дня виделись, то, конечно, было бы уже по-иному, но приезжать прямо на день рождения, мне кажется, не нужно. Поверь, что я в этом вопросе руководжусь лишь одним желанием сделать так, чтобы было лучше, спокойней.

А я приеду через дня два, и мы увидимся на «черствых» именинах, ведь у тебя в холодильнике на неделю угощений после рождений. Целую тебя, Вася.

---

[770] Примечания: 770
Федор Губер родился 1 марта 1931 года.

Переписка во время поездки Ольги Губер в Крым, апрель – июнь 1958

236

Гроссман — Губер 23 апреля 1958, [Москва]

Милая Люся, побывал вчера в гостях у Наташи, и она меня угостила варениками с кашей. Потом пришли Федя с Ирой — были со мной очень милы. Леночка, по обыкновению, смеялась. Вечер провел в беседе с Галиной Петровной[771] и Катей.

Сегодня позвонил на Беговую и узнал от Наташи, что ты прислала телеграмму, благополучно добралась до Коктебеля.

Хочется знать, как ты устроилась, какая погода, как море. Очень советую тебе первые дни не переутомляться длительными походами до Лисьей бухты, а привыкать к новым климатическим условиях постепенно, — ходить не дальше дачи Юнге.

Сегодня днем был у Вити с Кларой. К счастью, им надоело говорить о своем судебном деле. Потом к ним приехала Густа Абрамовна, она очень

---

[771] Примечания: 771
Речь об Анне Петровне Мацук.

плохо выглядит, худая, чувствуется, что больна, — впрочем, может быть, больна старостью, ей ведь около 80 лет.

Густа Абрамовна ссорится с невесткой, которая тоже очень больна (жена покойного Ласи), — спорят они из-за места в крематории рядом с урной Ласи — невестка хочет похоронить там свою недавно умершую мать, а Густа Абр⟨амовна⟩ отвоевывает это место для себя. Вот видишь, спор невесток и свекровей продолжается и в связи с жизнью, и в связи со смертью, — видимо, нет ему конца. Но я надеюсь, что ты и Ира будете исключением и что эта свара перед отъездом забудется и уж не повторится.

Ира с мамой наняли дачу в Расторгуеве[772], но не ту, дорогую, а поскромней — за 2000 руб.

Когда шел с Беговой, встретил Софу Долмат⟨овскую⟩ — она мне сказала, что вопрос о назначении Твардовского редактором в «Новый мир» почти что решен в положительном смысле.

Все же это приятно.

Вчера опубликованы Ленинские премии — по

[772] Примечания: 772

Расторгуево — дачный поселок в Подмосковье, с 1965 года — часть города Видное.

литературе премии никому не присудили[773].

Очень прошу тебя не переутомляться, берегись простуды, не ходи по воде — море, вероятно, еще очень холодное.

Интересно, есть ли улов на юнговском побережье. Как тебе живется у Марьи Степановны[774], удобно ли спать?

Дают ли себя знать твои ушибы?

Буду звонить на Беговую, узнавать, как там и что, есть ли письма от тебя. В начале будущей недели — понедельник, вторник — зайду к ребятам и к ребятенку ребят.

Целую тебя, Вася.

23 апр. 1958 г.

237

Губер — Гроссману 23 апреля 1958, [Коктебель]

23. IV.58 г.

Милый Васенька! Коктебель встретил меня холодом, дождиком и сильным прибоем.

Ехала я хорошо. Было прохладно, и дышать

---

[773] Примечания: 773

Ленинская премия заменила Сталинскую начиная с 1957 года и присуждалась ежегодно 22 апреля, в день рождения Ленина.

[774] Примечания: 774

У Марии Степановны Волошиной, вдовы Максимилиана Волошина.

было легко. Только ночью М⟨ария⟩ С⟨тепановна⟩ плохо спала и пела тоненьким комариным голоском: «Мой милый, дорогой, возьми меня с собой…», думая, что все крепко спят.

Я сразу же по отходе поезда перетащила свои вещи в купе к М⟨арии⟩ С⟨тепановне⟩, и ехали мы втроем.

В Феодосии взяли такси и хорошо добрались до Коктебеля. Правда, тяжести я потаскала — пришлось.

Живу у М⟨арии⟩ С⟨тепановны⟩, наблюдаю за ней: интересный она человек и совсем новый для меня. Вот такой случай: перед ее отъездом в Москву, три месяца назад, приехала к ней молодая женщина, сказала, что она артистка, что у нее никого нет, нет у нее средств к жизни, остановилась она в Феодосии и ищет работу. Как раз М⟨ария⟩ С⟨тепановна⟩ получила 1800 руб. за монографию Волошина — она отдала ей 1000 р., сказав, что пусть она, если сможет, когда-нибудь это сделать, отдаст деньги эти людям в нужде. Теперь же эта женщина встретила М⟨арию⟩ С⟨тепановну⟩ на вокзале в Феодосии, сказала, что нашла место в Алуште, но не имеет возможности уехать на работу, т. к. задолжала хозяйке 200 рублей и нужно ей денег на первое время. М⟨ария⟩ С⟨тепа-

новна⟩ опять дала ей 500 рублей. Когда я стала удивляться всему этому — вид у этой женщины авантюристки, она сказала: лучше я помогу обманщице, чем откажу страдающей, в нужде. Так учил меня Максимилиан Александрович. А мне «Бог подаст», я верю в Бога.

Вот я думаю об этом.

Спала сегодня ночь хорошо. Сплю я под Волошиным. Над моей постелью 15 портретов Волошина. Я нарочно посчитала.

Сегодня ходили по берегу. Море так волнуется, что доходит до самого забора, заливая весь пляж, снося все. Искала камни я в кучах гравия, приготовленного посыпать дорожки, и нашла приличный сердолик. Говорят, что этой зимой были сильные бури, после которых находили хорошие камушки.

Я полна надежд.

Целую тебя, мой родной.

Люся.

238

Губер — Гроссману 27 апреля 1958, [Коктебель]

27. IV.58 г.

Милый Васенька, сейчас М⟨ария⟩ С⟨тепановна⟩

ушла на могилу Волошина с женой Пришвина[775] и ее очередным старичком, мне же поручили готовить обед. Обед готов, т. к. мне помогала ее работница-девочка. М⟨ария⟩ С⟨тепановна⟩ еще не вернулась, обедать без нее я не решаюсь, боюсь.

Хожу каждый день 3 раза за Юнга и до конца нашей территории, но камней хороших нет. Говорят, что зимой было очень много хороших камней, и нашлись люди, понявшие, что камни — это деньги, собирали их. Теперь, наверно, будут продавать отдыхающим.

Говорят, зима была необыкновенно теплая. Теплее, чем сейчас, но были на море сильные штормы. Вчера видела Петю Булыгина (шофер, у которого мы как-то ночевали), он привел, показывал мне большой голубой автобус из Гагр — где дом закрыли, т. к. половина дома упала в море, подбитая штормом. Здесь вся территория разворочена, строятся новые корпуса, копается водопровод. Сегодня должен был прилететь из Москвы директор. Хочу договориться с ним о комнате и поехать на недельку в Крымское Приморье. Завтра утром поеду, похожу и найду себе жилье.

---

[775] Примечания: 775
Вдова Пришвина Валерия Дмитриевна (*урожд.* Лиорко; 1899–1979).

На душе пока тяжко. Надеюсь, что все пройдет.

Как живешь ты? Как Сёма Липкин? Часто ли бываешь на Беговой?

Видела Ваню. У него все в порядке — права вернули. Может водить. Я все же думаю завтра сделать тяжелый путь — пешком до автобуса.

Пиши. Целую,

Люся.

239

Гроссман — Губер 30 апреля 1958, [Москва]

Милая Люся, получил сегодня твое письмо. Очень меня поразило и тронуло то, что ты пишешь о Марье Степановне, — хорошая душа.

На Беговой всё в порядке, Леночка хорошо выглядит, веселая. В доме, видимо, мир. Привез Леночке «Кота в сапогах». Федя получил книги. Приехал я с Письменным, посидели недолго и поехали к Липкину. Липкин сильно худеет, конечно относительно своей прежней необъятной толщины. Он ничего не ест и гостей ничем не угощал.

В журнале «Знамя» (4) появилась статья Мака-

рова, та, о которой ты мне говорила[776]. Статья очень большая, в ней критикуются предисловия к книгам Артема Весёлого, Бабеля, Ивана Катаева и Павла Васильева[777]. Хотя статья жесткая, но достоверно известно, что на издании книг реабилитированных писателей это не отразится — книги будут издаваться, но к ним будут написаны менее хвалебные, более критические предисловия.

С изданием книги Бориса происходит затяжка, издательство перенесло ее издание на 1959 год, а подготовку издания относит к этому году. Произошло это, видимо, из-за того, что до сих пор не утрясли состава сборника. Это, конечно, весьма досадно.

В Москве несколько дней тому назад наступило резкое похолодание, шел снег, и я тревожился, — не добрался ли холод и до Коктебеля. Но вчера снова потеплело, стало совсем по-весеннему, и я уж взял демисезонное пальто.

---

[776] Примечания: 776

Статья Александра Макарова «Разговор по поводу… (Советская литература первых лет революции)» (Макаров 1958).

[777] Примечания: 777

Павел Николаевич Васильев (1909–1937) — поэт; в 1937 году обвинен в принадлежности к «террористической группе», якобы готовившей покушение на Сталина, и приговорен к расстрелу; реабилитирован в 1956 году.

Я много работаю, чувствую, что работа всерьез движется к концу, а о том, что будет, когда закончу ее, думаю мало, — будет еще для этого достаточно времени. Все занимаюсь семейством Штрумов-Шапошниковых, делов мне с ними много, все отношения запутались, пришли всякие беды, в общем, не дай бог никому. Женя Шапошникова приехала в Москву, — помнишь, я тебе говорил, в связи с бедой, которая стряслась с Крымовым. Работа меня увлекает.

Что касается литературно-деловой части моей жизни, то со времени твоего отъезда мне не позвонил ни один человек, — так сообщили мне Наташа и Федя. Зато пока сидел у Липкина, телефон звонил беспрерывно, его контора работает хорошо.

Дня четыре назад был у Сергея Александровича и Марианны. Он действительно очень плохо себя чувствует. Попал я к ним на пельмени, пельмени были, как всегда, отличные. Сергей Александ(рович) сел к столу, сидел хорошо, но когда встал, чтобы пойти в постель, его так сильно шатнуло, что, если б Марианна не успела его поддержать, он, наверное, упал бы на пол. Выглядит он неважно, — бледный, полный.

У Вити с Кларой новая вспышка квартирной

лихорадки. Витю вызывали к судье, и он в присутствии судьи наговорил столько оскорблений юристу, ведущему против него дело, что судья обещал возбудить против Вити уголовное дело за оскорбление.

Люся, милая, очень прошу тебя не совершать чрезмерно длинных походов и беречься от простуд — ведь вода холодная и ветер бывает холодный, а ты после московской теплой квартиры отвыкла от подобных испытаний. Надо во все это входить постепенно.

Заинтересовал меня твой почин в куче гравья. Как говорится — тьфу-тьфу, не сглазить.

Приехал ли кто-нибудь уже отдыхать из «дикарей» в Коктебель — или ты оказалась первой, открыла сезон? Как встретила тебя Лида? Узнала ли что-либо о возможности перебраться на несколько дней в Крымское Приморье? Цветут ли в степи и на горах тюльпаны, о которых ты мне рассказывала?

На Ломоносовском сразу же после того, как потеплело, стало очень пыльно, — тут много строек, — много строительного щебня, песка и пр.

Мы с Липкиным довольно сильно поругались, но теперь помирились, верней, не ссорились, а дулись друг на друга.

О Кугеле и Вене Лободе пока нет никаких новостей, но я надеюсь, что новости будут, и хорошие новости.

Катя в субботу уехала, немного дулась на меня, что я не провожал их. Просит, чтобы я ее встретил. Я догадался почему, — вероятно, хочет, чтобы я при встрече познакомился с Женей[778].

Ох, как был бы я рад, если б у них что-нибудь получилось, очень уж она страдает от отсутствия личной жизни.

Пиши мне, жду твоих «сердоликовых» новостей.

Целую, Вася.

30 апреля 58 г.

240

Губер — Гроссману 1 мая 1958, [Крымское Приморье]

1 мая 1958 г.

Милый мой, любимый Васенька, вот второй день живу в Крымском Приморье. Устроилась я в очень милой семье по рекомендации Елизаветы

---

[778] Примечания: 778

Возможно, речь о режиссере Евгении Николаевиче Фоссе (1921–1970).

Ивановны[779]. Живу я на территории санатория, потому ходить мне до моря недалеко. Вчера ходила с 7 утра до 6 вечера, была в Козах, но там ничего нет. Очень устала. Сегодня же дул очень холодный ветер, и я, пройдя Лисьи, шла домой. Была уж на полпути к дому, как встретила Осееву и прошла с ней обратно. Очень устала и продрогла. Хотелось бы согреться ромом, но им завладела Мария Степановна; было неудобно взять у нее. Вообще легче на душе и дешевле жить у «маленьких» людей, а не у вдовы поэта.

Камешки у меня уже есть. Правда, не «ах», но неплохие, думаю, что есть 2–3 штуки для первой коробки. Например, я нашла в Коктебеле огромный сердолик, и хотя он «грубиян», типа лягушки, но так велик, что я надеюсь, что ты его пустишь в первую коробку. Есть и неплохие агаты и сердолики. Правда, «люкса» нет, но я все еще надеюсь.

Получила твое письмо. Спасибо, мой хороший, я так рада была его получить. Что делать мне, дуре, я так тоскую без тебя, но реветь стала меньше.

Не знаю, будет ли оказия съездить мне в Планерское за письмами. Вечером 28-го Ваня меня

---

[779] Примечания: 779

Елизавета Ивановна Старинкевич (1890–1966) — литературовед, переводчица с французского языка; несколько раз отдыхала в Коктебеле в то же время, что и Ольга Михайловна.

привез сюда, а 11 мая обещал приехать за мной. Уезжая, я договорилась с директором о комнате и двух днях. С 12 мая я буду в доме отдыха. Учти это в смысле адреса.

Здесь я подружилась с пастушкой, которая два года назад приехала из Молотовской области. У нее пять детей и нет мужа. Старшему мальчику 16 лет, он ей помогает пасти коров, трое учатся в школе и маленькая еще девочка. Эта бедная пастушка так меня тронула, когда под Первое мая пекла блины, упросила меня, чтобы я не «брезговала ей» и поела с ними блинов с кислым молоком, и после благодарила меня, а теперь, когда я иду домой, она зовет меня и поит молоком.

Поцелуй Леночку.

Целую тебя,

Люся.

241

Гроссман — Губер 6 мая 1958, [Москва]

Милая Люся, получил твое письмо от 27.IV, где пишешь о том, что собираешься на недельку в Крымское Приморье.

На Беговой все благополучно, все здоровы — Феде предлагают работу в новом институте, с более высоким жалованьем. Он решит эти вопросы

через недельку, — к сожалению, этот институт расположен так же далеко, как его нынешняя работа, и рабочий день в нем восьмичасовой.

Вчера был у брата Ефима. Есть решение комиссии по помилованию — Ефиму сократили срок на 5 лет[780].

Так как ему оставалось 11 лет, то, значит, с сокращением осталось ему сидеть 6 лет. Он пишет, что с зачетами один день за три — ему эти 6 лет превратятся в 2 года. Конечно, это не то, на что мы надеялись, но все же значительное облегчение. Брат его радуется и полон благодарности. В общем, не пришлось выпить приготовленную тобой бутылку отборного коньяка. И все же, все же — не совсем напрасны были надежды.

В воскресенье приехала Катя, говорит, что очень хорошо отдохнула, очень довольна. Всю неделю она просидела дома, подруг не видела, но у нее хватает московских подруг.

В Москве снова собачий холод, боюсь, как бы он не добрался до вас, — ты ведь поехала без демисезонного пальто.

Я много работаю, сильно подвинул вперед все штрумовские дела, — подвинул в том смысле, что

---

[780] Примечания: 780

Об аресте Ефима Кугеля и приговоре ему см. примеч. к письму Гроссмана отцу от 26 марта 1929 года, с. 81.

они совсем уж запутались.

Сёма Липкин сейчас очень занят, сдает большую работу, сегодня мы с ним собираемся погулять часика два. Он продолжает голодать, и это замечательно на нем сказывается — похудел, принял человеческий вид. Правда, чтобы не казаться толстым, ему нужно сбросить еще килограмм 20.

Что дадут твои походы в Лисью бухту? Как и в предыдущих письмах, очень прошу тебя не переутомляться, беречься простуды.

Наташа Роскина прислала мне свою повесть, — мне понравилась она, живо, хорошо написано, видны характеры. Очень хорошо чувствуется характер отца — Роскина, — повесть биографическая[781].

Боясь сглаза, не пишу тебе никаких пожеланий в связи с Крымским Приморьем.

Целую тебя, Вася.

---

[781] Примечания: 781

Наталья Александровна Роскина (1927–1989) — дочь друга Гроссмана Александра Роскина, погибшего в 1941 году. После гибели отца Гроссман написал ей с предложением помощи и затем поддерживал с ней связь до конца своей жизни (Роскина 1980: 69). Перу Натальи Роскиной принадлежат мемуары «Памяти Гроссмана» (Роскина 1980: 99–129).

Повесть, о которой идет речь в письме, — «Детство и любовь» — написана в начале 1950-х годов и в 1956 году принята к публикации в третьем выпуске альманаха «Литературная Москва», который так и не вышел из печати. Фрагменты повести были впервые опубликованы в 2015 году (Роскина 2015).

6 мая 1958 г.
Получила ли два моих предыдущих письма?

242

Гроссман — Губер [Май 1958, Москва]

Милая Люся, получил твое письмо от 1 мая, писанное из Крымского Приморья. Тронул меня твой рассказ о пастушке, кормившей тебя блинами.

Рад, что у тебя появился первый улов. Думаю, что до 11-го ты, живя в Приморье и каждый день бывая в Лисьей, найдешь еще кое-что. Может быть, Федя обточит на станке найденный тобой огромный грубиян, и он превратится в «люкс».

В Москве снова резко испортилась погода, холодище, ледяной ветер, температура 5–6°. Сегодня чуть получше, хотя бы без дождя и немного потеплело. Боюсь, что эта погода докатывает и до вас. Берегись простуд.

Почему не написала мне подробней об Осеевой, как живет, есть ли у нее находки?

Липкин мне сообщил, что прибыли материалы дагестанской антологии, говорит, что для переводчиков будет много работы, обещает к концу месяца дать Феде около 500 строк.

Федя, естественно, очень доволен этим.

Из-за холодища отъезд их на дачу откладывается, да и дико думать сейчас об этом.

Звонил я по телефону Коле на службу. У них благополучно. Виктор Губенков уже плывет вокруг Европы[782].

Я продолжаю свою работу. Чувствую, что штрумовские дела я не так скоро распутаю, как думал, — очень уж они запутались.

Видел Веру Петровну, она очень бесспокоится о судьбе книги Зарудина — боится, как бы макаровская статья не помешала выходу книги.

Федя звонил Пермитину[783], но тот болен, не подошел к телефону.

Приехала ли в Крымское Приморье Елизавета Ивановна?

Видишь, с М⟨арией⟩ С⟨тепановной⟩ все же кое-что верно мы предвидели — не из одних лунных

---

[782] Примечания: 782

Речь о круизе вокруг Европы, подобные путешествия получили распространение с середины 1950-х годов. Первый показательный круиз такого рода состоялся 5 сентября — 3 октября 1956 года.

[783] Примечания: 783

Федор звонил Ефиму Николаевичу Пермитину (1896–1971), члену правления издательства «Советский писатель», по поводу публикации книги Бориса Губера. Именно Пермитин был председателем комиссии по литературному наследию Бориса Губера, в состав которой входил сам Федор Губер, а также Екатерина Строгова и Федор Левин. Постановление президиума Союза писателей СССР о создании комиссии (Протокол № 30 от 11 октября 1956 года) сохранилось в личном архиве Федора Левина.

лучей соткана она. Видела ли ты Лиду?

Пишу письмо, сидя на Беговой, пришел повидать ребят, Леночку. Девчонка чудная, сидит сама, хохочет, заливается. Выглядит она хорошо. Надрала мне хорошенько волосы. Федя очень хорош, внимателен. С переходом на новую работу у него, видимо, ничего не выйдет, останется на старом месте. Ничего, нажмет на переводы. Катя была у меня, видел ее после приезда один раз. Выглядит она хорошо, но настроение у нее довольно кислое.

Рад, что ты уже перебираешься в дом отдыха, после мотания по чужим хатам — очень хорошо пожить, ни у кого не одолжаясь, да еще с большим комфортом. Не переутомляйся слишком большими походами. Жаль, что в такие холода ты не смогла «хлебнуть добрый глоток рома».

Пиши.

Целую тебя, Вася.

243

Губер — Гроссману 9–10 мая 1958, [Крымское Приморье]

9. V.58 г.

Милый Васенька! Сегодня опять все затянуто песком. Камней не нашла, хотя и потеплело

немного. Лицо и руки не проходят и все больше покрываются сыпью. Никогда этого с мной не было.

Получила твое письмо. Как радостно получать от тебя весточку.

Начали понемногу зеленеть деревья, а тюльпаны, которые растут по дороге в Лягушачью и у подножья Святой[784], я тебе засушила, но не посылаю, т. к. мне кажется, что слишком толстое будет письмо.

Из-за чего вы поссорились с Липкиным? Передай ему от меня привет.

Вчера моя пастушка спросила меня: «Наверно, тебе очень много платят за камни, что ты собираешь, что ты так маешься?» Я ей очень долго объясняла, что я собираю коллекцию, и что такое коллекция, и какие бывают, — она послушала и сказала: «Что к чему, вот я всю жизнь с коровами, и, если вижу где коров, я на них только и смотрю, а тебе их не интересно, а мне не нужно твоих камней, какая у кого жизнь».

Послезавтра за мной должен приехать Ваня, и я буду в доме отдыха. Просто стыдно, что я так опаршивела. Ведь каждый раз и сейчас прихо-

---

[784] Примечания: 784

Лягушачья бухта недалеко от Коктебеля и Святая гора массива Карадаг.

дится обходить два мыса до Лисьей по морю; так подмыло море берег, и я простужаюсь.

Я Феде писала, пишу и тебе. Когда я ехала в Планерское в автобусе с рабочими — они очень волновались, будут обратно везти их тоже автобусом или нет. Я спросила сейчас — да, их обратно не везли автобусом. А сидя в автобусе, они говорили: «Вот как нас везут, на прорыв на работу в автобусе, народ смотрит и думает, едут отдыхающие или писатели, а мы выйдем из автобуса, и они увидят, что это ехали советские люди».

10. V.58 г.

Сейчас, любимый мой, вернулась из похода. Нашла несколько милых камушков. В свое время была бы я довольна, а теперь избаловалась, давай мне роскошь, а роскоши не так уж много выбрасывает море, а собирающие есть круглый год. Что-то и мой роскошный сердолик стал мне казаться не таким уж большим. Вот я его обвела. Это лучшая находка[785].

Завтра поеду в Коктебель, но боюсь, что меня такую паршивую отправят к накожнику. Ну будь что будет. Сейчас положила камни в коробку от конфет, что взяла с собой из Москвы. Глядят

---

[785] Примечания: 785
Рядом рисунок с контуром камня.

красиво. В середке огромный коктебельский, а кругом сердолики и агаты.

Будь здоров, мой милый.

Пиши.

Целую тебя,

Люся.

Это уже пятое мое письмо. Не сердись. Я тоскую без тебя. И ничего не могу сделать с собой. Получила две телеграммы первомайские от детей и Фени.

244

Гроссман — Губер 12 мая [1958, Москва]

Милая Люся, получил твое письмо от 5 мая, где пишешь о находке красивого оранжевого сердолика.

Поздравляю тебя, нелегко он тебе дался. Я представляю себе твои походы под ледяным ветром и холодным дождем. Дай бог, чтобы ты не простудилась. Очень уж рискованны в такую погоду многочасовые хождения по берегу. А находке твоей я радуюсь и очень интересуюсь — как же он выглядит, этот новый жилец ящика № 1?

Завтра ты уже, вероятно, переберешься в дом отдыха. Это гораздо спокойней, лучше, удобней. Сходи к врачу, пожалуйста, пусть посмотрит тебя.

Когда будешь снова в Коктебеле, не надо слишком часто ездить в Лисью бухту. Походы до Юнга тоже могут принести тебе хорошие плоды. Надеюсь, что в последние дни у вас там погода стала лучше, — в Москве снова потеплело несколько, дождь перестал, светит солнце. Но ветер все еще холодный.

В День победы был на Беговой — распили с Федей и Станиславом Алексеевичем[786] пол-литра водки (той, что стояла у тебя на подоконнике). Сразился со Станисл(авом) Алексеевичем в шахматы и, по подобию Ботвинника, — выиграл.

Леночка очень мила — смеется, добрая улыбка.

Липкин все худеет, лицо совершенно изменилось, — стало похоже на человеческое. И те признаки слоновой болезни, которые ты усматривала в нем, — ослабели. Очевидно, его раздувало от толщины.

Катя совершенно неуловима — звоню ей и никак не могу поймать. Когда был на Беговой, позвонила Феня, говорила, что получила от тебя письмо, тоже жаловалась, что Катю никак не может поймать.

Спасибо тебе за милые крымские цветочки — я

---

[786] Примечания: 786

Станислав Алексеевич Новиков (1911–1970) — отец Ирины Новиковой, тесть Федора Губера.

их наклеил на лист бумаги — они очень милые. Представляю, как хороши они живыми.

Ты в своем письме к ребятам пишешь, что у тебя выступила какая-то сыпь на руках, — прошла ли она? Может быть, от молока? Спроси у коктебельского врача. Может быть, простудное?

Я продолжаю свои труды. Вчера вечером гуляли с Липкиным по Москве, сидели на бульваре, — теперь ведь с ним в рестораны нельзя ходить — голодающий схимник.

У Феди с переходом на другую работу ничего не вышло пока.

Но он не очень огорчен.

Наблюдал его 9-го в кругу Ириной семьи. Отношения хорошие, он с ними очень ласков, они с ним тоже. Но чувствуется, не скрою, что среда эта духовно ему чуждая, мещанская совершенно. Печально несколько, что сам он этого не ощущает, лицо сияет, — он счастлив в своей семейной жизни, очень любит Леночку, а в Иру влюблен. Ну и слава богу, что так.

С Наташей у них, по моим наблюдениям, отношения хорошие — Наташа радушна, не дуется. Коты и собака чувствуют себя хорошо — не угнетены.

Следила ли ты по газетам за историей с Ле-

нинскими премиями по литературе? Комитет отказал в премиях Шолохову и Стельмаху («Кровь людская — не водица»)[787]. Это вызвало большое недовольство. Читала ли о конфликте с югославской коммунистической партией?

Видимо, расхождение серьезное. Сегодня есть в газете, что визит Ворошилова в Югославию откладывается.

Литературных событий нет никаких. Художник Бетехтин приступил к работе над иллюстрациями к «За правое дело». Прислал мне свой план — мне понравилось. Портреты Вавилова, Сережи, Штрума, Крымова, Лены Гнатюк, Филяшкина. Посмотрим, что у него получится.

Получила ли ты мое письмо, где пишу о Кугеле, — ему простили 5 лет.

От Вени пока ни слуху ни духу.

Напиши мне, кто в доме отдыха, есть ли знакомые, приятные тебе люди?

Береги здоровье, не переутомляйся чрезмерными походами. Хорошо бы тебе при походах в Лисью отправляться в компании, а не одной.

---

[787] Примечания: 787

Михаил Шолохов и Михаил Стельмах получат Ленинскую премию в ближайшие годы: Шолохов в 1960 году за роман «Поднятая целина», а Стельмах в 1961 году за трилогию «Хлеб и соль» (1959), «Кровь людская — не водица» (1957), «Большая родня» (1949–1950).

Пиши.
Целую тебя,
Вася.
12 мая

245

Губер — Гроссману 13 мая 1958, [Коктебель]
13. V.58 г.

Милый Васенька! Получила твое третье письмо от 8 мая. Огорчил ты меня очень, что Ефиму еще придется пожить вдали несколько лет. Я все ждала телеграммы, что вы пьете заветный коньяк.

За мной 11-го приехал Ваня. Одиннадцатого ночевала у Марии Степановны. Вчера утром оформляла путевку и второй день наслаждаюсь тишиной, мягкой постелью и всеми возможными в доме отдыха удобствами — могу даже мыться вволю, чего нельзя было эти 20 дней, т. к. воду носят ведрами, да и плескаться очень негде. Живу в комнате, которую хотела, одна, да и вообще 2 дня была одна «на палубе», завтра заезд, может, кого поселят здесь, но в комнате у меня стоит одна кровать — значит в комнате я буду одна.

Вчера народу приехало всего 18 человек. Очень занятно и смешно их встречал дом отдыха наш: перед приходом автобуса из Феодосии на ска-

мейке сидел Тараканов (хозяин), приехавший из Москвы встречать дорогих гостей, а на табурете боянист, игравший что-то колхозное. Словом, все «на высоком уровне». Словом, «тот стиль» сейчас лежит здесь на всем. Сижу я за столом с девушками и ребятами в возрасте от 20 до 30 лет, почти все приехали по обменному фонду. Писателей пока нет.

Вчера я весь день сидела на террасе в качалке, читала и смотрела на Хамелеон[788] и море.

Читала ужасный сценарий Бубеннова во втором номере журнала «Москва»[789]. Читать себя я заставляла, чтобы знать, как нужно теперь писать, чтобы печататься. Когда читать этот шедевр было невмоготу — читала рассказы Честертона.

Сегодня утром прошла по берегу — ничего абсолютно нет. Я стараюсь поменьше ходить по ветру, чтобы поджило немного лицо, а то в Крымском Приморье я его каждый день бередила в больших походах. Второй день на солнце жарко, а ветер

---

[788] Примечания: 788

Хамелеон — мыс к востоку от Коктебеля.

[789] Примечания: 789

Литературный сценарий Михаила Бубеннова «Бессмертие» (Бубеннов 1958). Михаил Семенович Бубеннов (1909–1983) — писатель, журналист; активный участник «борьбы с космополитизмом»; лауреат Сталинской премии (1948) за военный роман «Белая береза» (1947); автор разгромной статьи о романе «За правое дело», вышедшей в феврале 1953 года и положившей начало травле Гроссмана (Бубеннов 1953).

холодный. Я очень рада, что за один день дома болячки стали подсыхать, хотя и сейчас вид мой ужасен.

Очень много радости доставляют мне камни, найденные в Лисьей и Пещерах[790]. Сижу смотрю на них, и нервы успокаиваются. Все же, как лицо подживет, я раз-другой съезжу в Крымское Приморье. Здесь все зазеленело. Цветет сирень.

Будь здоров. Что-то ты ничего не пишешь о своем здоровье. Пиши.

Целую. Люся.

246

Губер — Гроссману 14–15 мая 1958, [Коктебель]

14. V

Милый Васенька! Сегодня день заезда, но никого знакомого не приехало. Приехало только 12 человек. Всего в доме отдыха 42 человека. Возможно, 16 и[ли] 18 еще приедут. У меня на «палубе» в комнате, где всегда живут Куприяновы[791],

[790] Примечания: 790

Бухта недалеко от Коктебеля: в дальнейших письмах будет также названа Пещерной бухтой или просто Пещерной.

[791] Примечания: 791

Художник Михаил Васильевич Куприянов (1903–1991) с женой Лидией.

поселилась отвратительная пара[792], но надеюсь, уйдут, т. к. им здесь мала комната — они оба хотят работать. Муж похож лицом на Маркова[793], но противный. Первое, что сделал, — кинулся в объятья к Тараканову, и Тараканов от него не отходит — все время всем, вплоть до уборщицы, он твердит, что месяц назад он был в Чехословакии и там то, то. Надел светло-синюю пижаму и красные туфли комнатные.

Жена тоже тощая, некрасивая.

Сегодня у Марии Степановны горе, кто-то ночью убил Бобку. Мне очень его жаль, он только что поправился, а когда мы приехали, он очень болел. Остался один, Рябчик. Помнишь, как Бобик поднял ножку на ноги т⟨ете⟩ Тасе?

Сегодня, после холода, ударила жара. В тени 28°. Я уже не могу ходить вечером у моря, жарко, хотя утром в 6 часов ходила еще. Завтра утром опять пойду, хотя камней здесь нет.

15. V.58 г. Ну вот, мой родной, вернулась с утреннего похода, — конечно, ничего. Так тянет

---

[792] Примечания: 792

Речь о писателе и драматурге Николае Александровиче Равиче (1899–1976) и его жене Нине Дмитриевне Степановой (1908–1998).

[793] Примечания: 793

Предположительно, речь о писателе и журналисте Георгии Мокеевиче Маркове (1911–1991).

обратно в Лисью и дальше. Сегодня немного прохладней, легче дышать. Сижу и любуюсь своими камешками — любоваться есть чем.

Немного подживет лицо — опять буду ездить в Крымское Приморье.

Пиши. Будь здоров.

Целую,

Люся.

247

Гроссман — Губер 16 мая 1958, [Москва]

Милая Люся, последнее письмо от тебя было датировано 5 мая.

Перебралась ли ты благополучно в Коктебель, какую комнату дали тебе, здорова ли ты? Вчера был на Беговой — ребят не видел, они должны были прийти попозже, а я спешил на заседание комиссии по литературному наследству Лежнева[794]. Оставил им «в знак своего пребывания» торт.

25-го они переберутся на дачу. Леночка встре-

---

[794] Примечания: 794

Критик и литературовед Абрам Захарович Лежнев (1893–1938), как и ряд других участников литературной группы «Перевал», был арестован в 1937 году и обвинен в том, что якобы состоял в «антисоветской контрреволюционной террористической организации»; расстрелян в 1938 году в Коммунарке, реабилитирован в августе 1956 года.

тила меня приветливо, она загорела, смеется.

У нее новое — не хочет ни у кого сидеть на руках, только у Наташи, плачет, когда Наташа ее передает Фире Ароновне.

В заседании участвовали — Любимов, Горбов[795], Феня, Липкин и я. После заседания нас пригласили к ужину. Маргарита очень мила, хорошо нас угощала[796]. Выпили основательно Горбов и я, он, подвыпив, оказался очень милым, остроумным, образованным собеседником. Понравились мне дети — они какие-то не совсем обычные дети, особенно это заметно на мальчике — крошечка, а лицо серьезное, глаза большие, взрослые, печальные, а потом вдруг начнет хохотать.

Твои камушки у Маргариты лежат в большом почете, на стеклянных круглых блюдах. Вообще, мне у них понравилось, хорошие люди, — обстановка без «сервантов», интеллигентно, просто.

В Москве стало значительно теплей, надеюсь, и у вас потеплело основательно.

---

[795] Примечания: 795

Переводчик Николай Михайлович Любимов (1912–1992) и критик и литературовед, перевалец Дмитрий Александрович Горбов (1894–1967).

[796] Примечания: 796

Заседание комиссии состоялось дома у Николая Любимова: его жена — переводчица Маргарита Романовна Любимова (Кессель), дети — Елена (1941–2001) и Борис (р. 1947).

Наконец нашлась Катя, позавчера была на Ломоносовском[797]. Она гораздо лучше стала, — спокойней, веселей, без постоянно вздыбленных нервов.

Был у меня Райский, нашел, что я в общем ничего, в норме.

Он в восторге от Липкина, который худеет не по дням, а по часам. Вчера худой Липкин взвешивался, оказалось 89 кило. А рост у него 163, значит лишних всего 26 кило. Но до голодовки он весил около 100 кило.

Спрашивал Райского о Замойском[798]. Говорит, что он безнадежен и уж из больницы не выйдет — водянка и цирроз печени. Жаль его — хороший человек.

Я продолжаю свои труды — всё дела Штрума, Жени. Последние дни доволен работой.

Лена и Лёва (Катины приятели), кажется, окончательно рассорились, собираются в ЗАГСе разводиться. Катин знакомый Женя получил машину, возил ее кататься. Но Катя говорит, что

---

[797] Примечания: 797

В ответ на просьбу Гроссмана об отдельном жилье для работы Литфонд выдал ему комнату в коммунальной квартире по адресу Ломоносовский проспект, 15.

[798] Примечания: 798

Писатель Петр Иванович Замойский (1896–1958) был соседом Гроссмана и Губер по Беговой улице.

он так нервничал и чертыхался, ведя машину, что она обрадовалась, когда прогулка кончилась. Она была в гостях у Мариши — в генеральских пятикомнатных хоромах. Генерал ей понравился — говорит, умный.

Да, она наконец отвезла брюки Берте Горелик!

Как тебе живется в коктебельском доме, пиши, кого видишь, как каменная агатово-сердоликовая эпопея? Здорова ли? Прошла ли сыпь на руках и на лице? Чем она была вызвана?

Целую тебя,

Вася.

16 мая 1958 г.

248

Губер — Гроссману 18 мая 1958, [Коктебель]

18. V.58 г.

Милый Васенька! Вчера получила твое письмо от 12 мая. Позавчера была в Крымском Приморье. Было очень жарко, камни смыты, но я все же нашла кое-что, т. к. лазила по воде. Когда шла обратно, встретила Елизавету Ивановну — она только в этот день приехала, т. к. болела у нее дочка. Сегодня опять сильно волнуется море — утром ходила, ничего не нашла, но вообще не унывай, в этом году у меня чудные камни, хотя

и «люкса» еще нет. Очень рада, что тебе нравится внучка Леночка, только бы не желала ей много хохотать, как бабушка ее в детстве и молодости, а то слишком много за то горя и слез в старости. Только бы не была она однолюбкой — ох, как это тяжело, когда любимый предает.

Сыпь моя почти прошла — это была простуда. Рада, что Липкин даст Феде работу. Огорчает история с Бориной книгой. Может быть, ты позвонил бы Козлову[799] — если Пермитин ничего не делает.

Лида купила корову, но живет не весело. Николай пьет. Сегодня рассказывала мне, что на днях Николай стал ее бить, Павлик вступился, тогда Николай схватил палку и кинулся на Павлика, Павлик сломал палку и стал драться с отцом. Словом, весело.

Передай привет Липкину. Я очень рада, что он похудел, но неужели он выдержит так долго?

Сегодня опять приезд был. Опять никого знакомых, вообще народу еще мало. Из тех, кого

---

[799] Примечания: 799

Иван Тимофеевич Козлов (1909–1987) — литературный критик; редактор романа «За правое дело» в «Новом мире», защищал роман на обсуждении в секции прозы Союза писателей в октябре 1952 года (Берзер 1990: 148–149). В 1958–1964 годах первый заместитель председателя правления издательства «Советский писатель» Николая Васильевича Лесючевского.

я видела в прошлые годы, только чета Поповских[800]. Много матерей с детьми, но никого знакомых. Попутчиков в Крымское Приморье нет, никто не хочет такие большие концы делать, да и голодать целый день.

Получила письмо от Фени. В доме отдыха отдыхаю, много читаю. Сейчас читаю №№ 2 и 3 журнала «Москва». Читала стихи Заболоцкого. Было очень больно. Ох, Васенька, Васенька, что ты наделал. Старые люди должны быть больше людьми, чем молодежь, а ты не был человеком.

Ты ничего не пишешь мне о своем здоровье. Как ты себя чувствуешь? У меня с жарой стали очень отекать ноги и покалывать сердце. Пишу карандашом — кончились чернила в ручке. На «палубе», где живу я, в обоих комнатах мамаши с детьми. Очень шумные. Драматург переселился в новое здание — в котором есть канализация, и вообще роскошь.

Будь здоров.

Целую,

Люся.

---

[800] Примечания: 800

Писатель Александр Данилович Поповский (1897–1982) и его вторая жена Ольга Ивановна.

249

Гроссман — Губер 19 мая 1958, [Москва]

19 мая 58 г.

Милая Люся, получил вчера два твоих письма — одно от 9.V из Крымского Пр(имо)рья, второе от 13.V из Коктебеля.

Очень рад, что ты устроилась удобно, что в комнате нет у тебя неприятных соседей и что твои болячки сразу пошли на поправку. Не езди слишком часто из Коктебеля в Лисью, это чрезвычайно утомительно.

Вчера вместе с Липкиным, гуляя, зашли на Беговую. Должен сознаться, что выпил красный стаканчик заветного коньяку. Федя пил пиво, а Липкин съел апельсин.

Он просит передать тебе привет. Вчера выяснилось, что поездку, которую мы предполагали совершить, начальство откладывает на август. В августе я, очевидно, не поеду. Там стоит тропическая жара в это время, которую выносить очень трудно. Жаль, т. к. поездка эта кое-что могла дать для моей работы.

Федя и Ира собираются перебираться на дачу на этой неделе, через день-два. Погода, к сожалению, снова испортилась, похолодало, и беспрерывно

льет дождь.

Вчера звонил Колдунову, он несколько поправился, начал выходить на улицу. Проболел он в общем около 3 месяцев. Спрашивал, как тебе живется в Коктебеле, просил тебе передать привет.

Созвонился с Катей, заглянет ко мне завтра. Я звонил ей с Беговой в течение часа и 10 минут — все время телефон был занят, — она 70 минут подряд беседовала с подружкой.

Федя выглядит хорошо. Леночку не видел, она уже спала. Липкин подтвердил Феде, что к концу мая даст ему большую переводческую работу. Федя сияет — знаешь его улыбку, во все лицо.

Да, конечно, очень печально, что так получилось с Ефимом. Но хорошо, что хоть кое-что удалось сделать. И если он будет здоров и, следовательно, все время работать и получать зачеты — мы его увидим через год и 9 месяцев.

О своем здоровьи я тебе писал уже — Райский находит, что все в норме, но, конечно, настаивает, чтобы я бросил курить. Говорит, что куренье неминуемо будет обострять астму.

Работаю я по-прежнему много, сильно подвинул работу вперед. Но до конца еще далеко, хотя конец уже виден.

Новостей в литературном мире никаких нет,

да и в нелитературном тоже не знаю никаких. Вообще тихо, как обычно бывает в летнее время.

Видаюсь из писателей только с Липкиным. Письменный уехал на 2 недели в Ленинград.

Прочел приятную книжку американского писателя Сарояна[801], — рассказы. Очень мило он пишет о детях и детстве.

Зачем мучилась, читая Бубеннова, да еще на берегу моря? От одного такого чтения может у тебя снова высыпать сыпь.

Был на днях у Вити с Кларой. Снова было заседание суда, и снова решение принято не в их пользу. Они, конечно, на этих судах потеряют больше здоровья, чем от потери комнаты.

Неужели ни один писатель не приехал в Коктебель? А путевку для тебя давали, словно это было необычайно трудно. Меня очень рассмешила описанная тобой встреча отдыхающих с гармошкой. Неужели додумались до такой глупости?

Камень, который ты очертила, не такой уж маленький, хотя, конечно, это не гигант.

Напиши, как себя чувствуешь, прошла ли окончательно сыпь на лице. Если при доме отдыха есть доктор, обязательно покажись ему.

---

[801] Примечания: 801

Книга с рассказами Уильяма Сарояна «60 миль в час» вышла в издательстве «Детгиз» в 1958 году (Сароян 1958).

Пиши.
Целую тебя,
Вася.

250

Губер — Гроссману 20–22 мая 1958, [Коктебель]
20. V.58 г.

Милый Васенька! Хочется говорить с тобой, видеть тебя, но я хотя пишу тебе очень много. Завтра собираюсь поехать в Крымское Приморье. Здесь абсолютно ничего нет. Сегодня дует ужасный ветер — сваливает с ног, — не знаю, что будет завтра. Получила сегодня открытку от Сусанны. Пишет, что сняла в Абрамцеве дачу из 4 комнат и террасы, меблированную, с паровым отоплением и большим участком за 3 тысячи. Зовет меня к себе.

Осееву больше не видела. Она после 20-го должна была ехать в Москву. Вообще она была единственный раз, когда встретила меня, в Крымском Приморье. Все работала и болела, кроме того, машина их совсем сдала.

Думала, что Поповские меня не узнают, все старалась не смотреть на них, но сегодня Поповский подошел и поинтересовался, почему я без мужа, сказала, что по веснам ты не ездишь

в Коктебель.

22. V. Вчера, мой любимый, была весь день в Крымском Приморье и очень устала, потому не окончила письмо. Поехала в ветер, а ветер разбушевал море, т⟨ак⟩ что я нашла только 3 камушка для второго сорта.

Сильно промокла, т. к. море билось о скалы и приходилось идти по воде, а волны обдавали всю, отделалась небольшим насморком.

Сейчас чудный, милый теплый вечер, сижу на террасе и пишу. Вчера приехала Воронкова[802], и провела с ней весь сегодняшний день. Она жила в Ялте и на неделю приехала сюда — это первый знакомый мне человек. Вчера приехала Дьяконова (Цехновицер), она каждую весну отдыхала здесь с девочкой[803]. Очень милая. Я спросила ее, почему нет в этом году Фоменко[804]. Оказалось, у него умерла зимой жена. Он остал-

---

[802] Примечания: 802

Любовь Федоровна Воронкова (1906–1976) — писательница, автор книг для детей и подростков.

[803] Примечания: 803

Редактор и литературовед Евгения Юрьевна Хин (1905–1970) в первом браке была замужем за литературоведом и писателем Орестом Вениаминовичем Цехновицером, во втором — за востоковедом Михаилом Михайловичем Дьяконовым. Ее дочь — Елена Михайловна Дьяконова (р. 1948).

[804] Примечания: 804

Писатель Владимир Дмитриевич Фоменко (1911–1990).

ся с двумя детьми и очень тяжело переживает потерю жены. Мне очень жалко ее — она была очень хорошая, но у нее было большое давление. Ей было всего 36 лет.

Удивляюсь, почему не получили вы писем из Крымского Приморья, которые я писала числа 8–9-го. Мне очень нравится мальчик Маргариты — очень умный. Девочка проще. Рада, что здоровье твое в норме. Курить бросил? Сегодня взвешивалась, вешу — 78 кг! Много ем хлеба, а то была бы много легче.

Будь здоров.

Привет Липкину.

Целую,

Люся.

251

Гроссман — Губер 25 мая [1958, Москва]

Милая Люся, получил твоих два письма, они опять пришли одновременно. Вчера заезжал за ними. Комнаты в узлах и корзинах, предстоит сегодня переезд на дачу. И пора! Наступили настоящие летние дни, сегодня термометр показывает 29°. Федя и Ира довольны, радуются даче. Леночка загорела, выглядит хорошо. Стала, говорят, забиякой, бьет рукой всех маленьких во

дворе, с которыми гуляет.

Накануне Федя с Ирой были на Венском балете[805], одобрили.

В понедельник они собираются пойти в ресторан отметить полтора года совместной жизни.

Звонил Кате, но ее не было дома.

Если раньше тревожило, что ты можешь простудиться на холодном ветру и от холодной воды, то теперь не меньше тревоги внушает наступившая в Крыму жара. Пожалуй, больше даже. Ни в коем случае не следует тебе ходить днем, по солнцу — это хуже всякого холодного ветра.

Судя по твоим словам: «Любуюсь камнями, а любоваться есть чем», — твой улов нынешнего года богатый, и незачем через силу ходить на поиски, лучше уж отдыхай немного, побольше сиди с книжкой в тени!

У меня по-прежнему никаких новостей нет, — никаких писем, звонков, редакционных предложений.

Продолжаю работу, конец уж виден, да за концом этим, к сожалению, не видно ничего обнадеживающего. Кому из редакторов понесу я свою законченную работу? Часто теперь задумы-

---

[805] Примечания: 805

В мае — июне 1958 года в Москву с гастролями приезжал Венский балет на льду «Сильвия» (Венский 1958).

ваюсь над этим. Не думаю только, когда работаю. Это и помогает работать.

Вчера звонил по телефону Фене, говорила, что письмо от тебя получила. Сегодня она собирается на кладбище, к Сарре, после кладбища думает зайти к Кате. Но для этого Катю надо застать дома, это не так легко.

Гуляли вчера с Липкиным, он все еще держится, — голодает, продолжает худеть. Знаешь, странно с ним, — видимо, он был невероятно толст, так как сейчас, глядя на него, одновременно думаешь: боже, до чего ты похудел; боже, до чего же ты толст, хотя и похудел. Он просит кланяться тебе.

Завтра Федя уже получит на руки работу по переводам, редактором у него будет Иринин — помнишь, милый старый человек, который жил с нами в Коктебеле?

Представь, сейчас в Москве театральная сенсация — Алиса Коонен играет в ибсеновском «Привидении»[806]. Все ходят на нее смотреть и, говорят, плачут. Я-то не пойду — помню, как мы с тобой ее видели в «Чайке» и от стыда глаз не могли поднять — ни одного правдивого слова,

[806] Примечания: 806

В этой постановке Литературного театра при ВТО Коонен сыграла фру Альвинг (см., напр.: Тихомиров 2011: 288).

естественного жеста, да и старость для актрисы, играющей Нину Заречную, — не тетка[807].

Вряд ли за десятилетия, прошедшие с того спектакля, она стала моложе и лучше. Но, конечно, приятно, что человек не сдается, вновь вышел на сцену.

Заходил ко мне Слуцкий[808], читал стихи, он очень талантлив, — мне он нравится больше всех поэтов нашего времени. Вчера он уехал в Крым.

Позвоню Козлову по поводу книги Бориса. Мне кажется, что беспокоиться нечего — оттяжки же неминуемы. Вот и Артем Весёлый — издание движется, издание будет, но темпы совершенно черепашьи, и сделать тут ничего нельзя.

Берегись жары. Пиши.

Целую тебя,

Вася.

25 мая

252

Губер — Гроссману 25 мая 1958, [Коктебель]

---

[807] Примечания: 807

Премьера «Чайки» в Камерном театре Таирова состоялась в 1944 году. Алисе Коонен было тогда 55 лет.

[808] Примечания: 808

Поэт Борис Абрамович Слуцкий (1919–1986) в конце 1950-х годов был соседом Гроссмана по Ломоносовскому проспекту.

25. V.58 г.

Милый Васенька! Получила твое письмо от 19 мая. Если б ты знал, если ты был однолюбом — ты понял меня. Я так тоскую по тебе, хотя и не хочу этого, и борюсь всеми силами с этим, но ничего сделать с собой не могу — все понимаешь, а делать так, как нужно, не можешь. Такая тоска, и не по сыну, и не по внучке, а только по тебе. Хотела пробыть до 20 июня, но не выдержу и приеду по окончании путевки.

Здесь сейчас на неделю приехала из Ялты Воронкова, и я с ней провожу время. Много интересного она рассказывает о людях, которых я знала, но совсем иначе представляла их, чем они есть. Словом, я вижу, что дожила до старости, а осталась доверчивой дурой, всем видно.

Например, она рассказывала о Н⟨иколае⟩ Лукине[809], который когда-то приходил к тебе в Брюсовский и потом не узнавал тебя, — он теперь женат на ее подруге и страшно ее угнетает. Сын же этой подруги (фамилия ей Могилевская)

[809] Примечания: 809

Николай Васильевич Лукин (1907–1966) — писатель, по первой профессии горный инженер.

женился на дочери Лукиных[810].

В Лисьей бухте бываю через два дня, хотя и очень это трудно. Последний раз я насилу дошла до шестичасового автобуса в Щебетовку, потом очень болело сердце. Но здесь я честно хожу утром и вечером, но ничего не нахожу. Завтра едет в Москву Воронкова. Я передам с ней письма и попрошу позвонить на Беговую, рассказать, как нашла она меня.

Здесь вчера Поповский скандалил, что нет семейного пляжа, только женский и мужской, а он хочет лежать с своей женой рядом, Литфонд же так не чуток и лишает его этого удовольствия, что он будет жаловаться. Но сегодня он и Равич (драматург, о котором я тебе писала) явочным порядком лежали с своими женами на пляже дамском, несмотря на протесты женщин.

Два дня назад, когда была в Лисьей, видела Елизавету Ивановну, она очень звала к себе, но знаешь, у меня что-то не лежит больше к ней сердце, после того как пастушка сказала, что Е⟨лизавета⟩ И⟨вановна⟩ прислала ей из Москвы

---

[810] Примечания: 810

Софья Абрамовна Могилевская (1903–1981) — писательница, автор книг для детей и подростков. В первом браке, с инженером Александром Ароновым, репрессированным в 1941 году, у нее родился сын Михаил. Ее второй муж — писатель Николай Лукин.

хорошую книгу для племянника: Бабаевского — «Кавалер Золотой Звезды»[811].

Сейчас цветет белая акация и розы. Сейчас читаю Куприна. Люблю я его. Хороший писатель.

Сейчас сильный туман. На берег не пойду и завтра, наверное, если будет такая погода, в Крымское Приморье не поеду.

Поеду, наверное, или во вторник, или среду.

Будь здоров.

Привет Липкину.

Целую,

Люся.

253

Губер — Гроссману 28 мая 1958, [Коктебель]

28. V.58 г.

Милый Васенька! Вчера была в Лисьей, только в Лисьей, потому что поехала поздно. Неожиданно решила поехать, вернее, доехать до Крымского Приморья с нашей экскурсией, едущей на Кара-Даг, так что в Лисьей была только в 12 часов.

---

[811] Примечания: 811

Соцреалистический роман «Кавалер Золотой Звезды» (1948) Семена Петровича Бабаевского (1909–2000) представляет собой идеализированный рассказ о восстановлении колхоза, разрушенного войной. В 1949 году Бабаевский получил за этот роман Сталинскую премию первой степени.

Идти дальше не было времени, кроме того, поднялся сильный ветер, море смывало камни, и я прошла 2 раза Лисью и поехала домой. Нашла несколько камушков. Вообще все ахают, кто видит мои камни, говорят, что у Миронова[812] никогда таких не было, что вся московская коллекция Кокорекина хуже, но я ничего не пойму, мне хочется лучших.

Здесь сейчас много народу. Обедают уже в 2 смены, но все новые почти люди, больше с детьми.

Очень уговаривает меня Мария Степановна пожить у нее хотя две недели, но меня тянет в Москву.

Сейчас сижу у себя на палубе, тихий теплый вечер, море, бушевавшее целый день, успокаивается. Смотрю на море, на горы, на многие десятки ласточек, которые вьются передо мной низко в небе. Они воюют всё с воробьями, которые пытаются захватить их гнезда. Скворцы же заняты работой — кормить семейство и все время прилетают к гнездам с гусеницами, а из гнезд появляются вопящие желтые рты.

Акации белые, но они не только белые, но есть и розовые, розовые просто, розовые махровые

[812] Примечания: 812

Вероятно, речь о писателе Александре Евгеньевиче Миронове (1910–1992), который с 1950 года жил в Коктебеле.

— так пахнут, что кружится голова. Розы всех цветов. Хорошо сейчас здесь. Больно, что ты не можешь видеть красоту здешней весны.

Народу здесь летом будет очень много — дома все строят, комнаты сдают, пансионат вырос до самого моря.

Огорчил меня ты, мой любимый, что не бросил курить, — ведь сейчас ты со своей любовью, и ей некуда от тебя уйти, значит, ты должен быть счастлив и должен бросить курить.

Что-то нет давно от тебя письма. Позавчера послала тебе письмо с Воронковой.

Сегодня получила письмо от ребят, вчера от Маруси. Маруся пишет, что хотя и сознает, что ты гадко поступил, но любит тебя.

Надоедают мне очень посетители смотреть камни, но ничего не поделаешь, нужно людям доставлять удовольствие. Да, удовольствие — я часами смотрю на них и не могу наглядеться и хочу найти еще лучше.

Будь здоров.

Целую,

Люся.

254

Гроссман — Губер 29 мая 1958, [Москва]

Милая Люся, получил твое письмо, где пишешь, как в сильный ветер ездила в Лисью бухту.

Здесь наступила очень жаркая погода. Я подумал, не лучше ли тебе, чтобы избежать мучительной духоты в вагоне на обратном пути, полететь самолетом. За 6 часов будешь в Москве. Подумай об этом, так как, если до твоего отъезда не похолодает, в дороге будет тебе непосильно жарко и душно.

Ребята — Федя, Ира с дочкой — уже на даче. Успели перебраться до прихода жары. На Беговой тоже чувствуется духота, хотя кругом зелень. Я посоветовал Наташе до твоего приезда вставить окна с сеткой, а то через марлю ветерок не проходит.

Была у меня Маша, принесла газету «Литература и жизнь», в которой помещена совершенно пасквильная, возмутительная по разухабистому тону статья о Ване, вернее, о вступительной ста-

тье к Ваниной книге[813].

Я решил это дело не оставить, а написать письмо в редакцию. Звонил по поводу Бориной книги Левину, его не было, но Валя, которая в курсе дел, сказала, что там никаких серьезных причин переноса на 59-й год нет, а лишь технические. Звонил Козлову по этому поводу, но не дозвонился, буду еще звонить ему.

Худеющего Липкина не вижу, он закрутился в вихре своих дел.

Да, между прочим, Валя Левина мне сказала, что Леночку[814] уже распределили в Москву, в научно-исследовательский институт. Они, конечно, счастливы.

Маша Катаева прекрасно выглядит, у нее сейчас гостит внучка[815] с Ларисой Дмитриевной, живут на даче, под Москвой.

---

[813] Примечания: 813

Вступительная статья к «Избранному» Ивана Катаева была написана литературным критиком Вениамином Цезаревичем Гоффеншефером (Катаев 1957: 3–25). «Пасквильная статья», о которой пишет Гроссман, принадлежит перу Федора Власова, она вышла в газете «Литература и жизнь» 25 мая 1958 года (Власов 1958).

[814] Примечания: 814

Елена Федоровна Левина (1936–2018) — дочь Федора Левина и Валентины Журавлевой; химик, переводчица.

[815] Примечания: 815

Елена Георгиевна Катаева (р. 1953) — дочь Георгия Ивановича Катаева и Александры Абрамовны Венгер-Катаевой.

Ты не жалуешься на жару, вероятно, у вас было прохладней, чем в Москве, — правда, жарко по-настоящему здесь всего три дня.

Была у меня Катя, у нее, бедной, какие-то нелады с Женей, она очень расстроена. С переводами у нее тоже не очень хорошо — в Гослитиздате отнеслись к ее пробной работе критически. Но все же осенью обещали дать кое-какую работу — переводы с чешского.

Витя с Кларой вчера вторично проиграли дело в Мосгорсуде. Собираются теперь подавать в Верховный суд.

Наташа постригла Пумку, она выглядит смешной, стала совсем маленькой. Когда был на Беговой, Наташа меня угостила отличной окрошкой. Вообще, она со мной хороша, рассказывает все дворовые новости.

Люся, милая, не переутомляйся походами в жару, ведь это непосильно ходить по солнцу десятки километров.

Жалко, что убили Рябчика — калеку. Жутко ты описала драку Лидиного Николая с Павликом.

Почему ты не пользуешься услугами Вани, — пусть отвозит тебя и приезжает за тобой, все же гораздо легче. Ведь ты сама говоришь, что самое тяжелое — это пешком добираться до верхнего

шоссе.

Подумай насчет самолета.

Будь здорова. Пиши.

Целую тебя,

Вася.

29 мая 1958 г.

255

Губер — Гроссману 31 мая 1958, [Коктебель]

31. V.58 г.

Васенька, солнышко мое! Кажется, я вчера нашла камень «люкс». Это большой розовый сердолик, размер его даю[816]. Одна сторона с рисунком, вторая в пятнышках белых от рубашки. Боюсь, что тебе не понравится. Вчера был удачный день, хотя и очень устало сердце. Трудно было подниматься в Щебетовку, было очень жарко. Утром же удачно попала на заказной автобус и доехала до Крымского Приморья. Море было довольно тихое, и я ходила по воде в Лисьей, и вдруг среди больших камней, как в Козах, когда нашла большой агат, засверкал розовый сердолик. Пошла еще по воде и еще нашла большой сердолик. Словом, за день нашла десять хороших

---

[816] Примечания: 816

Рядом рисунок с контуром камня.

камней, и среди них «люкс».

29-го заказала билет на 10 июня, значит 11-го вечером буду в Москве. Заказала мягкий. Получила письмо от Феди и Иры. Федя пишет, что Наташа очень свирепа, просто не знает, что с ней делать. Отвечать на это письмо мне уже не надо.

Сегодня пасмурно, прохладно, дует холодный ветер. Никуда не ходила, что-то дурит сердце. Но чуть будет лучший день, сорвусь опять в Крымское Приморье. Очень надоедают смотрители камней, их охи и вздохи, восторги. Правда, это лето богато хорошими камнями, наверно, потому, что зимой были штормы и море расшевелило дно. Я так избаловалась камнями в Лисьей, что здешние камни такие тусклые и неинтересные. В своих походах уже сносила две пары резиновых тапочек. Сегодня уже штопала их.

Говорят, в Москве очень жарко. Здесь же в тени всегда ветерок. Но хочу к тебе, очень стосковалась по тебе, мой хороший, любимый. Что мне делать, [раз] я не могу не любить тебя? Ты пишешь, чтобы я береглась от жары, а зачем? Зачем жить? Смотришь на море, горы, все цветет, столько запахов, а хочется плакать. Сейчас у нас в доме отдыха скосили сено и сегодня сгребли в стога. Сейчас вечер, тучи ушли, выглянуло солнышко,

но ветер еще сильный. Завтра приедут Кокорекины, которые жили месяц в Судаке и навещали Козы, — посмотрим, какие у них успехи.

Будь здоров.

Целую,

Люся.

256

Гроссман — Губер 1 июня [1958, Москва]

1 июня

Милая Люся, получил твое письмо, в котором пишешь о встрече с Воронковой. Видишь, значит, Лукин известен не только мне как скверный человек.

Когда был на Беговой, видел Иру, а Федя не пришел еще — задержался на работе. Ира говорит, что он уже получил переводы 450 строк. Дачей все довольны, кроме Фиры Ароновны, — ее умучила Леночка, хочет сидеть на руках. Ира говорит, что Леночка уже стоит, держась руками за кроватку. Кроме того, у нее появился один зуб, стучит ложечка.

Вчера в Москве был ураган с тропическим ливнем, резко похолодало, сразу стало лучше, — чудный прохладный воздух.

Вчера зашел на часок к Кларе, она меня бук-

вально замучила разговорами о судебной своей тяжбе, я еле удрал от нее. Все же нехорошо, когда человек беспрерывно говорит о своих делах, не считаясь с другими, которые исходят тоской, слушая эти бесконечные судебные перипетии. Вчерашний ливень меня застал в Воениздате, там у меня ничего нового не произошло, — книгу еще не сдали в производство, ждут, когда художник представит иллюстрации[817].

От Клары звонил Колдуновым. Сергей Александрович опять простудился. Они с дачи привезли дрозда, выпавшего из гнезда. Он уже ручной, разговаривал со мной по телефону.

Марианна просила тебе кланяться, спрашивала о тебе.

У Кати расстроились отношения с Женей, она очень огорчается. Хорошо, что по переводческой линии как будто повернулось в хорошую сторону — предложили ей работу — английские переводы. И на работе ей, возможно, разрешат перейти в другой отдел, где более интересно и нужно знание языков.

---

[817] Примечания: 817

Речь о новом издании романа «За правое дело» (Гроссман 1959а), иллюстрации к которому подготовил Орест Георгиевич Бетехтин (1928–2020). Оно задумывалось как двухтомное издание дилогии о Сталинградской битве, однако вторая книга в связи с арестом «Жизни и судьбы» так и не вышла.

Жаль мне жену Фоменко, уйти из жизни в такие молодые годы, оставить двух детей маленьких…

Ты, я вижу, моих советов не слушаешь — поехала в Лисью в шторм! Ведь это и для здоровья плохо, и с «каменной точки зрения» бессполезно — какие уж камни в такую сильную волну.

Катя встретила некую Леночку, которая собирала камни в прошлом году, и та просила тебе обязательно передать привет. Катя тоже кланяется тебе.

Сообщи заранее о выезде своем, ты уж, вероятно, когда придет это письмо, будешь иметь билет. Говорил с Колей по телефону, он здоров, у них там все благополучно.

Видимо, ты сильно похудела, я не помню, чтобы у тебя был вес 78 кг последние годы. Это очень хорошо — и для сердца, и для обмена.

Сегодня иду в гости к Липкину, наверное, выпью — предчувствую, хотя Липкин плохой собутыльник, он ведь не только «бросил есть», но и бросил пить. Дети у них разъедутся — Зоя после экзаменов на целину, а маленьких отправили на 2 недели в колхоз.

Береги себя от перегрузок и переутомления в эти жаркие дни, да уже и отъезд близко. Поклонись от меня морю и горам.

В Москве никаких событий, все тихо. Много работаю, читаю, со здоровьем в общем благополучно — почти не кашляю. А курить никак не соберусь бросить — вкурился, как говорят.

Будь здорова, целую тебя,

Вася.

257

Губер — Гроссману 3–4 июня 1958, [Коктебель]

3. VI.58 г.

Милый, родной Васенька! Вчера опять была в Лисьей, но ничего стоящего не нашла. Устала не очень, потому что поймала в Крымском Приморье самосвал, который вез гравий в Старый Крым, и я доехала до Планерского. С Ваней я не езжу, потому что он занят работой в доме отдыха и заготовкой сена корове на зиму, кроме того, это дорогое удовольствие. Если будет завтра хорошее море и погода, то собираюсь завтра поехать опять. Что-то не едет кассир с билетами, обещал первого привезти. Ты советуешь лететь, но сейчас похолодало у вас, а потом сложно ехать в Симферополь на аэродром, а здесь села в автобус — и в Феодосии. Как будет билет, пришлю телеграмму.

Что-то три ночи подряд видела тебя во сне, целовалась с тобой. Целоваться было приятно даже

во сне, но боюсь, что у тебя какие-то неприятности, может, «психическая дамочка» опять дурит? Ох, если бы ты только знал, как я ее презираю.

Статью о Ванином предисловии прочту, когда приеду, что-то здесь я не нашла этой газеты, а в Москве, думаю, она есть. Рада за Левиных, что Леночку оставили в Москве.

Убили не Рябчика, Бобика. Знаешь, после его смерти Рябчик стал каким-то пуганым, не лает, все время лежит грустным на террасе, не ходит гулять с отдыхающими. Наверно, скучает по Бобке и видел его гибель и напуган. Ходит такой грустный.

4. VI.58 г. Хороший мой, любимый! Сегодня была опять в Лисьей. Нашла два хороших камня — агат и сердолик. Агат большой, прозрачный, с серым рисунком, сердолик большой, малиновый с серым, очень мне нравится. Поездка сегодня была легкая, т. к. море стало волноваться и по воде ходить стало невозможно, и я в 3 часа была уже в Крымском Приморье, где опять брали гравий и довезли меня до Планерского.

Ты знаешь — собаки пастушки Каштан и Боцман узнают меня за несколько километров, начинают жуткий лай и мчатся ко мне, чуть не сбивая меня с ног. Просто не знаю, как они меня

так далеко узнают.

Наверно, до отъезда еще раз съезжу в Лисью, пройти Козы не могу успеть, т. к. к 4 часам должна быть в Крымском.

Скоро увижу тебя.

Будь здоров.

Целую,

Люся.

Сейчас тяжелое было событие: вчера вечером утонул человек 32 лет из пансионата, и ее сейчас водолазы вытаскивали.

258

Гроссман — Губер 4 июня [1958, Москва]

Милая Люся, пишу тебе с Беговой. Только что прочел твое письмо. Ты не пишешь точно, когда поедешь, но думаю, что это письмо тебя застанет еще.

Я говорил по телефону с Козловым. Он мне сообщил, что сборник Бори по предложению редактора сокращен, но что Пермитин договорился с ним о том, что комиссия вновь рассмотрит вопрос о составе сборника. Принципиально же никаких изменений в выпуске книги нет. Он меня заверил, что работу они начнут (редакционную) летом и выпустят книгу в самые первые

месяцы будущего года[818].

Я написал письмо по поводу пасквильной статьи об Иване Катаеве и Артеме Весёлом. Буду проталкивать его в редакцию газеты, думаю, что шансы напечатать его невелики[819].

Моя работа подвигается довольно быстро, думаю, что основную линию книги завершу в довольно скорые сроки.

Был у меня художник, приносил иллюстрации к «За правое дело»[820]. Почти все герои на себя не похожи, но, представь, замечательно, по моему мнению, получился Штрум. Я прямо ахнул, именно таким он мне и представлялся, такой он и есть.

Я очень рад, что твоя коллекция пользуется общим вниманием, шутка ли, какой каторжный труд вложен тобой в нее, сколько десятков, верней, сотен километров исхожено тобой по камням, в штормы, холод, жару. Ты настоящий геолог.

---

[818] Примечания: 818

Сборник Бориса Губера «Бабье лето» вышел в 1959 году (Губер 1959).

[819] Примечания: 819

В редакцию газеты «Литература и жизнь»; о статье, напечатанной там, см. письмо Ольге Губер от 29 мая 1958 года (с. 539).

[820] Примечания: 820

См. примеч. к письму Ольге Губер от 1 июня 1958 года (с. 542).

Очень и мне хочется увидеть собранные тобой в этом году чудеса.

В Москве, к счастью, похолодало, дышится легко.

Сегодня условился встретиться с Колей, он придет после службы на Беговую, посидим с ним. Будет и Федя, он большей частью ночует в городе.

Катя часто бывает у меня, она очень сейчас одинока, что-то у нее разладилось с ее Женей. Ты чудесно описала Коктебель, я ясно себе представил это весеннее цветение, соединенное с морем и горами. Помню его по Ялте, но там еще были глициниии и иудино дерево.

Наташа уже вставила в твоей комнате раму с сеткой, но необходимости в этом нет, — настолько сейчас в Москве похолодало.

Конечно, мое предложение лететь тебе самолетом сейчас отпадает. Я в субботу снова буду на Беговой, вероятно, к этому времени ты уже сообщишь о дне своего выезда, т. к. билеты ведь выдают заранее.

Не переутомляйся большими походами в последние дни коктебельского пребывания, будь здорова.

Целую тебя,

Вася.
4 июня

259

Губер — Гроссману 5 июня 1958, [Коктебель]
5. VI.58 г.

Милый Васенька! Сегодня отправила тебе письмо, а сейчас принесли билет. Сейчас напишу тебе письмо и пойду отправлю телеграмму. Поезд 70, вагон 9, место 13. Вагон мягкий.

Завтра еще хочу съездить в Лисью, но писать, если что-нибудь и найду, больше не буду. Скоро увидишь камни, именно камни, т. к. этот год море бросает большие камни. Наверно, после зимних штормов переворошилось дно. Завтра со мной собирается поехать несколько человек, но что-то плохая погода.

Посылаю тебе горошек из Лисьей, только он красивого розового цвета, а высыхает некрасивым. Шиповник тоже оттуда.

Позвони Коле. Может быть, он тоже встретит меня, ведь поезд приходит вечером. Феде не пишу, думаю, он на даче.

Целую,
Люся.

Переписка в марте – июне 1959 года

Осенью 1958 года Екатерина Заболоцкая вернулась к мужу, а Гроссман — к жене. Вскоре после этого, 14 октября, Николай Заболоцкий умер после инфаркта. Как свидетельствует корреспонденция, отношения Гроссмана и Заболоцкой продолжались, хотя теперь они пытались скрывать свою связь.

260

Гроссман — Губер 3 марта 1959, [Ялта]

Милая Люся, отправил тебе телеграмму о том, что доехали хорошо[821], устроился хорошо. Дорога прошла быстро, играли в карты. Еды хватило. Погода после Лозовой, вместо того чтобы стать теплой, как это обычно бывало, резко испортилась, началась метель, похолодало. В Симферополе был большой снегопад, и только когда перевалили через перевал, стало получше — хотя весной почти и в Ялте не пахнет, — хо-

[821] Примечания: 821

Гроссман с Липкиным отправились отдыхать и работать в ялтинский Дом Литфонда (ул. Кирова, 9). Об этой поездке см. также письма Екатерине Заболоцкой (с. 691–710).

лодный дождь, зелени совсем нет, цветут только несколько деревьев, мне кажется — персики.

Народу тут мало — из знакомых Рудный, Златова, Паустовский, Шамбадал[822]. Паустовский очень одряхлел, ходит с большим трудом.

Дом мне резко не понравился — какая-то казенная, провинциальная неуютная гостиница. Даже не идет ни в какое сравнение со старым домом ялтинским.

А по сравнению с Коктебелем совсем проигрывает — кругом асфальт, бензин. А уж поэтическая пустыня Крымского Приморья кажется божественно прекрасной, недосягаемо лучше. Но есть, конечно, и положительные стороны — очень тихо в комнате, работать будет удобно, имеется комфорт — хорошая ванна, ежедневно — с утра до ночи горячая вода.

Кормят прилично, но довольно-таки невкусно.

Не забудь мне написать, Люсенька, какие сведения от Левиных, передай им от меня самый теплый привет, пожелание благополучного вы-

---

[822] Примечания: 822

Владимир Александрович Рудный (1913–1984) — писатель, журналист, редактор альманаха «Литературная Москва»; Елена Викторовна Златова (1906–1968) — писательница, литературный критик, жена Степана Щипачева; Михаил Абрамович Шамбадал (1891–1964) — писатель, журналист, переводчик с идиша.

здоровления Лене[823].

Пиши мне, что нового, как твое здоровье.

Целую тебя,

Вася.

Передай привет всем домашним.

3 марта 1959 г.

261

Губер — Гроссману 3 марта 1959, [Москва]

3. III.59 г.

Васенька, любимый мой! Проводила тебя, и так пусто и скучно стало мне, так сразу опустела жизнь моя.

Сегодня получила от тебя телеграмму. Спасибо, так радостно стало. Сегодня звонила Кате, чтобы узнать здоровье ее и написать тебе, чтобы ты не волновался. Она у Клары, говорит, что вчера совсем не было у нее голоса, сегодня говорит сносно, врача не звала, т. к. температура утром 37°. С работы девочки привезли ей работу. Начальство разрешило 3 дня посидеть дома.

Звонила тебе Катя Строгова, спрашивала —

---

[823] Примечания: 823

Елена Левина сильно повредила глаза осколками стекла, работая в химической лаборатории. См. об этом письмо Екатерине Заболоцкой от 4 марта 1959 года (с. 693).

написал ли ты рассказ, который обещал ей на съезде, дала ей твой адрес.

Звонила я вчера Пермитину — он сказал, что поругался с Солнцевой из-за Бориной книги.

Сегодня Федя позвонил Солнцевой — она сказала, что мнение редактора, который читал сейчас книгу, совпадает с мнением Острогорской[824], что очень мрачна деревня. Что комиссия[825] может предлагать, а что печатать, решает издательство. Пермитин же был очень груб с ней. Можно подать в конфликтную комиссию, дать читать главн⟨ому⟩ редактору, но это затянется в лучшем случае на полгода. Эти же 13 листов они могут сдать в печать сейчас.

Завтра Федя пойдет к Солнцевой — посмотрит замечания редактора. Катя Строгова советует не спорить больше, пусть печатают хотя 13 листов.

Звонила Вале Левиной. Очень жаль ее — убита она очень. В воскресенье пустили ее с Федором Марковичем к Леночке. У Леночки оторванное веко приросло, один глаз видит, а второй нет.

Сегодня встретила у нее на Беговой Варвару

---

[824] Примечания: 824

Вера Давыдовна Острогорская (1918–1980) — редактор издательства «Советский писатель», переводчица.

[825] Примечания: 825

Комиссия по литературному наследству Бориса Губера.

Викторовну (дочь Ногина)[826], она рассказала, что Куприянов опять слепнет, делали или делают опять операцию.

Что Мария Степановна здорова, только опять у нее волнения с собаками, которых директор не позволяет держать на территории дома отдыха без поводка.

Сегодня Пуму кололи против бешенства.

Вчера Леночке сделали укол против чего-то — сегодня она все плачет и жалуется на колотое место.

Привет Семену Израилевичу.

Целую,

Люся.

262

Губер — Гроссману 5 марта 1959, [Москва]

5. III.59 г.

Васенька, хороший мой!

Такая тоска охватила меня, что я проплакала весь день и не спала, плакала ночь. Видно, так уж устроен человек — я верю тебе, верю, что после всего, что было, ты никогда не будешь встре-

---

[826] Примечания: 826

Предположительно, Ольга Михайловна тут ошибается: дочь Виктора Ногина звали Ольга (1915–2001).

чаться с Е(катериной) В(асильевной), не будешь звонить и писать ей, но разговоры людей около бывают так мучительны, что невольно рождается сомнение в твоей честности и человечности, а это так тяжело и так отравляет жизнь.

А m-me Заболоцкая «как на грех» гуляет мимо окон.

Вчера утром звонил Гехт — сказал, что Веру, наверно, через неделю, дней через десять выпишут, и они хотят переехать в Коктебель, не поздно ли будет через неделю подать заявление.

Вчера прислали из «Советского писателя» рукопись твоей книги «Повести и рассказы».

От Трусевичей[827] до сих пор ничего нет. Написала им письмо.

В Москве сейчас чудная погода.

Привет Семену Израилевичу.

Целую,

Люся.

263

Гроссман — Губер 6 марта [1959, Ялта]

---

[827] Примечания: 827

Владимир Александрович и Ольга Яковлевна Трусевич — муж и жена, жившие в Крымском Приморье, у которых останавливались Ольга Губер и Василий Гроссман. У Трусевичей было двое детей: Таня и Валера.

6 марта

Милая Люся, получила ли мою телеграмму и письмо, посланные в день приезда?

Почта, говорят, тут работает медленно, письмо из Москвы приходит на пятый-шестой день.

Устроен я хорошо, в комнате очень тихо, и работаю я много. Погода ясная, дождя и снега нет, но холодно, а так как дует холодный ветер, то гулять долго не хочется, тянет в тепло.

Кормят посредственно, но на горе здесь очень хороший кондитер, и я отдаю должное его творчеству. Липкин мужественно отказался от пирожных.

По вечерам кино, я хожу, не пропускаю.

Живут тут москвичи — Паустовский, Рудный, Рыбаков, Родов[828], Златова.

Паустовский такой же, как и 20 лет назад, рассказывает придумочки, а я, как и 20 лет назад, — слушаю их со скукой.

Златова живет здесь уже 2 месяца. Мне кажется, что это из-за разлада семейного. А может быть, мне кажется.

Ялта мне не нравится, после Коктебеля, а особенно Крымского Приморья, никуда она не

---

[828] Примечания: 828

Семен Абрамович Родов (1893–1968) — поэт, переводчик, литературный критик.

годится. Даже моря не чувствуешь из-за асфальта, городских улиц, лавчонок и магазинов.

К сожалению, поехать в Крымское Приморье мне отсюда не удастся, — приморская дорогая закрыта, а через Симферополь очень уж далеко и сложно.

Обучил Сёму играть в «1000», и по вечерам сражаемся с ним.

Чувствую себя хорошо, спокойно, правда, астма прижимает малость, — должно быть, сырость ее тревожит.

Напиши мне, пожалуйста, как чувствуешь себя, здорова ли? Как младшее поколение, Леночка?

Получила ли письмо от Трусевичей?

Как у Левиных?

Состоялся ли ваш девичник у Маргариты Романовны?

Все думаю, как там мои дела в «Знамени», не пошли ли на попятный?[829]

Сёма здесь щеголяет в невероятных туфлях и

---

[829] Примечания: 829

Речь о публикации в «Знамени» рассказа «Тиргартен», который, судя по датировке машинописи из личного фонда Анны Берзер (РГАЛИ. Ф. 3456. Оп. 1. Ед. хр. 315), был написан Гроссманом между 1953 и 1955 годами. В течение нескольких лет Гроссман предпринимал безуспешные попытки опубликовать его (в альманахе «Литературная Москва», в журналах «Знамя», «Новый мир»). В мае 1959 года рассказ был снят из «Знамени» (№ 5) по требованию Главлита, поддержанному ЦК КПСС (Домрачева и др. 2005: 350–351). Впервые опубликован в 1967 году (Гроссман 1967с).

ярко-розовых носках, — публика на набережной очень этим заинтересована.

Звонил ли мне Твардовский, Тумаркин? Да, в общем, чего спрашивать, будут новости, ты сама их сообщишь.

Очень хочется, чтобы хоть немного теплей стало. Цветет лишь миндаль, вся остальная растительность еще спит по-зимнему. Правда, почки есть.

Целую тебя, Вася.

Передай сердечный привет всем родным, поцелуй Федю.

264

Губер — Гроссману 6–7 марта 1959, [Москва]

6. III.59 г.

Васенька, любимый мой! Тоскую я без тебя очень. Сегодня вдруг я надумала поехать на неделю-две в Ялту к Ириной бабушке[830]. Может быть, если будет очень тоскливо, я и сделаю это.

Вчера звонила я Шеренцисам, чтобы узнать [о] здоровье Кати. Подошел к телефону Витя, который сказал, что Катя в 2 часа ушла на работу, — я

[830] Примечания: 830

В Ялте жила бабушка Ирины Новиковой Розалия Михайловна (Роза Менделеевна) Гурвич (*урожд.* Гольдберг; 1895–1975).

спросила, как ее здоровье, — он сказал, что она здорова, только киснет. На мои слова, что киснет, наверно, от щитовидной железы, он ответил, что киснет, как киснут дочери богатых родителей, когда им лень.

Посылаю тебе письмо читательницы.

Звонила Благинина, спрашивала, согласны ли мы отдать Пуму, вернее, не раздумали ли. Она нашла хороших людей.

На воскресенье звана на блины к Марусе.

В понедельник в гости к Колдуновым.

Сегодня иду на «девичник», к Любимовой — перед «девичником».

После «девичника» — завтра кончу письмо.

7. III.59 г.

Пишу, мой хороший, Васенька, утром. Вчера была у Воронковой, пришла к ней в 6 часов, посидела до 8. Было очень приятно поговорить с ней. Она вся какая-то мягкая, ласковая, и не знаю, что на душе у нее, но с ней легко.

От нее узнала, что строительному кооперативу дали ссуду, что будет строится один скоростной дом, а второй нормально. Скоростной дом будет построен из какого-то особого материала, без мусоропровода, лифта, стоить будет вдвое дешевле. Но почему-то никто почти его не хочет. Все хотят

лучше ждать второго дома.

У Любимовой очень мило посидели до 11 часов. В 11 часов Феня поднялась, т. к. ей рано нужно на работу.

Были Феня, Сусанна и я, после подошли дети.

Разговаривали, говорили, вернее, ругали богатых писателей вроде Штейна, Софронова, с детьми которых дружит сын Любимовой[831]. Пили смородиновую наливку, приготовленную Сусанной.

Целую крепко.

Будь здоров.

Привет Семену Израилевичу.

Люся.

265

Гроссман — Губер 9 марта 1959, [Ялта]

---

[831] Примечания: 831

Александр Петрович Штейн (Рубинштейн; 1906–1993) — писатель, драматург, сценарист; лауреат двух Сталинских премий: 1949 года — за сценарий фильма «Суд чести» и 1951 года — за пьесу «Флаг адмирала». Его сын — Петр Александрович Штейн (1947–2007), театральный режиссер.

Анатолий Владимирович Софронов (1911–1990) — писатель, драматург и журналист, известный сталинист и антисемит; лауреат двух Сталинских премий: 1948 года — за пьесу «В одном городе» (1946) и 1949 года — за пьесу «Московский характер» (1948). Из его троих детей здесь речь, вероятно, идет о младшем — поэте Алексее Анатольевиче Софронове (р. 1948).

Милая Люся, получил сегодня твое первое письмо. Письма, говорят, идут тут долго, дольше гораздо, чем в Коктебель, приходят на шестой день.

Сегодня первый раз со дня нашего приезда появилось солнце и стало тепло, а то был собачий холод, ветер, снежная крупа либо мелкий ледяной дождь.

Чувствую себя хорошо, астма прошла — это, видимо, было связано с плохой погодой. Я очень много работаю сейчас, не только днем, но и после обеда. Читаю много. В общем, жизнью своей доволен. Люди здешние меня не раздражают, тихие. Но сама Ялта мне не нравится после Коктебеля и Приморья, — я уже писал тебе.

Мой совет — издавать книгу Бориса в том объеме, в котором предлагает редактор. Мне ясно, что конфликт, если его начать, будет тянуться бесконечно, и все дело может застрять навсегда. Пермитин действует вспышками, вот потеплеет, он уедет на все лето, и опять все застрянет. Словом, мне кажется, что надо не откладывая соглашаться на 13 листов. Но пусть хоть получше оформят книгу внешне, чтобы она не выглядела куцей.

Очень тяжело было читать, что пишешь ты

о Леночке Левиной. Когда будешь звонить им — передавай им мой привет, пиши, что у них слышно, как ее здоровье, бедняжки.

Сегодня навестил Шамбадала — он из-за астмы лежит уже 2 недели, — милый он старик.

Люся, если не трудно, — узнай в Союзе (у Улиной[832], например), когда съезд начнется точно, чтобы я мог заранее ориентироваться в своих отъездах. Люсенька, может, позвонишь Зинаиде Николаевне (маджоночнице), мне бы хотелось, чтобы не было у нее нехорошего впечатления[833].

Состоялся ли ваш девичник?

Тут совсем нет котов и собак, видимо, уничтожили, — им ведь хорошо было бы жить при доме, открытом круглый год без перерыва.

Пишу тебе при открытой балконной двери, воздух чистый, теплый, очень приятный.

Напиши мне, как здоровье твое, как чувствуешь себя, как Федя с семейством.

---

[832] Примечания: 832

Зинаида Капитоновна Улина — секретарь в аппарате Союза писателей.

[833] Примечания: 833

Речь о Зинаиде Пастернак. Гроссман хотел выразить поддержку Борису Пастернаку, исключенному из Союза писателей в 1958 году. В феврале — марте 1959 года, после публикации английского перевода его стихотворения «Нобелевская премия», его стали обвинять в измене Родине и грозить ему арестом.

Целую тебя, Вася.

Поцелуй Федю, привет Ире, Наташе, родным.

Как маленькая Леночка, здорова ли, ищет ли по утрам дедю Васю?

9 марта 1959 г.

266

Губер — Гроссману 9 марта 1959, [Москва]

9. III.59 г.

Сегодня, мой любимый, получила от тебя письмо. Грустно, что Ялта стала казенной, — боюсь, что скоро и Коктебель будет тем же, а погода, хочу надеяться, исправится и ты хлебнешь еще крымской весны.

Сейчас звонила Валя — Леночка уже дома, есть надежда, что второй глаз тоже постепенно начнет видеть. Чувствуется, что у Вали на душе стало немного легче.

Вчера была на блинах у Маруси. Очень приятно было.

Сегодня к 6 часам звана к Колдуновым.

Пришлю тебе письмо, пересланное «Комсомольской правдой» с сопроводительной бумажкой: «Уважаемый Василий Семенович, по просьбе Вашего немецкого друга Ламина высылаем Вам его письмо».

Зам⟨еститель⟩ редактора иностр⟨анного⟩ отд⟨ела⟩ — Бирюков.

Письмо написано по-английски, т⟨ак⟩ что прочесть его я не могу. Попрошу перевести мне его Федю и тогда напишу. Не присылаю его, т. к. оно на трех больших страницах. Прочла только, что оно из Лейпцига.

От Трусевичей ничего еще нет.

Во вчерашнем «Огоньке» № 11 обязательно прочти стихи Сельвинского[834].

Звонила сегодня на работу Кате — говорит, что здорова, 8 марта провела очень весело у какой-то Светланки.

Звонила мне Елизавета Ивановна — в мае едет в Крымское Приморье, — а сейчас взяла две работы, чтобы больше заработать денег.

Вчера Катя (Вероники) сказала Марусе: «Бабушка, ты такая старенькая, скоро будешь дедушкой». Ленка все спрашивает тебя. Звонила Мариам Наумовна, спрашивала ялтинский адрес — просила передать тебе привет.

Все семейство Маруси просили передать тебе

---

[834] Примечания: 834

Илья Сельвинский опубликовал в одиннадцатом номере «Огонька» за 1959 год подборку из трех стихотворений: «Цифры», «Карусель» и «Отцы, не раздражайте ваших чад!», последнее из которых содержало нападки на Пастернака, «поставившего родину под свист» (Сельвинский 1959).

привет и пожелания поздороветь и хорошо отдохнуть.

Федя тебя целует. Лена тоже.

Я целую тебя крепко, крепко.

Люся.

Это письмо уже четвертое — получил ли ты три первые?

267

Губер — Гроссману 10 марта 1959, [Москва]

10. III.59 г.

Васенька, солнышко мое! Пишу тебе сразу, как Федя перевел мне письмо, потому что оно, думаю, тебя интересует.

Письмо это от сенегальского негра, с которым ты виделся в «Комсомольской правде» во время фестиваля[835].

Он тебя приветствует. Радуется за тебя, что ты живешь в стране, где такие большие достижения, где создан первый спутник. Сам он живет в Лейпциге, где изучает марксизм и ленинизм. Просит, чтобы ты ему написал. Я решила, что ты это сделаешь по возвращении своем из Ялты, и потому письмо это тебе не послала.

---

[835] Примечания: 835

Вероятно, во время Фестиваля молодежи и студентов 1957 года.

Как живешь ты? Как работаешь? Как Семен Израилевич? Вчера позвонила Нине Сергеевне узнать, как она, оказывается, она еще не приехала от Яши[836].

Я живу хорошо, только очень грустно без тебя, места не нахожу.

Федино семейство не совсем в порядке, т. к. Ира гриппует, но пропускать работу не хочет, кашляет, чихает, но на работу ездит. Леночка очень плохо ест, очень худенькая, но озорная. Вчера была у Колдуновых, хорошо угощали, поили шампанским, водки, хотя поставили мне целых пол-литра, я не пила. Что-то сердце дурит, воздержусь пока от водки. Было мне у них приятно, т. к. С⟨ергей⟩ А⟨лександрович⟩ говорил немного. Обсуждали стихи Сельвинского в одиннадцатом номере «Огонька», не только о их художественной беспомощности, но и подлом содержании.

Вот, например, последние два четверостишия в стихотворении «Карусель»:

Я ведь сам, хмелея от удачи,
Проносясь по жизни, как во сне,

---

[836] Примечания: 836

Окончив школу в 1957 году, Яков Липкин поступил на физико-математический факультет Кабардино-Балкарского государственного университета в Нальчике, из которого ушел спустя три года.

Шахматные разрешал задачи
На своем премудром скакуне.

Эх ты, кляча легендарной масти!
На тебя все силы изведя,
Человечье упустил я счастье:Не забил ни одного гвоздя.

Правда, чудно? Но прочти и третье стихотворенье. Очень мне грустно за него.

Обязательно прочти эти стихи с Липкиным. Странно, что никто из знакомых не заметил этих стихов, даже Федя, который читал «Огонек» раньше меня. Меня же стихи эти потрясли.

Мне что-то очень жалко стало Е⟨катерину⟩ В⟨асильевну⟩, и я позвонила ей, сказала, что простила или, вернее, прощаю ей все горе и страдания, которые она принесла мне. Она мне рассказала, что Наташа болеет сердцем.

Говорила с ней я мало, слишком много горя от нее я видела, да и за тебя я страдала, за горе, которое она причинила тебе. Бог с ней, она так тяжело наказана.

Кажется, все написала тебе. Очень не хватает мне тебя. Только бы было тебе в Ялте хорошо.

Будь здоров. Привет Семену Израилевичу.

Целую крепко.

Люся.
№ 5.

268

Гроссман — Губер 12 марта [1959, Москва]

Милая Люся, получил твое письмо, где пишешь о том, что была наконец на девичнике. Судя по письму твоему, особенных «событий» на этом девичнике не было, а было просто скучновато.

Приезжающие из Москвы говорят, что погода испортилась. Здесь тоже неважно, сперва было холодно, потом задул норд-ост, да такой, что все в течение двух суток выло, гудело, трещало. Сейчас ветер стих, небо серое, облачное, но проглядывает солнце.

Я усердно тружусь, гуляю с Сёмой. Ни с кем, кроме Сёмы, не встречаюсь, только несколько слов в столовой. Так спокойней, правда, публика тут не из худших, — ведут себя тихо, пьющих нет.

Передай привет Колдуновым от меня, — были ли традиционные пельмени?

Тут через день после ужина показывают кино, мне очень понравился фильм: «Мой дядя

Хасинто»[837]. Если нет кино, сражаемся с Сёмой в «1000». Он уже обучился, играет неплохо, все время подозревает меня в мошенничестве.

Нашел здесь шахматиста, старика, вчера с ним сразился.

Работаю, как писал тебе уже, много. Решил не заниматься правкой второй части, а все усилия и время посвятить новым главам. Одну уж написал, теперь тружусь над второй. Вообще-то, не очень доволен написанным. Просматриваю перепечатанное машинисткой, — ужасает количество опечаток, нелепая расстановка знаков препинания. Нужны две правки: моих художеств и художеств машинистки.

К Ириной бабушке не заходил, не соберусь. Через несколько дней надо будет заказывать билет на Москву, видимо, съезд состоится в назначенное время[838].

Ты пишешь о поездке в Ялту на несколько дней. Мне кажется, не стоит это делать, ездить взад и вперед, ведь я скоро буду в Москве. Да и хочется

---

[837] Примечания: 837

Реж. Ладислао Вайда, Испания, Италия, 1956 год; в прокат в СССР вышел в 1958 году.

[838] Примечания: 838

В конце концов Третий съезд советских писателей перенесут, и он будет проходить с 18 по 23 мая 1959 года.

мне уж дожить этот месяц холостым молодым человеком.

Люсенька, ты пишешь насчет Пумы. Что ж, если люди хорошие, то следует попробовать. Если «не сойдутся с ней характерами», можно ведь будет взять ее назад.

Приятно, что кооперативу дали ссуду, это, видимо, уменьшит взносы.

О Катином здоровье узнаю из твоих писем, она никак не раскачается. Но я не тревожусь и не огорчаюсь, помнишь, как я сходил с ума, когда она из Харькова не писала подолгу. Что касается того, что Витя сказал — «ленивая дочка богатых родителей», — думается мне, неверно. Ей действительно тяжело на душе, а лени я у нее не видел: работает она много, после работы занимается переводами. Не так уж она ленива.

Есть ли новости с книгой Бориса? Повторяю мой совет — больше не конфликтовать, а соглашаться на предложения редакции.

Вчера приехал бородач Вершигора[839], — похож на Черномора. Человек он неплохой. Как и в Коктебеле, есть тут один-два человека, которые

---

[839] Примечания: 839

Петр Петрович Вершигора (1905–1963) — генерал, герой Советского Союза; писатель, лауреат Сталинской премии (1947) за документальную повесть «Люди с чистой совестью» (1946).

меня не любят, — принципиально не здороваются. Помнишь, в Гаграх такой был украинец. И тутошние мои ненавистники тоже, кажется, с Украины. Чем это я им не потрафил? Тогда это меня раздражало и даже оскорбляло, а теперь смешит.

Дочитал книжку жены Ферми «Атом у нас дома»[840] — очень интересная, хотя сама авторша — жена Ферми мне не нравится, мещаночка.

Вчера ходили с Сёмой за покупками, набили авоську, — яблоки, маслины, изюм. Хозяйственные мужики. Пиши о себе, как здоровье твое, что дома, все ли здоровы? Передай привет всем домашним.

Целую тебя, Вася.

Семен Израилевич в розовых носках, сиреневой рубахе и прюнелевых туфлях шлет тебе привет.

12 марта.

269

Губер — Гроссману 12 марта 1959, [Москва]

12. III.59 г.

№ 6

---

[840] Примечания: 840

Книга Лауры, жены физика Энрико Ферми, которая выходила в издательстве «Иностранная литература» в 1958 и 1959 годах (Ферми 1958).

Родной мой, хороший Васенька!

Получила от тебя второе письмо. Вчера не ответила тебе, потому что ездила в Черемушки за кое-какими покупками для тебя.

Купила тебе пижаму, брюки (бумажные китайские) для лета и сандальи. От Трусевичей ничего нет до сих пор — а сегодня ровно месяц, как мы отправили посылку. Я уже стала беспокоиться — дошла ли она.

Звонила Феня, просила, чтобы я покормила ее блинами, а то на масленицу она так и не попробует блинов. Сказала, что получила письмо от тебя, где ты пишешь, что много гуляешь, я же сказала ей, что мне ты пишешь, что из-за холодного ветра гуляешь мало.

Звонил вчера Сёма Тумаркин. Говорит, что не звонил — был болен — где-то расширилась вена. Дала ему твой адрес. Собирается навестить меня.

Пришло письмо из «Красной звезды». Просят хотя бы коротко написать, над чем ты работаешь, каковы твои творческие планы и связи творческие с Вооруженными силами. Просят дать ответ к 20 марта.

Звонила Мариам Наумовна — спрашивала, не раздумали ли мы отдать Пумку, — у нее есть хорошие люди, которые, возможно, возьмут ее. Вместе

с ней повозмущались стихами Сельвинского.

Звонили из «Литгазеты», хотели, чтобы ты что-нибудь им дал напечатать. Федя был у Солнцевой — договорились, что она прочтет «Апрель» и статью о Бунине, тогда решит окончательно, как издавать книгу[841].

Смешно: маленькая Катя сказала Марусе: «Бабушка, ты такая старенькая — скоро будешь дедушкой». Я это рассказала Фире Ароновне, и она мне сказала, что, когда Витя — ее брат был совсем маленький (он старше Иры на 3 года) и родилась Ирочка и Фира Ароновна называли ее девочкой, Витя сказал: «Еще неизвестно, девочка он (ребенок) или мальчик, вот мама растила цыплят, и все говорили: „Вот сколько курочек у нас будет“, — а выросли все петушки».

Леночка каждое утро вспоминает тебя: «Пойду к деде Васе».

Сегодня чудный, солнечный день, вчера же вовсю лепил снег.

Палец, который очень больно нарывал, как будто лучше, сегодня сняла компресс, но еще левой рукой ничего делать не могу.

От Кати ты, наверное, уже имеешь письма, так

---

[841] Примечания: 841

Речь о сборнике Бориса Губера, вышедшем в 1959 году (Губер 1959). Повесть «Апрель» и статья о Бунине в эту книгу не вошли.

что нет нужды мне звонить, узнавать об ее здоровье, она же не находит нужным мне позвонить.

Посылаю тебе вырезки из газет, может быть, ты их не видел, а они тебе будут интересны.

Леночка Левина начинает немного видеть вторым глазом, я так рада.

Будь здоров, мой любимый. Береги себя. Поменьше кури. Целую крепко.

Люся.

Привет от домочадцев.

Привет С⟨емену⟩ И⟨зраилевичу⟩.

270

Гроссман — Губер 14 марта [1959, Ялта]

Милая Люся, получил сегодня твое письмо.

Очень меня обрадовало, что у Левиных просвет, дай бог, чтобы вернулось Лене зрение.

Ты, я вижу, осуществила всю программу, о которой писала в предыдущих письмах, — была у Маргариты, Маруси, Колдуновых. Рад, что тебе было приятно у Маруси, фраза Кати о бабушке, которая станет дедушкой, меня очень насмешила.

Я продолжаю много работать, много читаю. Погода стала чуть лучше, но до настоящего тепла и настоящей весны далеко, — без пальто и кашне и высунуться на улицу нельзя. Но солнце чаще бы-

вает, и суше стало, а t° утром –2°, а днем +5, +9°.

Зря ты не прислала мне письма на английском, ведь со мной за столом сидит Елистратова[842], ученый знаток английского языка. Буду ждать перевода, — впрочем, может быть, и письмо это не интересное.

У Семена Израилевича вчера были большие волнения — он получил телеграмму из Нальчика от Нины Сергеевны, что Яшу исключили из комсомола и исключают из университета. Можешь представить, как расстроился Сёма. Мы с ним ночью ходили в город — он пытался дозвониться до Нальчика. А когда вернулись — его ждала новая телеграмма, — как будто налаживается более или менее — дали Яше в комсомоле месячный испытательный срок и допустили к экзаменам, но предложили «по собственному желанию» перевестись в другой вуз. Сёма, конечно, не спал всю ночь.

По вечерам тут часто кино, но, к сожалению, муровые, главным образом, картины. Вот завтра покажут «Летят журавли». Я не видел ее, посмотрю, т. к. много о ней говорили. Видел

[842] Примечания: 842

Анна Аркадьевна Елистратова (1910–1974) — литературовед, специалист по английской и американской литературе, член редколлегии серии «Литературные памятники».

«Джунгли»[843]. Народу в доме побольше стало. Очень неприятна жена Паустовского[844] — криклива, развязна. А соседка наша по столовой Елистратова — очень милая. Но я по сравнению с ней — карлик, — так она высока, а Сёма — худой кощей, — так она толста.

Сегодня тут все переживают снятие Кочетова. А мне это безразлично — редактор новый, газета старая[845].

Играю тут с одним старичком в шахматы, торжествую над ним. Он переживает свои поражения.

Получил большое письмо от Кати. Она описывает, как провела Международный женский день, настроение у нее не из лучших, но, в общем, ничего такого.

Кормят тут очень посредственно, подают всё совершенно холодное почему-то.

Люсенька, «последнее» письмо ты посылай

---

[843] Примечания: 843

Реж. Уильям Берк, Индия, США, 1952 год.

[844] Примечания: 844

Третья жена Паустовского актриса Татьяна Алексеевна Евтеева-Арбузова (1910–1978).

[845] Примечания: 845

В марте 1959 года Всеволода Анисимовича Кочетова (1912–1973) уволили с поста главного редактора «Литературной газеты», его сменил Сергей Сергеевич Смирнов (1905–1979).

не позже 19–20-го, т. к. письма идут долго, а я, видимо, 27-го выеду, так как съезд, по всему судя, не отложат.

Целую тебя, Вася.

Поцелуй Федю, привет сердечный всем родным и знакомым.

14 марта.

Деревья совершенно голые стоят, лишь миндаль цветет, совершенно не боится холода.

271

Губер — Гроссману 14 марта 1959, [Москва]

14. III.59 г.

№ 7

Васенька, родной мой! Получила твое третье письмо. Сразу позвонила Зинаиде Капитоновне. Она сказала, что точно день открытия съезда не известен, ориентировочно 30 марта, но могут быть отклонения в одну или другую сторону дня на 2. Если съезд будет раньше, то пришлю тебе телеграмму. Улина сказала позвонить ей в понедельник.

Сейчас была у меня в гостях Воронкова. Посидели, поболтали «о том о сем и ни о чем». Сейчас суббота, я затеяла блины, позвала Феню, несмотря на Наташину ругань по этому поводу, и сейчас

слышны из кухни вопли: «Хоть бы ее зарезали, когда будут делать операцию…», «хоть бы подохла трехъязычница, и нашим и вашим», «знала бы, не стала печь блинов»!

И откуда берется столько злости.

Вчера получила письмо из Крымского Приморья. Ольга Яковлевна пишет, что посылку получили давно, но все долго болели, только теперь стали выходить из дома. Все хорошо в посылке, кроме рубах, которые малы. Ждут меня к себе.

Очень рада, что тебе хорошо в Ялте. Что погода стала хорошей, в Москве сейчас тоже пахнет весной. Хочется к морю.

Зинаиде Николаевне звонила несколько раз — никто не подошел к телефону. Сказала Воронковой, что в Ялте нет кошек и собак, — она говорит, что осенью были кошки и собаки. Особенно был хорош рыжий котик, которого Воронкова хотела взять себе в Москву.

Звонила мне (вернее, тебе) Полякова Лидия Михайловна, хотела говорить с тобой. Я дала ей твой адрес. Хотела тебе написать.

Скучно очень без тебя. Неужели ты ни минутки не скучал по мне? Бедная я, бедная, мне так тоскливо без тебя. Не могу не думать все время о тебе.

Уж такая я дура.

Завтра придут ко мне Елизавета Ивановна с камнями и Кокорекины тоже с камнями. Будет маленькая выставка.

Кончено письмо. Пришла Феня.

Будь здоров.

Целую тебя крепко.

Люся.

Привет от всех родных.

Привет Липкину.

Не кури! Ольга Яковлевна пишет, что В⟨ладимир⟩ А⟨лександрович⟩ бросил курить.

272

Губер — Гроссману 16 марта 1959, [Москва]

16. III.59 г.

№ 8

Получила твое письмо от 12 марта, скажу по совести, не очень что-то оно меня порадовало. Нехорошее какое-то оно. Может быть, мои частые письма мешают тебе «быть холостым молодым человеком», прости меня, в дальнейшем буду меньше напоминать о себе, буду писать реже. Все ждала, что позвонишь мне по телефону, но, как видно, для этого нужно любить, хоть в сотую долю, как я тебя. (Это я вспомнила, как я ночью хо-

дила в Коктебеле, спотыкаясь о камни, на почту, чтобы услышать твой голос, сидела несколько часов, ждала, пока соединяли с квартирой, откуда отвечали: «Василия Семеновича нет дома», хотя я предварительно списалась.) Но ничего, Васенька, будет время, я еще надеюсь, когда я перестану любить тебя.

Витя глубоко прав, сказав, что Катя больна болезнью дочери богатого отца. Уж очень упрощенно ты понимаешь лень Кати, если пишешь: «Она после работы переводит». Да, переводит, но переводит, когда ей этого хочется, а нет у нее сознания, что это долг. Лень ее в том, что мать и ты так ее избаловали, что у нее нет понимания долга, а только «хочу» — «не хочу». Посмотри на ее походку, на движения — у нее лень в жизни, к жизни. Если бы она чувствовала какие-нибудь обязанности в жизни, она не писала бы тебе так редко, зная, как ты волнуешься и ждешь письма, — «она не любит писать», «ей не хочется писать». Что это? Разве это не лень? Разве не называется ленью то, когда она может неделями не звонить тебе по телефону, когда ты ей не нужен. Лень в мелочах, лень в крупном, а мать этой лени одна — нет сознания долга, обязанности, нет любви к людям, только «я» и «что удобно, что

хочется мне».

Ты умный, подумай хорошенько и не упрощай так, как любишь это делать, все это много глубже и сложней. Мне искренне жаль ее — она несчастна и будет от этого много страдать в жизни.

В субботу звонила Катя, она здорова, сказала, что получила от тебя письмо. Все никак не найдет комнаты, куда бы могла приехать ее мать. После работы была Феня. Отдала должное Наташиным блинам. Вчера была Елизавета Ивановна. Кокорекина же так и не п⟨р⟩ишла, позвонила, что развозилась с уборкой квартиры, пользуясь, что муж уехал за границу.

Е⟨лизавета⟩ И⟨вановна⟩ привозила свои камни, я любовалась ими.

Леночка уехала на 3 дня к Ириным родителям. В квартире тихо.

Федя и Ира вчера ходили на выставку современной живописи — в Манеже.

Я немного гриппую. Вчера было 37,8, пью лекарства. Хочу не обращать внимания и выходить на воздух. Фильм «Мой дядя Хасинто» мне тоже понравился — что я тебе уже рассказывала.

Привет Липкину.

Целую крепко.

Люся.

Все шлют привет.

273

Гроссман — Губер 17 марта [1959, Ялта]

Милая Люся, получил твое письмо.

Ты пишешь, что я еще насмотрюсь на голубое небо и солнце, а сегодня с утра идет настоящий московский снег, хлопьями. Правда, он тут же тает, но картина безотрадная. Море все эти дни бушует, заливает набережную. Наверное, в Пещерной бухте и в Лисьей происходит передвижка камней, готовятся сюрпризы и находки. Я подумал, что Трусевичи молчали оттого, что нет их уже в Крымском Приморье — ведь могли его уволить, и он с семьей выехал. Уж очень странно это длительное молчание. Поразило меня — зачем ты звонила Е⟨катерине⟩ В⟨асильевне⟩? Не нужно тебе это делать, неужели ты не понимаешь, никому от этого не легче, наоборот. Для чего же это делать? И так тяжело, зачем же еще тяжелее. Я не понял из письма твоего — для чего это?

Прочел стихи, которые ты привела в письме. То стихотворение, что ты цитируешь, ничего особого в себе не содержит, зато третье, ты, видимо, его и имела в виду, поразило меня, — как не стыдно Илье Льв⟨овичу⟩, ведь старый человек,

пора подумать о душе.

Получил письмо от Фени и из редакции сборника, который редактирует Строгова и Кириллов. Феня довольно кисло отзывается о «старушнике-девичнике», но высоко оценивает качества наливки.

Приехавшие из Москвы говорят, что съезд, видимо, откроется не 30-го, а 6–9-го. В связи с этим, если это подтвердится, у нас возник план вернуться в Москву через Одессу, с тем чтобы быть дома числа 3-го (пароходом Ялта — Одесса и пожить в Одессе 2–3 дня). Если подтвердится, что съезд откладывается, так, вероятно, и сделаем.

Из Москвы приходят невеселые сведения о всяких редакционных делах, принятые вещи отвергают, возвращают. Особо отличается «Новый мир» — зарезали окончательно повесть Казакевича[846].

Боюсь, как бы мой рассказ не попал вместо

---

[846] Примечания: 846

Речь о повести «Ленин в Разливе» Эммануила Казакевича: написанная в 1958 году и уже набранная в номер «Нового мира», она не прошла цензуру. Впервые была опубликована в 1961 году под заглавием «Синяя тетрадь» (Казакевич 1961). См.: Казакевич 1990: 448–451; Фрезинский 2013.

типографии в редакционную корзину[847]. Бойся не бойся — надо ждать, видно будет.

Работаю я много, пишу новые главы, — концы событий. Не знаю, как они получаются, самому, как всегда, трудно судить.

17. III.

Получил твое письмо только что с вырезками газетными — спасибо! Рассмешила меня буйная Сара. О Кохе я, конечно, читал[848], о Кочетове тоже. Очень, очень рад, что у Лены Левиной не погиб второй глаз, — видит. Это счастье.

Очень смешные рассуждения о цыплятах у Ириного дяди — я прочел Сёме, мы посмеялись.

Люсенька, почему не переслала мне письмо из «Красной звезды» — я бы отсюда ответил.

Теперь-то уже не посылай, нет смысла.

---

[847] Примечания: 847

Рассказ действительно не был допущен к публикации цензурой и снят из номера в последний момент. См. донесение, отправленное в ЦК 25 февраля 1960 года руководителем Главлита Павлом Романовым: «Редакция журнала „Знамя“ для опубликования в майском номере за 1959 год представила на контроль верстку рассказа В. Гроссмана „Тиргартен“. В рассказе автор пытается объяснить сущность гитлеровской диктатуры и обосновать причины, породившие фашизм. Однако при этом он допускает серьезные ошибки и грубое искажение исторической действительности. В рассуждениях единственного положительного персонажа рассказа — служителя Берлинского зоосада Рамма и в своих отступлениях В. Гроссман характеризует фашизм не как социальное явление и порождение международного империализма, а как явление национальное, как результат морального и нравственного уродства немецкой нации. В рассказе немецкий народ отождествлен с покорным стадом, которое гонят на скотобойню. Более того, в ряде случаев

автором подчеркивается „нравственное превосходство зверей зоосада над людьми“. Редколлегия журнала „Знамя“ упорно отстаивала это идейно неполноценное произведение, всячески добиваясь его опубликования. Указанное произведение по рекомендации Отдела культуры ЦК КПСС не было помещено в журнале» (Ошибочные произведения 1996: 291–292). См. о «Тиргартене» также в переписке с Губер (с. 550, 575, 579) и письме Заболоцкой от 18 марта [1959 года] (с. 702–703).

[848] Примечания: 848

Эрик Кох (1896–1986) — деятель НСДАП высокого ранга, во время Второй мировой войны рейхскомиссар Украины и Остланда; был приговорен к смертной казни 9 марта 1959 года, но ее заменили на пожизненное заключение.

Вообще, на это письмо ты мне ответа не пиши, т. к. ответ меня уже не застанет в Ялте. Я же буду писать все время, до отъезда.

В Москве буду либо 29-го, если поеду прямо, либо 3-го, если с Сёмой через Одессу. В общем, одесский вариант меня соблазняет, через пару деньков напишу, как окончательно решили.

Будь здорова, целую тебя,

Вася.

Поцелуй Федю, привет родным.

17 марта

274

Губер — Гроссману 17 марта 1959, [Москва]

17. III.59 г.

№ 9

Васенька, родной мой, наконец узнала от Улиной точно день съезда — 30-го. Телеграмму не посылаю, т. к., наверно, билет уже заказан и числа 27–28-го ты выедешь.

В Москве сейчас хорошая погода — солнышко, днем тепло. Сегодня 4° тепла. Вообще сейчас ночью бывает мороз, а днем тепло.

Пуму не взяли — только поговорили.

Сегодня Фира Ароновна привезла Леночку. Так вместо трех дней прожила у нее только 2. Гово-

рит, очень скучает по дому.

Сегодня звонила Катя. Спрашивала, как мое здоровье. Говорит, что написала тебе два письма. Говорила, что ничего не получается с квартирой для приезда Галины Петровны. Просила, может, я узнаю у Губеров[849] о комнате шеровской[850] — позвонила Губеру — никто не подошел — наверно, на даче, буду звонить еще. Но думаю, что из этого ничего не выйдет. Катя очень огорчена, что не может повидать мать.

Прочла «Тихого американца»[851]. Интересная книга. Читаю книгу Сарояна. Федя до сих пор не получил денег в «Вечерней Москве» — все водят его за нос.

Строительному кооперативу дали не ссуду, а рассрочку, это я описалась — склероз.

Жалко Липкина — волнуется сильно, горе ему с детками.

---

[849] Примечания: 849

Речь об Александре Андреевиче Губере, старшем брате Бориса, и его жене Лидии Сергеевне.

[850] Примечания: 850

Возможное чтение этого слова: «меровский».

[851] Примечания: 851

«Тихий американец» (1955) — роман Грэма Грина. Впервые вышел на русском в 1956 году в журнале «Иностранная литература» в переводе Риты Райт-Ковалевой и Суламифи Митиной (Грин 1956). В 1959 году был опубликован в сборнике произведений Грина в переводе Елены Голышевой и Бориса Изакова (Грин 1959).

Звонила Феня, взяла билеты на какой-то интересный спектакль на 27 марта, звала меня, может, пойду, если пройдет грипп, я старательно пью все лекарства, чтобы скорее быть здоровой. А тут, на грех, до сих пор болит палец, так что даже рука припухла. Плохо мне, левше, болит левая рука. Все время кладу компрессы. Какая-то гадость забралась после маникюрши. Столько всякой работы по шитью, стирке, уборке, где нужна рука, а та болит.

Леночка все вспоминает тебя, когда спросишь, где дедя Вася, — говорит: «Уехал в Крым с Липкиною». Фене ужасно смешно, когда она это слышит.

Погода у нас, наверное, лучше, чем в Ялте. Все время светит солнышко.

Возможно, это письмо будет последним. Может быть, напишу еще завтра-послезавтра — если будет что интересное.

Привет Семену Израилевичу.

Целую крепко.

Привет от домашних.

Люся.

Здесь из Союза писателей пришли материалы к съезду.

275

Гроссман — Губер 19 марта [1959, Ялта]

Милая Люся, получил твое письмо (№ 7), где пишешь о сроках открытия съезда. Приехавшие из Москвы говорят, что съезд отложен до 6-го. Если это окончательно подтвердится в ближайшие дни, то поеду с Сёмой пароходом, тогда будешь встречать меня не на Курском, а на Киевском вокзале, приедем из Одессы — числа 3-го, 4-го. Если же съезд не отложен, то приеду через Симферополь. В общем, буду держать тебя в курсе дел. Тут 2 дня была жуткая погода, шел беспрерывно снег, сегодня опять сияет весна.

Я продолжаю много работать, в общем, до отъезда подвину дело сильно. Пора ведь, в конце концов, кончить книгу, а то я стану с ней чем-то вроде вечного студента.

Жутко мне стало от описанных тобой Наташиных проклятий в адрес Фени, — ну и злость кипит в ней!

Должен тебе сказать, что рыжий котик, о котором тебе говорила Воронкова, умер при мне в страшных мучениях от какой-то ужасной чумки — ужасно было на него смотреть. Я даже не хотел писать — очень тяжелое было впечатление.

Интересно мне знать о твоих впечатлениях от кокуренских[852] камней, а также как ей понравятся великий агат и великий сердолик.

Но ты, конечно, на это письмо не отвечай, твой ответ меня уже не застанет. Узнаю об этой выставке по приезде в Москву.

Мы с Сёмой живем очень дружно, вдали от своих дел он идеальный товарищ.

Увы, мы оба дали вширь, особенно он. Не помогают ему беспрерывные прогулки. Очень он остроумен, все наши соседи по столу помирают, когда он начинает шутить.

Приехала вдова Тарасенкова, полна жизни, веселая, пишет очерки, но крайне болтлива[853].

Жена Вершигоры отпускает время от времени такие словца, что мужиков в краску бросает, — вроде Нины Габрилович.

Пишу тебе плохим пером, из знаменитого «паркера» вышло чернило, поэтому такой почерк куриный.

---

[852] Примечания: 852

Здесь описка, должно было быть «кокорекинских».

[853] Примечания: 853

Мария Иосифовна Белкина (1912–2008) — вторая жена Анатолия Тарасенкова, писательница, литературовед. Первыми книгами ее действительно были сборники очерков (см., напр.: Белкина 1957). Самая известная книга Белкиной «Скрещение судеб», посвященная Марине Цветаевой и ее семье, вышла в 1988 году (Белкина 1988).

Вот наконец и ответили Трусевичи. Все же свинство, что так долго не отвечали, болезнь не оправдание, не так уж они были больны, что не могли написать несколько слов и попросить соседку опустить конверт в ящик. Ну ладно, бог с ними. Все же они хорошие люди, и я вспоминаю их как хороших, а не плохих людей.

Люсенька, будь здорова, целую тебя,

Вася.

Поцелуй родных. Коля обещал написать, но не собрался, а я адрес его забыл — так мы с ним и не обменялись письмами.

Привет тебе от Семена Израилевича.

19 марта.

276

Губер — Гроссману 19 марта 1959, [Москва]

19. III.59 г.

№ 10

Вчера позвонила Улина, что собирается Союзом писателей экстренное собрание 22 марта. Сказали, что пошлют тебе телеграмму, съезд же, возможно, немного отсрочится.

Позвонила Иванова[854]. Она 29 марта уезжает в Ялту. Хотела поговорить с тобой относительно нового издания в «Советском писателе».

Скоро увижу тебя. Это письмо, наверное, уже будет последним. Много написала тебе я писем за эти две с половиной недели. Не нужно бы это, а тоскую очень без тебя.

Звонила Нине Сергеевне. Говорит, плохо там Яше. Нужно просить, чтобы разрешили ему закончить там год. А что дальше? Говорит, что Миша[855] считает, думать о переводе в какой-нибудь вуз в Москву безнадежно.

Грипп мой что-то не проходит, палец тоже. Трудно без левой руки мне.

277

Гроссман — Губер 21 марта [1959, Ялта]

Милая Люся, получил твое письмо. Меня очень встревожило, что ты, простудившись, собираешься выходить на улицу. Это никак не годится,

---

[854] Примечания: 854

Клавдия Сергеевна Иванова — старший редактор издательства «Советский писатель», которую Гроссман очень ценил. О ней см. также примеч. 2 к письму Ольге Губер от 10 мая 1956 года (с. 483).

[855] Примечания: 855

Вероятно, здесь мы имеем дело с опиской, и вместо «Миша» должно было быть написано «Яша».

выздороветь от этого никак нельзя быстрей. Наоборот, лишь могут быть осложнения. Береги себя!

Люсенька, получил я телеграмму от Суркова. Он сообщает, что съезд писателей откладывается до середины июля. В связи с этим мы с Сёмой решили ехать через Одессу. Уже заказали билеты на пароход «Адмирал Нахимов». В Одессе поживем несколько дней и двинем в Москву. Я тебе буду все время писать, держать в курсе путешествия.

Погода вдруг после обильного снегопада резко изменилась. Вот уже 2 дня совершенно безоблачное небо, солнце светит вовсю. Но деревья все еще стоят совершенно голые. Зато из земли начали появляться зеленые ростки, подснежники.

Сегодня ездили с Сёмой в Ливадию, гуляли по Царской тропе. Она такая же, как была до войны, и такой же замечательный вид.

Но какая дурацкая штука астма. Сёма наслаждался чистотой воздуха в Ливадии, а меня от этого чистого воздуха зажала астма. Но как только сели в автобус, чтобы ехать обратно, причем в автобусе была отчаянная духота и пахло бензином, мне сразу же легче стало дышать, все прошло буквально мгновенно.

Меня огорчило то, что ты пишешь о Кате, уж

очень ты ее как-то анатомируешь безжалостно, — у всех людей есть недостатки, что же делать, есть они и у Кати. И насчет писем верно. Но в то же время — она не такая уж плохая, и не так уж страшны ее недостатки, как ты их представляешь.

В общем, она совсем не ленива и не так уж она бессердечна. Вечно подавлена своей душевной неустроенностью, и понять эту подавленность можно, действительно ей тяжело живется.

Я думал, что Кокорекина развернула перед тобой великую коллекцию драгоценностей, а оказывается, она просто не пришла, обидно даже.

Должен сказать тебе, что от многолетней привычки ожидать от моря сердоликовых и агатовых драгоценностей здесь, в Ялте, море кажется не таким замечательным, как в Коктебеле и в Крымском Приморье — какое-то оно пресное, не то. Особенно когда глядишь на берег, усыпанный кремнистой, черной галькой.

21. III

Вот и снова чудесный, ясный день, особенно ценный после долгих недель ненастья.

Люсенька, надеюсь, что грипп твой пошел на поправку.

Целую тебя,

Вася.
Поцелуй Федю, привет родным.

278

Гроссман — Губер 24 марта [1959, Ялта]

Милая Люся, получил твое письмо, видимо предпоследнее, — уж не обернутся письма. Погода стоит чудесная, ясная, теплая. Вчера ездили с Сёмой в Алупку, гуляли по чудному парку, любовались лебедями, плавающими в пруду. Ездить теперь очень удобно — автобусы ходят совершенно пустые, публики мало, — а та, что есть, никуда не ездит, гуляет по набережной, — тип отдыхающих тот же, с которым ты столкнулась весной 1955 года в Крымском Приморье. Разница та, что здесь больше водки и вина, поэтому много пьяных, полупьяных, выпивших и подвыпивших.

Вот уж последняя неделя моего пребывания кончается — я доволен тем, что много работал, сильно подвинулся. Начал работать в день приезда и не пропустил ни одного дня, даже по воскресеньям трудился, чего обычно не делаю, как ты знаешь.

В доме Литфонда по-прежнему мало народа, но в связи с тем, что съезд отложен на середину мая, Хохлову сообщили из Москвы, что в Ялту едет

масса народа. Очень хорошо, что успею уехать до приезда этих толп.

Едем мы с Сёмой через Одессу, уже заказали каюту — буду писать тебе с дороги, а в первых числах апреля приеду в Москву. Люсенька, ты мне напиши в Одессу — до востребования, — т. к. точно не знаю, в какой гостинице остановимся. Не забудь только, что я Иосиф Соломонович. И пиши сразу по получении этого письма, а то ведь в Одессе пробудем недолго.

Мы очень смеялись тому, что Леночка говорит — «уехал с Липкиною».

Люсенька, что ж это ты расхворалась? Какой грипп у тебя, вызывала ли ты врача? Выздоровела ли рука?

Вчера Шамбадал пригласил нас с Сёмой слушать новые переводы Шолома-Алейхема. Очень было приятно — рассказы остроумные, живые, переведены отлично, да и читает он мастерски.

Насмотрелся тут множество кинофильмов — последним смотрел «Леди Гамильтон»[856], я его раньше не видел.

Смотрел «Девушки с площади Испании» — ита-

---

[856] Примечания: 856

Реж. Александр Корда, США, 1941 год; в прокат в СССР фильм вышел в 1943 году, а затем повторно с новыми субтитрами — в 1956-м.

льянский[857], — я его тоже не видел, понравился мне.

Хохлов просил передать тебе привет, он постарел, большое брюхо.

Кормить в последние дни стали лучше, переменился повар, но не для меня пришла весна, скоро покину повара и его продукцию.

Итак, Люсенька, буду писать тебе, не болей, скоро уже увидимся.

Целую тебя,

Вася.

Привет домашним. Семен Израилевич просит тебе кланяться.

24 марта.

279

Губер — Гроссману 26 марта 1959, [Москва]

26. III.59

Сейчас, мой любимый Васенька, получила от тебя письмо от 24 марта и сразу пишу. Сейчас уже ночь, завтра утром пошлю авиапочтой.

Очень рада, что все же ялтинское солнышко погрело тебя, но огорчена, чувствую, что ты не бросил курить, т. к. астма, писал ты, прихваты-

---

[857] Примечания: 857

Реж. Лучано Эммер, Италия, 1952 год; в прокате в СССР с 1956 года.

вала тебя.

Я уже здорова, только еще немного насморк. Неделю я только болела. Палец тоже проходит. Так что к твоему приезду хочу быть здоровой.

Живу я «шумно»: в воскресенье, 22 марта, у меня были Феня и Катя, очень мило мы провели день. Играли в «пятьсот одно» — Катя нас обыграла — выиграла 4 рубля 82 коп. Днем Катя ездила смотреть для матери комнату. Комната, говорит, сносная, но хотят за нее столько же, сколько ты платил в Марьиной Роще. Все же Катя хочет ее взять — если ничего лучше не будет.

Во вторник, 24 марта, была с Феней в Театре Советской армии, смотрели пьесу «Юстина»[858]. Пьеса неплохая, хотя осталось ощущение, что что-то недотянуто, что-то не так.

Сегодня, 26-го, была у Жени, которая сейчас здорова. Кормила меня очень вкусными пирогами. Завтра иду с Феней в Театр Советской армии (опять) на спектакль «Добряки»[859]. Это Феня

---

[858] Примечания: 858

Спектакль по драме «Юстина» Хеллы Вуолийоки в постановке Александра Шатрина шел на сцене Центрального театра Советской армии с 1958 года.

[859] Примечания: 859

Премьера спектакля «Добряки» по пьесе Леонида Зорина в постановке Давида Тункеля состоялась на сцене Центрального театра Советской армии в 1958 году (Старое радио 2024b).

выводит меня в «свет».

Федя стоял в воскресенье на стадионе за билетами на балет на льду[860] с 6 утра до 6 вечера — достал 2 билета.

Звонил Письменный — который хочет ехать в Ялту, и спрашивал, не задерживаешься ли ты там? Звонила Иванова К⟨лавдия⟩ С⟨ергеевна⟩, едущая 29 марта в Ялту, думала, что тебя застанет там и поговорит об издании твоей книги в «Сов⟨етском⟩ пис⟨ател⟩е».

Звонила Черневич — знакомая ее сказала ей, что в журнале «Знамя» напечатан твой рассказ, «Тиргартен», — она просмотрела последний журнал и не нашла. Спрашивала меня, что это значит.

Сегодня звонили тебе из «Военного вестника»[861], хотели говорить с тобой, сказала, что приедешь 3–4 апреля. Очень стосковалась. Приезжай скорей.

Будь здоров. Привет от Феди.

Целую. Люся.

---

[860] Примечания: 860

Вероятно, речь идет о представлении «Праздник на льду» американского балета на льду, приезжавшего с гастролями в СССР в апреле и мае 1959 года.

[861] Примечания: 861

Общевойсковой журнал, существовавший с 1921 года.

P. S. Коля, который был на днях, спрашивал, куда писать тебе, — сказала, что уже поздно собрался это сделать.

Привет Семену Израилевичу.

Еще раз целую, Люся.

280

Губер — Гроссману 29 марта 1959, [Москва]

29. III.59 г.

Если бы ты знал, как я была счастлива, мой хороший, Васенька, когда услышала твой голос.

Слышно было очень плохо, но все же голос был твой.

Не знаю, понял ли что-нибудь, что я говорила тебе. Но все здоровы, только Леночка плохо спит по ночам — опять идут зубы. Она уже знает, что дедя Вася едет на пароходе.

Сегодня ко мне придут Катя и Феня.

Говорила тебе, что была 27 марта с Феней на спектакле «Добряки». Мне очень, очень не понравилось, странно — все так хвалят — Феня захлебывалась от восторга, хлопала, а мне было противно. Если бы была я одна — ушла бы после первого действия.

Тема — доброта ученых чудаков дает возможность безграмотным людям пролезть в лоно

науки. Ученые — это смешные дураки. Может, и я дура — потому что вещь эта противна мне.

Слышала я, что «труды» Ильи Львовича не остались незамеченными, он получает много писем, где их не одобряют.

Феня была и ушла. Катя позвонила уже в 7 часов, сказала, что весь день занималась хозяйством, так закопалась, что уже не успеет приехать, т. к. нужно еще погладить и купаться в ванне.

Ребята ушли на новоселье к Ириной подруге. Фира Ароновна сидела с Леночкой.

Пришла Наташа после очередного разговора с Полей[862] и нагнала на меня такую тоску, что места себе не нахожу — хотя и не хочу ей верить.

Господи, за что мне все это? Кому верить? Опять бессонная ночь.

Звонила сегодня Вера Гехт — звала играть в маджонг к Ксении. Гехт уехал в командировку в Одессу, а потом поедут в Коктебель. Палец мой заживает. Может быть, завтра или послезавтра пойду к Ксении.

Ира принесла мне подснежники белые. Очень приятно мне это.

---

[862] Примечания: 862
Полина Семенова — домработница Заболоцких.

Будь здоров.

Привет Семену Израилевичу.

Целую.

Люся.

Я тебе сказала уже по телефону, — Федя получил из «Вечерней Москвы» — 120 руб., они его измучили вконец, он раз 5 ездил получить и раз 15 звонил — когда это ему говорили. Ужасное свинство.

281

Гроссман — Губер 26 апреля 1959, [Москва]

Милая Люся, ты уже, вероятно, обосновалась в Крымском Приморье[863] и совершила поход в Лисью и Пещерную. Очень хочется знать, как доехала, не душно ли было, какой погодой тебя встретил Крым, какими находками — море.

Дела мои не решились ни в ту ни в другую сторону, затянулись, очевидно, решится все через несколько дней. Долго тянуться не может, т. к. задерживать номер журнала больше 2–3 дней нельзя. И так он сильно задержался. Новых

[863] Примечания: 863

Письмо отправлено по адресу: В. А. Трусевичу для Ольги Михайловны Губер. Крым, п/о Щебетовка (Судакского района), санаторий «Крымское Приморье».

фактов после твоего отъезда не было, так что ситуация и шансы те же, что при тебе были.

Вчерашний день прошел тихо. Я днем заснул и спал 3 часа, т. к. из-за всех этих журнальных волнений ночью почти не спал.

Федя очень мил, ласков, даже нежен, мы с ним беседовали много — он не пошел на занятия.

Простился с Липкиным по телефону, он в меру взволнован моими делами, но не выразил желания во время путешествия узнать, как они решились, — потерпит до возвращения в Москву.

Вчера звонили из «Лит⟨ературной⟩ газеты» относительно отрывка, я дал согласие, обещал через недельку подготовить его[864]. Вчера звонил Коля, условились, что сегодня днем (сегодня — воскресенье) придет. Звонила Катя — мать откладывает отъезд до 30-го, со стариком они договорились, установили мир. Катя стала спокойней, в Харьков с матерью не поедет.

Вчера с утра Леночка искала тебя, спрашивала всех — где баба Оля, где баба Оля? Когда пришла молочница, она и ее спросила: где баб Оля? Теперь знает, что ты уехала, и объясняет: баба Оля

---

[864] Примечания: 864

Речь об отрывке из романа «Жизнь и судьба». Звонил Гроссману и договаривался об отрывке Лазарь Ильич Лазарев (Лазарев 2005: 28–30).

уехала на паровозике.

Пишу тебе рано утром, все еще спят, проснулся безбожно рано. Попил кислого молока, съел хлеба — в смысле некурения натощак.

Пиши мне, — как чувствуешь себя, как встретили тебя люди и море, ну и естественно, как встретили тебя «каменноносные бухты».

Целую тебя, Вася.

Привет Трусевичам, передай им мое первомайское поздравление.

Существуют ли Дружок и Тарзан?

26 апреля 59 г.

282

Губер — Гроссману 26 апреля 1959, [Крымское Приморье]

26. IV.59 г.

Васенька, мой хороший!

Приехала в Крымское Приморье и вот пишу.

Дорога была нетрудная. Вторую половину дороги шел дождь, так что в вагоне было не так жарко, несмотря на то что еще топят. До Павлограда ехал со мной в купе парень, которого ты видел. Это инженер из Павлограда, который ездил в командировку в Магнитогорск. Он одного года рождения с Мишенькой. В Харькове села жена

военного, живущая в Феодосии, куда мы с ней и приехали. Она врач и очень болтлива. Тоже ездила в командировку.

В Феодосии был дождь. Встретил меня Володя. Такси не было, т. к. сегодня воскресенье и все машины в разгоне. Я нашла какую-то «антилопу гну», которая ломалась по дороге, но все же довезла меня до Трусевичей за 50 рублей.

Трусевич сейчас без работы, думает, что возьмут его работать на автобус, когда откроется санаторий.

Сегодня не пошла в Лисью, легла полежать, сердце дурило. Сейчас пришел с моря Владимир Александрович, принес полведра рыбы, вечером «кучу́», больно хороша рыба. В⟨ладимир⟩ А⟨лександрович⟩ жалеет, что нет тебя.

Очень беспокоит меня «Знамя». Скорее бы узнать, что там. Здесь меня встретил Дружок. Я очень рада, что он жив.

Полякова нет. Он рассчитался и переехал и живет около Феодосии.

У Ольги Иосифовны после гриппа тяжелые осложнения, и она лежит в больнице.

Галка — племянница Ольги Яковлевны — сошлась с пожилым человеком, у которого жена и трое детей, больше не бывает ни у бабушки, ни

у тетки. Ольга Яковлевна говорит: «Такой позор, никогда у нас в роду таких не было, стыдно на улицу показаться», «У ларька женщины срамят ее и показывают на меня пальцами».

В палатке торгует опять Юра. Кажется, все об «Крымском Приморье».

Пиши. Целую. Привет ребятам и Наташе.

Люся.

283

Гроссман — Губер 28 апреля [1959, Москва]

Милая Люся, послал тебе телеграмму и письмо, — вероятно, получила их. К печали своей, в этом письме могу, как обещал в телеграмме, дополнительно сообщить о судьбе рассказа, — он с треском снят Главлитом. Правда, редакция не теряет надежды и собирается хлопотать о нем, но, думаю, эти хлопоты помогут, как мертвому банки. Так как события последних дней меня уж подготовили к тому, что рассказ не будет напечатан, я не особенно переживаю все это. А главное, не теряя дня, продолжаю работать над книгой. Мне еще раз звонили из «Литературной газеты» — договаривались об отрывке. Я долго

думал и решил дать отрывок о Викторове[865], правда, и там, как ты, наверное, помнишь, есть кое-какие заминки, но мне ведь к заминкам не привыкать. Посмотрим, как пойдет.

Дома все благополучно, отношения хорошие, особенно с Федей. Леночка очень мило вспоминает о тебе. То говорит: «Баб Оля уехала на паровозике», то: «Баб Оля поехала кататься на троллейбусе». Но по утрам на всякий случай заглядывает в твою комнату, — не приехала ли баб Оля.

Были в воскресенье родители Иры, приходил Коля, мы с ним гуляли, сидели на скамейке на бульваре. Погода чудесная, — ясно, солнце, значительно потеплело. Надеюсь, что в Крыму еще лучше, — жду письма твоего, хочется знать, как доехала, как устроилась, как чувствуешь себя, как твои походы.

---

[865] Примечания: 865

Лазарь Лазарев пишет, что в результате Гроссман дал ему три главы: «о крестном пути Софьи Осиповны Левинтон и мальчика Давида от ворот лагеря до газовой камеры; о выведенном в резерв авиационном истребительном полке, в котором после ранения оказался лейтенант Викторов; о шофере Семенове, которого, после того как он выбрался из эшелона военнопленных, выхаживала старуха Христя Чуняк» (Лазарев 2005: 29). Публикация в «Литературной газете» состоялась только 2 апреля 1960 года, при этом была напечатана глава «Сталинградские штабы» (Гроссман 1960а).

Ребята созвонились с Щипачами[866], они придут на 1 Мая, с ними придет Ирина (бабушка и мать)[867]. Я дал на устройство празднеств 200 р. — ребята приступили к покупкам. Галя едет завтра — 29-го, чувствует себя лучше, Катя с ней не поедет, останется в Москве.

Ну вот, выложил тебе все новости. Первая из них не самая веселая, но что ж поделаешь.

Если вспомнить разговор с Александром Трифоновичем, то хорошо, что редакция меня хотя бы поддержала и не отреклась от меня.

Да, вот еще события — видел Сёму Тумаркина, имел с ним длинные объяснения. Он мне рассказал о самоубийстве Жени Фалька[868], он бросился в пролет лестницы, с пятого этажа. От матери[869] скрыли это.

Звонил Мариам Наумовне, она тебе кланяется

---

[866] Примечания: 866

Виктор Щипачев (1932–2023), сын Степана Щипачева и Елены Златовой, его жена Фаина Палеева (*урожд.* Фейга Фишман; 1930–2025) и их дочь Ирина Щипачева (р. 1956).

[867] Примечания: 867

Ирина Ильинична Эренбург.

[868] Примечания: 868

Евгений Фальк — пасынок Льва Абрамовича Тумаркина, сын Софьи Моисеевны Фальк от первого брака.

[869] Примечания: 869

О Софье Моисеевне Фальк, жене Льва Тумаркина, см. в воспоминаниях Виктора Варшавского «Поток сознания» (Варшавский 2024: 6).

и завидует твоей поездке. После 1 Мая ее будут переселять.

Жду писем, прошу тебя, не переутомляйся длинными походами.

Целую, Вася.

28. IV

Привет Трусевичам.

284

Губер — Гроссману 28 апреля 1959, [Крымское Приморье]

28. IV.59 г.

Васенька, мой милый! Вчера отправила письмо, т. к. в воскресенье не было оказии. Вчера ходила до Коз — ничего интересного не нашла. Сегодня прошла обе Лисьи — ничего нет, очень сильно волнуется море. Встретила пастушку, указала ей, где вчера видела трех пропавших у нее телят, — она пошла и нашла, они были там же, где и вчера, — в Пещерной.

У пастушки горе — муж не ужился со старшим сыном ее, прожил зиму, Леонид, привыкший быть хозяином, дрался с отчимом и выжил его. Варя незадолго до моего приезда проводила своего, наверно, последнего мужа на станцию. Сын оказался сильнее.

Девушка с почты, Нона, вышла замуж за человека 57 лет. Ты, наверно, ее помнишь, она красивая блондиночка.

Сейчас пришла твоя телеграмма на третий день. Буду ждать второй и надеяться, что все будет хорошо. Беспокоит меня это очень. Здесь очень тепло, как летом, — прошлые годы так тепло не было. Ольга Яковлевна, что бы ни говорила, приплетает Валерика. Даже сейчас, угощая меня очень вкусными варениками с кислой капустой, говорит: «Валерик любит вареники с капустой, надо не забыть сделать ему, когда приедет на майские праздники». Жаль, что нет рядом Танечки[870]. Наверно, она любит такие вареники.

Уехала ли Галина Петровна?

Письма к тебе будут идти плохо, пока не откроется дом отдыха здесь, но писать я буду часто.

Вероятно, завтра не удастся пойти за камнями. Нашли тучи, подул ледяной ветер, да и очень волнуется море.

Дорога к Козам в этом году хорошая. Тропинка, сделанная бойцами, цела.

Море очень отошло в сравнении с прошлой весной.

---

[870] Примечания: 870
Дочь Трусевичей.

В палатке торгует опять Юра, девушка, бывшая после него, проторговалась на 8 тысяч.

Вот, кажется, сообщила тебе все здешние новости.

Да еще, говорят, что Норы Михайловны в этом году не будет. Директор не доволен ею.

Кругом разводят кроликов и уничтожают собак, чтобы они не ловили кроликов.

Скучно без тебя.

Целую. Привет всем.

Люся.

285

Губер — Гроссману 1 мая 1959, [Крымское Приморье]

1 мая 1959 г.

Васенька, любимый мой! Получила сегодня от тебя письмо и поздравительную телеграмму от Иры и Феди.

Очень мучает меня, что нет от тебя телеграммы, — значит, дело плохо. Если б знала я раньше, то не поехала бы, была с тобой. Сейчас шла из похода за камнями — такое чудное море, тепло, мягкий ветерок, а ты один. Солнышко мое, хороший мой, как хотелось быть с тобой. Хотя бы найти «люкс», чтобы хотя этим порадовать тебя.

За 4 похода есть милые камушки второго сорта, роскоши нет.

Сегодня очень хорошо, вчера же очень промокла и промерзла — был дождик и ветер, и море было противное и захлестнуло ноги, так что пришла с мокрыми ногами. Ноги очень болят, по ночам спасаюсь лекарством, что достал Коля, но его приходится беречь, т. к. не хватит, пью, когда нет силы терпеть, не могу уснуть от боли. Попроси Колю достать еще. Тарзан уехал с Поляковым. Вообще, кошек здесь совсем нет, всех перебили, т. к. разводят кроликов.

Санаторий решил строить канализацию, вложил в это дело 72 тысячи, положили одни трубы, потом другие, после же получили телеграмму, что не нужно канализацию, собирали несколько дней субботники и все засыпали.

А новое здание, около которого мы гуляли, до сих пор не достроили, дорожки все разворочены.

Сегодня мне пришло в голову — взять и приехать в Москву, но знаю, что ты этого не одобришь, а хочется. Тоскливо очень без тебя.

Как Наташа кормит тебя? Как Леночка? По сводке, в Москве тепло, — наверно, скоро ее увезут на дачу. Звонит ли тебе Феня? Когда она собирается ехать в Коктебель?

Как Катины дела с Женей?

Вчера чуть не была на заставе — надоели парни, которые не дают совсем ходить, — говорят, нельзя, пока не откроется санаторий, я же потребовала, чтобы начальник сказал мне это, и пошла с ними на заставу — они не знали, как от меня отделаться, и сегодня уже обходили меня, а вчера дошла с ними почти до Коз. Сейчас весь берег в песке — даже при тихом море, и в море песок, так что ходить по воде нет смысла.

Хорошо, что Дружка привел Валерик, а то его извели бы давно, а сейчас, когда В⟨ладимир⟩ А⟨лександрович⟩ сказал: «Надоел мне Дружок, заведу я его», Ольга Яковл⟨евна⟩ ответила: «Заводи себя, а Дружка не тронь, это собака Валерика».

Будь здоров, не волнуйся. Будь философом. Целую тебя, мой родной.

Люся.

286

Гроссман — Губер 4 мая 1959, [Москва]

Милая Люся, получил твоих два письма. Получила ли ты мои? Ведь почта ваша еще не работает.

С интересом прочел о всех новостях, огорчился за пастушку, поразился, что хорошенькая Но-

ночка вышла замуж за 57-летнего, ведь совсем девчонка. Вспомнил племянницу Ольги Яковлевны — Галю. Она славная была. Хорошо, что Дружок на месте.

У меня новостей особых нет. Много работаю, работа меня увлекает. Подготовил отрывок для «Лит⟨ературной⟩ газеты», да они что-то не звонят, должны были с утра звонить, вероятно, замотались после праздника, позвонят завтра.

Неприятности со «Знаменем» как-то отошли, понимаю ситуацию. Ничего не попишешь. Но, конечно, жалко. О рассказе уже объявили по телевидению, теперь будут спрашивать, где он, почему на напечатан. Я крепкий.

Майские дни прошли хорошо. 1 мая были Коля, Фаня, Витя Щипачев. Ирина не пришла, у нее заболел тяжело отчим[871] — инсульт.

Ира устроила отличное угощение, спекла «Наполеон», купили вина. В общем, все было хорошо.

2 мая ездил с Феней и Катей в Дачную[872], провели несколько часов в лесу, был прекрасный

---

[871] Примечания: 871

Тихон Иванович Сорокин (1879–1959) — искусствовед, отчим Ирины Эренбург.

[872] Примечания: 872

Вероятно, станция Дачная в подмосковном городе Апрелевке.

теплый день.

3-го были с Катей у Клары. После праздника поживу на Ломоносовском, там очень тихо и удобно. Катя стала хозяйственной. Наташе трудновато вести дом и с Леночкой, но в общем справляется, настроение у нее хорошее, мирное и добродушное. Сегодня заплатил ей жалованье, подарил 100 р. к празднику.

2-го и 3-го Федя, Ира ездили с Леной гулять, вечером ходили в театр. В гостях у них были родители.

Галина Петровна уехала 29-го, я ее провожал, на вокзале были две ее подруги. От Виктора к Кате пришла телеграмма, доехала благополучно, но чувствует себя плохо, он вызвал врача. Маруся прислала кулич, очень вкусный. Наташа тоже пекла — получились удачные вполне.

Ты не огорчайся по поводу «Знамени», ничего не сделаешь. Я все это переживаю как разумный и сильный человек.

Сегодня был Райский — очень мною доволен — сердце хорошо, давление 130 на 80.

Федя послал тебе две поздравительные телеграммы — одну ошибочно в Коктебель. Напиши ему обязательно поскорей, он очень нервно относится к тому, что ты ему не написала.

От Липкина пока вестей нет. Пиши о себе, как здоровье, погода, успехи. Не переутомляйся, не огорчайся первыми неудачными поисками. Рад, что дорога вдоль моря хорошая.

Целую тебя, Вася.

4 мая 1959.

Пиши!

287

Губер — Гроссману 4–5 мая 1959, [Крымское Приморье]

4. V.59 г.

№ 4.

Васенька, хороший мой! Сейчас пришла с прогулки. Устала, было очень жарко. Здесь зимой было мало снега, весной не было почти дождей — земля растрескалась, травы очень мало. Первый раз весной так жарко. Камней сегодня я не нашла ничего, но буду ходить, верю, что найду что-нибудь хорошее.

Начали съезжаться к открытию санатория врачи. Приехала Ванда Эдуардовна. В Планерском еще не была. Почта все еще очень плохо ходит отсюда.

На душе скверно. Мучает меня «Знамя». Хороши ли с тобой Катя и Федя? Как твое здоровье? Как

астма? Наверно, твои волнения и тяжелое душевное состояние вызвало приступ? Где ты сейчас живешь — на Беговой или на Ломоносовском? Была ли Феня у тебя? Очень прошу тебя — не забудь с Феней передать мне баночку карловарской соли (она лежит в шкафу, где платья, на дне).

Вчера весь день лежала, дурило сердце. Очень много хожу, а худею мало. Напугали меня быком, теперь я боюсь близко подходить к стаду. В⟨ладимир⟩ А⟨лександрович⟩ говорит, что он ударил уже нескольких человек, хотя и никого еще не убил, В⟨ладимир⟩ А⟨лександрович⟩ бегает от него, как мальчик.

Скучно без Леночки, привязалась я к ней.

Много читаю, прочла все книжки, что взяла с собой. Нашла здесь на Танечкиной полочке книгу толстенную Георгиевской[873], твоей поклонницы, надо прочесть. Книга называется «Три повести»[874].

5. V. Вчера пришла Ванда Эдуардовна и не дала закончить письма-сводки. Просидели с ней до 11

---

[873] Примечания: 873

Сусанна Михайловна Георгиевская (*урожд.* Згут; 1910/16–1974) — писательница, автор произведений для детей и подростков, а также воспоминаний о Данииле Хармсе.

[874] Примечания: 874

Георгиевская 1957.

часов ночи, выпили бутылочку рислинга, правда, пила больше я.

Сейчас пойду отнесу письмо на почту и пойду по берегу, но, наверно, ничего не найду — всю ночь дул и сейчас дует ужасный ветер.

Вчера узнала, что у Ноны будет ребенок от ее мужа, которому 57 лет, а ей 22. Он известный здесь хирург. Познакомились здесь — он отдыхал.

Будь здоров. Всего доброго.

Привет Феде, Кате, Ире и Наташе. Леночку поцелуй. Целую. Люся.

288

Губер — Гроссману 6 мая 1959, [Крымское Приморье]

6. V.59 г.

№ 5

Получила, мое солнышко, твое второе письмо.

Вчера пошла утром бросить в ящик тебе письмо и увидела такси, идущее обратно в Феодосию. Я с ним подъехала до Планерского. Бросила письмо в Планерском, зашла к директору, договорилась с ним о комнате, пошла к Марии Степановне. Была рада встретить у нее тетю Сашу, я тебе о ней говорила, это чудесная старушка. Угощали меня пасхальным столом. Вообще Мария Степановна

очень мне обрадовалась, огорчалась, что я приехала не к ней, говорит, что писала мне, звала к себе, показала перечень отправленных ею писем, письмо мне было отправлено 3 марта, а я его не получила. Все равно я не поехала бы к ней, хотя она мне повторяла, что любит очень меня, что «ее дом — мой дом», чтобы сейчас я оставалась у нее, съездив за вещами. Но я люблю быть «котом, который ходит сам по себе», когда это возможно. Обратно я вернулась рейсовым автобусом до Щебетовки.

Сегодня с утра пошла по камни, но так парило, что не было сил идти, все же я прошла бы положенное расстояние, но прибой, в Лисьей один песок, значит то же было бы и дальше, и я, пройдя Лисью, вернулась назад. Сейчас туман, ничего не видно, ночью же было так душно и жарко, что никак не могла уснуть.

Как огорчена историей с рассказом твоим, ты знаешь. Просто жить не хочется. Очень жалею, что сейчас не в Москве. Может, было бы легче, если бы были мы вместе. Какой ты молодец, что можешь работать. Хороший, мой родной, нелегко живется тебе!

Трогает меня Леночка. Милая она девочка. Как прошел первомайский праздник?

В Коктебеле мне так не понравилось. Все дорожки покрыты асфальтом, полным ходом идет строительство новых корпусов, как хорошо в Крымском. Трусевичи спрашивают, когда приедешь ты осенью, а то им здесь пишут письма о комнате на сентябрь месяц.

Будь здоров.

Привет домашним.

Целую тебя,

Люся.

Пиши с расчетом, что после 15 мая я буду в Коктебеле, словом, ответ на это письмо уже шли в Коктебель.

289

Гроссман — Губер 7 мая 1959, [Москва]

7 мая 59 г.

Милая Люся, получил сегодня твое письмо от 1 мая. Спасибо за цветы, вложенные в конверт. Шло 7 дней!

Зачем ты ходишь по холодной воде, наживешь себе такой миозит, что уж Колины пилюльки не помогут. Уж подожди, пока потеплеет вода хоть немного. Рад, что есть кое-какие находки. Будем надеяться на милость бога «Сердоликоса».

Все новости, о которых ты сообщаешь, мне

интересны — касаются ли они судеб людей или сооружения тут же засыпанного водопровода.

О том, что Ольга Яковлевна не даст в обиду Дружка, я предполагал заранее — шутка ли, — фаворит Валерика!

У меня все идет нормально, я не огорчаюсь, понимаю, что так и должно быть. Много и, мне кажется, довольно успешно работаю. Даже не помню, чтобы чувствовал себя так внутренне крепко и спокойно. Со здоровьем хорошо — писал уже тебе, что Райский очень доволен мною.

Обретаюсь то на Беговой, то на Ломоносовском. Там прекрасные условия для работы — абсолютная тишина. Но и здесь можно трудиться неплохо — была бы охота.

Все здоровы, жизнь идет нормально. Леночка стала грозой всех детей во дворе — отнимает у всех игрушки, воюет и с взрослыми, своих же игрушек никому не дает. Выглядит она хорошо, румяная, веселая.

Наташа кормит хорошо, вкусно. Сегодня ел зеленые щи, жареную утку. А как тебя кормит Ольга Яковлевна? Небось, без утки.

Вчера внес деньги в кооператив, Детиздат на этот раз не подвел.

У Кати новостей в личной жизни нет. Женя

звонит ей из больницы. Он не отходит от матери ни днем ни ночью. Ночует в больнице. Положение ее ужасно, страдает невыносимо, просит врачей, чтобы ее отравили. На днях хоронили дворничиху Пантелееву (та, у которой дочь ненормальная) — собрали на похороны 1500 р. Помянули ее хорошо, — говорит Наташа.

Видел вчера Письменного, удовольствия от этой встречи не получил — ох, не горяч уголек.

Сегодня звонил Нине Сергеевне — спрашивал, как Яша, — в общем налаживается, дают ему отпуск. Непрактичный папаша все ж не зря съездил. Нина говорит, что младшие дерутся как безумные. Вчера ночью Горик ударил Иру по лицу кулаком, поставил ей здоровенный синяк. Ира день и ночь держит при себе нож — отбиваться от Горика. Боже, что за дегенераты! И притом способная необычайно — получила грамоту первого класса на Всемосковской математической олимпиаде. Но лучше бы были нормальные и не такие способные.

Думаю, что в Крымское Приморье напишу тебе последнее письмо числа 10–11-го. А уж после буду писать на Коктебель.

Рад, что погода хорошая. В Москве тоже тепло, весна.

Не переутомляйся, не ходи по холодной воде. Фене операцию делать не будут, значит она дней через 10 двинет в Коктебель. Вот с ней можно будет послать лекарство, о котором сегодня позвоню Коле.

Пиши о всех своих новостях, главное, будь здорова.

Целую, Вася.

Передай привет Трусевичам.

Устроился ли Вл⟨адимир⟩ Ал⟨ександрович⟩ на работу?

290

Гроссман — Губер 9 мая 1959, [Москва]

9 мая 59 г.

Милая Люся, получил твое письмо, где пишешь о приезде Ванды Эдуардовны. Будь, пожалуйста, осторожна с этим чертовым быком, — еще заколет. Раз В⟨ладимир⟩ А⟨лександрович⟩ бегает от него, то, видно, скотина нешуточная!

Очень прошу тебя не волноваться по поводу «Знамени».

Я к этому отнесся совершенно спокойно, философски. Чувствую себя хорошо, — и давление, и сердце в порядке. Астма совсем не беспокоит. Поверь, что я отлично знал возможность неудачи

с рассказом, — и что такие неудачи я переживаю дай бог всякому, как спокойно и разумно. Много работаю, доволен, дело идет к концу — уже вижу его.

Погода в Москве теплая, но дождливая. Вчера говорил с Феней. Она едет, вероятно, 18-го — была у врача, и он ей отложил операцию до осени, это ей и дает возможность сейчас поехать в Коктебель.

Сейчас говорил с Катей по телефону — вчера умерла мать Жени. Она мне по телефону больше ничего не сказала — вечером ее увижу, буду на Ломоносовском.

Люсенька, пиши чаще Феде и Ире. Я вижу, что Федя очень огорчается, не получая от тебя писем, и очень обрадовался, когда наконец получил твое письмо.

Леночка все вспоминает баб Олю. Вчера утром подошла ко мне и сообщила: «Баб Оля ест фасолю».

Карлсбадскую соль тебе заготовил, т. е. вынул из шкафа, передам ее с Феней. Звонил Коле, он обещал купить и принести реопирин. Так что лекарства будут у тебя.

Вчера был у папы на могиле — был его день рождения. Подошел ко мне священник в обла-

чении, говорит: «Это, верно, отец похоронен, разрешите я произнесу молитву». Я ему ответил: «Отец мой еврей». Он говорит: «Это ничего не значит, перед богом мы все равны». И прочел поминальную молитву, я стоял рядом. Думаю, что папа не будет сердиться, хотя он был неверующий. Посадил анютины глазки и маргаритки, т. к. не взял ножа с собой, ямки выкопал пальцами. С Ольгой Семеновной не хотелось в этот день видеться, пришел один.

Был у меня Сёма Тумаркин (снова) — старая дружба осилила, видно. Рассказал, что выгнал из дома Маню — за крайнюю грубость, она не хотела с ним разговаривать, не здоровалась. Он терпел, терпел, а потом не вытерпел. Она живет у подруги. Все крымские новости, о которых пишешь, мне очень интересны.

Не переутомляйся, не ходи по холодной воде.

Целую тебя, Вася.

Послезавтра напишу на Крымское Приморье еще письмо, а там уж буду писать на Коктебель.

291

Губер — Гроссману 9 мая 1959, [Крымское Приморье]

9. V.59 г.

№ 6

Васенька, родной мой! Получила сегодня твое третье письмо от 4 мая. Немного отлегло от сердца, если правда ты такой герой и здоровье твое в порядке, несмотря на все горести.

Сегодня тоже ходила за камнями, ничего хорошего не нашла. Осталось пять дней моего здешнего пребывания, а «люкса» нет и, наверное, не будет. Чтобы хорошо разворошить кладовые драгоценностей моря, нужны штормы, а их не было и нет. Идешь километры — песок и серая галька. Сегодня подымешь камень и бросишь его в море, а назавтра опять его подымешь.

Прочла в один из дождливых дней всю книгу Сусанны Георгиевской. Пишет плохо, но читать можно. Все герои — хорошие люди. Сплошная идиллия. Плохо, когда писатель пишет: «вызвездило» «пожухла», «вечереет» и т. д.

Читать нечего, тоска, делать нечего, когда льет дождь, а Георгиевская твоя поклоница — вот я и прочла, причем, когда читала, вспоминала, что один рассказ читала где-то в журнале.

Пишу одновременно Феде письмо. Я знаю, что он очень ревниво относится к тому, что для меня на свете только ты. Никак не может с этим смириться.

Открылся здесь санаторий, но людей еще мало. Съезжаются каждый день понемногу.

Стало тепло и очень жарко, и тяжело идти обратно от Коз. Стала уже черная, несмотря на то что прячусь от солнца. Да еще обидно, что не нахожу ничего стоящего. Когда смотрю коробку с камушками, думаю: будь это несколько лет назад — сколько бы было радости, а теперь я избаловалась, подавай мне «люкс».

Уеду отсюда 15-го или 16-го утром. Хотела тебе позвонить по телефону, а ты пишешь, что будешь на Ломоносовском. Глупая я, никак не могу понять, как можно жить со взрослой дочерью в одной комнате, если не жил с маленькой. Не могу представить, чтобы я спала с папой в одной комнате. Причем, можешь мне верить, я ничего плохого не думаю, но для девушки как-то неудобно, стыдливость какая-то. Объяснить трудно, но чувствуешь, что что-то нехорошо. Дело твое, если ты этого не чувствуешь и не понимаешь.

Привет Кате.

Привет всем домашним.

Будь здоров.

Целую.

Люся.

Цветочек из Лисьей.

292

Гроссман — Губер 11 мая 1959, [Москва]

Милая Люся, пишу тебе по «крымско-приморскому» адресу последнее письмо; по моим расчетам, следующее уже следует писать на Коктебель.

Как отнеслось к тебе море в последние дни — не смилостивился ли «сердоликос морских камней»? Или все одаривал тебя вторым сортом.

Феня собирается в путь, сегодня вечерком созвонюсь с ней — повидаться, передать тебе лекарства.

Вчера видел Сучкова из «Знамени»[875], он мне говорил, что не потеряли надежды опубликовать рассказ, переслали его Поликарпову[876], хотят воевать, отменить запрет. Думаю, что не выйдет

---

[875] Примечания: 875

Борис Леонтьевич Сучков (1917–1974) — литературовед, с 1956 по 1967 год заместитель главного редактора «Знамени». В декабре 1960 года на редколлегии журнала критиковал «Жизнь и судьбу».

[876] Примечания: 876

Дмитрий Александрович Поликарпов (1905–1965) в 1955–1962 годах заведовал отделом культуры ЦК КПСС. Гроссман обращался к нему в надежде снять запрет с публикации рассказа «Тиргартен», а также после ареста рукописи романа «Жизнь и судьба», о чем сообщил в письме к Хрущеву: «Д. А. Поликарпов сурово осудил мой труд и рекомендовал мне продумать, осознать ошибочность, вредность моей книги и обратиться с письмом в ЦК» (Липкин 1990: 64).

это дело, но мне приятно, что не отреклись от меня, ведут себя по-порядочному.

Умер Еголин[877], два дня назад его хоронили. Он был не злой человек. Вспомнилось, как он гулял с детьми в Дубултах и читал им лекции по естественной истории.

Липкин проявил сердечность, что меня порадовало, позвонил по телефону из Махачкалы, спрашивал о моих делах. Он, вероятно, через 2–3 дня уже будет в Москве.

Был я у Клары с Витей, ночевал у них. Хозяйство ведет Клара, у Дуни[878] горячие денечки наступили, почти не спит, всё на даче, — днем в саду, ночью готовит корзины с цветами и рассадой, уезжает на базар в 5 ч. утра. Клара очень хороша со мной, сердечна.

У Кати ничего нового нет. Женя горюет, она с ним не видится.

Федя и Ира здоровы, вчера ходили с Леной в гости. Леночка очень мила, но большая озорни-

---

[877] Примечания: 877

Александр Михайлович Еголин (1896–1959) — литературовед, крупный партийный деятель.

[878] Примечания: 878

Дуня — домработница Виктора и Клары Шеренцис. Из воспоминаний Татьяны Менакер: «Тогда, в Москве, дядя Витя с женой тетей Кларой и приемным, уже взрослым сыном жили в завидной отдельной квартире. У них была преданная домработница Дуня, спавшая, когда мы с мамой приезжали, на фанере в ванной» (Менакер 2024).

ца, уже знаменита во дворе своим нравом. Все вспоминает тебя — уехала баб Оля на паровозике. С Наташей у Феди и Иры отношения хорошие, Наташа все время добродушна, трогательно любит Леночку, с ангельской кротостью переносит все ее шалости и капризы. Последние дни Лена стала самостоятельно взбираться на стулья и даже влезла на стол. По-прежнему требует «карандашик», измалевала дверь в столовой.

Есть в доме и печальное событие — умерла красная рыбка, видимо от старости. Воду я менял ей аккуратно. Умерла она трогательно — залезла в горшочек и уснула в нем.

Зато коты и Пума в полном блеске.

Говорил с Колдуновыми, у них всё в порядке, спрашивали о тебе, кланялись.

Я продолжаю много работать, через несколько дней закончу Крымова. Это последняя линия, недописанная в книге. После этого начну обрабатывать третью часть — перед машинкой. Но это уже дело долгое, на несколько месяцев.

А там уж что Господь даст.

Пиши мне, не переутомляйся походами, особенно когда будешь в Коктебеле.

Целую тебя, Вася.

11 мая 59 г.

293

Гроссман — Губер 13 мая [1959, Москва]

Милая Люся, получил твое письмо, спасибо за цветочки. Не понял — садовые они или полевые. Это мое письмо придет в Коктебель. Очень хотелось бы, чтобы напоследок, перед отъездом из Крымского Приморья, улыбнулся бы тебе Сердоликос — бог морских камней. Он, видимо, в 1959 году не очень был ласков к тебе, вроде Главлита — ко мне.

Спасибо за хорошие, теплые слова тебе, но, право, я собой доволен — работаю хорошо и нет во мне ни подавленности, ни растерянности ни на грош. Вчера звонил мне Кожевников — порадовал меня, он твердо уверен, что добьется напечатания рассказа. Вообще редакция ведет себя очень хорошо.

У Феди и Иры все благополучно, вот только то, что похолодало и они вполне разумно решили отложить переезд на дачу. Возможно, что потеплеет в самые ближайшие дни.

Завтра на Беговую приедут Коля и Феня. Коля передаст лекарство, а Феня возьмет. Она решила ехать 20-го, в среду. Волнуется, — открыт ли уже пансионат. Ты ничего об этом не написала.

Леночка по-прежнему милое, умное, лукавое, ласковое маленькое существо.

У Кати новостей нет.

Только что говорил с Сёмой по телефону — он прилетел из Элисты сегодня ночью. Через часок встретимся с ним. С Яшей он все наладил — ему уже дали отпуск на год, комсомольские дела, видимо, тоже утрясутся. Хорошо иметь Сёму папой — как у Христа за пазухой.

Очень прошу тебя, живя в Коктебеле, не делать пеших рейсов от Верхнего шоссе до Пещерной — это для тебя совершенно непосильно.

Новостей в Москве особых нет — ждут съезда писателей, но, видимо, и съезд новостей не принесет.

Я чувствую себя хорошо, здоров. Ни давление, ни астма совершенно не беспокоят.

Вероятно, Гехтов встретишь по приезде в Коктебель. Ты пишешь, что очень жарко. Думаю, что солнца тебе следует опасаться особенно, — больше, чем холода. Очень оно на сердце влияет. Позавчера послал тебе последнее письмо в Приморье, — вероятно, успела его получить.

Желаю хорошо устроиться в Коктебеле, ни пуха ни пера. Мне было приятно, что так тепло встретилась с Марией Степановной. Пиши.

Целую тебя, Вася.
13 мая.

294

Губер — Гроссману 13 мая 1959, [Крымское Приморье]

13. V.59 г.
№ 7

Милый, хороший Васенька! Сейчас получила сразу два твоих письма, от 7-го и 9-го. Боюсь, что, если ты пошлешь письмо через полтора дня, оно здесь меня уже не застанет. Я 15-го днем или 16-го утром уеду в Планерское. Сейчас вернулась из похода. Воевала с коровьим стадом, в том числе и с быком, который рыл ногами землю, уставясь в землю. Мне пришлось пойти навстречу стаду — т. к. я была застигнута им при выходе из дальней (последней) Пещерной. Я сняла красную шерстяную кофточку (зная, что быки красного не любят), отломала от коряги прут и, маша над головой прутом, погоняя басом, пошла навстречу, и, представь себе, стадо меня послушалось. Но, сознаюсь, было страшно. А стадо очутилось так далеко, потому что главный пастух Лёнька после отъезда мужа матери с ней ссорился и уехал в Керчь, поступил в рыболовецкую артель, а

младший, Витя, учится в школе в седьмом классе и только после обеда идет к коровам.

Мать же взбесилась, понравилось быть замужем — она с утра наряжается и толчется около отдыхающих. Например, и сегодня я послала Витю за коровами, а подхожу к столовой, смотрю: Варя в хорошем платье, подтянутая широким кожаным поясом, на шее желтые бусы, шелковый голубой платок, хорошие туфли — стоит возле столовой.

Уже в школе ее прорабатывали, что она совсем забросила детей.

Сегодня я нашла почти «люкс», но не «люкс», хотя пойдет в первую коробку. Он сердолик с агатом большой, но без формы (срезан край один) и не очень яркий. Вообще прошлый год, повторяю, меня испортил.

Когда я слышу ночью подвывание Дружка, которого больше не спускают с цепи, а цепь в полметра, мне так его жаль.

Погода здесь неприятная: стоит уже 3 дня туман, как молоко, и день и ночь. По воде я хожу мало — в воде тоже только песок.

Владимира Александровича с 25 апреля зачислили на работу шофером, а с открытием санатория О⟨льга⟩ Я⟨ковлевна⟩ пошла работать.

Так что жить им будет легче. Очень жалко мне В⟨ладимира⟩ А⟨лександровича⟩ — встает первым, идет доить корову, отгонять, кормит кур, утят, разжигает примус, тогда встает О⟨льга⟩ Я⟨ковлевна⟩. Часто не евши едет в город за отдыхающими, и так до поздней ночи. И ласкового слова не слышит, а сейчас О⟨льга⟩ Я⟨ковлевна⟩ пустила к себе в комнату квартиранток, а его отправила на пол в кухню. Ну, расписалась.

Будь здоров. Привет всем. Целую, Люся.

295

Гроссман — Губер 15 мая 1959, [Москва]

Милая Люся, получил твое письмо. Представляю себе, как у вас жарко, если и в Москве последние дни очень тепло, почти летняя погода. Хочется знать, что принесли тебе походы заключительные в Крымском Приморье. Вдруг нашла «люкс»!

Не согласен я совершенно с тобой о том, что пишешь про мое житье на Ломоносовском с Катей. Но ведь мы об этом с тобой уж не раз говорили и всегда спорили, не понимали друг друга. Думаю, что в письмах не стоит дискутировать на эту тему.

Вчера вечером пришли Феня, Коля, Сёма Ту-

маркин. Посидели хорошо. Передал Фене соль карлсбад, реопирин и коробку конфет. Я к ней еще зайду перед отъездом.

Хочется знать, как ты устроилась в Коктебеле, жду письма. Кто приехал из знакомых?

Съезд начнется 18-го, уже началась предсъездовская суета — заседания правления, московской и РСФСР-овской делегаций.

Видел сегодня Кожевникова, он уверял, что дело с рассказом не безнадежно, что есть добрые признаки и что, возможно, запрет на рассказ будет отменен. Посмотрим, его устами мед пить, да я не очень верю.

С Твардовским сидели на заседании визави, но не поздоровались. Вот они, литературные страсти! Видел на этом заседании массу знакомых. Вообще, съезд — это время, когда я встречаюсь и разговариваю с людьми за целый год вперед. Мне это бывает приятно, я ведь, по существу, общественный и общительный человек, а затворничество мое не от хорошей жизни.

Крымова своего закончил, теперь примусь за третью часть. Надо ее подтянуть до машинки, работа эта большая. Да еще надо несколько глав написать. Но в общем и вчерне книга есть уже.

Леночка очень мила, очень трогательно вспо-

минает тебя. Вчера сказала: «У баб Оли есть красивые бусики». Меня она называет ласково: «дедя Васюта», а сегодня вдруг лукаво посмотрела на меня и сказала: «дед Васька».

Федя очень мил, много работает в институте и библиотеке. Ира работает еще больше, учится, стирает. Но уж очень она холодна со всеми — все приходящие друзья чувствуют, что она к ним относится как к совершенно чужим, случайным людям. Бог с ней, но, по правде говоря, это неприятно. Проронит сквозь зубы «здравствуйте», кивнет, и всё.

Маруся с Катей через день-два переезжают на дачу. Женя с Алекс(андром) Алекс(еевич)ем[879] также переезжают.

Жду твоего первого коктебельского письма, будь здорова, избегай солнца.

Целую тебя, Вася.

15 мая 59.

Есть ли у тебя зонтик?

296

Губер — Гроссману 16 мая 1959, [Коктебель]

16. V.59 г.

---

[879] Примечания: 879

Александр Алексеевич — второй муж Евгении Йост (Сочевец).

№ 8

Васенька, солнышко мое! Вот я и в Коктебеле, наслаждаюсь «красивой» жизнью. Сижу в качалке на балконе, смотрю на море. Спала ночь на чудной, мягкой постели. Кушала очень вкусно. Утром мылась в чудной ванне. Здесь хорошие ванны и души, словом, наверно, дом стал в смысле удобств не хуже ялтинского, хотя еще не все достроено.

Вчера весь вечер просидела с Марией Степановной. Она под впечатлением смерти отчима Ирины Эренбург, очень много и интересно рассказывала о нем. Мать Ирины[880] — ее подруга, и с отчимом ее она была очень дружна, а человек он был очень интересный, но до анекдотов рассеянный.

Письма твоего, которое ты обещал написать мне 11 мая, я не получила, Федино же письмо от 11-го пришло. Как видишь, ждать обещанного письма я не стала и уехала. Может, ты и не писал его?

Федя пишет, что ты практически живешь на Ломоносовском. Ну что ж, тебе виднее. Хотя это и очень нехорошо, но ты этого не понимаешь.

---

[880] Примечания: 880

Екатерина Оттовна Шмидт (1889–1977) — переводчица, первая жена Ильи Эренбурга.

Сегодня начался съезд. Приехали мои знакомые по прежним приездам: Клара Соломоновна Арсенева и племянница И⟨вана⟩ А⟨лексеевича⟩ Новикова[881]. Я с ними дружу на курорте. Вместе сели за стол.

Сегодня были у меня Гехт и Вера. Они еще на деревне — живут у Лиды, питаются где попало. Гехт не решается просить, чтобы их взяли в Литфонд раньше срока, хотя сегодня приехало мало народу, все пусто.

Вчера, когда я садилась в машину ехать в Коктебель, вдруг услышала, что меня зовут: это оказались Гехт и Вера, которые приехали ко мне в Крымское Приморье. Перекинулись несколькими фразами, и я уехала, т. к. в машине со мной места не было.

Вот уже два дня отдыхаю, ходить здесь нет смысла, ничего нет, только для прогулки.

Будь здоров.

Целую,

Люся.

---

[881] Примечания: 881

Писатель и переводчик Иван Алексеевич Новиков (1877–1959).

297

Гроссман — Губер 18 мая 1959, [Москва]

Милая Люся, пишу тебе письмецо, сидя у Фени, к которой пришел проститься. Сегодня открылся съезд, пришел к Фене со съезда. Доклад Суркова был невероятно скучен, ни одного живого слова буквально. После заседания сидели с Сёмой в Кремлевском саду — необычайно красивые цветы, тюльпаны, каких никогда в жизни не видел, — махровые, чуть ли не по 50 лепестков.

Видел на съезде Кожевникова, и он снова мне подтвердил, что не теряет надежды на напечатание рассказа и что придерживает печатание шестого номера, — расчитывает, что добьется снятия запрета.

Получил сегодня твое письмо, где пишешь, что нашла «почти люкс». Я как-то не мог представить себе его, но думаю, что можно тебя поздравить с находкой.

Хорошо, что происшествие с быком обошлось благополучно. Но будь в дальнейшем осторожна.

Жалко мне стало Варю и Владимира Александровича — хотя у них причины горестей прямо противоположные.

Ребята в ближайшие дни, вероятно, будут выез-

жать на дачу. Погода хорошая, но почти каждый день по вечерам — дождь.

Федя выглядит хорошо, с Наташей у них мир.

К Липкину сегодня приехал Яша — все устроилось благополучно — дали ему академический отпуск, а из комсомола не исключили, а заменили выговором.

Ну, буду кончать письмо.

Прости за почерк, неудобно сижу; да и страшный шум за столом — пришли Феню провожать 5 человек, и все говорят одновременно.

Жду твоего первого коктебельского письма, я тебе в Коктебель пишу — третье. Берегись горячего солнца, холодной воды, злого быка.

Целую тебя,

Вася.

18 мая 59 г.

298

Губер — Гроссману 18 мая 1959, [Коктебель]

18. V.59 г.

№ 9

Васенька, милый мой! Получила сейчас два твоих письма — одно, пересланное из Крымского Приморья, второе от 13 мая. Спасибо тебе, что ты часто мне пишешь. Каждое твое письмо — мне

радость.

Вчера вечером у меня сидел Гехт — хочет досрочно перейти в дом отдыха и боится. Уговорила его пойти сегодня утром, пошел и с завтрашнего дня будет жить уже здесь. Меня он удивляет — так робок.

Рада очень, что удалось мне напомнить об питании для Марии Степановны. Сегодня ее уже кормят, а то хотела писать Воронковой, чтобы она похлопотала в Литфонде.

Каждое утро в 6 часов утра иду до отказа за Юнга. Попадается всякая ерунда. Сегодня уже посылала Лиду к Ване. Сказал, что сейчас очень занят, — дня через 3–4 освободится, тогда можно поехать.

Фене я не ответила, т. к. 18-го ждала ее сюда. Пансионат работает. Сегодня Гехты там обедали — говорят, так там все дешево, обед из 4 блюд стоит 6 рублей. Сегодня ходила с Гехтами, выбирала с ними комнату. После сидели они у меня, и я поила их крепким чаем. Днем немного выпила — Лида принесла мне литр местного сухого вина и жарила барабульки, — и мы кутили с племянницей Новикова, Еленой Андреевной и Кларой Соломоновной.

Жизнью своей я довольна, только скучно без

тебя.

Читаю в «Октябре» Паустовского «Время больших ожиданий»[882]. Интересно, но, по-моему, много фантазии.

На «палубе» со мной живут еще 4 старушки. Спокойно. Детей в этом году здесь (на палубе) нет, а то в прошлом они очень одолевали меня — все время нужно было показывать камни, они хватали их руками, да и очень шумные были.

Отчего умер Еголин?

Очень рада, что «Знамя» хорошо относится к рассказу. Как с отрывком для «Лит(ературной) газеты»? Что-то ты ничего не пишешь?

Привет домашним.

Привет Семену Израилевичу.

Будь здоров.

Целую.

Люся.

299

Губер — Гроссману 21 мая 1959, [Коктебель]

21. V.59 г.

---

[882] Примечания: 882

Повесть Паустовского «Время больших ожиданий» была впервые опубликована в номерах 3–5 журнала «Октябрь» за 1959 год (Паустовский 1959).

№ 10

Милый Васенька! Получила твое письмо, где ты пишешь о встрече с Кожевниковым. Мне очень приятно, что, может, рассказ будет напечатан, радоваться еще боюсь, спасибо, что редколлегия хлопочет.

Дискутировать о твоем жилье с тридцатилетней женщиной в одной комнате я не хочу, потому что это нужно чувствовать душой, сердцем, а не понимать разумом. Я написала только потому, что это мне больно. Что Ира холодна со мной, с тобой и со всеми нашими друзьями, неприятно, но ничего не сделаешь — она так устроена, но она хорошая, я ее люблю.

За что Леночка назвала тебя «дед Васька»?

Сейчас сюда съехалось уже много народа, ждут еще. Из моих знакомых приехало еще несколько человек. Из общих вчера приехал Н⟨иколай⟩ Л⟨еонидович⟩ Степанов, один, без Л⟨идии⟩ К⟨онстантиновны⟩[883]. Жду завтра Феню, может быть, поеду встречать ее в Феодосию, если будет место в нашем автобусе.

Зонтик я купила здесь, т. к. у Лиды зонт испор-

---

[883] Примечания: 883

Литературовед Николай Леонидович Степанов (1902–1972) и его жена Лидия Константиновна были соседями Ольги Губер и Василия Гроссмана по Беговой улице.

тился, но купила зонтик китайский, от солнца он прикрывает, а от дождя расклеится. Сейчас второй день по утрам дождь, так что сижу в комнате, днем же разгуливается погода и очень жарко.

Камни по-настоящему собирала последний раз 14-го числа. Автобусом не еду, боюсь за сердце, днем жарко очень, а Ваня все занят.

Вчера первый день было кино. Смотрели какой-то фильм «Соляной столб»[884]. Много читаю. Тоскую по сбору камней. Обидно быть здесь и не иметь возможности найти «люкс». Все прелести Коктебеля для меня меркнут. Может, с Феней поедем автобусом.

Леночку, наверное, скоро увезут на дачу. Мне же хочется уже в Москву, а осталось еще 20 дней.

Почему Федя так мало пишет мне? Передай им привет и скажи, что пусть пишут, хотя открыточку, что писать письма, я знаю, им нет времени. Рада, что Наташа добрая — это ее сделала такой любовь к Леночке.

Привет Липкину и Сёме Тумаркину.

Целую.

Люся.

Цветочек еще из Лисьей.

---

[884] Примечания: 884

«Соляной столб», 1958, Венгрия, реж. Зольтан Варконьи; в прокат в СССР вышел в 1959 году.

300

Гроссман — Губер 22 мая 1959, [Москва]

Милая Люся, получил твое первое коктебельское письмо. Очень приятно было читать, что наконец почувствовала ты всю прелесть настоящих удобств — выспалась на мягкой постели, помылась в ванне, сидишь в шезлонге, ешь пирожные.

Все эти дни я на съезде — с утра до вечера. Тоска смертная в зале заседаний, а в фойе множество знакомых, перечисление их заняло бы все письмо. Немало бы места заняло бы и перечисление тех, кто со мной не здоровается, представь — вся редколлегия «Нового мира» — от Твардовского до Закса[885]. Видел на съезде Поликарпова, говорил с ним о рассказе, он обещал в воскресенье прочесть его. Но по тону его чувствую, что вряд ли решится этот вопрос положительно. В остальном был мил — вспоминали Гагры, расспрашивал, как устроена Катя, поведал мне повесть о своих

[885] Примечания: 885

Писатель и литературный критик Борис Германович Закс (1908–1998) в 1958–1966 годах был ответственным секретарем журнала «Новый мир», принимал участие в редактировании романа «За правое дело». В 1961 году именно у него хранились ключи от сейфа, из которого конфисковали рукописи романа «Жизнь и судьба» (Берзер 1990: 264). Воспоминания Закса о встречах и работе с Гроссманом см.: Закс 1980.

многочисленных болезнях.

Вчера на съезде узнал обрадовавшую меня весть — встретил режиссера Пронина[886], и он мне сказал, что 2 месяца назад видел Леонида Леонидовича Оболенского — он жив, здоров, работает в Свердловске, в киностудии[887]. Меня это обрадовало очень.

У Липкина новое несчастье с Яшей — его мобилизуют, и Сёма роет землю, добивается к Поликарпову.

Ребята сегодня хотят перебираться на дачу, заказали машину, и, как на грех, именно сегодня наступила ужасная погода — дождь, ледяной ветер, температура упала до нуля. Думаю, что вещи они перевезут, а Леночка останется пока в городе.

Феня сегодня, вероятно, уж приехала в Коктебель, как бы не привезла она с собой московский холодище к вам.

Неужели коктебельский берег так пуст, что там

---

[886] Примечания: 886

Василий Маркелович Пронин (1905–1966) — режиссер научно-популярных и художественных фильмов.

[887] Примечания: 887

Леонид Леонидович Оболенский (1902–1991) — актер, режиссер, журналист; в 1945 году осужден на 10 лет лагерей, был освобожден досрочно в 1952 году и в 1956-м направлен на работу в Свердловскую киностудию.

нет даже смысла искать камни? Каковы же твои итоги в Крымском Приморье? Сколько камней достойны попасть в первую коробку?

Видел на съезде Острогорскую — книга Бориса пошла в набор. Говорил с Пермитиным и Левиным относительно предисловия. Пермитин отказался, сославшись на чрезвычайную занятость, а Левин обещал поговорить в издательстве и написать короткое предисловие — завтра буду звонить ему[888].

В дни съезда разболтался, не работал, и от этого как-то хуже стало на душе. Решил не досидеть до конца съезда — завтра снова начну работать.

Тебе, вероятно, веселей теперь, есть знакомые, можно поговорить вечерком. А я почему-то без всякого удовольствия вспоминаю Коктебель, особенно нынешний асфальтированный, и часто думаю о прелести Крымского Приморья. Очень уж оно мне понравилось, включая и домик Трусевичей.

Смотри, Люсенька, не налегай особенно на пирожные и сдобу, а то все твое похудение вмиг исчезнет!

Пиши мне — кто в Коктебеле из мне знакомых,

---

[888] Примечания: 888

Предисловие к сборнику Бориса Губера Левин так и не написал (см.: Губер 1959).

как живешь, как чувствуешь себя.

Целую тебя,

Вася.

22 мая 1959 г.

Привет Фейге[889].

Посмотрел сейчас на градусник — 4°.

301

Гроссман — Губер [23 мая 195 9[890], Москва]

Милая Люся, вечером отправил тебе письмо, и тут же пришло письмо от Сусловых — посылаю его тебе. На всякий случай списал адреса их.

Мне кажется, надо написать письмо сторожу и послать деньги ему, а через несколько дней письмо Сусловой с просьбой проследить, как он выполнил работу.

Сторожу надо, мне кажется, написать, чтобы он постоянно ухаживал за могилой[891], и пусть напишет тебе (на Москву), согласен ли он и сколько посылать ему в месяц (в Москве берут 25–30 руб.

---

[889] Примечания: 889
Фейга — Фаина (Феня) Школьникова.

[890] Примечания: 890
Дата на штемпеле конверта.

[891] Примечания: 891
Речь о могиле Михаила Губера в Чистополе.

в месяц). Но, конечно, можно поехать туда и обо всем договориться.

В Москве очень холодно, ночью морозец, ледяной ветер. Неужели и к вам дошли эти холода? Вещи на дачу отвезли, а переезжать будут, когда потеплеет хоть немного. За этот день новостей нет — всё в порядке, все здоровы. Через денька два напишу тебе.

Целую тебя,

Вася.

302

Гроссман — Губер 26 мая [1959, Москва]

26. V.59 г.

Милая Люся, получила ли ты письмо Сусловой, которое я переслал тебе, — меня тревожит, дошло ли оно.

Леночку в воскресенье (24-го) отвезли на дачу, Федя говорит, что там хорошо, хотя погода очень холодная. Федя и Ира в городе, блаженствуют, отсыпаются. Малютка «давала им жизни», последнее время плохо спала, а днем бегает как метеор, залезает на все кресла, столы, ее нельзя и на минуту оставить одну. Думаю, что больше всех блаженствует Наташа, она буквально валилась с ног.

Но при этом она скучает по Леночке, очень уж она мила, ласкова, весела.

Маруся уже не даче. Женя в городе, так как заболел Александр Алексеевич — простужен, чувствует себя плохо.

Коля гриппует. Не понравилось мне, что за 4 дня его болезни (а сидит он один) Лиза не удосужилась навестить его; даже в воскресенье она, вместо того чтобы навестить его, уехала на дачу. А ведь он так внимателен к ней.

Съезд кончился. Последние дни я уж не ходил. Неожиданно попал в правление, вернее, остался. Ты свидетель, что я не много для этого сделал. С рассказом новостей нет пока, мне кажется, что так дело и закиснет. Снова много тружусь, вернулся ко второй части (перепечатанной), правлю ее. Когда доправлю, перейду к третьей и начну ее готовить к перепечатке. Это, пожалуй, самая большая из оставшихся мне работ, займет несколько месяцев.

Гуляем с Липкиным, Яша через 2 дня уезжает в Нальчик. Там новые хлопоты, устройства дел через знакомых, конца не видно. Боюсь, что все это может кончиться жестоким фельетоном в газете, ведь все это дело происходит на глазах у сотен людей. Интересно, что Нина, вместо того

чтобы жалеть Сёму, совершенно измученного этими унизительными делами, все время пилит его — не так он все делает, недостаточно хлопочет о дорогом сыночке.

Но одновременно в жизни Сёмы большое и радостное событие — вчера появился сигнальный номер «Нового мира» с его стихами[892].

Не езди, пожалуйста, автобусом в Лисью, это тебе не по силам. Оседлай Ваню. Ни в коем случае не подымайся пешком до верхнего шоссе, это сокрушительно тяжело. Пользуйся зонтиком!

Пиши. Целую тебя,

Вася.

Привет Фене.

26 мая

Колдуновы шлют тебе привет.

303

Губер — Гроссману 26 мая 1959, [Коктебель]

Васенька! Родной мой! Что ж это ты мне перестал писать? Очень меня это огорчает. Последнее письмо по почте было от 15 мая, и больше нет. Думаю, что нет писем не потому, что ты болен, а

[892] Примечания: 892

Пять стихотворений Липкина вышли в 6-м выпуске журнала «Новый мир» за 1959 год (Липкин 1959).

помешал съезд писанию, так я себя успокаиваю. Говорят звонящие в Москву, что в Москве очень сейчас холодно, но холодно и у нас. Сижу на балконе в пальто, хожу к морю в пальто.

Смешно сегодня спросила меня соседка по палубе, старая барыня-еврейка, очень похожая на Клару: «Скажите, где вы получили такой красивый цвет лица?» Я ответила, что ходя по берегу. А она говорит, что по берегу ходить плохо, «свернешь все каблуки».

Вообще в этом году много каких-то неприятных людей, но я с ними не сталкиваюсь.

Каждый день приходит Феня, иногда несколько раз. Сейчас у нее, бедняги, болит палец, и решили подождать Ваню, который все никак не хочет возить ни в один конец. В крайнем случае все же поедем и автобусом, но когда подживет у Фени палец.

Гехт и Вера тоже каждый день заходят ко мне. Вера вечером шла с Феней по берегу и нашла хороший фернампикс[893], а вообще, как я и писала, с камнями плохо, так хочется в Крымское Примо-

[893] Примечания: 893

Константин Паустовский в рассказе «Синева» в числе камней, которые встречались на побережье в Крыму, упоминает «камни со странным названием „фернонпиксы“, разрисованные сложными узорами» (Паустовский 1983: 489; см. также: Гофф 1985).

рье. Может, там море выбросило мне «люкс».

Пиши, Васенька.

Целую.

Люся.

304

Гроссман — Губер 29 мая [1959, Москва]

Милая Люся, получил твое письмо, где пишешь о приезде Фени. Рад был узнать, что она хорошо устроилась в пансионате.

Сообщаю тебе главное событие: Катя вышла замуж. Муж ее хороший, добрый человек, так мне кажется, очень любит ее.

Зовут его Александр Сергеевич Коротков, он переводит с итальянского. Они сейчас живут на даче у Клары, думают там прожить недельку. Возможно, наймут в Загорянке комнату, проживут там лето. Он из простой семьи, мать его уборщица. Впереди у них много житейских, бытовых сложностей, но мне кажется, что он хороший человек и что она может быть с ним счастлива. На днях я видел Фосса, он приходил на Ломоносовский к Кате. Я порадовался всей душой, что Катя не соединила с ним свою судьбу, показался мне существом ничтожным, ограниченным, самодовольным. И хотя, выйдя за него, Катя не

знала бы никаких материальных и бытовых бед, мне совершенно ясно, что выбор ее правилен — пошла за хорошего человека. Свадьбы они справлять не будут, в воскресенье отправляются с визитом к маме[894] его, прием произойдет в Букингемском дворце.

Всеми этими событиями я растроган и взволнован.

Прочти Фене это письмо, она ведь Катю любит. Напишу Фейге, когда от нее получу письмо.

У нас тут жуткая погода, беспрерывные холодные дожди, собачий холод, по утрам термометр почти на 0°.

Прогноз на июнь малоутешительный. Наверное, и в Коктебеле похолодало. Леночка живет на даче с Фирой Арон(овной), а Федя и Ира в городе, блаженствуют, отсыпаются, на дачу ездят раза 2 в неделю.

У Липкина продолжается мура с Яшей, — и жалко мне его, и противно смотреть на то, как Сёма выдрющивается, унижается, тащит своего олуха за уши.

Я много работаю. Пришла верстка «Кольчугина» из Детиздата, обещают выпустить в июле.

---

[894] Примечания: 894
Елена Петровна Короткова (*урожд.* Никитина; ум. 1966).

Иллюстрации очень плохие, но, как говорится, по Сеньке и шапка[895].

«За правое дело» обещают выпустить в Воениздате, в июне[896].

С рассказом все тянется дело, и я уж не жду благоприятного решения, успокоился.

Очень хочется, чтобы первая декада июня была более счастливой в твоих каменных поисках, чем май. Молю бога, чтобы Кокорекины не обскакали тебя на своем автомобиле.

Был у Коли, навестил его во время болезни. Лиза так и не удосужилась побывать у него, теперь он уже здоров, ходит на работу. Видел Веронику и Витю, они затеяли ремонт. Ира тоже хочет делать ремонт в своей комнате.

Пиши мне, будь здорова, не переутомляй сердце длинными походами.

Целую тебя, Вася.

29. V.

Привет Фене.

---

[895] Примечания: 895

Роман «Степан Кольчугин» действительно вышел в июле 1959 года в издательстве «Детгиз» (Гроссман 1959b), с иллюстрациями Владимира Панова (1931–2007).

[896] Примечания: 896

Роман был выпущен в августе 1959 года (Гроссман 1959a). Об этом издании также см. в письмах Гроссмана Ольге Губер от 1 июня (с. 542) и 4 июня 1958 года (с. 545).

305

Губер — Гроссману 30 мая 1959, [Коктебель]

30. V.59 г.

Васенька, хороший мой! Сейчас с Феней вернулись из Крымского Приморья, и меня ждало твое письмо. Очень рада была ему.

Письмо твое с письмом Люси Сусловой получила и в тот же день написала в Чистополь — сторожу и Елизавете Георгиевне. Тебе же послала в тот день утром письмо.

Позавчера, 28 мая, я поехала рейсовым автобусом в Козы — поселок. Оттуда прошла в Крымское Приморье, где мне повезло: шофер директора «Кр⟨ымского⟩ Пр⟨иморья⟩» вез в Феодосию кассира билетного и довез меня до Коктебеля. Прогулялась я хорошо, но ничего не нашла. Сегодня тоже нет ничего стоящего, но я еще надеюсь найти «люкс».

Очень рада за Семена Израилевича, поздравь его от меня.

Сегодня был очень жаркий день в Крымском Приморье, а приехала сюда — здесь холодно, все зябнут. Феня изнемогала от жары. Два раза купалась. Даже я разделась голяком и поплескалась немного холодной водой. Вода 14°.

Я здесь знаменита «через камни». Феня слышала, как ее сосед в пансионате говорил другому, что здесь есть академик по камням Ольга Михайловна Гроссман. Идешь, и с тобой здороваются люди, которых не знаешь и не помнишь, а они говорят: «Здравствуйте, Ольга Михайловна!» Смешно.

Зонтик с собой в путешествия я беру. Без него я бы пропала. И то сегодня обожгла руки.

Второго закажу билет. Мне пиши до 5-го. Боюсь, что позже письмо меня уже не застанет — идет оно 4–5 дней.

Соскучилась очень я по тебе. Хочется уже домой.

Будь здоров.

Целую, Люся.

Привет Феде, Ире, Наташе, Сёме Липкину.

Поцелуй Катю, хотя я ни разу не получила от нее привета, хотя сама посылала их много.

306

Гроссман — Губер 31 мая [1959, Москва]

Милая Люся, получил твое письмецо, где пишешь, что долго нет от меня писем. Должно быть, пропало письмо, так как пишу тебе часто, без антрактов.

Видишь, как получилось. Попала в Коктебель и

отрезана от Крымского Приморья. Видно, все же для каменных дел надо жить в Кр⟨ымском⟩ Приморье, а ездить из Коктебеля слишком трудно.

Молодым людям и то не под силу такие путешествия в два конца.

Федя и Ира уехали на дачу, сегодня воскресенье. Погода чуть-чуть улучшилась, но все же холодно, к счастью, сегодня затопили наконец, представляешь, как холодно, если накануне 1 июня топят.

Катя с Алекс⟨андром⟩ Серг⟨еевичем⟩ тоже на даче, как они живут в этой хибарке Клариной. Правда, дров там много и есть плита.

А Наташа вместе с Жучкой обстригли Пуму, и бедняга дрожит от холода.

Есть и печальная новость — красная рыбка умерла, остались лишь сомики. Умерла она трогательно — забилась в горшочек перед смертью.

Вышел номер «Нового мира» со стихами Липкина, ему в первый день звонило несколько человек — среди них Ахматова, Слуцкий. Все хвалят, очень высоко оценивают стихи — «большое событие», «родился новый большой поэт». Я переживаю Сёмин успех, как свой, очень меня это радует.

У меня сейчас скучные дни в работе, — пришла верстка «Кольчугина» — приходится читать,

т. к. издание сокращенное, а читана она мной и перечитана бессчетное число раз.

С рассказом дело все тянется, никак Поликарпов не вынесет своего вердикта.

Затянулось печатание «За правое дело», обещали выпустить в апреле, а дай бог, чтобы книга вышла в июле. Огорчает меня, что полковник Крутиков в эти дни уходит на пенсию, привык я с ним иметь дело, очень он порядочный, честный человек.

Чувствую я себя хорошо, холода мне не вредят, дышится хорошо. Собираюсь к Колдуновым в гости, да все откладываю, боюсь поучений скучных: «учение свет, а неучение тьма».

Читал мне Слуцкий свои новые стихи, очень хорошие. Он превосходный поэт.

Получил письмо от Фени. Сегодня написал ей, наверное, придет в Коктебель одновременно с твоим.

Пиши, сообщи, на когда заказала билет, твое крымское пребывание уже подходит к концу. А Елизавету Ивановну ты теперь не видишь? Как ее каменные дела?

Целую тебя, Вася.

31 мая

307

Губер — Гроссману 2 июня 1959, [Коктебель]

2. VI.59 г.

Васенька! Родной мой! Сейчас получила твое письмо. Очень рада за Катю. Для тебя это была тоже, как видно, неожиданность. Рада, что вышла она не за Женю, которого я никогда не видела, но, по рассказам о нем Кати, не любила. Мне казался он пустым, изломанным человеком. Ведь счастье не в бытовом и материальном устройстве. Вспомни, как было тяжело первое время Марусе, когда Ника вышла за Витю, а теперь все наладилось.

Когда я получила письмо, у меня сидели Гехты, зашла Феня. Она очень обрадовалась за Катю. Немного посидела и пошла писать письмо Кате.

Погода здесь плохая. Очень сильно печет солнце, и дует ледяной ветер. У всех болят сердца (конечно, у кого плохие они). У меня тоже сильно отекают ноги и болит сердце, потому ехать за камнями не могу. Много лежу. Пью лекарства.

Очень стосковалась по Москве. Хочется скорей приехать. Прелесть Коктебеля без камней вянет. Кокорекиных еще нет, но и море все время волнуется.

Сегодня получила привет от Елизаветы Ива-

новны, она 31-го приехала в Крымское Приморье. Записалась на экскурсию в Карадаг на биостанцию, поеду и сойду в Крымском Приморье, повидаю всех знакомых.

Получила от Иры и Феди письмо, им тоже ответила. Огорчает меня отношение Лизы к Коле. Вспомни, что она говорила под Новый год. Не любит она его. Грустно за него.

Все надеюсь, что в «Знамени» увижу твой рассказ.

Читаю рассказы Станкевича, очень хорошие, добрые они. Хотела перечесть Тынянова — не смогла: плохо пишет.

Сегодня днем приходила ко мне Дьяконова-Цехновицер — она очень интересно рассказывала мне об Одессе, Бабеле, Багрицком, Маяковском, она одесситка. Сейчас она написала воспоминания о Маяковском.

Будь здоров.

На это письмо уже не отвечай.

Привет всем.

Целую,

Люся.

308

Гроссман — Губер 3 июня 1959, [Москва]

Милая Люся, получил твое письмо, где пишешь о своей славе каменщицы. Меня порадовала она. Ты давно уж меня переплюнула, надо сказать прямо. Ты пишешь «смешно», но, наверное, и тебе это приятно.

Да и надо сказать — слава эта далась тебе не даром — большим, тяжелым трудом.

Ладно, славься!

Люся, узнал печальную новость — тяжело заболела Наташа Лойко[897], — у нее оказалась злокачественная опухоль прямой кишки. Бек повез ее в Ленинград, оперировать ее будет знаменитый хирург 4 июня. Прогноз неблагоприятный.

Она славная, хорошая женщина, мне ее очень жаль.

Сёме Липкину многие звонят по поводу его стихов, я радуюсь успеху. Он по-хорошему, серьезно переживает это важное событие в жизни своей.

---

[897] Примечания: 897

Наталия Всеволодовна Лойко (1908–1987) — детская писательница, вторым браком была замужем за писателем Александром Альфредовичем Беком.

Яшка все еще в Москве, через несколько дней поедет в Нальчик. Кажется, у него все же все устроилось.

Катя с мужем сейчас уже в Москве, ищут комнату. Он хороший человек, нравится мне. Но, видимо, тюфяк и непрактичный. Идет явно по Фединой группе — подкаблучник, причем ярко выраженный. Катя была в гостях у его мамы, — кажется, обе остались довольны.

Погода резко улучшилась — синее небо, солнце, тепло. Вчера Колька-слесарь уже вставил летние рамы в окна. Федя сейчас дома. Ира ночует эти дни на даче.

От души желаю тебе в последние свои походы действовать по принципу — конец делу венец — найти люкс. Я вижу, что заклинание — ни пуха ни пера — не помогает, и поэтому в прямой форме желаю тебе удачной охоты. Но не переутомляйся и в последние дни.

Целую тебя, Вася.

Сердечный привет Фене.

Напишу еще одно письмо числа 5–6-го.

3 июня 1959 г.

Сёма шлет тебе привет.

309

Гроссман — Губер [Начало июня 1959, Москва]

Милая Люся, ты уже, наверное, заказала билет и «закругляешь» свое коктебельство. Жду письма твоего, где сообщишь день приезда, номер вагона, поезда. Погода в Москве стоит последние дни чудесная — тепло и ясно.

Очень хочется, чтобы «сердоликос» улыбнулся тебе в последние дни крымского пребывания.

У меня по-прежнему новостей с рассказом нет, все тянется, теперь жду звонка Поликарпова. Всегда чего-нибудь жду, помнишь, как ждал фадеевских звонков — годы!

«Новый мир», где напечатан Сёма, еще не поступил в продажу, а в «Известиях» за 3-е напечатана гнусная, отвратительная статейка о его стихах[898]. И хотя понимаешь, что ничего другого ждать нельзя было, — ужасно это больно.

Ты подумай, столько лет, что лет — десятилетий! мечтать о том, чтобы напечатать свои стихи, и на третий день быть облитым помоями.

Наташу Лойку оперировали, операция прошла хорошо, длилась $3^1/_2$ часа.

---

[898] Примечания: 898

Речь об анонимном фельетоне «Альбомные стихи» (Альбомные 1959).

Молодые супруги, кажется, счастливы, я очень радуюсь, словно камень с души снят, когда смотрю на веселое, счастливое лицо Кати.

Федя много работает, написал, между прочим, стихотворение неплохое.

Вчера позвонили из издательства, что получена верстка Бориной книги. Я беспрерывно звоню Левину о предисловии — ленивая комиссия, более ленивой не видел я.

С Ирой мы обмениваемся словом «здравствуйте» — ох, хоть бы меньше немного было у нее добродетелей и хоть немного была бы она помягче характером. Работает она по 14 часов в сутки — шьет, учится, стирает. Ее есть за что любить и уважать, но была бы помягче, очень уж жестка.

Сообщаю приятную новость — одна 100-рублевая облигация выиграла в этом тираже 500 рублей. И ты выиграй что-нибудь под занавес на морском берегу! Только не переутомляйся под конец, навредишь сердцу!

Люсенька, если сообщишь, что выезжаешь 10–11-го, — это письмо мое уже последнее, следующее бы тебя не застало.

Целую тебя, Вася.

Передай Фене мой сердечный привет.

Письма Гроссмана в Крым, 1960 – 1961

В 1960 году Гроссман завершает работу над романом «Жизнь и судьба». 6 октября сдает рукопись в редакцию журнала «Знамя» и начинает ждать ответа. В декабре ему отказывают в публикации из-за «антисоветского» характера произведения, а в феврале 1961 года КГБ арестовывает роман, изъяв все его экземпляры у автора, редакторов и даже машинисток.

310

26 апреля [1960, Москва][899]

26. IV

Милая Люся, пишу тебе вслед, в нарушение условия: писать в ответ! Хочется знать, как ты доехала, очень ли оказался плаксивым ребенок-спутник? Встретили ли тебя, оказался ли на вокзале носильщик Володя?

Ты, наверное, не удержалась и в первый же день пошла за камнями. Как твои ноги, отеки?

После твоего отъезда приезжал молодой чело-

---

[899] Примечания: 899

Письмо отправлено в Крымское Приморье на адрес Ольги Яковлевны Трусевич.

век смотреть Пуму. Это от Сусанны, но Сусанна его лично не знает. Мне показался он неподходящим претендентом. Сегодня виделся с Сёмой Тумаркиным, сидели до часу ночи, перебрали в разговоре всех родных и знакомых. Я сидел сегодня на Ломоносовском, сговорился с машинисткой, дня через 2–3 начну сдавать ей рукопись[900].

Леночка сегодня нездорова, гулять не пошла, скороговоркой объясняет: «Баба Оля уехала в Крым собирать камушки».

Жду твоего письма. Не переутомляйся, береги здоровье, сходи к врачу — измерь давление.

Какой погодой тебя встретил Крым? В Москве сегодня чудный весенний день.

Целую тебя, Вася.

Привет Трусевичам, поздравление с наступающим праздником.

311

30 апреля [1960, Москва]

30 апреля

Милая Люся, пишу тебе второе письмо, в канун 1 Мая. От тебя не было телеграммы, но надеюсь, что все благополучно, — ведь мы договорились,

---

[900] Примечания: 900
Рукопись романа «Жизнь и судьба».

что телеграфировать не будешь.

Я эти дни провел на Ломоносовском, работал много, подготовил всю первую часть к сдаче на чистовую перепечатку. В первой части оказалось 460 страниц.

Сегодня будем с ребятами — Федя, Ира, Лена — встречать 1 Мая. Завтра гостей они не зовут, кроме родителей Иры. Я позвоню Коле — может быть, захочет прийти.

Ни яблок, ни апельсинов по-прежнему нет, мы гуляли с Сёмой, у площади Маяковского продавались в фруктовом магазине яблоки — я не поленился, посчитал: очередь была 400 человек!

Сёма сегодня вместе с Гехтом отбыли в Переделкино, мы с ним (Сёмой) на прощании были в «Арагви», повторили точно программу, которую «осуществляли» с тобой. Накануне был у Слуцкого, его жена[901] оставила работу, для того чтобы обменять 2 комнаты на отдельную квартиру. Вчера встретил Машу на улице, она мне показалась очень постаревшей. В Москве были 2 совершенно зимних холодных дня, сегодня потеплело. Хочется знать твои новости. Прежде всего здоровье? Затем каменные дела? Какая погода? Как кормят

---

[901] Примечания: 901
Татьяна Дашковская (ум. 1977).

тебя? Напиши, пожалуйста.

С 1 мая, говорят, вводится новое авторское право. Оно сильно бьет по переизданиям и по переводчикам[902]. Подробности еще не известны, напишу, когда узнаю.

Наташа напекла пирожков — весьма вкусны. Леночка очаровательна, но одновременно совершенно невыносима — сказочно капризна! Особенно когда Ира дома.

Созвонился только что с Колей, он завтра приедет — Лиза уехала в Молдавию, и он свободен. Говорит, что, по-видимому, удастся ему получить хорошую, а не плохую комнату, но ждать придется до осени.

Пиши, пожалуйста!

Главное, не переутомляйся, остерегайся солнца, оно, верно, очень жаркое.

Целую тебя, Вася.

Привет Трусевичам.

312

3 мая 1960, [Москва]

---

[902] Примечания: 902

С 1960 года переиздания художественных текстов и переводов стали оплачиваться хуже, чем раньше. Об изменении в 1959–1962 годах законодательства об авторском праве см.: Levitsky 1964: 46–53.

Миля Люся, получил сегодня 2 твоих письма одновременно. Получила ли ты мои — это пишу третье. Меня огорчила обстановка, в которой ты живешь, очень советую тебе перебазироваться, пусть и на несколько дней. Уж очень неприглядную картину ты нарисовала. Господи, вот уж действительно благодетельница нашлась. Я был возмущен, когда читал описанную тобой встречу. А в общем, все это, наверное, пустое, и не нужно тратить на пустое нервы. Гораздо серьезней то, что чувствуешь себя неважно. Может быть, после тяжелой дороги еще не оправилась или оттого, что чрезмерно тепло?

Огорчило меня твое каменное начало, но я верю в твою звезду. Это ведь первые дни. Впереди еще много дней.

1 Мая мы хорошо отпраздновали, пришли родители Иры, Коля, Феня и неожиданно Наташа Роскина.

Было оживленно, много спорили, шутили. Ира хозяйничала. Лена была, к счастью, мила, приятна. Не обошлось и без происшествий. Ира поручила Феде открыть банку с майонезом, а он очень спешил (по телевизору показывали футбол) и в страшной спешке искромсал край банки. Когда стали есть салат, обнаружили в нем

большие куски стекла. Салат выкинули, и все обошлось благополучно.

Получил письмо от Кати — погода плохая, но они довольны, комната тихая. Катя гуляет, Саша работает.

Нашлась книга Булгакова «Последний год жизни Толстого»[903]. Я ее начал читать, очень интересно.

Труды свои на праздничные дни я прервал, завтра возобновлю их. О новом авторском праве ничего нового не узнал.

Ты ничего не пишешь о Дружке, — жив ли он?

Жалко мне очень Вл(адимира) Ал(ександровича). Вот уж кому приходится пить чашу до дна.

Береги себя, не ходи много. Отдыхай. Откуда в Лисьей так много крупных камней, значит, зимой были сильные штормы?

Наташа внимательна, мы с ней беседуем на житейские темы.

К празднику подарил ей 100 р.

Пиши мне, не переутомляйся длинными походами.

Целую тебя, Вася.

3 мая 60 г.

---

[903] Примечания: 903

Валентин Федорович Булгаков (1886–1966) — последний секретарь Льва Толстого. Речь идет об издании: Булгаков 1957.

313

5 мая [1960, Москва]

Милая Люся, получил твое письмо. Завтра позвоню в Литфонд, выясню, действительно ли 10-го открывается дом[904]. Если все это подтвердится и устроится, дам тебе телеграмму.

Сегодня дома переполох — Пума покусала Лену. Видимо, Лена отнимала у нее кость.

Покусала сильно руку.

Хотя подозрений на бешенство нет никаких, ведь и прививку делали, но для страховки Пуму будут 2 недели проверять. Возможно, что и Леночке сделают несколько уколов.

Обещал Ире сделать все возможное, чтобы устроить Пуму. Приехала Фира Ароновна, очень взволнована.

Интересно, что Лена ничуть не напугана, обращается к Пуме с речами и все стремится ее ударить. Ох, разбаловали ее сильно — ты ведь знаешь, она совершенно очаровательна, но порой совершенно невыносима.

В случае если Лиза откажется — Маруся обещала на лето Пуму взять. Саша будет шефствовать

---

[904] Примечания: 904
Дом писателей в Коктебеле.

над ней. Но надеюсь, что Лиза не откажется.

Пума чувствует свой грех, забилась в твою комнату, лежит не подымая головы.

У Маруси огорчение с Сашей. Он где-то нашел коробку с пистонами (извини за выражение), и школяры их взорвали в школьной уборной. Сашу вызывали к директору, к Марусе приходила классная руководительница, Саше, кажется, снизили балл за поведение.

У меня период перепечатки рукописи начался, первый кусок уже отдал Анне Соломоновне. Возможно, на будущей неделе включу в работу вторую машинистку, ту, что рекомендовала Катя.

Палец вроде получше, но не прошел, — таскаться к врачу не хочется.

Писем интересных нет. Вот ездил по приглашению военных художников смотреть панораму «Сталинградская битва». Будет нечто грандиозное — высота панорамы 6 этажей! Однако при всей грандиозности особого впечатления она не производит — однообразное нагромождение батальных сцен. Я высказал авторам — их 12 человек — свои впечатления, как положительные, так и критические.

Меня очень порадовало, что отеки на ногах у

тебя стали меньше, все же не переутомляйся в походах. Да поможет тебе Сердоликос морских камней. Прочел в энциклопедии, что «куриный бог» — это название камня с дырочкой — в русских деревнях его вешают в курятнике как талисман для защиты кур от хищников и болезней. Пиши.

Целую тебя, Вася.

5 мая

314

7 мая 1960, [Москва]

7 мая 60 г.

Милая Люся, послал тебе сегодня телеграмму — сведения твоих «горилообразных» дам оказались ложными, — Коктебель открывается 16 мая. Придется тебе еще несколько дней пожить в Крымском Приморье.

Сообщаю события с домашнего фронта, — Леночке прививок пастеровских делать не будут. Пума признана абсолютно здоровой. Но все же ее нужно будет показать еще раза два врачу. В стационаре ее не оставили. Уповаем на то, что в конце мая она поедет на дачу либо к Лизе, либо к Марусе.

Погода вдруг установилась необычайно жар-

кая, боюсь, что в Крыму совсем жарища.

Я много работаю, окончательно складываю книгу.

Вчера гулял с Письменным. Выпили основательно.

В газете было сообщение о смерти художника Давида Дубинского. Письменный мне сказал, что это муж Тани Ивановой[905], — я его сразу вспомнил. Помнишь, когда были в гостях у Ивановых, он с женой сидели за столом?

Липкин в Переделкино, завтра приедет, мы с ним повидаемся. Яшка до сих пор нигде не устроился. По мнению Липкина, в этом виноваты все на свете, кроме Яши.

Был в гостях у Лёли и Доминики. У Доминики непроходящее воспаление легких, при мне ей смерили температуру, оказалась 39°. Но она при этом ест, пьет, разговаривает, даже шутит. А ведь ей 87-й год!

Говорил сегодня с Феней по телефону, говорит, что Катя Строгова и Андреев[906] ждут меня в

---

[905] Примечания: 905

Речь о Татьяне Всеволодовне Ивановой, падчерице Всеволода Иванова.

[906] Примечания: 906

Кирилл Константинович Андреев (1906–1968) — литературовед и критик, третий муж Екатерины Строговой.

гости, по правде говоря, мне не очень хочется ходить к ним. Ведь чуть что, если начнут ругать меня, — они сразу же станут открещиваться.

Очень хочется знать о твоих событиях, есть ли добрые каменные вести?

Как здоровье твое, сердце, ноги?

Думаю, что следующее письмо надо писать на Коктебель, а то разминешься с ним. Получила ли ты все мои письма?

Пиши, не переутомляйся, скоро переберешься в Коктебель, где по-настоящему отдохнешь.

Целую тебя,

Вася.

315

11 мая 1960, [Москва]

Милая Люся, пишу тебе первое письмо в Коктебель. Написал тебе в Кр(ымское) Приморье пять писем, а ты в последних письмах пишешь, что всего одно получила!?!? Наверное, дошли уже!?

Рад, что кончилась твоя зависимость от этой тяжелой истерички. Порадовался, что наконец нашла 2 хороших камня. Да будет и дальше милостив к тебе Сердоликос!

Ужасно, что пишешь о Дружке и Вариной кошке. Но видишь, и у интеллигентных людей

жестокости к животным не меньше — была бы воля Фиры Ароновны (да и Иры, наверное), Пуму бы умертвили за 10 минут. Теперь с Леночкиным здоровьем все благополучно. Пуму запирают, когда Лена дома, в твою комнату. Лена весела.

Новая беда с Наташей, подвернула ногу на улице, сильно захромала. Пока приходится пользоваться помощью Марфы Сергеевны, я ей обещал 200 р. за эту помощь. Федя готовится к экзамену последнему, Ира работает то в утреннюю, то в вечернюю смену.

Моя работа подвигается хорошо, завтра машинистка возьмет печатать вторую партию. Чувствую себя в общем хорошо, был чуть-чуть простужен, но сейчас все прошло.

Звонила Маргарита Романовна, привет тебе передавала.

Лекарства еще нет в аптеке для тебя — аптекарь сказал, что такого никогда не видел, но обещал спросить.

У нас тут плохие новости.

Вчера скоропостижно умер Юрий Олеша. Тяжело заболел Борис Леонидович — второй инфаркт, положение несколько дней было совсем тяжелым, сейчас чуть-чуть лучше. Мне рассказывал об этом Липкин, приехавший на день из Переделки-

на. Говорил об этом и с Маргаритой Романовной, у них в семье все огорчены очень. Хочу верить, что он выздоровеет, ведь он сильный, выносливый.

Звонил по телефону Марусе. У них все здоровы. Получает от Вероники хорошие письма, Ника очень довольна своей жизнью, жара пока сносная[907].

В Москве очень жарко, и мне странно читать в твоих письмах о холоде в Крыму.

Жду письма с коктебельскими новостями, с итогами сбора камней за время пребывания твоего в Крымском Приморье.

А главное, напиши, как здоровье твое — сердце, ноги.

Целую тебя,

Вася.

11 мая 60 г.

Неужели пропали мои письма, я просто поражен.

316

14 мая [1960, Москва]

---

[907] Примечания: 907

В этот момент Вероника Губенкова находилась в Китае. По свидетельству Елены Фёдоровны Кожичкиной, муж Вероники Виктор в течение 15 лет работал консулом в Шанхае.

Милая Люся, пишу тебе второе письмо в Коктебель и все удивляюсь, — неужели из пяти писем, написанных мной в Крымское Приморье, дошло только одно!

Очень хочется знать, каков итог «весенней путины» в Крымском Приморье, были ли у тебя еще успехи, помимо находки серого агата?

Вчера взял лекарство у Маргариты Романовны, аптекарь наконец получил его. Не знаю, как быть с ним, — нужно ли оно тебе в Коктебеле или подождет тебя в Москве? Напиши, пожалуйста, высылать ли его?

Пастернак все еще в тяжелом состоянии, ему то лучше, то хуже.

Вчера мне сказали, что тяжело заболел Сельвинский — инсульт. Ужасно такому талантливому человеку превратиться в существо, подобное жене Замойского.

Когда узнаю подробности о его состоянии — напишу тебе.

Вчера был у Липкина на дне рождения близнецов — до 2 часов ночи Сёма и я яростно спорили с Яшей и Зоей на темы — в чем суть и смысл жизни. Яша заявил, что он не учился, потому что такова его философия, что он принципиально считает ненужным иметь в жизни цель, инте-

ресы. Зоя объявила, что добро — выдумка и что она не различает в жизни добра от зла. Вот какие ребятишки.

Мне все же не удалось уклониться от приглашения Строговой — Кирилла, завтра, в воскресенье, иду к ним на обед.

Леночка выглядит очень хорошо, поправилась, хороший цвет лица. В доме мир. У Наташи все еще болит нога, помогает ей Марфа Сергеевна. Завтра Фира Ароновна уходит с работы и энергично примется за поиски дачи — она решила нанимать по Белорусской на Дачной либо Пионерской.

Федя позавчера купил магнитофон за 1800 рублей. Естественно, не отходит от него, возится с ним все время.

Моя работа идет успешно, задержка будет не за мной, а за машинистками.

Спешить мне, правда, некуда, ты-то знаешь это. И все же радуюсь и спешу.

Пиши о своих делах, здоровье, как сердце, ноги.

Надеюсь, что письма мои в Коктебель будут доходить «аккуратней».

Целую тебя, Вася.

14. V

317

17 мая [1960, Москва]

Милая Люся, пишу в Коктебель письмо № 3.

С лекарством получилось очень удачно, надеюсь, оно уже у тебя. Но, кстати, если нет в нем особой необходимости, не прибегай к нему на морском лоне.

Дома все благополучно, «собачьи» страсти более или менее улеглись. Леночка здорова, гуляет. Фира Ароновна усиленно ищет дачу, хотят выехать на воздух к концу месяца. У Наташи нога все еще болит, но с помощью Марфы Сергеевны справляется.

С Федей и Ирой отношения нормальные. Федя готовит последний экзамен.

Погода в Москве вполне сносная, хотя в последнее время не очень теплая.

Здоровье Пастернака по-прежнему в тяжелом состоянии, однако врачи считают, что у него все шансы на то, чтобы выкарабкаться.

К счастью, с Сельвинским все оказалось сплошной уткой, он совершенно здоров. Было у него какое-то мелкое недомогание, и кто-то пустил неверный слух.

У меня дела идут нормально, запустил вторую

порцию в печать машинистке.

Сегодня говорил с редакционными людьми из «Знамени», все же думаю заключить с ними договор, деньги будут нужны. Ведь новый авторский закон сильно бьет по переизданиям.

В воскресенье обедал у Кати Строговой. Принимали меня мило очень. Обед готовил Кирилл — варил щи, жарил утку. Говорить с ними не скучно, но нет чувства чистоты. Дети очень милы — странный, очень славный мальчик, помешанный на марсианах и космических полетах, очень больной, тяжелейший сердечник, и чудная улыбка святого отрока, и чудные глаза. Среди приглашенных была графиня Сан-Жермен — Феня.

Видел брата Ефима — Якова. Он говорит, что наконец появился луч надежды. Может быть, в ближайшее время дело пересмотрят.

Жду письма твоего, как чувствуешь себя в Коктебеле, отдыхаешь ли, была ли у врача, измерила ли давление? Есть ли знакомые, приятные тебе люди? Хочется знать — есть ли новые находки? Почему ты не обвела карандашом серый агат, чтобы можно было представить его себе?

Представляю, как ты блаженствуешь оттого, что вырвалась из-под гнета Ольги Яковлевны. Ох и Ольга Яковлевна. Наметила ли ты в Крымском

Приморье новых квартирных хозяев? У Трусевичей, видимо, невозможно и бессмысленно останавливаться.

Целую тебя,

Вася.

17 мая

318

22 мая [1960, Москва]

Милая Люся, получаешь ли мои письма в Коктебель более аккуратно, чем в Крымское Приморье? Надеюсь, что так.

Сообщаю тебе назревающую приятную новость, — директор Фединого института не возражает против того, чтобы Федя поступил в институт на работу и находился бы в заочной аспирантуре. Работа же его служебная одновременно явится и темой его кандидатской диссертации. Все это пока на словах, не оформлено. Узнал я об этом от Иры, сам Федя не хочет, видимо из суеверного чувства, говорить об этом, пока не будет приказа — прохождение этого дела довольно сложная вещь. Поэтому ты не пиши ему, а то он объявит в случае неудачи, что сглазили. Мне кажется, что в случае успеха — лучшего нельзя желать.

Вторая, менее важная новость — я купил костюм, в магазине у Никитских ворот. Зашел, когда было пусто, оказалась очень милая продавщица, перебрала 4 костюма, и наконец один подошел. Коричневый, чехословацкий, стоит 1670 р. Сидит вполне прилично, приедешь — увидишь. Носить его надо с подтяжками, я подтяжки нашел в ящике, под телевизором.

Вчера был на торжестве у Тумаркиных — Эсфирь Соломоновне исполнилось 82 года[908]. Собралось очень много народу. Поздравил и Лёву, у которого родилась 3 недели назад дочь, собираются ее назвать Леной.

Был у Фраерманов — они уж собираются в Солотчу. Валя решила ликвидировать с будущего года Солотчу — ей уж не по силам бесчисленные заботы о доме, саде, ремонте, да и говорит, что очень уж дорого все это обходится.

Пастернаку немного лучше, но положение его все еще тяжелое.

22. V. Получил твое письмо. Да, не везет в этом году с крымской погодой.

Маруся завтра выезжает на дачу. Женя, у которой сильно повышена t°, едет вместе с ней.

---

[908] Примечания: 908

Эсфирь Соломоновна Каневская, мать Семена Тумаркина.

Коля говорил с Лизой относительно Пумы, — и конечно, все кончилось блефом — Ариша против, говорит, что не справится.

Надеюсь, что пока письмо дойдет, погода установится и путь к поискам камней будет открыт. Видела ли ты Елизавету Ивановну, как она оценила твой камень?

Целую тебя, Вася.

319

28 мая [1960, Москва]

Милая Люся, получила ли мои письма?

Сообщаю тебе о московской жизни.

Положение Бориса Леонидовича тяжелое, ему не лучше.

А вот Сельвинский жив-здоров, Сёма его видел, — он гулял с внучкой по Переделкино.

Маруся выехала на дачу, забрала наш маленький аквариум и сомика. Саша был очень счастлив. Вот первое бессловесное существо, в плане Ириных пожеланий, ушло из квартиры.

По поводу Пумы звонят, спрашивают, но решиться взять ее пока никто не хочет. Ее постригли, и она очень мила.

Сегодня Ирины родители перевозят вещи на дачу, а завтра (воскресенье) везут на дачу Леночку.

Леночка очень поправилась, чудно выглядит, меньше капризничает.

У Феди вопрос с переходом в заочную аспирантуру еще не решен.

Я много работаю, идет рукопись от машинисток, — читка, правка занимает массу времени. Но работа эта мне очень приятна.

Первая часть уже готова.

Был в «Знамени» по поводу договора, у них сейчас нет денег, поэтому дело идет со скрипом, т. е. договор заключили, но ставка ниже моей обычной, да и перевести аванс смогут лишь через полтора-два месяца[909].

Вчера разговаривал с Козловым в издательстве — решили месяца полтора подождать с договором.

---

[909] Примечания: 909

Гроссман заключил договор на публикацию «Жизни и судьбы» в журнале «Знамя» 23 мая 1960 года — этот документ хранится сейчас в семейном архиве писателя. По договору он должен был сдать роман в редакцию не позднее 1 сентября 1960 года и получить за свою работу 120 тысяч рублей (3000 за печатный лист). 25 % гонорара должны были быть выплачены при подписании соглашения, еще 35 % — по одобрении рукописи в редакции, остальная сумма — при публикации.

Был у Андрея Владимировича[910], он поправился, хорошо выглядит. Ездил к нему вместе с Богословским.

Маруся очень жалуется на соседа-пьяницу. Он, как я и ожидал, стал хулиганить, ночью сломал замки, ломился в дом с пьяной шпаной, пришлось вызывать милицию. В общем, этот сосед принесет немало бед Марусе.

Как себя чувствуешь? Исправилась ли погода? Была ли в Лисьей и Пещерной? Есть ли успехи? Повидала ли Елизавету Ивановну?

К приходу этого письма ты уже, верно, закажешь билет, сообщишь номер поезда, вагона, день приезда.

Да, главную новость забыл. Ира будет делать ремонт, кажется, начнет в понедельник; к твоему приезду, надо надеяться, все будет в порядке, чисто и пол отмыт. Ремонт будет делать только в своей комнате.

---

[910] Примечания: 910

Андрей Владимирович Звенигородский (1878–1961) — поэт и литературовед. Липкин пишет о нем: «С удовольствием я узнавал в некоторых персонажах известные мне прототипы [романа «Жизнь и судьба». — *Ю. В., А. К.*], вспоминал, кто при мне, при каких обстоятельствах произносил ту или иную фразу. Рюрикович Шаргородский — это, конечно, наш общий знакомый князь Звенигородский, который писал стихи, отмеченные прелестным влиянием Фета, и говорил нам по-старчески хриплым, густым голосом: „Мои стихи признаёт у нас вся советская и антисоветская общественность, а их не печатают“». (Липкин 1990: 52).

Палец мой все не проходит, а я все собираюсь и никак не соберусь к врачу.

Жду письма. Целую тебя,

Вася.

28 мая.

320

1 июня 1960, [Москва]

Милая Люся, вот уж подходит к концу твое коктебельское пребывание.

Сообщаю тебе печальное известие — умер Пастернак. Оказался у него рак, охвативший легкие, желудок, печень. Хоронят его завтра в Переделкино, на сельском кладбище.

Если будешь писать Зине, вот ее адрес: ст⟨анция⟩ Баковка, Белорусской жел⟨езной⟩ дор⟨орги⟩, городок писателей Переделкино, ул. Павленко, № 3.

Умер Борис Леонидович ночью, последний день был тяжелый. А за несколько дней до смерти он почувствовал облегчение — шутил, разговаривал много. Был все время в сознании.

А жизнь идет.

Начинает Ира сегодня ремонт в своей комнате. Леночка в воскресенье уехала с бабушкой в Кратово, на дачу.

Три дня назад приехали Катя с Сашей. Позавчера мы виделись.

Катя чувствует себя хорошо и выглядит хорошо. Очень много гуляла. Скоро уж ей начнут уступать место в троллейбусах и метро. Саша сильно располнел, объясняет это тем, что много работал и мало гулял. Катя взяла отпуск за свой счет до 14 июня. Денег у них, конечно, ни копейки, сроки Сашиных получек крайне неопределенны…

Приехал из Переделкино Липкин, — кончил работу над книжкой. У него снова успех — Твардовский принял у него стихи, сразу же послал их в набор, очень их хвалит[911]. Удивительно, что при его нетерпимости он к Сёме относится идеально, а ведь не выносит поэтов. Яша наконец устроился на работу — лаборантом в институт.

Помог ему сын пресловутого поэта-переводчика Шпирта[912].

Был в гостях у Шуры и Гедды, там тоже недоучившийся в вузе сынок.

Перепечатка моя стала тормозиться — маши-

---

[911] Примечания: 911

Стихотворения «Степная притча» и «У развалин ливонского замка» вышли в августовском номере «Нового мира» за 1960 год под общим заглавием «Две легенды» (Липкин 1960).

[912] Примечания: 912

Александр Исаакович Шпирт (1903/4–1983).

нистка то болеет, то мухлюет.

В Москве жара, в Крыму, значит, жарища. Берегись солнца, не ходи без зонтика.

Хочется знать о твоем здоровье, делах каменных, не улыбнулась ли под конец удача? Вот скоро приедешь, обо всем расскажешь. Жду теперь сообщения твоего о дне выезда, номер поезда и вагона.

Целую тебя,

Вася.

1 июня 60 г.

321

24 сентября 1960, [Москва]

Милая Люся, вот ты уже два дня в Коктебеле. Хочется знать, как доехала, как устроилась, получила ли ту комнату на палубе, к которой привыкла. Какой погодой встретил тебя Коктебель? В общем, на все эти вопросы ответ придет, когда получу твое письмо.

Я готовлю рукопись к сдаче, решил еще раз прочесть ее от начала до конца. Займет это дело около недели.

Звонил по телефону Фене, она была у Кати, рассказывала долго и со всеми подробностями о своем визите. Мальчик хороший, улыбается,

спит хорошо[913]. Саша работает и даже получил немножко денег. А Катя опять что-то стала недомогать — головокружения сильные, докторша ей дает двухнедельный бюллетень — ее декретный отпуск кончается 28-го.

Сразу же после твоего отъезда я позвонил Жене, передал твой привет, долго с ней разговаривал, она была довольна. А вообще-то, у них не очень благополучно — болеют и он[914], и она (температурят).

Леночка выздоровела, но в детский сад еще не ходит, сегодня гуляла с Верой Васильевной во дворе.

В понедельник придет Кугель, я заказал Наташе обед — пшенный кулеш.

Комиссаров не появлялся пока, а я не нашел книжечки, где ты записала его телефоны. Подожду еще пару дней и позвоню Анне Соломоновне, она знает все его телефоны.

Липкин на даче, наслаждается умом, добротой, а главное, красотой Нины Сергеевны. Ох… Два

---

[913] Примечания: 913

Алексей, сын Екатерины Коротковой-Гроссман и Александра Короткова, родился 3 августа 1960 года.

[914] Примечания: 914

Второй муж Евгении Михайловны Йост (Сочевец) Александр Алексеевич.

сапога — пара.

Мое гриппозное состояние все еще тянется, и, хотя стало получше, все же соплю, чихаю.

Погода в Москве очень приятная — прохладно, но ясно, солнечно.

Жду твоего письма, хочется знать подробности твоей коктебельской жизни.

Не переутомляй себя длинными пешими походами, совершай их в компании, а не одна!

Целую тебя,

Вася.

24 сентября 60 г.

322

30 сентября 1960, [Москва]

Милая Люся, получил сегодня твое письмо, первое после приезда. Конечно, лучше, если переберешься поближе к центру. Не езди в Козы, пока не выздоровеешь от гриппа. Ты не пишешь, нашел ли кто-нибудь из перечисленных тобой знакомых что-нибудь хорошее?

Я вчера был в гостях у Кати, у них все как будто бы благополучно. Мальчик очень милый, начал улыбаться. Тихий, спит хорошо. Видел Галю, она завтра уезжает. Никаких претензий она мне не предъявила, видимо, не успела, т. к. виделись

мы недолго, она была у подруги и вернулась на Щербаковскую, когда я уже собирался уезжать. У Саши с книгой[915] как будто бы все в порядке — ее уже иллюстрируют и скоро сдадут в набор. Катя выглядит неплохо. У них начались конфликты с Сашиной мамой.

Федя здоров. Леночка чихает, и ее только в понедельник поведут в детсад. Наташа меня сегодня угостила «мировым» кисло-сладких мясом. Сегодня Федя и Ира устраивают прием для новых Фединых знакомых, тех, с которыми он познакомился в доме отдыха.

Моя работа перед сдачей книги подошла совсем уж к концу. Осталось дня 3–4, как говорят, от силы.

Был с Ефимом в ресторане. Навещал меня Сёма Липкин, он все еще на даче, хотя погода совсем испортилась, дождь льет как из ведра. Почему он там киснет с Ниной? Был в гостях у Клары, она совсем сбилась с ног. Тина Влад⟨имировна⟩ завтра уезжает. Да, был я у Маши, просидел с ней вечер за шахматной доской, выиграл у нее две партии.

---

[915] Примечания: 915

Александр Коротков переводил с итальянского языка. В 1961 году вышло две книги в его переводе: «Переулок Солнца» Сильвия-Маджи Бонфанти (Бонфанти 1961) и Франко Праттико «Перчинка» (Праттико 1961).

Звонил Фене, она взвилась, узнав, что был у Маши, а к ней не приходил.

Грипп у меня совсем прошел, но чувствую еще усталость какую-то.

Пиши мне, пожалуйста, как живешь, как здоровье, начала ли свои походы.

Целую, Вася.

30 сент. 60 г.

Напиши Феде! Он очень нервно относится к этому делу!

323

4 октября 1960, [Москва]

4 окт. 60 г.

Милая Люся, послал тебе два письма, пишу третье. И от тебя сегодня пришло уже третье.

С большим интересом читаю твои письма, — о том, как живется тебе, с кем встречаешься, с кем ездишь в Лисью, с кем сидишь за столом. Порадовался твоей первой находке, тьфу-тьфу, дай бог, чтобы не единственная. Огорчила меня твоя простуда. Будь разумна, не пускайся при гриппе в дальние путешествия — на Козы.

Видела ли ты уже Елизавету Ивановну (крымско-приморскую) и ее улов этого года? Напиши — мне интересно, что она нашла. Я ее считаю

самой сильной каменщицей из нам известных.

В Москве жизнь идет благополучно. Леночка уже выздоровела, ходит в детский сад. У молодых все как будто бы нормально. Федя со мной вполне мил.

Куплена картошка, квартирный и электро-газовый счет оплачены. Звонила тебе Лидия Ильинична Болоховитинова, просила передать привет.

Кугеля несколько дней не видел, он болел гриппом. Веня с момента отъезда Веры не появлялся.

Узнал от Сёмы Тумаркина, что Машенька простужена, и Веня сидит в Малоярославце[916]. Однако в пятницу Веня, кажется, будет в Москве — зван к Гедде в гости. Я также. Она мне сказала, что позвала Кугеля и Сёму Тумаркина и что Шура к этому дню приедет из Калининграда.

Я свои труды в основном закончил, так уж мелкие подчисточки остались. Видимо, на этих днях раскачаюсь — сдам работу.

Погода в Москве холодная, но хорошо хоть, что последние дни дождя нет.

Позвонил Марусе, она сравнительно здорова, на ногах. Ника по-прежнему довольна, но пишет,

---

[916] Примечания: 916

Вячеслав Лобода с женой Верой и дочерьми Людмилой и Марией жил в Малоярославце с конца 1950-х годов.

что очень жарко и заедают москиты. Пишет, что Катя стала понемножку говорить по-китайски. А Витя погибает от жары — переносит хуже, чем Ника и Катя.

Был я в гостях у Фени. Она меня очень мило принимала и угощала. Рассказала мне страшную тайну — Юра Катаев[917] стал отцом еще одной дочки, — в Москве у него новая жена. Маша уже с ней знакомилась. Беда в том, что, видимо, Юра не в восторге от этого своего брака. И Маша растерялась — от неожиданности.

Пиши о своей жизни, о каменных делах, о знакомых. Береги здоровье, не переутомляйся.

Целую тебя, Вася.

324

8 октября 1960, [Москва]

Милая Люся, получил два твоих письма. Огорчает меня, что ты никак не отделаешься от гриппа. Температура ведь нешуточная! Ни в коем случае не нужно предпринимать дальних экскурсий, пока не будешь здорова и температура не станет нормальной.

Мне хочется поехать, но дела так закрутились,

---

[917] Примечания: 917
Старший сын Ивана Катаева Георгий.

что не смогу никак.

Рукопись сдал в редакцию, ее перепечатывают, потом я ее просмотрю после перепечатки — перепечатывать будут 3 машинистки, и это займет дней 7–8. На будущей неделе решится с воениздатовской книжкой[918].

Вчера я был у Гедды. Мне было очень приятно и весело. Собрались почти все друзья юности: Кугель, Юлик[919], Сёма Тумаркин, Саша Гуревич.

Меня очень рассмешило: когда директор института, в который Шура устраивал своего сына Сережу, спросил: «Скажите, какие у него склонности, интересы, кем бы он хотел быть?» — Шура ответил: «По-моему, у него одно желание — быть персональным пенсионером».

Ефим собирается во вторник в Сочи, едет без путевки, хочет хоть немного отдохнуть, полечиться в Мацесте. На службе он договорился, но

---

[918] Примечания: 918

Возможно, речь идет об издании «Жизни и судьбы» в качестве второй книги дилогии: роман «За правое дело» вышел в Воениздате в 1959 году (Гроссман 1959a).

[919] Примечания: 919

Юлий Борисович Эрпшер (1904–1967) — советский конструктор станков, лауреат двух Сталинских премий. Об инженере Юлике, одном из друзей юности Гроссмана, пишет Гедда Суриц в воспоминаниях «Нелитературные друзья», не указывая ни его полного имени, ни фамилии (Суриц 1998: 422, 423). В рассказе «Фосфор» выведен под именем Ваня Медоров (Гроссман 1989b: 377–378).

не оформился.

Веня рассказывает, что Пума в последние дни уже стала ступать на четвертую ногу и, по-видимому, совсем выздоровела. Но, оказывается, они взяли еще собаку — овчарку-щенка, пол — мужской. Веня говорит, что Пума будет домашней, а овчарка дворовой. Думаю, что Пума все же познает радость материнства, недоглядят, конечно.

Получил письмо от Мариам Черневич. Отвечаю ей.

Леночка здорова, ходит в садик. Она иногда сильно капризничает, позавчера ей Федя всыпал. Федя много работает, он теперь исполняет должность начальника лаборатории. Федя с Ирой живут мирно, дружно (так мне докладывает Наташа).

Люсенька, поправляйся от гриппа, отдыхай хорошо, желаю тебе ни пуха ни пера.

Пиши. Целую тебя,

Вася.

8 октября 60 г.

Хватит ли денег, что взяла с собой? Проверил облигации — на одну в 200 р. выигрыш 200 р.

325

11 октября [1960, Москва]

Милая Люся, получил твое письмо, где пишешь о генеральской вдове, которая тебя зовет Ольга Мойсеевна. Меня это насмешило.

У меня пока все тихо, рукопись перепечатывается.

Ефим сегодня уезжает в Сочи до 15 ноября.

Веня почти все время в Малоярославце. О Пуме писал тебе в предыдущем письме. Как бы не кончилось плохо с молодым «овчкарком». А в общем, не так это страшно, под машину попасть хуже. Леночка здорова, ходит каждый день в детсад. Федя с Ирой живут мирно, с Наташей ладят.

У Саши приятная новость — его приняли на прошлой неделе в члены групкома. Как-то стало сразу спокойней на душе, а то все казалось, что попадет он в рубрику тунеядцев, иди потом доказывай, что не верблюд. Вообще у них теперь период тихий, все здоровы и пока все благополучно.

Феня болела модным бестемпературным гриппом, я с ней говорил по телефону. Приходила ко мне Маша Катаева по поводу переиздания Ваниной книги, приносила письмо, которое составила

для издательства. Чаще всех вижу Липкина, он теперь перебрался окончательно в город. Нина взяла котенка и нарекла его Васькой, видимо в мою часть и в утешение мое — что не назвала Катя своего сына этим именем.

Погода в Москве приличная — холодная, но сухая. Значит, 24-го выезжаешь! Желаю, чтобы эти коктебельские дни были для тебя хорошими, чтобы ты не болела, чтобы было тепло, чтобы море было к тебе добрым, не забывало о твоем дне рождения.

Пиши, целую тебя,

Вася.

11 октября

А до какого числа будет открыт коктебельский дом?

Сердечный привет Мариам Наумовне.

326

15 октября [1960, Москва]

Милая Люся, что-то нет от тебя 4 дня писем, здорова ли ты? Как проходит заключительная фаза твоего коктебельского жития? Ходишь ли в каменные походы? Есть ли достижения, успехи, находки? Надеюсь, что твое ближайшее письмо обо всем этом мне расскажет.

Перехожу к московской жизни. Леночка здорова, регулярно ходит в детсад, вспоминает тебя, выглядит неважно.

Федя работает очень много, уходит в 7 утра, возвращается в одиннадцатом часу ночи, — он после института ездит в Ленинскую библиотеку, переводит техническую книгу.

У меня новостей нет пока.

Говорил по телефону с Марусей, она мне зачитала последнее письмо Вероники, — какая-то фантастическая жизнь, описания приемов, банкетов, ночных балов с танцами.

Вероника очень счастлива, и нужно радоваться за нее. Там, кстати, сейчас наступает лучшее время года — не жаркое, ясное, без дождей, в третий раз зацвели розы.

Маруся себя чувствует сносно, соседи ее немного притихли.

От Кугеля писем еще нет. Веня не появляется, а может быть, появляется, но не звонит, он ведь не любит телефона. Липкин уезжает на месяц в Таджикистан в большом обществе, проводить декаду русской литературы.

У Кати все благополучно пока, малыш растет нормально, я уж писал тебе, что Сашу приняли в групком и даже начисляют ему десятилетний

стаж работы.

Я спокоен, не волнуюсь, терпеливо жду. Чтение рукописи несколько задержится в связи с тем, что вся редколлегия «Знамя» во главе с Кожевниковым выехала в разные города проводить кампанию по подписке на журнал. Поездка эта займет дней 6–7. Да мне спешка, как ты знаешь, совершенно не нужна.

В последние коктебельские дни не переутомляйся, береги сердце, не делай огромных переходов, не ходи в походы одна.

Целую тебя, Вася.

15 октября

327

17 октября 1960, [Москва]

Милая Люся, получил твое письмо. Рад, что здоровье твое поправилось! Что ж это все в Лисьей песок да песок?

Поразила меня новость, которую ты написала, — Варя вновь вышла замуж. Удивительная эта пастушка. И как это мужики к ней льнут.

Наконец узнал из твоего письма о богатствах Елизаветы Ивановны. Да, видимо, этот год неурожайный для каменщиков.

У меня новостей пока нет, да я и не жду так

быстро, писал тебе, что редколлегия разъехалась по разным городам собирать подписку.

Вчера Письменный меня возил за город на машине. Все уже ждет зимы. Листва с деревьев опала, осенней красоты нет. Потом мы с ним обедали в ресторане, а в заключение дня отдыха мы с ним сразились в шахматы, и я у него выиграл, что со мной бывает редко, и потому очень доволен. Наташа[920] интересно рассказывала о своей поездке. Приедешь, расскажу тебе.

От Кугеля письма еще нет. Липкин завтра отбывает в Таджикистан, недели на 3–4.

На сыновье-дочернем и внучко-внуковском фронте все пока благополучно.

Люсенька, больше до твоего отъезда писать не буду уже — это заключительное письмо.

Поздравляю тебя с завтрашним днем[921] и желаю тебе помимо всего того, что принято в этот день желать, также хорошей погоды после бывшего накануне шторма и подарка хорошего от доброго моря.

Целую тебя,

---

[920] Примечания: 920

Наталья Павловна Бианки (1916–2000) — журналистка и редактор, вторая жена Александра Письменного.

[921] Примечания: 921

18 октября — день рождения Ольги Михайловны.

Вася.
Привет Мариам Наумовне.
17 октября 60 г.

328

25 сентября [1961, Москва]

Милая Люся, вот и снова ты в Коктебеле. Как доехала, какой погодой встретил тебя Крым, как устроилась на первых порах? Совершила ли первый «пробный» рейс в Крымское Приморье?

А в Москве стоит чудесная погода, ясная, днем тепло. Только вот новости всё грустные — звонил я Жене, — Александру Алексеевичу не легче, видимо, повредило новое лекарство. Она говорит, мне показалось, несколько примиренно о неизбежном исходе его болезни. Женя жаловалась мне на большую усталость. Через несколько дней я ей снова позвоню.

Нину Сергеевну сегодня начали облучать. После первого облучения она никаких недомоганий не чувствовала. Ей сказали, что это лечение дает о себе знать начиная с третьего сеанса.

Вчера видел Кугеля, он, как всегда, мил, добр, полон дружеской заботы.

Я два дня себя чувствовал простуженным, сегодня уже все прошло.

Имел сегодня разговор с Катей. Конечно, не удержался и «выяснял отношения», но выяснял их в меру и в весьма спокойном тоне.

Она волновалась, но тоже в меру. Мы договорились, что она привезет мне на показ Алешу. К сожалению, для этого придется и Саше приехать, т. к. она говорит, что одна с Алешей не управится. Он, как Катя говорит, несколько полнее нормы. Зря они его перекармливают.

Выглядит Катя неважно, бледная, цвет лица нездоровый. Говорит, что много возится по хозяйству, устает.

Шубу свою она починила в ателье за 140 руб. (14 новыми) и говорит — получилась как новая, не отличишь.

Я ей напомнил, как кричала на меня Галя: «Позор тебе, девочка осталась без шубы!»

На Беговой по-прежнему не топят, всё трубы не в порядке, но, к счастью, погода теплая.

Леночку завтра ведут в детский сад. Федя, вероятно, поедет в Киев, в командировку на 3 дня. Это очень хорошо — увидит замечательно красивый город.

Я продолжаю переводить армянина, а армянин

продолжает молчать[922].

Жду письма твоего. Не переутомляйся, избегай горячего солнца.

Целую тебя, Вася.

25 сент.

Привет Лиде и Елизавете Ивановне.

329

29 сентября 1961, [Москва]

Милая Люся, вот и пришло твое первое коктебельское письмо. Надеюсь, что пока письмо шло, погода в Коктебеле исправилась. Ты уже второй день живешь в коктебельском доме на законном основании, рад за тебя, — это приятней гораздо, чем шататься по частным хатам. Напиши мне, много ли народу, есть ли знакомые тебе люди. Ну и конечно, напиши о своих первых поездках, как преодолеваешь козские расстояния. Не переутомляйся и избегай солнца.

Представь, на Беговой до сих пор не топят, неизвестно, когда начнут, всё возятся с неисправными трубами.

---

[922] Примечания: 922

Осенью 1961 года Гроссман впервые берется за переводческую работу. Он переписывает подстрочник с армянского языка — перевод романа Рачии Кочара (1910–1965) «Дети большого дома» (1952). Начинает работу в Москве и продолжает ее в Армении.

Вчера приходил ко мне Веня, Наташа сварила нам «мировой» борщ, мы выпили и пообедали. Веня уже купил билет, в будущий четверг улетает на Чукотку. Была у них на днях Люка, — чувствуется, что и он, и Вера несколько встревожены, ждут всяких неприятностей[923].

Федина поездка в Киев не состоялась, отложена на неопределенное время. Жалко, мне бы хотелось, чтобы он посмотрел на Киев.

Катя после своего визита ко мне больше не звонила.

Я продолжаю много работать над переводом, но меня раздражает и нервирует армянское молчание. Думаю, что через несколько дней сам напишу им.

Нину Сергеевну уже облучают, она переносит облучение хорошо. К сожалению, врачи смотрят на ход ее болезни по-прежнему пессимистически.

За квартиру уплочено, большая оказалась сумма за электричество, видимо из-за рефлектора, — около 95 руб.

Дал Наташе деньги на картошку.

---

[923] Примечания: 923

Со слов Марии Вячеславовны Карловой, незадолго до описываемых событий Гроссман передал Вячеславу Лободе машинопись «Жизни и судьбы».

Звонила Мариам, она в Коктебель уж не поедет, будет переезжать на отремонтированную квартиру в первой половине октября.

Получила ли мое первое письмо?

Пиши мне о всех делах своих каменных, как чувствуешь себя?

Целую тебя, Вася.

29 сент. 61 г.

Позвонил сегодня Жене — Александру Алексеевичу несколько лучше, — болей нет. Женя стала по ночам спать, поэтому немного приободрилась.

330

30 сентября [1961, Москва]

Милая Люся, отправил тебе второе письмо. Получил твое письмо, посланное авиапочтой.

Для чего ты себе отравляешь спокойствие и мучишь какими-то бабьими разговорами, болтовней и ворошением событий давно прошедших, событий шестилетней давности с какими-то пирогами и разговорами о жалости и не жалости и пр.

И меня твое письмо расстроило и вышибло из колеи.

Зачем это? Право же, не нужно снова бередить

все это.

А что касается того, что Е(катерина) В(асильевна) ездила в Коктебель, то по этому поводу расстраиваться нет никакого резона.

У меня за этот день никаких новых событий нет. Начали к вечеру топить наконец.

Веня рассказал мне, что Эсфирь Соломоновна влезла на стол, чтобы повесить белье, и у нее закружилась голова, она упала и получила тяжелые ушибы. Сёма с Лёвой отвезли ее вчера в больницу.

Видел Семена Израилевича. Он весь в хлопотах — врачи, продукты.

Прочел ему твои успокоительные строки о благополучном лечении рака, но он лишь грустно улыбнулся. Видимо, он ясно представляет себе положение дел и не имеет иллюзий.

Леночка ходит регулярно в детский сад, капризничает меньше.

Маруся жалуется на Сашу — он плохо учится, играет в карты (очевидно, в дурачка) и читает беллетристику, вместо того чтобы готовить уроки.

Еще раз прошу тебя — не порти себе жизнь у теплого моря всеми этими разговорами бабьими, право же, не нужно это, — столько уж было об

этом говорено и переговорено.

Да, позвонила вечером Катя, снова спрашивала о моем здоровье, очень ласковая и явно желающая восстановить то, что было ею отброшено и порвано. Спрашивает о Фене, Феде, просила тебе передать привет. Видишь, какие дела. Можно сказать — жив Курилка! — причем это будет относиться не только к ней, но и ко мне.

Но, между прочим, Курилка получил письмо от Вячеслава Александровича[924], идущее по линии Сёмы Тумар⟨кина⟩ и Рувочки[925].

Но мне не привыкать стать.

В Москве вновь теплая погода, а армянин не пишет.

Жду письма твоего.

Целую тебя,

Вася.

30 сент.

---

[924] Примечания: 924

Возможно, речь о Вячеславе Александровиче Ковалевском.

[925] Примечания: 925

Вероятно, Гроссман имеет в виду отдаление от него некоторых друзей после ареста «Жизни и судьбы». Об этом в своих воспоминаниях пишет Семен Липкин, отдельно останавливаясь на отношениях Гроссмана и Рувима Фраермана (Рувочки): «Телефон у него замолк, многие старые друзья его покинули. Болезненно воспринял он поведение детского писателя Р. И. Фраермана, давнего своего друга, которого он любил. Гроссман мне писал: „Звонил Рувим, разговор длился долго — четыре минуты. Но все же позвонил, хорошо и это“» (Липкин 1990: 70).

331

4 октября [1961, Москва]

Милая Люся, получил твое письмо. Очень огорчило меня то, что ты пишешь о несчастии, случившемся с Лялей, дочерью Елизаветы Ивановны. Ведь я слышал, что такие переломы позвоночника бывают смертельны.

Действительно, сколько горя кругом, — у Нины продолжается лечение, но все говорят, что болезнь ее смертельна.

Только что говорил по телефону с Женей — Александр Алексеевич болей не чувствует, спокоен, говорит о своих планах на будущее лето, а врачи считают, что на ноги он уж не встанет. Женя устает очень, но чувствуется, что держит себя в руках, говорит спокойно, рассудительно.

Люся, милая, так много горя кругом, очень прошу тебя, будь душевно спокойна, не создавай на бабьих разговорах волнений и тревог для себя. Право, право, не нужно!

Только что был у меня доктор Райский, нашел мое состояние хорошим, давление 140 на 80, очень хорошее. Давно такого у меня не было. Помню, что он и у тебя такое определил, может быть, у него аппарат такой?

Позавчера сидели с Сёмой Липкиным и Ефимом, Федя завел нам музыку хорошую. Вечер был хороший, но грустный, очень Сёма переживает Нинину беду.

Передал Мариам о возможности приезда после 10-го, но она боится, что переезд после ремонта затянется и не даст ей возможности поехать в Коктебель.

С моей поездкой все еще не ясно, сегодня пошлю запрос — в чем дело, почто безмолвствуют?

Прочел в письме к Феде о твоем жутком сражении с пауком. Напиши, как твои поездки в Лисью бухту, есть ли хоть маленькие успехи? Что это за камень, который восхитил тебя, найденный одним из отдыхающих?

Пиши мне! Пользуйся теплом, морем, впереди тяжелая холодная зима!

Я продолжаю работать над переводом, но меня, конечно, нервирует молчание автора и издательства, хотя Сёма и уверяет меня, что это обычная суета и топтание, сопутствующее подобным переводческим делам.

Целую тебя,

Вася.

4 октября

Погода в Москве теплая, но пасмурная.

332

6 октября 1961, [Москва]

Милая Люся, послал тебе позавчера письмо, получила ли его?

Сегодня год, как я сдал рукопись в редакцию[926], — печальная годовщина. Много мыслей вызывает она.

Из Еревана по-прежнему ничего нет. Вчера послал Кочару телеграмму, очень спокойную, но с просьбой объяснить длительное молчание.

Работа сильно продвинулась вперед, заканчиваю через неделю перевод первого тома, это будет половина работы. Думаю, что есть основания тревожиться по поводу упорного молчания автора и толстой Асмик[927].

Ведь по условию я уж должен был к началу октября выезжать в Армению, а мне ни слова не написали, да и денег не присылают, и договор не оформили.

Дома все благополучно, Леночка очень мила,

---

[926] Примечания: 926

Гроссман сдал рукопись романа «Жизнь и судьба» в редакцию журнала «Знамя» 6 октября 1960 года.

[927] Примечания: 927

Асмик Таронян — переводчица с армянского, сделавшая подстрочник с романа «Дети большого дома» Кочара.

рисует для тебя большие «полотна».

Вчера снова звонила Катя. Она вновь вернулась к прежнему стилю разговора — с места в карьер начинает перечислять все свои беды и неприятности — она больна, у Алеши болит живот, масса хлопот в издательстве. Все это говорится для того, чтобы как бы объяснить, почему она ко мне не приходит. Но ведь я ей никаких претензий по этому поводу не предъявляю.

И все же должен сказать, что мне приятней и легче, что она стала звонить мне, а не исчезает на 4–5 месяцев бесследно.

Веня вчера улетел на Чукотку. Два дня мы с Кугелем ждали его, он обещал встретиться перед отъездом, но он не появился и даже не позвонил по телефону.

Люсенька, мне очень хочется, чтобы ты отдыхала хорошо, не мучила себя всеми бабьими разговорами. Столько в жизни тяжелого, неизлечимых болезней, смертей… Да, есть ли сведения из Крымского Приморья о Ляле, Елизавете Ивановне? Очень мне их жалко обеих.

Вчера Федя при мне лупанул Леночку за какую-то пустяковую провинность. Делает это он не по-отцовски, а как разозлившийся мальчишка, не соразмеряя силы, — а рука у него тяжелая.

Вчера была опубликована первая таблица выигрышей, — представь, 2 сторублевых выиграли по 100 руб. (конечно, старыми деньгами). Вот видишь, — с материальной стороны, как хорошо!

Пиши мне. Не переутомляйся и не пережаривайся на солнце.

Целую тебя,

Вася.

6 октября 61 г.

333

10 октября [1961, Москва]

Милая Люся, наконец получил телеграмму из Еревана. Телеграмма очень сердечная, Кочар пишет, что дом творчества закрыт на ремонт, откроется во второй половине октября, что деньги переведут мне в районе 15 октября. Одновременно пришла телеграмма от издательства, что договор утвержден, и деньги будут высланы, — в ней смешная фраза: «ближайшее время пригласим» — так бедным родственникам пишут.

В общем, с этим делом пока все в порядке.

В Москве очень хорошая погода — теплая и сухая.

В воскресенье Наташа с помощью Марфы Сергеевны купила картошку — 170 кгр. Картошка

хорошая, сухая.

В воскресенье гулял с Колей в зоопарке. Он жаловался на то, что Маруся погрызает Сашу, — причины всегда самые пустяковые: надень свитер, надень пальто и т. д.

У Жени все так же. Нину Серг(еевну) продолжают лечить радием. Семен Израилевич последние дни чувствует себя очень плохо — боли в области сердца. Да и у Нины начались сердечные явления.

Был у Мариам Наумовны в гостях, она прощается с маленькой мансардной комнатой, сегодня переезжает на старую квартиру.

Слышала ли ты об Овечкине — то ли самоубийство, то ли несчастный случай, — выстрел в голову. Потерял один глаз, но жив остался[928].

Леночка милая девочка, но очень капризна. Ира совершенно не умеет ее обуздывать. Федя же воспитывает дочь по Диккенсу — «от руки» — и очень ее любит.

Пиши! Целую тебя,

---

[928] Примечания: 928

Валентин Владимирович Овечкин (1904–1968) — писатель и журналист; в военные годы воевал и работал корреспондентом армейских и фронтовых газет; с 1958 года входил в состав редколлегии «Нового мира». В 1960 году в результате нервного срыва совершил попытку суицида, потерял глаз. Умер в 1968 году вследствие еще одной попытки самоубийства, выстрелив в себя из ружья.

Вася.

10 октября.

Не делай, пожалуйста, таких больших походов, ведь они не под силу и молодым. А ты идешь, почти не отдыхая!

334

13 октября [1961, Москва]

Милая Люся, получил одновременно два твоих письма — одно от 4-го, второе от 7-го.

Жду сообщения твоего о дне приезда, номере вагона, поезда.

Мой отъезд состоится не так уж скоро, ведь должны прийти деньги из Еревана, а это обычно задерживается. Думаю, что поеду в первых числах ноября[929].

Погода в Москве по-прежнему прекрасная, представляю, что в Коктебеле она еще лучше.

На выигрыш по облигации можно будет подписать большую часть газет, время еще есть — подписка будет весь ноябрь.

Неужели ты так и не привезешь «люкса» — ну

---

[929] Примечания: 929

Над переводом романа Кочара «Дети большого дома» Гроссман работал в Армении в ноябре и декабре 1961 года. Об этой поездке он написал «Путевые заметки пожилого человека» («Добро вам!»).

да бог с ним. Не последний улов, не надо только переутомляться, ходить через силу и слишком часто.

В Москве не весело — печально у Жени, печально у Сёмы.

Был у меня Кугель, мы вместе пообедали, выпили традиционную водочку. Он был на рождении у Геддиной мамы — видел всех товарищей: Сёму, Зину[930]. Гедда очень поправилась в доме отдыха.

Веня улетел на Чукотку и, конечно, не простился, ну да уж не стоит на него сердиться — такая натура суматошная, да и поездка нешуточная — Чукотка!

Говорил с Женей по телефону — Ал⟨ександр⟩ Алек⟨сеев⟩ич чувствовал себя несколько дней получше, а затем снова стало ему плохо. Он даже не подозревает о своей болезни, все строит планы на будущее лето.

Позвонил мне Виктор Некрасов — пригласил на просмотр своего нового фильма[931], но я не

---

[930] Примечания: 930

Жена Семена Тумаркина Зинаида Сергеевна Занковская.

[931] Примечания: 931

Вероятно, речь о документальном фильме «Неизвестному солдату» (1961), снятом Рафаилом Нахмановичем по сценарию Виктора Некрасова.

пошел, не хотелось в клуб ходить.

Работаю я много. Сегодня закончил перевод первого тома — 690 страниц! Но впереди работа над вторым — в нем 730! Переводчик! И все же эта работа кое-чем серьезным хороша для меня — ритм ее, систематичность, каждодневные часы, отданные ей, все это успокаивает и укрепляет.

Феня ни разу не написала, Мариам беспокоится, но, думаю, беспокоиться нечего, наверное, много ездит, устает, а тут уж и срок подходит ее поездки.

Думаю, что Иванова вернется из отпуска до моего отъезда и я с ней встречусь, поговорю о составе книги[932].

Желаю тебе, чтобы последние дни пребывания коктебельского изменили твой баланс «каменный». Кто нашел великий сердолик, я не разобрал?

Жду сообщения о точной дате выезда твоего, номере поезда и вагона.

Наташа наквасила ведро капусты. В квартире тепло, топят. Два дня не было воды, но сейчас все наладилось.

Не ходи слишком много напоследок.

---

[932] Примечания: 932

Вероятно, речь о сборнике «Старый учитель», вышедшем в 1962 году в издательстве «Советский писатель» (Гроссман 1962c).

Целую тебя, Вася.
13 окт.

Письма Гроссмана ИЗ ПОЕЗДКИ В АРМЕНИЮ, ноябрь 1961 – январь 1962[933]

335

4 ноября 1961, Ереван

Ереван — большой, шумный город. Устроили меня в гостинице «Армения», комната маленькая на седьмом этаже, но со всеми удобствами — ванной и моей «собственной уборной».

Кочар предлагает несколько дней не работать, а знакомиться с городом и ездить по окрестностям.

Сегодня мы поехали на озеро Севан, дорога длинная — 60 километров.

---

[933] Примечания: 933

Эти 13 писем, с 4 ноября 1961 года по 5 января 1962-го, публикуются не по оригиналам, которые на настоящий момент не обнаружены, а по первой их публикации — в сборнике «Глазами друзей» (Гроссман 1967b). Редактор сборника комментирует эту публикацию так: «В сборнике впервые помещены с некоторыми сокращениями письма В. Гроссмана из Армении, которые нам любезно предоставила вдова писателя Ольга Михайловна Губер» (Авакян 1967: 427). Орфография и пунктуация — там, где это необходимо, — были приведены в соответствие с нормой, сноски принадлежат нам.

Горы суровые, покрыты обломками камней, без растительности, но невысокие, с мягкими очертаниями. Озеро красиво, синее, длина его 80 километров. Оно сильно и быстро мелеет, так как воду его используют для гидростанций.

На берегу озера в ресторанчике мы ели чудную, розовую форель, ту самую знаменитую севанскую форель.

Потом мы пошли на остров (вернее, полуостров, т. к. из-за обмеления озера этот остров соединился с сушей). Там стоит храм тысячелетней давности, построенный княгиней Мариам.

Погода была теплая, грело солнце. Потом мы осматривали древний монастырь, где до сих пор приносят верующие жертвы — кур и ягнят. Впечатлений очень много, даже странно, что я лишь вчера приехал.

Дней через шесть-восемь мы с Кочаром поедем в дом отдыха, расположенный под Ереваном, и начнем работать.

336

9 ноября 1961, [Ереван]

…Я уж начал работать, работаю много, но в разное время дня — то утром, то в обед, то вечером, в зависимости от того, хожу ли смотреть всякие

ереванские «чуда» либо езжу осматривать архитектурные памятники.

Я был здесь в Эчмиадзине — это резиденция католикоса Вазгена I.

Много храмов необычайно древних, удивительно простой и гармоничной архитектуры.

Меня принял католикос, прием состоялся в патриарших покоях. Мы беседовали минут 15–20. Тема беседы — Толстой, Достоевский. Пили черный кофе из крошечных чашечек. Католикос выпил за мое здоровье рюмочку коньяку.

Обращался я к нему — «патриарх». Обслуживали это «кофепитие» монахи. Они необычайно красивы. Ты знаешь — у меня один из них не выходит из головы, так он красив. Красота демоническая — горящие глаза, поразительно гармоничные, благородные черты лица. При этом одет в черный шелковый капюшон, черную рясу. Из-под рясы видны модные туфли, нейлоновые носки.

Мне говорили, что почти все монахи необычайно красивы.

Кочар очень мил, внимателен, все стремится показать мне интересные памятники и места. А интересного в Армении действительно много.

Тут удивительно колоритный рынок — огром-

ный, пышный, шумный. Виноград до приторности сладок, но мне сказали, что есть сорта еще более сладкие.

Погода хорошая, теплая, ясная, а по ночам дождь.

Из моего окна виден Арарат, снежная вершина его сияет на солнце, а утром вершина розовая.

Чувствую себя не очень хорошо, — может быть, сказывается резкая перемена климата, может быть, высота, хотя высота тут не такая уж большая, кажется 900 метров.

Переезд в дом творчества откладывается на несколько дней — у Кочара дела кое-какие. Но я доволен, что откладывается. Тут хорошо в городе — в гостинице удобно, кормят сравнительно недорого и сравнительно вкусно, есть ванна, из окна виден Арарат.

337

13 ноября 1961, [Ереван]

…Ездил за это время на развалины языческого храма Гарни и в пещерный храм Гегард. Впечатление большое — представляешь, внутри цельной скалы вырублен храм с алтарем, колоннами, куполом.

Да, между прочим, единственный человек

в Армении, проявивший ко мне интерес, был командующий войсками генерал Драгунский[934]. Узнав, что я приехал, он пригласил меня на праздник — устроил завтрак торжественный, был необычайно любезен и мил. Присутствовали — начальник штаба — генерал с генеральшей и Кочар с супругой, и я — переводчик. На столе, помимо армянской еды, стояла огромная фаршированная рыба.

У Драгунского к ней склонность, как и у меня с детства, — и по той же причине.

338

17 ноября 1961, [Ереван]

…Я уже работаю полным ходом, а буду работать еще больше, когда начнут поступать перепечатанные куски. Ведь надо переводить, готовить к перепечатке и читать после перепечатки.

Устаю — работаю и утром, и днем, и вече-

[934] Примечания: 934

Давид Абрамович Драгунский (1910–1992) в 1960–1965 годах был командующим Седьмой гвардейской армией Закавказского военного округа.

ром[935]. Правда, выхожу каждый раз погулять, город мне все больше и больше нравится. И кормят тут той едой, что я люблю. Приправы, зелень, травы душистые самых разных сортов. Правда, перцу так много, что я не выдерживаю, даже стал ходить в вегетарианскую столовку…

Чувствую себя лучше, чем в первые дни, но, конечно, не столь блестяще. Возможно, высоковато. Погода прекрасная, — ясно, сухо, тепло, пальто не надеваю, вечером, после заката солнца, тоже тепло, и тоже в пиджаке хожу. Окно открыто день и ночь.

Был здесь в зоопарке, очень мне было интересно — зоопарк на горе, за городом, — звери из клеток смотрят на дикую гору, видимо от этого очень беспокойны, нервны, тоскуют. Барс — плачет все время. В общем, зоопарк богатый, в отличие от московского есть в нем слоны.

Вчера взял, наконец, путевку в дом отдыха, т. е. не отдыха, а творчества — какой уж там отдых, правда, какое и творчество. Во всяком случае, работа, и не шуточная, предстоит там.

---

[935] Примечания: 935

О том, насколько тяжело Гроссману было работать над переводом романа, писала в своих воспоминаниях и его дочь: «Считал, что этот труд во много раз тяжелее писательского труда, что он бы не выдержал, если бы всю жизнь пришлось заниматься этой мукой» (Короткова-Гроссман 1993а: 236).

Дом творчества расположен выше Еревана, вот погляжу, как буду себя чувствовать. Говорят, что там дышится легко. А город красивый — весь в золотых платанах, они не осыпались еще. По тротуарам ведут бедных овечек, они идут своими копытцами, а рядом нарядные женщины стучат каблучками.

Правда, мне это очень нравится!

Иногда включаю армянское радио — но слушаю не ответы на вопросы, а музыку.

339

21 ноября 1961, [Цахкадзор]

…Вот уже четыре дня, как я живу в Цахкадзоре — доме творчества Союза писателей Армении. Это недалеко от Еревана, в горах.

Чувствую себя хорошо, здесь чудный воздух. Сердце и астма — все в полном порядке, т. е. астмы нет.

Перед получанием путевки в дом творчества был осмотрен литфондовским врачом. Он остался мною доволен — сердце в хорошем состоянии, давление 130 на 60, такого хорошего давления у меня не было уже много лет.

В доме творчества очень тепло — людей-писателей никого нет — только Кочар с женой,

толстая Асмик и я. Кормят хорошо, что заказываем, то и готовят. Директор съездил на озеро Севан — привез ведро форели, и я, бедняга, ем ее два раза в день в жареном и вареном виде. Работаю я необычайно много — с утра до вечера. Развлечения кончились, наступил труд. Устаю очень, но доволен — без работы жить тут нельзя, мечтаю о том, как закончу работу и отдохну в тишине, будучи снова самим собой, а не переводчиком. Труд этот очень тяжелый, выжимает много сил.

Да, главное, то, что еще порядочно переводить осталось во втором томе. Но, в общем, дело я взялся сделать и доведу его до конца.

Комната у меня хорошая, большая, светлая, с видом на гору и долину горную.

Персонал очень любезный, внимательный. Вот жаль только, что дождь и холод, но ничего не попишешь — ноябрь кончается!

340

26 ноября 1961, [Цахкадзор]

…В моей здешней жизни все идет однотонно — работаю с утра до позднего вечера, очень устаю, но надо двигать эту махину, иначе утону, уж очень велик размер рукописи.

Начали вплотную перепечатывать — сразу три

машинистки. Это пока первый том, второй я еще не кончил переводить.

Погода резко изменилась, выпал снег, начались морозы, ночью бывает до 20 гр(адусов), днем — 12 гр(адусов) — 14 гр(адусов) — беда, что ветры при этом очень холодные и довольно сильные с гор. Гулять в такую погоду никак нельзя. Правда, к счастью, сегодня потеплело и ветер стих. Горы сверкают снежной белизной, глазам больно.

А в Ереване тепло, снега нет, но воздух гораздо хуже, загрязнен дымом. В доме творчества я себя лучше чувствую, дышу хорошо, одышки нет, сплю хорошо.

341

1 декабря 1961, [Цахкадзор]

…Я работаю очень много, работа двигается, но осталось еще ее немало, а я уж чувствую сильную усталость от перенапряжения. Я уже писал тебе, что начали машинистки перепечатывать рукопись. Прочел первый кусок — мне кажется, что получается вполне на уровне — можно посылать в издательство. В общем, есть «кусок хлеба» на старости лет.

Но, знаешь, очень уж мне тяжело всем этим переводческим делом заниматься — и массу сил

отнимает, и морально мне не легко — люблю быть самим собой, как бы это не было тяжело и сложно. А с годами эта потребность — быть самим собой — все сильней. И я ее уважая — переводчиком не буду.

Погода сейчас хорошая, — морозов больших нет, ветров нет, небо голубое, в промежутках между трудами гуляю. Воздух горный, очень хороший.

Позавчера поехали в Дилижан, это очень милый, интересный город на горе, среди хвойного леса. Дорога туда очень красивая мимо озера Севан, через горы, покрытые лесами.

Тут меня мучает то, что все время на глазах режут овец и кур. На меня это очень действует, а здесь к этому относятся с еще большей простотой, чем у нас в России. И в церквях приносят жертвы — режут кур и ягнят. Это, видимо, пережиток языческих времен.

Никак не дочитаю Цвейга — не нравится мне этот роман, какой-то он выдуманный, бумажный[936].

---

[936] Примечания: 936
Речь о романе Стефана Цвейга «Нетерпение сердца» (Цвейг 1961).

342

6 декабря 1961, [Цахкадзор]

…У меня теперь жизнь идет монотонно, работаю с утра до ночи, немного гуляю. Очень устал. Но, к счастью, уже вижу конец работы, а то раньше казалось, что плыву в каком-то безбрежном море, теперь же берег виден, очевидно, что к концу месяца закончу работу в основном и в главном. Как это все же хорошо, что я эту махину, по-видимому, осилил.

В бытовом отношении здесь хорошо — приятная очень комната, вид на горы, ночью открываю окно, и слышно, как журчит ручей.

Позавчера у нас тут был маленький переполох — в половине одиннадцатого вечера вдруг зашатался, пошатнулся, заплясал дом.

Сегодня прочли в газете, что было местное «наше армянское» землетрясение, и притом довольно сильное — 5 баллов. Но никаких разрушений не было. Надо сказать, что в момент трясучки — она длилась 30 секунд — чувство очень противное — растерянность и беспомощность. Бог даст, не повторится.

В весе не прибавляю, хлеба ем очень мало, а хлеб здесь, как назло, вкусный — лаваш, тонень-

кий, как маца.

Тут в поселке игрались две свадьбы — мне было очень интересно наблюдать — на улице танцуют, размахивая бутылками и пирогами. Весь поселок выходит на улицу, — шум, бьет барабан, музыканты дудят в дудки. Невеста в белой фате, очень стесняется. Жених, как у нас, весь в черных штанах. Масса машин — легковых, грузовиков — это приезжают на свадьбу гости из соседних деревень.

343

21 декабря 1961, Цахкадзор

...Мои труды идут к концу, машинистки печатают конец второго тома, мне нужно дочитать, доправить после машинки хвост первого тома и часть второго. Думаю, что главная задержка будет связана с издательством, автором, редактором, — очевидно, что работу кончить удастся уже после Нового года. Вот и буду я встречать Новый год в Ереване. Думал ли я год, два назад о том, что получится в моей жизни такая армянская новогодняя ситуация.

По-видимому, через два-три дня перееду в Ереван — того требуют обстоятельства работы — неудобно жить в горах, в 50 километрах от

города, если дела будут связаны с редактором, издательством и пр.

Переезжаю в Ереван без особого удовольствия, в Цахкадзоре мне было приятно — спокойно, тихо, чистый воздух, хорошая, светлая и тихая комната, в общем, условия для работы были идеальные, потому, наверно, так быстро и пошла работа. Жаль только, что не мог отдыхать, а работал как вол, да и буду работать так до последнего часа — все еще до черта дел.

Предстоит мне тут еще одно удовольствие — Кочар пригласил меня на свадьбу своего племянника в деревню, свадьба будет справляться по всем сложным обрядам — думаю поехать, интересно это. Правда, придется целый день не работать, т. к. свадьбу эту начинают праздновать с утра. Да ничего, если поеду, то потерянный день компенсирую дополнительными, сверхурочными часами.

Ну вот, затем, по окончании трудов, двину отдохнуть — к морю! Очевидно, поеду в Сухуми. — Ялта мне не очень улыбается, да там еще ожидается какой-то семинар драматургов на 50 человек, так что удовольствие маленькое от этого было бы.

Здесь пришла настоящая зима — выпал боль-

шой снег — горы, весь поселок в пушистом белоснежном снегу. Довольно холодно, сильный ветер, но дети ходят без пальто, без шапок, бегут в школу и играют на улицах, засыпанные снегом, многие в розовых пижамных штанишках — это любимая форма местных детей.

Матери говорят — если наелся хорошо — никогда не простудится.

344

25 декабря 1961, [Ереван]

...Я перебрался в город — снова в гостинице — работа на том этапе, когда жить в 60 километрах от города очень неудобно — нужна связь с издательством. Работа подходит к концу, но хвостов много. Мне жалко, что я расстался с горным поселком, с чистым воздухом. В Ереване сейчас плохо — сыро, мокрый снег. В номере гостиницы воздух не горный, но есть свои преимущества — ванна, прочие санузлы.

В последнем письме писал тебе, что собираюсь к кочаровскому племяннику в деревню.

Вчера поехали туда рано утром, вернулись лишь сегодня к вечеру. О потерянном времени не жалею, хотя потерял два дня, — было чрезвычайно интересно, красочно.

Мы сперва поехали за невестой за 24 километра от деревни жениха, там пировали, говорили речи, «погрузили» невесту — милую плачущую девушку, заплатив за нее выкуп; потом с танцами вынесли приданое, старики девяностолетние, приплясывая, несли к машине стулья, подушки, одеяла, молодые дядьки несли шкаф, швейную машину. Невесте дали белую курицу и тарелку, которую разбили на пороге жениха.

Всю дорогу дружки, подружки в грузовике пели, танцевали, размахивая кинжалами, на которые насажены яблоки, бутылками; музыканты дудели в свирели и били в барабаны.

А затем привезли невесту в деревню к жениху — от околицы пошли пешком под пронзительную музыку и грохот барабана — подходили к домам дядьев, кума, перед каждым домом на улице стол с угощением — вино, водка, шашлык, конфеты.

А потом уж был главный пир в сельском клубе — 200 человек. Говорили речи о молодых, об армянском народе, о правде, — чудные речи говорили старики.

Потом было пение, старинные свадебные хороводы, — все танцующие держат в руках свечи, танцуют старые и молодые — очень красиво. Пели старинные красивые, печальные и веселые

песни. Невеста все плакала.

Поздно ночью разошлись. Я спал в крестьянском доме, и, боже, как за мной ухаживали — хозяйка, стоя на коленях, снимала с меня ботинки, — в семье, где я ночевал, 12 детей, все живы.

Утром умывался, и овечки терлись у моих ног. Потом мне чистили ботинки, надевали на меня пиджак, пальто, — все это делают женщины — отказываться нельзя, так полагается — гостю почет.

А потом снова начался пир, музыка, речи. Уехали мы в 2 часа дня, а в Ереван добрались к вечеру — по дороге еще осматривали древний собор.

Ну вот тебе отчет об армянской свадьбе.

345

[Конец декабря 1961, Ереван][937]

…Вот, наконец, и пришел долгожданный мною день — я закончил работу над переводом романа Кочара.

Задерживался я сильно и поэтому как-то не

---

[937] Примечания: 937

В публикации 1967 года это письмо объединено со следующим, оба датированы 3 января. Однако из того, что пишет Гроссман, очевидно, что это два разных письма: первое было отправлено в конце декабря, а второе, действительно, 3 января.

радуюсь в полной мере этому событию. Радуюсь я тому, что сумел вытянуться из материальной беды, не одалживая денег, не залезая в долги благодетелям.

Вытянул, выработал.

Очевидно, ликвидирую все дела числа 2-го, 3-го, после чего выеду в Сухуми.

Кочар продолжает звать меня в Ялту, там можно устроиться не только у Хохлова[938], но и в гостинице, но я что-то не очень склоняюсь к этому, — это главный довод — продолжать сражение на биллиарде. Я неожиданно преуспел в этой игре больше, чем в литературе. Пока ясно: еду в Сухуми, это ближе, теплее, пальмы, море поюжнее ялтинского.

А вернусь в Москву — ждет меня «удовольствие» — пришлют верстку, кочаровскую книгу хотят издать очень быстрыми темпами.

Ну да ничего, вытянем.

С хорошим чувством вспоминаю о жизни в горном поселке Цахкадзоре — если бы не эта костоломная работа, там было совсем хорошо.

Письмо это придет уже после Нового года — хочу послать тебе телеграмму, но это сложная

---

[938] Примечания: 938

В ялтинском Доме Литфонда, директором которого был Яков Федорович Хохлов.

задача, уже стоят жуткие очереди — в Ереване, видимо, очень любят поздравлять с праздником.

Но, в общем, замечательно, что кончил эту работу. Хочу, отдыхая, записать свои армянские впечатления, мысли — жалко, если все это забудется, пропадет — очень много интересного, и о стране, и о людях, да и вообще размышления по поводу.

Стыдно признаться, но, закончив вчера вечером эту костоломную работу, я сегодня уже снова стал царапать пером по бумаге — записывать кое-какие впечатления армянские. Может быть, получится что-нибудь достойное интереса. Вот займусь этим — погляжу, что выйдет…[939]

Подводя итог армянской своей жизни, могу сказать, что видел много интересного.

Особенно мне было интересно в армянской деревне, на свадьбе. Там люди хорошие.

---

[939] Примечания: 939

Заметки «Добро вам!» (первоначальное название «Путевые заметки пожилого человека») были завершены Гроссманом в 1962 году, а впервые опубликованы уже после его смерти, в 1965 году, в номерах 6–7 журнала «Литературная Армения» (Гроссман 1965). Спустя два года очерк был включен в сборник рассказов и повестей с одноименным названием (Гроссман 1967а). Без купюр опубликован только в 1988 году в номере 11 журнала «Знамя» (Гроссман 1988). О своих попытках опубликовать отрывок из «Добро вам!» в газете «Неделя» (приложении к «Известиям») пишет Анна Самойловна Берзер (Берзер 1990: 260–262). Об этих же событиях рассказала Натэлла Лордкипанидзе, работавшая в газете с 1960 года (Лордкипанидзе 2006).

346

[3 января 1962, Ереван]

…Вот и закончилась моя армянская жизнь, — сегодня 3 января, а приехал я в Ереван ровно 2 месяца тому назад — 3 ноября.

Подводя итоги, могу сказать, что жизнью своей в Армении я доволен — видел много интересного, видел хороших людей, очень красивую природу.

Вот только что работал как каторжный, переутомился, но теперь и это уже ушло в прошлое — ведь работа закончена.

Правда, так бешено мне работать не следовало — чувствую, что немножко пережал. Ну да ничего — отдохну, а в перспективе переводов не хочу видеть, а от своей работы я не устаю.

Новый год я встречал у Кочара — очень было приятно, по-семейному, никаких знатных гостей не было. Еды было пропасть — и вся еда, которая мне нравится, острая, огненная. Пили коньяк.

1 января тоже был у Кочаров — больше знакомых у меня тут нет.

Еду сегодня вечером, по приезде напишу тебе.

Последние две недели в Ереване отвратная погода — туман день и ночь висит над городом, снег с дождем, в общем, очень противно, дышать

тяжело.

В общем, в Армении мне было приятно, только если бы не этот костоломный труд над переводом.

Сейчас перед отъездом Кочар меня хочет угостить двумя ереванскими удовольствиями на прощание — дегустацией коньяка на коньячном заводе и прогулкой в деревню под Ереван, а оттуда уж сразу на вокзал — поезд уходит вечером. А об этих последних ереванских удовольствиях напишу из Сухуми.

347

5 января 1962, [Сухуми]

…В день отъезда из Еревана мы поехали на коньячный завод — было интересно и приятно, люди оказались там милые, и коньяк, который мы дегустировали, тоже был милый.

А после коньячного завода мы поехали в Араратскую долину, ту самую, в которой очутился Ной после потопа. Эта последняя армянская поездка была очень интересна, красочна, трогательна. Тут надо отдать должное Кочару — он вводит меня в круг своей родни и круг этих людей удивительно интересно, — вероятно, это и будет самым ценным и интересным, что я при-

везу в Москву из Армении: воспоминание об удивительных армянских деревенских стариках и старухах, каменщиках, старых солдатах.

Один старый дядя Кочара, 82-летний Самсон, пьяный, — все время обращаясь ко мне, говорил: «господин». Когда Кочар ему сказал: «Почему ты, дядя Самсон, называешь гостя — господин», старик рассердился и ответил: «Батрак он, что ли, чтобы его называл — товарищ».

Должен сказать тебе, что у армянских стариков я получил признание — очень они ко мне хорошо отнеслись. А один все говорил со мной по-армянски, и когда ему говорили, что я не понимаю, он сердился, говорил: «Не может быть, чтобы человек с такими добрыми глазами не понимал по-армянски».

Ну вот, отбыл я из Армении. Чувствую — удивительно легко дышу в Сухуми, видимо, большая высота в Армении была мне противопоказана.

Письма Гроссмана в Крым, 1962

348

5 мая [1962, Москва]

Милая Люся, как ты доехала, как устроилась,

какой погодой встретил тебя Коктебель, как здоровье твое? На все эти вопросы, пока письмо твое не придет, ответа нет.

Говорил с Женей по телефону, она себя чувствовала лучше, температура упала еще на 2–3 десятых, болей нет, но опухоль растет, и это, естественно, Женю очень тревожит, да и не только ее, видимо, врачи не хотят подробно объяснять ей свои предположения.

В день твоего отъезда она к врачам не попала, приема не было, — очевидно, в начале недели ее посмотрят.

Позвонил Марусе, она плачет, расстроена. Но есть и добрая новость — Ника уже позвонила с дороги по телефону — они в Чите уже — будут в Москве в среду. Конечно, Женя, узнав об этом, очень обрадовалась.

Говорил по телефону с Феней — она потрясена неудачей инсценировки Ваниного рассказа «Под чистыми звездами» — слышала по радио. Объявили — автор инсценировки Терентьева-Катаева[940].

---

[940] Примечания: 940

Радиопостановка Всесоюзного радио СССР «Под чистыми звездами» по одноименному рассказу (1937) Ивана Катаева была выпущена в 1962 году. Режиссер Михаил Баташов, инсценировка Марии Терентьевой-Катаевой.

Феня говорит, что это был ярмарочный балаган — с рязанскими частушками, пляской, очень пошлый. Ей позвонила Катя Строгова, сказала, что плакала час после того, как слушала эту инсценировку. Да уж, удружила Маша Ивану Ивановичу…

Молодое поколение здорово, все благополучно. Созвонился с Ефимом — завтра придет, выпьем традиционные стопки, о закуске Наташа позаботится.

Все передают тебе приветы, спрашивают, как в поезде устроилась. Интересно, как малыш — очень досаждал?

Вчера пришла верстка рассказа[941], так странно и приятно было видеть этот рассказ, набранный типографским шрифтом. Я сказал Анне Самойловне[942], что у меня такое чувство, как у Робинзона, который ступил на асфальт.

Армяне молчат[943]. Сегодня позвонил Алек-

---

[941] Примечания: 941

Речь о рассказе «Дорога», который вышел в июньском номере «Нового мира» за 1962 год (Гроссман 1962а). См. об истории этой публикации: Берзер 1990: 258–259.

[942] Примечания: 942

Анна Самойловна Берзер (1917–1994) — редактор «Нового мира», друг Гроссмана, автор воспоминаний о нем (Берзер 1990).

[943] Примечания: 943

Речь о публикации на русском языке романа Рачии Кочара «Дети большого дома».

сандр Григорьевич — говорит, что Паустовскому снова стало хуже, вроде вновь произошел инфаркт. Жалко мне его, хотелось, чтобы поправился.

Звонила Марьям, просила тебе передать привет. Она в восторге от своей поездки в Вильнюс.

Люсенька, пиши мне, как здоровье, какая была первая встреча с морем, с Лисьей бухтой, с Пещерными? Были ли штормы весной? Не переутомляйся.

Целую тебя, Вася.

5 мая

Погода после твоего отъезда сильно ухудшилась — холод, ветер, дождь. Неужели и до Крыма добралось похолодание?

349

10 мая 1962, [Москва]

Милая Люся, получил твое письмо. Рад, что доехала хорошо, что встретили тебя приветливо и что погода солнечная. Может быть, морское волнение чего-нибудь и подбросит на берег сердолико-агатового?

Был я у Жени, выглядит она так же, как в прошлый раз, — температура держится, но не выше

38°. Ее смотрел профессор Фриновский[944], предполагает, что опухоль эта — гематома, возможно из мочеточника, поврежденного при операции либо при облучении. Ее направили к урологу, а потом снова пойдет в клинику показаться Фриновскому.

Вчера приехала Вероника с семейством, сразу же после приезда все семейство побывало у Жени.

Оказывается, что Витя снова абонировался в Китай на 2 года, но пока будет в отпуску и поедет спервa с Сашей; а Ника с Катей останутся на время в Москве, может быть, и перезимуют.

Федя вчера позвонил Нике по телефону, поздравил с приездом.

У меня новостей нет — сдал рассказ «Лось» в журнал «Москва»[945]. Но не рассчитываю на то, что напечатают. Из «Нов⟨ого⟩ мира» пока ничего

---

[944] Примечания: 944

Возможно, Вячеслав Сергеевич Фриновский (1893–1967) — акушер-гинеколог, доктор медицинских наук, профессор; руководил отделом оперативной гинекологии Московского областного НИИ акушерства и гинекологии.

[945] Примечания: 945

Редакция журнала «Москва» по просьбе Михаила Суслова предложила Гроссману опубликовать один из поздних рассказов. «Журнал „Москва“ пытался связаться с Гроссманом, — отметил 24 мая 1962 года в своих записях Суслов, — но получил от него соверш(енно) неприемлемый (политически) рассказ» (Огрызко 2014).

ни плохого, ни хорошего не приходит.

Вчера был День Победы — сидел весь вечер дома, никто из фронтовых друзей не позвонил, стало мне грустно. Ну да ничего, и в прошлому году, и в позапрошлом тоже не звонили мне фронтовые друзья.

Катя еще на дачу не выехала, хочет перед отъездом зайти проститься. Узнала, что в «Нов⟨ом⟩ мире» идет мой рассказ, и была ко мне в претензии, почему я ей не сказал об этом, и она была поставлена в неловкое положение: люди, рассказавшие ей об этом, удивились, что дочь не знает о событиях в жизни отца.

Вот видишь — оказывается, я виноват, невнимателен к ее интересу.

Сёма сегодня прилетает.

Жду письма. Напиши, как чувствуешь себя. Не переутомляйся!

Целую тебя,

Вася.

10 мая 62 г.

Получила ли первое мое письмо?

350

14–15 мая [1962, Москва]

14 мая

Милая Люся, получил твое второе письмо. Приятно было узнать, что в первый поход нашла сердолик. Нельзя ли у зловредного пастуха купить хороший камень? Ты на него не сердись, всех камней он не соберет. И на твою долю оставит.

Был у Маруси, видел все семейство, все милы. Мне была подарена раковина и кокосовый орех, а остальные ракушки и коралл идут малой скоростью. Я пока подарков не взял, как-то неудобно было хватать их сразу.

Ника похорошела, Витя не похорошел. Представь, что маленькая Катя мало очень изменилась, а я думал, что вытянется, вырастет. Рассказывали интересно о своей жизни.

С Женей говорил вчера по телефону, температура ниже стала — 37,4°. Но чувствует себя слабой. Завтра идет к урологу. Ника с ней пойдет.

Приходила ко мне Катя перед дачей прощаться. У нее неприятность — она переводила книгу Стейнбека, а потом оказалось, что книга эта переведена известной переводчицей Гуровой и уже принята к печати[946]. Весь Катин труд пропал

---

[946] Примечания: 946

Вероятно, речь о повести Джона Стейнбека «Квартал Тортилья-Флэт», вышедшей в переводе Ирины Гавриловны Гуровой (1924–2010) в 1963 году (Стейнбек 1963).

зря. К концу месяца мама к ней на дачу приедет.

Сёма после своей поездки располнел, обрюзг, начал курить. Много рассказывает о своих впечатлениях от поездки. Нина на днях была у онколога, у нее благополучно. Яша в письмах жалуется, трудно ему служится.

Сегодня я иду к Мариам Наумовне. Армянский очерк[947] мой перепечатан уже, возьму его. Звонила Анна Самойловна, пока ничего нового нет с прохождением рассказа. А рассказ-то! Четыре неполных странички. Господи боже мой, и смех и грех.

Спасибо за красные листочки, я не понял — цветок это или листья. Но красивые очень.

Федя с семейством здоровы и благополучны. Леночка мила, но бывает капризна. Маруся о ней говорит без всякого энтузиазма.

15 мая. Был у Мариам. Была у нее и Феня. Угощали меня зелеными огурцами и редиской. Чувствовалось, что Мариам все раздражалась на Феню. Сегодня начну читать и править свое армянское сочинение. Кучу опечаток сделала машинистка.

---

[947] Примечания: 947

Здесь и далее под «армянским очерком» имеются в виду путевые заметки «Добро вам!».

Лена сама прочла твое письмо, прочла довольно бойко. Собирается тебе писать и рисовать картину.

Пришло приглашение на Ванин вечер[948] — грустно смотреть на его грустное молодое лицо. Он словно чувствует свою судьбу. Я на вечер не пойду, но узнаю, как прошел он, и напишу тебе.

Пиши мне, как устроилась, не езди слишком часто в Лисью.

Целую тебя, Вася.

Погода в Москве хмурая, дождливая.

351

18 мая 1962, [Москва]

Милая Люся, получил твое письмо, где пишешь, что нашла «люкс» — агат с сердоликом. Это очень хорошо и приятно, но плохо то, что одновременно ты промокла, простудилась и ушибла руку. Надеюсь, что все эти неприятности и невзгоды прошли, а агат с сердоликом остался. Только прошу тебя, не перетруждай себя слишком частыми поездками!

Вчера был вечер памяти Катаева. Рассказывали мне о нем Маша и Феня. Прошел вечер хорошо,

---

[948] Примечания: 948

Вечер памяти Ивана Катаева, прошедший 17 мая 1962 года.

но, как кажется мне, мог быть лучше. Зал был почти полон, выступления были сердечными. Выступала Чертова[949], Атаров, Ник(олай) Чуковский, Строгова. Заключительное слово сказала Маша. Во втором отделении читались произведения Ивана Ивановича. Среди чтецов был Юра[950]. Феня говорит, что читал он неважно, без простоты, по-актерски.

Нехорошо было, что Строгова нарочно обругала радиоинсценировку Ваниного рассказа, сказала, что она искажает рассказ. А ведь инсценировку делала Маша. И вот в заключительном слове Маша стала спорить с Катей Строговой, говорить, что радиоинсценировка была хорошей. Конечно, такого рода публичный спор был более чем неуместен на вечере памяти писателя.

Но в общем, по словам Фени, Маша говорила хорошо. Она говорила и о друзьях Вани — Зарудине, Губере, Лежневе.

У меня редакционных новостей нет пока. Занят правкой армянского своего очерка — это большая работа, в нем оказалось 125 страниц.

---

[949] Примечания: 949

Надежда Васильевна Чертова (1903–1989) — писательница и журналистка.

[950] Примечания: 950

Возможно, речь о Георгии Катаеве, старшем сыне Ивана Катаева.

Говорил с Женей. У нее все по-прежнему. Смотрел ее уролог, сказал, что со стороны почек и мочевого пузыря у нее все в порядке. Температура продолжает держаться, РОЭ[951] не падает тоже. Конечно, Вероника много помогает Жене, часто бывает у нее, сопровождает ее в поликлинику и больницу. Сейчас Жене рекомендовала Марья Михайловна (та, что облучала ее) показаться профессору Леонову — это крупнейший специалист-онколог. Попасть к нему очень трудно, Женя готовится поехать записываться, там очередь большая.

Дома все здоровы. Леночка мила, разлюбила ходить в детский сад, просит, чтобы дома оставляли ее. Это, вероятно, и с погодой связано — уж очень она отвратная, дождливая, холодная, сырая.

Кугель уехал на 4 дня в Тамбов, но в воскресенье с утра уже будет в Москве, так что наша обычная воскресная встреча состоится.

Сегодня ты начинаешь свою коктебельскую путевку.

Много ли народу, какую комнату тебе дали, как кормят в этом году?

Очень прошу тебя — не переутомляйся, не езди

---

[951] Примечания: 951
Реакция оседания эритроцитов.

слишком часто в Лисью.

Судя по твоим письмам, у тебя есть 2 хороших камня, один из них даже «люкс». Чего ж теперь нужно? Можно после этого не ходить до изнеможения.

Ни пуха ни пера, пиши обо всех своих походах, пиши о здоровье.

Целую тебя,

Вася.

18. V.62.

Это письмо четвертое, получила ли 3 предыдущих?

352

21 мая 1962, [Москва]

Милая Люся, получил твое письмо, где пишешь о шумных спорах между Николаем и Павликом. Но теперь эти споры ты уже не слышишь — живешь в коктебельском доме.

У Жени нового хорошего нет ничего — чувствует себя плохо. Говорил с Марусей — они собираются на дачу, хотят, чтобы Женя жила с ними на даче, т. к. она будет нуждаться в уходе и помощи постоянной. Маруся теперь уже ясно понимает ее положение.

Федя с семейством благополучны, Леночка

выглядит плохо. Писала тебе письмо. Вчера Ира с Федей принимали «большую» Ирину родню — четыре человека взрослых и двое детей. Я их не видел — гуляли с Кугелем.

Был у меня Веня — у него были волнения большие — у Маши был гнойный аппендицит, жизнь была в опасности, но теперь все в порядке, она после операции дома.

Вера две ночи подряд, рассказывает Веня, видела во сне Пуму. Вера спросила ее: «Где ты была?» — и Пума ответила человеческим ясным языком: «В Москве».

С Сёмой видимся часто, гуляем.

С рассказом все еще тянется, но пока осложнений никаких нет.

Я усиленно работаю над армянским очерком, дочитываю уже последние страницы.

Погода пошла на поправку, сегодня день совсем хороший, а вот предыдущие были прямо жуткие — лило день и ночь, да и холод был отчаянный.

Письма идут очень медленно, твои письма приходят на пятый-шестой день.

Прошла ли твоя простуда? Не езди в Лисью при плохом самочувствии.

Я рад твоим «каменным» успехам, интересно посмотреть на новые находки твои. Кто твои

соседи по дому, есть ли приятные тебе люди? Хорошая ли у тебя комната?

Писала ли ты Елизавете Ивановне? Вот уж кто всей душой оценит твои «каменные» успехи.

Наверное, и в Коктебеле пошла на поправку погода, если так — то надо тебе опасаться теперь не холода, а солнца. Измеряла ли ты давление, сделай это обязательно.

Пиши! Целую тебя,

Вася.

21 мая 1962 г.

353

24 мая 1962, [Москва]

Милая Люся, два твоих письма пришли одновременно. Хорошо делаешь, что взяла короткую передышку. Меня насмешило твое описание: пять каменщиков на рассвете встретились на автобусной остановке, зло, хмуро поглядывают друг на друга.

Ты пишешь — «нашла сердолик с горным хрусталем». Я не понял — новая ли это находка, т. е. третий хороший камень, или это тот камень, о котором писала раньше, т. е. второй? Поясни мне, поскольку вопрос это нешуточный.

Теперь о Москве — Сёма на совещании перевод-

чиков встретил Асмик, поздоровался с ней и не спросил о делах с переводом кочаровской книги. Когда я удивился, почему он не спросил, Сёма сказал мне: «Ты ведь меня не уполномачивал спрашивать ее о своих делах».

«Господи! — говорю я. — Ведь если я встречу товарища Яши, а ты не имеешь вестей, я ведь спрошу о Яше, а не буду ждать, пока ты меня уполномочишь спросить».

Словом, на вчерашнем заседании Сёма спросил Асмик о делах. По ее сведениям, все благополучно — выхода книги ждут в июле. Издательство решило печатать, не тревожа меня чтением верстки. Словом, она уверила Сёму, что все благополучно. Меня это, конечно, успокоило и порадовало.

Она сказала, что у Кочара очень тяжелый инфаркт, что жена его тоже лежит в больнице. Как странно — я был у них, семья была так благополучна — дача из розового туфа, персиковый сад, посадка роскошных роз, а через несколько месяцев и он, и она в больнице, тяжело больны…

В Федином семействе все здоровы, но Леночка очень плохо выглядит — желтая, худенькая.

Катин выезд на дачу задержался из-за болезни Алеши — ангина. Теперь он здоров, дня через 2–3 поедут, — она вчера звонила мне.

С печатанием «Лося» в журнале «Москва», видимо, заминка — вчера они мне звонили: «Рассказ нам нравится, хотим печатать, но дайте еще рассказ, чтобы не было так грустно, уж очень тяжелый „Лось“». Я обещал дать рассказ — дам «Осеннюю бурю»: посмотрим, может, и пройдут вместе[952].

Жене звонил по телефону — у нее все по-прежнему, хорошего нет. Если состояние ее не ухудшится, то к концу мая переберется на дачу. Твое письмо она получила.

Погода в Москве улучшилась, потеплело, даже жарко стало, но небо часто хмурится.

Жду письма, не переутомляй себя слишком частыми поездками в Лисью бухту.

Целую тебя, Вася.

24 мая 1962 г.

354

28 мая 1962, [Москва]

Милая Люся, получила ли письмо мое, где пишу, что одновременно в один день пришли два твоих письма?

---

[952] Примечания: 952

Рассказ «Лось» будет опубликован в журнале «Москва» в 1963 году, без рассказа «Осенняя буря» (Гроссман 1963).

Был у Жени, — состояние ее без изменения. Она и понимает его, и не понимает. Оживленно говорит о сборах на дачу — очевидно, в четверг переедет. Внешне она не изменилась. Болей нет, спит, ест хорошо, сама ездит по делам. На дачу поедет не поездом, а на легковой машине.

В Федином семействе все хорошо. Вот только волнение, что Лена играла с мальчиком Розы Замойской, который вскоре заболел свинкой, а ей предстоит выезд на дачу — Ира и Федя волнуются, не прихватила ли она свинки.

Семейство Липкиных переезжает на дачу сегодня. Сёма остается в Москве пока — у него дела.

Погода в Москве очень хорошая, жаркая. Не очень ли жарко в Коктебеле?

У меня в «Новом мире» как будто все хорошо — номер подписан к печати, выйдет в середине июня. Так что, видимо, мул Джу выйдет в свет.

С «Лосем» в «Москве» тянется, пока еще не решено. Но Анна Самойловна мне сказала, что, если «Москва» его не напечатает, они в «Новом мире» вновь поставят вопрос об его печатании.

Ефим здоров, вижусь с ним, как обычно, по воскресеньям. Его племяннику Ефиму сделали тяжелую операцию — удалили камень в почке (не сердолик!), величиной с куриное яйцо. Опера-

ция прошла удачно, он сейчас поправляется.

Какие у тебя новости — хочется знать, как чувствуешь себя, есть ли события на каменном фронте, какая погода у вас?

Берегись солнца, мне кажется, оно более вредно, чем холодный ветер и дождь.

Катя, очевидно, уже на даче — хотела позвонить перед отъездом, но не позвонила — не успела, очевидно, как говорится — руки не дошли.

Прочел Эренбурга в пятом номере «Нового мира» — где он пишет об Испании и 1937 годе[953]. Мне не понравилось, — этакий Вася Регинин[954], семидесятилетний мальчик в шелковой рубашечке, подпоясанный шнурком: все не серьезно, не глубоко, а на восьмом десятке пора и серьезным быть.

Жду письма твоего, избегай знойного солнца.

Целую тебя, Вася.

28 мая 1962 г.

---

[953] Примечания: 953

Речь о фрагменте книги «Люди, годы, жизнь» (Эренбург 1962).

[954] Примечания: 954

Литератор и издатель Василий Александрович Регинин (1883–1952) был известен своей любовью к буффонаде и сенсациям (см.: Паустовский 1982: 91–93).

355

31 мая 1962, [Москва]

Милая Люся, получил твое письмо, где пишешь о совершенном тобой обмене. Мне показалось, что ты слишком много отдала за этот понравившийся тебе камень. Шутка ли, два больших сердолика, один притом красный! Смотри, как бы это не был обмен, совершенный цыганом, — кусок золота с лошадиную голову на иголку. Впрочем, эти мои сомнения пустые, тебе-то видней.

Звонил Жене, она собирается на дачу — голос веселый, оживленный — это и приятно, и грустно. Самочувствие ее без перемен, температура не падает, чуть-чуть ниже 38°. Сегодня Вероника и Витя помогают ей в укладке вещей.

В Федином семействе все нормально, благополучно, Лена здорова, ее готовят к поездке в лагерь.

У меня изменений с печатанием рассказа пока нет — все идет хорошо.

Прислали чистую верстку книги, я ее прочел и сдал. Благодарен Ивановой, что удалось с ее помощью восстановить все пропуски, гораздо мне было приятней читать текст рассказов.

Сегодня говорил с Мариам по телефону, она просила передать тебе привет. Она собирается в двадцатых числах июня поехать читать на месяц лекции — очень волнуется, хорошо ли это у нее получится.

Я снова взялся за армянские записки, перед тем как сдать их в редакцию, хочу внимательно перечесть их.

Была у меня Зинченко, вся поглощена своими личными делами, подробно делилась со мной. Господи, только этим мне заниматься. Уж действительно, на чужом пиру похмелье. Но я ее слушал, как мог внимательно, чтобы не обидеть ее своим рассеянным видом. Кстати, сказала, что Маршак чувствует себя гораздо лучше, собирается на полгода в Крым.

Погода у нас со вчерашнего дня испортилась, но это и хорошо — стало прохладней, уж очень было жарко. Рад, что тебе пригодился мой «зонтичный» совет.

Звонила Фаня Борисовна, просила передать тебе привет, Сёма через день-два поедет на дачу, но будет каждый раз приезжать оттуда. Чувствует он себя неважно, все жалуется на сердце.

Пиши, пожалуйста. Может быть, море перед твоим отъездом расщедрится и даст тебе

прощальный подарок? Хорошо бы! Хоть перед отъездом побывай у врача и обязательно измерь давление.

Целую тебя, Вася.

31 мая 1962 г.

356

4 июня 1962, [Москва]

Милая Люся, очевидно, в ближайшем письме ты сообщишь о том, что взяла уже билет, вагон номер…, поезд номер…

Пока твое письмо еще не пришло, — очевидно, придет сегодня или завтра.

Маруся со всем семейством и Женя перебрались на дачу. Я говорил с Колей по телефону: все при переезде было благополучно. Женя настроена спокойно, ровно, — она считает, что опухоль ее послеоперационная; в этом ее убедил также районный гинеколог. Конечно, так лучше, легче. Жаль, что погода резко изменилась, — едва они перебрались на дачу, как сильно похолодало, полили дожди.

Леночку уже собрали в дорогу, она очень бледная, ехать в лагерь в этом году ей не хочется. Говорит: «Я хочу в Крым или в Армению — там очень хорошо». Ира боится, как бы она не заболе-

ла, простудилась в канун отъезда.

Приходила Асмик, без звонка, меня не застала, говорила с Ирой и Федей, подтвердила, что с переводом все обстоит благополучно, выхода книги ждут чуть ли не в июле. Принесла она этот мешок дорожный, так что все в порядке.

У меня нового на редакционных фронтах нет, жду напечатания рассказа в «Новом мире».

Был у Мариам, просила тебе передать привет. Она собиралась в очередную поездку по древним церквям да по историческим местам.

Сёма на даче, через несколько дней приедет в Москву. У Нины пока все благополучно.

Кугель здоров, племянник его поправляется.

Получил милое письмо от Вени Лободы из Малоярославца — приглашает в гости; в Москве он теперь бывает редко — занят всякими хозяйственными и сельскохозяйственными делами.

На это письмо ты уже отвечать не будешь — оно придет, вероятно, перед самым твоим отъездом.

Не переутомляйся в последние дни, отдохни перед дорогой!

Целую тебя,

Вася.

4 июня 62 г.

357

5 июня [1962, Москва]

Милая Люся, получил твои два письма в один день.

Пишу тебе несколько слов, думаю, письмецо тебя еще застанет в Коктебеле.

И я уж не надеюсь на «люкс» — представляю себе этот унылый песок.

Федя сегодня вернулся из командировки, доволен поездкой.

Леночку уж подготовили к поездке в Малеевку[955].

Коля послезавтра улетает в Сочи. Лиза прислала ему интересное письмо.

Очень мне жалко, что у Мариам такая беда случилась. Передай ей мой привет. Но ведь все образуется — это скорее неприятность большая, чем беда. Ведь беду трудно поправить, а это исправимо.

Напиши, вернее, телеграфируй — если не написала — номер вагона, поезда.

Желаю тебе хорошей погоды в последние дни пребывания в Коктебеле и нежаркой дороги.

---

[955] Примечания: 955

В Малеевке находился летний детский сад Литфонда.

Целую тебя, Вася.

5 июня

Проверил облигации — результат такой же, как с коктебельскими камнями, — ни осколочка.

358

30 сентября [1962, Москва]

Милая Люся, пользуюсь оказией — летит в Коктебель Мариам — и пишу тебе несколько слов.

Сегодня в 8 ч. утра Коля увез вещи на дачу — решил в городе диван не оставлять.

Сразу стало просторно, увезено все, что ты наметила.

Представь, что Коля взял такси без рабочих — не знаю, что это: дурость или скупость? Если б не помощь Феди, он вдвоем с шофером не вытащил бы дивана и шкафа.

Не знаю, как он на даче справится без Феди, вдвоем с шофером. Стал бледен, руки дрожат — просто не пойму его, почему решил обойтись без рабочих.

Получено, он говорит, письмо от Вероники — доехала хорошо, погода чудная, встречали ее Витя и Саша на вокзале. Дети все время на воздухе. Но, говорит Коля, настроение у Ники невеселое.

У меня за эти дни событий не произошло, все

тянется волынка с прохождением в журнале, но я привычный уже к этой долгой волоките[956].

Погода стала хуже, дождит.

Жду письма твоего — как ехала, каковы были соседи, какой погодой тебя встретил Коктебель? Есть ли знакомые, приятные тебе? Совершила ли первый рейс в направлении Лисьей — Пещерной?

Отдыхай, ты очень устала, поэтому не нажимай на поездки в Козы.

Целую тебя,

Вася.

30 сентября

359

4 октября 1962, [Москва]

Милая Люся, получил твое первое письмо. Рад, что добралась и устроилась благополучно.

Ты правильно решила не кидаться сразу в Лисью и отдохнуть несколько дней. Но думаю, что ты этого правильного решения придерживаться долго не будешь, а все же кинешся поглядеть, как и что в Лисьей, Пещерных, Козах.

---

[956] Примечания: 956

Вероятно, речь о публикации рассказа «Лось» в журнале «Москва». См. об этом также письмо Ольге Губер от 24 мая 1962 года (с. 665).

У меня с «Армянскими записками» все тянется канитель, а тут еще Твардовский в очередном запое, в десятый номер они уже не попадают, переносятся на следующий: у редакции все новые и новые опасения и соображения.

Звонил Марусе. У нее голос действительно больной, очень жалуется на сердце. Получила от Ники второе письмо, — все хорошо, дети здоровы, Саша хорошо учится.

Коля мебель перевез благополучно, но диван не влез в комнату, пришлось оставить на балконе, — как бы не раскулачили его мальчишки зимой.

Книги Федя расфасовал — все они полезли в шкафы и на полки в передней.

Ждут Леночку, должна вот-вот приехать. Должно быть, хватили с ней лиха бабушка и дедушка.

Ира ищет стол, но пока не находит нужного, — у нее столь сложные требования к столу, что искать ей, видимо, придется долго.

В воскресенье собираемся с Ефимом в гости к Фене: она уж готовится, хочет угостить повкусней.

Да, хочу рассказать тебе смешной случай: лиф-

терша на Аэропортовской[957] говорит мне важно: «Вот несу ящик для цветов Толстому».

Я удивился — толстовских бородатых внуков я знаю, вроде они не живут здесь… И вдруг я понял: Толстой — это Иван Федорович Бельчиков. Ведь супруга его, Фарих, ныне стала Кутузова-Толстая[958]. Ну вот и наш Бельчиков стал Толстым. Так что и Сарра и Феня у нас тоже Толстые, вышли в графини.

Пиши, как чувствуешь себя, была ли в Приморье. Был ли штормик?

Передай привет Мариам.

Как устроилась она?

Целую тебя, Вася.

4 окт. 1962 г.

360

8 октября [1962, Москва]

Милая Люся, получил твое письмо. Огорчило

---

[957] Примечания: 957

Речь о квартире на Красноармейской ул., 23 (изначально адрес этого дома был другим: 2-я Аэропортовская ул., 16), которую Гроссман получил в 1962 году. В том же подъезде получила квартиру и Екатерина Заболоцкая (см., напр.: Рапопорт 2008).

[958] Примечания: 958

Александра Николаевна Толстая-Фарих (1891–1978) — переводчица с французского, редактор Гослитиздата; вторая жена Ивана Федоровича Бельчикова.

меня, что плохо чувствуешь себя, что жара не дает дышать и что каменные походы не приносят плодов.

Сегодня мне снился сон, что по Лисьей бухте идешь ты, я и Сёмушкин[959] (!!).

У тебя ни одного камня, у меня тоже, а Сёмушкин каждые несколько минут радостно вскрикивает и показывает огромные, величиной с кулак, сердолики. Кстати, по поводу спора — окрашены ли сны, — могу сообщить, что эти найденные Сёмушкиным сердолики были ярко-красного цвета.

Приехала Леночка, посвежела, поправилась, мила. Мгновенно заметила все перемены с мебелью — очень восхищается диваном и креслами новыми, все время поглаживает лакированные ручки. Спросила: «А где наш шкаф?» Удивительная память у детей. В детсад пойдет через неделю.

Книги Федя все разместил, еще место осталось. Бедняга еще зуб вырвал.

Зинченко прислала мне копию своей статьи о рассказе «Дорога», — статью же направила

---

[959] Примечания: 959

Тихон Захарович Сёмушкин (1900–1970) — писатель, автор повестей и романов о Чукотке; в 1949–1953, 1958–1962 годах состоял в редколлегии журнала «Знамя», в 1953–1957 годах — журнала «Огонек».

в «Литературную газету», статья написана в восторженном тоне, и ее, конечно, не опубликуют.

Вчера были с Ефимом в гостях у Фени. Она нас очень хорошо принимала, богато угощала, радовалась нашему приходу. В благодарность за ее гостеприимство мы ее обыграли в 501 — в общей сложности на 2 рубля (новыми деньгами). Это событие всех огорчило: и выигравших и проигравшую. Да ничего, еще выиграет и Феня.

Вчера к вечеру похолодало, а то была совершенно летняя теплынь. Может быть, это похолодание дойдет до Коктебеля.

Во всяком случае, в жару не езди в Лисью!

Пиши. Целую тебя,

Вася.

8 октября

Привет Марьям.

361

[Октябрь 1962, Москва][960]

Милая Люся, пишу тебе четвертое письмо, а ты пишешь, что получила от меня только одно, то, что послал с Марьям.

Надеюсь, что и 3 эти дойдут.

---

[960] Примечания: 960

На письме карандашом и не рукой Гроссмана написана дата 12.10.62.

Что это ты плохо чувствуешь себя? Посоветуйся с врачом! Что это за боли в боку? Меня это огорчает и тревожит. Напиши Феде и Ире. Федя тоже огорчается, что ты плохо чувствуешь себя. Мне кажется, что это реакция после московского перенапряжения.

У меня с «Армянскими заметками» пошло на лад, Твардовский проспался, как будто бы на этот раз договорились обо всем. Жду чистой верстки, но в десятый номер, конечно, уже не пойдет, очевидно, одиннадцатый. Видишь, я заранее знал, что эта штука меня все время будет связывать с редакцией, и о поездке нельзя будет думать, пока вещь окончательно не будет напечатана: каждый раз возникают неожиданные обстоятельства, редакционные соображения и прочее.

Федя с Ирой были у меня на Аэропортовской, мило посидели, поужинали, выпили вина — в этот день Ира была зачислена в аспирантуру[961], мы ее и поздравили.

А горе не уходит — в воскресенье умерла Ольга Александровна, Марусина подруга, — умерла в больнице от инфаркта. Маруся горюет очень.

А жизнь идет — Коле на этот раз, кажется, все-

---

[961] Примечания: 961
Аспирантуру химического факультета МГУ.

рьез и окончательно дают комнату. Комнатка маленькая — 9 метров, но в прекрасном доме, светлая, с ванной, телефоном и проч. Окончательно все это выяснится в ближайшие 2–3 дня. Я опасаюсь, как бы не было у него осложнений с получением ордера из-за того, что он прописан временно, но он меня уверяет, что это не имеет никакого значения. Он хочет взгромоздить туда 2 шкафа — Женин и твой, что взял из комнаты ребят.

Погода опять испортилась, холодный дождь, низко нависшие осенние тучи.

Прочел дважды печальную и милую историю о во́роне с Кара-Дага, о которой ты пишешь в своем письме[962].

У Сёмы дома невесело — Нина себя плохо чувствует, все ждет, что проявится ее страшная

---

[962] Примечания: 962

В одном из недатированных писем, отправленных в октябре из Коктебеля, Ольга Михайловна пишет:

«Хочу рассказать тебе занятную историю: сейчас Карадаг — заповедник, и обещают на будущий год пускать туда только по пропускам, и сотрудники заповедника говорят, что у них на учете вся живность Карадага, в том числе и во́роны. Они якобы знают их по лицам и сколько их в стае.

Они заметили одного грустного ворона, который был одинок, за него никто не хотел идти замуж. У него оказался кривой поломанный нос. В этом же году нашлась дама, связавшая свою судьбу с ним. И вся стая была счастлива этому событию, ворон же стал веселым. Вот какие дела бывают у воронов».

болезнь.

Кугель здоров, как всегда милый и добрый. С племянником плохо, снова положили его в больницу.

Пиши! Не болей!

Целую тебя, Вася.

Напиши Феде, он очень обижается, что ты не пишешь ему.

Леночка, как всегда, мила и невыносима. С понедельника пойдет в детсад.

362

16 октября [1962, Москва]

Милая Люся, получил письмо, опущенное в ящик Мариам. Видимо, одно из моих писем пропало, это мое письмо пятое, а по твоему счету оно, вероятно, четвертое.

Редакционных новостей у меня пока нет; поскольку печатание «Армянских записок» переносится на следующий номер журнала, наступила пауза на недельку.

Говорил по телефону с Колей, дело с получением комнаты идет хорошо, но ордера ему еще не дали. А в этом деле: «Не говори гоп, пока не перескочишь».

Маруся чувствует себя неважно, старается не

выходить на улицу.

Ира купила часть польского гарнитура, — стол, шесть стульев-кресли́ц, телевизорный комодик. Мне понравилось ее приобретение — очень все мило.

Леночка со вчерашнего дня начала ходить в детсад.

У меня были на Аэропортовской Феня и Кугель. Фене понравилось; сразились в 501, и на этот раз она выиграла «руп». Это ей тоже понравилось.

Сёма заболел — гипертонический криз, не мог ходить из-за головокружений, его уложили доктора в постель.

Теперь уже 2 дня голова не кружится, давление 130 на 80, но он продолжает лежать — добросовестный больной. А стихи пишет превосходные, прочел мне свое новое стихотворение — оно очень хорошо.

Говорил с Мариам по телефону, она немного рассказала мне о Коктебеле, о тебе. Меня тревожит, что твое нездоровье продолжается. Чего это стала печень тебя донимать?

Мне почему-то кажется, что под конец море сделает тебе традиционный подарок.

В Москве погода очень плохая, вчера уже шел снег. Но сегодня с утра выглянуло солнце.

Целую тебя, поздравляю с приближающимся днем рождения. Пиши!

Вася.

363

19 октября [1962, Москва]

Милая Люся, вот прошел твой день рождения, как провела его — была ли здорова, ездила ли в Лисью — Козы, смилостивилось ли над тобой море и сделало тебе традиционный подарок?

Получила ли мою телеграмму?

У меня особых событий нет, жду второй чистой верстки «Армянских заметок». Получил письмо от Кочара — необычайно теплое, вспоминает наши прогулки, беседы, «мечтает» видеть меня своим гостем; книга задержалась из-за оформления — забраковали, и поэтому новый художник задержал, но, видимо, выйдет через месяца полтора-два.

Со здоровьем у Кочара по-прежнему плохо, снова в больнице, на этот раз по поводу аппендицита — резать его боятся, т. к. был у него инфаркт.

В эту субботу Ира устраивает большой «прием» в честь своего поступления в аспирантуру — позвала человек 15. Она по-новому расставила мебель, мне кажется, что получилось удачно.

Федя купил красно-зелено-черную картину за 5 рублей и вдруг увидел, что она ему не нравится, — хватается за голову, голосит, чем очень смешит всех, особенно Иру.

Девочка здорова, мила и избалована — капризна, как черт. Уже и Ира кряхтит от нее.

Виделись с Колей, с комнатой еще не оформлено дело — ездит по домоуправлениям, собирает справки о своей прописке, — это оказалось нелегко, некоторые домоуправления ликвидированы, и найти домовые книги очень трудно.

От Ники частые письма, все здоровы, но настроение у нее кислое, печальное. Саша в восторге от своей новой жизни.

Маруся чувствует себя плохо, но все же на ногах, понемногу хозяйничает.

У Сёмы волнения с Ниной — она ходит в Онкологический на исследования, но кажется, что и на этот раз все обойдется. Дай бог. Она располнела, но очень бледна, цвет лица у нее нехороший — серо-бледно-желтый.

От всей души желаю, чтобы последние коктебельские дни прошли у тебя хорошо и чтобы наладилось со здоровьем. Вопросов не задаю, — расскажешь по приезде. Поезд твой приходит в 3 часа с минутами.

Погода в Москве была совсем уж зимняя, и вдруг потеплело, снег исчез, полил теплый дождь.

Целую тебя, Вася.

Письмо это шестое, больше не буду посылать, т. к. письма идут очень долго, и это придет за дня два до твоего отъезда.

19 октября

Письма Гроссмана, сентябрь – октябрь 1963

В конце 1962 года у Гроссмана появились симптомы тяжелой болезни, на которые он решил не обращать внимания. В апреле 1963 года симптомы повторились, его положили в больницу, диагностировали рак почки и удалили почку. В сентябре 1963 года с помощью Литфонда его устроили на реабилитацию в санаторий в Архангельском[963].

364

12 сентября 1963, [Архангельское]

Милая Люся, пишу тебе под шум дождя. С се-

---

[963] Примечания: 963

См.: Липкин 1990: 102–107; Берзер 1990: 260.

годняшнего дня погода подкачала малость. К счастью, хоть и дождит, но тепло.

Устроен я хорошо, комната удобная, медицинская часть на высоте — очень богато оборудованы кабинеты. Но мне назначено лечение простое — без медицинских кабинетов — побольше быть на воздухе и гулять не торопясь. Кормят хорошо, много вкусных овощных блюд — надеюсь в весе не набирать больше.

Знакомых пока нет. Много гуляю, сижу на скамейке, дышу воздухом, понемногу работаю, читаю. Сегодня пошел в кино — оно находится в моем же корпусе — смотрел фильм «3+2»[964]. Комедия цветная, по сценарию Михалкова — смотрел с удовольствием, развлекся, немного посмеялся.

Очень хочется знать, как ты доехала, как встретили тебя, как и где устроилась. Жарко ли в Коктебеле? Да, тебе следует проверить давление свое, и сделать это надо сразу же, а не ждать, пока начнет действовать путевка. Жду письма, где обо всем напишешь.

Звонил сегодня Феде, но к телефону подошла Наташа — все благополучно — Федя с Ирой при-

---

[964] Примечания: 964
Реж. Генрих Оганесян, СССР, 1963.

дут поздно.

Вообще, звонить отсюда неудобно — телефон один на 3 этажа и всегда очередь.

Чувствую я себя примерно по-московски, никаких улучшений, конечно, за 3 дня наступить не могло. Посмотрим, что дальше будет — времени впереди много.

Пиши. Целую тебя,

Вася.

12 сент. 63 г.

Парк, дворец, мраморные статуи среди зелени очень красивы. Юсупов жил хорошо — могу свидетельствовать.

365

16 сентября 1963, [Архангельское]

Милая Люся, вот уже 6 дней, как я в санатории.

Вошел в ритм санаторной жизни. Много бываю на воздухе, гуляю по парку. Тут парк разделен резко на 2 половины — одна с газонами, цветниками, с прямыми дорожками, расчищенными, украшенными мраморными статуями. А вторая половина — настоящий лес, огромные сосны, кустарник, папоротники, не продерешься. К сожалению, погода портится день ото дня, все холоднее, все чаще перепадают дожди. Вспоминаю

с сожалением о чудной летней жаре, от которой все мы загибались.

Разговаривал по телефону с Геддой — Дебору Матвеевну оперировали уже, операция прошла хорошо, но вчера вдруг температура подскочила до 38,5°. У Гедды тоже не очень хорошо — рана не заживает, болит, но вторая почка выправилась.

Приезжал ко мне Веня — как всегда, спешил, до сих пор не может вселиться в свою комнату, это его очень волнует.

Получил письмецо от Липкина, написанное второпях — тяп-ляп, все спешат, спешат…

Чувствую себя хорошо, видимо, окреп, гуляю много и не так устаю. По вечерам хожу в кино.

Жду твоего письма, хочется знать все новости твои, как устроилась, как чувствуешь себя, какой погодой встретило тебя море.

Пиши. Целую тебя,

Вася.

16 сент. 63 г.

366

17 сентября 1963, [Архангельское]

17 сент. 63 г.

Милая Люся, отправил тебе вчера утром второе письмо с вопросами, а днем получил от тебя 2

письма, где пишешь, что устроилась у Лиды.

Зря ты сразу собралась в Лисью, ведь сама пишешь, что жара очень сильная, чуть ли не 29° в тени. Зачем же в такую жару сразу же после дороги пускаться в экспедицию. Сходи, пожалуйста, к врачу — померь давление.

У меня жизнь наладилась — работаю, гуляю, читаю, сидя в парке.

Стал чувствовать себя лучше — силенок прибавилось, бок (рубец) не болит, в общем, получше.

Сегодня говорил с Феней и Федей по телефону. Условились, что навестят меня.

Санаторий мне нравится — очень ужо все солидно поставлено. Нравится мне кухня — много разных диет, можно получить все, что нужно. Я почти целиком перешел на овощную еду — разнообразно и вкусно.

В парке ручные белки — если стучать орешком по орешку, они спускаются с деревьев — прыгают на плечо, берут из рук еду. В доверчивости этих маленьких существ что-то очень трогательное, святое. Пиши, не нажимай слишком на поездки.

Целую тебя,

Вася.

Привет Лиде с семейством.

«До востребования» больше писать не буду.

367

20 сентября [1963, Архангельское]

Милая Люся, пишу тебе четвертое письмо. Все твои письма получил.

Санаторная жизнь идет размеренным ходом, и мне кажется, что я здесь очень давно живу.

Погода испортилась, частые дожди, похолодало, сегодня даже упало несколько снежных крупинок.

Чувствую, что здесь много интересных людей, по лицам видно, но у меня не завязались знакомства, и все общение мое ограничивается разговорами в столовой с соседями по столу.

День мой проходит в работе, чтении, прогулках. По вечерам смотрю кино. Видел уже следующие картины: «Три плюс два», «Каин XVIII», «Моя жена хочет петь», «Я хочу танцевать», «Молодой мальчик», «Банда подлецов»[965]. Впечатление произвела только одна картина: «Банда подле-

---

[965] Примечания: 965

«Каин XVIII», реж. Надежда Кошеверова и Михаил Шапиро, СССР, 1963 год; «Моя жена хочет петь», реж. Ганс Генрих, ГДР, 1958 год; «Я буду танцевать» («Труд и розы»), реж. Тофик Тагизаде, Азербайджан, 1962; «Банда подлецов», реж. Фабрицио Тальони, Италия, Франция, 1962 год. Возможно, под «Молодым мальчиком» Гроссман имел в виду фильм «Шестнадцатая весна» (реж. Яр. Лапшин, СССР, 1963), который был в прокате в 1963 году.

цов» — это тяжелая, напряженная драма времен войны.

Завтра приедет ко мне Феня, с ней я и пошлю это письмо. Послезавтра приедет Ефим. Встречаться приходится вне санатория, потому что посетителей пускают только по пропускам.

Говорил с Федей по телефону — у них все благополучно. Следующее письмо адресую тебе уже в дом творчества.

Ты на адрес санатория пиши до 28 сентября, — письма идут медленно, и письмо, посланное после 28-го, меня может не застать.

Я писал тебе, что зря ты поехала в Лисью в такую жару, а из твоего последнего письма понял, что тебе там стало нехорошо — можно ли совершать такие безрассудства! Очень прошу тебя быть разумней, осмотрительней, беречь здоровье!

Жалко, что чертова кошка слопала морского конька. Но надеюсь, что Павлик принесет нового, лучшего. Неужели этот год совершенно бескаменный? Только, пожалуйста, не ходи через силу. Интересно, предложит ли тебе Письменный съездить разок в Крымское Приморье, или в вихре светских знакомств ему будет не до тебя.

Я рад, что Феня будет в Коктебеле — вдвоем вам

будет лучше.

Целую тебя, Вася.

20 сент.

Звонил вечером Феде. Федя с Ирой и Леночкой собираются приехать в это или будущее воскресенье — в зависимости от погоды.

368

23 сентября 1963, [Архангельское]

Милая Люся, сегодня приехала в Коктебель Феня и передала тебе мое письмо.

Вчера был у меня Ефим, прекрасно выглядит, как всегда, хороший, привез мне кучу фруктов, в таком количестве, что половину пришлось силой вернуть ему — съесть их был бы не в состоянии, а они скоропортящиеся.

Провели с ним хорошо время, — поговорили, но он, конечно, спешил, т. к. приехали родственники из Курска и предстоял торжественный обед. Обещал в будущее воскресенье приехать без спешки. А в субботу были Феня с Марьям — их посещение было мне очень приятно, но о нем уж Феня тебе расскажет.

Федя с Ирой не приехали — приятель их повез куда-то на машине на воскресную прогулку.

Со вчерашнего дня установилась изумительная

погода — тепло, солнце греет по-летнему, в синем небе ни облачка. Чувствую себя вполне хорошо — с утра до вечера в парке, пока позволяет тепло неожиданное.

Звонил Марусе и Коле — у них все благополучно.

Звонил Гедде — мама ее сегодня уже возвращается из больницы.

Если у нас потеплело, то у вас в Коктебеле стало совсем уж жарко. Не езди по жаре в Лисью, — подожди, пока станет прохладней.

Я рад, что перебираешься в дом отдыха, поживешь с комфортом, отдохнешь по-настоящему. Не забудь к врачу сходить, проверь давление. У меня 130 на 85 — доктор говорит: «С Вашим давлением мы разрешаем участвовать в футбольных соревнованиях».

На это мое письмо ответ пиши уж на московский адрес, а то еще придет после моего отъезда. Как быстро время проходит!

Хорошо, что будете вместе с Феней. Как она устроилась? Передай ей, что груши ее оказались необычайно сладкими, вкусными. (Фенечка ведь любит ставить высокие баллы своим подаркам.)

Не переутомляйся в путешествиях.

Целую тебя, Вася.

Сердечный привет Фене.
23 сент. 63 г.

369

27 сентября 1963, [Архангельское]

Милая Люся, получил сегодня твое письмо от 23-го.

Рад был тому, что чувствуешь себя получше. Хорошо, если дадут тебе отдельную комнату. Мне тоже санаторий пошел на пользу, много гуляю, дышу свежим воздухом. Стараюсь не полнеть. Очень повезло с погодой — до сегодняшнего дня стояла прекрасная, теплая, сухая погода, в небе ни облачка, в воздухе ни ветерка. Очень красива золотая осень под синим ясным небом.

Вчера был у меня Федя, пошли с ним в Юсуповский дворец, осмотрели музей. Богато жили князья!

Леночку приняли в школу — балет на льду, т. е. фигурное катание. Было 600 заявлений на 38 мест, и, представь, ее приняли — прошла испытания по всякой гимнастике, пластике и т. д. Вот чертенок! Молодчинка.

Федя говорит, что несколько раз звонила Катя, передавала мне приветы, спрашивала о моем здоровье. Ира работает с утра до 10 вечера, ей

дали какую-то нагрузку большую. В общем, все благополучно. Переберусь, когда кончится срок, в город и напишу тебе более подробно, как там и что — с Наташей, покупкой картошки и пр.

Ты, конечно, пишешь уже на городской адрес, письма идут медленно, и меня уже здесь не застанут.

Если будешь продлевать, мне кажется, нет смысла переезжать в Крымское Приморье, лучше продлить в Коктебеле — комфорту больше, отдохнешь лучше. Тебе на месте видней.

Завтра ко мне собирается Анна Самойловна, а послезавтра Ефим и Коля.

Я до сих пор еще не доел Ефимовых фруктов — очень хорошие яблоки он привез.

Федя привез груши в подарок, и в санатории 3 раза в день фрукты — дыни, арбузы, сливы. А как у тебя с фруктами, покупай их побольше.

Огорчительно, что каменные дела так плохи, но я верю в твою счастливую звезду — недаром стала знаменита.

Пиши мне на Беговую.

Не части с походами в Козы, отдыхай больше.

Целую тебя,

Вася.

Сердечный привет Фене, как она устроилась?

27 сент. 1963 г.

370

30 сентября 1963, [Архангельское]

Милая Люся, вчера были у меня гости — Ефим и Коля. Ефим вскоре уехал (Рахиль и Соня ждут), а Коля остался почти до вечера. Я ему показал все архангельские красоты — ему очень все понравилось. Дома у них все благополучно. Маруся на ногах, письма от Ники хорошие, спокойные, — приедут в начале лета, когда кончатся школьные занятия. Маруся по поручению Ники купила пианино для Кати, старое, но очень хорошей марки — заплатили 700 руб.

Коля выглядит плохо, стал морщинистый, как крокодил. Был очень приятен мне. Его скульптура уже покрыта слоем бронзы, перед тем как быть установленной во Дворце культуры, она будет выставлена на двух выставках. Схожу посмотрю. Анна Самойловна собиралась ко мне, но заболела гриппом. С печатанием кусочка из «Армянских записок» все продолжается канитель[966] — меня

[966] Примечания: 966

О публикации «Добро вам!» см. примеч. к письму Ольге Губер от [конца декабря 1962 года] (с. 655) и примеч. к записке Екатерине Заболоцкой от 9 октября [1962 года] (с. 771).

она не волнует.

Погода похолодала, но сухая. Чувствую я себя лучше, теперь уж можно уверенно сказать, что санаторий мне пошел на пользу. Я окреп, надышался во всю свежим воздухом. Осталось еще 5 дней.

Говорил по телефону с Мариам, она в Мичуринск не поехала — студентов отправили на картошку. Но в Коктебель ей все же не удастся в этом году поехать.

Пиши, конечно, на Беговую — как здоровье твое, как успехи. Мне почему-то сегодня казалось, что именно сегодня тебе улыбнулось сердолико-агатовое счастье… Сушится ли морской конек для меня? Подружился с белочкой, она вскакивает ко мне на плечо, лезет в карман, ищет орешки. Прелестное существо.

Получил письмо от Кати, очень ласковое — Алеша здоров, она поступила на временную работу в свою библиотеку.

Пиши о коктебельской жизни.

Целую тебя, Вася.

30 сент. 63 г.

Передай нижайший привет Фене.

Слышал по радио, что в Крыму похолодало — сильно ли?

Насмотрелся кино так, что год не буду смотреть. А ты ходишь в кино?

371

4 октября 1963, [Архангельское]

Милая Люся, получил твое письмо, то, что с Эсей послала. Больше уж, конечно, на Архангельское писем не пишешь и не писала, т. к. мне осталось здесь всего два дня, считая сегодняшний.

Меня очень обрадовало, что давление у тебя снизилось, — правда, нижнее не так уж хорошо. Обязательно «продлись» до конца месяца, чтобы хоть немного основательней закрепить здоровье. Ведь впереди такая длинная зима — со всеми тяжестями. Советую тебе не перебираться в Крымское, а остаться в Коктебеле — удобно, комфорт, кругом знакомые люди. А до Крымского ты и из Коктебеля доберешься.

Я своим пребыванием в Архангельском доволен — поправился бесспорно, окреп, перестал уставать, боли в боку, что были летом, прошли. В общем, я совершенно правильно сделал, что поехал в Архангельское. Правда, скучновато — ни с одним человеком за все время не завязалось знакомства — только лишь были прогулки, книги, работа (понемножку), кино, да в последнее время

белка, которая подружилась со мной и лазит ко мне в карман в поисках орешков. У нее очень милые лапки, нос, а хвост — умопомрачение! Зовут ее Яшка-терапевт, потому что она помогает выздоровлению санаторных больных.

Вчера говорил с Наташей по телефону — дома все благополучно. Сегодня говорил с Мариам, она удивляется, что ни ты, ни Феня ей не написали.

Погода стоит снова восхитительная — ясная, с утра до вечера светит солнце, но по вечерам сильно чувствуется прохлада.

Библиотека здесь большая, вообще санаторий первоклассный. Моя докторша ко мне очень внимательна, она еще «Кольчугина» читает и каждый раз выражает мне свои чувства.

Анализы у меня все хорошие — кровь, гемоглобин, всё в норме. Анализ мочи тоже очень хороший — абсолютная норма, никаких отклонений. К бандажу привык, ношу его регулярно.

Пиши мне подробней о своей жизни, здоровье, неужели мои «каменные» предчувствия не оправдаются, нет, все же что-нибудь да будет!

Это мое письмо из Архангельского последнее, следующее уже напишу из Москвы — подробно сообщу о московской жизни.

Целую тебя,

Вася.

4 октября 63.

Привет Фене, довольна ли она своей пансионатской жизнью.

Как с деньгами у тебя — напиши, если нехватка, вышлю.

Меня очень огорчило известие о смерти Вл(адимира) Ал(ександровича) Трусевича — бедняга!

372

6 октября 1963, [Москва]

6 октября 1963 г.

Милая Люся, вот я снова в Москве. День прекрасный, такого дня не было за весь сентябрь, — жарко, ни ветерка, безоблачное летнее небо. На градуснике 20°.

В квартире холодновато, еще не топят. Федор уехал вчера вечером в Переславль-Залесский, приедет поздно вечером, я его не видел. Ленка поехала за город с дедушкой и бабушкой. Ира дома, с подружками сидит, встретила меня мило, но времени мне уделила немного — побежали в кино. Она решила удалять Лене гланды, врачи советуют. Лена начала учиться музыке.

Наташа накормила меня отличным обедом, не хуже санаторского, но от такого обеда не похуде-

ешь. Она купила картошки 150 кило, по 18 копеек. Дал ей жалованье и на расходы, вернул 3 рубля, что заплатила Саше за вставку окон. С Ирой, Федей и Леной она ладит хорошо. Проверил облигации — выиграла одна, сторублевая — сто руб. (старыми деньгами, конечно). Ерундовое дело.

Мишка встретил меня очень ласково, мурлычет и все трется об мой бок.

Ну вот, видишь, сколько новостей за один день. Сегодня день рождения Вени Лободы — ему исполнилось 60 лет — торжественная дата. Все товарищи поехали в Малоярославец. Но я не решился поехать — сразу же в день возвращения из санатория, да еще в воскресенье, это не по моим все же силам. Послал ему телеграмму и всякие пожелания. Вот вернется сегодня вечером оттуда Кугель, расскажет, как прошли торжества.

Говорил с Геддой по телефону, у нее не ладится со второй почкой, все время воспалительный процесс; а мама ее молодцом, после операции на ногах, готовит обед, это ведь на 83-м году жизни!

Говорил по телефону с Марьям и Анной Самойловной, условился о встрече в ближайшие день-два.

Чувствую себя хорошо, санаторий пошел на пользу, видимо. Не тревожься — если есть воз-

можность «продлиться» — продли путевку, ведь такая долгая зима впереди.

У меня бодрое, рабочее настроение, и меня это очень удивляет — откуда оно берется? Кажется, давно уж должны были опуститься руки, а они, глупые, всё тянутся к работе[967].

Получил письмо от Зинченко, узнала о моей операции, выражает сочувствие. Но в ее письме, как и во всех последних ее письмах, что-то есть раздражающее меня. Вот и в этом письме она меня радует важным сообщением: Маршак высоко оценивает мою работу. Господи, да нужны мне эти радости и оценки…

Пиши мне о своем здоровье, жизни, делах каменных, кто и что вокруг — мне ведь интересно. Неужели все так же скуп и бесплоден берег моря?

Целую тебя, Вася.

Привет Фейге.

Измерь снова давление!

373

9 октября 1963, [Москва]

---

[967] Примечания: 967

В 1963 году Гроссман работал над повестью «Все течет», над рассказами «В большом кольце», «Обвал», «В Кисловодске».

9 окт. 63

Милая Люся, получил твое письмо, адресованное на Москву.

Только что был в Боткинской, встретили меня как родного — ох, если б меня в редакциях так хорошо встречали. Гудынский[968] смотрел меня, посмотрел санаторные анализы — остался очень доволен, сказал, что все стало мягким — ткани, т. е. что никаких пока лечений не нужно, приходить часто не нужно, раз в месяц, в общем, был мною доволен[969].

Вчера у меня был «прием» на Аэропортовской — пришли Мариам, Эся, Кугель — угощал их чаем и ужином. Было очень приятно. Сейчас Наташа мне даст обедать. Леночка мила, но капризна и очень плохо глядит.

Между прочим, Эся сказала, что ты хотела продлить на 10 дней — если не сделала этого, тре-

---

[968] Примечания: 968

Яков Вениаминович Гудынский (1902–1994) — уролог, в 1962–1967 годах заведующий кафедрой урологии Московского института усовершенствования врачей.

[969] Примечания: 969

Липкин и Берзер пишут, что после санатория Гроссману стало хуже. Берзер: «Врач посоветовал ему поехать в подмосковный санаторий, и вскоре он уехал (кажется, это было Архангельское, и после него ему стало хуже)» (Берзер 1990: 260). Липкин: «Но в больницу он лег не сразу после санатория, а в начале зимы. Он стал очень плох, видно было, что не жилец» (Липкин 1990: 107).

вожась о моем здоровьи, то видишь, Гудынский успокоил вполне. А в смысле бытовом удобно — Наташа внимательна, готовит в аккурат. Но смотри сама, ведь такие долгие «жития» в санаториях начинают томить и иногда уже не на пользу. В общем, тебе видней на месте. Погода в Москве изумительная — настоящее лето. Я много стал работать. Перед тем как пойти в больницу — зашел в Сберкассу — Гослитиздат деньги перевел — 1500 руб.

Сегодня вечером придет Катя, она звонит каждый день, пылает желанием видеть меня.

Кугель рассказывает, что 60-летие Вени праздновали в саду — дом по-прежнему без крыши и пола. Было все сердечно и приятно. В московскую комнату Веня наконец въехал. Звонил мне Галин — спрашивал о моем здоровье. Рассказал, что Зина Александрова сторговалась с дочкой Арона за 6000 (новыми) и дело в суде прекращено[970].

Сейчас съел кулеш с шампиньонами, которые собирала Ленка. Федя выглядит неплохо — живут они мирно, но, по моим наблюдениям, у Иры характер кремневый.

Рад, что нашла ты агат, правда побитый. Эся

---

[970] Примечания: 970

Поэтесса Зинаида Николаевна Александрова (1907–1983), жена писателя Арона Исаевича Эрлиха (1896–1963).

говорит, что и чудную собаку ты нашла.

Пиши, целую тебя, Вася.

Привет Фене, все очень сочувствуют ее зубной боли, а я особенно.

Мариам очень хороший человек.

374

12 октября 1963, [Москва]

Милая Люся, получил твое письмо, где пишешь о кошках, поступивших на твое иждивение. Жалко их, бедных, каково-то им будет, когда закроется дом отдыха.

В Москве погода понемножку портится, небо осеннее, темное, воздух холоднее, дождя пока нет.

Были у меня в гостях Гедда с Шурой и Катя: Гедда чувствует себя плохо, меня очень тронуло, что она совсем больной приехала — так ей захотелось: первый выход ко мне. Катя выглядит неплохо, но, как всегда, полна жалоб на полное безденежье. Ох, беда, на работу, службу не хочется ни ей, ни ему, и сердятся на судьбу, что денег нет.

Говорил вчера с Колей по телефону — он сказал, что к ним приходил Витин и Вероникин сослуживец и сказал, что не исключена возможность,

что все они приедут к Новому году. Можешь себе представить, как обрадовалась Маруся.

Федя божится, что ответил на твое письмо, «но только не сразу», — возможно, что не дошло письмо, ведь он всегда путает адрес, да и пишет его торопливыми неразборчивыми каракулями. Наташа стонет, говорит, что очень тяжело ей с Леной — непослушна, да и вообще все время забота с ней, не посидишь.

Я себя чувствую хорошо, много работаю. Сегодня возвращается из поездки по Прибалтике, через Львов, Киев, пароходом по Днепру на Херсон, а затем Черным морем в Одессу — Сёма. В Москве его ждут уже два приглашения — одно в Ташкент на декаду, второе в Сухуми на совещания. Это мне Нина сказала по телефону и добавила: «Конечно, поедет и туда и сюда — ведь ему там деньги должны». А после всего этого он, в разговоре со мной, делает постное лицо и с тяжким вздохом говорит: «Я ведь мученик, тебе не понять меня».

Действительно, где уж мне понять.

Агата ты не описываешь, видимо, он не нравится тебе. А Свищов нашел что-нибудь? У него ведь легкая счастливая рука.

Целую тебя, Вася.

Привет Фене с вырванным зубом.

12 октября 63 г.

Письма к Екатерине Заболоцкой
Телеграммы 1955–1957 годов

1

19 ноября 1955[971]*, Москва*

МОСКВА 7 БЕГОВАЯ Д 1-А КОРПУС
29 КВАРТИРА 1 ЗАБОЛОЦКОЙ
ЕКАТЕРИНЕ ВАСИЛЬЕВНЕ
ПОЗДРАВЛЯЕМ
ДОРОГУЮ ЕКАТЕРИНУ ВАСИЛЬЕВНУ ДНЕМ РОЖДЕНИЯ ЖЕЛАЕМ ЗДОРОВЬЯ ДОЛГИХ СЧАСТЛИВЫХ ЛЕТ ГРОССМАНЫ

2

25 ноября 1957, Москва

ЛЕНИНГРАД КИРОВСКИЙ
ПРОСПЕКТ 55 КВАРТИРА 87[972]
КЛЫКОВОЙ ДЛЯ ЕКАТЕРИНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ
ПИСЬМА ТВОЕГО НЕТ СРЕДУ ДВАДЦАТЬ

---

[971] Примечания: 971

Телеграммы здесь и далее датированы по штемпелю на обороте.

[972] Примечания: 972

По этому адресу жила сестра Екатерины Заболоцкой Лидия Васильевна Клыкова.

СЕДЬМОГО БУДУ У КЛАРЫ ПОЗВОНИ ПО ТЕЛЕФОНУ ЛУЧШЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ ДНЯ ЦЕЛУЮ ВАСЯ

Из поездки в Ялту, март – апрель 1959 [973]

3

2 марта [1959, из поезда в Ялту, отправлено из Курска[974]]

Милая Катюша, пишу тебе в вагоне, трясет отчаянно. За окном зима. В последний вечер Сёма вдруг почувствовал себя лучше и объявил, что едет. Вот он лежит сейчас на соседней койке, дремлет после уничтожения курицы.

На душе у меня грустно, но, видимо, я был прав в своем предчувствии: хоть поезд меня увозит все дальше от Москвы, где осталась ты, я словно все ближе к тебе — и этот снег и лес не разделяют нас с тобой, моя дорогая. Все думаю о тебе, Катюша,

---

[973] Примечания: 973

Письма из Дома писателей в Ялте завернуты в бумагу, на которой рукой Заболоцкой написано: «Из санатория в Ялте. Письма В. С. Гроссмана». Об этой поездке см. также письма Ольге Губер, с. 546–576.

[974] Примечания: 974

Все остальные письма этого блока, кроме последнего, отправлены из Ялты.

слушая грохот колес беспрестанный, глядя на печальные деревни и белые деревья.

Вчера вдруг заболела Катя, видимо, грипп, ей стало плохо на улице, когда шла голосовать[975]. Вид у нее был совсем скверный, я ее отправил к Кларе. Надеюсь, что ничего серьезного нет у нее, она, мне кажется, очень мнительна. Ты погляди на нее, я все же тревожусь.

В вагоне сильно топят, душно очень.

Ты говорила, что плохо чувствуешь себя, — напиши мне, как сейчас, болит ли голова?

Почерк у меня, как у той курицы, с которой только что расправился Сёма. Но и этим куриным почерком пишу тебе, моя дорогая, что люблю тебя и думаю с нежностью о тебе. Как только приеду в Ялту, напишу тебе подробно, не дрожащей от вагонной тряски рукой.

Крепко целую тебя,

твой Вася.

2 марта

4

4 марта [1959, Ялта]

---

[975] Примечания: 975

1 марта 1959 года прошли так называемые выборы в Верховный Совет РСФСР пятого созыва.

Милая Катюша, приехали вчера в Ялту. По дороге пали духом, — чем ближе подъезжали к Крыму, тем хуже делалась погода. Вышли из вагона в Симферополе, — метель, ветер, темно от снега. Сёма ропщет.

За перевалом получше стало, но холодище, зелени никакой нет, все голо. А среди черных деревьев видны редкие розовые и белые пятна, — зацветает миндаль. Морозец его почему-то не губит.

В доме почти пусто — всего 21[976] человек. Дом мне не нравится, — казенный, бессмысленные излишества архитектурные, напоминает богатую провинциальную гостиницу. В комнате холодно.

Первое впечатление тяжелое, — пошел в столовую, — в передней — славный рыжий кот дергается в конвульсиях — наелся отравы крысиной. Сегодня ему получше, говорят, что он выздоровеет.

Большинство живущих — москвичи, некоторые мне знакомы. Есть ленинградец — Федоров Евг(ений)[977]. Ты не знаешь его? Говорят, против-

---

[976] Примечания: 976

Возможное прочтение «27».

[977] Примечания: 977

Речь о писателе и очеркисте Евгении Александровиче Федорове (1897–1961).

ный типус.

Пять человек больны астмой, двое тяжело, лежат — сестра ночью у них дежурит. Я подумал немного и тоже заболел астмой, видимо, в дороге простудился малость. Вчера, в день приезда, было мне совсем плохо. Сегодня значительно лучше, но к вечеру, должно быть от холода и сырости, опять немного прихватило. Паустовский растрогал Сёму своим вниманием к моим болезням, — сам он еле ползает, у него ночью дежурит сестра милосердия, а носил мне все время с третьего этажа на первый лекарства, рецепты и даже предлагал одолжить старушку-сестру. Сегодня снова стал носить мне лекарства, но мне они уж не нужны, чтобы не огорчать его, я говорю, что порошки его волшебные, сразу меня вылечили, и прячу их в ящик стола. Ты не сердись, Катенька, его заботы растрогали не только Сёму, но и меня, конечно.

И не беспокойся, — сегодня мне совсем хорошо. Я вышел рано утром, светило солнце, внизу голубело море, а на деревьях шумели и пели десятки птиц — два красавца дятла с красными пузами стучали носами, синицы, скворцы, щеглы. Кажется, и дрозды, но я не уверен, они ли. Но такой был чудесный гам и шум птичий, что мне, Катюшенька, пришлось не только смотреть твоими

глазами на горы в ярком солнечном снегу, на сосны, на утренний дым над домиками, на море, но и твоими ушами слушать, как птицы выкликали весну. Она придет, уж очень они ее звали.

Днем мне стало еще легче дышать, и мы пошли с Сёмой в город, ходили по набережной, море бурное, волны наплескивают на набережную. В воздухе сотни чаек, — они не белые, а серые, кричат кошачьими и свинячьими голосами. Обратно отказался от такси, шел в гору пешком и дошел хорошо, правда, очень медленно.

Сегодня начал работать, в комнате полная тишина, работать тут хорошо. Я уж забыл, что в тишине работать легче, не балован я ею, Катюша.

Напиши мне, дорогая, как чувствуешь себя, что у тебя нового, все ли благополучно? Очень жду твоего письма. Сегодня уж спрашивал библиотекаршу, раздающую письма, — нет ли письма для меня. Она рассмеялась: «Слишком быстро захотели письмо получить, только доехали».

Тревожит меня здоровье Кати, знаешь ли ты, как она и что?

Ужасная вещь произошла у Федора Левина — дочь его, ей 24 года, химик, работала в лаборатории, случился взрыв и выбил стекла в ее очках,

осколки в обоих глазах, лежит в московской глазной больнице, есть опасность, что потеряет зрение. А сын его был убит на войне[978].

Катюшенька, получила ли мое письмо, которое опустил в Курске? Разобрала ли куриный почерк мой, — очень уж спешил скорый поезд.

Тут все наряжаются, не только дамы, наоборот даже, — мужчины больше. Я в своей старинной кепке и знаменитом пальто оказался левофланговым.

Сема трудится, обложенный таким количеством толстых словарей, что его самого не видно за фолиантами. Он щеголяет в невероятных прюнелевых туфлях, взволновавших всю Ялту: старики покачивают головами, молодые говорят «ого», а мальчишки идут следом.

Катюша, дорогая моя, как мне хочется оглянуться и увидеть тебя рядом, у этого стола, в очках, с книжкой в руках или вдевающей нитку в иголку, — кстати, у меня оборвалась вешалка у пальто, — спросить тебя: «Ну как, интересная книжка? Крепко зашила? Пойдем утром гулять?»

---

[978] Примечания: 978

Марк (Майко) Федорович Левин (1924–1942) ушел добровольцем на фронт в рядах Московской третьей дивизии. Погиб, похоронен в братской могиле. За эту информацию, а также другие сведения, касающиеся семьи Федора Левина и Валентины Журавлевой, мы благодарим Татьяну Викторовну Левченко.

Целую тебя, моя хорошая, моя любимая.
Жду писем.
Твой Вася.
4 марта.

5

8 марта [1959, Ялта]
Милая Катюша, здравствуй!

Вот уже неделя прошла, как я уехал из Москвы. Пишу тебе третье письмо, — получаешь ли ты их? А от тебя ни слова пока не дошло до меня. Говорят, что письма в Ялту идут долго — приходят не раньше чем на пятый-шестой день. Но, может быть, они не так уж долго идут, а долго их Катюша пишет?

Ничего не знаю о тебе, как ты и что, здоровье твое? Не знаю и о Кате маленькой ничего — как Робинзон.

Здесь все еще холодно, хмуро и по-прежнему нет зелени, листья не распускаются. Над головой московское ноябрьское небо. Я много работаю, мало хожу, вцепилась в меня проклятая астма — душит. Видимо, сырой воздух нехорошо влияет. Лекарства мало помогают. Читаю много. Разговариваю с Семой, по вечерам играю с ним в подкидного дурака, проигрываю ему так же,

как тебе. Но ты меня жалела, когда я проигрывал, а Сема надо мной посмеивается.

Кроме Сёмы, ни с кем не разговариваю — лишь болтаю по пустякам в столовой — по причине, что местные отдыхатели либо скучные, либо неприятные. Паустовский, хотя и снабжал меня лекарствами в доброте своей, раздражает меня так же, как и 20 лет назад, — картонный человек, весь состоящий из придумочек и литературных историй, от которых нудно и скучно, не настоящий он.

Труды мои подвигаются вперед, но чем ближе они к окончанию, тем меньше в них толка.

Бедный рыжий кот, о котором писал тебе в предыдущем письме, — умер. Оказалось, у него была чумка в очень тяжелой форме.

Вчера ездил в Ливадию, один, без Сёмы, как большой. Водитель такси мне всю дорогу рассказывал историю Ялты, Ливадийского дворца, он, оказывается, окончил курсы гидов. Рассказывал он очень толково, но, говоря об архитектуре, почему-то сказал: «Это здание построено в стиле резонанс».

Катюша, сегодня немного потеплело, — 6°, и вместо снежной крупы накрапывает мелкий дождь.

Неотступно думаю о тебе, моя любимая, и мне кажется, была бы ты рядом со мной, и не стало бы астмы, и серого неба, и тяжелые мои мысли не были бы тяжелыми. Хорошая моя, любимая моя…

Я перебрался с первого этажа на третий, — и хотя по лестнице подыматься трудно, нет сырости в комнате и теплее гораздо. Из окна видно море, порт, вчера пришли два больших теплохода «Победа» и «Крым». На набережной полно пьяных, — это отдыхающие и больные из санаториев. Настроены они весьма задиристо.

Пишу тебе о мелочах, но ты ведь знаешь, чувствуешь, что все к тебе и с тобой. Сегодня воскресенье, почты нет, но почему-то уверен, что завтра получу твое первое письмо. Жду его очень, хочу все знать о тебе, тревожусь о твоем здоровье.

Целую тебя крепко, моя нежная, моя хорошая.

Твой Вася.

8 марта

Птиц тут великое множество, они поют, трещат, щелкают, щебечут, пускают трели, крутят хвостами, деловиты, оживлены, не обращают внимания ни на снежную крупу, ни на серое осеннее небо, ни на северный ветер, — вот пишущим книги с них и надо брать пример.

6

11 марта [1959, Ялта]

Милая Катюша, наконец получил твою записочку первую, а затем письмо.

Рад очень весточке первой.

Все не так, как ты пишешь, в Ялте нет еще весны. Хмуро, холодно было все время, последние два дня бушевал круглосуточный норд-ост: грохот, вой, кипарисы сгибаются, мечутся. А сегодня утром тихо и вроде потеплей, но облачно.

Я почти не хожу гулять, одышка, очень тяжело даже по ровному ходить, а тут всюду гористо. Семен Израилевич гуляет соло, а я сижу в комнате и пыхчу. Последние дни работаю плохо, смотрю в окно, тоска у меня.

Тут по-дурацки устроено — чтобы попасть в столовую, надо спуститься с третьего этажа, пройти по крутому подъему и снова по лестнице на второй этаж, и обратно опять на третий этаж. Это три раза в день, выходит 15 этажей. Некоторым носят еду в комнату, а я все же сам хожу. Все не оставляет астма, хуже, чем в Москве, — что-то в этом сыром воздухе, какой-то, видно, раздражитель сидит. К врачу я, конечно, не хожу, хотя сестра уже три раза приходила за мной.

Хорошо, что заплатила ты на кладбище, передаст она [О-?]ле.

Из твоего письма узнал о Катином здоровье — она мне, конечно, не написала ни слова до сих пор.

Солнышко ты мое, ты совсем не напрасно рассчитывала, что, только лишь тронулся поезд, я думал о тебе и писал тебе. Так оно и было, — получила ли письмецо из Курска? И теперь ты со мной, и я думаю, думаю о тебе и пишу тебе. И когда работаю, и когда астма меня душит, и когда засыпаю, и когда сплю — ты всегда со мной, моя дорогая, хорошая. Так что не пиши — «напрасно я рассчитывала». И хотя мне здесь не совсем хорошо, я чувствую, что ты близко, и так радостно взять письмо твое с обратным ломоносовским адресом на конверте.

Как твои больные, очень мне хочется привет передать, Наташе особо, делаю это хотя бы мысленно.

Тут живет писательница Георгиевская, она подходит к моим соседям по столу и говорит им, что они счастливые — сидят со мной рядом. А дня 3 назад она ко мне подошла и сказала: «Я дала себе слово сказать вам — я плачу целые ночи над вашей книгой, это потому что ваше сердце самое

доброе и чистое в мире». Я хотел ей сказать — есть у меня Катя, вы ее спросите, она вам кое-что может рассказать на этот счет. Но я помычал и ушел. Катенька, недоброе у меня сердце? Кто же я — брехун, обманщик? Знаю: какое сердце ни есть, а любит оно тебя, — Катерина.

Сёма тут много работает, волнуется очень, — не отступит ли Твар(довский) от намерения напечатать его. Мне кажется, что не отступит[979]. Для Сёмы это будет событием огромной важности, — мне кажется, он станет и в жизни своей после этого события — лучше, выше, внутренне поднимется.

Видел тут кино, его показывают после ужина — «Мой дядя Хасинто»[980]. Посмотри, если где-нибудь идет оно в Москве, мне понравилось. Кутя, я все пишу, может, тебе надоело читать эту ялтинскую хронику?

Кормят тут невкусно — мясо три раза в день. Читал в столовой книгу отзывов — Лидия Ни-

---

[979] Примечания: 979

Твардовский не отступил: подборка стихов Семена Липкина вышла в июньском номере «Нового мира» (Липкин 1959). См. об этом также письма Ольге Губер от 31 мая [1959 года] (с. 610) и 3 июня 1959 года (с. 612).

[980] Примечания: 980

См. примеч. к письму Ольге Губер от 12 марта [1959 года] (с. 557).

кол(аевна)[981], Казакевич хвалят, а хвалить нечего.

Катюшенька, почему ж ты плохо чувствуешь себя, устаешь? Сходи к Берте Абрамовне, проверь давление. Как хочу, чтобы ты была спокойней, верила в хорошее впереди, чтоб была здорова.

Нашел себе здесь компаньона для игры в шахматы, он безногий румын, старичок — вот мы с ним поиграем. О том, кто кого, — напишу в следующем письме.

Вот из-за туч выглянуло солнце, теплое. А птицы продолжают трещать, вот смотрю на них твоими глазами, целую твои глаза, целую тебя,

твой Вася.

11 марта

7

12 марта [1959, Ялта]

Милая моя, хорошая Катюша!

Вчера отправил тебе письмо, сегодня получил от тебя новое и тотчас отвечаю. Если ведешь счет — это пятое.

Взволновало меня известие о звонке по теле-

[981] Примечания: 981

Скорее всего, речь о Лидии Николаевне Тыняновой (1902–1984), писательнице и жене писателя Вениамина Александровича Каверина.

фону[982]. Неужели не понимаешь ты, что это горькая тревога, а не желание поплясать на тебе. Так мне кажется. Во всяком случае, очень прошу, вернее, категорически, не нужно никаких телефонных разговоров и встреч вам. Ничего, кроме мучительства, это тебе не принесет. Как не стыдно тебе писать мне, что письма твои нужны мне для каких-то посмеяний. Твои письма — моя жизнь, биение моего сердца, как ни горьки они. Ах, Катя, Катя, стыдно тебе должно быть писать мне такое. Поверь, ни один человек не прочтет твоих писем, клянусь тебе в этом. И не будем возвращаться к этому. Будь совершенно спокойна.

Ты пишешь дальше о Поле и ее истерике. Найди, пожалуйста, в себе силу сказать ей, чтобы она не клялась в любви, преданности и жалости, а доказала бы свою простую порядочность человеческую по отношению к тебе тем, чтобы не занималась грязными сплетнями и подглядыванием за каждым твоим движением, шагом. Неприятно мне о ней писать, унизительно, да что делать, я понимаю ведь.

От Кати-маленькой по-прежнему ни слова. Думаю, что ты права, — новые у нее беды и пе-

---

[982] Примечания: 982

См. также письмо Ольги Губер к Гроссману от 10 марта 1959 года (с. 556) и письмо Гроссмана к ней от 17 марта [1959 года] (с. 565).

реживания.

Хорошая моя, все же мы сейчас вместе, и то, что я думал и хотел, уезжая, осуществилось — я с тобой, и крупицы счастья, которые приносят мне твои письма, драгоценны для меня.

Я глубоко, серьезно верю в наше с тобой будущее, есть оно у нас, общее, — твое и мое. Чуешь?

Вот уж и собираешься ты в Тарусу, нанимать дачу. О каких еще добрых новостях написала ты мне? Мне так хочется поддержать твою веру, твое сердце, мне так хочется видеть твои глаза счастливыми и спокойными. Если твой покой, счастье зависят от неизменности моей любви к тебе, будут у тебя и покой, и счастье.

Катюшенька, за этот день отчитаюсь перед тобой. Чувствовал я себя лучше и даже спустился с горы в город — смотрел, как кормят чаек, они удивительно ловко ловят в воздухе хлеб, кружа огромным живым бело-серым колесом над морем. Затем мы с Сёмой произвели покупки — набили авоську крымскими яблоками (ты их ела со мной — они не кислые), купили маслин местных, мелких, странного вкуса, купили изюма. Затем я сел на такси и поехал обратно, а Сёма, как молодой и здоровый, пошел в гору пешком. Затем я сразился в шахматы со стариком, о кото-

ром уже писал тебе, и победил его, был доволен.

Во второй половине дня парк наполнился «транзитными дроздами», их было множество великое. Сегодня утром ни одного нет, — полетели дальше. Воздух теплее сегодня, солнце часто выглядывает из облаков. Ночью я читал, читаю я допоздна, обычно до 2 — до половины третьего. Утром чувствовал себя лучше, помылся в ду́ше. Это достижение, т. к. из-за одышки последние дни трудно мне было мылиться и вытираться. Думаю, может быть, мне с сегодняшнего дня вообще лучше станет. Курю я меньше, чем в Москве, все примериваюсь — окончательно бросить. Не пью совсем. Тут собрался непьющий народ. Получил письмо твое. Пиши мне, моя родная, что бы ты ни писала, письма твои главное для меня, ими я здесь живу, для них здесь живу. Очевидно, числа 27-го я уеду, поэтому пиши мне так, чтобы последнее письмо послать из Москвы 20–21-го.

Сёма остается здесь еще на 4 дня после меня, и поэтому, если получится письмо после моего отъезда, он получит его за меня, — он знает о нашей переписке. Я передал ему твой привет, и он шлет тебе привет. Узнав с моих слов, что ты передаешь привет Липкину, он вдруг обиделся, — почему не по имени, а по фамилии ты его назвала.

Моя хорошая, моя нежная, моя Катюша, ты зачеркнула строки в своем письме, а я прочел их, прости меня, ведь ты не хотела, чтобы я прочел.

Ты жизнь моя, Катя, это не слова, и я хочу, чтобы ты прочла, потому что так оно есть, что нежно и крепко целует тебя

твой Вася.

12 марта

8

[16 марта 1959, Ялта]

Дорогая Катюша, получил твое письмецо, — обрадовался ему и огорчился. Чему обрадовался, объяснять тебе не надо, а огорчился тому, что написано оно торопливо, собственно, не письмо, а записочка. Неужели ты так занята, Катюша моя милая? Нехорошо.

Погода так и не наладилась, а сегодня резко ухудшилась, идет холодный мелкий дождь с утра.

А наша горница с богом не спорится.

Вчера неожиданно для самого себя выпил полбутылки коньяку и пошел смотреть кино «Летят журавли».

Все восхищены этим фильмом, мне он не понравился — война не должна быть никогда

средством искусства, слишком она тяжела и серьезна. Это категорический императив для всех пишущих, рисующих и накручивающих киноленты, такой же обязательный, как категорический императив Канта. В самом же фильме немало правдоподобия, но нет правды. Вот не вспомню, видела ли ты эту картину, кажется, нет — с тобой мы ее не смотрели. Помню, как Наташа о ней говорила в Марьиной Роще, ей понравилась героиня, кажется. Но мне и героиня не понравилась. Сделана по рецепту: «Серафима, вот она какая, Серафима, пылкая, живая»[983].

Смотрю в окно, моря почти не видно, туман, дождь.

Катюшенька, ждал, ждал письма твоего, дождался и не вычитал из него, как ты чувствуешь себя, здоровье твое, головные боли, что дома? Надеюсь, в следующем письме расскажешь обо всех своих обстоятельствах. Созвонилась ли с Катей, виделись ли вы?

У Сёмы большие огорчения — Яшу исключили из комсомола, исключают из университета. Он тут ночь не спал. Ты только не говори никому об

---

[983] Примечания: 983

Отсылка к строкам из песни, звучащей в фильме «Котовский» 1942 года: «Одесситка — вот она какая, / Одесситка — пылкая, живая!» (музыка Оскара Строка, стихи Льва Зингерталя).

этом, он стыдится этих своих горестей.

Я продолжаю торжествовать над своим шахматным противником, нравится мне эта игра.

Милая моя, хорошая моя, будь здорова. Целую тебя крепко.

Твой Вася.

Я буду писать тебе до самого отъезда, а ты уж после 20–21-го не пиши. Береги здоровье свое, хорошая моя.

P. S.

Вот думаю, жил тут когда-то такой больной человек Антон Павлович, тосковал, ждал писем из Москвы, а письма от Ольги Леонардовны приходили торопливые, с разогнанными строчками, и он огорчался[984].

Я себя утешаю — если уж ему так писали и он вздыхал, смотрел в туманное, залитое дождем окно, то чего уж мне, грешному… Только бы ты на Ольгу Леонард⟨овну⟩ долголетием походила, Кутя моя[985].

---

[984] Примечания: 984

Антон Чехов переписывался с Ольгой Книппер (1868–1959) с лета 1899 года, обвенчались они в 1901 году (см.: Чехов 2004).

[985] Примечания: 985

Пожелание Гроссмана сбылось: Ольга Книппер умерла в возрасте 90 лет, а Екатерина Заболоцкая — в 91 год.

9

18 марта [1959, Ялта]

Дорогая моя Катенька, любимая моя, хорошая моя. Получил твое письмо, сколько мне радости в твоих письмах. В предыдущем письме сердился и огорчался, что коротко мне написала, а это меня утешило, ощутил в нем и тепло твое, и печаль твою, и нашу с тобой близость. Милая моя, разделяет нас большое расстояние, и почта идет безбожно медленно, и мы оба волнуемся, и сердимся, и огорчаемся оттого, что разделяет это нас. И в то же время с какой необычайной ясностью чувствую я тебя, и помни, что так же неотступно, как ты, я думаю о тебе все время — и засыпая, и просыпаясь. И ходишь ты со мной вместе, и вчера мы с тобой смотрели на шторм, слушали грохот воды, бьющей о набережную, и была ты такая же мокрая от водяной пыли, как и я.

Погода стала совсем плохой, вторые сутки идет снег, не тает. Розовый цветущий миндаль весь в снегу. А чувствую я себя лучше, хожу свободней, не задыхаюсь, как раньше.

Читал твое письмо, вместе с тобой волновался, совершая путешествие на Ломоносовский. Очень меня огорчило, что Катю ты не застала. Как же

это вы не договорились точно о встрече?

Катюшенька, почему хоть несколько слов не написала о домашних делах, как там с Полей? Здорова ли ты, моя родная? На это письмо ты мне уже не будешь отвечать, т. к. ответ твой меня не застанет в Ялте.

Съезд, кажется, откладывается до 6 апреля, и я, возможно, поеду пароходом на Одессу и вернусь в Москву числа 4-го. Выяснится это в ближайшие два-три дня — напишу тебе. Я буду тебе писать до последнего дня своего пребывания, так что ходи на почту, письма мои будут приходить все время.

Но есть вещи такие сокровенные, такие твои и мои, что и писать их не могу, только скажу, когда увижу тебя, — о том, как близка и дорога ты мне. Я очень тоскую по тебе, я все время думаю о тебе. Это ведь не слова только, — как это странно — все время думать о человеке, понимаешь — все время. Я не знал, что это может так быть. И помню, помню все, — и вся огромная Москва для меня — это ты, — и улицы, и скверики, и площади, и парки, и скамейки, и Марьинский универмаг, и наше кафе, и такси, и Сокольники, и обрыв над Москвой-рекой, и деревья, и вечерний свет фонарей, и поезда электрички, и маленький садик

в Загорянке, и хмурое небо, и тучи, и солнце, вдруг пробившееся через эти тучи… А помнишь автобусы, которые мы с тобой встречали перед парком культуры, а недавние тихие улочки и маленькие деревянные домики, в которые мы входили…

Катюшенька, как это горько, — для того чтобы быть с тобой теперь, в эти дни, я уехал из Москвы, и для того чтобы эту близость продлить, я не еду в Москву, а стараюсь оттянуть свой приезд, придумал поездку через Одессу, а всей душой своей тоскую по тебе, мучительно хочу видеть тебя, все бы отдал, чтобы вот сейчас увидеть тебя, обнять тебя.

Катюшок, мы увидимся скоро, моя родная, я не верю в тучи, я верю в солнце, которое прорвется сквозь тучи. Верь в это и ты, — это серьезно, это верно. Слышишь меня, родная?

Сюда приходят из Москвы плохие новости из редакций, — вот окончательно отвергли новую вещь Эмм⟨ануила⟩ Генриховича[986]. Думаю, что и я, вернувшись в Москву, узнаю, что попало мое сочинение вместо типографии в редакци-

[986] Примечания: 986

О повести Казакевича см. примеч. 1 к письму Ольге Губер от 17 марта [1959 года], с. 566.

онную корзину[987]. А может быть, и обойдется, посмотрим.

С Семеном Изр(аилевичем) живем мы очень дружно, только читать ему я перестал, это сложная история, но я ведь в этом деле тяжелый человек и не хочу ни на кого наваливать свою эту тяжесть. Сам понесу и донесу[988]. А так, как говорится, у нас с Сёмой все хорошо. Он много работает, переводит Фирдоуси[989], своего здесь не пишет. Очень волнуется по поводу своих новомирских дел, но ничего о них не знает.

Очень мне хочется хоть голос твой услышать, давай сделаем так: я позвоню Кларе по телефону 26-го числа, а ты приезжай к ним. Звонить в Москву здесь можно только вечером, после 9 часов, вот мы с тобой поговорим. Если же 26-го не можешь, то пришли мне телеграмму, предупреди. Вот мы

---

[987] Примечания: 987

Речь о рассказе «Тиргартен», который, действительно уже набранный в номер «Знамени», не прошел цензуру и не был напечатан. См. о нем также письма Гроссмана и Ольги Губер 6 марта (с. 550), 17 марта (с. 566), 26 марта (с. 575) и 28 апреля [1959 года] (с. 579).

[988] Примечания: 988

Работая над «Жизнью и судьбой», Гроссман читал Липкину рукопись вслух. См. также письмо Екатерине Заболоцкой от 30 ноября 1959 года, с. 729.

[989] Примечания: 989

Двухтомник персидского поэта Фирдоуси вышел в переводах Владимира Державина и Семена Липкина в 1964 году (Фирдоуси 1964).

хоть несколько минут поговорим с тобой.

Моя хорошая, моя любимая, крепко целую тебя, будем верить, что мы будем вместе, я без этой веры жить не могу, и вера эта — настоящая вера, не для утешения, а для правды, для жизни.

Твой Вася.

Катюшок, значит, буду звонить тебе по Клариному телефону 26-го вечером, после 9 часов — до 10 (крайнее половина одиннадцатого).

18 марта

Ты спрашиваешь о вешалке на пальто, я ее сам пришил, пока держит, а в Москве ты мне ее подправишь.

10

20 марта [1959, Ялта]

Дорогая моя Катюша, вот ты и прочтешь в сегодняшнем моем письме: стоит второй день чудесная погода, с утра небо голубое, сияет солнце, воздух легкий, одновременно прохладный и теплый, издали море блестит летней голубизной и кажется таким добрым, что хоть сейчас можно купаться.

И ночи хорошие — звездные, лунные, и звезды такие яркие, что не боятся луны, а с земли тянутся

сотни темных кипарисов, и при луне светлеют белые стены домов. Многое я видел за эти два дня твоими глазами. Да еще вовсю цветет миндаль. Этот миндальный цвет такой легкий, что кажется, и цветы, и ветви, и сами стволы деревьев не связаны с землей и висят в воздухе.

А сегодня одновременно пришли два твоих письма, и показалось, что и седой дядька оторвался от земли, хоть на нем и не цветет миндаль.

Чувствую я себя лучше, свободней хожу, одышка меньше.

Встревожили меня в твоем письме слова: «Другая бы на моем месте свалилась». Значит, ты плохо себя чувствуешь, хвораешь? Что же это, Катенька?

Странно, ты смотрела фильм «Их было пятеро»[990], и я вчера вновь смотрел его, и вновь он произвел сильное впечатление. Вот видишь, совсем по-иному, чем у Ремарка, рассказано о послевоенной жизни фронтовых друзей. Не похоже на милую и изящную голубизну «Трех товарищей»[991] — горько, но на жизнь похоже. И

---

[990] Примечания: 990

Реж. Жак Пиното, Франция, 1951 год; в прокате в СССР с 1953 года.

[991] Примечания: 991

Вероятно, имеется в виду экранизация романа Ремарка: реж. Фрэнк Борзейги, США, 1938 год.

грешны они, и виноваты, и жалко их, и хорошее к ним чувство: «Ребята, да, это ребята».

Рад, что дома у тебя все здоровы, но ты, Катенька, здорова ли, никак я не пойму.

Расскажу немного о себе. До обеда я работаю, а после обеда иду вниз, к морю, вместе с Сёмой. Там я сажусь на скамейке поближе к морю, а Сёма уходит на прогулку, сгонять жир. Это мы шутя называем: «Я тут посижу на скамейке, почитаю книжку, а ты пока поиграй в серсо и в мячик». Возвращается он примерно минут через 40–50. За это время я успеваю намерзнуться, особенно руки, которые держат книжку.

После этого мы шествуем по набережной, навстречу идут пьяные из домов отдыха, смотрим, как кормят чаек, потом я сажусь на такси и еду в гору, а Сёма, продолжая сгонять жир, лезет на гору пешком. Затем вновь труды и ужин. Мой шахматный партнер, к сожалению, уехал.

Читаю я сейчас книжку: «Кибернетика и общество» Винера[992], она трудная, особенно первая половина, но очень интересная. Прочел большие, двухтомные мемуары «Рузвельт и Гоп-

[992] Примечания: 992

Книга Норберта Винера, написанная в 1948 году, впервые вышла на русском в 1958 году (Винер 1958).

кинс»[993] — тоже очень интересные. Вот приеду, буду тебе немного рассказывать, очень любопытные вещи в винеровской книжке. Нравится мне изречение Эйнштейна: «Бог коварен, но не злонамерен»[994]. У Винера по поводу этой мысли интересные есть размышления.

Прочел книжку *т-те* Ферми «Атом у нас дома»[995] — ее воспоминания о муже, знаменитом физике. Дама-то довольно ничтожная, но книжка исключительно занимательная, интереснее романов, даже приключенческих. В одиннадцатом номере «Огонька» ужасные стихи Сельвинского, посвященные мужу Зинаиды Ник⟨олаевны⟩[996]. Посмотри, если попадутся тебе в руки.

Катенька, твои письма, как мы называем их — ниточка, такая для меня радость, так много значат для меня, скажу тебе, больше, чем и книги… А

---

[993] Примечания: 993

Мемуары Роберта Шервуда «Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца» вышли в Издательстве иностранной литературы в 1958 году (Шервуд 1958).

[994] Примечания: 994

Эйнштейн произнес эту фразу в мае 1921 года на семинаре «О законах мироздания», организованном в Принстонском университете.

[995] Примечания: 995

См. примеч. 3 к письму Ольге Губер от 12 марта [1959 года], с. 558.

[996] Примечания: 996

См. письма Ольги Губер Гроссману от 9 (с. 554) и 10 марта [1959 года] (с. 556) и письмо Гроссмана жене от 17 марта [1959 года] (с. 565).

ведь одна ниточка, и такая драгоценная. Спасибо, моя любимая, моя родная. Вот радуюсь, что поговорим по телефону, услышу твой голос, будет у нас с тобой еще одна ниточка. Вот, моя любимая, моя ласковая, так мы, если бог захочет, и соберем с тобой по ниточке — рубашку, счастливую.

На это письмо я, конечно, ответа не жду, но сам буду писать тебе все время, я уж эту дорогую ниточку не упущу, Катюшенька моя.

Целую тебя крепко, глаза твои целую.

Твой Вася.

20 марта

Я написал Кларе, попросил позвонить тебе по поводу телефона, подумал, что, может быть, тебе неловко несколько, то пусть будет ее встречный звонок. Но, поверь, неловкости никакой. Я от нее получил хорошее письмо.

А Катя-маленькая ни гугу — и я понемногу набираю злость на нее.

11

23 марта [1959, Ялта]

Дорогая моя Катюша, обычно пишу, получив твое письмо, а сегодня хочется поговорить с тобой, еще не услышав твоего голоса… Все продолжается хорошая погода, и я чувствую себя лучше,

больше хожу, сегодня утром на холм взобрался, а два дня подряд ездили с Сёмой в Ливадию и ходили по Царской тропе. Так там красиво, такое широкое море лежит внизу, столько молодой зелени вдруг вышло из глинистой земли, такой птичий крик и пение, — невозможно без тебя тут быть, хоть и смотрю, вовсю представляя и тебя, и себя, но чувствую, что «не справляюсь с работой», уж слишком все ясно и красиво, без тебя мне со всем этим не справиться.

Посылаю тебе первых солдатиков весны, они появились внезапно, вырвались из земли, выдуло их, выжало, как взрывом. Все вспоминал слова Гамсуна: «Весна пришла не по плану, а как чья-то быстрая, безумная идея…»[997] Да вот чья — либо божья, либо человечья. Наверное, это одно и то же.

А ночи, Катюша, какие — черные, синие, звезды

---

[997] Примечания: 997

Неточная цитата из романа Гамсуна «Последняя глава» (1923). Именно эту цитату Гроссман выписывает при первом известном нам упоминании Гамсуна: в неопубликованной тетради «Немногие записи» в ноябре 1931 года (HCL. GC. B. 1. G. 4. P. 3):

«К. Гамсун, „Последняя глава“. Фрекен Д’Эспар, Даниэль, Самоубийца… Гамсун пишет… Весна в горах! Весна пришла не по определенному плану. Она пришла как прекрасная, быстрая, безумная идея.

Люди одинаково склонны к добру и злу. Люди ничего не знают — они ползут, как черви, и, когда одни умирают, другие переползают через них. Жизнь! Смерть! Разве это можно понять? Они переплелись, их нельзя разделить».

«торгсиновские», над каждой знаменитый ювелир работал, а с земли тянутся к небу полчища кипарисов, и вся эта замызганная, полная пьяных Ялта кажется каким-то древним городом времен Фирдоуси или Навои.

23. III. Сегодня получил твое письмо. Вспомнил, как мило и трогательно ты писала о кошке, уносящей добычу. Хорошая ты моя. Вот и я так же пошел в парк, сунув письмо в карман и придерживая рукой, — вдруг выпорхнет из кармана, сел на скамеечку и стал читать.

Рад, что были у Кати, мне это бесконечно дорого. Больно за Катю, но я все знаю это. С болезнью история, думаю, несерьезная — мнительность. Но и мнительность ее — болезнь.

Больно, что Наташа так же, а я думал — маленький сдвиг есть. Но будет еще, надеюсь.

Сегодня мне немного тяжелей дышится, а день хороший, в ясность воздуха кто-то влил кувшин тепла. А у меня оттого, что вчера выпил, — как обычно, расстались с Сёмой на набережной, я пошел к такси, а он двинул пешком. Но по дороге к такси я вдруг решил зайти в ресторан, было два места за столиком — для тебя и меня. Сидел, слушал музыку грустную и малость переложил. Трогательно Сёма волновался, когда я вернулся,

он уж шел вниз искать меня. После этих событий смотрели кино «Леди Гамильтон»[998], смотрел этот фильм и думал о нас с тобой. Ты видела? Посмотри, если где-нибудь идет.

Ты смотрела второй раз «Их было пятеро». И я все думаю о нем, сильно, горько, — жизнь, правда. А потом лег спать, и ты мне снилась. А утром встал и пошел за письмом. А сейчас сижу и пишу тебе письмо. Рассказал Сёме, что пишешь о новомирских делах.

Да, родная моя, верно — смотрим одними глазами. Вот все, что пишешь ты, я вижу — и галок, и ворон, и вечернее небо, и голые сучья деревьев, и луну над Хорошевским шоссе, и скамеечку, на которой сидела, и как снег разгребала, и как, держа в сумочке мое письмо, читала… И тебя вижу, всегда вижу, всюду вижу с собой, рядом, всегда рядом…

А письма долго идут, — ох, долго. Ты чего-нибудь не так напишешь, мне больно станет, я напишу, получу ответ, — и уж давно то минутное прошло, — и кажется, что это как вспышка от звезды — она уж погасла, а свет идет. Но есть в этих письмах то, что составляет их драгоценную

---

[998] Примечания: 998

См. примеч. 1 к письму Ольге Губер от 24 марта [1959 года], с. 573.

суть: это непотухающий свет, идущий ко мне от тебя, и уж как бы долго ни шло письмо, он не погаснет. Катенька моя хорошая, моя счастливая и горькая любовь, и я верю, что ты, моя Катюша, будешь мне светить, пока я живу.

Не смейся над старым дураком, который пишет таким слогом.

Спасибо воробьям за привет, и от меня кланяйся им, видишь, сколько народу мне кланяются из твоего дома. Я буду писать тебе все время, ты ходи за письмами, а мне уж на Ялту не пиши, конечно.

Целую тебя крепко, Катюшенька.

Твой Вася.

Надеюсь, через 3 дня услышу твой голос.

Привет тебе от Сёмы.

23 марта

12

28 марта [1959, Ялта]

Здравствуй, дорогая Катя.

Какой-то неудачный получился у нас с тобой разговор по телефону.

То ли оттого, что мешали, отвлекали посторонние, то ли оттого, что сильно выпил — наутро не мог вспомнить то, что говорил и отвечал, и то,

что говорила ты. Вообще пил весь тот день, — накатило, как ты выражаешься. Чувствую себя соответственно, а лекарства не возьмешь у Паустовского, т. к. я по легкости и доброте своей уже с ним не говорю и даже не кланяюсь. Вот видишь, какой плохой. Утром сегодня получил твое письмо от 23.III — видимо, последнее твое письмо в Ялту.

Ты интересуешься, с Сёмой или один еду я в Одессу, — еду с Сёмой. Пробудем в Одессе недолго, несколько дней, а затем в Москву.

Целую, Ва.

28. III

Ты пишешь, что не шьешь и не читаешь, — чем же заполнены твои дни? Ведь кухарка тебя не покинула — заниматься кухней не нужно. Скучно? Тебе видней, впрочем. Береги здоровье, давление твое тревожит меня. Надеюсь, в Тарусе тебе получше станет, не так, как мне в Ялте. Мне весь месяц трудно было дышать; устал дышать. Как от работы, хоть бы отдохнуть.

А погода сегодня хорошая, тепло совсем, да, как ты выражаешься — толку чуть. Послезавтра утром еду.

13

2 апреля [1959, Одесса]

Дорогая Катюша, вот мы и приехали в Одессу. Поездка была легкая и удобная, ехали на самом большом из наших пароходов — «Адмирале Нахимове».

Гигантские салоны, читальни, бар, кинозал, рестораны — и совершенно пусто. Слонялись без дела, одни.

Знаменитая одесская «Лондонская» гостиница тоже пустая, из окон вид на бульвар, море, порт. К сожалению, комната, хотя она раза в два больше той, ленинградской, на очень высоком третьем этаже, без лифта. Подыхаю, пока добираюсь до верха, тут еще к астме сердце добавилось. Сижу большей частью один, т. к. Сёма бегает с утра до ночи по родному городу[999], а у меня делить с ним грандиозные рейсы не хватает силов. Выхожу на Приморский бульвар знаменитый, возле знаменитой лестницы и смотрю на море, сижу на скамейке.

Одесса мне нравится, ловлю отрывки разго-

---

[999] Примечания: 999

Семен Липкин родился и до совершеннолетия жил в Одессе, в Москву переехал в 1929 году.

воров, отдельные слова, шутки. Жизнь здесь какая-то совершенно другая, особая, и люди особые, называются они — одесситы.

Хотелось бы побродить тихонько с тобой по улицам этого удивительного города, ты бы увидела красивые дома, улицы, дворики с фонтанами, стены, увитые плющом, бронзовую голову Пушкина, Ришелье, Воронцова, прекрасный бульвар над морем, ночной порт в огнях, платаны, акации, каштаны, а во дворах на внутренних галереях — гирлянды сохнущих рубах, подштанников, увидела бы веселую, пересмеивающуюся, всегда взволнованную человечную и жизнерадостную толпу.

Письмо твое получил на Одесском почтамте. Что ж это ты такая злая стала? Не огорчайся и не мучайся своей ссорой с Лидой[1000]. Я знаю твою деликатность и чувствительность, не думаю, чтоб уж так была ты не права. Поговорим обо всем, когда встретимся. Катя, на это письмо ты уж, конечно, не ответишь, так как я приеду в Москву через несколько дней, следом за письмом, думаю, в понедельник.

Вчера был в гостях у Клавушки, попал не со-

[1000] Примечания: 1000

Вероятно, речь о Лидии Васильевне Клыковой (1903–1988) — сестре Екатерины Заболоцкой.

всем удачно, там принимали знатного гостя — директора завода, и я оказался не совсем к месту. Но когда директор ушел, все стало мило, сердечно. Живут они близко от гостиницы, но четвертый этаж и, конечно, лифта нет. Крутая очень лестница!

А рано утром на каштанах стали раскрываться почки, по мокрому, вымытому асфальту прыгают воробьи, особые одесские — шумные — воробьи-одесситы, в порту дымят пароходы, сверкает, волнуется за молом море.

Ну вот, Катюша, заканчивается мое путешествие, заканчивается и последнее в этой поездке письмо.

Целую тебя, милая.

Вася.

Сёма просит передать тебе привет.

2. IV. Послал телеграмму, а перед тем как отправить письмо, подошел к окошечку «До востреб(ования)», и оказалось твое письмо — «авиа» — тоже, очевидно, заключительное в этой моей поездке.

Спасибо тебе, Катюша, за ялтинские письма, за любовь и нежность, которые так меня радуют, и рад я и тому, что мои письма давали тебе то, что помогало тебе, поддерживало тебя.

В трех твоих последних письмах много тяжелых мыслей. И хотя я понимаю, что их не может не быть, и понимаю свою вину, знаю ее, я все же хочу верить, что с моим приездом, как ни тяжело и ни трудно, все же станет тебе светлей, спокойней, лучше в трудной жизни.

Целую тебя,

Вася.

Завтра зайду к Клавушке и спрошу о нужном тебе снадобье.

Июнь – ноябрь 1959

14

3 июня [1959, Москва][1001]

3 июня

Дорогая Катюша, вот уже пошел четвертый день, как ты уехала[1002]. Пишу тебе хронику со-

---

[1001] Примечания: 1001

Возможно, письмо дописывалось 4 июня. Судя по корреспонденции с Ольгой Губер, Натальею Лойко прооперировали именно в этот день (с. 612), а в настоящем письме Гроссман пишет о том, что «сегодня ее оперировали в Ленинграде». Кроме того, на штемпеле отправления письма указана дата: 4 июня 1959 года.

[1002] Примечания: 1002

Екатерина Заболоцкая навещала Екатерину Ивановну Шварц (1904–1963), вдову Евгения Шварца в Ленинграде. О дружбе Шварцев и Заболоцких см.: Шварц 2008; Шварц 2019.

бытий за эти дни. Начну с себя, хотя это и не очень скромно. С рассказом появились кое-какие просветы. Прочел его наконец Поликарпов, я говорил с ним по телефону, — он за. Однако для снятия запрета нужно, чтобы еще кое-кто прочел, Поликарпов обещал не затягивать. Условились с ним о встрече в ближайшие дни. Буду сообщать тебе, как только появятся новости. Я тружусь, живу на Беговой, так как молодых выперли с дачи и, как я и предполагал, они приехали на Ломоносовский. После известного тебе дождика меня малость прихватила астма, но затем все быстро прошло, и сейчас я совсем здоров, чувствую себя хорошо.

Перехожу к Кате. Позавчера я был у них в гостях, меня угощали ужином, пили шампанское. От Катиной меланхолии не осталось следов — они оба счастливы попросту. И ничего лучшего им не придумать. Саша мне понравился при этой встрече больше, — он хороший человек, мне кажется, не глупый. Явный подкаблучник, причем не отрицает этого, а даже гордится таким званием — так он мне заявил.

На даче у них вышла неприятность: Дуня неожиданно устроила им грандиозный скандал за то, что они жгут много дров. Они очень обиделись, Катя даже плакала, и в тот же день

уехали в Москву. Они решили на даче не жить, а энергично заняться поисками комнаты, снять ее и жить в городе. Но пока что жить им вместе негде, и я, естественно, предложил им пожить на Ломоносовском. По правде говоря, они это сделали сами, до моего предложения.

В конце июня они поедут в Харьков, а из Харькова к морю — у Кати будет отпуск. Саша, видимо, человек беспомощный в практических делах — это и хорошо, и плохо. Были они в гостях у его мамы — обе дамы как будто остались довольны. Катя говорит, что женщина она славная, веселая, видимо, не злая, но обе они очень стеснялись и были скованны. Лицо у Кати все время счастливое — я такого у нее никогда не видел.

Перехожу к Сёме Липкину. Вышел «Новый мир» с его стихами[1003]. У стихов большой успех, много звонят, говорят о них в самых превосходных степенях. Видимо, я очень люблю Сёму — счастлив так, словно все это со мной. Он даже как-то изменился, и внутренне, и лицо, — но очень похорошему, лучше стал. Яшкино дело он, кажется, дожал — его обещали восстановить в Нальчикском университете. Интересно, как влияет на

[1003] Примечания: 1003
См. примеч. к письму Ольге Губер от 26 мая [1959 года] (с. 605).

людей внешний успех, — Нина, которая была четверть века смертно равнодушна к Сёминым стихам и, кажется, ни одного его стихотворения не дослушала до конца (засыпала или уходила на кухню), теперь не выпускает из рук книжки журнала и перечитывает стихи с утра до вечера.

Случилось это и с некоторыми поэтами.

Теперь сообщаю тебе печальную новость: у жены Бека — Наташи Лойко обнаружили злокачественную опухоль прямой кишки. Сегодня ее оперировали в Ленинграде, какой-то знаменитый хирург по полостным операциям. Жалко мне ее, она хорошая женщина.

Катюша, очень хочется, чтобы ты отдохнула получше, была душевно спокойна, подышала свежим воздухом — погода улучшилась, стало тепло. Грустно мне, что мы не видимся с тобой в эти дни, прохожу мимо наших заповедных мест и вспоминаю, как издали вижу тебя, бежишь, улыбаешься.

Целую тебя, моя хорошая, моя дорогая.

Твой Вася.

Думаю, завтра уже будет твое письмо. Если найдешь удобным — передай мой привет Екатерине Ивановне.

15

6 июня [1959], Москва[1004]

Дорогая Катюша, заходил сейчас на почту — письма не оказалось.

Позвонил Кате на работу — она сказала, что получила от тебя письмо и есть письмо для меня. Вечером буду на Ломоносовском, возьму его, а пока пишу тебе.

У меня новостей нет — телефон молчит, возможно, в начале будущей недели что-нибудь прояснится — впрочем, если прояснится, то прояснится окончательно, т. к. дело добралось до верхних этажей. Чувствую я себя хорошо: астма молчит. Это, видимо, связано с тем, что установилась очень хорошая погода, — тепло, но не жарко, сухо, ясно.

Если в Ленинграде такая погода хорошая, то обязательно живите на даче, — подыши воздухом, отдохни немного. Болит ли голова у тебя, как чувствуешь себя? Может быть, все же поглядела бы тебя докторица? Поправилась ли Екатерина Ивановна, передай ей привет (опять же, если находишь это удобным).

[1004] Примечания: 1004

Письмо отправлено в Комарово, на дачу Екатерины Шварц.

В «Известиях» за 3-е число помещена омерзительная, подлая и лживая статейка о стихах Липкина,[1005] — подумай, скорость-то: журнал еще не поступил в продажу, а Сёму, ожидавшего 25 лет напечатания своих стихов, облили уже помоями с головы до ног! Но надо сказать тебе, что это вызвало лишь еще более горячие и высокие отзывы о его стихах, ему продолжают звонить самые разные люди, хвалят очень.

У Кати все хорошо, — оба довольны, счастливы, позавчера она ходила на день рождения к Сашиной маме. Видимо, надо и мне с ней познакомиться, вот соберусь и схожу.

На Беговой мне пока тихо, молодое поколение на даче, я один, работаю. О⟨льга⟩ М⟨ихайловна⟩ приедет числа 11–12-го.

Гуляем с Сёмой, правда, как всегда, у него каждый день по три-четыре дела, и встречаемся мы в промежутках между его делами, и, как всегда, это меня раздражает.

Яшка завтра отбывает в Нальчик.

Катюша, пиши мне, береги себя, будь здорова, а если недомогаешь, пусть обязательно врач тебя посмотрит.

[1005] Примечания: 1005

См. примеч. к письму Ольге Губер от [начала июня 1959 года] (с. 613).

Целую тебя, моя дорогая, крепко.
Твой Вася.
Читаешь ли, занимаешься ли шитьем?
6 июня, Москва
Получила ли мое письмо на городской адрес?

16

9 июня [1959, Москва]

Дорогая Катюша, получил твое письмо и телеграмму и письмо, вложенное в письмо к Кате. Тебе тоже пишу третье письмо, ты уже, наверное, получила те, что послал тебе — одно в Ленинград, второе на Комарово.

Спасибо тебе за цветок, он очень милый, любовался им.

Был в воскресенье у Кати, они меня принимают очень сердечно. Саша этот очень славный, заботливый. Ко мне относится тепло, хорошо. Чувствую, что действительно хорошо. Но мне и радостно смотреть на их счастье, и грустно за себя. Я им совсем не нужен, мешаю им быть вдвоем. Катя от счастья заметно поглупела. Грустно мне и в зеленой комнате, еще недавно мне казалось, что это мой угол, единственный угол, в котором я

есть я[1006], а теперь и здесь я гость, все поглядываю на часы — не пора ли мне смываться. Липкин прислал Кате корзину цветов, вообще комната полна цветов — это уж Сашина работа.

Шум вокруг Сёминых стихов идет, люди разные продолжают ему звонить. Эренбургу они очень понравились, он написал в «Известия» протестующее письмо по поводу пасквильной статейки о них. Но Слуцкий говорит, многим они не нравятся, напр⟨имер⟩ Мартынову[1007]. Сёма по-прежнему очень мило и трогательно переживает радость своего позднего литературного рождения. Правда, что-то непередаваемо милое в толстом, полуседом, полуоблысевшем человеке с выражением детской и грустной радости в глазах.

Вчера мы — Сёма, Слуцкий и я — отпраздновали Сёмино литературное рождение — встретились с утра и провели вместе день, расстались в двенадцатом часу ночи. Начали с визита к скульпторам (известным тебе), они хорошие люди, мне понра-

---

[1006] Примечания: 1006

Речь о комнате Гроссмана на Ломоносовском проспекте, в которой одно время жили Екатерина Короткова-Гроссман с мужем.

[1007] Примечания: 1007

Леонид Николаевич Мартынов (1905–1980) — поэт и журналист, друг Бориса Слуцкого.

вились — хорошие люди делают хорошие вещи. И они уж от нас не отставали до ночи. Вместе с нами поехали к художнику Глазунову (помнишь, ты ходила на его выставку[1008]) — очень интересен, красив, между прочим, очень. Мне работа его не нравится, Сёме же он понравился больше, чем скульпторы.

Потом со скульпторами мы обедали в ресторане, потом с ними же отправились в Кунцево на катере, вернулись уж ночью. Поэты читали стихи, скульпторы показывали свои работы, художники — свои. День был хороший, приятный очень. Помнишь, ездили мы с тобой в Кунцево, милиционер кричал в рупор: «Эй, купающие на пляжу!» Но мы вчера ходили далеко от пристани, там оказались красивые места…

Прервал на несколько минут письмо: пришел Райский. Все хорошо, и давление 140 на 80. Он ушел довольный, и я не был огорчен.

В моих литературных делах нет ничего нового, и значит, ничего хорошего. Хорошо лишь то, что этот угол действительно тот, где я есть я, и его уж я не уступлю, как зеленую комнату, никому, ни государству, ни близким людям. Да, собственно,

---

[1008] Примечания: 1008

Первая выставка Ильи Сергеевича Глазунова (1930–2017) состоялась в феврале 1957 года.

никто не претендует всерьез на жизнь в этом углу, так что и говорить особо нечего на эту тему.

Катюша, я очень рад, что погода хороша, что ты можешь отдохнуть получше, гулять, дышать свежим воздухом.

Когда собираешься в Москву, напиши мне. Почему ни разу не написала мне, как чувствуешь себя, болит ли голова у тебя, принимаешь ли лекарство или обходишься без него.

В Москве чудные солнечные дни, и ночи тоже напоминают ленинградские — светает рано. Правда, солнца даже много слишком, вчера было душно в городе, а за городом, на реке, очень хорошо. Один из скульпторов, Володя, купался, говорит, вода теплая — но мы убоялись, не полезли.

Катюша, целую тебя крепко.

Твой Вася.

9 июня. Застанет ли тебя это письмо? Обязательно сообщи, когда едешь.

17

3 сентября [1959, Москва]

3 сент.

Дорогая Катюша, лишь в среду получил твое письмо, тотчас отвечаю на него. Телеграмма

пришла в понедельник, и я из нее узнал о тяжелой болезни Екатерины Ивановны. Передай ей, пожалуйста, мое пожелание выздороветь, привет мой.

Погода наша тоже испортилась, холод, сыро. Должно быть, поэтому я и поехал к Сёме на дачу, провел у него там два дня.

У Сёмы новости невеселые. Он был в «Нов⟨ом⟩ мире» у Твардовского, прочел ему новый цикл стихов, т. е. не новый, а те, что подготовил для печати. Твардовский их прочел при нем и все 6 стихотворений зарезал. Разговаривал, правда, с ним вежливо, даже уважительно. Но, конечно, от этого Сёме не легче.

С Катей почти не вижусь, собираюсь в субботу пойти к ним в гости. Они жалуются, что шумят очень дети, не дают спать.

Ехал вместе с Никитой в троллейбусе, он мне рассказал о своих делах, о том, что дорабатывает диссертацию[1009]. Выглядит он, мне кажется, не очень хорошо, мало загорел, худой.

Катюша, когда думаешь в Москву ехать, напи-

[1009] Примечания: 1009

Никита Николаевич Заболоцкий (1932–2014) — сын Екатерины и Николая Заболоцких. Окончил Тимирязевскую сельскохозяйственную академию в 1955 году, а в 1959-м защитил диссертацию и получил степень кандидата биологических наук.

ши мне, пожалуйста, обо всех своих новостях и перспективах.

Ты спрашиваешь обо мне. У меня тут была очередная и весьма острая порция неприятностей, возникшая в связи с печатанием «За правое дело». Задержали на время, вот теперь жду, как будет. Был сильный трезвон. Как, вероятно, ты догадываешься, дела мои от этого не поправились, богаче я от этого не стал, не стану[1010].

Катенька, как себя чувствуешь? Болит ли голова? Принимаешь ли лекарство? Ведь у Екатерины Ивановны бывает врач, хороший врач. Очень прошу, пусть посмотрит тебя, обещай мне сделать это. И прошу тебя, не переутомляйся, спи побольше. Больные не должны по ночам играть в «Камбалу»[1011]. Больные должны ночью спать.

Катюша, с нетерпением жду твоего письма.

Целую тебя крепко,

Вася.

На улице холод, осень, а мне все вспоминается жаркий, летний, зеленый день.

[1010] Примечания: 1010

Работа над этим изданием велась с 1958 года, см. письма Ольге Губер от 1 июня [1958 года] (с. 542) и 4 июня [1958 года] (с. 545).

[1011] Примечания: 1011

Вероятно, Гроссман использует здесь окказионализм «играть в камбалу» в значении «не спать».

Ты спрашиваешь о Катиной прописке — я ничего не предпринимал.

18

7 сентября [1959, Москва]

Дорогая Катюша, получил твое письмо. Прости, моя родная, что доставил тебе тревогу, но не моя вина, что не смог пойти на почту, так все сложилось, что не мог. Расскажу, когда увидимся. Я писал тебе — письмо мое ты получила, наверное. Получил сразу два твоих письма и телеграмму. Ты пишешь — «может быть, хочешь на меня злиться?». Ты ведь знаешь, что злюсь я на тебя минутами, а чтобы не писать и мучить, надо злиться долго. А долго злиться на тебя я не умею. Скажи, Катенька, как твои планы? Пиши мне, милая. Когда соберешься ехать, напиши, и я тогда телеграммой сообщу тебе о встрече нашей.

Чувствую, что скоро приедешь — раз стала тяготиться в Комарово.

У меня ничего хорошего нет. Есть плохие новости, но они уж так привычны мне, что я их воспринимаю не как новости, а как законную и естественную часть своей жизни.

По-прежнему давит меня затяжка с издательскими делами.

С Катей отношения напряженные, она очень чувствительна и требовательна до истеричности, но считает себя целиком свободной от любых душевных обязательств. Перессорилась со всеми родными. Все это запутано, тяжело мне и раздражает меня. Расклеиваются совсем ее отношения с Кларой.

Все меньше мне нравится Саша — может быть, оттого, что я тяжелый человек, а может быть, оттого, что человек. Он весь сделан из темного войлока. А люди не должны быть из войлока.

Был вчера у папы на могиле, посадил астры. Лежат там веточки рябины, которые положил в годовщину его смерти.

Пишу тебе на Ломоносовском, комната полна солнца и пыли. Татары в сборе, но я их не видел, ушли куда-то. Слуцкий завтра выезжает, обменял комнату. Модный он человек по натуре. Сёма на даче еще. Наши отношения с ним запутались, но уж настолько, что писать об этом не стоит, расскажу при встрече.

Работать продолжаю, но видит ли бог мою работу. Хоть бы он глянул на нее, не надеюсь я на людские глаза. Не надеюсь, прижато, зажат я уж

очень[1012].

Цветы на окне растут хорошо, бегония выпустила два красных цветочка на длинной ножке. Вот здесь, в этой пыльной, проклопленной комнате, мне на душе спокойней. Поглядываю в окошко, не идешь ли ты? Кто-то позвонил, подумал, — Катюша, Слуцкий? Но оказалось, «Пеликс»[1013] — глянули на меня его воровские глаза.

Пиши, моя родная, целую тебя крепко.

Вася.

7 сентября

19

3 октября [1959, Москва]

Милая моя Катюша, вот я сижу в зеленой комнате накануне отъезда и пишу тебе.

Все эти дни неотступно думаю о тебе, сердце мое полно любви и нежности к тебе, но почему любовь наша всегда связана с такой болью, почему так сложно и трудно все, что должно быть просто и ясно.

После нашей прогулки под дождем я немного

[1012] Примечания: 1012
Далее зачеркнутая фраза: «Скоро уж закончу».

[1013] Примечания: 1013
Возможное прочтение «Целикс» или «Челикс».

простудился, схватила меня астма, но ненадолго. Сегодня уж здоров.

Квартирные дела оставляю в неполной ясности. Союз предпринял шаги и в отношении Кати и разговоров с соседкой.

Только что говорил с Галиной Дм(итриевной), она от всего отрекается, божится, что говорила об этой комнате и писала о ней, лишь имея в виду то время, когда будет построен дом.

От разговора у меня отвратное впечатление осталось, и я уж жалею, что затеял его, хотя был беспредельно тактичен и спокоен, не сказал ни одного раздраженного слова. Но, может быть, от этого и противно, надо было сказать не одно раздраженное слово.

С Катиным вступлением в жил(ищный) кооператив дело трещит, их всех (библиотечных) не утвердили.

Забил я себе голову всей этой житейской суетой, нервничаю.

Нет в моей душе покоя, издергался, а впереди, совсем уж рядом, большие и жестокие испытания, которые связаны с главной моей работой в жизни. Кто поможет, на кого опереться, как писал

Гоголь: «…все чужие, враждебные лица»[1014]. К ним и пойду.

Милая моя, ласковая, терпеливая и жестокая, хорошая Катенька.

Говорил с Кларой по телефону сегодня, она мне будет писать, договорились, что будет передавать твои приветы, буду хоть в двух-трех словах узнавать от нее, здорова ли ты. Потому звони ей.

Милая, хорошая моя. Ты все хочешь понять все мучительные события своей жизни в последние годы. Подумай, Катенька, напряженно и серьезно, о наших с тобой отношениях. Пойми, моя хорошая, что только в серьезности, в глубине этих отношений и рождается понимание всего, что было. Постарайся осознать это. А если нет серьезности, силы и глубины, то не будет понимания, и нет оправдания.

Милая моя, хорошая, я уезжаю с мыслью о тебе, буду жить этот месяц, думая о тебе, с мыслью

[1014] Примечания: 1014

Неточная цитата из финала повести Гоголя «Тарас Бульба»: «Но когда подвели его к последним смертным мукам, казалось, как будто стала подаваться его сила. И повел он очами вокруг себя: боже, все неведомые, все чужие лица! Хоть бы кто-нибудь из близких присутствовал при его смерти!» В точности это выражение можно найти в повести «Динка» Валентины Осеевой, впервые опубликованной в 1959 году (Осеева 1959): «Это лицо [мамы. — *Ю. В., А. К.*], такое родное и близкое, заслоняет собой все чужие, враждебные лица, которые весь этот день стоят у нее перед глазами» (Осеева 2021: 29).

о том, что увижу тебя, что будет для нас покой и свет.

Я тебя люблю, крепко тебя целую, моя родная.

Вася.

3 октября

20

[Начало октября 1959, Крымское Приморье]

Милая моя, Катюша, хорошая моя!

Получила ли письмо, посланное из Москвы перед отъездом?

Писал тебе, что Катины кооперативные дела лопнули, теперь уж окончательно[1015]. Мы с ней виделись за день до отъезда. У меня очень тяжелое впечатление от этой встречи, разговор у нас был тяжелый. Она очень равнодушна и неискренна стала. Вся душа ее в Саше и как-то не по-хорошему, по-бабьи слишком.

Приехал вчера утром, тут все по-старому, не изменилось. И так же неизменно все душевное

[1015] Примечания: 1015

Екатерина Короткова-Гроссман в своих воспоминаниях пишет о попытке Гроссмана получить кооперативную квартиру: «Отец подал заявление в кооператив на двухкомнатную квартиру для нас обоих, но тут я вышла замуж, и этот план расстроился» (Короткова-Гроссман 2014: 230).

смятенье, горе мое прошлогоднее[1016].

Ты знаешь, странно писать во время крымской поездки о том, как люблю тебя, и о том, что неотступно думаю о тебе. Но в этом нет ничего странного, и причина та, что это правда. Вот пишу тебе и думаю, — ведь это такое счастье писать тебе, думать о том, что увижу тебя, верить в то, что дает мне силу.

Погода очень жесткая, всю дорогу до самого Крыма был снег. Но здесь получше, — ясно, не так холодно. Вода холодная — 7–10°.

Вчера с места в карьер начал работать, хочу за этот крымский октябрь выправить всю третью часть, привезти ее готовой в Москву. Она самая тяжелая. Вот ты ее увидишь.

Прихватила меня тут астма, сразу же после приезда, примерно так же, как весной в Ялте, но не с такой силой. Надеюсь, что через денек приспособлюсь, пройдет.

Катюшенька, хорошая моя, думаю, думаю о тебе. Буду ждать хоть «косвенного» привета, хоть бы знать, что ты здорова.

[1016] Примечания: 1016

В сентябре 1958 года Екатерина Заболоцкая вернулась к мужу, который вскоре, 14 октября, умер от инфаркта. Гроссман же провел весь октябрь 1958 года в Крыму с Ольгой Губер (см. письма Липкину от 2 и 29 октября 1958 года: Гроссман 2016: 141–143).

Катюшенька, прочел в поезде книгу для юношества «Март» — Юрия Давыдова[1017]. О народовольцах. Купи ее, прочти. Хорошая книга, хотя и не так уж силен писатель. А есть в ней что-то очень хорошее, я под сильным ее впечатлением.

Милая моя, помни, что я всегда чувствую, что чувствуешь ты, всегда, мне кажется, связан тесно, прочно с твоими мыслями, с твоей болью, расстояние не порывает этой связи. И именно поэтому мне хочется преодолеть это расстояние сегодня.

Целую тебя, моя хорошая, любимая, крепко.

Вася.

Письма отсюда идут долго, приходят иногда на четвертый-пятый день. Буду писать тебе. Еще раз, любимая моя, целую тебя. Как хочется мне знать о тебе. Так странно писать, зная, что не получу ответа на свои вопросы. Но мне кажется, что я раскрываю твое письмо и вижу знакомые буковки.

Будь здорова, моя родная, не болей, береги себя.

[1017] Примечания: 1017

См.: Давыдов 1959. Гроссман рекомендовал прочесть эту книгу и Семену Липкину: «Что-то в ней есть очень хорошее. Хотя автор не крепкий, а в книге много хорошего. Там интересно и много о Плеханове, без „но“. Впервые, пожалуй, так у нас о Плеханове написано без „но“» (Гроссман 2016: 145).

21

9 октября [1959, Крымское Приморье]

Дорогая моя, милая Катюша, пишу тебе третье письмо. Получила ли два моих предыдущих?

Все думаю о тебе, моя хорошая, днем и ночью думаю. Тоскую по тебе, хочу видеть тебя.

Погода мягкая, теплая, но очень пасмурно. Сижу в комнате два дня, болит нога. Помнишь, ты заметила, что я как-то не так хожу, как обычно, и несколько раз меня спрашивала, не болит ли нога? Но сегодня лучше гораздо — намазал на ночь ее йодом. Думаю походить немного. Астма чуть-чуть тревожит, гораздо меньше, чем весной. Раза два принимал эфедрин, а вчера и сегодня обхожусь.

Очень много работаю, с утра до ночи. Никогда так много не работал. Какая-то тревога меня охватила, хочу обязательно кончить третью часть, привезти ее в основном готовой. Работа эта напряженная, но совсем другая, чем та, что была в предыдущие года, сокращаю, правлю, кое-что дописываю.

Милая моя, хорошая, не знаю, нужно ли тебе это в эти дни, но знай, что я все эти дни думаю, думаю о тебе, всё возле тебя, знай хоть об этом. Думаю и

о том, что было, думаю и о том, что впереди.

Здорова ли ты, как чувствуешь себя, болит ли голова, принимаешь ли лекарство? Что у тебя дома, теперь Лида уже вернулась, как отношения? Задаю тебе вопросы и задал бы еще десятки вопросов. Вот еще вопрос — узнала ли ты о Саше у Коли Т-го?

Сегодня утром передали по радио, что в Москве 2° мороза было, снег. Очень ясно себе представил московское утро, двор, деревья, опавшие мокрые листья.

Все московские тревоги не отошли, сидят во мне, будоражат. Вспоминаю твои руки, пальцы, ногти маленькие. Вспоминаю, как мы встречаемся, — в пальто ли ты теперь ходишь, в желтом жакетике?

Помни, Катюша, что я с тобой, думаю, думаю о тебе.

Целую тебя крепко, моя милая, хорошая. Вася.

Буду писать тебе.

9. X

22

[Октябрь 1959, Крымское Приморье]

Милая Катюша, получаешь ли ты мои письма? Я ведь ничего не знаю о тебе, как здоровье твое,

как живешь ты, что у тебя дома?

Я по-прежнему работаю очень много, с утра до вечера. Погода была все эти дни очень плохая, дождь, ледяной ветер, сидел, не выходя из комнаты. Лишь изредка, на полчаса-час, проглядывает солнце, но оно какое-то зимнее.

Катенька, все я думаю о тебе, знаешь ли, чувствуешь это. Я не пишу тебе, но ты знаешь эти мысли. Пусть они будут с тобой.

Дорогая, хорошая, моя дорогая, моя хорошая.

Чувствую я себя в общем сносно — дыхание тяжелое, но не очень. Нога перестала болеть, но ходить не приходится в последние дни из-за погоды. Работаю с какой-то лихорадкой, никогда у меня не было такой лихорадки в работе, даже когда на фронте был и телеграф из Москвы требовал: скорей, скорей! Почему это пришло ко мне, сам не знаю. Может быть, от внутреннего ощущения, что вот-вот и закончу и сама работа того требует, рвется к концу.

А ведь дальше некуда будет спешить, телеграф не будет звать — скорей, скорей, и я отлично понимаю это, отдаю себе полный отчет.

Но ведь то, что я сейчас делаю, могу сделать я один, а там уж все будет делаться без меня, моя роль перестанет значить.

Вот, может быть, и поэтому спешу, чтобы сделать то, что должен сделать. Думаю, что если не сбавлю темпа, то к концу месяца справлюсь, поставлю точку.

Катюшенька, милая, хорошая, из Москвы еще не имел ни одного письма. Ничего не знаю, что и как там.

Тоскую по тебе все время, волнуюсь за тебя, мысли жгут, хочу тебя видеть, вспоминаю сотни, тысячи милых мелочей, а о главном не вспоминаю, ведь главное всегда со мной, во мне, не уходит. А о том, что не уходит, не вспоминаешь, а постоянно думаешь, постоянно чувствуешь.

Катюшенька, здорова ли ты, как твоя голова, болит ли по утрам? Как с Наташей, Лидой? Не простуживайся, моя дорогая, ведь в Москве в это время столько подлых гриппов.

Читаю я мало, может быть, оттого, что устаю, то ли книги какие-то неинтересные.

Целую тебя, моя родная, целую много раз, целую твои глаза, твои руки.

Твой Вася.

23

20 октября [1959, Крымское Приморье]

Дорогая Катюша, получаешь ли письма мои?

Тревожусь я все время, здорова ли ты? Все ли здоровы у тебя?

У меня было какое-то суеверное чувство — в прошлом году, живя в Крымском Приморье, о стольких несчастьях и горьких потерях узнал. Вот вчера пришло первое письмо из Москвы от Феди — и едва открыл его, прочел: скоропостижно умер Субоцкий[1018]. Двадцать лет мы с ним были дружны. Вот и не обмануло суеверное чувство.

Я продолжаю много работать. Закончу здесь.

Погода в последние три-четыре дня резко улучшилась. Безоблачное небо, солнце греет, ветра нет. Я набрался храбрости, полез в воду — вода ледяная — 10°. Но ощущение приятное — не в воде, а после, когда вылез на берег.

Чувствую себя средне, подуривает сердце, может быть, оттого, что давление изменилось.

Вчера пошел гулять не к морю, а в горы. Ходить тяжело, но до чего прекрасно все, когда сидишь на высокой, пустынной горе, — море вдали, кусты шиповника, поздние цветы, шум ветра в сухой траве.

Боже, как хочется знать хоть что-нибудь о тебе. Катюшенька, милая моя, как ты там, что ты?

[1018] Примечания: 1018

Лев Матвеевич Субоцкий умер 11 октября 1959 года в Москве.

Говорил уже с санаторным эвакуатором об обратной дороге.

Говорит, что перед праздником большой разъезд, трудно достать билеты дикарям, обещал узнать; возможно, что удастся до праздника достать. Я напишу, когда все определится. Несколько дней назад неожиданно на берегу встретился приехавший с супругой из Коктебеля на экскурсию Твардовский. У него огромный синяк под глазом, скула залеплена пластырем. Я не подошел, повернулся и пошел в обратную сторону. Странно это, ведь были так дружны, и такое серьезное было общее дело, и не менее, а, может быть, более серьезное могло быть. Но вот так сложилось, встретились на берегу, и молча повернулся, ушел. И, знаешь, не ругайся, так оно должно было быть, и так оно и было, и иначе не могло быть. Это не дурной характер. Не из-за гусака поссорились Иван Иванович и Иван Никифорович.

Все думаю о судьбе своей работы, вот и вчера на горе думал о ней. Но не только о ней думал, сидя на горе. Думал о тебе. Казалось, вот ты рядом и видишь то, что вижу я, и слышишь вместе со мной тревожный крик птиц, готовящихся к перелету, и тихий звон высоких сухих стеблей. Как

странно передается звук в горах — на дальнем склоне паслось стадо — так далеко, что коровы казались муравьями, а пастух был с просяное зерно. Но когда пастух покрикивал на коров, голос слышался ясно, совсем рядом. И ты его слышала вместе со мной.

Катюшенька, милая моя, любимая, хорошая моя, целую тебя крепко. Вася.

Будь здорова, не болей, прошу тебя, Катенька.

20. X

24

[Конец октября 1959, Крымское Приморье]

Здравствуй, Катюша, милая моя! Получаешь ли мои письма, родная моя? Так странно писать, не получая ответа. Словно глухой, который поет в дуэте. Может быть, не то, может быть, не так, — не слышу твоего голоса, моя родная, не знаю, что ты, не знаю, как ты, здорова, думаешь ли обо мне, вспоминаешь ли?

Ругаешь ли меня, помнишь, ты говорила, что ругаешь меня особенно крепко в метро? Часто ли ты ездишь, Катюшок, в метро сейчас? Милая моя, хорошая, а я все думаю о тебе, скучаю, хочу тебя видеть.

Погода очень холодная, часто почти на 0°, и

солнце какое-то не крымское, а московское, зимнее — светит, но не греет. А главный враг — ветер, ледяной совершенно и очень сильный. Когда нет ветра, все же хорошо — и море, и горы в красном кустарнике, и красный шиповник на каменистом, глинистом берегу, и печальный крик чаек, и бакланы, ловящие рыбу в пустынных бухтах.

Катюшенька, продолжаю так же усиленно работать. Теперь уж вижу, что успею закончить до отъезда. Так это хорошо и так печально. Задумываюсь, как же я расстанусь с людьми, с которыми был связан каждый день в течение почти шестнадцати лет. Как печальна и неясна их судьба, и как печальна и неясна судьба моей работы.

Вот прочел вчера вечером слова индийского мудреца: «Выполняй предназначенную тебе работу, но не пользуйся ее плодами — работай, — не имея желания вознаградить себя, работай!»[1019]

Может быть, я не хотел и не хочу, но по этому правилу работал и я. Но ведь не для себя работает человек, и ведь только одного я хотел и хочу, чтобы работа эта была не для меня.

[1019] Примечания: 1019

Гроссман почти дословно передает цитату Махатмы Ганди, которая приводится в книге «Философия Махатмы Ганди» (Датта 1959: 48).

О ней же Гроссман писал Липкину 24 октября 1959 года: «Читаю мало, прочел книжку Датта „Философия Махатмы Ганди“. Читал ли ты ее? Если нет — дать тебе ее, интересная очень» (Гроссман 2016: 145).

Но ведь жизнь идет, посмотрим, ничего я еще не знаю, как сложится.

То, что зависит от меня, я сделаю, да вот уже почти сделал, а то, что не зависит от меня, сделается. Что может сделать человек в том, что не зависит от него?[1020]

Катюшенька, хорошая и милая моя, как же ты живешь, здорова ли ты? Я до сих пор из Москвы не получил ни слова ни от кого, но это естественно, пока не волнуюсь, — письма идут очень долго, иногда на пятый день приходят.

Позавчера был очень холодный день и особенно свирепый ветер, и сотни ласточек бились в окна, залетали в форточки, не боясь людей, сидели, прижимались друг к другу. Видимо, еще не пришло время их перелета, а холод такой для

[1020] Примечания: 1020

Ср. с тем, что Гроссман пишет в письме Семену Липкину от 24 октября (Гроссман 2016: 145):

«Вот и пришло мне время проститься с людьми, с которыми был связан каждый день на протяжении 16 лет. Странно это, уж очень мы привыкли друг к другу, я-то, наверное, вот приеду в Москву и прочту всю рукопись от начала до конца, в первый раз. И хотя известно — что посеешь, то и пожнешь, — но я все думаю — что же я там прочту? А много ли будет у нее читателей, помимо читателя-написателя? Думаю, тебя она не минет. Узнаешь, что посеял.

Я не переживаю радости, подъема, волнений. Но чувство хоть смутное, тревожное, озабоченное, а уже очень серьезное оказалось. Прав ли я? Это первое, главное. Прав ли перед людьми, и значит — и перед Богом? А дальше уж — второе, писательское — справился ли? А дальше уж — третье — ее судьба, дорога. Но вот сейчас я как-то очень чувствую,

что это — третье. Судьба книги от меня отделяется в эти дни. Она осуществит себя помимо меня, раздельно от меня, меня уж может и не быть. А вот то, что связано было со мной, без меня не могло быть, именно теперь кончается».

них невыносим. А вчера немного потеплело, и они снова летают, ловят мошкару, замерзших все же не было.

Вчера прошел 18 километров пешком, шел один по тропинке и на протяжении всей дороги встретил лишь одного человека — пастушку. Она шла, искала коров своих, а за ней неотступно шли две овцы. Она мне жаловалась на них — куда она идет, туда и эти две овцы, не отходят от нее, даже привязывать их приходится. А овцы, пока она мне жаловалась на них, стояли рядом и тыкались в нее мордами.

Когда-то Леонид Андреев сказал своей матери, что писателю писать письма — все равно что почтальону гулять после работы, но, видимо, это не всегда так. Я бы тебе писал да писал, да, собственно, пишу да пишу — вот только получаешь ли ты мои письма?

Милая моя, родная, хорошая моя, все хочется спрашивать, задавать бесконечные вопросы, и насильно сдерживаю себя, зачем заполнять письмо вопросами, на которые нет ответного письма. Но ты ведь знаешь, Катенька, все эти вопросы, ты и отвечаешь на них, и я как-то шестым чувством получаю твои ответы, и они нужны мне, доходят до меня.

Целую тебя, моя милая, хорошая, крепко, будь здорова.

Вася.

25

24 октября [1959, Крымское Приморье]

Катюшенька, милая моя, хорошая, пишу несколько слов, спешу на почту.

Вот и прошли хорошие, солнечные дни, и снова холод, воет ветер, дождь идет.

Стосковался я очень по тебе, думаю о тебе день и ночь. Здорова ли ты?

А я чего-то простудился, два дня не выходил из дому, сегодня выйду.

Ничего о тебе, родная, не знаю. Как ты? Получил от Кати письмо, милое, но не вычитал о тебе ничего из него. Видимо, вы не разговаривали это время. Клара не пишет, а она мне обещала написать о тебе — хотя бы здорова ли ты. Меня это отсутствие писем от нее очень волнует, все думаю, не случилось ли с тобой чего-нибудь?

По-видимому, приеду в Москву на праздник, через день-два вылепится точно, на когда эвакуатор сумею заказать.

Напишу, когда узнаю. Хочу тебя видеть, родная моя, знать о тебе.

Целую тебя крепко, моя любимая, моя хорошая.

Вася.

24. X

26

28 октября [1959, Крымское Приморье]

Дорогая моя, хорошая Катенька.

Снова и снова спрашиваю себя, тебя, как ты живешь, здорова ли ты, получаешь ли мои письма, и снова, снова ни ты, ни я не отвечаем на эти вопросы. Меня очень волнует, что Клара мне не ответила на письмо, ведь только от нее я мог узнать хоть слово, два о тебе.

Мне последние дни все кажется, что произошли какие-то неизвестные мне события и что письма мои лежат на почте, а я их все пишу и пишу. Катюшенька, 4-го выезжаю. Давай встретимся с тобой 9-го, буду считать дни до этого часа — в половине шестого в Марьиной.

Мои труды здесь закончены, успел все, но, видимо, переутомился, пережал. Очень много хочется сказать тебе о своих мыслях и чувствах, связанных с окончанием работы. Но я уж скажу тебе обо всем этом при встрече. Очень трудно, я даже не представлял себе этого, писать письма и

не получать ответов, переписка — совсем иное. А я их много написал уже! Катюшенька моя.

Сегодня снова хорошая, теплая погода. Как только теплеет, сразу же из земли появляются жуки, божьи коровки, кузнечики, ящерицы, летают бабочки. Они словно из бомбоубежища высыпают на улицу. И как только ударит холод, задует ледяной ветер — все мертво, голо, жизнь прячется, уходит.

Катюшенька, родная моя, я хочу всей душой надеяться, что ты здорова, что все в доме у тебя благополучно и что мы с тобой встретимся в день и час, которых жду с волнением и нетерпением.

Целую тебя, моя родная, много раз, целую крепко.

Вася.

28. X

Больше до отъезда писать не буду, целую тебя еще раз, моя милая, любимая.

27

30 ноября 1959, [Москва]

Дорогая Катюша, получил оба письма твои[1021].

[1021] Примечания: 1021

Екатерина Заболоцкая уехала в Ленинград к Екатерине Шварц.

Меня взволновал и огорчил твой внезапный отъезд. Обсудим его, когда вернешься. Я уж не сержусь, Катюшенька.

Пишу тебе ночью, сидя в зеленой комнате. Проводил недавно гостя — Сёму. Приехал он рано, сидели долго, — ужинали, пили коньяк, а затем занялись чтением многочасовым[1022]. Уморил я его. Впрочем, не стоит шутить — вечер был серьезный. Ох и дела ведь серьезны, — работа подошла к концу.

Катюшенька, милая моя, не переутомляйся, береги себя, не ложись поздно спать, тебе это вредно очень. Милая моя, хорошая, не мучь себя, не взвинчивай, не «накручивай». Не трать так безрассудно все свои душевные силы, не так уж велик их запас. А силы твои нужны и тебе, и другим — правда, Катенька, нужны! Ты приводишь мои слова и вокруг них «накручиваешь» нервы свои. Право же, родная моя, не то совсем я хотел сказать тебе, только самое хорошее. А вероятно, сказал неловко, и ты их повернула по-плохому. Милая моя, не волнуйся, не тревожься. Ты спрашиваешь о приезде — господи, конечно, чем быстрей, тем лучше. Даже когда не вижу, а от мыс-

---

[1022] Примечания: 1022

Чтением романа «Жизнь и судьба». См. также письмо Екатерине Заболоцкой от 18 марта [1959 года] (с. 703).

ли, что мы близко, и то лучше. А 12-е[1023] — бог с ним. Вот как справишься с делами, ты пишешь выехать 8-го, ну вот. Ты мне напиши заранее, когда приедешь. И конечно, до 12-го.

И пиши мне почаще, ведь я месяц тебе писал без ответов, и так мне теперь радостно было получить эти 2 письма.

А печальные новости все продолжаются. Вот Эрьзя[1024] умер — ты, вероятно, уже знаешь об этом. Жаль мне его очень. А жизнь идет — есть такой роман у Гамсуна[1025].

Видишь, Катюша, хотел на тебя сердиться за твой неожиданный отъезд, а пишу письмо не сердитое. И даже не могу позлорадствовать, что начал снова курить — все же не курю я.

Катюшенька, жду твоих писем, жду тебя. Целую тебя крепко, моя хорошая.

Вася.

[1023] Примечания: 1023

12 декабря — день рождения Гроссмана.

[1024] Примечания: 1024

Эрьзя — псевдоним русского и советского скульптора Степана Дмитриевича Нефёдова (1876–1959). С 1927 по 1950 год он жил и работал в Аргентине; в 1951 году вернулся в СССР, работал в мастерской в Москве в районе Сокол, там же была открыта постоянная выставка его работ. Умер в Москве 24 ноября 1959 года.

[1025] Примечания: 1025

«А жизнь идет…» (1933) — третья книга цикла об Августе Кнута Гамсуна.

30 ноября 59 г.

из санатория в Гаграх, ноябрь 1960

28

5 ноября [1960, Гагры]

5 ноября

Дорогая Катюша, вот сижу у открытой балконной двери, море рядом, слышно, как шуршит, набегая на берег.

Приехал три часа назад, первым делом выкупался в море, вода теплая — 19°, после чудовищной духоты вагона оказалось это необычайно хорошо, затем завтракал — это тоже было хорошо, но уже не столь хорошо.

Отдыхающих немного, но, к сожалению, среди них имеются мои московские знакомые, подобранные по формуле Гейне: «О, боже, почему так велик твой зоопарк»[1026].

Катюша, милая, какой мягкий воздух, какой

[1026] Примечания: 1026

Один из любимых афоризмов Гроссмана. В частности, его произносит по-немецки один из героев романа «Степан Кольчугин», Бахмутский: «Oh, Gott, warum so gross ist dein Tiergarten». В сноске Гроссман приписывает эту фразу Генриху Гейне, как и в настоящем письме (Гроссман 1947с: 47). В своих воспоминаниях об одной встрече с Гроссманом Михаил Хазин также цитирует эту фразу, приписывая ее Гёте (Хазин 2017).

был восход солнца, как красивы горы, ущелья, пальмовый сад, мимо которого я проезжал. И как плохо, что нет тебя здесь, чтобы вместе мы делили и шум моря, и покой, и тепло воздуха, и кислые сырники, которые я ел на завтрак.

Узнал, что письма из Москвы идут сюда безбожно долго, некоторые приходят на седьмой день. Вот я и стал высчитывать, когда-то получу твое письмо. И ты, наверное, не скоро получишь мое, хотя я его пишу сразу же после приезда.

В дороге думал о тебе, думал о том, как хорошо, что ты есть у меня.

Думал о книге, и странно мне было, что впервые за 10 лет я уехал, не имея при себе ни одной страницы из нее.

Катюшенька, пиши мне о всех своих делах, о жизни, здоровье. Как прошел ваш праздничный банкет?

В дороге было очень душно, нога побаливает, оказалось трудно ходить босиком по гальке, а особенно вылезать из воды. Думаю, что это было только при первом купании, а потом нога приспособится.

Трудно сказать уверенно в первый день приезда, но мне кажется, что я хорошо сделал, что поехал, — надо прийти в себя, отдышаться и на-

дышаться, впереди еще много событий.

Катюша, жду твоего письма, буду писать, целую тебя, родная.

Твой Вася.

Привет Наташе.

29

[5 ноября 1960, Гагры]

Дорогая Катюша, вот прошел первый гагринский день, хочется тебе рассказать о нем.

Комнату мне дали над самым морем, с балконом. Ночью над морем луна, звезды, но балконную дверь мне велели закрывать, говорят, что воры лазят, не только луна смотрит.

Начну с утра. Пошел купаться. Удивительно странно, вода теплая, светит тепло солнце, а три дня назад — снег, морозный ветер.

Откушав завтрак, отправился, как полагается иудею, на базар. Милая Катя, как хороши эти маленькие домики, садики, полные цветов, деревья, украшенные огромными оранжевыми плодами хурмы, дозревающими мандаринами и грейпфрутами. На большой высокой пальме висит дощечка: «Зубной врач, вход со двора».

Старики и старухи в домашних туфлях сидят на скамеечках, полно собак, щенков, уток, кур.

Красавцы-грузины (абхазцы), не обремененные трудами, беседуют у входа в магазины и винные лавочки, некоторые мчатся на собственных «Волгах» и «москвичах», но чувствуется, что и у мчащихся на автомобилях дел не так уж много.

Купил я на базаре на 2 рубля вареных каштанов. Базар пестрый, бескровный, — груши, яблоки, хурма, каштаны, орехи, перец, маленькие мандарины, виноград, кукуруза, редис, огурцы, соленое лоби.

Обедал. Кормят прилично. Знакомых много, но никто меня не раздражает, все очень любезны и заняты своими делами.

Вечером сел в автобус и поехал в парк. Парк огромный, полный замечательных деревьев, пруды, фонтаны, пальмовые рощи. Представь себе — весь парк залит светом — фонари, лампы дневного света, прожектора — и ни души! Курортный сезон кончился. Так странно и даже страшно ходить по дорожкам, фонтаны, цветы, южные деревья, и пусто, пусто, тихо, тихо. Словно нет уже на земле людей, остались одни деревья. Как-то очень жутко…

Ну ладно, бог с ней, с жутью. Городок украшен к празднику. Всюду портреты Сталина, в орденах, в мундире генералиссимуса; картины — Сталин

среди народа, Сталин — говорит речь. На доме, в котором я живу, тоже большой портрет — Сталин в маршальских погонах, в гирляндах цветов. Как все же хорошо, что это в Гаграх, а не в Москве.

Катенька, милая моя, вот написал тебе это письмо, чтобы вместе с тобой побродить по этим улочкам, побывать на фруктовом базаре, пройти по ночному пустынному парку.

Целую тебя, моя хорошая, славная, любимая.

Твой Вася.

После 10-го не пиши, письма приходят на шестой-седьмой день, а путевка моя до 16-го.

30

9 ноября [1960, Гагры]

Дорогая Катюша, пишу тебе третье письмо. Получила ли 2 предыдущих?

Небо по-прежнему безоблачно, очень тепло, купаюсь по 2 раза в день.

Из Москвы никаких вестей нет[1027], и я подумываю продлить свое гагринское пребывание еще на 10–12 дней. Впрочем, рано еще задумывать эти сроки, подожду 3–4 дня, может быть, и про-

[1027] Примечания: 1027

Гроссман сдал роман «Жизнь и судьба» в журнал «Знамя» 6 октября и ждал от редакции ответа.

изойдут новости московские, которые определят дальнейшее.

Вчера ко мне приехал Кугель из Сочи, провели с ним вместе чудный день. Так радостно и странно было мне ходить с ним под чудным южным небом по берегу моря, — ведь 12 лет с ним связывались самые тяжелые и трудные мысли, его лагерная жизнь, и думал ли я, что будем мы с ним гулять в Гаграх. Он поправился, но руки у него по-прежнему сильно дрожат.

7-го я много ходил по городу, легковые машины, украшенные портретами Ленина и Сталина, гирляндами цветов, разноцветными детскими шариками, с невероятной скоростью мчались по улицам — туда и обратно — от площади к базару, от базара к площади. Водители были одеты в ослепительно прекрасные костюмы. Собаки с лаем носились по тротуарам. Было много пьяных, но все были веселы и пьяны безобидно.

Вечером в доме творчества был торжественный ужин, он принес мне неожиданно кое-какие неприятные ощущения, но в общем обошлось. Речь идет о смешных страстях, внезапно вспыхнувших при застольных тостах между моими выдвигателями-энтузиастами и задвигателями. Но все обошлось вполне благополучно.

Нога у меня после длительной прогулки снова разболелась и немного опухла. Но сейчас она пришла в норму.

Читаю я мало, не работаю — гуляю, купаюсь, хожу на базар.

Чувствую, что такая жизнь полезна для здоровья, но полезно ли быть мне здоровым?

Катюша, милая моя, письма от тебя еще нет, но я еще не волнуюсь, срок не вышел для его прихода. Я уж писал тебе, что письма сюда приходят на шестой-седьмой день.

Катались мы вчера с Кугелем на катере, и так остро вспомнились наши московские прогулки на речном трамвае, так сильно, томительно захотелось, чтобы мы были вместе, глядели бы на эту черно-синюю воду, слушали крик чаек.

Милая моя, хорошая моя, пиши мне все о себе, целую тебя, хочу тебя видеть, Катюшенька.

Твой Вася.

Передай привет Наташе.

9 ноября

31

[12 ноября 1960, Гагры][1028]

Дорогая моя, хорошая Катюшенька!

Получил твое письмо, оно мне доставило большую радость. Пришло оно удивительно быстро, на третий день, — видимо, удачно проскочил самолет. Вообще же самолеты почти не ходят, публика по 2–3 дня сидит в Адлере, ждут у моря погоды и в конце концов едут поездом.

Милая моя, хорошая, тут по-прежнему теплая погода, нет дождей, ясное небо.

Срок моего пребывания истекает через 4 дня (если не продлевать путевку двенадцатидневную). Поскольку я до сих пор не получил из редакции «Знамени» никаких вестей, одно лишь мертвое молчание, я решил продлить свою путевку еще дней на 10. Поэтому ты мне пиши числа до 18–19-го (т. е. из Москвы 18–19-го). Если же меня внезапно вызовут, я тотчас дам тебе телеграмму.

Ох, Катюшенька, мое солнышко, и мне по несколько раз на день приходит мысль, — почему бы не приехать тебе, хоть на несколько деньков в эти благословенные края! Все думаю я о тебе, думаю о нас с тобой, моя хорошая, моя любимая.

[1028] Примечания: 1028

Это письмо было отправлено в Москву, а оттуда 19 ноября 1960 года переслано Натальей Заболоцкой в Ленинград по адресу: «М. Посадская, д. 8, кв. 3, Е. И. Шварц (для мамы)».

Начала во мне расти тревога по поводу редакционных дел, первые дни совсем меня оставила, а сейчас гложет. Нелепое, странное это молчание, ведь ни гугу, а уж скоро полтора месяца, как отдал им книгу.

Когда я купаюсь, а на море волна, я сердито кричу тебе: «Не заплывай далеко, плыви к берегу!», и купальщики удивленно на меня поглядывают.

Катюшенька, вчера была тут экскурсия на озеро Рица. Посылаю тебе цветок, сорванный на крутом обрыве над самым озером. Озеро темно-зеленое. Катя, Катя моя милая, почему это диво — жаркое солнце, пестрая листва, зеленое озеро, заснеженные горы, все это я вижу без тебя? А какой там воздух — ясный, прохладный, чистый, как божья чистота.

Завтра приедет еще раз Кугель, проститься, проведет день-два в Гаграх и поедет в Москву поступать на службу.

Милая моя, хорошая, как хорошо, что ты есть у меня. Береги себя, Катюшенька. Напиши мне, как чувствуешь себя, болит ли голова?

А у меня нога почти не болит, но, представь, должно быть, от морской воды на руке опять началась экзема.

Катюшенька, неужели так долго не увидимся

мы с тобой?

Целую тебя крепко, родная. Твой Вася.

Привет Наташе.

32

13–14 ноября [1960, Гагры]

13 ноября

Милая моя Катюша, вчера отправил тебе письмо, получил сегодня второе от тебя. Хорошая моя, милая моя, так радостно было читать его.

Я еще не продлевал путевки, хочу подождать до последнего дня, вдруг произойдут какие-нибудь катастрофы, и мне придется ринуться в Москву. Но мне кажется, что ничего не произойдет особого и что на дней 10 смогу остаться здесь.

Сегодня первый день без солнца, небо в облаках, накрапывает дождь, но и эта погода оказалась хороша: грустная, мягкая, теплая. Утром купался, вода чудесная. Море сегодня беспокойное, шумит сильно. Ночью просыпался, и море шумело. Снилось мне что-то мучительно-тревожное: мне нужно сказать тебе что-то необычайно важное, о какой-то опасности, а дозвониться до тебя по телефону не могу, все автоматы заняты либо испорчены — совсем какой-то московский сон, а снился он под шум моря. Боже, как было бы

хорошо, легко, естественно, просто если б всегда, каждый день, каждый час мы могли бы с тобой говорить о том, что нужно, важно и не важно словами, взглядом, шепотом, кивком головы, движением руки, были бы всегда рядом, всегда вместе и не нужны б нам стали письма и телефоны. И так все трудно, и мы мечтаем с тобой о том, чтобы увидеться хоть на несколько дней, и робеем, что это слишком большое счастье…

Любимая моя, что-то стал я волноваться по поводу своих московских редакционных дел. И все же как правильно сделал, что уехал из Москвы, — эта пытка молчанием была бы в Москве куда чувствительней, а здесь она проходит легче. Да и моя тоска по тебе здесь легче, чем в Москве, когда дом твой рядом. Катюшенька моя.

Написал письмо Кларе с Витей, а Кате все еще не раскачался написать — сержусь на нее, не могу забыть разговор с ее мамой, разговор, в котором есть доля Катиного участия.

Целую тебя крепко-крепко, моя родная, моя милая, моя любимая.

Твой Вася.

14 ноября

Катюшенька, продлил сегодня путевку до 28-го, рассердился на то, что из Москвы ни одного звука,

ни весточки из «Знамени» нет, и решил остаться еще на 12 дней, а т. к. срок первых 12 дней истекает 16-го, то взял до 28-го.

Столько меня ждет тяжелого впереди, безрадостного.

Сегодня опять солнце. Буду писать тебе все время. А ты, родная, последнее письмо отправь 18–19-го, а может, телеграммку мне пришлешь. Каждая весточка от тебя для меня такая радость. Сегодня у меня был ночью ужасный кошмар, это даже нельзя назвать сном, не хочется говорить в письме, расскажу, когда приеду. Не спал после до утра, и сейчас больной какой-то после этого сна.

А море все шумит и шумит.

Моя родная, моя любимая, целую тебя.

Твой Вася.

Привет милой, колючей Наташе.

33

23 ноября [1960, Гагры]

Милая Катюша, хорошая моя, я очень обрадовался твоей телеграмме. Не знал, где ты, и потому не мог писать тебе. Особенно это было больно в день твоего рождения[1029], не думай, что забыл,

[1029] Примечания: 1029
День рождения Екатерины Заболоцкой — 19 ноября.

да ты и не думаешь. Выпил за тебя коньяку и чокнулся с Кугелем (он гостил у меня в этот день). Катюша, здорова ли ты?

Катюшенька, редакционных новостей нет по сей день. Столько возникает соображений на этот счет, что лучше вообще от них отказаться (от соображений) и подождать возвращения в Москву. Теперь расскажу тебе о здешней жизни.

Через 3–4 дня после нашей поездки на озеро Рицу произошла катастрофа с экскурсией, ехавшей по этой же дороге, — 13 человек были убиты, 17 тяжело искалечены — в машине отказали тормоза, и она, кувыркаясь, упала с обрыва в горную реку.

Весь городок только об этом и говорил, в больнице умерли еще несколько человек от ран.

Особенно страшно, что все это произошло под голубым небом, на берегу теплого моря.

А сейчас у нас уже нет голубого неба, — несколько дней льет дождь, на горах лежит снег.

Вчера был жестокий шторм, какого не было, говорят местные жители, несколько лет[1030]. Коснулось это и меня — расскажу тебе. Дом, в котором я живу, расположен над самым морем

[1030] Примечания: 1030

Об этих событиях см. очерк Гроссмана «Осенняя буря» (Гроссман 1962b).

— окно и балконная дверь мои на уровне второго этажа. Берег довольно высокий, крепленный каменной стеной.

Я проснулся от резкого удара в балконную дверь, было 2 часа ночи. Море ревело сильно. Я подошел к окну и увидел, как из темноты возникают огромные волны и мчатся на берег, их белые головы казались на одном уровне с балконом. Это было жутко, и так как я испугался, то назло заставил себя лечь в постель и закрыть глаза. Некоторое время дремал. Потом снова бабахнула дверь, но я не вставал. Вдруг вода хлынула в комнату, это волну выхлестнуло на балкон. Потом стало вышибать стекла из окон, они летели по всей комнате; это камни-галька летели вместе с водой. Меня охватило какое-то странное чувство, злое, веселое, вместо того чтобы драпать, я стал бриться. Потом уж, шлепая по воде, складывал вещи в чемодан, водой залило не только пол, но и письменный стол, книги, стены.

В это время служащие уже вытаскивали поспешно столы, постели, диваны. Паркет размыло, он поплыл. Даже на третьем этаже людей заливало водой. Всех перевели в главный корпус, далеко от моря.

Какая это картина, ноябрьский шторм! Водяные

живые стены, пушечные удары, четырехэтажные столбы брызг, летят камни, галька. В нашем саду сломало четыре большие пальмы; несколько домиков было разрушено, население вывозили на грузовиках из прибрежного района. И представь, кочегары, шофера, уборщицы, работая и оглядываясь на море, то и дело говорили: «Какая красота». И действительно красиво — я благодарен судьбе, что увидел впервые в жизни такое бушевание моря.

Катюшенька, вот видишь, обрадовался, что снова обрел твой адрес, и расписался вовсю, буду тебе еще писать, а ты уж, конечно, не пиши — твои письма не дойдут до дня моего отъезда — 28-го.

Сегодня море спокойно, хмуро, и кажется, ему стыдно за вчерашний взрыв бешенства. А может быть, ему не стыдно, его не поймешь.

Милая, хорошая моя, целую тебя нежно, твой Вася.

23 ноября

Передай мой привет Наташе.

У меня множество вопросов к тебе, но я не задаю их — и о твоем здоровье, и что в Ленинграде, и как в Москве, но ведь ответишь ты, лишь когда буду в Москве. Целую тебя, моя родная Катюша, не болей, пожалуйста, береги себя, не переутом-

ляйся.

34

23 ноября 1960, Гагры

МОСКВА ХОРОШЕВСКОЕ ШОССЕ2–1 КОРПУС 3 КВАРТИРА 25ЗАБОЛОЦКОЙ ЕКАТЕРИНЕ ВАСИЛЬЕВНЕ

ОЧЕНЬ РАД ТВОЕЙ ТЕЛЕГРАММЕ ЗДОРОВ МОСКОВСКИХ НОВОСТЕЙ НЕТ СЕГОДНЯ ОТПРАВИЛ ТЕБЕ ПИСЬМО ТЕЛЕГРАФИРУЙ МНЕ ПОГОДА СОВСЕМ ПЛОХАЯ ЦЕЛУЮ ВАСЯ

ИЗ ПОЕЗДКИ В АРМЕНИЮ, ноябрь – декабрь 1961

35

7 ноября [1961, Ереван]

Дорогая Катюша, пишу тебе в ясный, солнечный день. Из окна виден Арарат, круглая вершина его сияет на солнце. Снизу доносятся оркестры, пение — сегодня праздник, идут демонстранты.

Был я в Эчмиадзине, в резиденции католикоса Вазгена I. В Эчмиадзине изумительной архитектуры храмы, о каждом из них написаны книги.

Главный храм построен тысячу с лишним лет тому назад, под ним в земле языческий еще более древний храм, с языческим котлом-жертвенником. А над ним тысячу лет стоит алтарь христианского храма, и при мне молодой священник крестил девочку.

Я был принят в патриарших покоях католикосом, беседовали минут 15–20. Это красивый светский человек лет пятидесяти, с добрыми глазами, но совсем не святым ртом.

Католикос угостил меня чашечкой черного кофе и рюмкой коньяку и выпил, вернее, пригубил коньяк за мое здоровье. Подавал кофе монах.

Он очень образован, любит литературу, знает много языков. Беседовали о Толстом и Достоевском. Его любимый писатель Толстой, и я, уж уйдя, подумал, что странно — вот патриарх, высшее церковное лицо, говорит о своей любви к Толстому, а ведь Толстого церковь предала анафеме.

Пока мы беседовали, за спиной католикоса стоял монах в черном шелковом капюшоне и черной рясе, такой потрясающей красоты лица я не видел в своей жизни. Ты знаешь, Катюша, это нечто потрясающее — лицо это не выходит у меня из головы. Это не конфетная красота — лицо

демона, горящие глаза, нос, ноздри, рот, все поражает. Оказывается, что многие монахи здесь так красивы и что красота их помрачает сердца и умы женщин. И знаешь, я подумал, — действительно, такой красоте невозможно противостоять женщине. Это сила неописуемая.

Меня интересует — а ты бы как подумала, увидев этого божественного демона в черном шелке? Здесь в прошлом году был английский писатель Олдридж с женой, и она сказала моему Кочару: «Мне в Армении понравились три вещи — Севан, Арарат и красота монахов».

Но знаешь, какое-то у меня странное, смутное чувство, хотя я не верующий, а как-то нехорошо — бог не чувствуется в этих прекрасных, тихих покоях, очень все светское — и беседы патриарха, и красавцы-монахи, у которых из-под рясы видны модные замшевые туфли и нейлоновые носки. А с каким безразличием прошел этот красавец-монах мимо жалкого, слепого, оборванного нищего. Где же он, бог?

Я, между прочим, сказал католикосу, что книги надо писать, как эти древние армянские храмы, — скупо, выразительно, необычайно просто, и чтобы в этой писательской постройке, как и в церкви, — жил бог. Но где он — в церкви я видел

прекрасный, трогательный обряд, — не бога.

Катюша, милая моя, хотя католикос и пил за мое здоровье, но со здоровьем что-то у меня подгуливает, нехорошо себя здесь чувствую, прямо-таки неважно. Вот посмотрю, надеюсь, что получшает.

Я уж много работаю — как бы контрабандой, — то утром, то днем, то поздним вечером — надо мне спешить. Боюсь я, что затянется и это дело — а я полон какой-то плохой тревоги, не оставляет она меня и под голубым небом, и на берегу синего озера. Тяжело мне.

Катюшенька, ты телеграфируй мне о переезде в Москву, чтобы не вышло путаницы с письмами. От тебя письма еще нет, не знаю, как ты и что, здорова ли, все ли благополучно вокруг.

Был я тут на базаре. Это — базар-царь. Боже, как он шумит, гудит, трещит, лопочет! А какие краски, какие овощные и фруктовые чудеса, какие неведомые лакомства, стручки, коробочки, лепешечки. Но вот цены, к сожалению, не чудесные — высокие, московские, а кое в чем и повыше московских.

Виноград здесь янтарно-желтый, чрезмерно сладкий. Персики очень красивые, но невкусные. Вообще фрукты уже кончаются, может, потому

и дороги.

Катюша, пиши, жду письма, писем, телеграммы, думаю о тебе, целую тебя, моя хорошая, крепко.

Твой Вася.

7 ноября

36

15 ноября 1961, [Ереван]

Дорогая моя Катюша, поздравляю тебя с днем рождения, целую тебя, всего тебе, всего желаю, — ты знаешь, чего желаю.

Получила ли ты моих два письма в Ленинград с описаниями первых дней моей армянской жизни? Одно послано — 5-го, второе — 8-го. От тебя получил две телеграммы и письмо, почему так редко, скупо пишешь? Нехорошо. В Москве телеграмму твою перед отъездом тоже получил, пришла аккуратно, к счастью.

Я уж работаю очень много, — работы масса — 1) надо закончить перевод, 2) надо перечесть его весь перед перепечаткой, 3) надо вновь прочесть его после машинки. А все это 60 листов, 1420 страниц! Я очень устал, измотан, но если бы не было этой работы с утра до ночи, то было бы еще хуже. Живу я все еще в Ереване в гостинице, — Кочар

(ты его в своем письме назвала Арчилом, и я его теперь про себя так зову) занят, не может уехать из Еревана пока: он член ЦК партии, армянской, и у него сейчас пора заседаний.

Я с утра до вечера один — работаю, похожу по улице, снова работаю.

Все думаю о морском путешествии, это свет, но далеко еще он, добираться к нему через груды бумаги, вот и поэтому тоже — работаю много. Теперь еще трудно определять сроки, но, очевидно, не раньше второй половины декабря. Как трудно мне быть переводчиком, Катюша, я, очевидно, приспособлен лишь к одному — быть самим собой. Я понял сладость переводческой жизни, и оказалась эта сладость мне горечью, тяжестью. Тяжело жить человеку, если он может быть лишь самим собой, но я рад своей этой тяжести, в ней и счастье. Впрочем, какое это счастье, видишь, к чему оно меня привело.

Кочар хороший человек, но чрезмерно влюблен в себя, в свою честность, порядочность, принципиальность, в свою работу. Все люди так — полностью или частично, но он любит говорить об этом, это постоянная и главная тема. Вот это уже не все люди, к счастью, делают. Он тут очень знаменит, — к нему на улице подходят

дети, старики. А как тут люди любят, уважают своих писателей, ученых, причем самые простые люди! Мне это нравится, трогательно это.

Тут деятели литературы очень большие патриоты, так же как в Грузии грузины, в Абхазии абхазцы — они буквально влюблены в каждый камень, горды своим прошлым. А вот у русских больших писателей страстная любовь к России совсем, совсем по-иному выражается. Как любили Россию Гоголь, Пушкин, Достоевский, Толстой, Чехов, Тургенев, но сколько боли в их любви. А здесь лишь одно упоение, как чеховский Дымба: «У нас, в Греции, все есть, и кашалоты есть»[1031]. Показывают мне развалины языческого храма и все время повторяют: «Посмотрите, какая суровость, величие… Ведь развалины Акрополя, Афины кажутся сладенькими, жалкими по сравнению с этими развалинами».

И действительно, храм, развалины замечательно интересны, величественны, но, боже мой, зачем же при этом принижать Акрополь.

Вот ты уже в Москве, знаешь московские ново-

[1031] Примечания: 1031

Неточная цитата из пьесы Чехова «Свадьба» (1889):
«*Дымба* (…) Это в России ницего нету, а в Греции все есть. Там у меня и отец, и дядя, и братья, а тут ницего нету.
Жигалов. Гм… А кашалоты в Греции есть?
Дымба. Все есть».

сти, звонила близким по телефону. Как ты после поездки ленинградской, очень ли измотана, радуешься ли дому? Все ли благополучно, здорова ли ты, здоровы ли все домашние? Что Наташа? Говорила ли с Сёмой, Кларой? Я им написал, да еще никто мне не ответил. Как голова твоя — болит по утрам, как насчет полноты-худобы? Дочитала ли Фолкнера? Мне приятно, что «Особняк»[1032] тебе так сильно понравился. Да-да, у меня сходное чувство.

А я сейчас читаю биографию Флеминга, написанную Моруа, — это надо бы Наташе прочесть, прямо по ее департаменту[1033].

Расходы тут большие, все очень дорого, ресторан в гостинице особенно дорог. Но я нашел скромную столовку в подвальчике, да притом еще вегетарианскую, — и сразу дешевле стало. Фрукты очень дороги, я раза два покупал. А биб-

---

[1032] Примечания: 1032

Роман Фолкнера (1959), последняя книга трилогии о Сноупсах. По-русски впервые был опубликован в номерах 9–12 журнала «Иностранная литература» в 1961 году (Фолкнер 1961).

[1033] Примечания: 1033

Книга Андре Моруа «Жизнь Александра Флеминга» вышла в Издательстве иностранной литературы в 1961 году (Моруа 1961). Наталья Заболоцкая встречалась с вирусологом Николаем Кавериным (1933–2014), за которого в 1962 году вышла замуж, — вероятно, именно поэтому Гроссман рекомендовал ей прочитать книгу о создателе пенициллина.

лейский Арарат все смотрит мне в окно.

Денежная сторона работы складывается хорошо, мне скоро выплатят большую сумму, т. к. тираж книги утвержден большой, и аванс мне решили платить с потиражными. Беда только, что у издательства нет денег, и эти выплаты несколько затягиваются, но первую сумму мне заплатят завтра-послезавтра.

Писатели здесь ко мне полностью равнодушны, ни один человек не позвонил, не пришел, при знакомстве на улице смотрят в пространство, молчат, уходят. Совершенно как бродячая собака себя с ними чувствую. Секретарь Союза Топчян (местный Абашидзе)[1034] встретился, когда мы шли с Кочаром. Кочар нас познакомил и на несколько минут отошел по каким-то своим делам. И этот первый секретарь молча простоял со мной, не проронив ни слова, пока не подошел Кочар. И я пошел дальше. Единственный человек, кто проявил ко мне интерес, — командующий войсками генерал Драгунский. Узнав о моем при-

---

[1034] Примечания: 1034

Эдуард Степанович Топчян (1911–1975) — армянский литературовед, в 1959–1975 годах первый секретарь правления Союза писателей Армении.

Ираклий Виссарионович Абашидзе (1909–1992) — грузинский поэт, в 1953–1967 годах первый секретарь, а затем председатель правления Союза писателей Грузии.

езде, пригласил меня, устроил торжественный завтрак, был его начальник штаба генерал с генеральшей, тосты за меня были сердечные на тему — за битого двух небитых дают (имелась в виду давняя история с моей книгой «За правое дело»).

Чувствую я себя по-прежнему неважно, чего-то во мне развинтилось, ну да ничего. Ты все же не забывай меня, помни, родная, что твое хорошее письмо лучше, чем рецепты Райского. Вот меня и огорчает, что за эти две недели до Еревана добралось лишь одно письмо твое. Ну, моя хорошая, любимая моя, как говорят старые еврейки — будь мне здорова.

Еще раз поздравляю тебя, еще раз целую крепко-крепко.

Твой Вася.

Передай привет Наташе.

15 ноября 1961 г.

Катюшенька, получил только что твое письмо, — подошел к окошечку, прежде чем опустить письмо тебе. Очень оно меня обрадовало, но и огорчило: коротенькое слишком.

Неужели пропало мое первое письмо?

Это целый очерк о моей поездке, жаль.

Пишу на почте. Целую, милая моя, пиши. В.

37

19 ноября 1961, Цахкадзор

МОСКВА ХОРОШЕВСКОЕ ШОССЕ
2—1 КОРПУС 3 КВАРТИРА 25
ЗАБОЛОЦКОЙ ЕКАТЕРИНЕ ВАСИЛЬЕВНЕ
ДОРОГУЮ КАТЮШУ ПОЗДРАВЛЯЮ ДНЕМ РОЖДЕНИЯ ЦЕЛУЮ ЖДУ ПИСЕМ АДРЕС ПРЕЖНИЙ ВАСЯ

38

21 ноября [1961], Цахкадзор

Дорогая моя Катюша, получил сегодня твое третье письмо из Ленинграда. Телеграмму вторую, которую ты послала в ответ на мою, не получил. Тебе пишу четвертое письмо — 2 в Ленинград, 2 в Москву. Видимо, первое письмо в Ленинград пропало, послал его 5-го — очень жаль, оно большое, с подробным описанием дороги, первых впечатлений. Получила ли в Москву мое письмо с овечкой и поздравительную телеграмму?

Я уже четыре дня живу в Цахкадзоре, в горах, над Ереваном. Тут высоко, около 2000 метров. Чувствую себя хорошо — воздух изумительной чистоты, дышать им хорошо удивительно; мама

говорила — воздух, как вино.

Дом большой, двухэтажный, стеклянные террасы, вид на горы, долины. Здесь холодно, сегодня шел снежок. Милый очень поселок горный, домики лепятся по склонам, все «крутое», — улицы, дворы. Есть удивительной архитектуры храм XIII века[1035] — прекрасный, строгий, простой, во дворе — кровь, куриные перья — приносят жертвы верующие. В поселке, кроме армян, живут молокане, все бородатые, выпивают по 40 стаканов чаю в день из больших медных самоваров. Армянские дети прелестны — один мальчик, когда смотришь на него, плачет, пугается, а не смотреть на него нельзя, глазища большущие. Вчера тут была в поселке свадьба, танцевали на улице, размахивая бутылками, бросали в толпу пригоршнями орехи, били в барабан. А ночью вдруг страшно закричал бычок — его убили к свадебному пиру.

Катюша, родная моя, дом пустой — только Кочар с женой, Таронян — переводчица, сделавшая подстрочник и аз грешный. Носки целые, ботинки мне почистили добрые люди, стирать еще не отдавал — очевидно, отдам уборщице. К

[1035] Примечания: 1035
Церковь монастыря Кечарис в Цахкадзоре.

моему ужасу, к нашему приезду зарезали овечку. Вчера нам привезли с озера Севан ведро форели. Представь, я не только не потолстел, но худею — в Ереване полно весов на улице, — я за 10 дней похудел на 2 с лишним кило. Правда, я болел, теперь уж вроде ничего. Дышу на горе хорошо. И сердце хорошо. Вес 84,5 кг. Работаю как каторжник — с утра до глубокой ночи. Думаю, что в середине декабря закончу. Тогда с горы спущусь к морю. Каждый день об этом думаю, волнуюсь, как это все будет. О подробностях напишу, да и ты пиши. Только помни, что, оказывается, становится вся наша жизнь известна, даже наша поездка за грибами и то — какие грибы ты нашла, и все довольно точно. Мне еще неясно, освобожусь ли я от работы здесь во второй половине декабря или в самых первых числах января.

Катюшенька, я скучаю по тебе, хочу очень видеть тебя, моя родная, хорошая, все думаю о тебе, разговариваю с тобой.

Как встретила тебя Москва? Как чувствуешь себя. Напиши мне о себе = Катюше — мне все интересно, каждая мелочь. Как прошел твой день рождения? Пришла ли моя телеграмма из Цахкадзора: тут малюсенькая почта, телеграммы передают по телефону и никто не знает русского

языка. Пиши мне, моя родная, почаще — письма твои меня радуют. Пиши на Ереван, тут ездят почти каждый день, я даю свой документ, и мне сегодня привезли твое письмо. А на местную почту писать не стоит — очень долго идут письма — дней 10, ведь деревушка.

Получил два письма от Сёмы, Нина дома, чувствует себя сносно. Сёма спокойней несколько. Жалко мне, что первое письмо мое к тебе пропало, а может, в конце концов дойдет?

Катюшенька, ты не волнуйся обо мне, — здесь, в этой горной деревне, я себя хорошо чувствую, да и кормят меня в срок, и даже кислое молоко — мацун — ставят на столик перед сном. А в Ереване, конечно, было хуже — очень много ушло денег, одна гостиница стоила больше сорока рублей. Да и чувствовал себя плохо, а знаешь, так страшно болеть одному, в гостинице, где из окна виден Арарат и до Москвы 3000 километров, а ночью лежишь и слышишь, как в соседнем номере пьют, орут, звенят бутылками, поют непонятно. А в окно крик слышен — во дворе режут кур.

Так обрадовался твоему письму, а через час уже хочется еще письмо получить. А дело, конечно, в том, что нет тебя рядом, и я это чувствую все время, и с каждым днем все сильней и сильней.

Златые горы, которые мне обещали в здешнем издательстве, я не получил, они, как и полагается для горы, кажутся рядом, а дойти до них не так просто и быстро.

Сплю я с открытым окном, одеяло теплое, ватное, постель удобная, мягкая. Комната большая — два окна, — в одно видны горы и домики, которые лепятся к горе. Видна жизнь людей, — дерутся дети, маленький двухлетний человечек сидит на горшочке. В другое окно видна далекая долина, по ней ползут тени облаков и ходят крошечные овцы — серые и черные. Потолок высокий, есть шкаф с зеркалом, маленький письменный столик, за которым сидит переводчик с армянского. Ночью слышно, как журчит ручеек по камням. Прохожие при встрече здороваются, снимают шапки. Много страшных собак — овчарок. Путевка до 13 декабря, стоит 100 р. Если потребует работа, можно продлить, а возможно, снова в Ереван, в гостиницу — теперь еще не знаю, как будет, зависит от работы, как тут сложится с погодой и пр.

Вчера повезли в город перепечатывать первый кусок — 230 страниц. Готовлю второй и одновременно перевожу — перевод — это самое тяжелое — его осталось сравнительно немного. Сколько?

Секрет — открою его тебе, когда поставлю точку или когда буду совсем близко от точки. Напиши мне, Катюшенька, все о своей жизни, о себе, как насчет поездки к сестре Оле[1036], какие у тебя соображения. Здорова ли Наташа?

Целую тебя крепко.

Твой Вася.

21 ноября

Цахкадзор

Ты пишешь — хочу хоть глазком заглянуть, как живешь. Вот я и описал, но, наверное, увидев, ты бы сказала: а я по-другому представила — и комнату, и что из окна видно. Невозможно, трудно, чтоб совпала жизнь и представление о ней. Ну а вдруг совпало!

39

25 ноября [1961, Цахкадзор]

Дорогая Катюша, получил твое письмо, написанное карандашом в поезде, с припиской, сделанной в Москве.

Как ты в Москве? Отдохнула ли немного после Ленинграда или, наоборот, еще больше устала?

[1036] Примечания: 1036

Ольга Васильевна Борисович (Клыкова) — сестра Екатерины Заболоцкой, жила в Сочи.

Как Наташино здоровье, поправилась ли?

Я работаю с утра до ночи, даже не помню, когда мне приходилось так много работать, — часов по 10 в день. И перевожу, и правлю, и подготавливаю материал для машинисток — их три. Огромная рукопись, — я в ней тону.

Очень устаю, уж читать ничего не могу, лежат на ночном столике книжки нечитаные. А уж меньше работать не получается — как зубчатые колесики, — и автор, и сопереводчица («подстрочница»), и машинистка, и директор издательства[1037] — все обращены ко мне с одним только — давай, давай, давай. Ну вот я и даю, что шкура трещит.

Погода резко изменилась. Двое суток лил дождь, все было в тумане, а потом вдруг ударили морозы, пошел снег. Ночью бывает около 20°, днем 12–15° мороза. Гулять нельзя, т. к. очень сильный ветер с гор, при морозе это злая штука — и я в своем пальтеце мерзну, не экипирован я на эти морозы.

Зато в комнате тепло, уютно. А рано утром, когда светать начинает, — горы, покрытые снегом, становятся совершенно розовыми. В Ереване

[1037] Примечания: 1037

Роман Кочара готовился к публикации в Армгосиздате.

гораздо теплей, снега нет, но тоже погода испортилась, дожди и дышать трудно. Ереван стоит в котловане, и дым фабричных и домовых труб смешивается с туманом и висит темной пеленой.

Первые дни в Цахкадзоре чувствовал себя хорошо, а сейчас снова хвастать нечем.

Получил письмо от Кати, — в нем все, что полагается быть в письме дочери, — и тревога о моем здоровье, и вопросы о том, как устроен, и вопросы о красоте Армении. Но какой холод за всеми этими вопросами и безразличие. И все же мне легче, что написала она. Огорчило меня то, что болеет она, жалуется на недомогания всякие.

Катюшенька, доходят ли мои письма — это пятое — два в Л(енингра)д и три в М(оск)ву?

От тебя все аккуратно доходит, кроме одной телеграммы, письма все доходят — слава богу.

Я что-то тревожусь все, видел какой-то мучительный сон, касающийся моей работы. Хочется видеть тебя, поговорить обо всем, как говорим мы с тобой, хорошая ты моя.

Звонила ли ты Кларе, она не ответила на мое письмо, здорова ли она?

Все жалею, что пропало мое первое письмо к тебе. Знаешь, теперь вспоминаю поездки, встречи, впечатления первых дней, и мне кажется, что

я то ли видел это в кино, то ли прочел об этом, а сейчас проза жизни, служба.

В доме по-прежнему, кроме нас четверых, никого нет. Иногда Кочары и Таронян уезжают в город ночевать, и я остаюсь один на весь большой двухэтажный дом. Теперь полнолуние — горы ночью красивы, освещенные снегом.

Катенька, береги себя, отдыхай, спи побольше, не простуживайся, ешь масло, не худей, читай книги.

Не знаю, как у Сёмы, когда Нина ляжет на операцию — они, вероятно, уже имеют решение врачей.

О Кочаре я тебе писал. Жена его — славная женщина, похожа, видимо, на знакомых тебе грузинских жен, она очень больна — тяжелая астма. Переводчица Таронян — маленькая, очень толстая — у нее лишних 40 кило, — но подвижная. Она по утрам делает гимнастику в своей комнате — прыгает, — и от этого дрожит весь дом и дребезжат стекла.

Кормят меня армянской едой, и при всей моей любви к острому я несколько изнемог — уж очень все горит огнем от перца — даже пот прошибает. Зато форели я поел много, — но говорят армяне, что она весной вкусней.

Перечитываю твои письма, делается мне лучше, теплей на душе.

Тут меня фотографировали — конечно, на фоне гор и древних развалин — выгляжу я величественно, — особенно новое пальто. Но по нынешней погоде тут нужна шуба.

Жду твоих писем, моя милая и хорошая, береги себя, целую тебя крепко.

Твой Вася.

25 ноября

Делаю приписочку на Ереванском почтамте, — получил твое письмо и телеграмму. Как здоровье? Пиши чаще, подробней о себе. Спроси Клару — получила ли она мое письмо?

Сегодня теплей, но в горах снег не тает. Пиши! Катюшенька, целую тебя… Вася.

Дался нам этот демон котенок собачий.

40

29 ноября 1961, [Цахкадзор]

Дорогая Катюша, жду письма от тебя. В своем последнем письме ты писала о своей болезни, и никаких подробностей не знаю, как ты и что, — только телеграмма твоя косвенно подтвердила, что лучше тебе. Но я все же беспокоюсь, не осложнилась ли как-нибудь твоя болезнь после того,

как ты послала телеграмму.

Вообще письма так медленно обращаются, — напишешь «нездоров», ты встревожишься и напишешь, а я уж забыл о своем нездоровье. Хорошо бы, чтобы и с тобой так.

Вот писал тебе в последнем письме, что тут морозы и ветры, а, вероятно, письмо не успело дойти — мороз прошел, а стал морозец — 2–5° днем, небо голубое, ветра нет, и очень хорошо гулять.

Я тружусь по-прежнему — стали поступать с машинки перепечатанные страницы, — мне кажется, что поработал я недаром, получается вполне литературный текст. Но меня огорчает и раздражает, что мой купец-работодатель даже спасибо не говорит, строит кислое лицо и явно недоволен. Ему не нравится, видимо, что я убрал всю выспренную безвкусицу, декламацию, сантиментальность и ошеломляющие красивости[1038].

Разговоры еще впереди, но разговорики уже были. А я-то думал, что буду кончать работу под

[1038] Примечания: 1038

Екатерина Короткова-Гроссман в своих воспоминаниях писала: «В результате перевода из шестидесяти листов романа осталось сорок восемь. Кочар несколько скис, а отец возмущался: „Подумаешь, сократил на двенадцать листов. Я ведь сделал немалое дело: ввел его книгу в сферу русского литературного языка“» (Короткова-Гроссман 1993а: 236).

восторженные крики. Какое там! А работаю, по-прежнему, как вол, буйвол и ишак. Думаю, что закончу к концу месяца (декабря) и тотчас поеду к морю — хочется скорей, скорей уйти от этой с каждым днем все более тягостной для меня работы, — тягостной и умственно, и физически, и морально. Уйти и не возвращаться, если судьба позволит. Теперь еще трудно точно предвидеть, когда я закончу работу, но думаю, что после 20-го. Напишу об этом еще, а подробней, когда уж станет ясно, точней — ближе к концу.

Как бы еще машинистки не подвели — их 3, но, знаешь, одна болеет, другая на 5 дней уезжает в Баку к сестре, третья женит сына.

Да и я с каждым днем чувствую все большую усталость.

Вчера сделал отдых — работал с раннего утра до 11 ч. (утра), и затем поехали в Дилижан — слыхала ли ты о таком городе? Ах, Катюшенька, как я жалел, что тебя не было со мной, сколько раз говорил тебе: «Посмотри, посмотри, посмотри!» Было на что глядеть — мир был так прекрасен, такие белые, розовые горы, такое фиолетовое озеро Севан (мы мимо него проезжали), такие горные леса сосновые, такой милый, странный, совершенно из иного, не нашего мира — город

Дилижан. К нему нет железной дороги — он какой-то совсем необычайный, весь на крутой горе, деревянные дома в балкончиках и сосны, сосны кругом. А какие там деревни, какие картины сельской жизни! И закончили все это на берегу горной реки, где наш шофер зажарил шашлык из розовой севанской форели. А вернувшись, я снова сел работать до ночи, а ночью себя плохо чувствовал — сердце гуляло, — тут, я думаю, сыграло роль, что ехать пришлось через перевал 2300 метров туда и обратно, да и здесь все же 1850. Пить я здесь не могу — чувствую себя плохо даже от 2 рюмок коньяку.

Сегодня же снова вкалываю с утра до ночи, и не хочу я розовых гор и розовой форели, а хочу свое разбитое корыто. Не буду я ходить в ремесла, лучше буду чернушку кушать. Хочешь чернушки?

Катюшка, милая моя, ты меня насмешила и напугала пожеланием мне: быть овечкой. Худо барашкам в Армении — столько их тут режут! Столько я видел содранных кровавых овечьих шкур, отрубленных голов, распотрошенных барашков, что не дай бог стать овцой. Уж пожелай мне быть ишаком — его не едят, а только бьют, притом он упрям и может тянуть тяжело в гору — все это нужно русскому писателю. Кроме того,

ослы очень милы — писаные красавцы. Верно, они очень славные.

Катюшенька, несколько дней нет писем от тебя, и я не знаю о тебе, о твоей жизни, здоровье. Звонила ли ты Кларе? Так она мне и не ответила на письмо: пропало ли письмо, здорова ли она?

Моя славная и хорошая, пиши мне, крепко целую тебя.

Твой Вася.

Как здоровье Наташи, что у Екатерины Ивановны? Что делает тигроподобный кот?

29 ноября 1961 г.

Тут, между прочим, какое-то сорочье царство — никогда я не видел такого количества сорок — скачут перед носом, кричат, качаются на ветках. Птица нахальная, неверная, но с характером особым.

Говорила ли ты еще с Сёмой? Последнее письмо его какое-то очень тоскливое, тяжелое, — видимо, очень волнуется перед определением срока Нининой операции. Жалуется на сердце.

Не болей, Катюша. Целую тебя еще раз.

В.

41

3 декабря [1961, Цахкадзор]

Дорогая Катюша, ты пишешь в последнем своем письме, что получила только два моих письма, а я пишу уже седьмое письмо, — значит, так медленно идут письма из Цахкадзора, потому что не представляю, чтобы столько писем моих пропало. Ясно уже, что первое письмо пропало, а остальные дойдут, доплетутся. А может быть, они уж дошли, но я еще не получил твоего письма, извещающего об этом.

Катюша, очень было мне дорого твое последнее письмо, с маленькой живой звездочкой, приклеенной к странице. Как чувствуешь себя сейчас, прошел ли окончательно твой грипп, как глаз, не осталось ли каких-нибудь осложнений? Очень прошу тебя, береги себя, родная моя.

Я продолжаю работу, работаю так же напряженно. Уже виден берег, и это очень хорошо. Теперь уже очевидно, что где-то между 20-м и 25-м я работу закончу, и, если не возникнет каких-нибудь неожиданных внезапностей, поеду к морю. Я очень устал. Знаешь, у меня вдруг к вечеру какие-то синие пятна на лбу выступают, думаю, от усталости.

Когда ты поедешь к сестре? Мне кажется, что самое простое, чтобы ты с ее помощью или без ее помощи сняла комнату и написала бы мне, вернее, телеграфировала. А может быть, в Сухуми — как ты смотришь? В общем, время еще есть, подумай, напиши, как кажется тебе удобней? Как проще, лучше?

Получил наконец письмо от Клары, большое, трогательное, полное тепла. Я ей написал второе письмо за день до того, как получил письмо от нее. Она пишет, что ты звонила ей.

Последние дни уж никуда не ездил, работаю. Мне неприятно — я уже писал тебе об этом, — что мой работодатель даже спасибо мне не говорит, а можно бы рабочему, да не такому уж молодому и работающему по две упряжки в день хоть разок сказать спасибо. Ну ладно, это ведь случай в жизни, занял он 4 месяца. Индо еще побреду[1039].

Но кормят рабочего хорошо. Вот директор опять

[1039] Примечания: 1039

Гроссман цитирует слова протопопа Аввакума: «И я говорю: „Марковна, до самыя до смерти!“ Она же, вздохня, отвещала: „Добро, Петрович, ино еще побредем“» (Аввакум 1960: 78). О том, какое впечатление произвело на Гроссмана чтение протопопа Аввакума, писала его дочь: «В один из последних моих приездов он только что дочитал „Житие“ протопопа Аввакума и был полон восхищения и произведением, и личностью автора. В молодости непримиримый атеист, он с годами с уважением и большим интересом относился к людям искренней, горячей веры» (Короткова 2009: 141).

съездил сегодня на Севан — привез форели. И много видел я. Вот только со здоровьем тут подгулял малость.

На высокой горе здесь чувствую себя лучше гораздо. Воздух очень хорош — дышать им наслажденье. Стало теплее, термометр почти на 0°. А днем на солнце бывает 9–12° тепла.

Зашел в деревенский дом. Старуха-крестьянка пекла лаваш — очаг в виде огромного полого кувшина, в земле, под полом. Дым выходит в комнату. Когда внутренность тундура — печки этой — раскаляется, тонкие листы теста с помощью выпуклого приспособления — вроде щита — пришлепываются к раскаленному камню. Через минуты две старуха отлепляет от камня горячий испеченный лаваш.

Оказывается, некоторые крестьяне пекут лаваш на целый год, а перед едой опрыскивают его немного водой. Удивительно красивыми плавными движениями кусок теста превращает женщина в тончайший лист. Она не раскатывает тесто, как у нас делают это на доске с помощью качалки, а подбрасывает его вверх и ловит руками, и, падая на ее руки, тесто делается все тоньше и тоньше. Движения рук удивительно красивы, как музыка.

А старуха была веселая, смеялась, ей было приятно, что смотрят, как она печет лаваш. Маленькая девочка принесла в блюдечке острого деревенского сыра, и я, плача от дыма, ел горячий лаваш, заворачивая в него кусочки сыра. И старуха смеялась, и девочка смеялась, и сын старухи носатый, с небритой черной щетиной смеялся. Здесь люди очень гостеприимны, и гостеприимство их приятней грузинского — проще как-то, без парада и позы, человечней.

Катюшенька, милая, пиши мне, отвечай на мои деловые вопросы. Кстати, подумал я, времени не так уж много — письма идут очень медленно.

Целую тебя крепко, моя милая и хорошая.

Твой Вася.

3 декабря

Катюшенька, это письмо отправлю из Еревана, сейчас поеду на автобусе, — оно, наверное, пойдет быстрее, чем те, что отправляю из Цахкадзора.

42

7 декабря [1961, Цахкадзор]

Дорогая Катюша, пишу тебе вечером, в тихом пустом доме.

Вот сообщаю тебе хорошую новость — сегодня закончил перевод, поставил точку. Я и не думал,

что эта работа меня так вымотает. Правда, не надо было гнать ее — от темна до темна. Но если б я не гнал, то работа бы растянулась, и это бы меня вымотало бы еще больше, — очень уж стало мне невыносимо.

Теперь докладываю тебе — переведено 1420 страниц. Первый том — 690 страниц весь — уже у машинисток. Второй надо вычитать и перепечатать. После этого остается прочесть всю рукопись после машинки и поставить точку. В предыдущем письме писал тебе, что предполагаю все закончить между 20 и 25 декабря. Жду с нетерпением твоего письма, надо нам уже договориться, когда ты едешь к сестре (кстати, какой у нее адрес), как и где встретиться. Я уже писал, что лучше всего было бы мне приехать, когда ты доберешься до сестрицы. А может быть, добраться мне до Сухуми, а оттуда уже ехать к тебе в Сочи, либо тебе приехать от сестры. В общем, я очень соскучился по тебе, очень хочу видеть тебя, с нетерпением жду твоего письма. Надо все уточнять уже.

Последнее письмо твое получил 3 декабря, оно коротенькое, ты пишешь, что масса дел у тебя скопилось, так как болела. А что со здоровьем у тебя, поправилась ли совсем, как чувствуешь себя сейчас? Пишешь, что без наших прогулок захирела.

Вот видишь, родная, моя хорошая, мы так давно не виделись, ведь ты уехала в Ленинград в конце октября, а сейчас уже декабрь! Одна мысль о том, что мы увидимся, делает меня счастливым.

Катюшенька, тут было у нас развлечение — три дня назад в 10 ч. 30 вечера произошло землетрясение — длилось 30 секунд. Ужасное чувство растерянности и беспомощности, когда пол дрожит, шатаются стены, скрипят двери. Во вчерашней газете ереванской было написано, что землетрясение было местное — силой в 5 баллов.

Погода стоит прекрасная — снег стаял, небо голубое, яркое солнце, замечательное соединение легкой прохлады горного воздуха и солнечного тепла. Ночью маленький морозец — 5–6°.

Катюшенька, так мне было хорошо сегодня закончить перевод, ведь это главная, самая выматывающая и самая трудоемкая работа — и хоть вычитки еще много мне осталось, но это совсем не то, знаешь, такое хорошее чувство освобождения, ведь как-то и внутренне себе не принадлежал в это время. Хоть и разбили мне мое корыто, но я ничего не хочу, кроме своего разбитого корыта.

Не знаю еще, что у Сёмы, как решилось с Ниной — когда операция? Легла ли она уже в больницу?

Очевидно, сегодня или завтра получу от него письмо. А Яша остался дома — это очень хорошо, хорошо и для него, и для Нины, ей, вероятно, очень горько было бы с ним расстаться, не зная, доживет ли она до его возвращения.

Напиши мне о себе подробно, прежде всего, как чувствуешь себя, что твои головные боли?

Как Наташа? Мне очень хочется, чтобы у нее в жизни стало хорошо.

От Кати имел одно письмо, ох, дочка, не спешит узнать, как отец, жив ли в далеких краях?

Я тебе не писал о том, что побывал в Ереванском зоопарке — давно уже, еще до переезда в Цахкадзор. Зоопарк на горе, над Ереваном. Звери смотрят из клеток на дикую гору, в обломках скал, осыпях, колючках — и от этого им не легче, а тоскливей, тяжелей. Животные очень беспокойные — многие кричат, зовут. Я тебе расскажу, писать трудно об этом — впечатление странное, тяжелое, совсем не такое, как в Московском зоопарке.

Катюшенька, с нетерпением жду письма, пиши подробно на мои вопросы.

Крепко тебя целую, моя хорошая, Катюша.

Твой Вася.

7 декабря

43

13 декабря [1961]

Дорогая моя Катюша, получил одновременно твоих два письма и телеграмму поздравительную. Спасибо, моя родная, спасибо Наташе, пусть будет здорова, тревожит меня то, что пишешь о ее t°. Мне было приятно, что мои армянские письма ей интересны. День рождения прошел грустно — я пошел с утра по горной дороге, думал о маме. Потом ночью ходил по пустынному поселку, снег выпал, небо было очень ясное, и снова думал о ней.

Тут о моем рождении мой работодатель и сопереводчица узнали заранее, — вычитали в книге в биографии дату рождения. Я тревожился, что они закатят мне пир, но тревога была напрасной. Работодатель уехал в Ереван накануне, пира не было. Я купил бутылку коньяку, на ужин был пирог с яблоками. Пили чай — сопереводчица, 90-килограммовая Асмик (а ростом она ниже Сёмы нашего на голову), уборщица Роза — очень милая и грустная, ее муж-шофер сидит за убийство; истопник Иван, молоканин, сорокалетний огромный мужик, сын пресвитера — молоканского главы; и старик-сторож — глухой Арутюн

— у него пять сыновей — один убит в драке, другой сидит за убийство в драке, третий уехал на целину и пропал без вести, четвертый ударил отца (этого самого Арутюна) ножом — и они оба недавно вернулись — отец из больницы, сын из тюрьмы, и, наконец, пятый, меньшой, как Алеша Степанов[1040]. Самые грустные, тоскливые глаза, которые я видел в своей жизни, — это глаза старого Арутюна, — боже, сколько в них безнадежной тоски. Но зато уж когда он улыбается, какая милая у него улыбка. А вчера он улыбался и пил чай с пирогом.

Разговор был о молоканах, о прыгунах. Молокане не признают креста, и Иван мне с важностью объяснял, что детей они не крестят, а кстят — старики пьют чай и благословляют новорожденного, «одним словом, ставят его в этой жизни на учет». В воскресенье пойду в молельню, хочу послушать.

Катюшенька, теперь пишу тебе о делах — ты что-то перепутала, или я не так написал.

В общем, слушай внимательно. Я кончаю работу к 25-му. Однако не уверен, что к этому дню

[1040] Примечания: 1040

Алеша Степанов — сын литературоведа Николая Леонидовича Степанова (1902–1972) и его жены Лидии Константиновны, соседей Гроссманов и Заболоцких по Беговой улице.

получу деньги в издательстве и договорюсь обо всех технических, редакционных делах. Все это может затянуться еще на 2–3–4 дня. Поэтому, я думаю, сделаем так: встречайте с Наташей Новый год в Москве — по нерушимой традиции, и сразу же после Нового года выезжай к сестре — лучше самолетом, это всего 2 часа. Я думаю, что к 1-му поеду в Сухуми — и нам надо заранее договориться о том, где встретиться. Я перед выездом, вернее, когда закажу билет, дам тебе телеграмму — после этого ты мне уже пиши, телеграфируй, не в Ереван, а Сухуми — почтамт. Я не знаю ведь и адреса твоей сестры — словом, устрой так, чтобы 2–3-го быть у сестры, не позже. Вот, и чтобы я знал заранее твои координаты. Ну а когда будешь у сестры, а я в Сухуми — мы в тот же день по телеграфу сговоримся и встретимся. Тут я заранее не могу сообразить — мне ли приехать к вам в Сочи, тебе ли в Сухуми — ведь ходит электричка. Я уж писал тебе в последнем письме, что мне хотелось бы к тебе приехать, но ты мне еще не ответила на это письмо, а я уже пишу, не получив ответа, — и уже сдаю позиции. Очевидно, Новый год я проболтаюсь в гостинице, в одиночестве, без тебя. Ну ладно, ладно, — скажу тебе, что так все же легче, чем на Беговой, когда

ты рядом и все же нет тебя.

Если ничего не случится неожиданного, мне хочется побыть на берегу моря 2–3 недели, но один я сидеть там не буду, т. е. без тебя — и дня не хочу.

Катюшенька, моя милая, помоги в этом — подумай, сообрази все, — я до того устал, задерган, замучен, да к тому и болен, теряюсь от малейших неурядиц, что ты уж, родная моя, сделай так, чтобы от тебя пришли ко мне ясность и успокоение.

Значит, вот: пиши мне на Ереван, пока не получишь моей телеграммы о выезде и перемене адреса на сухумский. Ну вот, и главное, это чтобы подготовить тебе заранее отъезд без задержки — в сроки, о которых говорю. И держи меня в курсе, а я жду твоих писем и тебя, гоню работу, томлюсь сильно от этого своего бытия, мне оно очень тяжело, раздергивает меня. Если возникнут какие-либо изменения, я тотчас напишу, телеграфирую. Ну вот, как будто все.

Насчет Поли, что ее задерживают в декабре, мне кажется, ты ошибаешься. Наоборот, получше было бы именно в январе не бывать ей, но она нужна, ты пишешь, вести хозяйство.

А Лида? Да, почему ты ни разу не напишешь, как жизнь идет: Лида, Никита, Наташа, есть ли

трения, все ли благополучно, как с тобой у них отношения? Ладно, расскажешь, когда увидимся.

Целую тебя, моя хорошая, родная, крепко целую.

Твой Вася.

Господи, да неужели увидимся и вместе будем смотреть на море.

13 декабря

Теперь не деловая часть, а, как пишут в повестках собраний, — разное.

Представь, вдруг вручили мне твою пропавшую ленинградскую телеграмму — около месяца она где-то пропадала. Может быть, и мое письмо первое дойдет. Все, что ты написала мне, дошло теперь.

Получил поздравления от Сёмы, от Кати, Клара прислала письмо, с Беговой от О⟨льги⟩ М⟨ихайловны⟩ и Феди.

Катя пишет об Алеше — он знает много слов; Катю приняли в групком. Письмо ее очень холодное, пустое, вымученное какое-то. Клара пишет о Грише, Вите, Дуне. Сёма написал письмо мне и телеграмму прислал, Нина уже в больнице, письмо спокойнее несколько, предыдущее было какое-то безумное, нехорошее.

Меня то раздражает, то смешит мой рабо-

тодатель — правда, все больше раздражает и все меньше смешит. Он очень важный, очень влюблен в себя, строит дачу из розового туфа, собирается закладывать персиковый сад, строит квартиру грандиозного размера, ну и конечно, борется за все разумное, доброе, вечное, за правду.

Катюшенька, очень ясно себе представил нашу комнату — темное окно, стало грустно, представил тебя — бежишь, бежишь… В каком пальто ходишь сейчас? В каком поедешь? Ну вот — последний вопрос опять о деловом нашем — оно и в начале, и в конце. Милая моя, хорошая, чего это ты пишешь, что страшно показываться мне, — ты ведь знаешь, для меня ты самая красивая. Еще раз крепко целую тебя. В.

44

18 декабря [1961, Цахкадзор]

Катюшенька, милая, письма твоего ответного на мое деловое еще нет — пишу «просто так». А деловое уже у меня ясно, завтра получу последние страницы от машинисток — к концу месяца справлюсь со всеми техническими делами и выезжаю в Сухуми. Как только куплю билет, дам тебе телеграмму, а дальше, детонька, не надо будет нам почт — и все не верится, до того мне

кажется это хорошо, до того не в плане тяжелой, трудной жизни.

Пока ты пиши на Ереван, я уже тебе объяснял, что дам телеграмму: тогда уж адрес переменится. С нетерпением жду письма твоего, Катюшок, чтобы все уж было окончательно ясно и договорено. Мое письмо, где подробно пишу обо всем, — послано 14-го, значит ты его получила. Не задерживай ответа, в общем, готовься в путь.

Я путевку свою продлил, очевидно, пробуду здесь, в Цахкадзоре, до числа 24-го, а затем перееду в Ереван, в гостиницу — там проживу до отъезда к морю, поскольку последние дни у меня будут связаны с городом, и заказывать билет, и все такое, — издательство, получение денег и пр.

Очень мне понравилась история со свиристелями-птицами, но, знаешь, я совсем их себе не представляю, возможно, не видел их никогда.

А я вчера утром видел ласку крошечную, как молния быстрая, похожа на шерстяной вопросительный знак. Носилась по двору, прыгала на стенку, я долго на нее смотрел.

А сегодня под моим окном на дереве сидел дятел, большой, черно-белый-красный — долбил вовсю. А сорóк — миллион, кричат, нахальничают, скачут повсюду. Сегодня немного похолодало,

но солнце светит и, когда нет ветра, чувствуется его тепло. Кутя, очень я видеть тебя хочу.

Получил письмо от редакторши Ивановой, издательство сняло 4 рассказа, те, что именно я хотел особо напечатать, — все делают прямо противоположно моему желанию[1041]. Я написал ей — пусть так уж сдают книгу, спорить, находясь за 3 т. километров от Москвы, нельзя, а в Москву я приеду нескоро. Ну, бог с ними.

Теперь с переводом своим я делаю чистую работу — читаю страницы, пришедшие с машинки, — мне кажется, что книгу мне удалось ввести в сферу русского литературного языка. Автор, к сожалению, видимо, этого не понимает[1042]. Что ж поделаешь.

Что Наташа, как здоровье ее, что сказали врачи? Дай бог, чтобы все было хорошо.

Все боюсь каких-нибудь внезапностей, болезней, которые могут помешать поездке. Но ничего, ничего, бог даст, обойдется, ну и в случае чего — ты меня полечишь. Ты только, Катюшенька,

---

[1041] Примечания: 1041

Речь о сборнике рассказов «Старый учитель», вышедшем в издательстве «Советский писатель» в 1962 году (Гроссман 1962с). См. также письмо Ольге Губер от 13 октября [1961 года] (с. 645).

[1042] Примечания: 1042

См. об этом примеч. к письму Екатерине Заболоцкой от 29 ноября 1961 года (с. 750).

береги себя, будь здорова — не простуживайся, не носись с утра до вечера по улице — в Москве ведь зима.

18. XII. Пишу продолжение письма в Ереване около почты — только что получил твое письмо, написанное 12-го. Я очень счастлив, моя родная, моя любимая, — значит, все ясно — уже в первые числа января увидимся наконец. Ты спрашиваешь — где, в Сухуми или в Сочи? Мне тут сразу трудно сообразить на почте — ясно то, что встретиться надо там, где быстрей всего увидимся — наверное, Сухуми? Пиши, родненькая, пока на Ереван. Какой-то суеверный страх меня охватил — настолько счастливой мне кажется эта встреча, боже, неужели будет это?

Вот сейчас ехали из Цахкадзора, и наша машина налетела на другую — Кочар стукнулся головой об стекло, Асмик толстая возвопила, а я как ванька-встанька; пришлось пересесть на другую машину — наша помята, доехал до почты, получил твое письмо, перечитываю его и думаю: а ведь могло всех нас в этой машине помять, как же мы с Катюней могли бы ходить по берегу моря? Ну вот, судьба милует.

Моя любимая, пиши мне, еще две недели нам переписываться, а там мы будем вместе и не надо

будет писем — да и не скажут того письма.

Крепко, крепко тебя целую, моя любовь.

Твой Вася.

18. XII.

Из вещей ничего не надо — белье, носки, все есть, прачка исправно все стирает. Буду писать часто. Помнишь нашу стирку на Ломоносовском?

45

23 декабря [1961, Цахкадзор — Ереван]

Моя дорогая Катюша, пишу на смятом листе бумаги. Переезжаю сегодня из дома творчества в Ереван, — чемоданчик уже уложил, поэтому и пишу на смятой бумаге — листочек, оставшийся на столе.

Грустно уезжать из этого тихого горного поселка и в то же время радостно — потому что ближе к нашей встрече.

Последние дни был буран, все тонет в снегу, молочная мгла стояла в воздухе, улицы занесло снегом, по улицам этим так редко ходят — больше дети, идущие в школы, да овечки, да женщины за водой, к колонке, да армянский дядька, идущий выпить стаканчик в кабачок Карапета-аги.

А сегодня утром буран прекратился, видны

далекие горы, лес, поселок, древняя церковь — весь маленький мир, такой красивый и тихий, с которым я через час расстанусь — по-видимому, навсегда.

Вечер последний был очень интересный, — я был в гостях у пресвитера молоканской сельской общины — большая семья, русые дети-внуки, старуха, молодая, сын Иван и сам старик — Михаил Алексеевич, русская изба, тесно, икон нет. И странное чувство — ближе к богу, чем в прекрасных покоях просвещенного и умного патриарха-католикоса всех армян Вазгена I, где пил кофе и беседовал о Достоевском и Толстом.

Детишки сидят на русской печке, — смотрят на взрослых. Старик объяснял, как надо жить по-божьи, — так это просто и хорошо, и так трудно — идут тысячелетия, а все люди не могут прийти к этой ясной простоте. Пили мы чай с вареньем из черной смородины. Женщины — старая и молодая — в разговоре участвуют свободно, говорят умно.

А про сына своего Ивана старик мне сказал: он отходит, жестокий он, и Иван улыбнулся виноватой улыбкой.

Мне захотелось эту страничку написать тебе перед отъездом из Цахкадзора. А продолжение

письма напишу через несколько часов в Ереване. Вот, дорогая моя, пойду погляжу в последний раз на этот милый мир.

23. XII. 3 ч. дня. Продолжаю писать тебе уже в Ереване, в той же гостинице, что и жил, но этажом ниже. День тусклый, дымное небо, ленивый снежок тает на мостовой. В комнате пахнет кухней, даже мой нос чует.

Был на почте — получил письма: твое, Сёмы, Кугеля.

Катюшенька, теперь о наших делах. Сегодня суббота, послезавтра, 25-го, пойду в издательство — тогда станет ясно, когда выплатят деньги, я тебе тотчас же сообщу — видимо, это главная задержка. Рукопись уже перепечатана.

Работы осталось на несколько дней, очевидно, закончу ее 27-го, крайний срок 28-го, в этот же день сдам рукопись издательству.

Думаю, что Новый год пробуду в ереванской гостинице и выеду, очевидно, 1–2-го — езды тут до Сухуми часов 17. О всех подробностях встречи сговоримся окончательно по телеграфу. Я очень волнуюсь — почему-то все боюсь, что мы разминемся, будем искать друг друга. Надо обо всем заранее договориться будет. Во всяком случае, в понедельник (25-го) узнаю, когда получу

деньги, — деньги в издательстве есть, люди там крайне любезны — поэтому, думаю, задержек не будет.

Сёма подробно пишет об операции, которую перенесла Нина, волнуется, что естественно и понятно. Дай бог, чтобы все было хорошо, чтобы страдания ее прошли недаром. Он пишет, что его трогает твое внимание к нему. Мне это приятно.

Кугель описывает свою поездку в Ленинград и посещение музеев, пишет, что был у Шуры Ниточкина на рождении — праздник был пышный.

Катюшенька, меня прямо-таки лихорадит от того, что приближается день поездки к морю, — скорей бы окончательно уточнить все.

Напишу в понедельник — 25-го — т. е. послезавтра. Целую тебя крепко, моя родная.

Твой Вася.

23. XII

Вот на 60 километров стал я к морю сегодня ближе.

О самолете надо узнать заранее, — если очень неверно из-за погоды, то не стоит, может быть. Но, с другой стороны, заманчива быстрота, да и 2 ночи в душном вагоне тяжелы.

46

27 декабря [1961, Ереван]

Дорогая Катюша, вот наконец и совершилось событие — я кончил работу, поставил точку. Вчера вечером все материалы перекочевали к Кочару, а затем отправятся в издательство.

Вся деловая часть теперь уточнена — и сроки согласования рукописи с автором, и оформление денежных дел. Выезжаю я из Еревана 3-го, значит 4-го буду в Сухуми. Билет закажу (куплю) 30-го, когда билет будет у меня — дам тебе телеграмму.

Ты телеграфируй мне в Ереван, — ведь я уеду 3 января (поезд уходит вечером), — когда выезжаешь, какими «средствами передвижения». Для Поли и соседей ты поезжай к сестре, т. к. на Беговой знают, что еду в Сухуми. Еще не решил — в гостинице остановиться, или комнату нанять сразу, или, когда приедешь, вместе это сделаем, решим.

Перед выездом телеграфируй в Сухуми.

Думаю, что правильно решила надеть осеннее пальто, только не рыжее, ты ведь знаешь, я его не очень люблю. Но если удобней в нем, то, конечно, езжай в рыжем. Захвати коричневые нитки — штопать меня — костюм, который мы с тобой

купили, стал расползаться.

Ну вот, получение этого письма подтверди — как говорят деловым языком — телеграммой в Ереван.

На этом деловую часть письма заканчиваю. Господи, как хочется, чтобы этой нашей поездке не помешали никакие случайности, неожиданности, болезни, беды. Хорошая ты моя, родная.

Теперь опишу тебе поездку, которую совершил 3 дня тому назад, — замечательную.

Кочар пригласил меня на свадьбу своего племянника в деревню — сын его старшей сестры, шофер.

Деревня в 60 км от Еревана, на склоне Арагаца, деревня без новых строений, старинная, каменная.

Мы приехали утром, перед домом жениха толпа крестьян стояла. На трех машинах грузовых поехали за невестой — это 24 километра по каменной, очень мрачной, суровой горной дороге. Жених, шафера, кум — это главный хозяин свадьбы — с красными повязками на рукавах. Приехали в деревню к невесте — музыканты забили в барабаны, пронзительно и очень красиво заиграли свирели. Невеста, милая девушка, плачет горючими слезами — она в белоснежном

платье, белом венце, в фате. Начался пир, — старики, молодые, музыка, барабан. Но этот пир короткий. Затем невесту выкупили — дают мальчишкам, окружившим двери, деньги.

Затем все танцуют перед домом, начинают выносить приданое, несут танцуя. Идут девяностолетние старики, несут одеяла, подушки, стулья и танцуют. Дядьки несут шкаф, никелированную кровать, швейную машину. Выводят невесту, она плачет, плачет искренно, на лице печаль, печаль, уходит от матери и отца. Когда невесту выводят, ее младший братик, мальчик лет 14, как бы в отместку за то, что уводят сестричку, бросается к одной из женщин, сопровождающих жениха, и целует ее, вернее, пытается поцеловать. И тут его бьют, и бьют жестоко, — лицо его было в крови. Грубо, но трогательно — на глазах его слезы, рожица в крови, — и он так печально смотрит на плачущую сестру.

Невесте мать дает белую тарелку, красное яблочко и белую курицу.

Всю дорогу до деревни жениха в машинах пляшут, размахивают кинжалами, на которые насажены яблоки, машут кусками хлеба, бутылками, бьет барабан, музыка.

Уже стемнело, когда мы приехали, — остано-

вились на околице и под музыку стали обходить дома родичей, дом кума — перед каждым из этих домов стол на улице, накрытый — на столе шашлык, лаваш, овечий сыр, конфеты, водка. А над головой звезды. А невеста плачет. А жених серьезен, хмурый, с красной повязкой.

Затем всю ночь пировали в сельском клубе, было 200 человек гостей. Кум от себя купил 70 кило шоколадных конфет. Много виноградной водки — и вина — своих.

Пир замечательно красив — прекрасные старинные песни, большей частью грустные — о страданиях влюбленных, о страданиях народа. Красивая старинная музыка. Потом свадебный танец — очень поэтичный, медленный, танцуют его и старики: хоровод, и у каждого танцующего в руке зажженная свеча.

Прекрасные речи говорили старики-крестьяне, говорят не только о свадьбе, а философствуют о судьбе народа, о правде, о прошлой жизни.

Многие и ко мне обращались с речами, и я услышал от старых пастухов, шоферов, сельских каменщиков прекрасные, добрые слова сочувствия к страданиям и мукам еврейского народа, пережитым во время войны. Меня это глубоко, глубоко тронуло, впервые я слышал такие доб-

рые речи…

Ночью ехать было поздно. Мы заночевали в деревне. Я спал в доме, просторной, прохладной комнате. Хозяин моложе меня на 3 года — у него 12 детей, все живы, и все обожают самого маленького, черноглазого, курчавого, в рубашечке — каждый раз кто-нибудь подбегает к нему и целует его то в ножку, то в щечку, а он брыкается.

Гостю большой почет в доме — молодая женщина вдруг стала на колени и сняла с меня туфли. Все следят, чтобы предупредить любое движение гостя. Я не мог сам ни шарфа надеть, ни пиджака, ни пальто.

А утром видел молодую — с тем же печальным лицом она прислуживала за столом родителям и родственникам мужа, те с нарочитой суровостью принимали ее услуги. Милая такая, грустная девочка, а руки большие, крестьянские, загорелые, много они еще наработают.

Ну вот, Катюшенька, ты «деловую» часть письма читай внимательно, не спутай ничего.

Передай привет Наташе, очень рад, что со здоровьем у нее благополучно. Поздравляю с Новым годом! А тебя хочу поздравить не в письме.

Целую тебя крепко.

Твой Вася.

27. XII

47

30 декабря 1961[1043]*, Ереван*
МОСКВА ХОРОШЕВСКОЕ ШОССЕ
2/1 КОР 3 КВ 25 ЗАБОЛОЦКОЙ
ЕКАТЕРИНЕ ВАС
ПОЗДРАВЛЯЮ С НОВЫМ ГОДОМ РАБОТУ ЗАКОНЧИЛ ТРЕТЬЕГО ЕДУ СУХУМИ ЖДУ ВЕСТЕЙ ЦЕЛУЮ ВАСЯ

в Гурзуф, октябрь – ноябрь 1962

48

27 октября 1962, [Москва]
Дорогая Катя, получил твою телеграмму, рад, что хорошо доехала и решила остаться в Гурзу-

[1043] Примечания: 1043
Эта телеграмма отправлена 30 декабря 1961 года, а получена в Москве только 3 января 1962-го.

фе[1044].

Отдыхай, пожалуйста, хорошо, не волнуйся о Москве, сиди у моря и читай «Моби Дика» — мне кажется, что читать эту книгу и поглядывать на море — наслаждение. Не отказывай себе в нем.

Наташу вчера видел впервые после твоего отъезда, она поздно возвращалась в предыдущие два дня с работы.

Выглядит она хорошо, мне кажется, что несравнимо спокойней, чем в предыдущие дни, и голос другой даже — мягкий, спокойный. В общем, впечатление хорошее. Телеграмму твою она получила.

Вчера ко мне приехал Твардовский — был очень хорош, и разговоры были хорошие, оптимистичные, и вообще, и касательно меня. Говорили долго, сейчас он уезжает, очевидно, на несколько недель и хочет по возвращении продолжить этот разговор. Но пока, конечно, ничего конкретного, а только «вообще». Но ты-то понимаешь, что и «вообще» не мало для меня.

[1044] Примечания: 1044

Екатерина Гроссман гостила в Гурзуфе у Ирины Николаевны Медведевой-Томашевской (1903–1973) — литературоведа, вдовы Бориса Викторовича Томашевского. О дружбе семей Заболоцких и Томашевских Медведева-Томашевская рассказала в своей книге «Таврида. Земной Элизий. Екатерина II, Пушкин, Лихачев и другие» (Медведева-Томашевская 2020); см. также: Чуковская 1999: 9.

Конечно, водки не хватило, и мы отправились к Заксу[1045] — по дороге на минутку зашли к Наташе. У Наташи был Коля Каверин — и хотя мы пробыли там не больше минуты-двух, могу тебе сообщить свои наблюдения — Наташа была мила, спокойна, ровна, но, мне показалось, не оживленная. Коля мне показался очень худым, осунувшимся. Глаза у него были грустные, печальные; был он взволнован, взбудоражен. Но может, и не так — ведь видел я их минуту только, да и был сильно выпивши.

Может быть, Наташа тебе напишет подробней. Мне хочется верить, что наладится у них.

А мы пошли к Заксу — вот тебе поглядеть показательную однокомнатную квартиру, — маленькую кухоньку ухитрились превратить в нарядную «гостиностоловую». А комната вся из подвесных польско-финско-немецких изысков.

Я сказал хозяевам, что все хорошо устроено, но когда придет время помирать — негде будет.

Там уж Твардовский нагрузился окончательно и выдал мне такого фимиаму, что уж дальше буквально некуда. Эх, был бы я помоложе — порадовался бы, а то не в коня корм.

[1045] Примечания: 1045

Гроссман пишет эти письма из квартиры на Красноармейской, Закс был его соседом и жил напротив. Об этом см.: Закс 1980: 360–362.

Заключительную часть мы провели, сидя на строительных камнях, и, как полагается мастеровым людям, клялись в дружбе и лили слезы.

Ты не сердись, Катюшенька, это все «так», и суть ведь была важная, ее-то мы не пропили, о ней расскажу, когда приедешь.

Родная моя, хорошая, отдыхай, набирай силы, здоровья.

Любимая моя, целую тебя.

Твой Вася.

Передай привет Ирине Николаевн⟨е⟩.

Жду писем твоих!

27 октября 1962

49

30 октября 1962, [Москва]

30 окт. 62

Дорогая Катюша, пишу несколько слов. Получила ли мое письмо? Вчера Наташа послала тебе письмо. Писала, говорит, при свече. От тебя писем пока нет.

Вчера весь вечер просидел у Наташи, она очень трогательно кормила и поила меня, — я ей сказал, что похож на медведя, который пришел к маленькому медведику из сказки и съел и выпил все, что было в маленьких чашечках.

Наташа была спокойна, оживлена, разговорчива. Возможно, на праздник поедет во Владимир с Валей. Потом сказала, что, может быть, какие-то обстоятельства ей помешают совершить эту поездку — по-видимому, какое-то приглашение московское. Мы хотели заключить с ней пари, дочитаешь ли ты «Моби Дика» в Гурзуфе, но, так как оба сошлись на том, что не дочитаешь, пари не состоялось.

У меня новостей нет, наступил период нормального штиля (но, кажется, не мертвого). Зашевелилась «Неделя», возможно, договоримся о двух маленьких рассказах[1046].

Катюшенька, отдыхай хорошо, не волнуйся, посиди побольше у моря, об этом тебя просят четвертый и первый этаж[1047], хотя по тебе скучают сильно оба эти этажа.

Есть и плохая новость — Федина Леночка заболела скарлатиной, в больницу ее не дали, лежит дома. У Сёмы все кружится голова.

С нетерпением жду писем твоих, очень, очень

[1046] Примечания: 1046

Эта публикация так и не состоялась. О том, как Анна Берзер пыталась напечатать в «Неделе» отрывок из «Добро вам!», см.: Берзер 1990: 260–262.

[1047] Примечания: 1047

Квартира Гроссмана в доме на Красноармейской была на четвертом этаже, а Заболоцкой — на первом.

мне хочется, чтобы ты окрепла, почувствовала себя лучше.

Целую тебя крепко, все время скучаю по тебе, скучать начал с первого же дня, беда, да и только.

Твой Вася.

Пишу тебе, а воробей поглядывает в окно с балкона и спрашивает: «А добавок будет?»

50

1 ноября 1962, [Москва]

1 ноября 62

Дорогая Катюшенька, получил твое письмо. Оно очень обрадовало меня. Рад я, что тебе хорошо в Гурзуфе, что хорошо встретила тебя И⟨рина⟩ Н⟨иколаевна⟩, что тебе спокойно, смотришь на море.

Отдыхай, моя родная, набирайся сил, ведь ты же совсем была измотана перед отъездом. Не забирайся на крутые горы, не падай со скал, будь осторожна, косолапая Катюша, ты ведь умеешь и на асфальте споткнуться.

Только что был у Наташи — посидел у нее час. Сегодня она была особенно оживленной, смешливой, разговорчивой. Выглядит хорошо. Рассказывала смешные истории о службе своей,

рассказывала о редакционных делах Каверина — они хороши, рассказала мне, что Всев(олоду) Иванову два дня назад сделали операцию — удалили почку, пока нет подтверждений, что опухоль злокачественная, будет известно окончательно через несколько дней — есть надежда, что опухоль доброкачественная.

Вопрос о поездке на праздник во Владимир Наташа еще не решила, очевидно, решится это через день-два. Пишу подробно, — мне кажется, что дни твоего отдыха могут быть спокойными днями, тревожиться о Наташе в эти гурзуфские дни тебе не нужно.

И в большом мире, как видно из газет, стало спокойней, кубинский кризис разрешился.

У меня в редакциях нового ничего нет, — штиль. Движение может возникнуть кое-какое с рассказами уже после праздников, ибо худые мои дела для праздников не годятся.

Катюша, я уже писал тебе, что каждый день скучаю по тебе и каждый день радуюсь твоему отдыху. Но скучать буду все сильней и сильней, а радоваться поменьше, а потом вовсе перестану. Крепко целую тебя, моя родная, хорошая отдыхающая.

Твой Вася.

Зовет меня Веня на праздник — 7-го в Малоярославец. Хочется поехать, да немного пугает пьяная, праздничная электричка.

Сегодня получил выписанную тобой газету.

Погода пасмурная, но совсем теплая.

Записки

51

[Без даты]

Катюша, не волнуйся — не так холодно. Звони! Целую! В.

52

[Не ранее 1962, Москва]

Натали, никак не поймаю тебя. Подымись наверх, буду до 6–7. В. Г.

53

9 октября [1962, Москва]

Катюша, идем с Сёмой «на шпацир». Новомирцы были, принесли извинения, я их принял (молча).

Долго торговались о двух поправках, кажется,

сторговались, но последнее слово за Главлитом.

Если освободишься не поздно, подымись наверх.

В.

Прочат «Заметки» в 11-й ноябрьский[1048].

54

[Без даты, Москва]

Катюша, я в поликлинике — отрентгенюсь — буду наверху ждать вестей от тебя и Сёмы — но вот вопрос — не умчат ли тебя международные рессоры?

Неизвестный

(не скульптор)

55

31 декабря 1962, [Москва]

31 декабря 62 г.

Дорогая моя, просидел четыре часа и не до-

[1048] Примечания: 1048

В сентябре 1962 года Гроссман отправил «Путевые заметки пожилого человека» («Добро вам!») в редакцию журнала «Новый мир». После многочисленных сокращений и цензурных правок текст был сверстан. Но, прочитав верстку, против публикации высказались несколько членов редколлегии журнала и сам Твардовский (Твардовский 1983: 442). Очерк так и не был напечатан в «Новом мире», так как Гроссман не согласился снять из него абзац, в котором идет речь о геноциде армян и Холокосте.

ждался тебя.

Крепко целую тебя, поздравляю с Новым годом, желаю тебе всего, что можно пожелать человеку, которого любишь больше всех в мире.

Твой Вася.

Катюша, приду к тебе завтра во второй половине дня — если тебе что-либо помешает, позвони Сёме — он мне передаст.

В.

Разное

1

Письмо Гроссмана матери Екатерине Савельевне 9 мая [1928, Ташкент]

Дорогая мамочка, сижу еще в Ташкенте. Завтра утром выезжаем. С отъездом вышла маленькая ерунда: нам изменили место поездки — думал ехать куда-нибудь подальше, а нам в самом Ташкенте изменили место и дали пригородный район — 30 минут езды от Ташкента. Я знаю, что ты будешь этим довольна, а я, наоборот, не доволен.

Работа наша будет заключаться в ряде обследований крестьянских хозяйств, кооперативов и пр. Город очень интересен, красив, совершенно нов для меня, масса красок, цветов, яркое небо, жаркое солнце.

Выпиваю в день 10–15 стаканов сельтерской, жару переношу легко, уже загорел; с питаньем все обстоит благополучно. Кончаю письмо — когда слишком много впечатлений, то писать нельзя, так что не сердись за коротенькие письма.

Будь здорова, крепко целую, Вася.

Привет тете и дяде.

Через пару дней напишу и сообщу свой адрес, т. к. сегодня еще не знаю, где будет наша квартира.

2

Письмо Гроссмана матери Екатерине Савельевне 20 февраля [1929, Москва]

Дорогая мамочка, что у тебя хорошего, больше недели, как нет от тебя письма. Как здоровье твое, что наши больные поделывают? У меня ничего нового, занимаюсь, абсолютного никого не вижу, абсолютно нигде не бываю. Целый [день сижу в лабо]ратории и по вечерам занимаюсь зубрежкой — тоскливое это дело. Если буду так продолжать, то к 1 июня выполню 98 из 100 % университетской программы. А продолжать я так буду. Я хочу нарочно оставить на осень 1–2 зачета, чтобы иметь возможность «осмотреться», иначе если выполню к лету всю программу, то сразу же с сентября нужно будет пойти в армию. Год послужить для меня вещь не страшная, наоборот, я бы охотно и с удовольствием это проделал бы, только не с этой осени. Ей-богу, я уже не в силах жить все время порознь с Галей. Это какое-то издевательство, выматывает буквально все внутренности. Две недели вместе, четыре

месяца порознь, и так уже с прошлого Рождества. Думаю, что если с осени мы опять расстанемся на год, то это уж совсем не по силам. Поэтому хочу осенью взять работу на военно-хим⟨ическом⟩ заводе, работников завода освобождают от военной службы (строевой). Думаю, что это удастся, мы теперь в большой моде, и военное ведомство нами очень интересуется[1049]. Ну ладно, этот разговор будет после — осенью.

Пока же дело идет о том, чтобы освободиться от всех лабораторий и сдать главные экзамены: их у меня три — технич⟨еская⟩ химия, коллоид⟨ная⟩ химия, физич⟨еская⟩ химия. Если сделаю это, то останется мелочь вроде кристаллографии, которая в счет не идет.

Мамочка, наконец-то сбылись твои опасения насчет краж (радуйся), — у меня вытащили в столовке кошелек с 15 рублями — сей факт пробил довольно большую брешь в моих финансах. Лит⟨ературными⟩ делами я не занимаюсь, доживу до июня как-нибудь, а в июне возьму практику на каком-нибудь московском заводе. Платят на практике мало — рублей 70–80, но тогда я займусь на свободе литературой и подработаю еще

[1049] Примечания: 1049

С середины 1920-х годов в Советском Союзе начинают развивать военно-химическую промышленность, см., напр.: Соколов 2012: 54.

несколько червонцев. Было письмо от Шуры, он теперь, собачий сын, в Африке (Алжире), недели через 3 вернется. Что сказать тебе о своих настроениях? Пожалуй, основное — это то, что скучаю я по Гале, настолько скучаю, что иногда у меня рождается мысль вызвать ее в Москву, не дожидаясь окончания занятий; судя по ее письмам, она тоже не очень бы упиралась и приехала бы. Но надо терпеть, ведь это бы ей разбило всю жизнь; как-нибудь дотерпим до мая. Ты знаешь, мамочка, я никого не вижу теперь и не испытываю от этого ничего, кроме удовольствия, раздражают меня люди своей глупостью, ограниченностью, эгоизмом. А так вот, как теперь, хорошо — не вижу никого, и баста. Ну ладно, буду кончать. Крепко целую тебя, пиши почаще, твой Вася.

Кланяйся тете и дяде. Уехала ли Катя в Киев? У нас была уж совсем приличная погода, а сегодня вдруг мороз собачий опять — правда, не такой, как в те дни.

20 февраля

3

Письмо Гроссмана Ольге Семеновне Роданевич 12 февраля 1927, [Москва]

Ольга Семеновна, не прошло и двух часов, как

я получил Вашу открытку, и книга была куплена, надеюсь, Вы оцените эту мою расторопность.

Живу я понемногу, не так чтоб очень, но и не так, чтобы не очень.

Когда поеду в Сталино? Неизвестно. Может быть, на Пасху, а может быть, на Пасху не поеду. На все, как известно, воля Божья.

В Москве после Вашего отъезда ничего нового не произошло. Не ндравится мне здесь[1050], вот кончу университет и уеду из этого Вавилона.

Передайте батькови, шоб мени напысав, бо я от него не маю писем уже пивтора мисяця.

За сим приймите уверенья в совершенном к Вам почтении и пр.

В. Гросман.

12. II.27 г.

4

Письмо Гроссмана Ольге Семеновне Роданевич с припиской отцу 11 июня 1933, [Москва]

Дорогая Ольга Семеновна, был очень рад Вашему хорошему письму. Оно пришло как раз в такой одинокий и мрачный день, что я как-то особенно остро ему обрадовался. Не ответил же сразу по

[1050] Примечания: 1050

См. примеч. 3 к письму Гроссмана отцу от 30 марта 1928 года, с. 44.

той простой причине, что сутки имеют 24 часа, из которых 6 я посвящаю сну, а остальные работе (еда и пр. засчитываются как творческая работа).

Сегодня же выпал день, состоящий из 26 часов, и 2 часа я могу писать письма. Но хватит ломать перед вами фасон, поговорим просто.

Из Вашего письма я понял одно, что хотя и «в Сибири живут люди», но завидовать им не следует, и что, если у них есть возможность там не жить, это следует сделать. Обстановка нехорошая, работа не удовлетворяет, люди иховские — спрашивается, где резоны, чтобы продолжать эту жизнь. Их нет. А раз так, то вы должны взять твердый курс на то, чтобы уехать оттуда. Вы пишете о Днепропетровске. По-моему, за эту возможность следует ухватиться. Это большой, хороший город — Киев, Харьков, Москва, Криница, черт возьми, не так далеко от него. Работа интереснее, вероятно, чем в Сталине и тем более чем в Новосибирске. Мой вам совет, дорогие мои, держите курс на юг.

И «Казюню, я це бардзо прошам»[1051], не пускайтесь, родные, на периферические авантюры — эта «арктическая экзотика» обычно оканчива-

---

[1051] Примечания: 1051
«Я очень прошу» (*искаж. польск.*).

ется беспросветной прозой.

«Культурные люди должны работать в культурной среде» — этот лозунг должен быть написан на вашем семейном знамени.

Ну, перехожу к московским новостям. Дней пять тому назад Надя была выслана в Астрахань. Сегодня получилась от нее телеграмма, что доехала благополучно. Выслана она на два года[1052]. Исключена из партии. В чем дело, я не знаю, когда получу от нее письмо, напишу и вам. Главное, что она здорова.

Я сегодня уезжаю на несколько дней в командировку в Киев, заеду и в Бердичев. Числа 19-го буду в Москве, а числа 22-го выеду на неделю в Ленинград.

Батькос, дорогой мой, я не получил ответа на два моих письма. А ты метал на меня громы, что я неаккуратный корреспондент. Если можешь, вышли мне номер журнала, в котором напечатана статья по «СО». Во-первых, приятно, во-вторых, я хочу получить за нее деньги (это еще более приятно). Возможно, что мне удастся в ближайшие 2–3 месяца уйти с фабрики и перейти

[1052] Примечания: 1052

Гроссман ошибается: Надежда Алмаз была осуждена в 1933 году на три года ссылки, см. письмо Гроссмана отцу от 21 апреля 1933 года, (с. 120–121).

на литработу. Книгу я свою уже почти закончил и начал переговоры с издательством[1053]. Пишите мне, дорогие мои, о планах, о здоровье, обо всем чисто. Как там Лариса? Я не шутя начинаю ей интересоваться, этим восьмым чудом мира.

Итак, жду, целую вас крепко,

Вася.

5

[Без даты]

Получил ли письмо, где я Галино послала тебе?[1054]

6

Доверенность от Гроссмана на имя отца 16 февраля 1943

Доверяю отцу моему Семену Осиповичу Гроссману произвести перерегистрацию карточки в Литфонде.

16 февр. 43 г. Вас. Гроссман.

[1053] Примечания: 1053

Речь о повести «Глюкауф».

[1054] Примечания: 1054

Записка, хранившаяся среди писем отцу, которые Гроссман передал Екатерине Заболоцкой, была обнаружена нами лишь в копиях Хоутонской библиотеки. Возможно, ее автор — Ольга Губер, и речь идет о письме Анны Мацук (Гали).

7

Письмо Гроссмана Женни Генриховне Генрихсон 5 октября [1942]

5 октября

Здравствуйте, Женни Генриховна, я сегодня приехал от Ольги Михайловны. Вы уже знаете о большом нашем несчастье — смерти Миши. Женни Генриховна, вот и нашу семью посетила беда. Напишите мне по моему новому адресу: 28-я полевая почта, 1-я часть, В. С. Гроссману. (Должность мою в адресе не указывайте.) Есть ли известия от папы — где он сейчас, не знаю, куда писать ему. Будьте здоровы.

Целую Вас. В. Гроссман.

Возможно, приеду в Москву через один-полтора [месяца].

8

Письмо Гроссмана Женни Генриховне Генрихсон [11 ноября 1942 [1055], Центральный фронт]

Дорогая Женни Генриховна, получил Ваше письмо и те письма, что переслали. Спасибо

[1055] Примечания: 1055

Дата на штемпеле отправления почтовой карточки.

большое, это первые вести, дошедшие до меня. Посылайте и дальше письма.

Дорогая Женни Генриховна, я здесь сижу без копейки и поэтому не могу Вам послать денег. Обратитесь от моего имени к Кугелю, попросите у него 500 руб. Его служебный телефон В 1-90-73, добав⟨очный⟩ 22. О долгах не беспокойтесь, я по приезде в Москву верну всем. Привет Марье Михайловне, есть ли известия от Вероники и Жени.

Женни Генрих⟨овна⟩, сердечный привет. В⟨асилий⟩ Гроссман.

9

Письмо Кати Гроссман дедушке Семену Осиповичу [1945–1947, Львов]

Дорогой дедушка!

Мама мне сказала, что от тебя получилось письмо, где ты спрашиваешь об моем здоровьи. Я очень тронута твоим вниманием. Я себя чувствую лучше, но в школу ходить не буду, потому что врачи не разрешают. Без школы мне очень скучно, но я часто встречаюсь с нашими девочками, и они рассказывают мне все школьные новости, так что я в курсе событий. Я сейчас много читаю: прочла рассказы Грина, Джека Лондона, «Разгром» Фадеева и многие другие книги. Дедушка,

напиши, пожалуйста, видел ли ты в театре «Народ бессмертен», и если видел, то напиши, как он прошел. Я была очень довольна, когда узнала, что эта вещь идет в театре. Дедушка, пиши мне, пожалуйста, и вышли свой адрес, так как я его не знаю, и приходится пересылать через папу. Целую тебя крепко. Привет всем.

Катя.

10

Письмо Семена Липкина Лие Ерусалимчик 24 июля 1950, [Москва]

Государственное издательство Молдавской ССР
Лие Степановне Ерусалимчик[1056]
от С. И. Липкина

Дорогая Лия!

Пользуюсь случаем, чтобы передать Вам сердечный привет.

Случай же этот вот какой. Семен Осипович Гроссман, отец Василия Гроссмана, едет на родину, которую не видел столько лет, сколько лет Вашей старшей сестре (если она у Вас имеется).

[1056] Примечания: 1056

Лия Степановна Ерусалимчик — литературовед, литературный критик; в 1940-х годах сотрудница журнала «Интернациональная литература», сотрудница Союза писателей СССР; позже работала в Государственном издательстве Молдавской ССР.

Родина эта — город Рени. На пути в Рени Семен Осипович остановится в Кишиневе, в котором он был в последний раз примерно тогда, когда Вашей старшей сестре (если она у вас имеется) купили первые кубики.

Исходя из вышеизложенного, я очень Вас прошу помочь Семену Осиповичу советом, информацией — всей своей кишиневской эрудицией.

Е. Н. Буков[1057] написал по этому поводу распоряжение своему помощнику.

Нежно жму Вашу руку,

[подпись]

24. VI.50

11

Письмо Ольги Губер Екатерине Заболоцкой [2 июля 1957] [1058]

Екатерина Васильевна!

Тяжелое состояние здоровья Василия Семеновича обязывает меня написать Вам это письмо.

[1057] Примечания: 1057

Емилиан Нестерович Буков (1909–1984) — молдавский советский поэт и прозаик; в 1945–1946, 1955–1958 годах — председатель правления Союза писателей Молдавской ССР, в 1947–1951 годах — заместитель председателя Совета министров Молдавской ССР.

[1058] Примечания: 1058

Дата на штемпеле конверта.

Болезнь его — результат тяжелой жизни с Вами.

Вы не рассчитали, как видно, своих душевных возможностей, приняли свою истерию за любовь и несколько лет преследовали Василия Семеновича этой любовью, но когда Вы «обволокли» его — ничего не смогли дать ему, кроме этой же истерии.

Я не видела Василия Семеновича месяц и была потрясена его видом и тяжелым душевным и физическим состоянием.

Если у Вас есть сердце — оставьте его в покое, т. к., если этот ужас будет продолжаться дальше, Василий Семенович умрет и виноваты в этом будете Вы.

О. М.

P. S. Счастья в жизни ни Вам, ни В. С., если вы будете вместе, не будет — слишком много зла и горя причинили Вы близким Вам людям. Если же Вы вернетесь к мужу, надеюсь, что В. С. сможет Вас забыть.

О. М.

Архивы и издания, в которых находятся публикуемые письма

1. Архив Галеев-Галереи.

2. Из писем В. Гроссмана к жене // Глазами друзей / ред. Р. Авакян. Ереван: Айастан, 1967. С. 351–362.

3. ГЛМ ОР. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 1–2 — Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля. Отдел рукописных фондов. Записки Гроссмана Василия Семеновича Гроссману Семену Осиповичу, отцу.

4. РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 62–75 — Российский государственный архив литературы и искусства. Гроссман Василий Семенович (1905–1964) — писатель. Письма Гроссмана В. С. Генрихсон Женни Генриховне, Гроссман Екатерине Савельевне (матери), Гроссману Семену Осиповичу (отцу), Роданевич Ольге Семеновне (жене С. О. Гроссмана). Доверенность на перерегистрацию личной карточки В. С. Гроссмана в Литфонде СССР, данная В. С. Гроссманом С. О. Гроссману (отцу). Приложены пояснительные записи Е. В. Заболоцкой.

5. Семейный архив Гроссмана — Губер.
6. Harvard College Library. Houghton Library. Grossman Collection. Box 2, 4.

Список литературы

Архивные источники

1. ГАЖО. Ф. Р-5013. Оп. 2. Спр. 2241 — Державна архівна служба України. Державний архів Житомирської області. Архивное дело № 143068 по обвинению Шеренциса Давида Михайловича.

2. ГЛМ. ОР. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 6–7 — Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля. Отдел рукописных фондов. Письма читателей-фронтовиков Гроссману В. С. и в редакцию газеты «Красная звезда».

3. ИМЛИ. АГ. КГ-П 22-5-1 — Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Архив А. М. Горького. Гроссман В. Письмо Горькому А. М. 27 сентября 1934.

4. ИМЛИ. АГ. КГ-П 22-5-2 — Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Архив А. М. Горького. Гроссман В. Письмо Горькому А. М. 11 апреля 1934.

5. ИМЛИ. АГ. РАв-пГ 14-1-1 — Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Архив А. М. Горького. Гроссман В. С. «На рассвете», «Николай Беляков» и др. рассказы.

6. ИМЛИ. АГ. КГ-изд. 36-12-8 — Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Архив А. М. Горького. Карабельников Г. письмо Горькому А. М. 2 февраля 1935.

7. ИМЛИ. АГ. ПГ-рл. 11-28-1 — Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Архив А. М. Горького. Горький А. М. Письмо Гроссману В. С. без даты [1934 ноябрь — декабрь].

8. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 39. Ед. хр. 1658 — Российский государственный архив литературы и искусства. Союз писателей СССР (СП СССР) (Москва, 1934–1991). Личное дело Гроссмана Иосифа Соломоновича (1905 г. р., прозаик).

9. РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 1 — Российский государственный архив литературы и искусства. Гроссман Василий Семенович (1905–1964) — писатель. I. Рукописи В. С. Гроссмана. 1. Романы. «Степан Кольчугин» = «Павлов». Роман. Часть 1-я.

10. РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 6. Ед. хр. 417 — Редакция журнала «Новый мир» (Москва, 1925 — по настоящее время). 1940–1989 гг. II. Проза (романы, повести, рассказы, пьесы, очерки). Малеев И. А. Пьеса: «Запас прочности».

11. РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 88 — Российский государственный архив литературы и искусства.

Гроссман Василий Семенович (1905–1964) — писатель. «Народ бессмертен».

12. РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 70 — Российский государственный архив литературы и искусства. Гроссман Василий Семенович (1905–1964) — писатель. I. Рукописи В. С. Гроссмана. 2. Повести и рассказы. «Ночью», «Движение», «Писатель», «Философ», «Смысл жизни», «Волк», «Роман о камнях», «Человек», «О счастии», «В пивной», «В зоопарке», «Искусство». Маленькие рассказы.

13. РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 95 — Российский государственный архив литературы и искусства. Гроссман Василий Семенович (1905–1964) — писатель. I. Рукописи В. С. Гроссмана. 3. Киносценарии. «В городе Бердичеве». Киносценарий. Два варианта, один без начала.

14. РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 96 — Российский государственный архив литературы и искусства. Гроссман Василий Семенович (1905–1964) — писатель. I. Рукописи В. С. Гроссмана. 3. Киносценарии. Заявка на киносценарий по рассказу «Кухарка». Черновые наброски.

15. РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 99 — Российский государственный архив литературы и искусства. Гроссман Василий Семенович (1905–1964) — писатель. I. Рукописи В. С. Гроссмана. «История

Девяностой Краснознаменной стрелковой дивизии». Очерк.

16. РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 97 — Российский государственный архив литературы и искусства. Гроссман Василий Семенович (1905–1964) — писатель. I. Рукописи В. С. Гроссмана. 3. Киносценарии. И. И. Назаров. «Народ бессмертен». Киносценарий по одноименной повести В. С. Гроссмана.

17. РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 2. Ед. хр. 1 — Российский государственный архив литературы и искусства. Гроссман Василий Семенович (1905–1964) — писатель. «Дневник прохождения рукописи» романа «За правое дело» в издательствах.

18. РГАЛИ. Ф. 2453. Оп. 3. Ед. хр. 2158–2159 — Российский государственный архив литературы и искусства. Московская киностудия «Мосфильм» (1930 — по настоящее время). Сценарии, не пошедшие в производство, и материалы к ним. Назаров И. И. «Народ бессмертен» — литературный сценарий по повести В. С. Гроссмана. 1-й вариант и 2-й вариант.

19. РГАЛИ. Ф. 2905. Оп. 1. Ед. хр. 626 — Российский государственный архив литературы и искусства. Московский драматический театр им. К. С. Станиславского. 1935–1975 гг. Пьесы, не принятые к постановке. «М». Малеев И. А. «Запас

прочности. (Надежда Путнина, ее время, ее спутники)», драматические эпизоды. Памяти Катаева И. И. Машинопись с пометами.

20. РГАЛИ. Ф. 3456. Оп. 1. Ед. хр. 315 — Российский государственный архив литературы и искусства. Берзер Анна Самойловна (1917–1994) — литературный критик, редактор. В. С. Гроссман. «Тиргартен». Повесть.

21. Семейный архив Гроссмана — Губер. Воспоминания Екатерины Васильевны Заболоцкой об истории рукописей романа «Жизнь и судьба» 1988 года с припиской от 1989 года.

22. Семейный архив Гроссмана — Губер. Договор на публикацию «Жизни и судьбы» в журнале «Знамя» от 23 мая 1960 года.

23. Семейный архив Гроссмана — Губер. Запись Ольги Михайловны Губер «После смерти Мишеньки…», б. д.

24. Семейный архив Гроссмана — Губер. Ответ Центрального справочного бюро Гросману В. С. от 2 апреля 1942 года.

25. Семейный архив Гроссмана — Губер. Письмо Гроссману от Гисты Витис из Аргентины, 12 декабря 1956 года.

26. Семейный архив Гроссмана — Губер. Письмо Гроссману от Ольги Михайловны Губер, октябрь

1962 года, Коктебель.

27. Семейный архив Гроссмана — Губер. Расчетная книжка № 274. Гросман И. С.

28. Семейный архив Гроссмана — Губер. Справка Гросману И. С. Донецкий областной институт патологии и гигиены труда им. академика Д. К. Заболотного. 22 марта 1933.

29. Семейный архив Гроссмана — Губер. Справка Гросману И. С. Государственная фабрика им. Сакко и Ванцетти. 31 января 1934 года.

30. Семейный архив Гроссмана — Губер. Справка интенданту 2-го ранга Гроссману И. С. Центральный орган Комиссариата обороны СССР «Красная звезда». 4 апреля 1942 года.

31. Семейный архив Гроссмана — Губер. Справка № 136 взамен аттестата на довольствие специальному корреспонденту редакции газеты «Красная звезда» подполковнику Гросману В. С. Центральный орган Комиссариата обороны СССР «Красная звезда». 22 сентября 1943.

32. Фонд Иоффе. Ф. 016. Оп. 1. Д. 17. Ед. хр. 19.6 — Электронный архив фонда Иоффе. Архивная справка УФСБ РФ по СПб. и ЛО № 10/21-932 от 07.06.2000 на Левину Р. Г. https://arch2.iofe.center/person/244#document-4755 [Дата обращения: 26.01.2024].

33. ЦА ФСБ РФ Р-35567 — Центральный архив ФСБ РФ. Архивное уголовное дело № Р-35567 в 2 т.

34. ЦА ФСБ РФ Р-4474 — Центральный архив ФСБ РФ. Архивное уголовное дело № Р-4474.

35. ЦАМО. Картотека награждений. Шк. 24. Ящ. 2 — Документы о награждении. Гроссман Иосиф Соломонович. Орден Красного Знамени. ttps://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie28684243/ [Дата обращения: 20.02.2024].

36. ЦАМО. Картотека награждений. Шк. 4. Ящ. 2 — Андроников Ираклий Луарсабович. Наградной лист. https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie18692760/ [Дата обращения: 04.04.2024].

37. ЦАМО. Личное дело № 0676962 — Центральный архив Министерства обороны РФ. Личное дело подполковника интендантской службы Гроссмана И. С.

38. ЦАМО. Учетно-послужная картотека. Шк. 50. Ящ. 31. Б-420197 — Центральный архив Министерства обороны РФ. Учетно-послужная картотека офицерского состава. Шкаф 50. Ящик 31. Учетно-послужная карточка. Гроссман Иосиф Соломонович. № Б-420197.

39. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 12 — Документы

о награждении. Гроссман Василий Семенович. Орден Красной Звезды. https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie12050312/ [Дата обращения: 20.02.2024].

40. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977520. Д. 169 — Левин Лев Ильич (1903). Донесения о потерях. https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_donesenie64844985/ [Дата обращения: 26.01.2024].

41. ЦАМО. Ф. 179. Оп. 351175. Д. 22. К. 01552 — Центральный архив Министерства обороны РФ. Архив газеты «Красная звезда». Материалы корреспондента «Красной звезды», писателя В. Гроссмана, по Юго-Западному фронту за 1942 г. (январь — март).

42. HCL. GC. B. 1. G.1 — Harvard College Library. Houghton Library. Grossman Collection. Box 1. G. 4. Grossman V. Nemnogie zapisi.

Книги, статьи, интернет-сайты

1. Авакян 1967 — Глазами друзей / ред. Р. Авакян. Ереван: Айастан, 1967.

2. Аввакум 1960 — Аввакум. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / под общ. ред. Н. К. Гудзия. М.: Гослитиздат, 1960.

3. Альбомные 1959 — Б. а. Альбомные стихи // Известия. 3 июня 1959. С. 6.

4. Альтман 1946 — Альтман И. Если верить автору… // Литературная газета. 3 сентября 1946. С. 3.

5. Антипина 2005 — Антипина В. А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950-е годы. М.: Молодая гвардия, 2005.

6. Аскаров 2016 — Аскаров М. Э. Из истории земельно-водной реформы в Зеравшанской области // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2016. № 23. https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-zemelno-vodnoy-reformy-v-zeravshanskoy-oblasti [Дата обращения: 19.01.2024].

7. Баканов 1996 — Баканов В. «История Магнитостроя» все же писалась // Магнитогорский металл. 26 декабря 1996 (№ 245–246). С. 7.

8. Белкина 1957 — Белкина М. О. Степняки. Очерки. М.: Молодая гвардия, 1957.

9. Белкина 1988 — Белкина М. О. Скрещение судеб. М.: Книга, 1988.

10. Берзер 1990 — Берзер А. Прощание // Липкин С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана; Берзер А. Прощание. М.: Книга, 1990. С. 121–270.

11. Бернштейн 2015 — Бернштейн И. Дело Леонида Соловьёва // Соловьёв И. Очарованный

принц. М.: Теревинф, 2015. С. 278–286.

12. Бианки 1999 — Бианки Н. П. К. Симонов, А. Твардовский в «Новом мире»: воспоминания. М.: ВИОЛАНТА, 1999.

13. Бит-Юнан 2020 — Публицистика В. С. Гроссмана в литературно-политическом контексте 1920-х–1980-х гг.: Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. На правах рукописи. Москва, РГГУ, 2020.

14. Бит-Юнан, Фельдман 2016 — Бит-Юнан Ю. Г., Фельдман Д. М. Василий Гроссман в зеркале литературных интриг. М.: Форум; Неолит, 2016.

15. Бонфанти 1961 — Бонфанти С.-М. Переулок Солнца / пер. с итал. А. Короткова. М.: Молодая гвардия, 1961.

16. Бочаров 1970 — Бочаров А. Василий Гроссман: критико-биографический очерк. М.: Советский писатель, 1970.

17. Бочаров 1990 — Бочаров А. Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба. М.: Советский писатель, 1990.

18. Бубеннов 1953 — Бубеннов М. О романе В. Гроссмана «За правое дело» // Правда, 13 февраля 1953. С. 3–4.

19. Бубеннов 1958 — Бубеннов М. С. Бессмертие. Литературный сценарий // Москва, 1958. № 2. С.

4–46.

20. Булгаков 1957 — Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. Дневник секретаря Л. Н. Толстого. М.: Гослитиздат, 1957.

21. Быстряков 2015 — Быстряков А. Хроника жизни евреев Екатеринослава — Днепропетровска // Еврейская старина. 2015. № 2 (85). https://berkovich-zametki.com/2015/Starina/Nomer2/Bystrjakov1.php [Дата обращения: 31.01.2024].

22. Валуцина 2015 — Валуцина В. М. 90 лет Государственному предприятию «Научно-исследовательский институт медико-экологических проблем Донбасса и угольной промышленности Министерства здравоохранения Украины»/ / Український журнал з проблем медицини праці. 2015. № 3. С. 86–90. http://nbuv.gov.ua/UJRN/Ujpmp_2015_3_19 [Дата обращения: 18.01.2024].

23. Ваншенкин 2000 — Ваншенкин К. Из записей. Наш дом // Литература. 2000. № 47. https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200004701 [Дата обращения: 10.02.2024].

24. Варшавский 2024 — Варшавский В. И. Поток сознания / публ. Л. Я. Розенблюма. https://is.ifmo.ru/important/_potok.pdf [Дата обращения: 14.02.2024].

25. Венский 1958 — Венский балет на льду.

Сильвия: гастроли в Москве, май — июнь 1958. Госконцерт СССР. М., 1958.

26. Верховский 2012 — Верховский В. Большая наука В. Раввина // Юзовка — Сталино — Донецк: страницы еврейской истории. 27 декабря 2012. http://donjetsk-jewish.ucoz.ru/news/bolshaja_nauka_v_ravvina/2012-12-27-226 [Дата обращения: 27.01.2024].

27. Весёлый 1958 — Весёлый А. Избранные произведения. М.: Гослитиздат, 1958.

28. Викторов 1941 — Викторов В. «Степан Кольчугин». Роман Вас. Гроссмана // Вечерняя Москва. 25 января 1941. С. 3.

29. Винер 1958 — Винер Н. Кибернетика и общество / пер. Е. Г. Панфилова. М.: Издательство иностранной литературы, 1958.

30. Власов 1958 — Власов Ф. Неоправданные восторги. Заметки литературоведа // Литература и жизнь. № 21. 25 мая 1958. С. 2.

31. Войтинская 1939 — Войтинская О. С. «Степан Кольчугин» // Литературная газета. 30 марта 1939. С. 4.

32. Волохова 2020a — Волохова Ю. А. Забытое свидетельство из освобожденной Варшавы // Вопросы литературы. 2020. № 2. С. 13–27.

33. Волохова 2020b — Волохова Ю. А. Искря-

щееся обаяние доброты. Памяти Екатерины Васильевны Коротковой-Гроссман // Colta. Литература. 16 октября 2020. https://www.colta.ru/articles/literature/25675-yuliya-volohova-pamyati-ekateriny-vasilievny-korotkovoy-grossman [Дата обращения: 11.02.2024].

34. Волохова, Красникова 2025 — Волохова Ю., Красникова А. Корреспонденция Василия Гроссмана: новые находки // L'Analisi linguistica e letteraria. 2025. № 1. P. 7–24.

35. Воскресенская 2003 — Воскресенская Ц. А. Мои воспоминания. Симферополь: Палитра, 2003.

36. Гауптман 2024 — Гауптман Г. Перед заходом солнца (1941). Драма в 3 действиях и 5 картинах // Государственный академический театр им. Вахтангова. https://vakhtangov.ru/show/solnce/ [Дата обращения: 08.02.2024].

37. Гейне 1959 — Гейне Г. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 9. М.: ГИХЛ, 1959.

38. Георгиевская 1957 — Георгиевская С. М. Три повести. М.: Советский писатель, 1957.

39. Гидрометцентр России 2021 — Гидрометцентр России. 14 июля в Москве повторен абсолютный максимум температуры. 15 июня 2021. https://meteoinfo.ru/novosti/18088-14-iyulya-

v-moskve-povtoren-absolyutnyj-maksimum-temperatury. [Дата обращения: 7.11.2024].

40. Гладков 1974 — Гладков А. «Горе уму» и Чацкий-Гарин // Гарин Э. П. С Мейерхольдом: Воспоминания. М.: Искусство, 1974. С. 181–207.

41. Городин 2021 — Городин Л. Словарь русских арготизмов. М.: Государственный музей истории ГУЛАГа, 2021.

42. Горчаков 1990 — Горчаков О. Вне закона: Автобиогр. хроника. М.: Советский писатель, 1990.

43. Горький 2019 — Письмо Горького Гроссману от 7 октября 1932 года // Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 21: Письма (декабрь 1931–1933). М.: Наука, 2019. С. 218–220.

44. Горький 2022 — Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 22. Кн. 1: Письма (март 1933 — июнь 1934). М.: Наука, 2022.

45. Горяева 2015a — «Мы предчувствовали полыханье…». Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941 — сентябрь 1945 г. Документы и комментарии. Т. 2 в 2 кн. / рук. коллектива Т. М. Горяева, сост. В. А. Антипина, отв. сост. З. К. Водопьянова, Т. В. Домрачева. М.: РОССПЭН, 2015. Кн. 1. 22 июня 1941–1943 г.

46. Горяева 2015b — «Мы предчувствовали

полыханье…». Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941 — сентябрь 1945 г. Документы и комментарии. Т. 2: в 2 кн. / рук. коллектива Т. М. Горяева, сост. В. А. Антипина, отв. сост. З. К. Водопьянова, Т. В. Домрачева. М.: РОССПЭН, 2015. Кн. 2. 1944 — 2 сентября 1945 г.

47. Гофф 1985 — Гофф И. А. У потухшего вулкана // Октябрь. 1985. № 3. С. 151–161.

48. Григорьев 1979 — Григорьев К. Поэт и закройщица. Переписка С. Я. Маршака с Г. И. Зинченко // Октябрь. 1979. № 3. С. 212–221.

49. Грин 1956 — Грин. Г. Тихий американец / пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой, С. Митиной // Иностранная литература. 1956. № 6; № 7.

50. Грин 1959 — Грин Г. Наш человек в Гаване. Тихий американец / пер. с англ. Е. Голышевой, Б. Изакова. М.: Издательство иностранной литературы, 1959.

51. Громова 2012 — Странники войны: воспоминания детей писателей, 1941–1944 / сост. Н. А. Громова. М.: Астрель, 2012.

52. Громова 2016 — Громова Н. А. Пилигрим. М.: АСТ, 2016.

53. Громова 2019 — Громова Н. А. Ноев ковчег писателей. Эвакуация 1941–1945. Чистополь. Ела-

буга. Ташкент. Алма-Ата. М.: Corpus, 2019.

54. Гросман 1928a — Гросман В. Ислахат // Правда. 13 июля 1928. С. 4.

55. Гросман 1928b — Гросман В. Узбечка на кооперативной работе // Наша газета. 7 июля 1928. С. 4.

56. Гроссман 1929 — Гроссман В. Бердичев не в шутку, а всерьез // Огонек. 1929. № 51–52. С. 12–13.

57. Гроссман 1934a — Гроссман В. Большевик. Третий рассказ о счастьи // Литературная газета. 24 апреля 1934. С. 3.

58. Гроссман 1934b — Гроссман В. С. В городе Бердичеве // Литературная газета. 2 апреля 1934. С. 2.

59. Гроссман 1934d — Гроссман В. С. Главный инженер // 30 дней. № 11. 1934. С. 20.

60. Гроссман 1934e — Гроссман В. Глюкауф // Литературный Донбасс. 1934. № 1. С. 15–52; № 2. С. 27–60.

61. Гроссман 1934f — Гроссман В. Глюкауф. М.: Московское товарищество писателей, 1934.

62. Гроссман 1934g — Гроссман В. С. Глюкауф // Год семнадцатый: альманах четвертый / под ред. М. Горького. М.: Советская литература, 1934. С. 5–125.

63. Гроссман 1934h — Гроссман В. С. Горе // 30 дней. 1934. № 6. С. 27.

64. Гроссман 1934i — Гроссман В. С. Женщина // Знамя. 1934. № 11. С. 52–54.

65. Гроссман 1934j — Гроссман В. С. Жизнь Ильи Степановича // Знамя. 1934. № 11. С. 54–62.

66. Гроссман 1934k — Гроссман В. С. Молебен // 30 дней. 1934. № 6. С. 28–30.

67. Гроссман 1934l — Гроссман В. С. Москва // 30 дней. 1934. № 11. С. 21.

68. Гроссман 1934m — Гроссман В. С. Отдых // Литературный Донбасс. 1934. № 3. С. 34–38.

69. Гроссман 1934n — Гроссман В. С. Счастье // 30 дней. 1934. № 6. С. 30–31.

70. Гроссман 1935a — Гроссман В. Весна // Колхозник. 1935. № 9. С. 44–63.

71. Гроссман 1935b — Гроссман В. Муж и жена // Красная новь. 1935. № 10. С. 82–93.

72. Гроссман 1935c — Гроссман В. Счастье: рассказы. М.: Советский писатель, С. 1935.

73. Гроссман 1935d — Гроссман В. С. Цейлонский графит // Знамя. 1935. № 9. С. 163–188.

74. Гроссман 1936a — Гроссман В. Четыре дня // Знамя. 1936. № 1. С. 12–46.

75. Гроссман 1936b — Гроссман В. С. Четыре дня: рассказы. М.: Гослитиздат, 1936.

76. Гроссман 1937a — Гроссман В. С. Степан Кольчугин // Год двадцатый. Альманах двена-

дцатый. М.: Художественная литература, 1937. С. 12–146

77. Гроссман 1937b — Гроссман В. С. Степан Кольчугин: В 3 т. Т. 1: Часть первая. М.: Гослитиздат, 1937.

78. Гроссман 1939a — Гроссман В. С. Степан Кольчугин // Год двадцать второй. Альманах шестнадцатый. М.: Художественная литература, 1939. С. 163–329.

79. Гроссман 1939b — Гроссман В. С. Степан Кольчугин: В 3 т. Т. 2: Часть вторая. М.: Гослитиздат, 1939.

80. Гроссман 1940a — Гроссман В. С. Годы подполья: (Третья книга о Кольчугине): Для ст. возраста. М.; Л.: Детиздат, 1940.

81. Гроссман 1940b — Гроссман В. Солдаты революции. Роман. Вторая книга трилогии «Степан Кольчугин» // Знамя. 1940. № 11–12. С. 3–174.

82. Гроссман 1940c — Гроссман В. С. Степан Кольчугин: В 3 т. Т. 3: Часть третья. М.: Гослитиздат, 1940.

83. Гроссман 1941a — Гроссман В. В блиндажах врага // Красная звезда. 14 сентября 1941. С. 3.

84. Гроссман 1941b — Гроссман В. Герой Советского Союза Каменщиков // Красная звезда. 17 августа 1941. С. 3.

85. Гроссман 1941c — Гроссман В. Капитан Гастелло // Красноармеец. 1941. № 15. С. 7–9.

86. Гроссман 1941d — Гроссман В. С. Самая широкая тема жизни // Известия. 30 апреля 1941. С. 3.

87. Гроссман 1941e — Гроссман В. С. Степан Кольчугин. М.; Л.: Детиздат, 1941.

88. Гроссман 1942a — Гроссман В. С. Бывалый боец // Красная звезда. 7 марта 1942. С. 3.

89. Гроссман 1942b — Гроссман В. С. В степном овраге // Красная звезда. 26 сентября 1942. С. 3.

90. Гроссман 1942c — Гроссман В. С. Направление главного удара. М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны, 1942.

91. Гроссман 1942d — Гроссман В. С. Народ бессмертен // Красная звезда. 19 июля 1942. С. 4; 21 июля 1942. С. 4; 22 июля 1942. С. 4; 24 июля 1942. С. 3; 25 июля 1942. С. 4; 26 июля 1942. С. 4; 28 июля 1942. С. 3; 29 июля 1942. С. 4; 30 июля 1942. С. 4; 2 августа 1942. С. 4; 4 августа 1942. С. 3; 5 августа 1942. С. 4; 6 августа 1942. С. 4; 7 августа 1942. С. 4; 8 августа 1942. С. 3; 9 августа 1942. С. 4; 11 августа 1942. С. 4; 12 августа 1942. С. 3.

92. Гроссман 1942e — Гроссман В. С. Народ бессмертен. Библиотека «Огонек». № 53–54. М.: Правда, 1942.

93. Гроссман 1942f — Гроссман В. С. Народ бес-

смертен // Знамя. 1942. № 8. С. 3–95.

94. Гроссман 1942g — Гроссман В. С. На южном фронте, очерки // Знамя. 1942. № 5–6. С. 104–120.

95. Гроссман 1942h — Гроссман В. С. Первая встреча // Красная звезда. 15 октября 1942. С. 3.

96. Гроссман 1942i — Гроссман В. С. Сталинградская битва // Красная звезда. 27 октября 1942. С. 3.

97. Гроссман 1942j — Гроссман В. С. Сталинградская переправа // Красная звезда. 4 ноября 1942. С. 2.

98. Гроссман 1942k — Гроссман В. С. Сталинградская быль // Красная звезда. 20 ноября 1942. С. 3.

99. Гроссман 1942l — Гроссман В. С. Сталинградская быль. М.: Воениздат, 1942.

100. Гроссман 1943a — Гроссман В. С. Июль 1943 года // Красная звезда. 27 июля 1943. С. 3.

101. Гроссман 1943b — Гроссман В. С. Народ бессмертен. Магадан: Сов. Колыма, 1943.

102. Гроссман 1943c — Гроссман В. С. Народ бессмертен. М.: ОГИЗ; Государственное издательство художественной литературы, 1943.

103. Гроссман 1943d — Гроссман В. С. Сталинград. М.: Советский писатель, 1943.

104. Гроссман 1943e — Гроссман В. С. Сталинградская армия // Красная звезда. 13 января 1943. С. 4.

105. Гроссман 1943f — Гроссман В. С. Сталинградская битва. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1943.

106. Гроссман 1943g — Гроссман В. С. Сталинград: очерки // Знамя. 1943. № 2–3. С. 135–182.

107. Гроссман 1944 — Гроссман В. С. Треблинский ад // Знамя. 1944. № 11. С. 121–144.

108. Гроссман 1945a — Гроссман В. С. Годы войны. М.: ОГИЗ; ГИХЛ, 1945.

109. Гроссман 1945b — Гроссман В. С. Народ бессмертен. Из фронтовой жизни. М.: Правда, 1945.

110. Гроссман 1946a — Гроссман В. С. Если верить пифагорейцам // Знамя. 1946. № 7. С. 68–107.

111. Гроссман 1946b — Гроссман В. С. Первая послевоенная годовщина // Московский пропагандист. 1946. № 4–5. С. 17–20.

112. Гроссман 1946c — Гроссман В. С. Советский офицер: А. Х. Бабаджаньян — Герой Советского Союза. М.: Воениздат, 1946.

113. Гроссман 1946d — Гроссман В. С. Сталинградская битва. М.: Воениздат, 1946.

114. Гроссман 1947a — Гроссман В. С. Годы войны. М.: ОГИЗ; ГИХЛ, 1947.

115. Гроссман 1947b — Гроссман В. С. Степан Кольчугин. Книга первая. Часть I и II. М.: Советский писатель, 1947.

116. Гроссман 1947c — Гроссман В. С. Степан Кольчугин. Книга вторая. Часть III и IV. М.: Советский писатель, 1947.

117. Гроссман 1948a — Гроссман В. В госпитале. Отрывок из романа // Огонек. 1948. № 48. С. 14–15.

118. Гроссман 1948b — Гроссман В. Поездка в Киргизию // Год XXXI. Альманах первый / отв. ред. В. Инбер. М.: Советский писатель, 1948. С. 207–233.

119. Гроссман 1949 — Гроссман В. На Волге (главы из романа «Сталинград»). М.: Воениздат, 1949.

120. Гроссман 1950 — Гроссман В. С. Повести и рассказы. М.: Советский писатель, 1950.

121. Гроссман 1952 — Гроссман В. С. За правое дело // Новый мир. 1952. № 7. С. 3–132; № 8. С. 74–228; № 9. С. 5–123; № 10. С. 128–210.

122. Гроссман 1955 — Гроссман В. Степан Кольчугин. Роман в двух книгах: В 2 т. М.: Гослитиздат, 1955.

123. Гроссман 1956a — Гроссман В. С. За правое дело. М.: Советский писатель, 1956.

124. Гроссман 1956b — Гроссман В. С. Шестое августа // Литературная Москва. М.: ГИХЛ, 1956. С. 506–523.

125. Гроссман 1958 — Гроссман В. С. Повести. Рассказы. Очерки. М.: Воениздат, 1958.

126. Гроссман 1959a — Гроссман В. С. За правое дело. М.: Воениздат, 1959.

127. Гроссман 1959b — Гроссман В. С. Степан Кольчугин. М.: Детгиз, 1959.

128. Гроссман 1960a — Гроссман В. С. Сталинградские штабы (глава из романа «Жизнь и судьба») // Литературная газета. 2 апреля 1960. С. 4.

129. Гроссман 1960b — Гроссман В. С. Степан Кольчугин. М.: Гослитиздат, 1960.

130. Гроссман 1962a — Гроссман В. С. Дорога // Новый мир. 1962. № 6. С. 96–101.

131. Гроссман 1962b — Гроссман В. С. Осенняя буря// Неделя. 15 июля 1962. С. 17.

132. Гроссман 1962c — Гроссман В. С. Старый учитель: повести и рассказы. М.: Советский писатель, 1962.

133. Гроссман 1963 — Гроссман В. С. Лось // Москва. 1963. № 1. С. 115–120.

134. Гроссман 1964 — Гроссман В. «Вы отличный редактор и организатор…» // В редакцию не вернулся… Книга первая. 2-е изд. М.: Политиздат, 1964. С. 21–24.

135. Гроссман 1965 — Гроссман В. С. Добро вам: из путевых заметок // Литературная Армения. 1965. № 6. С. 32–53; № 7. С. 27–51.

136. Гроссман 1967a — Гроссман В. С. Добро вам! // Гроссман В. С. Добро вам! Рассказы. М.: Советский писатель, 1967.

137. Гроссман 1967b — Из писем В. Гроссмана к жене // Глазами друзей / ред. Р. Авакян. Ереван: Айастан, 1967. С. 351–362.

138. Гроссман 1967c — Гроссман В. С. Тиргартен // Наш современник. 1967. № 7. С. 54–71.

139. Гроссман 1988 — Гроссман В. С. Добро вам! // Знамя. 1988. № 11. С. 5–62.

140. Гроссман 1989a — Гроссман В. С. Годы войны. М.: Правда, 1989.

141. Гроссман 1989b — Гроссман В. С. Несколько печальных дней: повести и рассказы. М.: Современник, 1989.

142. Гроссман 1993 — Гроссман В. Памяти Александра Иосифовича Роскина. Публикация М. Роскиной // Вопросы литературы. 1993. № 1. С. 260–269.

143. Гроссман 1997 — Гроссман В. Из архива Василия Гроссмана / Вступительные заметки и публикация Ф. Губера // Вопросы литературы. 1997. № 4. С. 321–332.

144. Гроссман 2005 — Гроссман В. «Стал словно другим человеком». Письма с фронта / вступительная заметка, публ. и комментарии Ф. Губера

// Вопросы литературы. 2005. № 3. С. 50–58.

145. Гроссман 2016 — Гроссман В. Письма Семену Липкину (1949–1963) / предисл., публ. и комментарии Елены Макаровой // Знамя. 2016. № 6. С. 127–166. https://znamlit.ru/publication.php?id=6288 [Дата обращения: 07.02.2024].

146. Гроссман 2024 — Речь писателя Василия Гроссмана на траурном митинге, посвященном памяти военного корреспондента «Красной звезды» Петра Олендера (из архива В. П. Олендера). http://calendar.interesniy.kiev.ua/Olender-Petr-Memories.htm [Дата обращения: 11.02.2024].

147. Гроссман, Коротеев 1942 — Гроссман В., Коротеев В. В городе Сталина // Красная звезда. 10 ноября 1942. С. 3.

148. Гроссман, Трояновский 1941 — Гроссман В., Трояновский П. Герои Советского Союза партизаны Бумажков и Павловский // Красная звезда. 8 августа 1941. С. 3.

149. Гроссман, Эренбург 2015 — Черная книга: о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в гитлеровских лагерях уничтожения на территории Польши во время войны 1941–1945 гг. / под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. М.: АСТ;

Corpus, 2016.

150. Губер 1959 — Губер Б. Бабье лето. Повесть и рассказы. М.: Советский писатель, 1959.

151. Губер 1988 — Губер Ф. Б. Письма матери, письма к матери // Неделя. 1988. № 41. С. 18.

152. Губер 1989 — Губер Ф. Б. Память и письма // Труд. 20 октября 1989. С. 3.

153. Губер 1990 — Губер Ф. Б. Память и письма // Даугава. 1990. № 11. С. 96–118.

154. Губер 1996 — Губер Ф. «Осуществляющий жизнь так, как хотелось…» (Из книги о Василии Гроссмане «Память и письма») // Вопросы литературы. 1996. № 2. С. 255–289; № 3. С. 256–290.

155. Губер 1998 — Губер Ф. Гроссман в последние годы жизни. Вступительная заметка и публикация Ф. Губера // Вопросы литературы. 1998. № 4. С. 321–326.

156. Губер 2005 — Губер Ф. «…Ты будешь жить в той книге, которую я посвятил тебе» // Вопросы литературы. 2005. № 3. С. 59–67.

157. Губер 2007 — Губер Ф. Б. Память и письма. Книга о Василии Гроссмане. М.: Пробел-2000, 2007.

158. Гурштейн 1936 — Гурштейн А. Ш. В поисках простоты (О рассказах Василия Гроссмана) // Правда. 12 ноября 1936. С. 4.

159. Давыдов 1959 — Давыдов Ю. В. Март. М.: Детгиз, 1959.

160. Датта 1959 — Датта Д. Философия Махатмы Ганди / пер. с англ. А. В. Радугина. М.: Иностранная литература, 1959.

161. Де Крюи 1928 — Де Крюи П. Охотники за микробами / пер. О. П. Черновского. М.; Л.: Госиздат, 1928.

162. Де Крюи 1936 — Де Крюи П. Борьба со смертью / пер. под ред. С. Я. Залкинда. Л.: Молодая гвардия, 1936.

163. Дерман 1946 — Дерман А. Подвиг писателя // Знамя. 1946. № 8–9. С. 200–214.

164. Джангар 1958 — Джангар. Калмыцкий народный эпос / пер. С. Липкина, худ. В. А. Фаворский. М.: ГИХЛ, 1958.

165. Дзяк 2011 — Дзяк Г. В. Погляд в минуле — вектор в майбутнє // Медичні перспективи. 2011. № 3. С. 4–9.

166. Дмитриев 1935 — Дмитриев Г. Счастье // Литературная газета. 9 августа 1935. С. 3.

167. Домрачева и др. 2005 — Аппарат ЦК КПСС и культура, 1958–1964: документы / отв. сост. Т. В. Домрачева и др. М.: РОССПЭН, 2005.

168. Донецкий 2024а: — Донецкий национальный медицинский университет (краткая исто-

рия). https://dnkmu.com/ru/home/istoriia-donnmu [Дата обращения: 29.01.2024].

169. Донецкий 2024b — Донецкий национальный медицинский университет. История вуза. Начало начал… https://dnmu.edu.ua/old/istorija-vuza [Дата обращения: 27.01.2024].

170. Дудинцев 1956 — Дудинцев В. Не хлебом единым // Новый мир. 1956. № 8. С. 31–118; № 9. С. 38–118; № 10. С. 21–98.

171. Евтушенко 1998 — Евтушенко Е. Волчий паспорт. М.: Вагриус, 1998.

172. Ермилов 1946 — Ермилов В. В. Вредная пьеса // Правда. 4 сентября 1946. С. 3.

173. Закс 1980 — Закс Б. Г. Немного о Гроссмане // Континент. 1980. № 26. С. 352–362.

174. Имена 2024 — Имена погибших, занесенные на знамена в Зале Воинской Славы на Мамаевом кургане. https://mamaev-hill.ru/lists/b [Дата обращения: 09.02.2024].

175. Исторические 2024 — Исторические материалы. СЗ СССР 1931 г. № 37, ст. 268. О втором выпуске государственного внутреннего займа «Пятилетка в четыре года» («Выпуск третьего решающего года пятилетки»). https://istmat.org/node/55078 [Дата обращения: 29.01.2024].

176. Исупов 2014 — Исупов В. А. Эпидемия

сыпного тифа как фактор сверхсмертности городского населения Западной Сибири (1932–1933 гг.) // Уральский исторический вестник. 2014. № 3 (44). С. 90–95.

177. Каблуков 1900 — Каблуков И. А. Основные начала физической химии. Вып. 1. М.: Тип. Борисенко и Бреслин, 1900.

178. Каблуков 1902 — Каблуков И. А. Основные начала физической химии. Вып. 2. М.: Тип. Борисенко, 1902.

179. Каблуков 1910 — Каблуков И. А. Основные начала физической химии. Вып. 3. М.: Тип. Холчева, 1910.

180. Казакевич 1961 — Казакевич Э. Г. Синяя тетрадь // Октябрь. 1961. № 4. С. 8–63.

181. Казакевич 1990 — Казакевич Э. Г. Слушая время: Дневники. Записные книжки. Письма. М.: Советский писатель, 1990.

182. Калинин 1942 — Калинин М. И. Все для войны, все для победы! // Калинин М. И. Все для фронта, все для победы! М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1942. С. 85–88.

183. Катаев 1957 — Катаев И. И. Избранное: Повести и рассказы. Очерки. М.: ГИХЛ, 1957.

184. Кирпотин 2006 — Кирпотин В. Я. Ровесник железного века: Мемуарная книга. М.: Захаров,

2006.

185. Ковалевский 1939 — Ковалевский В. Хозяин трех гор. М.: Гослитиздат, 1939.

186. Ковалевский 1956 — Ковалевский В. А. Глубокий снег: Повесть и рассказы. М.: Советский писатель, 1956.

187. Ковтун 2012 — Ковтун Е. Азарт в Стране Советов: В 3 т. Т. 2: Лотереи. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2012.

188. Короткова 2009 — Короткова Е. Январские каникулы // Радуга. 2009. № 5–6. С. 135–148.

189. Короткова-Гроссман 1993a — Короткова-Гроссман Е. В. О Василии Гроссмане // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 236–238.

190. Короткова-Гроссман 1993b — Короткова-Гроссман Е. В. О моем отце // Сельская молодежь. 1993. № 3. С. 48–50.

191. Короткова-Гроссман 1997/1998 — Короткова-Гроссман Е. В. Феня // Диалог. Российско-израильский альманах еврейской культуры. Вып. 2. 1997/1998. С. 441–443.

192. Короткова-Гроссман 2014 — Короткова-Гроссман Е. В. Воспоминания. Рассказы без вымысла. М.: Новый хронограф, 2014.

193. Кочар 1962 — Кочар Р. Дети большого дома: В 2 кн. / пер. с арм. В. Гроссмана и А. Таронян.

Ереван: Армгосиздат, 1962.

194. Куклин 1932 — Куклин Г. На гора. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1932.

195. Курганов, Колосков 1946 — Курганов О., Колосков А. Об «исповедях» и «отповедях» в журнале «Октябрь» // Правда. 24 июня 1946. С. 5.

196. Лазарев 2005 — Лазарев Л. Записки пожилого человека. М.: Время, 2005.

197. Ланцуцкий 2024 — Ланцуцкий Станислав Францевич // Жертвы политического террора в СССР. https://lists.memo.ru/index12.htm [Дата обращения: 20.01.2024].

198. Ле-Блан 1909 — Ле-Блан М. Учебник электрохимии / пер. с 4-го доп. изд. студентов К. Смирнова и И. Блоха. М.: О-во взаимопомощи студентов естественников Моск. ун-та, 1909.

199. Левин 1936 — Левин Л. И. Уважение к жизни // Знамя. 1936. № 12. С. 248–257.

200. Левин 1937 — Левин Ф. М. «Степан Кольчугин» // Литературная газета. 5 сентября 1937. С. 4.

201. Левин 2015 — Левин Ф. М. Записки в стол. Из неопубликованной книги воспоминаний / публ. Е. Ф. Левиной и Т. В. Левченко // Наше наследие. 2015. № 112. С. 104–117.

202. Лежнев 1935 — Лежнев А. Чувство товарищества (О Василии Гроссмане) // Красная новь.

1935. № 2. С. 219–230.

203. Левченко 2015 — Левченко Т. В. Комиссар не возьмет // Наше наследие. 2015. № 112. С. 115–117.

204. Липкин 1959 — Липкин С. Пять стихотворений // Новый мир. 1959. № 6. С. 112–115.

205. Липкин 1960 — Липкин С. Две легенды, стихи // Новый мир. 1960. № 8. С. 61–64.

206. Липкин 1986 — Липкин С. Сталинград Василия Гроссмана. Ann Arbor: Ardis, 1986.

207. Липкин 1990 — Липкин С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана // Липкин С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана; Берзер А. Прощание. М.: Книга, 1990. С. 3–120.

208. Литвин 1999 — Литвин А. Л. (сост.) Меньшевистский процесс 1931 года. Сборник документов: В 2 кн. Кн. 2. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999.

209. Лозовский 1930 — Лозовский А. Стачка как бой. Лекции, читанные в Международной ленинской школе в январе — марте 1930 г. М.: Издательство Коммунистической академии, 1930.

210. Лордкипанидзе 2006 — Лордкипанидзе Н. Г. Василий Гроссман: «Барев цзе» — добро вам! // Известия. 18 октября 2006. С. 12.

211. Лукашевич 1956 — Лукашевич В. «Малая

проза» большого сборника // Литературная газета. 12 мая 1956. С. 3.

212. Макаров 1958 — Макаров А. Разговор по поводу… (Советская литература первых лет революции) // Знамя. 1958. № 4. С. 187–218.

213. Малыгина Н. М. Инженеры Андрей Платонов и Василий Гроссман: история дружбы, творческий диалог // Малыгина Н. М. Андрей Платонов и литературная Москва. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 479–559.

214. Марьясин 2007 — Марьясин И. Мои далекие молодые годы // Заметки по еврейской истории. 2007. № 16 (88). https://berkovich-zametki.com/2007/Zametki/Nomer16/Marjasin1.htm [Дата обращения: 09.02.2024].

215. Мастерс 1957 — Мастерс Д. Несчастный случай // Иностранная литература. 1957. № 4. С. 47–102; № 5. С. 69–154; № 6. С. 78–183.

216. Медведева-Томашевская 2020 — Медведева-Томашевская И. Таврида: земной Элизий. Екатерина II, Пушкин, Лихачёв и другие. М.: АСТ, 2020.

217. Менакер 2007 — Менакер Т. Посвящается Василию Гроссману // Народ мой. 30 сентября 2007. http://ami.spb.ru/A406/A406-041.html [Дата обращения: 31.01.2024].

218. Менакер 2024 — Менакер Т. Гроссманы и Шеренцисы // Кстати. https://kstati.net/grossmany-i-sherentsisy/ [Дата обращения: 29.01.2024].

219. Метеоизмерения онлайн 2024 — Геоинформационная система «Метеоизмерения онлайн». Погода в Москве в сентябре 1952 года. https://thermo.karelia.ru/weather/w_history.php?town=msk&month=9&year=1952 [Дата обращения: 7.11.2024].

220. Миндлин 1979 — Миндлин Эм. Необыкновенные собеседники. М.: Советский писатель, 1979.

221. Моруа 1961 — Моруа А. Жизнь Александра Флеминга / пер. с фр. И. Эрбург. М.: Иностранная литература, 1961.

222. Мунблит 1934 — Мунблит Г. Н. Мера и грация // Литературная газета. 16 ноября 1934. С. 2.

223. Мунблит 1964 — Мунблит Г. Н. Гроссман Василий Семенович // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М.: Советская энциклопедия, 1962–1978. Т. 2. 1964. Стлб. 398–399.

224. Мунблит 1972 — Мунблит Г. Н. Гроссман Василий Семенович // Большая советская энциклопедия: В 30 т. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1970–1981. Т. 7. 1972. Стлб. 351–352.

225. Муравьев 1964 — Муравьев Д. П. «Год…» /

/ Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1962–1978. Т. 2: Гаврилюк — Зюльфигар Ширвани. 1964. Стлб. 219.

226. Некрасов 1965 — Некрасов В. П. Случай на Мамаевом кургане // Новый мир. 1965. № 12. С. 35–54.

227. Некрасов 1969 — Некрасов В. Вас. Гроссман. Маленький портрет // Новый мир. 1969. № 9. С. 117–120.

228. Нернст 1904 — Нернст В. Г. Теоретическая химия с точки зрения Закона Avogadro и термодинамики / пер. с нем. В. Бурдакова. 3-е изд. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1904.

229. Новакова 2022 — Новакова О. В. Памяти академика Александра Андреевича Губера — основоположника отечественной исторической науки изучения Юго-Восточнои Азии (1902–1971) / / Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13: Востоковедение. 2022. № 2. С. 142–153.

230. Огрызко 2014 — Огрызко В. Будет добиваться правды: Василий Гроссман // Литературная Россия. 12 сентября 2014. https://old.litrossia.ru/2014/37/09055.html [Дата обращения: 20.02.2024].

231. Ортенберг1984 — Ортенберг Д. И. Июнь — декабрь сорок первого. М.: Советский писатель, 1984. https://militera.lib.ru/memo/russian/

ortenberg_di2/index.html [Дата обращения: 24.11.2024].

232. Ортенберг 1991 — Ортенберг Д. И. Сорок третий: Рассказ-хроника. М.: Политиздат, 1991.

233. Осеева 1959 — Осеева В. А. Динка. М.: Детгиз, 1959.

234. Осеева 2021 — Осеева В. А. Динка. М.: Эксмо, 2009.

235. Открытый 2024a — Открытый список. Губер Борис Андреевич (1903). https://ru.openlist.wiki/Губер_Борис_Андреевич_(1903) [Дата обращения: 11.02.2024].

236. Открытый 2024b — Открытый список. Левин Лев Ильич (1903). https://ru.openlist.wiki/Левин_Лев_Ильич_(1903). [Дата обращения: 19.01.2024].

237. Ошибочные произведения 1996 — Ошибочные произведения. Исключительный гонорар. Публикация Р. Романовой / От редакции // Вопросы литературы. 1996. № 3. С. 291–303.

238. Панаэтов 2011 — Панаэтов О. Г. Основатели и идеалы общины «Криница» // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 1. https://cyberleninka.ru/article/n/osnovateli-i-idealy-obschiny-krinitsa [Дата обращения:

19.01.2024].

239. Панферов 1942a — Панферов Ф. Своими глазами // Правда. 10 мая 1942. С. 2; 11 мая 1942. С. 2; 12 мая 1942. С. 3; 13 мая 1942. С. 3; 14 мая 1942. С. 4; 15 мая 1942. С. 2; 16 мая 1942. С. 2.

240. Панферов 1942b — Панферов Ф. И. Своими глазами. М.: Правда, 1942.

241. Панферов 1946 — Панферов Ф. О черепках и черепушках [О задачах сов. худож. лит-ры] // Октябрь. 1946. № 5. С. 151–162.

242. Панферов 1948 — Панферов Ф. И. Борьба за мир: Роман в двух книгах. М.: ОГИЗ, 1948.

243. Паустовский 1959 — Паустовский К. Г. Время больших ожиданий // Октябрь. 1959. № 3. С. 3–37; № 4. С. 42–47; № 5. С. 3–43.

244. Паустовский 1982 — Паустовский К. Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 5: Повесть о жизни. Кн. 4–6. М.: Худож. лит., 1982.

245. Паустовский 1983 — Паустовский К. Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 6: Рассказы. М.: Художественная литература, 1983.

246. Праттико 1961 — Праттико Ф. Перчинка / пер. с итал. А. Короткова. М.: Детгиз, 1961.

247. Рапопорт 2008 — Рапопорт А. Е. В. Короткова-Гроссман: «Из противостояния с системой отец вышел победителем» // Лехаим. 2008. № 5.

https://www.lechaim.ru/ARHIV/193/LKL.htm [Дата обращения: 18.01.2024].

248. Римский-Корсаков 2024 — Римский-Корсаков Н. «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии» («Сказание о граде Китеже»). 1926. Дирижер В. Сук, режиссер В. Раппопорт, художники К. Коровин, Н. Клодт, А. Васнецов // Большой театр. Электронный архив. Вся история театра с 1776 года. https://archive.bolshoi.ru/entity/PRODUCTION/3776579?index=3& sa-opera=103337 [Дата обращения: 18.01.2024].

249. Роженцева 2013 — Роженцева Е. Комментарии к письму Платонова неизвестному лицу от 1936 г. // Платонов А. «… я прожил жизнь»: Письма. 1920–1950 гг. М.: Астрель, 2013. С. 418.

250. Рожков 2016 — Рожков А. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: НЛО, 2016.

251. Романова 2006 — Романова Р. Александр Твардовский. Труды и дни. М.: Водолей Publ., 2006.

252. Роскина 1980 — Роскина Н. А. Четыре главы. Париж: YMCA-Press, 1980.

253. Роскина 2015 — Роскина Н. Детство и любовь. Фрагменты повести / Публ. и вступ. заметка И. Роскиной // Звезда. 2015. № 6. С. 72–107.

254. Рыкачев 1941 — Рыкачев Я. С. «Знамя». № 11–12. 1940 // Литературная газета. 5 января 1941. С. 3.

255. Сарнов 2006 — Сарнов Б. Жестоковыйный // Лехаим. 2006. № 4 (168). https://lechaim.ru/ARHIV/168/sarnov.htm [Дата обращения: 09.02.2024].

256. Сароян 1958 — Сароян У. 60 миль в час. Рассказы / сост. и пер. с англ. Л. Шифферса. М.: Детгиз, 1958.

257. Сельвинский 1959 — Сельвинский И. Из новых стихов // Огонек. 1959. № 11. С. 25.

258. Серебрянский 1941 — Серебрянский М. И. «Солдаты революции» // Правда. 20 января 1941. С. 4.

259. Смирнов 1998 — Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник / О-во «Мемориал», ГАРФ; сост. М. Б. Смирнов; под ред. Н. Г. Охотина, А. Б. Рогинского. М.: Звенья, 1998.

260. Соколов 2012 — Соколов А. К. От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 — июнь 1941 г. М.: Новый хронограф, 2012.

261. Сочевец 2024 — Сочевец Николай Михайлович // Жертвы политического террора в СССР. https://base.memo.ru/person/show/846714 [Дата обращения: 11.02.2024].

262. Спецсообщение Ягоде 1997 — Спецсообщение Ягоде о контрреволюционной группе писателей. 25 декабря 1935 г. // Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар государственной безопасности. Сборник документов / сост. В. К. Виноградов, А. А. Зданович, В. И. Крылов, А. Л. Литвин, Я. Ф. Погоний, В. Н. Сафонов. Казань, 1997. С. 458–465.

263. Список 1939 — Список абонентов Московской городской телефонной сети (1939). М.: Управление Московской городской телефонной сети Народного комиссариата связи СССР, 1939.

264. Старое 2024a — Старое радио. Гроссман В. Народ бессмертен (исп.: И. Ложкина, И. Охлупин, Н. Парфёнов, А. Кочетков, Е. Кузнецов, Е. Королёва, К. Мукасян, Г. Сергеев и др.). http://www.staroeradio.ru/audio/36632 [Дата обращения: 14.02.2024].

265. Старое 2024b — Старое радио. Зорин Л. Добряки (исп.: Н. Пастухов, А. Петров, К. Нассонов, Л. Доброжанская, В. Благообразов, М. Майоров, А. Ходурский, В. Попова и др.). http://www.staroeradio.ru/audio/39486 [Дата обращения: 29.02.2024].

266. Стейнбек 1963 — Стейнбек Дж. Квартал Тортилья-Флэт // Стейнбек Дж. Жемчужина. Квартал Тортилья-Флэт / пер. И. Гуровой. М.: Гослитиздат,

1963. С. 95–261.

267. Суриц 1998 — Суриц Г. Нелитературные друзья. Из воспоминаний / публ. и пред. Елены Суриц-Богатыревой // Диалог. Вып. 2 (1997/98 — 5758). С. 422–440.

268. Тагор 1917 — Тагор Р. Садовник / пер. с англ. Е. И. Саишниковой. М.: Универсальная библиотека, 1917.

269. Тарасенков 1955 — Тарасенков А. С оружием в руках: О военно-патриотических традициях советской литературы // Литературная газета. 10 мая 1955. С. 2–3.

270. Твардовский 1983 — Письмо А. Т. Твардовского В. В. Овечкину от 20 сентября 1962 года // Твардовский А. Т. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1983. С. 442–443.

271. Тихомиров 2011 — Тихомиров П. Е. Последние Камерного театра // Вопросы театра. 2011. № 3–4. С. 286–306.

272. Трагедия советской деревни 1999 — Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: В 5 т. Т. 1: Май 1927 — ноябрь 1929. М.: РОССПЭН, 1999.

273. Труд 1928 — Труд и быт женщины Востока: материалы Всесоюзного совещания комиссий по

улучшению труда и быта женщин Востока 11–17 января 1928 г. М.: ЦИК Союза ССР, 1928.

274. Указ 1942 — Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об учреждении медалей „За оборону Ленинграда“, „За оборону Одессы“, „За оборону Севастополя“ и „За оборону Сталинграда“ и награждении этими медалями участников обороны Ленинграда, Одессы, Севастополя и Сталинграда» от 22 декабря 1942 года // Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. 1942. № 47. С. 1.

275. Федосихин и др. 2019 — Федосихин В. С., Шенцова О. М., Хисматуллина Д. Д. Жизнь жителей Магнитки на острие архитектурного социалистического эксперимента // Инженерно-строительный вестник Прикаспия: научно-технический журнал. 2019. № 3. С. 72–80.

276. Ферми 1958 — Ферми Л. Атомы у нас дома / пер. с англ. М. П. Богословской и С. П. Боброва. М.: Иностранная литература, 1958.

277. Фирдоуси 1964 — Фирдоуси А. Шах-наме: В 2 т. / пер. с фарси В. Державина и С. Липкина. М.: Художественная литература, 1964.

278. Фолкнер 1961 — Фолкнер У. Особняк / пер. с англ. Р. Я. Райт-Ковалёвой // Иностранная литература. 1961. № 9. С. 15–76; № 10. С. 112–153; № 11.

С. 83–168; № 12. С. 98–166.

279. Фрезинский 2013 — Фрезинский Б. Трагедия Эммануила Казакевича // Народ в мире книг. 2013. № 102. http://narodknigi.ru/journals/102/tragediya_emmanuila_kazakevicha/ [Дата обращения: 14.02.2024].

280. Хазин 2017 — Хазин М. В Москве, на Беговой, у Василия Гроссмана // Заметки по еврейской истории. 2017. № 10 (203). https://z.berkovich-zametki.com/2017-nomer10-hazin/ [Дата обращения: 20.02.2024].

281. Цвейг 1961 — Цвейг С. Нетерпение сердца / пер. с нем. Н. Бунина. М.: Гослитиздат, 1961.

282. Чехов 1980 — Чехов А. П. ⟨Записная книжка I⟩ // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. М.: Наука, 1974–1982. Т. 17. М.: Наука, 1980. С. 7–105.

283. Чехов 2004 — Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер: В 2 т. / сост. и коммент. З. П. Удальцовой. М.: Искусство, 2004.

284. Чуковская 1999 — Чуковская Е. Ради красного словца // Литературная газета. 24 февраля 1999. С. 1, 9.

285. Чуковский 2012 — Чуковский К. И. Две души М. Горького // Чуковский К. И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 8: Литературная критика.

1918–1921. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. С. 183–238.

286. Чуковский, Чуковская 2003 — Чуковский К., Чуковская Л. Переписка. 1912–1969. М.: НЛО, 2003.

287. Шварц 2008 — Шварц Е. Л. Позвонки минувших дней. М.: Вагриус, 2008.

288. Шварц 2019 — Шварц Е. Л. Ленинградская телефонная книжка. М.: АСТ, 2019.

289. Шекспир 2024 — Шекспир У. Много шума из ничего (1936). Комедия в 4 действиях // Государственный академический театр им. Вахтангова. https://vakhtangov.ru/show/mnogoshuma/ [Дата обращения: 08.02.2024].

290. Шервуд 1958 — Шервуд Р. Э. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца: В 2 т. М.: Издательство иностранной литературы, 1958.

291. Шершевский 2004 — Шершевский Л. Мой мудрый друг // Лехаим, 2004. № 12 (152). https://lechaim.ru/ARHIV/152/drug.htm [Дата обращения: 08.02.2024].

292. Энгельс 1925 — Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Книга вторая / под ред. и с пред. Д. Рязанова. М.; Л.: Государственное издательство, 1925.

293. Эренбург 1962 — Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Продолжение // Новый мир. 1962. № 5. С.

95–154.

294. Яшин А. Рычаги // Литературная Москва: литературно-художественный сборник московских писателей. Сборник второй. М.: Гослитиздат, 1956. С. 502–513.

295. Anissimov 2012 — Anissimov M. Vassili Grossman: un écrivain de combat. Paris: Éd. du Seuil, cop. 2012.

296. Ardachelia, Iakovine 1981 — Ardachelia T. D., Iakovine G. Ia. Lettre a Trotsky sur L'isolateur de Verkhneouralsk (1), 11 novembre 1930 // Cahiers Leon Trotsky. 1981. № 7/8. P. 184–193.

297. Beck et al. 1945 — Beck A., Grossman V., Golovanevsky S. and others. Road to victory; twelve tales of the Red army. London; New York: Hutchinson & Co. Ltd., 1945.

298. Chandler, Bit-Yunan 2010 — Chandler R., Bit-Yunan Y. Notes // Grossman V. The Road. London: Maclehose Press Quercus, 2010.

299. Das Essener Heft 1927 — Das Essener Heft. Mitteilungen über die im Juni 1927 // Essen stattgefundene 1. Wanderversammlung des Vereins für Wasser-, Boden- und Lufthygiene. Berlin; Dahlem, 1927.

300. Dettmer, Popoff 2019 — Dettmer T., Popoff A. Vasily Grossman and the Plight of Soviet Jewish

Scientists. The Tragic Tale of the Physicist Lev Shtrum // Literary hub. May 29, 2019. https://lithub.com/vasily-grossman-and-the-plight-of-soviet-jewish-scientists [Last accessed: July 29, 2023].

301. Garrard, Garrard 1996 — Garrard C., Garrard J. The Bones of Berdichev. The life and fate of Vasily Grossman. New York: Free Press, 1996.

302. Garrard, Garrard 2012 — Garrard C., Garrard J. The life and fate of Vasily Grossman. South Yorkshire: Pen & Sword Military, 2012.

303. Grossman 1939 — Grossman V. In der Stadt Berditschew. Der Sicherheitsinspektor / Übersetzung von Ellen Walden. Moskva: Meshdunarodnaja Kniga, 1939.

304. Grossman 1942a — Grossman V. A la guerre // La littérature internationale. 1942. № 9. P. 46–49.

305. Grossman 1942b — Grossman W. Der Herr dieser // Internationale Literatur. 1942. № 11. P. 3–8.

306. Grossman 1943a — Grossman V. El regreso // La literatura internacional. 1943. № 9. P. 60–61.

307. Grossman 1943b — Grossman W. Juli 1943 // Internationale Literatur. 1943. № 10. P. 5–9.

308. Grossman 1943c — Grossman V. Life // The International Literature. 1943. № 9. P. 12–26

309. Grossman 1943d — Grossman W. Sieg des Lebens // Internationale Literatur. 1943. № 9. P. 13–

30.

310. Grossman 1943e — Grossman V. Stalingrad. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1943.

311. Grossman 1943f — Grossman W. Stalingrader Überfahrt // Internationale Literatur. 1943. № 1. P. 11–15.

312. Grossman 1943g — Grossman V. The people is immortal (excerpts) // The International literature. 1943. № 1. P. 17–41.

313. Grossman 1943h — Grossman V. Ucrania // La literatura internacional. 1943. № 11. P. 6–10.

314. Grossman 1945 — Grossman V. With the Red Army in Poland and Byelorussia. London; New York: Hutchinson & Co. Ltd., 1945.

315. Grossman 1957 — Grossman V. Pentru o cauza dreapta. București: Editura Cartea Rusă, 1957.

316. Grosmans 1941 — Grosmans V. Stepans Koļčugins. Riga: Latvijas Valsts Izdevniecība, 1941.

317. Grosmans 1954 — Grosmans V. Stepans Koļčugins. Riga: Latvijas Valsts Izdevniecība, 1954.

318. Groszman 1958 — Groszman V. Az igaz ügyért (részletek) // Nagyvilág. 1958. № 1.

319. Krasnikova, Volokhova 2023 — Krasnikova A., Volokhova J. Letters to father, wife and last love: Vasilii Grossman's epistolary legacy. L'Analisi Linguistica E Letteraria, 31 (3). 2023. P. 5–24.

320. Levitsky 1964 — Levitsky S. Introduction to Soviet Copyright Law. (Law in Eastern Europe, vol. 8.) Leiden: A.W. Sythoff, 1964.

321. Lins 2016 — Lins U. Dangerous Language. Esperanto under Hitler and Stalin. Vol. 1 / transl. by Humphrey Tonkin. Palgrave Macmillan, 2016.

322. Popoff 2019 — Popoff A. Vasily Grossman and the Soviet Century. New Haven; London: Yale University Press, 2019.

Реестр писем

Письма к отцу

Преамбула РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 64. Л. 1а–1в

Екатерины Заболоцкой

1. 2 декабря 1925 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 64. Л. 1–2 об.
2. 15 февраля 1927 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 64. Л. 3–3 об.
3. 9 июля [1927] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 64. Л. 4
4. 16 [июля 1927] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 64. Л. 5
5. 19 июля 1927 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 64. Л. 6
6. 4 августа 1927 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 64. Л. 7
7. 8 октября 1927 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 64. Л. 8–9 об.
8. 10 октября 1927 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 64. Л. 10–10 об.
9. 22 января 1928 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 64. Л. 11–13 об.

10. 30 марта 1928 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 64. Л. 14–15 об.

11. 12 апреля 1928 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 64. Л. 16–17 об.

12. 25 апреля 1928 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 64. Л. 18–20 об.

13. 9 мая 1928 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 64. Л. 21–21 об.

14. 18 мая [1928] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 64. Л. 22–22 об.

15. 1 июня 1928 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 64. Л. 23–24 об.

16. [Июнь 1928] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 64. Л. 25–25 об.

17. 22 июня [1928] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 64. Л. 26–27

18. 3 июля 1928 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 64. Л. 29–29 об.

19. 18 июля [1928] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 65. Л. 23–24 об.

20. 21 июля [1928] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 65. Л. 25 об.

21. [20–21 августа 1928] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 24–24 об.

22. 21 августа [1928] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 65. Л. 27–28 об.

23. 26 августа 1928 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 64. Л. 31–31 об.
24. 13 сентября [1928] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 15–16
25. 21 сентября 1928 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 64. Л. 32–33 об.
26. 24 сентября [1928] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 64. Л. 34–34 об.
27. 6 октября [1928] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 64. Л. 35–35 об.
28. 3 ноября [1928] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 65. Л. 29–30 об.
29. [Ноябрь 1928] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 65. Л. 41–41 об.
30. [Ноябрь — начало декабря 1928] (1) РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 65. Л. 31–32 об.
31. [Ноябрь — начало декабря 1928] (2) РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 65. Л. 33
32. 26 января [1929] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 65. Л. 1–4 об.
33. 30 января 1929 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 65. Л. 5–5 об.
34. 12 февраля [1929] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 65. Л. 34–34 об.
35. 27 февраля [1929] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 65. Л. 8–9 об.

36. 14 марта 1929 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 65. Л. 10–11 об.
37. 26 марта 1929 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 65. Л. 12 об.
38. 6 апреля 1929 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 65. Л. 13–14 об.
39. 10 апреля [1929] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 65. Л. 15–16 об.
40. 8 мая [1929] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 65. Л. 17–18 об.
41. 19 мая [1929] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 65. Л. 19–20 об.
42. 26 мая [1929] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 65. Л. 21–22 об.
43. [Июнь 1929] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 65. Л. 35–38
44. [22 июня 1929] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 65. Л. 39–40 об.
45. 10 июля [1929] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 4–5 об.
46. 30 [июля 1929] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 65. Л. 6–7 об.
47. [1 августа 1929] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 65. Л. 26
48. 8 июля 1931 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 3–3 об.

49. [Между 9 и 20 июля 1931] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 10–10 об.

50. 1 августа 1931 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 6–6 об.

51. 27 августа 1931 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 1–2 об.

52. [Конец августа — первые числа сентября 1931] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 17–19

53. 4 сентября 1931 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 7–7 об.

54. [31 января 1932] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 20

55. [2 февраля 1932] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 25–28 об.

56. [11 или 12 февраля 1932] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 11–12 об.

57. 20 февраля [1932] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 13–14 об.

58. [Май 1932] Начало: РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 8–9 об.; окончание: РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 29–29 об.

59. 27 мая 1932 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 30–30 об.

60. 18 июня 1932 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 31–31 об.

61. 6 июля [1932] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 66.

Л. 32–35 об.
62. 13 августа 1932 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 36–36 об.
63. 23 августа 1932 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 37
64. 26 августа 1932 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 38
65. 9 февраля 1933 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 67. Л. 1–2
66. 21 апреля 1933 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 67. Л. 3–3 об.
67. 16 мая 1933 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 67. Л. 4–4 об.
68. 27 июня 1933 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 67. Л. 6
69. 17 июля 1933 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 67. Л. 8–8 об.
70. 19 июля 1933 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 67. Л. 9–10 об.
71. 3 августа 1933 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 67. Л. 11–11 об.
72. 10 августа 1933 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 67. Л. 12
73. 17 августа 1933 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 67. Л. 13
74. Телеграмма 31 августа [1933] РГАЛИ. Ф. 1710.

Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 21

75. 11 октября 1933 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 67. Л. 14–14 об.

76. 23 октября 1933 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 67. Л. 15–15 об.

77. 17 ноября 1933 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 67. Л. 16–16 об.

78. [Вторая половина ноября 1933] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 67. Л. 17–17 об.

79. 21 декабря 1933 Начало: РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 67. Л. 18–19; окончание: семейный архив Гроссман — Губер

80. 8 января 1934 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 1–1 об.

81. 24 января 1934 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 2–2 об.

82. 3 февраля 1934 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 3–3 об.

83. 19 февраля 1934 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 4–4 об.

84. [Март 1934] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 5–5 об.

85. 22 марта 1934 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 6

86. 26 марта 1934 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 7–7 об.

87. 3 апреля 1934 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 8–8 об.

88. 17 апреля 1934 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 9–9 об.

89. 26 апреля 1934 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 10–10 об.

90. 8 мая 1934 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 11–11 об.

91. 16 мая 1934 Начало: РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 67. Л. 5–5 об.; окончание: РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 12

92. 26 мая 1934 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 13–13 об.

93. 11 июня 1934 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 16–16 об.

94. 30 июня 1934 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 17–18

95. 22 июля 1934 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 19

96. 30 июля 1934 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 20–20 об.

97. [Август 1934] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 26–26 об.

98. 8 сентября 1934 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 22–22 об.

99. 23 сентября 1934 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр.

68. Л. 23–23 об.

100. 26 сентября 1934 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 24

101. 2 ноября 1934 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 28–28 об.

102. 23 ноября 1934 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 29–30

103. 16 декабря 1934 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 31–32

104. 5 февраля 1935 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 1–3

105. 4 апреля 1935 Литературный музей: ГЛМ. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 1

106. 15 апреля 1935 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 4

107. 25 апреля 1935 Литературный музей: ГЛМ. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 2

108. 12 мая 1935 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 5

109. 27 июля 1935 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 7–7 об.

110. 4 августа 1935 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 8

111. 15 августа 1935 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 9

112. [Сентябрь 1935] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед.

хр. 69. Л. 10

113. 27 ноября 1935 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 11–12 об.

114. 14 апреля 1936 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 13

115. [Июль 1936] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 21–21 об.

116. 8 сентября 1936 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 14

117. 12 ноября 1936 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 16–16 об.

118. 27 ноября 1936 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 17–17 об.

119. 13 декабря 1936 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 18–18 об.

120. 21 декабря 1936 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 19–19 об.

121. 30 декабря [1936] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 20–20 об.

122. [Не ранее конца февраля — начала марта 1938] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 27

123. 2 декабря 1939 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 22

124. 9 декабря 1939 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 23

125. [20 марта 1940] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед.

хр. 69. Л. 26

126. 26 марта 1940 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 27–28 об.

127. 30 марта 1940 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 29–30 об.

128. 3 апреля 1940 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 31–32

129. 12 апреля 1940 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 33–34 об.

130. 29 апреля 1940 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 35–35 об.

131. [Ноябрь 1940] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 24–25 об.

132. [Декабрь 1940] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 36–37 об.

133. 2 января 1941 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 70. Л. 1–1 об.

134. 7 января 1941 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 70. Л. 2–2 об.

135. 12 января 1941 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 70. Л. 3–3 об.

136. [Конец января 1941] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 70. Л. 4–4 об.

137. 3 февраля 1941 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 70. Л. 5–6

138. 24 апреля [1941] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед.

хр. 70. Л. 7–8

139. 4 мая 1941 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 70. Л. 9

140. 12 мая 1941 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 70. Л. 10–10 об.

141. 8 августа 1941 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 70. Л. 11–11 об.

142. 9 сентября 1941 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 70. Л. 12

143. 14 сентября [1941] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 70. Л. 13

144. 1 октября 1941 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 70. Л. 14

145. 17 ноября [1941] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 70. Л. 15–15 об.

146. 21 ноября 1941 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 70. Л. 16

147. 2 декабря [1941] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 29–29 об.

148. 4 декабря 1941 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 70. Л. 17–17 об.

149. 1 февраля [1942] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 2

150. 25 февраля 1942 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 3–4 об.

151. 6 марта 1942 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр.

71. Л. 5–6

152. 7 марта 1942 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 7

153. 9 марта [1942] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 8

154. 11 марта 1942 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 9

155. 20 марта [1942] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 31–32 об.

156. 8 апреля 1942 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 10–11 об.

157. 10 апреля 1942 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 12

158. [Конец апреля 1942] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 13–14 об.

159. 15 мая 1942 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 15–15 об.

160. 31 мая 1942 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 16–17 об.

161. 17 июня [1942] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 18–18 об.

162. [2 июля 1942] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 14–15

163. 12 июля 1942 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 19–19 об.

164. 19 июля 1942 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр.

71. Л. 20

165. 24 июля 1942 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 21

166. 19 августа [1942] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 22–23 об.

167. 10 ноября 1942 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 24

168. 13 ноября 1942 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 25

169. 22 ноября 1942 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 27–28

170. 11 декабря 1942 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 30–30 об.

171. 31 декабря [1942] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 70. Л. 18–18 об.

172. 2 января [1943] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 1–1 об.

173. 4 апреля 1943 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 33–33 об.

174. 28 июля 1943 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 34–34 об.

175. [Январь 1944] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 72. Л. 3–4

176. 25 сентября 1945 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 72. Л. 1–2

177. 9 июня [1946] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр.

72. Л. 5–5 об.
178. [18 июня 1946] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 72. Л. 8
179. 19 июня 1946 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 72. Л. 7
180. [Июль 1946] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 72. Л. 6–6 об.
181. [Июль — август 1946] (1) РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 72. Л. 30–30 об.
182. [Июль — август 1946] (2) РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 72. Л. 9
183. [Июль — август 1946] (3) РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 72. Л. 28–28 об.
184. [Июль — август 1946] (4) РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 72. Л. 10–11
185. 14 августа 1946 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 72. Л. 12–12 об.
186. [Август 1946] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 72. Л. 29
187. 11 сентября 1947 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 72. Л. 13
188. [Июнь 1948] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 72. Л. 14–14 об.
189. 1 июля [1948] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 72. Л. 15–16
190. 14 июля 1948 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр.

72. Л. 17–17 об.

191. 23 июля 1948 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 72. Л. 18–18 об.

192. 12 августа 1948 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 72. Л. 19

193. 20 июля 1950 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 72. Л. 20–21 об.

194. 1 августа [1950] РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 72. Л. 24–25 об.

195. 15 августа 1950 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 72. Л. 22–23

196. 29 июля 1951 Семейный архив Гроссмана — Губер

197. 12 августа 1951 — «—

198. 17 августа 1951 — «—

199. 1 сентября 1951 — «—

200. [Сентябрь 1951] — «—

201. 27 сентября [1951] — «—

202. 20 июля 1952 — «—

203. [Начало сентября 1952] — «—

204. 12 сентября [1952] — «—

205. 18 сентября [1952] — «—

206. [Март 1953] — «—

207. 18 марта 1953 — «—

208. 29 сентября [1953?] — «—

209. 22 октября [1953] — «—

210. 20 сентября [1954?] — «—
211. 26 сентября [1954] — «—
212. 7 октября 1954 — «—
213. 9 октября [1954] — «—
214. 22 октября [1954] — «—
215. [Февраль 1955] — «—
216. 21 февраля [1955] — «—
217. 25 августа 1955 — «—
218. 23 сентября 1955 — «—
219. 3 октября 1955 — «—
220. 17 октября [1955] — «—
221. Недатированная записка РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 67.
Гроссмана отцу 1 Л. 20
222. Недатированная записка РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 69.
Гроссмана отцу 2 Л. 15
223. Недатированная записка РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 67.
Гроссмана отцу 3 Л. 21
224. Письмо отца 20 сентября [1945] Семейный архив Гроссмана — Губер

Переписка с Ольгой Губер

1. Гроссман — Губер 18 марта [1937] Семейный архив Гроссмана — Губер

2. Гроссман — Губер 26 марта 1937 — «—
3. Гроссман — Губер 5 сентября [1937] — «—
4. Гроссман — Губер [8 сентября 1937] — «—
5. Гроссман — Губер 14 сентября 1937 — «—
6. Гроссман — Губер 10 июля 1940 — «—
7. Гроссман — Губер 14 июля 1940 — «—
8. Гроссман — Губер 17 июля [1940] — «—
9. Гроссман — Губер 22 июля 1940 — «—
10. Гроссман — Губер 23 июля [1940] — «—
11. Гроссман — Губер [21 февраля 1941] Семейный архив Гроссмана — Губер
12. Гроссман — Губер 26 февраля 1941 — «—
13. Гроссман — Губер 2 марта 1941 — «—
14. Губер — Гроссману [12/13 июля 1941] — «—
15. Гроссман — Губер 15 июля 1941 — «—
16. Гроссман — Губер 17 июля [1941] — «—
17. Губер — Гроссману [Июль 1941] — «—
18. Гроссман — Губер 21 июля 1941 — «—
19. Гроссман — Губер 30 июля [1941] — «—
20. Гроссман — Губер 4 августа 1941 — «—
21. Гроссман — Губер 8 августа 1941 — «—
22. Губер — Гроссману 9 августа 1941 — «—
23. Губер — Гроссману 10–12 августа 1941 — «—
24. Губер — Гроссману 16 августа 1941 — «—
25. Губер — Гроссману 17 августа 1941 (1) — «—
26. Губер — Гроссману 17 августа 1941 (2) — «—

27. Гроссман — Губер 29 августа [1941] — «—
28. Губер — Гроссману [Сентябрь 1941] — «—
29. Гроссман — Губер 9 сентября 1941 — «—
30. Губер — Гроссману 9 сентября 1941 — «—
31. Гроссман — Губер 14 сентября [1941] — «—
32. Гроссман — Губер 16 сентября 1941 — «—
33. Губер — Гроссману [16 сентября 1941] — «—
34. Губер — Гроссману [Сентябрь 1941] — «—
35. Губер — Гроссману [Осень 1941] — «—
36. Губер — Гроссману 24, 25 сентября 1941 — «—
37. Губер — Гроссману [Осень 1941] — «—
38. Гроссман — Губер 10 октября 1941 (1) — «—
39. Гроссман — Губер 10 октября [1941] (2) — «—
40. Гроссман — Губер 14 октября 1941 (1) — «—
41. Гроссман — Губер 14 октября 1941 (2) — «—
42. Губер — Гроссману 30 октября [1941] — «—
43. Губер — Гроссману 31 октября [1941] — «—
44. Губер — Гроссману [Октябрь — ноябрь 1941] — «—
45. Гроссман — Губер 17 ноября 1941 — «—
46. Гроссман — Губер 21 ноября [1941] — «—
47. Гроссман — Губер 22 ноября 1941 — «—
48. Гроссман — Губер 22 [ноября 1941] — «—
49. Гроссман — Губер 23 ноября [1941] — «—
50. Гроссман — Губер 29 ноября 1941 — «—

51. Гроссман — Губер 1 декабря 1941 — «—
52. Губер — Гроссману 1 декабря [1941] — «—
53. Гроссман — Губер 2 декабря 1941 — «—
54. Губер — Гроссману 2 декабря 1941 — «—
55. Гроссман — Губер 3 декабря [1941] — «—
56. Гроссман — Губер 4 декабря 1941 Семейный архив Гроссмана — Губер
57. Гроссман — Губер [5 декабря 1941] — «—
58. Губер — Гроссману 10 декабря [1941] — «—
59. Губер — Гроссману [13 декабря 1941] — «—
60. Губер — Гроссману 14 декабря [1941] — «—
61. Губер — Гроссману [Середина декабря 1941, до 17-го] — «—
62. Губер — Гроссману [Декабрь 1941] — «—
63. Гроссман — Губер 16 декаб(ря) [1941] — «—
64. Гроссман — Губер 20 декабря 1941 — «—
65. Гроссман — Губер 25 декабря [1941] — «—
66. Гроссман — Губер 26 декабря 1941 — «—
67. Гроссман — Губер 1 января 1942 — «—
68. Губер — Гроссману 1 января 1942 — «—
69. Гроссман — Губер [6 января 1942] — «—
70. Гроссман — Губер 7 января 1942 — «—
71. Губер — Гроссману [Начало января 1942] (1) — «—
72. Губер — Гроссману [Начало января 1942] (2) — «—

73. Губер — Гроссману [Начало января 1942] (3) — «—
74. Губер — Гроссману 8 января 1942 — «—
75. Гроссман — Губер 11 января [1942] — «—
76. Губер — Гроссману [Январь 1942] — «—
77. Губер — Гроссману [28 января 1942] — «—
78. Гроссман — Губер 1 февраля [1942] — «—
79. Губер — Гроссману 4 февраля 1942 — «—
80. Гроссман — Губер 5 февраля 1942 — «—
81. Гроссман — Губер 9 февраля [1942] — «—
82. Губер — Гроссману [Середина февраля 1942] — «—
83. Гроссман — Губер 19 февраля 1942 — «—
84. Губер — Гроссману 19 февраля 1942 — «—
85. Губер — Гроссману [20 февраля 1942] — «—
86. Губер — Гроссману 22 февраля 1942 (1) — «—
87. Губер — Гроссману 22 февраля 1942 (2) — «—
88. Гроссман — Губер 25 февраля 1942 — «—
89. Губер — Гроссману [28 февраля 1942] — «—
90. Гроссман — Губер 1 марта [1942] — «—
91. Гроссман — Губер 2 марта 1942 — «—
92. Гроссман — Губер 4 марта 1942 — «—
93. Гроссман — Губер [5 марта 1942] — «—
94. Гроссман — Губер 6 марта 1942 — «—
95. Гроссман — Губер 7 марта 1942 — «—
96. Гроссман — Губер 9 марта [1942] — «—

97. Гроссман — Губер 10 марта 1942 Семейный архив Гроссмана — Губер
98. Гроссман — Губер 11 марта 1942 — «—
99. Гроссман — Губер 25 марта 1942 — «—
100. Гроссман — Губер 29 июня 1942 — «—
101. Гроссман — Губер 2 июля [1942] — «—
102. Губер — Гроссману 2–4 июля, 7 июля [1942] — «—
103. Гроссман — Губер 5 июля 1942 — «—
104. Гроссман — Губер [6 июля 1942] — «—
105. Гроссман — Губер 12 июля 1942 — «—
106. Губер — Гроссману 14 июля [1942] — «—
107. Губер — Гроссману [14 июля 1942] — «—
108. Гроссман — Губер 15 июля 1942 — «—
109. Губер — Гроссману 18 июля 1942 — «—
110. Гроссман — Губер 19 июля 1942 — «—
111. Гроссман — Губер 20 июля 1942 — «—
112. Губер — Гроссману 21, 22, 23 июля 1942 — «—
113. Гроссман — Губер 22 июля [1942] — «—
114. Гроссман — Губер 23 июля [1942] — «—
115. Губер — Гроссману [26 июля 1942] — «—
116. Губер — Гроссману 26, 27, 29 июля 1942 — «—
117. Гроссман — Губер 28 июля 1942 — «—
118. Гроссман — Губер 30 июля 1942 — «—

119. Гроссман — Губер 3 августа 1942 — «—
120. Губер — Гроссману 3 августа [1942] — «—
121. Губер — Гроссману 4 августа 1942 — «—
122. Губер — Гроссману [Между 5 и 9 августа 1942] — «—
123. Гроссман — Губер 5 августа 1942 — «—
124. Гроссман — Губер 7 августа 1942 — «—
125. Губер — Гроссману 9, 10 августа [1942] — «—
126. Гроссман — Губер 10 августа 1942 — «—
127. Гроссман — Губер 17 августа 1942 — «—
128. Гроссман — Губер 19 августа 1942 — «—
129. Гроссман — Губер 20 августа [1942] — «—
130. Гроссман — Губер 23 августа [1942] — «—
131. Гроссман — Губер 27 августа [1942] — «—
132. Гроссман — Губер 28 августа [1942] — «—
133. Гроссман — Губер 30 августа [1942] — «—
134. Гроссман — Губер 31 августа 1942 — «—
135. Гроссман — Губер 3 сентября [1942] — «—
136. Гроссман — Губер 6 сентября [1942] — «—
137. Гроссман — Губер 10 сентября 1942 — «—
138. Гроссман — Губер 14 сентября 1942 — «—
139. Гроссман — Губер [3 октября 1942] — «—
140. Гроссман — Губер 3 октября [1942] Семейный архив Гроссмана — Губер
141. Гроссман — Губер 4 октября [1942] — «—

142. Гроссман — Губер 5 октября 1942 — «—
143. Гроссман — Губер 8 октября [1942] — «—
144. Губер — Гроссману 8 октября [1942] — «—
145. Губер — Гроссману 9 октября 1942 — «—
146. Гроссман — Губер 12 октября 1942 — «—
147. Гроссман — Губер 14 октября 1942 — «—
148. Губер — Гроссману 14 октября 1942 — «—
149. Гроссман — Губер 16 октября 1942 — «—
150. Гроссман — Губер 22 октября 1942 — «—
151. Губер — Гроссману 25 октября 1942 — «—
152. Гроссман — Губер 26 октября 1942 — «—
153. Гроссман — Губер 10 ноября 1942 — «—
154. Гроссман — Губер 13 ноября 1942 — «—
155. Гроссман — Губер 15 ноября 1942 — «—
156. Гроссман — Губер 22 ноября 1942 — «—
157. Гроссман — Губер 5 декабря 1942 — «—
158. Гроссман — Губер 11 декабря [1942] — «—
159. Губер — Гроссману [Декабрь 1942] — «—
160. Гроссман — Губер [Декабрь 1942, после 4-го] — «—
161. Гроссман — Губер 25–27 декабря 1942 — «—
162. Гроссман — Губер 31 декабря 1942 — «—
163. Гроссман — Губер 29 января 1943 — «—
164. Гроссман — Губер 2 февраля 1943 — «—
165. Гроссман — Губер 14 февраля 1943 — «—
166. Гроссман — Губер 17 февраля 1943 — «—

167. Гроссман — Губер 20 марта 1943 — «—
168. Гроссман — Губер 22 марта 1943 — «—
169. Губер — Гроссману [Конец марта 1943] — «—
170. Гроссман — Губер 25 марта 1943 — «—
171. Губер — Гроссману [Апрель 1943] — «—
172. Гроссман — Губер 28 июня 1943 — «—
173. Гроссман — Губер 11 июля 1943 — «—
174. Гроссман — Губер 18 июля 1943 — «—
175. Гроссман — Губер 24 июля 1943 — «—
176. Гроссман — Губер [Январь 1944, не ранее 9-го] — «—
177. Гроссман — Губер 20 февраля 1945 — «—
178. Гроссман — Губер 9 июня [1946] — «—
179. Гроссман — Губер 17 июня 1946 — «—
180. Гроссман — Губер 26 июня 1946 — «—
181. Гроссман — Губер [Начало июля 1946] — «—
182. Гроссман — Губер 11 сентября 1947 — «—
183. Гроссман — Губер [Ноябрь 1948, не позже 19-го] Семейный архив Гроссмана — Губер
184. Гроссман — Губер 19 ноября [1948] — «—
185. Гроссман — Губер 21 ноября 1948 — «—
186. Гроссман — Губер 24 ноября 1948 — «—
187. Гроссман — Губер 26 ноября [1948] — «—
188. Гроссман — Губер 28 ноября 1948 — «—

189. Гроссман — Губер 30 ноября [1948] — «—
190. Гроссман — Губер 1 декабря 1948 — «—
191. Гроссман — Губер 4 декабря 1948 — «—
192. Гроссман — Губер 6 декабря 1948 — «—
193. Гроссман — Губер 8 декабря 1948 — «—
194. Гроссман — Губер 10 декабря [1948] — «—
195. Гроссман — Губер 7 февраля [1955] — «—
196. Губер — Гроссману 10 февраля 1955 — «—
197. Гроссман — Губер [12 февраля 1955] — «—
198. Губер — Гроссману 14–16 февраля 1955 — «—
199. Гроссман — Губер 15 февраля 1955 — «—
200. Губер — Гроссману 19 февраля [1955] — «—
201. Гроссман — Губер 20 февраля 1955 — «—
202. Губер — Гроссману 21 февраля 1955 — «—
203. Гроссман — Губер 22 февраля 1955 — «—
204. Губер — Гроссману 22 февраля 1955 — «—
205. Гроссман — Губер 9–10 мая 1955 — «—
206. Гроссман — Губер 13 мая 1955 — «—
207. Гроссман — Губер 15 мая [1955] — «—
208. Гроссман — Губер 18 [мая 1955] — «—
209. Гроссман — Губер 23 мая [1955] — «—
210. Гроссман — Губер 24–25 мая 1955 — «—
211. Гроссман — Губер [2 апреля 1956] — «—
212. Гроссман — Губер 9 апреля 1956 — «—
213. Гроссман — Губер [15 апреля 1956] — «—

214. Гроссман — Губер 19 апреля 1956 — «—
215. Гроссман — Губер 21 апреля [1956] — «—
216. Гроссман — Губер 5 мая 1956 — «—
217. Гроссман — Губер 10 мая 1956 — «—
218. Гроссман — Губер 15 мая 1956 — «—
219. Гроссман — Губер 18 мая 1956 — «—
220. Гроссман — Губер 21 мая 1956 — «—
221. Гроссман — Губер 24 мая [1956] — «—
222. Гроссман — Губер 27 мая 1956 — «—
223. Гроссман — Губер 13 мая [1957] — «—
224. Гроссман — Губер 18 мая 1957 — «—
225. Гроссман — Губер 23 мая 1957 — «—
226. Гроссман — Губер 27 мая 1957 — «—
227. Гроссман — Губер 30 сентября 1957 — «—
228. Гроссман — Губер 3 октября 1957 Семейный архив Гроссмана — Губер
229. Гроссман — Губер 9 октября 1957 — «—
230. Гроссман — Губер 14 октября 1957 — «—
231. Гроссман — Губер 21 января 1958 — «—
232. Гроссман — Губер [Конец января — начало февраля 1958] — «—
233. Гроссман — Губер 12 февраля 1958 — «—
234. Гроссман — Губер 16 февраля 1958 — «—
235. Гроссман — Губер [25 февраля 1958] — «—
236. Гроссман — Губер 23 апреля 1958 — «—
237. Губер — Гроссману 23 апреля 1958 — «—

238. Губер — Гроссману 27 апреля 1958 — «—
239. Гроссман — Губер 30 апреля 1958 — «—
240. Губер — Гроссману 1 мая 1958 — «—
241. Гроссман — Губер 6 мая 1958 — «—
242. Гроссман — Губер [Май 1958] — «—
243. Губер — Гроссману 9–10 мая 1958 — «—
244. Гроссман — Губер 12 мая [1958] — «—
245. Губер — Гроссману 13 мая 1958 — «—
246. Губер — Гроссману 14–15 мая 1958 — «—
247. Гроссман — Губер 16 мая 1958 — «—
248. Губер — Гроссману 18 мая 1958 — «—
249. Гроссман — Губер 19 мая 1958 — «—
250. Губер — Гроссману 20–22 мая 1958 — «—
251. Гроссман — Губер 25 мая [1958] — «—
252. Губер — Гроссману 25 мая 1958 — «—
253. Губер — Гроссману 28 мая 1958 — «—
254. Гроссман — Губер 29 мая 1958 — «—
255. Губер — Гроссману 31 мая 1958 — «—
256. Гроссман — Губер 1 июня [1958] — «—
257. Губер — Гроссману 3–4 июня 1958 — «—
258. Гроссман — Губер 4 июня [1958] — «—
259. Губер — Гроссману 5 июня 1958 — «—
260. Гроссман — Губер 3 марта 1959 — «—
261. Губер — Гроссману 3 марта 1959 — «—
262. Губер — Гроссману 5 марта 1959 — «—
263. Гроссман — Губер 6 марта [1959] — «—

264. Губер — Гроссману 6–7 марта 1959 — «—
265. Гроссман — Губер 9 марта 1959 — «—
266. Губер — Гроссману 9 марта 1959 — «—
267. Губер — Гроссману 10 марта 1959 — «—
268. Гроссман — Губер 12 марта [1959] — «—
269. Губер — Гроссману 12 марта 1959 — «—
270. Гроссман — Губер 14 марта [1959] — «—
271. Губер — Гроссману 14 марта 1959 — «—
272. Губер — Гроссману 16 марта 1959 — «—
273. Гроссман — Губер 17 марта [1959] Семейный архив Гроссмана — Губер
274. Губер — Гроссману 17 марта 1959 — «—
275. Гроссман — Губер 19 марта [1959] — «—
276. Губер — Гроссману 19 марта 1959 — «—
277. Гроссман — Губер 21 марта [1959] — «—
278. Гроссман — Губер 24 марта [1959] — «—
279. Губер — Гроссману 26 марта 1959 — «—
280. Губер — Гроссману 29 марта 1959 — «—
281. Гроссман — Губер 26 апреля 1959 — «—
282. Губер — Гроссману 26 апреля 1959 — «—
283. Гроссман — Губер 28 апреля [1959] — «—
284. Губер — Гроссману 28 апреля 1959 — «—
285. Губер — Гроссману 1 мая 1959 — «—
286. Гроссман — Губер 4 мая 1959 — «—
287. Губер — Гроссману 4–5 мая 1959 — «—
288. Губер — Гроссману 6 мая 1959 — «—

289. Гроссман — Губер 7 мая 1959 — «—
290. Гроссман — Губер 9 мая 1959 — «—
291. Губер — Гроссману 9 мая 1959 — «—
292. Гроссман — Губер 11 мая 1959 — «—
293. Гроссман — Губер 13 мая [1959] — «—
294. Губер — Гроссману 13 мая 1959 — «—
295. Гроссман — Губер 15 мая 1959 — «—
296. Губер — Гроссману 16 мая 1959 — «—
297. Гроссман — Губер 18 мая 1959 — «—
298. Губер — Гроссману 18 мая 1959 — «—
299. Губер — Гроссману 21 мая 1959 — «—
300. Гроссман — Губер 22 мая 1959 — «—
301. Гроссман — Губер [23 мая 1959] — «—
302. Гроссман — Губер 26 мая [1959] — «—
303. Губер — Гроссману 26 мая 1959 — «—
304. Гроссман — Губер 29 мая [1959] — «—
305. Губер — Гроссману 30 мая 1959 — «—
306. Гроссман — Губер 31 мая [1959] — «—
307. Губер — Гроссману 2 июня 1959 — «—
308. Гроссман — Губер 3 июня 1959 — «—
309. Гроссман — Губер [Начало июня 1959] — «—
310. Гроссман — Губер 26 апреля [1960] — «—
311. Гроссман — Губер 30 апреля [1960] — «—
312. Гроссман — Губер 3 мая 1960 — «—
313. Гроссман — Губер 5 мая [1960] — «—

314. Гроссман — Губер 7 мая 1960 — «—
315. Гроссман — Губер 11 мая 1960 — «—
316. Гроссман — Губер 14 мая [1960] — «—
317. Гроссман — Губер 17 мая [1960] — «—
318. Гроссман — Губер 22 мая [1960] Семейный архив Гроссмана — Губер
319. Гроссман — Губер 28 мая [1960] — «—
320. Гроссман — Губер 1 июня 1960 — «—
321. Гроссман — Губер 24 сентября 1960 — «—
322. Гроссман — Губер 30 сентября 1960 — «—
323. Гроссман — Губер 4 октября 1960 — «—
324. Гроссман — Губер 8 октября 1960 — «—
325. Гроссман — Губер 11 октября [1960] — «—
326. Гроссман — Губер 15 октября [1960] — «—
327. Гроссман — Губер 17 октября 1960 — «—
328. Гроссман — Губер 25 сентября [1961] — «—
329. Гроссман — Губер 29 сентября 1961 — «—
330. Гроссман — Губер 30 сентября [1961] — «—
331. Гроссман — Губер 4 октября [1961] — «—
332. Гроссман — Губер 6 октября 1961 — «—
333. Гроссман — Губер 10 октября [1961] — «—
334. Гроссман — Губер 13 октября [1961] — «—
335. Гроссман — Губер 4 ноября 1961 Из писем В. Гроссмана к жене // Глазами друзей / ред. Р. Авакян. Ереван, 1967. С. 351–362
336. Гроссман — Губер 9 ноября 1961 — «—

337. Гроссман — Губер 13 ноября 1961 — «—
338. Гроссман — Губер 17 ноября 1961 — «—
339. Гроссман — Губер 21 ноября 1961 — «—
340. Гроссман — Губер 26 ноября 1961 — «—
341. Гроссман — Губер 1 декабря 1961 — «—
342. Гроссман — Губер 6 декабря 1961 — «—
343. Гроссман — Губер 21 декабря 1961 — «—
344. Гроссман — Губер 25 декабря 1961 — «—
345. Гроссман — Губер [Конец декабря 1961] — «—
346. Гроссман — Губер [3 января 1962] — «—
347. Гроссман — Губер 5 января 1962 — «—
348. Гроссман — Губер 5 мая [1962] Семейный архив Гроссмана — Губер
349. Гроссман — Губер 10 мая 1962 — «—
350. Гроссман — Губер 14–15 мая [1962] — «—
351. Гроссман — Губер 18 мая 1962 — «—
352. Гроссман — Губер 21 мая 1962 — «—
353. Гроссман — Губер 24 мая 1962 — «—
354. Гроссман — Губер 28 мая 1962 — «—
355. Гроссман — Губер 31 мая 1962 — «—
356. Гроссман — Губер 4 июня 1962 — «—
357. Гроссман — Губер 5 июня [1962] — «—
358. Гроссман — Губер 30 сентября [1962] — «—
359. Гроссман — Губер 4 октября 1962 — «—
360. Гроссман — Губер 8 октября [1962] — «—

361. Гроссман — Губер [Октябрь 1962] Семейный архив Гроссмана — Губер
362. Гроссман — Губер 16 октября [1962] — «—
363. Гроссман — Губер 19 октября [1962] — «—
364. Гроссман — Губер 12 сентября 1963 — «—
365. Гроссман — Губер 16 сентября 1963 — «—
366. Гроссман — Губер 17 сентября 1963 — «—
367. Гроссман — Губер 20 сентября [1963] — «—
368. Гроссман — Губер 23 сентября 1963 — «—
369. Гроссман — Губер 27 сентября 1963 — «—
370. Гроссман — Губер 30 сентября 1963 — «—
371. Гроссман — Губер 4 октября 1963 — «—
372. Гроссман — Губер 6 октября 1963 — «—
373. Гроссман — Губер 9 октября 1963 — «—
374. Гроссман — Губер 12 октября 1963 — «—

Письма к Екатерине Заболоцкой

1. Телеграмма 19 ноября 1955 Архив Галеев-Галереи
2. Телеграмма 25 ноября 1957 — «—
3. 2 марта [1959] — «—
4. 4 марта [1959] — «—
5. 8 марта [1959] — «—
6. 11 марта [1959] — «—
7. 12 марта [1959] — «—
8. [16 марта 1959] — «—

9. 18 марта [1959] — «—
10. 20 марта [1959] — «—
11. 23 марта [1959] — «—
12. 28 марта [1959] — «—
13. 2 апреля [1959] — «—
14. 3 июня [1959] — «—
15. 6 июня [1959] — «—
16. 9 июня [1959] — «—
17. 3 сентября [1959] — «—
18. 7 сентября [1959] — «—
19. 3 октября [1959] — «—
20. [Начало октября 1959] — «—
21. 9 октября [1959] — «—
22. [Октябрь 1959] — «—
23. 20 октября [1959] — «—
24. [Конец октября 1959] — «—
25. 24 октября [1959] — «—
26. 28 октября [1959] — «—
27. 30 ноября 1959 — «—
28. 5 ноября [1960] (1) — «—

1. Письмо Гроссмана матери Екатерине Савельевне 9 мая [1928]	РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 63. Л. 1–1 об.
2. Письмо Гроссмана матери Екатерине Савельевне 20 февраля [1929]	РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 63. Л. 2–4 об.
3. Письмо Гроссмана Ольге Семеновне Роданевич 12 февраля 1927	РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 73. Л. 1
4. Письмо Гроссмана Ольге Семеновне Роданевич с припиской отцу 11 июня 1933	РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 73. Л. 2–2 об.
5. Записка неустановленного лица [Без даты]	Harvard College Library. Houghton Library. Grossman Collection. Box 2, 4
6. Доверенность от Гроссмана на имя отца 16 февраля 1943	РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 74

7. Письмо Гроссмана Женни Генриховне Генрихсон 5 октября [1942]	РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 62. Л. 1
8. Письмо Гроссмана Женни Генриховне Генрихсон [11 ноября 1942]	РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 62. Л. 2
9. Письмо Кати Гроссман дедушке Семену Осиповичу [1945–1947]	РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 75. Л. 1–1 об.
10. Письмо Семена Липкина Лие Ерусалимчик 24 июля 1950	РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 76
11. Письмо Ольги Губер Екатерине Заболоцкой [2 июля 1957]	Архив Галеев-Галереи

29. [5 ноября 1960] (2) Архив Галеев-Галереи
30. 9 ноября [1960] — «—
31. [12 ноября 1960] — «—

32. 13–14 ноября [1960] — «—
33. 23 ноября [1960] — «—
34. Телеграмма 23 ноября 1960 — «—
35. 7 ноября [1961] — «—
36. 15 ноября 1961 — «—
37. Телеграмма 19 ноября 1961 — «—
38. 21 ноября [1961] — «—
39. 25 ноября [1961] — «—
40. 29 ноября 1961 — «—
41. 3 декабря [1961] — «—
42. 7 декабря [1961] — «—
43. 13 декабря [1961] — «—
44. 18 декабря [1961] — «—
45. 23 декабря [1961] — «—
46. 27 декабря [1961] — «—
47. Телеграмма 30 декабря 1961 — «—
48. 27 октября 1962 — «—
49. 30 октября 1962 — «—
50. 1 ноября 1962 — «—
51. Записка без даты (1) — «—
52. Записка [Не ранее 1962] — «—
53. Записка 9 октября [1962] — «—
54. Записка без даты (2) — «—
55. Записка 31 декабря 1962 — «—

Разное

Аннотированный именной указатель

Абашидзе, Ираклий Виссарионович (1909–1992) — грузинский поэт, в 1953–1967 годах первый секретарь, а затем председатель правления Союза писателей Грузии 743

Абдулла — вероятно, знакомый Гроссмана по Сталину (Донецку) 103

Абрамов — коллега Гроссмана и его отца по Сталинскому институту патологии и гигиены труда 112

Авдеенко, Александр Остапович (1908–1996) — писатель и военкор, в частности «Красной звезды»; один из тех, кто на заседании секции прозы Союза писателей в октябре 1952 года выражал свое восхищение романом «За правое дело» 448

Автор *см.* Кочар, Рачия Кочарович

Автор романа о Ганнибале 481

Адлер, Генриетта Савельевна (1903–1997) — художница, жена Сергея Александровича Бондарина, с 1941 года находилась в Чистополе в эвакуации 352, 354, 362, 365, 374

Ажаев, Василий Николаевич (1915–1968) — пи-

сатель, автор романа «Далеко от Москвы» (1948), получившего в 1949 году Сталинскую премию первой степени 448, 450

Александр Алексеевич (ум. 1961) — второй муж Евгении Михайловны Йост (Сочевец) 597, 605, 628, 636, 638, 640, 644

Александр Григорьевич *см.* Письменный, Александр Григорьевич

Александр Сергеевич *см.* Коротков, Александр Сергеевич

Александр Трифонович *см.* Твардовский, Александр Трифонович

Александров, Владимир Борисович (Келлер; 1898–1954) — литературный критик; среди прочего работал внутренним рецензентом в журнале «Новый мир» 224, 253, 262

Александрова, Зинаида Николаевна (1907–1983) — поэтесса, жена писателя Арона Исаевича Эрлиха 688

Алексей Максимович *см.* Горький, Максим

Алеся *см.* Бобрышева, Алла (Алеся) Васильевна

Алеша *см.* Коротков, Алексей Александрович

Алмаз, Елизавета Савельевна (*урожд.* Витис) — тетя Гроссмана, сестра его матери Екатерины Савельевны, мать Надежды Моисеевны Алмаз 51, 55, 83, 113, 122, 126, 133, 154, 156, 158, 160, 164,

165, 193, 224, 238, 241, 272, 298, 355, 358, 365, 375, 377, 379, 384

Алмаз, Надежда Моисеевна (1897 — не позже 1961) — двоюродная сестра Гроссмана, оказавшая на него большое влияние и помогавшая ему в начале его журналистской и литературной карьеры. Жила в Москве, арестована в 1933 году и отправлена в ссылку в Астрахань; в 1936 году арестована повторно и осуждена на три года заключения в исправительно-трудовых лагерях. В 1939 году после окончания срока ее снова арестовали и этапировали в Москву, она находилась в Бутырской тюрьме под следствием около восьми месяцев и была освобождена за отбытием срока наказания в ноябре 1939 года 39, 43, 44, 48, 51, 63, 67, 68, 83, 98, 113, 114, 117, 120, 122, 126, 131–133, 137, 139, 142, 149, 156, 158, 163, 182, 193, 238, 241, 242, 259, 261, 263, 358, 384, 442, 449, 450, 454, 456, 459, 461, 463, 465, 471, 486, 775

Андреев — коллега Гроссмана и его отца Семена Осиповича по Сталинскому институту патологии и гигиены труда 109, 112, 114, 120, 156, 168

Андреев, Кирилл Кириллович (род. 1945) — сын Кирилла Константиновича Андреева и Екатерины Григорьевны Строговой 623

Андреев, Кирилл Константинович (1906–

1968) — литературовед и критик, второй муж Екатерины Григорьевны Строговой 619, 622, 623

Андреев, Леонид Николаевич (1871–1919) — писатель 727

Андреева, Анастасия Николаевна (*урожд.* Пацковская; 1850–1920) — мать Леонида Андреева 727

Андреева и Строговой сын *см.* Андреев, Кирилл Кириллович

Андреева Леонида мать *см.* Андреева, Анастасия Николаевна

Андрей Владимирович *см.* Звенигородский, Андрей Владимирович

Андроников, Ираклий Луарсабович (1908–1990) — писатель, литературовед, телеведущий. С января 1942 года вступил в ряды Красной армии, служил военным корреспондентом; во время боев за Ржевск находился на передовой 350

Андрюша *см.* Губер, Андрей Александрович

Анисимов, Борис Иванович (ум. 1956) — сын Ивана Ивановича и Ревекки Моисеевны Анисимовых 490

Анисимов, Иван Иванович (1899–1966) — критик, литературовед; в годы войны служил на Южном и Закавказском фронтах; в 1948–1952 годах главный редактор журнала «Советская ли-

тература», выходившего на иностранных языках; в 1952–1966 годах директор Института мировой литературы 318

Анисимова, Ревекка Моисеевна — жена Ивана Ивановича Анисимова 301, 318, 490

Анисимовой муж *см.* Анисимов, Иван Иванович

Анна Самойловна *см.* Берзер, Анна Самойловна

Анна Соломоновна — машинистка, работавшая с Гроссманом 618, 629

Антон, дворник в Брюсовском переулке в конце 1930–1940-х годах 364, 379

Анци-Половский, Лазарь Яковлевич (1896–1968) — сценарист и кинорежиссер, в частности, снял советский пропагандистский фильм «Если завтра война…» (1938) 315

Аня — знакомая Ольги Губер, жившая в эвакуации в Чистополе 374

Ардашелия, Терентий Дорофеевич (1902–1937) — второй муж Надежды Моисеевны Алмаз, с которым она познакомилась в 1933 году в ссылке. Примыкал к антисталинской оппозиции, был троцкистом, до знакомства с Алмаз несколько лет находился в ссылке, был заключенным Верхнеуральского политического изолятора, откуда

писал Льву Троцкому. Терентий Ардашелия был повторно осужден, а затем расстрелян 16 сентября 1937 года. О его смерти и посмертной реабилитации Гроссман упоминает в своем позднем рассказе «Жилица» 133

Арий *см.* Ротницкий, Арий Давыдович

Ариша 625

Армянин *см.* Кочар, Рачия Кочарович

Арон *см.* Эрлих, Арон Исаевич

Арона дочь — дочь Арона Исаевича Эрлиха 688

Аронов, Михаил Александрович — сын Софьи Абрамовны Могилевской и Александра Аронова 536

Арсенева, Клара Соломоновна (1889–1972) — поэтесса, переводчица, отдыхала с Ольгой Михайловной Губер в Коктебеле в 1950-х годах 598, 600

Арутюн — сторож в Цахкадзоре в 1961 году 756, 757

Асеев, Николай Николаевич (1889–1963) — поэт 203, 217, 288, 298, 303, 352, 358, 364, 365, 373–375, 445; *см. также* Асеевы

Асеева, Ксения Михайловна (*урожд.* Синякова; 1892–1985) — жена Николая Николаевича Асеева: 460, 576; *см. также* Асеевы; Синяковы, сестры

Асеевы 239

Асмик *см.* Таронян, Асмик

Асрамов — коллега Гроссмана и его отца по Сталинскому институту патологии и гигиены труда 110

Атаров, Николай Сергеевич (1907–1978) — писатель, фронтовой корреспондент; муж писательницы Магдалины Зиновьевны Дальцевой. В 1948–1956 годах состоял в редколлегии «Литературной газеты», в 1955–1956-м был главным редактором журнала «Москва». (Об отношениях Атарова и Гроссмана *см.*: Липкин 1990: 99) 346, 493, 494, 661

Ахматова, Анна Андреевна (Горенко; 1889–1966) — поэт 610

Б. М. — человек, с которым Катя Гроссман проводила время в Коктебеле в 1957 году 502

Бабаевский, Семен Петрович (1909–2000) — писатель, журналист; в годы войны служил в действующих казачьих частях армии, а затем работал редактором и корреспондентом газеты «Боец РККА». Лауреат трех Сталинских премий: в 1949 году — за роман «Кавалер Золотой Звезды» (1948); в 1950-м — за первую книгу романа «Свет над землей» (1949); в 1951-м — за вторую книгу этого же романа (1950) 537

Бабель, Исаак Эммануилович (1894–1940) — писатель 144, 515, 611

Бабенко — начальник Семена Осиповича Гроссмана в Новосибирском институте 110

Бабушка [Елены Кожичкиной] *см.* Новикова, Эсфирь Ароновна

Багрицкий, Эдуард Георгиевич (1895–1934) — поэт 611

Бажан, Николай Петрович (1904–1983) — украинский поэт, переводчик, публицист 492

Баранов, Виктор Георгиевич — муж Анны Петровны Мацук, отчим Екатерины Васильевны Коротковой-Гроссман 212, 233, 396, 401, 471, 584; *см. также* Барановы

Баранова, Анна Петровна *см.* Мацук, Анна Петровна

Барановы — семья Анны Петровны Мацук и ее мужа Виктора Георгиевича Баранова 468, 471

Барсуков 445

Батшева — коллега Семена Осиповича по работе в Сталине 119, 156

Батькови *см.* Гроссман, Семен Осипович

Бахметьев, Владимир Матвеевич (1885–1963) — писатель, член первого правления Союза писателей, заместитель секретаря президиума Союза писателей 226, 385, 388, 409, 424

Бек, Александр Альфредович (1903–1972) — писатель, журналист. В годы войны участник

народного ополчения Москвы, затем военный корреспондент «Красной звезды» и журнала «Знамя». Автор повести «Волоколамское шоссе» о сражениях панфиловцев под Москвой осенью и зимой 1941 года 388, 612, 712; *см. также* Беки

Беки, семья Александра Альфредовича Бека и Наталии Всеволодовны Лойко 453

Беликов — коллега Гроссмана и его отца по Сталинскому институту патологии и гигиены труда 109, 114

Беликова сестра 114

Белкина, Мария Иосифовна (1912–2008) — вторая жена Анатолия Кузмича Тарасенкова, писательница, литературовед, автор книги «Скрещение судеб» о последних годах Марины Цветаевой и о ее семье 570

Бельчиков, Иван Федорович (1893–1976) — доцент кафедры оформления печатной продукции редакционно-издательского факультета Московского полиграфического института, автор учебников по редакторскому делу; муж Сарры Абрамовны Школьниковой 383, 444, 671

Беляева, Екатерина Владимировна (1920–2021) — третья жена Корнелия Люциановича Зелинского 439

Беньяш, Александр Моисеевич (Саша) — двою-

родный брат Гроссмана, родился и вырос в Киеве, впоследствии жил в Ленинграде 225, 251, 351, 460, 508, 510

Беньяш, Владимир Моисеевич (Вадя) — двоюродный брат Гроссмана, родился и вырос в Киеве, впоследствии жил сначала в Киеве, затем в Москве 131, 139, 142, 149, 160, 165, 173, 224, 272, 352, 411; *см. также* Беньяши$_1$

Беньяш, Георгий Владимирович (Юра) (1922–1942) — сын Владимира Моисеевича Беньяша, погиб в боях за Сталинград 224, 228–230, 411

Беньяш, Мария Савельевна (Малина) (*урожд.* Витис) — сестра матери Гроссмана Екатерины Савельевны 68, 272, 411; *см. также* Беньяши$_2$

Беньяш, Моисей Григорьевич (ум. 1941) — муж Марии Савельевны Беньяш, профессор бактериологии. С 1932 года возглавлял кафедру микробиологии Киевского института усовершенствования врачей 272, 411, 430; *см. также* Беньяши$_2$

Беньяш, Юра *см.* Беньяш, Георгий Владимирович

Беньяши$_1$ — семья Владимира Моисеевича Беньяша и его жены Тамары 129

Беньяши$_2$ — семья Моисея Григорьевича и Марии Савельевны Беньяшей 272

Берендгоф, Николай Сергеевич (1900–1990) —

поэт, автор многих известных песен; участник Великой Отечественной войны 364

Берендгофа жена 364

Берестинский, Михаил Исаакович (1905–1968) — драматург, сценарист 282

Берёзко, Георгий Сергеевич (1905–1982) — писатель, сценарист и режиссер (снял, в частности, пропагандистский фильм «Если завтра война…», 1938). В годы войны вступил в народное ополчение, затем служил в дивизионной газете, в центральном ансамбле ВМФ и военном театре 444, 445, 461, 493

Берзер, Анна Самойловна (Ася) (1917–1994) — редактор «Нового мира», друг Гроссмана, автор воспоминаний о нем 658, 660, 666, 683, 686

Берта$_1$, тетя — мать Клары Григорьевны Шеренцис 158

Берта$_2$ *см.* Горелик, Берта Михайловна 290, 291

Берта$_3$ *см.* Сельвинская, Берта Яковлевна 453, 460

Берта Абрамовна — врач поликлиники Литфонда 453, 454, 458, 459, 462, 476, 697

Бетехтин, Орест Георгиевич (1928–2020) — художник, иллюстрировал одно из изданий романа «За правое дело» 525, 542, 545

Бети — жена Ильи Зиновьевича Гордона 359

Бети мать 359
Бети отец 359
Бианки, Наталья Павловна (1916–2000) — журналистка, редактор, вторая жена Александра Григорьевича Письменного, автор воспоминаний о работе редакции «Нового мира» 635
Бирюков — заместитель редактора иностранного отдела «Комсомольской правды» в 1959 году 354
Благинина, Елена Александровна (1903–1989) — поэтесса, переводчица 504, 551
Блинков, Сергей — знакомый Гроссмана и его отца Семена Осиповича 170
Бобрышев, Василий Тихонович (1900–1941) — друг Гроссмана; журналист, литературный критик, заведующий редакцией журнала «Наши достижения»; погиб в октябре 1941 года в вяземском котле. Гроссман написал о нем очерк «Вы отличный редактор и организатор…» 209, 220, 275, 276, 278–280, 329, 337, 350, 352
Бобрышев, Иван Тихонович (1903–1938) — брат Василия Бобрышева, первый муж Екатерины Григорьевны Строговой; работал начальником политотдела Бакинского отделения Закавказской железной дороги, затем замначальника Трансторгпита железной дороги Москва — Киев.

Арестован в 1937 году, расстрелян в 1938-м 463

Бобрышева, Алла Васильевна (Алеся) — дочь Василия Тихоновича Бобрышева, жена Овидия Александровича Горчакова 489

Бобрышева, Екатерина Тихоновна (1907–1970) — сестра Василия Тихоновича Бобрышева, редактор издательства «Детская литература» 379; *см. также* Бобрышевы, сестры

Бобрышева, Ида Григорьевна (*урожд.* Ципкина; 1900–1981) — жена Василия Тихоновича Бобрышева 220, 221, 223, 224, 284, 352, 397, 399, 419, 420, 422, 424

Бобрышева, Ольга Тихоновна (1910–1999) — сестра Василия Тихоновича Бобрышева 379; *см. также* Бобрышевы, сестры

Бобрышевы, сестры 352

Богословские — семья Николая Вениаминовича Богословского 279, 288

Богословский, Николай Вениаминович (1904–1961) — друг Гроссмана; литературовед; с началом войны вступил в народное ополчение, затем служил в армейской газете «Боевые темпы», с марта 1942 года работал в Москве. Семен Липкин пишет о том, что Богословский не оставил Гроссмана и в 1950-х годах, когда на его роман «За правое дело» обрушилась критика и многие от

него отвернулись 201, 202, 212, 279, 280, 288, 350, 352, 356, 360, 485, 626

Боков, Виктор Федорович (1914–2009) — писатель, собиратель фольклора 494

Болотников, Алексей Александрович (1894–1937) — партийный и литературный функционер, ответственный редактор «Литературной газеты» в 1933–1935 годах 148

Болоховитинова, Лидия Ильинична 631

Большаков, Иван Григорьевич (1902–1980) — в 1939–1953 годах министр кинематографии СССР 425

Бондарин, Сергей Александрович (1903–1978) — поэт и прозаик; в годы войны служил при политуправлении Черноморского флота; в 1944 году арестован по обвинению в «антисоветской агитации», а в 1945-м осужден на 8 лет лагерей; с 1953 года находился в ссылке в Красноярском крае 310, 398, 401

Бондарина жена 310

Бондарина теща 398

Борис (Боря) *см.* Губер, Борис Андреевич

Борис Абрамович *см.* Галин, Борис Абрамович

Борис Леонидович *см.* Пастернак, Борис Леонидович

Борисович, Ольга Васильевна (*урожд.* Клыко-

ва) — сестра Екатерины Васильевны Заболоцкой, жившая в Сочи 747, 752, 754, 757

Ботвинник, Михаил Моисеевич (1911–1995) — шахматист 523

Брайнина, Берта Яковлевна (1902–1984) — критик, литературовед; лауреат Сталинской премии (1952) за книгу «Константин Федин» (1951). Жила в Чистополе в 1941–1943 годах 374

Бубеннов, Михаил Семенович (1909–1983) — писатель, журналист; активный участник «борьбы с космополитизмом»; лауреат Сталинской премии (1948) за военный роман «Белая береза» (1947); автор разгромной статьи о романе «За правое дело», вышедшей в феврале 1953 года и положившей начало травле Гроссмана 526, 532

Буков, Емилиан Нестерович (1909–1984) — молдавский советский поэт и прозаик; в 1945–1946, 1955–1958 годах председатель правления Союза писателей Молдавской ССР, в 1947–1951 годах заместитель председателя Совета министров Молдавской ССР 778

Буковский, Константин Иванович (1908–1976) — писатель и журналист; в годы войны служил специальным корреспондентом «Красной звезды». Отец писателя и диссидента Владимира Буковского. В «Записных книжках» Гроссман

пишет о нескольких совместных поездках с Буковским на Юго-Западный фронт осенью и зимой 1941–1942 годов. Помимо этого, изначально предполагалось, что Гроссман с Буковским будут совместно работать над повестью «Народ бессмертен» 218, 370, 372, 382, 387, 391, 395, 397, 399, 427, 428

Булгаков, Валентин Федорович (1886–1966) — последний секретарь Льва Толстого 617

Булыгин, Петр — шофер из Коктебеля 514

Бунин, Иван Алексеевич (1870–1953) — писатель 560

Буренин, Николай Евгеньевич (1874–1962) — революционер, музыкант, сопровождал Горького в его поездке в США и в качестве связного РСДРП(б); некоторое время жил у Горького в Италии 265

Бухарин, Николай Иванович (1888–1938) — революционер, политический деятель 148

Быков, Леонид Николаевич (1895–1979) — горный инженер, в 1925–1937 годах работал в Макеевском научно-исследовательском институте старшим научным сотрудником, заведующим станцией и, наконец, заместителем директора института 99

Быховский, Григорий Борисович (1861–1936) — хирург-онколог, в 1922–1931 годах возглавлял

хирургическую клинику Киевского института усовершенствования врачей 68

Ваврисевич, Мария (Марья) Михайловна (Маруся) (*урожд.* Сочевец; 1892–?) — сестра Ольги Михайловны Губер 184, 234, 268, 270, 284, 289, 299, 300, 322, 331, 333, 335, 350, 358, 364–366, 377, 379, 396, 409, 413, 419, 421–425, 429, 432, 436, 454, 457, 460, 465, 473, 474, 484–487, 538, 551, 554, 560, 561, 584, 597, 605, 611, 618, 619, 621, 625, 631, 634, 639, 643, 657, 660, 661, 663, 668, 671, 673, 675, 676, 681, 683, 689, 777; *см. также* Сестры$_1$

Ваврисевич, Петр Иванович — муж Марии Михайловны Ваврисевич (Сочевец), главный инженер крупного московского завода; до войны заболел менингитом, повлекшим за собой серьезные последствия 284, 292, 350, 379, 424, 429

Вадецкий, Борис Александрович (1906–1962) — писатель, переводчик; был ответственным секретарем секции прозы Союза писателей, входил в Комиссию по приему в члены СП и по работе с молодыми авторами. Во время войны служил в политуправлении Балтийского флота, затем в политуправлении и газете Черноморского флота. В Чистополь была эвакуирована его семья, в сентябре 1941 года там родилась его младшая дочь 318, 320, 324, 326, 370

Вади супруга *см.* Тамара

Вадя *см.* Беньяш, Владимир Моисеевич

Вазген I (Палчян, Левон Абрамович; 1908–1994) — в 1955–1994 годах Верховный Патриарх-Католикос всех армян 646, 739, 762

Валентина Сергеевна *см.* Фраерман, Валентина Сергеевна

Валерик — сын Владимира Александровича и Ольги Яковлевны Трусевич 581, 583, 588

Валишевская, Валерия Владимировна (1896–1975) — вторая жена Константина Георгиевича Паустовского 282, 290, 292

Валя$_1$ *см.* Журавлева, Валентина Ианувариевна *за искл.* 768

Валя$_2$ — знакомая или знакомый Натальи Заболоцкой 768

Ванда Эдуардовна — врач в пансионате «Крымское Приморье» в конце 1950-х годов 585, 586, 589

Вант-Гофф, Якоб Хендрик (1852–1911) — нидерландский химик, лауреат Нобелевской премии по химии (1901) 70

Ваня$_1$ *см.* Бобрышев, Иван Тихонович 463

Ваня$_2$ *см.* Катаев, Иван Иванович 483, 539, 543, 657, 661, 662

Ваня$_3$ — коктебельский знакомый Ольги Губер и Гроссмана; шофер, услугами которого пользо-

валась Ольга Михайловна 498, 515, 518, 522, 525, 540, 543, 600, 601, 605, 606

Вари муж 581, 595

Варя — коктебельская пастушка 518, 520, 522, 581, 595, 599, 620, 635

Василий Семенович$_1$ — киевский знакомый или родственник Гроссмана и его отца Семена Осиповича, больной туберкулезом 104, 107, 232

Василий Семенович$_2$ *см.* Гроссман, Василий Семенович 319, 388, 779

Василия Семеновича жена — жена киевского знакомого или родственника Гроссмана и его отца 232

Василия Семеновича сын — сын киевского знакомого или родственника Гроссмана и его отца 232

Васильев — доктор, работавший в Чистополе в 1942 году 377, 378, 380, 398

Васильев, Павел Николаевич (1909–1937) — поэт; в 1937 году обвинен в принадлежности к «террористической группе», якобы готовившей покушение на Сталина, и приговорен к расстрелу; реабилитирован в 1956 году 515

Васька — сын Кати, знакомой Гроссмана и его отца Семена Осиповича 37

Вася *см.* Бобрышев, Василий Тихонович

Ватагин, Василий Алексеевич (1883–1969) — график, скульптор-анималист; лауреат Сталинской премии (1952) за скульптуры на анималистические темы 460

Ведражко, Витя — знакомый или родственник Ольги Семеновны Роданевич 165, 167

Венизелос, Элефтериос (1864–1936) — греческий государственный и политический деятель 59

Вени мать *см.* Лобода, Мария Васильевна

Вени отец *см.* Лобода, Иван Осипович

Веня *см.* Лобода, Вячеслав Иванович

Вера$_1$ *см.* Лобода, Вера Ивановна 285, 355, 631, 638, 663

Вера$_2$ *см.* Гехт, Вера Михайловна 352, 598

Вера Васильевна 628

Вера Ивановна *см.* Эйдлина, Вера Ивановна

Вера Михайловна *см.* Гехт, Вера Михайловна

Вера Петровна *см.* Зарудина Вера Петровна

Вера Степановна — знакомая или родственница Ольги Семеновны Роданевич 111

Верейский, Орест Георгиевич (1915–1993) — художник, график, широко известный как иллюстратор; в 1948 году проиллюстрировал отрывок из романа «За правое дело» 439

Верн, Жюль (1828–1905) — писатель 180

Вероника (Вероничка) *см.* Губенкова, Вероника

Петровна
Вероники дочь *см.* Губенкова, Екатерина Викторовна
Вероники муж *см.* Губенков, Виктор
Вероники сын *см.* Губенков, Александр Викторович
Вершигора, Петр Петрович (1905–1963) — генерал, герой Советского Союза; писатель, лауреат Сталинской премии (1947) за документальную повесть «Люди с чистой совестью» (1946) 558, 570
Вершигоры жена 570
Весёлый, Артем (Николай Иванович Кочкуров; 1899–1938) — писатель; арестован в 1937 году по обвинению в участии в «антисоветской террористической организации», расстрелян; реабилитирован в 1956 году 483, 485–488, 494, 515, 536, 545
Виктор$_1$ *см.* Серж, Виктор 119
Виктор$_2$ *см.* Баранов, Виктор Георгиевич 212, 584
Виктор$_3$ *см.* Губенков, Виктор *за искл.* 119, 212, 379, 584
Виктор Георгиевич *см.* Баранов, Виктор Георгиевич
Виктория — знакомая или родственница Ольги Семеновны Роданевич 172

Винер, Норберт (1894–1964) — американский математик, основоположник кибернетики 705

Вирта, Ирина Ивановна — первая жена Николая Евгеньевича Вирты 444

Вирта, Николай Евгеньевич (Карельский; 1905–1976) — писатель, драматург и сценарист; лауреат четырех Сталинских премий (1941, 1948, 1949, 1950); в годы войны служил военным корреспондентом, в том числе газеты «Красная звезда» 444

Витя$_1$ *см.* Шеренцис, Виктор Давидович *за искл.* 560, 595, 608, 611, 631, 639, 660, 667, 670, 689

Витя$_2$ *см.* Губенков, Виктор 608, 611, 631, 639, 660, 667, 670, 689

Витя$_3$ *см.* Гурвич, Виктор Аронович 560

Витя$_4$ — младший сын Вари, коктебельской пастушки 595

Вишневецкий — коллега Гроссмана по работе в Сталине 119

Внучка *см.* Кожичкина, Елена Фёдоровна

Войтинская, Ольга Сергеевна (1905–1968) — литературный критик, с 1940 года редактор в газете «Известия»; автор положительной рецензии на вторую часть «Степана Кольчугина» 284, 288

Володя$_1$ — крымский носильщик 578, 614

Володя$_2$ — скульптор 716

Волошин, Максимилиан Александрович (1877–

1932) — поэт, переводчик, художник 513, 514

Вольфельд, Елена Моисеевна (1903–1983) — вторая жена Корнелия Люциановича Зелинского 439, 443

Воронкова, Любовь Федоровна (1906–1976) — писательница, автор книг для детей и подростков 533, 536–538, 541, 551, 562, 563, 600

Воронская, Галина Александровна (1914–1991) — писательница, дочь Александра Константиновича Воронского; арестована в 1937 году вскоре после ареста отца, вышла на свободу в 1944 году, в 1949-м арестована повторно, вышла на свободу в 1954 году, в 1957 году реабилитирована, в 1959 году вместе с семьей вернулась с Колымы жить в Москву 491

Воронский, Александр Константинович (1884–1937) — писатель, литературный критик, теоретик искусства; лидер литературной группы «Перевал»; арестован в 1937 году по обвинению в участии в «антисоветской террористической организации», расстрелян; реабилитирован в 1957 году 146

Воронской муж *см.* Исаев, Иван Степанович

Ворошилов, Климент Ефимович (1881–1969) — маршал СССР 525

Воскресенская, Цецилия Александровна (1923–

2006) — падчерица Ильи Львовича Сельвинского 296, 443

Высокоостровский, Леонид Анатольевич (1911–1967?) — корреспондент газеты «Красная звезда» 428

Габинский (Табинский) — коллега Гроссмана и его отца по Сталинскому институту патологии и гигиены труда 109

Габрилович, Алексей Евгеньевич (1936–1995) — сын Евгения Иосифовича и Нины Яковлевны Габриловичей, кинорежиссер 360

Габрилович, Евгений Иосифович (1899–1993) — писатель, драматург, сценарист; лауреат Сталинской премии (1943) за сценарий фильма «Машенька» (1942). В годы войны служил специальным корреспондентом «Красной звезды». На этапе замысла повести «Народ бессмертен» предполагалось, что Гроссман и Габрилович будут работать над ней совместно 204, 205, 259, 308–310, 312, 313, 315, 356, 360, 365, 372, 418; *см. также* Габриловичи

Габрилович, Нина Яковлевна (1903–1973) — жена Евгения Иосифовича Габриловича 204, 205, 259, 310, 360, 372, 418, 570; *см. также* Габриловичи

Габриловича жена *см.* Габрилович, Нина Яковлевна

Габриловичи — семья Евгения Иосифовича и Нины Яковлевны Габриловичей 205, 259

Габричевская *см.* Северцова, Наталия Алексеевна

Гавсевич, Надежда Михайловна 370, 426

Гайдар, Аркадий Петрович (Голиков; 1904–1941) — писатель 329

Гайдар, Тимур Аркадьевич (1926–1999) — сын писателя Аркадия Петровича Гайдара; в 1941–1942 годах жил в чистопольском интернате 319

Гали девочка — дочь Гали, племянницы Ольги Семеновны Роданевич 270

Гали муж *см.* Баранов, Виктор Георгиевич

Галигузов, Григорий — в годы войны шофер корреспондентов «Красной звезды», в частности Гроссмана 322

Галин, Борис Абрамович (Рогалин; 1904–1983) — писатель, в годы войны специальный корреспондент «Красной звезды», в 1948 году лауреат Сталинской премии за книги очерков «В Донбассе» и «В одном населенном пункте» (1947); в 1949 году на обсуждении редколлегии «Нового мира» резко критиковал роман Гроссмана «За правое дело» 335, 427, 428, 473, 688

Галина Дмитриевна — соседка Гроссмана по Ломоносовскому проспекту 719

Галина Петровна *см.* Мацук, Анна Петровна
Галя$_1$ *см.* Мацук, Анна Петровна *за искл.* 164, 175, 178–181, 270, 579, 583
Галя$_2$ — племянница Ольги Семеновны Роданевич 164, 175, 178–181, 270
Галя$_3$ (Галка) — племянница Ольги Яковлевны Трусевич 579, 583
Гамсун, Кнут (Педерсен, Кнуд; 1859–1952) — норвежский писатель 706, 730
Гастелло, Николай Францевич (1907–1941) — военный летчик, погиб со своим экипажем 26 июня 1941 года: когда его самолет был подбит и загорелся, он направил его на колонну немецкой техники, совершив «огненный таран». Уже через месяц Гастелло был удостоен звания Героя Советского Союза 361
Гауптман, Герхарт (1862–1946) — немецкий драматург 196
Гедда *см.* Суриц, Гедда Яковлевна
Гедды Суриц мать *см.* Дебора Матвеевна
Гейне, Генрих (1797–1856) — немецкий поэт 69, 509, 730
Генерал, живущий с Маришей 529
Генерал — начальник штаба генерала Драгунского в 1961 году 647, 744
Генеральша — жена начальника штаба генера-

ла Драгунского в 1961 году 647, 744

Генриетта *см.* Адлер, Генриетта Савельевна

Генрихсон (Гендриксон), Женни Генриховна — гувернантка Михаила и Федора Губеров; после ареста Бориса Губера жила в семье Гроссмана. В 1941 и 1942 годах не уезжала в эвакуацию, а оставалась в Москве. Умерла до окончания войны 202, 203, 208, 211–213, 215, 218, 224, 229, 276, 277, 279, 281, 284, 285, 288, 292, 294, 295, 299, 304, 310, 313, 318, 320, 324, 325, 327, 329–333, 335, 337, 342, 349, 350, 355, 358, 359, 365, 371, 377, 385, 387, 395, 397, 404, 405, 413, 418, 422, 776, 777

Георгиевская, Сусанна Михайловна (*урожд.* Згут; 1910/16–1974) — писательница, автор произведений для детей и подростков, а также воспоминаний о Данииле Хармсе 585, 590, 591, 697

Гехт, Вера Михайловна (*урожд.* Синякова; 1899–1973) — жена Семена Григорьевича Гехта 287, 292, 298, 332, 338, 352, 361, 374, 381, 386, 427, 549, 576, 598, 600, 606, 611; *см. также* Синяковы, сестры; Гехты

Гехт, Семен Григорьевич (Авраам Гершевич; 1900–1963) — друг Гроссмана; поэт, писатель, журналист; в годы войны был военным корреспондентом газеты «Гудок». В 1944 году арестован по обвинению в «антисоветской агитации»

и осужден на восемь лет лагерей; реабилитирован в 1955 году 197, 201, 202, 209, 279, 280, 284, 285, 298, 301, 313, 318, 321, 323, 333, 334, 338, 339, 346, 349, 350, 352, 355, 356, 358, 360, 362, 373, 378, 380, 381, 386, 387, 414, 420, 421, 424, 427–429, 549, 576, 598, 600, 606, 611, 615; *см. также* Гехты

Гех(т)ман, Ефим Семенович (Шулемович; 1913–1978) — журналист, в годы войны специальный корреспондент «Красной звезды»; участвовал в подготовке «Черной книги» 460

Гехты — семья Семена Григорьевича и Веры Михайловны Гехтов 332, 334, 338, 594, 600, 611

Глазунов, Илья Сергеевич (1930–2017) — художник 715

Гоголь, Николай Васильевич (1809–1852) — писатель 719, 742

Гольцев, Виктор Викторович (1901–1955) — писатель, журналист; во время войны специальный корреспондент газеты «Красный сокол», с 1949 года главный редактор журнала «Дружба народов» 201, 292, 332, 336, 338, 351, 361, 365, 384, 466, 474

Гольцева жена *см.* Гольцева, Юлия

Гольцева, Юлия — жена Виктора Викторовича Гольцева 292, 336, 466

Гомонов — знакомый Гроссмана и его отца 124

Горбов, Дмитрий Александрович (1894–1967) —

литературовед, литературный критик, переводчик; один из участников группы «Перевал» 528

Гордон, Илья Зиновьевич (Эле Гордон; 1907–1989) — писатель на русском языке и на идише, с осени 1941 года до лета 1942-го находился в эвакуации в Чистополе, затем ушел добровольцем на фронт, в 1942–1946 годах писал для газет «За победу» и «Советский артиллерист» Третьего Белорусского фронта 339, 354, 359, 364, 369, 375, 380, 502

Горелик, Берта Михайловна (*урожд.* Бляхман; 1915–2011) — жена Иосифа Григорьевича Горелика. В августе 1941 года приехала в Чистополь за сыном, которого увезли с детским садом в Берсут, плыла на одном пароходе с Мариной Цветаевой 290, 291, 453, 460, 529

Горелик, Иосиф Григорьевич (1907–1961) — сценарист, режиссер; в годы войны служил военным корреспондентом 296

Горелова *см.* Твардовская, Мария Илларионовна

Горик *см.* Липкин, Георгий Семенович

Горчаков, Овидий Александрович (1924–2000) — разведчик и писатель, муж Аллы Васильевны Бобрышевой. В 1963 году предлагал себя в качестве донора почки для Гроссмана 487, 489

Горюнов, Анатолий Иосифович (Бендель; 1902–1951) — актер, служивший в Театре им. Вахтангова с 1926 года до конца жизни; заведующий постановочной и литературной частью (1927–1944) и заместитель художественного руководителя театра (1945–1949) 199

Горький, Максим (Алексей Максимович Пешков; 1868–1936) — писатель, общественный деятель 67, 146–148, 150, 154, 163, 166, 265

Грибачев, Николай Матвеевич (1910–1992) — писатель, был известен как «автоматчик партии» (Евтушенко 1998: 293): активно участвовал в антисемитской кампании, требовал лишить Пастернака гражданства и выслать из страны. Лауреат двух Сталинских премий (1948, 1949) за поэмы «Колхоз „Большевик“» (1947) и «Весна в „Победе“» (1948); лауреат Ленинской премии (1960) за участие в книге «Лицом к лицу с Америкой» (1959) 492, 494

Грин, Александр Степанович (1880–1932) — писатель 777

Гринберг, Иосиф Львович (1906–1980) — литературный критик; на обсуждении романа «За правое дело» в январе 1953 года в редакции «Советского писателя» критиковал Гроссмана 351, 357, 360

Гриша — приемный сын Виктора Давидовича и Клары Григорьевны Шеренцис 250, 758

Гроссман, Василий Семенович (Иосиф Соломонович; 1905–1964) 31, 32, 319, 388, 778, 779

Гроссман, Екатерина Савельевна (*урожд.* Витис; 1872–1941) — мать Василия Гроссмана; преподавательница французского языка, жила в Бердичеве, убита 15 сентября 1941 года во время массового расстрела узников Бердичевского гетто 31, 32, 34, 35, 43, 52, 59, 64–66, 68, 71, 74, 83, 91, 100, 120–123, 126–128, 131, 133, 135, 137, 139, 147, 149, 151, 153, 155, 156, 158, 160, 164, 165, 167, 170–173, 177, 183, 184, 186, 188, 189, 191, 192, 199–203, 206, 211, 219, 224, 269, 270, 273, 278, 283, 286, 287, 289, 290, 293, 296, 329, 379, 756, 772–774

Гроссман Екатерины Савельевны сёстры — Елизавета Савельевна Алмаз и Анна Савельевна Шеренцис 379

Гроссман, Семен Осипович (Соломон Иосифович; 1870–1956) — отец Василия Гроссмана; революционер, с 1902 года член Бунда; по профессии инженер-химик, специализировавшийся на газоанализе; долгие годы работал в шахтах 31, 274–276, 278, 285, 298, 305–307, 310, 314, 318, 329, 330, 335, 345, 346, 349, 350, 352, 353, 355, 357, 359, 360, 370, 375, 379, 383, 394, 395, 397, 399, 401, 404–407, 409,

413, 414, 418, 424, 427–429, 432, 441, 443–445, 449, 457, 459, 466, 472, 474, 483, 590, 718, 774, 776–778

Губенков, Александр Викторович (1948—?) — сын Вероники Петровны и Виктора Губенковых 245, 450, 485, 486, 618, 639, 643, 659, 670, 671, 676

Губенков, Виктор — муж Вероники Петровны Губенковой (*урожд.* Ваврисевич), племянницы Ольги Михайловны Губер, дипломат 484, 488, 520, 608, 611, 631, 659, 660, 667, 670, 689

Губенкова, Вероника Петровна (Ника) (*урожд.* Ваврисевич; 1932–?) — дочь Марии Михайловны Ваврисевич (Сочевец), племянница Ольги Михайловны Губер 234, 245, 284, 285, 331, 352, 366, 379, 381, 384, 396, 421, 425, 426, 450, 460, 464, 484–486, 488–490, 555, 608, 611, 621, 631, 634, 657, 659, 660, 662, 667, 670, 671, 676, 683, 689, 777

Губенкова, Екатерина Викторовна (р. 1956) — дочь Вероники Петровны и Виктора Губенковых 484, 489, 555, 560, 561, 597, 631, 659, 660, 683

Губер, Александр Андреевич (Шура) (1902–1971) — академик-востоковед, старший брат Бориса Андреевича Губера 457, 460, 505, 568

Губер, Андрей Александрович (ум. 1946) — сын Александра Андреевича и Лидии Сергеевны Губер 505

Губер, Борис Андреевич (1903–1937) — поэт и

прозаик, участник литературной группы «Перевал», друг Александра Воронского; редактор повести «Глюкауф» в Московском товариществе писателей в 1932–1933 годах. Арестован в 1937 году по обвинению в подготовке, вместе с другими перевальцами, убийства Ежова, приговорен к расстрелу; реабилитирован в 1956 году. Был женат на Ольге Михайловне Губер (Сочевец), которая в 1935 году ушла от него к Гроссману. Отец Михаила и Федора Губеров 160, 169, 174, 477, 483, 485, 494, 516, 530, 536, 539, 544, 548, 553, 558, 603, 614, 662

Губер, Лидия Сергеевна (1896–1978) — жена Александра Андреевича Губера 505; *см. также* Губеры

Губер, Михаил Борисович (1926–1942) — старший сын Бориса Андреевича и Ольги Михайловны Губеров, пасынок Гроссмана; погиб в эвакуации в Чистополе в результате несчастного случая — взрыва снаряда во дворе военкомата 193, 211, 215, 216, 218, 220, 289–292, 297, 299, 302, 303, 307–309, 312, 313, 315, 318, 319, 321, 334–336, 339, 341, 342, 348, 349, 353, 356, 358, 359, 361, 363, 369, 374, 376–378, 381, 385, 386, 389, 392, 394, 396, 398, 399, 403, 404, 408, 426, 578, 776; *см. также* Дети$_1$, Ребята$_1$

Губер, Ольга Михайловна (*урожд.* Сочевец;

1906–1988) — вторая жена Василия Гроссмана, фактически — с октября 1935 года, официально — с 1936 года. Первый муж — Борис Андреевич Губер; в 1938 году была арестована вслед за Губером, но Гроссману удалось добиться ее освобождения. По словам Елены Фёдоровны Кожичкиной (Губер), в паспорте указан неверный год рождения Ольги Михайловны, и на самом деле она родилась не в 1906 году, а раньше — в 1898-м или 1901-м 174–176, 178–181, 202, 203, 208, 211, 215–220, 223, 227–231, 234, 241, 244–246, 248–250, 252, 253, 255–257, 259–264, 267, 268, 388, 713, 758, 776

Губер Ольги Михайловны мать *см.* Сочевец, Александра Стефановна

Губер Ольги Михайловны сестра *см.* Ваврисевич, Мария Михайловна

Губер, Федор Борисович (1931–2020) — младший сын Бориса Андреевича и Ольги Михайловны Губеров, пасынок Гроссмана; автор ряда публикаций, посвященных Гроссману, итогом которых стала книга воспоминаний, перемежающихся с цитатами из архивных документов «Память и письма» 216, 218, 240, 244, 246, 249, 292, 295–297, 299, 302, 303, 307–309, 313, 318, 319, 327, 334, 336, 339, 341, 348, 358, 362, 374, 385, 386, 389, 392, 394–397, 400–404, 406, 408, 410, 412, 416–418, 426–430, 432–

440, 442–447, 450, 453, 454, 456–460, 462, 464–466, 471–474, 476–478, 480, 482, 483, 485, 486, 488–490, 492, 495, 496, 499, 500, 502–506, 508, 511, 515, 516, 518, 520–524, 528, 530–532, 534, 535, 539, 541, 542, 545, 546, 548, 551, 553–556, 560, 562, 565, 567, 568, 572, 575–577, 580, 582, 584–586, 589, 591–593, 597–599, 602, 605, 607, 609–612, 614, 615, 617, 620, 622–625, 630, 631, 633, 634, 637–640, 642, 643, 659, 661, 663, 665–674, 676, 677, 679–683, 686, 688, 689, 724, 758, 769; *см. также* Дети$_1$, Ребята$_1$, Ребята$_2$, Молодое поколение

Губеры — семья Александра Андреевича и Лидии Сергеевны Губеров 568

Гудынский, Яков Вениаминович (1902–1994) — уролог, лечивший Гроссмана в 1963 году; в 1962–1967 годах заведующий кафедрой урологии Московского института усовершенствования врачей 687

Гупперт, Гуго (1902–1982) — австрийский поэт и переводчик, в 1927 году эмигрировавший в СССР 380

Гурвич, Виктор Аронович (р. 1928–?) — дядя Ирины Станиславовны Новиковой, брат Фиры Ароновны Новиковой 560, 567

Гурвич, Розалия Михайловна (Роза Менделеевна; *урожд.* Гольдберг; 1895–1975) — бабушка

Ирины Станиславовны Новиковой 551, 558, 560

Гуревич, Александр — друг юности Гроссмана 491, 632

Гурова, Ирина Гавриловна (1924–2010) — переводчица с английского языка и редактор 660

Гурштейн, «хлебная дама» 420

Густа Абрамовна — знакомая или родственница Виктора Давидовича и Клары Григорьевны Шеренцисов 236, 486, 512

Густав — извозчик из Геленджика или Криницы 57

Давид, дядя *см.* Шеренцис, Давид Михайлович

Давыдов, Юрий Владимирович (1924–2002) — писатель, автор исторической прозы, в частности о дореволюционном подпольном движении; 1949–1954 годы провел в лагерях за «антисоветскую агитацию» 721

Дальцева, Магдалина Зиновьевна (1907–1984) — писательница, переводчица; жена Николая Сергеевича Атарова 287, 289, 291

Дамы мои *см.* Губер, Ольга Михайловна, и Йост, Евгения Михайловна

Дамы Семена Осиповича Гроссмана *см.* Роданевич, Ольга Семеновна и Лариса

Дар, Давид Яковлевич (Рывкин; 1910–1980) — писатель-фантаст, журналист; муж Веры Фе-

доровны Пановой. В 1948 году организовал литературное объединение «Голос юности» при ДК Профтехобразования, которое посещали В. Соснора, А. Кушнер, В. Марамзин, И. Ефимов, Б. Вахтин, Д. Бобышев, О. Охапкин, К. Кузьминский, Г. Горбовский, С. Довлатов, Ю. Мамлеев и другие 464, 510

Даренская, Наталья Ивановна (ум. 1964) — няня Михаила и Федора Губеров, а затем домработница Василия Гроссмана и Ольги Губер 246, 438, 443, 447, 449, 450, 453, 456, 457, 460, 461, 464, 472, 474, 476, 477, 481, 485, 486, 489, 493, 498–501, 503, 505, 511, 512, 516, 524, 528, 539, 541, 545, 554, 562, 564, 569, 576, 579, 583, 584, 586, 588, 593, 599, 602, 605, 609, 610, 616, 617, 620, 622, 623, 629, 630, 633, 638, 643, 645, 658, 677, 682, 685–687, 689

Дашковская, Татьяна (ум. 1977) — жена Бориса Абрамовича Слуцкого 616

Дебора Матвеевна — мать Гедды Яковлевны Суриц 644, 678, 681, 686

Девочка *см.* Кожичкина, Елена Фёдоровна

Дедушка [Елены Кожичкиной] *см.* Новиков, Станислав Алексеевич

Дейген, Исаак Михайлович (1911–?) — корреспондент «Красной звезды», сотрудник газеты Северо-Кавказского фронта «Вперед за Родину».

Публиковался под псевдонимом Исаков 396

Дерман, Абрам Борисович (1880–1952) — писатель, литературовед; в 1941–1943 годах жил в Чистополе. В 1946 году написал статью о сборнике «Годы войны» Гроссмана с положительной оценкой книги, за что затем подвергся резкой критике. Автор трех текстов в «Черной книге», составленной Эренбургом и Гроссманом 352, 358, 394, 396, 397, 404, 406, 409

Дети$_1$— сыновья Ольги Михайловны Губер, Федор и Михаил Губеры 282, 287, 290–293, 295–297, 315, 318, 319, 323, 326, 330, 331, 333, 334, 336, 337, 354, 357–359, 363, 365, 381, 393

Дети$_2$ — Екатерина Короткова-Гроссман и Федор Губер 247

Дети$_3$ — Федор Губер и его жена Ирина Новикова 523

Джин — пудель Василия Гроссмана и Ольги Губер, жил у них с осени 1940 года и умер в Москве в 1942 году, от голода съев целиком ворону 281, 284, 292, 331, 335, 350, 353

Дзиган, Ефим Львович (1898–1981) — кинорежиссер, сценарист. Лауреат Сталинской премии (1941) за фильмы «Мы из Кронштадта» (1936) и «Если завтра война…» (1938) 360, 372

Диккенс, Чарльз (1812–1870) — английский

писатель 247, 643

Директор Армгосиздата в 1961 году 748

Директор Дома творчества писателей в Дубултах в 1955 году 456

Директор Дома творчества писателей в Коктебеле в 1950-х годах 498, 548, 582

Директор Дома творчества писателей в Цахкадзоре в 1961 году 649, 753

Директор завода, навестивший Клавушку в Одессе в 1959 году 710

Директор института, в котором учился Сергей Абрамович Тумаркин 632

Директор института, в котором учился Федор Борисович Губер 624

Директор санатория «Агудзеры» в 1932 году 108

Директор(ы) учреждения(й), где работал отец Гроссмана 118, 166, 167, 183, 207

Директора Семена Осиповича Гроссмана сын 183, 185

Дмитриева, Лиля — знакомая Василия Гроссмана и Ольги Михайловны Губер 383

Доба Мееровна — знакомая Василия Гроссмана и его отца Семена Осиповича в Сталине 102, 103, 158

Дойль, Артур Конан (1859–1930) — английский писатель 454

Долматовская, Софья *см.* Мазо, Софья Григорьевна

Долматовский, Евгений Аронович (1915–1994) — поэт, в 1939–1945 годах военный корреспондент 305, 321, 328, 376, 393, 409

Долматовский, Юрий Аронович (1913–1999) — конструктор автомобилей и историк автомобилестроения, брат Евгения Ароновича Долматовского 376

Доминика — подруга Семена Осиповича Гроссмана 63, 73, 117, 175, 619

Дос Пассос, Джон (1896–1970) — американский писатель 142

Достоевский, Федор Михайлович (1821–1881) — писатель 646, 739, 742, 762

Драгунский, Давид Абрамович (1910–1992) — генерал, в 1960–1965 годах командующий Седьмой гвардейской армией Закавказского военного округа, встречался с Гроссманом в Ереване в 1961 году 647, 743

Драматург *см.* Равич, Николай Александрович

Дубинский, Давид Александрович (1920–1960) — художник-график, муж Татьяны Всеволодовны Ивановой 619

Дудинцев, Владимир Дмитриевич (Байков, Владимир Семенович; 1918–1998) — писатель 492

Дуня — домработница Виктора Давидовича и Клары Григорьевны Шеренцисов 592, 711, 758

Дьяконова (Цехновицер), она же Дьяконова-Цехновицер *см.* Хин, Евгения Юрьевна

Дьяконова, Елена Михайловна (р. 1948) — дочь востоковеда Михаила Михайловича Дьяконова и Евгении Юрьевны Хин 533

Дьяконовой (Цехновицер) девочка *см.* Дьяконова, Елена Михайловна

Дядя *см.* Шеренцис, Давид Михайлович

Е. Г. *см.* Елизавета Георгиевна

Евгения Николаевна — знакомая Гроссмана и его отца Семена Осиповича, жившая в Новосибирске 138

Евтеева-Арбузова, Татьяна Алексеевна (1910–1978) — актриса Театра им. Всеволода Мейерхольда, третья жена Паустовского 561

Еголин, Александр Михайлович (1896–1959) — литературовед, партийный деятель, известен как преследователь инакомыслящих и участник крупного сексуального скандала 592, 600

Екатерина Васильевна *см.* Заболоцкая, Екатерина Васильевна

Екатерина Ивановна *см.* Шварц, Екатерина Ивановна

Елена Андреевна 600

Елена Львовна 238

Елизавета Георгиевна — чистопольская знакомая Ольги Губер и Василия Гроссмана, которая затем помогала им ухаживать за могилой Михаила Губера 401, 608

Елизавета Ивановна *см.* Старинкевич, Елизавета Ивановна

Елизавета Савельевна *см.* Алмаз, Елизавета Савельевна

Елизаветы Ивановны дочь *см.* Ляля

Елистратова, Анна Аркадьевна (1910–1974) — литературовед, специалист по английской и американской литературе, член редколлегии серии «Литературные памятники» 561

Ерёмин, Дмитрий Иванович (1904–1993) — писатель, сценарист, кинокритик, в 1949–1951 годах главный редактор журнала «Искусство кино»; автор первой статьи под заглавием «Перевертыши», направленной против Синявского и Даниеля в 1966 году 435, 436

Ермилов, Владимир Владимирович (1904–1965) — литературовед и литературный критик; в 1932 году вошел в правление Союза писателей СССР; в 1932–1938 годах главный редактор журнала «Красная новь»; в 1946–1950 годах главный редактор «Литературной газеты». В 1946 году

опубликовал в «Правде» разгромную статью о пьесе Гроссмана «Если верить пифагорейцам» 147, 240

Ерусалимчик, Лия Степановна — литературовед, литературный критик; в 1940-х годах сотрудница журнала «Интернациональная литература», сотрудница Союза писателей СССР; позже работала в Государственном издательстве Молдавской ССР 778

Есенин, Сергей Александрович (1895–1925) — поэт 72

Ефетов, Марк Симович (1907–1996) — писатель и журналист. В годы войны служил корреспондентом газеты «Литература и искусство» и спецвоенкором Совинформбюро 291

Ефим$_1$ *см.* Кугель, Ефим Абрамович *за искл.* 666

Ефим$_2$ — племянник Ефима Абрамовича Кугеля 666, 668, 674

Ефима брат *см.* Кугель, Яков Абрамович

Ефремова, Людмила Вячеславовна (*урожд.* Лобода; р. 1943) — старшая дочь Вячеслава Ивановича и Веры Ивановны Лободы 497

Жаткин, Петр Лазаревич (1894–1968) — драматург; в 1941 году попал в окружение в Смоленской области, в феврале 1942 года освободился из немецкого окружения и примкнул к партизан-

ским отрядам; в начале августа был эвакуирован в советский тыл. 7 августа 1942 года на собрании Союза писателей рассматривалось его сообщение о выходе из окружения, написанное 18 февраля 383, 386

Желябов, Андрей Иванович (1851–1881) — революционер-народник, один из организаторов покушения на Александра II 511

Жени мать — мать Евгения Фосса, друга Екатерины Гроссман 588, 589

Женни Генриховна *см.* Генрихсон, Женни Генриховна

Женя$_1$ *см.* Йост, Евгения Михайловна *за искл.* 517, 529, 540, 542, 545, 583, 588, 592, 611

Женя$_2$ *см.* Фосс, Евгений Николаевич 517, 529, 540, 542, 545, 583, 588, 592, 611

Женя Генриховна *см.* Генрихсон, Женни Генриховна

Живова, Евгения Семеновна (Эся) — литературный редактор Детгиза, близкая подруга Елены Благининой. Василий Гроссман и Ольга Губер не раз оказывались с Благининой и Живовой в одно и то же время в домах отдыха 504, 684, 687

Журавлева, Валентина Иануариевна (1909–1975) — жена Федора Марковича Левина, подруга Василия Гроссмана и Ольги Губер 288, 292, 351,

374, 375, 384, 410, 443, 447, 487, 539, 548, 554; *см. также* Левины

Жучка (Нюра-Жучка) — по воспоминаниям Елены Федоровны Кожичкиной, работница, жившая в домах на Беговой, возможно, дворничиха; прозвище Жучка получила за хитрый характер 467, 610

Заболоцкая, Екатерина Васильевна (*урожд.* Клыкова; 1906–1997) — жена Николая Алексеевича Заболоцкого. С конца 1940-х годов Заболоцкие и Гроссманы были соседями по Беговой улице и дружили семьями. В 1956 году Заболоцкая ушла от мужа к Гроссману, а в сентября 1958-го, незадолго до смерти Николая Алексеевича, вернулась к нему 445, 454, 456, 460, 463, 465, 473, 474, 489, 506, 507, 543, 549, 556, 565, 639; *см. также* Заболоцкие

Заболоцкая, Мария (Марья) Степановна (1887–1976) — вторая жена Максимилиана Александровича Волошина, хранительница его наследия 512–515, 518, 521, 525, 527, 538, 548, 586, 594, 597, 600

Заболоцкая, Наталья Николаевна (р. 1937) — дочь Екатерины Васильевны и Николая Алексеевича Заболоцких 466, 490, 556, 697, 700, 707, 723, 734, 735, 737, 738, 743, 744, 747, 752, 755–758, 760, 766–770

Заболоцкие — Николай Алексеевич и Екатерина Васильевна 441, 460, 463, 487

Заболоцкий, Никита Николаевич (1932–2014) — сын Екатерины Васильевны и Николая Алексеевича Заболоцких; в 1955 году окончил Тимирязевскую сельскохозяйственную академию, в 1959 году защитил степень кандидата биологических наук. Автор мемуаров об отце 716, 758

Заболоцкий, Николай Алексеевич (1903–1958) — поэт 443, 454, 456, 462, 487, 489, 530; *см. также* Заболоцкие

Заболоцкой Екатерины Васильевны сестра *см.* Борисович (Клыкова), Ольга Васильевна

Закс, Борис Германович (1908–1998) — писатель, литературный критик, в 1958–1966 годах ответственный секретарь журнала «Новый мир»; в 1960-х годах сосед Гроссмана по дому на Красноармейской (2-й Аэропортовской) улице 602, 767

Заместитель редактора *см.* Шифрин, Григорий Ильич

Замойская, Роза — жена Лоллия Петровича Замойского, невестка Петра Ивановича Замойского, соседка Василия Гроссмана и Ольги Губер по Беговой улице 666

Замойский, Владимир Лоллиевич (р. 1958) — сын Лоллия и Розы Замойских, внук Петра

Ивановича Замойского, сосед Василия Гроссмана и Ольги Губер по Беговой улице 666

Замойский, Петр Иванович (Зевалкин; 1896–1958) — прозаик, писал о крестьянской жизни; сосед Василия Гроссмана и Ольги Губер по Беговой улице 529, 622

Замойского Петра Ивановича жена *см.* Ковалева, Нина Павловна

Занковская, Зинаида Сергеевна — жена Семена Абрамовича Тумаркина 644

Занковская, Людмила Сергеевна (Люка) (1917–1977) — актриса, жена актера и режиссера Андрея Тутышкина; сестра Зинаиды Сергеевны Занковской. В 1939–1950 годах служила в Театре им. Вахтангова, в середине 1950-х — в Кизеловском театре, затем жила у Веры и Вячеслава Лободы в Малоярославце 481, 638

Зарудин, Николай Николаевич (1899–1937) — писатель, один из главных прозаиков «Перевала», был председателем группы с 1924 по 1932 год; арестован в 1937 году по обвинению в участии в «антисоветской контрреволюционной террористической организации», приговорен к расстрелу; реабилитирован в 1956 году 143, 160, 161, 494, 520, 662

Зарудина, Вера Петровна (1900–1983) — жена

Николая Николаевича Зарудина 497, 520

Захар Яковлевич — доктор, оперировавший Ольгу Михайловну Губер в 1948 году 440, 444, 447, 449, 451, 452

Звенигородский, Андрей Владимирович (1878–1961) — поэт, литературовед; происходил из рода Рюриковичей; изображен в романе «Жизнь и судьба» под фамилией Шаргородский 626

Зелинская, Катя *см.* Беляева, Екатерина Владимировна

Зелинские — Корнелий Люцианович Зелинский и Екатерина Владимировна Беляева 441

Зелинский, Владимир Корнелиевич (р. 1942) — сын Корнелия Люциановича Зелинского 439, 443

Зелинский, Корнелий Люцианович (1896–1970) — литературовед, литературный критик, один из основателей Литературного центра конструктивистов 439, 443; *см. также* Зелинские

Зелинского Корнелия Люциановича жена разведенная (вторая) *см.* Вольфельд, Елена Моисеевна

Зенкевич, Михаил Александрович (1886–1973) — поэт, переводчик; во время войны не был призван в армию по состоянию здоровья, в 1941 году эвакуирован в Чистополь; ездил на фронт с литературными чтениями 377, 382, 385–388,

390, 392

Зина *см*. Пастернак, Зинаида Николаевна

Зинаида Капитоновна *см.* Улина, Зинаида Капитоновна

Зинаида Николаевна *см*. Пастернак, Зинаида Николаевна

Зингер, Макс Эммануилович (1899–1960) — писатель и журналист, писавший о Крайнем Севере; во время войны был призван на флот и участвовал в боевых операциях кораблей Северного и Черноморского флотов. Семья Зингера уехала в эвакуацию в Чистополь, а его сын Евгений был приятелем Михаила Губера 365–368, 370, 376, 377

Зиновьев, Григорий Евсеевич (1883–1936) — революционер, советский политический деятель 64

Зинченко, Галина Ильинична — корреспондентка Маршака, работавшая закройщицей в Киеве и регулярно печатавшая статьи и заметки в различных газетах и журналах 493, 667, 672, 686

Златова, Елена Викторовна (1905–1968) — писательница, литературный критик, жена Степана Петровича Щипачева, в Чистополе работала в детском интернате 547, 550

Злобина *см*. Спевак, Хана Самойловна

Зоя Соломоновна — племянница Моисея Григорьевича Беньяша, дочь его сестры Софьи Григорьевны 430

Знакомые Феди из дома отдыха 630

Зорька 237

Зощенко, Михаил Михайлович (1894–1958) — писатель 509

Иван — истопник в Цахкадозре, сын пресвитера молоканской общины в Армении в 1961 году 756, 757, 762

Иван Иванович *см.* Катаев, Иван Иванович

Иван Федорович *см.* Бельчиков, Иван Федорович

Иванов, Всеволод Вячеславович (1895–1963) — писатель; в 1934 году назначен одним из секретарей правления Союза писателей и председателем Литфонда; в годы войны находился в эвакуации в Ташкенте, а затем служил военным корреспондентом «Красной звезды» и «Известий» 163, 769

Иванова, Клавдия Сергеевна — старший редактор издательства «Советский писатель», которую очень ценил Гроссман; защищала роман «За правое дело» на редколлегии «Советского писателя» в январе 1953 года 571, 575, 645, 667, 760

Иванова, Тамара Владимировна (*урожд.* Каширина; 1900–1995) — жена Всеволода Вячеславови-

ча Иванова, переводчица, актриса 303

Иванова, Татьяна Всеволодовна — падчерица Всеволода Вячеславовича Иванова, жена Давида Александровича Дубинского 619

Ивантер, Беньямин Абрамович (1904–1942) — писатель, журналист; с 1925 года работал в журнале «Пионер», в 1933–1938 годах был главным редактором. В годы войны служил фронтовым корреспондентом, погиб в бою на Калининском фронте 360

Ивич, Александр (Игнатий Игнатьевич Бернштейн; 1900–1978) — писатель, литературовед и издатель; в годы войны корреспондент в действующих частях авиации Черноморского флота; в 1949 году объявлен «космополитом»; хранил произведения русской литературы, которым грозило уничтожение: архив Ходасевича, Мандельштама и др. 310

Ивича Александра жена 310

Игнатьев, Алексей Алексеевич (1877–1954) — генерал РККА, с 1940 года — член Союза писателей, с октября 1942 года — старший редактор военно-исторической литературы Воениздата 218

Игорь — чистопольский знакомый Ольги Губер 399, 426

Ида *см.* Бобрышева, Ида Григорьевна

Ильенков, Василий Павлович (1897–1967) — писатель, военкор «Красной звезды», один из авторов «Черной книги»; лауреат Сталинской премии (1950) за роман «Большая дорога» (1949) 326, 351

Илья Львович$_1$ *см.* Сельвинский, Илья Львович *за искл.* 311

Илья Львович$_2$ *см.* Фейнберг, Илья Львович 311

Инбер, Вера Михайловна (Шпенцер; 1890–1972) — поэтесса; во время войны жила в Ленинграде, один раз приезжала в Чистополь; в послевоенные годы — председатель поэтической секции Союза писателей, член редколлегии «Знамени»; лауреат Сталинской премии (1946) за поэму «Пулковский меридиан» (1942); одна из авторов «Черной книги» 363–365

Ира *см.* Новикова, Ирина Станиславовна

Ирин дядя *см.* Гурвич, Виктор Аронович

Ирина$_1$ *см.* Вирта, Ирина Ивановна 444

Ирина$_2$ *см.* Эренбург, Ирина Ильинична 584

Ирина Николаевна *см.* Медведева-Томашевская, Ирина Николаевна

Иринин — редактор 535

Ирины [Эренбург] мать *см.* Шмидт, Екатерина Оттовна

Ирины [Эренбург] отчим *см.* Сорокин, Тихон

Иванович

Иры бабушка *см*. Гурвич, Розалия Михайловна

Иры мама *см*. Новикова, Эсфирь Ароновна

Иры (Ирины) родители — Новиков, Станислав Алексеевич, и Новикова, Эсфирь Ароновна 564, 580, 584, 615, 617, 625

Исаак — знакомый или родственник Федора Губера 443

Исаев, Иван Степанович (1907–1990) — муж Галины Александровны Вронской, был осужден в 1937 году на пять лет лагерей, реабилитирован в 1955 году, вернулся с семьей с Колымы в 1959 году; дружил с Варламом Тихоновичем Шаламовым 491

Исаковская, Лидия Ивановна (1902–1955) — хирург, оперировала в Чистополе Михаила Губера после взрыва снаряда в сентябре 1942 года; жена поэта Михаила Васильевича Исаковского 398

Йост, Виктор Иванович — первый муж Евгении Михайловны Йост (Сочевец), акушер-гинеколог 379

Йост, Евгения Михайловна (Женя) (*урожд.* Сочевец; 1901–?) — сестра Ольги Михайловны Губер, первый муж — акушер-гинеколог Виктор Иванович Йост, второй — Александр Алексеевич; стала прообразом героини рассказа Гроссмана

«Обвал» 176, 181, 236, 237, 285, 331, 352, 366, 375, 379, 381, 384, 394, 396, 421, 422, 425, 426, 438, 439, 441, 445, 447, 449, 450, 486, 574, 597, 605, 625, 628, 636, 638, 640, 643, 644, 657, 659, 660, 662, 663, 665, 667, 668, 674, 777; *см. также* Сестры$_2$

Каблуков, Иван Алексеевич (1857–1942) — профессор химии, в 1915–1933 годах заведовал термохимической лабораторией кафедры химии физико-математического факультета МГУ 82

Кавалеров, Иван Николаевич (1871–1946) — профессор медицины, в 1920-х — начале 1930-х годов работал на кафедре гигиены труда Донецкого горного института и в Институте гигиены и патологии труда 131

Каверин, Вениамин Александрович (Зильбер; 1902–1989) — писатель 769; *см. также* Каверины

Каверин, Николай Вениаминович (1933–2014) — вирусолог; сын Вениамина Александровича Каверина, муж Натальи Николаевны Заболоцкой 767

Каверины — Вениамин Александрович Каверин и Лидия Николаевна Тынянова 448

Казакевич, Эммануил Генрихович (1913–1962) — прозаик и поэт, писавший на русском языке и на идише; в годы войны служил в действующей армии; редактор альманахов «Литера-

турная Москва» (1956); лауреат двух Сталинских премий: в 1948 году — за повесть «Звезда» (1947) и в 1950-м — за роман «Весна на Одере» (1949) 494, 566, 697, 702

Кайдалина — знакомая Гроссмана и его отца 136

Калинин, Михаил Иванович (1875–1946) — партийный и государственный деятель СССР 343

Канаев, Иван Семенович — красноармеец 344

Каневская, Эсфирь Соломоновна (1878–?) — мать Семена Абрамовича и Льва Абрамовича Тумаркиных 624, 639

Кант, Иммануил (1724–1804) — философ 700

Каплан — директор Сталинского института патологии и гигиены труда с 1932 года 112, 115

Капусто, Юдифь Борисовна (Юка) (1918–1998) — писательница, в годы войны служила в действующей армии 245

Капустянский, Александр (Исаак) Борисович (1905–1984) — фотокорреспондент «Красной звезды» 391, 392

Кар *см.* Кара-Демур, Сократ Сетович

Кара-Демур, Сократ Сетович (Вартанян; 1911–1977) — кинокритик, драматург и сценарист. Автор сценария к фильму «Степан Кольчугин» 489

Карлова, Мария Вячеславовна (*урожд.* Лобода; р. 1950) — младшая дочь Вячеслава Ивановича и Веры Ивановны Лободы 497, 631, 663

Карпов, Александр Яковлевич (1903–1945) — в годы войны заместитель ответственного редактора газеты «Красная звезда», полковник 414

Катаев, Георий Иванович (Юра) — старший сын Ивана Ивановича Катаева и Марии Кузьминичны Терентьевой-Катаевой 631, 662

Катаев, Иван Иванович (1902–1937) — писатель, один из лидеров литературной группы «Перевал», арестован в 1937 году по обвинению в участии в «антисоветской контрреволюционной террористической организации», приговорен к расстрелу; реабилитирован в 1956 году 134, 143, 160, 161, 463, 483, 485, 486, 515, 539, 543, 545, 633, 657, 658, 661, 662

Катаева Георгия дочь 631

Катаева Георгия жена (новая) 631

Катаева, Елена Георгиевна — старшая дочь Георгия Ивановича Катаева, внучка Ивана Ивановича Катаева и Марии Кузьминичны Терентьевой-Катаевой 539

Катаева, Мария (Маша) *см.* Терентьева-Катаева, Мария Кузьминична

Катаевой Маши внучка *см*. Катаева, Елена

Георгиевна

Катенька *см.* Короткова-Гроссман, Екатерина Васильевна

Кати (Катюши) мать *см.* Мацук, Анна Петровна

Катюша (Катюшка) *см.* Короткова-Гроссман, Екатерина Васильевна

Катюши бабушка — бабушка по материнской линии Екатерины Васильевны Коротковой-Гроссман, мать Анны Петровны Мацук 244

Катюши отчим *см.* Баранов, Виктор Георгиевич

Катя$_1$ — знакомая или родственница Василия Гроссмана и его матери Екатерины Савельевны 774

Катя$_2$ — знакомая или родственница Василия Гроссмана и его отца Семена Осиповича 37

Катя$_3$*см.* Короткова-Гроссман, Екатерина Васильевна *за искл.* 37, 555, 560, 561, 597, 631, 659, 683, 774

Катя$_4$*см.* Губенкова, Екатерина Викторовна 555, 560, 561, 597, 631, 659, 660, 683

Кац, Зельман Менделевич (1911–2008) — поэт, журналист, военный корреспондент, «знакомый по Сталинграду» Гроссмана 471

Кашкин, Иван Александрович (1899–1963) — литературовед, критик, переводчик, поэт 253

Кибальчич, Виктор Львович *см.* Серж, Виктор
Кирилл *см.* Андреев, Кирилл Константинович
Кириллов 565
Клавушка — родственница Гроссмана, жившая в Одессе 170, 710
Клара *см.* Шеренцис, Клара Григорьевна
Клестова, Лёля — дочь Доминики 63, 73, 117, 123, 619, *возможно, также* 178–181, 185, 196
Климкович, Майя Михайловна (1927–2014) — дочь Михася Николаевича Климковича 403
Климкович, Михась Николаевич (1899–1954) — поэт и драматург; в 1934–1939 годах председатель Союза писателей БССР 403
Клыкова, Лидия Васильевна (1903–1988) — сестра Екатерины Васильевны Заболоцкой, жившая в Ленинграде 690, 710, 722, 723, 758
Книппер, Ольга Леонардовна (1868–1959) — актриса Московского художественного театра, жена Антона Павловича Чехова 701
Ковалева, Нина Павловна — вторая жена Петра Ивановича Замойского, соседка Василия Гроссмана и Ольги Губер по Беговой улице 622
Ковалевская, Мария (Марья) Михайловна — жена Вячеслава Александровича Ковалевского 285, 287, 289, 293, 302
Ковалевский, Вячеслав Александрович (1897–

1977) — писатель, друг Гроссмана; во время войны специальный корреспондент газеты «На разгром врага»; ответственный секретарь секции прозы Союза писателей, член правления Литфонда 202, 218, 291, 293, 298, 302, 304, 325, 357, 360, 395, 441, 443, 446, 451, 456, 486–488, 639

Ковалевского жена *см.* Ковалевская, Мария Михайловна

Ковнатор, Рахиль Аароновна (1899–1977) — журналистка, редактор издательства «Художественная литература», в котором до войны выходили произведения Гроссмана. Выступала в качестве ответственного редактора трехтомного издания «Степана Кольчугина» (Гослитиздат, 1937–1940). Была членом Еврейского антифашистского комитета и ответственным секретарем литературной комиссии, которая под руководством Гроссмана с весны 1945 года работала над подготовкой к печати «Черной книги» 363, 367, 434

Кожевников, Вадим Михайлович (1909–1984) — писатель и журналист, в 1948–1984 годах главный редактор журнала «Знамя». По одной из версий, документально не подтвержденной, именно Кожевников передал рукопись «Жизни и судьбы» в КГБ, что затем привело к аресту романа 441, 593, 596, 599, 601, 635

Кожичкина, Елена Фёдоровна (*урожд.* Губер; р. 1957) — дочь Федора Борисовича Губера и Ирины Станиславовны Новиковой 501, 502, 504, 505, 512, 515, 518, 521, 524, 528, 530, 532, 534, 536, 539, 542, 548, 550, 554–556, 560, 564, 568, 573, 575–577, 580, 583–589, 592–594, 597, 601–603, 605, 607, 615–620, 622, 623, 625, 627, 628, 630, 631, 633, 634, 637, 639, 641–643, 661–663, 665–669, 671, 672, 674–676, 681, 682, 686–689, 769; *см. также* Молодое поколение

Козлов, Иван Тимофеевич (1909–1987) — литературный критик; редактор романа «За правое дело» в «Новом мире», защищал роман на обсуждении в секции прозы Союза писателей в октябре 1952 года. В 1958–1964 годах первый заместитель председателя правления издательства «Советский писатель» Николая Васильевича Лесючевского 530, 536, 539, 544, 626

Кокорекин, Алексей Алексеевич (1906–1959) — художник, график, плакатист, лауреат двух Сталинских премий за серии военных плакатов (1946) и политических плакатов (1949) 538, 564; *см. также* Кокорекины

Кокорекина, Ольга Дмитриевна (*урожд.* Капшанинова) — художница, плакатистка, жена Алексея Кокорекина 564, 569, 572; *см. также* Кокорекины

Кокорекины — Алексей Алексеевич и Ольга Дмитриевна Кокорекины 475, 541, 563, 608, 611

Колдунов, Сергей Александрович (1901–1995) — друг Гроссмана; писатель, во время войны литсотрудник газеты «Красный флот» 277, 424, 485, 501, 516, 531, 542, 556, *см. также* Колдуновы

Колдунова, Марианна — жена Сергея Александровича Колдунова 277, 460, 485, 501, 516, 542; *см. также* Колдуновы

Колдуновы — Сергей Александрович и Марианна Колдуновы 275, 278, 486, 542, 551, 554, 556, 557, 561, 593, 606, 610

Коломейцев, Петр Илларионович (1903–?) — военный корреспондент, в годы войны Гроссман часто выезжал с ним на редакционные задания 367, 370, 388–390, 392, 393, 395

Колька-слесарь 612

Коля$_1$ — знакомый Гроссманов из Криницы 57

Коля$_2$ *см.* Сочевец, Николай Михайлович *за искл.* 57

Коля Т-й — знакомый Василия Гроссмана и Екатерины Заболоцкой 722

Командир полка Георгия Беньяша 411

Комиссаров 629

Коонен, Алиса Георгиевна (1889–1974) — актриса, жена театрального режиссера Александра

Таирова 535

Корабельников, Григорий Маркович (1904–1996) — литературный критик, литературовед; в первые месяцы Великой Отечественной войны служил в народном ополчении, а с сентября 1941 года — военным корреспондентом ряда газет. В 1960–1963 годах член редколлегии «Литературной газеты» 374, 376

Коротеев, Василий Игнатьевич (1911–1964) — писатель и журналист, в годы войны корреспондент «Красной звезды»; один из создателей мифа о 28 героях-панфиловцах 389

Коротков, Александр Сергеевич — переводчик, муж Екатерины Васильевны Коротковой-Гроссман 607, 610, 612, 613, 617, 627–629, 633, 634, 636, 637, 688, 711, 712, 714, 718, 720

Коротков, Алексей Александрович (р. 1960) — сын Екатерины Васильевны Коротковой-Гроссман и Александра Сергеевича Короткова 628, 629, 633, 634, 636, 642, 665, 684, 758

Короткова Александра Сергеевича мать *см.* Короткова, Елена Петровна

Короткова, Елена Петровна (*урожд.* Никитина; ум. 1966) — мать Александра Сергеевича Короткова 607, 612, 630, 712, 713

Короткова-Гроссман, Екатерина Васильевна

(1930–2020) — дочь Василия Гроссмана и Анны (Гали) Мацук 33, 100, 117, 122, 131, 133, 139, 147, 151, 155, 156, 158, 160, 161, 164, 167, 170, 173, 186, 199, 201–203, 205–209, 211, 217, 218, 222, 233, 237, 238, 241, 244, 245, 248–250, 252, 256, 260, 262, 272, 286, 287, 293, 384, 387, 396, 397, 401, 434, 451, 459, 468–474, 483, 486, 497, 499, 502, 504–506, 510, 512, 517, 519, 521, 524, 529, 531, 534, 535, 540, 542, 545, 548, 551, 555, 558, 560, 562, 564, 568, 572, 574–577, 580, 583–586, 588, 589, 591, 592, 594, 596, 602, 607, 609–613, 617, 618, 627–629, 633, 634, 636–639, 641, 642, 659, 660, 665, 666, 682, 684, 688, 691, 693, 694, 696, 698, 700, 701, 706, 707, 711–714, 716–720, 727, 736, 748, 755, 758

Косачевская, Евгения Давыдовна — сотрудница Литфонда, в 1941 году отвечавшая за организацию интерната для писательских детей в эвакуации в Берсуте и Чистополе 288

Косолапов — донбасский коллега Семена Осиповича Гроссмана во второй половине 1920-х годов 41, 70, 77

Костылева, Евдокия Александровна (1895–1963) — жена писателя Валентина Ивановича Костылева (1884–1950), их семья в 1950-х годах жила в писательских домах на Беговой улице 487, 489

Костылиха *см.* Костылева, Евдокия Александровна

Кох, Эрик (1896–1986) — функционер высокого ранга НСДАП, гауляйтер Восточной Пруссии; рейхскомиссар Украины и Остланда; был приговорен к смертной казни 9 марта 1959 года, но ее заменили на пожизненное заключение 566

Кочар, Рачия Кочарович (Габриелян; 1910–1965) — армянский писатель, автор романа «Дети большого дома» (1952), который Гроссман по подстрочнику перевел на русский язык 637, 638, 640–642, 645–647, 649, 652–654, 656, 665, 676, 740, 741, 743, 745, 748–750, 753, 759–761, 763, 764

Кочара жена 647, 649, 665, 745, 749

Кочара племянник 652, 653, 764, 765

Кочетов, Всеволод Анисимович (1912–1973) — писатель и журналист, главный редактор «Литературной газеты» в 1955–1959 годах 562, 567

Кривицкий, Александр Юрьевич (Зиновий Юлисович; 1910–1986) — писатель, журналист; в годы войны специальный корреспондент и ответственный секретарь редакции «Красной звезды»; создатель мифа о подвиге 28 героев-панфиловцев; с 1947 года заместитель главного редактора журнала «Новый мир»; в 1960 году в качестве члена редколлегии «Знамени» выска-

зывался против публикации романа «Жизнь и судьба» 384, 431, 444, 446

Крутиков — полковник, сотрудник Воениздата 610

Крючков, Петр Петрович (1889–1938) — личный секретарь и поверенный Максима Горького; в 1937 году арестован по обвинению в организации убийства Горького и его сына, в 1938 году расстрелян, в 1956-м реабилитирован 146

Ксения *см.* Асеева, Ксения Михайловна

Кугель, Ефим Абрамович (1903–1966) — один из ближайших друзей Василия Гроссмана; инженер-химик, учившийся вместе с ним на химическом отделении 1-го МГУ, затем работал на карандашной фабрике им. Сакко и Ванцетти; стал прообразом Кругляка в рассказах «Цейлонский графит» (1935) и «Фосфор» (1958–1962). После окончания войны Кугель был арестован и осужден на 25 лет. Благодаря, в частности, усилиям Гроссмана вышел на свободу досрочно в 1959 году 81, 210, 232, 242, 278, 288, 289, 337, 342, 346, 350, 352–356, 362, 364, 366, 370, 375, 379, 386, 388, 414, 420, 424, 441, 443–445, 449, 517, 519, 525, 532, 629–636, 640, 642, 644, 658, 662, 663, 666, 668, 671, 672, 674, 675, 680, 681, 683, 686–688, 733–735, 737, 762, 777

Кугель, Яков Абрамович — брат Ефима Абрамо-

вича Кугеля 519, 623

Кугеля племянник *см.* Ефим$_2$

Кудрявцев — коллега Гроссмана и его отца по Сталинскому институту патологии и гигиены труда 109

Кудрявцев, Н. Н. (ум. 1932) — профессор Сталинского медицинского института 112, 115

Куликова, Нина Сергеевна (1905–1998) — первая жена Семена Израилевича Липкина 454, 494, 497, 555, 561, 571, 588, 605, 629, 630, 633, 636, 638, 640, 643, 660, 668, 674, 676, 689, 712, 746, 749, 752, 755, 759, 763; *см. также* Липкиных семейство

Купер, Джеймс Фенимор (1789–1861) — американский писатель 447

Купец-работодатель *см.* Кочар, Рачия Кочарович

Куприн, Александр Иванович (1870–1938) — писатель 537

Куприянов, Михаил Васильевич (1903–1991) — художник, один из трех основателей группы «Кукрыниксы» 548; *см. также* Куприяновы

Куприяновы — Михаил Васильевич и Лидия Куприяновы 527

Лагин, Лазарь Иосифович (Гинзбург; 1903–1979) — писатель, в годы войны работал в газете «Красный черноморец» политуправления Черно-

морского флота 310, 374

Лагина жена *см.* Лагина, Татьяна

Лагина, Татьяна (*урожд.* Васильева) — жена Лазаря Иосифовича Лагина, во втором браке жена Николая Евгеньевича Вирты 310, 353, 360, 362, 364, 444

Лазарь *см.* Лагин, Лазарь Иосифович

Ламин — сенегалец, живший в Германии, знакомый Гроссмана 554, 555

Ланцуцкий, Станислав (1882–1937) — польский политический деятель, коммунист; в 1929 году бежал в СССР, где в 1937-м был расстрелян за участие в «польской националистической террористической организации» 59

Лара *см.* Лариса

Ларионов, Владимир Андреевич (1913–1987) — актер театра, выступал с чтениями романа «За правое дело» 509

Лариса — родственница Ольги Семеновны Роданевич, жившая с ней и Семеном Осиповичем Гроссманом 111, 118, 120, 123, 124, 130, 132, 133, 138, 143, 147, 149, 151–153, 172, 173, 198, 253–260, 262–268, 270, 776

Лариса Дмитриевна 539

Лариська *см.* Левинская, Лариса Владимировна

Ларка *см.* Лариса
Ласи жена 512
Лася — сын Густы Абрамовны 512
Лебединский *см.* Либединский, Юрий Николаевич
Ле Блан, Макс (1865–1943) — немецкий электрохимик 82
Левин, Григорий — друг или знакомый Гроссмана, родственник Розалии Григорьевны Левиной 100, 114
Левин, Лев Ильич — школьный друг Гроссмана 47, 162, 163
Левин, Марк (Майко) Федорович (1924–1942) — сын Валентины Иануариевны Журавлевой и Федора Марковича Левина. Ушел добровольцем на фронт в рядах Московской третьей дивизии. Погиб, похоронен в братской могиле 693
Левин, Федор Маркович (1901–1972) — литературный критик и редактор, друг Гроссмана; в 1933–1934 годах главный редактор издательства «Советская литература», в 1934–1935 годах директор и главный редактор издательства «Советский писатель». В годы войны воевал, служил ответственным секретарем газеты Карельского фронта «В бой за Родину»; в 1942 году был арестован по доносу и провел полгода в лагерях,

но затем был выпущен на свободу и вернулся на фронт. В 1948–1953 годах из-за кампании по «борьбе с космополитизмом» был почти лишен возможности работать. Автор предисловия к книге Гроссмана «Повести. Рассказы. Очерки» и послесловия к роману «Степан Кольчугин». После смерти Гроссмана и до конца своей жизни занимался работой над его собранием сочинений 288, 292, 351, 361, 375, 384, 396, 410, 496, 499, 539, 548, 550, 603, 614, 693; *см. также* Левины

Левина, Валя *см.* Журавлева, Валентина Ануариевна

Левина дочь *см.* Левина, Елена Федоровна

Левина, Елена Федоровна (1936–2018) — дочь Федора Марковича Левина и Валентины Ануариевны Журавлевой, химик, переводчица 539, 543, 547, 548, 553, 554, 560, 561, 567, 693

Левина жена *см.* Журавлева, Валентина Ануариевна

Левина, Розалия Григорьевна (1874–?) — знакомая Гроссмана, родственница Григория Левина. Арестована 6 января 1931 года и освобождена 23 июля 1931 года 100

Левиной Вали мать — мать Валентины Ануариевны Журавлевой 487

Левинская, Лариса Владимировна — жена Ио-

сифа Львовича Гринберга 351, 357

Левины — Федор Маркович Левин и Валентина Ианууариевна Журавлева 543, 547, 550, 561

Лежнев, Абрам Захарович (Горелик, Абрам Зеликович; 1893–1938) — литературовед и критик, участник литературной группы «Перевал». В 1937 году арестован по обвинению в участии в «антисоветской контрреволюционной террористической организации», расстрелян в 1938 году, в 1956-м реабилитирован 528, 662

Лена$_1$ — приятельница Кати Гроссман 529

Лена$_2$ (Ленка) *см.* Кожичкина, Елена Фёдоровна *за искл.* 529, 547

Лена$_3$ *см.* Левина, Елена Федоровна 547

Ленин, Владимир Ильич (Ульянов; 1870–1924) — революционер, основатель СССР 146, 733

Леночка$_1$ *см.* Кожичкина, Елена Фёдоровна *за искл.* 539, 543, 548, 553

Леночка$_2$ *см.* Левина, Елена Федоровна 539, 543, 548, 553

Леночка$_3$ — знакомая Ольги Губер и Екатерины Коротковой-Гроссман, отдыхала в Коктебеле в 1957 году 542

Лены бабушка *см.* Новикова, Эсфирь Ароновна

Леонид — старший сын пастушки Вари 581, 595

Леонов — профессор медицины, онколог 662
Леонов, Леонид Максимович (1899–1994) — писатель, драматург; в 1941–1943 годах жил в эвакуации в Чистополе; лауреат Сталинской премии (1943) за пьесу «Нашествие» (1942) и Ленинской премии (1957) за роман «Русский лес» (1953) 314
Лёва$_1$ *см.* Левин, Лев Ильич 47
Лёва$_2$ — приятель Екатерины Коротковой-Гроссман 529
Лёва$_3$ *см.* Тумаркин, Лев Абрамович 491, 639
Лёля$_1$ *см.* Клестова, Лёля 63, 73, 117, 123, 619
Лёля$_2$ — знакомая Гроссмана и его отца Семена Осиповича; возможно — Клестова Лёля 178–181, 185, 196
Лёнька *см.* Леонид
Либединский, Юрий Николаевич (Лебединский; 1898–1959) — писатель, журналист; в годы войны работал в редакции газеты «Красный воин», был ответственным секретарем военной комиссии Союза писателей 226
Лида$_1$ — коктебельская крестьянка, знакомая Ольги Михайловны Губер 482, 502, 517, 521, 530, 540, 598, 600, 601, 637, 679
Лида$_2$ *см.* Клыкова, Лидия Васильевна 710, 722, 723, 758

Лиза — подруга Николая Михайловича Сочевца 605, 608, 611, 616, 618, 619, 625, 669

Лиза, тетя *см.* Алмаз, Елизавета Савельевна

Липецкая — знакомая Гроссмана и его отца Семена Осиповича 81

Липкин, Георгий Семенович (р. 1943) — сын Семена Израилевича Липкина и Нины Сергеевны Куликовой 588, 622; *см. также* Липкина дети, Липкиных семейство

Липкин, Семен Израилевич (1911–2003) — один из ближайших друзей Гроссмана; поэт, переводчик; в годы войны служил в действующей армии. Хранил у себя один из двух экземпляров «Жизни и судьбы», уцелевших после ареста романа; благодаря его усилиям роман попал на Запад и был там опубликован. Автор двух мемуарных книг о Гроссмане: «Сталинград Василия Гроссмана» (1986) и «Жизнь и судьба Василия Гроссмана» (1990) 31, 32, 251, 257, 264, 324, 328, 334, 446, 453–458, 460, 461, 464, 466, 467, 471, 472, 475–481, 486, 489, 491, 492, 494, 496, 497, 501, 502, 505, 507, 508, 510, 515–517, 519, 520, 522, 524, 528–532, 534, 535, 537, 539, 543, 548–552, 555–557, 559–561, 563, 565, 567–577, 585, 592, 594, 598–600, 602, 603, 605, 608–610, 612, 613, 615, 619, 621, 622, 625, 627, 629, 630, 633–635, 639–641, 643, 644, 659, 660, 663–668, 674–676, 678,

689, 691–697, 699, 700, 703–710, 712–716, 718, 729, 743, 746, 749, 752, 755, 756, 758, 762, 763, 769–771

Липкин, Яков Семенович (р. 1939) — сын Семена Израилевича Липкина и Нины Сергеевны Куликовой 506, 555, 561, 571, 588, 594, 599, 603, 605, 608, 612, 619, 622, 627, 660, 664, 700, 712, 713, 755; *см. также* Липкина дети, Липкиных семейство

Липкина, Зоя Семеновна (р. 1938) — дочь Семена Израилевича Липкина и Нины Сергеевны Куликовой 491, 543, 622; *см. также* Липкина дети, Липкиных семейство

Липкина, Ирина Семеновна (р. 1943) — дочь Семена Израилевича Липкина и Нины Сергеевны Куликовой 588, 622; *см. также* Липкина дети, Липкиных семейство

Липкина дети — дети Семена Израилевича Липкина и Нины Сергеевны Куликовой: Зоя, Яков, Георгий, Ирина 543, 568

Липкиных семейство — семья Семена Израилевича Липкина и Нины Сергеевны Куликовой 666

Литвак — коллега Гроссмана и его отца Семена Осиповича по Сталинскому институту патологии и гигиены труда 109, 119

Лифшиц — коллега Гроссмана и его отца Семена Осиповича по Сталинскому институту патологии и гигиены труда 109

Лифшиц, Михаил Александрович (1905–1983) — философ, теоретик и историк культуры; в начале Великой Отечественной войны служил в действующей армии, но после ранения и выхода из окружения осенью 1941 года был переведен на должность литработника. В 1953 году стал жертвой кампании «по борьбе с космополитизмом» 334, 351, 384

Лобода, Вера Ивановна (*урожд.* Данько; 1918–2001) — жена Вячеслава Ивановича Лободы 285, 355, 497, 631, 638, 663

Лобода, Владимир Иванович (1893–1970) — брат Вячеслава Ивановича Лободы 85

Лобода, Вячеслав Иванович (Веня) (1903–1980) — близкий друг Гроссмана; родом из Бердичева, где в детстве и подружился с Гроссманом; учился в гимназии в Киеве, в Москву оба друга переехали из Киева по предложению Николая, старшего брата Вячеслава. Окончил историко-этнографический факультет МГУ; около двадцати лет работал на Чукотке: школьным учителем, директором интерната, инспектором и заведующим районным отделом народного образования. Во второй половине 1950-х годов окончательно вернулся с семьей в Центральную Россию и поселился в Малоярославце. Он и его жена Вера Ивановна

хранили в своем доме в Малоярославце один из двух экземпляров «Жизни и судьбы», уцелевших после ареста романа 83–85, 98, 178, 273, 280, 285, 355, 497, 517, 525, 631–634, 638, 639, 642, 644, 663, 669, 678, 686, 688, 770

Лобода, Иван Осипович (ум. 1943) — отец Вячеслава Ивановича Лободы 430

Лобода, Мария Васильевна (ум. 1952) — мать Вячеслава Ивановича Лободы 430

Лободы Веры девочки — дочери Вячеслава Ивановича и Веры Ивановны Лободы *см.* Ефремова, Людмила Вячеславовна, и Карлова, Мария Вячеславовна

Лозинский, Михаил Леонидович (1886–1955) — поэт, переводчик, лауреат Сталинской премии (1946) за перевод «Божественной Комедии» Данте Алигьери (1936–1942) 463

Лозинского жена *см.* Шапирова, Татьяна Борисовна

Лозовский, Алексей (Соломон Абрамович Дридзо; 1878–1952) — революционер, партийный деятель; один из организаторов Профинтерна, в 1921–1938 годах его генеральный секретарь. Один из основателей Еврейского антифашистского комитета, арестован в 1949 году, расстрелян в 1952-м, реабилитирован в 1955-м 67

Лойко, Наталия Всеволодовна (1908–1987) — детская писательница; первым браком замужем за Александром Израилевичем Шаровым, вторым — за Александром Альфредовичем Беком 612, 613, 712; *см. также* Беки

Лойтер, Елизавета Эммануиловна (1908–1973) — пианистка, жена Ильи Львовича Френкеля; в 1941–1942 годах работала воспитательницей в чистопольском интернате 370, 376, 380

Лондон, Джек (1876–1916) — американский писатель 777

Лукин, Николай Васильевич (1907–1966) — писатель, горный инженер, вторым браком женат на Софье Абрамовне Могилевской 536, 541

Лукиных дочь 536

Люба (Любка) — пуделиха Гроссмана и Ольги Губер 437, 439, 442, 443, 476, 490

Любарский — коллега Гроссмана и его отца по Сталинскому институту патологии и гигиены труда 110

Любимов, Борис Николаевич (р. 1947) — театровед, сын Маргариты Романовны и Николая Михайловича Любимовых 528, 534, 552

Любимов, Николай Михайлович (1912–1992) — переводчик, мемуарист 528

Любимова, Елена Николаевна (1941–2001) —

дочь Николая Михайловича и Маргариты Романовны Любимовых 528, 534, 552

Любимова, Маргарита Романовна (*урожд.* Кессель) — первая жена Николая Михайловича Любимова 528, 534, 550–552, 561, 620, 621

Любовь Иосифовна — предположительно, сотрудница «Знамени» в 1946 году 433

Людмила — знакомая Гроссмана и его отца Семена Осиповича, летом 1928 года была в Кринице 57

Люка *см.* Занковская, Людмила Сергеевна

Люся *см.* Губер, Ольга Михайловна

Ляля — дочь Елизаветы Ивановны Старинкевич 530, 640, 642

Магдалина *см.* Дальцева, Магдалина Зиновьевна

Мазо, П. А. — хозяйка комнаты в Покровском-Глебове, которую снимал Гроссман в 1920-х годах 68, 77

Мазо, Софья Григорьевна — первая жена Евгения Ароновича Долматовского 328, 512

Майоров, В. М. — заведующий отделом городского хозяйства Московского городского комитета ВКП(б) в 1940-х годах 385

Макаров, Александр Николаевич (1912–1967) — литературный критик 515, 520

Максимилиан Александрович *см.* Волошин, Максимилиан Александрович

Малеев, Игорь Александрович (1904–1956) — писатель, состоял в литературной группе «Перевал», в 1930-х годах был два раза арестован; осужден на три года и пять лет заключения; реабилитирован в 1965 году 489

Маленькая *см.* Кожичкина, Елена Фёдоровна

Малина, тетя *см.* Беньяш, Мария Савельевна

Мальчик$_1$ *см.* Зелинский, Владимир Корнелиевич 439

Мальчик$_2$ [сын Екатерины Гроссман] *см.* Коротков, Алексей Александрович *за искл.* 439

Мальчик Розы Замойской *см.* Замойский, Владимир Лоллиевич

Малыш Вероники *см.* Губенков, Александр Викторович

Мама$_1$ *см.* Гроссман, Екатерина Савельевна *за искл.* 156, 289, 660, 777

Мама$_2$ *см.* Губер, Ольга Михайловна 156

Мама$_3$ *см.* Мацук, Анна Петровна 660, 777

Мама$_4$ *см.* Сочевец, Александра Стефановна 289

Маня$_1$ — возможно, домработница Владимира Моисеевича и Тамары Беньяш 129, 366

Маня$_2$ — вероятно, родственница Семена Тумаркина 590

Мао Дунь (1896–1981) — китайский писатель; в 1953–1981 годах председатель Союза китайских писателей; с 1949 по 1964 год министр культуры КНР; в 1946–1947 годах ездил в СССР. Переводил на китайский русскую литературу, в частности «Народ бессмертен» Гроссмана 500

Маргарита (Маргарита Романовна) *см.* Любимова, Маргарита Романовна

Мариам — армянская княгиня из династии Багратуми 646

Мариам (Марьям) Наумовна *см.* Черневич, Мариам Наумовна

Марианна *см.* Колдунова, Марианна

Маринка — подруга Федора Губера 490

Мариша — знакомая Василия Гроссмана, Екатерины Коротковой-Гроссман и Ольги Губер 529

Мария Михайловна$_1$ *см.* Ваврисевич, Мария Михайловна *за искл.* 287, 314

Мария Михайловна$_2$ *см.* Ковалевская, Мария Михайловна 287

Мария (Марья) Степановна *см.* Заболоцкая, Мария (Марья) Степановна

Марков, Георгий Мокеевич (1911–1991) — писатель, сценарист, военный корреспондент 527

Мартынов — редактор из Главлита 338

Мартынов, Леонид Николаевич (1905–1980) —

поэт и журналист, друг Бориса Абрамовича Слуцкого 714

Мартынова, жена редактора из Главлита 338

Марфа Сергеевна — временная домработница Василия Гроссмана и Ольги Губер 620, 622, 623, 643

Марченко, девица — девушка, у которой обнаружили в Чистополе шубу Ольги Губер 359

Маруся *см.* Ваврисевич, Мария Михайловна

Маршак, Самуил Яковлевич (1887–1964) — поэт, переводчик 667, 687

Марья Михайловна$_1$ *см.* Ваврисевич, Мария Михайловна 184

Марья Михайловна$_2$ *см.* Шкапская, Мария Михайловна *за искл.* 184, 284, 292, 662

Марья Михайловна$_3$ — врач, облучавшая Евгению Михайловну Йост (Сочевец) 662

Марья Михайловна$_4$ — молочница Гроссмана и Губер на улице Герцена 284, 292

Марьям *см.* Черневич, Мариам Наумовна

Марьямов, Александр Моисеевич (1909–1972) — писатель, кинодраматург. В годы войны работал среди прочего корреспондентом газеты «Краснофлотец» Северного флота 416

Мастер *см.* Симонов, Константин Михайлович

Матильда Ивановна — жительница Жмерин-

ки 232

Мать Екатерины Коротковой-Гроссман *см.* Мацук, Анна Петровна

Мацук, Анна Петровна (Галя) — первая жена Гроссмана, мать его дочери Екатерины. По свидетельству Екатерины Васильевны Гроссман-Коротковой, будущие супруги познакомились в киевской профшколе. Стали встречаться зимой 1927/28 года, поженились, предположительно, весной 1928 года, расстались в 1932-м 42, 47, 53, 57, 58, 60, 61, 64–66, 68, 69, 76, 78, 79, 81, 82, 86, 88–93, 96, 115–117, 173, 203, 205–212, 214, 215, 218, 221–223, 233, 260, 384, 387, 396, 401, 468, 499, 512, 564, 568, 574, 577, 580, 581, 584, 629, 637, 660, 736, 773, 776, 777

Маша$_1$ (Машенька) *см.* Карлова, Мария Вячеславовна 631, 663

Маша$_2$*см.* Терентьева-Катаева, Мария Кузьминична 483, 485, 491, 539, 616, 630, 631, 658, 661, 662

Маяковский, Владимир Владимирович (1893–1930) — поэт 611

Медведева-Томашевская, Ирина Николаевна (1903–1973) — литературовед, жена литературоведа и текстолога Бориса Викторовича Томашевского (1890–1957); подруга Екатерины Васильевны Заболоцкой. О дружбе семей Заболоцких и Томашевских рассказала в своей книге

«Таврида. Земной Элизий. Екатерина II, Пушкин, Лихачев и другие» (2020) 768, 769

Меерсон, Григорий Абрамович (1901–1975) — ученый, специалист в области металлургии; лауреат двух Сталинских (1946, 1948) и одной Ленинской премии (1961) 465

Менакер, Розалия Самойловна (Роза) (1877–1965) — родственница и подруга Екатерины Савельевны Гроссман, акушерка, принимавшая у нее роды 124, 126, 508

Миндлин, Эмилий Львович (1900–1981) — писатель; после начала Великой Отечественной войны был мобилизован на работу в радиопропаганде и остался в Москве, отправив семью в Чистополь 401, 425

Миндлина — жена Эмилия Львовича Миндлина 362, 380, 381

Мира — знакомая Федора Губера 500

Миронов, Александр Евгеньевич (1910–1992) — писатель и журналист, с 1950 года регулярно жил в Коктебеле 538

Михаил Алексеевич — пресвитер молоканской общины в Армении 762

Михайлов — мальчик, погибший в Чистополе вместе с Михаилом Губером 13 сентября 1942 года 399

Михайловский 487

Михалков, Сергей Владимирович (1913–2009) — писатель 492, 677

Миша (Мишенька) *см.* Губер, Михаил Борисович

Мишка — кот сибирской породы, жил у Василия Гроссмана и Ольги Губер с конца 1940-х годов, исчез летом 1964 года 686

Младенец *см.* Зелинский, Владимир Корнелиевич

Младшее поколение — Федор Губер, Ирина Новикова и их дочь Елена Кожичкина 550; *см. также* Молодое поколение$_2$

Млечин, Владимир Михайлович (1901–1970) — театральный критик, журналист; в 1943–1944 годах заместитель ответственного секретаря Союза писателей; директор Театра Революции (1940–1943) и Центрального дома литераторов (1944–1945) 430

Могилевская, Софья Абрамовна (1903–1981) — писательница, автор книг для детей и подростков. Первым браком была замужем за инженером Александром Ароновым, вторым — за писателем Николаем Васильевичем Лукиным 536

Могилевской сын *см.* Аронов, Михаил Александрович

Можаева, Лидия — коллега Гроссмана и его отца по Сталинскому институту патологии и гигиены труда 109

Молдавский писатель 491, 492

Молодое поколение$_1$ — Федор Губер 251

Молодое поколение$_2$ — Федор Губер, Ирина Новикова и их дочь Елена Кожичкина 658, 713

Молочница *см.* Марья Михайловна$_4$

Мордкин — коллега Гроссмана по Сталинскому институту патологии и гигиены труда 101, 103, 114, 119, 156, 159

Моруа, Андре (Эрзог, Эмиль Саломон Вильгельм; 1885–1967) — французский писатель 743

Москвин, Николай Яковлевич (Воробьев; 1900–1968) — писатель, редактор; в 1944–1946 годах литературный консультант в Союзе писателей 448

Мугуев, Хаджи-Мурат Магометович (1893–1968) — писатель. С августа 1941 года служил корреспондентом «Красной звезды» на Западном фронте; 23 ноября был арестован и 19 декабря осужден за дезертирство на 10 лет, но уже через несколько дней после суда воевал под Москвой, а 16 апреля Военный трибунал его дивизии освободил его от наказания как воина, проявившего мужество в бою 301, 308, 309, 313, 316, 318, 330,

Мугуева жена 301, 308, 309

Мунблит, Георгий Николаевич (1904–1994) — литературный критик, автор одной из первых рецензий на «Глюкауф» (1934). В 1940-х годах участвовал в работе над «Черной книгой». Автор статей о Гроссмане в Краткой литературной энциклопедии (1964) и Большой советской энциклопедии (1972) 170, 239, 301, 302, 313, 315, 321, 323, 333, 338, 371, 461, 501

Мунблит, Нина — жена Георгия Николаевича Мунблита 302, 352

Мура 465

Мякиш 446

Навашин, Сергей Михайлович (1924–1997) — сын Валерии Владимировны Валишевской 282, 292

Навои, Алишер (Низомиддин Мир Алишер; 1441–1501) — тюркский поэт, суфий 707

Надежда Михайловна *см.* Синякова, Надежда Михайловна

Надя *см.* Алмаз, Надежда Моисеевна

Назаров, Игнат Иванович (1904–1982) — драматург, автор драмы «Народ бессмертен» в четырех действиях (1945) по одноименной повести Гроссмана, радиоинсценировки повести (1946). В 1956

году подал заявку на литературный сценарий по повести на киностудию «Мосфильм» и после ее одобрения в 1957 году написал два варианта сценария, ни один из которых не был пущен в производство 497

Настя, работница — домработница Фраерманов в 1946 году 434

Натали *см.* Заболоцкая, Наталья Николаевна

Наташа$_1$ *см.* Бианки, Наталья Павловна 635

Наташа$_2$ *см.* Даренская, Наталья Ивановна *за искл.* 556, 635, 697, 700, 723

Наташа$_3$ *см.* Заболоцкая, Наталья Николаевна 556, 697, 700, 707, 723, 731, 734, 735, 737, 738, 743, 744, 747, 752, 755, 756, 757, 758, 760, 766, 767–769

Наум Наумович (ум. 1934) — знакомый Гроссмана и его отца Семена Осиповича, живший в Сталине 158

Нейгауз, Адриан Генрихович (1925–1945) — сын Зинаиды Николаевны Пастернак и Генриха Густавовича Нейгауза; болел костным туберкулезом и с сентября 1941 года находился в санатории в Нижнем Уфалее на Урале 374

Некрасов, Виктор Платонович (1911–1987) — писатель, драматург, журналист; до эмиграции в Париж в 1974 году жил в Киеве. В годы войны служил полковым инженером, участвовал в Ста-

линградской битве. Автор повести «В окопах Сталинграда» (1946), за которую получил Сталинскую премию (1947). Отказывался участвовать в «кампании против космополитизма», позднее был близок к диссидентским кругам. Дружил с двоюродным племянником Гроссмана Георгием Беньяшем, погибшим в 1942 году 456, 462, 644

Некрасова, Оксана Васильевна (р. 1955) — внучка Ильи Львовича Сельвинского 625

Нернст, Вальтер Герман (1864–1941) — немецкий физик и химик, лауреат Нобелевской премии по химии (1920) 82

Ника *см.* Губенкова, Вероника Петровна

Николай — муж Лиды, коктебельской крестьянки 530, 540, 663

Николай Алексеевич *см.* Заболоцкий, Николай Алексеевич

Николай Вениаминович *см.* Богословский, Николай Вениаминович

Николай Николаевич$_1$ *см.* Асеев, Николай Николаевич *за искл.* 494

Николай Николаевич$_2$ *см.* Зарудин, Николай Николаевич 494

Нилины — семья писателей Павла Филипповича Нилина (1908–1981) и Матильды Иосифовны Юфит (1909–1993), соседи Гроссмана по Беговой

улице до 1957 года 503

Нина$_1$ *см.* Куликова, Нина Сергеевна *за искл.* 472

Нина$_2$ — подруга Федора Губера 472

Нина Сергеевна *см.* Куликова, Нина Сергеевна

Ниточкин, Александр Ефимович (Шура) (Александр Израилевич Нирнберг; 1905–1980) — инженер; друг детства Гроссмана, их дружба продолжалась на протяжение всей жизни. Семьи Гроссмана и Ниточкина были связаны на протяжении нескольких поколений: дед Ниточкина, бердичевский купец Исаак Ушерович Нирнберг (1885–1949), входил в попечительский комитет городской больницы, где работал дядя Гроссмана Давид Моисеевич Шеренцис. Родители Ниточкина, Израиль Исаакович Нирнберг (1885–1949) и Фанни Ефимовна Нюрина (ум. 1938), как и отец Гроссмана, были членами БУНДа 60, 62, 379, 627, 688, 763, 773

Ниточкин, Сергей Александрович (р. 1941) — сын Александра Ефимовича Ниточкина, издатель, библиофил 627

Ниточкина сын *см.* Ниточкин, Сергей Александрович

Новиков, Иван Алексеевич (1877–1959) — писатель, переводчик, общественный деятель. Автор

романов «Пушкин в изгнании» (часть 1 — «Пушкин в Михайловском», 1936; часть 2 — «Пушкин на юге», 1943) и других; в 1956 году подписал письмо Генеральному прокурору СССР с просьбой прекратить дело по 58-й статье в отношении писателя Даниила Андреева 598

Новиков, Николай Васильевич (1903–1989) — дипломат, писатель и переводчик, член Союза писателей с 1950 года 245

Новиков, Станислав Алексеевич (1911–1970) — отец Ирины Новиковой, тесть Федора Губера. Арестован в 1949 году, вышел на свободу в 1955-м 523, 564, 580, 584, 615, 617, 625, 671; *см. также* Иры родители

Новикова Ивана Алексеевича племянница 598, 600

Новикова, Ирина Станиславовна (1933–2021) — жена Федора Борисовича Губера. Они познакомились во время работы в Научно-исследовательском институте шинной промышленности (НИИШП) и поженились 26 ноября 1956 года 492, 495, 496, 499, 501, 502, 504, 505, 511, 512, 523, 524, 528, 531, 534, 538, 539, 541, 542, 553, 554, 556, 558, 560, 564, 565, 567, 576, 579, 580, 582, 584, 586, 589, 592, 593, 597, 599, 601, 603, 605, 607–612, 614–618, 620, 623–627, 630, 633, 643, 663, 666, 668, 671, 673,

675–677, 680–682, 686, 688; *см. также* Молодое поколение, Ребята$_2$

Новикова, Эсфирь (Фира) Ароновна (*урожд.* Гурвич; 1913–2003) — мать Ирины Станиславовны Новиковой 502, 512, 528, 542, 560, 568, 576, 607, 618, 620, 622, 623, 627, 671; *см. также* Иры родители

Ногин, Виктор Павлович (1878–1924) — революционер, советский государственный и партийный деятель 548

Ногина, Ольга Викторовна (1915–2001) — дочь Виктора Ногина. Ольга Губер в своем письме называет ее Варварой Викторовной 548

Нона (Ноночка) — работница на коктебельской почте 581, 583, 586

Ноны муж 581, 583, 586

Нора Михайловна — сотрудница Дома творчества писателей в Коктебеле 582

Нусинов, Исаак Маркович (1889–1950) — литературовед и литературный критик, жил в Чистополе в 1941–1942 годах. Активный участник Еврейского антифашистского комитета, с 1947 года подвергался гонениям, в 1949 году был арестован и умер во время следствия 354, 359, 364, 368, 369, 419

Нюра-Жучка *см.* Жучка

Оболенский, Леонид Леонидович (1902–1991) —

актер, режиссер, журналист; в 1945 году осужден на десять лет лагерей, был освобожден досрочно в 1952 году и в 1956-м направлен на работу в Свердловскую киностудию 603

Обрадович, Сергей Александрович (1892–1956) — поэт, переводчик и редактор. С лета 1941 года находился в эвакуации в Чистополе 288, 289

Овечкин, Валентин Владимирович (1904–1968) — писатель и журналист; в военные годы воевал и работал корреспондентом армейских и фронтовых газет; с 1958 года входил в состав редколлегии «Нового мира». В 1960 году в результате нервного срыва совершил попытку самоубийства, потерял глаз. Умер в 1968 году вследствие второй попытки самоубийства, выстрелив в себя из ружья 643

Олдридж, Джеймс (1918–2015) — британский писатель и общественный деятель 740

Олендер, Петр Моисеевич (1906–1944) — журналист, военкор «Красной звезды», много работавший с Гроссманом 372, 382, 387, 391–393, 395, 427

Олеша, Юрий Карлович (1899–1960) — писатель 621

Олимпиев, Иван Яковлевич (1895–1960) — первый директор Медицинского института в Сталине, вступил в должность в 1930 году 102

Ольга *см.* Губер, Ольга Михайловна
Ольга Александровна — подруга Марии Михайловны Ваврисевич (Сочевец) 673
Ольга Иосифовна 579
Ольга Михайловна *см.* Губер, Ольга Михайловна
Ольга Семеновна *см.* Роданевич, Ольга Семеновна
Ольга Яковлевна$_1$— знакомая Гроссмана и его отца 184, 370
Ольга Яковлевна$_2$*см.* Трусевич, Ольга Яковлевна *за искл.* 184, 370
Ольги сестра *см.* Йост, Евгения Михайловна
Оля 696
Органова, Наталия Ивановна (1929–2019) — дочь Екатерины Ивановны Строговой (Органовой) и Ивана Тихоновича Бобрышева 352
Ортенберг, Давид Иосифович (1904–1998) — ответственный редактор «Красной звезды» в 1941–1943 годах 205, 213, 217, 221, 222, 230, 309, 312, 329, 331, 340, 343, 348, 356, 363, 367, 372, 378, 380, 383, 385, 389, 393, 401, 402, 404, 405, 409, 413, 414, 416, 423, 427
Осеева, Валентина Александровна (1902–1969) — детская писательница, с 1952 года жила в Крыму, в поселке Изюмовка 517, 520, 533; *см.*

также Осеевы

Осеевы — Валентина Александровна Осеева и ее муж Вадим Дмитриевич Охотников 488, 498

Оствальд, Вильгельм (1853–1932) — лифляндско-немецкий химик, лауреат Нобелевской премии по химии (1909) 70

Острогорская, Вера Давыдовна (1918–1980) — редактор издательства «Советский писатель», переводчица 548, 603

Охотников, Вадим Дмитриевич (1905–1964) — писатель-фантаст, муж Валентины Осеевой, с 1952 года жил вместе с ней в Крыму, в поселке Изюмовка 488; *см. также* Осеевы

Павленко, Петр Андреевич (1899–1951) — писатель, сценарист, журналист. Редактор журнала «Тридцать дней» с 1932 по 1938 год, редактировал и горьковский альманах «Год семнадцатый». В годы войны был военным корреспондентом «Правды» и «Красной звезды». С 1947 года — член редколлегии журнала «Знамя». Лауреат четырех Сталинских премий первой степени (1941, 1948, 1949, 1950) за сценарии фильмов «Александр Невский» (1938), «Клятва» (1941), «Падение Берлина» (1949) и роман «Счастье» (1947) 147, 353, 358, 362–364, 366

Павлик — сын Лиды, коктебельской крестьян-

ки 530, 540, 663, 680

Палеева, Фаина (Фаня) Моисеевна (*урожд.* Фейга Фишман; 1930–2025) — приемная дочь Ирины Эренбург, жена Виктора Степановича Щипачева 584; *см. также* Щипачи

Панова, Вера Федоровна (1905–1973) — писательница, лауреат трех Сталинских премий (1947, 1948, 1950) за романы «Спутники» (1946), «Кружилиха» (1947) и повесть «Ясный берег» (1950) 464, 510

Пантелеева (ум. 1959) — дворничиха на Беговой улице 588

Панферов, Федор Иванович (1896–1960) — писатель, с 1931 года главный редактор журнала «Октябрь», лауреат двух Сталинских премий (1948, 1949) за романы «Борьба за мир» (1945, 1948) и «В стране поверженных» (1949) 219, 436, 450, 492

Папа$_1$ *см.* Гроссман, Семен Осипович *за искл.* 778

Папа$_2$ *см.* Гроссман, Василий Семенович 778

Парикмахер Гроссмана в 1950-е годы 455

Парнах, Валентин Яковлевич (Парнох; 1891–1951) — поэт и музыкант, с 1941 года жил в эвакуации в Чистополе 380

Пастернак, Борис Леонидович (Постернак,

Борис Исаакович; 1890–1960) — поэт, писатель, переводчик; лауреат Нобелевской премии по литературе (1958) за роман «Доктор Живаго» (1955) 352, 358, 365, 376, 621, 623, 625, 627, 705

Пастернак, Зинаида Николаевна (*урожд.* Еремеева; 1897–1966) — жена Бориса Пастернака; в первом браке — жена пианиста Генриха Нейгауза 352, 374, 465, 553, 563, 627, 705

Пастернак Зинаиды Николаевны сын *см.* Нейгауз Адриан Генрихович

Пастушка 727

Пастушка из Крымского Приморья *см.* Варя

Паустовская *см.* Валишевская, Валерия Владимировна

Паустовский, Константин Георгиевич (1892–1968) — писатель 264, 292, 453, 456, 461, 547, 550, 600, 658, 692, 695, 708

Паустовского жена *см.* Евтеева-Арбузова, Татьяна Алексеевна

«Пеликс» 718

Первомайский, Леонид (Гуревич, Илья Шлемович; 1908–1973) — прозаик и поэт; в годы войны работал корреспондентом радиовещания Юго-Западного и Донского фронтов и военным корреспондентом газеты «Правда». Лауреат Сталинской премии (1946) за стихотворные сборники

«Земля» (1943) и «День рождения» (1943) 428

Перекрестова, Наталия Петровна — врач чистопольской колонии писателей 334

Пермитин, Ефим Николаевич (1896–1971) — писатель; с 1938 по 1944 год находился в ссылке; с середины 1950-х годов восстановлен в Союзе писателей, занимал в нем должность секретаря правления, вошел в редсовет издательства «Советский писатель» 521, 530, 544, 548, 553, 603

Петлюра — в годы войны шофер корреспондентов «Красной звезды», в частности Василия Гроссмана 306, 307

Петр Иванович *см.* Ваврисевич, Петр Иванович

Петр Михайлович — знакомый Василия Гроссмана и его отца Семена Осиповича 155

Петров — возможно, редактор Гослитиздата в 1940-е годы 431

Петров, Евгений Петрович (Катаев; 1902–1942) — писатель, сценарист, соавтор Ильи Ильфа, брат Валентина Катаева. С 1938 года главный редактор журнала «Огонек». В годы войны служил фронтовым корреспондентом. Погиб в авиакатастрофе 2 июля 1942 года 356

Пильняк, Борис Андреевич (Вогау, Бернгард; 1894–1938) — писатель; в 1937 году арестован по

обвинению в шпионаже в пользу Японии, расстрелян в 1938 году 146

Писаржевский, Олег Николаевич (1908–1964) — писатель, сценарист; автор книг об истории науки; лауреат Сталинской премии (1951) за книгу «Дмитрий Иванович Менделеев» (1951) 245

Письменная, Елена Алексеевна (1907–1944) — первая жена Александра Григорьевича Письменного 302; *см. также* Письменные

Письменные — семья Александра Григорьевича и Елены Алексеевны Письменных 287, 292, 297, 315

Письменный, Александр Григорьевич (1909–1971) — писатель, состоял в литературной группе «Перевал»; военный корреспондент; друг Гроссмана 284, 288, 294, 297, 298, 313, 321, 323, 326–328, 330, 333, 366, 368, 371–376, 380, 383, 502, 515, 532, 575, 588, 619, 635, 658, 680; *см. также* Письменные

Платонов, Андрей Платонович (Климентов; 1899–1951) — писатель, друг Гроссмана. Работал над киносценарием по повести Гроссмана «Глюкауф»; в годы войны служил военным корреспондентом, в частности в «Красной звезде». Участвовал в создании «Черной книги» 415, 420, 443, 445, 452

Платонов, Платон Андреевич (1922–1943) — сын

Андрея Платоновича и Марии Александровны Платоновых 415, 420

Платонова, Мария Александровна (*урожд.* Кашинцева; 1903–1983) — жена Андрея Платоновича Платонова 415

Платонова сын *см.* Платонов, Платон Андреевич

По, Эдгар Аллан (1809–1849) — американский писатель 73

Повар на фронте 300

Поликарпов, Дмитрий Александрович (1905–1965) — в 1955–1962 годах заведующий отделом культуры ЦК КПСС, организатор травли Пастернака 592, 603, 610, 613, 711

Половинка Вади *см.* Тамара

Половский *см.* Анци-Половский, Лазарь Яковлевич

Полторацкий, Виктор Васильевич (Погостин; 1907–1982) — писатель и журналист; в годы войны специальный корреспондент газеты «Известия». Лауреат Сталинской премии (1952) за книгу очерков «В дороге и дома» (1951) 428

Поля *см.* Семенова, Полина

Поляков 579, 582

Полякова, Лидия Михайловна 563

Поневежский, Аркадий Сергеевич (Абрам Са-

муилович; 1906–1963) — писатель; в годы войны служил военным корреспондентом газеты Черноморского флота «Красный флот» 310

Поневежского жена 310

Поповская, Ольга Ивановна (*урожд.* Кормильцева; 1907–1992) — вторая жена Александра Даниловича Поповского 537; *см. также* Поповские

Поповский, Александр Данилович (1897–1983) — писатель, популяризатор науки 306, 307, 533, 537; *см. также* Поповские

Поповские — Александр Данилович и Ольга Ивановна Поповские 530, 533

Постников, Александр Михайлович (1886–1937) — в 1927–1930 годах член Реввоенсовета СССР; затем заместитель наркома путей сообщения; арестован в 1937 году по обвинению во вредительстве и участии в «антисоветской правотроцкистской организации», приговорен к расстрелу 94

Прасковья Васильевна (ум. 1941) — соседка Василия Гроссмана и Ольги Губер в доме на улице Герцена 282, 284

Председатель Союза писателей [Абхазии] *см.* Шинкуба, Баграт Васильевич

Приемный сын Николая Буренина 265

Пришвина, Валерия Дмитриевна (*урожд.* Лиорко; 1899–1979) — вторая жена Михаила Михайловича Пришвина 514

Пришвина жена *см.* Пришвина, Валерия Дмитриевна

Пронин, Василий Маркелович (1905–1966) — режиссер научно-популярных и художественных фильмов 602

Пронин, Василий Прохорович (1905–1993) — в 1939–1944 годах председатель Мосгорисполкома 385, 423

Профессор — доктор в Харькове (возможно, по фамилии Цейтлин), наблюдавший Екатерину Короткову-Гроссман 468–470

«Психическая дамочка» *см.* Заболоцкая, Екатерина Васильевна

Пума (Пумка) — пудель дымчатого окраса, живший в семье Василия Гроссмана и Ольги Губер во второй половине 1950-х годов 499, 501, 540, 548, 551, 558, 559, 567, 593, 610, 615, 618–620, 625, 632, 633, 663

Пушкин, Александр Сергеевич (1799–1837) — поэт 742

Работница — домработница Василия Гроссмана и Ольги Губер, уволившаяся в июне 1946 года 434

Работодатель *см.* Кочар, Рачия Кочарович

Раввин, Вульф Абрамович (1888–1976) — биолог, с 1930 года работал на кафедре гистологии Медицинского института в Сталине, исследовал заболевания легких, вызванных вдыханием производственной пыли 101, 103

Равич, Николай Александрович (1899–1976) — писатель, драматург 527, 531, 537

Радик *см.* Фиш, Радий Геннадиевич

Райский — врач, у которого наблюдался Гроссман в 1950–1960-х годах 505, 529, 532, 584, 588, 640, 715, 744

Ратнер — донбасский коллега Гроссмана и его отца 159

Рахиль — подруга или родственница Ефима Абрамовича Кугеля 683

Ребенок 17 лет *см.* Навашин, Сергей Михайлович

Ребеночек Мугуевых — сын Хаджи-Мурата Мугуева и его жены 308, 309

Ребята$_1$ — Михаил и Федор Губеры 274–279, 282, 284, 291, 294, 298, 301, 303, 310, 315, 321–323, 325, 328, 341, 342, 344–349, 351, 356, 361, 367, 373, 391, 394

Ребята$_2$ — Федор Губер и его жена Ирина Новикова 490, 492, 496, 497, 513, 521, 524, 528, 538, 539, 576, 579, 580, 599, 603, 615, 674

Ребятенок ребят *см.* Кожичкина, Елена Фёдо-

ровна

Ревекка Моисеевна (Раиса Михайловна) — возможно, Анисимова, Ревекка Моисеевна 441, 443, 449

Регинин, Василий Александрович (Раппопорт; 1883–1952) — журналист, издатель, литератор, был известен своей любовью к буффонаде и сенсациям 666

Редактор *см.* Ортенберг, Давид Иосифович 205, 213, 217, 221, 222, 226, 230, 309, 312, 329, 331, 340, 343, 348, 356, 363, 367, 378, 380, 383, 389, 402, 404, 409, 414, 416, 427

Редактор издательства «Советский писатель», работавший над книгой Бориса Губера «Бабье лето» в 1959 году 548

Режиссер, работавший с Рувимом Фраерманом в Солотче летом 1946 года 434

Резник, Осип Сергеевич (1904–1986) — литературный критик 419

Рецензент Гроссмана из Московского товарищества писателей в 1933 году 122

Роданевич, Ольга Семеновна — жена Семена Осиповича Гроссмана, медик 34, 37, 40, 43, 45, 48, 51–57, 60, 62, 64, 67, 78, 80–83, 87–89, 91, 96, 98, 100, 104, 106–109, 111, 114, 118, 120, 121, 123–145, 147, 149, 151–153, 156, 158, 164, 165, 167, 172, 173, 175, 176,

193, 195, 198, 199, 235–237, 239–242, 251, 253–258, 260, 262–266, 268, 270, 466, 474, 590

Роданевич Ольги Семеновны брат 270

Роданевич Ольги Семеновны брата сын 270

Родов, Семен Абрамович (1893–1968) — поэт, переводчик, литературный критик 550

Роза — уборщица в Цахкадзоре в 1961 году 756

Розы муж — шофер 756

Розенфельд, Михаил Константинович (1906–1942) — писатель, драматург, журналист; военный корреспондент «Красной звезды», погиб в мае 1942 года в боях за Харьков 321

Рома — вероятно, родственник Сарры Абрамовны Школьниковой 444

Роскин, Александр Иосифович (1898–1941) — друг Гроссмана; детский писатель, литературовед, литературный критик; погиб в окружении под Вязьмой осенью 1941 года. В 1946 году Гроссман написал очерк «Памяти Александра Иосифовича Роскина», впервые опубликованный в 1993 году 197, 329, 383, 519

Роскина, Наталья Александровна (1927–1989) — дочь Александра Иосифовича Роскина; писательница, автор мемуаров о Гроссмане 519, 617

Ростов, Наум Моисеевич (1866–1956) — журналист, партийный деятель; сотрудник изда-

тельства «Советская энциклопедия». В 1941–1943 годах жил в эвакуации в Чистополе 374

Ротницкий, Арий Давыдович (1885–1982) — заведующий отделом социально-бытового обслуживания Литфонда 447, 457

Рувим (Рувочка) *см.* Фраерман, Рувим Исаевич

Рудный, Владимир Александрович (Иосиф Абрамович Вайсборд; 1913–1984) — писатель, журналист, редактор альманаха «Литературная Москва» 547, 550

Рыбаков, Анатолий Наумович (1911–1998) — писатель 550

Ряховский, Василий Дмитриевич (1897–1951) — писатель, в годы войны корреспондент газет Черноморского флота 310

Ряховского жена 310

Сазонов, Михаил Яковлевич — главный бухгалтер Гослитиздата 382

Салтыков-Щедрин, Михаил Евграфович (1826–1889) — писатель 77

Самсон — дядя Рачии Кочара 656

Санников, Григорий Александрович (1899–1969) — писатель, редактор журналов «Октябрь» (1925–1926, 1946–1954), «Красная новь» (1927–1931), «Новый мир» (1935–1937) 327, 386

Сара 566

Сароян, Уильям (1908–1981) — американский писатель армянского происхождения 532, 568

Сарра *см.* Школьникова, Сарра Абрамовна 383, 420, 444, 532, 568

Сар(р)а Абрамовна — вероятно, мать Сергея, первого мужа Надежды Алмаз 68, 99

Сац, Евгений Игоревич (1928?–1956) — сын Игоря Александровича Саца и Раисы Исеевны Линцер 484

Сац, Игорь Александрович (1903–1980) — литератор, критик, литературный секретарь Луначарского; в годы войны служил в разведке; в 1953–1964 годах заведующий отделом критики «Нового мира» 484, 486

Саша$_1$ — друг или родственник Василия Гроссмана 100

Саша$_2$ — знакомый Василия Гроссмана и Екатерины Заболоцкой 722

Саша$_3$*см.* Беньяш, Александр Моисеевич 229, 251, 510

Саша$_4$*см.* Губенков, Александр Викторович 618, 625, 639, 643, 659, 670, 671, 676

Саша$_5$*см.* Коротков, Александр Сергеевич 617, 627, 633, 636, 637, 711, 712, 714, 718, 720

Саша$_6$*см.* Твардовский, Александр Трифонович 341, 347, 369, 373, 379

Саша$_7$ — рабочий, вставивший окна в квартире Гроссмана на Беговой улице 686
Саша$_8$ — родственник Ольги Семеновны Роданевич 270
Саша, тетя — знакомая Ольги Губер и Марии Заболоцкой 586
Саши жена — жена Александра Моисеевича Беньяша 510
Саши мама *см.* Короткова, Елена Петровна
Светланка — подруга Екатерины Коротковой-Гроссман 555
Свищов 689
Седых, Тамара Александровна — вторая жена Леонида Васильевича Соловьева 311, 352
Секретарь обкома Абхазии в 1956 году 481
Секретарь райкома Абхазии в 1956 году 481
Сельвинская, Берта Яковлевна (1898–1980) — жена Ильи Львовича Сельвинского 288, 443, 453, 460
Сельвинская, Циля *см.* Воскресенская, Цецилия Александровна
Сельвинский, Илья Львович (1899–1968) — поэт 554, 556, 560, 565, 576, 622, 623, 625, 705
Сельвинского внучка *см.* Некрасова, Оксана Васильевна
Семен Григорьевич *см.* Гехт, Семен Григорье-

вич
Семен Израилевич *см.* Липкин, Семен Израилевич
Семен Максимович — коллега Семена Осиповича Гроссмана в 1920-х годах по работе в Донбассе 34
Семен Осипович *см.* Гроссман Семен Осипович
Семенова, Полина (Поля) — домработница Заболоцких 576, 698, 702, 758, 763
Сенгалевич, Маргарита Яковлевна (1901–1975) — писательница и журналистка, до войны жила в Киеве 368, 370, 373
Сенгалевич Н. М. *см.* Гавсевич, Надежда Михайловна
Сенгалевичи — семья Маргариты Яковлевны Сенгалевич 373
Сергей Александрович *см.* Колдунов, Сергей Александрович
Сергея Александровича жена *см.* Колдунова, Марианна
Сережа — первый муж Надежды Алмаз 68
Серж, Виктор (Кибальчич, Виктор Львович; 1890–1947) — писатель и журналист. Примыкал к антисталинской левой оппозиции, в марте 1933 года был арестован, затем отправлен в ссылку в Оренбург, а в 1936 году, благодаря

заступничеству иностранных социалистов и интеллектуалов, выслан из Советского Союза. Поддерживал отношения с двоюродной сестрой Гроссмана Надеждой Алмаз 119

Сестры$_1$ — сестры Ольги Михайловны Губер: Мария Михайловна Вавриевич и Евгения Михайловна Йост 313

Сестры$_2$ *см.* Синяковы, сестры *за искл.* 313

Сёма$_1$ *см.* Липкин, Семен Израилевич *за искл.* 280, 288, 420, 644

Сёма$_2$ *см.* Тумаркин, Семен Абрамович 280, 288, 384, 420, 639, 644

Сёмушкин, Тихон Захарович (1900–1970) — писатель, автор повестей и романов о Чукотке; в 1949–1953, 1958–1962 годах состоял в редколлегии журнала «Знамя», в 1953–1957 годах — журнала «Огонек» 672

Симонов, Константин Михайлович (1915–1979) — поэт, прозаик, лауреат шести Сталинских премий. В 1949 году, будучи главным редактором «Нового мира», не принял к публикации роман Гроссмана «Сталинград» («За правое дело») 387, 388, 393, 466

Синякова-Пичета, Надежда Михайловна (1889–1975) — пианистка, одна из пяти сестер Синяковых 368; *см. также* Синяковы, сестры

Синякова-Уречина, Мария Михайловна (1890–1984) — художница, одна из пяти сестер Синяковых *см.* Синяковы, сестры

Синяковы, сестры — четыре из пяти сестер Синяковых, отправившиеся в эвакуацию в Чистополь: Ксения Михайловна Асеева, Вера Михайловна Гехт, Надежда Михайловна Синякова-Пичета, Мария Михайловна Синякова-Уречина 282, 284, 288, 298, 334

Скосырев, Петр Георгиевич (1900–1960) — писатель, литературовед; в начале 1940-х годов секретарь президиума Союза писателей по организационным вопросам и руководитель Бюро национальных комиссий 419

Слуцкий, Борис Абрамович (1919–1986) — поэт, в конце 1950-х годов сосед Гроссмана по Ломоносовскому проспекту 535, 610, 616, 714, 715, 718

Слуцкого Бориса Абрамовича жена *см.* Дашковская, Татьяна

Смирнов, Василий Александрович (1905–1979) — писатель, в 1954–1959 годах секретарь правления Союза писателей СССР 500

Смоткины — знакомые Гроссмана и его отца 104, 108

Солнцева — сотрудница «Советского писателя», участвовавшая в подготовке книги Бориса Губера

«Бабье лето. Повесть и рассказы», которая вышла в 1959 году в этом издательстве 548, 560

Соловейчик, Лев Исомерович (1905–1989) — писатель, журналист; в 1937–1946 годах литературный работник отдела культуры и быта «Красной звезды»; в 1943–1946-м редактор в Воениздате 385, 416, 424

Соловьев, Леонид Васильевич (1906–1962) — писатель; в годы войны служил военным корреспондентом газеты «Красный флот»; в 1946-м арестован по обвинению в подготовке «террористического акта»; осужден в 1947 году на десять лет лагерей, вышел досрочно в 1954 году 310

Соловьева *см.* Седых, Тамара Александровна

Соня — подруга или родственница Ефима Кугеля 683

Сопереводчица *см.* Таронян, Асмик

Сорокин, Тихон Иванович (1879–1959) — искусствовед, отчим Ирины Ильиничны Эренбург 584, 597

Софронов, Алексей Анатольевич (р. 1948) — поэт, сын Анатолия Владимировича Софронова 552

Софронов, Анатолий Владимирович (1911–1990) — писатель, драматург, журналист, известный своей приверженностью сталинизму и антисемитизму. Лауреат двух Сталинских пре-

мий: 1948 года — за пьесу «В одном городе» (1946) и 1949 года — за пьесу «Московский характер» (1948) 552

Софья Григорьевна — сестра Моисея Григорьевича Беньяша 430

Сочевец, Александра Стефановна (*урожд.* Задорожняя; 1889–1943) — мать Ольги Михайловны, в 1930 году раскулачена и выслана с мужем и детьми из Сочи в Свердловскую область 285, 289, 313

Сочевец, Николай Михайлович (Коля) (1907–?) — брат Ольги Михайловны Губер, в 1930 году выслан с раскулаченными родителями из Сочи в Свердловскую область, вернулся из ссылки после окончания Великой Отечественной войны. Был дружен с Гроссманом 451, 457, 460, 464, 475, 480, 483, 486, 487, 496, 497, 520, 542, 545, 546, 570, 575, 577, 580, 582, 584, 587, 589, 590, 594, 596, 605, 608, 611, 615–617, 625, 643, 668–671, 674–676, 681, 683, 689

Спевак, Хана (Галина) Самойловна — первая жена Степана Павловича Злобина 369

Сталин, Иосиф Виссарионович (Джугашвили; 1878–1953) — советский государственный деятель 732, 733

Станислав Алексеевич *см.* Новиков, Станислав Алексеевич

Станиславский, Константин Сергеевич (1863–1938) — театральный режиссер, реформатор театра 439

Станкевич, Николай Владимирович (1813–1840) — писатель 611

Старинкевич, Елизавета Ивановна (1890–1966) — литературовед, переводчица с французского языка 517, 521, 530, 537, 555, 563, 564, 610, 611, 625, 626, 631, 635, 637, 640, 642, 664

Стах — знакомый Гроссмана и его отца Семена Осиповича 36

Стейнбек-младший, Джон Эрнст (1902–1968) — американский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1962) 660

Стельмах, Михаил Афанасьевич (1912–1983) — писатель, в годы войны служил военным корреспондентом; лауреат Сталинской премии 1951 года за роман «Большая родня» (1949–1950) и Ленинской 1961 года за трилогию «Большая родня» (1949–1950), «Кровь людская — не водица» (1957), «Хлеб и соль» (1959) 524

Степанов, Алексей Николаевич — сын Николая Леонидовича и Лидии Константиновны Степановых 757

Степанов, Николай Леонидович (1902–1972) — литературовед, сосед Гроссманов по Беговой

улице 601

Степанова, Лидия Константиновна — жена Николая Леонидовича Степанова 601

Степанова, Нина Дмитриевна (1908–1998) — жена Николая Александровича Равича 527, 537

Строгова, Екатерина Григорьевна (*урожд.* Органова; 1903–1984) — писательница, участница группы «Перевал», первым браком замужем за Иваном Ивановичем Катаевым, вторым — за Иваном Тихоновичем Бобрышевым, третьим — за Кириллом Константиновичем Андреевым 350, 352, 395, 420, 462–464, 548, 565, 619, 622, 623, 657, 658, 661, 662

Строговой Кати девочка *см.* Органова, Наталия Ивановна

Стукова, доктор 189, 211

Суббоцкая, Сусанна 337

Субоцкий, Лев Матвеевич (1900–1959) — литературный критик, секретарь оргкомитета Союза советских писателей; в 1930-х годах заведующий отделом литературы и искусства газеты «Правда», ответственный редактор «Литературной газеты». На заседании секции прозы Союза писателей 13 октября 1952 года, посвященном обсуждению «За правое дело», хвалил роман 277, 724

Суриц, Гедда Яковлевна (1909–1984) — геофи-

зик, жена Александра Ефимовича Ниточкина, автор воспоминаний о Гроссмане «Нелитературные друзья» (1966) 474, 627, 631, 632, 644, 678, 681, 686, 688

Сурков, Алексей Александрович (1899–1983) — поэт, литературный критик; во время войны служил фронтовым корреспондентом, в частности «Красной звезды»; лауреат двух Сталинских премий: в 1946 году — за известные стихи и песни; в 1951-м — за стихотворный сборник «Миру — мир!». В 1940–1941 годах главный редактор «Нового мира», в 1945–1953-м ответственный редактор «Огонька»; в 1953–1959 годах первый секретарь Союза писателей 492–494, 497, 571, 598

Сусанна 533, 552, 615

Суслова, Люся — чистопольская знакомая Василия Гроссмана и Ольги Михайловны Губер 604, 608

Сусловы — чистопольские знакомые Василия Гроссмана и Ольги Михайловны Губер 604

Сучков, Борис Леонтьевич (1917–1974) — литературовед, с 1956 по 1967 год заместитель главного редактора «Знамени». В декабре 1960 года на редколлегии журнала критиковал «Жизнь и судьбу» 592

Сухова 212, 221, 225

Тагор, Рабиндранат (1861–1941) — индийский поэт, писатель и композитор 85

Тамара — жена Владимира Моисеевича Беньяша 131, 139, 142, 160, 352; *см. также* Беньяши$_1$

Тамара Владимировна *см.* Иванова, Тамара Владимировна

Танечка — дочь Владимира Александровича и Ольги Яковлевны Трусевич 581, 585

Таня *см.* Лагина, Татьяна

Тара 486

Тараканов — вероятно, директор литфондовского Дома творчества писателей в Коктебеле в 1958 году 526, 527

Тарасенков, Анатолий Кузьмич (1909–1956) — литературный критик, в 1931–1941 годах заведующий отделом критики, с сентября 1944 года — ответственный секретарь «Знамени»; в годы войны работал военным корреспондентом. Один из редакторов романа «За правое дело» 433, 466, 570

Тарасенкова вдова *см.* Белкина, Мария Иосифовна

Таронян, Асмик — переводчица с армянского, автор русскоязычного подстрочника романа Рачии Кочара «Дети большого дома». В путевых заметках «Добро вам!» изображена под именем

Гортензия 641, 649, 664, 665, 668, 745, 748, 749, 756, 761

Тарсис, Валерий Яковлевич (1906–1983) — писатель и переводчик; в годы войны служил военным корреспондентом. Диссидент, в 1966 году лишен гражданства СССР 305

Тася, тетя 527

Твардовская, Мария Илларионовна (*урожд.* Горелова; 1908–1991) — жена Александра Трифоновича Твардовского 303, 312, 317, 318, 321, 325, 330, 332, 335, 341, 347, 353, 361, 362, 364, 368, 369, 373, 376, 379, 382, 398

Твардовская, Ольга Александровна (1941–2017) — младшая дочь Александра Трифоновича и Марии Илларионовны Твардовских 330

Твардовские — семья Александра Трифоновича и Марии Илларионовны Твардовских 330

Твардовский, Александр Трифонович (1910–1971) — поэт, военный корреспондент; главный редактор «Нового мира» в 1950–1954 и 1958–1970 годах. С Гроссманом его связывали тесные и сложные отношения 197, 208, 243, 246, 280, 303, 305, 312, 316, 318, 321, 325, 328–331, 334–339, 341, 342, 346, 347, 349, 352, 358, 369, 370, 373, 379, 386, 398, 414, 423, 424, 426, 494, 495, 512, 551, 580, 596, 602, 627, 671, 673, 697, 716, 724, 767

Твардовского жена *см.* Твардовская, Мария Илларионовна

Твардовского сестра — сестра Александра Трифоновича Твардовского, Анна (1912–2000) или Мария (1922–1984) 398

Твен, Марк (Сэмюэл Ленгхорн Клеменс; 1835–1910) — американский писатель 265

Терентий *см.* Ардашелия, Терентий Дорофеевич

Терентьева-Катаева, Мария Кузьминична (1906–1996) — писательница, вторая жена Ивана Ивановича Катаева; в 1937 году арестована как «член семьи изменника родины», с 1938 по 1946 год находилась в мордовских лагерях, затем жила в Магнитогорске, вернулась в Москву в 1953 году 483, 485, 491, 503, 539, 616, 630, 631, 633, 657, 658, 661, 662

Тетенька *см.* Алмаз, Елизавета Савельевна

Тетка *см.* Шеренцис, Анна Савельевна

Тетушки — вероятно, Анна Самойловна Шеренцис и Елизавета Самойловна Алмаз 164

Тетя$_1$ *см.* Алмаз, Елизавета Савельевна 83, 122, 156, 193

Тетя$_2$ *см.* Шеренцис, Анна Савельевна 100, 772, 774

Тетя$_3$ — Елизавета Савельевна Алмаз, Мария

Савельевна Беньяш или Анна Савельевна Шеренцис 165

Тина Владимировна — гувернантка Георгия (Юры) Беньяша 229, 630

Тихомиров, Михаил Иванович — журналист, спецкор «Красной звезды» 231, 424, 426

Тихоныч *см.* Бобрышев, Василий Тихонович

Толстая-Фарих, Александра Николаевна (1891–1978) — переводчица с французского, редактор Гослитиздата; вторая жена Ивана Федоровича Бельчикова 671

Толстого бородатые внуки 671

Толстой, Лев Николаевич (1828–1910) — писатель 73, 144, 180, 646, 739, 742, 762

Тома — знакомая Василия Гроссмана и Ольги Михайловны Губер 383

Топчян, Эдуард Степанович (1911–1975) — армянский литературовед, в 1959–1975 годах первый секретарь правления Союза писателей Армении 743

Тося — знакомая Николая Михайловича Сочевца 475

Тренёв, Константин Андреевич (1876–1945) — драматург и прозаик, лауреат Сталинской премии (1941) за пьесу «Любовь Яровая» (1937). Один из активных деятелей чистопольского «совета по

делам эвакуированных» Литфонда, жил в Чистополе в 1941–1943 годах *см.* Тренёвы

Тренёвы, семья Константина Андреевича и Натальи Константиновны Тренёвых 358, 359, 369

Трусевич, Владимир Александрович (ум. 1963) — житель Крымского Приморья, муж Ольги Яковлевны Трусевич, в их доме останавливались Василий Гроссман и Ольга Михайловна Губер 563, 578, 583, 585, 589, 595, 599, 617, 685; *см. также* Трусевичи

Трусевич, Ольга Яковлевна — жительница Крымского Приморья, жена Владимира Александровича Трусевича, в их доме останавливались Гроссман и Ольга Михайловна Губер 563, 579, 583, 588, 595, 599, 617, 623; *см. также* Трусевичи

Трусевичи — Владимир Александрович и Ольга Яковлевна 549, 550, 554, 559, 565, 570, 578, 581, 587, 589, 603, 615, 616, 624

Тумаркин, Лев Абрамович (1904–1974) — старший брат Семена Абрамовича Тумаркина, математик, преподавал в Московском университете 491, 624, 639

Тумаркин, Семен Абрамович (Сёма) (1904–1974) — друг юности Гроссмана 280, 288, 384, 396, 414, 420, 473, 491, 551, 559, 580, 590, 596, 602, 615, 624, 631, 632, 639, 644

Тумаркин, Сергей Семенович — сын Семена Абрамовича Тумаркина 632

Тумаркина Льва дочь 624

Тургенев, Иван Сергеевич (1818–1883) — писатель 742

Турьян — знакомая Гроссмана и Ольги Михайловны Губер 481

Тынянов, Юрий Николаевич (1894–1943) — писатель, литературовед 611

Тынянова, Лидия Николаевна (1902–1984) — писательница, сестра Юрия Николаевича Тынянова, жена Вениамина Александровича Каверина 697; *см. также* Каверины

Улин, Леонид Николаевич (1906–1983) — писатель; в 1944 году был арестован вместе с Семеном Григорьевичем Гехтом и Сергеем Александровичем Бондариным и осужден в 1945 году «за участие в антисоветской группировке, занимающейся антисоветской агитацией во время войны»; после отбытия срока в лагерях и реабилитации вернулся в Москву 310

Улина жена 310

Улина, Зинаида Капитоновна — секретарь в аппарате Союза писателей СССР 553, 562, 567, 570

Уманская, Софья Львовна (1900–1975) — жена Льва Матвеевича Субоцкого 277

Усиевич дочь *см.* Усиевич, Искра-Марина Александровна

Усиевич, Елена Феликсовна (*урожд.* Кон; 1893–1968) — литературный критик 249

Усиевич, Искра-Марина Александровна (1926–2004) — дочь Елены Феликсовны Усиевич 249

Учитель вождения на шоферских курсах в Чистополе, занимавшийся с Михаилом Губером 319

Ушаков 245

Фадеев, Александр Александрович (1901–1956) — писатель; в 1939–1944 годах секретарь Союза писателей, в 1946–1954-м генеральный секретарь и председатель правления, в 1954–1956-м секретарь правления; лауреат Сталинской премии (1946) за роман «Молодая гвардия» (1946, вторая редакция 1951) 187, 373, 484, 613, 777

Фадеев, Владимир Александрович — брат Александра Александровича Фадеева 373

Фадеева брат *см.* Фадеев, Владимир Александрович

Фадеева Владимира жена 373

Фадеева свойственник (брат жены брата Фадеева) 373

Фаина (Фаня) Борисовна 441, 449, 667

Фальк, Евгений (Женя) — сын Софьи Моисеевны Фальк от первого брака 580

Фальк, Софья Моисеевна — жена Льва Абрамовича Тумаркина 580

Фалька Жени мать *см.* Фальк, Софья Моисеевна

Фаня *см.* Палеева, Фаина Моисеевна

Фаня Борисовна *см.* Фаина Борисовна

Феди учительница 447, 448

Федин, Константин Александрович (1892–1977) — писатель; в 1941–1943 годах жил в эвакуации в Чистополе, был председателем созданного там отделения Союза писателей; в 1947–1955 годах руководитель секции прозы, в 1955–1959-м председатель правления Московского отделения Союза писателей; в 1959–1971 годах первый секретарь правления Союза писателей 314, 492

Федор Маркович *см.* Левин, Федор Маркович

Федоров, Евгений Александрович (1897–1961) — писатель, очеркист 692

Федя (Федул) *см.* Губер, Федор Борисович

Фейга *см.* Школьникова, Фаина Абрамовна

Фейнберг, Илья Львович (1905–1979) — литературовед, пушкинист. В годы войны был военным корреспондентом на Черноморском и Северном флотах 311

Феня *см.* Школьникова, Фаина Абрамовна

Ферми, Лаура — жена Энрико Ферми, автор

книги «Атомы у нас дома» 558, 705

Ферми, Энрико (1901–1954) — итальянский и американский физик-теоретик, лауреат Нобелевской премии по физике (1938) 558, 705

Ферми Энрико жена *см.* Ферми, Лаура

Фирдоуси (Хаким Абулькасим Фирдоуси Туси; 940–1020) — персидский поэт, автор поэмы «Шахнаме» («Книга царей») 703, 707

Фиш, Геннадий Семенович (1903–1971) — писатель, переводчик, сценарист 426, 435

Фиш, Радий Геннадиевич (1924–2000) — сын Геннадия Семеновича Фиша, востоковед и писатель 290

Фиша жена *см.* Цильдерман, Эмма Михайловна

Фишер, Эмиль Герман (1852–1919) — немецкий химик, лауреат Нобелевской премии по химии за 1902 год 70

Флаксерман, Галина Константиновна (1888–1958) — участница революционного движения (в 1917 году именно в ее квартире в Санкт-Петербурге было принято решение о вооруженном восстании, а затем определена его дата); в 1928–1930 годах состояла в дирекции Института марксизма-ленинизма. Вероятно, старая знакомая Семена Осиповича Гроссмана 94

Флеминг, Александр (1881–1955) — британский химик, первооткрыватель пенициллина 743

Фолкнер, Уильям (1897–1962) — американский писатель 743

Фома — родственник Ольги Семеновны Роданевич 270

Фоменко, Владимир Дмитриевич (1911–1990) — писатель 533, 534, 542

Фоменко Владимира Дмитриевича жена 534, 542

Фоменко дети 534, 542

Фосс, Евгений Николаевич (1921–1970) — режиссер; возможно, молодой человек Екатерины Коротковой-Гроссман в 1958–1959 годах 517, 529, 540, 542, 545, 583, 588, 607, 611

Фраерман, Валентина Сергеевна (*урожд.* Скрыльникова) — жена Рувима Исаевича Фраермана 434, 352, 446, 624; *см. также* Фраерманы

Фраерман, Рувим Исаевич (1891–1972) — детский писатель и журналист; друг Гроссмана; в 1941–1942 годах воевал в народном ополчении, был корреспондентом на Западном фронте, в 1942 году был демобилизован по ранению. В его дом в Солотче Гроссман приезжал отдыхать 210, 212, 213, 218, 234, 346, 352, 360, 414, 424, 432, 434, 435, 437, 443, 446, 449, 452, 482, 486, 639; *см. также*

Фраерманы

Фраерманы — Валентина Сергеевна и Рувим Исаевич 234, 361, 419, 420, 433, 434, 436, 624

Франс, Анатоль (1844–1924) — французский писатель 149

Френкель, Илья Львович (1903–1994) — поэт и переводчик; в годы войны специальный корреспондент фронтовой газеты Южного фронта «Во славу Родины» и газеты Воронежского фронта «За честь Родины» 367

Фриновский, Вячеслав Сергеевич (1893–1967) — акушер-гинеколог, доктор медицинских наук, профессор; руководил отделом оперативной гинекологии Московского областного НИИ акушерства и гинекологии 659

Хаджи-Мурат *см.* Мугуев, Хаджи-Мурат Магометович

Харина, Наталия (Наталья) Григорьевна — хозяйка дома в Кринице, где летом останавливались Гроссманы 55, 56

Харины — семья, жившая в Кринице, у которых летом останавливались Гроссманы 48, 53, 55

Харченко — коллега Гроссмана и его отца по Сталинскому институту патологии и гигиены труда 109

Хесин, Григорий Борисович (1899–1983) —

директор Всесоюзного управления по охране авторских прав, в 1942–1946 годах директор Литфонда; репрессирован с 1950 по 1956 год 301, 302, 308, 313, 314, 324, 328, 336–338, 341, 351, 355, 357, 360, 362, 363, 388, 423, 425, 433

Хесина, Ася Савельевна — жена Григория Борисовича Хесина; в 1941–1943 годах находилась в эвакуации в Чистополе и работала там кассиром Литфонда 366, 387

Хин, Евгения Юрьевна (1905–1970) — редактор, литературовед, в первом браке жена Ореста Вениаминовича Цехновицера, во втором — Михаила Михайловича Дьяконова 533, 611

Хмара, Василий Васильевич (1895–1948) — писатель, до 1943 года директор Литфонда 351, 353

Хозяин комнаты, которую Ольга Губер снимала в Чистополе (по адресу Октябрьская улица, дом 16) 303

Хозяйка комнаты, которую Ольга Губер снимала в Чистополе (по адресу Октябрьская улица, дом 16, или же улица Бебеля, дом 73) 332

Хотимский — один из руководителей эвакуации в Чистополь 297

Хохлов, Яков Федорович — сотрудник Литфонда; директор Дома Литфонда в Ялте; в 1942–1943 годах управляющий интернатом для писатель-

ских детей в Чистополе 341, 351, 353, 359, 573, 654
Хрущев, Никита Сергеевич (1894–1971) — советский партийный и государственный деятель 492
Художник *см*. Бетехтин, Орест Георгиевич
Художник, оформлявший издание «Детей большого дома» Рачии Кочара на русском языке (1962) 676

Царское дитяте — сын Ильи Зиновьевича Гордона 502
Цвейг, Стефан (1881–1942) — австрийский писатель 650
Цейтлин, Александр Захарович (1894–1985) — хирург, профессор, в 1941–1970 годах заведующей кафедрой факультетской хирургии Харьковского медицинского института 470
Цильдерман, Эмма Михайловна (1900–1976) — хореограф, первая жена писателя Геннадия Фиша 290, 291, 426
Циля *см*. Воскресенская, Цецилия Александровна

Чагин, Петр Иванович (Болодовкин; 1898–1967) — в 1939–1946 годах исполняющий обязанности директора Гослитиздата; в дальнейшем возглавлял издательства «Московский рабочий» (1946–1950), «Советский писатель» (1950–1956);

в 1956–1958 годах — заместитель главного редактора журнала «Дружба народов» 337, 348, 382, 426

Черневич, Мариам (Марьям) Наумовна — переводчица с французского, подруга Василия Гроссмана и Ольги Михайловны Губер 486, 555, 559, 575, 580, 633, 634, 636, 638, 640, 643, 644, 658, 660, 661, 667–670, 672–675, 681, 684–688

Черных 431

Чертова, Надежда Васильевна (1903–1989) — писательница и журналистка 661

Честертон, Гилберт Кит (1874–1936) — английский писатель 526

Чехов, Антон Павлович (1860–1904) — писатель 92, 110, 125, 134, 701, 742

Чичеров, Иван Иванович (1902–1971) — литературовед 357

Чуковская, Марина Николаевна (1905–1993) — переводчица, жена Николая Корнеевича Чуковского, их семья была соседями Гроссманов по Беговой улице *см.* Чуковские

Чуковская, Мария Борисовна (*урожд.* Гольдфельд; 1880–1955) — жена Корнея Ивановича Чуковского 463

Чуковские — семья Николая Корнеевича и Марины Николаевны Чуковских 249, 441, 447, 463

Чуковский, Корней Иванович (Корнейчуков,

Николай Васильевич; 1882–1969) — писатель, переводчик, литературный критик; лауреат Ленинской премии (1962) за книгу «Мастерство Некрасова» (1952) 463

Чуковский, Николай Корнеевич (1904–1965) — писатель, переводчик, сын Корнея Ивановича Чуковского; сосед Гроссмана по Беговой улице 661; *см. также* Чуковские

Шайхет, Аркадий Самойлович (1898–1959) — фотограф-документалист, фоторепортер. Во время войны снимал на фронте, на передовой; его фотографии публиковались среди прочего в «Красной звезде» 387

Шамбадал, Михаил Абрамович (1891–1964) — писатель, журналист, переводчик с идиша 547, 553, 573

Шапирова, Татьяна Борисовна (1885–1955) — жена Михаила Леонидовича Лозинского 463

Шварц, Екатерина Ивановна (*урожд.* Обух; 1904–1963) — жена Евгения Львовича Шварца, подруга Екатерины Васильевны Заболоцкой 712, 713, 716, 717, 752

Шекспир, Уильям (1564–1616) — поэт и драматург 180

Шеренцис, Анна Савельевна (*урожд.* Витис; ум. 1935) — тетя Василия Гроссмана, сестра его мате-

ри Екатерины Савельевны; в ее доме в Бердичеве жила Екатерина Савельевна и, ребенком, Василий Гроссман 38, 164, 165, 171, 172, 379, 772, 774

Шеренцис, Виктор Давидович (1891–?) — двоюродный брат Гроссмана, сын Давида Михайловича и Анны Савельевны Шеренцис 65, 154–156, 158, 164, 177, 178, 236, 250, 251, 261, 358, 365, 454, 512, 516, 532, 540, 551, 558, 564, 592, 736, 758; *см. также* Шеренцисы

Шеренцис, Давид Михайлович (1862–1938) — врач, предприниматель, филантроп; дядя Гроссмана, муж Анны Савельевны Шеренцис; в 1938 году был арестован и расстрелян; реабилитирован в 1958-м 155, 177, 772, 774

Шеренцис, Клара Григорьевна — жена Виктора Давидовича Шеренциса 40, 51, 54, 55, 158, 236, 250, 251, 259, 285, 333, 375, 384, 456, 463, 465, 499, 512, 516, 532, 540, 542, 548, 584, 594, 606, 607, 610, 630, 690, 691, 703, 706, 718, 719, 727, 728, 736, 743, 748, 749, 751, 753, 758; *см. также* Шеренцисы

Шеренцисы — Виктор Давидович и Клара Григорьевна Шеренцисы 471, 551

Шеф *см.* Ортенберг, Давид Иосифович

Шехтер, Марк Ананьевич (1911–1963) — поэт, переводчик с польского и украинского; в годы войны воевал, работал в газете 25-го танкового

корпуса 264

Шинкуба, Баграт Васильевич (1917–2004) — абхазский поэт, фольклорист, общественный деятель; в 1954–1958 годах председатель Союза писателей Абхазии 481

Шифрин, Григорий Ильич (1904–1995) — заместитель ответственного редактора «Красной звезды» в 1941–1943 годах 205, 226

Шкапская, Мария Михайловна (*урожд.* Андреевская; 1891–1952) — поэтесса, журналистка 289, 290, 313, 314, 321, 333

Шкапский, Глеб Орестович (1891–1962) — инженер-электрик; муж Марии Михайловны Шкапской; в 1941 году уехал в эвакуацию в Чистополь 288, 289, 297, 306, 314, 353, 361

Школьникова, Сарра Абрамовна (ум. 1948?) — сестра Фаины Школьниковой, первая жена Ивана Федоровича Бельчикова 383, 420, 444, 535, 671

Школьникова, Фаина Абрамовна (Феня) (1905–1980) — подруга Василия Гроссмана и Ольги Губер, арестованная, вместе с ее друзьями-перевальцами, в 1937 году по делу о покушении на Ежова и осужденная в 1938 году на восемь лет лагерей. До ареста работала редактором в журнале «Интернациональная литература» 383, 444, 460, 463, 464, 483, 485, 490, 492, 500, 501–503, 523, 524,

528, 530, 535, 552, 559, 562–565, 568, 569, 574–576, 583–585, 589, 590, 592, 594, 596, 599–601, 603, 604, 606–611, 613, 614, 617, 619, 623, 628, 630, 631, 633, 639, 644, 657, 661, 662, 671–673, 675, 679–685, 687–689

Шлиомович — коллега Гроссмана и его отца по Сталинскому институту патологии и гигиены труда 109, 119

Шмидт, Екатерина Оттовна (1889–1977) — переводчица, мать Ирины Ильиничны Эренбург 597

Шолом-Алейхем (Соломон Наумович Рабинович; 1859–1916) — писатель и драматург 573

Шолохов, Михаил Александрович (1905–1984) — писатель; лауреат Нобелевской премии по литературе (1965) и Сталинской премии (1941) за роман «Тихий Дон» (1928–1940), Ленинской премии (1960) за роман «Поднятая целина (1932–1960) 524

Шпирт, Александр Исаакович (1903/4–1983) — поэт, переводчик 627

Шпирта сын 627

Штейн, Александр Петрович (Рубинштейн; 1906–1993) — писатель, драматург, сценарист. Лауреат двух Сталинских премий: 1949 года — за сценарий фильма «Суд чести» (1948) и 1951 года — за пьесу «Флаг адмирала» (1950) 552

Штейн, Петр Александрович (1947–2007) — теат-

ральный режиссер, сын Александра Штейна 552

Штейнбух — коллега Гроссмана и его отца по Сталинскому институту патологии и гигиены труда 109

Штрум 77

Штрум, Илья Яковлевич (1880–1946) — химик, первый директор Украинского института рабочей медицины 123

Шульман — сотрудник Института патологии и гигиены труда в Сталине 101

Шура$_1$ *см.* Губер, Александр Андреевич 457

Шура$_2$ *см.* Ниточкин, Александр Ефимович *за искл.* 457

Щеглов — друг Семена Осиповича Гроссмана, живший в Москве 175, 185, 213; *см. также* Щегловы

Щеглова, Валентина — вероятно, дочь Щеглова, друга Семена Осиповича Гроссмана 185, 188; *см. также* Щегловы

Щегловы — семья Щеглова, друга Семена Осиповича Гроссмана 184

Щербаков, Александр Сергеевич (1901–1945) — первый секретарь Московского горкома и обкома с 1938 года; с июня 1941 года начальник Совинформбюро, а с 1942-го и Главного политуправления Красной армии. Пользовался большим

доверием Сталина 195

Щипачев, Виктор Степанович (1932–2023) — сын Степана Петровича Щипачева и Елены Викторовны Златовой 584; *см. также* Щипачи

Щипачев, Степан Петрович (1899–1980) — поэт, прозаик, редактор; лауреат двух Сталинских премий: 1949 года — за сборник «Стихотворения» (1948), 1951-го — за поэму «Павлик Морозов» (1950) 316

Щипачева, Ирина Викторовна (р. 1956) — дочь Виктора Степановича Щипачева и Фаины Моисеевны Палеевой *см.* Щипачи

Щипачи — Виктор Степанович Щипачев, его жена Фаина Моисеевна Палеева и их дочь Ирина 580

Эйдлин, Лев Залманович (1909–1985) — китаист, переводчик 467; *см. также* Эйдлины

Эйдлина, Вера Ивановна — жена Льва Залмановича Эйдлина 467; *см. также* Эйдлины

Эйдлины — семья Льва Залмановича и Веры Ивановны Эйдлиных 259

Эйнштейн, Альберт (1879–1955) — американский, немецкий и швейцарский физик, лауреат Нобелевской премии по физике (1921) 705

Эмма *см*. Цильдерман, Эмма Михайловна

Эммануил Генрихович *см*. Казакевич, Эмману-

ил Генрихович

Эренбург, Илья Григорьевич (1891–1967) — писатель, лауреат двух Сталинских премий (1942, 1948) за романы «Падение Парижа» (1941) и «Буря» (1947). С 1942 года состоял в Еврейском антифашистском комитете; составитель, вместе с Гроссманом, «Черной книги» 339, 361, 367, 492, 497, 666, 714; *см. также* Эренбурги

Эренбург, Ирина Ильинична (1911–1997) — дочь Ильи Григорьевича Эренбурга, писательница, переводчица 203, 306, 580, 584, 597 *см. также* Эренбурги

Эренбург, Любовь Михайловна (*урожд.* Козинцова; 1899–1970) — художница, вторая жена Ильи Григорьевича Эренбурга 361, 452; *см. также* Эренбурги

Эренбурги — семья Ильи Григорьевича Эренбурга 313, 316, 321, 324, 361

Эрлих, Арон Исаевич (1896–1963) — писатель и журналист, публиковался в «Правде», «Огоньке» и других изданиях; с начала 1930-х годов был заведующим отделом литературы и искусства в «Правде» 398, 486, 688

Эрпшер, Юлий Борисович (1904–1967) — друг Гроссмана; советский конструктор станков, лауреат двух Сталинских премий. Об инженере

Юлике, одном из друзей юности Гроссмана, пишет Гедда Яковлевна Суриц в воспоминаниях «Нелитературные друзья», не указывая ни его полного имени, ни фамилии 632

Эрьзя (Нефедов, Степан Дмитриевич; 1876–1959) — художник, скульптор; с 1927 по 1950 год жил и работал в Аргентине; в 1951 году вернулся в СССР, работал в Москве 730

Эсфирь Соломоновна *см.* Каневская, Эсфирь Соломоновна

Эся *см.* Живова, Евгения Семеновна

Юлик *см.* Эрпшер, Юлий Борисович

Юлия *см.* Гольцева, Юлия

Юра$_1$ *см.* Беньяш, Георгий Владимирович *за искл.* 579, 582

Юра$_2$ — лоточник в Крымском Приморье 579, 582

Юрик — сын Марии Михайловны Ковалевской 287

Юсупов 678

Яблочкина, Александра Александровна (1866–1964) — актриса, с 1888 года и до конца жизни служившая в Малом театре, сыграв последнюю свою роль в 1961 году 197

Ярцев, Георгий Алексеевич (1904–1955) — директор издательства «Советский писатель»

в 1938–1949 годах 328

Яша$_1$ — коллега Василия Гроссмана по работе в Сталине 114

Яша$_2$ (Яшка) *см.* Липкин, Яков Семенович *за искл.* 114, 268

Яша$_3$ 268

Яшин, Александр Яковлевич (Попов; 1913–1968) — писатель и журналист; в годы войны служил военным корреспондентом. Лауреат Сталинской премии (1950) за поэму «Алена Фомина» (1949) 492

Родители Василия Гроссмана Екатерина Савельевна и Семен Осипович. *Турин, около 1900*

Василий Гроссман. *Бердичев, конец 1900-х*

Василий Гроссман с матерью Екатериной Савельевной. *Женева, конец 1913 — начало 1914*

Василий Гроссман с отцом Семеном Осиповичем.

Конец 1900-х

Василий Гроссман (в центре) с друзьями. *3 августа 1918*

Василий Гроссман с семьей Шеренцисов и матерью Екатериной Савельевной. *Бердичев, 6 сентября 1927*

Василий Гроссман (слева). *Киев, 1920-е*

Первая жена Василия Гроссмана Анна (Галя)

Мацук (справа) с подругами.
1920-е

С дочерью Катей и матерью Екатериной Савельевной. *Бердичев, 16 мая 1934*

В Магнитогорске. *Июль 1934*

В Коктебеле (Гроссман в центре). *Сентябрь 1935*

Пасынки Василия Гроссмана, Миша и Федя Губеры. *Середина 1930-х*

Василий Гроссман и Ольга Губер. *Москва, середина 1930-х*

Последняя фотография Екатерины Савельевны, матери Василия Гроссмана, для паспорта. *Бердичев, 30 марта 1941*

Фот. Алмаз Над. Моис.
1936
42
1045 Алмаз Надежда Моисеевна 1907

Двоюродная сестра Василия Гроссмана Надежда Алмаз. *Фотографии из следственных дел 1933, 1936 и 1939*

Василий Гроссман с другом Василием Бобрышевым в путешествии по Каме. *Июль 1940*

Василий Гроссман и Александр Роскин на отдыхе. *Ялта, 25 мая 1941*

Василий Гроссман и Александр Твардовский работают над очерком «История 90-й краснознаменной стрелковой дивизии».

Вильянди (Эстония), март 1941

Первый полет Василия Гроссмана. *Центральный фронт, Гомель, аэродром в Зябровке, август 1941*

Василий Гроссман с корреспондентом и секретарем редакции «Красная звезда» Александром Кривицким. *Калинин (Тверь), 9 августа 1942*

Последняя фотография Михаила Губера, старшего пасынка Гроссмана. *Чистополь, 1942*

Ольга Губер. *Чистополь, 28 февраля 1942*

Василий Гроссман и корреспонденты газеты «Красная звезда» Александр Кривицкий (слева) и Лев Гатовский (справа).

Торжок, 10 августа 1942

Василий Гроссман и корреспондент газеты «Красная звезда» Леонид Высокоостровский в районе Сталинграда. *1942*

Василий Гроссман и Петр Коломейцев. Пожар нефтебаков. *Сталинград, 5 сентября 1942*

Во время беседы с командиром 13-й гвардейской стрелковой дивизии Глебом Баклановым (в центре). *Курская дуга, июль 1943*

Деревня Летки (Киевская область, Украина). *1943*

Василий Гроссман и военные корреспонденты газеты «Красная звезда» Борис Галин (слева) и Константин Буковский (в центре).

Курская дуга, июль-август 1943

Василий Гроссман и Илья Эренбург. *Деревня Красиловка (Киевская область, Украина), 1943*

Василий Гроссман и Евгений Долматовский. Танковая армия подходит к Бугу. *Вторая половина июля 1944*

Василий Гроссман чистит на улице сапоги. *Одесса, середина апреля 1944*

Василий Гроссман поднимается по лестнице со льда на взорванный мост через Вислу. *Варшава, 18 января 1945*

В Варшаве. *18 января 1945*

Василий Гроссман в сопровождении проводницы взбирается по развалинам Варшавского гетто. *18 января 1945*

Василий Гроссман разговаривает с четырьмя уцелевшими обитателями гетто, скрывавшимися в бункере. *Варшава, перед зданием Юденрата, 18 января 1945*

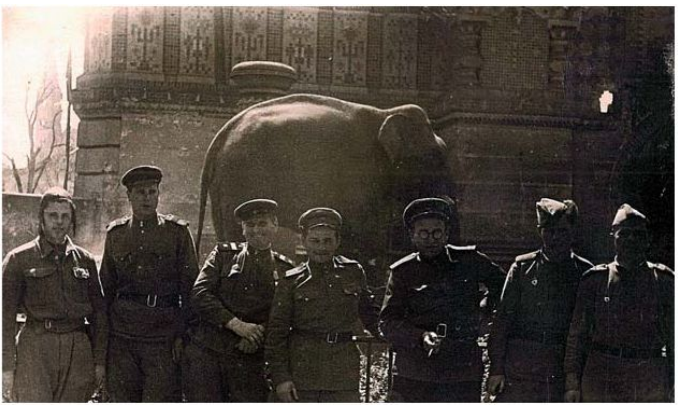
Вход в гетто Лицманштадт. *Лодзь, 25 января 1945*

Василий Гроссман разговаривает с жителями разрушенных домов, живущими в шалашах в Берлине.

Трептов-аллее, 28 апреля 1945

С полковником Амазаспом Бабаджаняном, прототипом одного из героев повести «Народ бессмертен». *Берлин, май 1945*

По пути к Рейхстагу. *Берлин, 2 мая 1945*



В Берлинском зоопарке (Гроссман третий справа).

9 мая 1945

Василий Гроссман и корреспондент газеты «Красная звезда» Ефим Гехман (Гехтман). *Берлин, Бранденбургские ворота, май 1945*

В день отъезда из Берлина в Москву. На стене надпись: «Berlin bleibt deutsch!» («Берлин остается немецким!»). *Май 1945*

Василий Гроссман с друзьями Семеном Тумаркиным и Ефимом Кугелем на даче в Загорянке. *21 июля 1946*

На даче в Загорянке с пуделем Любкой. *1946*

Друг Василия Гроссмана Вячеслав Лобода со

старшей дочерью Людой. *Москва, 1949*

За игрой в шахматы. *Дом творчества Малеевка, июль-август 1951*

Василий Гроссман и Семен Липкин на даче Липкина в Ильинском во время травли Гроссмана после публикации романа «За правое дело». *Март 1953*

Наталья Ивановна Даренская, домработница Василия Гроссмана и Ольги Губер. *1950-е*

Ольга Губер, Василий Гроссман, Мария Терентьева-Катаева, Фаина Школьникова, Дмитрий Катаев.

Москва, 1950-е

Сибирский кот Мишка, живший у Василия Гроссмана и Ольги Губер в 1950-е годы

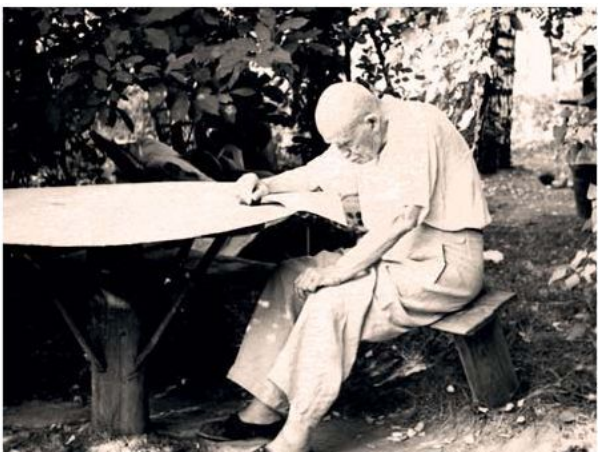
На даче. *1950-е*

С дочерью Катей. *1950-е*

На даче. *1950-е*

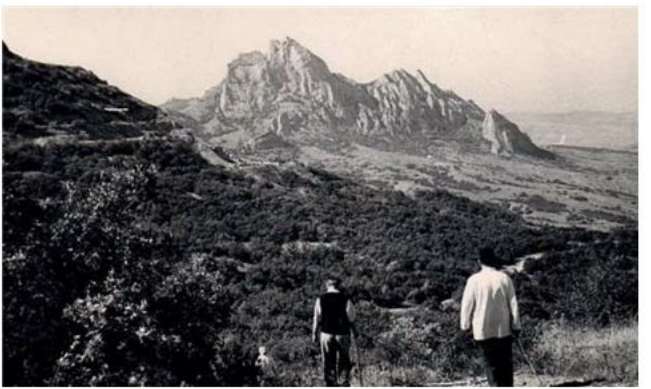
1950-е

Ольга Губер на даче. *1950-е*



Семен Осипович на даче. *1950-е*

В Крыму. *1950-е*



Василий Гроссман в Крыму, вид на гору Сюю-рю-Кая. *1950-е*

В Коктебеле. *1956*

Василий Гроссман в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина на выставке картин Дрезденской галереи, вывезенных после войны из Германии. *Москва, 30 мая 1955*

Екатерина Заболоцкая, Семен Осипович Гроссман, Василий Гроссман и Ольга Губер. *Москва, 1950-е*

Москва, 1950-е

Сухуми
1956

Абхазский писатель Баграт Шинкуба, Семен Липкин и Василий Гроссман. *Сухуми, 1956*

Шторм в Гагре. *22 ноября 1960*

Василий Гроссман и Рачия Кочар на фоне Эчмиадзинского кафедрального собора. *Армения, начало ноября 1961*

В ущелье горной реки Жоэквара. *Абхазия, 24 ноября 1960*

С переводчицей Асмик Таронян и армянскими детьми.

Конец 1961

С армянскими крестьянами. *Конец 1961*

В горах. *Армения, конец 1961*

На армянской свадьбе. *24 декабря 1961*

В Армении. *Конец 1961*

Невестка Василия Гроссмана Ирина Новикова во дворе дома на Беговой. *Москва, весна 1964*

Внучка Лена катается на велосипеде (на багажнике).

Москва, весна 1964

Последние фотографии Василия Гроссмана, во дворе дома на Беговой.

Москва, весна 1964